This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 05929088 6

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

259187

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

БЕСѢДА

V

МОСКВА
1871.

Digitized by Google

КНИГА V-я.—МАЙ. 1871 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ОТДѢЛЪ I.

Стран.

I.—ПРЕСТУПНИЦА.—Расказъ.—Ю. Ѳ. А—ъ 5

II.—ВОЗРОЖДЕНІЕ ГЕРМАНІИ И ФИХТЕ СТАРШІЙ.—А. Д. Градовскаго. 52

III.—ВЪ ВОДОВОРОТѢ.—Романъ. Часть третья, гл. I—VI.—А. Ѳ. Писемскаго 110

IV.—МЕЛКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЪ СВЯЗИ СЪ АРТЕЛЬНЫМЪ НАЧАЛОМЪ И ПОЗЕМЕЛЬНОЮ ОБЩИНОЮ.—А. И. Ч—ва. 188

V.—РУССКІЯ БЫЛИНЫ ВЪ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.—II.—Н. Д. Кваснина-Самарина . . 224

VI.—НОВѢЙШІЕ ИДЕАЛЫ ВОСПИТАНІЯ.—А. В....Е 245

VII.—КЛИМАТЪ ЗЕМЛИ ВЪ ПРОШЕДШЕМЪ.—А. Ѳ. Бредихина. 278

VIII.—ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАМА ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ДЕМОКРАТІИ.—N 310

IX.—ОЧЕРКИ СТАРОЙ СЕРБІИ.—Ѳ. М. Бацетича 340

X.—СОНЪ ЛЭДИ.—Стихотвореніе Томаса Гуда.—Переводъ Ѳ. Б. Миллера 397

ОТДѢЛЪ II.

I.—НОВЫЯ КНИГИ.—Наше отчизновѣдѣніе. Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности—Л. Костенко.—А. К. Завадскаго-Краснопольскаго . . 1

Полицейское право—И. Андреевскаго.—В. Н. Лешкова. 27

Иностранная литература: Zur bömischen geschichtschreibung — Fr. Palacky.—Wieder unser—B. Auerbach.—Bilder aus dem geistigen Leben unserer Zeit—J. Schmidt.—Friedrich der Grosse und die Vereinigten Staaten von Amerika — Fr. Kapp . . . 142

II.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I.—Городовое положеніе въ Россіи въ сравненіи съ городскимъ устройствомъ во Франціи, Англіи и Пруссіи. Кругъ занятій и предметы вѣдомства городскаго управленія. Первый періодъ приведенія въ дѣйствіе закона. Выборы и вліяніе ихъ на

Digitized by Google

БЕСѢДА

1871

Digitized by Google

Digitized by Google

БЕСѢДА

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

11177

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

Книга V. — Май

МОСКВА
И. Г. Соловьевъ. Страстной бульваръ
главная контора журнала

ВѢНА
C. Gerold u. Sohn

БЕРЛИНЪ, ЛОНДОНЪ
A. Acher & C°

НЬЮ-ІОРКЪ
E. Steiger

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
А. Ѳ. Базуновъ. Невскій проспектъ
главная контора журнала

Digitized by Google

259187

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°.
Большая Дмитровка, д. № 7.

Digitized by Google

ПРЕСТУПНИЦА.

Это было въ 6* году. Благотворительность входила уже въ моду; и въ провинціи, и въ нашемъ губернскомъ городѣ составлялись общества посѣщенія бѣдныхъ; создавались безплатныя и воскресныя школы, устраивались пріюты, богадѣльни и [illegible].

Губернаторъ, на одномъ изъ баловъ, даваемыхъ въ пользу еще долженствующей устроиться дѣтской больницы, предложилъ одной изъ мѣстныхъ аристократокъ заняться острогомъ и содержимыми въ немъ женщинами и дѣтьми. Аристократка ухватилась за эту мысль, какъ за нѣчто совершенно новое, оригинальное. Кузина ея, дѣвица лѣтъ сорока пяти, сидѣвшая подлѣ нея и старавшаяся дѣлать видъ, что она является въ обществѣ подъ покровительствомъ замужней старшей родственницы, хотя эта родственница была гораздо моложе ея, услыхавъ о предложеніи губернатора, припрыгнула даже на стулѣ отъ удовольствія, и обѣ онѣ поспѣшили предложить двумъ мимо проходившимъ дамамъ сотрудничать имъ. По правдѣ сказать, ни самъ губернаторъ, ни аристократка, ни ея будущія сотрудницы не сознавали ясно, что собственно требуется отъ патронокъ острога. Губернаторъ заговорилъ объ этомъ только потому, что было уже далеко за полночь. Онъ усталъ любезничать въ продолженіи вечера съ молодыми женщинами, за которыми очень усердно ухаживалъ, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, и, подсѣвъ къ аристократкѣ, женщинѣ не первой молодости, пользовавшейся репутаціей большой умницы, много читающей и интересующей-

Digitized by Google

ся всѣми серьезными вопросами, почувствовалъ, что ему нужно сказать ей что нибудь такое, что̀ бы свидѣтельствовало о томъ, что и онъ, губернаторъ, человѣкъ умный, интересующійся серьезными вопросами. Вотъ онъ и заговорилъ объ острогѣ, гдѣ былъ случайно утромъ на нѣсколько минутъ, и гдѣ его обдали такимъ запахомъ, отъ воспоминанія о которомъ онъ не могъ отдѣлаться даже среди благоухающей бальной залы. Аристократка имѣла дѣйствительно доброе сердце, и ей понравилось благодѣтельствовать человѣчеству на этомъ новомъ поприщѣ; а кузина ея, княжна Л., потому пришла въ такой неописанный восторгъ отъ предложенія губернатора, что недавно прочитала въ какомъ-то французскомъ журналѣ біографію Елизаветы Фрей, и съ особенною любовію остановилась на пріемѣ, сдѣланномъ ей, въ бытность ея въ Парижѣ, королевой Франціи; къ тому же, княжна была женщина религіозная, страстно любила читать проповѣди на иностранныхъ языкахъ и давно жаждала попробовать силу собственнаго краснорѣчія, на что ей теперь представлялся отличный случай. Она, тутъ же на балу, рѣшила, что будетъ объяснять заключеннымъ Священное Писаніе, и при этомъ случаѣ постарается смягчить ихъ сердца и внушить имъ, въ чемъ заключаются истинныя обязанности христіанина. Двѣ другія барыни, изъявившія готовность сопровождать въ острогъ ихъ сіятельства, были жены чиновниковъ, страстно желавшія попасть въ губернскія аристократки и ухватившіяся за этотъ случай, какъ за возможность стать въ близкія отношенія къ первой дамѣ города.

— Но, mesdames, вѣдь, намъ необходимо пригласить еще кого нибудь, говорила княгиня.—Нужно, чтобы въ понедѣльникъ ѣздили двѣ и въ четвергъ двѣ; между тѣмъ, какъ одна будетъ заниматься съ взрослыми, другая будетъ учить грамотѣ дѣтей. Я сама неспособна ни на то, ни на другое, и хотѣла бы только наблюдать за порядкомъ, направлять,—словомъ....

— Конечно, конечно! перебили ее.—Да вотъ m-lle R. не откажется. И всѣ направились къ m-lle R., старѣющейся дѣвицѣ, старавшейся изо всѣхъ силъ поддержать вѣру въ свою молодость посредствомъ постояннаго изображенія самой современной современности во всѣхъ ея рѣчахъ и поступкахъ.

Я, сидя не вдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ велись всѣ эти переговоры, вдругъ почувствовала непреодолимое желаніе примкнуть къ этому кружку, не потому, чтобы онъ мнѣ нравился (я его почти не знала тогда и оцѣнила только впослѣдствіи за об-

Digitized by Google

щимъ дѣломъ), не потому, чтобъ я надѣялась принести пользу меньшей братіи,—мнѣ просто вдругъ показалось ужасно любопытно поглядѣть на этихъ затворниковъ, послушать ихъ рѣчей, поприсмотрѣться къ ихъ житью-бытью. Я подошла къ дамамъ и предложила имъ свои услуги, какъ сверхштатная, обѣщая дѣлать все, что мнѣ придется по силамъ, и въ случаѣ нужды, замѣнять ту изъ нихъ, которой нездоровье или какія либо домашнія обстоятельства помѣшали бы явиться въ острогъ въ назначенный день. Предложеніе мое было принято съ удовольствіемъ, и въ первый же понедѣльникъ княжна заѣхала за мной, прося замѣнить m-lle O., взявшуюся заниматься съ дѣтьми, но страдавшую въ эту минуту флюсомъ. Я наскоро собрала кое-какія картины и книги моихъ дѣтей, и мы отправились.

Никогда не забуду я того страннаго, сжимающаго сердце чувства, которое охватило меня при первомъ знакомствѣ моемъ съ острогомъ. Мы ѣхали туда яснымъ февральскимъ утромъ (кажется, это было на первой недѣлѣ поста). Стояла оттепель, солнце ярко свѣтило, воробьи весело чирикали; на шоссе дорога уже почернѣла, но на поляхъ снѣгъ стлался еще бѣлой блестящею скатертью; въ городѣ всюду раздавался колокольный звонъ, призывавшій къ обѣднѣ; все было какъ-то весело, празднично, точно радовалось первому вѣянію весны и вызывало добрыхъ людей на свѣжій воздухъ. Проѣхавши заставу, мы оставили шоссе и черезъ двѣ минуты карета наша, съ трудомъ протащившаяся нѣсколько шаговъ по глубокому снѣгу плохо наторенной дороги, остановилась у воротъ тюремнаго зáмка. Мы показали наши пропускные билеты; солдатъ впустилъ насъ во дворъ и поспѣшилъ запереть за нами дверь. При входѣ въ самый острогъ, насъ встрѣтилъ смотритель, видимо, предувѣдомленный о нашемъ пріѣздѣ и весьма недовольный этимъ новымъ непрошенымъ контролемъ. Онъ ввелъ насъ по лѣстницѣ, отворилъ дверь въ коридоръ, раздѣлявшій все женское помѣщеніе на двѣ половины, и пригласивъ взойти, принялся тщательно запирать на замокъ наружныя двери. Затѣмъ онъ провелъ насъ въ одну изъ камеръ, преобразованную, по распоряженію начальства, въ класную комнату. Объ этомъ ея назначеніи ясно свидѣтельствовали двѣ большія черныя доски, поставленныя по угламъ ея, и нѣсколько кусковъ мѣлу и губки, покоившихся на чисто вымытыхъ нàрахъ. Мы сняли свое теплое платье. Смотритель засуетился, не зная, какъ получше положить синій бархатный салопъ княжны, и за-

Digitized by Google

тѣмъ, превратившись весь въ выраженіе глубокаго почтенія, спросилъ, что̀ имѣетъ приказать теперь ея сіятельство. Княжна выразила желаніе пройти сперва по всѣмъ женскимъ комнатамъ, чтобъ ознакомиться съ людьми, съ которыми мы будемъ имѣть дѣло. Мы отправились. Смотритель шелъ впереди и поочередно открывалъ двери камеръ, въ которыхъ насъ всюду встрѣчалъ все тотъ же ужасный запахъ, заставлявшій княжну поминутно подносить къ носу свой раздушенный батистовый платокъ,—все тѣ же на́ры, заваленныя грязными подушками и еще грязнѣйшимъ тряпьемъ,—все тѣ же женскія фигуры, облеченныя въ неуклюжее острожное платье, съ понурыми головами, съ выраженіемъ на лицахъ какого-то недоумѣнія и гнетущей скуки. Онѣ не радовались нашему приходу, не негодовали на насъ; онѣ не удостоивали даже своего любопытства насъ, пришельцевъ изъ другаго, свободнаго міра. Имъ все было равнодушно. Онѣ кланялись намъ какъ-то форменно, точно говорили: что же, посмотрите на насъ, да и проходите скорѣй: вамъ здѣсь не мѣсто! По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, у меня на душѣ становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Мнѣ было почему-то неловко, совѣстно, точно мы ворвались сюда непрошеными гостями, навязываемъ людямъ какую-то новую пытку, да еще, пожалуй, воображаемъ, что эти люди пустятъ насъ въ свой сокровенный внутренній міръ, и мы будемъ чему-то поучать, въ чемъ-то утѣшать ихъ. И съ какого права мы беремся за это?.. Развѣ мы лучше ихъ? думалось мнѣ.—И развѣ, для предотвращенія зла, *здѣсь* надобно дѣйствовать, гдѣ люди сидятъ, уже переживши жизнь и испортивши ее себѣ до непоправимости? Да еслибъ и можно было кого нибудь исправить, кого нибудь утѣшить,—гдѣ взять на это силы и умѣнья? Развѣ мы знаемъ, какъ подойти къ этимъ людямъ, знаемъ ихъ нужды, страсти и желанія, знаемъ ихъ языкъ и образъ жизни,—мы, вѣчно живущіе отъ нихъ такъ далеко, что почти такъ же мало имѣемъ съ ними общаго, какъ съ людьми совершенно чуждыхъ намъ, отдаленныхъ странъ? Я тутъ же рѣшила, что возьму на себя только занятія съ самыми маленькими ребятами, дѣтьми лицъ, отправляемыхъ на поселеніе, и содержимыми въ острогѣ вмѣстѣ съ родителями до поры до времени. Дѣтей этихъ мы застали всѣхъ съ матерями въ двухъ особыхъ камерахъ, воздухъ въ которыхъ былъ еще невыносимѣе; но все же у нихъ было свѣтлѣе и привѣтнѣе. Дѣти и здѣсь оставались дѣтьми. Нашъ приходъ

Digitized by Google

на минуту смутилъ ихъ; но не успѣли мы перекинуться съ женщинами двумя, тремя ласковыми словами по поводу ихъ грудныхъ ребятъ, какъ во всѣхъ концахъ комнаты зазвенѣлъ дѣтскій смѣхъ и говоръ; русыя головки, съ открытыми отъ удивленія устами, стали высовываться изъ-подъ наръ, появляться изъ-за юбокъ матерей; и затѣмъ, освоившись немного съ доселѣ невиданными гостями, дѣти безъ церемоніи стали брать насъ за руки, разсматривать наши кольца, ловить насъ за платье,—словомъ, распоряжаться съ нами, какъ со старыми добрыми знакомыми, съ которыми имъ хотѣлось бы поиграть. Мнѣ показалось, что княжна почувствовала себя очень облегченной, когда я избавила ее отъ всѣхъ этихъ проявленій вновь возникавшихъ симпатій, предложивши дѣтямъ идти въ класную комнату. Они весело и довѣрчиво побѣжали за мной, и мы, для перваго знакомства, въ продолженіи всего времени, что̀ княжна занималась со взрослыми, разсматривали картинки, расказывали сказки, играли въ разныя игры. Я, впрочемъ, и впослѣдствіи не учила ихъ. Они учились у тѣхъ двухъ дамъ, которыя исключительно взялись заниматься этимъ дѣломъ и, дѣйствительно, дѣлали его хорошо. Я же, какъ сказала выше, начала ѣздить сюда, движимая непреодолимымъ любопытствомъ ознакомиться съ этимъ доселѣ невѣдомымъ мнѣ міромъ, и теперь продолжала только присматриваться и прислушиваться ко всему, стараясь никому не мѣшать. Много интересныхъ лицъ видѣла я тамъ, много обрѣла симпатій, за которыя сама платила горячею симпатіей, но не объ этомъ теперь рѣчь. Мнѣ хочется только расказать здѣсь исторію одной женщины, которая не сразу бросилась мнѣ въ глаза, но, при ближайшемъ съ нею знакомствѣ, возбудила во мнѣ не только искреннее участіе, но и глубокое удивленіе. Женщину эту звали Ариной. Она была крестьянка одного изъ большихъ селъ Б—го уѣзда и содержалась въ острогѣ за воровство. Все это я узнала отъ другихъ женщинъ, которыя расказали мнѣ объ этомъ не съ цѣлью посплетничать или назлословить, а такъ, какъ-то къ слову пришлось. Не знаю, любили ли Арину? Она держала себя какъ-то сдержанно, особнякомъ; я не помню, чтобъ я когда нибудь видѣла ее *разговаривающею* съ кѣмъ нибудь. Съ какимъ-то тихимъ, спокойнымъ участіемъ выслушивала она то, что сообщали ей другіе о своихъ нуждахъ и заботахъ, и отвѣчала ласково; но сама, кажется, ни съ кѣмъ не разговаривала. Всѣ женщины въ острогѣ уважали ее и постоянно выбирали ее

Digitized by Google

въ старостихи; а мущины не только не позволяли себѣ относительно ея никакихъ неумѣстныхъ выходокъ, но даже при ней и съ другими бабами не смѣли заигрывать. Это я слышала отъ тѣхъ же женщинъ, которыя при этомъ случаѣ расказали мнѣ, что съ осени поступилъ въ острогъ дворянинъ, который Аринѣ сначала было прохода не давалъ, все на любовь склонить старался; но съ чѣмъ пріѣхалъ, съ тѣмъ и отъѣхалъ, говорили, смѣясь, бабы. Арина не была особенно красива. Ей было, можетъ быть, 23—24 года. Она была высокая, статная женщина, съ хорошо развитою грудью, довольно большими, но красивыми руками, тонкими каштановыми волосами, гладко причесанными спереди и спрятанными подъ бѣлымъ платкомъ, которымъ она всегда повязывалась. Блѣдная, похудѣлая, утомленная затворническою жизнію, съ усталымъ взглядомъ большихъ сѣрыхъ глазъ и тонкими губами, почти никогда не раскрывавшимися улыбкой, она казалась и старше своихъ лѣтъ, и какъ-то надломленной; но стоило вообразить себѣ ее на свободѣ, при сколько нибудь благопріятной обстановкѣ, и вы чувствовали, что она тотчасъ должна была преобразиться въ сильную, мощную женщину, которая потребуетъ отъ жизни и труда и наслажденья. Она, впрочемъ, и въ острогѣ старалась не сидѣть безъ дѣла, и я въ первый разъ видѣла ее оживленною въ тотъ день, когда мы пріѣхали въ острогъ съ благодатной вѣстью, что губернаторъ разрѣшилъ дать всѣмъ женщинамъ въ острогѣ все нужное для шитья и вязанья. Оказалось, что Аринѣ хорошо было знакомо то и другое, и она тотчасъ вызвалась заправлять всѣмъ и обучать тѣхъ, которыя никогда не занимались такою работой. Я часто встрѣчалась въ острогѣ съ Ариной, иногда случалось перекидываться съ нею словомъ, двумя; я угадывала въ ней недюжинную натуру, но это-то и мѣшало нашему сближенію: я еще съ большею робостью относилась къ ней, чѣмъ къ другимъ острожнымъ, а она сторонилась отъ меня, думая, быть можетъ, что я не съумѣю отличить ее отъ другихъ. Однажды, кажется, это было на четвертой или пятой недѣлѣ поста, въ то время, какъ я сидѣла на нарахъ, окруженная десяткомъ ребятъ, жадно слушавшихъ какой-то расказъ о далекой, невѣдомой имъ странѣ,—дверь тихо скрипнула, и на порогѣ показалась Арина. Она спокойно подошла къ намъ и попросила позволенія послушать. Я пригласила ее сѣсть и продолжала свой расказъ. Я показывала дѣтямъ картину, изображавшую видъ Италіи, и по этому поводу говори-

Digitized by Google

ла объ Италіи, расказывала объ ея климатѣ, о великолѣпной растительности, о вѣчно голубомъ небѣ, о благоухающихъ померанцевыхъ рощахъ, о великолѣпныхъ плодахъ, о прекрасномъ морѣ съ его синими, прозрачными волнами, и тутъ же вплетала исторіи о разныхъ дѣтяхъ, живущихъ въ этихъ странахъ. Дѣти слушали съ видимымъ удовольствіемъ; даже Арина удостоила расказъ мой своимъ вниманіемъ и дослушала его до конца, не сводя съ меня глазъ. Когда я кончила, она спросила меня: «Что же, людямъ тамъ хорошо жить?» и, не дождавшись отвѣта, прибавила: «Все, чай, то же, что и у насъ. Есть богатые и бѣдные, ученые и неученые, умные и глупые, счастливые и несчастные». Я должна была отвѣтить утвердительно. «То-то, сказала она:—вотъ и хорошую страну Богъ создалъ, а зло-то все, видно, отъ людей, а люди-то, видно, вездѣ все тѣ же».

Меня поразило замѣчаніе Арины,—такъ она все это говорила просто, сознательно и въ такихъ выраженіяхъ, какими не говорятъ простыя крестьянки. Она помолчала съ минуту; но между тѣмъ, какъ я завязывала глаза одному мальчугану для начинавшихся жмурокъ, спросила меня, не могу ли я научить ее писать. Читать-то, говорила она, она давно научилась, когда ей было лѣтъ четырнадцать, и теперь можетъ читать и понимать все прочитанное; но писать ее никогда порядкомъ не учили, а ей кажется, что это ей очень могло бы пригодиться. Просила она тѣхъ барышень, что учатъ грамотѣ ребятъ, да онѣ отказались, такъ какъ съ ней надо заниматься отдѣльно. Это собственно и послужило къ нашему сближенію, приведшему насъ скоро къ такой интимности, которая въ одинъ прекрасный день развязала мой языкъ до того, что я осмѣлилась спросить, какимъ образомъ могло случиться, что такая женщина, какъ она, попала въ острогъ за воровство. Вопросъ этотъ, не смотря на наши хорошія отношенія, видимо озадачилъ ее. Щеки ея зардѣлись, и она поглядѣла на меня какъ-то укоризненно; но, скоро оправившись отъ перваго смущенія, отвѣтила мнѣ: «Что же, вамъ я бы расказала, пожалуй, если вамъ хочется знать; кстати и вы бы мнѣ сказали, какъ, по-вашему, хорошо ли я это сдѣлала или нѣтъ; только, вѣдь, не зная всей моей жизни, вамъ ужь это очень чудно покажется».

—Такъ ты раскажи всю жизнь съ самого дѣтства, просила я, еще болѣе заинтересованная проступкомъ моей странной подруги;—мнѣ интересно будетъ послушать, и тебѣ, можетъ быть, пріятно будетъ вспомнить прошлое, дѣтство, молодость.

Digitized by Google

— Мало отъ нихъ радости-то было, перебила меня Арина:—кто круглою сиротой растетъ, тому трудно на свѣтѣ живется; а я своихъ родителей и не помню. Да извольте, я раскажу вамъ все по порядку, коли вамъ слушать не скучно.

И она расказала мнѣ слѣдующее, конечно, не въ той послѣдовательности, въ которой передаю расказъ я,—послѣдовательности, невозможной при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ намъ приходилось бесѣдовать. Хотѣлось бы мнѣ передать тотъ языкъ, которымъ говорила Арина, расказывая о событіяхъ своей жизни и своихъ ощущеніяхъ. Не знаю, удастся ли это.

I.

Мнѣ пошелъ только пятый годъ, когда на одной недѣлѣ померли мои батюшка и матушка. У насъ на селѣ только-что появилась холера. Было это лѣтомъ, въ самую страдную пору. Матушка занемогла съ утра. Ни отцу, ни старшему братишкѣ моему некогда было оставаться при больной; да она, можетъ, и не думала, что ей ужь такъ очень плохо станетъ. Все село спѣшило въ поле убирать хлѣбъ; уѣхали и они, оставивъ меня при матушкѣ. Когда они вернулись вечеромъ, они застали меня въ сѣняхъ; я играла съ любимою своей кошкой и сказала, что мать давно уже спитъ. Они взошли въ избу и нашли ее мертвою. Все это мнѣ расказывала моя тетка, Дарья, къ которой отецъ отвелъ меня тотчасъ послѣ похоронъ матушки, прося ее оставить меня у себя, хоть на время, а то онъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать съ такимъ малымъ ребенкомъ, да еще въ рабочую пору. Къ вечеру того же дня занемогъ и онъ; а черезъ день и его снесли на погостъ и положили рядомъ съ матушкой. Братишку моего баринъ приказалъ взять во дворъ, а потомъ отправилъ въ городъ въ ученье. А я такъ и осталась у тетки.

Тетка моя была не злая женщина, говорила Арина, не била она меня, не тиранила; только бѣдна она была сердечная. Мужъ непутевый ей какой-то попался; семья большая, такъ не до меня ей было: своихъ горей не перегорюешь, а тутъ еще я навязалась. Своихъ дѣтей кормить почитай что нечѣмъ, а тутъ еще чужой ротъ ѣсть проситъ. Ну, бывало, посадитъ она насъ за столъ, щи или молоко хлѣбать, и наровитъ чашку-то поставить такъ, чтобы своимъ дѣтямъ поближе, а мнѣ подальше было. Пока я съ своей-то ложкой къ чашкѣ дотянусь, а ея дѣти по

Digitized by Google

два, да по три раза зачерпнуть и въ ротъ положать. Что же дѣлать, я теперь ее въ этомъ не виню, а тогда... куда какъ мнѣ это горько бывало. Случалось тоже, что придетъ дядя домой хмѣльной, на насъ, ребятъ, не вѣсть за что, накинется. Она своихъ-то наровитъ скорѣй убрать, да припрятать, а я одна и оддувайся за все, про все. Какъ уймется дядя, завалится спать, позоветъ это меня тетка, станетъ утѣшать: «Ты, молъ, не печалься, не обижайся, Арина! Вѣдь онъ все же кормилецъ твой, безъ него ты бы съ голоду поколѣла». И что она больше говоритъ, то я больше плачу. «У! бывало, скажетъ тетка,—окаянная, и лаской-то ее не уймешь!» А я такъ думаю: Господи! какая же это ласка: дядя меня обругалъ, тетка то и дѣло кускомъ хлѣба попрекаетъ, да еще дивится, что я плачу.—Глупа я была тогда, не понимала, что не съ радости и они-то это дѣлаютъ. И дядя пьетъ съ горя, что никакъ не справится: семья большая, дѣти все мелюзга, оброкъ такой, что не уплатишь его, чтобы коровку или лошадь со двора не свести; а теткѣ и вовсе жить тошно приходится.

Такъ и жила я у нихъ. Зиму трудно мнѣ было. Няньчу, бывало, теткиныхъ ребятъ, а подростать стала, въ хозяйствѣ подсобляю: и воду и дрова таскаю, и бѣлье на рѣкѣ мою, все вмѣстѣ съ теткой. Ея старшія дѣвочки попримерли еще до меня, и была я у нихъ старшая дѣвочка въ дому тогда. А на бѣду, что ни годъ, тетка приноситъ ребенка; да бывало, какъ дѣло-то это случится зимой или осенью, она, бѣдная, болѣетъ, болѣетъ, и конца этому нѣтъ; а между тѣмъ все лежитъ на мнѣ: какъ знаешь, такъ и справляйся. А была я такая маленькая, да щедушная, что, кажется, кабы не довелось мнѣ на другую жизнь попасть, я бы и въ вѣкъ не выросла. Лѣтомъ мнѣ было много лучше жить. Тетка отдавала меня въ наймы—барскую птицу стеречь, и я, бывало, цѣлыми днями сидѣла за огородами съ младшимъ изъ теткиныхъ ребятъ, котораго мнѣ все-таки приходилось няньчить; и тутъ-то мнѣ была воля вольная: никто меня не бранитъ, никто не попрекнетъ. Сижу я себѣ одна на вольномъ воздухѣ, на зеленой травѣ: кругомъ все цвѣтетъ; заплачетъ ребенокъ,—я ему цвѣточковъ нарву, или на птицъ стану показывать,—онъ какъ разъ и займется и ревѣть перестанетъ; а заснетъ онъ, лягу я возлѣ него, гляжу въ небо: такъ-то тамъ ясно, да хорошо, что, кажется, вѣкъ бы глядѣла, не наглядѣлась. Случалось, правда, что, забывшись, не досмотрю за своимъ стадомъ, да какъ-то Богъ миловалъ: большихъ бѣдъ

Digitized by Google

не было, а за малыя господа не взыскивали. Добрые они были, наши господа-то. Бывало, маленькія барышни придутъ ко мнѣ на лугъ, гусенятокъ посмотрѣть: онѣ ихъ очень любили. Поймаю я имъ ихъ, посажу на ручки, а они-то радуются, смѣются, точно и не вѣсть что увидали. Потомъ оботрутъ ручки платочками, поблагодарятъ онѣ меня, иной разъ дадутъ бубликъ или пряникъ. Только, если когда до меня дотронутся, то опять вытрутъ ручки, и пойдутъ себѣ чинно съ своей няней нѣмкой домой. И такія онѣ были хорошенькія, да нарядныя, и такъ онѣ ласково разговаривали, что я бывало только смотрю имъ вслѣдъ, да думаю: Господи, хоть бы мнѣ одинъ денекъ побыть барышней, поносить такое платье, пожить въ такихъ хоромахъ! Кругомъ у нихъ садъ; въ саду прудъ съ серебряными рыбками; я какъ-то сама видѣла, какъ барышни кормили ихъ бѣлымъ хлѣбомъ, когда насъ, ребятъ, позвали разъ туда грядки съ цвѣтами полоть. И какъ въ то время барыня пѣла и на какомъ-то инструментѣ играла, такъ этого я въ вѣкъ не забуду. Послѣ мнѣ батюшка попъ объяснилъ, что это арфа была, такая, на какой царь Давидъ игралъ. Вотъ такъ-то, бывало, идетъ лѣто; а какъ станетъ все вянуть на лугу, какъ потянетъ паутина по полямъ и садамъ, пойдутъ утренники, или зарядитъ дождикъ, такой холодный да частый, что всю, бывало, до костей пронизываетъ,—встоскуется мое сердце: чуетъ оно, что опять скоро запрутъ меня какъ птицу въ клѣтку, не плоше моихъ гусей да индюшекъ, которыхъ я все лѣто стерегла. Иной разъ сижу я такъ-то, гляжу на нихъ,—и ихъ-то мнѣ станетъ до смерти жалко. Я-то, думаю, хоть жива буду, опять весны дождусь, опять сюда приду, а васъ, бѣдненькихъ, и половины не останется,—всѣхъ сварятъ да изжарятъ, и скушаютъ господа на здоровье.—Такъ жила я годъ за годъ и дожила, наконецъ, до такой зимы, что и сама было пропала не хуже какого утенка. Было ужь мнѣ, знать, лѣтъ тринадцать. Пришла опять осень; разгоревалась я о томъ, что опять приходитъ конецъ моей жизни привольной; да и не одна я въ тотъ годъ встрѣчала горемъ зиму. Лѣто было жаркое прежаркое, засуха стояла съ самаго вешняго Николы и вплоть до Ильина дня такая, что все повысохло да повымерло и на поляхъ и въ огородахъ. А въ самый Ильинъ день, какъ пошла гроза, какъ полилъ дождь, такъ безъ перемежки и лилъ онъ недѣли, знать, три или четыре, такъ что чего солнышко не доняло, то дождемъ погноило, и осталось все село какъ есть не при чемъ. Подошелъ Покровъ;

Digitized by Google

не играютъ у насъ на селѣ свадебъ, не услышишь нигдѣ пѣсни веселой. Всѣ хозяева ходятъ понурые, невеселые. Кто позаботливѣе, расчитываетъ какъ-бы зиму зимскую семью да скотину прокормить; кто спѣшитъ лишнюю скотину продать да закупить хлѣбца, пока его не пріѣли такъ, что и цѣны ему не будетъ; кто собираетъ ребятъ своихъ да лошадокъ въ извозъ. Тутъ воютъ бабы и по скотинѣ, и по ребятамъ, а мужики ходятъ, ругаются,—и не подступайся къ нимъ. А иной глядитъ, глядитъ, смышляетъ, смышляетъ, видитъ—ничего не подѣлаешь, пойдетъ, да и продастъ что ни есть изъ послѣдняго, и днюетъ и ночуетъ въ кабакѣ, а жена дома слезами обливается и не придумаетъ, какъ съ этакимъ горемъ быть. Запилъ, было, и мой дядя, да пришлось скоро опомниться. Съ вина, или съ простуды, только свалила его горячка, и тутъ пошелъ у насъ такой кавардакъ, что не приведи Господи! Дядя лежитъ все время безъ памяти, теткѣ отойти отъ него нельзя; все онъ рвется, все съ чертями сражается, того и гляди кого нибудь изъ своихъ ребятъ на смерть зашибетъ. Ѣсть въ дому почти что нечего. Было у насъ ржицы маленечко, да и ту некому на мельницу смолоть свезти. Вотъ и посылала меня тетка побираться. Пошла я. Боязно мнѣ какъ-то сначала было; да что же, думаю, они меня сколько годовъ кормили,—надобно же и мнѣ имъ послужить. И ходила я каждый день то въ ту, то въ другую изъ сосѣднихъ деревень, и никогда съ пустыми руками не ворочалась домой. Въ нашей сторонѣ народъ душевный, добрый; да опять и знали всѣ—сирота я круглая. Лучше всего подавали мнѣ на мельницѣ. Бывало, мельничиха, Анна Трофимовна, и хлѣба отрѣжетъ, и копѣечки двѣ дастъ, да еще меня щами или лепешками накормитъ, да и ласково таково говоритъ, пока я сижу съ ней,—все распрашиваетъ, все утѣшаетъ. Такъ прошла вся осень, а у насъ въ дому ничего не лучшаетъ. Дядя было поднялся, да съѣздилъ за дровишками, и опять свалился; и такъ-то ему стало плохо, что видитъ тетка—конецъ его приходитъ. Плакала она, плакала, просто и ума не приложитъ, что теперь дѣлать. До городу далеко, и думать нечего дядю къ лѣкарю везти: онъ, пожалуй, на дорогѣ помретъ. Лечила прежде барыня, что жила верстахъ въ пяти отъ насъ, да уѣхала въ тотъ годъ отъ мужа къ матери: очень ужь мужъ-то тиранствовалъ надъ ней. Думала, думала тетка, призвала меня къ себѣ и говоритъ: «Арина, сходи-ка ты къ Аннѣ Трофимовнѣ, спроси, нѣтъ ли у нея какого ни на есть снадобья для дяди-то. Она баба добрая: авось

Digitized by Google

съ ея легкой руки и отляжетъ ему». Натянула я свой драный полушубокъ, увязалась платчишкомъ, по привычкѣ, надѣла и суму свою нищенскую и пошла. Было это подъ вечеръ, подъ самаго зимняго Николу. Морозъ не такъ чтобъ очень сильно дралъ, ну, а вѣтерокъ былъ таки порядочный и снѣжокъ порошилъ. Вышла я за околицу, смотрю,—деретъ и понизу, мятель начинается. Ну, думаю, три версты недолго отбѣжать; мнѣ-жь эта дорога извѣстна, что̀ свое село,—какъ разъ тамъ буду; а оттолева, можетъ, мельничиха или сама поѣдетъ, меня подвезетъ, или хоть работницу пошлетъ, чтобы растолковала теткѣ какъ что дѣлать съ дядей: все мнѣ не одной придется въ потемкахъ брести. Иду я, думаю такъ-то, а все темнѣе, да темнѣе становится; а вѣтеръ такъ и гудетъ, такъ и вьетъ. Боязно мнѣ таково стало, а снѣгъ-то вдругъ хлопьями какъ повалитъ, даже глаза застилаетъ. Иду я, иду,—глядь, анъ и сбилась съ дороги. Чувствую, подъ ногами-то у меня не твердо: что ни шагъ ступлю, все вязну; одну ногу вытащу, другая, словно въ провалъ какой, оборвется. Билась я такимъ манеромъ, билась, а все съ мѣста, словно, не двигаюсь. Измучилась я совсѣмъ, изъ силъ выбилась. Сѣла и принялась я кричать. Куда ты!... Вѣтеръ-то такъ голосенокъ мой и глушитъ и относитъ; да самъ какъ завоетъ, завоетъ,—словно стая цѣлая волковъ голодныхъ по полямъ рыщетъ. Встала я опять, стала всматриваться, куда теперь идти, и покажись мнѣ далеко, далеко огонекъ. Ну, думаю, нечему это больше быть, какъ мельницѣ! Пойду на огонь, авось добреду.—Пошла я, и все смотрю на огонь тотъ, глазъ съ него не спускаю, и не страшно ужь мнѣ,—словно я издали добраго человѣка завидѣла. Пробродила я этакъ еще съ полчаса; гляжу я — плетень передо мной. Матушки! думаю, это я вмѣсто того, чтобы къ плотинѣ выйти, очутилась у огорода, что̀ за мельницей. Ну ужь, думаю, благо мѣсто признала, а теперь; такъ-не такъ, а попаду въ избу. Только это я подумала, да хотѣла перешагнуть черезъ плетень,—а онъ низкій такой, съ обѣихъ сторонъ его снѣгомъ завалило,—и оборвалась я въ самый этотъ снѣгъ, да такъ по поясъ въ немъ и усѣлась. Билась, билась опять, никакъ не вылѣзу, можетъ, часовъ побольше трехъ промаячилась по полю-то,—а силы-то еще какія были!.. Ну, наконецъ, вижу—не вылѣзти мнѣ отсюда одной, хоть я до смерти замучься. И стала я опять звать; думаю, авось на мельницѣ кто услышитъ, а то вѣдь до утра-то замерзну тутъ. Сначала не слыхать мнѣ было ничего, кромѣ своего собственнаго го-

Digitized by Google

лоса, а тамъ послышалось мнѣ, будто собаки залаяли,—все ближе, да ближе, все громче, да громче. Ну, думаю, какъ это работникъ или мельникъ идетъ съ ними, такъ и слава Богу; ну, а коли бѣгутъ онѣ однѣ, что я буду дѣлать? А псовъ этихъ мельничныхъ я знала: злыя, презлыя были собаки. Слышу я, какъ это онѣ приближаются, а сердце-то бьется у меня, словно выскочить хочетъ; и рванусь я опять,—все изъ снѣгу-то мнѣ выбраться хочется, чтобы хоть бѣжать можно было, и все больше ухожу я въ него. Вдругъ вижу, несутся собаки ужь близехонько, и прямо на меня. Пропала, думаю, моя головушка; нѣтъ съ ними никого! И уткнула я голову въ снѣгъ,—думаю, чтобъ хоть прямо въ лице не вцѣпились по крайности. Налетѣли онѣ на меня, рванули за платокъ, рванули за полушубокъ. Съ перваго-то разу до тѣла не прокусили. А тутъ, какъ одна накинулась мнѣ на плечо, такъ и выхватила кусокъ; у меня до сихъ поръ, на томъ мѣстѣ, точно вмятинка есть,—такъ я и не помню, что со мной послѣ того было: боль-то была, знать, нестерпимая, да и испугалась-то я ужь очень. Только сначала-то еще помню, точно сквозь сонъ все казалось, что рѣжутъ меня на куски, а покойница матушка стоитъ, плачетъ, да причитаетъ надо мной, какъ по покойникѣ; а затѣмъ ужь и памяти въ головѣ никакихъ не стало.

Когда опомнилась я, гляжу,—ужь я въ горницѣ, и мельничиха и мать-попадья изъ Болгаръ стоятъ надо мной. Мельничиха привязываетъ мнѣ что-то на тряпкѣ къ плечу, а мать-попадья такъ рѣкой и льется, глядя на меня. Увидѣли онѣ, что открыла я глаза, обрадовались, стали кликать мельника,—что, молъ, теперь съ ней дѣлать? «Что, говоритъ, дѣлать?—Отогрѣйте, накормите, уложите спать, да и благодарите Бога, что она отошла, а то бы намъ съ полиціей и во вѣки вѣковъ не развязаться. И дуракъ этотъ Гаврила! Видитъ, дѣвка мертвая, а онъ ее на мельницу волочетъ».—«Такъ куда же ее дѣвать-то было? осерчала на него мельничиха. Что-жь, собакамъ ее бросить? Дай-ка я твою любимицу, Катьку, брошу». Замолчалъ мельникъ. И мельничиха да попадья что меня ни спрашивали, ничего не могла я имъ сказать: хочу слово-то вымолвить, а зубы-то у меня такъ и застучатъ, такъ и застучатъ. Слышу я, что онѣ говорятъ, а сама, хоть убей, ничего не выговорю. Побились, побились онѣ со мной, пропустили мнѣ въ ротъ ложки три чаю съ водкой, покрыли тулупомъ,—пускай, молъ, соснетъ. А мнѣ не до сна: какъ стану глаза заводить, опять вижу, что я въ полѣ, опять снѣгъ валитъ, опять собаки на меня несутся,

Digitized by Google

опять меня на куски рѣжутъ, и мать покойница воетъ надо мн
Такъ промаялась я до утра. Утромъ слышу, сѣли мельничиха
попадьей чай пить, а хозяинъ вышелъ на мельницу. Стали о
разговаривать, что теперь со мной дѣлать; что работникъ, кот
рый пріѣхалъ на лошади за матерью-попадьей, сказывалъ, что дя
мой за ночь Богу душу отдалъ; что рапехонько присылали спр
сить отца Ларіона, когда будетъ хоронить можно.

— Куда это Дарья, бѣдная, теперь со всѣми ребятами одна дѣл
ся, и ума не приложу, говорила мельничиха;—а тутъ еще э
бѣдняга!... Ну, ей-Богу же, кабы не Игнатъ Тимоѳеичъ, я бы
задумалась, у себя бы оставила ее, хоть у меня у самой восьме
ребятъ: очень ужь дѣвочка понятливая, да смирная. Ну, а Игна
Тимоѳеича не урезонишь. Онъ все боится, что семья съ голод
подохнетъ, а живемъ, кажется, слава Богу.

— Развѣ мнѣ ее взять? отозвалась мать-попадья. Мой Саша-
маленькій, уходъ за нимъ нуженъ, а у меня все грудь болитъ;
его иной день и поднять съ полу не могу. Вотъ уѣдетъ мамень
домой, мнѣ не миновать, чтобы няньку нанять.

— Ну, вотъ и впрямь возьмите, обрадовалась мельничиха.—
Вамъ Господь сторицею воздастъ.

Такъ на томъ и порѣшили, что посовѣтуется мать-попадья с
отцемъ Ларіономъ, а меня пока мельничиха оставитъ у себя,
то вѣдь и везти-то какъ меня, всю израненную!—Такъ прожи
я на мельницѣ почитай-что до самой масляницы; не заживали м
плечи, да и все тутъ. Ужь разъ какъ-то поѣхалъ Игнатъ Тим
ѳеичъ въ городъ, да привезъ изъ аптеки какой-то примочки,—н
отъ нея и стало помаленьку затягивать.

О дядѣ я не плакала въ ту пору, какъ узнала, что онъ п
меръ: не до него мнѣ было; а какъ пришла ко мнѣ, недѣль, знат
черезъ пять, тетка, да посмотрѣла я на нее,—такое меня го
взяло, что и сказать не могу. Ужь я въ ту пору знала, что отец
Ларіонъ согласился взять меня къ себѣ, а тутъ чуть было в
рѣшилась опять къ теткѣ, да она, спасибо, сама не захотѣла
«Нечего, говоритъ, тебѣ себя счастья лишать: мнѣ ты не пом
жешь, а только вмѣстѣ голодать будемъ. А я такъ рѣшаюсь, чт
хочу просить господъ взять меня съ дѣвочками на скотную,
мальчишекъ опредѣлить въ какое либо рукомесло,—какіе они ра
ботники въ полѣ: одному десять, а другому одиннадцать лѣтъ
Когда ихъ дождешься?» Такъ и простилась я съ теткой, прости
лась скоро и съ Анной Трофимовной, и переѣхала въ Болгары к
отцу Ларіону.

Digitized by Google

Господи, что это за рай представился мнѣ тамъ! Домикъ на горѣ, недалеко отъ церкви, а церковь такая красивая, новая, кругомъ обсажена липками да сиренью. Передъ домикомъ двѣ большія липы, а подъ ними лавочка. Дворъ чистенькій, уютный, а за нимъ огородъ и въ огородѣ не однѣ грядки, а и всякія деревья фруктовыя, и баня маленькая стоитъ, окнами въ огородъ выходитъ, а крылечкомъ во дворъ. Въ домикѣ чисто, уютно, на окошкахъ занавѣски коленкоровыя, горшки съ цвѣтами, а на верху окна клѣтка виситъ, и въ ней желтая птичка—канарейкой зовутъ—такъ и заливается. Мать-попадья ласковая, сыночекъ ея точно херувимчикъ, что у насъ въ церкви на царскихъ вратахъ нарисованъ. Батюшка-попъ тоже не пьетъ, не ругается, все такъ важно, да чинно дѣлаетъ; только любитъ, чтобъ его слушались, да пошевеливались, когда онъ что прикажетъ. Привезли меня къ нимъ въ суботу, сводила меня ихъ работница въ баню, одѣли меня въ новое платье, которое мнѣ дала на прощанье мельничиха, расчесали мнѣ волосы на двѣ косы и привели меня въ горницу. Мать-попадья пила чай съ батюшкой, налила и мнѣ чашку и велѣла сѣсть пить подлѣ лежанки. «А напьешься, говоритъ мать-попадья, такъ ляжешь спать вонъ тамъ въ передней на ларѣ,—онъ ковромъ покрытъ, да еще войлоченъ для тебя припасла, чтобы помягче было, и подушечку приготовила, и простынку тебѣ старенькую дамъ; только вотъ одѣяла изъ лоскутковъ не успѣла собрать: ужь вмѣстѣ собирать станемъ; а пока пальтишкой покройся». А я пью, слушаю, и словъ-то всѣхъ не понимаю, а вижу, что-то хорошее, ласковое говоритъ она, и такъ мнѣ хорошо, хорошо, что вотъ, кажется, такъ бы я ей на шею и кинулась.—Такъ и стала я жить у нихъ. Бывало, съ утра рано поднимусь, помогаю работницѣ скотину убирать, и птицу накормить, и дровецъ и воды принести; а тамъ самоваръ поставлю, жду, когда батюшка съ матушкой встанутъ. Отопьютъ чай; пойдетъ матушка сама по хозяйству присмотрѣть, а я съ Сашей вожусь; а тамъ покормимъ его и уложимъ спать; сядетъ матушка за шитье или вязанье, и меня учитъ, какъ работать. Батюшка мало бывалъ дома: у него приходъ былъ порядочный, да кромѣ того, верстахъ въ пяти отъ Болгаръ, двухъ барченковъ обучалъ и туда часто ѣздилъ,—а мы все больше однѣ съ матушкой да съ Сашей бывали. Подъ вечеръ поставимъ, бывало, корытце на лежанку, нальемъ водицы тепленькой и станемъ Сашу купать. Тутъ онъ радуется, полощется, визжитъ, а мы тоже на него радуемся:

Digitized by Google

такой онъ бѣленькій, да пухленькій, да веселенькій; волоски кольцами завиваются; засмѣется, ротикъ откроетъ,—зубки-то такъ и блестятъ. Бывало, какъ застанетъ насъ такъ-то съ нимъ отецъ Ларіонъ, даже онъ залюбуется на своего мальчишечку. А то не ласковъ онъ какъ-то былъ, отецъ Ларіонъ: рѣдко, бывало, когда дитя на руки возьметъ, да и жену-то бывало никогда не приласкаетъ; а иной разъ даже подсмѣется надъ ней: «моя, скажетъ, Наташа разумомъ не вышла, точно дитя малое; ей бы все съ цвѣточками, да съ птичками возиться, да стишки читать». А вечеромъ, какъ Сашу уложимъ, скажетъ бывало самъ: «не почитать ли тебѣ, Наталья Дмитріевна?» Ну, и читаетъ, сидитъ цѣлый вечеръ, иной разъ что нибудь божественное, а иной разъ и исторіи разныя. Особенно любилъ онъ про войну читать, и какъ французы приходили въ 12-мъ году. Меня, бывало, изъ горницы не гоняютъ: я тутъ же сижу съ работой и слушаю. Вотъ разъ какъ-то,—я ужь, кажется, у нихъ съ годъ жила,—привезъ онъ отъ тѣхъ господъ, куда ѣздилъ дѣтей учить, книжку; говоритъ, это сочиненіе Пушкина; зажегъ онъ свѣчку и тотчасъ же сѣлъ читать. Мать-попадья, какъ онъ началъ читать, такъ и встрепенулась. «Отецъ Ларіонъ, говоритъ она, да эту книжку я еще съ братцемъ читала; вотъ, говоритъ, рада-то, что опять довелось послушать». А у меня ужь и ушки на макушкѣ: смерть я любила слушать эти исторіи, и привыкла ужь такъ, что все до капельки понимать стала, что читаютъ. Читалъ это намъ батюшка про капитанскую дочку, и какъ дошелъ до того мѣста, какъ приказалъ Пугачевъ вѣшать капитана, слышимъ вдругъ, какъ застучитъ кто-то кнутовищемъ въ калитку, такъ у насъ у всѣхъ сердце и дрогнуло. Первый опомнился отецъ Ларіонъ. «Что, говоритъ, испугались? Вѣрно, говоритъ, отъ старосты Алексѣя,—у него мать, говорятъ, помираетъ, такъ за мной пріѣхали. Поди-ка, Арина, отвори калитку». Выскочила я, сама такъ и дрожу, все мнѣ кажется, что это самъ Пугачевъ къ намъ въ калитку ломится; а пріѣхалъ-то взаправду парнишка старосты Алексѣя звать отца Ларіона къ бабушкѣ. Уѣхали они, подошла я къ столу, смотрю въ книгу-то, и такъ мнѣ досадно стало, что не могу я прочитать, что сталось дальше со старикомъ капитаномъ. «Матушка, говорю я, что́ бы вамъ поучить меня читать; я бы за васъ вѣкъ Богу молить стала.»

Разсмѣялась она. «Ишь, говоритъ, какая любопытная! Это вотъ тебѣ не терпится, какъ-бы узнать, что въ книжкѣ дальше будетъ. Что же, давай я тебя учить буду. Азбучка у меня еще

Digitized by Google

цѣла: меня на ней братъ училъ, какъ мы маленькіе были, такъ я въ память ему берегу ее».—А гдѣ же теперь вашъ братецъ? спросила я. Что же онъ у васъ никогда не бываетъ?—«Далеко онъ, говоритъ, теперь, а можетъ и забылъ обо мнѣ; да я-то о немъ никогда не забуду». Наклонила она голову надъ работой; гляжу я—слезы у нея такъ и каплютъ; съ этого самаго дня и стала она меня учить грамотѣ. Отецъ Ларіонъ посмѣялся было надъ нами, а послѣ и самъ, какъ дѣло до письма дошло, бывало, покажетъ, коли что такое попадется, чего мать-попадья не знаетъ. Училась я прилежно, и гораздо мнѣ это больше нравилось, чѣмъ шитье и вязанье, и черезъ годъ я могла уже одна читать всякую книжку. Писала я плохо; научилась считать немножко, да по этой части-то мать-попадья сама ничего не понимала, а батюшкѣ не хотѣлось, видно, заняться со мной,—все говорилъ, что этого дѣвкамъ не нужно: денегъ, молъ, у нихъ въ рукахъ не бываетъ больше рубля серебра, такъ и считать имъ, значитъ, нечего. Мать же попадья всему меня научила, что только сама знала; и рукодѣльница она была отличная. Мы зиму-то зимскую, бывало, на весь домъ напрядемъ, наткемъ, нашьемъ, навяжемъ, да еще за деньги работаемъ; и на тѣ деньги, какія, бывало, получаемъ, матушка накупитъ всего, что нужно, накроитъ, и готовимъ мы вмѣстѣ мнѣ приданое. Ужь любила же и берегла она меня,—царство ей небесное!—словно сестру свою младшую, а я такъ за нее, кажется, и въ огонь и въ воду бы готова. Добрая, кроткая она была такая, и что-то такое было въ ней, что мнѣ все ее жалко было. Вѣдь, кажется, хорошо бы ей жить,—и мужъ хорошій, и достатокъ есть,—а ее словно все не радуетъ, словно ей всего этого не нужно. И улыбнется-то она черезъ силу, а запоетъ когда,—у нея въ горлѣ точно слезы стоятъ. Бывало, лѣтомъ, сидимъ мы съ работой на крылечкѣ, и станетъ она мнѣ расказывать: какъ она въ дѣвушкахъ жила; какъ померъ ея отецъ-дьячокъ и пригласилъ мать ея двоюродный братъ, вдовецъ, священникъ, къ себѣ, хозяйство вести; какъ тяжело жилось имъ у дяди: человѣкъ онъ былъ гордый и нрава крутаго, и никого не любилъ, даже своего единственнаго сына, а любилъ только деньги сколачивать, да на чужой счетъ поѣсть, да попить. Сынъ-то его и былъ тотъ самый троюродный братъ, о которомъ поминала часто мать-попадья. Онъ былъ немного постарше ея, и жили они такъ дружно, какъ дай Богъ жить всякому родному брату съ сестрой. Нрава онъ былъ пылкаго,

Digitized by Google

непокорнаго, но сердцемъ добрый и всегда готовъ былъ помочь чужой бѣдѣ. Сначала онъ учился въ уѣздномъ училищѣ; дома за нимъ шалостей не замѣчали, и отецъ, бывало, если и поругаетъ, такъ больше только для переду, аль для острастки; а Саша выслушаетъ всю его брань, да и убѣжитъ къ теткѣ да къ сестрѣ, да тамъ съ ними и забудетъ про свое горе. Такъ дожилъ онъ дома годовъ до двѣнадцати; а тутъ отецъ и рѣшилъ везти его въ губернскій городъ въ семинарію. Не говорилъ онъ объ этомъ никому ни слова, даже съ сестрой двоюродной не посовѣтовался, а такъ, однимъ утромъ, велѣлъ собирать въ мѣшокъ его вещи и объявилъ, что черезъ часъ поѣдутъ. Тетка-то да сестра тутъ: ахъ, ахъ!—въ слезы. «Что-же это, говорятъ, вы не сказали, не предупредили?»—«А зачѣмъ, говоритъ, предупреждать-то было? Мнѣ и въ одинъ часъ ваши бабьи слезы надоѣдятъ до смерти; а ну-ка, вы бы тутъ недѣлю передо мной клянчили».—«Нечего дѣлать! Вышли мы, говоритъ мать-попадья, съ Сашей въ садъ, а я такъ и заливаюсь, плачу. «Саша, говорю я, какъ же это ты съ чужими людьми жить-то будешь? Какъ же это мы-то безъ тебя останемся»?—«Какъ, отвѣчаетъ онъ,—посмотримъ. Досадно, больно досадно мнѣ на тятьку, что такъ вотъ онъ словно со щенкомъ со мной поступаетъ: захотѣлъ, молъ,—на цѣпь посадилъ, захотѣлъ—за ворота вышвырнулъ. Кажется, и меня спросить бы могъ, хочу ли я въ семинарію, или нѣтъ. Ну, да отъ него другаго-то и ждать нечего было! А въ семинарію я идти не боюсь,—вѣдь и тамъ, чай, люди есть; а все же большой городъ увижу, по другому учить, можетъ, станутъ, а тутъ ужь больно плохи учителя».—«А насъ-то ты и не жалѣешь?» говоритъ ему сестра.—«Жалѣю; какъ не жалѣть. Да вѣдь до Рождества не два вѣка,—а тамъ и на лѣто отпустятъ. Гляди, вернусь къ вамъ большой, здоровый, умный; тогда ко мнѣ и батька самъ не подступайся». Такъ и уѣхалъ онъ, слезы не проронилъ. Только не такъ-то сладка показалась ему жизнь въ семинаріи, какъ онъ себѣ ее представлялъ. Съ каждымъ разомъ, какъ пріѣзжалъ онъ домой на побывку, все больше жаловался сестрѣ и теткѣ, что просто житья тамъ нѣтъ, что и наука-то ему вся опостылѣла, и не будь тамъ одного человѣчка, который его обласкалъ и всякія хорошія книги ему читать давалъ, онъ, кажись бы, не нонче—завтра сбѣжалъ бы изъ этого проклятаго мѣста. «Да что-жь хорошаго бѣжать-то, скажетъ ему тетка,—что же ты не при чемъ останешься-то?»—«Отчего же это, говоритъ, не при чемъ? Что у меня въ головѣ есть, то все при

Digitized by Google

мнѣ останется; руки тоже не отсохнутъ; только-что въ попы-то я не попаду, такъ это и тѣмъ лучше».—«Что ты, что ты, въ умѣ ли ты, Саша»? вскинется на него тетка, да и не знаетъ, что дальше сказать. А онъ только засмѣется, да и былъ таковъ.

Такъ проучился онъ въ городѣ годовъ пять или шесть; было уже ему лѣтъ восемнадцать; ужь и Натальѣ Дмитревнѣ шелъ семнадцатый годъ. Пріѣхалъ онъ опять на лѣто на побывку, привезъ цѣлый мѣшокъ книгъ, только не священныхъ книгъ и не учебныхъ, а все другихъ, къ его дѣлу не идущихъ. Увидалъ это какъ-то отецъ эти книги, и ну его пушить. «Ты—такой, сякой, лѣнтяй, увалень, чѣмъ бы готовиться, какъ слѣдуетъ, священническій санъ пріять, а ты все норовишь всякой дрянью себѣ голову набивать, да развратныя книжки читаешь». Не стерпѣлъ тутъ Саша, да вдругъ какъ гаркнетъ: «Отстаньте вы отъ меня съ вашимъ священническимъ саномъ! Не хочу я въ попы. Насмотрѣлся я, какъ попы-то живутъ, какъ они съ бѣдняка послѣднюю копѣйку дерутъ, какъ обираютъ живаго и мертваго, какъ въ праздники напиваются и объѣдаются на крестьянскій счетъ, а въ будни норовятъ съ того же мужика трудовой его часъ сорвать. Не хочу я быть попомъ—и не буду»! Какъ услыхалъ это отецъ, такъ и задрожалъ весь отъ гнѣва, вскочилъ со стула, сжалъ кулаки, да на сына. А Саша, блѣдный какъ смерть, стоитъ да и говоритъ: «Не подходи ко мнѣ, отецъ. Я ударить тебя не ударю, только и бить себя не дамъ». Зашатался старикъ и опустился на кресла, только рукой махнулъ, чтобы шелъ сынъ съ его глазъ долой. Переполошился весь домъ, думаютъ: ну, бѣда пришла неминучая, теперь всему дѣлу конецъ,—или отецъ сына на глаза не пуститъ, или сынъ уйдетъ куда, не сказавшись отцу. А вышло совсѣмъ не то. Старикъ уѣхалъ черезъ часъ въ поле, а когда вернулся, ни отецъ, ни сынъ и виду не показывали, чтобы что между ними было, и такъ хорошо и дружно они все это лѣто прожили, какъ прежде и не живали. Видно, отецъ увидалъ, что ему не сломать сыновней воли, а сыну-то жаль что ли стало отца, что онъ такъ старику правду-матку отрѣзалъ, только прожили они все лѣто мирно. Немного промежь ними разговоровъ было; только отецъ не мѣшалъ сыну читать и про себя и вслухъ сестрѣ книжки; а сынъ, какъ скоро подоспѣетъ какая нужная работа въ полѣ или на сѣнокосѣ, по цѣлымъ днямъ работалъ безъ устали. Такъ прошло лѣто. Отпраздновали мужички и Спасъ. Сталъ отецъ Петръ поговаривать о томъ, что пора бы Александру въ городъ. «А у меня, говоритъ

Digitized by Google

мать-попадья, такъ отъ его рѣчей душа замираетъ,—такъ я тѣмъ лѣтомъ къ братцу привязалась, что и сказать не могу. Не знаю ужь, какъ это такъ случилось, только никогда, кажется, даже дѣтьми мы не были такъ много вмѣстѣ: куда бы онъ ни шелъ, я все съ нимъ, да съ нимъ: на сѣнокосѣ вмѣстѣ, рыбу удимъ вмѣстѣ, читаемъ вмѣстѣ; въ огородѣ есть работа,—онъ мнѣ помогаетъ; съ ружьемъ онъ въ лѣсъ пойдетъ,—я выпрошусь у матери за грибами или за ягодами. Только и не вижу я его, говоритъ, бывало, коли въ поле уѣдетъ, али возьмется какому нибудь мужичку лошадь молодую объѣздить, да носится съ ней не вѣсть гдѣ по цѣлымъ часамъ. Потомъ вернется, говоритъ, въ деревню, лошадь подъ нимъ въ струнку идетъ, а онъ сидитъ на ней какъ на креслѣ, да только своими очами соколиными кругомъ поводитъ». Однако отпраздновали и Успеньевъ день; стали собирать въ путь Александра. Наканунѣ отъѣзда вышли братъ съ сестрой прогуляться; глядь—анъ на улицѣ такой переполохъ, что бѣда: и мужики, и бабы, и ребята—всѣ бѣжатъ за околицу, кричатъ, что у Трофима Безрукаго овинъ загорѣлся. Бросились туда и Александръ Петровичъ съ сестрой. Какъ прибѣжали, глядятъ: народу кругомъ стоитъ тьма тьмущая, овинъ полыхаетъ, а никто не приступаетъ, чтобъ огонь тушить. Трофимъ-то еще изъ поля не ворочался, а бабы его носятся какъ полоумныя, воютъ да кричатъ, говорятъ, что въ овинѣ, должно, и дѣдъ Трофимовъ горитъ. Рванулся впередъ Александръ Петровичъ, да какъ крикнетъ: «Что-жь это, православные, неужели вы дадите и добру Трофимову и старику пропасть? Тащи, кто можетъ, воды. У кого ведра нѣтъ, бери лопату, да закидывай огонь землею, а кто посмѣлѣе—съ Богомъ за мной!... Можетъ еще и спасемъ его». Сказалъ, да такъ и бултыхнулъ въ огонь. Наталья Дмитревна говоритъ: «я какъ стояла, такъ на томъ мѣстѣ на колѣнки и присѣла, и что тамъ было, ничего не видала. Слышу только, какъ народъ шумитъ, кричитъ, суетится. А какъ открыла глаза, вижу, что стоитъ онъ возлѣ меня, а на травѣ лежитъ что-то страшное, обгорѣлое.»—«Пойдемъ, говоритъ, Наташа»,—а у самого голосъ такъ и дрожитъ. «Что дѣлать, не успѣлъ его вытащить живымъ, а теперь огонь-то и безъ насъ зальютъ: ишь какъ работаютъ». Встала я, пошла, а ноги у меня такъ и подкашиваются. Обнялъ онъ меня одной рукой, такъ и довелъ до дому». Пришли мы, а отецъ Петръ сидитъ на крылечкѣ. «Это, говоритъ, откуда жалуете? На дѣвкѣ лица нѣтъ, а Сашка-то весь черный, ровно трубочистъ».

Digitized by Google

— На пожарѣ, говорю,—были, дяденька: Трофимовъ овинъ горѣлъ, и дѣдъ его тамъ былъ, такъ Саша его оттуда вытащилъ.

— Какъ же, говоритъ,—безъ него не обойдутся! Чужой овинъ спасаетъ, а отцовскаго кармана не жалѣетъ. Ишь, платье-то новенькое сшили, а оно теперь на что похоже?

Ничего не сказалъ ему въ отвѣтъ Александръ, а только прошелъ черезъ дворъ въ огородъ и сестрѣ мигнулъ, чтобъ она туда приходила. Вышла она къ нему черезъ полчаса времени; онъ стоитъ у колодца и изъ ведерки голову себѣ водой примачиваетъ. Увидалъ ее, утерся и говоритъ: «сядемъ здѣсь, сестра, поговоримъ. Не хотѣлъ, говоритъ, я съ отцемъ браниться; еще помню я, какъ я весной испугался, когда онъ послѣ моихъ словъ вдругъ на кресло повалился, да я думалъ, что онъ тутъ отъ злобы и духъ испуститъ. Не хочу я отцеубійцей быть; только не хочу больше и жить отъ него въ зависимости. Не нужно мнѣ ни его денегъ, награбленныхъ всѣми неправдами, ни его дома родительскаго, гдѣ мнѣ жизнь опостылѣла. И зачѣмъ это, говоритъ, родителямъ надъ нами власть такая дана? Вѣдь они такъ думаютъ, что коли родили насъ на свѣтъ, вскормили, да вспоили, такъ мы и должны всю свою душу, всѣ помышленія имъ отдать, и жить ихъ волею, и хотѣть для себя, чего они захотятъ. А я такъ не могу: попытаюсь я дотянуть эту зиму въ семинаріи, а не стерплю, такъ и раньше уйду. Уйду я въ Питеръ и посмотрю я, какъ тамъ люди живутъ, что тамъ можно нашему брату бѣдняку и для себя, и для другихъ сдѣлать. Попытаюсь, не удастся ли найти работу, чтобы питала тѣло грѣшное и чтобы оставляла время и собой заняться. Тогда поступлю въ академію: хочется мнѣ очень въ доктора выйти. Ну, а не удастся, буду чего другаго искать. Вѣдь земля-то не клиномъ сошлась. А придется пропадать, тоже не бѣда,—клали же люди свои головы на плаху, шли на вѣчныя времена на каторгу, служа дѣлу правому; а я что же буду киснуть здѣсь только за тѣмъ, чтобы сладко поѣсть, да мягко поспать. Не могу, говоритъ, я этого, сестра, и не проси, и не уговаривай меня. Жаль мнѣ тебя, тетку,—да что же, какой я вамъ здѣсь заступникъ?»

— Такъ-то проговорили мы съ нимъ почти до утра,—скажетъ бывало мать-попадья и словно поблѣднѣетъ вся,—а на утро уѣхалъ онъ, и съ тѣхъ поръ я его не видала.

— А затѣмъ, черезъ полгода, получилъ отецъ Петръ изъ города письмо, никому ничего не сказавши, укатилъ туда, и когда черезъ

три дня вернулся домой, ничего не отвѣтилъ на всѣ расспросы сестры и племянницы, какъ только, что скрылся Александръ неизвѣстно куда, и чтобъ не смѣли и поминать о немъ въ его домѣ. Еще черезъ полгода дядя сосваталъ племянницѣ жениха, и стала Наталья Дмитревна жить съ своимъ отцемъ Ларіономъ. Жили они хорошо, мирно, въ согласіи, говорила Арина; только не было промежъ нихъ особенной ласки, и бывало, какъ уйдетъ онъ куда, попадья наша словно повеселѣетъ вдругъ, пѣсни поетъ, со мной разговариваетъ, съ сыномъ играетъ, бѣгаетъ, прячется; а взойдетъ отецъ Ларіонъ, она словно оробѣетъ, точно надъ ней туча вдругъ нависнетъ. И вотъ, хоть бы насчетъ разговоровъ: со мной, бывало, разговорится,—такъ у нея слова изъ устъ и льются, такъ и льются. А съ нимъ, бывало, только и разговору или про что хозяйственное, или про прихожанъ; а о себѣ никогда ничего не скажетъ ему. Бывало, больна она,—и завсегда-то она не очень здоровая была,—ужь еле ноги таскаетъ, а ему ни за что не пожалуется. А вѣдь отецъ Ларіонъ человѣкъ былъ добрый, степенный,—всѣ его на селѣ уважали. Тоже и мужички хвалили, что хоть и беретъ онъ деньги, да мѣру знаетъ; ну и поборами въ праздники не очень обременяетъ и свое дѣло справляетъ акуратно, по закону. А ужь какъ мать-попадья не любила этихъ праздничныхъ поборовъ, такъ и не приведи Господи! Бывало, Свѣтлая недѣля придетъ, такъ она не знаетъ, какъ и изжить ее. «Стыдно, говоритъ, мнѣ на улицу выйти, стыдно на людей глядѣть». И станетъ она уговаривать отца Ларіона, чтобъ отмѣнилъ онъ эти поборы, что и безъ нихъ съ голоду не помрутъ. «Никакъ, говоритъ отецъ Ларіонъ, невозможно, потому причетники обижаться станутъ».

Вотъ такъ-то разъ отправили мы съ матушкой Святую; и рада я, что теперь всему ея мученью конецъ. Во вторникъ, какъ сейчасъ и день помню, собрала я бѣлье Сашино, да кой-что изъ своего, и понесла на рѣку полоскать. Иду, утро-то такое теплое,—въ тотъ годъ Святая поздняя была,—солнце такъ и свѣтитъ во всю улицу; всѣ старички повыползли, на завалинкахъ сидятъ, грѣются; всѣхъ ребятъ повынесли, посажали передъ избами въ землѣ рыться; всѣмъ-то тепло, радостно, весело; вездѣ птички щебечутъ, носятся по поднебесью, торопятся гнѣзда вить. Пришла я къ рѣкѣ; такъ-то у меня на душѣ хорошо, что принялась я за работу, словно у меня не двѣ руки, а четыре. Колочу себѣ бѣлье, да полощу, да пѣсни пою, такъ и заливаюсь.

Digitized by Google

Вдругъ я слышу за собой голосъ: «Ай-да дѣвушка, молодецъ! Ножки изъ-подъ юбки виднѣются словно точеныя, косы въ рѣкѣ полощатся, голосъ, какъ у птицы, звонкій, и руки здоровыя,—работы не боятся». Обернулась я, стоитъ передо мной мущина—и не мужикъ и не баринъ, и не мѣщанинъ словно, и не фабричный. Надѣта на немъ рубаха русская, кумачная, штаны въ сапоги засунуты; поддевка суконная ловко таково сидитъ, хоть и не застегнута, а изъ боковаго кармана той поддёвки торчитъ футляръ съ папиросками, и въ одной рукѣ у него шляпа соломенная, въ другой мѣшокъ дорожный, кожаный.

Гляжу, стоитъ онъ, глядитъ на меня такъ ласково, улыбается, даже заалѣлась я вся. «Что, говоритъ, дѣвушка, какъ здѣсь ближе къ церкви пройти? Мнѣ нужно мать-попадью видѣть,—я ей братъ». Какъ закричу я вдругъ: «Такъ это вы, Александръ Петровичъ-то!... Матушки!... Вотъ радость-то будетъ!» Схватила я тутъ свое бѣлье, валекъ, да коромысло, и бросилась бѣжать въ гору, а онъ за мной. Влетѣла это я въ горницу, да какъ закричу: Матушка, братецъ пріѣхалъ! А мать-попадья, какъ это услыхала,—такъ вдругъ, какъ стояла у шкафа съ посудой, зашаталась, да на полъ и грохнулась: хорошо еще, ни обо что не ударилась. Мы къ ней; онъ ее и холодной-то водой вспрыскиваетъ, и руки ей третъ,—наконецъ, отошла она маленько. Какъ взглянула она на него, какъ зарыдаетъ, да такъ у него на шеѣ и повисла. Вышла я тихонько изъ горницы, сѣла на крылечко, закрыла лице фартукомъ, да и принялась плакать.—Господи, думаю, вотъ что значитъ брата-то имѣть. Вѣдь вотъ, хоть годы цѣлые о немъ тосковала, а вѣдь привелъ же Богъ свидѣться; а я-то, злосчастная, своего и не помню, да и не знаю, живъ ли онъ.—И въ первый разъ такъ горько показалось мнѣ сиротство мое, словно и мою мать-попадью у меня отняли. Сижу я, плачу, а они тамъ въ горницѣ, слышу, стали разговаривать. Расказываетъ ему Наталья Дмитревна, какъ его отецъ умиралъ; какъ только за часъ до смерти, сказалъ, гдѣ всѣ его деньги спрятаны, потомъ велѣлъ теткѣ записать адресъ Александра Петровича въ Петербургѣ, и затѣмъ ужь ничего не говорилъ до самаго конца; какъ тетка, схоронивши брата, ушла въ Кіевъ на богомолье по обѣщанію, а оттуда хотѣла пройти еще въ Черниговъ къ сестрѣ замужней, и только къ Покрову обѣщала воротиться съ тѣмъ, чтобъ остаться ужь жить съ дочерью у отца Ларіона. Слушалъ все Александръ Петровичъ, да ходилъ по комнатѣ; только изрѣдка

слово молвитъ, спроситъ о чемъ. Да наконецъ и говоритъ: «Да ты что же соловья баснями-то кормишь, сестра! Вѣдь я не ангелъ безплотный, и нынче, почитай, ничего не ѣлъ еще. Вели-ка дать чего перекусить, али самоварчикъ поставить».—«Ахъ, батюшки! взволновалась попадья,—да я и въ самомъ дѣлѣ не въ своемъ разумѣ отъ радости. Авось Ариша догадалась»....

Я услыхала это. Только-что поднялась со ступеньки-то, а они оба и выходятъ на крыльцо. «Ариша!» говоритъ попадья таково весело; да глянула мнѣ въ лице, видитъ, что я плачу.—«Что это, значитъ? спрашиваетъ, о чемъ ты плачешь?»—Я молчу. «Отвѣчай, не бойся его, говоритъ попадья,—онъ свой!»—О томъ, говорю, плачу, что у меня брата нѣтъ, никого у меня нѣтъ.—А Александръ Петровичъ потрепалъ меня по плечу и говоритъ: «Эхъ, дѣвушка, о чемъ огорчаешься? Да вѣдь всѣ люди—братья; вотъ познакомимся немножко, я и тебѣ братъ буду».—Взглянула я на него,—такой у него взглядъ привѣтливый, даже мнѣ весело вдругъ отъ этого взгляда стало.

Собрала я имъ обѣдать, поставила самоваръ; а тѣмъ временемъ и отецъ Ларіонъ съ поля вернулся. Обрадовался онъ брату. Онъ его еще маленькимъ зналъ и отъ тещи не мало слыхалъ о немъ. Сѣли они за столъ. Я услуживаю.

— Ну что, спрашиваетъ отецъ Ларіонъ,—что теперь дѣлать намѣрены, Александръ Петровичъ?

— Да что, говоритъ,—вотъ вызвали меня для полученія наслѣдства; исполню все, что требуется, да и въ Петербургъ опять. Вѣдь меня тамъ послѣдній экзаменъ ждетъ: мнѣ время теперь дорого; а вотъ кончу въ концѣ мая, думаю въ іюнѣ вернуться на родину посмотрѣться, гдѣ бы мнѣ тутъ лучше устроиться.

— Какъ, говоритъ отецъ Ларіонъ,—вы здѣсь поселиться думаете?... Какъ же это?

— Здѣсь, отвѣчаетъ Александръ Петровичъ.—Чего-жь лучше? Сторона мнѣ знакомая: знаю я и здѣшнихъ людей, и всѣ ихъ надобности.

— Да что это вы? Христосъ съ вами! говоритъ отецъ Ларіонъ,—на что же вы тогда и учились, чтобы здѣсь въ глуши пропадать? А я такъ думалъ, капиталецъ вы свой въ какихъ нибудь бумагахъ процентныхъ упрочите, да и станете практикой въ Петербургѣ заниматься. Тамъ вѣдь, говорятъ, особливо акушеры большія деньги наживаютъ.

— И пускай ихъ, говоритъ,—наживаютъ, коли онѣ имъ нужны;

Digitized by Google

а мнѣ прежде надо заняться тѣмъ, какъ бы тѣ прожить, которыя батюшка накопилъ. Вотъ я имъ протру глаза, смою потъ и кровь крестьянскіе, что налипли на его рублевикахъ.

— Ну, это, позвольте сказать вамъ, не порядки, говоритъ отецъ Ларіонъ:—Какимъ бы манеромъ онѣ тамъ ни были нажиты, а все же зачѣмъ ихъ и зря бросать?

— Да кто же вамъ сказалъ, что я ихъ зря брошу? Я вотъ выберу себѣ пригодное мѣстечко, выстрою домъ, половину опредѣлю подъ больницу, въ другой поселюсь самъ, да при своемъ помѣщеніи устрою комнату для класовъ. Утромъ буду больными заниматься, ребятъ учить; вечеромъ буду учить акушерству тѣхъ, кто пожелаетъ,—а то вѣдь у васъ, въ деревняхъ, половина бабъ повитухами перегажены. Поглядите, сестра-то въ эти четыре года на что похожа стала? А тоже, чай, съ родовъ захирѣла?

Мать-попадья вспыхнула, ничего не сказала, а отецъ Ларіонъ говоритъ, что точно, съ перваго года зачахла. «Такъ, говоритъ, на одномъ сынѣ и остановилась. Я было взялъ вотъ и няньку,— думаю, какъ Господь благословитъ дѣтками, одного за другимъ няньчить будетъ. А вотъ Господь и не даетъ. Ну за то, за ея сиротскую часть, хлѣбушка хватаетъ. А она у насъ дѣвка дѣльная, и Натальѣ Дмитревнѣ не скучно, не боязно, когда я отъ дому отъѣду.

— А что, спрашиваетъ Алексанръ Петровичъ отца Ларіона,— когда я покончу въ Питерѣ всѣ дѣла свои съ экзаменомъ, можно мнѣ гдѣ у васъ, братецъ, на время пріютиться, пока я себѣ гнѣздо устрою? Я, конечно, за все свое содержаніе платить готовъ, что назначите.

— Что же не пріютиться, отвѣчаетъ отецъ Ларіонъ,—теперь дѣло лѣтнее. Если не побрезгуете, у насъ баня отличная и предбанничекъ, въ два окна, въ садъ выходитъ.

— Ну, вотъ и прекрасно, говоритъ Александръ Петровичъ,— значитъ, мы съ тобой, сестра, еще вмѣстѣ поживемъ.

— Поживемъ, говоритъ мать-попадья, точно въ забытьи. Да вдругъ какъ вскинетъ глазами на мужа, такъ и вздрогнула, точно испугалась чего. А я-то ихъ угощаю, а сама отъ радости не знаю что и дѣлать.—Вотъ, думаю, житье-то у насъ будетъ. Матушка повеселѣетъ, батюшкѣ будетъ съ кѣмъ слово молвить, а то онъ часто попрекаетъ насъ съ матушкой, что съ нами говорить надо ровно какъ съ дѣтьми малыми, неразумными. А во всемъ селѣ-то какой переполохъ пойдетъ, какъ станетъ онъ строиться, да

Digitized by Google

прознаютъ мужички, что такое онъ дѣлать собирается! А ужь я-то каждый день буду его видѣть, буду его рѣчи слушать. А вѣдь говоритъ-то онъ такъ, какъ я отъ роду и не слыхивала: все такъ просто, все такъ хорошо, что точно по другому и сказать нельзя, и всѣ бы люди такъ говорить должны.

Уѣхалъ онъ на другое утро. Матушка какъ будто затуманилась. А мнѣ и не скучно: что, думаю, два-то мѣсяца мигомъ пройдутъ, а затѣмъ радости-то что будетъ. Вотъ отпраздновали мы Троицу, прошли, знать, еще недѣли съ двѣ; получаетъ отецъ Ларіонъ письмо отъ брата, что будетъ онъ вотъ такого-то числа непремѣнно. Засуетилась мать-попадья, какъ-бы получше баню убрать да устроить. Велѣла она мнѣ еще съ вечера, чтобъ я взяла на подмогу себѣ Дарью работницу и чисто-на-чисто вымыла все и въ банѣ и въ предбанничкѣ. Да я куда,—поднялась съ пѣтухами и одна вымыла и вычистила все на славу. Встала матушка; на ея долю только и досталось, что постель улаживать, да гардинки повѣсить. Устроили, кажется, все ужь какъ не надо лучше,—нѣтъ, все намъ мало. То мать-попадья изъ сундучка коврикъ вынетъ, велитъ разослать передъ кроватью, то горшокъ съ цвѣтами перенесетъ изъ своей горенки на его окошко, то передъ крылечкомъ вздумала почистить да пескомъ посыпать. Такъ и провозились мы вплоть до вечера, благо отецъ Ларіонъ на покосѣ былъ и намъ не мѣшалъ. А подъ вечеръ, только было собрались мы чайку напиться, слышимъ—колокольчикъ, и тройка къ намъ на дворъ: гость-то дорогой пожаловалъ цѣлымъ днемъ раньше. Матушка бросилась ему на встрѣчу, а я въ свѣтелку, да ну свое грязное платье снимать, да чистое надѣвать, да голову приглаживать. Глянула въ зеркальце—ничего, побѣжала внизъ, думаю, надобно его вещи въ баню перетаскать, а онъ стоитъ на нашемъ крыльцѣ, съ ямщикомъ расплачивается. Увидалъ меня, да и говоритъ: «Здравствуйте, Ариша, какъ поживаете! Да вы, кажется, выросли и похорошѣли съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видалъ». Я поклонилась ему, да и мимо: спѣшу помочь матери-попадьѣ,—она никакъ его чемодана на крылечко въ баню не втащитъ. Какъ я подошла, а она говоритъ мнѣ такъ сурово: «Что это ты, Ариша, на ночь глядючи, наряжаться вздумала? А я вотъ тутъ одна совсѣмъ не справлюсь. Вѣдь знаешь, что Дарья съ Сашей къ отцу на лугъ ушли?»

— Да я, говорю,—вся мокрая была. Вѣдь сами же вы завсегда браните...

Digitized by Google

— Нечего, говоритъ, оправдываться. Втащи чемоданъ, да давай самоваръ въ горницу.

II.

На другой день, раннимъ утромъ, Александръ Петровичъ уѣхалъ со старостой въ городъ, и только на третьи сутки вернулся уже на своей лошади, въ отцовской телѣжкѣ. Не знаю, кому послѣ смерти отца отдавалъ онъ ихъ на то время, пока ему самому пришлось ножить въ Питерѣ. Пріѣхалъ онъ и говоритъ: «Ну, теперь есть свой экипажъ; будемъ съ Сашей каждый день ѣздить обозрѣвать мѣстность и выбирать, гдѣ лучше строиться». А у Саши такъ глазенки и блестятъ.... Онъ и къ дядѣ сразу до страсти привязался, да и лошадей до смерти любилъ. Такъ съ того дня стали они уѣзжать съ утра и только къ вечеру возвращались домой. Пора стояла у насъ самая горячая: всѣ торопились убираться съ сѣномъ, такъ намъ оно и кстати было, что за Сашей не надо было смотрѣть. Бывало, какъ выйдетъ хорошенькій денекъ, запремъ весь домъ со всѣхъ сторонъ, да такъ всѣ на сѣнокосъ и уйдемъ. Мать-попадья только на эту работу сама и выходила: очень любила она то время, какъ, бывало, примутся сѣно ворошить, сгребать и въ копны метать; если сама немного, бывало, наработаетъ,—силы-то ея всегда были плохонькія,—то хоть посидитъ на лугу, на нашу работу порадуется. А вечеромъ иной разъ и Александръ Петровичъ, откуда нибудь возвращаясь, къ намъ подъѣдетъ. Тоже примется за работу по старой памяти; тутъ у насъ поднимутся шутки, смѣхъ, да веселье, а работа какъ-то еще лучше спорится, точно всей дневной устали и не бывало. Закатится солнышко, станетъ темнѣть, усядемся всѣ въ наши двѣ телѣжки—и домой.... Батюшкина телѣжка была пониже да попросторнѣе,—такъ въ нее сядетъ отецъ Ларіонъ съ женой, да Дарью-работницу они къ себѣ возьмутъ; меня Александръ Петровичъ къ себѣ позоветъ Сашу держать, чтобъ онъ не упалъ, а то онъ, бывало, непремѣнно заснетъ, какъ вечеромъ ѣхать придется. Возвращались мы такъ-то и разъ и два; только въ третій разъ стали мы размѣщаться, а мать-попадья и говоритъ:

— Вы лучше дайте Сашу мнѣ, да возьмите къ себѣ Дарью, а то она мнѣ въ прошедшій разъ всѣ ноги отсидѣла.

Digitized by Google

А и правда, что на сидѣньѣ-то ей не было мѣста: садилась она въ ногахъ у батюшки съ матушкой, а женщина она была большая, да грузная.

Я и говорю: да зачѣмъ же такъ?.. Пусть Дарья ѣдетъ съ Александромъ Петровичемъ, да съ Сашей, а я и пѣшкомъ домой дойду. Я нынче совсѣмъ не устала.

— Вотъ, говоритъ Александръ Петровичъ,—и прекрасно; Ариша, и я съ вами пройдусь. Я нынче цѣлый день ѣздилъ, ѣздилъ, хоть теперь ноги поразомну. А ночь-то, поглядите, какая рѣдкостная: звѣздная, да теплая....

— А какъ же, говоритъ Наталья Дмитревна брату,—Дарья съ лошадью-то справится, коли ей и Сашу держать надо?

— Да вѣдь ты же сама своего Саню взять хотѣла? отвѣчаетъ Александръ Петровичъ.

— Ну, давай его скорѣе! кричитъ отецъ Ларіонъ.—Нечего лясы-то точить, давно чайку выпить хочется.

Тронулись они. Идемъ и мы. Прошли эдакъ шаговъ сто,—ничего не говоримъ. Кругомъ тишь такая, словно ни души живой вблизи нѣтъ. Кто домой съ луговъ уѣхалъ, а кто остался ночевать—тѣ заснули. Время ужь было не раннее. Вышли мы на дорожку: по обѣимъ сторонамъ рожь колосится, пахнетъ таково хорошо. И идемъ мы тутъ,—точно мы во всемъ мірѣ одни...

— Что-жь это, заговорилъ вдругъ Александръ Петровичъ,—я такъ даже вздрогнула,—этакъ мы до дому съ вами дойдемъ, все въ молчанку играть будемъ!...

— Зачѣмъ же, говорю,—можно и поговорить.

— Ну, о чемъ, спрашиваетъ,—вамъ разговоръ вести желательно?...

— Да, говорю,—о чемъ хотите.

— А вотъ скажите-ка мнѣ, говоритъ онъ,—Ариша: хорошо ли я сдѣлалъ, что не въ своемъ родномъ селѣ поселился, а хочу пріютиться здѣсь?

— По-моему, говорю,—очень хорошо, потому что родные ваши здѣсь, сестрицѣ вашей да и вамъ будетъ пріятнѣе.

— Ну, говоритъ,—у меня есть и другія соображенія, кромѣ пріятности: на примѣръ, то, что Сосновка всего въ полверстѣ отъ города. Значитъ, и учить ребятъ и лечить больныхъ сосновскихъ все же сподручнѣе. А вѣдь отъ вашихъ Болгаръ до ближайшаго города цѣлыхъ тридцать верстъ будетъ.

Прошли мы еще немножко молча. Я и хочу заговорить съ

Digitized by Google

нимъ, да не смѣю,—такъ у меня сердце и стучитъ въ груди, даже въ горлѣ пересохло. Собралась я, наконецъ, съ духомъ и говорю: я и за себя рада, что ваша школа здѣсь будетъ.... Я хочу попросить васъ, Александръ Петровичъ, чтобы выучили меня акушерству.

— Вотъ какъ! говоритъ.—Да вы, можетъ быть, думаете, что акушерству-то учиться все равно, что шутки шутить? Нѣтъ, коли у меня возьметесь за дѣло, такъ ужь извольте толкомъ заниматься. А не то лучше и не принимайтесь.

— Да ужь взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ, засмѣялась я ему.—А я право не лѣнива и понятлива. Вотъ хоть спросите мать-попадью: она меня всему научила, что сама знаетъ.

— Ну, говоритъ,—хорошо. Вотъ, значитъ, у меня ужь одна ученица есть. А что, если вы еще до году замужъ идти вздумаете,—вѣдь вамъ уже лѣтъ восемнадцать есть?

— Есть, говорю,—только замужъ-то я не пойду, да и не за кого....

— Какъ такъ, говоритъ,—не за кого? Развѣ ужь у васъ тутъ и людей нѣтъ?

— Есть-то есть, да не по мнѣ, отвѣчаю я ему.—За крестьянина мнѣ идти словно не приходится, да крестьянскіе парни и сами меня обѣгаютъ: все поповной зовутъ и какъ будто боятся. А мельники, да дворники, да поповскіе, которые къ намъ ѣздятъ,—все какіе-то противные. Умомъ-то они все равно, что мужики, а туда же важничаютъ.... особливо тѣ, у которыхъ денегъ много.

— Ну, давайте,—говоритъ, я найду вамъ такого, чтобъ и уменъ былъ и не важничалъ... Вы за кого хотите: за купца, за мельника, за дворника, или за поповича?

— Поповичъ, говорю,—опять-таки на мнѣ не женится. Первое дѣло—я крестьянка, а второе—денегъ за мной нѣтъ.

— А дворникъ?

— Дворника мнѣ не надо. Онъ только наровитъ какъ-бы народъ пріѣзжій поприжать, да лишнее стянуть съ него.

— А купецъ?

— Купецъ и того хуже, говорю я.—Тотъ и совсѣмъ на обманѣ живетъ. Сколотитъ себѣ капиталъ, выстроитъ хоромы каменныя, да и пьетъ чай съ утра до вечера,—а я до чаю не охотница.

— Ишь, говоритъ,—какая разборчивая невѣста: дворничихой быть не хочу, купчихой быть не хочу. Чѣмъ же вы быть хотите?

Digitized by Google

— Сама, говорю,—не знаю. А хотѣлось бы мнѣ, чтобъ и самой хорошо жилось на свѣтѣ, и другимъ людямъ добро дѣлать.

— Ну, говоритъ,—а еслибы пришлось *или* себѣ, *или* другимъ добро дѣлать,—а вмѣстѣ бы нельзя... какъ тогда быть?

— Не знаю, говорю.—И такъ меня эти слова его удивили, что я вплоть до дому ничего ужь съ нимъ не говорила, а все только думала. Да и домой пришла, сказала, что устала очень, и чаю пить не стала; ушла въ свою свѣтелку, улеглась подлѣ Саши, и долго, долго проворочалась: все не спалось мнѣ, все думалось.

Съ этого самаго вечера стали мы чаще разговаривать съ Александромъ Петровичемъ. Утромъ ли рано онъ поднимется, а у насъ всѣ спятъ, кромѣ Саши и меня,—я ему самоваръ отнесу. Сядетъ онъ съ Сашей на крылечко чай пить, а самъ мнѣ все расказываетъ, или меня распрашиваетъ про мою жизнь прошлую, о томъ, какъ я росла, что дѣлала, что знаю, что читала. Потомъ заложитъ себѣ телѣжку, уѣдетъ съ Сашей на постройку, а мнѣ скажетъ, какую мнѣ книжку у него на столѣ взять, коли почитать вздумается. Провожу я его, бывало, взойду къ нему въ комнату убирать, сяду на кровать съ книгою, да иной разъ такъ зачитаюсь, что потомъ ужь ношусь по дому, да по двору, словно угорѣлая: боюсь, что со всей работой не поспѣю,—отецъ Ларіонъ бранить будетъ.... Онъ у насъ безпорядковъ этихъ куда какъ не любилъ.

Придетъ обѣденная пора, я такъ и жду, какъ-бы меня за Сашей послали, или велѣли бы имъ туда обѣдъ отнести. Матушка, бывало, никогда мнѣ этого не поручитъ,—все наровитъ Дарью туда отрядить. Ну, а батюшка, какъ бывало услышитъ эти ея распоряженія, такъ и скажетъ: «Зачѣмъ же Дарью старуху гонять? Вѣдь на ней отъ эдакой жары все сало растопится.... Пусть Ариша сбѣгаетъ: она и помоложе, и попрытчѣе будетъ».

Онъ еще говоритъ, а я уже и платокъ на голову накину, и тарелки въ салфетку завязываю,—такъ и дрожу, какъ-бы не остановили. А ужь какъ выйду за ворота, такъ лечу улицей, что меня и не догонишь. И бывало, что ближе подхожу къ околицѣ, гдѣ онъ строился, все наровлю потише идти: все мнѣ не хочется, чтобъ онъ по лицу моему узналъ, какъ я къ нему торопилась.

Придетъ вечеръ, пріѣдетъ онъ домой, придутъ къ нему работники за расчетомъ: всякаго онъ разочтетъ какъ слѣдуетъ, никого-то онъ не прижимаетъ, копѣйки ни съ кого не вымораживаетъ, а еще если кому нужно, такъ впередъ дастъ.... Каж-

Digitized by Google

даго распроситъ про его житье-бытье, про его заработки, и станетъ имъ говорить, какъ-бы имъ лучше устроиться, чтобъ ихъ люди денежные въ кабалу не забирали, а сами бы они ихъ принудить могли платить имъ за работу что слѣдуетъ. И такъ онъ имъ, бывало, хорошо говоритъ, какъ имъ нужно честно и хорошо работать, промежъ собой въ согласіи жить и другъ друга не выдавать, что только этимъ могутъ они и въ силу взойти,—что я, бывало, такъ и заслушаюсь. И мужички глядятъ на него—удивляются: такой, гляди, молодой—и все-то онъ знаетъ: и по книжному будто говоритъ, а все такъ понятно; и видно, что всѣ ихъ крестьянскія нужды разумѣетъ.

Разойдутся рабочіе, придетъ Александръ Петровичъ въ комнату, станетъ или съ отцемъ Ларіономъ разговаривать, о чемъ нибудь божественномъ спорить, или сестрѣ расказываетъ, какъ онъ одно лѣто при больномъ богатомъ баринѣ въ чужіе края ѣздилъ, и что онъ тамъ видѣлъ, и что тамъ лучше и что хуже, чѣмъ у насъ. А мы его слушаемъ и не замѣтимъ, какъ придетъ пора спать ложиться. Въ десятомъ часу поужинаемъ, простится онъ со всѣми и пойдетъ себѣ на крылечко или въ садъ, а я взбѣгу въ свою свѣтелку, погляжу, спитъ ли Саша, и сама выйду, крадучись, на дворъ. Постою, постою.... и хочется мнѣ къ нему подойти, да стыдно. Только разъ вышла я такъ-то на крылечко, оглядѣлась—его нѣтъ, а въ банѣ у него свѣча горитъ. Ну, думаю, видно усталъ, спать пошелъ ложиться. Пробѣгусь-ка я по саду, да и домой. Вышла я въ садъ, да только поворотила къ колодцу, хотѣла на ночь умыться, гляжу, а онъ идетъ мнѣ на встрѣчу. Я такъ и оторопѣла: не знаю, не то мнѣ къ нему идти, не то прочь бѣжать пуститься. А онъ мнѣ говоритъ, такъ будто спокойно, тихо, не торопясь, только голосъ у него маленечко дрожитъ: «Вотъ, говоритъ, Ариша, хорошо, что вы въ садъ вышли. А я только-что о васъ думалъ. И такъ мнѣ захотѣлось погулять съ вами, что я уже хотѣлъ пробраться къ вамъ подъ окно, да покликать васъ».

— Что вы, говорю,—какъ же это можно! Окошко мое высокое: тихо станете кликать, не услышу, а громко кликнете, матушка или батюшка проснутся. Вѣдь моя свѣтелка какъ разъ надъ ихъ спальней.

— И тихо бы кликнулъ, говоритъ онъ,—услыхали бы, Ариша. Да что намъ чиниться, зачѣмъ другъ отъ друга прятаться? Вѣдь вотъ я брожу, брожу, не могу въ комнату войти,—точно мнѣ въ

Digitized by Google

ней еще тошнѣе, еще одиночѣе. Да и тебѣ вотъ не спится, ты себѣ покоя не находишь, моя милая дѣвушка.... Отчего это, говори?... Или и тебѣ наскучило твое одиночество: запросило сердце любви, не даетъ покою....

Онъ меня такъ спрашивалъ и такъ крѣпко прижалъ къ себѣ.... а я и не говорю ничего.... да вдругъ какъ обовью его шею своими руками, какъ зарыдаю!... Долго простояли мы такъ. И обнималъ и цѣловалъ онъ меня, говорилъ, что больше ужь и любить нельзя, какъ онъ меня любитъ. А я только слушала и дивилась: я ли это такая счастливая, что меня полюбилъ *такой* человѣкъ, и за что, и какъ? Давно ли была я на свѣтѣ сирота сиротой, а теперь, кажись, богаче меня и счастливѣе на свѣтѣ нѣтъ; и ничего, и никого мнѣ не нужно, кромѣ его одного. Разошлись мы часа черезъ два, и словно опьянѣлая какая пробралась я въ свою комнату, сѣла на окошко, да такъ вплоть до зари и просидѣла на немъ. И тихо, тихо все было на селѣ. Только слышала я, какъ звякнуло кольцо, когда Александръ Петровичъ сталъ входить къ себѣ въ баню, да часа черезъ два послѣ того тихо, тихо затворила свое окно мать-попадья. Видно и она не спала всю ту ночь, а думала.... жаль мнѣ ее стало.

Вотъ и стала я съ той поры частенько съ вечера въ садъ ходить, и все позже, да позже домой возвращаться. Господи, о чемъ только мы не перетолковали въ эти ночи! Всю свою жизнь будущую точно пережили, да и другихъ не забывали. И все-то у насъ выходило такъ складно, да хорошо. Станетъ мнѣ Александръ Петровичъ расказывать, какъ онъ осенью съѣздитъ въ Петербургъ и, всѣ свои дѣла уладивши, вернется, и скажетъ тогда сестрѣ, что хочетъ жениться на мнѣ, и какъ повѣнчаетъ насъ отецъ Ларіонъ, переѣдемъ мы вмѣстѣ въ новый домъ свой и сейчасъ же примемся вмѣстѣ съ нимъ за дѣла; какъ я буду сначала за больными, да за дѣтьми маленькими наблюдать, а онъ лечить, да учить будетъ, а вечеромъ будетъ еще со мной отдѣльно заниматься, и какъ намъ весело будетъ, когда мы, управившись с всѣми своими дѣлами, останемся вечеромъ съ нимъ вдвоемъ «Все равно, скажетъ, вамъ какъ теперь будетъ, да только и еще лучше».

— Саша, говорю я,—зачѣмъ же намъ до осени ждать да томиться Ты хоть бы сказалъ отцу Ларіону да матушкѣ, что мы все про межъ себя порѣшили: пусть ужь всѣ знали бы, что я твоя не вѣста.

Digitized by Google

— Нѣтъ, говоритъ,—Ариша, этого мнѣ дѣлать не слѣдуетъ, потому не знаю еще, какъ мнѣ удастся все въ Питерѣ покончить; такъ нечего намъ до поры, до времени другихъ людей путать въ наши дѣла.

Вотъ такъ-то прожили мы, знать, еще недѣли съ двѣ; ужь Адріанъ и Наталья подходитъ. Поѣхалъ Александръ Петровичъ въ городъ, купилъ сестрѣ къ имянинамъ швейную машину: она давно себѣ такую желала,—все хотѣлось ей побольше на людей работать, чтобъ хоть свою собственную копѣйку имѣть, не изъ всякой малости къ отцу Ларіону толкаться. Привезъ еще изъ города Александръ Петровичъ своего товарища, съ которымъ онъ прежде въ семинаріи былъ, а теперь онъ гдѣ-то въ школѣ учителемъ занимался. Такой онъ мнѣ неуклюжій да смѣшной показался, а ничего—добрый, веселый такой. Привезъ онъ въ ящикѣ какія-то штуки,—говоритъ, вечеромъ имянинницѣ фейерверки устрою. Встали мы утромъ въ тотъ день, убрались съ хозяйствомъ, пошла я, причесалась, надѣла новое голубое платье свое, да подвязавши фартукъ, стала столъ накрывать: извѣстно—имянины, всѣ отъ обѣдни къ имянинницѣ на пирогъ нагрянутъ. Дарья съ матушкой въ кухнѣ возятся, я въ комнатахъ управляюсь; гляжу, ужь девятый часъ, сейчасъ къ обѣднѣ ударятъ; хотѣла было пойти сказать матушкѣ, чтобъ одѣваться шла, а отецъ Ларіонъ говоритъ: «Не замай ее; пусть опоздаетъ, я лучше самъ за нее помолюсь, а она опять всю ночь не спала, все задыхалась, почитай, до утра и не ложилась; утро все въ кухнѣ суетится,—пусть отдохнетъ до гостей, а то совсѣмъ съ ногъ собьется». Сказалъ онъ такъ, взялъ шляпу и посохъ и вышелъ. Не прошло и пяти минутъ, прибѣжала изъ кухни мать-попадья. Я только-что стала ей объяснять, что ей велѣлъ передать отецъ Ларіонъ,—глядимъ, въ горницу идутъ Александръ Петровичъ да Никаноръ Иванычъ, тащатъ машину швейную и всю ее цвѣтами изукрасили. Обрадовалась мать-попадья, стала благодарить брата, стала возиться около его подарка, и цвѣты всѣ собрала въ пучекъ, въ стаканъ съ водой поставила, а два красненькихъ какъ-то остались, она мнѣ ихъ въ волоса воткнула,—и такая, гляжу я, она веселая, довольная; давно я ее такой не видала. Слава Богу, думала, видно отлегло ей маленько, а то очень она у насъ все послѣднее время болѣла, да тосковала. Возились, возились они возлѣ этой машины; Александръ Петровичъ ей все толковалъ, какъ это слѣдуетъ дѣйствовать; только самъ ли онъ плохо понималъ дѣло, или мать-попадья не очень

Digitized by Google

внимательно всѣ его наставленія слушала, только не ладилось у нихъ что-то. Смѣху и шутокъ было много, а дѣла никакого не выходило.

Я, тѣмъ временемъ, все закуски изъ кладовой ношу, да на столѣ устанавливаю, а Никаноръ Иванычъ мнѣ помогаетъ; и все мы шутимъ, и онъ меня для смѣху «красавица-барышня» называетъ. Какая, говорю я, вамъ барышня,—какъ есть крестьянка!.. «Что вы, говоритъ, да вы не въ примѣръ больше на хорошую, настоящую барышню похожи, чѣмъ предводительская дочь: та какъ есть гусаръ». — «Похвалилъ, нечего сказать! засмѣялся Александръ Петровичъ.—Кланяйтесь, благодарите, Ариша; онъ васъ съ барышней, да еще съ барышней-гусаромъ сравнивать вздумалъ. Не слушайте его, эдакого шалопая, а вотъ лучше подите-ка помогите намъ догадаться, какъ тутъ быть; а то вотъ у насъ иголка нейдетъ, да и все тутъ». Подошла я, поглядѣла черезъ его плечо, растолковалъ онъ мнѣ, какъ ему говорили, что дѣлать надо, и посадилъ онъ меня на свое мѣсто. Попробовала я, а машина моя какъ пошла работать,—любо-дорого глядѣть. «Ай-да золотыя ручки», говоритъ Александръ Петровичъ; ухватилъ мою руку, да и поцѣловалъ ее.

— Что вы, что вы! закричала я и отдернула руку. А онъ говоритъ: «Что же, вѣдь Никаноръ Иванычъ говоритъ, что вы барышня, а барышнямъ всегда ручки цѣлуютъ». А мать-попадья такъ вся и вспыхнула: «Это, говоритъ, можетъ, у васъ тамъ въ городѣ такъ водится, а у насъ, говоритъ, прошу такихъ манеръ не заводить». Встала и, не сказавши больше ни слова, пошла въ свою спальню одѣваться.

Кончилась обѣдня, пришелъ отецъ Ларіонъ съ просвирой и съ гостями. Вышла матушка, такая нарядная, да хорошенькая, даромъ что блѣдная. Стали здороваться, поздравлять, затѣмъ стали закусывать, а тамъ и цѣлый обѣдъ на столѣ очутился,—славно поѣли и пили всласть, до отвалу. За столомъ, чай, часа три просидѣли, а пообѣдавши, мужчины всѣ и женщины, кто постарше, распростились съ хозяевами, да разошлись и разъѣхались по домамъ; осталась только мельничиха, Анна Трофимовна, съ своими двумя дочерьми подросточками, да Луша, сестра дьякона, дѣвушка ужь на возрастѣ, да еще братъ Анны Трофимовны, малый такъ лѣтъ двадцати,—онъ съ старшимъ братомъ, съ полгода передъ тѣмъ, въ наши края пріѣхалъ, недалеко отъ мельницы дворъ держать стали. Какъ остались мы такъ-то,—

Digitized by Google

«что, говоритъ отецъ Ларіонъ, намъ въ душной комнатѣ сидѣть; поѣдемте лучше въ лѣсъ на пасѣку, и самоварчикъ съ собой возьмемъ. Я спервоначала тамъ сосну маленько въ прохладѣ, а молодежь наша по лѣсу побродитъ, грибовъ поищетъ; а затѣмъ, какъ стемнѣетъ, вотъ Никаноръ Ивановичъ какое-то представленіе дать обѣщалъ». Обрадовались всѣ, пошли сборы да смѣхи. Наложили на одну телѣгу всякой провизіи, и Дарью съ ней посадили, а она для имянинъ-то выпила, да такъ, сама не знаетъ чему, со смѣху и катается. На трехъ другихъ телѣжкахъ размѣстились мы кто куда попалъ, а Никаноръ Иванычъ даже верхомъ на лошадь, было, сѣлъ, что была запряжена въ нашу телѣжку, да его прогнали, не хотѣли срамиться,—такъ по селу ѣхать. Бубенцовъ, колокольчиковъ навязали, лошадей лентами да цвѣтами изукрасили: какъ выѣхали за ворота,—точно свадьба ѣдетъ. Глядятъ на насъ встрѣчные, ухмыляются, а мы себѣ пѣсни поемъ на всю улицу. Такъ добрались мы до лѣсу, а тамъ еще веселѣе стали. Прохладно да хорошо таково въ лѣсу-то. Отложили мы лошадей, разослали коврикъ, усадили мать-попадью да мельничиху; отецъ Ларіонъ ушелъ подъ навѣсъ къ сторожкѣ; Дарья стала около самовара хлопотать, а мы разбрелись всѣ по лѣсу, прячемся да аукаемся, и все Александръ Петровичъ наровитъ, какъ-бы намъ съ нимъ такъ сойтись, чтобы другіе не мѣшали. А тамъ собрались опять всѣ на полянку, стали въ горѣлки играть,—и все онъ меня ловитъ; а потомъ, какъ поймаетъ, такъ ужь изо всѣхъ силъ бьется, чтобъ меня кто другой не перебилъ. Такъ проиграли мы до поздняго вечера. А тутъ Никаноръ Ивановичъ сталъ свои ракеты пускать, и такъ онѣ хорошо загорались: какъ взлетятъ на небо, да станутъ звѣздой или змѣемъ надъ темнымъ лѣсомъ, а тамъ вдругъ и разсыплются,—просто прелесть! засмотрѣлись мы всѣ. Я стояла поодаль одна подъ деревомъ, любовалась; вдругъ чувствую, меня тихонько обнялъ кто-то; гляжу, Саша подлѣ меня. «Ариша, говоритъ, что это, какъ хорошо жить на свѣтѣ, и все еще и еще лучше будетъ». Я только-что хотѣла отвѣчать ему, смотрю,—а мать-попадья стоитъ въ двухъ шагахъ отъ насъ, и все видѣла, все слышала. Отшатнулись мы съ Александромъ Петровичемъ другъ отъ друга, а мать-попадья такъ кротко, да грустно говоритъ намъ: «Очень, говоритъ, я устала и нездоровится мнѣ. Братецъ, запрягите лошадь, я съ Дарьей да съ Сашей домой уѣду; а другихъ, говоритъ, нечего тревожить:

Digitized by Google

пусть всѣ веселятся». Пошелъ Александръ Петровичъ къ сторожкѣ, а я не вытерпѣла, такъ и залилась слезами. И жаль мнѣ мать-попадью отчего-то, и досадно мнѣ на нее до смерти.— Ну что, думаю, все суется она между мной и братомъ. Не бойсь, и любила меня и замѣсто сестры родной почитала, а вотъ какъ дошло до того, что и впрямь, можетъ, въ сестры попаду, такъ куда ты,—только бы какъ развести насъ.—Тутъ опять пришло мнѣ въ голову, и не въ первый разъ,—ну, а коли она сама его любила и до сихъ поръ любить не перестала? Такъ что же, думаю, вѣдь онъ ее не любитъ, сама она мужа имѣетъ,—что же ей намъ-то мѣшать?.. Пошла я, да съ досады стала всѣхъ звать домой, что мать-попадья молъ ѣдетъ, въ лѣсу стало мокро, пора и намъ по домамъ. И назадъ ужь мы ѣхали не такъ-то весело. Ребятишки позаснули, мы всѣ смолкли, только бубенцы да колокольчики по прежнему звенѣли, да будили собакъ, какъ въѣхали мы въ село.

Пріѣхали, распростились; я наскоро шепнула Александру Петровичу, чтобъ онъ ждалъ меня у колодца, уложила Сашу, дождалась, чтобы всѣ въ домѣ улеглись, и побѣжала въ садъ. Прихожу, ужь онъ тамъ.—Саша, говорю я ему,—я пришла къ тебѣ съ просьбой: не томи ты насъ всѣхъ дольше. Скажи ты сестрѣ завтра же всю правду; авось тогда всѣмъ намъ легче будетъ; а то развѣ ты не видишь, что кругомъ дѣлается? Вѣдь это только всѣхъ за душу тянетъ.—«Вижу, говоритъ,—*теперь все* вижу, Ариша, и твердо я рѣшился, что завтра же меня здѣсь не будетъ. Переѣду я къ себѣ въ домъ; хотя онъ и не отдѣланъ, все же ужь подъ крышей, и полы слать начали. Въ одной комнатѣ велю рамы вставить, да дверь навѣсить»...

— Саша, говорю я,—а я-то какъ же?

— А ты, пока, оставайся здѣсь, голубка моя,—вѣдь не долго уже терпѣть придется; да вѣдь и я здѣсь близехонько: видѣться часто будемъ.

— Нѣтъ, говорю, Саша, я такъ не хочу. Не можешь ты на мнѣ жениться,—возьми меня къ себѣ въ кухарки, въ прачки, во что хочешь, только отъ себя не гони! Не хочу я безъ тебя жить, дорогой мой! А что люди скажутъ,—мнѣ все равно: у меня ни за мной, ни передо мной никого и ничего нѣтъ; не кому мнѣ пѣнять да плакаться на меня. Правда, матушка да батюшка поили, кормили меня много лѣтъ,—такъ вѣдь и я же на нихъ работала не хуже работницы всякой. Любили они меня, люби-

Digitized by Google

ла и я ихъ; а если и теперь любятъ,—не пожелаютъ они мнѣ несчастья; а мнѣ безъ тебя жить—все равно, что въ воду.

— Ариша, говоритъ,—да вѣдь въ тысячу разъ лучше подождать, да и обвѣнчаться. А теперь, клянусь тебѣ, я, какъ честный человѣкъ, не долженъ тебя съ собой связывать.

— Ну и не связывай, говорю,—а любишь, такъ люби какъ жену, бери меня всю, чтобъ знала я, что я твоя, что ты мой.

Сказала я такъ-то, да такъ и повисла у него на груди. А онъ говоритъ:—«Ариша, голубчикъ мой, не соблазняй ты меня ради Бога! Не знаешь ты, чего мнѣ и такъ стоитъ себя сдерживать; да не вправѣ я, не хочу я твоимъ злодѣемъ быть. Ариша, дорогая, уходи, уходи скорѣй отсюда»! Самъ меня такъ-то гонитъ, и самъ не пускаетъ, цѣлуетъ меня и въ лицо, и въ грудь, и въ плечи...

Вдругъ какъ задребезжитъ что-то, точно рама вылетѣла. Глядимъ мы—стоитъ Никаноръ Иванычъ въ банѣ у окна, что въ садъ выходитъ, и ругается... «Чортъ, говоритъ, дьяволъ! По ночамъ таскается; а я тутъ, со сна, сталъ окошко отворять, да распроклятая эта рама вылетѣла,—всѣ руки изрѣзалъ»! Мы переглянулись, засмѣялись, смолчали; а ему насъ не видно. А онъ какъ гаркнетъ: «Сашка! чортъ! Да гдѣ же ты въ самомъ дѣлѣ пропадаешь? Тебя тутъ спрашиваютъ».

— Иду, иду, говоритъ ему Александръ Петровичъ,—а то вѣдь онъ, пожалуй, весь домъ перебудитъ.—Простились мы наскоро еще разъ и разошлись. Иду я черезъ дворъ къ крылечку, смотрю—мать-попадья на крыльцѣ стоитъ. «Ариша, говоритъ, гдѣ это ты по ночамъ шляешься? Вотъ пріѣхалъ къ намъ какой-то офицеръ,—и указываетъ на баню—такъ я сама должна была идти калитку отворять: Дарью послѣ имянинъ и не добудишься; а къ тебѣ въ свѣтелку сунулась, тамъ одинъ Саша». Я стою, молчу. «Что же, говоритъ, молчишь? Развѣ пристало молодой дѣвушкѣ по ночамъ на свиданіе бѣгать?»

Выслушала я.—Отчего же, говорю,—не пристало? Я вольный казакъ: кого хочу, того и люблю,—вѣдь я не мужняя жена..... Только это выговорила я, да и спохватилась,—да ужь поздно! Мать-попадья такъ и помертвѣла; губы у нея задрожали, хотѣла что-то сказать, да какъ зарыдаетъ. А я мимо нея бросилась—въ свѣтелку, прибѣжала, да такъ на постель и повалилась; такъ на себѣ волосы и рву.—Окаянная, думаю, что я наделала! Какъ это у меня языкъ-то повернулся, какъ мнѣ ей

Digitized by Google

послѣ этого въ глаза глядѣть будетъ! Мучилась я такъ-то, мучилась,—слышу, въ домѣ что-то заходило, въ калитку прошли, къ воротамъ словно кто подъѣхалъ. Что это, думаю, дѣлается? Сбѣжала внизъ, а у насъ ворота настежъ, стоятъ у воротъ двѣ телѣги, во дворѣ четыре солдата ходятъ, отецъ Ларіонъ что-то имъ объясняетъ, что онъ, молъ, ни къ чему этому не причастенъ, ничего этого не знаетъ, что хоть бы сейчасъ весь домъ обыскали.

— Ладно, говоритъ одинъ служивый.—Вотъ ихъ благородіе съ тѣми покончатъ,—тогда видно будетъ, нужно ли и вамъ осмотръ дѣлать.

— Какъ услыхала я все это, такъ у меня ноги и задрожали. Взошелъ отецъ Ларіонъ въ горницу, а я и спрашиваю служивыхъ, зачѣмъ это они сюда пріѣхали.

— А вотъ, говоритъ, тѣхъ молодыхъ господъ, что у васъ проживаютъ, велѣно захватить и въ наискорѣйшемъ времени въ Питеръ предоставить. Тамъ для эдакихъ птичекъ клѣточки позаготовлены.

Прошлась я тутъ-было къ банѣ,—загородилъ мнѣ другой солдатъ дорогу.

— Нѣтъ, говоритъ,—дѣвушка, это у насъ такъ не водится. Вотъ допроситъ ихъ тамъ ихъ благородіе, разберетъ ихъ бумаги, и коли милость будетъ, дастъ имъ проститься со своими, да и то при себѣ, а не одному, потому теперь они, значитъ, казенная вещь, мы за нихъ отвѣчаемъ... А казенная-то вещь, извѣстное дѣло, на огнѣ не горитъ и въ водѣ не тонетъ.

Вернулась я на крыльцо,—ноги меня не несутъ. Сѣла и гляжу на баню,—глазъ не свожу. Только и думаю, какъ-бы мнѣ его не пропустить, хоть еще разъ взглянуть. Долго ли я такъ сидѣла, не знаю: мнѣ то за цѣлый вѣкъ показалось. Вотъ отворилась дверь, вышелъ Никаноръ Ивановичъ, въ пальто и съ шапкой, за нимъ офицеръ, въ шинели и фуражкѣ. А послѣдній вышелъ Александръ Петровичъ, тоже одѣтый по дорожному. Подозвалъ офицеръ солдатъ, велѣлъ чемоданы изъ бани переносить на телѣгу, потомъ обратился къ Александру Петровичу и говоритъ: «Если желаете съ кѣмъ изъ своихъ проститься, скажите».

Услышалъ это изъ горницы отецъ Ларіонъ, вышелъ на крыльце, сталъ съ братомъ прощаться и все что-то приговариваетъ, что онъ тутъ ни въ чемъ не виноватъ, чтобъ Александръ Петровичъ, за его хлѣбъ-соль, не впуталъ его во что. Вдругъ

Digitized by Google

дверь отворилась и выбѣжала мать-попадья, стремглавъ пронеслась она мимо меня съ крыльца, словно ничего и никого не видитъ кромѣ брата, и бросилась къ нему. Долго стояли обнявшись братъ и сестра; а когда руки ея опустились, онъ вмѣстѣ съ отцёмъ Ларіономъ тихонько, бережно понесъ ее на крыльце. Она не плакала и не рыдала: обмерла она вся, и уже не чувствовала, что кругомъ ея творилось. Внесли ее въ комнату, положили на диванъ. Даже солдаты не шелохнулись за ними идти, словно ихъ совѣсть зазрила.

Вышелъ минуты черезъ двѣ Александръ Петровичъ и остановился возлѣ меня: «Ариша, говоритъ,—видишь, что я правъ былъ. Вотъ она судьба-то моя куда повернула! Не кляни меня, Ариша! Я честно хотѣлъ честнаго дѣла. Береги себя, береги сестру. Прощай, моя ненаглядная....»

Онъ крѣпко обнялъ меня и прижалъ къ себѣ такъ, точно съ собой унести хотѣлъ. А я словно окаменѣла вся: ужь они и за вороты вышли, и въ телѣги сѣли съ жандармами,—я только тогда будто опомнилась вдругъ.—Саша, кричу, другъ мой, счастіе мое, прощай,—да какъ брошусь бѣжать за ними. А ямщики уже хлестнули своихъ лошадей; понеслись тройки, и вмигъ не стало видно ничего, кромѣ пыли, что поднялась изъ-подъ колесъ.

III.

Съ недѣлю, должно быть, мать-попадья была очень плоха. Отецъ Ларіонъ два раза за докторомъ въ Ручьи посылалъ, спрашивалъ у него, что эта за болѣзнь у жены. Тотъ ничего не сказалъ, только все головой покачивалъ. Я тѣмъ временемъ жила—точно это не я живу: вставала, ложилась, ѣла, все въ хозяйствѣ справляла, за матушкой ходила, за Сашей присматривала,—словомъ, все дѣлала словно и живой человѣкъ, а внутри у меня словно все вымерло и ничего мнѣ не нужно, а дѣлаю я такъ, по привычкѣ; да и нельзя въ нашемъ быту сложа руки сидѣть. Пока матери-попадьѣ очень плохо было,—она и не замѣчала, кто возлѣ нея: ничего не говорила, да и глазъ-то почти не открывала, очень слаба была; а какъ стала она въ себя приходить, вижу я, точно ей всякій разъ непріятно, какъ я подойду. Стала и я удаляться. Уберусь совсѣмъ въ домѣ, возьму свое шитье да Сашу,

Digitized by Google

и уйду съ нимъ или на рѣчку, или на кладбище, а въ садъ никакъ взойти не могла рѣшиться. Разъ какъ-то затащилъ меня Саша въ баню,—все просилъ посмотрѣть, не тамъ ли дядя. Я взошла съ нимъ, гляжу: и постель его, и столъ, и на столѣ вещицы кой-какія, да книжки,—все по старому. Только цвѣты на окошкѣ засохли. Постояла я, поглядѣла,—да какъ захохочу, да такъ дико захохотала, что даже Саша испугался, заплакалъ. А я схватила его за рученку и бросилась вонъ бѣжать.

Недѣли черезъ двѣ стала немножко поправляться Наталья Дмитревна. Стала вставать, по комнатѣ бывало пройдетъ, сядетъ, чаю выпьетъ съ отцемъ Ларіономъ. Вотъ какъ-то разъ собрался отецъ Ларіонъ верстъ за десять на требу и говоритъ мнѣ, выѣзжая: «Ты, Ариша, не оставляй ее одну. Сохрани Богъ, ей опять дурно сдѣлается»... Проводила я его и пошла въ горницу. Думаю: въ спальню къ ней на глаза соваться не буду, а сяду съ работой въ гостиной, — оттуда все мнѣ будетъ слышно, что она дѣлаетъ. Вхожу я такъ тихонько, гляжу, а она сидитъ передъ швейной машиной; не шьетъ, а уставилась глазами на одно мѣсто, а слезы у нея такъ и капаютъ. Какъ увидала я ее, бросилась къ ней, уткнулась лицемъ ей въ колѣна, да такъ и зарыдала. А она провела рукой по моей головѣ и ласково такъ говоритъ: «Что дѣлать, Ариша, остались мы съ тобою опять вдвоемъ, да и то не надолго: скоро и меня не будетъ. Давай же, будемъ жить пока по прежнему, какъ двѣ сестры».

— Матушка, говорю я рыдаючи,—не говорите такъ. Онъ велѣлъ беречь васъ, вы выздоровѣете.....

— Нѣтъ, говоритъ, Ариша; да мнѣ и не хочется,—устала очень.

И съ той минуты стала она опять по прежнему со мною—кротка и ласкова. Только ужь не было между нами разговоровъ душевныхъ. Бывало, дома отецъ Ларіонъ, сидимъ мы трое въ комнатѣ—и ни слова. Онъ про себя книгу читаетъ, мы работаемъ. Одинъ Саша прыгаетъ, да щебечетъ, да пристаетъ ко всѣмъ съ разспросами. А уѣдетъ куда отецъ Ларіонъ, да увезетъ Сашу, такъ у насъ по цѣлымъ часамъ только и слышно, какъ часы тукаютъ, тукаютъ, да пробьютъ. Да Наталья Дмитріевна вздыхаетъ, вздыхаетъ, да такъ закашляется, что я того и гляжу, что она Богу душу отдастъ. На дворѣ-то ужь осень стояла: дожди да туманы пошли. Все-то кругомъ темно, невесело. А и солнышко на минуту выглянетъ—свѣтитъ оно къ намъ въ комнату точно на могилу.

Digitized by Google

Къ Покрову вернулась старуха, мать попадьи, отъ сестры изъ Чернигова. Какъ увидала она дочь, такъ и всплеснула руками: «Что это, говоритъ, вы надъ ней сдѣлали»? А меня она этимъ словомъ точно въ сердце кольнула: точно я одна во всемъ томъ виновата. И стали мнѣ припоминаться всѣ мои слова и поступки,—и вижу я, вправду, много, много моей вины было передъ матерью-попадьей. Забывала я за своимъ счастьемъ ея горе, не берегла ее тамъ, гдѣ поберечь можно было. А въ послѣднійто вечеръ, Господи, что сказала ей тамъ на крыльцѣ!..... И положила я себѣ тутъ же, что все, все сдѣлаю, что съумѣю и смогу, чтобъ успокоить ее.

Съ тѣхъ поръ, какъ поселилась у насъ Анисья Яковлевна, мать попадьи, стало у насъ какъ будто немножко поживѣе. Она хотя и не очень умная была старушка, да зато такая добрая и балагурка. Попривыкла она къ тому, что дочь больна, и какъ-то ужь она не очень печалилась этимъ. Все себя утѣшала, что это пройдетъ, что не надо только вотъ ей задумываться давать. Вотъ, бывало, она и болтаетъ безъ умолку: все расказываетъ про то, что видѣла и слышала, когда на богомолье ходила. А не то, со мной или Дарьей шутить примется,—все въ домѣ-то какъ будто повеселѣе стало: живой человѣкъ завелся.

Выпалъ снѣжокъ. Стала и Анна Трофимовна къ намъ частенько жаловать. И замѣчаю, что они все что-то между собою шушукаются. Наконецъ, слышу—это они меня просватать хотятъ за младшаго брата Анны Трофимовны, за Петра. Молчу я: пусть, думаю, языки почешутъ,—вѣдь меня отъ этого не убудетъ, не прибудетъ.

Только вижу, стали они съ этимъ дѣломъ къ Натальѣ Дмитревнѣ приставать. Не знаю, что она имъ на первыхъ порахъ на это отвѣтила, но только разъ, въ суботу, ушли всѣ ко всенощной, осталась я одна съ матушкой,—она въ тѣ поры уже никуда не выходила. Она и говоритъ мнѣ: «Ариша, ты знаешь, что матушка моя да Анна Трофимовна тебя просватать собираются?»

— Слышала, говорю.

— Ну что же ты, говоритъ,—объ этомъ думаешь?

— Да ничего, говорю,—не думаю. Я совсѣмъ замужъ не сбираюсь.

А она мнѣ на это и говоритъ: «Какъ же это ты жить думаешь, Ариша? Вотъ я помру, куда ты дѣнешься? У отца Ларіона тебѣ оставаться не приходится: молодъ еще онъ,—дурные люди

Digitized by Google

какъ разъ про васъ недобрые слухи пустятъ.... не посмотрятъ на то, что онъ тебѣ всегда замѣсто отца роднаго былъ. Были бы еще твои прежніе господа здѣсь,—къ нимъ бы пошла: они люди добрые, можетъ, и не оставили бы тебя. Такъ вѣдь ихъ нѣтъ. Вотъ вѣдь они который годъ въ чужихъ краяхъ живутъ, а управляющій ихъ, Богъ знаетъ, что творитъ, сунься-ка къ нему: онъ тебя, пожалуй, за мужика выдастъ, да еще за самаго ледащаго.

— Матушка, говорю,—все это такъ, да право мнѣ и думать о себѣ не хочется,—что будетъ, то и будетъ. А идти за Петра—это мнѣ все равно, что съ плотины броситься. Замолчала она. Перестали съ той поры что-то и мои свахи объ этомъ разговаривать.

Такъ прошли и святки и масляница. Мы все живемъ по старому; Наталья Дмитревна таетъ, какъ свѣчка. Анисья Яковлевна все ждетъ весны, чтобы дочь къ Сергію Преподобному свести; отецъ Ларіонъ все сумрачнѣе становится: видитъ, что не мять его женѣ зеленой травы; а я плетусь изо дня въ день, сама не знаю какъ. Назадъ погляжу — горько, все горько, даже горько вспоминать пережитое счастье. Впереди только и вижу что могилу, въ которую положатъ матушку,—а у меня и свѣту въ глазахъ только, что она одна, съ тѣхъ поръ какъ *его* увезли. А онъ?... Гдѣ онъ, что съ нимъ?... Ничего не знаемъ. Писала Наталья Дмитревна въ Петербургъ къ родственницѣ, просила узнать,— ничего не отвѣтили.

Наконецъ, въ самый чистый четвергъ получаетъ отецъ Ларіонъ письмо изъ Питера. Пишетъ ему одинъ изъ пріятелей Александра Петровича, что Александръ Петровичъ проситъ увѣдомить родныхъ, что судъ надъ ними оконченъ, и приговоренъ онъ къ ссылкѣ въ Сибирь. Не хотѣлъ было отецъ Ларіонъ тревожить этою вѣстью свою больную жену и сказалъ только мнѣ да Анисьѣ Яковлевнѣ; а та какъ всплакалась, пошла причитать,—услыхала матушка, стала приставать: о чемъ? Пришлось и ей все сказать. Она безъ того плоха была, а съ этого дня ужь съ постели почти не поднималась. Въ концѣ Святой говоритъ она мнѣ: «Ариша, теперь ты ужь навѣрное знаешь, что тебѣ его нечего ждать. Рѣшайся, милая, выходи за Петра,—я покойнѣе умру, какъ буду знать, что ты пристроена. Человѣкъ онъ смирный, добрый, нужды тебѣ съ нимъ терпѣть не придется; коли у него немножко ума не хватаетъ, зато у его брата, Андрея, его вдоволь, а они вмѣстѣ дѣло ведутъ. Говорятъ, они дворъ-то такъ отстроили, что любо-дорого глядѣть, и лавку при немъ открыли, и кабакъ сня-

Digitized by Google

ли. Будешь жить коли безъ большаго счастья, такъ и безъ большихъ заботъ. А вотъ я еще сама бы, своими руками, тебя къ вѣнцу снарядила.

Выслушала я все это—точно не обо мнѣ рѣчь.—Что-жь, говорю, матушка, коли вамъ такъ хочется—мнѣ все равно. И вправду мнѣ тогда было все равно: что за Петра идти, что умирать, только бы ей въ ту минуту не перечить: пусть ее, думаю, хоть чѣмъ нибудь еще на свѣтѣ потѣшится.

Ну, и въ самомъ дѣлѣ, она какъ будто встрепенулась, ожила на время: сама устраивала сговоръ, сама составляла записку отцу Ларіону, что покупать въ городѣ къ свадьбѣ; при себѣ велѣла намъ укладывать въ сундуки все приданое, какое наготовила мнѣ за пять лѣтъ: своими руками благословила и отпустила меня къ вѣнцу. Только просила Петра, чтобъ онъ привезъ меня къ ней хотя черезъ недѣльку и оставилъ за ней походить. Свадьбу сдѣлали тихую, чтобы больную не растревожить, да и у молодаго въ домѣ большой гульбы не устраивали: я просила, чтобы никого не звали, кромѣ самыхъ близкихъ.—А то, говорю, отцу Ларіону не до пировъ теперь, а на мать мою названую глядючи, намъ и у себя въ дому большаго веселья затѣвать не приходится. Братъ-то Андрей согласился: чай, радъ былъ, что такимъ манеромъ можно меньше на свадьбу истратить, а Петру было все равно: онъ этихъ кутежей до смерти не любитъ, а въ тѣ поры былъ еще такой застѣнчивый, точно красная дѣвушка. Мы двѣ недѣли женихомъ и невѣстой были, а онъ во все время и десяти словъ со мной не сказалъ. И я этому рада была: по крайности, думаю, приставать много не станетъ. Послѣ свадьбы, эдакъ черезъ недѣлю, онъ отъ обѣдни зоветъ меня къ отцу Ларіону. Матушка обрадовалась мнѣ, а когда всѣ вышли, говоритъ: «Ариша, останься у насъ. Я теперь ужь скоро покончу». Осталась я, и тутъ, въ эти послѣдніе шесть дней ея жизни, все говорили мы про Александра Петровича, когда останемся вдвоемъ. И о прошломъ вспомнили, и о томъ разсуждали, гдѣ и какъ онъ теперь живетъ.

Я стану утѣшать ее, говорю, что его, можетъ, на поселенье только сослали, а что на поселеніи-то, говорятъ, очень хорошо люди живутъ. Можетъ, онъ тамъ и лечить и учить будетъ, и будутъ его люди любить, и хорошо ему тамъ. «Дай-то Богъ, скажетъ мать-покойница,—а мнѣ все страшно: ну, какъ его на каторгу сошлютъ, мучить станутъ. Я ужь его раза два въ кандалахъ во снѣ видѣла».

Digitized by Google

И въ послѣднюю ночь ее все мучилъ этотъ страшный сонъ. И въ бреду она все просила, чтобы съ него сняли желѣзо, что оно ему всѣ ноги изранило, разъѣло. Къ утру она смолкла, а черезъ три дня мы похоронили ее, а я осталась жить....

Въ этомъ «а я осталась жить» Арины послышалось столько скорби, столько горечи и слезъ, что я просила ее не тянуть себя за душу тяжелыми воспоминаніями, а расказать только въ короткихъ словахъ о своей замужней жизни и о томъ преступленіи, которое привело ее въ острогъ. Меня теперь поражало только то обстоятельство, что преступленіе это было—кража. По всему расказу Арины, скорѣе можно бы было ожидать убійства или покушенія на свою жизнь. Я высказала это своей собесѣдницѣ.

Нѣтъ, сказала она,—въ убійцы я, должно быть, не гожусь. Не знаю отъ чего, но каждый разъ, когда мнѣ приходило въ голову убить себя, мнѣ было это противно и страшно. А мужа за что бы я стала убивать? Онъ вѣдь мнѣ ничего дурнаго не сдѣлалъ. Человѣкъ онъ смирный, тихій,—курицы не обидитъ. И чѣмъ же онъ виноватъ, что женился на мнѣ? Скорѣе я себя въ томъ винить могу, что пошла за него, когда ужь у меня все сердце выболѣло, и знала я, что никого уже больше любить не буду, а шла только такъ, чтобы мать-попадью успокоить. И чего же я за это натерпѣлась—не приведи Господи! Какъ вернулась я домой, схоронивши мать-попадью, встосковалась я такъ, что просто хоть живая въ гробъ ложись, и что дальше, то хуже, тошнѣе мнѣ становится. Прошелъ цѣлый годъ, родила я сына, а все мнѣ не легчаетъ. Пока еще ждала я его, мнѣ все казалось, что вотъ буду любить его, и свѣтъ Божій станетъ мнѣ милѣе съ нимъ. А родился онъ, глянула я на него, такъ у меня сердце оборвалось—вылитый отецъ. И точно что̀ стало между имъ да мною. Не то чтобъ я не любила его—все же своя плоть и кровь,—жалѣла я его, ухаживала за нимъ, а только тоски не снялъ онъ съ моего сердца,—и все мнѣ казалось, точно онъ не совсѣмъ мой. Такъ промучилась я еще года полтора,—и все противнѣе становилась мнѣ жизнь моя одинокая. Положимъ, мужъ и любилъ меня, уважали меня и деверь и невѣстка,—ужь очень работой моей они были довольны,—а мнѣ тошно съ ними жить: не съ кѣмъ слова сказать, не съ кѣмъ горя своего разгоревать. Я въ то время и говорить-то, почитай, совсѣмъ разучилась. А ужь весна придетъ, я совсѣмъ какъ шальная хожу. Все-то зацвѣтетъ, запоетъ, защебечетъ, для всего словно новая жизнь настаетъ,—я одна живу

Digitized by Google

по прежнему, мнѣ одной никуда выхода нѣтъ. Бывало, думаю: хоть бы на время я отсюда вырвалась, на свѣтъ Божій бы посмотрѣла. Случалось, ночуютъ у насъ на дворѣ извощики, выѣдутъ они утромъ рано, протянутся по дорогѣ ихъ телѣги, бодро ступаютъ лошади, весело идутъ за ними извощики, а я гляжу имъ вслѣдъ, да думаю: что кабы съ ними вмѣстѣ уйти можно было,—то-то бы раздолье было!—А то, бывало, лѣтнимъ дѣломъ, идутъ богомольцы мимо, съ своими котомочками; остановятся у насъ подъ окномъ, кваску испить попросятъ. Угощаю я ихъ и распрашиваю, откуда и куда идутъ,—и такъ мнѣ станетъ завидно: счастливые, думаю, идутъ они себѣ на свободѣ, проходятъ мѣстами хорошими, новыхъ людей видятъ; а придутъ въ святой градъ,—пойдутъ, съ вѣрою помолятся угодникамъ Божіимъ. Можетъ, у нихъ на сердцѣ-то и поотляжетъ, какую бы ни принесли они кручину съ собой. Просилась и я раза два у своихъ въ Кіевъ сходить—не пустили. «Кто же, говорятъ, пока съ твоимъ мальчонкой нянчиться будетъ? Да и что ты, старуха что ли какая или болящая, чтобы по богомольямъ ходить?» Вздумала я было разъ какъ-то бѣжать,—вотъ такъ бѣжать, куда глаза глядятъ, да тамъ высмотрѣть гдѣ нибудь хорошихъ людей, да наняться у нихъ въ работницы,—да куда же пойдешь безъ паспорта? Такъ и рѣшила я, что нечего мнѣ дѣлать, какъ ждать, пока мой конецъ придетъ. И, можетъ, такъ бы я и вѣкъ свой свѣковала, кабы не случай такой подвернулся.

Сидѣла я разъ вечеромъ на лавочкѣ подъ окномъ, поджидала скотину изъ поля. И слышу я, какъ купецъ какой-то, что остановился у насъ лошадей кормить, разговариваетъ съ деверемъ Андреемъ. Пили они чай вмѣстѣ и сидѣли у открытаго окна. И расказываетъ тотъ купецъ о своемъ племянникѣ, какъ, схоронивши отца и получивши капиталъ въ руки, закутилъ парень,—да такъ закутилъ, что всѣ свои денежки въ одинъ годъ спустилъ; да какъ не стало своихъ, сталъ въ чужіе карманы заглядывать. «Жаль, говоритъ купецъ,—малаго, а теперь ужь не отвертѣться ему. На дняхъ такъ проворовался, что въ острогъ посадили. Укралъ онъ, видишь ты, изъ серебряной лавки три ризы, два бокала, да дюжины четыре ложекъ серебряныхъ,—значитъ, всего, примѣрно, рублей на двѣсти серебромъ будетъ».

— Ну и что-жь за такія дѣла ему будетъ? спрашиваетъ Андрей.

— Да что? говоритъ купецъ,—извѣстно, Сибири не миновать.... На поселеніе сошлютъ, какъ пить дадутъ.

Digitized by Google

Какъ услыхала я это, такъ вся и задрожала.—Такъ вотъ, думаю, какимъ манеромъ можно попасть туда, въ Сибирь-то эту, гдѣ Александръ Петровичъ живетъ! Вотъ какъ можно избавиться и отъ мужа нелюбимаго и отъ здѣшней жизни ненавистной!— И съ той поры только и думъ у меня въ головѣ было, какъ-бы такъ сдѣлать, чтобы сослали и меня на поселеніе. Наконецъ, и случай украсть представился: услыхала я, что за господскимъ садомъ, на луру, бѣлятся и пересушиваются тонкія полотна, скатерти и салфетки, о которыхъ ключница при мнѣ сказывала, что онѣ дорогаго стоютъ. Забралась я туда раннимъ утромъ и захватила ихъ столько, сколько унести смогла. Одного только и боялась, какъ-бы не мало взять: пожалуй, не сошлютъ. И какъ я тутъ же не попалась—сама не знаю: вѣдь не воровала же я отъ роду, а тутъ, кажись, самый ловкій воръ долженъ бы попасться съ эдакимъ большимъ узломъ. Принесла я все домой, положила въ сундукъ свой, что стоялъ у насъ въ холодной избѣ, и одна у меня забота осталась, что, ну какъ меня не станутъ обыскивать. Такъ прошло все утро. Въ обѣдъ приходитъ съ рѣки невѣстка: «Ариша, говоритъ,—слышала ты, у господъ бѣлье хорошее покрали? Да и чудны-жь они тамъ: посадили слѣпую Филипьевну караулить. Она теперь, говорятъ, такъ и воетъ на весь дворъ, бѣдняга.»

Услыхала я это,—жаль мнѣ стало Филипьевну. Ужь хоть бы, думаю, скорѣе все это дѣло раскрылось. Не горевала-бъ старуха, что изъ-подъ ея рукъ пропало господское добро. И рѣшила я тутъ же пойти къ писаревой женѣ,—она у насъ болтушка извѣстная была,—такъ ее на селѣ и звали всѣ прорваннымъ рѣшетомъ,—и сказать ей, не хочетъ ли она, я ей за дешево предоставлю отличныя полотна, только чтобъ она мнѣ побожилась, что никому объ этомъ сказывать не будетъ. Часа въ четыре, знать, я была у ней, а къ вечеру меня и заарестовали. Дивились родные, дивились знакомые,—никто повѣрить не могъ, чтобъ я была воровкой. Понять не могли они, зачѣмъ это я на такое дѣло рѣшилась. «Знать окаянный попуталъ», говорили всѣ, и принимались жалѣть обо мнѣ. Всѣ они знали меня за бабу честную, безупречную. Пріѣхалъ и отецъ Ларіонъ, сталъ увѣщевать меня: «Ариша, говоритъ,—что побудило тебя забыть заповѣдь Божію, забыть наши съ матушкой наставленія? Зачѣмъ ты это сдѣлала»? — Горько мнѣ было слушать его.—Батюшка, говорю,—неужели вы тоже думаете, что я воровка? Подумайте сами, зачѣмъ мнѣ это

Digitized by Google

нужно было сдѣлать, да тогда и судите меня.—Нѣсколько минутъ пристально смотрѣлъ онъ мнѣ въ глаза, затѣмъ отвернулся и заплакалъ.

— И вотъ какъ я попала въ острогъ, заключила Арина.—Жду, не дождусь теперь, когда насъ отправятъ.

— И не жалѣешь ты о томъ, что сдѣлала? спросила я.—Не жаль тебѣ сына, мужа?...

— Не жаль, отвѣтила она твердо.—Они за братомъ Андреемъ, какъ у Христа за пазухой, проживутъ: имъ худо не будетъ, тѣмъ больше, что у Андрея у самого дѣтей нѣтъ. А для себя—о чемъ я буду жалѣть? Да я точно изъ душной избы на вольный воздухъ выбралась. Я и въ острогѣ-то словно свободнѣе стала, чѣмъ дома была. А какъ пойдемъ-то мы, Господи!... Опять передо мною вся жизнь какъ словно скатертью разстелется. Вѣдь я все буду идти, все буду думать, какъ я найду его тамъ. Ну, а не найду.... она остановилась на минуту, точно у нея въ горлѣ пересохло,—прожить-то вездѣ можно,—мое все при мнѣ останется: и голова и руки рабочія.

Мы помолчали немного.

— Ну, что же? спросила она меня вдругъ.—Что, хорошо я, по-вашему, сдѣлала? Или вы не такъ бы стали дѣлать, кабы на моемъ мѣстѣ были?

— Хорошо, отвѣтила я.—А я бы такъ не сдѣлала, потому что силъ не хватило бы, прибавила я тише и, поцѣловавши Арину, горько заплакала—не о ней, конечно, а о себѣ и другихъ.

Черезъ недѣлю ее отправили съ партіей другихъ арестантовъ. Какъ сейчасъ вижу я, какъ бодро стоитъ она на острожномъ дворѣ, озираясь кругомъ своимъ спокойнымъ, рѣшительнымъ взглядомъ, и тихо и степенно кланяется народу, и привѣтно и свѣтло улыбается мнѣ на прощаньи. Кругомъ прощаются, плачутъ, бранятся, суетятся провожающіе, суетятся отправляющіеся, суетится начальство, снаряжающее въ путь партію, и солдаты, долженствующіе сопутствовать ей,—одна Арина спокойна: она достигла цѣли, она вырвалась изъ неволи и идетъ навстрѣчу новой жизни, которую взяла съ бою!...

Москва.
Мартъ 1871.

Ю. А.....ъ.

*

Digitized by Google

ВОЗРОЖДЕНІЕ ГЕРМАНІИ

и

ФИХТЕ СТАРШІЙ *).

Лекція I.

Въ 1862 году, германское общество шумно праздновало столѣтній юбилей рожденія Фихте старшаго. Не многіе изъ знаменитыхъ философовъ этой страны удостоились такой чести. Германія, конечно, не забыла ихъ. Въ обширномъ умственномъ капиталѣ своемъ, благодарное общество умѣетъ открыть вклады, принадлежащіе его великимъ мыслителямъ. Почему же именно Фихте вызвалъ такое одушевленное сочувствіе? Потому ли, что его философская система стоитъ выше другихъ?—Далеко нѣтъ. Философія Фихте, даже въ свое время, не имѣла такого всеобъемлющаго значенія, какое прежде его имѣлъ Кантъ, а послѣ Гегель. Въ свое время, система Фихте была однимъ изъ возможныхъ способовъ разрѣшенія задачъ, поставленныхъ критическою философіей Канта. Она совпадаетъ со временемъ плодотворнаго, но переходнаго движенія философской мысли: субъективный идеализмъ Фихте—переходная ступень къ всеобъемлющимъ системамъ спекулятивной философіи: объективному идеализму Шеллинга и абсолютному идеализму Гегеля.

Смѣло можно сказать, что еслибы Фихте оставилъ Германіи только свою философію, его имя стояло бы, въ общественномъ сознаніи, не многимъ выше именъ Рейнгольда или Якоби. Н

*) Публичныя лекціи, читанныя въ мартѣ сего года въ С.-Петербургѣ.

Digitized by Google

въ дѣятельности Фихте была другая сторона, которая даетъ его личности необыкновенное обаяніе въ глазахъ не только германца, но и всякаго, кому дороги человѣческіе интересы. Въ отношеніи къ созерцательной, философской способности, онъ уступалъ Канту и Гегелю; но онъ превосходилъ ихъ стремленіемъ перевести философскія понятія въ жизнь, стремленіемъ обновить дряхлѣвшее общество, посредствомъ воспитанія его къ новой, духовной жизни. Фихте не какъ философъ, но какъ проповѣдникъ философіи, какъ народный учитель, ораторъ, навсегда останется въ памяти политической Германіи. Эта сторона дѣятельности Фихте пріобрѣтаетъ особенную важность, если мы вспомнимъ, на какую цѣль она была направлена. Воспитаніе народа къ новой духовной жизни, въ глазахъ Фихте, было средствомъ подвинуть впередъ національное дѣло Германіи, сначала освободить его отъ ига чужеземцевъ, а затѣмъ сдѣлать изъ нея могущественный органъ исторической жизни человѣчества.

Слѣдовательно, воспоминаніе о Фихте, въ глазахъ германскаго общества, неразрывно связано съ исторіей національнаго вопроса, которому онъ далъ такой могущественный толчокъ. Эта сторона дѣятельности Фихте будетъ предметомъ моихъ чтеній.

На первый разъ можетъ показаться страннымъ, почему русскій публицистъ обращаетъ вниманіе русскаго общества на трибуну чуждой и, во многихъ отношеніяхъ, враждебной намъ народности; еще страннѣе покажется то обстоятельство, что я предполагаю, посредствомъ этихъ чтеній, вызвать горячее сочувствіе къ человѣку, усилія котораго, по видимому, содѣйствовали образованію державы, вызывающей нѣкоторыя опасенія со стороны всѣхъ европейскихъ государствъ. Конечно, служеніе цѣлямъ своего отечества—дѣло почтенное; хорошіе патріоты однѣхъ странъ всегда могутъ служить полезнымъ примѣромъ для другихъ. Но дѣлать изъ этихъ примѣровъ предметъ чтеній—значитъ впадать въ ненужный дидактическій тонъ, всегда непріятный образованному обществу.

Но мы обращаемся къ памяти Фихте вовсе не съ цѣлію нравоученія на примѣрахъ. Патріотическая дѣятельность Фихте не состояла только въ актахъ самопожертвованія въ пользу отечества; онъ вызывалъ общественное уваженіе и удивленіе не одними свойствами своего характера—мужествомъ, твердостью и честностью. Всѣ акты его воли и свойства его души были отданы на служеніе высшей философской идеи; онъ умѣлъ оста-

Digitized by Google

ваться философомъ при разрѣшеніи самыхъ жгучихъ, практическихъ вопросовъ тогдашней политики. Не уступая въ достоинствѣ патріотическихъ актовъ лучшимъ изъ своихъ современниковъ, онъ съумѣлъ возвести вопросъ о національности на степень вопроса философскаго, слѣдовательно, общечеловѣческаго, сдѣлать изъ понятія національности принципъ *философіи исторіи*, Въ этомъ заключаются его права на вниманіе просвѣщенныхъ патріотовъ всѣхъ странъ и народовъ. Мы должны нѣсколько пояснить нашу мысль.

Вопросъ о національности, въ своей грубой, не философской формѣ, представляется вопросомъ объ узкой исключительности національной жизни, исключающей всякое международное общеніе. Въ большинствѣ случаевъ, эта изолированность народа опирается на понятіе о превосходствѣ одной народности надъ другою. Если такой народъ выходитъ изъ своей изолированности, то исключительно съ цѣлью всемірнаго преобладанія, на которое онъ, какъ «призванная» народность, имѣетъ право. Исчезновеніе, поглощеніе другихъ народностей—конечная цѣль такого взгляда: презрѣніе «призванной» народности къ «призваннымъ»—естественная форма ихъ отношеній. Военное могущество—единственное средство осуществить такую національную цѣль. Эти первобытные элементы національнаго вопроса не утратили своего значенія и въ настоящее время, въ самомъ отечествѣ Фихте. Мы слышимъ о томъ, что славянскій міръ осужденъ на вѣчное прозябаніе, что латинская раса отжила свой вѣкъ, что единственное спасеніе европейскаго материка заключается въ безусловномъ подчиненіи диктатуры «призванной» расы.

Понятно, что такая постановка вопроса не имѣетъ никакого философскаго основанія. Во имя чего ни провозглашалось бы поглощеніе и порабощеніе народностей,—во имя ли племенныхъ достоинствъ порабощающей расы, или во имя ея высшей цивилизаціи,—въ основѣ дѣла будетъ лежать грубое физическое насиліе, смерть народностей, этихъ живыхъ организмовъ человѣческаго рода. Средства будутъ соотвѣтствовать основанію. Идеи грубаго преобладанія выражаются въ формѣ внѣшняго, политическаго могущества. Другими словами, національныя задачи сводятся къ задачамъ политическаго преобладанія, основаннаго на военной силѣ.

Философія исторіи видитъ въ національномъ вопросѣ нѣчто другое. Для философіи народность есть живая, коллективная личность, отличающаяся отъ другихъ особенностями своего харак-

Digitized by Google

тера, своихъ умственныхъ и нравственныхъ способностей, а потому имѣющая право на независимое существованіе и развитіе. Это разнообразіе національныхъ особенностей есть коренное условіе правильнаго хода *общечеловѣческой* цивилизаціи. Каждый народъ, какъ бы ни были велики его способности и богаты его матеріальныя средства, можетъ осуществить только одну изъ сторонъ человѣческой жизни вообще. Лишить человѣчество его разнообразныхъ органовъ — значитъ лишить его возможности проявить во всемірной исторіи все богатство содержанія человѣческаго духа. Теорія «призванныхъ» народностей построена на понятіи единства и исключительности цивилизаціи; ея идеалъ—всемірное государство, наполненное «общечеловѣками», скроенными по образцу преобладающей расы. Философская теорія народностей не допускаетъ такого однообразія цивилизаціи: подобно тому, какъ въ государствѣ она видитъ не союзъ отвлеченныхъ гражданъ, а массы живыхъ и разнообразныхъ личностей, такъ и человѣчество, въ ея глазахъ, слагается изъ совокупности коллективныхъ и разнообразныхъ личностей. Наука не отвергаетъ понятія общечеловѣческой цивилизаціи, въ томъ смыслѣ, что важнѣйшіе результаты умственной, нравственной и экономической жизни каждаго народа становятся достояніемъ всѣхъ другихъ. Но философія исторіи, неопровержимыми данными, доказываетъ, что каждый изъ этихъ результатовъ могъ быть добытъ только на почвѣ національной исторіи, что статуи Фидія и философія Платона были греческимъ созданіемъ, что римское право есть продуктъ римской исторіи, конституція Англіи есть ея національное достояніе. Это не мѣшаетъ имъ имѣть общечеловѣческое значеніе, вліять на развитіе искусства, философіи и политики, воплощать въ себѣ ту или другую сторону духовной природы человѣка, въ данную эпоху ея развитія.

Философія исторіи призываетъ всѣ народности къ жизни, къ дѣятельности, одинаково удаленной и отъ замкнутаго отчужденія и отъ слѣпаго подражанія. Она призываетъ каждое племя дать человѣчеству то, что скрыто въ силахъ его духовно-нравственной природы. Народное *творчество*—вотъ послѣдняя цѣль, указываемая наукой каждому племени,—цѣль, безъ которой не можетъ быть достигнуто совершенство рода человѣческаго. Убить творческую силу народа—все равно, что убить силу личной предпріимчивости въ недѣлимомъ. Подчиненіе всѣхъ расъ одной всеспасающей цивилизаціи «призваннаго» народа такъ же пагубно

Digitized by Google

дѣйствуетъ на международную жизнь, какъ всеспасающая административная централизація на внутреннюю жизнь страны.

Изъ этого понятно, гдѣ философія національности ищетъ условій для осуществленія своего принципа. Національная цѣль не можетъ быть достигнута посредствомъ внѣшняго, физическаго преобладанія народности надъ другими. Еслибы народъ завоевалъ всю вселенную, то и тотда онъ не прибавилъ бы ни одного слова къ общему достоянію цивилизаціи. Работа надъ собою, развитіе своихъ особенностей и способностей, воспитаніе къ сознательной, духовной жизни—только этимъ путемъ народъ можетъ занять прочное мѣсто въ исторіи цивилизаціи. Такимъ образомъ, вопросъ съ почвы *политической* сводится на почву *культурную, общественную*. Затѣмъ въ жизни народовъ внѣшняя и внутренняя свобода является такимъ же условіемъ творчества, какъ и въ жизни недѣлимаго. Эта свобода можетъ быть нарушена въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, физическое насиліе, рабство для отдѣльнаго лица, завоеваніе для народа—или совершенно убиваетъ въ немъ энергію, или задерживаетъ въ немъ творческую силу на неопредѣленное время. Во вторыхъ, плѣненіе духовное, положенное на себя самимъ народомъ, въ виду такъ называемой высшей цивилизаціи, лишаетъ его всякой самостоятельности и обрекаетъ на пасивное *подражаніе*—эту смерть всякаго творчества. Неподкупный голосъ общественнаго мнѣнія не поставитъ высоко компилятора или переводчика, хотя бы очень талантливаго. Не долженъ ли каждый патріотъ заботиться о томъ, чтобъ его собственное отечество не оставалось на степени компилятора и переводчика чужихъ идей? Чужіе образцы и идеи—хорошее воспитательное средство, но они не должны убивать творческой силы, духовной самостоятельности человѣка, ихъ изучающаго. *Взять, что можно, отъ другихъ, на правахъ свободнаго обмѣна, сохраняя полную свою самостоятельность—вотъ условіе народнаго существованія.*

Фихте, обращаясь къ своему народу, первый выяснилъ эти коренныя условія всякой національной жизни, а потому его выводы имѣютъ общечеловѣческое, научное значеніе на столько же, на сколько общечеловѣчны выводы раціональной философіи XVIII ст., выяснившей права человѣческой личности. Мы обращаемся къ Фихте, какъ къ одному изъ представителей общечеловѣческаго движенія, начавшагося въ первой четверти XIX вѣка и извѣстнаго подъ именемъ *національнаго* движенія. Понять систему

Digitized by Google

Фихте—значитъ уяснить себѣ, въ извѣстной степени, философскія основанія и смыслъ этого движенія.

Прежде всего мы постараемся дать нѣкоторое понятіе о личности философа. Фихте родился въ тотъ годъ, когда Руссо издалъ свой знаменитый трактатъ «объ общественномъ договорѣ» (du contrat social), въ 1762 г. Слѣдовательно, его юношескіе годы прошли подъ могущественнымъ вліяніемъ раціональной философіи, достигшей полнаго своего торжества. Особенно велико было это торжество въ Германіи. Франція уже пережила вѣкъ *системъ* философіи, періодъ исканія общихъ началъ и догматическаго построенія теорій. Руссо, умершій въ 1778 году, когда Фихте было 16 лѣтъ, былъ послѣднимъ изъ французскихъ «философовъ» въ тѣсномъ смыслѣ. На смѣну философамъ пришли люди дѣйствія,—сначала Тюрго съ своими реформами, а послѣ Мирабо, Дантонъ и Робеспьеръ съ революціей. Сама наука сдѣлалась непосредственною руководительницею политической жизни. Теоріи «духа законовъ» и «общественнаго договора» вдохновляли ораторовъ національнаго собранія, клубовъ и площадей. Напротивъ, въ Германіи критическій раціонализмъ Канта еще творилъ систему новой логики, систему нравственной и политической философіи. Общіе вопросы о предметѣ и средствахъ познанія, о свободѣ воли, объ источникѣ нравственнаго закона и т. д. занимали германское общество XVIII ст. такъ же, какъ французское въ XVII, во времена Декарта и Молебранша. Созерцательное отношеніе къ жизни было естественнымъ послѣдствіемъ этого направленія. Въ эпоху ожесточенныхъ войнъ, когда старая «священная» имперія германцевъ рушилась подъ ударами Наполеона, Шеллингъ создавалъ свою систему *объективнаго* идеализма, а въ 1812 году Гегель печаталъ свою логику. Это явленіе имѣло свою грандіозную сторону. Въ основаніи его лежали глубокая вѣра въ человѣческій разумъ и убѣжденіе, что философіи суждено обновить міръ. «Духъ», говорилъ Гегель, «уже обнаружилъ свое могущество, такъ что въ настоящее время прочны однѣ идеи и то, что согласуется съ идеями, и только то имѣетъ цѣнность, что можетъ оправдать себя предъ умомъ и предъ мыслію». Міръ управляется идеями. Но философія есть наука, изслѣдующая идеи во всей ихъ чистотѣ и отвлеченности; она есть наука объ идеяхъ по преимуществу. Кому же, какъ не ей, принадлежитъ руководящая роль въ дѣлѣ обновленія человѣчества?

Digitized by Google

Это воззрѣніе на призваніе философіи раздѣлялось всѣми мыс-

лителями. Но ни одинъ изъ нихъ не чувствовалъ въ себѣ призванія лично, непосредственно влiять на жизнь, переводить идеи въ бытіе. Мыслители, подобные Гегелю, полагали, что идея, выясненная философіею, сама по себѣ, безъ внѣшняго посредства овладѣетъ всеобщимъ сознаніемъ и отсюда перейдетъ въ жизнь. Поэтому непосредственное участіе во внѣшнихъ событіяхъ казалось имъ недостойнымъ призванія философа. Что такое внѣшнее событіе, какъ не случайный фактъ, нерѣдко нарушающій свободное развитіе мысли? Какъ отнесся Гегель къ событіямъ, наполняющимъ эпоху борьбы Германіи съ Наполеономъ? Эти событія, въ которыхъ современное общество видитъ зародышъ будущаго величія Германіи, разсматривались имъ какъ нѣчто *задержавшее* на время возможность истинной жизни, жизни философской. Вотъ что говорилъ онъ въ 1818 г.: «Борьба, имѣвшая цѣлью возстановить и спасти государство и политическую цѣлость народной жизни, *овладѣвала* всѣми способностями духа, силами всѣхъ состояній, а также и внѣшними средствами, такъ что внутренняя жизнь духа не могла найти должнаго спокойствія. Но, продолжаетъ онъ, такъ какъ въ настоящее время *поставлена преграда этому потоку дѣйствительности....*, то наступило время, когда, вмѣстѣ съ порядкомъ въ дѣйствительномъ мірѣ, можетъ расцвѣсти въ государствѣ свободное царство мысли.»

Правда, и Шеллингъ и Гегель отдали въ свое время дань «потоку дѣйствительности». Оба они были студентами въ Тюбингенѣ, когда вспыхнула французская революція. Расказываютъ, что оба они восторгались ея началами и однажды въ воскресенье, вмѣстѣ съ Шиллеромъ, отправились за городъ и посадили на какомъ-то лугу «дерево свободы». Но этимъ, кажется, и ограничилось ихъ личное участіе во внѣшнихъ событіяхъ.

Напротивъ, Фихте весь отдался этимъ событіямъ. «Я не рожденъ быть цеховымъ ученымъ, говорилъ онъ самъ про себя; я не могу просто думать,—я хочу дѣйствовать». И въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ *дѣйствующихъ лицъ* въ исторіи обновленія Германіи. Потомство поставило его рядомъ съ Штейномъ, Шарнгорстомъ и другими практическими государственными людьми того времени. Онъ продолжалъ дѣйствовать, хотя его всячески устраняли отъ вмѣшательства во внѣшнія событія, которыя, по воззрѣніямъ того времени, подлежали всецѣло вѣдомству официальныхъ лицъ.

Google

Но офиціальныя лица какъ будто не видѣли, что ихъ практическая дѣятельность не можетъ замѣнить въ національномъ движеніи того, что вносилъ въ него Фихте. Въ то время, какъ они организовали матеріальныя силы для борьбы со внѣшнимъ врагомъ, Фихте проповѣдывалъ идею національности, выяснялъ историческія и философскія основанія началъ народности въ цивилизаціи. Они не видѣли, что Фихте не хотѣлъ похитить у нихъ ни военной, ни финансовой, ни законодательной власти, но что онъ хотѣлъ только воспользоваться своимъ правомъ философа дѣйствовать на человѣческія убѣжденія и содѣйствовать возвышенію національнаго чувства. Онъ хотѣлъ сдѣлать *свое* дѣло, котораго не могла сдѣлать ни одна офиціальная власть,—внести общую, руководящую идею въ массу внѣшнихъ событій.

Другими словами, онъ, участвуя въ «потокѣ дѣйствительности», оставался *философомъ*. Но онъ иначе понималъ отношеніе философа къ жизни, чѣмъ современные ему мыслители. Философъ, по его мнѣнію, долженъ былъ принимать непосредственное участіе въ созиданіи внѣшнихъ фактовъ. Онъ долженъ вліять на человѣческое творчество, на проявленіе духа во внѣшнемъ мірѣ. Какимъ же образомъ философъ можетъ участвовать въ дѣйствительной жизни?

Всѣ философы вѣрили въ воспитательное и образовательное значеніе философіи. Всѣ вѣрили въ силу разума и могущество идей. Но всѣ они видѣли соотношеніе «науки идей» только къ мыслящей части человѣческаго духа. Философія, полагали они, дѣйствуетъ на человѣка тѣмъ, что даетъ его уму ясныя представленія о справедливомъ и несправедливомъ, добрѣ и злѣ, прекрасномъ и безобразномъ. Понятія эти, войдя въ человѣческое сознаніе, должны неотразимо вліять на его волю и на совокупность его убѣжденій. Человѣкъ, *познавшій* истину умомъ, будетъ дѣйствовать согласно съ его указаніями. Поэтому роль философа состоитъ въ образованіи человѣческаго ума, чрезъ выясненіе понятій нравственнаго. Понятія сами собою перейдутъ въ убѣжденія. Философъ, поэтому, исполняетъ свое назначеніе, когда онъ, отвлекаясь отъ дѣйствительной жизни, удаляется во внутреннюю жизнь духа, выясняетъ для себя и для другихъ одни понятія. Это воззрѣніе на философію установилось при первомъ ея появленіи. Сократъ полагалъ, что онъ призванъ помогать человѣческому духу—выдѣлять изъ себя истинныя понятія о добрѣ и злѣ. Платонъ видѣлъ въ наукѣ объ идеяхъ главное средство воспи-

Digitized by Google

танія человѣка къ нравственности. Гегель ждалъ обновленія человѣчества отъ новой системы логики.

Во всемъ этомъ не было рѣчи о главномъ факторѣ нравственныхъ дѣяній—о человѣческой *волѣ*, которая всегда можетъ дѣйствовать въ разрѣзъ съ теоретическими представленіями разума; не было рѣчи о томъ элементѣ человѣческаго духа, подъ вліяніемъ котораго складываются дѣйствительныя *убѣжденія*.

Фихте стремился направить философію именно на этотъ практическій элементъ духа, вліять непосредственно на волю и на убѣжденія людей. Онъ сказалъ себѣ: философъ не только долженъ искать нравственныхъ истинъ въ глубинѣ своего духа,—онъ долженъ заботиться о томъ, чтобъ эти истины стали дѣйствительными убѣжденіями людей. Отсюда—его неудержимое стремленіе дѣйствовать на внѣшній міръ путемъ слова, путемъ нѣкоторой философской проповѣди. «Я, говоритъ онъ, имѣю одну страсть, одну потребность, полное сознаніе меня самого—дѣйствовать внѣ меня».

Этимъ объясняется весь процесъ дѣятельности Фихте. Какъ *философъ*, онъ искалъ теоретической истины; но истина, разъ имъ найденная, становилась его *убѣжденіемъ*, частью его нравственной природы. А каждое убѣжденіе, говоритъ Куно-Фишеръ, становилось его *страстью;* оно стремилось наружу, стремилось войти въ убѣжденія другихъ людей. Философъ становился учителемъ, проповѣдникомъ, ораторомъ. Каѳедра была для него не только средствомъ передавать логическія истины, учить мыслить,—онъ смотрѣлъ на нее какъ на аналой, трибуну. Понятно, что для такой дѣятельности онъ нуждался въ твердой, непоколебимой вѣрѣ въ истину своихъ убѣжденій. Философъ только и вѣчно *ищущій* истины никогда не можетъ сказать, что онъ убѣжденъ въ безусловной истинѣ своихъ положеній. Можетъ быть, это вѣчное сомнѣніе, это критическое настроеніе и есть необходимое условіе прогреса знаній; можетъ быть, философствующій духъ долженъ быть вполнѣ *свободенъ*, даже свободенъ отъ всякихъ убѣжденій. Но, содѣйствуя успѣху мысли, такой философъ становится неспособенъ къ практической дѣятельности, въ основаніи которой должны лежать твердыя убѣжденія. Поэтому Фихте видѣлъ въ философіи прежде врего средство выработать себѣ *убѣжденія*, которыя затѣмъ возвѣщались обществу, въ качествѣ непоколебимыхъ истинъ. Въ этомъ отношеніи онъ расходился съ современными ему философами. Вотъ что писалъ

Digitized by Google

онъ къ Рейнгольду: «Вы говорите, что философъ долженъ думать, что онъ можетъ заблуждаться, какъ отдѣльный человѣкъ; что онъ, какъ недѣлимый, можетъ и долженъ учиться отъ другихъ. Знаете ли, какое мнѣніе вы описываете?—Мнѣніе человѣка, который, въ теченіи всей своей жизни, никогда ни въ чемъ не былъ убѣжденъ...?»

Изъ этого не должно думать, что Фихте смотрѣлъ на общество какъ на *пасивную* массу, способную только къ механическому воспріятію чужихъ убѣжденій. Напротивъ, вся цѣль его проповѣднической дѣятельности состояла въ томъ, чтобы возбудить въ обществѣ, въ каждомъ недѣлимомъ, тотъ духовный процесъ, который совершался въ немъ самомъ: сначала возбудить сознаніе къ исканію нравственныхъ началъ, потомъ къ стремленію сознательно перевести эти начала въ убѣжденія, которыя бы овладѣли всѣмъ существомъ человѣка и руководили бы его дѣятельностью.

Это направленіе вполнѣ было согласно съ общими началами самой философіи Фихте. Мы видѣли выше, что эта система, весьма, правда, замѣчательная, не можетъ стоять наряду съ колосальными системами Спинозы, Шеллинга, Гегеля, которымъ суждено было долго владычествовать надъ умами и породить цѣлыя школы. Вліяніе философіи Фихте было мимолетно и по объему незначительно. Если въ свое время каждый буршъ считалъ своею обязанностью курить изъ трубки съ портретомъ Фихте, то вовсе не по тому, чтобы философія Фихте, взятая сама по себѣ, до такой степени овладѣла строемъ европейскаго мышленія, какъ впослѣдствіи гегелизмъ. Фихте, ораторъ и человѣкъ, преобладалъ надъ Фихте—философомъ. Философія Фихте имѣла значеніе гораздо больше по тому употребленію, которое онъ изъ нея дѣлалъ, чѣмъ сама по себѣ.

Философія Фихте вышла изъ *критической* философіи Канта. Послѣдняя закончила періодъ такъ называемой *догматической* философіи. Поэтому необходимо дать понятіе о томъ кругѣ философскихъ системъ, къ которымъ принадлежитъ ученіе Фихте, въ отличіе ихъ отъ періода прежней *философіи*. Мы должны спросить себя, что сдѣлалъ критицизмъ вообще и въ чемъ состояла задача, предположенная себѣ Фихте?

Въ сущности, вся новая философія, какъ въ догматическомъ, такъ и въ критическомъ ея періодѣ, основана на одномъ общемъ понятіи, что человѣческій разумъ есть принципъ познанія и источникъ истины. Свободный и самостоятельный духъ человѣка зна-

Digitized by Google

етъ прежде всего только самого себя. Наше мышленіе есть для насъ первое достовѣрное; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно есть мѣрило достовѣрности и истинности всего существующаго внѣ насъ. Поэтому первое естественное отношеніе личности къ предметному міру есть отношеніе отрицательное: оно формулировано *Декартомъ* слѣдующимъ образомъ: мы ничего не знаемъ достовѣрно и во всемъ сомнѣвается—de omnibus dubito. Мы первоначально знаемъ только о своемъ собственномъ бытіи, въ которомъ убѣждаетъ насъ наше сознаніе, или, лучше сказать, фактъ мышленія. На этомъ основаніи, Декартъ сказалъ: cogito—ergo sum. Отсюда—два послѣдствія: во первыхъ, законы внѣшняго міра могутъ быть познаны только чрезъ посредство логическихъ формъ субъективнаго мышленія; во вторыхъ, необходимость каждаго явленія можетъ быть признана только тогда, когда оно согласно съ законами разума. Человѣкъ, при посредствѣ своего разума, можетъ познать сущность вещей и общую причину явленій. Этого познанія онъ достигаетъ слѣдующимъ образомъ. Во первыхъ, онъ находитъ въ предметномъ мірѣ первое данное, которое имѣетъ для него значеніе аксіомы. Это данное, бытіе котораго не зависитъ отъ чего нибудь другаго, которое существуетъ совершенно самостоятельно, есть причина и сущность міра—его *субстанція*. Затѣмъ мышленіе открываетъ свойства или аттрибуты этой субстанціи, которые въ проявленіи своемъ даютъ внѣшній міръ, міръ производныхъ явленій. Такъ созидается философская система міра. Для такого философа важенъ только одинъ вопросъ: что онъ долженъ признать за *субстанцію*? Но разъ субстанція дана, разумъ безъ затрудненія выведетъ изъ ея аттрибутовъ всю систему вселенной, и притомъ систему какъ физическаго, такъ и нравственнаго міра. Этимъ характеризуется періодъ *догматической* философіи.

Легко замѣтить что эти философскія системы оставляли не разрѣшеннымъ одинъ существенный вопросъ—вопросъ о размѣрѣ способностей познающаго разума, слѣдовательно о возможности познанія сущности вещей, открытія ихъ субстанціи. Разумъ есть принципъ и средство познанія,—очень хорошо. Но какъ велики его силы, *что онъ можетъ знать*?

Этотъ вопросъ поставилъ себѣ *Кантъ*; онъ постарался опредѣлить средства этого всеобщаго орудія познанія, и началъ собою періодъ *критической* философіи. Извѣстно, до какихъ результатовъ дошелъ онъ. Прежде всего былъ разрѣшенъ вопросъ объ отношеніи познавательныхъ средствъ разума къ міру явленій, міру

Digitized by Google

чувственному. Здѣсь Кантъ даетъ отвѣтъ категорическій. Мы не можемъ познать сущности вещей, вещей въ самихъ себѣ: мы познаемъ только ихъ явленія (phoenomena). Внѣшнія, опытныя явленія даютъ внѣшній толчокъ нашей познавательной способности, сообщаютъ ей весь матеріалъ, которымъ она овладѣваетъ при помощи прирожденныхъ категорій разума. Другими словами, мы познаемъ только внѣшнюю сторону явленій. Познавая лишь внѣшнюю (опытную) сторону явленій, разумъ не можетъ возвыситься до теоретическаго познанія началъ, лежащихъ внѣ опыта. Поэтому бытіе и сущность такихъ понятій, какъ Богъ, свобода и безсмертіе, не подлежатъ теоретическому познанію, потому что они не могутъ быть предметомъ теоретическаго доказательства, какъ понятія сверхъопытныя, выходящія изъ міра явленій.

Между тѣмъ эти понятія, недоступныя теоретическому разуму, имѣютъ весьма большое значеніе для разума практическаго, т. е., для *воли*. Міръ нравственныхъ явленій, т. е., *дѣяній*, создается человѣческою волею; а возможно ли говорить о системѣ нравственныхъ дѣяній безъ понятія, на прим., свободы, которая одна можетъ дать человѣческому дѣйствію нравственный характеръ? Вслѣдствіе этого, Кантъ ввелъ эти сверхъопытныя понятія въ свое ученіе о нравственности. Онъ призналъ ихъ необходимыми послѣдствіями понятія воли или, какъ онъ выражался, постулятами практическаго разума. Для каждаго индивидуальнаго разума эти понятія имѣютъ значеніе *врожденныхъ* понятій, понятій присущихъ каждому сознанію. Они лежатъ въ основаніи всей нравственной дѣятельности человѣка. Послѣдствія кантовской философіи понятны. Строго говоря, ее нельзя назвать *системою* философіи,— для этого ей недоставало одного общаго *принципа*. Человѣкъ, какъ теоретическій разумъ, не знаетъ сущности видимыхъ предметовъ; теоретическій разумъ состоитъ изъ совокупности прирожденныхъ *категорій*, съ помощію которыхъ онъ систематизируетъ явленія видимаго міра. Онъ можетъ понять соотношеніе и причинную связь *явленій*, но не знаетъ причины и сущности самихъ *предметовъ*, порождающихъ эти явленія; слѣдовательно, онъ не видитъ общаго принципа міра физическаго. Какъ разумъ *практическій*, какъ воля, человѣкъ дѣйствуетъ согласно извѣстнымъ сверхъопытнымъ представленіямъ. Они ему врождены, но онъ не знаетъ ихъ причины. Другими словами, нѣтъ общаго принципа и въ мірѣ нравственномъ. Сознательно дѣйствующая личность можетъ дать себѣ отчетъ, по какому нравственному *закону* она дѣйствовала въ

Digitized by Google

данномъ случаѣ, но не можетъ отвѣтить, на чемъ основанъ самый *законъ*. Наконецъ, вся духовная дѣятельность человѣка сводится на одинъ актъ—актъ познанія или закона физическаго, или закона нравственнаго. Разъ законъ познанъ, онъ требуетъ себѣ безусловнаго повиновенія. Слѣдовательно, надъ всею философіей Канта царило понятіе *логической необходимости*. Понятно, что спеціально въ отношеніи нравственной философіи эта философія не разрѣшала и кореннаго вопроса о человѣческой *свободѣ*. Теоретическій разумъ, съ своими прирожденными категоріями и императивами, царилъ надъ человѣческимъ духомъ, который признавался свободнымъ только въ актѣ *познанія*, но не въ *практическомъ дѣяніи*.

Фихте первый постарался дать практическое разрѣшеніе вопросамъ, поставленнымъ критическою философіей Канта, не сходя съ общей почвы критицизма. Фихте принялъ и общее положеніе догматической философіи, что наше мышленіе есть для насъ первая достовѣрность, и положеніе критической философіи, что мы не знаемъ вещей самихъ въ себѣ. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Должна ли философія остаться безъ одного общаго начала? Изъ того, что мышленіе не можетъ открыть въ предметномъ мірѣ первоначальной субстанціи, слѣдуетъ ли, чтобы философія отказалась отъ своей коренной задачи—свести міръ явленій къ одному общему началу? Фихте, для разрѣшенія этого противорѣчія, рѣшился на чрезвычайно смѣлый шагъ. Онъ сказалъ себѣ: субъективный духъ не можетъ найти общей сущности въ мірѣ предметныхъ явленій; но это не по тому, чтобы средства его были ограничены, а по тому, что предметный міръ *не имѣетъ реальнаго бытія*. Что мы имѣемъ прежде всего отъ предметнаго міра?—Извѣстную совокупность *представленій*. Я вижу домъ. Это означаетъ прежде всего, что я имѣю представленіе объ этомъ домѣ. Слѣдовательно, первая достовѣрность для меня есть представленіе о домѣ,—и не только первая, но и послѣдняя. Я знаю только представленія—и больше ничего. Другими словами: я знаю міръ только въ моихъ представленіяхъ,—они одни имѣютъ для меня реальное бытіе. Но какимъ образомъ создаются эти представленія?.. Кантъ говорилъ, что первый источникъ представленій есть внѣшній, опытный міръ; основа каждаго представленія есть чувственное воспріятіе ощущеній внѣшняго міра; субъективный разумъ только вноситъ въ нихъ форму—пространства и времени. Фихте отвергъ и это положеніе. Представленія во всемъ ихъ объемѣ составляются субъек-

Digitized by Google

тивнымъ духомъ; они суть продуктъ творчества нашего *я*. Такимъ образомъ реальная причина единственно реальнаго міра, міра представленій, есть наше *я*. Вслѣдствіе этого, въ ученіи Фихте *я* какъ-бы замѣняетъ прежнюю субстанцію. Оно является для него не только высшимъ принципомъ и орудіемъ познанія, но и *творческою* силою, первою основою реальнаго бытія. Поэтому философія Фихте получила названіе системы субъективнаго идеализма.

Приложеніе этого начала къ системѣ нравственной философіи понятно. Прирожденные императивы практическаго разума превращаются въ произведеніе субъективнаго мышленія. Человѣкъ не только подчиняется *сознаннымъ* имъ законамъ нравственности, но творитъ ихъ изъ своего субъективнаго мышленія. Поэтому, первое начало нравственной дѣятельности состоитъ въ согласіи внѣшнихъ дѣяній съ внутреннимъ существомъ субъективнаго *я*. Это согласіе осуществляется при посредствѣ полнаго освобожденія отъ всякихъ внѣшнихъ мотивовъ; человѣкъ побуждается къ дѣйствію не какимъ нибудь внѣшнимъ объектомъ, но самодѣятельностью духа, поставившаго себѣ извѣстный законъ. Это согласіе внѣшняго дѣйствія съ существомъ субъективнаго *я* приводитъ къ идеѣ *нравственной необходимости*, къ идеѣ *долга*, которая замѣняетъ прежнее понятіе логической необходимости. Такимъ образомъ свобода дѣлается не только условіемъ нравственнаго характера дѣяній, но и, такъ сказать, существомъ творчества субъективнаго *я*.

Много можно возразить противъ системы Фихте; мы не будемъ дѣлать этого, потому что она скоро пережила себя. Но нельзя не замѣтить, что въ свое время она дала обществу очень много. Въ періодъ, когда ученіе о внѣшней субстанціи было разрушено, а казенные принципы нравственной жизни были объявлены бездоказательными положеніями, Фихте возвратилъ общественному міросозерцанію общее начало, указалъ ему на коренной принципъ нравственнаго порядка. Притомъ онъ внесъ въ философію удаленное изъ нея понятіе о *творчествѣ*, самодѣятельности, къ которой онъ призывалъ всякое мыслящее существо. Онъ далъ ученію о свободѣ болѣе широкое и плодотворное основаніе. Провозглашая принципъ свободы, онъ думалъ вызвать посредствомъ него творческія силы общества. Кантъ призывалъ къ уразумѣнію существующихъ *неизмѣнныхъ* началъ нравственнаго порядка. Фихте призывалъ субъективное мышленіе къ но-

Digitized by Google

вому и постоянному *творчеству*, къ созиданію «новой земли и новаго неба». Призывая субъективное мышленіе къ творчеству, онъ обращался не къ теоретическому разуму, съ его неизмѣнными категоріями, а къ волѣ съ ея свободой. Поэтому, направленіе его философіи было по преимуществу *преобразовательное*. Онъ требовалъ новыхъ условій жизни, указывалъ на новыя цѣли. Эти условія относились, главнымъ образомъ, къ возможности болѣе широкаго и плодотворнаго проявленія творчества. Но условія творчества заключаются въ развитіи силы субъективнаго мышленія, ставящаго законы нравственному міру, и въ крѣпости воли, готовой къ исполненію сознаннаго долга. И то и другое можетъ быть достигнуто посредствомъ *воспитанія;* отсюда его стремленіе пересоздать общественное воспитаніе, въ которомъ онъ видѣлъ главное условіе національнаго возрожденія. Указывая обществу новыя задачи, онъ не требовалъ отъ него возвращенія къ идеальному, *естественному* порядку, выясненному изъ неизмѣнныхъ началъ разума, какъ это дѣлали Руссо и прежніе представители естественной философіи. Фихте не стоялъ на такой не исторической точкѣ зрѣнія. Признавая субъективное творчество принципомъ нравственной жизни, онъ предусматривалъ возможность внесенія новыхъ началъ и идей во всемірную исторію и преобразованія общества на основаніи этихъ началъ, созданныхъ силою его творчества.

Таковъ, мм. гг., былъ человѣкъ, столкнувшійся въ началѣ нынѣшняго столѣтія съ колосальными событіями, сначала французской революціи, потомъ войнъ республики и имперіи. Нечего и говорить, что этотъ трибунъ свободы, съ жаромъ привѣтствовалъ событія начала революціи. Онъ выразилъ дѣятельное сочувствіе революціи именно потому, что видѣлъ въ ней міровое событіе, долженствующее призвать къ творческой свободѣ все человѣчество. Онъ видѣлъ, какъ палъ старый порядокъ и какъ на мѣсто его возникъ новый, вышедшій изъ общественнаго сознанія. Онъ видѣлъ силу народнаго творчества на появленіи французской конституціи, казавшейся всѣмъ послѣднимъ словомъ цивилизаціи. Сами предводители революціи, по видимому, убѣждали въ этомъ. На весь свѣтъ и для всего міра провозгласили они «право человѣка и гражданина». Всему міру обѣщали они любовь и свободу. Фихте съ жаромъ взялся за дѣло революціи и написалъ свои знаменитыя «размышленія о французской революціи», въ которыхъ онъ выяснялъ ея начала германской публикѣ и опровергалъ ея противниковъ.

Digitized by Google

Но свободная и миролюбивая республика, по своей или по чужой волѣ, сдѣлалась завоевательною республикой, а послѣ завоевательною имперіей. О свободѣ не было уже и рѣчи, какъ въ самой побѣдоносной имперіи, такъ и въ земляхъ, куда она несла свою цивилизацію. Въ тѣ времена идея свободы во Франціи играла такую же роль, какъ совѣсть въ нравственно падшемъ человѣкѣ. Подъ вліяніемъ такъ называемыхъ угрызеній совѣсти, человѣкъ нерѣдко бросается въ самыя эксцентрическія внѣшнія предпріятія, забывается во внѣшней жизни отъ противорѣчій жизни внутренней. Такъ и въ наполеоновской Франціи общество и правительство забывались отъ угрызеній падшей свободы въ безпрерывныхъ войнахъ и думали вознаградить политическое банкротство военною славой.

Тяжко приходилось сосѣднимъ народамъ отъ этихъ идеаловъ всемірной монархіи. Но для дѣйствительныхъ патріотовъ были тяжки не одни матеріальныя бѣдствія ихъ родины. Въ наступательномъ движеніи Франціи они предвидѣли не только матеріальное порабощеніе, которое можетъ быть еще свергнуто матеріальною же силой, но и плѣненіе духовное, грозившее надолго задержать самостоятельное развитіе народностей. Предупредить *этотъ* результатъ было труднѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимѣе, чѣмъ первый. Такія лица, какъ Фихте, не могли ограничиваться желаніемъ, чтобъ ихъ родина матеріально не сдѣлалась Франціею, то есть, сохранила бы свое правительство, свое войско, полицію, бюджетъ и т. д. Что было для него все это, еслибы, подъ напоромъ французской силы, исчезла духовная Германія,—та Германія, о возрожденіи которой недавно заботился Лессингъ, для которой жили Шиллеръ и Кантъ? Что еслибы германскій народъ, освободившись отъ французскихъ властей, преклонился передъ французскою цивилизаціей, остался бы на степени подражателя французскихъ учрежденій и убилъ бы въ себѣ всякое творчество? Стоило ли бы даже въ такомъ случаѣ думать о *матеріальномъ* освобожденіи Германіи? Народъ, не призванный ни къ какой самостоятельной исторической роли, съ большимъ удобствомъ можетъ подчиниться чужому владычеству. Въ самомъ дѣлѣ, если онъ способенъ только управлять своею страной при помощи заимствованныхъ установленій, воспитывать своихъ дѣтей на чужихъ идеяхъ, перебирать чужія научныя системы, то для чего ему самостоятельность? Она можетъ быть даже вредна во многихъ отношеніяхъ. Народъ подражатель не съумѣетъ при-

Digitized by Google

мѣнить чуждыхъ установленій къ дѣлу такъ, какъ народъ изобрѣтатель; великолѣпное учрежденіе окажется негоднымъ въ непривычныхъ и неумѣлыхъ рукахъ. Не лучше ли просто подчиниться «высшей расѣ» или, по крайней мѣрѣ, выписать побольше иностранцевъ для завѣдыванія всѣми этими мудреными вещами?

Но дѣйствительно ли германскій народъ призванъ къ самостоятельной жизни? Дѣйствительно ли освобожденіе его необходимо не только съ точки зрѣнія физическаго самосохраненія, но и въ интересахъ цивилизаціи, въ интересахъ всего человѣчества?

Фихте, вступая въ борьбу за свой народъ, долженъ былъ разрѣшить себѣ этотъ вопросъ. Настоятельность подобнаго разрѣшенія почти непонятна въ наше время, когда германская имперія стоитъ на верху могущества и славы. Но тогда вопросъ ставился иначе. Право Германіи въ ея борьбѣ съ Франціей опиралось, въ сознаніи образованнаго общества, едва ли не на одну необходимость физическаго самосохраненія. На сторонѣ Франціи была высшая цивилизація, послѣдніе результаты политической философіи, новый принципъ жизни, къ которому она взывала, разрушая «старую» феодальную Европу. Обаяніе ея было такъ сильно, что нѣмецъ, естествоиспытатель, Форстеръ сдалъ французамъ безъ боя крѣпость, ввѣренную его защитѣ, на томъ основаніи, что предъ нимъ стояли люди «высшей цивилизаціи». Нужно ли говорить о прочемъ обществѣ? Еще живы были люди, думавшіе по книгамъ Вольтера и учившіеся по «энциклопедіи»; если знатная часть этого общества ненавидѣла современную Францію,— Францію, вышедшую изъ революціи, то она съ любовію лелѣяла представителей старой Франціи—эмигрантовъ, училась у нихъ языку и манерамъ, вмѣстѣ съ ними мечтала о возстановленіи Бурбоновъ, дабы все во Франціи и Европѣ было по прежнему, дабы по прежнему Франція присылала имъ моды и книги. Другая часть обратилась къ революціонной Франціи, видѣла въ ней якорь спасенія, и если сражалась съ нею, то потому, что находила ея притязанія немного преувеличенными, какъ древніе католики ворчали на жадность папской куріи, старались платить поменьше, но все-таки лежали во прахѣ передъ святѣйшимъ отцемъ.

Нигдѣ не было вѣры въ себя; никто почти не понималъ, что рѣчь идетъ о спасеніи Германіи, какъ великой культурной силы, призванной сказать свое слово во всемірной исторіи.

Трудный путь предстоялъ Фихте. Ему нужно было уяснить се-

Digitized by Google

бѣ и доказать другимъ, что французскій государственный строй и французскія идеи не суть послѣднее слово цивилизаціи; нужно было доказать, что Европа переживала переходную эпоху, за которою должна была начаться новая эра; что германскому народу суждено играть въ ней видную роль, и что этой націи выпали на долю новыя задачи, которыхъ не разрѣшила и не могла разрѣшить Франція.

Мы увидимъ ниже, какъ онъ выполнилъ свое дѣло. Онъ взялся за него съ безграничною вѣрою въ себя и въ силу своихъ убѣжденій. Онъ думалъ вызвать разумную, сознательную вѣру въ назначеніе германскаго народа; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ не видѣть, что ему предстоитъ бороться съ большими препятствіями. Какъ вызвать эту разумную, мужественную вѣру въ обществѣ, указать ему на будущее величіе въ Германіи, въ тотъ самый моментъ, когда Берлинъ былъ занятъ французскими войсками, когда самъ Фихте читалъ подъ французскими штыками? Но онъ мирился и съ другимъ результатомъ. На случай, еслибъ ему не удалось привести общество къ сознательному убѣжденію въ историческомъ призваніи германцевъ, онъ мирился съ тою слѣпою, наивною вѣрою, которая вела ихъ предковъ на борьбу съ Римомъ. Если вы не хотите быть лучше вашихъ отцевъ, древнихъ обитателей лѣсовъ, то не сдѣлайтесь хуже ихъ,— казалось, говорилъ онъ своимъ современникамъ. Отнеситесь къ подавляющему вліянію Франціи такъ же мужественно, какъ они отнеслись къ вліянію Россіи; а, вѣдь, они имѣли меньше васъ основанія вѣрить въ свое будущее...

Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь отрывокъ изъ этого величаваго обращенія къ народному самосознанію, которое полезно имѣть въ виду и членамъ другихъ народностей, какъ тѣмъ, кто укрѣпляютъ свое патріотическое сознаніе обращеніемъ къ исторіи, такъ и тѣмъ, кто обращаются къ «предкамъ» съ чувствомъ дешеваго высокомѣрія.

«Въ силу вѣры въ вѣчную жизнь своего народа, наши общіе предки, родоначальники новой цивилизаціи, мужественно противустали распространявшемуся всемірному владычеству римлянъ. Не видѣли ли они передъ глазами высокое процвѣтаніе римскихъ провинцій, ихъ тонкія наслажденія, ихъ законы, курульскія кресла, а въ добавокъ—связки розогъ съ сѣкирами? Не были ли римляне готовы дозволить имъ принять участіе во всѣхъ этихъ благахъ? Не переживали ли они владычество многихъ своихъ собствен-

Digitized by Google

ныхъ князей, которые позволяли себя убѣждать, что война противъ такихъ благодѣтелей человѣчества есть бунтъ; не видѣли ли они доказательство прославленнаго милосердія римлянъ, которые украшали покорныхъ королевскими титулами, начальническими мѣстами въ ихъ войскахъ и римскими священными повязками, давали имъ убѣжище и содержаніе въ своихъ цвѣтущихъ городахъ, когда они были изгоняемы своими соотечественниками? Не понимали ли они преимущества римской цивилизаціи, на примѣръ, для лучшей организаціи римскаго войска, въ которомъ Арминій не пренебрегъ обучаться воинскому искусству? Ихъ нельзя упрекнуть въ подобномъ незнаніи и невниманіи. Ихъ потомки усвоивали себѣ римское образованіе, когда они могли сдѣлать это безъ ущерба своей свободѣ и потери своей самобытности. За что же сражались они, въ теченіи цѣлыхъ поколѣній, въ кровавыхъ войнахъ, постоянно возобновлявшихся съ прежнею силой? Одинъ римскій писатель заставляетъ объяснить это одного изъ ихъ предводителей: «оставалось ли имъ что нибудь, какъ или отстоять свою *свободу*, или умереть прежде, чѣмъ они не сдѣлались рабами?» *Свобода* состояла для нихъ въ томъ, чтобъ остаться германцами, чтобы продолжать вести свои дѣла самостоятельно и своеобразно, согласно своему духу, чтобы согласно съ нимъ же двигать впередъ свое развитіе и передать ту же самостоятельность своему потомству. Рабствомъ называли они всѣ благодѣянія, принесенныя имъ римлянами, потому что, подъ вліяніемъ этихъ благодѣяній, они должны были сдѣлаться не германцами, а полуримлянами; понятно само собою, что они предположили, что каждый, прежде чѣмъ онъ сдѣлается полуримляниномъ, лучше умретъ, и что каждый настоящій германецъ можетъ желать жить только для того, чтобы быть и остаться германцемъ и образовать своихъ въ такихъ же германцевъ.

«Они не всѣ умерли, не видѣли рабства и оставили свободу своимъ дѣтямъ!... Ихъ упорному сопротивленію обязанъ весь міръ за то, что онъ существуетъ въ настоящемъ своемъ. Еслибы римлянамъ удалось поработить ихъ и, какъ это они дѣлали вездѣ, уничтожить ихъ, какъ націю, то все дальнѣйшее развитіе человѣчества приняло бы другое направленіе,—надо полагать, не утѣшительное. Имъ обязаны мы, ближайшіе наслѣдники ихъ почвы, языка и духа, тѣмъ, что мы еще германцы, что насъ несетъ еще потокъ самородной и самостоятельной жизни; имъ обязаны мы всѣмъ, чѣмъ мы были, какъ нація, имъ будемъ мы обязаны

Digitized by Google

всѣмъ, чѣмъ мы будемъ дальше, если только намъ не суждено погибнуть, и если послѣдняя капля унаслѣдованной отъ нихъ крови въ нашихъ жилахъ не будетъ завоевана. Имъ обязаны своимъ существованіемъ другіе народы, сдѣлавшіеся теперь чужестранными, наши братья по крови. Когда наши предки завоевали Римъ, ни одного изъ этихъ народовъ еще не было; тогда была завоевана и для нихъ возможность будущаго возникновенія».

Лекція II.

Дѣятельность Фихте, какъ представителя національнаго движенія въ Германіи, была направлена къ эманципаціи германскаго самосознанія изъ-подъ чисто чужеземной цивилизаціи. Поэтому его цѣль, очевидно, отличалась отъ тѣхъ задачъ, которыя были предметомъ всѣхъ усилій офиціальныхъ сферъ. Послѣднія имѣли въ виду главнымъ образомъ спасеніе германскихъ *государствъ* изъ-подъ чужеземнаго владычества. Фихте обращалъ свое вниманіе на германскій *народъ*, въ которомъ онъ хотѣлъ вызвать творческія силы для новой эпохи цивилизаціи. Офиціальныя сферы въ стремленіяхъ своихъ были по преимуществу консервативны; ихъ мечта состояла въ возвращеніи къ status quo ante bellum, къ тому времени, когда войны республики и имперіи не измѣняли еще политическаго строя Германіи, когда Наполеонъ не уменьшалъ на половину объема Пруссіи, не создавалъ вестфальскаго королевства для своего брата. Фихте требовалъ отъ своего народа движенія впередъ, не въ смыслѣ пріобрѣтенія новыхъ территорій, не въ смыслѣ военной славы на чужой счетъ, но въ смыслѣ созданія новыхъ основъ для общественной и государственной жизни.

Нельзя не согласиться, что подобная идея была смѣлою и даже дерзкою новостью въ 1804 г., когда Фихте въ первый разъ выступилъ съ своею общественною проповѣдью. Вы помните, мм. гг., что это было время гигантскихъ войнъ законнаго стародавняго порядка противъ революціи, которой Наполеонъ считался законнымъ наслѣдникомъ и даже исчадіемъ. Всѣ думали, что коалиція европейскихъ державъ призвана возстановить старый порядокъ и побороть дерзкія, неслыханныя новости, зародившіяся на французской почвѣ. Въ борьбѣ за освобожденіе уже под-

Digitized by Google

готовлялась политика, извѣстная подъ именемъ реакціи, послѣднимъ выраженіемъ которой былъ священный союзъ.

И вотъ, при господствѣ такого воззрѣнія на «французскія идеи», Фихте рѣшается объявить, что начала революціи суть только переходная ступень къ новымъ, высшимъ принципамъ жизни; что современная ему эпоха приготовляетъ другую, въ которой германскому народу суждено играть первенствующую роль. Сказать такую вещь тогда—значило навлечь на себя обвиненіе въ преувеличенномъ національномъ чувствѣ, въ узкомъ патріотизмѣ. Но Фихте не боялся подобныхъ обвиненій. Обращаясь любовно и повелительно къ своему народу, онъ говорилъ ему: ты хочешь жить самостоятельно, и я всею душею преданъ твоему дѣлу; но неужели эта самостоятельность нужна тебѣ для того, чтобъ или возвратиться къ старому порядку, который такъ или иначе покончен революціей, или переводить чужія учрежденія на національные нравы? Нѣтъ, исторія дастъ самостоятельность народу для выполненія великихъ задачъ, для внесенія новыхъ элементовъ въ цивилизацію,—иначе лучше отдать свою жизнь въ чужія руки...

Начиная такое дѣло, Фихте долженъ былъ работать много, не только надъ обществомъ, но и надъ собою. Мы видѣли, что онъ самъ долгое время вращался въ кругу французскихъ понятій объ обществѣ и государствѣ. Онъ усвоилъ себѣ и проповѣдовалъ въ своемъ *естественномъ правѣ* (вышло въ 1796 г.) ту договорную теорію государствъ, начала которой категорически выражены въ декларацiи правъ человѣка и гражданина. Сообразно этому воззрѣнію, государство основывается людьми единственно съ цѣлью огражденія ихъ личной свободы. Такимъ образомъ назначеніе государства исчерпывается отрицательными задачами *охраненія*, а всѣ его установленія сводятся къ суду и полиціи въ узкомъ смыслѣ слова. Эта теорія выработана прежними учителями естественнаго права и примѣнена къ дѣлу французскою буржуазіей. Она была могущественнымъ средствомъ ограничить древній абсолютизмъ власти и упрочить участіе въ общественныхъ дѣлахъ всѣмъ правоспособнымъ лицамъ. Но она заключала въ себѣ нѣкоторое внутреннее противорѣчіе. Въ чемъ оно состоитъ, наглядно и характерно опредѣляетъ одинъ извѣстный ученый и ораторъ:

«Воззрѣніе буржуазіи на цѣль государствъ», говоритъ онъ, «состоитъ въ томъ, что государство имѣетъ цѣлью исключитель-

Digitized by Google

но лишь обезпеченіе каждому безпрепятственнаго пользованія своими силами».

Эта идея была бы удовлетворительна и нравственна, еслибы всѣ мы были равно сильны, равно ловки, равно образованы и богаты. Но такого равенства нѣтъ *и быть не можетъ;* поэтому эта мысль недостаточна и, по своей недостаточности, приводитъ къ глубоко безнравственному выводу. Она приводитъ къ полной безпомощности слабѣйшихъ и чрезмѣрному господству сильнѣйшихъ.

Не соглашаясь съ извѣстными выводами той школы, которая объявила войну принципамъ буржуазіи, нельзя не замѣтить, что она во многомъ восполнила взглядъ политики на задачи государства, именно—внесла въ нихъ положительный элементъ, который дѣлаетъ все бо̀льшіе и бо̀льшіе успѣхи. Государство не только охраняетъ порядокъ, но идетъ съ своею помощью на встрѣчу общественнымъ бѣдствіямъ и несовершенствамъ, заботится о народномъ образованіи, организуетъ общественную благотворительность, улучшаетъ условія всесторонняго развитія всѣхъ и каждаго.

Это внутреннее противорѣчіе началъ торжествующей революціи Фихте увидѣлъ еще въ началѣ XIX столѣтія. Онъ увидѣлъ, что революція разрѣшила такъ или иначе политическій вопросъ, но почти не коснулась вопроса общественнаго. Одинъ изъ лучшихъ критиковъ Фихте, *Целлеръ*, утверждаетъ, что Фихте, «можетъ быть, первый въ Германіи обратилъ серьезное вниманіе на общественный вопросъ». Идеи его относительно этого предмета изложены и систематизированы въ трактатѣ—*уединенное торговое государство* (Der geuhlossene Handelestaat). Онъ вышелъ въ 1800 г. Здѣсь Фихте радикально видоизмѣнилъ свое прежнее воззрѣніе на государство. Вмѣсто охранительно-судебнаго установленія, оно является уже у него организующею силой, обезпечивающею матеріальное благосостояніе общества. Въ этомъ трактатѣ и позднѣйшей системѣ правоученія (System der Ruhtslehre), Фихте провозгласилъ такія начала, которыя считаются неудобоисполнимыми даже въ настоящее время. Въ немъ видѣнъ уже сильный соціалистическій оттѣнокъ, оттѣнокъ протеста не только противъ старой Европы, но и противъ новой, вышедшей изъ революціи. Нельзя согласиться со многими его выводами, нельзя не пожалѣть, какъ это дѣлаетъ *Целлеръ*, о его наклонности къ государственной диктатурѣ во имя экономическаго блага; но каждый согласится,

Digitized by Google

что Фихте сознательно указалъ на цѣлый рядъ вопросовъ, которые не были разрѣшены страшнымъ политическимъ переворотомъ, казавшимся послѣднимъ словомъ цивилизаціи для однихъ, или концемъ временъ для другихъ. Фихте одинъ изъ первыхъ указалъ на страшную язву, разъѣдающую западъ Европы,—на пролетаріатъ, на хозяйственную безпомощность низшихъ классовъ, и сказалъ, что будущая эпоха цилизаціи должна обратить вниманіе прежде всего на этотъ вопросъ. Словомъ, онъ имѣлъ философское мужество, подъ громъ побѣдъ торжествующей революціи, отнестись къ ея началамъ отрицательно, во имя высшихъ формъ общественной жизни.

Высокій, поучительный примѣръ для патріотовъ всѣхъ странъ и народовъ! Въ великой международной борьбѣ не то важно, чтобы вооруженная сила врага встрѣтила сопротивленіе въ хорошо организованной матеріальной силѣ націи, но чтобы самая цивилизація этого врага столкнулась съ безпощаднымъ анализомъ философствующаго духа, разлагающаго ея элементы и указывающаго ея внутреннія противорѣчія. Важно то, чтобы предъ глазами народа раскрылась нравственная несостоятельность его врага, чтобъ его возгласы о высшей цивилизаціи, о его правахъ на всемірное владычество, превратились въ дымъ, въ фразу, лишенную всякаго смысла. Важно, наконецъ, то, чтобы тотъ же философствующій духъ указалъ народу на живые источники его національнаго развитія, его творчества и силы въ будущемъ. Таковъ уже законъ историческаго развитія народовъ, ихъ превращенія въ самостоятельныя части человѣчества. Отдѣльная личность выдѣляетъ себя изъ общей массы человѣчества и другихъ предметовъ видимаго міра, прежде всего, посредствомъ противуположенія своего внутренняго *я* предметному міру. Первое отношеніе духа, начинающаго себя сознавать, къ предметному міру есть отношеніе отрицательное. То же самое видимъ мы и въ исторіи обособленія народностей. Какимъ образомъ въ Европѣ началась національная жизнь? Средневѣковая Европа представляла массу безформенныхъ народностей, слитыхъ въ одно цѣлое идеею католической церкви и императорской власти. Средневѣковое единство было прямымъ отрицаніемъ національностей. Но вотъ внутренняя несостоятельность императорства обнаруживается; мѣстныя власти отрицаютъ этотъ идеалъ во имя своихъ верховныхъ правъ,—онѣ поддерживаются народами и выработываютъ національную королевскую власть. Въ XVI стол. наступаетъ новый

Digitized by Google

періодъ отрицанія. Несостоятельность католической іерархіи порождаетъ реформацію, и протестантскіе народы рѣзко отдѣлили себя отъ народовъ, оставшихся вѣрными католическому идеалу. XVIII стол. испытываетъ нѣчто подобное. Сильнѣйшее распространеніе французскихъ идей, французской псевдо-класической литературы, модъ, обычаевъ, даже разврата, приготовило этой странѣ духовное владычество надъ Европой. Но владычество это столкнулось съ самымъ опытнымъ геніемъ людей, подобныхъ Лессингу, и они скоро замѣтили внутреннее противорѣчіе блистательной литературы, разрушили ея обаяніе и выставили противъ нея свое искусство. Это искусство не было жанромъ, проявленіемъ не узко-національнаго духа, но одной изъ сторонъ духа общечеловѣческаго, громко заявившей свое право на существованіе.

Это отрицательное отношеніе къ посторонней цивилизаціи, какъ первый моментъ національнаго возрожденія, находится въ глубокомъ соотвѣтствіи со всѣми требованіями нравственнаго закона. Ни одна цивилизація не имѣетъ права на безусловное владычество надъ чуждыми національностями, потому что ни одна изъ нихъ не заключаетъ въ себѣ абсолютной истины. Никто не отрицаетъ, что каждая самобытная цивилизація призвана дать другимъ народамъ многія начала, которыя возводятся потомъ всѣми на степень началъ общечеловѣческихъ. Но хотя это законное вліяніе переходитъ въ неограниченное преобладаніе, когда относительная истина хочетъ играть роль безусловной,—никогда не умирающее чувство индивидуальности въ народѣ заявляетъ свой протестъ. Этотъ протестъ состоитъ въ указаніи тѣхъ внутреннихъ противорѣчій въ каждой цивилизаціи, въ силу которыхъ она должна остаться на степени относительной, а не безусловной истины.

Подобное отрицательное отношеніе къ чужой цивилизаціи во имя народной самобытности выразилось и въ теоріяхъ нашихъ *славянофиловъ*. Они первые, послѣ полуторастолѣтняго поклоненія Западу, указали на его болѣзни и противорѣчія. Можно не соглашаться съ нѣкоторыми изъ ихъ выводовъ, можетъ быть, преждевременными и рискованными, но нельзя не видѣть, что со времени ихъ появленія начинается поворотный пунктъ въ исторіи русскаго мышленія, начинается сознательная критика западныхъ явленій съ тевердой, національной точки зрѣнія. «Хомяковъ и его братчики», говорилъ Герценъ, «глубоко вдавили свой слѣдъ въ русскую жизнь». Этотъ слѣдъ далъ уже свои плоды. Съ ихъ точки зрѣнія были защищены и проведены идеи крестьянскаго

Digitized by Google

надѣла и общинное устройство крестьянъ, противъ которыхъ стояли всѣ западныя понятія о собственности и личности.

Такимъ образомъ въ философскомъ развитіи Фихте проявился одинъ изъ коренныхъ законовъ національнаго развитія. Освобожденный отъ предразсудка «единой и всеспасающей цивилизаціи», онъ смѣло выступилъ съ своею патріотическою проповѣдью.

Между тѣмъ внѣшнія событія принимали все болѣе и болѣе грозный характеръ. Могущество Наполеона достигло высшей степени. Въ 1804 г. побѣдоносный консулъ принялъ императорскій титулъ и повелъ Францію къ новымъ побѣдамъ. Еще въ 1803 году Наполеонъ почти безъ сопротивленія занялъ Ганноверъ. Южно-германскіе государи находились отъ него въ полнѣйшей зависимости. При проѣздѣ его чрезъ Ахенъ, Кёльнъ и Майнцъ, народъ и князья осыпали его изъявленіями покорности. Въ Италіи его владычество было обезпечено, и въ мартѣ 1805 г. онъ вѣнчался въ Миланѣ знаменитою желѣзною короной; Испанія обязалась новымъ договоромъ доставлять Франціи военныя суда и денежныя вспоможенія. Къ довершенію всего, Пруссія, на которую Фихте возлагалъ всѣ свои надежды, вела себя съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ германскому дѣлу. Не смотря на всѣ усилія патріотической партіи, на всѣ представленія барона *Штейна*, король, окруженный совѣтниками, преданными Франціи, Гаугвицомъ, Ломбардомъ и Бейме, не рѣшался пристать къ коалиціи, составленной изъ Россіи, Австріи, Швеціи и Неаполя. При такихъ условіяхъ Наполеонъ могъ спокойно готовиться къ задуманному имъ походу 1805 г. Семь большихъ корпусовъ, подъ предводительствомъ опытнѣйшихъ генераловъ, двинулись къ Дунаю и направились къ Австріи. Курфюрсты баденскій, баварскій и виртембергскій, герцоги гессенскій и нассаускій присоединили свои войска къ французскимъ, думая снискать этимъ благорасположеніе новаго императора. Значительная часть Германіи была не только оторвана отъ народнаго дѣла, но и обращена противъ него. Австрія не выдержала. Войска ея, лишенныя способныхъ полководцевъ, отданныя подъ начальство злополучнаго Мака, проигрывали одно дѣло за другимъ и окончили извѣстною капитуляціей при *Ульмѣ*.

Наконецъ и прусскій король, пропустившій благопріятное время, присоединился къ коалиціи и дозволилъ русскимъ и шведамъ перейти чрезъ свои владѣнія въ Ганноверъ. Въ то же время онъ возобновилъ «союзъ вѣчной дружбы» съ императоромъ Александ-

Digitized by Google

ромъ. Эта клятва была произнесена при самой торжественной обстановкѣ—надъ гробомъ Фридриха Великаго въ потсдамской гарнизонной церкви. Но теперь было не время думать о сопротивленіи побѣдителю. Чрезъ десять дней послѣ «клятвы» короля прусскаго Вѣна была уже въ рукахъ французовъ, а 2 декабря 1805 г. разыгралась аустерлицкая битва. Австрійское правительство рѣшилось заключить *пресбургскій* миръ, вслѣдствіе котораго она лишилась Верхней Австріи, Тироля, Венеціанской области; Неаполь и Голландія получили королей изъ дома Бонапарта. Въ то же время Пруссія, въ силу шёнбруннскаго договора, вступила въ оборонительный и наступательный союзъ съ Франціею, т. е., обязалась имѣть съ Франціей однихъ друзей и враговъ, а первымъ изъ этихъ враговъ былъ германскій народъ...

Бѣдная философская мысль, которая въ это время стремилась выяснить основы будущаго величія Германіи и доказать преходящее значеніе французской цивилизаціи! Нельзя безъ особеннаго удивленія смотрѣть на тотъ фактъ, что въ то время, когда предъ Европой развертывались событія 1804—1805 г., Фихте предпринимаетъ критическую оцѣнку тѣхъ идей, которыя торжествующая Франція вносила въ Европу. Мало того, Фихте не ограничивается простою критикою чужихъ понятій, онъ стремится подчинить ихъ новымъ идеямъ и эти идеи положить въ основаніе новой *философіи исторіи*.

Такова была задача его публичныхъ лекцій, читанныхъ имъ во время зимняго семестра 1804—1805 г. въ Берлинѣ, на тему «основныя черты настоящаго времени (die Grundzüge des Gegenwärtigen Zeitalters). Въ это время его извѣстность, какъ философа и оратора, была уже достаточно велика. Весь ученый и образованный міръ зналъ его философію, а также тѣ преслѣдованія, которыя вызвала его преподавательская и литературная дѣятельность. Извѣстно, что онъ началъ свою професорскую дѣятельность въ Іенѣ. Здѣсь ему часто приходилось сталкиваться съ оберконсисторіей, которая была недовольна тѣмъ, что иногда онъ читалъ по воскресеньямъ. Мало по малу ученые пасторы взвели на него обвиненіе въ атеизмѣ. Съ своей стороны, веймарское правительство было недовольно его либеральными стремленіями. Ближайшій другъ веймарскаго герцога, Гёте поддерживалъ это гоненіе, и, наконецъ, Фихте долженъ былъ оставить университетъ. Говорятъ, что когда ученое сословіе выразило свое сожа-

Digitized by Google

лѣніе по этому поводу Гёте, онъ сказалъ: одна звѣзда заходитъ, другая восходитъ, и прибавилъ къ этому въ письмѣ къ своему другу: я бы подалъ голосъ противъ моего собственнаго слова, еслибъ оно говорило такъ о правительствѣ. Пять лѣтъ оставался Фихте безъ мѣста, но новыя сочиненія расширили его извѣстность. Въ 1804 году онъ получилъ два предложенія: одно отъ Россіи, приглашавшей его для харьковскаго университета (тогда предположеннаго къ открытію) и отъ Баваріи. Онъ не принялъ ни того, ни другаго предложенія и предпочелъ остаться въ Пруссіи, пріютившей его въ годы бѣдствій. Наконецъ, Пруссія пригласила его въ эрлангенскій университетъ. Но въ Эрлангенѣ Фихте читалъ во время лѣтняго семестра; зимній оставался у него свободенъ. Друзья и просвѣщенная публика побудили его открыть курсъ частныхъ лекцій въ Берлинѣ. Это и были тѣ чтенія, о которыхъ мы будемъ говорить. Успѣхъ ихъ былъ очень великъ; въ рядахъ многочисленной публики сидѣли извѣстные государственные люди—Шрётеръ, Альтенстейнъ, даже Бейме и Меттернихъ, бывшій тогда посланникомъ въ Берлинѣ.

Задача этихъ чтеній опредѣляется самимъ авторомъ слѣдующимъ образомъ: «представить философское изображеніе современной эпохи (Ein philosophisches Gemälde des Gegenwärtigen Zeitalters).» Но философскимъ можетъ быть названо только такое воззрѣніе, которое сводитъ разнообразіе опытнаго къ одному общему принципу и затѣмъ выводитъ разнообразіе фактовъ изъ этого общаго принципа и объясняетъ ихъ съ достаточною полнотою.

Такимъ образомъ Фихте рѣшился подняться до общаго принципа, изъ котораго вытекаютъ и которымъ объясняются всѣ явленія современной ему эпохи. Но каждая эпоха, съ точки зрѣнія Фихте, составляетъ одинъ изъ моментовъ въ общемъ процесѣ развитія человѣчества. Слѣдовательно философское отношеніе къ ней предполагаетъ не только выясненіе ея принципа, но и уразумѣніе этого принципа въ связи съ общею идеей, управляющею развитіемъ человѣчества. Философъ, анализирующій явленія эпохи, долженъ имѣть въ виду то, что̀ Фихте называетъ *міровымъ планомъ*. Міровой планъ предполагаетъ одну общую идею, изъ которой онъ исходитъ и къ осуществленію которой стремится человѣчество, какъ къ своей цѣли. Принципъ каждой отдѣльной эпохи есть только частное проявленіе общей идеи, отдѣльный моментъ ея развитія, — слѣдовательно не можетъ заключать въ себѣ всей идеи и, въ своей ограниченности, содержитъ внутрен-

Digitized by Google

нее противорѣчіе, раскрытіе котораго предвѣщаетъ наступленіе новой эпохи.

«Такимъ образомъ», говоритъ Фихте, «мы имѣемъ передъ собою слѣдующее: во первыхъ, единое понятіе всей совокупности жизни, которая распадается на различныя эпохи, понятныя только въ ихъ взаимной связи; затѣмъ, каждая изъ этихъ отдѣльныхъ эпохъ представляетъ, въ свою очередь, общее понятіе, проявляющееся въ разнообразіи явленій».

Я обращаю ваше вниманіе, мм. гг., что Фихте говоритъ въ своихъ лекціяхъ объ идеѣ и цѣли жизни *цѣлаго* человѣчества, а не отдѣльнаго лица. «Мы», объяснялъ онъ своимъ слушателямъ, «говоримъ о прогресѣ жизни *рода* (Gattung), а не объ недѣлимыхъ, и просимъ васъ не терять изъ виду этого воззрѣнія». Дѣйствительно, имъ объясняются всѣ подробности его «основныхъ чертъ».

Въ чемъ же состоитъ эта общая идея «міроваго плана» жизни человѣчества? Фихте, формулируя ее, поступаетъ нѣсколько геометрическимъ способомъ. Онъ выставляетъ ее въ качествѣ аксіомы, какъ поступалъ онъ со всѣми воззрѣніями, перешедшими въ его убѣжденія. Итакъ, въ началѣ первой лекціи его, мы находимъ слѣдующее опредѣленіе этой идеи: «*цѣль земной жизни человѣчества состоитъ въ устроеніи ея отношеній при посредствѣ свободы по началамъ разума.*»

Разумная, то есть, сознательная организація жизненныхъ отношеній предполагаетъ необходимость свободы; только чрезъ свободу можетъ осуществиться дѣйствительно разумное, то есть, согласное съ существомъ народнаго самосознанія.

Съ этой точки зрѣнія эпохи въ исторіи человѣчества могутъ быть подведены подъ двѣ логическія группы: въ первой человѣчество живетъ и существуетъ, не устроивши еще своихъ отношеній свободно и согласно съ разумомъ; во второй оно достигаетъ этой цѣли. Но одного признака—отсутствія или присутствія свободы еще недостаточно для разграниченія дѣйствительныхъ эпохъ развитія человѣчества.

Такъ, относительно первой группы, мы говоримъ, что человѣчество не устрояетъ своихъ отношеній свободно, по началамъ разума. Но отношенія, не устроенныя актомъ свободной воли, могутъ, однако, быть устроены въ извѣстной степени разумно, принудительною волею внѣшняго авторитета. «Можетъ случиться», говоритъ Фихте, «что разумъ самъ по себѣ и своею собственною

Digitized by Google

силою, безъ содѣйствія человѣческой свободы, опредѣлитъ и устроитъ человѣческія отношенія».

Разумъ самъ по себѣ есть движущее начало человѣческой жизни; онъ лежитъ въ основаніи всей исторіи; различіе ея эпохъ зависитъ только отъ степени и формы его проявленія.

Дѣйствительныя эпохи развитія человѣчества, съ этой точки зрѣнія, представляютъ слѣдующую постепенность.

Разумъ *безъ свободы* дѣйствуетъ какъ темный инстинктъ. Это господство инстинкта лежитъ въ основаніи *первой* эпохи. Инстинктъ, говоритъ Фихте, слѣпъ; это—сознаніе безъ пониманія основаній. Поэтому онъ противорѣчитъ свободѣ, которая отдаетъ себѣ отчетъ въ основаніяхъ своей дѣятельности. Это внутреннее противорѣчіе эпохи приводитъ къ дальнѣйшему развитію человѣчество. Сознаніе разумнаго воплощается въ отдѣльныхъ личностяхъ съ могущественною волею; онѣ берутъ на себя великую задачу организаціи человѣческихъ отношеній и противупоставляютъ господству инстинктовъ начала разума. Общественныя формы, созданныя ими, освобождаютъ человѣчество отъ господства слѣпыхъ инстинктовъ; но это освобожденіе совершается подъ условіемъ *подчиненія* высшей разумной волѣ. Первые законодатели человѣчества, внося разумныя начала въ человѣческую жизнь, не объясняютъ и не могутъ объяснить ихъ дѣйствительныхъ основаній. Разумное сознаніе въ нихъ самихъ дѣйствуетъ *какъ инстинктъ*, какъ вѣра въ высшій порядокъ. Они не могутъ перевести этихъ началъ въ дѣйствительныя *убѣжденія* людей, въ силу которыхъ они сами собою, *свободно* дѣйствовали бы по разуму. Законодатели ограничиваются подчиненіемъ людей своимъ предписаніямъ и проводятъ разумное въ жизнь при помощи *принудительнаго авторитета*.

Фихте, описывая эту эпоху, очевидно имѣетъ въ виду то время, когда *религіозный авторитетъ* далъ первую раціональную форму человѣческимъ обществамъ и вызвалъ первое сознательное отношеніе къ жизни, когда затѣмъ монархическій абсолютизмъ, вооруженный всѣми умственными и нравственными средствами эпохи, боролся съ грубыми инстинктами феодальной эпохи и замѣнялъ ея начала новыми, выработанными геніемъ вѣковъ.

Но дѣло развитія человѣчества только тогда станетъ на прочную точку, когда разумныя начала будутъ осуществляться при помощи свободы, т. е., тогда, когда они сдѣлаются внутреннимъ убѣжденіемъ людей и человѣческая воля, для объясненія своего дѣ-

Digitized by Google

нія, будетъ ссылаться не на внѣшній авторитетъ, но на существо своего самосознанія. Для этого нужно новое движеніе въ исторіи человѣчества. Мы видѣли уже, въ чемъ состоитъ сущность второй эпохи. Человѣчество находится подъ господствомъ принудительнаго авторитета, вносящаго въ жизнь разумныя начала, познанныя, такъ сказать, непосредственно, въ силу вдохновенія, но не изслѣдованныя въ ихъ послѣднихъ основаніяхъ. Подобное изслѣдованіе можетъ быть сдѣлано только новою, *критическою* работою субъективнаго разума. Вновь должны быть провѣрены всѣ принципы жизни; разумъ долженъ выработать правила дѣятельности, и затѣмъ воля должна пріучить себя къ выполненію новаго нравственнаго долга.

Изъ этого видно, что человѣчество, прошедшее чрезъ воспитательное вліяніе внѣшняго авторитета, ожидаетъ еще длинный циклъ развитія. Во первыхъ, оно должно пройти чрезъ періодъ, который можно назвать критическимъ и разрушительнымъ. Не желая болѣе подчиняться разумному, въ формѣ внѣшняго авторитета, человѣческое сознаніе подвергаетъ критикѣ всѣ основы прежняго порядка, все, что прежде было признано истиною. Все дѣлается предметомъ сомнѣнія. Это всеобщее настроеніе освобождаетъ человѣческую волю отъ внѣшнихъ авторитетовъ, основываетъ будущую *свободу дѣятельности*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣческій разумъ въ эту эпоху направленъ не столько къ исканію истины, сколько къ своему освобожденію отъ ея прежнихъ авторитетныхъ формъ. Отсюда—полное равнодушіе къ истинѣ и отсутствіе твердыхъ нравственныхъ правилъ.

Но человѣческое сознаніе не остается въ этомъ состояніи сомнѣнія и отрицанія. Разумъ направится къ исканію положительныхъ истинъ: настанетъ эпоха *науки разума* (der Vernunftwissenschaft); въ эту эпоху истина будетъ признана за высшее въ человѣческой жизни и любима больше всего.

И эта теоретическая работа разума не есть послѣдняя ступень развитія человѣчества. Познанная истина не останется на степени истины теоретической; человѣческій духъ не удовлетворится актомъ *познанія*. Онъ обратится къ средствамъ примѣненія истины къ жизни, выработаетъ совокупность практическихъ правилъ нравственности, выработаетъ то, что Фихте называетъ *искусствомъ разума* (Vernunftkunst).

Такимъ образомъ человѣчество возвратится, въ сущности, къ своей исходной точкѣ, къ полному и безграничному господству ра-

Digitized by Google

зума. Но вначалѣ разумъ господствовалъ какъ темный инстинктъ безъ помощи свободы; «въ эпоху совершенства, человѣчество должно», говоритъ Фихте, «идти къ тому же пути, но на своихъ ногахъ». Поэтому оно должно было первоначально уклониться отъ прямаго пути, пережить эпо хувладычества внѣшняго авторитета и всеразрушающаго сомнѣнія.

Нельзя не видѣть, что въ ученіи Фихте господство разума отождествлено съ господствомъ нравственнаго и всему процесу развитія человѣчества приданъ нѣкоторый религіозный оттѣнокъ. Поэтому, для обозначенія различныхъ эпохъ развитія человѣчества, онъ употребляетъ термины религіознаго свойства.

Первую эпоху, періодъ *инстинктивнаго* господства разума и безсознательнаго подчиненія инстинкту, онъ называетъ состояніемъ *невинности* человѣческаго рода. Во вторую эпоху, когда разумный инстинктъ превращается въ принудительный авторитетъ, періодъ положительныхъ ученій и системъ жизни, не восходящихъ къ послѣднимъ основаніямъ, а потому не дѣйствующихъ на свободное убѣжденіе, но требующихъ слѣпой вѣры и безусловнаго повиновенія,—Фихте называетъ *состояніемъ начинающагося грѣха*. Третій періодъ, періодъ освобожденія отъ авторитета, равнодушія къ истинѣ и отсутствія нравственныхъ правилъ, называется *состояніемъ довершенной грѣховности*. За нимъ слѣдуетъ эпоха неустаннаго исканія истины, науки разума; Фихте называетъ ее состояніемъ *начинающагося оправданія*. Наконецъ, послѣдняя эпоха, когда устанавливаются твердыя правила практической дѣятельности, вырабатывается «искусство разума», носитъ названіе *состоянія совершеннаго оправданія и освященія*.

Къ какой же эпохѣ относилось, по мнѣнію Фихте, то время, когда онъ взывалъ къ германскому самосознанію?

Внѣшніе факты подсказывали ему готовый отвѣтъ. Онъ жилъ въ эпоху *революціи*; революція провозглашала освобожденіе человѣческой личности, индивидуальной воли отъ всей системы внѣшнихъ авторитетовъ, руководившихъ въ прежнее время жизнью человѣчества. Не вездѣ было довершено это освобожденіе; но во многихъ мѣстахъ уже было провозглашено верховенство индивидуальнаго разума. Церковь и феодальное государство колебались въ своихъ основаніяхъ; система религіозныхъ истинъ и предписаній положительнаго закона была отвергнута; на мѣсто ихъ не установилось ничего прочнаго. Вникая въ духъ и смыслъ своего времени, Фихте объявилъ, что оно стоитъ между двумя эпохами—

Digitized by Google

второю и третьей. Оно заканчиваетъ владычество авторитета и начинаетъ собую эпоху свободы; но движеніе свободы приняло здѣсь ту критическую, разрушительную форму, съ которой должно было, по ученію Фихте, начаться освобожденіе человѣчества.

Но этихъ общихъ соображеній, очевидно, недостаточно для уясненія принципа эпохи во всѣхъ его подробностяхъ. Къ этой задачѣ мы и приступимъ теперь вмѣстѣ съ Фихте. Гдѣ и какъ мы можемъ лучше всего изучить этотъ принципъ? Принципъ каждой эпохи можетъ быть лучше всего понятъ на цивилизаціи того народа, который въ данную минуту стоитъ во главѣ цивилизаціи вообще,— народа, выражающаго собою, такъ сказать, мысль эпохи. Конечно, эта цивилизація распространяется и на другія народности; онѣ также должны быть приняты въ соображеніе философомъ, изучающимъ эпоху въ ея дѣлахъ и въ подробностяхъ. Нечего говорить, что въ эпоху революціи главное вниманіе наблюдателя обращала на себя Франція—эта руководительница революціоннаго движенія. Фихте нигдѣ не высказывается; но, вчитываясь въ его удивительныя характеристики подробностей эпохи, нельзя не убѣдиться, что образъ великой націи постоянно стоялъ передъ нимъ.

Въ чемъ же состоитъ принципъ этой замѣчательной эпохи?

Прежде всего намъ необходимо понять смыслъ и цѣль ея *умственнаго движенія*, потому что ими опредѣляется ея міросозерцаніе. Фихте назвалъ третью эпоху эпохою *освобожденія*, но никакъ не періодомъ свободы. Человѣчество еще не дѣлается свободнымъ отъ того, что извѣстные авторитеты, прежде владычествовавшіе надъ нимъ, пали. Только нѣкоторыя личности, которыя ведутъ дѣло освобожденія, становятся вполнѣ свободными; прочіе слѣдуютъ за ними, какъ за своими вождями. *Орудіемъ* подобнаго освобожденія является сопоставленіе авторитетной истины, поддерживаемой внѣшнею силою, съ понятіями индивидуальнаго разума, при чемъ все, несогласное съ послѣднимъ, объявляется несостоятельнымъ. Авторитетная истина, требовавшая слѣпой вѣры и безусловнаго повиновенія, не обращалась къ понятіямъ людей; въ эпоху освобожденія люди объявляютъ, что они согласны подчиняться только тому, что̀ они *понимаютъ* безъ труда своимъ индивидуальнымъ разсудкомъ. Другими словами: эпоха освобожденія объявляетъ господство обыкновенныхъ, общихъ понятій, такъ сказать, прирожденныхъ индивидуальному разсудку; это то, что̀ обыкновенно называемъ *здравымъ смысломъ*, но что вѣрнѣе было бы назвать *общимъ смысломъ* (sens commun).

Digitized by Google

Въ самомъ дѣлѣ, если мы спросимъ первыхъ эманципаторовъ человѣчества, въ чемъ состояло ихъ оружіе въ борьбѣ со старымъ порядкомъ,—мы убѣдимся въ справедливости словъ Фихте. Вольтеръ осмѣивалъ затѣйливыя и часто непонятныя учрежденія католицизма и старой монархіи съ точки зрѣнія здраваго смысла (du sens commun). Руссо, ужасаясь сложностью современныхъ ему отношеній, взывалъ къ первобытной простотѣ, къ общему смыслу. Учители естественнаго права, какъ Тамозій въ Германіи, строили систему общества и государства на началахъ общаго смысла (sensu communi).

Отдѣляясь отъ «непонятнаго», признавая необходимость только понятнаго, то есть, доступнаго индивидуальному разуму безъ всякихъ усилій съ его стороны, освободители провозглашали вмѣстѣ съ тѣмъ *непогрѣшимость* этихъ общихъ понятій и возможность постигнуть все необходимое при ихъ помощи. «Наше время», говорилъ Фихте, «*все знаетъ*, ничему не учившись, и можетъ разрѣшить безъ всякаго затрудненія все, что̀ ни попадется ему подъ руку. То, чего я не понимаю при помощи прирожденныхъ понятій, того и нѣтъ, говоритъ всякій. При полномъ убѣжденіи въ непогрѣшимости «общихъ понятій», они дѣйствуютъ на массу какъ нѣкоторый авторитетъ. Она *вѣритъ* въ нихъ и слѣпо слѣдуетъ за каждымъ учителемъ «общаго смысла». Всякій знаетъ, какъ *вѣрили* дѣятели французской революціи въ философію Вольтера, въ cantrat social Руссо; каждый старался воплотить въ себя произведеніе знаменитаго демократа и ссылался на него, какъ на символъ вѣры. «Да, человѣчество», говорилъ Фихте, «вступило въ эпоху освобожденія, потому что оно старается дѣйствовать по понятіямъ; но оно еще не свободно».

Посмотримъ теперь, какіе принципы вноситъ эпоха освобожденія въ общественную философію. Предъ нами лежитъ одно изъ произведеній знаменитаго *Вальнея*, автора «Развалинъ» (Les Ruines),—«о естественномъ законѣ» *). «Въ чемъ», спрашиваетъ онъ, «состоитъ первый принципъ естественнаго закона въ отношеніи къ человѣку?»—«Въ правилѣ самосохраненія», отвѣчаетъ онъ безъ замедленія. Фихте находитъ, что дѣйствительно въ этомъ состоитъ вся сущность политическаго міросозерцанія третьей эпохи, а потому она не совершенно разумна.

Принципы истинно разумной жизни, говоритъ онъ, имѣютъ въ

*) La loi naturelle ou principe physiques de la morale etc.

Digitized by Google

виду жизнь и отношенія рода, цѣлаго. Предыдущія эпохи, такъ или иначе, исходили изъ этого понятія; послѣдующія направятъ истинно свободныя усилія людей къ этой великой цѣли. Но третья эпоха, освободившись отъ разумнаго въ его авторитетной формѣ и не выработавши разумнаго въ его свободной формѣ, осталась при понятіи, подсказанномъ ей «общимъ смысломъ». Прирожденный разумъ, обращаясь только къ «понятному», открылъ одну *реальность—жизнь недѣлимаго,* дальше которой онъ ничего не видѣлъ. Поэтому движущимъ началомъ новаго общественнаго устройства было признано «естественное» стремленіе къ самосохраненію и цѣлью его личное благо. Другими словами: начало личнаго своекорыстія сдѣлалось принципомъ общественнаго строя. «Личность, движимая личнымъ своекорыстіемъ», продолжаетъ философъ, «никогда не возвысится до сознанія чистой идеи, не достигнетъ до познанія a priori; во всемъ она будетъ руководиться опытомъ въ самой грубой его формѣ. Отсюда вытекаетъ слабость ея политическихъ идеаловъ, которые основаны на бездоказательныхъ положеніяхъ «общаго смысла» и принаровлены къ огражденію личныхъ интересовъ.

Мы не можемъ, къ сожалѣнію, слѣдить за всѣми подробностями аргументаціи философа, которая содержитъ въ себѣ характеристику нравственной, умственной и политической жизни эпохи. Мы ограничимся только сопоставленіемъ принциповъ этой эпохи съ началами будущей, истинно разумной,—сопоставленіемъ, сдѣланнымъ самимъ Фихте.

«Разумная жизнь», говоритъ онъ, «состоитъ въ томъ, чтобы личность забывала себя въ родѣ, полагала свою жизнь въ жизни рода и отдавала бы ей въ жертву свое существованіе; неразумная—въ томъ, чтобы личность не мыслила ничего кромѣ самой себя, не любила бы ничего, кромѣ самой себя и въ отношеніи къ себѣ, а полагала бы цѣль жизни въ своемъ личномъ благополучіи. Но такъ какъ все разумное можно назвать хорошимъ, а неразумное дурнымъ, то на свѣтѣ есть только одна добродѣтель,—забывать себя какъ личность и только одинъ порокъ—думать только о себѣ. Нравственное же ученіе нашей эпохи здѣсь, какъ и во всемъ, понимаетъ дѣло обратно и дѣлаетъ единственною добродѣтелью то, что̀ есть единственный порокъ, и единственнымъ порокомъ то, что̀ есть единственная добродѣтель».

Но эпоха своекорыстія и относительности истинъ пройдетъ, своекорыстіе уничтожитъ само себя, а разумъ отъ простыхъ

истинъ «общаго смысла» обратится къ болѣе высокимъ задачамъ философіи.

Простое отрицаніе «неизвѣстнаго» во имя небольшой суммы «извѣстнаго», отреченіе отъ обширной области «непонятнаго» во имя банальностей «понятнаго» не можетъ быть окончательною формою разумной жизни. Разумная, научная жизнь четвертой эпохи, предсказываемой Фихте, сходна съ жизнью третьей эпохи въ томъ отношеніи, что, подобно послѣдней, стремится къ господству *понятій* и знаетъ, что разумная дѣятельность возможна только въ виду понятнаго. Но вотъ гдѣ Фихте видитъ коренную разницу между двумя эпохами. Она заключается въ томъ *употребленіи,* какое дѣлаютъ обѣ эпохи *изъ понятій*. Въ четвертой эпохѣ понятіе будетъ средствомъ овладѣть всею сферою познанія, всѣмъ содержаніемъ предметнаго и нравственнаго міра. Эта эпоха не будетъ отрицаться ни отъ неизвѣстнаго, ни отъ непонятнаго; она будетъ направлять свой испытующій духъ во всѣ сферы, хотя бы для того, чтобъ убѣдиться въ томъ, дѣйствительно ли ею извѣдано все понятное. Напротивъ третья эпоха считаетъ *понятіе* за самое *знаніе*. Для человѣка третьей эпохи кажется, что та небольшая сумма понятій, которыя онъ называетъ прирожденными, исчерпываетъ всю массу знанія. Отсюда—господство общихъ мѣстъ, фразъ и даже любимыхъ словъ. Для человѣка третьей эпохи достаточно услышать слово «свобода», популярность, гуманность, чтобы прійти въ восторгъ и кинуться на какое нибудь дѣло. Фихте и называетъ третью эпоху эпохою безсодержательной свободы. Напротивъ четвертая эпоха будетъ знать, что одни понятія не дадутъ ей ничего, что имъ необходимо дать извѣстное содержаніе, а этого нельзя достигнуть безъ великаго напряженія всѣхъ духовныхъ силъ человѣка.

Такимъ образомъ область познанія расширится; стремленія человѣческаго духа будутъ соотвѣтствовать безпредѣльности этой области. Отдѣльная личность выйдетъ изъ состоянія мелкаго самодовольства своими «общими понятіями» и устремится къ познанію *идеи* во всей ея безпредѣльности. Когда это стремленіе прочно утвердится въ жизни,—измѣнится и самое понятіе о *цѣли* жизни.

Мы видѣли выше, что третья эпоха разрушила значеніе авторитетной истины, не замѣнивъ ея владычествомъ идеи. Она неспособна уже была кинуться въ крестовой походъ по слову римскаго первосвященника, но не была еще готова отдать себя на

Digitized by Google

служеніе раціональной идеѣ. Понятіе *безконечнаго* совершенно изгладилось изъ умовъ и вмѣсто него утвердилось господство конечнаго, а конечное въ общественномъ отношеніи есть недѣлимый съ его личными цѣлями. Поэтому принципъ *своекорыстія* и провозглашенъ началомъ общественной жизни, если только онъ играетъ такую роль и не составляетъ прямаго отрицанія всякаго общественнаго начала. Напротивъ, философское направленіе четвертой эпохи приведетъ всѣхъ и каждаго къ убѣжденію, что духовная жизнь недѣлимаго совпадаетъ съ жизнью идеи; но жизнь и развитіе идеи не могутъ быть замкнуты въ узкую сферу индивидуальнаго бытія. Идея медленно и постепенно раскрывается въ исторіи цѣлаго человѣческаго общества. Поэтому каждый философствующій духъ, посвятившій себя служенію идеѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ отдаетъ себя обществу, ибо только въ немъ раскрывается идея съ ея безконечнымъ содержаніемъ. *Идея въ обществѣ*—вотъ первое и коренное представленіе новой эпохи, которой суждено уничтожить принципъ своекорыстія въ самомъ его корнѣ. Она противупоставитъ ограниченности и конечности «прирожденныхъ понятій» и безпредѣльность и абсолютность идеи; она возвратитъ недѣлимому понятіе о вѣчной жизни, жизни не оканчивающейся предѣлами единичнаго существованія, но продолжающейся безконечно въ человѣческомъ родѣ, въ обществѣ. Сдѣлаться участникомъ въ вѣчной жизни идеи, слѣдовательно въ жизни общества, такова будетъ новая цѣль жизни; воспитать все общество къ свободному, сознательному и разумному участію въ жизни идеи, поддержать его въ стремленіяхъ къ безконечному—такова цѣль будущаго государства.

Такую цѣль указывалъ Фихте германскому обществу. Отсюда понятно его отличіе отъ тѣхъ офиціальныхъ сферъ, которыя, подобно ему, думали бороться противъ Франціи. Эти сферы, подобно ему, относились къ событіямъ и началамъ своей эпохи отрицательно. Но точка зрѣнія, идеалъ, съ которыхъ производилось это отрицаніе, лежали не тамъ, гдѣ искалъ своего идеала Фихте. У нихъ была своя точка зрѣнія—интересы стараго порядка, свой идеалъ—средневѣковая Европа. Спросимъ самаго виднаго представителя реакціи, графа де-Местра, чего онъ проситъ у Бога и у властей предержащихъ. Обращаясь къ властямъ и народамъ, онъ говоритъ: ваше *паденіе* началось очень давно. Во первыхъ, человѣческая дерзость поколебала первый и основной авторитетъ, подъ владычествомъ котораго жили народы,—авторитетъ папской

Digitized by Google

власти. Революція—первая повела народы къ ужасной пропасти. Свѣтскія власти, по недальновидности своей, рукоплескали паденію стѣснявшей ихъ власти. Но они не подозрѣвали, что въ лицѣ папской власти падалъ принципъ, на которомъ, въ итогѣ, держалась ихъ собственная власть. Послѣдствія доказали это. Шагъ за шагомъ эманципированная мысль разрушала всѣ авторитеты и теперь бросила народы во всѣ ужасы анархіи. Какъ выйти изъ этого положенія—понятно. Пусть воскреснетъ старый порядокъ въ его первоначальной формѣ, когда папская власть стояла во главѣ человѣчества и авторитетомъ своимъ освящала прочія власти. Фихте отрицалъ начало «третьей эпохи» съ точки зрѣнія новаго, высшаго идеала. Онъ не искалъ золотаго вѣка за предѣлами современной исторіи. Онъ могъ сказать то, что впослѣдствіи сказалъ Сенъ-Симонъ: «золотой вѣкъ не сзади, а впереди насъ; наши отцы его не видѣли и мы его не увидимъ; но дѣти наши увидятъ, и мы должны подготовить это время».

Кромѣ общихъ достоинствъ такого взгляда, онъ имѣлъ еще важное значеніе для той эпохи, когда писалъ Фихте. Ничто такъ не можетъ содѣйствовать возрожденію націи и человѣчества, какъ выясненіе новой цѣли, новой задачи, которую они призваны выполнить. Ничто такъ не возбуждаетъ человѣческій духъ къ дѣятельности, какъ новый и высокій идеалъ жизни, и чѣмъ выше идеалъ, тѣмъ могущественнѣе вліяніе. Одно изъ величайшихъ условій вліянія христіанства состояло въ томъ, что оно потребовало отъ человѣка высокой степени нравственнаго совершенства. «Будьте совершенны, какъ отецъ вашъ небесный», говорилъ божественный Основатель нашей религіи. Другими словами, всякій идеалъ, дѣйствительно могущественный, заключаетъ въ себѣ большую долю *безконечнаго*; только такой идеалъ можетъ призвать людей къ упорной работѣ надъ собою, держать въ напряженіи всѣ силы ихъ духа и побуждать ихъ къ актамъ высокаго самопожертвованія.

Общественный голосъ Германіи оправдалъ Фихте въ этомъ отношеніи. Въ такъ называемой борьбѣ за освобожденіе (Befreiungskrieg) высказывались мотивы совсѣмъ другаго свойства, чѣмъ простая преданность законамъ своего отечества и прежнему порядку. Борьба за освобожденіе, сдѣлавшись народнымъ дѣломъ, вызвала въ обществѣ то чувство самоуваженія, которое естественно привело къ требованіямъ свободы и лучшаго порядка вещей,—требованіямъ, которыя только впослѣдствіи были задавлены

Digitized by Google

усиліями реакціи. И если это чувство самоуваженія проснулось въ обществѣ, то Фихте могъ считаться однимъ изъ первыхъ его авторовъ.

Этого мало. Выясненіе народу новой и высокой цѣли, которой онъ призванъ служить, пробуждаетъ въ немъ чувство національнаго достоинства, независимости относительно другихъ народностей. Оно выводитъ его изъ эпохи зависимости, подражанія, заимствованія, ставитъ его, какъ говаривалъ Фихте, на свои ноги. Подобный пріемъ имѣетъ, такъ сказать, общечеловѣческое значеніе, въ томъ смыслѣ, что люди, начинающіе національное возрожденіе, всегда указываютъ своему народу на такія задачи человѣческой жизни, которыя не тронуты общественною дѣятельностію другихъ народовъ. Такъ и наши славянофилы указывали въ свое время, что Россія, вмѣстѣ съ другими славянскими племенами, должна внести во всемірную исторію новые элементы, не выработанные чуждыми намъ цивилизаціями. Первоначально эти заявленія оставались въ области отвлеченныхъ идеаловъ и, мало по малу, получивъ практическое значеніе, входятъ во всеобщее сознаніе. Теперь мы знаемъ, на примѣръ, что новая сила Россіи заключается въ устроеніи экономическаго быта крестьянъ, въ противуположность западно-европейскому пролетаріату; что идея *крестьянскаго надѣла* есть ея національная идея и ея призваніе въ тѣхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества, которыя еще живутъ подъ господствомъ экономическихъ идей Запада.

Но выяснить и поставить передъ лицемъ народа высокій идеалъ не значитъ еще выполнить всю задачу возрожденія; нужно еще вызвать къ дѣятельности силы, способныя осуществить его. А это весьма сложная и трудная задача. Во первыхъ, должно указать народу на эти силы, которыми онъ можетъ располагать; во вторыхъ, должно побудить его къ дѣятельности, къ желанію воспользоваться своими силами.

Здѣсь начинается второй элементъ патріотической дѣятельности Фихте, который мы можемъ назвать элементомъ *обличенія*. Высокій идеалъ поставленъ, общество призывается къ его осуществленію; но какое страшное, поразительное разстояніе между этимъ идеаломъ и дѣйствительнымъ состояніемъ общества! Вмѣсто единства общественныхъ силъ—ихъ раздробленіе; вмѣсто высокаго сознанія общественнаго интереса—господство грубаго своекорыстія; вмѣсто твердости и мужества воли, го-

Digitized by Google

товой на служеніе общему дѣлу,—распущенность, трусость и продажность. Пусть же слово обличенія падетъ на это общество; пусть неподкупный голосъ проповѣдника укажетъ обществу ту бездну «мерзости запустѣнія», въ которой оно лежитъ... Нужно заставить общество посмотрѣть въ глаза истинѣ. «Почему бы», говорилъ Фихте, «намъ бояться этой опасности? Зло не сдѣлается меньше отъ неизвѣстности; отъ извѣстности оно не сдѣлается больше, но излеченіе его возможно только при извѣстности. Пусть же лѣнь и своекорыстіе бичуются горькими рѣчами обвиненія, ѣдкою насмѣшкою и презрѣніемъ!»

Дѣйствительно, въ «рѣчахъ къ германскому народу» чрезвычайно много этого элемента; но мы должны заранѣе понять истинный его смыслъ. Есть два рода *обличенія*. Одно возникаетъ изъ чувства своего превосходства надъ народомъ, вслѣдствіе того, что обличающему удалось схватить нѣсколько свѣдѣній, которыхъ не имѣетъ масса. Цѣль такого обличенія состоитъ въ приведеніи своего народа къ «единой, всеспасающей цивилизаціи». Результатъ его—убѣжденіе, что народъ ничего не можетъ сдѣлать самъ собою, что его можетъ спасти только заимствованіе,—словомъ, мы приходимъ *къ презрѣнію* ко всѣмъ народнымъ началамъ. Второй видъ обличенія возникаетъ въ сердцѣ людей, которыя живутъ и страдаютъ съ народомъ, вѣрятъ въ его силу и которыхъ поражаетъ разстояніе между тѣмъ, чѣмъ могъ бы быть народъ въ силу своей собственной цивилизаціи, и тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ. Цѣль такого обличенія—вызвать народъ къ самодѣятельности, результатъ—его уваженіе къ началамъ народной исторіи.

На этой точкѣ зрѣнія стоялъ и Фихте. Онъ видѣлъ безпримѣрное разложеніе Германіи, но чувствовалъ и силу ея; въ его обличеніяхъ всегда слышится вѣра въ лучшее будущее. Посмотримъ, какъ онъ самъ опредѣляетъ свое отношеніе къ настоящему и будущему Германіи.

«Пусть», говоритъ Фихте, «наше время выслушаетъ видѣніе древняго ясновидца, относившееся къ не менѣе печальному положенію дѣлъ. Такъ говоритъ пророкъ у водъ шеборскихъ, утѣшитель народа, плѣненнаго не въ своей, но въ чужой землѣ *): «рука Господня нашла на меня и вывела меня духовно и поставила меня на обширное поле, исполненное костей, и повела

*) Пророкъ Іезекіиль XXXVI, 37.

Digitized by Google

меня кругомъ, и всюду видѣлъ я, что много костей лежало на полѣ и были онѣ весьма изсохши. И Господь сказалъ мнѣ: ты, сынъ человѣческій, думаешь ли, что эти кости будутъ опять жить? Я отвѣчалъ: Господи, это ты знаешь. И Онъ сказалъ мнѣ: пророчествуй объ этихъ костяхъ и скажи имъ: вы, изсохшія кости, слушайте слово Господне. Такъ говоритъ Господь объ васъ, изсохшихъ костяхъ. Я хочу васъ связать опять жилами и повелѣть мясу рости на васъ и одѣть васъ кожею и вложить въ васъ духъ, чтобъ опять жили и знали, что я—Господь. И я пророчествовалъ, какъ мнѣ было повелѣно, и начался шумъ и трясеніе и кости приблизились другъ къ другу, каждая на свое мѣсто, и на нихъ выросли жилы и мясо, и одѣлись онѣ кожею. Но духа не было. И Господь сказалъ мнѣ: пророчествуй къ вѣтру и скажи ему: такъ глаголетъ Господь: вѣтеръ, пріиди сюда отъ четырехъ вѣтровъ и дунь на этихъ мертвецовъ, чтобъ они опять жили. И я пророчествовалъ, какъ мнѣ было приказано. Тогда пришелъ въ нихъ духъ, и они ожили и встали на ноги и было ихъ большое войско.»—«Пусть», восклицаетъ Фихте, «составныя части нашей духовной жизни останутся такими же изсушенными и связи нашего національнаго единства такъ же разорваны и лежатъ въ дикомъ безпорядкѣ, какъ мертвыя кости пророка; пусть онѣ выцвѣтаютъ и изсыхаютъ подъ бурями, потоками дождей и палящими лучами солнца: животворящій духъ духовнаго міра не пересталъ еще вѣять. Онъ охватитъ и соединитъ вымершія кости нашей національности, чтобъ онѣ величественно возстали къ новой и просвѣтленной жизни».

Лекція III.

Мы будемъ свидѣтелями торжественнаго зрѣлища—зрѣлища патріотическаго духа одинакого философа, который укрѣпляется въ вѣрѣ въ свой народъ, призываетъ его къ возрожденію и высокой исторической роли именно въ то самое время, когда этотъ народъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ паденія. Мало того, мужество и вѣра этого удивительнаго философа растутъ вмѣстѣ съ несчастіями народа. Кажется, это величіе вѣрующаго духа и могло быть создано только величіемъ несчастія. Живи Фихте въ такъ называемое мирное время, когда общество жалуется на мелкія злоупотребленія своихъ чиновниковъ, на взяточничество и расхи-

Digitized by Google

щеніе казны, на плохой выборъ должностныхъ лицъ и т. д.,—онъ, вѣроятно, безмолвствовалъ бы и предоставилъ бы слово обличителямъ втораго и третьяго разряда. Но теперь обстоятельства были по плечу только такимъ людямъ, какъ онъ. Эпоху войнъ республики и имперіи справедливо называютъ борьбою гигантовъ; эта эпоха вызывала на свѣтъ всѣ титаническія силы обществъ, давала дѣло могущественнымъ характерамъ. Наполеонъ во Франціи, Питтъ и Боркъ въ Англіи, Фихте и Штейнъ въ Германіи, Кутузовъ въ Россіи—таковы личности, вызванныя въ то время судьбою на удивленіе всему человѣчеству. Однѣ изъ нихъ были вызваны къ дѣлу національнымъ торжествомъ, какъ Наполеонъ съ его маршалами, другія—народными несчастіями.

Посмотримъ же, что вызвало въ Фихте новый порывъ патріотическаго чувства.

Курфюрсты баварскій и виртембергскій, за свои услуги Наполеону противъ Германіи, были возведены въ королевское достоинство. Благодарные за эту милость, они уже были болѣе сановниками французской имперіи, чѣмъ германскими князьями. Опираясь на нихъ и на своекорыстіе другихъ германскихъ владѣтелей, Наполеонъ рѣшился разорвать Германію на двѣ части, изъ которыхъ одна находилась бы въ полномъ подчиненіи у Франціи. 12 іюля 1866 г., былъ учрежденъ знаменитый рейнскій союзъ, подъ покровительствомъ Наполеона. Члены рейнскаго союза обязались за это покровительство держать наготовѣ для будущихъ войнъ Наполеона 63 тыс. войска. Нѣмецкій курфюрстъ архиканцлеръ *Дальбергъ* былъ избранъ въ намѣстники Наполеона и надѣленъ городомъ Франкфуртомъ. Про него говорятъ, что это былъ просвѣщенный покровитель наукъ и искусствъ, но человѣкъ преданный *космополитическимъ* идеямъ той эпохи до совершеннаго забвенія чувствъ патріотизма. Самая идея германской имперіи и прежде слабая—рушилась. Австрійскій императоръ Францъ отказался отъ титула нѣмецкаго императора и принялъ званіе императора австрійскаго. Имперскіе законы и учрежденія были отмѣнены. Началось преслѣдованіе патріотовъ. Извѣстный патріотическій писатель Арндтъ, по волѣ Наполеона, былъ изгнанъ изъ Германіи, скитался по Швеціи и Россіи и лишь украдкою являлся въ свое отечество. Патріотъ книгопродавецъ *Пальмъ* былъ приговоренъ и казненъ за изданіе книги непріятной Наполеону.

Настала очередь и Пруссіи. Что ни дѣлалъ прусскій король,

Google

руководимый Гаугвицомъ, другомъ французовъ и цивилизаціи, чтобы заслужить расположенія Наполеона,—ничто не помогало. Наконецъ дѣло дошло до формальнаго разрыва. Пока Пруссія медленно и методически готовилась къ войнѣ, Наполеонъ уже вторгся въ Германію, гдѣ къ нему присоединился курфюрстъ саксонскій. Старый предводитель прусскихъ войскъ, герцогъ брауншвейгскій, былъ разбитъ въ знаменитой битвѣ подъ Іеной. Послѣ того крѣпости, находившіяся въ рукахъ «заслуженныхъ», но дурныхъ генераловъ, сдавались безъ сопротивленія. Эрфуртъ Шпандау, Потсдамъ, Штеттинъ, Кюстринъ и Магдебургъ были въ рукахъ французовъ. Чрезъ тринадцать дней послѣ битвы подъ Іеной Наполеонъ уже вступилъ въ Берлинъ. Король прусскій бѣжалъ въ Кёнигсбергъ и униженно молилъ побѣдителя о мирѣ, изъявляя даже готовность приступить къ рейнскому союзу. Но Наполеонъ отвергъ эти ходатайства. Тогда король обратился къ Россіи. Извѣстно, что и эта помощь не доставила выгодъ Пруссіи. Послѣ битвы подъ Фридландомъ былъ заключенъ тильзитскій миръ. Пруссія потеряла половину своихъ владѣній въ пользу герцогства варшавскаго и вестфальскаго королевства, вновь учрежденнаго.

Нужно ли говорить о положеніи Фихте въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ? Едва началась война 1806—1807 г., какъ онъ подалъ прусскому правительству прошеніе о томъ, чтобъ его допустили въ главную квартиру въ качествѣ оратора и нравственно-политическаго проповѣдника. Король велѣлъ Бейме благодарить его и сказать, что, можетъ быть, его краснорѣчіе будетъ полезно послѣ *побѣды*. Дѣлать было нечего. Пруссія не дождалась побѣды, а краснорѣчію Фихте пришлось сдѣлать свое дѣло послѣ окончательнаго низложенія Пруссіи. Во время войны Фихте принужденъ былъ бѣжать сначала въ Кёнигсбергъ, а потомъ въ Копенгагенъ. Только послѣ заключенія тильзитскаго мира возвратился онъ въ Берлинъ, чтобъ утѣшать народъ въ его глубокомъ униженіи. Въ зимній семестръ 1807—1808 г. онъ прочелъ здѣсь, съ величайшею для себя опасностію, свои знаменитыя «рѣчи къ германскому народу» (Bedeie ondu Deutsche Nation).

Друзья указывали ему на всю опасность его предпріятія; доказывали ему, что Наполеонъ можетъ изгнать его подобно Арндту, Горденбергу и многимъ другимъ. Онъ не сдался на эти доводы. «Добро», говорилъ онъ, «состоитъ въ воодушевленіи, въ возвыше-

Digitized by Google

ніи; моя личная опасность не можетъ быть принята во вниманіе, — она была бы даже полезна». Въ другой разъ онъ говоритъ: «я зналъ очень хорошо, чѣмъ я рискую. Я знаю, что меня, подобно Пальму, можетъ постигнуть свинецъ. Но я этого не боюсь и охотно умру для цѣли, мною избранной».

Это высокое патріотическое настроеніе дало ему возможность сдѣлать изъ «рѣчей къ германскому народу» непреходящій памятникъ философскаго творчества. Онѣ дали ему право на вѣчную благодарность потомства; во имя ихъ праздновался столѣтній юбилей его рожденія. Въ нихъ окончательно отрѣшился Фихте отъ прежнихъ космополитическихъ воззрѣній, которыя проглядываютъ еще въ «основныхъ чертахъ нашего времени». Въ этихъ чертахъ мы находимъ еще слѣдующую страницу: «Гдѣ отечество истинно просвѣщеннаго христіанина европейца? Вообще—Европа, а въ особенности, въ каждую эпоху, то европейское государство, которое стоитъ во главѣ цивилизаціи. Это государство, съ теченіемъ времени, погибнетъ, а потому не будетъ уже стоять во главѣ цивилизаціи. Но именно по тому, что оно погибаетъ и должно погибнуть, появляются другія и между ними одно въ особенности выдвигается впередъ. Пусть же земнорожденные, признающіе въ земной корѣ, рѣкахъ и горахъ свое отечество, остаются гражданами погибшаго государства; они получаютъ то, чего желали и что дѣлаетъ ихъ счастливыми. Но солнцеподобный духъ неудержимо притягивается и направляется туда, гдѣ свѣтъ и право. И въ этомъ всемірногражданскомъ чувствѣ мы можемъ успокоиться о судьбѣ и дѣяніяхъ государства».

Но это успокоивающее, всемірногражданское чувство было нарушено реальнымъ фактомъ—чужеземнымъ завоеваніемъ. Фихте увидѣлъ, что «земная кора, горы и рѣки»—также отечество, что гражданинъ «погибшаго государства» не можетъ найти утѣшеніе въ космополитической философіи. Чужеземное завоеваніе, это огненное крещеніе, искупляющее отъ грѣха космополитизма, двинуло его на патріотическое дѣло, подъ рискомъ пули или изгнанія.

Новыя рѣчи Фихте были уже обращены не ко всему цивилизованному міру, участвующему въ жизни «нашего времени», но только къ германцамъ. «Я», говоритъ онъ въ своей первой лекціи, «говорю для нѣмцевъ и о нѣмцахъ».

«Рѣчи къ германскому народу» составляютъ, по словамъ самого Фихте, «продолженіе его чтеній объ основныхъ чертахъ на-

Digitized by Google

стоящаго времени». Дѣйствительно, для уясненія философскаго ихъ смысла, необходимо имѣть въ виду главныя положенія этихъ чтеній. Въ этихъ рѣчахъ героемъ, такъ сказать, является принципъ эпохи, выясненный въ чтеніяхъ. Фихте хочетъ доказать, что этотъ принципъ уже переживаетъ себя, что пора германцамъ взяться за подготовленіе новой эпохи.

Мы видѣли, что Фихте призналъ общественнымъ принципомъ современной ему эпохи начало личнаго своекорыстія. Но принципъ каждой эпохи переживаетъ себя, когда результаты его будутъ доведены до конца, когда эпоха губитъ саму себя.

Въ какомъ же положеніи находится этотъ принципъ?

«Наше время», говоритъ Фихте, «идетъ исполинскими шагами. Въ послѣдніе три года наша эпоха во многихъ мѣстахъ уже закончилась, кое-гдѣ своекорыстіе, развившись вполнѣ, уже уничтожило себя, потеряло свою самостоятельность; думая служить только себѣ и своимъ личнымъ цѣлямъ, оно сдѣлалось орудіемъ въ рукахъ чуждой, насильственной власти. Мы должны признать нашу эпоху за прошедшее и думать о будущемъ.»

«Но для того, чтобы доказать, что принципъ эпохи дошелъ до своихъ послѣднихъ предѣловъ, нужно обратить вниманіе общества на эти страшные признаки разложенія: пусть оно увидитъ свою смерть, умретъ духовно для прошлаго и воскреснетъ для будущаго!»

Эти признаки разложенія, по мнѣнію Фихте, состоятъ въ слѣдующемъ:

«Своекорыстіе достигаетъ своей высшей степени, когда оно обхватываетъ, за немногими исключеніями, правительства и, укрѣпившись въ нихъ, переходитъ и на управляемыхъ. Такое правительство познается, прежде всего, во внѣшней политикѣ, въ пренебреженіи всѣхъ связей, чрезъ которыя его безопасность обусловливается безопасностью другихъ, принесеніемъ цѣлаго, котораго оно составляетъ часть, въ жертву тому, чтобы сохранить свое лѣнивое спокойствіе, и въ ложномъ убѣжденіи своекорыстія, что оно пользуется миромъ, пока его границамъ не грозитъ видимая опасность. Во внутренней политикѣ это разложеніе обнаруживается въ слабости управленія, которая, по-иностранному называется гуманностью, популярностью, а по-нѣмецки—сонливостью и недостойнымъ поведеніемъ.» Мы знаемъ, имѣлъ ли право Фихте сказать, что германскія правительства, продававшія Германію за королевскій титулъ, своекорыстны; мы

Digitized by Google

знаемъ, имѣлъ ли онъ право назвать испорченными такихъ либеральныхъ и гуманныхъ правителей, какъ Дальбергъ и ему подобные.

Такими же мрачными красками, взятыми изъ дѣйствительности, описываетъ Фихте и нравственное паденіе народовъ. Здѣсь также онъ не видитъ никакихъ связей, соединяющихъ недѣлимыхъ съ государственнымъ тѣломъ. Своекорыстіе подсказываетъ имъ только страхъ и уваженіе къ иноземцамъ; утративши всякое чувство долга, они охотно и съ веселымъ лицемъ отдаютъ иноземцамъ значительную долю имущества, въ которой они отказывали защитникамъ отечества, ни дать ни взять, какъ французы въ нынѣшнюю войну прятали съѣстные припасы отъ своихъ войскъ, для того чтобъ отдать ихъ прусакамъ. И, въ концѣ концевъ,это испорченное племя вступаетъ въ иностранное войско, чтобы сражаться противъ собственнаго отечества.

«Такъ», заключаетъ Фихте, «своекорыстіе уничтожаетъ само себя, и тѣ, которые полагали самихъ себя цѣлью жизни, принуждены служить цѣлямъ другихъ.»

Гдѣ же выходъ изъ этого положенія? Здѣсь, мм. гг., мы приближаемся къ самому корню ученія Фихте.

«Никакая нація», говоритъ онъ, «низпавшая до состоянія зависимости отъ чужеземцевъ, не можетъ подняться изъ ней при помощи обыкновенныхъ и до сихъ поръ употреблявшихся средствъ. Если ея сопротивленіе было безплодно, даже тогда, когда она еще обладала всѣми своими силами,—что можетъ сдѣлать она теперь, когда она лишилась большей части изъ нихъ? Другими словами: общество, построенное на принципѣ своекорыстія, могло ожидать своего спасенія только отъ силы правительства. Правительство и дѣлало, что могло; но результаты не оправдали его усилій. Теперь общество лишилось сильнаго правительства и ничего не можетъ ожидать отъ него. То, что прежде могло помочь, когда правительство твердо держало бразды правленія, теперь непримѣнимо, потому что эти бразды только повидимому находятся въ рукахъ правительства, и самая эта рука направляется чужеземнымъ завоевателемъ... Если такая падшая нація можетъ быть спасена, то при помощи новыхъ, до сихъ поръ не употреблявшихся средствъ—чрезъ созданіе новаго порядка вещей.»

«Общій планъ этого новаго порядка вещей долженъ быть направленъ къ измѣненію существующихъ отношеній между не-

Digitized by Google

дѣлимымъ и цѣлымъ обществомъ. Въ настоящее время», говоритъ Фихте, «участіе недѣлимаго въ цѣломъ было основано на участіи его къ самому себѣ, т. е., на такихъ связяхъ, которыя весьма легко могли быть разорваны, на страхѣ и надеждѣ недѣлимаго относительно условій его личной жизни. Соотношеніе недѣлимаго къ вѣчной жизни цѣлаго было затемнено; напрасно стараются замѣнить эту идею любовью къ національной «славѣ и чести. «Эти обманчивыя представленія никогда не могутъ замѣнить истинной общественной связи.»

«Эта общественная связь можетъ быть построена не на чувственныхъ стремленіяхъ надежды и страха за свое личное существованіе, но на духовномъ стремленіи нравственнаго удовлетворенія или неудовлетворенія или на высшемъ аффектѣ удовольствія или неудовольствія относительно своего и чужаго состоянія. Чувственный глазъ, привыкшій къ чистотѣ и порядку, будетъ испытывать неудовольствіе отъ грязи и безпорядочно лежащихъ вещей, хоть это и не причиняетъ ему физической боли; такъ и духовный глазъ человѣка можетъ быть воспитанъ такимъ образомъ, что простой взглядъ на безпорядочное, недостойное и безчестное существованіе своего народа будетъ причинять ему боль, страданіе, независимо отъ личныхъ надеждъ и страховъ. Обладатель такого глаза будетъ страдать и радоваться вмѣстѣ со своимъ народомъ, потому что онъ будетъ чувствовать себя его частью и ему будетъ житься хорошо, если только цѣлое будетъ совершенно и благоустроенно. Воспитаніе въ недѣлимыхъ такого воззрѣнія на общественную жизнь и есть главное, даже единственное средство къ обновленію общества, которое гибнетъ отъ своекорыстія. Слѣдовательно, хорошая система общественнаго воспитанія — вотъ единственное спасеніе Германіи.»

По видимому, Фихте высказывалъ мысль не особенно новую. Кто же изъ знаменитыхъ политическихъ мыслителей, начиная съ Платона, не говорилъ о необходимости воспитанія и не предлагалъ даже своихъ проектовъ? Особенно XVIII столѣтіе богато проектами общественнаго воспитанія. Руссо во Франціи и Швейцаріи съ своимъ Эмилемъ и Бозедовъ въ Германіи произвели сильнѣйшее движеніе, о которомъ мы не можемъ даже составить себѣ понятія. Но Фихте и не говорилъ *о пользѣ* воспитанія; онъ говорилъ о новыхъ его началахъ и формахъ, принаровленныхъ къ общественному возрожденію Германіи.

Digitized by Google

Чѣмъ эти принципы и формы должны отличаться отъ прежней системы?

Нельзя не согласиться, говоритъ Фихте, что современное воспитаніе представляетъ глазамъ воспитанниковъ картину религіознаго, нравственнаго, политическаго образа мыслей, всяческаго порядка и добрыхъ нравовъ, и даже кое-гдѣ напечатлѣло эти образы въ жизни. Но, за немногими исключеніями, воспитанники руководятся въ дѣйствительной жизни не этими представленіями, а своими естественными, своекорыстными стремленіями, возросшими безъ всякаго воспитанія. Такимъ образомъ современное воспитаніе не дѣлаетъ своего дѣла. Его правоученіе, правила скользятъ по уму, какъ блѣдная картина, не направляя воли, не подчиняя себѣ дѣйствительной жизни.

Во вторыхъ, даже эта ограниченная система воспитанія распространяется на незначительное количество лицъ, которыя и составляютъ, такъ называемый, «образованный класъ», а большинство, на которомъ собственно и держится общественный строй, народъ, остается безъ всякаго воспитанія.

Такимъ образомъ воспитаніе требуетъ реформы въ двухъ направленіяхъ: относительно своего содержанія и относительно его объема. По своему *содержанію*, оно должно служить средствомъ дѣйствительнаго образованія человѣческой нравственной личности; по своему *объему*, оно должно сдѣлаться *народнымъ* просвѣщеніемъ въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова. «Мы», говоритъ Фихте, «хотимъ чрезъ воспитаніе образовать нѣмцевъ такъ, чтобъ они составили одно цѣлое, которое было бы одушевляемо и руководимо во всѣхъ своихъ частяхъ одними условіями». Никто не можетъ быть исключенъ отъ пользованія этимъ духовнымъ благомъ; этого требуетъ благо отечества; только при такомъ условіи высшіе класы не будутъ отдѣлять себя отъ низшихъ и не будутъ признавать своимъ духовнымъ отечествомъ чужую страну, не будутъ измѣнять родинѣ, какъ это сдѣлали высшіе класы во время борьбы съ Наполеономъ. Для того, чтобы предупредить возможность Бейме или Гаугвица, нужно, чтобы послѣдній крестьянинъ былъ озаренъ свѣтомъ знанія.

Намъ предстоитъ, слѣдовательно, разсмотрѣть два вопроса: вопросъ о самой *системѣ* новаго воспитанія и о примѣненіи ея къ наибольшему количеству лицъ.

Чѣмъ грѣшитъ система прежняго воспитанія? Почему она даетъ уму только теоретическія представленія, не переходящія

Digitized by Google

въ убѣжденія и не овладѣвающія всѣмъ нравственнымъ существомъ человѣка? Причина этого, по мнѣнію Фихте, заключается въ томъ, что старая школа требуетъ отъ ученика *пасивнаго познаванія* готовыхъ научныхъ истинъ; но не заставляетъ его принимать дѣятельное участіе въ самомъ *созиданіи* этихъ положеній, такъ чтобъ они, такъ сказать, выходили изъ его творческой дѣятельности. Между тѣмъ мы видѣли, что, по ученію Фихте, только та истина можетъ перейти въ наше убѣжденіе, которая родилась изъ нашего самосознанія. «Большая разница», говоритъ онъ, «*принять* что либо, не имѣя ничего противъ этого, такъ что пасивное воспріятіе вытекаетъ изъ пасивнаго подчиненія, и большая разница—усвоить себѣ истину, выработанную на нашихъ глазахъ, при участіи всѣхъ нашихъ силъ». Если, на примѣръ, вы скажете ученику, что мы можемъ получить замкнутое пространство при помощи, по крайней мѣрѣ, трехъ линій и заставимъ *заучить* его эту истину, какъ догматическое положеніе, онъ заучитъ ее, но и забудетъ ее такъ же скоро, потому что что̀ ему до нея? Она, вѣдь, не его открытіе, не его собственность. Напротивъ, заставьте вы ученика самого начертить замкнутое пространство; онъ найдетъ, что ему нужно не менѣе трехъ линій, и тогда то положеніе, къ которому *вы вели его*, станетъ его дѣйствительнымъ достояніемъ, которое будетъ ему дорого, какъ все, добытое его усиліями.

Вызвать въ воспитанникахъ *творческую* силу, заставить ихъ искать истины, вести ихъ къ этой истинѣ, и такъ, чтобъ она вышла изъ ихъ самосознанія, таково первое средство новаго воспитанія. Еслибы только въ этомъ состоялъ его результатъ, то и тогда эта система имѣла бы все право на предпочтеніе, сравнительно съ пасивнымъ заучиваніемъ. Но подобная система имѣетъ еще другую сторону, особенно важную съ общественной точки зрѣнія.

Система пассивнаго усвоенія приводитъ къ полному разъединенію школы, къ совершенной изолированности воспитанниковъ. Ученикъ, усвоивающій истины по книгѣ, совершенно уединенъ отъ своихъ товарищей. Предъ нимъ его книга и учитель,—до остальнаго школьнаго міра ему нѣтъ дѣла. Если онъ и думаетъ о своихъ товарищахъ, то развѣ по поводу желанія отличиться предъ ними, вызвать бо̀льшую благосклонность учителя и т. д. Новая система воспитанія, призывая всѣхъ къ творческой дѣя-

Digitized by Google

тельности, уничтожаетъ это разобщеніе. Всѣ участвуютъ въ исканіи правила, закона; всѣ помогаютъ другъ другу. Между учениками установляется общность духовныхъ цѣлей, общія затрудненія, радости и горести. Другими словами: духовное общеніе народа, которое уничтожитъ принципъ личнаго своекорыстія, должно быть подготовлено въ школѣ. Фихте идетъ дальше. По его плану школьная жизнь должна быть дѣйствительнымъ предверіемъ къ государственной жизни. Старая школа, говоритъ онъ, давала ученикамъ теоретическое понятіе о государствѣ, объ его устройствѣ, законахъ и т. д. Все это пасивно познается учениками; умъ ихъ подчиняется познаннымъ понятіямъ въ школѣ, а потому послѣ школы ихъ воля такъ же пасивно относится къ государственной практикѣ, какъ въ школѣ умъ ихъ относился къ теоріи. Фихте доказываетъ, что еще въ школѣ ученики должны участвовать въ выработкѣ политическихъ идеаловъ, испытывать ихъ годность въ предѣлахъ товарищескихъ отношеній; они должны выходить изъ школы хорошо подготовленными гражданами.

Духъ общенія, выработанный въ каждой школѣ, долженъ сплотить въ одно цѣлое и весь народъ, чрезъ распространеніе образованія во всей націи. Весь народъ долженъ пройти чрезъ школу, которая вызоветъ въ немъ творческія силы, любовь къ духовной жизни. Наконецъ, подобная система воспитанія вызоветъ къ жизни и къ дѣятельности всѣ особенности не только недѣлимыхъ, но и народовъ. Только при ней возможно будетъ *плодотворное разнообразіе научныхъ системъ*, дѣйствительное богатство міросозерцанія и самобытность духовной жизни.

Мы представили здѣсь планъ Фихте въ самыхъ общихъ чертахъ не по одному недостатку мѣста и времени, но по тому, что общія идеи и цѣли, указанныя имъ, могутъ быть осуществлены самыми разнообразными способами. Другими словами: эта общая идея можетъ вызвать различные *техническіе* планы воспитанія. Что касается этой технической стороны дѣла, то Фихте, какъ извѣстно, рекомендовалъ своему обществу планъ знаменитаго *Песталоцци*. Между этими двумя личностями было чрезвычайно много общаго. То же преобразовательное стремленіе, тѣ же мечты объ обновленіи человѣчества чрезъ воспитаніе вдохновляли Песталоцци и поддерживали его страдальческую жизнь. Бѣднякъ, нерѣдко изгнанникъ, онъ посвятилъ себя трудной задачѣ перевоспитанія самыхъ испорченныхъ дѣтей. Его можно назвать народнымъ учителемъ въ самомъ строгомъ смыслѣ слова. Школа

Digitized by Google

Песталоцци была наполнена заброшенными дѣтьми, сиротами всѣхъ состояній и возрастовъ. Съ ними онъ дѣлалъ такія чудеса, что гордые аристократы стали поручать ему своихъ дѣтей. Подобно Фихте, онъ не вѣрилъ въ силу обученія по книгамъ и пасивнаго усвоенія знаній. Онъ самъ былъ книгой для своихъ учениковъ и опять-таки не въ томъ смыслѣ, что они получали отъ него отвѣты на разные вопросы. Сила этой «книги» заключалась именно въ томъ, что она умѣла вдохновить ребенка, заставить его искать истины и полюбить ее больше всего на свѣтѣ. Какъ только это вѣяніе познанія прикасалось къ душѣ ребенка, хотя бы испорченнаго, для него начиналась новая жизнь. Пропадали низкіе инстинкты, своекорыстіе, установлялось общеніе съ другими. Въ школѣ Песталоцци не бывало тѣхъ печальныхъ столкновеній между учениками, которыя порождаются разобщеніемъ и взаимною ненавистью. Не удивительно, если въ подобной школѣ Фихте видѣлъ образецъ, типъ той школы, которая нужна была для народнаго образованія въ его отечествѣ.

Средство обновленія указано; мы знаемъ, какъ могутъ быть вызваны и направлены къ благой цѣли творческія силы народа. Но школа все-таки не болѣе какъ средство вызвать и образовать живыя силы народа, не тронутыя еще временемъ, не изсохшія въ исторической борьбѣ. Есть ли такія силы въ германскомъ народѣ? Способенъ ли онъ къ обновленію?

Вопросъ о «силахъ» народа обыкновенно относится къ числу самыхъ темныхъ и даже «пустыхъ» вопросовъ, особенно когда рѣчь идётъ о силахъ *даннаго* народа. Еще о народныхъ силахъ, взятыхъ in abstracto, можно говорить при помощи общихъ мѣстъ. Мы можемъ говорить о богатствѣ, о плодородіи почвы, о живости характера, врожденномъ умѣ и т. д. Но нельзя не сказать, что съ подобными опредѣленіями мы не пойдемъ далеко. Для практической дѣятельности въ данномъ государствѣ необходимо указать на опредѣленныя силы извѣстной народности,—тѣ силы, которыми она отличается отъ другихъ. Эту задачу, въ отношеніи къ германскому народу, принялъ на себя Фихте.

При опредѣленіи силъ *своего* народа, живыхъ источниковъ *его* жизни, онъ употребляетъ методъ различенія, старается уяснить, что имѣютъ германцы въ отличіе отъ другихъ народностей, съ которыми они вели борьбу. Поэтому онъ прежде всего задаетъ себѣ общій вопросъ: въ чемъ состоитъ различіе между нѣмцами и другими народами германскаго происхожденія?

Digitized by Google

Нѣмцы, говоритъ онъ, составляютъ часть германскаго племени вообще; поэтому они родственны всѣмъ почти племенамъ, основавшимъ свои государства въ областяхъ бывшей римской имперіи. Но между нѣмцами и прочими племенами существуютъ два капитальныхъ различія. Во первыхъ, они одни остались на первоначальномъ мѣстѣ осѣдлости германскихъ племенъ,—другіе ихъ оставили. Во вторыхъ, одни нѣмцы сохранили и развили первоначальный *языкъ* своихъ предковъ,—прочіе усвоили себѣ чужой языкъ и видоизмѣнили его по-своему. Вслѣдствіе этого, нѣмцы могутъ быть названы *самородною* націей, или, какъ выражается Фихте, urvolk, т. е., ихъ исторія складывалась подъ вліяніемъ естественныхъ условій, составляла прямое развитіе *первоначальныхъ* данныхъ.

Изъ этихъ двухъ различій Фихте придаетъ особенный вѣсъ второму, то есть, различію въ языкѣ. Это совершенно понятно. Во первыхъ, такой идеалистъ, какъ Фихте, не могъ придавать особеннаго значенія вліянію физическихъ условій, надъ которыми человѣкъ можетъ господствовать. Во вторыхъ, языкъ есть первый органъ духовной жизни народа, которая чрезъ него проявляется и въ немъ отражается. Если вы хотите получить понятіе о степени самородности націи, узнайте прежде всего, на какомъ языкѣ она говоритъ. Поэтому и различія народныя прежде всего опредѣляются различіемъ въ языкѣ.

Языкъ не есть совокупность условныхъ звуковъ, посредствомъ которыхъ извѣстная группа людей сговорилась обозначать тѣ или другія представленія. Подобно тому, какъ представленія складываются согласно неизмѣннымъ условіямъ человѣческой природы, такъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же условій, они переходятъ и въ звуки. Языкъ (мы говоримъ о языкѣ самобытномъ) всегда выражаетъ совокупность представленій, выработанныхъ и пережитыхъ народомъ. Поэтому онъ и является могущественною связью. Каждое слово самобытнаго языка не только *обозначаетъ* предметъ видимаго или сверхчувственнаго міра, какъ ярлычки въ минералогическомъ кабинетѣ, но выражаетъ собою результатъ вѣковой духовной жизни народа, результатъ его творчества въ мірѣ представленій, говоритъ народному сознанію, возбуждаетъ въ каждомъ сознательный процесъ мысли, приводитъ въ движеніе всю его нравственную природу. Поэтому члены одного народа понимаютъ другъ друга, понимаютъ своихъ предковъ, потому что каждое слово, выражающее современное представленіе, за-

Digitized by Google

родилось въ аналогическихъ представленіяхъ прежняго времени и росло, развивалось вмѣстѣ съ народомъ. Иностранное слово, напротивъ, ничего не говоритъ сознанію; оно не дѣйствуетъ на народныя представленія, и народъ остается къ нему глухъ, пока представленіе, обозначаемое такимъ словомъ, не войдетъ въ сферу народной жизни.

Въ результатѣ, только народъ, говорящій *своимъ* языкомъ, сознательно относится къ этому органу духовной жизни и способенъ развить его согласно условіямъ своей природы.

Въ совершенно другомъ положеніи находится народъ, отказавшійся отъ своего языка въ пользу другаго, болѣе развитаго, особенно въ сверхчувственной его части, какъ это сдѣлали народы романской расы. Онъ долженъ *выучивать* чужіе звуки, выражающіе не имъ выработанныя представленія. Первоначально онъ становится въ положеніе дѣтей, обучаемыхъ звукамъ, истиннаго смысла которыхъ они не понимаютъ. Относительно звуковъ, выражающихъ чувственныя представленія, дѣло еще улаживается при помощи нагляднаго объясненія. Но звуки, выражающіе духовныя представленія, не поддаются такому объясненію. Для уразумѣнія ихъ, человѣку нужно обращаться къ прошедшей исторіи народа, выработавшаго соотвѣтствующія имъ представленія, вникать въ его идеалы, подчиняться его міросозерцанію. Вслѣдствіе этого, духовная жизнь такого человѣка становится въ зависимость отъ чужихъ представленій, сводится на простое *подражаніе*. Сила самобытнаго творчества изсякаетъ и самая роль языка теряетъ прежнее значеніе. Когда до смысла каждаго слова нужно доходить при помощи ученыхъ изысканій, этотъ смыслъ доступенъ немногимъ; для массы такія слова—просто звуки, мертвыя буквы. Поэтому мы вправѣ назвать такой языкъ мертвымъ. Мертвый языкъ—несамостоятельность духовной жизни, отсутствіе творчества и самобытныхъ идеаловъ.

Фихте освѣщаетъ свою аргументацію примѣрами. Любопытные читатели найдутъ въ четвертой рѣчи его превосходный анализъ трехъ модныхъ словъ, пущенныхъ въ обращеніе Франціею: либеральность, гуманность и популярность. Онъ показываетъ, какъ эти слова, выработанныя римскою жизнію, мало говорятъ народному самосознанію другихъ племенъ. Не останавливаясь здѣсь на этомъ разборѣ, замѣтимъ, что, дѣйствительно, въ исторіи такъ называемыхъ романскихъ народовъ нельзя не замѣтить нѣкото-

Digitized by Google

раго отсутствія дѣйствительнаго народнаго творчества. Что такое католическая церковь, отвергнутая другими народами, какъ не перенесеніе идей императорскаго Рима въ церковное устройство? Что такое былъ первый политическій опытъ романской Франціи, имперія Карла Великаго, какъ не продолженіе имперіи римской? Что такое французская централизація, какъ не римское единство, а преобладаніе «вѣчнаго» Парижа не есть ли воспроизведеніе господства «вѣчнаго» Рима?

Не останавливаясь на этихъ соображеніяхъ, мы послѣдуемъ за Фихте въ анализѣ послѣдствій между народомъ, говорящимъ своимъ языкомъ, и народомъ, усвоившимъ себѣ языкъ мертвый,—другими словами, между тѣмъ случаемъ, когда слово связано съ представленіями выработанными самимъ народомъ, слѣдовательно съ его творческими силами, и тѣмъ, когда языкъ и мысль не связаны между собою органически.

Первое послѣдствіе такого порядка очевидно. Въ народѣ, говорящимъ живымъ языкомъ, духовное образованіе входитъ въ жизнь и постоянно вліяетъ на нее. Въ противномъ случаѣ, духовное образованіе отдѣляется отъ жизни; жизнь и мысль идутъ каждая своимъ путемъ. Истинно философская жизнь, жизнь духа во всемъ ея объемѣ, доступна только самородной націи, потому что только тогда понятіе выражаетъ собою дѣйствительную мысль и чувство мыслящаго. Только такое понятіе можетъ быть усвоено и можетъ перейти въ убѣжденія. Но понятіе не перейдетъ въ жизнь, если оно выражаетъ мысль другаго народа и составляетъ продуктъ чуждой жизни. Въ такомъ случаѣ разрывъ между понятіемъ и жизнію неизбѣженъ.

При такомъ различіи въ отношеніи идеи къ жизни, различно и отношеніе мыслящаго субъекта къ идеѣ, къ духовной жизни. Мыслитель, принадлежащій къ самобытному народу, видитъ въ мысли нѣчто важное, долженствующее увеличить умственный капиталъ народа и сдѣлаться элементомъ дѣйствительной жизни. Онъ знаетъ, что его *всѣ поймутъ*, что онъ мыслитъ для всего народа. Поэтому онъ относится къ своему дѣлу серьезно и трудолюбиво. Напротивъ, мыслитель, овладѣвшій чужими понятіями, не разумѣющій ихъ связи съ жизнью (которой и нѣтъ въ самомъ дѣлѣ), направляетъ свои силы не столько къ творчеству представленій, сколько къ толкованію заимствованныхъ понятій, даже словъ, и единственная его цѣль въ подобномъ словотолкованіи и словопреніи—отличиться *остроуміемъ*. Первый мыслитель забо-

Digitized by Google

тится о хорошемъ содержаніи своихъ представленій, при чемъ *форма* понятій иногда не дается ему; второй видитъ свою славу и заслугу именно въ этой формѣ, въ блескѣ изложенія, въ краснорѣчіи. При такомъ отношеніи къ дѣлу, онъ не обращаетъ серьезнаго вниманія на содержаніе мысли. Въ философіи онъ впадаетъ въ парадоксы, въ поэзіи—въ каррикатуру. Можетъ быть, Фихте и преувеличиваетъ эти результаты. Но почему же, въ самомъ дѣлѣ, всѣ подъ именемъ философіи разумѣютъ, главнымъ образомъ, трактаты германскихъ и англійскихъ мыслителей, при словѣ поэзія - вспоминаютъ прежде всего Шиллера, Гёте, Шекспира, и величіе Данта объясняютъ тѣмъ, что онъ началъ писать не на латинскомъ, а на итальянскомъ языкѣ? Почему французскихъ ораторовъ и адвокатовъ обвиняютъ въ страсти къ блестящему построенію фразы, къ краснорѣчію и остроумію?

Направленіемъ умственной жизни опредѣляются ея объемъ и характеръ. Духовная жизнь, тѣсно связанная съ условіями жизни народной, будетъ обнимать всѣ класы общества. Каждый новый шагъ въ области мысли будетъ дѣйствительнымъ пріобрѣтеніемъ цѣлаго народа; каждый мыслитель въ своихъ изысканіяхъ будетъ имѣть въ виду *всѣхъ* своихъ соотечественниковъ; величайшую свою честь онъ будетъ полагать въ томъ, чтобы сдѣлаться народнымъ мыслителемъ, какъ народны были Лютеръ, Лессингъ и Фихте. Напротивъ, духовное просвѣщеніе у народа, говорящаго чужимъ языкомъ, недоступно всему народу,—оно дѣлается достояніемъ высшихъ класовъ, для которыхъ и думаютъ, и пишутъ всѣ мыслители. Отсюда—раздѣленіе высшихъ класовъ, какъ образованныхъ, отъ низшихъ, какъ не просвѣщенныхъ; отсюда—высокомѣрное отношеніе «просвѣщеннаго» къ «невѣждѣ», сознательное освященіе общественнаго неравенства при помощи, грустно сказать, науки.... Отсюда, наконецъ,—возможность гибели какъ для низшихъ, такъ и для высшихъ класовъ; потому что послѣдніе основываютъ свое просвѣщеніе не на живыхъ силахъ народной жизни, а въ первыхъ убивается всякая возможность творчества.

Эти теоретическіе выводы могутъ быть провѣрены на фактахъ дѣйствительной, исторической жизни народовъ. Фихте посвятилъ этому изслѣдованію цѣлую рѣчь (шестую). Мы не будемъ исчислять здѣсь всѣхъ этихъ примѣровъ; остановимся на одномъ, къ которому съ особенною любовью обращается и самъ Фихте, на протестантизмѣ. Въ чемъ заключается смыслъ этого движенія, какъ въ немъ выразились особенности германскаго народа?

Google

Германцы, во всѣхъ своихъ отрасляхъ, приняли христіанство отъ Рима. Проповѣдники христіанства, воспитанные на римскихъ началахъ, не сообщили ихъ новообращеннымъ. Латинскій языкъ сдѣлался офиціальнымъ языкомъ церкви, но не народа; римское просвѣщеніе не было, такъ сказать, дано въ руки народамъ, но преподавалось имъ въ духѣ и смыслѣ новыхъ просвѣтителей. Разрывъ народностей и офиціальной церкви былъ неизбѣженъ. Церковь, державшаяся на римскихъ идеалахъ и требовавшая себѣ слѣпаго повиновенія, сама давала оружіе противъ себя. Какъ только, въ эпоху возрожденія, въ руки народовъ достались подлинные источники класическаго образованія, они тотчасъ увидѣли внутреннее противорѣчіе церковнаго устройства. Къ этому присоединился и страшный упадокъ нравственной жизни въ духовенствѣ. Но уясненіе противорѣчія въ томъ, что прежде было предметомъ слѣпой вѣры, ведетъ къ смѣху. Вся Европа разразилась страшнымъ смѣхомъ. Люди, отгадавшіе загадку римскаго двора, смѣялись и кощунствовали; «смѣялось само духовенство, увѣренное», говоритъ Фихте, «что все-таки немногіе поймутъ, въ чѣмъ дѣло, такъ какъ средство къ уразумѣнію загадки, класическое образованіе, было недоступно массѣ.»

Но что же дальше?... Когда очарованіе было разрушено, народамъ представлялось два выхода: или ограничиться смѣхомъ, отказаться отъ прежнихъ вѣрованій, т. е., отрѣшиться отъ всякой религіи, или, сохраняя религіозное чувство, выработать для него новую форму церковной жизни. Но къ послѣднему выходу былъ способенъ только народъ, сохранившій въ себѣ силу первоначальнаго творчества, способный начать новую жизнь, когда противорѣчія прежней стали ясны. Это и былъ германскій народъ. Въ то время, когда романскіе народы отъ смѣха переходили къ невѣрію, какъ Франція, или, испугавшись прежней дерзости, кинулись снова въ объятія католичества, германскіе реформаторы предприняли создать новыя формы церковной жизни, которыя были бы основаны на возрожденіи религіознаго чувства въ народѣ. Для этого они прежде всего дали народу въ руки Библію, переведенную на нѣмецкій языкъ. Успѣхъ былъ полный. Въ то время, какъ романскіе скептики принялись защищать власть папы, протестанты, воодушевленные новою проповѣдью, при пѣніи псалмовъ, обновили церковную и національную жизнь. Торжество протестантизма было также первымъ сознательнымъ торжествомъ принципа національности въ политикѣ.

Digitized by Google

Результатъ всѣхъ этихъ соображеній ясенъ. Если новое воспитаніе, долженствующее обновить человѣчество, должно прежде всего воспитать народъ къ творчеству, то воспользоваться такимъ воспитаніемъ способенъ прежде всего народъ, сохранившій свою національную самобытность, какъ основу всякаго творчества. Мало того, каждая отдѣльная личность можетъ быть воспитана къ дѣйствительно творческой, духовной жизни только при помощи національнаго воспитанія. Только тогда, когда, при первомъ шагѣ школьной жизни, человѣкъ почувствуетъ себя членомъ великаго цѣлаго, когда духъ общности и сознаніе началъ духовной жизни народа будутъ воспитаны и укрѣплены въ нихъ постояннымъ общеніемъ съ товарищами всѣхъ классовъ и состояній,—замолкнетъ въ немъ духъ своекорыстія и онъ воскреснетъ для духовной жизни, которая есть въ то же время жизнь національная.

Человѣкъ, лишенный чувства національности, неспособенъ къ разумной, духовной жизни. Мы видѣли выше, что, по ученію Фихте, разумная жизнь состоитъ въ посвященіи всѣхъ своихъ индивидуальныхъ силъ осуществленію идеи, развивающейся въ обществѣ. Но для того, чтобы посвятить себя служенію идей, нужно носить въ себѣ сознаніе безконечной жизни, не оканчивающейся предѣлами жизни индивидуальной. Къ подобному сознанію способенъ только человѣкъ, живущій національною жизнію.

Вѣра каждаго благороднаго человѣка, говоритъ Фихте, въ вѣчное продолженіе его дѣятельности на этой землѣ основана на вѣрѣ въ вѣчное существованіе того народа, изъ котораго онъ самъ развился, и въ его самобытность, обезпеченную отъ всякаго посторонняго вмѣшательства и порчи. Эта самобытность есть *вечное*, которому онъ ввѣряетъ свою собственную вѣчность,—вѣчный порядокъ вещей, въ которомъ онъ полагаетъ свою вѣчность. Ея продолженія онъ долженъ желать; потому что онъ есть единственная связь, соединяющая его кратковременную жизнь съ земною вѣчностью. Его вѣра и стремленіе насадить непреходящее,—понятіе, въ которомъ онъ разумѣетъ свою жизнь какъ вѣчную,—есть связь, соединяющая съ нимъ весь его народъ, *а чрезъ него* все человѣчество. Въ этомъ состоитъ его любовь къ своему народу,—любовь, его уважающая, ему довѣряющая, имъ радующаяся и гордящаяся происхожденіемъ отъ него.

Неопровержимо то, что главное средство спасти и образовать эту творческую силу состоитъ въ хорошей системѣ воспитанія,

Digitized by Google

которое должно быть народнымъ, т. е., организовано для всѣхъ и распространено на всѣхъ. *Народная школа*—вотъ мечта каждаго патріота, и каждый патріотъ знаетъ, что малѣйшая сумма, издержанная на народное образованіе, возвратится сторицею, не только потому, что народъ получитъ нѣсколько свѣдѣній, необходимыхъ для его домашняго быта, но и потому, что она вызоветъ къ дѣлу непреодолимыя творческія силы, которыя сохранятъ и образуютъ народную самобытность.

Неопровержимо наконецъ то, что самая система національнаго воспитанія безсильна, если она не опирается на живые источники народной жизни, на національный языкъ и на любовь къ отечеству. Только народъ, говорящій своимъ языкомъ, способенъ къ прогресу въ умственной жизни; потому что слово, содержаніе котораго чуждо народнымъ представленіямъ, останется мертвою буквой и ничего не вызоветъ въ мыслящемъ духѣ. Только человѣкъ, побѣдившій въ себѣ чувство своекорыстія и бездушнаго космополитизма, отдавшій себя народному дѣлу, вѣрящій въ силу и призваніе своего народа, способенъ къ творчеству и къ истинно великимъ дѣламъ; потому что онъ дѣйствуетъ въ виду живой вѣчности народа, со всѣмъ его прошедшимъ и будущимъ.

При такихъ условіяхъ, народъ, привыкшій къ серьезной упорной работѣ надъ собою, не будетъ стремиться къ внѣшнему преобладанію; всеобщій трудъ вызоветъ дѣйствительное уваженіе одного народа къ личности другаго, и національная свобода сдѣлается закономъ общечеловѣческой жизни.

Національность и трудъ, національность и творчество, національность и школа, національность и свобода—эти слова должны сдѣлаться однозначущими.

Но они еще не сдѣлались таковыми: еще теперь, во имя національной независимости, народы несутъ къ другимъ войну, грабежъ, контрибуціи и деспотизмъ. Пусть эти бранные клики умолкнутъ у предѣловъ Россіи, какъ разбилась объ нея великая армія Наполеона. Мы отстояли свою независимость, когда вся Европа была порабощена; мы сдѣлались сильны, когда другіе были слабы. Но мы понесли имъ слово свободы; въ самое отечество нашихъ враговъ мы не внесли ни мщенія, ни контрибуціи, ни раздробленія. Мы оставили имъ ихъ землю въ цѣлости, дали имъ миръ внѣшній и внутренній и хартію свободы. Пусть и впредь будетъ такъ. Пусть и впредь о Россію сокрушается всякая завоевательная политика, какую бы маску она ни носила, во имя

Digitized by Google

чего она ни требовала бы себѣ покорности. Мы твердо вѣримъ, что матеріальная и духовная самостоятельность Россіи имѣетъ общечеловѣческое значеніе, какъ оплотъ свободы народовъ противъ всякаго посягательства. Пусть же она укрѣпляетъ въ себѣ эту самостоятельность неуклонною работою надъ собою, непрерывнымъ обновленіемъ своей внутренней жизни, народною школою, равноправностью, правдою въ податяхъ, въ судѣ и въ народномъ хозяйствѣ.

И когда же взяться за эту работу, какъ не теперь, когда однѣ національности, нами же освобожденныя, уже сдѣлали свое дѣло, когда другія ждутъ нашей помощи; когда самостоятельное развитіе наше является не только полезнымъ дѣломъ для насъ, но и обязанностію по отношенію къ другимъ? Если свобода и самобытность народностей сдѣлались принципомъ жизни во всей западной Европѣ, то неужели славянскій Востокъ составитъ исключеніе въ этомъ отношеніи? Или онъ въ самомъ дѣлѣ рожденъ для зависимости?

Вспомнимъ слова Хомякова:

«О, Русь моя, какъ мужъ разумный,
Сурово совѣсть допросивъ,
Съ душею свѣтлой, многодумной,
Иди на Божескій призывъ»!

А. Градовскій.

Digitized by Google

ВЪ ВОДОВОРОТѢ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Вскорѣ послѣ отъѣзда княгини Григоровой за границу, Елена, съ сыномъ своимъ, совсѣмъ переѣхала въ домъ къ князю и поселилась на половинѣ княгини.

Между московской и петербургской родней князя это произвело страшный гвалтъ. Всѣ безусловно винили князя; даже добрѣйшая Марья Васильевна, со смертнаго одра своего, написала ему строгое письмо, въ которомъ укоряла его, зачѣмъ онъ разошелся съ женой.

Князь не дочиталъ этого письма и разорвалъ его. Николя Оглоблинъ, самодовольно сознававшій въ душѣ, что это онъ выпурилъ княгиню за границу, и очень этимъ довольный, вздумалъ было, по своей неудержимой болтливости, расказывать, что княгиня сама уѣхала съ обожателемъ своимъ за границу; но ему никто не вѣрилъ, и нѣкоторыя дамы, обидѣвшись за княгиню, прямо объяснили Николѣ, что его послѣ этого въ домъ принимать нельзя, если онъ позволяетъ себѣ такъ клеветать на подобную безукоризненную женщину. Николя, дѣлать нечего, сталъ прималчивать и только сильно порывался заѣхать къ князю и расказать ему, что о немъ трезвонятъ; но этого, однако, онъ не посмѣлъ сдѣлать; зато Елпидифоръ Мартынычъ, тоже бывавшій, по своей практикѣ, въ разныхъ сферахъ и слышавшій этотъ говоръ, изъ преданности

Digitized by Google

своей къ князю Григорову, рѣшился ему передать и разъ, пріѣхавъ поутру, доложилъ ему голосомъ, полнымъ сожалѣнія.

— А тутъ, по Москвѣ, какая болтовня идетъ.

— О чемъ это? спросилъ его князь довольно сурово.

— Да вотъ.... все о томъ, что Елена Николаевна переѣхала къ вамъ въ домъ! началъ Елпидифоръ Мартынычъ съ небольшой улыбочкой.—Разъ, при мнѣ, двѣ модныя дамы пріѣхали въ одинъ домъ и начали квакать: «Какъ это возможно!... Какъ это не стыдно!...» Въ Москвѣ будто бы никогда еще этого и не бывало... Господи, Боже мой! думаю: сорокъ лѣтъ я здѣсь практикую и, можетъ, недѣли не прошло безъ того....

Съ каждымъ словомъ Елпидифора Мартыныча, лицо князя дѣлалось все болѣе и болѣе недовольнымъ и сумрачнымъ.

— Ну, я попросилъ бы васъ, сказалъ онъ презрительнымъ тономъ, когда Елпидифоръ Мартынычъ кончилъ,—не передавать мнѣ разнаго вздору. Я нисколько не интересуюсь знать, кто и что про меня говоритъ.

Елпидифоръ Мартынычъ, конечно, этимъ замѣчаніемъ былъ нѣсколько опѣшенъ и далъ себѣ слово не безпокоить болѣе князя своимъ участіемъ.

Прошло такимъ образомъ болѣе полугода. Князь замѣтно успокоился душой: онъ сталъ заниматься много чтеніемъ и врядъ ли не замышлялъ кое-что написать!... Но про Елену никакъ нельзя было сказать того: читать, на примѣръ, она совершенно перестала, потому что читать какія нибудь очень, можетъ быть, умныя вещи, но ничего не говорящія ея сердцу, она не хотѣла, а такого, чтобы прямо затрогивало ее, не было ничего подъ руками; кромѣ того, она думала: зачѣмъ читать, съ какою цѣлію? Чтобы только еще больше раздражать и волновать себя?... Въ жизни Елена милліонной доли не видѣла осуществленія тому, что говорили и что проповѣдывали ея любимыя книги. Ребенка своего Елена страстно любила, но въ то же время посвятить ему всѣ дни и часы свои она не хотѣла и находила это недостойнымъ всякой не глупой женщины, а между тѣмъ чѣмъ же было ей занять себя? При этой мысли Елена начинала очень жалѣть о своей прежней службѣ, которая давала ей возможность трудиться все-таки на болѣе широкомъ поприщѣ, и, наконецъ, за что же лишили ее этого мѣста? За то,

Digitized by Google

что она сдѣлалась матерью?... А еслибъ она замужемъ была, такъ ей, вѣроятно, дали бы въ этомъ случаѣ вспомоществованіе. Такого рода логики и нравственности Елена рѣшительно не могла понять и желаніе какъ нибудь и чѣмъ нибудь отомстить Россіи и разнымъ ея начальствамъ снова овладѣло всѣмъ существомъ ея. Жизнь въ домѣ князя тоже стала казаться Еленѣ пошлою, безцвѣтною. Ей мечтались заговоры, сходки въ подземельѣ, клятвы на кинжалахъ и, наконецъ, даже позорная смерть на площади, посреди благословляющей втайнѣ толпы. Сравнивая свое настоящее положеніе съ тѣмъ, котораго она жаждала и рисовала въ своемъ воображеніи, Елена невольно припоминала стихотвореніе Лермонтова «Парусъ», и часто, ходя по огромнымъ и пустымъ комнатамъ княжескаго дома, она повторяла вслухъ и какимъ-то восторженнымъ голосомъ:

«Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
«Надъ нимъ сводъ неба голубой,
«А онъ, мятежный, ищетъ бури,
«Какъ будто въ буряхъ есть покой!»

Всего этого князь ничего не замѣчалъ и не подозрѣвалъ и, думая, что Елена, по случаю отъѣзда княгини, совершенно довольна своей жизнію и своимъ положеніемъ, продолжалъ безмятежно предаваться своимъ занятіямъ; но вотъ въ одно утро къ нему въ кабинетъ снова явился Елпидифоръ Мартынычъ. Князь, заранѣе предчувствуя, что онъ опять съ какими нибудь дрязгами, нахмурился и молча кивнулъ головой на всѣ разшаркиванья Елпидифора Мартыныча, который, однако, нисколько этимъ не смутился и сѣлъ. Видя, что князь обложенъ былъ разными книгами и фоліантами, Елпидифоръ Мартынычъ сказалъ:

— За учеными трудами изволите обрѣтаться!

Князь молчалъ и держалъ глаза опущенными въ одну изъ книгъ.

— А я сейчасъ къ малюткѣ вашему заходилъ,—краснушка въ городѣ свирѣпствуетъ! продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ, думая этимъ заинтересовать князя; но тотъ все-таки молчалъ.— Лепетать ужь начинаетъ и какъ чисто при мнѣ выговорилъ два слова: няня и мама, — прелесть! подольщался Елпидифоръ Мартынычъ.

На князя, однако, и то не дѣйствовало: онъ не поднималъ своихъ глазъ отъ книги.

Digitized by Google

Елпидифоръ Мартынычъ, затѣмъ, перешелъ видимо къ главному предмету своего посѣщенія.

— А что, бабушка его не была у васъ? спросилъ онъ.

— Какая бабушка? спросилъ его въ свою очередь князь, не понявъ его сначала.

— Елизавета Петровна-съ! отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ.— Она идти хочетъ къ вамъ съ объясненіемъ: «дочь, говоритъ, теперь на глазахъ всей Москвы живетъ у него въ домѣ, какъ жена его, между тѣмъ, говоритъ, онъ никого изъ насъ ничѣмъ не обезпечилъ».

— Какъ, я ее не обезпечилъ?.. Она получаетъ, что ей назначено! сказалъ князь съ сердцемъ и презрѣніемъ.

— Знаю это я-съ! подхватилъ Елпидифоръ Мартынычъ.— Сколько разъ сама мнѣ говорила: «какъ у Христа за пазухой, говоритъ, живу: кромѣ откормленныхъ индѣекъ и кондитерской телятины ничего не ѣмъ»... А все еще недовольна тѣмъ: дерзкая такая женщина, нахальная.... не глупая, но ужь, ухъ, какая вѣдовая!

Елпидифоръ Мартынычъ нарочно бранилъ Елизавету Петровну, чтобы князь не заподозрилъ его въ какой нибудь солидарности съ ней; кромѣ того, онъ думалъ и понапугать нѣсколько князя, описывая ему бойкія свойства его пришлой тещеньки.

— Чего-жь еще она желаетъ? спросилъ тотъ.

— К-ха! откашлянулся Елпидифоръ Мартынычъ: — да говоритъ, продолжалъ онъ,—когда князь живъ, то, конечно, к-ха.... вы всѣмъ обезпечены, а умеръ онъ,—что, говоритъ, тогда съ ребенкомъ будетъ?

— О ребенкѣ она не безпокоилась бы, возразилъ князь, потупляясь,—ребенокъ будетъ совершенно обезпеченъ на случай моей смерти.

— И о дочери также говоритъ: что, говоритъ, и съ той будетъ?

— И дочь ея будетъ обезпечена! продолжалъ князь.

— Ну, и о себѣ, надо быть, подумываетъ: «и мнѣ бы, говоритъ, слѣдовало ему хоть тысченокъ тридцать дать въ обезпеченіе: дочь, говоритъ, меня не любитъ и кормить въ старости не будетъ».

Князь при этомъ взглянулъ уже съ удивленіемъ на Елпидифора Мартыныча.

— Дочь ея, очень естественно, что не любитъ, потому что она

Digitized by Google

скорѣй мучительницей ея была, чѣмъ матерью, проговорилъ онъ

— Это такъ-съ, такъ!.. согласился Елпидифоръ Мартынычъ.— А она матерью себя почитаетъ, и какой еще полновластной «если, говоритъ, князь не сдѣлаетъ этого для меня, такъ обращусь къ генералъ-губернатору, чтобы мнѣ возвратили дочь»

— Что? переспросилъ князь, вспыхнувъ весь въ лицѣ.

— Возвратить дочь къ себѣ желаетъ! повторилъ Елпидифоръ Мартынычъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Что такое возвратить дочь?.. Дочь ея не малолѣтняя и совершенно свободна во всѣхъ своихъ поступкахъ.

— Конечно-съ, нынче не прежнія времена, не даютъ очень командовать родителямъ надъ дѣтьми!... Понимаетъ это!... шуму только и огласки еще больше хочетъ сдѣлать по Москвѣ.

— Шуму этого и огласки, началъ князь, видимо вышедшій изъ себя,—ни я, ни Елена нисколько не боимся, и я этой старой негодяйкѣ никогда не дамъ тридцати тысячъ; а если она вздумаетъ меня запугивать, такъ я велю у ней отнять и то, что ей даютъ.

— Говорилъ я это ей, предостерегалъ ее! произнесъ Елпидифоръ Мартынычъ, немного струсившій, что не испортилъ ли онъ всего дѣла такимъ откровеннымъ объясненіемъ съ княземъ: его, впрочемъ, въ этомъ случаѣ очень торопила и подзадоривала Елизавета Петровна, пристававшая къ нему при каждомъ почти свиданіи, чтобъ онъ поговорилъ и посовѣтовалъ князю дать ей денегъ.

— Ко мнѣ она тоже лучше не являлась бы съ объясненіями.. началъ было князь, но въ это время вошелъ человѣкъ и подалъ ему визитную карточку съ загнутымъ уголкомъ.

Князь прочелъ вслухъ напечатанную на ней фамилію: «monsieur Жуквичъ»; при этомъ и безъ того сердитое лицо его сдѣлалось еще сердитѣе.

— Ты спроси господина Жуквича, что ему угодно отъ меня? сказалъ онъ лакею.

Тотъ ушелъ.

Князь съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ сталъ ожидать его возвращенія. Елпидифору Мартынычу смертельно хотѣлось спросить князя, кто такой этотъ Жуквичъ, однако онъ не посмѣлъ этого сдѣлать.

Лакей возвратился и доложилъ.

— Господинъ Жуквичъ пришелъ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и передать письмо отъ княгини изъ-за границы.

Digitized by Google

— Отъ княгини... письмо?.. повторилъ князь и, подумавъ немного, присовокупилъ:

— Проси.

Елпидифоръ Мартынычъ только взорами своими продолжалъ какъ-бы спрашивать князя: кто такой это Жуквичъ?

Господинъ Жуквичъ, наконецъ, показался въ дверяхъ. Это былъ весьма благообразный изъ себя мущина, съ окладистою, начинавшею сѣдѣть бородою, съ густыми, кудрявыми, тоже съ просѣдью, волосами, одѣтый въ франтоватую, черную фрачную пару; глаза у него были голубые и нѣсколько приподнятые вверхъ; выраженіе лица задумчивое. При видѣ князя, онъ весь какъ-то склонился и имѣлъ на губахъ какую-то неестественную улыбку.

— Позволяю-жъ себѣ, ваше сіятельство, напомнить вамъ наше старое знакомство и вручить вамъ письмо отъ княгини! проговорилъ онъ нѣсколько пѣвучимъ голосомъ и подавая князю письмо.

Князь, движеніемъ руки, указалъ ему на мѣсто около себя.

Жуквичъ сѣлъ и продолжалъ сохранять задумчивое выраженіе. На Елпидифора Мартыныча онъ не обратилъ никакого вниманія. Тотъ этимъ, разумѣется, сейчасъ же обидѣлся и, въ свою очередь, принявъ осанистый видъ, а для бо́льшаго эфекта поставивъ себѣ на колѣни свою, хотя и новую, но все-таки скверную, круглую шляпу, сталъ почти съ презрѣніемъ смотрѣть на Жуквича.

Княгиня писала князю: «Мой дорогой Грегуаръ! рекомендую тебѣ господина Жуквича, съ которымъ я познакомилась на водахъ. Онъ говоритъ, что знаетъ тебя и до небесъ превозноситъ. Онъ ѣдетъ на житье въ Москву и не имѣетъ никого знакомыхъ. Надѣюсь, что, по добротѣ твоей, ты его примешь и обласкаешь. На дняхъ я переѣзжаю въ Парижъ; по Россіи я очень скучаю и каждоминутно благословляю память о тебѣ»!

Окончивъ чтеніе письма, князь обратился къ Жуквичу.

—Княгиня мнѣ, между прочимъ, пишетъ, началъ онъ съ небольшой усмѣшкой,—что вы ей превозносили до небесъ меня?... Признаюсь, я никакъ не ожидалъ того....

Жуквичъ при этихъ словахъ замѣтно сконфузился.

— Вы, можетъ быть, началъ онъ тоже съ небольшой улыбкой и вскинувъ на мгновеніе свои глаза на Елпидифора Мартыныча,—разумѣете тотъ-жъ маленькій споръ, который произошелъ между нами въ Лондонѣ?..

— Ну, я не нахожу, чтобъ этотъ споръ былъ маленькій, произнесъ князь, окончательно усмѣхнувшись и дѣлая удареніе на слова свои.

Digitized by Google

— Боже-жъ мой! подхватилъ Жуквичъ опять тѣмъ же пѣвучимъ голосомъ: — между кѣмъ изъ молодыхъ людей не бываетъ того?.. Увлеченіе, патріотизмъ! Я сознаюсь теперь, что мы поступили тогда вспыльчиво; но что-жъ дѣлать? Это порокъ нашей націи; потомъ-жъ, когда я зрѣло это обдумалъ, то увидѣлъ, что и вы тутъ поступили какъ честный и благородный патріотъ.

— Въ томъ-то и дѣло-съ! воскликнулъ князь,—что вамъ позволялось быть патріотами, а намъ нѣтъ... ставилось даже это въ подлость.

— Духъ времени-жъ былъ таковъ, отвѣчалъ Жуквичъ, смиренно пожимая плечами;—теперь-жъ перемѣнилось многое и во многихъ людяхъ. Позволите мнѣ закурить папироску? присовокупилъ онъ, врядъ ли не съ цѣлію, чтобы позамять этотъ разговоръ.

— Сдѣлайте одолженіе! сказалъ князь.

Жуквичъ вынулъ изъ кармана красивый портъ-сигаръ, наполненный турецкимъ табакомъ, и своими бѣлыми руками очень искусно свернулъ себѣ папироску и закурилъ ее.

Князь во все это время внимательно смотрѣлъ на него.

— Зачѣмъ собственно вы пріѣхали сюда? спросилъ онъ его.

Жуквичъ замѣтно недоумѣвалъ, какъ ему отвѣчать.

— Я препровожденъ сюда!.. произнесъ онъ, пуская густую струю дыма и скрывая тѣмъ выраженіе своего лица.

— А!... протянулъ князь. Но для чего же вы въ такомъ случаѣ изъ-за границы возвращались?

Жуквичъ пустилъ еще болѣе густую струю дыма передъ лицемъ своимъ.

— По многимъ обстоятельствамъ... проговорилъ онъ наконецъ, держа совершенно опущенными свои глаза въ землю.

— К-ха! откашлянулся при этомъ громко и недовѣрчиво Елпидифоръ Мартынычъ.

— Я имѣю еще письмо къ паннѣ Жиглинской, продолжалъ Жуквичъ опять уже заискивающимъ голосомъ.

— Отъ княгини? спросилъ его князь нѣсколько удивленнымъ тономъ.

— О, нѣтъ-жъ... отъ господина Миклакова! отвѣчалъ съ растановкой Жуквичъ.—И онъ мнѣ сказалъ, что вы знаете-жъ ея адресъ, присовокупилъ онъ.

— Очень знаю, потому что она живетъ у меня въ домѣ, сказалъ князь, не совсѣмъ, по видимому, довольный тѣмъ, что Елена переписывается съ Миклаковымъ.

Digitized by Google

— И я поэтому могу ее видѣть, или долженъ-жъ передать ей это письмо черезъ васъ? говорилъ покорно Жуквичъ.

— Нѣтъ, я попрошу васъ лично ей передать, произнесъ князь и позвонилъ.

Вошелъ лакей.

— Доложи Еленѣ Николавнѣ, что нѣкто господинъ Жуквичъ привезъ ей письмо отъ Миклакова, а потому можетъ ли она принять его?

Лакей пошелъ и очень скоро воротился.

— Могутъ-съ! доложилъ онъ.

— Проводи господина Жуквича! сказалъ ему князь.

Жуквичъ поднялся, почтительно раскланялся съ княземъ, слегка поклонился Елпидифору Мартынычу и пошелъ за лакеемъ.

— Полякъ!... голову мою прозакладываю, что полякъ! произнесъ ему вслѣдъ, почти раздраженнымъ голосомъ, Елпидифоръ Мартынычъ.

— Какъ же вы это такъ догадались? спросилъ его въ насмѣшку князь.

— Да такъ ужь сейчасъ видно! отвѣчалъ не безъ самодовольства Елпидифоръ Мартынычъ.—Коли ты выше его, такъ падамъ до ногъ онъ къ тебѣ, а коли онъ выше тебя, такъ, Боже ты мой, какъ носъ деретъ! Знай онъ, что я генералъ и что у меня есть звѣзда (у Елпидифора Мартыныча, въ самомъ дѣлѣ, была уже звѣзда, которую ему выхлопотала его новая начальница, весьма его полюбившая),—такъ онъ въ дугу бы передо мной согнулся... Словомъ, полякъ!...

— Хороши и русскіе по этой части есть! возразилъ ему князь, прямо разумѣя въ этомъ случаѣ самого Елпидифора Мартыныча.

— Есть и русскіе! подхватилъ Илліонскій, совершенно не принявъ этого намека на свой счетъ.

Жуквичъ, войдя къ Еленѣ, которая приняла его въ большой гостиной, если не имѣлъ такого подобострастнаго вида, какъ передъ княземъ, то все-таки довольно низко поклонился Еленѣ и подалъ ей письмо Миклакова. Она при видѣ его нѣсколько даже сконфузилась, потому что никакъ не ожидала въ немъ встрѣтить столь изящнаго и красиваго господина. Жуквичъ, съ своей стороны, тоже, кажется, былъ пораженъ совершенно какъ-бы южною красотой Елены. Не зная съ чего бы начать разговоръ съ нимъ, она проговорила ему:

Digitized by Google

— Пожалуйста, садитесь.

Жуквичъ сѣлъ. Елена тоже сѣла и принялась прежде всего читать письмо Миклакова.

Тотъ писалъ о Жуквичѣ нѣсколько иное, чѣмъ княгиня князю:

«Эту записочку мою доставитъ вамъ одинъ сѣдовласый юноша, господинъ Жуквичъ. Онъ соціалистъ, коммунистъ, демократъ и все, что вамъ угодно, и всему этому я, разумѣется, не придалъ бы большаго значенія, но онъ человѣкъ умный, много видавшій и много испытавшій,—вамъ, вѣроятно, будетъ пріятно съ нимъ встрѣчаться. Что сказать вамъ про Европу?... Климатъ ея лучше нашего; города ея красивѣе нашихъ; жизнь и газеты европейскія поумнѣе нашихъ; но сами людишки — такая же дрянь, какъ и мы! Наши братья, славяне, это какіе-то неумытые господа, умѣющіе только воздыхать о своемъ политическомъ положеніи; итальянецъ—красивъ, но сильно простоватъ; отъ каждаго француза воняетъ или мѣдными пятаками, или лежьенъ д'онеромъ; нѣмцы—глубокомысленно тупы; англичане—торгаши; наши заатлантическіе друзья, американцы, по-моему,—все кочегары; шведовъ и датчанъ я не видалъ, но, должно быть, такая же физическая и нравственная безцвѣтность, какъ и чухна наша. На прощанье желаю вамъ больше всего не страдать скукою, такъ какъ я очень часто замѣчалъ, что за улыбающимся и счастливымъ личикомъ амура всегда почти выглядываетъ сморщенное лицо старухи—скуки»!

— Скажите, начала Елена, все еще не совсѣмъ совладѣвъ съ собой,—гдѣ вы встрѣтились съ Миклаковымъ?

— Я жилъ съ нимъ мѣсяца три-жъ на водахъ! отвѣчалъ Жуквичъ.

— Значитъ, вы и княгиню Григорову знаете?

— Да!...

— И госпожу Петицкую?

— И госпожу Петицкую.

— Они всѣ трое въ одномъ домѣ живутъ? присовокупила Елена послѣ небольшаго молчанія.

— Нѣтъ-жъ!... Княгиня и Петицкая въ одной гостиницѣ, а господинъ Миклаковъ въ совершенно другой, болѣе скромной.

— Но все-таки видаются между собою довольно часто?

— Каждодневно-жъ! отвѣчалъ, слегка улыбаясь, Жуквичъ.

Елена опять помолчала нѣкоторое время.

Digitized by Google

— А вотъ что еще, начала она съ какимъ-то ужъ нервнымъ волненіемъ:—вамъ извѣстно содержаніе письма Миклакова?

— Нѣтъ! отвѣчалъ Жуквичъ.

— Прочтите! проговорила Елена и показала Жуквичу то, что писалъ о немъ Миклаковъ.

Прочитавъ о себѣ отзывъ, Жуквичъ только слегка и нѣсколько грустно усмѣхнулся.

— Что же, Миклаковъ правду пишетъ про васъ? Я, конечно, касательно только убѣжденій вашихъ говорю, допрашивала его Елена.

— Кто-жъ въ наше время, смотрящій здраво и не эгоистично на вещи, не имѣетъ этихъ-жъ убѣжденій? отвѣчалъ онъ ей тоже какъ-бы больше вопросомъ.

— Ахъ, очень многіе! произнесла, слегка вздохнувъ, Елена.— Я по тому такъ и спѣшу васъ исповѣдать, чтобы знать, какъ съ вами говорить.

— Говорите-жъ такъ, какъ вы сами желаете того! произнесъ, склоняя передъ ней голову свою, Жуквичъ.

— Ну, и прекрасно, значитъ! Скажите: дѣлается ли въ Европѣ, по крайней мѣрѣ, что нибудь во имя соціалистическихъ началъ.

Жуквичъ сдѣлалъ соображающую мину въ лицѣ.

— Въ общемъ, если хотите, мало-жъ!... Такъ что самый съѣздъ членовъ лиги мира въ Женевѣ вышелъ какой-то странный... проговорилъ онъ.

— А вы были на этомъ съѣздѣ? спросила его Елена.

— Нѣтъ, я не былъ!... Я-жъ былъ въ это время боленъ въ Брюсселѣ, отвѣчалъ Жуквичъ, и еслибъ Елена внимательно смотрѣла на него въ это время, то очень хорошо бы замѣтила, что легкій оттѣнокъ краски пробѣжалъ у него при этомъ по всему лицу его.—Но въ частности, Боже-жъ мой, продолжалъ онъ, нѣсколько восклицая:—сколько есть утѣшительныхъ явленій!... Я самъ лично знаю въ Лондонѣ очень многихъ дамъ, которыя всю жизнь свою посвятили вопросу о рабочихъ; потомъ, сколько-жъ въ этомъ отношеніи основано асоціацій, учреждено собственно съ этою цѣлью кредитныхъ учрежденій; наконецъ, вопросъ о женскомъ трудѣ у васъ, въ Россіи-жъ, на такой, какъ мнѣ говорили, близкой чередѣ къ осуществленію....

Елена слушала Жуквича все съ болѣе и болѣе разгорающимися глазами.

— Все это такъ-съ! произнесла она,—но все это, какъ хо-

Digitized by Google

тите, очень блѣдныя начинанія, тогда какъ другое-то, старое отжившее очень еще ярко цвѣтетъ!

— А вы думаете-жъ, что начинанія въ каждомъ дѣлѣ мал значатъ?... произнесъ съ чувствомъ Жуквичъ.—Возьму вами-ж подсказанный примѣръ... продолжалъ онъ, устремляя вдаль сво голубые глаза и какъ-бы приготовляясь списывать съ умствен ной картины, нарисовавшейся въ его воображеніи. — Взглянит вы на дерево, когда оно разцвѣтаетъ,—развѣ-жъ вся раститель ная сила его направляется на то, чтобы развивать цвѣтки, развѣ-жъ эти цвѣтки вдругъ покрываютъ все дерево?—Нисколь ко-жъ! Вы видите, что въ это-жъ самое время листья дерев дѣлаются больше, вѣтви становятся раскидистѣе; цвѣты-жъ толь ко то тутъ, то тамъ еще показываются; но все-жъ вы говорите что дерево въ періодѣ цвѣтенія: такъ и наше время; мы явн находимся въ періодѣ соціальнаго зацвѣтанія.

— Это хорошо! воскликнула Елена,—эти бѣдные, соціальны цвѣтки поцвѣтутъ, поцвѣтутъ да и опадутъ; а корни и вѣтв останутся старые.

— Да нѣтъ-жъ.... эти цвѣтки дадутъ сѣмена, изъ которых начнутъ произрастать новыя деревья.

— Съ такими точно корнями и вѣтвями, какъ и прежнія подхватила Елена.

— Нѣтъ, съ другими-жъ, съ другими! произнесъ многозна менательно Жуквичъ.

— Ахъ, не думаю, что съ другими!... сказала грустнымъ го лосомъ Елена.—Можетъ быть, у васъ тамъ въ Европѣ это пре чувствуется, а здѣсь—нисколько, нисколько!

— Но какъ-жъ меня завѣряли, и наконецъ я читалъ-жъ мног перебилъ ее съ живостью Жуквичъ,—что здѣсь соціалистическ понятія очень хорошо прививаются и усвоиваются....

— Въ Петербургѣ—можетъ быть! сказала ему Елена.

— Нѣтъ, здѣсь, именно-жъ въ Москвѣ! повторилъ настойчив Жуквичъ.

Елена сомнительно покачала головой.

— Прежде еще было кое что, начала она,—но и то потом оказалось очень нетвердымъ и непрочнымъ: я тутъ столь понесла горькихъ разочарованій; нѣсколько изъ моихъ со ственныхъ подругъ, которыхъ я считала за женщинъ съ сове шенно честными понятіями, вдругъ, выходя замужъ, дѣлали такими негодяйками, что даже взяточничество супруговъ свои

начинали оправдывать. Господа кавалеры—тоже: улыбнись имъ хоть немного начальство, или просто богатый человѣкъ, сейчасъ же продавали себя съ руками и ногами.

— Грустно-жъ это слышать, сказалъ Жуквичъ, въ самомъ дѣлѣ, грустнымъ голосомъ,—а я-жъ было думалъ тутъ встрѣтить участіе, сочувствіе и даже помощь нѣкоторую, присовокупилъ онъ послѣ короткаго молчанія.

— Но въ чемъ вамъ собственно помощь нужна? спросила его Елена.

Жуквичъ опять нѣкоторое время обдумывалъ свой отвѣтъ.

— Я—полякъ, а потому прежде-жъ всего сынъ моей родины! началъ онъ, какъ бы взвѣшивая каждое свое слово;—но всякій-жъ человѣкъ, какъ-бы онъ ни желалъ душею идти по всѣмъ новымъ путямъ, всюду не поспѣетъ. Вотъ отъ чего, какъ я вамъ говорилъ, въ Европѣ все это раздѣлилось на нѣкоторыя группы, на нѣсколько спеціальностей, а я-жъ, если позволите мнѣ такъ назвать себя, принадлежу къ группѣ именуемыхъ возстановителей народа своего.

— То есть, поляковъ, конечно?.. подхватила Елена.

— О, да! подтвердилъ Жуквичъ.

— А вы знаете, что я, вѣдь, тоже полька? сказала Елена.

— Да, знаю-жъ! воскликнулъ Жуквичъ,—и, какъ землячку, прошу васъ не оставить меня вашимъ вниманіемъ! прибавилъ онъ съ улыбкою и протягивая Еленѣ руку.

— Въ чемъ только могу! проговорила она, подавая ему взаимно свою руку и отвѣчая на довольно крѣпкое пожатіе Жуквича такимъ же крѣпкимъ пожатіемъ.

— Но я прошу васъ, панна Жиглинская, объ одномъ! присовокупилъ онъ затѣмъ какимъ-то почти встревоженнымъ голосомъ:— все-жъ, о чемъ я вамъ говорилъ теперь, вы сохраните въ тайнѣ...

— Разумѣется, сохраню въ тайнѣ! подхватила она.

— Въ тайнѣ-жъ отъ всѣхъ, даже отъ князя! говорилъ Жуквичъ тѣмъ же встревоженнымъ голосомъ.

— И отъ князя? переспросила Елена.

— Да... я князя давно знаю. Онъ не любитъ-жъ поляковъ очень, а я-жъ лицо сосланное!.. На меня достаточно глазомъ указать, чтобъ я былъ повѣшенъ... растрѣлянъ...

— Извольте, я и князю не скажу!.. отвѣчала Елена, припоминая, что князь, въ самомъ дѣлѣ, не очень прилюбливалъ поляковъ, и по поводу чего она не рѣдко съ нимъ спорила.—Но надѣюсь, однако, что вы будете бывать у насъ.

— Если вы мнѣ позволите то! отвѣчалъ Жуквичъ, уже вставая и приготовляясь уйти.

— Я даже буду просить васъ о томъ, подхватила Елена:— приходите, пожалуйста, безъ церемоніи, обѣдать, на цѣлый день. Послѣ завтра, на примѣръ, можете придти?

— Могу.

— Ну, такъ и приходите! заключила Елена.

При окончательномъ прощаніи, Жуквичъ снова протянулъ ей руку. Она тоже подала ему свою, и онъ вдругъ поцѣловалъ ея руку, такъ что Елену немного даже это смутило. Когда гость, наконецъ, совсѣмъ уѣхалъ, она отправилась въ кабинетъ къ князю, котораго застала одного и читающимъ внимательно какую-то книгу. Елпидифоръ Мартынычъ, не осмѣливавшійся болѣе начинать разговора съ княземъ объ Елизаветѣ Петровнѣ, только-что передъ тѣмъ оставилъ его.

— А у меня все сидѣлъ этотъ Жуквичъ, который привезъ мнѣ письмо отъ Миклакова, сказала Елена.

— Что такое тебѣ пишетъ Миклаковъ? спросилъ ее князь, не оставляя своего чтенія.

— Ничего особеннаго! отвѣчала Елена и сѣла на кресло, занимаемое до того Елпидифоромъ Мартынычемъ.—Я позвала Жуквича послѣ завтра обѣдать къ намъ!.. присовокупила она.

— Зачѣмъ? спросилъ какъ-бы съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и даже неудовольствіемъ князь.

— За тѣмъ, что онъ здѣсь заѣзжій человѣкъ... никого не знаетъ.

Князь на это промолчалъ и Елена, по выраженію его лица, очень хорошо видѣла, что у него былъ на умѣ какой-то гвоздикъ противъ Жуквича.

— Ты зналъ его за границей? спросила она.

— Зналъ!.. отвѣчалъ протяжно князь.

— Что же, по-твоему, онъ за человѣкъ?

— Чортъ его знаетъ, что за человѣкъ!.. Что полякъ—это я знаю! произнесъ князь, продолжая свое чтеніе.

— Но что тутъ дурнаго, что онъ полякъ? возразила ему насмѣшливо Елена.

Князь ей на это ничего не сказалъ и, какъ будто бы даже не разслышавъ ея словъ, принялся что-то такое выписывать изъ читаемой имъ книги.

Еленѣ, наконецъ, сдѣлалось досадно это полувниманіе къ ней князя.

Digitized by Google

— Что ты тутъ такое дѣлаешь? начала она приставать къ нему.

Елена еще и прежде спрашивала объ этомъ князя, но онъ все какъ-то отмалчивался.

— Такъ себѣ, ничего! сказалъ было онъ ей и на этотъ разъ; но Елена этимъ не удовольствовалась.

— Вовсе не такъ, а непремѣнно дѣлаешь что-то такое большое. Отчего ты не хочешь сказать мнѣ?

— Отъ того, что нельзя говорить о томъ, что у самого еще смутно въ головѣ.

— Это ничего не значитъ; мнѣ ты долженъ сказать, и ты вовсе не по тому не говоришь,—вовсе не по тому!

— Почему же?

— Да по тому, что я знаю почему: во первыхъ, я вижу по книгамъ, ты что-то такое по русской исторіи затѣваешь—такъ?... да?...

— Можетъ быть, и по русской исторіи.

— Но что изъ нея можно написать?.. Все ужь, кажется, написано!

— Нѣтъ, многаго еще не написано.

— А именно?

— А именно, на примѣръ, началъ князь, закидывая назадъ свою голову:—сколько мнѣ помнится, ни однимъ историкомъ нашимъ не прослѣжены тѣ вольности удѣльныя, которыя потомъ постоянно просыпались и высказывались въ московскій періодъ и даже въ петербургскій.

Елена засмѣялась громкимъ смѣхомъ.

— Вольности еще какія-то нашелъ! произнесла она.

Князь при этомъ покраснѣлъ нѣсколько въ лицѣ.

— Никакихъ я вольностей, признаюсь, у русскаго народа не вижу, продолжала Елена.

— Ты не видишь, а я ихъ вижу! сказалъ князь.

— Но гдѣ, скажи, докажи? воскликнула Елена.

— Вольности я вижу во всѣхъ попыткахъ Новгорода и Пскова противъ Грознаго!.. заговорилъ князь съ удареніемъ;—вольности проснувшіяся вижу въ періодъ всего междуцарствія!.. вольности въ расколѣ противъ московскаго православія!.. вольности въ бунтахъ стрѣльцевъ!.. вольности въ образованіи всѣхъ нашихъ украйнъ!..

— Какой же результатъ всѣхъ этихъ вольностей?... Петербургъ?.. возразила ему Елена.

Digitized by Google

— Я говорю не о результатахъ, а о томъ, что есть же въ русскомъ народѣ настоящая, живая сила.

— Тебя за эту статью, если ты только напечатаешь ее, такъ раскатаютъ, такъ раскатаютъ, какъ ты и не воображаешь! признесла Елена.

— Но за что же?.. Я могу дурно выполнить, дурно написать— это другое дѣло,—но не за самую мысль.

— Нѣтъ, за самую мысль, потому что въ ней ложь и натяжка есть.

— По-твоему—натяжка, а по-моему, какъ говоритъ мое внутреннее чувство, она есть величайшая истина.

— Чувство ему говоритъ!.. Исторія не романъ сентиментальный, который подъ вліяніемъ чувства можно писать.

— Нѣтъ, именно нашу исторію подъ вліяніемъ чувства надобно было бы написать,—чувства чисто народнаго, демократическаго, и котораго совершенно не было ни у одного изъ нашихъ историковъ, а потому они и не съумѣли въ маленькихъ явленіяхъ подмѣтить самой живучей силы народа нашего.

— Никакой такой силы не существуетъ! произнесла Елена.— Вѣдь это странное дѣло—навязывать народу свободолюбіе, когда въ немъ и намека нѣтъ на то. Я вонъ, на дняхъ еще какъ-то, ѣхала на извощикѣ и разговаривала съ нимъ. Онъ горькимъ образомъ оплакиваетъ крѣпостное право, потому что теперь некому посѣчь его и поучить послѣ того, какъ онъ пьянъ бываетъ!..

— Мало ли что тебѣ наболтаетъ одинъ какой нибудь дуралей, нельзя по немъ судить о цѣломъ народѣ! возразилъ князь.

— Нѣтъ, это не онъ одинъ, а и болѣе высшія сословія. Ты посмотри когда нибудь по большимъ праздникамъ, какая толпа рвется къ подъѣздамъ разныхъ начальствующихъ лицъ...Рабство и холопство,—это скрывать нечего,—составляютъ главную черту, или, какъ другіе говорятъ, главную мудрость русскаго народа.

— Господинъ Жуквичъ, что ли, успѣлъ натолковать тебѣ это?.. И поляковъ, вѣроятно, превознесъ до небесъ! проговорилъ князь.

— Нѣтъ, я еще до господина Жуквича знала это очень хорошо, и ужь конечно поляки всегда были и будутъ свободолюбивѣе русскихъ! воскликнула Елена.—Когда еще въ цѣлой Европѣ все трепетало королевской власти, а у насъ ужь король былъ выборный. На сеймѣ воскликнулъ кто: *не позволямъ!?*.. И кончено: тормозъ всякому произволу.

Digitized by Google

— До многаго и докричались вы!..

— Да, но все-таки кричали, а не низкопоклонничали.

— Что-жь такое кричали?.. И собаки на улицѣ лаютъ безпрестанно, однако отъ того большой пользы ни имъ, ни человѣчеству нѣтъ! возразилъ князь и самъ снова принялся за свою работу.

Елена даже покраснѣла вся при этомъ въ лицѣ.

— Какое глупое сравненіе! произнесла она и, какъ видно, не на шутку разсердилась на князя, потому что немедля встала и пошла изъ кабинета.

— Господинъ Жуквичъ послѣ завтра будетъ у насъ обѣдать? крикнулъ ей вслѣдъ князь.

— Послѣ завтра! отвѣчала Елена, не поворачиваясь къ нему.

— Послѣ завтра!.. повторилъ самъ съ собою князь.

II.

Анна Юрьевна послѣднее время какъ будто бы утратила даже привычку хорошо одѣваться и хотя сколько нибудь себя подтягивать, такъ что въ тотъ день, когда у князя Григорова долженъ былъ обѣдать Жуквичъ, она сидѣла въ своемъ будуарѣ въ совершенно распущенной блузѣ; слегка подпудренные волосы ея были не причесаны; лицо не подбѣлено. Баронъ былъ тутъ же и, помѣщаясь на одномъ изъ креселъ, держалъ голову свою наклоненною внизъ и внимательнымъ образомъ разсматривалъ свои красивые ногти.

— Я вамъ давно говорилъ, началъ онъ, въ одно и то же время грустнымъ и насмѣшливымъ голосомъ,—что въ этой проклятой Москвѣ задохнуться можно отъ скуки!

— Что же, въ Петербургѣ вашемъ развѣ лучше? возразила ему Анна Юрьевна.

— Безъ всякаго сомнѣнія!.. Тамъ люди живутъ человѣческою жизнью, а здѣсь, я не знаю,—жизнью какихъ-то.... «*свиней*», вѣроятно, хотѣлъ добавить баронъ, но удержался.

— Ужасно какой человѣческой жизнью! воскликнула Анна Юрьевна:—цѣлое утро толкутся въ переднихъ у министровъ; потомъ, побѣгаютъ, высуня языкъ, по Невскому, съѣдятъ гдѣ нибудь въ отелѣ протухлый обѣдъ; наконецъ, вечеръ проведутъ въ объятіяхъ чахоточной камеліи—вотъ жизнь всѣхъ васъ петербуржцевъ.

Digitized by Google

— То для мущинъ, а для женщинъ мало ли есть тамъ развлеченій: отличная опера, концерты, театры.

— Все это и здѣсь есть; но я не дѣвчонка какая нибудь, чтобы мнѣ всюду ѣздить и восхищаться этимъ....

— Въ такомъ случаѣ, поѣдемте за границу, сказалъ ей на это баронъ: послѣдняго онъ даже еще больше желалъ.

— Вамъ за границей въ диво побывать!... Вы никогда тамъ не бывали; mais moi j'ai voyagèe par monts et par vaux!.. Не мадонну же Рафаэлевскую мнѣ въ тысячный разъ смотрѣть или дворцы разные.

— Но гдѣ же лучше? воскликнулъ баронъ.

— Въ молодости, вотъ гдѣ лучше. Въ молодости вездѣ хорошо, отвѣчала ему Анна Юрьевна.

— Но въ эту страну нельзя воротиться, произнесъ баронъ съ небольшою улыбкой.

На этихъ словахъ его, Анна Юрьевна увидѣла, что въ гостиную входилъ пріѣхавшій князь Григоровъ.

— Ah!... Voilà qui nous arrive! воскликнула она ему навстрѣчу радостнымъ голосомъ. — Наконецъ-то удостоилъ великой чести посѣтить.

Князь пожалъ руку кузины, пожалъ руку и барона.

— Я, шутки въ сторону, начинала на тебя сердиться, что ты совсѣмъ не ѣздишь, говорила Анна Юрьевна.

— Некогда все было, отвѣчалъ князь.

— Да что ты такое дѣлаешь? Неужели все цѣлуешься съ своей Еленой?.. Не надоѣло развѣ тебѣ еще это?

— Нѣтъ, не надоѣло.

— А другой нѣтъ у тебя пока никакой?

— Нѣтъ другой пока.

— Mensonge, je n'en crois rien.

— Но у барона же нѣтъ другой, сказалъ князь, показывая глазами на барона.

— Баронъ что?... Баронъ—рыба.

— Рыба онъ?

— Совершенная.... мерзлая даже.

— О, это ужасно! воскликнулъ князь.

Баронъ краснѣлъ только, слушая этотъ милый разговоръ двухъ родственниковъ.

— А я, кузина, пріѣхалъ васъ звать сегодня обѣдать къ себѣ, продолжалъ князь.

Digitized by Google

— Это что тебѣ вздумалось? спросила Анна Юрьевна.

— Да такъ, тутъ одинъ мой знакомый полякъ будетъ у меня обѣдать, красавецъ изъ себя мущина; пріѣзжайте, пожалуйста!.. Поболтаемъ о нашей заграничной жизни.

— А обѣдъ будетъ порядочный?

— Самолучшій заказанъ повару.

— Посмотримъ! При княгинѣ у тебя въ этомъ случаѣ нехорошо было: она, какъ нѣмка, только и знала вкусъ въ картофелѣ да въ кофе.

— Теперь у меня другая хозяйка; а кстати, вы не скомпрометируетесь быть у меня тѣмъ, что встрѣтите mademoiselle Жиглинскую?

— Quille idee... скомпрометируюсь я!... Меня, я думаю, ничто ужь въ мірѣ не скомпрометируетъ!... А что-жь ты барона не зовешь? прибавила Анна Юрьевна.

— Баронъ, разумѣется, пріѣдетъ. Пріѣдете? спросилъ князь барона.

— Пріѣду, отвѣчалъ тотъ, держа, по прежнему, голову потупленною и какимъ-то мрачнымъ голосомъ.—Слова князя о томъ, что у него будетъ обѣдать красивый полякъ, очень непріятно отозвались въ ухѣ барона. Надобно сказать, что баронъ, не смотря на то, что былъ моложе и красивѣе Анны Юрьевны, каждую минуту опасался, что она измѣнитъ ему и предпочтетъ другаго мущину. Чтобы предохранить себя съ этой стороны, баронъ, какъ не скучно это было ему, всюду ѣздилъ съ Анной Юрьевной и старался не допускать ее сближаться съ кѣмъ бы то ни было изъ мущинъ. Князь же, въ свою очередь, кажется, главною цѣлію и имѣлъ, приглашая Анну Юрьевну, сблизить ее съ Жуквичемъ, который, какъ онъ подозрѣвалъ, не прочь будетъ занять мѣсто барона: этимъ самымъ князь расчитывалъ показать Еленѣ, какого сорта былъ человѣкъ Жуквичъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ надѣялся образумить и спасти этимъ барона, который былъ когда-то другъ его и потому настоящимъ своимъ положеніемъ возмущалъ князя до глубины души.

Выйдя отъ Анны Юрьевны, князь отправился домой не въ экипажѣ, а пошелъ пѣшкомъ, и проходя по Кузнецкому, онъ вдругъ столкнулся лицемъ къ лицу съ шедшимъ къ нему навстрѣчу Николей Оглоблинымъ.

— Здравствуйте, князь! проговорилъ тотъ трепещущимъ отъ радости голосомъ.

Digitized by Google

Въ прежнее время князь, встрѣчаясь съ Николей, обыкновенно на всѣ его привѣтствія отвѣчалъ только молчаливымъ кивкомъ головы; но тутъ почему-то пріостановился съ нимъ и пожалъ даже ему руку.

Ободренный этимъ, Николя не преминулъ повернуться и пойти съ княземъ въ одну сторону.

— Это чортъ знаетъ что за городъ Москва! заговорилъ онъ:— болтаютъ!.. врутъ!.. такъ что я хотѣлъ ѣхать къ вамъ и сказать, чтобы вы зажали нѣкоторымъ господамъ ротъ!

Князь очень хорошо догадался, что такое собственно хочетъ отрапортовать ему Николя.

— Какимъ господамъ? спросилъ онъ его.

— А такимъ, которые говорятъ, что тамъ эта mademoiselle Жиглинская.... вы, конечно, знаете ее.... будто бы она переѣхала къ вамъ въ домъ.

— Это совершенно вѣрно, что она переѣхала, отвѣчалъ князь.

— Да-съ.... Но что кому до того за дѣло? Что за дѣло?.. горячился Николя.—А, вѣдь, знаете, она чудо какъ хороша собой! присовокупилъ онъ, явно желая тѣмъ подольститься къ князю.

— Да, хороша! отвѣчалъ князь,—и вообразите: она мнѣ то же самое про васъ говорила; она видѣла васъ тамъ гдѣ-то на гуляньи и говорила: «какой, говоритъ, красавецъ изъ себя Оглоблинъ.»

— Я?.. Ха, ха, ха! захохоталъ Николя.—Онъ заподозрилъ, что князь надъ нимъ подшучиваетъ и потому самъ хотѣлъ тоже отойти отъ него шуточкою.

— Увѣряю васъ, продолжалъ между тѣмъ тотъ совершенно серьезнымъ голосомъ,—и чтобъ убѣдиться въ томъ, пріѣзжайте ко мнѣ сегодня обѣдать,—у меня кстати будетъ Анна Юрьевна.

— Но, можетъ быть, у васъ имянинный обѣдъ, а я въ визиткѣ, сказалъ Николя уже серьезно.

— Никакого нѣтъ имяниннаго обѣда, а просто знакомые обѣдаютъ. Пріѣзжайте!.. Можете при этомъ полюбезничать съ mademoiselle Жиглинской.

— А вы не разсердитесь за это? спросилъ Николя, лукаво прищуривая глаза и полагая, что онъ ужасно ядовито сказалъ.

— Нисколько!... Это совершенно не въ нашихъ нравахъ.... Кромѣ того, у меня еще будетъ обѣдать одинъ полякъ.... эдакой, знаете, заклятой патріотъ польскій: ну, а вы, я надѣюсь, патріотъ русскій.

Digitized by Google

— Надѣюсь!.... Надѣюсь!... шепелявилъ Николя со смѣхомъ, но въ то же время самодовольно.

— А потому, если что коснется до патріотизма, то не ударьте себя въ грязь лицемъ и выскажите все, что у васъ на душѣ, продолжалъ князь.

— Извольте!... извольте!... говорилъ Николя еще самодовольнѣе.

На Тверской они растались. Николя забѣжалъ къ парикмахеру, чтобы привести въ порядокъ свою прическу, а князь до самаго дома продолжалъ идти пѣшкомъ. Здѣсь онъ узналъ, что Жуквичъ уже пришелъ и сидѣлъ съ Еленой въ гостиной, куда князь, проходя черезъ залу, увидѣлъ въ зеркало, что Жуквичъ читаетъ какое-то письмо, а Елена очень внимательно слушаетъ его; но едва только она услыхала шаги князя, какъ стремительно сдѣлала Жуквичу знакъ рукою, и тотъ сейчасъ же послѣ того спряталъ письмо. Князю это очень не понравилось, однако онъ рѣшился повыждать, что дальше будетъ, и въ гостиную вошелъ съ довольнымъ и веселымъ видомъ.

При входѣ его Жуквичъ всталъ на ноги.

— Извините-жъ, ваше сіятельство, проговорилъ онъ, склоняя передъ нимъ голову, что я безъ вашего позволенія являюсь къ вамъ обѣдать; но паннѣ Жиглинской угодно-жъ было пригласить меня.

— Ничего, это все равно, отвѣчалъ князь, протягивая къ нему руку.

Послѣ того князь сѣлъ и Жуквичъ сѣлъ.

— А у насъ сегодня будутъ обѣдать Анна Юрьевна и баронъ, сказалъ князь Еленѣ.

— Вотъ какъ! сказала та, немного удивленная этимъ.

— Потомъ пріѣдетъ обѣдать и Николя Оглоблинъ.

— Это еще зачѣмъ? не утерпѣла и почти воскликнула Елена.

— За тѣмъ, что онъ теперь одинъ.... родитель его въ Петербургѣ, кажется, уѣхалъ. Куда-жь ему, бѣдному, дѣваться? проговорилъ князь насмѣшливымъ тономъ.

Елена поняла, надъ чѣмъ собственно онъ тутъ подтрунивалъ, и вспыхнула въ лицѣ.

Потомъ князь снова обратился къ Жуквичу.

— Это, вотъ, Анна Юрьевна-съ, о которой я сейчасъ говорилъ, кузина моя, и представьте себѣ, у нея ни много, ни мало, какъ около ста тысячъ годоваго дохода.

Digitized by Google

— Доходъ не малый! сказалъ на это Жуквичъ, слегка ухмыляясь.

— Еще бы!... И можете себѣ вообразить: при такомъ состояніи она держитъ у себя въ обожателяхъ одного моего пріятеля, мущину весьма некрасиваго и невзрачнаго.

— Но она, кажется, васъ прежде того желала сдѣлать своимъ обожателемъ! перебила князя Елена.

— Меня—да; но что-жь дѣлать, я упустилъ тогда этотъ удобный случай.

— Теперь можете поправить это! продолжала Елена.

— Что теперь?... Теперь она меня разлюбила, а другой бы очень могъ успѣть, потому что она прямо говоритъ про моего друга барона, что онъ—судакъ мерзлый.

Жуквичъ выслушивалъ весь этотъ разговоръ, по прежнему, съ небольшой улыбкой; но вмѣстѣ съ тѣмъ съ такимъ равнодушнымъ выраженіемъ лица, которое ясно показывало, что все это его нисколько не интересуетъ.

— Гдѣ же вы живете здѣсь, въ Москвѣ, monsieur Жуквичъ? обратился къ нему еще разъ князь.

Жуквичъ назвалъ ему улицу и гостиницу, гдѣ жилъ.

— Это почти рядомъ съ нами! воскликнулъ князь.

Жуквичъ на это ничего не сказалъ.

— Я очень рада тому: это даетъ вамъ возможность чаще бывать у насъ! подхватила Елена, обращаясь къ нему.

Жуквичъ и ее поблагодарилъ только молчаливымъ наклоненіемъ головы.

Князь же, съ своей стороны, не повторилъ ея приглашенія Жуквичу.

Вскорѣ затѣмъ прибыла Анна Юрьевна съ барономъ.

Елена встала и вышла встрѣтить ее.

— Bonjour, моя милая, bonjour! говорила Анна Юрьевна, входя и крѣпко пожимая Еленѣ руку.

Князь, между тѣмъ, какъ-то шаловливо привсталъ съ своего мѣста и шаловливо началъ знакомить всѣхъ другъ съ другомъ.

— Честь имѣю представить вамъ: господинъ Жуквичъ! говорилъ онъ Аннѣ Юрьевнѣ, а это—графиня Анна Юрьевна! говорилъ онъ потомъ тому; а это—баронъ Мингеръ, мой другъ и пріятель!... а это—госпожа Жиглинская, а я, честь имѣю представиться,—коллежскій секретарь князь Григоровъ.

На это Анна Юрьевна махала только рукой.

Digitized by Google

— Козелъ какой!.... Очень что-то разыгрался сегодня!.... говорила она, садясь на одномъ концѣ дивана, а на другомъ его концѣ помѣстилась Елена, которой, кажется, было не совсѣмъ ловко передъ Анной Юрьевной, да и та не вполнѣ свободно обращалась къ ней.

— Что это онъ такъ веселъ сегодня? спросила Анна Юрьевна Елену, показывая на князя и не находя ничего другаго, съ чего бы начать разговоръ.

— Передъ слезами, вѣроятно! отвѣчала Елена, саркастически сжимая губы.

— Зачѣмъ такъ зло пророчествовать?.. Я веселъ по тому, что у меня сегодня собралось такое милое и пріятное общество! отвѣчалъ князь не то въ насмѣшку, не то серьезно.

Баронъ Мингеръ съ самаго прихода своего молчалъ и только по временамъ взглядывалъ на Жуквича, который, въ довольно красивой позѣ, стоялъ нѣсколько вдали и расправлялъ свою съ просѣдью бороду. Пріѣхавшій наконецъ Николя окончательно запуталъ существовавшую и безъ того неловкость между всѣми лицами. Помня слова князя, что Елена будто бы называла его красавцемъ, Николя прямо и очень стремительно разлетѣлся къ ней, такъ что та съ удивленіемъ и почти съ испугомъ взглянула на него. Она никогда даже не видала Николю и только слыхала о немъ, что онъ дуракъ великій.

Николя, видя, что его даже не узнаютъ, или, по крайней мѣрѣ, дѣлаютъ видъ, что не узнаютъ, обратился къ князю:

— Князь, представьте меня mademoiselle Жиглинской, проговорилъ онъ.

— Это monsieur Оглоблинъ! сказалъ князь, не поднимаясь съ своего мѣста.

Тогда Елена протянула руку Николѣ, которую онъ съ восторгомъ пожалъ.

— А я васъ видалъ, клянусъ Богомъ, видалъ! говорилъ онъ, продолжая стоять передъ Еленой,—и именно въ театрѣ, въ бенуарѣ.

— Меня? спросила Елена.

— Васъ, непремѣнно васъ! продолжалъ Николя какимъ-то даже патетическимъ голосомъ.

— Можетъ быть, я иногда бываю въ театрѣ.

— Непремѣнно васъ!... Я еще тогда... не помню кто-то сидѣлъ около меня... «посмотрите, говорю, какая красавица»!

Елена при этомъ немного даже смутилась.

Digitized by Google

— Подобныя вещи, я думаю, не говорятъ въ глаза, сказала она.

— Ахъ, ma chère, чего отъ него другаго ждать! объяснила ей почти вслухъ Анна Юрьевна.

— Почему не говорятъ?... почему? сталъ было допрашивать Николя, дѣлая видъ, что словъ Анны Юрьевны онъ какъ-бы не слыхалъ совсѣмъ...

Елена хотѣла было ему отвѣчать, но въ это время доложили, что обѣдъ готовъ; всѣ пошли. Елена крайне была удивлена, когда князь повелъ гостей своихъ не въ обычную, маленькую столовую, а въ большую, парадную, которая, по убранству своему, была одна изъ лучшихъ комнатъ въ домѣ князя. Она была очень длинная; потолокъ ея былъ украшенъ рѣзнымъ деревомъ; по одной изъ длинныхъ стѣнъ ея стоялъ огромный буфетъ изъ буйволовой кожи, съ тончайшею и изящнѣйшею рѣзною живописью; весь верхній ярусъ этого буфета былъ уставленъ фамильными кубками, вазами и бокалами князей Григоровыхъ; прямо противъ входа виднѣлся, съ огромнымъ зеркаломъ, карарскаго мрамора каминъ, а на противуположной ему стѣнѣ были разставлены на малиновой бархатной доскѣ, идущей отъ пола до потолка, японскія и севрскія блюда; мебель была средневѣковая, тяжелая, глубокая, съ мягкими подушками; по срединѣ небольшаго, накрытаго на нѣсколько приборовъ стола красовалось серебряное плато, изображающее, должно быть, одного изъ миѳическихъ князей Григоровыхъ, убивающаго татарина; по бокамъ этого плато возвышались два чуть ли не золотые канделябра съ цѣлымъ десяткомъ свѣчей; кромѣ этого столовую освѣщали огромная люстра и нѣсколько бра по стѣнамъ. Человѣкъ шесть княжескихъ лакеевъ, одѣтыхъ въ черные фраки и бѣлые галстуки, стояли въ разныхъ мѣстахъ комнаты, и надъ всѣми ими надзиралъ почтенной наружности метръ д'отель. Устраивая такого рода роскошный обѣдъ, князь просто, кажется, дурачился, чтобы заглушить волновавшую внутри его досаду. Когда всѣ, наконецъ, усѣлись за столъ, и Елена стала разливать горячее, то съ удивленіемъ посмотрѣла въ миску.

— Что это такое за супъ? проговорила она.

— Разливайте ужь! сказалъ ей на это князь.

Елена налила первую тарелку и подала ее, разумѣется, Аннѣ Юрьевнѣ. Та попробовала и съ удовольствіемъ взглянула на князя.

— Это черепашій супъ? спросила она его.

— Черепашій! подтвердилъ ея предположеніе князь.

— И тѣмъ хорошъ, что онъ по-французски сваренъ, а не по-

Digitized by Google

англійски: не такъ густъ и слизистъ Очень хорошо!... божественно!... говорила Анна Юрьевна, почти съ жадностью глотая ложку за ложкой.

— Не дурно-съ.... не дурно!... повторялъ за ней князь, начиная ѣсть.

Николя тоже жадно ѣлъ; но больше по тому, что онъ все на свѣтѣ жадно ѣлъ.

Елена и баронъ попробовали супъ и не стали его ѣсть.

— А вы какъ находите это блюдо? спросилъ князь Жуквича, очень исправно съѣвшаго свою порцію.

— Превосходнѣйшее! отвѣчалъ тотъ, склоняясь передъ нимъ.

— А не напоминаетъ ли онъ вамъ нашего послѣдняго съ вами обѣда въ Лондонѣ? сказалъ князь.

Жуквичъ при этомъ какъ-то невесело улыбнулся.

— Я бы желалъ лучше совсѣмъ забыть этотъ обѣдъ! проговорилъ онъ.

— Какой это обѣдъ? полюбопытствовала Анна Юрьевна, пришедшая въ совершенно блаженное состояніе отъ скушеннаго супу.

— Господинъ Жуквичъ знаетъ какой... отвѣтилъ князь.

За супомъ слѣдовали превосходныя бараньи котлеты, обложенныя трюфлями, такъ что Анна Юрьевна почти въ ражъ пришла.

— Où prenez vous ces delicatesses!.. воскликнула она.—Здѣсь на вѣсъ золота нельзя добыть хоть сколько нибудь сносной баранины.

— А я добылъ!... произнесъ съ лукавствомъ князь.

— Я только въ Парижѣ такія котлеты и ѣдала, только въ одномъ Парижѣ! обратилась Анна Юрьевна уже къ Жуквичу.

— Въ Брюсселѣ еще есть первокласная баранина! замѣтилъ ей тотъ съ почтеніемъ.

— Oui!... c'est vrai!... Да! согласилась съ нимъ Анна Юрьевна, благосклонно улыбаясь при этомъ Жуквичу.

— Виномъ, кузина, тоже прошу не брезговать: бургондское у меня не дурное! отнесся князь къ Аннѣ Юрьевнѣ, наливая ей цѣлый стаканъ.

Она попробовала сначала, а потомъ и выпила весь стаканъ.

— Лучше моего — знаешь?... гораздо лучше!... Налей мнѣ еще! говорила Анна Юрьевна.

Князь налилъ ей еще стаканъ.

Баронъ при этомъ взмахнулъ глазами на Анну Юрьевну и сейчасъ ихъ потомъ снова опустилъ въ тарелку.

Digitized by Google

Князь, между тѣмъ, сталъ угощать Жуквича.

— Что вы не пьете! сказалъ онъ, наливая ему стаканъ.

— О, благодарю васъ! произнесъ тотъ, какъ-бы съ чувствомъ живѣйшей благодарности.

Николя Оглоблинъ, совершенно забытый хозяиномъ, сначала попробовалъ было любезничать съ Еленой.

— Скажите, вы гуляете по утрамъ на Кузнецкомъ? спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ, не гуляю! отвѣчала она ему сухо.

— Гулять для здоровья даже нужно, продолжалъ молодой человѣкъ.

— Зачѣмъ же я пойду для этого на Кузнецкій?... Я вотъ тутъ ближе могу гулять, на бульварѣ.

— На Кузнецкомъ болѣе пріятныя впечатлѣнія для дамъ!.. Модныя вещи... модные наряды—все это ласкаетъ глазъ!

— Но не на столько, чтобъ идти за такую даль, проговорила Елена.

— Да, виноватъ! воскликнулъ вдругъ Николя (онъ вспомнилъ, что Елена была нигилистка, а потому непремѣнно должна была быть замарашкой и нарядовъ не любить).—Можетъ быть, вы наряды не цѣните и презираете? произнесъ онъ съ нѣкоторымъ даже глубокомысліемъ.

— Напротивъ, я очень люблю наряды, отвѣчала Елена.

Николя при этомъ осмотрѣлъ весь ея туалетъ и увидѣлъ, что она была прекрасно одѣта.

— Васъ не поймешь, ей-Богу! сказалъ онъ, какъ-бы за что-то ужь и обидѣвшись.

— Что такое во мнѣ непонятнаго? возразила ему, смѣясь, Елена.

— Такъ, много непонятнаго! продолжалъ Николя тѣмъ же недовольнымъ тономъ. Онъ очень хорошо понималъ, что ему съ такой умной и ученой госпожей не сговорить, а потому замолчалъ и, для развлеченія себя, принялся пить вино; но такъ какъ знаменитаго бургондскаго около него не было, то Николя началъ продовольствовать себя добрымъ портвейномъ и такимъ образомъ, къ концу обѣда, нализался порядочно. Слыхавъ отъ кого-то, что англичане всегда грѣются у каминовъ послѣ обѣда, онъ, когда тутъ же въ столовой усѣлись пить кофе, не преминулъ стать къ камину задомъ и весьма нецеремонно раздвинулъ фалды у своей визитки. Въ противуположность ему, Жуквичъ велъ себя въ

Digitized by Google

высшей степени скромно и прилично: помѣстившись на одномъ изъ креселъ, онъ первоначально довольно односложно отвѣчалъ на распросы Анны Юрьевны, съ которыми она относилась къ нему, а потомъ, разговорившись, завелъ между прочимъ рѣчь объ Ирландіи, расказалъ всю печальную зависимость этой страны отъ Англіи, всѣ ея патріотическія попытки къ самостоятельности; расказалъ подробно исторію феніевъ, трагическую участь нѣкоторыхъ изъ нихъ, такъ что Анна Юрьевна даже прослезилась. Елена слушала его съ серьезнымъ и чрезвычайно внимательнымъ выраженіемъ въ лицѣ; даже баронъ уставилъ пристальный взглядъ на Жуквича и только князь слушалъ его съ какой-то недовѣрчивой полуулыбкой, потомъ Николя Оглоблинъ, который взиралъ на Жуквича почти съ презрѣніемъ и ожидалъ только случая оспорить его, уничтожить, втоптать въ грязь. Князь замѣтилъ это и явно, съ умысломъ, постарался открыть ему для этого свободное поприще.

— Вы, monsieur Жуквичъ, такъ прекрасно расказываете о Европѣ и о заграничной жизни вообще, началъ онъ,—но вотъ рекомендую вамъ господина Оглоблина, у котораго тоже будетъ со временемъ тысячъ полтораста годоваго доходу...

— Ну, нѣтъ, меньше! перебилъ его Николя съ скромнымъ самодовольствомъ.

— Нѣтъ, не меньше! возразилъ ему князь.—И, вообразите, онъ ни разу еще не былъ за границей и говоритъ, что это дорого для него!

Николя при этомъ страшно покраснѣлъ; онъ не ѣздилъ за границу чисто по страху,—изъ сознанія, что, по его глупости, тамъ, пожалуй, какъ нибудь его совсѣмъ оберутъ.

— Я вовсе не по тому не ѣду за границу, вовсе не по тому! принялся онъ отшлепывать своимъ язычищемъ.

— А почему же? спросилъ его князь, заранѣе почти знавшій его отвѣтъ.

— А по тому-съ, что я русскій человѣкъ! отвѣчалъ Николя,— я не хочу русскихъ денегъ мотать за границею!

— Но для этого-жъ такъ немного надобно денегъ, что это, конечно, никакого убытка не можетъ сдѣлать Россіи, осмѣлился ему замѣтить Жуквичъ.

Николя яростно остервенился на него за это.

— Нѣтъ-съ, извините! почти закричалъ онъ на всю комнату,— я буду думать: небольшія деньги!.. другой!.. Сколько теперь на-

Digitized by Google

шихъ богатыхъ людей живетъ за границей, мотаютъ наши деньги и сами ничего не дѣлаютъ!..

Николя, по преимуществу, такъ опредѣленно и смѣло объ этомъ предметѣ выражался, что наканунѣ только передъ тѣмъ слушалъ такое именно разсужденіе одного пожилаго господина.

— И все-таки-жъ отъ этого очень немного пропадаетъ русскихъ денегъ и русскаго труда! осмѣлился ему еще разъ возразить Жуквичъ.

— Нѣтъ-съ, много! оралъ на это Николя.—Мы, позвольте вамъ сказать, не польскіе магнаты, чтобы намъ зорить и продавать наше отечество.

Жуквичъ взмахнулъ глазами на Николю.

— Кто-жъ это изъ польскихъ магнатовъ продалъ свое отечество? спросилъ онъ тихо.

— Всѣ! хватилъ Николя.

Князь замѣтно имъ былъ доволенъ и ободрялъ его глазами и движеніями.

— Voilà un benet, qui radote! произнесла опять почти вслухъ Анна Юрьевна.

Елена сидѣла молча и надувшись: она очень хорошо понимала, что весь этотъ споръ съ умысломъ затѣялъ и устроилъ князь.

Жуквичъ тоже, кажется, догадался, съ какимъ господиномъ онъ спорилъ.

— Если всѣ, то конечно!... произнесъ онъ съ легкимъ оттѣнкомъ насмѣшки.

— Рѣшительно всѣ! продолжалъ орать Николя, ободренный такой уступчивостью Жуквича.

Анна Юрьевна, наконецъ, не въ состояніи была долѣе выслушивать его дурацкаго крику и, кромѣ того, она съ нѣкотораго времени получила сильную привычку спать послѣ обѣда.

— Ну, прощай, однако, князь! сказала она, приподнимаясь съ своего мѣста.—За то, что я пріѣхала къ тебѣ обѣдать, пріѣзжай ко мнѣ завтра вечеромъ посидѣть; обѣдать не зову: старикъ мой поваръ боленъ, а подростки ничего не умѣютъ; но мороженаго хорошаго дамъ, нарочно зайду сама къ Трамбле и погрожу ему пальчикомъ, чтобы прислалъ самаго лучшаго. Пріѣзжайте и вы, пожалуйста! прибавила Анна Юрьевна Жуквичу.

Тотъ сначала молча ей поклонился.

— Пріѣдете? спросила она его еще разъ, протягивая ему руку и очень умильно взглядывая на него.

Digitized by Google

— Непремѣнно-съ, отвѣчалъ онъ.

Баронъ при этомъ выпрямилъ себѣ спину и сталъ растирать грудь рукою.

— А вы, chère amie, конечно, пріѣдете? отнеслась Анна Юрьевна ласково къ Еленѣ.

— Пріѣду, отвѣчала та.

— Ну, поѣдемте, баронъ! отнеслась Анна Юрьевна къ сему послѣднему.

— А что же вы, Анна Юрьевна, меня не зовете? крикнулъ было ей вслѣдъ расходившійся Николя.

— Очень вы съ отцомъ вашимъ браните меня,—такъ можете и не ѣздить ко мнѣ, объяснила та ему прямо и пошла.

Баронъ въ томъ же молчаніи, которое сохранялъ все время, послѣдовалъ за ней, такъ что князь, провожая ихъ, спросилъ его даже:

— Что вы такой сегодня?

— Нездоровится мнѣ что-то, отвѣчалъ ему баронъ.

— Надобно беречь свое здоровье; нельзя имъ такъ рисковать! проговорилъ князь, Богъ знаетъ, что желая этимъ сказать; но баронъ не отвѣтилъ ему на это ни слова и поспѣшно началъ сходить съ лѣстницы.

Возвратясь въ столовую, князь бросился въ кресло и явно уже не скрывалъ, что онъ былъ сильно утомленъ.

Жуквичъ сейчасъ же это замѣтилъ и взялся за шляпу.

— Позвольте васъ поблагодарить... началъ онъ.

— Не задерживаю васъ болѣе, не задерживаю, сказалъ ему князь.

Жуквичъ затѣмъ издали поклонился Еленѣ.

— Завтра увидимся мы съ вами у Анны Юрьевны? спросила его та.

— Да, я-жъ буду, отвѣтилъ Жуквичъ, уходя.

— Можетъ быть, и мнѣ пора домой? проговорилъ Николя, все еще стоявшій у камина и сильно опѣшенный послѣднимъ отвѣтомъ Анны Юрьевны.

— И васъ не задерживаю, и васъ, сказалъ ему князь.

Николя, въ подражаніе Жуквичу, тоже издали поклонился Еленѣ и ушелъ.

Когда гости такимъ образомъ разъѣхались, князь всталъ и пошелъ было въ кабинетъ, но Елена спросила его:

— Это что за комедіи сегодня вы вздумали разыгрывать?

Digitized by Google

— Какія комедіи? сказалъ князь, останавливаясь на минуту.

— А такія... Вы думаете, что васъ трудно понять, произнесла Елена съ удареніемъ.

— Нисколько не думаю того́, отвѣтилъ князь и ушелъ: письмо, которое Жуквичъ такъ таинственно читалъ Еленѣ поутру передъ его приходомъ, не выходило у него изъ головы.

Что касается сей послѣдней, то надобно было имѣть темпераментъ Елены, чтобы понять, какъ она, въ продолженіи всего этого обѣда, волновалась и сердилась на князя. Приглашая Жуквича, Елена думала радушно угостить его, интимно побесѣдовать съ нимъ, и вдругъ князь назвалъ всю эту сволочь. Для чего это онъ сдѣлалъ? Чтобъ досадить ей, или чтобъ унизить Жуквича?.. Но за что же все это?.. За то, что Жуквичъ имѣетъ извѣстнаго рода убѣжденія, или за то, что онъ полякъ?.. Но князь самъ нѣкоторымъ образомъ претендуетъ на такого рода убѣжденія, презирать же и ненавидѣть человѣка за его происхожденіе отъ враждебнаго, положимъ, намъ племени можетъ только дикарь. Далѣе, затѣмъ, Елена перешла и къ иному предположенію: очень естественно, что князь, по своей доходящей до невѣроятныхъ предѣловъ подозрительности, ревнуетъ ее къ Жуквичу. «Въ такомъ случаѣ, онъ сумашедшій и невыносимый, по характеру, человѣкъ»! почти воскликнула сама съ собой Елена, сознавая въ душѣ, что она въ помыслахъ даже ничѣмъ не виновата передъ княземъ; но въ то же время приносить въ жертву его капризамъ всѣ свои симпатіи и антипатіи къ другимъ людямъ Елена никакъ не хотѣла, а потому рѣшилась, сколько бы ни противодѣйствовалъ этому князь, что́ бы онъ ни выдѣлывалъ, сблизиться съ Жуквичемъ, подружиться даже съ нимъ и содѣйствовать его планамъ, которые онъ тутъ будетъ имѣть, а что Жуквичъ, хоть и сосланный, не станетъ сидѣть сложа руки, въ этомъ Елена почти не сомнѣвалась, зная, по слухамъ, какого несокрушимаго закала польскіе патріоты.

III.

Баронъ, какъ мы видѣли, былъ очень печаленъ, и грусть его проистекала изъ того, что онъ день ото дня все больше и больше начиналъ видѣть въ себѣ человѣка съ окончательно испорченною житейскою карьерою. Гдѣ эта прежняя его дѣ-

Digitized by Google

ятельная, исполненная почти каждогодичнымъ служебнымъ повышеніемъ жизнь? Гдѣ его честолюбивыя мечты и надежды на будущее? Подъ сѣнью благосклоннаго крыла Михайла Борисыча, баронъ, почти навѣрное, расчитывалъ сдѣлаться со временемъ сановникомъ; но вдругъ колесо фортуны повернулось иначе,—и что теперь вышло изъ него? Барону совѣстно даже было самому себѣ отвѣчать на этотъ вопросъ. Сближаясь съ Анной Юрьевной, онъ первоначально никакъ не ожидалъ, что объ этомъ такъ скоро узнается въ обществѣ, и что это поставитъ его въ столь щекотливое положеніе. Баронъ судилъ въ семъ случаѣ нѣсколько по Петербургу, гдѣ долгіе годы можно дѣлать что угодно, и никто не будетъ на то обращать большаго вниманія; но Москва оказалась другое дѣло: по лицамъ разныхъ знакомыхъ, посѣщавшихъ Анну Юрьевну, баронъ очень хорошо видѣлъ, что они понимаютъ его отношенія къ ней и втайнѣ подсмѣиваются надъ нимъ. «Другое бы дѣло, разсуждалъ онъ, еслибъ Анна Юрьевна вышла за него замужъ,—тогда бы онъ явился представителемъ ея богатства, ея связей, могъ бы занять мѣсто какого нибудь попечителя одного изъ благотворительныхъ учрежденій и получать тутъ звѣзды и ленты,—словомъ, занялъ бы извѣстное положеніе». Но Анна Юрьевна всегда только отшучивалась, когда онъ намекалъ ей на замужство. Появленіе Жуквича окончательно напугало барона: не даромъ точно каленымъ желѣзомъ кто ударилъ въ грудь его при первыхъ же словахъ князя объ этомъ господинѣ. Жуквичъ показался барону весьма красивымъ, весьма пронырливымъ и умнымъ и, въ добавокъ къ тому, Анна Юрьевна, съ замѣтнымъ удовольствіемъ разговаривавшая съ Жуквичемъ на обѣдѣ у князя, поспѣшила сейчасъ же пригласить его къ себѣ на вечеръ. Очень естественно, что она можетъ заинтересоваться Жуквичемъ и пропишетъ барону отставку; въ такомъ случаѣ ему благовиднѣе было самому убраться заранѣе, тѣмъ болѣе, что баронъ, управляя совершенно безконтрольно имѣньемъ Анны Юрьевны, успѣлъ скопить себѣ тысченокъ тридцать,—сумма, конечно, небольшая, но достаточная для того, чтобы переѣхать въ Петербургъ и выждать тамъ себѣ мѣста. Все это баронъ обдумывалъ весь вечеръ и всю безсонную ночь, которую провелъ по пріѣздѣ отъ князя, и чтобы не томить себя долѣе, онъ рѣшился на другой же день переговорить объ этомъ съ Анной Юрьевной и прямо высказать ей, что если она не желаетъ освятить бракомъ ихъ отношенія, то онъ вынужденнымъ находится оставить ее на-

Digitized by Google

всегда. Но такое рѣшеніе все-таки было довольно сильное, и баронъ очень затруднялся, съ чего именно начать ему свое объясненіе съ Анной Юрьевной; а потому невольно медлилъ идти къ ней и оставался у себя внизу часовъ до трехъ, такъ что Анна Юрьевна, еще вчера замѣтившая, что баронъ за что-то на нее дуется, обезпокоилась этимъ и нѣсколько разъ спрашивала людей:

— Да что баронъ дѣлаетъ и нейдетъ ко мнѣ?

— У себя сидятъ-съ, отвѣчали ей тѣ.

Терпѣнье Анны Юрьевны лопнуло: она сама рѣшилась идти къ нему.

Тяжело и неловко спустившись по винтообразной лѣстницѣ внизъ, Анна Юрьевна вошла въ кабинетъ къ барону, гдѣ увидѣла, что онъ, въ халатѣ и съ блѣднымъ отъ безсонницы лицемъ, сидѣлъ на одномъ изъ своихъ дивановъ.

— Ты болѣнъ? спросила она, вглядываясь въ него.

— Нѣтъ, не боленъ! отвѣчалъ баронъ.

— Отчего-жь нейдешь ко мнѣ наверхъ? Ухъ, задохнулась совсѣмъ! присовокупила Анна Юрьевна, усаживаясь на другомъ диванѣ.

Баронъ нѣкоторое время замѣтно колебался.

— Я все обдумывалъ одно мое предположеніе.... заговорилъ онъ, наконецъ, серьезнымъ и какимъ-то даже мрачнымъ голосомъ.— Признаюсь, играть при васъ ту роль, которую я игралъ до сихъ поръ, мнѣ становится невыносимо: тому, что я привязанъ къ вамъ по чувству, конечно, никто не повѣритъ.

— Да и вѣрить тому нельзя, перебила его Анна Юрьевна:— меня *по чувству* въ молодости только и любилъ одинъ мущина, да и то потому, что дуракъ былъ!

— Вотъ видите!... Вы сами даже не вѣрите тому!... продолжалъ баронъ.—Чѣмъ же я послѣ этого долженъ являться въ глазахъ другихъ людей?... Какой-то камеліей во фракѣ!

— Ну что за пустяки, произнесла Анна Юрьевна, хотя въ душѣ почти сознавала справедливость словъ барона.—Но какъ же помочь тому? прибавила она.

— Очень просто, отвѣчалъ баронъ:—я нѣсколько разъ намекалъ вамъ, что положеніе мое будетъ совершенно другое, когда вы... (баронъ пріостановился на нѣкоторое время) когда вы выйдете за меня замужъ и мы обвѣнчаемся.

Анна Юрьевна при этомъ захохотала.

Digitized by Google

— Quelle absurdite!.. Что еще выдумалъ!.. сказала она.

— Если вы находите, что это абсурдъ съ моей стороны, то я завтра же буду имѣть честь пожелать вамъ всего хорошаго и уѣду въ Петербургъ.

— Oh, folie!.. воскликнула Анна Юрьевна съ испугомъ.— Но я безъ смѣха вообразить себѣ не могу, какъ я, такая толстая, надѣну вѣнчальное платье!

— Вѣнчальное платье можете не надѣвать: мы сдѣлаемъ это очень скромно.

— Наконецъ, я прямо тебѣ скажу: j'ai peur du mariage!.. Меня мужъ, пожалуй, бить станетъ: зачѣмъ я, старая хрычевка, замужъ шла!...

— Нѣтъ, я васъ бить не стану! произнесъ баронъ съ нѣкоторымъ чувствомъ.

— Когда же ты хочешь, чтобъ я вышла за тебя?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—хоть на этой же недѣлѣ.

— Ха, ха, ха! опять начала смѣяться Анна Юрьевна:—я все не могу представить себѣ невѣстою себя! Бочка сороковая этакая—невѣста!..

Баронъ на это молчалъ: онъ видѣлъ уже, что Анна Юрьевна согласится выйти за него замужъ.

— Потомъ-съ, продолжалъ онъ, помолчавъ немного,—женясь на васъ, я окончательно обрубаю для себя всякую иную житейскую карьеру и, покуда вы будете сохранять ко мнѣ ваше милостивое вниманіе, я, безъ сомнѣнія, буду всѣмъ обезпеченъ; но, можетъ быть, въ одно прекрасное утро... напередъ испрашиваю извиненія въ моемъ предположеніи... въ одно утро, не смотря на то, что я буду мужъ вашъ, вы вздумаете сказать мнѣ: «*убирайтесь вонъ*»!—и я очутюсь на голомъ снѣгу, ни съ чѣмъ...

— За что же я скажу тебѣ это?

— Да хоть за то, что вамъ понравится какой нибудь другой мущина.

— Вотъ что выдумалъ!... понравится другой мущина! Знаю я васъ: vous etes tous les mêmes mauvais et detes tables!

— Не ручайтесь, Анна Юрьевна, не ручайтесь! сказалъ баронъ опять съ нѣкоторымъ чувствомъ:—ни одинъ человѣкъ не можетъ сказать, что онъ будетъ завтра!

— А я могу, потому что я стара ужь!

Баронъ пожалъ плечами.

— Не на столько, мнѣ кажется, еще... а потому я просилъ

Digitized by Google

бы васъ обезпечить меня при жизни и хоть небольшую часть вашего состоянія передать мнѣ.

— Да изволь, если ужь это такъ тебя безпокоитъ! сказала, слегка усмѣхнувшись, Анна Юрьевна.—Я, пожалуй, когда ты сдѣлаешься моимъ мужемъ, на остальное мое имѣнье дамъ тебѣ завѣщаніе!.. Что мнѣ какимъ-то родственникамъ моимъ, шелопаямъ, оставлять его.

— Благодарю васъ за это! произнесъ баронъ и, вставъ съ своего мѣста, поцѣловалъ у Анны Юрьевны руку.

— Ахъ, однако, какой ты плутъ! сказала она ему, погрозя пальцемъ.

— Что дѣлать!.. отвѣчалъ баронъ, улыбаясь:—еще Грибоѣдовъ сказалъ: «что умный человѣкъ не можетъ быть не плутъ».

— Ну да, оправдывайся Грибоѣдовымъ! произнесла Анна Юрьевна и больше не въ состояніи была шутить: предложеніе барона замѣтно ее встревожило; лицо Анны Юрьевны, какъ-бы противъ воли ея, приняло недовольное выраженіе, такъ что баронъ, замѣтивъ это, немножко даже струхнулъ, чтобъ она не передумала своего рѣшенія.

— Но, можетъ быть, вамъ жаль перемѣнить ваше графство на баронство? спросилъ онъ ее, какъ-бы нѣсколько шутя.

— Э, стану я объ этомъ жалѣть! проговорила Анна Юрьевна почти презрительнымъ тономъ:—жаль мнѣ моей свободы и независимости! присовокупила она съ легкой досадой.

— Вы нисколько и не утратите ее, возразилъ баронъ.

— Увидимъ! отвѣчала, вздохнувъ, Анна Юрьевна и вскорѣ потомъ ушла на верхъ въ свой будуаръ, гдѣ продолжала быть задумчивою и какъ-бы соображающей что-то такое. Баронъ, напротивъ, оставшись одинъ, предался самымъ пріятнымъ соображеніямъ: Анна Юрьевна, конечно, передастъ ему при жизни довольно порядочную долю своего состоянія; такимъ образомъ жизнь его устроится никакъ не хуже того, еслибы онъ служилъ все это время и, положимъ, дослужился бы даже, что почти невѣроятно, до министровъ; но что же изъ этого? Чтобы долго удержаться на этомъ щекотливомъ и отвѣтственномъ посту, надобно было имѣть или особенно сильныя связи, или какія нибудь необыкновенныя, геніальныя способности; но у барона, какъ и самъ онъ сознавалъ, не было ни того, ни другаго; а потому онъ очень хорошо понималъ, что въ концѣ концевъ очутится членомъ государственнаго совѣта, т. е., станетъ получать весь-

Digitized by Google

на ограниченное содержаніе. Безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ больше бы удовлетворилось его самолюбіе и онъ бы больше стяжалъ въ жизни почестей. «Но. если здраво разсмотрѣть, что такое въ сущности всѣ эти мундиры шитые, кресты, ленты и даже чины?.. Одна только мишура и громкія слова»! философствовалъ баронъ. Кромѣ того, идя по служебному пути, онъ не скопилъ бы тридцати тысченокъ, которыя теперь покоились у него въ карманѣ и которыя онъ, продолжая управлять имѣніемъ Анны Юрьевны, надѣялся еще увеличить, не было бы впереди этого огромнаго наслѣдства, которое она обѣщалась завѣщать ему. Конечно, какъ женщина, Анна Юрьевна была не совсѣмъ привлекательна. «Но нельзя же, чтобы въ женѣ соединялись всѣ достоинства!» утѣшалъ себя и въ этомъ случаѣ баронъ.

Часамъ къ восьми вечера богатый домъ Анны Юрьевна былъ почти весь освѣщенъ. Баронъ, франтовато одѣтый, пришелъ изъ своего низу и, съ гордымъ, самодовольнымъ видомъ, началъ расхаживать по всѣмъ параднымъ комнатамъ. Онъ на этотъ разъ какъ-то болѣе обыкновеннаго строго относился къ проходившимъ взадъ и впередъ лакеямъ, приказывая имъ то лампу поправить, то стереть тутъ и тамъ пыль,—словомъ, замѣтно начиналъ чувствовать себя нѣкоторымъ образомъ хозяиномъ всей этой роскоши.

Вскорѣ пріѣхали князь и Елена. Анна Юрьевна только передъ самымъ ихъ появленіемъ успѣла окончить свой туалетъ и вышла изъ своей уборной. Вслѣдъ за княземъ пріѣхалъ и Жуквичъ.

— Здравствуйте, здравствуйте! говорила Анна Юрьевна, пожимая всѣмъ имъ руки.—Пойдемъ, однако, князь, со мной на минуту,—мнѣ нужно переговорить съ тобой два, три слова! присовокупила она и, взявъ князя подъ руку, увела его съ собой въ свой будуаръ.

Баронъ догадался, что разговоръ между ними будетъ происходить о предстоящей свадьбѣ, а потому тихими шагами тоже пошелъ за ними. Комнаты въ домѣ Анны Юрьевны были расположены такимъ образомъ: прямо изъ залы большая гостиная, гдѣ остались вдвоемъ Жуквичъ и Елена; затѣмъ малая гостиная, куда войдя, баронъ остановился и сталъ прислушиваться къ начинаемуся въ будуарѣ разговору между княземъ и Анной Юрьевной.

Digitized by Google

— Ты знаешь, начала она, какъ только они усѣлись:—я замужъ выхожу?

— Вы?.. Но за кого же?.. спросилъ князь удивленнымъ голосомъ.

— Конечно за барона! отвѣчала Анна Юрьевна.

— Зачѣмъ вамъ это понадобилось? продолжалъ князь.

— Онъ присталъ; онъ этого требуетъ!

— А, вотъ что! произнесъ князь, почесавъ у себя за ухомъ.

— Говоритъ, что его положеніе въ обществѣ неприлично. И точно что,—самъ согласись,—оно не совсѣмъ ловкое.

— Онъ это положеніе, я думаю, прежде бы долженъ былъ предвидѣть, замѣтилъ князь.

— Да; но оно сдѣлалось теперь ему невыносимымъ.

Князь сомнительно усмѣхнулся.

— Я хотѣла тебя спросить объ одномъ, присовокупила Анна Юрьевна:—не золъ ли онъ очень? Можетъ быть, онъ скрываетъ отъ меня это... Tu le connais de longue date; c'est ton ami.

При этомъ вопросѣ Анны Юрьевны, баронъ весь превратился въ слухѣ.

— Нѣтъ, не золъ! отвѣчалъ князь протяжно.

— А что же онъ? спросила Анна Юрьевна, понявъ, что князь тутъ кое-чего не договариваетъ.

— По моему, во первыхъ, онъ пустъ, а потомъ подловатъ немного,—извините, что я такъ выражаюсь! заключилъ князь.

— Ничего! отвѣчала Анна Юрьевна.

Баронъ невольно даже отшатнулся отъ драпировки, къ которой приложилъ свое ухо.

— Это-то ничего! продолжала Анна Юрьевна;—но я боюсь, чтобы онъ капризничать, командовать надо мной не сталъ очень.

— Вы сами ему не поддавайтесь! возразилъ ей князь.

— Я не поддамся, конечно.... Я помню, какъ и тотъ мой мужъ вздумалъ было на меня кричать, что я долго одѣваюсь на балъ, я взяла да банкой съ духами и пустила ему въ лице; но все же непріятно имѣть въ домѣ бури, особенно на старости лѣтъ....

— Но отчего баронъ такъ вдругъ вздумалъ требовать вашей руки?... Отъ ревности, что ли? спросилъ князь, слегка усмѣхаясь.

— C'est possible!.. je n'en sais rien! отвѣчала, усмѣхнувшись, Анна Юрьевна, и требуетъ еще, чтобъ я, выйдя за него, отдала ему часть моего состоянія.

Digitized by Google

— Состоянія, однако, требуетъ?... Не дуракъ, значитъ, онъ.

— Какой дуракъ!... Онъ очень умный и расчетливый человѣкъ, но это Богъ съ нимъ! Я ему дамъ; а главное, скажи, какъ по нашимъ законамъ: могу я всегда отдѣлаться отъ него?...

— Почему же не можете?... Можете!

— Par consiquens tu m'en courage! заключила Анна Юрьевна.

Князь нѣкоторое время подумалъ.

— Ничего особеннаго не имѣю сказать противъ того! проговорилъ онъ наконецъ. Его въ это время, впрочемъ, занимала больше собственная, довольно безпокойная мысль. Ему пришло въ голову, что баронъ могъ уйти куда нибудь изъ гостиной и оставить Жуквича съ Еленой съ глазу на глазъ, чего князь вовсе не желалъ.

— Итакъ все? сказалъ онъ, вставая.

— Все! отвѣчала Анна Юрьевна.

Баронъ въ эту минуту юркнулъ, но не въ большую гостиную, а черезъ маленькую дверь во внутреннія комнаты. Не смотря на причиненную ему досаду тѣмъ, что тутъ говорилось про него, онъ однако былъ доволенъ, что подслушалъ этотъ разговоръ, изъ котораго узналъ о себѣ мнѣніе князя, а также отчасти и мнѣніе Анны Юрьевны, соображаясь съ которымъ, онъ рѣшился впередъ дѣйствовать съ нею.

Князь не даромъ безпокоился: у Елены съ Жуквичемъ, въ самомъ дѣлѣ, происходилъ весьма интимный разговоръ. Какъ только остались они вдвоемъ въ гостиной, Елена сейчасъ же обратилась къ Жуквичу:

— Вы, однако, не дочитали мнѣ письма, которое вчера получили.

— Я-жъ его привезъ сюда! отвѣчалъ Жуквичъ и, вынувъ изъ кармана письмо, подалъ его Еленѣ.

Елена принялась читать письмо, а Жуквичъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, съ цѣлью, кажется, наблюдать, чтобы не вошелъ кто нечаянно.

Елена, дочитавъ письмо, измѣнилась даже вся въ лицѣ.

— Это ужасно! произнесла она.

Жуквичъ молча принялъ отъ нея письмо и положилъ его снова въ карманъ: грусть и почти скорбь отражались въ глазахъ его.

— Надобно какъ можно скорѣе пособить имъ, сказала Елена стремительно.

— А чѣмъ?... возразилъ ей печальнымъ голосомъ Жуквичъ.— У меня-жъ ничего нѣтъ: все взято и отнято правительствомъ!

Digitized by Google

— У меня тоже рѣшительно ничего нѣтъ, подхватила Елена, смотря себѣ на гутаперчевые браслеты, и готовая, кажется, ихъ продать. Но вотъ чего я не понимаю, продолжала она:—какимъ образомъ было имъ эмигрировать, не взявъ и не захвативъ съ собой ничего?

— Однимъ нечего было захватить, отвѣчалъ съ грустною улыбкой Жуквичъ,—другіе-жъ не успѣли.

— Въ такомъ случаѣ я лучше бы осталась дома и никуда не пошла!

— Да; но человѣку жить желается,—его-жъ инстинктъ влечетъ къ тому; остаться значило—навѣрное быть повѣшену.

— Потомъ еще, допытывалась Елена,—они жили до сихъ поръ!.. Этому уже лѣтъ пять прошло, какъ они эмигрировали; но отчего они вдругъ всѣ разорились?

— О, тому причина большая есть!... подхватилъ Жуквичъ:—до послѣдняго времени правительство французское много поддерживало.... въ Англіи тоже цѣлыя общества помогали, въ Германіи даже....

— А теперь, что же, они прекратили эту помощь?

Жуквичъ грустно склонилъ при этомъ свою голову.

— Теперь прекратили!... Прусско-австрійская война какъ будто-жъ всему міру перевернула голову на изнанку; забыли-жъ всякій долгъ, всякую обязанность къ другимъ людямъ; всѣмъ стало до себя только!...

— Ужасно! повторила еще разъ Елена.—Нельзя ли въ Москвѣ составить подписку въ пользу ихъ?... Я почти увѣрена, что многіе подпишутся.

— Въ Москвѣ-жъ ... подписку въ пользу польскихъ эмигрантовъ!.. Что вы, панна Жиглинская! почти воскликнулъ Жуквичъ.

Елена сама поняла всю несбыточность своего предположенія.

— Въ такомъ случаѣ, составьте подписку только между поляками московскими,—тѣ должны отдать все; я хоть полупольска какая-то, но покажу имъ примѣръ: я отдамъ всѣ мои платья, всѣ мои вещи, всѣ мои книги!

— И все это будетъ такая-жъ крупица въ морѣ, произнесъ Жуквичъ.—Вы прочтите: двѣсти семействъ безъ платья, безъ крова, безъ хлѣба!.. У Жуквича при этомъ даже слезы выступили на глазахъ; у Елены тоже онѣ искрились на ея черныхъ зрачкахъ.

— Ну, такъ вотъ что! начала она:—я просто скажу князю, чтобы онъ послалъ туда сколько только можетъ!

Digitized by Google

— О, нѣтъ, нѣтъ!... опять воскликнулъ Жуквичъ, кивая отрицательно головой.—Вы-жъ не знаете, какой князь заклятый врагъ поляковъ.

— Тутъ дѣло не въ полякахъ, отвѣчала Елена,—а въ угнетенныхъ. въ несчастныхъ людяхъ. Кромѣ того, я не думаю, чтобъ онъ и противъ поляковъ имѣлъ что нибудь особенное.

— Противъ-жъ поляковъ онъ имѣетъ!... Я могу вамъ доказать это ясно, какъ Божій день, изъ его заграничной жизни.

— Пожалуйста, я никогда ничего подобнаго отъ него не слыхала! проговорила Елена съ замѣтнымъ любопытствомъ.

Жуквичъ нѣкоторое время медлилъ и какъ-бы собирался съ мыслями.

— Это было-жъ въ Лондонѣ, началъ онъ, замѣтно приготовляясь къ длинному расказу.—Я-жъ самъ, къ сожалѣнію, былъ виновникомъ тому, что произошло.... Былъ митингъ въ пользу поляковъ въ одной тавернѣ!... Возстаніе польское тѣмъ временемъ лишь началось.... Я только прибылъ изъ Польши и, какъ живой свидѣтель, подъ вліяніемъ не остывшихъ впечатлѣній, сталъ расказывать о томъ, какъ наши польскія дамы не совсѣмъ, можетъ, вѣжливо относятся къ русскимъ офицерамъ.... какъ потомъ были захвачены въ казармахъ солдаты и всѣ уничтожены.... Вдругъ князь, который былъ тутъ же, вскакиваетъ... Я передаю-жъ вамъ, нисколько не преувеличивая и не прикрашивая это событіе: онъ былъ блѣденъ, какъ листъ бумаги!... Голосъ его былъ это-жъ голосъ звѣря разъяреннаго. «Если-жъ, говоритъ, вы такъ поступаете съ нашими, ни въ чемъ не виноватыми солдатами, то клянусь вамъ честью, что я самъ съ перваго-жъ изъ васъ сдеру съ живаго шкуру!» Можете себѣ представить ужасъ и удивленіе всего собранія. Друзья князя стали было его укорять и уговаривать, чтобы онъ просилъ извиненья; онъ-жъ никого не слушаетъ и только кричитъ: «пусть, говоритъ, идутъ со мной-жъ на дуель, кто обиженъ мною!»,—и его принуждены были почти силой попросить удалиться....

Елена слушала Жуквича съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ: она хоть знала нерасположеніе князя къ полякамъ, но все-таки не ожидала, чтобы онъ могъ дойти до подобной дикой выходки.

— Это, можетъ быть, тогда произошло подъ вліяніемъ какой нибудь случайной минуты, но теперь, я надѣюсь, этого не повторится, проговорила она.

— Вы думаете-жъ? спросилъ ее Жуквичъ.

Digitized by Google

— Совершенно увѣрена въ томъ! отвѣчала Елена.

— Развѣ-жъ красота женская способна такъ измѣнить человѣка?.. сказалъ, пожимая плечами, Жуквичъ.—А я-жъ полагаю, что князь мнѣ будетъ даже мстить, что я передалъ вамъ о положеніи моихъ несчастныхъ собратовъ.

— Но чѣмъ онъ можетъ мстить вамъ?... Не доносъ же онъ на васъ сдѣлаетъ, возразила ему Елена, уже обидѣвшись за князя.

Разговоръ ихъ при этомъ долженъ былъ прекратиться, потому что въ гостиную вошли Анна Юрьевна и князь. Сей послѣдній, какъ только взглянулъ на Елену, такъ сейчасъ догадался, что между ею и Жуквичемъ происходила весьма одушевленная и замѣтно взволновавшая ихъ обоихъ бесѣда. Такое открытіе, разумѣется, не могло быть ему пріятнымъ и придало ему тревожный и обезпокоенный видъ. Анна Юрьевна тоже явилась какая-то все еще растроенная, да и баронъ, вскорѣ пришедшій, никакъ не могъ скрыть непріязни, которая родилась у него противъ князя за его отзывъ о немъ. Вечеръ, вслѣдствіе всего этого, началъ тянуться весьма неодушевленно, и даже превосходнѣйшимъ образомъ приготовленное мороженое никого не развлекло: хозяева и гости очень были рады, когда приличіе позволило симъ послѣднимъ двинуться по домамъ.

Князя до того мучила замѣчаемая имъ интимность между Еленой и Жуквичемъ, что онъ, ѣдучи въ каретѣ съ нею, не утерпѣлъ и сказалъ ей:

— Когда я вчера возвратился домой по утру и входилъ въ гостиную, то случайно, конечно, видѣлъ въ зеркало, что Жуквичъ вамъ читалъ какое-то письмо.

— Да, читалъ! отвѣчала Елена, нисколько не смутившись.

— Но отъ кого же это письмо и какого рода? спросилъ князь.

— Объ этомъ много говорить надобно, а я сегодня слишкомъ утомлена для того.

— Но вы, однако, мнѣ скажете это?

— Непремѣнно, отвѣчала Елена.

У князя точо камень спалъ съ души.

— А когда именно скажете? присовокупилъ онъ.

— Завтра, вѣроятно! отвѣчала Елена.

Она хотѣла прежде обдумать хорошенько, съ чего ей начать и какъ лучше подѣйствовать на князя, который, съ своей стороны, убѣдясь, что между Еленой и Жуквичемъ начались не сердечныя отношенія, а, вѣроятно, какія нибудь политическія,

Digitized by Google

предположилъ по этому поводу поговорить съ Еленой серьезно.

IV.

На другой день князь Григоровъ совершенно неожиданно получилъ письмо съ заграничнымъ штемпелемъ. Адресъ былъ написанъ незнакомой ему рукою. Какъ-бы заранѣе предчувствуя что-то недоброе, князь, съ нѣкоторымъ страхомъ, распечаталъ это письмо и прочелъ его. Оно было отъ госпожи Петицкой и нѣсколько загадочнаго содержанія. «Извините, князь,—писала она,—что я безпокою васъ; но счастіе и спокойствіе вашей супруги заставляютъ меня это дѣлать. Извѣстный вамъ человѣкъ, который преслѣдуетъ княгиню всюду за границей, позволяетъ себѣ то, чего я вообразить себѣ никогда не могла: онъ каждодневно бываетъ у насъ и иногда въ весьма непривлекательномъ, пьяномъ видѣ; каждоминутно говоритъ княгинѣ колкости и дерзости; она при немъ не знаетъ какъ себя держать, куда глядѣть и что говорить. Я нѣсколько разъ умоляла ее сбросить съ себя эту ужасную ферулу; но она, какъ-бы очарованная чарами этого демона, слышать объ этомъ не хочетъ и совершенно убѣждена, что онъ тѣмъ только существуетъ на свѣтѣ, что можетъ видѣть ее. Вашъ совѣтъ и ваше слово, я увѣрена въ томъ, могущественнѣе всего подѣйствуютъ на княгиню. Она до сихъ поръ сохранила еще къ вамъ самое глубокое уваженіе и самую искреннюю признательность; а ваша доброта, конечно, подскажетъ вамъ не оставлять совершенно въ безпомощномъ состояніи бѣдной жертвы въ рукахъ тирана, тѣмъ болѣе, что здоровье княгини таетъ съ каждымъ днемъ и я даже опасаюсь за ея жизнь».

Письмо это очень встревожило князя. Онъ порывисто и сильно позвонилъ.

Вбѣжалъ лакей.

— Позови сюда скорѣе Елену Николаевну! сказалъ князь, забывъ совершенно, что такое безпокойство его о женѣ можетъ не понравиться Еленѣ, и что она въ этомъ случаѣ будетъ ему плохая совѣтница. Елена, когда ее позвали къ князю, непремѣнно полагала, что онъ будетъ говорить съ нею о Жуквичѣ, а потому, съ своей стороны, вошла къ нему въ кабинетъ тоже въ не совсѣмъ спокойномъ состояніи, но впрочемъ съ рѣшительнымъ и смѣлымъ видомъ.

Digitized by Google

— Посмотри, что мнѣ пишутъ изъ-за границы! сказалъ князь, подавая Еленѣ письмо Петицкой.

Елена поспѣшила прочесть его.

— Что же изъ этого? спросила она совершенно равнодушнымъ голосомъ князя.

— Ничего изъ этого! отвѣчалъ онъ:—только господинъ этотъ можетъ уморить княгиню,—больше ничего!

— Это очень бы, конечно, было жаль! сказала Елена протяжно и, будучи совершенно убѣждена, что Петицкая отъ перваго до послѣдняго слова налгала все, она присовокупила:—изъ этого письма я вовсе не вижу такой близкой опасности, особенно если принять въ расчетъ, кѣмъ оно писано.

— Оно писано женщиной, очень хорошо знающей настоящую жизнь Миклакова и княгини, отвѣчалъ князь.

— Но ты забылъ, что эта женщина—врунья, сплетница, завистница! перечисляла качества Петицкой Елена.

— Все это, можетъ быть, справедливо! согласился князь,—но тутъ-то она не имѣетъ никакой цѣли ни лгать, ни выдумывать.

— Цѣль ея, вѣроятно, заключается въ ея гадкой и скверной натуришкѣ, жаждущей дѣлать гадости и подлости на каждомъ шагу.

— Что Миклаковъ золъ, желченъ и пьяница—это и я знаю безъ госпожи Петицкой!... возразилъ князь.

— И я тоже это знаю, подтвердила Елена,—но въ то же время убѣждена, что, при всѣхъ своихъ дурныхъ качествахъ, онъ не станетъ никакой въ мірѣ женщины мучить и оскорблять.

— Это только твои предположенія, которыя надобно еще доказать.

— Доказать это, по-моему, очень не трудно, отвѣчала, подумавъ, Елена.—Пошли за Жуквичемъ и распроси его: онъ очень еще недавно, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, каждодневно видался съ княгиней и съ Миклаковымъ, и я даже спрашивала у него: хорошо ли все у нихъ идетъ?

— Что-жь онъ тебѣ сказалъ на это? перебилъ ее стремительно князь.

— Сказалъ, что все у нихъ очень мирно.

— Что еще потомъ онъ тебѣ говорилъ объ этомъ?

— Да я не распрашивала его особенно много... Пошли, я тебѣ говорю, за нимъ и самъ распроси его.

Князь размышлялъ нѣкоторое время.

Digitized by Google

— Тутъ одно неудобство—совершенно посторонняго человѣка посвящать въ подобныя интимныя вещи... проговорилъ онъ.

— Какія же это интимныя вещи, о которыхъ всѣ, я думаю, знаютъ? возразила Елена.

Князь еще однако подумалъ немного; потомъ, видно, рѣшившись, довольно сильно позвонилъ. Явился лакей.

— Поди къ господину Жуквичу, началъ онъ приказывать лакею, и при этомъ назвалъ улицу и гостиницу, гдѣ жилъ Жуквичъ,—и покорнѣйше попроси его пожаловать ко мнѣ, такъ какъ мнѣ нужно его видѣть по весьма важному дѣлу.

У Елены, въ продолженіи этого разговора, все больше и больше начинало появляться въ лицѣ грустно-насмѣшливаго выраженія. Участіе князя къ женѣ и на этотъ разъ болѣзненно кольнуло ее въ сердце: какъ она ни старалась это скрыть, но не могла совладѣть съ собой и проговорила:

— Я еще тогда, какъ княгиня взяла только Петицкую съ собою за границу, говорила, что та будетъ ссорить ее съ Миклаковымъ, и даже предсказывала, что княгиня, вслѣдствіе этого, опять вернется къ тебѣ.

Князь на это промолчалъ.

— Ты тогда увѣрялъ, продолжала Елена,—что это нисколько не будетъ до тебя касаться; но я говорила, что это неправда и что это будетъ тебя касаться,—оказалось, что и въ этомъ я не ошиблась.

Князь и на это ни слова не сказалъ. Елена тоже не стала развивать далѣе своей мысли, не желая очень раздражать князя, такъ какъ предполагала, не откладывая времени, начать съ нимъ разговоръ по поводу своего желанія помочь польскимъ эмигрантамъ.

Жуквичъ не замедлилъ явиться.

Князь встрѣтилъ его самымъ дружественнымъ образомъ.

— Садитесь, пожалуйста! говорилъ онъ, пододвигая ему стулъ.

Жуквичъ принялъ всю эту любезность князя съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и кидаемыми на Елену бѣглыми взглядами какъ-бы спрашивалъ ее, что это значитъ?

Князь, впрочемъ, самъ вскорѣ разрѣшилъ его сомнѣнія.

— У меня просьба къ вамъ есть.... началъ онъ, и лицо его мгновенно при этомъ покрылось румянцемъ.—Вы, можетъ быть, слышали.... что я.... собственно.... въ разводѣ съ женой и что она даже.... уѣхала за границу съ однимъ господиномъ. И вдругъ теперь я.... получаю изъ Парижа, куда они переѣхали,

Digitized by Google

письмо.... которымъ.... увѣдомляютъ меня, что княгиня до такой степени несчастлива по милости этого человѣка, что въ конецъ даже растроила свое здоровье... Вы видѣли отчасти ихъ жизнь: скажите, правда это, или нѣтъ?

На вопросъ этотъ Жуквичъ довольно продолжительное время медлилъ отвѣтомъ: онъ, видимо, соображалъ, въ какомъ тонѣ ему говорить, и Елена, замѣтившая это, поспѣшила ему помочь.

— Вы замѣтьте, что князю объ этомъ пишетъ госпожа Петицкая, сказала она.

— А, госпожа Петицкая!.. повторилъ, съ улыбкою, Жуквичъ.

— Но вотъ вы мнѣ говорили, что, напротивъ, между княгиней и Миклаковымъ все хорошо идетъ, продолжала Елена.

— О да!... Совершенно-жъ хорошо! подхватилъ Жуквичъ полнымъ уже голосомъ.

— И какъ на видъ княгиня—весела?.. здорова?... покойна? вмѣшался въ ихъ разговоръ князь.

— По-моему-жъ весела и здорова, подтвердилъ, пожимая плечами, Жуквичъ.

— Я и не понимаю послѣ этого ничего!.. произнесъ князь.—А вотъ еще одинъ вопросъ, присовокупилъ онъ, помолчавъ немного.— Я буду съ вами говорить вполнѣ откровенно: Миклаковъ этотъ— человѣкъ очень умный, очень честный; но онъ въ жизни перенесъ много неудачъ и потому, кажется, имѣетъ несчастную привычку къ вину... Какъ онъ теперь—предается этому, или нѣтъ?

— О, да нѣтъ-жъ!... Нисколько!... воскликнулъ Жуквичъ.

— Но, можетъ быть, этого не было въ Германіи, а возобновилось въ Парижѣ?

— Я-жъ того не знаю, отвѣчалъ Жуквичъ, опять пожимая плечами и какъ-бы начиная скучать такими распросами.

Еленѣ тоже они замѣтно не нравились.

— Чѣмъ тебѣ обижать заранѣе человѣка такими предположеніями, ты лучше напиши къ кому нибудь изъ твоихъ знакомыхъ въ Парижѣ,—пусть они провѣрятъ на мѣстѣ письмо госпожи Петицкой, сказала она.

— У меня въ Парижѣ рѣшительно никого нѣтъ знакомыхъ! возразилъ ей князь.

При послѣднихъ словахъ князя, лицо Жуквича приняло какое-то соображающее выраженіе.

— У меня-жъ много въ Парижѣ знакомыхъ. Не поручите ли вы мнѣ это дѣло исполнить? произнесъ онъ.

Digitized by Google

— Но какимъ образомъ ваши знакомые могутъ провѣрить это? спросилъ его князь.

— Очень просто-жъ это! Я съ мѣсяцъ лишь рекомендовалъ черезъ письмо одного моего знакомаго княгинѣ и Миклакову. Онъ былъ ими очень обласканъ и бываетъ у нихъ часто,—чего-жъ удобнѣе какъ не ему наблюсти надъ всѣмъ? Я ему-жъ телеграфирую о томъ, и онъ мнѣ телеграфируетъ...

— Это, значитъ, еще третьяго человѣка посвящать въ эту тайну! проговорилъ князь, относясь больше къ Еленѣ.

— Да не вы-жъ его будете посвящать, а я! подхватилъ Жуквичъ.

— Но вамъ-то съ какой стати посвящать его въ это и заботиться о княгинѣ?

Жуквичъ при этомъ грустно усмѣхнулся и склонилъ свою голову.

— Мы-жъ, поляки, часто, по нашему политическому положенію, интересуемся и спрашиваемъ другъ друга о самыхъ, казалось бы, ненужныхъ и постороннихъ намъ людяхъ и вещахъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, не откажите и сдѣлайте мнѣ это одолженіе! проговорилъ князь и вмѣстѣ съ тѣмъ протянулъ Жуквичу руку.

— О, съ великимъ удовольствіемъ! воскликнулъ тотъ, замѣтно обрадованный просьбой князя, и, принимая его руку въ обѣ свои руки, крѣпко пожималъ ее.

— Но ты самъ потомъ долженъ будешь заплатить господину Жуквичу какимъ нибудь одолженіемъ, пошутила князю Елена.

— Если только это будетъ въ моей возможности, отвѣчалъ онъ ей серьезно.

— Мнѣ, вѣроятно-жъ, будетъ заплачено больше, чѣмъ я стою того!... Вѣроятно!... подхватилъ Жуквичъ шутливымъ тономъ. Затѣмъ онъ вскорѣ сталъ прощаться, говоря, что сейчасъ идетъ отправлять телеграму.

Князь еще разъ искренно поблагодарилъ его; когда, наконецъ, Жуквичъ совсѣмъ пошелъ, то Елена вдругъ быстро поднялась съ своего мѣста и, побѣжавъ вслѣдъ за нимъ, нагнала его въ передней.

— Послушайте, начала она торопливо, но тихо,—въ самомъ дѣлѣ у Миклакова съ княгиней мирно идетъ?

Жуквичъ въ отвѣтъ на это пожалъ только плечами.

Digitized by Google

— И княгиня дѣйствительно весела? продолжала Елена.

— Ну, не очень... особенно по временамъ, произнесъ наконецъ Жуквичъ.

— А Миклаковъ не кутитъ никогда?

— И того-жъ нельзя сказать утвердительно. Я видалъ его иногда въ очень bon courage!

— Но все-таки, какъ вы полагаете, во всемъ этомъ ничего нѣтъ особенно серьезнаго? говорила Елена.

— Серьезнаго-жъ нѣтъ ничего! подтвердилъ Жуквичъ, очень хорошо понявшій, что Елена желаетъ, чтобы ничего серьезнаго не было.

— Я васъ потому спрашиваю, продолжала она, что вы посмотрите, какъ это взволновало и встревожило князя; но что будетъ съ нимъ, если это еще правда окажется!

— Да, къ крайнему-жъ моему удивленію, я вижу, что онъ очень встревоженъ, произнесъ неторопливо Жуквичъ.

— Ужасъ что такое!.. Ужасъ! подхватила Елена.—И каково мое положеніе въ этомъ случаѣ: онъ волнуется, страдаетъ о другой; а я мало-что обречена все это выслушивать, но еще должна успокоивать его.

Жуквичъ на это грустно только склонилъ голову и хотѣлъ было что-то такое сказать, но пріостановился, такъ какъ въ это время въ залѣ послышались тяжелые шаги. Елена тоже прислушалась къ этимъ шагамъ и, очень хорошо узнавъ по нимъ походку князя, громко проговорила:

— Прощайте, панъ Жуквичъ.

— Прощайте, панна Жиглинская! отвѣчалъ онъ въ свою очередь, угадавъ ея намѣреніе.

Князь, въ самомъ дѣлѣ, вышелъ изъ кабинета посмотрѣть, гдѣ Елена, и ожидая, что она разговариваетъ съ Жуквичемъ, хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, по выраженію лица ея, угадать, о чемъ именно.

На другой же день къ вечеру Жуквичъ прислалъ съ своимъ человѣкомъ къ князю полученную имъ изъ Парижа отвѣтную телеграму, которую Жуквичъ даже не распечаталъ самъ. Лакей его, бравый изъ себя малый, съ длинными усищами, съ глазами на выкатѣ и тоже, должно быть, полякъ, никакъ не хотѣлъ телеграмы этой отдать въ руки людямъ князя и требовалъ, чтобы его допу-

Digitized by Google

стили до самого пана. Тѣ провели его въ кабинетъ къ князю, гдѣ въ то время сидѣла и Елена.

— Телеграма, ясновельможный панъ! крикнулъ полякъ и, почти маршемъ подойдя къ князю, подалъ ему телеграму, а потомъ, тѣмъ же маршемъ отступя назадъ, всталъ въ дверяхъ.

Князь сначала самъ прочелъ телеграму и затѣмъ передалъ ее Еленѣ, которая, пробѣжавъ ее, улыбнулась.

Телеграма гласила нижеслѣдующее: «Я бываю у княгини Григоровой и ничего подобнаго твоимъ подозрѣніямъ не видалъ. Миклаковъ, по обыкновенію, остритъ и недавно сказалъ, что французы исполнены абстрактнаго либерализма, а поляки абстрактнаго патріотизма; но первые не успѣли выработать у себя никакой свободы, а вторые не устроили себѣ никакого отечества. Княгиня же совершенно здорова и очень смѣялась при этомъ».

— Вотъ видишь, я тебѣ говорила, что все это вздоръ! произнесла Елена.

— Я очень радъ, конечно, тому, если только это правда! сказалъ князь.—Ну, теперь, любезный, ты можешь идти, отнесся онъ къ лакею.—Кланяйся господину Жуквичу и поблагодари его отъ меня; а тебѣ вотъ на водку!—и съ этими словами князь протянулъ лакею руку съ пятирублевой бумажкой. Тотъ, въ удивленіи отъ такой большой награды, еще болѣе выпучилъ свои на выкатѣ глаза.

— Много милостивы, ясновельможный панъ! опять крикнулъ онъ и, повернувшись послѣ того, по-солдатски, налѣво кругомъ, ушелъ. Хлопецъ сей, видно, еще издавна и заранѣе намуштрованъ, какъ держать себя передъ русскими.

Елена видѣла, что полученная телеграма очень успокоила князя, а потому, полагая, что онъ долженъ былъ почувствовать нѣкоторую благодарность къ Жуквичу хоть и за маленькую, но все-таки услугу со стороны того, сочла настоящую минуту весьма удобною начать разговоръ съ княземъ объ интересующемъ ее предметѣ.

Для бо́льшаго успѣха въ своемъ предпріятіи, Елена, не смотря на приврожденную ей откровенность и искренность, рѣшилась употребить нѣкоторыя обольщающія средства: цѣль, къ которой она стремилась, казалась ей такъ велика, что она считала позволительнымъ употребить для достиженія ея не совсѣмъ, можетъ быть, прямые пути, а именно: Елена сходила въ дѣтскую и, взявъ тамъ на руки маленькаго своего сына, возвратилась съ

Google

нимъ снова въ кабинетъ князя, усѣлась на диванѣ и начала съ ребенкомъ играть,—положеніе, въ которомъ князь, по преимуществу, любилъ ее видѣть. Она стала своему Колѣ дѣлать буки, и когда Елена подносила свою руку къ горлышку ребенка, онъ сейчасъ принимался хохотать, визжать; потомъ, когда она отводила свою руку, Коля только изподлобья посматривалъ на это; но Елена вдругъ снова обращала руку къ нему, и мальчикъ снова принимался визжать и хохотать, наконецъ до того наигрался и насмѣялся, что утомился и, прильнувъ головой къ груди матери, закрылъ глазки; тогда Елена начала его потихоньку качать на колѣняхъ и не громкимъ голосомъ напѣвать: «баю, баюшки, баю!» Ребенокъ вскорѣ совсѣмъ заснулъ. Елена, накрывъ сына легкимъ шарфомъ, который былъ на ней, не переставала его слегка укачивать. Князь съ полнымъ восторгомъ и умиленіемъ глядѣлъ на всю эту сцену; лицо же Елены, напротивъ, продолжало оставаться оттѣненнымъ серьезной мыслію.

— А у меня, Гриша, будетъ къ тебѣ просьба, начала она наконецъ.

— Ко мнѣ? спросилъ князь.

— Да!.. Вотъ въ чемъ дѣло: я, какъ ты самъ часто совершенно справедливо говорилъ, все-таки, по происхожденію моему, полячка... Отецъ мой, что бы тамъ про него ни говорили, былъ человѣкъ не дурной и, по-своему, образованный. Онъ, еще въ дѣтствѣ моемъ, очень много мнѣ расказывалъ изъ исторіи Польши и изъ частной жизни поляковъ, объ ихъ революціяхъ, ихъ герояхъ въ эти революціи. Все это неизгладимыми чертами запечатлѣлось въ моей памяти; но обстоятельства жизни моей и совершенно другіе интересы отвлекли меня, конечно, очень много отъ этихъ воспоминаній; вдругъ теперь этотъ Жуквичъ, къ которому ты, кажется, немного уже меня ревнуешь, прочелъ мнѣ на дняхъ письмо о несчастныхъ заграничныхъ польскихъ эмигрантахъ, которые мало что бѣдны, но мрутъ съ голоду,—пойми ты, Гриша, мрутъ съ голоду,—тогда какъ я, землячка ихъ, утопаю въ довольствѣ... Мнѣ просто сдѣлалось гадко и постыдно мое положеніе, и я не въ состояніи буду переносить его, если только ты... у меня въ этомъ случаѣ, ты самъ знаешь, нѣтъ ни на кого надежды кромѣ тебя... если ты не поможешь имъ...

Елена остановилась на минуту.

Князь молчалъ и только съ каждымъ словомъ ея все тяжелѣе и тяжелѣе сталъ переводить дыханіе.

Digitized by Google

— Ты не давай лучше мнѣ ничего, давай какъ можно меньше матери моей денегъ, которой я рѣшительно не знаю зачѣмъ ты столько даешь, продолжала Елена, замѣтивъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе, которое произвела ея просьба на князя,—но только въ этомъ случаѣ не откажи мнѣ. Ихъ, пишутъ, двѣсти семействъ; чтобъ они не умерли съ голоду и просуществовали мѣсяца два или три, покуда найдутъ себѣ какую нибудь работу, нужно, по крайней мѣрѣ, франковъ триста на каждое семейство,—всего выйдетъ шестьдесятъ тысячъ франковъ, то есть, какихъ нибудь тысячъ пятнадцать серебромъ на наши деньги. Пошли имъ эту сумму, и ты этимъ воздвигнешь незыблемый себѣ памятникъ въ ихъ сердцахъ...

Проговоря это, Елена замолчала.

Молчалъ, по прежнему, и князь нѣкоторое время; но гнѣвъ очень замѣтно, яркимъ и мрачнымъ блескомъ, горѣлъ въ его глазахъ.

— Я предчувствовалъ, что это будетъ! проговорилъ онъ, какъ бы больше самъ съ собой.—Нѣтъ, я не дамъ польскимъ эмигрантамъ ничего уже болѣе! присовокупилъ онъ затѣмъ, обращаясь къ Еленѣ.

Тогда красивыя черты лица Елены, въ свою очередь, тоже исказились гнѣвомъ.

— Отчего это? едва достало у ней силы выговорить.

— Оттого, что я довольно имъ давалъ, и документъ даже насчетъ этого нарочно сохранилъ, проговорилъ князь и, проворно вставъ съ своего мѣста, вынулъ изъ бюро пачку писемъ, взялъ одно изъ нихъ и развернулъ передъ глазами Елены.— На, прочти!.. присовокупилъ онъ, показывая на двѣ, на три строчки письма, въ которыхъ говорилось: «Вы, мой милый князь, рѣшительно нашъ второй Походяшевъ: вы такъ же нечаянно, какъ и онъ, подошли и шепнули, что отдаете въ пользу несчастныхъ польскихъ выходцевъ 400 тысячъ франковъ. Виватъ вамъ»!

— Но когда же это было? спросила Елена, удивленная этимъ открытіемъ

— Это было, когда я жилъ за границей, и за мое доброе дѣло господа, про которыхъ ты говоришь, что я незыблемый памятникъ могу соорудить себѣ въ сердцахъ ихъ, только что не палками выгнали меня изъ своего общества.

— Да, это я знаю. Но ты самъ подалъ поводъ къ тому, возразила Елена.

Digitized by Google

— Чѣмъ?... Чѣмъ? воскликнулъ князь, забывъ даже, что тутъ спалъ ребенокъ.

— Тѣмъ, что хотѣлъ какъ-то драть со всѣхъ кожу!

— А!... тебѣ ужь и про то доложено! произнесъ князь.—Ну, такъ узнай ты теперь и отъ меня: это слово мое было плодомъ долгаго моего терпѣнія... Эти люди, забывъ, что я ихъ облагодѣтельствовалъ, на каждомъ шагу послѣ того бранили при мнѣ русскихъ, говорили, что всѣ мы—идіоты, татары, способные составлять только *быдло*, и, наконецъ, стали съ восторгомъ расказывать, какъ они плюютъ нашимъ офицерамъ въ лицо, душатъ въ постеляхъ безоружныхъ нашихъ солдатъ. Скажи мнѣ: самому ярому члену конвента, который, можетъ быть, снялъ головы на гильотинѣ съ нѣсколькихъ тысячъ французовъ, смѣлъ ли кто нибудь, когда нибудь сказать, что весь французскій народъ дрянь?..

— Поляки, по-твоему, возразила съ саркастическимъ смѣхомъ Елена,—могутъ и должны любить русскихъ и считать васъ народомъ добрымъ и великодушнымъ?

— Они могутъ насъ ненавидѣть и считать чѣмъ имъ угодно, но при мнѣ они не должны были говорить того!... проговорилъ князь.

— Ты, поэтому, твое чисто личное оскорбленіе, продолжала Елена тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ,—ставишь превыше возможности не дать умереть съ голоду сотнямъ людей?.. Послѣ этого ты, въ самомъ дѣлѣ, какой-то пустой и ничтожный человѣкъ! заключила она какъ-бы въ удивленіи.

— Къ этому имени я давно уже привыкъ. Ты не въ первый разъ меня имъ честишь, сказалъ князь, едва сдерживая себя.

— Но я тогда еще говорила подъ вліяніемъ ревности, а потому была, быть можетъ, не совсѣмъ права; но теперь я хочу сорвать съ тебя маску и спросить, что ты за человѣкъ?

При этихъ словахъ Елены ребенокъ, спавшій у ней на колѣняхъ, проснулся и заплакалъ.

— Няня, поди возьми его у меня! крикнула она стоявшей въ залѣ нянѣ и ожидавшей, когда ей отдадутъ барчика. Та вбѣжала. Елена почти бросила ей на руки ребенка; тотъ еще больше заплакалъ и сталъ тянуться къ матери, крича: «мама, мама»!

— Унеси его туда! крикнула она снова.

Няня поспѣшно унесла ребенка.

— Я тебя рѣшительно спрашиваю, продолжала Елена, обра-

Digitized by Google

щая свои гнѣвные взгляды на князя,—и требую сказать мнѣ, что ты за человѣкъ?

— Ну, это, кажется, не тебѣ судить, что я за человѣкъ! произнесъ князь, не менѣе ея взбѣшенный.—И хоть ты говоришь, что я притворный соціалистъ и демократъ, но въ этомъ совѣсть моя чиста: я сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ всѣ твои другіе безштатные новаторы.

— Но что ты такое сдѣлалъ?.. что?.. скажи!.. не унималась Елена.

— А вотъ что я сдѣлалъ! сказалъ сурово князь, — хоть про себя говорить нельзя, но есть оскорбленія и униженія, которыя заставляютъ человѣка забывать все... Я родился на свѣтъ облагодѣтельствованный настоящимъ порядкомъ вещей, но я изъ этого порядка не извлекъ для себя никакой личной выгоды: я не служилъ, я крестовъ и чиновъ никакихъ отъ правительства не получалъ, состоянія себѣ не скапливалъ, а напротивъ дѣлилъ его и буду еще дѣлить между многими, какъ умѣю; семейное гнѣздо мое разрушилъ, и какъ ни тяжело мнѣ это было, сгубилъ и извратилъ судьбу добрѣйшей и преданнѣйшей мнѣ женщины... Но чтобы космополитомъ окончательнымъ сдѣлаться и восторгаться тѣмъ, какъ разные западные господа придутъ и будутъ душить и губить мое отечество, это... извините!.. Я, не стыдясь и не скрываясь, говорю: я—русскій человѣкъ съ головы до ногъ, и никто не смѣй во мнѣ тронуть этого чувства моего, я его не принесу въ жертву ни для какихъ высшихъ благъ человѣчества!

Послѣднія слова князь произнесъ съ такимъ твердымъ и грознымъ одушевленіемъ, что Елена почти стала терять надежду переспорить его.

— Наконецъ, ты сама полячка, однако не ставишь себѣ этого въ обвиненіе! заключилъ князь.

— Но я на столько полячка, — пойми ты,—на сколько поляки угнетенный народъ, а на сторонѣ угнетенныхъ я всегда была и буду! возразила Елена.

— Нѣтъ, больше, больше!.. возразилъ ей, съ своей стороны, горячась, князь:—ты полячка по крови, также какъ и я русскій человѣкъ по крови; въ тебѣ, можетъ быть, течетъ кровь какого нибудь польскаго пана, сражавшагося на смерть съ какимъ нибудь изъ моихъ предковъ, княземъ Григоровымъ. Такія стычки и встрѣчи въ жизни не пропадаютъ потомъ въ потомствѣ безслѣдно!

Digitized by Google

— Ну да, какъ же, аристократическіе принципы... безъ нихъ мы шагу не можемъ сдѣлать! разсмѣялась злобно Елена и, отвернувшись отъ князя, стала глядѣть въ уголъ печи. На глазахъ ея искрились даже слезы отъ гнѣва.

У Елены оставался еще одинъ мотивъ для убѣжденія князя, который она не хотѣла было высказывать ему по самолюбію своему, говорившему ей, что князь самъ долженъ былъ это знать и чувствовать въ себѣ; какъ бы то ни было, однако Елена рѣшилась на этотъ разъ отложить въ сторону всякую гордость.

— Хоть тебѣ и тяжело оказать помощь полякамъ, что я отчасти понимаю, начала она,—но ты долженъ пересилить себя и сдѣлать это для меня, изъ любви своей ко мнѣ, и я въ этомъ случаѣ прямо ставлю испытаніе твоему чувству ко мнѣ: признаешь ты въ немъ силу и вліяніе надъ собой,—я буду вѣрить ему; а нѣтъ,—такъ ты и не говори мнѣ больше о немъ.

— Даже изъ любви къ тебѣ не могу этого сдѣлать! отвѣчалъ князь.

— Даже!.. Ну, смотри, не раскайся послѣ!.. произнесла Елена и, понимая, что убѣждать князя долѣе и даже угрожать ему было совершенно безполезно, она встала и ушла изъ кабинета. Вся ея походка при этомъ, всѣ движенія были движеніями разсвирѣпѣлой тигрицы: темпераментъ матери какъ-бы невольно высказывался въ эти минуты въ Еленѣ! Князь тоже остался подъ вліяніемъ сильнаго гнѣва. Онъ твердо былъ увѣренъ, что Елену поддулъ и настроилъ Жуквичъ, и не для того, чтобы добыть черезъ нее денегъ своимъ собратьямъ, а просто положить ихъ себѣ въ карманъ, благо въ Россіи много дураковъ, которые вѣрили его словамъ. Чтобы спасти себя на дальнѣйшее время отъ подобнаго господина, князь тутъ же написалъ и отправилъ къ нему не совсѣмъ ласковаго свойства письмецо: «Милостивый государь! такъ какъ вы, не смотря на короткое время появленія вашего въ моемъ домѣ, успѣли устроить въ немъ интригу, послѣдствіемъ которой я имѣлъ весьма непріятное для меня объясненіе съ Еленой Николаевной, то, чтобы не дать вамъ возможности приготовлять мнѣ сюрпризы такого рода, я прошу васъ не посѣщать больше моего дома; въ противномъ случаѣ я вынужденъ буду поступить съ вами весьма не гостепріимно».

Елена, между тѣмъ, прошла въ свою комнату и сѣла тамъ, гнѣвная и серьезная; мысли, точно облако зловѣщее, осѣнили ея молодое чело. Часа два, по крайней мѣрѣ, она пробыла

Digitized by Google

почти въ неподвижномъ положеніи; вдругъ къ ней вошла ея горничная.

— Барышня, начала она не громкимъ голосомъ,—человѣкъ вонъ этого Жуквича пришелъ къ вамъ и принесъ записочку.

— Ну, такъ давай ее мнѣ скорѣе! сказала Елена стремительно. Горничная подала ей записочку.

— Лакей-то не отдавалъ было; просилъ, чтобъ я къ вамъ его провела. Куда, я говорю, тебѣ, лупоглазому чорту, идти къ барышнѣ!.. Дай записочку-то... Я не съѣмъ ее!

Жуквичъ писалъ Еленѣ: «Я получилъ отъ князя очень грубый отказъ отъ дому: что такое у васъ произошло?.. Я, впрочемъ, вамъ напередъ предсказывалъ, что откровенность съ княземъ ни къ чему не можетъ повести доброму. Буду ли я когда нибудь и гдѣ именно имѣть счастіе встрѣтиться съ вами».

— Человѣкъ еще не ушелъ? спросила Елена горничную.

— Нѣтъ еще-съ! отвѣчала та,—дожидается отвѣта: «баринъ, говоритъ, такъ приказалъ»!

Елена написала очень коротко:

«Князь можетъ, сколько ему угодно, отказывать вамъ отъ дому: но видѣться съ вами мы будемъ; я сама буду ѣздить къ вамъ и проводить у васъ, если вы хотите, цѣлые вечера»!

Къ прежнему выраженію лица Елены прибавилась какая-то необыкновенная рѣшительность и какъ-бы насмѣшливость надъ своей судьбой и своимъ собственнымъ положеніемъ.

V.

Николя Оглоблинъ просыпался не ранѣе, какъ въ часъ по полудни. Въ одно утро, когда онъ еще валялся и нѣжился въ своей постелѣ, къ нему вошелъ его камердинеръ Севастьянъ.

— Вставайте-съ!.. Дама васъ тамъ какая-то спрашиваетъ, сказалъ онъ почти строго барину.

— Какая дама? спросилъ Николя съ небольшимъ удивленіемъ, но не безъ удовольствія,—а хорошенькая? прибавилъ онъ съ лукавствомъ.

— Да-съ, красивая, очень даже!.. отвѣчалъ Севастьянъ.

— Ну, такъ вели ее просить въ залу и давай мнѣ поскорѣй одѣться! затараторилъ Николя. Камердинеръ пріотворилъ дверь и крикнулъ другому лакею, не вдалекѣ стоявшему, чтобы тотъ просилъ даму въ залу, а самъ принялся помогать барину одѣвать-

Digitized by Google

ся. Николя очень скоро прифрантился и, войдя въ свой кабинетъ, велѣлъ даму просить къ себѣ. Его очень интересовало посмотрѣть, кто она такая была.... Вошла Елена и тутъ же сейчасъ пріостановилась на минуту, удивленная и пораженная убранствомъ кабинета Николи. Прежде всего Еленѣ кинулся въ глаза портретъ государя въ золотой рамѣ, а кругомъ его на красномъ сукнѣ, въ видѣ лучей, развѣшены были разнаго рода оружія: сабли, шашки, ружья и пистолеты. Въ одномъ изъ угловъ стояла электрическая машина. Еленѣ пришло въ голову, что не ударъ ли случился съ Николей, и онъ лечится электричествомъ; но машина собственно была куплена для больной бабушки Николи; когда же та умера, то Николя машину взялъ къ себѣ для такого употребленія: онъ угрозами и ласками зазывалъ въ свой кабинетъ лакеевъ и горничныхъ и упрашивалъ ихъ дотронуться до машины. Тѣ соглашались; машина ихъ щелкала; они вскрикивали и доставляли тѣмъ Николѣ несказанную радость. Въ другомъ углу кабинета стоялъ туалетный столикъ Николи, съ круглымъ серебрянымъ, какъ у женщинъ, зеркаломъ, весь уставленный флаконами съ духами, банками съ помадой, фиксатуарами, щетками и гребенками. Николя въ Онѣгинѣ прочиталъ описаніе кабинета денди и полагалъ, что такое убранство очень хорошо. Прямо надъ этимъ столомъ висѣлъ въ углу старинный и врядъ ли не чудотворный образъ казанской Божіей Матери, съ лампадкою передъ нимъ. Николя былъ очень богомоленъ и состоялъ даже въ своемъ приходѣ старостой церковнымъ. По третьей стѣнѣ шелъ огромный книжный шкафъ, съ верху до низу набитый французскими романами,—все это, какъ-бы для придачи общаго характера, было покрыто пылью и почти грязью. Николя, въ свою очередь, тоже очень удивился появленію Елены.

— Mademoiselle Жиглинская, васъ ли я вижу? говорилъ онъ, выпучивая свои бараньи глаза и протягивая къ ней обѣ руки.

— А я къ вамъ съ просьбой, Оглоблинъ, начала Елена, торопясь поскорѣе сѣсть. Она замѣтно была въ раздраженномъ и нервномъ состояніи.

Николя поспѣшилъ ей при этомъ пододвинуть кресло.

— Я одному моему коммисіонеру поручила разузнавать, нѣтъ ли свободныхъ мѣстъ женскихъ въ какихъ нибудь учрежденіяхъ, и онъ мнѣ сказалъ, что у отца вашего есть свободное мѣсто кастелянши!...

— Но для кого вамъ нужно это мѣсто? спросилъ Николя.

Digitized by Google

— Для себя!.. Я хочу занять его!.. отвѣчала Елена.

Николя еще больше вытаращилъ глаза свои.

— А какъ же князь-то? бухнулъ онъ прямо.

Елена при этомъ немного вспыхнула.

— Съ княземъ мы расходимся!.. проговорила она.

— Не можетъ быть! воскликнулъ Николя и захохоталъ своимъ глупымъ смѣхомъ.

Елена окончательно было сконфузилась, но постаралась снова овладѣть собой.

— Подите и скажите вашему отцу, чтобъ онъ далъ мнѣ это мѣсто! сказала она почти повелительно.

— Да, вѣдь, отецъ теперь въ присутствіи! прошепелявилъ Николя.

— Все равно... Вы къ нему въ присутствіе ступайте!.. Оно тутъ у васъ въ одномъ домѣ?..

— Тутъ, здѣсь!

Старикъ Оглоблинъ занималъ въ бельэтажѣ огромную казенную квартиру, а внизу у него было такъ называемое присутствіе его.

— Ну, такъ ступайте и непремѣнно выпросите мнѣ это мѣсто, настаивала Елена.

— A l'instant, mademoiselle! воскликнулъ Николя.—Онъ вообще никогда и никакой дамѣ не способенъ былъ отказать въ ея просьбѣ, а тутъ онъ сообразилъ еще и то, что, сдѣлавъ одолженіе Еленѣ, которая, по ея словамъ, расходится съ княземъ, онъ будетъ имѣть возможность за ней приволокнуться, а Елена очень и очень нравилась ему своею наружностью.

Комната, которую старикъ Оглоблинъ именовалъ присутствіемъ своимъ, была довольно большая и имѣла, какъ всякое присутствіе, столъ, накрытый краснымъ сукномъ, и зерцало.

Самъ старикъ Оглоблинъ, въ вицмундирѣ и весь осыпанный звѣздами и крестами, сидѣлъ за этимъ столомъ и помѣчалъ разложенныя передъ нимъ бумаги. Лицо у него хоть и было простоватое, но дышало однако гораздо большимъ благородствомъ, чѣмъ лицо сына; видно было, что человѣкъ этотъ выросъ и воспитался на французскихъ трюфеляхъ и благородныхъ виноградныхъ винахъ, тогда какъ въ наружности сына было что-то замоскворѣцкое, проглядывали мороженая осетрина и листовая настойка. Старикъ Оглоблинъ, въ молодости, служилъ въ кавалергардахъ и, конечно, во всю свою жизнь не унизилъ себя ни разу посѣщеніемъ какой нибудь гостиницы ниже Дюссо и Шевалье,

Digitized by Google

а Николя почти каждый вечеръ, послѣ театра, кутилъ въ Московскомъ трактирѣ. Придя на этотъ разъ къ отцу, онъ сначала заглянулъ въ присутствіе.

— Папа, можно къ вамъ? произнесъ онъ.

— Можно, войди, отвѣчалъ тотъ, оставляя на нѣкоторое время свои занятія.

Николя вошелъ, взялъ стулъ и сѣлъ противъ отца.

— Вы помните, папа, Жиглинскую, любовницу князя Григорова? началъ онъ.

— Какую такую любовницу? спросилъ старикъ, нѣсколько утратившій свѣжесть памяти.

— Ну, которую еще вмѣстѣ съ Анной Юрьевной выгнали изъ службы за то, вотъ, что она сдѣлалась въ извѣстномъ положеніи.

— Ахъ, да, помню! припомнилъ старикъ.

— И теперь она... Богъ ихъ тамъ знаетъ кто: князь ли, она ли ему, только дали другъ другу по подзатыльничку и разошлись... теперь она на бобахъ и осталась! заключилъ Николя и захохоталъ.

— На бобахъ!.. на бобахъ!... согласился, усмѣхаясь, старикъ,—что же ты-то тутъ зѣваешь? присовокупилъ онъ тономъ шутливой укоризны.

— Да что!.. Нѣтъ!.. она чудачка страшная!.. отвѣчалъ Николя, — теперь пришла и проситъ, чтобъ ей дали мѣсто кастелянши.

— Мѣсто?.. Кастелянши?.. повторилъ старикъ уже серьезно и какъ-бы дѣлая удареніе на каждомъ словѣ.

— Да, папа!.. дайте ей мѣсто!.. Мы этимъ чудесно насолимъ князю Григорову: пускай онъ не говоритъ, что Оглоблины дураки набитые.

— Да развѣ онъ говоритъ это? спросилъ старикъ, съ удивленіемъ взглянувъ на сына.

— Еще бы не говоритъ!.. Вездѣ говоритъ! отвѣчалъ Николя, впрочемъ, болѣе подозрѣвавшій, чѣмъ достовѣрно знавшій, что князь говоритъ это, и сказавшій отцу объ этомъ за тѣмъ, чтобы больше его вооружить противъ князя... Такъ что же, папа, дадите mademoiselle Жиглинской мѣсто? приставалъ онъ къ старику.

— Но прежде я долженъ посовѣтоваться съ Ѳеодосіемъ Иванычемъ! возразилъ ему тотъ.

Такого рода отвѣтъ Оглоблинъ давалъ обыкновенно на всѣ

Digitized by Google

просьбы, къ нему адресуемыя. Ѳеодосій Иванычъ былъ правитель дѣлъ его и хоть отъ природы былъ надѣленъ весьма малымъ умомъ, но съумѣлъ какъ-то себѣ выработать необыкновенно серьезный и почти глубокомысленный видъ. Начальника своего онъ больше всего обольщалъ и доказывалъ ему свое усердіе тѣмъ, что какъ только тотъ станетъ что нибудь приказывать ему съ извѣстными минами и жестами, такъ и Ѳеодосій Иванычъ начнетъ дѣлать точно такія же мины и жесты.

— Ну, такъ я, папа, сейчасъ позову вамъ его! проговорилъ Николя и бросился въ сосѣднюю комнату, гдѣ обыкновенно засѣдалъ Ѳеодосій Иванычъ.

Николя лучше, чѣмъ отецъ его, понималъ почтеннаго правителя дѣлъ и, догадываясь, что тотъ былъ дуракъ великій, нисколько съ нимъ не церемонился и даже, когда Ѳеодосій Иванычъ приходилъ къ нимъ обѣдать и, по обыкновенію своему, въ ожиданіи, пока сядутъ за столъ, ходилъ, понуривъ голову, взадъ и впередъ по залѣ, Николя вдругъ налеталъ на него, схватывалъ его за плечи и перепрыгивалъ ему черезъ голову: какъ гимнастъ, Николя былъ превосходный. Ѳеодосій Иванычъ только отстранялся при этомъ нѣсколько въ сторону, дѣлалъ удивленную мину и произносилъ: «Фу, ты, Господи Боже мой»! Въ настоящемъ случаѣ Николя тоже не сталъ съ нимъ деликатничать.

— Васъ папа проситъ, почти закричалъ онъ на него,—тамъ я хлопочу одну дѣвушку опредѣлить къ намъ въ кастелянши, и если вы отговорите папа, я васъ отдую за то, заключилъ Николя и показалъ кулакъ Ѳеодосію Иванычу.

— Да погодите еще отдувать-то! отвѣтилъ тотъ ему и пошелъ въ присутствіе. Николя послѣдовалъ за нимъ и сталъ въ присутствіи такимъ образомъ, что отцу было не видать его, а Ѳеодосій Иванычъ, напротивъ, очень хорошо его видѣлъ.

— У насъ... тамъ... есть... мѣсто кастелянши? началъ старикъ Оглоблинъ, принимая все болѣе и болѣе важный видъ.

— Есть!.. есть!.. есть!.. отвѣчалъ ему троекратно Ѳеодосій Иванычъ, тоже съ болѣе и болѣе усиливающеюся важностію.

— Николя проситъ... на это... мѣсто... помѣстить... одну... дѣвицу... Она тамъ ужь... служила... и потеряла... мѣсто!.. произнесъ, какъ-бы скандуя стихи, старикъ Оглоблинъ.

— Мѣсто!.. потеряла? повторилъ за нимъ и Ѳеодосій Иванычъ.

— Да!.. Можно ли намъ, поэтому... опредѣлить ее? продолжалъ, потрясая головой, старикъ Оглоблинъ.

Digitized by Google

Николя при этомъ держалъ кулакъ передъ глазами правителя дѣлъ.

— Отчего нельзя? Можно!... можно!.. отвѣчалъ тотъ, встряхивая тоже головой.

— Можно, значитъ! обратился послѣ того отецъ къ сыну.

— Ну, такъ я, папа, сейчасъ приведу къ вамъ ее, вскричалъ радостно Николя.

— Приведи! разрѣшилъ ему родитель.

Николя побѣжалъ за Еленой, а Ѳеодосій Иванычъ пріостался, чтобы дать начальнику совѣтъ.

— Вы бумаги-то у ней спросите, чтобы метрику и послужной списокъ мужа, либо отца, коли дѣвица, проговорилъ онъ, дѣлая, въ подражаніе старику Оглоблину, удареніе почти на каждомъ словѣ.

— Непремѣнно!.. непремѣнно!.. подхватилъ тотъ.

Ѳеодосій Иванычъ послѣ того ушелъ на свое мѣсто, а въ другія двери Николя ввелъ въ присутствіе Елену.

Старикъ Оглоблинъ исполнился даже удивленія, увидѣвъ передъ собою почти величественной наружности даму: во всѣхъ своихъ просительницахъ онъ привыкъ больше видѣть забитыхъ судьбою, слезливыхъ, слюнявыхъ.

Онъ привсталъ съ своего мѣста и, по свойственной всѣмъ начальникамъ манерѣ, оперся обѣими руками на столъ.

— Мой сынъ... говоритъ... началъ онъ, что вы .. желаете... занять... мѣсто... кастелянши?..

— Да, я очень желаю занять это мѣсто, проговорила Елена.

— Оно... ваше... ваше!.. проговорилъ старикъ съ удареніемъ,—но намъ нужны... бумаги... метрику вашу... и послужной списокъ... вашего... родителя.

— У меня всѣ эти бумаги есть, отвѣчала Елена.

— И потому... я... больше... никакихъ... препятствій не имѣю, заключилъ старикъ.

— И мнѣ, значитъ, можно сегодня переѣхать на казенную квартиру? спросила Елена.

Старика Оглоблина снова поставилъ этотъ вопросъ въ недоумѣніе.

— Ѳеодосія... Иваныча... надобно объ этомъ спросить!.. сказалъ онъ сыну.

Тотъ сбѣгалъ и опять привелъ Ѳеодосія Иваныча.

— Можно имъ... сегодня... на квартиру... нашу... пере-

Digitized by Google

ѣхать?.. Та... прежняя... кастелянша переѣхала?.. обратился старикъ къ своему правителю.

— Та... переѣхала... можно имъ! почти передразнилъ его Ѳеодосій Иванычъ,—вымыть только и вымести квартиру прежде надо, прибавилъ онъ отъ себя.

— Ну, велите вымыть и вымести ее, повторилъ за нимъ начальникъ.

Ѳеодосій Иванычъ ушелъ послѣ того.

— Я могу теперь идти? сказала Елена, раскланиваясь передъ старикомъ.

— Можете! произнесъ и онъ, раскланиваясь съ ней.

Елена пошла.

— Прощайте, папа! крикнулъ отцу Николя и поспѣшилъ за Еленой.

— Когда вы, mademoiselle Жиглинская, будете здѣсь жить, вы позволите мнѣ бывать у васъ? проговорилъ онъ въ одно и то же время лукавымъ и упрашивающимъ голосомъ.

— Пожалуйста, отвѣчала она, привѣтливо кивая ему на прощанье головою.

Отъ Оглоблиныхъ Елена прямо проѣхала къ Жуквичу въ гостиницу, гдѣ онъ занималъ не большой, но очень красивый номеръ. Самъ Жуквичъ, не смотря на то, что сидѣлъ дома и даже занимался чѣмъ-то, былъ причесанъ, припомаженъ, раздушенъ и въ какомъ-то франтоватомъ, махнатомъ пальто. На каждой изъ вещей, которыя Елена увидала у него въ номерѣ, начиная съ новаго, большаго чемодана до толстаго клѣтчатаго пледа, кинутаго на диванъ, ей кинулся въ глаза отпечатокъ европейскаго изящества и прочности, и она при этомъ невольно вспомнила сейчасъ только видѣнный ею богатый домъ русскаго вельможи, представлявшій огромныя комнаты, нелѣпое убранство въ нихъ и грязь на всемъ.

— Вотъ я и нашла васъ, сказала она, входя и пожимая Жуквичу руку.

— О, да, merci, merci, произнесъ онъ, какъ-бы нѣсколько даже сконфуженный ея появленіемъ.—Но что-жъ такое у васъ произошло съ княземъ, скажите-жъ мнѣ милостиво? присовокупилъ онъ затѣмъ.

— Да ничего, договорились только до полной откровенности

Digitized by Google

и поняли, что не можемъ жить вмѣстѣ, отвѣчала Елена, садясь, снимая шляпу и порывисто поправляя свои растрепавшіеся отъ дороги волосы.

Жуквичъ при этомъ широко раскрылъ отъ удивленія свои красивые глаза.

— Жить даже не можете вмѣстѣ? повторилъ онъ.—Что-жъ, и князь такъ же думаетъ?

— Не знаю, какъ онъ думаетъ, потому что послѣ нашей ссоры я съ нимъ больше не видалась, а теперь онъ и совсѣмъ уѣхалъ въ Петербургъ.

— Какъ?.. Зачѣмъ?.. почти воскликнулъ Жуквичъ, окончательно пораженный и удивленный.

— Это вы его спросите, а мнѣ онъ ничего не сказалъ о томъ, отвѣчала насмѣшливо Елена.

— Какъ же это жаль!.. Какъ жаль!.. произнесъ послѣ того Жуквичъ тономъ, какъ видно, искренняго сожалѣнія.

— Чѣмъ вамъ безполезно жалѣть меня, лучше дайте мнѣ кофе, сказала съ маленькой досадой Елена и видя, что на столѣ стоялъ кофейный приборъ.

— О, съ великою моею готовностью! произнесъ Жуквичъ и самъ принялся варить для Елены свѣжій кофе. При этомъ онъ нѣсколько разъ и очень проворно сполоснулъ кофейникъ, искусно повернулъ его, когда кофе скипѣлъ въ немъ и, наконецъ, налилъ чашку Еленѣ. Кофе оказался превосходнымъ.

— Какой вы мастеръ варить кофе и какъ умѣете это ловко дѣлать! замѣтила ему Елена.

— У меня есть маленькая ловкость въ рукахъ! отвѣчалъ съ легкою улыбкой Жуквичъ и при этомъ, какъ-бы невольно, поласкалъ одну свою руку другою рукою, а потомъ его лицо сейчасъ опять приняло невеселое выраженіе.—Вы такъ таки-жъ послѣ того съ княземъ и не разговаривали? проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, не разговаривала и, вѣроятно, всю жизнь не буду разговаривать.

— Почему-жъ всю жизнь? спросилъ Жуквичъ, опять немного ухмыляясь: онъ полагалъ, что въ этомъ случаѣ Елена преувеличиваетъ.

— Потому что я уѣзжаю отъ него совсѣмъ!... нашла себѣ казенное мѣсто.

Жуквичъ окончательно исполнился глубокаго сожалѣнія.

— Какъ это грустно-жъ и тѣмъ болѣе, что я тому нѣкоторымъ образомъ причина! произнесъ онъ.

Digitized by Google

— Нисколько не вы, потому что давно это накапливалось и должно было когда нибудь и чѣмъ нибудь разрѣшиться.

— Но все-жъ, мнѣ казалось бы, вамъ лучше было подождать, началъ Жуквичъ какимъ-то почти упрашивающимъ голосомъ:— время-жъ горами движетъ, а не то что мѣняетъ мысли-жъ человѣческія. Князь, можетъ быть, передумалъ бы, подчинился бы мало по малу вашимъ убѣжденіямъ...

— Нѣтъ, онъ никакъ въ этомъ случаѣ не подчинится моимъ убѣжденіямъ! возразила Елена.

— Но кромѣ-жъ того, продолжалъ Жуквичъ тѣмъ же упрашивающимъ и какъ-бы искренно участвующимъ тономъ,—вы не знаете-жъ сами еще, разлюбили ли вы князя, или нѣтъ?

Елена при этомъ слегка покраснѣла.

— Положимъ, я этого не знаю, начала она,—но во всякомъ случаѣ въ каждомъ, вѣроятно, человѣкѣ существуютъ по два, по три и даже по нѣскольку чувствъ, изъ которыхъ какое нибудь одно всегда бываетъ преобладающимъ, а такое чувство во мнѣ, въ настоящее время, никакъ не любовь къ князю.

— Но къ кому-жъ? спросилъ ее Жуквичъ, устремляя на нее пристальный взглядъ.

Елена опять при этомъ нѣсколько смутилась.

— То есть, къ чему же? вы должны были бы спросить меня... подхватила она,—и это я вамъ сейчасъ объясню: я, еще бывши маленькой, ребенкомъ, чувствовала, что этотъ порядокъ вещей, который шелъ около меня, невозможенъ, возмутителенъ! Всюду— ложь, обманъ, господство какихъ-то почти дикихъ преданій!... Торжество всюду глупости, бездарности!... Школа все это во мнѣ еще больше поддержала; тутъ я узнала, между прочимъ, разныя соціалистическія надежды и чаянія и, конечно, всей душей устремилась къ нимъ, какъ къ единственному просвѣту; но когда вышла изъ школы, я въ жизни намека даже не стала замѣчать къ осуществленію чего нибудь подобнаго; старый порядокъ, я видѣла, стоитъ очень прочно и очень твердо, а бойцы, бравшіеся разбивать его, были такіе слабые, малочисленные, такъ что я начинала приходить въ отчаяніе. Это постоянное пребываніе въ очень неясномъ, но все-таки чего-то ожидающемъ состояніи, мнѣ сдѣлалось наконецъ невыносимо: я почти готова была думать, что разныя хорошія мысли и идеи—сами по себѣ, а жизнь человѣческая—сама по себѣ, въ которой только пошлость и гадость могутъ реализироваться; но встрѣча съ вами,—вотъ видите, какъ я откровенна,—

Digitized by Google

согнала этотъ туманъ съ моихъ желаній и стремленій!.. Я въ-очію увидала мой идеалъ, къ которому должна была идти,—словомъ, я поняла, что я—полька и что прежде, чѣмъ хлопотать мнѣ объ устройствѣ всего человѣчества, я должна отдать себя на службу моей несчастной родинѣ.

На лицѣ Жуквича замѣтно отразилось при этомъ удовольствіе.

— Вотъ эта-жъ самая служба родинѣ, заговорилъ онъ немножко на распѣвъ и вкрадчивымъ голосомъ,—я думаю и нуждалась бы, чтобы вы не расходились съ княземъ: онъ—человѣкъ богатый-жъ, вліятельный и добрый! Мы-жъ, поляки, по нашему несчастному политическому положенію, не должны ничѣмъ пренебрегать, и намъ извинительны всѣ средства, даже обманъ, кокетство и лукавство женщинъ...

— Совершенно согласна, что средства всѣ эти позволительны, подхватила Елена,—но въ нѣкоторыхъ случаяхъ они для женщины возможны, а въ другихъ—выше силъ ея... Вы, какъ мущина, можетъ быть, не совсѣмъ поймете меня: еслибъ я князя не знала прежде и для блага поляковъ нужно было бы сдѣлаться его любовницей, я ни минуты бы не задумалась; но я любила этого человѣка, я нѣкогда къ ногамъ его кинула всю мою будущность, я думала всю жизнь мою пройти съ нимъ рука объ руку, и онъ за все это осмѣливается, въ присутствіи моемъ, проклинать себя за то, что растроилъ свою семейную жизнь, разрушилъ счастіе преданнѣйшей ему женщины, т. е., полуидіотки его супруги!... Наконецъ, когда я сказала ему, что, положимъ, по его личнымъ чувствамъ, ему тяжело оказать помощь полякамъ, но все-таки онъ долженъ переломить себя и сдѣлать это чисто изъ любви ко мнѣ,—такъ онъ засмѣялся мнѣ въ лицо...

Подъ вліяніемъ гнѣва, Елена даже несправедливо передавала происходившее у ней объясненіе съ княземъ.

Жуквичъ на всѣ эти слова ея молчалъ.

— И что мнѣ жить еще послѣ этого съ нимъ?... продолжала Елена, — тогда какъ онъ теперь, вѣроятно, тяготится и тѣмъ, что мнѣ даетъ кусокъ хлѣба, потому что я тоже полька!... Да сохранитъ меня небо отъ того!.. Я скорѣе пойду въ огородницы и коровницы, чѣмъ останусь у него!

— А мнѣ-жъ кажется, что князь любитъ васъ, и любитъ даже очень! возразилъ ей Жуквичъ.

— Да, чувственно, это можетъ быть; но я хотѣла и надѣялась, что онъ меня будетъ любить иначе, а ужь если необходимо про-

Digitized by Google

давать себя этимъ негодяямъ мущинамъ, такъ можно найти повыгоднѣй и потороватѣй князя... Вонъ я сейчасъ нашла двухъ покровителей, батюшку и сынка,—обоихъ обобрать можно, если угодно... проговорила Елена съ какимъ-то озлобленнымъ цинизмомъ.—Словомъ, о князѣ говорить нечего,—это дѣло рѣшеное, что мы съ нимъ другъ для друга больше не существуемъ! Будемте лучше съ вами думать, что намъ предпринять для нашихъ соотчичей.

Жуквичъ на это развелъ молча руками.

— Прежде всего, продолжала Елена, какъ-бы придумавъ кое-что:—я одного изъ моихъ новыхъ покровителей, юнаго Оглоблина, заставлю раздать билеты на лотерею, для которой соберу кой-какія изъ своихъ вещей, оберу у подругъ моихъ разныя бездѣлушки; за все это, конечно, выручится очень маленькая сумма, но пока и то лучше пустаго мѣста...

Жуквичъ грустно усмѣхнулся.

— О, добротѣ-жъ вашей предѣловъ нѣтъ! произнесъ онъ, вскидывая на Елену сентиментальный взглядъ.

— То-то, къ несчастію, доброты одной мало! подхватила, со вздохомъ, Елена,—а нужны силы и средства!

Затѣмъ они еще нѣкоторое время побесѣдовали, и Жуквичъ успѣлъ при этомъ спросить Елену, что на какую сумму денегъ она сама будетъ жить на новомъ своемъ мѣстѣ?

— На очень маленькую-съ!... на очень! отвѣчала она.

Жуквичъ опять съ грустнымъ видомъ и участіемъ покачалъ головой, а потомъ, когда Елена ушла отъ него, онъ долго оставался въ задумчивомъ состояніи и, наконецъ, какъ-бы не утерпѣвъ, произнесъ съ досадой и насмѣшкой: «О, то-жъ женщины!»

Возвратясь домой, Елена велѣла своей горничной собираться и укладываться: ей сдѣлался почти противенъ воздухъ въ домѣ князя. Часамъ къ восьми вечера все было уложено. Сборы Елены, между тѣмъ, обратили вниманіе толстаго метръ д'отеля княжескаго, старика очень неглупаго, и длинновязаго выѣзднаго лакея, малаго тоже довольно смышленаго, сидѣвшихъ, по обыкновенію, въ огромной передней и игравшихъ въ шашки.

— Да что, барышня-то эта наша уѣзжаетъ, видно, куда нибудь? спросилъ метръ д'отель.

— Уѣзжаетъ!.. отвѣчалъ лакей.

Digitized by Google

— Въ Петербургъ, къ князю, что ли? присовокупилъ метръ д'отель.

— Какое въ Петербургъ!... Машина развѣ ходитъ туда ночью? возразилъ лакей.

— Гмъ!... произнесъ метръ д'отель и пододвинулъ шашку.— Спросить бы ее, паря, надо, куда это она ѣдетъ; а то князь пріѣдетъ, хватится ея,—что мы ему скажемъ на то?

— Извѣстно хватится! согласился лакей.

Метръ д'отель какъ-бы размышлялъ нѣкоторое время.

— Поди, спроси ее!.. Для отмѣтки молъ это нужно... показать, куда вы выбыли, проговорилъ онъ.

— Да что мнѣ-то спрашивать? Ты —старшій-то у насъ въ домѣ, отозвался было сначала лакей.

— Экой, братецъ, какой ты глупой! возразилъ ему метръ д'отель:—я старшій по буфету, а ты настоящій-то дамскій выѣздной лакей!

Лакей убѣдился этимъ доводомъ.

— Да мнѣ что?... Я пойду!... сказалъ онъ, а затѣмъ всталъ и проворно пошелъ въ комнату къ Еленѣ.

— Вы уѣзжать изволите-съ? спросилъ онъ ее.

— Да! отвѣчала ему лаконически Елена.

— Вы не прикажете телеграфировать объ этомъ князю? допрашивалъ ее лакей.

Елена немного испугалась этого.

— Нѣтъ, я сама ему писала; я на короткое время къ матери переѣзжаю! присовокупила она, чтобъ отвязаться отъ дальнѣйшихъ распросовъ.

— Къ маменькѣ изволите ѣхать? повторилъ лакей съ явнымъ недовѣріемъ въ голосѣ.

— Да; а какъ князь возвратится, я опять переѣду сюда! говорила Елена, чтобы только успокоить его.

Лакей не нашелся болѣе о чемъ ее распрашивать и возвратился къ метръ д'отелю.

— Къ матери, говоритъ, уѣзжаетъ на время, объяснилъ онъ тому, усаживаясь опять за шашки.

— Что ей такъ вдругъ захотѣлось туда!.. произнесъ, усмѣхнувшись, метръ д'отель.

— Прахъ ее знаетъ! отвѣчалъ лакей, тоже усмѣхаясь.

Вскорѣ послѣ того два дворника и два поваренка, предводительствуемые горничною Елены, стали проносить мимо ихъ сун-

Digitized by Google

дуки и чемоданы и все это укладывать на приведеннаго къ подъѣзду извощика.

— Куда это, тетинька, путь вашъ держите? пошутилъ метръ д'отель горничной.

— Куда нужно-съ! отвѣчала та ему: Елена запретила ей говорить княжеской прислугѣ, куда онѣ переѣзжаютъ.

Невдолгѣ послѣ горничной на лѣстницѣ показалась и Елена, а за нею шла нянька съ ребенкомъ.

— Не прикажете ли карету для васъ заложить?... Такъ же стоятъ лошади, ничего не дѣлаютъ! отнесся къ ней выѣздной лакей.

— Нѣтъ, не надо!.. Я на извощикѣ доѣду, сказала Елена.— А ты вотъ что лучше: побереги мое письмо къ князю, которое я оставила въ кабинетѣ на столѣ.

— Сохранно будетъ-съ! отвѣчалъ ей лакей.

Елена свою новую квартиру въ казенномъ домѣ нашла выметенною и вымытою; но при всемъ томъ она оказалась очень неприглядною: въ ней было всего только двѣ комнаты и небольшая кухня; потолокъ замѣнялся сводомъ; въ окнахъ виднѣлись желѣзныя рѣшетки, такъ что нянька и горничная, попривыкшія къ роскоши въ княжескомъ домѣ, почти въ одинъ голосъ воскликнули:

— Ай, батюшки, словно тюрьма какая!..

Но Елену, кажется, нисколько не смутила бѣдность ея новаго помѣщенія. Обойдя все его кругомъ и попробовавъ рукой жесткую кожаную мебель, она спокойно сѣла на диванъ и проговорила: «Ничего, матушка Россія,—чего и ожидать лучшаго!»

Затѣмъ Елена велѣла поскорѣе уложить ребенка спать, съѣла двѣ баранки, которыхъ, ѣхавъ дорогою, купила цѣлый фунтъ, остальныя отдала нянѣ и горничной. Тѣ, скипятивъ самоваръ, принялись ихъ кушать съ чаемъ; а Елена, положивъ себѣ подъ голову подушку, улеглась, не раздѣваясь, на жесткомъ кожаномъ диванѣ и вскорѣ заснула крѣпкимъ сномъ, какъ будто бы переживаемая ею тревога сдѣлала ее болѣе счастливою и спокойною...

VI.

Князь сидѣлъ въ Петербургѣ въ томъ же самомъ номерѣ гостиницы Парижъ, въ которомъ мы нѣкогда въ первый разъ съ

Digitized by Google

нимъ встрѣтились. Зачѣмъ князь въ настоящее время пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ самъ того хорошенько не зналъ. Онъ бѣжалъ, кажется, отъ овладѣвавшаго имъ гнѣва противъ Елены, бѣжалъ и отъ любви къ ней. Ему казалось, что весь этотъ польскій патріотизмъ, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла снисшедшій на Елену, былъ, во первыхъ, плодомъ пронырливыхъ внушеній Жуквича и, во вторыхъ, дѣломъ собственной, ничѣмъ не сдерживаемой, капризной фантазіи Елены, а между тѣмъ, для удовлетворенія этого, можетъ быть, мимолетнаго желанія, она требовала, чтобы князь ломалъ и рушилъ въ себѣ почти органически привроженное ему чувство. «Положимъ даже, разсуждалъ онъ, что и въ Еленѣ этотъ польскій патріотизмъ привроженное ей чувство, спавшее и дремавшее въ ней до времени; но почему же она не хочетъ уважить этого чувства въ другомъ и, дѣйствуя сама, какъ полька, возмущается, когда князь поступаетъ какъ русскій». Далѣе, затѣмъ, въ головѣ князя начались противорѣчія этимъ его мыслямъ: «Конечно, для удовлетворенія своего патріотическаго чувства, обсуживалъ онъ вопросъ съ другой стороны,— Еленѣ нужны были пятнадцать тысячъ, которыя она могла взять только у князя, и неужели же она не стоила подобнаго маленькаго подарка отъ него, а получивъ этотъ подарокъ, она могла располагать имъ какъ ей угодно?... Эти пятнадцать тысячъ ему слѣдовало бы подарить»! рѣшилъ князь мысленно; но въ то же время у него въ головѣ сейчасъ явилось новое противорѣчіе тому: «этими пятнадцатью тысячами дѣло никакъ бы не кончилось, думалъ онъ:—Елена, подстрекаемая Жуквичемъ, вѣроятно, пойдетъ по этому пути все дальше и дальше и, чего добраго, вступитъ въ какой нибудь польскій заговоръ!» Князь былъ не трусъ, готовъ былъ стать въ самую отчаянную и рисковатую оппозицію и даже съ удовольствіемъ бы принялъ всякое политическое наказаніе, но онъ хотѣлъ, чтобъ это послѣдовало надъ нимъ за какое нибудь дорогое и близкое сердцу его дѣло. Стоять же за польщизну, или, лучше сказать, за польскую шляхту и кзензовъ онъ считалъ постыднымъ для себя.

Живя уже нѣсколько дней въ Петербургѣ, князь почти не выходилъ изъ своего номера и только въ послѣднее утро съѣздилъ на могилу къ Марьѣ Васильевнѣ, недавно передъ тѣмъ умершей и похороненной. Заѣхавъ потомъ къ мраморщику, онъ заказалъ ему поставить надъ ея могилою памятникъ, а теперь, сидя одинъ въ комнатѣ, невольно вспоминалъ объ этой доброй старушкѣ,

Digitized by Google

такъ горячо и такъ безкорыстно его любившей. Вдругъ ему подали телеграму изъ Москвы; князь задрожалъ даже весь; онъ непремѣнно предполагалъ, что эта телеграма была отъ Елены, и надежда, что она хочетъ помириться съ нимъ, исполнила его сердце радостью.

Телеграма его извѣщала:

«Вчерашняго числа Елена Николавна совсѣмъ уѣхали изъ вашего дома. Мы ихъ спрашивали, куда онѣ уѣзжаютъ, и онѣ намъ сказали, что къ маменькѣ ихней. Мы на другой день ходили къ ихъ маменькѣ; она сказала, что ихъ нѣтъ у нихъ и очень сами этимъ встревожились! Спиридонъ Скворцовъ и Махайла Гавриловъ».

Князь первоначально понять не могъ, кто это ему телеграфируетъ, и только потомъ сообразилъ, что это были лакеи его. Первымъ дѣломъ князя послѣ того было взглянуть на часы,— былъ всего еще второй часъ. Князь крикнулъ своего камердинера и велѣлъ ему сейчасъ же собраться, а черезъ часъ какой нибудь онъ былъ на желѣзной дорогѣ и ѣхалъ обратно въ Москву. Печаль и даже отчаяніе до такой степени ярко отражались во всей его наружности, что ѣхавшая съ нимъ въ одномъ вагонѣ довольно еще нестарая и, должно быть, весьма сердобольная дама никакъ не могла удержаться и начала безпрестанно обращаться къ нему.

— Monsieur, вы, должно быть, чѣмъ нибудь нездоровы?

— Да, нездоровъ! отвѣчалъ ей почти грубо князь.

— Это по лицу вашему видно: у моего мужа именно такое выраженіе лица было,—и я только говорить не хочу, но съ нимъ послѣ очень нехорошо было!

— Что же такое было? спросилъ ее не такъ уже сурово князь.

— Онъ умеръ! отвѣчала дама съ удареніемъ.

— И отлично это! подхватилъ князь, и чтобы хоть сколько нибудь облегчить себя отъ задушавшей его тоски, онъ вышелъ на платформу и сталъ жадно вдыхать свѣжій и холодный воздухъ; при этомъ ему нѣсколько разъ приходило въ голову мысль броситься на рельсы, чтобы по немъ прошелъ поѣздъ. «Но тутъ можно, пожалуй, не умереть, думалъ онъ, а сдѣлаться только уродомъ; револьверъ, въ этомъ случаѣ, гораздо вѣрнѣе».

Когда князь, наконецъ, пріѣхалъ въ Москву въ свой домъ и вошелъ въ кабинетъ, то сейчасъ замѣтилъ лежащее на столѣ

Digitized by Google

письмо, адресованное рукою Елены. Онъ схватилъ его, проворно распечаталъ и прочелъ. Елена писала ему:

«Я уѣзжаю отъ васъ навсегда. Вы, вѣроятно, сами согласны, что при розни, которая открылась въ нашихъ взглядахъ на все въ мірѣ, намъ жить вмѣстѣ нельзя. Ни съ какой помощью ни ко мнѣ, ни къ сыну моему прошу васъ не относиться: мы оба совершенно обезпечены казеннымъ мѣстомъ, которое я получила у старика Оглоблина».

Князь не успѣлъ еще придти нѣсколько въ себя отъ этого письма, какъ вошелъ къ нему выѣздной лакей и низкимъ басомъ произнесъ:

— Баронесса Мингеръ!

— Что? переспросилъ его князь, не понявшій его сначала хорошенько.

— Баронесса Анна Юрьевна Мингеръ! пояснилъ ему лакей.

Князь сдѣлалъ почти злую гримасу.

— Ты скажи, что я сейчасъ только пріѣхалъ и усталъ съ дороги! проговорилъ было онъ.

— Я имъ докладывалъ-съ; онѣ говорятъ, что проститься съ вами пріѣхали: завтра уѣзжаютъ совсѣмъ за границу! объяснилъ лакей.

— О, чортъ бы ее дралъ!... сказалъ, не удержавшись, князь.— А баронъ съ ней?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Ну, проси!

Анна Юрьевна довольно долго шла изъ кареты до кабинета. Она была на этотъ разъ, какъ и слѣдуетъ молодой, въ дорогомъ голубомъ платьѣ, въ очень моложавой шляпѣ и въ туго, туго обтягивающихъ ея пухлыя руки перчаткахъ; выраженіе лица у ней, впрочемъ, было далеко не веселое. По обыкновенію, тяжело дыша и тотчасъ же усаживаясь въ кресло, она начала:

— Какъ ты мило поступилъ!.. Я его только хотѣла на свадьбу къ себѣ позвать, а онъ въ Петербургъ уѣхалъ!

Князь молчалъ.

— Скажи на милость, продолжала Анна Юрьевна,—что такое у тебя съ Еленой произошло? Ко мнѣ этотъ дуралей Николя Оглоблинъ пріѣхалъ и говоритъ, что она отъ тебя сбѣжала и поступила къ отцу его на службу въ кастелянши.

— Да, она уѣхала отъ меня!

— Но отчего? по какой причинѣ?

Digitized by Google

— Но той, что мы расходимся съ ней въ понятіяхъ.

Князю, кажется, легче было бы стоять подъ пыткой, чѣмъ дѣлать всѣ эти отвѣты.

— Какъ же вы такъ-таки совсѣмъ и разошлись? приставала къ нему Анна Юрьевна.

— Не знаю!.. я не видалъ еще ее по возвращеніи изъ Петербурга.

— Cela veut dire qu'elle a bâclé tout cela en ton absence?

— Oui! отвѣчалъ князь отрывисто и глухимъ голосомъ.

— Смотри какая!... Ужасъ, съ какимъ душкомъ женщина! говорила Анна Юрьевна. Она наконецъ поняла, что этотъ разговоръ былъ очень непріятенъ для князя, а потому и перемѣнила его.

— Я уже обвѣнчалась съ барономъ! сказала она.

— Слышалъ-съ!.. Человѣкъ возвѣстилъ мнѣ вашу новую фамилію! отвѣчалъ съ оттѣнкомъ насмѣшки князь.

— Какъ по-твоему, глупо я поступила? спросила его Анна Юрьевна, замѣтивъ это.

— Отчего же!.. Ежели существуетъ согласіе между вашими нѣжными сердцами!... говорилъ князь въ томъ же тонѣ.

— Какое тутъ согласіе!... какъ вотъ и у тебя съ Еленой.... А главное, мнѣ поздно было это дѣлать; хочу отъ стыда за границу ѣхать et je ferai croire, que je suis marié de long temps.

— Зачѣмъ же вы дѣлали это, когда вы такъ стыдитесь того? спросилъ ее князь злобно и насмѣшливо.

— Слабость характера,—сама знаю!.. Баронъ сталъ пугать, что совсѣмъ уѣдетъ отъ меня,—мнѣ и жаль его сдѣлалось...

Проговоря это, Анна Юрьевна замолчала.

— Но куда вы именно ѣдите за границу? продолжалъ ее спрашивать князь тѣмъ же злымъ тономъ.

— Сначала въ Берлинъ—для совѣта съ докторами: я больна дѣлаюсь, и серьезно больна,—а потомъ проѣду въ Парижъ и непремѣнно увижу тамъ княгиню твою!.. Que lui dire de ta part?

— Кланяйтесь и пожелайте ей всего хорошаго, проговорилъ князь.

Анна Юрьевна еще не кончила своего, терзающаго князя, посѣщенія, какъ въ кабинетъ къ нему подкрался и вошелъ тихими шагами новый гость—Елпидифоръ Мартынычъ: этого князь не могъ ужъ перенести.

— Что вамъ угодно отъ меня? спросилъ онъ, прямо и не церемонясь, Елпидифора Мартыныча, такъ что тотъ попятился даже нѣсколько назадъ.

Digitized by Google

— К-ха!.. Тамъ-съ кучеръ вашъ... боленъ... извѣщали меня!.. отвѣтилъ онъ прерывистымъ голосомъ.

— Ну, такъ вы къ кучеру и проходите! сказалъ ему немилосердно князь.

— Я видѣлъ уже кучера, произнесъ Елпидифоръ Мартынычъ, пріосанившись немного,—и пришелъ спросить васъ, какъ вы прикажите, здѣсь ли его держать, или въ больницу положить? Но, собственно говоря, Елпидифоръ Мартынычъ зашелъ къ князю за тѣмъ, чтобы развѣдать у него, за что онъ съ Еленой Николаевной поссорился и куда она отъ него переѣхала, о чемъ убѣдительнѣйшимъ образомъ просила его Елизавета Петровна, даже не знавшая, гдѣ теперь дочь живетъ. Вообще, этотъ разрывъ Елены съ княземъ сильно опечалилъ и встревожилъ Елизавету Петровну и Елпидифора Мартыныча: онъ разомъ разбивалъ всѣ ихъ надежды и планы.

— Зачѣмъ его въ больницу класть, когда вы домашнимъ докторомъ наняты? продолжалъ допекать Елпидифора Мартыныча князь.

— Да я и не отказываюсь отъ того,—помилуйте! бормоталъ тотъ, краснѣя весь въ лицѣ.

— Такъ и лечите его!.. сказалъ ему на это князь.

— Слушаю-съ!... Я сейчасъ къ нему еще зайду! проговорилъ Елпидифоръ Мартынычъ и, повернувшись, вышелъ изъ кабинета. Аннѣ Юрьевнѣ, все еще сердившейся на Елпидифора Мартыныча за сдѣланный имъ доносецъ на нее и не удостоившей его въ настоящее свиданіе даже взглядомъ, онъ не осмѣлился даже поклониться; но, выйдя въ залу, старикъ сбросилъ съ себя маску смиренія и разразился ругательствомъ:

— Всѣ эти аристократишки—скоты, ей Богу!.. чистѣйшіе скоты! говорилъ онъ самъ съ собой.

— Ну, однако, ты, я вижу, очень не въ духѣ, обратилась Анна Юрьевна къ князю, вставая съ своего мѣста.

Князь, на эти слова ея, тоже поднялся съ своего мѣста.

— Ты, все-таки, съѣзди къ этой дѣвочкѣ своей: quelle brouille avez vous eu les deux! говорила Анна Юрьевна, уходя.—По добротѣ своей, она не любила, когда любовники ссорились, и по собственнымъ опытамъ была убѣждена, что въ этомъ ничего нѣтъ хорошаго!

Digitized by Google

По отъѣздѣ ея, князь крикнулъ, чтобъ ему подавали карету, и поѣхалъ въ домъ къ Оглоблину.

Здѣсь онъ скоро разыскалъ квартиру Елены, гдѣ попавшаяся ему въ дверяхъ горничная очень сконфузилась и не знала: принимать его, или нѣтъ; но князь даже не спросилъ ее: дома ли госпожа, а прямо прошелъ изъ темной передней въ слѣдующую комнату, въ которой онъ нашелъ Елену сидящею за небольшимъ столикомъ и пишущею какіе-то счеты. Увидавъ его, она немножко измѣнилась въ лицѣ; князь же, видимо, старался принять на себя веселый и добрый видъ.

— Елена, что это вы за сумашествіе выдумали? проговорилъ онъ, протягивая къ ней руку.

Елена, съ своей стороны, приняла у него руку его и даже пожала ее.

— Вы находите, что это сумашествіе? спросила она его довольно спокойнымъ голосомъ.

— Разумѣется!.. Изъ-за чего затѣвать всю эту исторію было? Поѣдемте, пожалуйста, сейчасъ опять ко мнѣ!

— Къ вамъ?.. Нѣтъ, я больше къ вамъ никогда не поѣду! сказала Елена.

— Но отчего? За что? говорилъ князь. У него при этомъ начало даже подергивать всѣ мускулы въ лицѣ. — Если вы разсердились за эти деньги, такъ я велю вамъ немедля прислать ихъ!

Елена при этомъ насмѣшливо улыбнулась.

— Вотъ какъ, подкупать теперь сталъ!... произнесла она.— Но неужели, однако, ты до сихъ поръ не убѣдился, что меня никогда и ни на что ни подкупить, ни упросить нельзя?

— Да, Господи! развѣ я подкупаю тебя?... Я хочу только уничтожить причину, разсорившую насъ.

Князь все еще, какъ мы видимъ, продолжалъ сохранять свой добрый тонъ.

— Причина не въ одномъ этомъ заключается, какъ и прежде тебѣ говорила, отвѣчала Елена.

— Но знаешь ли ты, Елена, что, поступая такимъ образомъ со мной, ты можешь довести меня до самоубійства?

— Ха, ха, ха! засмѣялась Елена, такъ что князь даже позеленѣлъ весь при этомъ.

— Изъ уваженія къ тебѣ я не хочу вѣрить словамъ твоимъ! начала она уже серьезно.—Но еслибы ты въ самомъ дѣлѣ рѣ-

Digitized by Google

шился когда нибудь сдѣлать подобную глупость, то, признаюсь, не завидное бы воспоминанье оставилъ во мнѣ по себѣ!... и Елена опять при этомъ усмѣхнулась.—Потому что, продолжала она, какъ-бы желая разъяснить свою мысль,—мущина, который убиваетъ себя отъ того, что его разлюбила какая нибудь женщина, по-моему, долженъ быть или сумашедшій, или дуракъ набитый....

— Но ты, однако, значитъ, все-таки, меня совершенно разлюбила? спросилъ князь, все болѣе и болѣе блѣднѣя въ лицѣ,—и голосъ его при этомъ былъ не столь добрый.

— Да, я почти тебя совершенно разлюбила! отвѣчала Елена;—во мнѣ теперь живетъ къ другому гораздо болѣе сильное чувство, и, кажется, этотъ новый Молохъ мой больше мнѣ по характеру....

— И этотъ Молохъ твой новый, конечно, Польша!... сказалъ князь, очень хорошо понявшій, о какомъ собственно чувствѣ говорила Елена.—Лицо его между тѣмъ становилось все мрачнѣе и мрачнѣе.

— Польша! отвѣчала она ему.

— Но ты, въ этомъ твоемъ поклоненіи, забыла, что у насъ съ тобой есть общій сынъ, возразилъ князь.

— Сына нашего, если ты желаешь, можешь видать; но имѣть какое нибудь вліяніе на его воспитаніе я тебѣ не позволю.

— А съ тобой, значитъ, я и видаться не долженъ буду? спросилъ князь.

— Я просила бы тебя объ этомъ! произнесла, немного потупляясь, Елена.

Князь невольно поникъ головой: ему все еще не вѣрилось, чтобы Елена была такая съ нимъ, какою она являлась въ настоящую минуту.

— Елена, неужели ты все это говоришь серьезно? сказалъ онъ ей опять добрымъ голосомъ.

— Совершенно серьезно! какъ-бы отчеканила на мѣди Елена.

— И мы въ самомъ дѣлѣ должны будемъ разстаться навсегда?

— Должны разстаться навсегда! повторила рѣшительнымъ тономъ Елена.

— Но, вѣдь, Елена, пойми ты: мнѣ жить будетъ нечѣмъ нравственно безъ тебя.... Научи, по крайней мѣрѣ, меня: что мнѣ дѣлать съ собой?

Digitized by Google

— Самое лучшее, по-моему, для тебя, отвѣчала Елена, по видимому, совершенно искреннимъ тономъ,—сойтись опять съ женой. Я не хотѣла тебѣ тогда говорить, но ей, дѣйствительно, нехорошо живется съ Миклаковымъ, и она очень рада будетъ возвратиться къ тебѣ.

Князь эти слова Елены принялъ за самую горькую насмѣшку.

— О, какой это демонъ, воскликнулъ онъ,—вразумляетъ и учитъ тебя такъ язвить и оскорблять меня!... Неужели это все тотъ же злодѣй?... Елена! пожалѣй, по крайней мѣрѣ, ты его, если онъ становится тебѣ дорогъ.... Я убью его, Елена, непремѣнно убью, или пусть онъ меня убьетъ!

Елена употребила надъ собой не малое усиліе, чтобы не смутиться передъ бѣшенымъ взрывомъ князя.

— Ты, конечно, говоришь о Жуквичѣ, но онъ тутъ ни въ чемъ не виноватъ, и я очень рада, что ты сказалъ, что убить его хочешь,—я предувѣдомлю его о томъ.

— Нѣтъ, не успѣешь!... не успѣешь! вскричалъ князь, грозя пальцемъ, и затѣмъ, шатаясь, какъ пьяный, вышелъ изъ комнаты, а потомъ и совсѣмъ изъ квартиры Елены. Очутившись на дворѣ, онъ простоялъ нѣсколько времени, какъ-бы желая освѣжиться на холодномъ воздухѣ, а потомъ вдругъ повернулъ къ большому подъѣзду, ведущему въ квартиру старика Оглоблина. У швейцара князь спросилъ: дома ли молодой Оглоблинъ?—«Дома изволятъ-съ быть»! отвѣчалъ тотъ ему и указалъ князю куда ему идти.

Mousieur Николя въ это время передъ тѣмъ только-что позавтракалъ и былъ, вслѣдствіе этого, въ весьма хорошемъ расположеніи духа. Занятъ онъ былъ довольно страннымъ дѣломъ, которымъ, впрочемъ, Николя постоянно почти занимался, когда оставался одинъ. Онъ держалъ необыкновенно далеко выпяченными свои огромныя губы и на нихъ, какъ на варганѣ, игралъ пальцемъ и издавалъ при этомъ какіе-то дикіе звуки ртомъ. Когда князь появился въ его комнатѣ, Николя мгновенно прекратилъ это занятіе и одновременно испугался и удивился.

Наружный видъ князя еще болѣе усилилъ страхъ Николи: онъ вообразилъ, что князь пришелъ спросить у него отчета, какъ онъ смѣлъ выхлопотать мѣсто Еленѣ.

Digitized by Google

— Очень радъ, что я васъ засталъ дома!... Поѣдемте со мной сейчасъ! проговорилъ князь.

— Куда поѣхать? спросилъ Николя, выпучивая на него свои глаза.

— Я тутъ одного господина долженъ вызвать на дуель, и вы будете моимъ секундантомъ.... Мнѣ, кромѣ васъ, не къ кому обратиться.

— Дуель?... Господи!... произнесъ Николя, взглядывая мелькомъ на висѣвшія на стѣнѣ ружья свои и пистолеты, изъ которыхъ онъ не изъ одного не стрѣливалъ;—но, вѣдь, я князь, ей-Богу, никогда не бывалъ секундантомъ, и что тутъ дѣлать—совершенно не знаю!... присовокупилъ онъ какимъ-то жалобнымъ голосомъ.

— Все равно, знать тутъ нечего, поѣдемте! говорилъ князь.

— Я боленъ, князь, ей Богу, боленъ! продолжалъ Николя, не двигаясь съ своего мѣста:—мнѣ докторъ строго запретилъ выѣзжать: «умрете», говоритъ.

Князь поблѣднѣлъ отъ гнѣва..

— Если вы не поѣдете со мной! произнесъ онъ, стискивая зубы,—такъ я по всей Москвѣ буду расказывать, что вы трусъ и подлецъ!

— О, какой вы смѣшной! зашутилъ уже Николя.—Ну, поѣдемте,—чортъ дери, въ самомъ дѣлѣ, всѣхъ и все! воскликнулъ онъ, Богъ знаетъ, что желая сказать послѣдними словами.—Кого это вы вызываете? присовокупилъ онъ какъ-бы и тономъ храбреца.

— Жуквича! отвѣчалъ князь.

— А за что это? любопытствовалъ Николя: въ не хитрой головѣ его явилось подозрѣніе, что не за Елену ли они поссорились и что нѣтъ ли у ней чего съ Жуквичемъ.

— Это мое дѣло! сказалъ ему мрачно князь.—Да сбирайтесь же! прибавилъ онъ.

— Я готовъ, извольте! произнесъ Николя и, какъ агнецъ, ведомый на закланіе, послѣдовалъ за княземъ, который посадилъ его къ себѣ въ карету и повезъ.

— Я очень радъ, конечно, что могу вамъ услужить этимъ, очень радъ! храбрился Николя; но сквозь всѣ эти восклицанія такъ и слышался худо скрываемый страхъ.

Пріѣхавъ въ гостиницу, гдѣ жилъ Жуквичъ, князь прямо прошелъ къ тому въ номеръ, введя съ собою и Николю, изъ

Digitized by Google

опасенія, чтобы тотъ не улизнулъ. Они застали Жуквича дома». Тотъ, при видѣ ихъ, замѣтно смутился. Князь подошелъ къ нему и сказалъ ему не громко и по-англійски, чтобы Николя не могъ понять, что онъ говоритъ:

— Вы поссорили меня прежде съ русскими эмигрантами, дружбу которыхъ я высоко цѣнилъ!... Поссорили теперь съ женщиною, горячо мною любимой, и я васъ вызываю на дуель и хочу убить васъ!

Жуквичъ при этомъ замѣтно поблѣднѣлъ.

— Вы ошибаетесь во всемъ этомъ; я не считаю себя нисколько виновнымъ противъ васъ! проговорилъ онъ тоже по-англійски.

— Я васъ считаю, слышите?... и если не будете со мной драться, я приду къ вамъ и просто убью васъ! продолжалъ князь, по прежнему, по-англійски.

Жуквичъ понурилъ на нѣкоторое время голову.

— Но я-жъ не имѣю секунданта! произнесъ онъ уже по-русски и какъ-бы размышляя.

— Ищите, это ваше дѣло, а мой секундантъ—вотъ!... сказалъ и князь по-русски. показывая на Николю, все время стоявшаго у окна и скрестившаго, на подобіе Наполеона I-го, на груди у себя руки.

— Я-жъ не знаю, найду ли я теперь кого!... сказалъ Жуквичъ, пожимая плечами, и затѣмъ, проворною походкой, вышелъ изъ номера.

Князь мрачно и безпокойно посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Жуквичъ прошелъ въ одинъ изъ смежныхъ номеровъ, въ которомъ на диванѣ, въ довольно гордой позѣ, сидѣлъ молодой человѣкъ и читалъ какой-то, должно быть, романъ.

Жуквичъ началъ ему говорить что-то по-польски, съ не совсѣмъ, впрочемъ, чистымъ польскимъ акцентомъ.

Молодой человѣкъ выслушалъ его внимательно; слова Жуквича видимо сконфузили его: онъ возразилъ ему съ своей стороны по-польски, но тоже какъ-то звякая въ произношеніи.

— Да ничего-жъ не можетъ быть изъ того,—глупость, вздоръ—тьфу! восклицалъ Жуквичъ по-русски,—вы-жъ съумѣете своровать пулю, а я-жъ выстрѣлю на воздухъ.

Молодой человѣкъ все еще не рѣшался.

— Мы-жъ, Эмануилъ, жили все съ вами вмѣстѣ,—надобно-жъ помогать другъ другу! говорилъ почти умоляющимъ голосомъ Жуквичъ.

Digitized by Google

— Но они-жъ могутъ замѣтить то! проговорилъ, наконецъ, молодой человѣкъ и тоже, подобно Жуквичу, съ сильнымъ прибавленіемъ *жъ*.

— Гдѣ-жъ замѣтить-то? Онъ сумашедшій, какъ есть, а другой секундантъ его—дуракъ, я-жъ знаю его!.. горячился тотъ.— Я вамъ, Эмануилъ, сколько денегъ давалъ!... надобно-жъ помнить то!... Вы были-бъ давно-жъ безъ меня въ тюрьмѣ!... прибавилъ онъ.

Послѣднее доказательство, какъ видно, подѣйствовало отчасти на молодаго человѣка. Онъ поднялся съ своего мѣста.

— Я право-жъ не знаю, какъ сдѣлать это! сказалъ онъ, какъ бы въ раздумьи.

— Да что-жъ тутъ сдѣлать?... Развѣ трудно-жъ, чтобы пулю, вмѣсто чтобы такъ,—вотъ такъ ее!... воскликнулъ Жуквичъ, и при этомъ сначала ткнулъ пальцемъ внизъ, а потомъ рукой показалъ на обшлагъ своего рукава. Во всемъ этомъ объясненіи его красивая и почти величественная наружность совершенно измѣнилась: онъ сдѣлался какъ-то гадокъ и подлъ на видъ.

— Да не отговаривайтесь-жъ, Эмануилъ, они-жъ насъ ждутъ! вопіялъ Жуквичъ и потомъ, взявъ почти насильно молодаго человѣка за руку, повелъ его.

Князь, между тѣмъ, рвался отъ нетерпѣнія, и ему начинали приходить въ голову подозрѣнія, что не удралъ ли отъ него Жуквичъ; но двери отворились и тотъ вошелъ съ своимъ молодымъ товарищемъ. Оба они постарались принять спокойный видъ, и молодой человѣкъ, по прежнему, уже имѣлъ свою гордую осанку. Жуквичъ сначала отрекомендовалъ его князю, а потомъ Оглоблину. Молодой человѣкъ, кланяясь, сгибалъ только немного голову на своей длинной шеѣ.

— А на какомъ оружіи будетъ дуель? спросилъ онъ Жуквича.

— На пистолетахъ-жъ! Я желаю на пистолетахъ!... они-жъ у меня и есть! отвѣчалъ тотъ и, сходя въ свою спальню, вынесъ оттуда пару отличныхъ пистолетовъ.—Не угодно ли вамъ видѣть ихъ? проговорилъ онъ, подавая пистолеты Николѣ, который съ видомъ знатока осмотрѣлъ ихъ внимательно.

— Но въ какомъ мѣстѣ дуель назначена? продолжалъ молодой человѣкъ, сохраняя свою гордую осанку.

— Въ саду у меня, если хотите; онъ довольно большой и совсѣмъ пустой! сказалъ князь.

Digitized by Google

Молодой человѣкъ вопросительно взглянулъ при этомъ на Жуквича.

— Мнѣ-жъ все равно! отвѣчалъ тотъ.

Всѣ тронулись потомъ за княземъ, который опять поѣхалъ съ Николей, а Жуквичъ съ своимъ секундантомъ.

— Я очень радъ этой дуели, очень! повторялъ Николя всю дорогу; но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ страха и отъ волненія у него даже какъ-то глаза перекосились.

Князь ничего ему не отвѣчалъ и былъ почти страшенъ на видъ. Пріѣхавъ къ себѣ въ домъ, онъ провелъ своихъ гостей прямо въ садъ, дорожки въ которомъ всѣ были расчищены и на средней изъ нихъ оказалось удобнымъ совершить задуманное дѣло. Молодой секундантъ Жуквича сейчасъ принялся назначать мѣсто для барьера.

— Тутъ, я полагаю! отнесся онъ къ Николѣ, какъ къ сотоварищу своему.

— Конечно тутъ!... Разумѣется! зашамшилъ тотъ своимъ язычищемъ. Молодой человѣкъ послѣ того отмѣрилъ отъ барьера въ ту и другую сторону по нѣскольку шаговъ и сталъ заряжать пистолеты. Князь во все время этихъ приготовленій стоялъ безъ шубы и съ нетерпѣніемъ ожидалъ того, когда они кончатся.

Въ умѣ его, противъ собственнаго желанія, проходили довольно странныя мысли. Въ саду въ это время летали кой-какія птички и что-то такое чирикали; въ воздухѣ раздавался благовѣстъ къ вечернѣ въ сосѣднемъ приходѣ. Князю припомнилось его дѣтство, когда онъ именно въ эти часы гулялъ въ саду; потомъ мелькнулъ въ его воображеніи образъ Елены, жены и затѣмъ пришла мысль, что черезъ нѣсколько мгновеній, можетъ быть, онъ ничего не будетъ ни видѣть, ни чувствовать. Жуквичъ, съ своей стороны, тоже стоялъ съ довольно мрачнымъ выраженіемъ, и при этомъ красивые глаза его неустанно и пристально были устремлены на молодаго секунданта, который наконецъ зарядилъ пистолеты, и, проговоря не громкимъ и нѣсколько взволнованнымъ голосомъ: «готовы», вручилъ ихъ противникамъ. Тѣ встали на свои мѣста и начали подходить къ барьеру. Николя, все время было стоявшій около князя и какъ-бы желавшій его тѣмъ защитить, при видѣ, что Жуквичъ направляетъ свой пистолетъ въ ихъ сторону, заоралъ благимъ матомъ: «погодите, постойте, постойте»! и бросился въ кусты.

— Станьте-жъ вотъ тутъ около меня, здѣсь безопасно! сказалъ ему съ насмѣшкой секундантъ Жуквича.

Digitized by Google

Николя подскочилъ къ нему и всталъ за нимъ. Князь прицѣлился въ самый лобъ Жуквича и выстрѣлилъ. Вслѣдъ затѣмъ выстрѣлилъ и Жуквичъ, но при этомъ онъ замѣтно держалъ пистолетъ въ бокъ отъ князя. Оба противника оказались невредимы.

— Еще стрѣляться!.. Еще!... закричалъ было князь.

Жуквичъ на это склонилъ немного голову.

— Я-жъ принялъ разъ отъ васъ вызовъ, не будучи ни въ чемъ передъ вами виновенъ; но быть вашей постоянной мишенью я не желаю!

— Но все-таки я васъ убью!... Я убить васъ хочу!... кричалъ князь.

— Убить-жъ вы меня можете... тогда законъ васъ накажетъ за то! проговорилъ Жуквичъ, пожимая плечами. — Идемте-жъ! присовокупилъ онъ своему секунданту.

Тотъ былъ совсѣмъ готовъ и даже держалъ пистолеты подъ мышкой; они отправились.

— Постойте, постойте!... кричалъ было имъ князь задыхающимся голосомъ.—Оглоблинъ, остановите ихъ! присовокупилъ онъ, обращаясь къ Николѣ. У самого князя силъ, кажется, не было тронуться съ своего мѣста. Онъ стоялъ, одною рукою держась за дерево, а другою схватясь за свой бокъ.

Николя, впрочемъ, его не послушалъ и принялся его уговаривать.

— Да нельзя, князь, по законамъ дуели этого нельзя! убѣждалъ онъ его.

— О, Боже мой, Боже мой! простоналъ князь и, шатаясь, пошелъ изъ саду. Николя послѣдовалъ за нимъ. Онъ каждую минуту ожидалъ, что князь упадетъ; однако тотъ дошелъ до дому, взошелъ даже на лѣстницу, прошелъ въ свой кабинетъ и сѣлъ тамъ на канапе.

Николя смотрѣлъ на него оторопѣлыми глазами.

— Пошлите за докторомъ.... я умираю!... произнесъ наконецъ князь, упадая на канапе.

— Но вы не ранены ли? спросилъ Николя испуганнымъ голосомъ.

— Нѣтъ! отвѣчалъ съ досадой князь.

Николя вышелъ и сказалъ людямъ, чтобъ ѣхали за докторомъ. Тѣ, разумѣется, поскакали за Елпидифоромъ Мартынычемъ. Тотъ, съ своей стороны, не смотря на причиненное ему княземъ оскорб-

Digitized by Google

леніе, немедля пріѣхалъ. Николя, между тѣмъ, чтобы не безпокоить больнаго, ходилъ уже по залѣ.

— Струсилъ это онъ,—что тутъ хвастать-то!... нечего!... Захворалъ, вотъ, даже! шепталъ онъ самъ съ собой своими губищами.

Елпидифоръ Мартынычъ, осмотрѣвъ князя, вышелъ изъ кабинета съ озабоченнымъ лицемъ.

— Что такое съ нимъ? спросилъ его Николя.

Елпидифоръ Мартынычъ въ отвѣтъ махнулъ только рукой.

— Все тутъ есть!... и воспаленіе печени, и давленіе на мозгъ, и не разберешь сразу-то... проговорилъ онъ какимъ-то даже растерянным голосомъ.

— У нихъ тутъ съ Жуквичемъ сейчасъ дуель была!.. Я секундантомъ былъ у князя! не утерпѣлъ Николя и началъ извергать изъ себя.

— А!.. произнесъ съ удивленіемъ Елпидифоръ Мартынычъ.— Но за что же это? присовокупилъ онъ.

— Должно быть, изъ-за этой Жиглинской, что у насъ теперь служитъ!

— Такъ!... Да!.. Вѣрно, что такъ! подтверждалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Едва растащилъ ихъ!... Князь хотѣлъ другой разъ стрѣляться! продолжалъ Николя расказывать.

— А!.. повторилъ еще разъ съ удивленіемъ Елпидифоръ Мартынычъ.

А. Писемскій.

Digitized by Google

МЕЛКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

въ связи

съ артельнымъ началомъ

и

поземельною общиною.

Вопросы народнаго хозяйства, всегда живые и насущные, но временно заслоненные другими неотложными задачами русской жизни, въ настоящее время снова начинаютъ выдвигаться на первый планъ. Развивающееся земство, по удовлетвореніи первыхъ, обязательныхъ надобностей, обнаружило во многихъ мѣстахъ Россіи стремленіе улучшить условія хозяйственной дѣятельности мѣстнаго населенія и даже направить ее на болѣе производительные пути. Правда, такія явленія, какъ введеніе артельнаго сыроваренія, устройство ссудосберегательныхъ товариществъ, учрежденіе техническихъ школъ, съ цѣлію распространить лучшіе пріемы хозяйства, составляютъ еще рѣдкое исключеніе въ общемъ ходѣ жизни нашего земства; но уже то обстоятельство, что за подобныя мѣры взялись земства тверское, новгородское, вятское и проч., которыя въ рѣшеніи другихъ прежде представившихся задачъ опередили остальныя, даетъ основаніе полагать, что для вопросовъ хозяйственныхъ улучшеній уже наступила очередь, что и остальныя земства рано или поздно нойдутъ по этому пути. Дѣйствительно, задачи земства широки; его нужды возрастаютъ; оно еще почти не подходило серьезно ни къ одной изъ разнообразныхъ частей своей програмы, а между тѣмъ уже въ настоящее время его подавляетъ тяжесть бюджетовъ; уже теперь земскія недоимки составляютъ фактъ почти

Digitized by Google

повсемѣстный, уже сплошь и рядомъ вы встрѣтите и горькія жалобы плательщиковъ на высокій размѣръ земскихъ налоговъ, и оброчку весьма полезныхъ мѣропріятій по невозможности увеличить земскіе сборы. Эта скудость податныхъ источниковъ еще 19 не бросается всѣмъ въ глаза, благодаря предпринятому пересмотру податной системы. Оказывается, что если переложить на общество одни личные налоги, то на землю, во многихъ мѣстахъ единственный видъ цѣнныхъ имуществъ, придется такая доля, которая, за немногими исключеніями, поглотитъ весь получаемый теперь чистый поземельный доходъ. Если разложенія личныхъ податей на землю, по общему отзыву, не могутъ вынести даже поземельные собственники, то что же сказать о крестьянахъ, на которыхъ, кромѣ государственныхъ и земскихъ налоговъ, лежатъ еще или оброчные, или выкупные платежи?

Чтобы пояснить на частномъ примѣрѣ отношеніе крестьянскихъ платежей къ доходамъ, возьмемъ какой-либо уѣздъ Московской губерніи, для которой превосходное изданіе московской губернской земской управы: «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи за 1869 годъ», даетъ всѣ главные элементы вычисленія. Мы видимъ, на примѣръ, что въ Подольскомъ уѣздѣ количество крестьянскихъ земель, подлежащихъ земскому обложенію, равняется 112.841 десятинѣ; ежегодная доходность всѣхъ этихъ земель по земскимъ раскладкамъ исчислена въ 182.097 руб. Что земская оцѣнка, за отсутствіемъ правильной кадастраціи земель, есть только приблизительная,—это, конечно, не можетъ подлежать сомнѣнію. Но если принять во вниманіе, что основанія для исчисленія доходности выработаны людьми, по собственному опыту, близко знакомыми съ мѣстными условіями; что продажная цѣна земель въ Московской губерніи въ настоящее время рѣдко превышаетъ 25 руб., а арендная плата на пахатныя земли 1 р. 50 к.—2 р. съ десятины, то нельзя не согласиться, что земская оцѣнка по крайней мѣрѣ близко подходитъ къ истинѣ. Посмотримъ же теперь, какіе налоги несутъ крестьяне Подольскаго уѣзда. Въ 1868 году на всѣхъ 36.327 душахъ крестьянъ уѣзда лежало: подушной подати 72.655 р. 70 к., государственнаго земскаго сбора 39.596 р. 43 к., дорожнаго 32-хъ копѣечнаго сбора 8.355 руб. 21 к., поземельнаго сбора на земскія повинности (принимая, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, цифру меньшую дѣйствительной, именно половину всего сбора) 10.780 р. 17 к. Сверхъ того съ государственныхъ крестьянъ

Digitized by Google

вдовало оброчной подати 54.927 р. 75 к., съ нихъ же общественныхъ сборовъ 4.400 р. 51 к., съ бывшихъ временно-обязанныхъ крестьянъ, вышедшихъ на выкупъ, ежегоднаго выкупнаго платежа 67.342 р. 06 к., выкупнаго платежа съ удѣльныхъ крестьянъ 22.315 р. 77 к. Итого 280.373 р. 30 к. Такимъ образомъ, не включая даже повинностей временно-обязанныхъ крестьянъ, не вышедшихъ на выкупъ, относительно помѣщиковъ, не причисляя дополнительныхъ платежей выкупившихся крестьянскихъ обществъ, не принимая въ расчетъ стоимости различныхъ лежащихъ на крестьянахъ натуральныхъ повинностей, мы видимъ, что сумма однихъ прямыхъ платежей, отбываемыхъ крестьянами Подольскаго уѣзда, болѣе чѣмъ въ $1^1/_2$ раза превышаетъ исчисленный земствомъ чистый доходъ съ принадлежащихъ имъ удобныхъ земель. Правда, крестьяне Подольскаго уѣзда, какъ подмосковные, имѣютъ и другіе заработки, но въ такомъ случаѣ они платятъ и новые налоги; всѣ же исчисленные сборы взимаются съ нихъ, какъ съ владѣльцевъ земли, въ предположеніи извѣстнаго чистаго поземельнаго дохода, и слѣдовательно должны быть приравнены къ землѣ.

Такъ какъ другіе уѣзды средней полосы Россіи съ разсматриваемой нами стороны мало чѣмъ отличаются отъ Подольскаго, то выходитъ, что, по отношенію къ главнѣйшему податному источнику—землѣ, для значительнѣйшей части русскаго населенія, предѣлъ обложенія не только достигнутъ, но даже значительно перейденъ. Преобразованіе подушныхъ сборовъ, быть можетъ, переложитъ на другіе класы часть лежащей на крестьянахъ податной тяжести, но во всякомъ случаѣ это облегченіе не можетъ существенно измѣнить положеніе дѣла. Вся сумма подушнаго сбора (подушная подать, государственный земскій сборъ, дорожный сборъ) равняется лишь $42^1/_2\%$ исчисленныхъ выше платежей; при какомъ бы то ни было способѣ переложенія подушныхъ сборовъ, на крестьянскія имущества не можетъ пасть менѣе половины нынѣ платимой ими суммы. Въ самомъ лучшемъ случаѣ, значитъ, на крестьянахъ будетъ лежать, вмѣсто 280 т., 220 т. рублей, то есть, въ $1^1/_4$ раза болѣе общей суммы чистаго дохода съ ихъ земель.

Такое напряженіе податной способности, понятно, не можетъ держаться долгое время, не приведя плательщиковъ къ крайнему истощенію. Земству и государству остается одно изъ двухъ: или, сокративъ расходы, уменьшить сборы, или же увеличить подат-

Digitized by Google

ную способность плательщиковъ. Сокращеніе расходовъ едва ли представляется осуществимымъ на дѣлѣ. Чѣмъ далѣе живетъ государство и земство, тѣмъ многообразнѣе становятся ихъ потребности, тѣмъ болѣе справедливыхъ запросовъ обращаетъ къ нимъ общество. Чтобъ удовлетворить однѣ столь неотложныя надобности, какъ распространеніе первоначальнаго образованія въ массахъ народа и приведеніе въ сколько нибудь сносный видъ земскихъ дорогъ, потребуются десятки милліоновъ ежегодныхъ затратъ. Слѣдовательно, увеличеніе дохода отъ русскаго народнаго хозяйства, съ точки зрѣнія матеріальнаго расчета государства и земства, является насущною, неотложною необходимостью, составляя единственное средство привести возрастающіе расходы въ нѣкоторое равновѣсіе съ доходами страны. Мы не будемъ при этомъ говорить о другихъ сторонахъ вопроса; не будемъ касаться того, на сколько удовлетворяетъ чувству справедливости картина всеобщей бѣдности освобожденнаго русскаго крестьянства; мы не станемъ затрогивать больнаго мѣста современной Россіи — распущенности и пьянства, какъ слѣдствій той же бѣдности и проч. Все это уже изслѣдовано и только омрачаетъ и безъ того не свѣтлую картину, которую рисуютъ предъ нами на выдержку взятыя цифры земскаго сборника.

Когда заходитъ рѣчь объ улучшеніи народнаго хозяйства въ нашемъ отечествѣ, вниманіе всѣхъ невольно обращается къ сельскохозяйственной промышленности. Такія мѣры, какъ введеніе болѣе раціональной земледѣльческой культуры, усовершенствованіе скотоводства, представляются единственнымъ широко объемлющимъ средствомъ увеличить доходы и возвысить благосостояніе русскаго населенія. Если бросить взглядъ на громадныя пространства плодородной земли, которыми надѣлена Россія, если принять въ соображеніе, что $^{9}/_{10}$ ея населенія занято сельскохозяйственнымъ промысломъ; то передъ этимъ послѣднимъ блѣднѣютъ, по видимому, всѣ другія народныя занятія, такъ что государству и народу не остается ничего болѣе, какъ сосредоточить всю энергію на реформахъ сельскаго хозяйства. Но вполнѣ раздѣляя неотложную необходимость улучшеній на этомъ поприщѣ, мы однакожь не можемъ не признавать въ нѣкогда общераспространенномъ и нынѣ еще находящемъ приверженцевъ стремленіи видѣть Россію государствомъ чисто или преимущественно земледѣльческимъ — односторонняго увлеченія. И опытъ западной Европы и новая экономическая наука единогласно свидѣтельствуютъ про-

Digitized by Google

тивъ крайностей избитой теоріи международнаго раздѣленія промышленнаго труда. Гдѣ въ Европѣ встрѣчается наиболѣе раціональное сельское хозяйство?—Въ Англіи и Бельгіи, странахъ съ высокоразвитою обработывающею промышленностью. На оборотъ, въ богато одаренной отъ природы Венгріи, гдѣ почти нѣтъ мануфактуръ, мы видимъ хозяйство близко подходящее къ нашему. Переходъ къ высшей земледѣльческой культурѣ возможенъ единственно при поднятіи цѣнъ на земледѣльческія произведенія, при существованіи оборотнаго капитала и при той промышленной предпріимчивости и расторопности, которую рѣдко даетъ человѣку земледѣльческій промыселъ. Если вблизи земледѣльца не перерабатываются его произведенія, то у него нѣтъ сбыта для громоздкихъ продуктовъ, составляющихъ основу плодоперемѣнной системы, и весь сѣвооборотъ по необходимости будетъ основанъ на разведеніи растеній, выносящихъ отдаленную перевозку. Сбывая продукты вдали отъ мѣстъ производства, земледѣлецъ теряетъ стоимость перевозки и тѣмъ отрываетъ у себя значительную долю своего, и безъ того малаго, дохода. При такихъ условіяхъ нельзя, очевидно, ожидать ни выгодныхъ цѣнъ, ни прилива къ землѣ капиталовъ.

Изъ этихъ положеній, выведенныхъ путемъ наблюденія надъ историческимъ развитіемъ сельскаго хозяйства, выходитъ, что даже въ нашей черноземной полосѣ, не смотря на неистощимый запасъ производительныхъ силъ въ ея благодатной почвѣ, не представляется выгоды остановиться исключительно на сельскохозяйственномъ промыслѣ. Отъ ея богатыхъ урожаевъ, пересылаемыхъ на другой край Европы, теперь достаются выгоды не земледѣльцамъ, а тѣмъ многочисленнымъ посредникамъ, которые стоятъ между производителемъ и потребителемъ. Ея многолѣтнія скирды нерѣдко гніютъ безъ пользы для страны, а народъ, ее населяющій, коснѣетъ въ бѣдности. Проведеніе желѣзныхъ дорогъ нѣсколько измѣнило такое положеніе дѣлъ, возвысивъ цѣну земледѣльческихъ произведеній; но, немного лѣтъ тому назадъ, чисто земледѣльческіе округи Украйны были бѣднѣе, нежели многія селенія безплодной Архангельской губ. Если нераціонально даже въ черноземной полосѣ основать хозяйство на одномъ земледѣліи, то что же сказать объ остальныхъ $^2/_3$ пространства Россіи, гдѣ средній урожай хлѣбовъ вдвое меньше, гдѣ въ 15 губерніяхъ недостаетъ хлѣба на пропитаніе мѣстныхъ жителей, гдѣ дохода отъ земли не хватаетъ, какъ мы видѣли, даже

Digitized by Google

на уплату податей? Уже одна кратковременность періода земледѣльческихъ работъ заставляетъ жителей средней и сѣверной полосъ Россіи искать другихъ занятій, чтобы наполнить остающееся свободное время и хоть отчасти наверстать скудный заработокъ короткаго лѣта.

Такимъ образомъ мануфактурная промышленность имѣетъ первостепенную важность для нашего отечества, являясь на всемъ его пространствѣ необходимымъ условіемъ успѣшнаго выполненія земледѣльческаго его призванія, а для двухъ третей европейской Россіи составляя единственное средство если не разлить хоть какое нибудь благосостояніе въ массѣ крестьянства,—что до сихъ поръ нерѣдко признается многими излишнею заботой,—то, по крайней мѣрѣ, сохранить крестьянскіе овины отъ продажи за государственныя и земскія недоимки, что едва ли кѣмъ можетъ быть признано излишнимъ, въ виду недавнихъ фактовъ, выведенныхъ наружу въ Смоленской губ. Если эта важность нерѣдко ускользала отъ зоркаго на многое другое взора руководителей судьбами земли русской, зато не ускользнула она отъ вниманія самого народа. Съ самыхъ раннихъ временъ исторіи Россія имѣла ремесла и промыслы. Наши сукна и холсты давно составляли предметъ заграничной торговли. Въ половинѣ XVII вѣка Ярославль, Валдай, Каргополь и нѣкоторыя мѣста по Двинѣ славились ткачествомъ полотенъ, Холуй иконописаніемъ, Вологда и Устюгъ издѣліями изъ серебра съ чернью, мѣстность, занимаемая Тульскою губ., выплавкою руды и желѣза, Павлово на Окѣ замочнымъ дѣломъ. Въ XVII столѣтіи цѣлыя подмосковныя деревни занялись ремесленнымъ производствомъ: жители однѣхъ сдѣлались ткачами, другихъ—кожевниками, третьихъ—телѣжниками, кузнецами и т. п. *). Не вдаваясь въ подробности о занятіяхъ нашихъ предковъ, мы не можемъ однакожъ не остановить вниманія на томъ самобытномъ характерѣ, который естественныя условія и исторія древне-русской жизни сообщили этимъ первымъ зачаткамъ народной техники. Тогда какъ на Западѣ мануфактурная промышленность сосредоточилась въ городахъ, и представители ея, благодаря цеховому устройству, выдѣлились въ особый класъ, у насъ промыслы распространились преимущественно въ средѣ сельскаго населенія, которое посвящало имъ время, свободное отъ земледѣльческихъ занятій.

*) *А. Корсакъ.* «О формахъ промышленности», стр. 117—121.

Digitized by Google

Разсѣянные повсюду, постоянно бродившіе по обширному пространству земли русской, ремесленники не могли составлять плотныхъ союзовъ; ремесло имѣло не корпоративный, какъ на Западѣ, а скорѣе семейный, патріархальный характеръ. Ремесленникъ работалъ въ своемъ домѣ, окруженный семьей и немногочисленными учениками. Какъ скоро оказывалось подъ рукой удобство въ добываніи сыраго матеріала или особенно благопріятныя условія сбыта издѣлій, эта семейная домашняя промышленность укрѣплялась въ извѣстныхъ пунктахъ и увлекала за собою все окрестное населеніе. Населеніе охотно принималось за новый промыселъ, привыкало къ нему, пріобрѣтало извѣстность и пріучало къ себѣ покупателей. Промыселъ дѣлался наслѣдственнымъ и передавался отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Такимъ образомъ уже ко времени реформъ Петра у насъ сложилась самобытная форма народной промышленности, отличительными чертами которой были сельскій характеръ и распространеніе однородныхъ занятій въ цѣлыхъ округахъ. Петръ ясно понималъ значеніе обрабатывающей промышленности для Россіи и для развитія ея принялъ энергическія мѣры; но пренебрегши самобытными, хотя и несовершенными зачатками народныхъ мануфактуръ, онъ, вмѣсто того, чтобы воспитать эти зародыши, вздумалъ сразу въ готовомъ видѣ перенести на русскую почву фабричный способъ производства, который такъ увлекъ его во время путешествій по Европѣ. Между тѣмъ, привыкшее къ вольному труду, воспитанное среди условій патріархальнаго быта, достаточно обезпечиваемое заработками доморощенныхъ промысловъ, русское сельское населеніе естественно обнаружило отвращеніе къ фабричной работѣ. Впрочемъ крутыя мѣры правительства, основаніе казенныхъ фабрикъ, всевозможныя привиллегіи основателямъ фабрикъ, запрещеніе вывоза многихъ сырыхъ продуктовъ, ограниченіе ввоза иностранныхъ фабрикатовъ, искусственное привлеченіе иноземныхъ капиталистовъ, приписка къ фабрикамъ крестьянъ,—хотя насильственно, путемъ труднаго, болѣзненнаго процеса, но привили къ русской жизни фабричную промышленность. Фабрики и заводы сосредоточились около столицъ. Уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Москвѣ считалось 167 фабрикъ и 172 завода. Запретительные тарифы, слѣдовавшіе одинъ за другимъ въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, и промышленный переворотъ, произведенный машинами, дали новую жизнь фабричному производству, и въ настоящее время уже одна Москва съ

Digitized by Google

губерніей насчитываетъ до 1.700 фабричныхъ заведеній съ ежегодными оборотами болѣе чѣмъ на 100 милл. р.

Опыты западной Европы показываютъ, что возникновеніе крупной промышленности дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ на мелкіе промыслы. Раздѣленіе труда, введеніе машинъ, доступность пособій науки и техники даютъ фабрикамъ возможность не только произвести при тѣхъ же рабочихъ силахъ неизмѣримо большее количество продуктовъ, но и сообщить послѣднимъ качества, недостижимыя для мелкаго предпринимателя; а сравнительная экономія въ стоимости первоначальнаго устройства, выгодная закупка сыраго матеріала, болѣе разумная эксплуатація суровья, легкость и дешевизна кредита дозволяютъ крупному промышленнику вести дѣло съ несравненно меньшими издержками. Лишенный всѣхъ этихъ выгодъ, мелкій предприниматель, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго періода борьбы, изнемогаетъ въ неровной конкурренціи и становится въ ряды фабричныхъ работниковъ. Такъ погибло въ Англіи прежде широко развитое ткачество полотенъ и хлопчатобумажныхъ издѣлій, едва держится старинное національное приготовленіе шерстяныхъ тканей, влачитъ жалкое существованіе ткачество шелковыхъ издѣлій. Вездѣ въ Европѣ эти гиганты промышленности обнаружили способность притягивать и поглощать мелкія промышленныя заведенія, которыя нѣкогда разливали довольство въ странѣ.

Фабричная форма, не смотря на сравнительно недавнее появленіе и менѣе широкое развитіе, успѣла уже и въ Россіи обнаружить свое обычное дѣйствіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ частію вовсе исчезли, частію сократились, частію даютъ малый заработокъ старинные, нѣкогда столь выгодные промыслы. Не ходя далеко за примѣрами, мы можемъ указать на уничтоженіе льнянаго пряденія и ткачества въ Московской и Владимірской губерніяхъ, гдѣ еще въ началѣ нынѣшняго и въ концѣ прошлаго столѣтія главнымъ занятіемъ жителей было изготовленіе льняныхъ издѣлій. Пряденіе, гдѣ оно удержалось въ видѣ промысла, на примѣръ, въ Ярославской губерніи, даетъ жалкій доходъ. Подмосковная промышленность, еще лѣтъ десять тому назадъ такъ сильно распространенная между крестьянами Богородскаго уѣзда, теперь значительно сократилась. Но вліяніе русскихъ фабрикъ еще не зашло слишкомъ далеко. Даже въ центрѣ фабричной дѣятельности, Московской и смежныхъ съ нею губерніяхъ, существуетъ до сихъ поръ множество мелкихъ крестьянскихъ промыс-

Digitized by Google

ловъ. Въ 60-хъ годахъ, изъ общаго числа работниковъ изъ государственныхъ крестьянъ, занятыхъ различными отраслями обработывающей промышленности, на 100 человѣкъ промышленниковъ приходилось: въ Звенигородскомъ уѣздѣ всего 17% фабричныхъ работниковъ, въ Ярославской губерніи не болѣе 7%, въ Тверской не болѣе 3%. Можно утвердительно сказать, что по количеству занятыхъ рукъ мелкіе промыслы занимаютъ въ Россіи несравненно болѣе видное мѣсто, чѣмъ фабрики и заводы.

Не должны ли мы, однако, смотрѣть на широкое распространеніе въ Россіи мелкихъ промысловъ какъ на явленіе временное, находящее свое объясненіе въ недавнемъ существованіи и недостаточномъ развитіи у насъ фабричной формы, которая по тому самому еще не успѣла захватить себѣ исключительнаго господства въ промышленномъ мірѣ?—Не думаемъ. Фабричное производство, при всѣхъ его преимуществахъ, имѣетъ ограниченную область примѣненія, опредѣляемую постоянными, изъ основныхъ его свойствъ вытекающими законами и измѣняющимися для каждаго народа обстоятельствами мѣста и времени. Главная выгода фабричной формы обусловливается приложеніемъ къ труду механической силы, а механизмъ пригоденъ только тамъ, гдѣ движеніе болѣе или менѣе однообразно, состоитъ въ повтореніи однѣхъ и тѣхъ же операцій и можетъ быть строго опредѣлено и расчитано заранѣе, гдѣ требуются непрерывность дѣйствій, точность и сила. Чѣмъ сложнѣе комбинація разныхъ движеній, тѣмъ труднѣе дѣйствіе машины, въ особенности, если движеніе должно измѣняться по индивидуальному свойству предмета, по неодинаковому виду, величинѣ и твердости. Нѣтъ сомнѣнія, что усовершенствованія техники постепенно будутъ дѣлать для машинъ все доступнѣе сложныя комбинаціи движеній; но техническая возможность не всегда сходится съ возможностью экономическою: самые остроумные механизмы часто оказываются неприложимыми къ практикѣ по дороговизнѣ ихъ устройства и содержанія.—Съ другой стороны, фабричное производство требуетъ значительныхъ затратъ. Эти затраты возможны лишь въ томъ случаѣ, если издѣлія фабрики имѣютъ обширный сбытъ. Размѣры же сбыта, при однообразіи, свойственномъ вообще механическимъ издѣліямъ, обусловливаются степенью всеобщности тѣхъ потребностей, которымъ эти издѣлія удовлетворяютъ. Правда, фабрики создаютъ новый спросъ, удешевляя издѣлія чрезъ замѣну ручнаго труда механическимъ; но эта удешевляющая способность не безгранична, находясь въ за-

Digitized by Google

висимости отъ отношенія, въ какомъ, въ издержкахъ производства, заработная плата стоитъ къ другимъ ихъ элементамъ. Гдѣ въ цѣнѣ товара главную роль играетъ стоимость матеріала, тамъ даже значительное уменьшеніе небольшой доли издержекъ, причитающихся на трудъ, не въ состояніи расширить сбытъ до такой степени, чтобъ окупились издержки на заведеніе машинъ. Этимъ ограниченнымъ примѣненіемъ машинъ къ производству объясняется то явленіе, что даже въ такихъ государствахъ, гдѣ фабричность развита всего полнѣе, существуетъ на ряду съ нею и всегда будетъ существовать множество мелкихъ промысловъ. Въ Англіи въ 1841 году на 1.000.000 фабричныхъ приходилось 1.047.077 ремесленниковъ; въ королевствѣ саксонскомъ на фабрикахъ работало 135 т. человѣкъ и внѣ ихъ 228 т. *).

Переходя отъ изложеннаго общаго закона къ мѣстнымъ причинамъ, опредѣляющимъ взаимное отношеніе крупной и мелкой промышленности, прислушаемся къ голосу самихъ русскихъ фабрикантовъ. Они справедливо указываютъ на сравнительную съ западною Европой дороговизну первоначальнаго устройства фабричныхъ заведеній, на необходимость имѣть больше запасовъ сыраго матеріала, на неудовлетворительное состояніе путей сообщенія, на трудность починки машинъ, при повсемѣстномъ, кромѣ столицъ, отсутствіи механическихъ заведеній, на неразвитость кредита, а главное дѣло—на свойства рабочихъ, которые большею частію удаляются для полевыхъ работъ и вообще отличаются неустойчивостью, слишкомъ частою мѣной занятій **). Сюда нужно присоединить еще обстоятельства, затрудняющія самое основаніе фабрикъ. У насъ мало капиталовъ и еще менѣе замѣтно скопленія ихъ въ однѣхъ рукахъ; у насъ незначителенъ класъ спеціальныхъ фабричныхъ рабочихъ, которыхъ необходимость заставляла бы подчиняться тяжелой фабричной субординаціи. На московскихъ фабрикахъ общая жалоба, въ послѣднее время, на недостатокъ рабочихъ.—Такимъ образомъ, русскимъ фабрикантамъ сравнительно труднѣе вести свои дѣла и, по этому одному, мелкой промышленности сравнительно легче держаться на ряду съ ними, нежели на Западѣ. Но на сторонѣ послѣдней есть свои особенные мѣстные шансы успѣха. Въ промышленномъ соперничествѣ всегда

*) W. Roscher. Ueber die grosse und Kleine Industrie.

**) «Мнѣніе постоянной депутаціи московскихъ купеческихъ съѣздовъ», стр. 191—202.

Digitized by Google

рѣшаетъ дѣло дешевизна издѣлій. А такая дешевизна всего достижимѣе для земледѣльцевъ ремесленниковъ, которые, какъ у насъ въ Россіи, владѣя небольшимъ количествомъ земли, свободное отъ сельскихъ работъ время посвящаютъ домашнимъ промысламъ и смотрятъ на эти послѣдніе какъ на подспорье, а не какъ на главный доходъ.

Итакъ, русской промышленности, въ нѣкоторыхъ ея отрасляхъ, какъ, на примѣръ, въ столь распространенной въ Россіи выдѣлкѣ металлическихъ и деревянныхъ издѣлій, уже по самому роду производства, не страшно соперничество фабричныхъ предпріятій; въ другихъ же видахъ, болѣе доступныхъ для крупнаго производства, это соперничество, по мѣстнымъ условіямъ, не такъ опасно, какъ слѣдовало бы того ожидать, на основаніи фактовъ промышленной исторіи западной Европы.

Мы видѣли, что самъ русскій народъ инстинктивно понялъ и по-своему разрѣшилъ задачу, поставленную для него естественными условіями страны, создавъ на ряду съ земледѣліемъ самобытную форму обработывающей промышленности. Имѣя прочные корни въ самомъ строѣ нашей страны и характерѣ народа, эта форма получила широкое распространеніе, имѣетъ задатки жизненности, и хотя никто не приходилъ къ ней на помощь, держится и будетъ держаться на ряду съ фабричною формой, которая при первыхъ всходахъ и дальнѣйшемъ ростѣ постоянно встрѣчала дѣятельную заботу со стороны правительства. Уже въ силу одного столь широкаго распространенія и прочности, наша мелкая промышленность должна привлечь вниманіе тѣхъ, кто желалъ бы содѣйствовать успѣхамъ народнаго труда. Хороша или дурна эта форма, но она есть совершившійся фактъ, существованіе котораго мы прекратить не въ силахъ и отъ котораго, потому, если только не желательно строить зданіе на пескѣ, должны отправляться попытки улучшеній. Насъ привлекаютъ къ себѣ преимущества фабрикъ; но если русскій народъ теперь обѣгаетъ и еще долго будетъ обѣгать ихъ; если, вслѣдствіе изложенныхъ выше причинъ, трудно ожидать быстрыхъ успѣховъ фабричности на русской почвѣ, а безъ того приливъ рабочихъ рукъ только уронилъ бы и теперь уже невысокую заработную плату фабричныхъ, — то остается одно: проникнуть въ среду крестьянской мастерской и

Digitized by Google

въ ожиданіи, пока вся Россія задымится фабричными трубами, посмотрѣть, нельзя ли въ этой средѣ найти какіе либо задатки для развитія столь необходимой нашему отечеству мануфактурной промышленности?

На первыхъ же шагахъ знакомства съ положеніемъ крестьянскихъ промысловъ, мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ, по видимому, страннымъ явленіемъ. Извѣстно, что рабочій на фабрикѣ, при помощи машинъ, производитъ въ десятки разъ большее количество продуктовъ, нежели при ручной работѣ; трудъ его производительнѣе, слѣдовательно долженъ быть и выгоднѣе для самого трудящагося. А между тѣмъ на дѣлѣ выходитъ иное. Дѣйствовавшая лѣтъ 15 тому назадъ коммисія по уравненію денежныхъ сборовъ, произведя оцѣнку годовыхъ заработковъ государственныхъ крестьянъ Московской губерніи, нашла и доказала, что сельскіе ремесленники заработываютъ болѣе, нежели большинство работающихъ на фабрикахъ, за исключеніемъ однихъ фабричныхъ мастеровъ *). Гдѣ причина этой аномаліи?—При фабричной формѣ предприниматель и работникъ суть различныя лица. Сосредоточивая въ своихъ рукахъ силу знанія и капитала, хозяинъ предприниматель имѣетъ всѣ средства къ тому, чтобы предписать голодной и безсильной массѣ рабочихъ условія дѣлежа добываемыхъ продуктовъ и оставить за собою львиную часть изъ общей массы получаемаго дахода. Фабричное населеніе постепенно впадаетъ въ экономическую зависимость отъ предпринимателей, и чѣмъ дальше, тѣмъ тяжелѣе и безъисходнѣе становится его положеніе. Между тѣмъ въ мелкой промышленности роли предпринимателя и работника соединяются обыкновенно въ одномъ лицѣ. Въ значительномъ большинствѣ крестьянскихъ промысловъ каждое лицо ведетъ работу за свой счетъ, какъ собственное предпріятіе; но если даже, въ исключительныхъ случаяхъ, попадаются здѣсь и состоящіе на опредѣленной платѣ рабочіе, то при дешевизнѣ обзаведенія орудіями, при несложности хозяйства, каждый, перенявъ пріемы промысла, легко можетъ начать собственное дѣло. Такимъ образомъ, не говоря о самостоятельныхъ предпринимателяхъ, положеніе даже рабочихъ въ мелкихъ промыслахъ вообще выгоднѣе, нежели на фабрикахъ, такъ какъ они не теряютъ своей экономической самостоя-

*) Подробныя данныя—въ «Матеріалахъ для статистики Россіи, собранныхъ по вѣдомству министерства государственныхъ имуществъ». Вып. I.

Digitized by Google

тельности, не повергаются въ беззащитную зависимость отъ предпринимателя.—Есть еще одна существенная выгода на сторонѣ русскаго мастера крестьянина. Переходя отъ земледѣлія къ промыслу, завѣдуя лично многообразными операціями закупки матеріаловъ, продажи издѣлій и самаго ихъ производства, онъ менѣе подверженъ опасности нравственнаго отупѣнія, превращающаго человѣка въ машину, которое составляетъ естественный результатъ крайняго однообразія фабричныхъ занятій, раздѣленныхъ на сотни отдѣльныхъ дѣйствій и доведенныхъ до простоты движеній механизма. Работая среди близкихъ ему людей, не выходя изъ родной привычной обстановки, крестьянинъ промышленникъ легче сохранитъ свои человѣческія чувства и человѣческую личность, нежели фабричный рабочій, оторванный отъ семьи, промѣнявшій свободную независимость родныхъ полей на душную среду фабрики.

Но выставляя на видъ жизненность и свѣтлыя стороны нашей деревенской промышленности, мы однакожь далеки отъ того, чтобы рисовать черты ея въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ. Поразительная отсталость въ нѣкоторыхъ отрасляхъ нашихъ промысловъ уменьшаетъ производительность и доходность народнаго труда. Крестьяне далеко не всегда обработываютъ матеріалы, которые близко находятся подъ руками. Возникая вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, удобствъ сбыта, сосредоточиваясь близъ большихъ центровъ промышленности, проѣздныхъ путей, большихъ ярмарокъ, промыслы иногда попадаютъ въ такія мѣстности, гдѣ естественныя условія прямо невыгодны для занятія даннымъ производствомъ. Пріобрѣтеніе матеріала издалека, изъ десятыхъ рукъ, всегда обходится дороже; а если присоединить сюда невыгодность закупокъ по мелочамъ, притомъ большею частію въ кредитъ, то понятно, какую долю дохода приходится иногда уступать крестьянину на самомъ первомъ фазисѣ промышленнаго дѣла—добываніи суровья. Всего печальнѣе, что изъ подобнаго положенія дѣлъ развивается постепенно тяжелая зависимость отъ владѣльцевъ суровья, доходящая по временамъ до полной кабалы, при которой самостоятельный по внѣшнему виду промышленникъ работаетъ въ сущности на другаго. Получая матеріалъ въ долгъ, мастеръ обязуется доставлять кредитору изготовленныя издѣлія, и оттого терпитъ двойной убытокъ—въ пріобрѣтеніи матеріала и сбытѣ издѣлій. Такъ, на примѣръ, поставлена ножевая промышленность въ Ворсмѣ и Павловѣ, гдѣ большая часть мастеровъ

Digitized by Google

работаютъ на нѣсколькихъ монополистовъ, снабжающихъ ихъ своимъ матеріаломъ. Столь же стѣснено положеніе крестьянской промышленности въ отношеніи сбыта произведеній. Работая часто на отдаленныхъ покупателей, не обладая знакомствомъ съ мѣстами и условіями сбыта, не имѣя даже возможности, по небольшому количеству издѣлій, непосредственно отправлять ихъ въ мѣста потребленія, а между тѣмъ, вынуждаемые бѣдностью скорѣе выручить свой заработокъ, крестьяне промышленники попадаютъ въ руки многочисленныхъ посредниковъ, которые, конечно, работаютъ не задаромъ. Самый процесъ труда большею частію организованъ убыточно. Нерѣдко въ одномъ селеніи существуетъ нѣсколько десятковъ однородныхъ заведеній, при чемъ каждое изъ нихъ обзаводится всѣми орудіями и принадлежностями, тогда какъ иныя, быть можетъ, понадобятся въ недѣлю разъ. Лишніе расходы на устройство и обзаведеніе мастерской, естественно, увеличиваютъ издержки производства, сокращая и безъ того небольшую выручку.

Какъ ни тяжело подобное положеніе, однакоже нельзя признавать его непоправимымъ. Оно не истекаетъ изъ существа мелкой промышленности, а есть чужеядный наростъ, выросшій на здоровомъ организмѣ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ бытовыхъ условій. Мы указали въ общихъ чертахъ здоровыя начала, которыя лежатъ въ основѣ нашей крестьянской промышленности и которымъ, безъ сомнѣнія, она обязана своею живучес тьюсреди напора столькихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Мы видимъ эти начала: въ распредѣленіи поземельной собственности въ Россіи, при которомъ масса крестьянъ не превратится въ бездомныхъ пролетаріевъ, не притянется силою роковой необходимости къ фабричнымъ гигантамъ; въ исторически сложившейся привычкѣ къ промышленному труду, и притомъ въ формѣ самостоятельнаго предпріятія,—привычкѣ, которую еще не успѣло подавить развитіе фабричной формы; и наконецъ въ тѣхъ особенностяхъ положенія обработывающей промышленности въ Россіи, при которыхъ мелкому предпринимателю менѣе страшна конкурренція фабриканта. Всматриваясь въ приведенныя выше темныя стороны нашихъ крестьянскихъ промысловъ, мы не можемъ не отмѣтить одной общей черты: всѣ эти недостатки, за исключеніемъ несовершенствъ въ техническихъ пріемахъ, суть недостатки организаціи. Не самъ по себѣ, не по естественному закону, котораго не въ силахъ измѣнить человѣческая воля, приноситъ

Digitized by Google

мало выгодъ промышленный трудъ нашего крестьянина. Не по той причинѣ онъ мало производителенъ, по какой безплодны, на примѣръ, усилія шенкурскаго крестьянина выростить пшеницу, или предпріимчиваго администратора насадить фабричные промыслы среди недоросшихъ до нихъ бурятъ, или исторически отученныхъ евреевъ. Здѣсь все зависитъ отъ формы труда, созданной самими людьми, конечно, подъ принудительнымъ вліяніемъ обстоятельствъ, но обстоятельствъ временныхъ, такъ сказать, случайныхъ, не коренящихся ни въ непреложныхъ законахъ природы, ни въ постоянныхъ естественныхъ свойствахъ нашей страны, ни въ сложившемся вѣками и вѣками же измѣняющемся національномъ характерѣ. Какъ дѣло рукъ человѣческихъ, организація можетъ быть и измѣняема самими людьми, когда то допускается природою организуемыхъ элементовъ; и это измѣненіе можетъ быть совершено тѣмъ успѣшнѣе и скорѣе, чѣмъ болѣе предполагаемая организація находится въ связи съ природою принимающихъ ее элементовъ.

Дѣйствительно, всѣ невзгоды нашей крестьянской промышленности, не исключая даже несовершенствъ техническихъ пріемовъ, сводятся къ одной главной причинѣ—къ крайней изолированности отдѣльныхъ промышленниковъ. Отчего у крестьянъ рутинны и убыточны способы производства?—Кромѣ скуднаго образованія, главнѣйшимъ образомъ оттого, что, при занятіяхъ порознь, имъ не подъ силу улучшенные способы, которые обыкновенно требуютъ большихъ затратъ. Отчего деревенскимъ мастерамъ дорого обходится сырой матеріалъ?—Оттого, что, покупая порознь, они покупаютъ понемногу и потому, не въ силахъ будучи добраться до первыхъ рукъ, переплачиваютъ лишнее посредникамъ. Отчего ихъ кабалятъ кредиторы?—Оттого, что, при разрозненности дѣйствій, крестьяне промышленники представляются слишкомъ мелкими единицами, чтобъ ихъ могли знать и уважать представители обыкновеннаго денежнаго рынка, нерѣдко не знающіе куда помѣстить свободные капиталы; а при подобныхъ условіяхъ тотъ, кто понимаетъ эту мелкоту и довѣряетъ ей, есть естественный монополистъ и, благодаря своему исключительному положенію, можетъ брать, что хочетъ. Отчего, наконецъ, звенигородскій крестьянинъ получаетъ всего половину изъ той суммы, какую ловкій владѣлецъ московскаго магазина беретъ за работу произведенной въ окрестностяхъ Звенигорода мебели?—Оттого, что каждому изъ владѣльцевъ десятка мебель-

Digitized by Google

ныхъ заведеній, существующихъ въ одномъ селѣ, но ведущихъ порознь свои дѣла, не приходится проѣзжать тридцать, сорокъ верстъ съ какой нибудь дюжиной стульевъ, да, можетъ быть, еще цѣлую недѣлю отыскивать для нихъ покупателей; еслибъ и отыскался человѣкъ, которому нужна мебель,—развѣ онъ захочетъ имѣть дѣло съ неизвѣстнымъ лицемъ, когда есть возможность пріобрѣсти ту же вещь хотя и дороже, на въ магазинѣ, цѣлыми годами заслужившемъ громкую репутацію? Понятно, что при такихъ условіяхъ для крестьянина гораздо проще и выгоднѣе привезти свое издѣліе прямо въ магазинъ или дождаться перекупщика на мѣстѣ—и съ поклонами отдать ему вещь, хотя бы даже за половину настоящей цѣны.

Эта роковая рознь, раздробляющая малое производство на величины безконечно малыя, составляетъ, какъ у насъ въ Россіи, такъ и въ западной Европѣ, коренной источникъ всѣхъ бѣдствій мелкой промышленности. Она оставляетъ бѣднаго труженика одинокимъ среди великаго Божьяго міра и отдаетъ его на жертву каждому, кто сильнѣе его. Но эта рознь не есть законъ природы. Если люди способны объединяться подъ вліяніемъ внѣшняго давленія, способны собираться цѣлыми тысячами въ душную фабрику, повинуясь желѣзной волѣ капитала, то нѣтъ основаній полагать, что они не могутъ соединиться по доброй волѣ; нужно только, чтобъ они узнали и оцѣнили выгоды соединенія.

А между тѣмъ, какъ нетрудно понять изъ предшествующаго, что уже одно такое соединеніе въ состояніи разсѣять тучи, нависшія со всѣхъ сторонъ надъ мелкою промышленностью. Не даромъ въ западной Европѣ на асоціацію силъ смотрятъ какъ на единственное практическое средство не только поддержать мелкіе промыслы, но вообще устранить со временемъ бѣдствія пролетаріата. Задача въ томъ, чтобы, сохранивъ матеріальныя и нравственныя выгоды самостоятельнаго положенія мелкихъ предпринимателей, достигнуть чрезъ соединеніе силъ преимуществъ крупныхъ предпріятій, безъ свойственныхъ послѣднимъ недостатковъ.— Дѣйствительно, первое зло мелкой промышленности—отсутствіе капитала и невозможность добыть его иначе, какъ на весьма тяжелыхъ условіяхъ—легко устраняется съ помощью устройства кредитныхъ товариществъ. Изъ соединенія отдѣльныхъ неизвѣстныхъ единицъ, которыя обязались взаимно отвѣчать другъ за друга всѣмъ своимъ достояніемъ, возникаетъ крупная величина, которая уже въ состояніи фигурировать на общемъ денежномъ рынкѣ и на большемъ

Digitized by Google

районѣ отыскивать нужные капиталы. По мѣрѣ развитія дѣлъ, капиталы, ищущіе вѣрнаго и выгоднаго помѣщенія, сами начинаютъ приливать къ этому центру, и чѣмъ долѣе, тѣмъ выгоднѣе становятся условія ихъ пріобрѣтенія. Нужно знать всю степень безправности и подчиненія, въ какую становится мелкій промышленникъ, лишенный кредита, къ монопольному представителю капитала; нужно взвѣсить всю тяжесть тѣхъ узъ, какія опутываютъ его при такомъ положеніи дѣлъ на всѣхъ ступеняхъ его дѣятельности, чтобы достаточно оцѣнить силу и значеніе кредитныхъ товариществъ въ промышленныхъ мѣстностяхъ. Даже недавняя исторія нашихъ русскихъ товариществъ представляетъ замѣчательные примѣры этой силы. Череповецкіе шляповалы, о которыхъ говорилъ князь А. И. Васильчиковъ въ своей прекрасной рѣчи на бывшемъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ, единственно оттого, что имѣютъ возможность занять 5—6 рублей на два мѣсяца, увеличиваютъ вдвое свой заработокъ. На сколько же выгоднѣе былъ бы трудъ ловкихъ и искусныхъ павловцевъ и ворсмянъ, еслибы кредитное товарищество дало имъ средства обходиться безъ дорого достающихся услугъ разныхъ Завьяловыхъ и тому подобныхъ монополистовъ?

Противъ дороговизны сыраго матеріала, въ свою очередь, лучшее средство—соединеніе мелкихъ покупщиковъ. Превращая множество мелкихъ закупокъ въ одну общую оптовую закупку, подобное соединеніе не только сберегаетъ разницу между розничною и оптовою цѣной суровья на рынкѣ, но, что еще важнѣе, доставляетъ возможность, миновавъ нѣсколько посредническихъ инстанцій, пріобрѣтать матеріалъ прямо изъ рукъ его производителей. Шульце-Деличъ утверждаетъ, что даже въ Германіи ремесленники, работающіе деревянныя и кожаныя издѣлія, переплачиваютъ за матеріалъ отъ 30 до 50% сравнительно съ фабрикантами. Какъ же велика должна быть эта разница въ нашемъ отечествѣ, гдѣ цѣна посредническихъ капиталовъ и услугъ гораздо дороже, нежели за границей?

Противъ трудности сбыта, противъ роковой зависимости, въ какую становится мелкій производитель относительно покупщика, опять нѣтъ вѣрнѣйшаго лекарства, какъ асоціація. Десять отдѣльныхъ промышленниковъ, соединившись вмѣстѣ, могутъ и послать одного изъ своей среды для отысканія покупателей и устроить постоянное мѣсто сбыта въ центрѣ потребленія издѣлій. На сколько значительнѣе былъ бы заработокъ звенигородскихъ мебельщиковъ, еслибъ они, вмѣсто того, чтобы сбывать

издѣлія за полцѣны въ нѣмецкія лавки, устроили здѣсь же, въ Москвѣ, складъ своихъ издѣлій, въ которомъ покупатели могли бы всегда найти или заказать нужныя имъ вещи! Глубоко вѣрная мысль руководила почтеннымъ Н. В. Верещагинымъ, когда, одновременно съ устройствомъ артельныхъ сыроварень, онъ энергически старался учредить въ Петербургѣ складъ ихъ издѣлій; безъ этого склада значительная часть артельныхъ заработковъ разошлась бы по рукамъ посредниковъ—кулаковъ.

Не менѣе могучую силу представляетъ соединеніе для введенія лучшихъ способовъ и техническихъ пріемовъ производства. Болѣе совершенныя, но болѣе дорогія орудія производства, недоступныя, по цѣнѣ, отдѣльнымъ лицамъ, становятся доступными ихъ совокупности. Вмѣсто того, чтобы каждому имѣть отдѣльную, снабженную всѣмъ, мастерскую, можно имѣть многимъ одну общую мастерскую, при чемъ или сбережется лишній расходъ, или за тотъ же расходъ представится возможность создать заведеніе несравненно богаче, снабженное разными приспособленіями, увеличивающими доходность мастерства. Соединившись вмѣстѣ, можно ввести раздѣленіе труда, достать лучшіе образцы, послать способныхъ людей для изученія лучшихъ пріемовъ производства или, наконецъ, нанять спеціалиста техника тамъ, гдѣ не хватаетъ собственныхъ знаній и искусства. Ни одному изъ многочисленныхъ обитателей тверскихъ или ярославскихъ деревень, пока они дѣйствовали порознь, не было доступно производство тѣхъ превосходныхъ голландскихъ сыровъ, или голштинскаго масла, которыми ярославскія и тверскія артельныя сыроварни нынѣ снабжаютъ, чрезъ артельный складъ, петербургскихъ потребителей. Все, что они могли сдѣлать изъ своего молока, это переработать его въ коровье масло, котораго выходитъ изъ молока гораздо меньше, и за которое, между тѣмъ, не даютъ и половины цѣны, охотно платимой за голштинское масло. Но соединились отдѣльныя лица въ артель,—и создались заводы, устроенные по всѣмъ правиламъ науки, появились техники, спеціально знающіе лучшіе способы обработки молока, и, наконецъ, знаніе, которое вначалѣ составляло спеціальность немногихъ, распространяется въ массѣ артельщиковъ, подготовляется возможность обойтись со временемъ и безъ наемныхъ мастеровъ. Этотъ живой примѣръ наглядно показываетъ, чего можно ждать относительно техническихъ усовершенствованій отъ примѣненія къ мелкой промышленности плодотворнаго начала артельнаго соединенія.

Digitized by Google

Животворная сила начала асоціаціи есть фактъ очевидный и общепризнанный. А между тѣмъ на западѣ Европы, гдѣ ея необходимость асоціацій особенно живо сознается и чувствуется, осуществленіе ихъ подвигается весьма туго. Географическая разобщенность сельскихъ населеній, сложившаяся вѣками отвычка дѣйствовать сообща и, наконецъ, самая безпомощность бездомнаго пролетарія,—всѣ эти причины создаютъ многочисленныя препятствія и сковываютъ энергію самыхъ ревностныхъ сторонниковъ асоціаціи. То самое развитіе личности, которое, проходя чрезъ всю исторію, создало силу западно-европейской цивилизаціи, составляетъ въ настоящемъ случаѣ и источникъ ея слабости. Между тѣмъ, въ нашемъ отечествѣ начало асоціаціи встрѣчаетъ во многихъ отношеніяхъ болѣе подготовленную почву. Уже самый характеръ нашихъ населеній, состоящихъ изъ множества скученныхъ на небольшомъ пространствѣ жилищъ, облегчаетъ веденіе общихъ предпріятій, допуская безъ всякой затраты времени безпрерывныя сношенія жителей. Присоедините сюда обычную однородность промысловъ въ каждой мѣстности, и вы получите матеріалъ, изъ котораго рано или поздно должно само собою выстроиться зданіе асоціаціи.

Еще важнѣе, чѣмъ эти внѣшнія условія, вѣками сложившаяся у нашего народа привычка къ совокупному дѣйствію. Россія покрыта множествомъ доморощеныхъ асоціацій, артелей, слагающихся самобытно, безъ всякаго воздѣйствія теоретической мысли. Въ отхожіе промыслы наши крестьяне никогда не отправляются поодиночкѣ. Видите ли вы группу бурлаковъ, тянущихъ лямку по берегамъ Волги, встрѣчаете ли толпу землекоповъ на строющейся желѣзной дорогѣ, попадается ли вамъ кучка великорусскихъ косцовъ на украинскихъ степяхъ,—это навѣрное группа земляковъ, которые соединились для общей работы. ѣдятъ и пьютъ вмѣстѣ, за общій счетъ, а нерѣдко и заработанныя деньги распредѣляютъ сами, согласно сложившимся обычаямъ. Даже въ мало благопріятную фабричную сферу русскіе крестьяне переносятъ родныя имъ артельныя привычки. Связанные въ остальномъ, они соединяются въ той области, гдѣ остается просторъ собственной ихъ иниціативѣ,—въ сферѣ потребленія. Рабочіе каждой изъ московскихъ фабрикъ представляютъ собою самобытную потребительную асоціацію, съ общею закупкой пищи, съ выборнымъ старостой, съ раскладкой расходовъ поровну. Эта склонность соединяться для совокупнаго

Digitized by Google

труда и потребленія составляетъ явленіе столь обычное, такъ крѣпко сросшееся съ типомъ крестьянина, что оно, по своей обыденности, даже ускользаетъ изъ глазъ наблюдателей. Правда, всѣ эти артели такъ же быстро разрушаются, какъ создаются; съ другой стороны, онѣ почти всегда составляютъ орудіе труда въ рукахъ посторонняго предпринимателя, который выдаетъ опредѣленную задѣльную плату, самъ принимая рискъ и прибыли предпріятія; но мы и не признаемъ такихъ артелей послѣднимъ словомъ русской жизни. Здѣсь важна не форма, а сущность явленія,—высказывающаяся въ немъ природная склонность русскаго человѣка дѣйствовать сообща; если люди привыкли соединяться въ работѣ на другаго, то имъ одинъ шагъ къ соединенію—въ собственномъ предпріятіи. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы нашему народу была совершенно незнакома и постоянная, правильно организованная артель, ведущая за свой счетъ промышленное предпріятіе и раздѣляющая между всѣми членами его рискъ и выгоды. Не говоря объ извѣстныхъ всѣмъ биржевыхъ артеляхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя относятъ свое начало къ прошлому столѣтію, такіе примѣры встрѣчаются среди уральскихъ и нижневолжскихъ рыбопромышленниковъ, въ производствѣ сундучныхъ издѣлій въ Ярославской губерніи, недавно описанномъ въ «Вѣстникѣ Европы». Конечно, подобныхъ примѣровъ союза труда и капитала извѣстно немного; но мы вообще слишкомъ недостаточно знакомы съ народнымъ бытомъ, чтобы считать этотъ видъ артели совершенно чуждой ему формой.

Но самымъ прочнымъ фундаментомъ для будущаго зданія русской народной асоціаціи служитъ наша древняя поземельная община. Для того, чтобы сколько нибудь серьезное артельное предпріятіе возникло съ надеждой на прочный успѣхъ, вступающія въ него лица, кромѣ яснаго понятія о технической сторонѣ предпріятія, должны удовлетворять слѣдующимъ тремъ предварительнымъ условіямъ. Во первыхъ, нужно, чтобъ эти люди, еще до соединенія въ артель, были близки между собою, хорошо знали другъ друга: успѣхъ всякаго артельнаго предпріятія находится въ прямой зависимости отъ степени взаимнаго довѣрія членовъ, и это послѣднее прямо пропорціонально степени знакомства членовъ между собою.—Далѣе, вступающіе члены должны имѣть не только понятіе и желаніе совокупной дѣятельности, но и нѣкоторый навыкъ къ ней. Мы разумѣемъ здѣсь способность понимать общій интересъ и проникаться имъ, способность подчи-

Digitized by Google

нять личный эгоизмъ требованіямъ общаго дѣла, нѣкоторое знакомство съ формой управленія коллективными предпріятіями. Нравственные навыки въ трехъ указанныхъ направленіяхъ пріобрѣтаются лишь постепеннымъ дисциплинированіемъ воли,—слѣдовательно, продолжительнымъ упражненіемъ; потому вѣроятность успѣха возникающей артели непосредственно зависитъ отъ размѣра предварительно пріобрѣтенной силы этихъ навыковъ въ ея членахъ.—Наконецъ, нужно, чтобы другіе, болѣе близкіе интересы, нежели тотъ, во имя котораго люди соединяются, не тянули ихъ врозь. При отсутствіи этого условія, каждое соединеніе будетъ носить въ себѣ элементы разложенія. Такъ наши артели въ отхожихъ промыслахъ, временно соединяющія крестьянъ для общей работы, уже потому не могутъ обратиться въ постоянные союзы, что члены ихъ влекутся врозь своими семейными и поземельными отношеніями. На оборотъ, чѣмъ больше завязалось связей между членами до вступленія въ товарищество, чѣмъ связанные интересы живѣе, насущнѣе и постояннѣе, тѣмъ легче совокупное дѣйствіе на новомъ поприщѣ, тѣмъ больше шансовъ прочнаго развитія имѣетъ вновь возникшее предпріятіе. Это послѣднее требованіе находитъ себѣ естественное объясненіе въ томъ законѣ духа, по которому направленіе воли и дѣятельности человѣка, въ среднемъ выводѣ, за устраненіемъ изъ расчета измѣнчивыхъ, часто противуположныхъ и потому взаимно исключающихъ другъ друга временныхъ возбужденій, опредѣляется сильнѣйшими мотивами, при чемъ нѣсколько мотивовъ, влекущихъ волю въ одну сторону, дѣйствуютъ какъ одинъ мотивъ, равный ихъ равнодѣйствующей.

Если теперь мы всмотримся въ нашу поземельную общину, то не можемъ не прійти къ заключенію, что она силою необходимости создаетъ всѣ три изложенныя выше условія. Находясь въ непосредственномъ сосѣдствѣ, связанные общностію поземельнаго владѣнія, члены общины приходятъ въ безпрерывное соприкосновеніе одни съ другими; дѣятельность каждаго происходитъ у всѣхъ на виду. Отсюда каждому члену общины до мелочей извѣстны способности, склонности, характеръ, имущественныя и семейныя отношенія своихъ сочленовъ. Спросите крестьянина о любомъ изъ его односельцевъ, и вы убѣдитесь, что онъ знаетъ сосѣда даже лучше, чѣмъ самого себя. При такомъ полномъ ознакомленіи другъ съ другомъ, люди или вовсе не сойдутся въ общемъ предпріятіи, а если сой-

Digitized by Google

дутся, то ихъ довѣріе будетъ полное и всецѣлое.—Съ другой стороны, община создаетъ для своихъ членовъ общій интересъ въ нераздѣльности поземельнаго владѣнія, и притомъ интересъ не отвлеченный, а доступный, понятный и близкій каждому. Является ли необходимость охранить имущество цѣлой общины отъ неблагопріятныхъ естественныхъ причинъ, или отстоять отъ какихъ либо враждебныхъ посягательствъ,—каждый членъ не можетъ не видѣть, что въ лицѣ общины онъ охраняетъ и себя, и свое имущество; а лишь при подобной, до очевидности ясной связи личнаго интереса съ общимъ можетъ воспитаться въ простомъ человѣкѣ способность живо возбуждаться и проникаться послѣднимъ. Періодическое распредѣленіе общинныхъ поземельныхъ угодій, дѣлежъ сѣнокосовъ, назначеніе времени земледѣльческихъ работъ, отбываніе повинностей, лежащихъ на цѣлой общинѣ, и другія подобныя этимъ общинныя дѣла представляютъ для каждаго общинника множество случаевъ коллизіи личнаго интереса съ интересами другихъ членовъ и цѣлой общины; и вотъ сначала сила необходимости, физическаго или нравственнаго принужденія, а затѣмъ постепенно сила привычки научаютъ каждаго подчинять свои личныя страсти и расчеты интересамъ цѣлой общины. Прибавивъ сюда практику мірскихъ сходокъ, общинныхъ выборовъ, наблюденіе за выбранными лицами,—мы получаемъ, въ лицѣ общины, такую школу коллективной дѣятельности, которую для крестьянина не замѣнитъ никакое другое учрежденіе, ибо въ этой школѣ онъ учится цѣлую жизнь, начиная съ первыхъ проблесковъ пробуждающагося сознанія.—Но что всего важнѣе въ настоящемъ случаѣ, община прикрѣпляетъ многоразличные и самые живые интересы своихъ членовъ къ одному извѣстному мѣсту. Въ средѣ общины находится домашній очагъ крестьянина, его семья, земля—главный источникъ дохода. Проведя всю жизнь въ предѣлахъ общины, крестьянинъ прирастаетъ къ ней и своими симпатіями, и своими понятіями, и своими привычками: горе или радость встрѣтитъ крестьянинъ въ общинѣ, онъ никуда не уйдетъ отсюда. Такое естественное, бытовое прикрѣпленіе къ одному мѣсту, такое неразлучное сожитіе съ самаго рожденія, понятно, рождаетъ между членами многообразныя связи и перепутываетъ тысячью нитей ихъ интересы. Каждый новый видъ соединенія найдетъ въ этой прежде сложившейся общности естественную опору и, въ свою очередь, еще сильнѣе закрѣпитъ раньше завязанныя узы.

Digitized by Google

Чтобы понять всю цѣну трехъ показанныхъ даровъ общины, стóитъ только всмотрѣться въ ходъ общественныхъ соединеній, слагающихся въ средѣ нашего образованнаго класа, который не испыталъ вліянія общины. Какое множество статутовъ, юридическихъ опредѣленій, искусственныхъ мѣръ, нерѣдко стѣсняющихъ свободу дѣйствій, создаются въ тѣхъ видахъ, чтобы хотя буквой закона восполнить недостатокъ жизненной подготовки къ выполненію трехъ помянутыхъ неизбѣжныхъ условій совокупнаго дѣйствія. Какая масса усилій и времени тратится для того, чтобы воспитать въ членахъ требуемыя свойства, чтобы предупредить или поправить ошибки, произведенныя въ общемъ дѣлѣ вслѣдствіе ихъ отсутствія. Если совокупность наличныхъ членовъ можетъ предоставить для общаго дѣла лишь извѣстную сумму энергіи и силъ; то доля этой суммы, непосредственно служащая для прямой цѣли соединенія, очевидно, тѣмъ меньше, чѣмъ больше доля, какую приходится расходовать на подготовку членовъ къ совокупному дѣйствованію. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе этого закона; но изъ него, по нашему мнѣнію, объясняются и малые результаты дѣятельности русскихъ обществъ, и частое разрушеніе иногда прекрасно задуманныхъ предпріятій. Истомленные неудачами и напрасною тратой силъ, общественные дѣятели нерѣдко съ горечью утверждаютъ, что мы не созданы для совокупной дѣятельности, что неумѣнье достигать цѣли сообща есть печальное свойство нашей славянской натуры, и подтверждаютъ свои слова многочисленными примѣрами изъ исторіи и жизни славянскихъ народовъ. Но всѣ подобные примѣры относятся исключительно къ образованному класу, а никакъ не къ простонародью, которое, во всякомъ случаѣ, можетъ скорѣе служить выразителемъ національнаго характера, нежели образованное меньшинство. Напротивъ, наши безчисленныя простонародныя артели, при всѣмъ несовершенствѣ ихъ организаціи, при всей первобытной грубости ихъ членовъ, живутъ мирно и устойчиво, безъ всякихъ уставовъ и юридическихъ нормъ, никогда не страдая и не разрушаясь отъ того, что составляетъ обычную причину гибели соединеній нашихъ образованныхъ людей. Въ сельскихъ округахъ австрійскихъ славянъ различныя асоціаціи, по сознанію самого Шульце-Делича, создаются гораздо легче, организуются быстрѣе и ведутъ свои дѣла успѣшнѣе, нежели у нѣмцевъ. Гдѣ же корень этой розницы?— Не въ томъ ли, что образованный класъ лишенъ тѣхъ благопріят-

Digitized by Google

ныхъ задатковъ для совокупнаго дѣйствія, которыя носитъ въ себѣ наша славянская поземельная община.

Мы слишкомъ мало знаемъ и слишкомъ мало цѣнимъ нашу поземельную общину. Давно ли и въ литературѣ, и въ обществѣ раздавались крики противъ нея, какъ главнаго тормоза русскаго хозяйственнаго прогреса? Тогда эти враждебные голоса были понятны, ибо исходили отъ людей, которые, теряя одно, думали наверстать на другомъ; которые, взамѣнъ уходящей у нихъ изъ рукъ власти, на принципѣ divide et impera думали основать другое, болѣе могущественное господство. Но въ послѣднее время снова слышенъ призывъ къ ополченію противъ общины. Теперь, когда вопросъ объ общинѣ, по видимому, не затрогиваетъ личныхъ интересовъ, движеніе идетъ какъ будто во имя интересовъ самого крестьянства. Говорятъ, что отдѣльныя лица тяготятся общиной, такъ какъ она налагаетъ больше тягостей, чѣмъ даетъ выгодъ, и въ то же время связываетъ руки для всякихъ попытокъ къ улучшенію. Потому для пользы самой приниженной въ общинѣ личности, для прекращенія эксплуатаціи сильнѣйшаго слабѣйшими, нужно будто бы разбить эту первобытную, отжившую свое время, форму жизни.

Въ посылкахъ противниковъ общины есть много правды; скажемъ больше,—въ нихъ все правда; но выводъ изъ этихъ посылокъ сдѣланъ поверхностно.

Что община въ настоящее время налагаетъ на крестьянина больше тяжестей, чѣмъ даетъ выгодъ,—это мы сами доказали выше примѣромъ Подольскаго уѣзда; община даетъ крестьянину землю, за которую заставляетъ платить въ $1\frac{1}{2}$ раза больше, чѣмъ съ нея получается дохода. Исходъ изъ такого положенія дѣлъ можетъ быть двоякій: или уменьшеніе тяжестей, или увеличеніе дохода. Но возможно ли достигнуть того или другаго уничтоженіемъ общины? Община не сама наложила на себя тяжелые платежи; не отъ нея зависитъ и убавить ихъ. Будетъ ли существовать община или нѣтъ,—эти тяжести все равно останутся на ея членахъ, и если уменьшатся, то произойдетъ это никакъ не вслѣдствіе разрушенія общины, а совершенно отъ иныхъ причинъ.—Но, говорятъ, поземельный доходъ крестьянъ увеличится съ выходомъ изъ общины, потому что община мѣшаетъ ввести болѣе раціональную культуру земли. Не думаемъ. Еслибъ это было вѣрно, еслибъ именно въ общинѣ лежала причина, замедляющая прогресъ земледѣлія, то наиболѣе раціональ-

Digitized by Google

ными хозяйствами были бы очевидно тѣ, которыя лежатъ внѣ общинныхъ цѣпей, хозяйства личныхъ землевладѣльцевъ. Между тѣмъ, мы видимъ, что помѣщичьи хозяйства, не смотря на полную свободу дѣйствій ихъ владѣльцевъ, гораздо высшее образованіе, сравнительно большій достатокъ, несравненно меньшій размѣръ платежей, идутъ, за немногими исключеніями, даже хуже, даютъ меньше дохода, чѣмъ хозяйства крестьянскихъ общинъ. Въ вѣрности этого факта, кромѣ личнаго наблюденія, можно убѣдиться изъ того, что въ земскихъ раскладкахъ доходность крестьянскихъ земель почти безъ исключенія показывается выше, и размѣръ обложенія ихъ назначается большій сравнительно съ землями личныхъ землевладѣльцевъ. Такая неравномѣрность объясняется обыкновенно тѣмъ, что крестьянинъ выручаетъ съ своей земли больше, нежели помѣщикъ. Значитъ, не въ формѣ землевладѣнія лежитъ у насъ причина медленности земледѣльческихъ улучшеній. Мы намекнули впереди на причины этого явленія, и во всякомъ случаѣ онѣ не имѣютъ ничего общаго съ теперешнимъ крестьянскимъ устройствомъ. Крестьянинъ прилагаетъ къ землѣ мало капитала, труда и знаній. Но отчего? Оттого, что у него нѣтъ ни того, ни другаго, ни третьяго, и нѣтъ основаній полагать, чтобы количество этихъ производительныхъ силъ у него прибавилось отъ выхода изъ общины. Итакъ, уничтоженіе общины, не въ силахъ будучи само по себѣ измѣнить отношенія между тягостями и выгодами землевладѣнія,—такъ какъ это отношеніе зависитъ отъ причинъ, постороннихъ общинѣ,—въ самомъ лучшемъ случаѣ оставитъ крестьянъ въ томъ же положеніи, въ какомъ они теперь находятся.

Но въ такомъ видѣ дѣло остаться не можетъ. Не нужно забывать, что община есть ячейка государства, краеугольный камень всего общественнаго зданія. Значитъ, разрушая общину, мы должны приготовиться къ великому перевороту во всѣхъ соціальныхъ отношеніяхъ. Въ какомъ же направленіи можетъ совершиться этотъ переворотъ? Благосостояніе какъ отдѣльнаго человѣка, такъ группы лицъ и цѣлыхъ общественныхъ классовъ, не можетъ быть прочно, какъ скоро люди находятся въ экономической зависимости отъ другихъ, ибо владычествующія лица всегда могутъ оставить подвластнымъ такую долю благосостоянія, какую захотятъ. Дѣйствительно независимыми могутъ быть лишь фактически равносильныя въ хозяйственномъ отношеніи единицы; въ противномъ случаѣ сила меньшая, приходя въ соприкосновеніе съ

Digitized by Google

большей, въ силу закона физической необходимости, подчинится вліянію послѣдней.—Уничтоженіе общины раздробитъ крестьянское землевладѣніе на множество мелкихъ хозяйственныхъ единицъ. Лишенные капитала и знанія, эти микроскопическіе хозяева не будутъ въ состояніи съ выгодой вести хозяйство: при первомъ напорѣ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, они лишатся земли и крова и превратятся въ бездомныхъ пролетаріевъ, предъ которыми лежатъ двѣ дороги,—или въ батраки къ крупному поземельному собственнику, или въ вѣчную кабалу къ фабриканту. Притомъ изъ такого положенія трудно будетъ найти исходъ. Попытки уравнять хозяйственныя силы всѣхъ членовъ общества всегда оставались и останутся безплодными. Но если нельзя принизить сильныхъ до уровня слабыхъ, то возможно этихъ послѣднихъ группировать такъ, чтобъ изъ сочетанія хозяйственныхъ силъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ членовъ получилась сила равнодѣйствующая всякой другой, стремящейся поработить ихъ, силѣ. Между тѣмъ артельное начало, составляющее такимъ образомъ единственный подходящій ключъ къ рѣшенію общественныхъ неравенствъ, по уничтоженіи общины, надолго, если не навсегда, ускользнетъ отъ нашего крестьянства. Мы указали выше, какая длинная подготовка со стороны членовъ нужна для возникновенія и успѣха артельныхъ предпріятій, и выяснили, какую роль въ этой подготовкѣ играетъ поземельная община. Хотя недостатокъ той чисто бытовой, непроизвольной, стихійной подготовки къ совокупной дѣятельности, какую даетъ община, и можетъ быть, конечно, до извѣстной степени замѣненъ раціональнымъ воспитаніемъ разума и характера въ соотвѣтственномъ направленіи, но требуемая для этого мѣра образованія ума и воли такъ высока, требуетъ для своего осуществленія столькихъ благопріятныхъ условій, что ею, какъ показываетъ опытъ, могутъ похвалиться лишь весьма немногіе даже изъ нашего образованнаго класа; для массы же крестьянства она можетъ быть доступна лишь черезъ рядъ столѣтій. Если, посему, съ разрушеніемъ общины, погибнетъ единственное средство сохранить экономическую независимость народныхъ массъ, то изъ этой мѣры выйдетъ одно: на мѣсто теперешней эксплуатаціи сильныхъ слабыми, — поставляемой въ упрекъ общинѣ, но легко поправимой выходомъ недовольныхъ и обыкновенно больше преувеличиваемой, нежели какова она на самомъ дѣлѣ,—станетъ безвыходная, непоправимая и гибельная для общественнаго прогреса эксплуатація слабыхъ сильными;

Digitized by Google

положеніе личности и общества не только не измѣнится къ лучшему, но сдѣлаетъ неизмѣримый шагъ назадъ.

Наконецъ, мы не думаемъ, чтобы на почвѣ самой общины нельзя было устранить тѣ недостатки, изъ-за которыхъ ополчаются противъ нея. При развитіи знанія въ средѣ крестьянства, при существованіи потребныхъ капиталовъ, при поднятіи цѣнъ на земледѣльческіе продукты, — словомъ, при наступленіи условій, отъ которыхъ зависитъ вообще прогресъ земледѣлія, община имѣетъ полную возможность ввести на своихъ земляхъ такой способъ обработки, какой она найдетъ болѣе выгоднымъ. Для нея, какъ крупной поземельной единицы, всякое движеніе на этомъ поприщѣ будетъ даже легче, чѣмъ для мелкихъ хозяевъ. Мы не станемъ распространяться объ этомъ, какъ о дѣлѣ будущаго. Но у общины теперь же есть въ рукахъ средство поправить къ лучшему положеніе своихъ членовъ: мы говоримъ о введеніи обработывающей промышленности при помощи артельнаго начала, къ которому поземельная община такъ удачно подготовила своихъ членовъ. Личность, нынѣ подавляемая бременемъ общинныхъ тяжестей, обязательно прикованная къ земледѣльческимъ занятіямъ, къ которымъ часто нѣтъ у ней ни способности, ни призванія, найдетъ въ этихъ соединеніяхъ вѣрное средство поднять свое благосостояніе, естественный исходъ для своихъ стремленій. Ибо мануфактурный трудъ столь же разнообразенъ, примѣненіе къ нему артельнаго начала столь же многосторонне, какъ однообразенъ и одностороненъ современный земледѣльческій трудъ нашего крестьянина. Мы не считаемъ нужнымъ входить здѣсь въ подробности о значеніи мануфактурныхъ промысловъ для поддержанія и развитія поземельной общины. Такъ какъ община составляетъ форму, присущую почти всему русскому крестьянству, то все сказанное выше о важности промысловъ для крестьянскаго хозяйства вполнѣ примѣняется и къ настоящему вопросу и, въ свою очередь, находитъ новое подкрѣпленіе въ великомъ національномъ значеніи русской поземельной общины и всѣхъ мѣръ, способствующихъ ея поддержанію и усовершенствованію.

Мы разсмотрѣли до сихъ поръ три явленія, которыя глубоко пустили корни въ русской почвѣ, которыя самобытно выработалъ народъ, повинуясь незыблемымъ законамъ природы, естественнымъ условіямъ его страны и обстоятельствамъ его многовѣковой исторіи. Эти явленія—поземельная община, артельное начало и мелкіе промыслы. Мы видѣли, что каждая изъ этихъ быто-

Digitized by Google

выхъ формъ, въ отдѣльности взятая, не смотря на здоровыя, заключающіяся въ ней начала, не вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію, не созидаетъ экономическаго и нравственнаго довольства личности. Плачется на общину крестьянинъ; горько стонетъ артельщикъ бурлакъ на широкой Волгѣ; часто клянетъ судьбу сельскій мастеръ, всю жизнь обливаясь потомъ для выгоды разжирѣвшаго прасола. При изслѣдованіи причинъ этихъ страданій мы замѣтили, что каждой изъ трехъ формъ недостаетъ именно того, что есть въ другихъ. Крестьянская община страдаетъ недостаткомъ мануфактурныхъ промысловъ, которые могли бы возникнуть и развиться при помощи артельнаго начала. Нашимъ простонароднымъ артелямъ недостаетъ, съ одной стороны, характера самостоятельныхъ предпріятій, присущаго мелкимъ сельскимъ промысламъ, съ другой стороны—прочности и устойчивости, которую они нашли бы, укрѣпившись на почвѣ поземельной общины. Наконецъ, всѣ главнѣйшія болѣзненныя стороны мелкой сельской промышленности сводятся къ разрозненности дѣйствій отдѣльныхъ предпринимателей, противъ которой артельное начало, воспитываемое поземельною общиною, было бы лучшимъ и дѣйствительнѣйшимъ лѣкарствомъ.—Мы указали, что эти три бытовыя формы, которыя могли бы такъ много выиграть отъ взаимнаго сліянія, не только не заключаютъ въ себѣ началъ противодѣйствующихъ этому сліянію, но, напротивъ, обнаруживаютъ замѣтное внутреннее сродство. Община носитъ въ себѣ органическіе зародыши свободной артели и сама собою напрашивается на введеніе промысловъ. Бродячей артели одинъ шагъ, чтобы, осѣвъ на мѣстѣ, связавшись съ общиной, овладѣть промыслами. Мелкіе промыслы вездѣ, гдѣ существуютъ, уже прикрѣпились къ общинѣ и по всѣмъ особенностямъ своего положенія влекутся къ артели. Вытекающее изъ произведеннаго анализа сродство этихъ разрозненныхъ элементовъ народной жизни подтверждается, какъ было показано, соединеніями, совершенными самою жизнью: есть примѣры промысловъ на артельномъ началѣ; есть множество общинъ, занимающихся промыслами.—Такимъ образомъ существуютъ всѣ данныя для того, чтобы, съ одной стороны, отъ соединенія мелкихъ промысловъ, артельнаго начала и поземельной общины ожидать могучаго размаха русской народной жизни; а съ другой стороны, чтобы разсѣять скептическое недовѣріе тѣхъ, кто видитъ въ подобномъ соединеніи навязываніе русской жизни чуждыхъ ей формъ, теоретическое измышленіе, а

Digitized by Google

не живое національное дѣло: эти элементы широко распространены на всемъ пространствѣ земли русской; ихъ не нужно создавать,—они даны всею предшествующею жизнію русскаго народа: соединеніе каждаго изъ элементовъ съ остальными восполнитъ взаимные пробѣлы, нынѣ умаляющіе ихъ достоинство, и придастъ каждому новыя цѣнныя свойства; наконецъ элементы, соединеніе которыхъ столь плодотворно, обнаруживаютъ взаимное естественное сродство. Что же нужно для того, чтобы состоялось такое спасительное для русской жизни соединеніе: нужно сблизить разрозненные элементы, подобно тому какъ химикъ, желая изъ простѣйшихъ тѣлъ, имѣющихъ между собою химическое сродство, получить новое совершеннѣйшее тѣло, приводитъ ихъ во взаимное соприкосновеніе, и тогда силою самой природы возникаетъ новое созданіе, съ новыми свойствами, въ которомъ даже опытный глазъ иногда не узнаетъ создавшихъ его элементовъ.

Какъ химическія соединенія производятся или силою самой природы, или руками химика, такъ и то сближеніе мелкихъ промысловъ артельнаго начала и поземельной общины, о которомъ сейчасъ было говорено, можетъ выработаться или самимъ русскимъ крестьянствомъ безъ всякой посторонней помощи, или при содѣйствіи лицъ, имѣющихъ больше знанія и больше средствъ къ дѣятельности, нежели крестьянство. Факты такого сближенія встрѣчаются въ самой русской жизни, и можно допустить, что, при распространеніи знаній въ народныхъ массахъ, крестьянинъ, благодаря природной смѣтливости, будетъ все чаще додумываться и доработываться до подобныхъ сближеній. Но мы не думаемъ, чтобы, расчитывая на силы самой русской жизни, возможно было приложить къ настоящему случаю теорію выжидательной неподвижности, которая приходится такъ по вкусу многимъ. Безумно насиловать жизнь, навязывая путемъ принужденія чуждыя ей формы; но противно также человѣческому чувству, сложа руки, смотрѣть на полныя страданій потуги жизни, произвести новыя выношенныя ею самою формы, когда, быть можетъ, одного искуснаго движенія достаточно для того, чтобы прекратить эти страданія и вызвать на свѣтъ Божій новое созданіе. Настоящій случай именно таковъ. Какъ ни близки русскому крестьянину и промыслы, и артель, и община, отдѣльно взятые, но пока онъ самъ собою нападетъ на выгоднѣйшіе способы ихъ соединенія,—пройдетъ, быть можетъ, длинный рядъ столѣтій.—Простой человѣкъ знаетъ и судитъ обо всемъ лишь на основаніи непосред-

Digitized by Google

ственнаго личнаго опыта, въ которомъ и находитъ единственное руководство для своей дѣятельности; его умъ непривыченъ, да и имѣетъ мало вѣры къ выводамъ и обобщеніямъ. Привязанный къ извѣстному мѣсту, сосредоточенный на одномъ извѣстномъ родѣ занятій, крестьянинъ имѣетъ предъ собою весьма ограниченное поле опыта; да и это небольшое поле онъ не въ состояніи обработать какъ слѣдуетъ, привести во взаимную связь и причинную зависимость разнообразные представляемые имъ факты. Но въ предѣлахъ личнаго опыта часто можетъ вовсе не заключаться тѣхъ элементовъ, привнесеніе которыхъ могло бы улучшить жизнь крестьянина; а если и заключаются, или счастливая случайность значительно расширитъ личный опытъ, то эти элементы могутъ пройти незамѣченными и непонятыми,—такъ какъ для того нерѣдко требуется значительная подготовка ума и привычка къ мысли,—или не на столько проникнутъ въ сознаніе, чтобы возбудить волю къ извѣстному дѣйствію. Поясним это на частномъ случаѣ. Представимъ себѣ большое село гдѣ либо въ средней Россіи, расположенное среди обширныхъ луговъ прирѣчной равнины; луга могли бы питать множество скота; но умѣя перерабатывать молоко лишь въ простое топленое масло, которое за безцѣнокъ сбывается пріѣзжему перекупщику, получая такимъ образомъ отъ скота одинъ убытокъ, крестьянинъ держитъ скотъ въ обрѣзъ, лишь въ видахъ скуднаго удобренія своихъ полей. Населеніе живетъ бѣдно, и чтобы прокормить семьи, цѣлыя артели уходятъ ежегодно «на сторону». Здѣсь, какъ видите, на лицо всѣ данныя для быстраго и широкаго развитія артельнаго сыроваренія. Но какъ дойти до него самому крестьянину? Какъ догадаться, что могутъ существовать болѣе совершенные способы обработки молока, когда ни собственный опытъ, ни опытъ сосѣднихъ селъ не представляютъ къ тому ни малѣйшаго указанія? Допустимъ, что крестьянину довелось увидѣть голландскій сыръ, и что либо навело его на мысль о возможности превращать молоко въ этотъ цѣнный продуктъ. Спрашивается теперь, какимъ способомъ производить это превращеніе?—Нужно или додуматься самому,—для чего нуженъ безконечный рядъ опытовъ и громадная техническая подготовка; или вычитать изъ книгъ, которыя простому человѣку трудно добыть, а еще затруднительнѣе понять; или, что всего проще, отправиться въ Голландію, но это уже совсѣмъ не подъ силу, да и не придетъ въ голову. Далѣе, хотя артель всегда передъ глазами,

Digitized by Google

но для того, чтобы во всѣхъ подробностяхъ сознать ея примѣнимость къ настоящему случаю, крестьянину нужно было бы пройти весь тотъ длинный рядъ фактовъ и обобщеній, путемъ которыхъ экономическая наука дошла до ученія объ артеляхъ. Такимъ образомъ, чтобы воспринять плодотворные и вполнѣ удобопримѣнимые результаты науки, крестьянство, предоставленное исключительно собственнымъ силамъ, должно пережить весь процесъ, которымъ человѣческая мысль дошла до современнаго ея состоянія.—Но, неспособный самостоятельно додуматься до извѣстнаго научнаго результата, крестьянинъ быстро усвояетъ его, какъ скоро онъ предстанетъ передъ глазами въ готовомъ видѣ и со всею наглядностью. Если при помощи спеціалиста возникла артельная сыроварня въ одномъ селѣ, она сама собою заведется въ сосѣднихъ селахъ. Какъ скоро личный опытъ, которому крестьянинъ вѣритъ вполнѣ и всецѣло, убѣдитъ его въ выгодности подобнаго предпріятія, крестьянинъ живо примется за дѣло и при своей смѣтливости легко усвоитъ его.—Такимъ образомъ, безъ содѣйствія образованнаго класа, дѣло улучшенія крестьянскаго хозяйства пойдетъ впередъ слишкомъ незамѣтными шагами; напротивъ, при разумной помощи представителей науки, оно пойдетъ быстрѣе, нежели какъ можетъ казаться на первый разъ. Для того, чтобъ удовлетворились народныя нужды, нѣтъ надобности являться съ помощью всюду, гдѣ только существуютъ эти нужды. Помогите народу устранить одно препятствіе или примѣнить одно выгодное улучшеніе, и, воспользовавшись примѣромъ, народъ самъ собою добьется сходныхъ результатовъ вездѣ, гдѣ тому благопріятствуютъ условія. Та самая слѣпая подражательность, которая служитъ причиною рутины и застоя, послужитъ въ подобныхъ обстоятельствахъ двигающею силой.

Пора, наконецъ, приблизить науку къ жизни, которая такъ страдаетъ отъ этого раздѣленія. Пора пустить въ практику эту массу знаній, которыя безъ примѣненія нерѣдко превращаются въ безплодную игру ума. На правительствѣ и обществѣ лежитъ нравственная обязанность помочь въ настоящемъ случаѣ крестьянству. Они уже много послужили на пользу крупной промышленности, для которой создавались высокіе таможенные тарифы, щедрою рукой лились субсидіи и привиллегіи, учреждались дорого стоющія техническія школы, тратились сотни тысячъ на выставки. Съ представителей мелкихъ промысловъ до сихъ поръ

Digitized by Google

только брали, а ничего не давали взамѣнъ. Теперь приспѣло, кажется, время сдѣлать кое-что и для нихъ.

Предшествующее изложеніе выяснило, во первыхъ, неотложную, насущную необходимость увеличенія доходности русскаго крестьянскаго хозяйства и, во вторыхъ, присутствіе въ самой русской жизни необходимыхъ данныхъ для рѣшенія этой задачи. Теперь является вопросъ, какимъ путемъ должно идти въ ея разрѣшеніи.

Нужно развить на почвѣ русской поземельной общины, на ряду съ земледѣліемъ, возможно выгоднѣйшіе виды и способы мануфактурной промышленности при помощи артельнаго начала. Но ясно, что это лишь общая формула, которая только тогда можетъ направить практику, когда сама жизнь ясно поставитъ конкретныя задачи, къ которымъ пригодна формула. Такъ какъ не желательно, да и невозможно навязывать жизни то, чего она не хочетъ взять,— то напередъ можно сказать, что эти конкретныя задачи будутъ такъ же многочисленны и разнообразны, какъ многоразличны естественныя условія и народныя занятія на обширномъ пространствѣ нашего отечества; потому правильное рѣшеніе ихъ лишь въ общихъ чертахъ должно направляться общею формулой, въ дѣйствительности же должно получить индивидуальную окраску всякій разъ, какъ измѣнятся какія либо данныя.—При постановкѣ и разрѣшеніи этихъ разнообразныхъ задачъ могутъ быть рѣзко различены два пріема. Во первыхъ, случайно остановившись на извѣстной конкретной задачѣ и разрѣшивъ ее, можно стараться примѣнить рѣшеніе ко всѣмъ подходящимъ случаямъ, то есть, убѣдившись въ выгодности извѣстнаго вида или способа производства, или извѣстной частной мѣры для улучшенія промысловъ, стараться ввести ихъ во всѣхъ мѣстностяхъ съ подходящими условіями. Во вторыхъ, возможно прежде ясно поставить всѣ или по крайней мѣрѣ большую часть конкретныхъ задачъ, и затѣмъ примѣнить къ нимъ подходящія рѣшенія, т. е., изучивъ прежде мѣстныя условія и нужды въ данномъ районѣ, ввести подходящіе виды и способы производства, примѣнить подходящія мѣры. Не многочисленныя попытки нашего образованнаго класа помочь развитію крестьянской промышленности слѣдовали и слѣдуютъ обыкновенно первому пріему. Такъ московское общество сельскаго хо-

Digitized by Google

зяйства стремилось нѣкогда распространить сахароваренiе, улучшенную обработку льна, выработку торфа и его продуктовъ; теперь старается развить гдѣ возможно шелководство, способствуетъ введенiю кредитныхъ товариществъ. Московское общество распространенiя техническихъ знанiй хочетъ помочь общему дѣлу устройствомъ техническихъ школъ. Извѣстный Н. В. Верещагинъ остановился на артельномъ сыроваренiи. Что же касается до послѣдняго прiема, то онъ до сихъ поръ ни разу не примѣнялся въ сколько нибудь достаточныхъ размѣрахъ, хотя неоднократно былъ заявленъ. Вполнѣ сознавая, что какъ тотъ, такъ и другой путь могутъ одинаково принести пользу для дѣла, что первый путь для отдѣльныхъ личностей и обществъ, небогатыхъ силами и средствами, есть, можетъ быть, единственный доступный и обѣщающiй хоть какiе либо практическiе результаты способъ дѣйствiя, мы не думаемъ однакожь, чтобъ оба эти прiема одинаково быстро, полно и вѣрно вели къ цѣли. Нынѣ примѣняемый прiемъ, по самому существу своему, привязываетъ къ дѣлу далеко не всѣ силы, какiя правительство и общество въ данный моментъ могли бы предоставить для поставленной выше общей цѣли. Сосредоточивая общественное вниманiе на извѣстныхъ частныхъ мѣрахъ съ цѣлью распространить ихъ тамъ, гдѣ онѣ удобопримѣнимы, т. е., во всякомъ случаѣ лишь на извѣстныя мѣстности, обладающiя извѣстными условiями,—этотъ способъ, очевидно, лишаетъ возможности дѣйствiя тѣ лица или учрежденiя, которыя находятся въ мѣстностяхъ, гдѣ данныя мѣры непримѣнимы, но по какимъ либо причинамъ не могутъ перенести своей дѣятельности въ мѣста, доступныя для примѣненiя. Но и изъ остающагося за этимъ исключенiемъ количества общественныхъ и правительственныхъ силъ не всѣ направятся къ данной цѣли. Для иныхъ благо, достигаемое извѣстною мѣрой, не представится на столько значительнымъ, чтобы возбудить къ дѣятельности; другихъ оттолкнутъ личныя отношенiя къ проводникамъ этой мѣры; третьи, наконецъ, окажутся или сами признаютъ себя неспособными къ примѣненiю данной мѣры. Между тѣмъ если прежде частныхъ мѣропрiятiй, по возможности, всѣ задачи, вызываемыя дѣйствительными условiями цѣлаго государства, или какой либо обширной его части, предстанутъ передъ глазами правительства и общества, со всею неотложностью ихъ рѣшенiя, — то, локализируясь не въ извѣстныхъ только пунктахъ, а на всемъ пространствѣ данной территорiи, затрогивая разнообразныя нужды и интересы, являясь дѣломъ не личнаго вкуса, а общимъ без-

Digitized by Google

спорнымъ требованіемъ цѣлой страны, требуя, наконецъ, для своего выполненія различныхъ способностей и видовъ подготовки, — онѣ приноютъ къ себѣ всѣхъ, притянутъ къ себѣ все, что въ данную минуту можно притянуть изъ общества и государства. — Далѣе, при первомъ способѣ нѣтъ прочныхъ гарантій въ томъ, что въ данный моментъ избраны самыя неотложныя задачи и ихъ рѣшеніе направилось по самымъ вѣрнымъ путямъ; ибо подобная увѣренность можетъ явиться лишь послѣ сравнительнаго изученія всѣхъ представляющихся задачъ и способовъ ихъ рѣшеній, которое ставитъ на первомъ планѣ второй изъ изложенныхъ выше пріемовъ. Тогда только совокупность наличныхъ общественныхъ силъ въ состояніи будетъ направить свою дѣятельность такимъ образомъ, чтобъ изъ нея въ данный періодъ времени получилась наибольшая сумма полезныхъ результатовъ. — Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдній пріемъ, при первомъ фазисѣ своего примѣненія, постановкѣ задачъ, отниметъ много времени, повлечетъ какъ будто безполезную трату силъ на отысканіе задачъ, быть можетъ, неосуществимыхъ въ ближайшемъ будущемъ; но какъ бы ни былъ труденъ этотъ шагъ, онъ составляетъ необходимое условіе дальнѣйшаго успѣха. Притомъ, по преодолѣніи первыхъ трудностей, послѣдующее движеніе до такой степени облегчится и ускорится, количество и качество общественной дѣятельности, какъ сейчасъ было показано, въ такой мѣрѣ возвысится, будетъ предупреждено столько ошибокъ и отклоненій отъ правильнаго пути, что кажущійся проигрышъ при первомъ шагѣ будетъ съ избыткомъ наверстанъ при дальнѣйшихъ. Впрочемъ, мы не думаемъ даже, чтобы постановка задачъ потребовала слишкомъ много времени, такъ какъ, во первыхъ, для такой постановки уже въ настоящее время есть кое-какіе готовые матеріалы, и, во вторыхъ, къ ней могутъ быть привлечены такіе дѣятели, которые едва ли примутъ участіе въ дальнѣйшемъ движеніи. Такимъ образомъ, сравнивая оба вышеозначенные пріема по отношенію къ ихъ вѣроятнымъ результатамъ, мы, не отрицая значенія перваго, отдаемъ положительное предпочтеніе послѣднему, и лишь отъ него ожидаемъ возможно полнаго удовлетворенія тѣхъ нуждъ, во имя которыхъ предпринимается все дѣло.

Для того, чтобы ясно и вѣрно поставить частныя задачи, на которыя должна разложиться общая задача улучшенія крестьянскаго хозяйства въ указанномъ выше направленіи, необходимо многостороннее предварительное изслѣдованіе. Множество отно-

Digitized by Google

сящихся сюда фактовъ разсѣяно въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, преимущественно провинціальныхъ (губернскія вѣдомости, изданія статистическихъ комитетовъ). Но находящіяся въ печати свѣдѣнія отрывочны и большею частію недоступны для пользованія, по трудности отыскать изданія, въ которыхъ они помѣщены. Съ приведенія въ извѣстность и систематическій видъ этого матеріала, кажется, должно было бы начаться изслѣдованіе. Оказавшіеся пробѣлы могутъ быть восполнены, и полученные факты и выводы провѣрены чрезъ отправку на мѣсто свѣдущихъ лицъ и чрезъ привлеченіе мѣстныхъ дѣятелей къ собиранію и доставленію свѣдѣній.

Слышно, что петербургскія Вольное Экономическое и Географическое Общества готовятъ экспедицію по вопросу о мелкой промышленности. Въ добрый часъ! Но для того, чтобъ экспедиція возможно полнѣе достигла цѣли и чтобы все общество заинтересовалось ея трудами, могло оказать свое содѣйствіе, не слѣдуетъ ли предварительно собрать и издать всѣ напечатанные матеріалы? Если, кромѣ того, принять во вниманіе, что уѣздныя земскія управы обыкновенно имѣютъ свѣдѣнія о всѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ, находящихся въ уѣздѣ, такъ какъ послѣднія подлежатъ земскому налогу, — то, испросивъ отъ управъ эти свѣдѣнія, еще до отправки экспедиціи можно было бы имѣть полную, подробную и вѣрную картину географическаго распредѣленія промысловъ, съ точнымъ обозначеніемъ, какіе промыслы существуютъ въ каждой данной мѣстности, въ какихъ селеніяхъ они сосредоточены, и сколько въ каждомъ селеніи промышленныхъ заведеній. Какъ скоро будутъ собраны и опубликованы, съ одной стороны, эти свѣдѣнія, съ другой стороны, имѣющіеся печатные матеріалы о промыслахъ, тогда будетъ ясно, какъ для членовъ экспедицій, такъ и для всѣхъ сочувствующихъ дѣлу, что сдѣлано до сихъ поръ, и что остается сдѣлать. Когда, затѣмъ, на основаніи этихъ данныхъ, будетъ обстоятельно выработанъ, гласно обсужденъ, объявленъ во всеобщее свѣдѣніе и распространенъ во всей Россіи планъ остающихся работъ, съ точнымъ обозначеніемъ, въ какомъ мѣстѣ и что нужно узнать; тогда экспедиція будетъ состоять не изъ десятка лицъ, которыя, при всемъ желаніи и знаніи дѣла, не въ состояніи скоро сдѣлать того, на что потребны сотни людей, а изъ всей совокупности сочувствующихъ этому дѣлу лицъ въ цѣлой Россіи, явились, когда не совершено этихъ предваритель-

Digitized by Google

ныхъ работъ, многіе, при всемъ желаніи помочь дѣлу, не знаютъ, куда имъ направить вниманіе, чего искать, и потому остаются въ бездѣйствіи. Такой порядокъ изслѣдованія, вытекающій изъ тѣхъ же самыхъ соображеній, по которымъ выше мы предпочли предварительную постановку всѣхъ задачъ немедленной работѣ надъ нѣкоторыми изъ нихъ, хотя и затянетъ дѣло въ первую минуту, но зато ускоритъ дальнѣйшій ходъ работы, въ такой же мѣрѣ, въ какой чрезъ то увеличится количество работниковъ и качество работы.

Все сказанное до сихъ поръ о порядкѣ разрѣшенія поставленной задачи сводится къ слѣдующимъ общимъ положеніямъ. Всякое общественное дѣло будетъ выполнено тѣмъ успѣшнѣе и быстрѣе, чѣмъ большее количество работниковъ приметъ въ немъ участіе и чѣмъ выше будетъ качество ихъ работы. Отсюда видно, что изъ различныхъ пріемовъ выполненія даннаго дѣла предпочтительнѣе тотъ, который, во первыхъ, привлечетъ къ дѣлу возможно большее количество работниковъ и, во вторыхъ, ясно опредѣлитъ, въ какомъ пунктѣ и какимъ способомъ каждый можетъ дать наибольшее количество наиболѣе полезной для данной цѣли работы. А при разбросанности работниковъ на обширной территоріи, при громадной разницѣ ихъ житейскихъ условій, способностей и склонностей, такимъ пріемомъ можетъ быть только тотъ, который прежде ясно и общедоступно ставитъ всѣ задачи, вытекающія изъ данной цѣли, а затѣмъ приступаетъ къ частному ихъ выполненію, ибо тогда каждый найдетъ себѣ дѣло, и каждому будетъ ясно, что и какъ дѣлать.

А. Ч—въ.

Digitized by Google

РУССКІЯ БЫЛИНЫ

ВЪ

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ

II.

Теперь займемся самими богатырями и попробуемъ поискать въ нихъ историческихъ личностей, хотя бы и разукрашенныхъ преданіемъ.

Объ Ильѣ Муромцѣ, главномъ изъ нихъ, мы имѣемъ въ настоящее время не мало разныхъ извѣстій, которыя въ первый разъ сведены въ одно г. Миллеромъ. Извѣстія эти слѣдующія:

Кальнофойскій, писатель XVII вѣка, говоритъ, что Илья Муромецъ умеръ за 350 лѣтъ до него,—то есть, выходитъ около 1188 года; что его въ народѣ звали Чеботокъ (очевидно, прозвище); что онъ былъ знаменитый богатырь; что мощи его лежатъ въ Печерскомъ монастырѣ, и что онъ самъ ихъ видѣлъ. При чемъ онъ осуждаетъ людей, расказывающихъ, что Илья былъ исполинъ. По его словамъ, онъ самъ измѣрялъ его ростъ, и оказалось, что богатырь былъ росту хотя и огромнаго, но не чудовищнаго.

Преданіе Печерскаго монастыря, восходящее тоже къ XVII вѣку или не далѣе, говоритъ, напротивъ того, что Илья Муромецъ окончилъ дни въ одной изъ кіевскихъ пещеръ раньше основанія Печерскаго монастыря и раньше св. Антонія,—значитъ, никакъ не въ XII столѣтіи, а много раньше, и легко можетъ быть, во время Владиміра (святой Антоній жилъ при Ярославѣ). Западный путе-

Digitized by Google

шественникъ Лассота, бывшій въ Кіевѣ въ XVI столѣтіи, говоритъ, что онъ видѣлъ около развалинъ Десятинной церкви разрушенную гробницу нѣкоего героя Ильи Муровлянина, о которомъ ходятъ много сказокъ. Около этой гробницы была другая, еще цѣлая. Она заключала въ себѣ останки другаго богатыря, сподвижника Ильи (г. Миллеръ догадывается, не Добрыни-ль:—дѣло возможное, какъ мы сейчасъ увидимъ).

Нѣкій паломникъ, бывшій въ Кіевѣ въ началѣ XVIII столѣтія, говоритъ, что онъ близко видѣлъ мощи Ильи Муромца и что лѣвая рука героя пробита копьемъ.

Такимъ образомъ несомнѣнно, что Илья нашихъ пѣсней и святой, мощи котораго лежатъ понынѣ въ пещерахъ, одно и то же лице. Тѣмъ болѣе, что и былины кончаютъ жизнь Ильи тѣмъ, что онъ строитъ церковь Печерскую и потомъ окаменѣваетъ. «И понынѣ его мощи нетлѣнныя», заключаетъ пѣсня.

Но когда же именно жилъ Илья Муромецъ?

Въ послѣднее время многіе стали, основываясь на показаніи Кальнофойскаго, относить Илью къ XII столѣтію, тѣмъ болѣе, что это время было полно героями. Не задолго до 1188 года произошелъ походъ Игоря. Въ лѣтописяхъ (Тверская) упоминается витязь Шварно, чешскій князь, воевавшій съ половцами. Мелкія и крупныя стычки съ ними происходятъ почти постоянно, а въ началѣ XIII столѣтія появляются богатыри Александръ Поповичъ и Добрыня Рязанецъ, которыхъ пѣсни вѣдаютъ за современниковъ Ильи.

Но, во первыхъ, показаніе Кальнофойскаго не есть сколько нибудь сильный аргументъ. Онъ могъ поставить цифру наугадъ, да притомъ въ XVII столѣтіи малоросы знали крайне плохо древнюю исторію Руси. Мы не беремся даже сказать, зналъ ли Кальнофойскій навѣрное, за сколько лѣтъ отъ него жилъ св. Владиміръ. Во вторыхъ, другое преданіе, тоже XVII вѣка, рѣшительно ему противорѣчитъ и подкрѣпляется пѣснями.

Впрочемъ, при однихъ этихъ соображеніяхъ, вопросъ все-таки не могъ бы быть рѣшенъ; по счастью, имѣется еще аргументъ. Въ началѣ XIII столѣтія въ Скандинавіи была составлена сага о Дитрихѣ или Тіодрекѣ Бернскомъ на основаніи германскихъ преданій, дополненныхъ другими. Въ этой сагѣ упоминается Вальдемаръ русскій и братъ его Илья греческій, то есть, православный.

Если преданія объ Ильѣ могли изъ Кіева дойти въ XIII столѣтіи до Скандинавіи, и притомъ въ весьма искаженномъ видѣ, то

Digitized by Google

очевидно, что историческій Илья умеръ не въ 1188 году, а много раньше.

Остается рѣшить противорѣчіе между показаніемъ Лассота и позднѣйшихъ кіевлянъ.

Намъ кажется, что дѣло происходило такъ: славный витязь Илья спасался, на старости лѣтъ, въ пещерѣ и по смерти былъ торжественно погребенъ при Десятинной церкви. Когда, послѣ нашествія татаръ, самая Десятинная церковь обратилась въ развалины и гробница Ильи разрушилась, то печерскіе монахи перенесли богатыря къ себѣ, считая его однимъ изъ своихъ, ибо онъ кончилъ жизнь въ пещерахъ, а пѣсни выдавали его даже за основателя Печерскаго монастыря. Поэтому въ XVI столѣтіи Лассота могъ дѣйствительно видѣть пустую гробницу.

Святымъ Илья почитался въ народѣ, вѣроятно, издревле, но офиціально онъ былъ признанъ таковымъ только въ Кіевѣ, и то духовенство какъ-то не высказывалось прямо и въ послѣднее время иногда старалось провести мысль, что Илья Муромецъ, почивающій въ Кіевѣ, не есть богатырь Илья, а просто одинъ изъ печерскихъ подвижниковъ. Церковному почитанію витязя вредили безграничное почитаніе его въ народѣ и многочисленныя пѣсни о немъ, которыя подчасъ приписывали ему не совсѣмъ монашескіе подвиги и вообще изобиловали небылицами. Церковное начальство, видно, опасалось подать поводъ къ разнымъ недоброжелательнымъ толкамъ.

Теперь если Илья Муромецъ дѣйствительно жилъ при Владимірѣ, то почему о немъ не говорятъ лѣтописи? Почему даже Никоновская лѣтопись, называющая многихъ богатырей, о которыхъ и пѣсенъ-то почти не осталось, молчитъ о главномъ изъ нихъ? Но можетъ быть она и не молчитъ, а только называетъ его другимъ именемъ? Въ этой лѣтописи подъ 1000 годомъ сказано: «того-жь года преставися Рохдай удалой: сей наѣзжаше на 300 человѣкъ». Значитъ, считался первымъ храбрецомъ и силачомъ. Не одно ли это лице съ Ильей Муромцемъ? Илья—христіанское имя, Рогдай—славянское.

Первоначально пѣсни могли знать его подъ обоими именами, потомъ осилило христіанское, особенно въ виду религіознаго почитанія Ильи Муромца.

«И плакася по немъ Владиміръ и погребе его со отцемъ своимъ митрополитомъ Леонтіемъ», продолжаетъ лѣтописецъ. Илья, по извѣстію Лассоты, тоже былъ погребенъ съ великою честью.

Digitized by Google

Рогдай, по лѣтописи, умеръ раньше другихъ богатырей; остальные и по смерти его еще продолжаютъ упоминаться. Илья, по словамъ былинъ, былъ гораздо старше своихъ товарищей.

Г. Миллеръ цитируетъ одну былину, извѣстную намъ только въ нѣмецкой передѣлкѣ. Тамъ идетъ рѣчь о томъ, какъ Чурило, съ помощью Рогдая, пріобрѣтаетъ себѣ чуднаго коня и потомъ похищаетъ царевну Милолику. Здѣсь, кажется, была ошибка пѣвца. Конь Чурилы ничѣмъ не извѣстенъ въ былинахъ, а лучшій богатырскій конь принадлежитъ Дюку, сопернику Чурилы. Споръ о коняхъ дѣйствительно происходитъ, по нѣкоторымъ варіантамъ, между Дюкомъ и Чурилою, но вѣрнѣе тотъ варіантъ, гдѣ рѣчь идетъ объ Алешѣ Поповичѣ. Во всякомъ случаѣ, соперникъ Дюка постыдно побѣжденъ. Равно и царевну похищаетъ не Чурило, а Дюкъ [1]). Пѣвцы легко могли перемѣшать двухъ всегдашнихъ соперниковъ, подобно тому, какъ одинъ олонецкій пѣвецъ перемѣшалъ Вольгу и Микулу. Но если Рогдай помогалъ въ сущности Дюку, то это совершенно согласно съ расказомъ дошедшихъ до насъ былинъ, въ которыхъ Илья является постояннымъ покровителемъ молодыхъ богатырей, и въ особенности Дюка Степановича. Это сходство имѣетъ значеніе.

Г. Миллеръ, приводя эту пѣсню, говоритъ, что она не заслуживаетъ большаго вниманія, такъ какъ имена Рогдай и Милолика не народныя, а сочиненныя. Но это еще надо доказать.

Рогдай есть славянское имя собственное, произведенное совершенно правильно отъ корней *рогъ* и *дай*. Мы знаемъ имена Рогомилъ, Божидай. Можно было бы привести и другіе примѣры. Имя Рогдай встрѣчается въ рукописяхъ, чуть ли не въ одной Никоновской лѣтописи, и притомъ въ краткой замѣткѣ, носящей характеръ древности. Потомъ, по свидѣтельству вышеупомянутаго нѣмца, были о немъ и пѣсни, но до насъ не дошли. Вся бѣда въ томъ, что это имя было подхвачено сочинителями разныхъ сантиментальныхъ повѣстей, будто бы изъ древней русской исторіи, которыми такъ изобиловали конецъ прошлаго и начало нынѣшняго столѣтій. Вслѣдствіе этого, имя Рогдай дѣйствительно опошлилось и стало звучать для насъ чѣмъ-то лженароднымъ. Но древній богатырь въ этомъ нисколько не виноватъ.

То же можно сказать и о имени Милолика. Не знаю, есть ли оно

---

[1]) Рыбн. II, 26.

Digitized by Google

въ рукописяхъ. Въ сказкахъ, кажется, есть. Милоликой называетъ Екатерина II, въ своихъ запискахъ о русской исторіи, болгарыню, одну изъ женъ Владиміра. Не знаю, откуда она это взяла, но замѣчательно, что Милолика есть имя дѣйствительно болгарское, употребительное тамъ и понынѣ.

Вообще намъ кажется, что пѣсни, о которыхъ рѣчь, по духу своему очень близки къ тѣмъ страннымъ сказаніямъ о Дюкѣ, Чурилѣ и Шаркѣ великанѣ, которыя напечатаны у Рыбникова (I, 47; II, 25, 26). Та же своеобразность, нѣкоторая искусственность, свидѣтельствующая, что они побывали въ рукахъ книжниковъ, и при всемъ этомъ часто очень древнія черты и мотивы, такъ какъ записаны-то они были очень давно. Коментаторы пѣсень мало до сихъ поръ обращали вниманія на это, да притомъ онѣ видимо искажены, отрывочны и запутаны. Сколько я могу понять, содержаніе ихъ заключается въ слѣдующемъ. За нѣкую особу, которая въ одномъ варіантѣ называется россійской Марьей, лебедью бѣлою, а въ другомъ прекрасной царевной, спорятъ трое: Чурило Пленковичъ, Дюкъ Степановичъ и Шаркъ великанъ. Послѣдній, влюбившись въ нее, бродитъ по Россіи, мучимый страстью, встрѣчаетъ Чурилу и спрашиваетъ, какъ-бы ему достать Марью. Чурило называетъ его басурманомъ и язычникомъ и за это схваченъ и подброшенъ подъ облака. Спасся онъ или нѣтъ, отрывокъ не договариваетъ, но потомъ Чурило опять является. Второй отрывокъ расказываетъ, что Шаркъ, освирѣпѣвъ, бродитъ по Россіи, жжетъ и грабитъ, но убитъ въ единоборствѣ Дюкомъ. Въ третьемъ отрывкѣ Дюкъ является въ Кіевъ и принятъ ласково царевной, которая проситъ его избавить ее отъ Чурилы. Дюкъ отказывается заводить съ нимъ ссору, потому что пріѣхалъ для богомолья; но когда Чурило вздумалъ опять перещеголять Дюка нарядомъ, то слуга Дюка бьетъ его и вытаскиваетъ изъ города. Царевна и Дюкъ окончательно влюбляются другъ въ друга, и Дюкъ проситъ у слуги совѣта, что дѣлать, жалуясь, что «грозный отецъ моихъ прозебъ не слушаетъ». Чей отецъ: Дюковъ, или царевны? Первому, кажется, спорить нечего, да, по другимъ былинамъ, онъ давно умеръ. Если рѣчь идетъ объ отцѣ невѣсты, то не считали-ль ее пѣсни дочерью Владиміра? Въ противномъ случаѣ, откуда взяться царевнѣ въ Кіевѣ? Или, можетъ быть, рѣчь идетъ о Марьѣ, бѣлой лебеди, женѣ Потыка и царевнѣ подольской, которая могла убѣжать и съ Дюкомъ. Дѣло кончается тѣмъ, что Дюкъ беретъ коня, чернаго, могучаго (вспомнимъ передѣлку нѣм-

Digitized by Google

ца), и похищаетъ царевну. У нѣмца рѣчь идетъ тоже о похищеніи царевны. Хорошо было бы, еслибъ его сборникъ былъ переведенъ обратно на русскій языкъ или бы и въ подлинникѣ былъ напечатанъ и сдѣлался бы всѣмъ доступенъ. Можетъ быть, подъ нѣмецкими словами открылись бы подлинные стихи пѣсней и какіе нибудь новые мотивы или дополненія къ извѣстнымъ. Нынче, когда ужь такъ много собрано варіантовъ, одно слово можетъ уяснить многое.

Объ Ильѣ довольно. Перейдемъ къ его вѣрнѣйшему сподвижнику—Добрынѣ. Изъ времени Владиміра намъ извѣстенъ Добрыня, его дядя, но общаго съ богатыремъ онъ ничего не имѣетъ. Онъ старикъ, а Добрыня былинъ—вѣчный юноша; сходнаго—только имя и то, что оба—современники Владиміра. Въ XIII столѣтіи былъ другой Добрыня и богатырь. Родомъ онъ былъ изъ Рязани; прозвище ему Златой Поясъ; онъ служилъ Константину ростовскому и былъ убитъ на Калкѣ. Вслѣдствіе этого, варіантъ Кирши называетъ Владимірова богатыря Рязанцемъ и сыномъ богатаго гостя, тогда какъ другіе варіанты и даже самъ Кирша именуютъ его племянникомъ Владиміра, а иные даже выдаютъ за князя. Значитъ, Добрыню XIII столѣтія перенесли въ XI вѣкъ, можетъ быть, по одноименности съ историческимъ Добрыней? Но типъ богатыря Добрыни Никитича слишкомъ самостоятеленъ, и общаго съ Добрыней Рязанцемъ его подвиги ничего не имѣютъ. Нѣтъ, долженъ былъ существовать какой нибудь герой XI столѣтія, котораго былины воспѣли потомъ подъ именемъ Добрыни. Кто же онъ былъ? Поищемъ въ той же Никоновской лѣтописи:

«Лѣта 1004. Того-жь лѣта Андриха Добрянкова храбраго отравою окормиша свои его слуги».

Вотъ наше искомое. Пѣвцы очень легко могли передѣлать Андриха Добрянковича въ Добрянку Андриховича, а потомъ трудное отчество было замѣнено Никитичемъ, а Добрянку смѣшали съ богатыремъ Добрыней.

Имя Андриха—западное. Такъ произносили русскіе слово Генрихъ. Современникомъ Владиміра на чешскомъ престолѣ былъ Удальрикъ. Чехи произносили это германское имя Ольдрихъ, русскіе и этого князя называли Андрихъ.

Андрихъ Добрянковичъ могъ, конечно, быть и природнымъ русскимъ, не смотря на свое иностранное имя. Весьма возможно, особенно если принять въ расчетъ княжеское происхожденіе Добрыни и родство его съ Владиміромъ, что онъ или его отецъ были

Digitized by Google

знатные чехи, переселившіеся въ Россію, съ которою нибудь изъ двухъ чехинь, женъ Владиміра. Они могли быть родственниками одной изъ нихъ. Имя отца Андриха должно было звучать Добрянъ, въ уменьшительномъ Добренко или Добрянка. Можетъ быть, это западное происхожденіе и служитъ объясненіемъ того утонченнаго «вѣжества», которымъ Добрыня, по словамъ былинъ, отличался передъ всѣми другими богатырями. Мы уже замѣтили, что подъ Опраксой, очень можетъ быть, разумѣлась которая нибудь чехиня, ибо и Опракса была родомъ съ Запада. Да чехини и добыты были, вѣроятно, насильственно.

Александръ или Алеша Поповичъ тоже двоится въ преданіяхъ. Никоновская лѣтопись говоритъ, что въ 1000 году, когда Владиміръ былъ съ войскомъ въ Болгаріи, печенѣги напали на беззащитный Кіевъ, но были отражены Александромъ Поповичемъ. Владиміръ, возвратясь, возложилъ на него златую гривну и возвелъ въ высокій санъ. Въ 1001 году онъ же, Александръ, съ Яномъ Усмошвецемъ избили много печенѣгъ и привели ихъ князя живымъ. По сему случаю Владиміръ учинилъ великій пиръ. По былинамъ, это—обыкновенное заключеніе всякаго подвига. Наконецъ въ 1004 году Владиміръ послалъ ихъ же отразить печенѣговъ, подошедшихъ къ Бѣлгороду. Варвары тотчасъ побѣжали, не давши сраженія.

Можетъ быть, кіевскій Александръ и не назывался Поповичемъ, а переписчикъ невольно придалъ ему знакомое прозвище. Другой Александръ Поповичъ былъ изъ Ростова, почему и кіевскія былины стали выводить его оттуда же. Онъ былъ человѣкъ извѣстный, и мы имѣемъ о немъ довольно подробныя извѣстія, такъ что ужь его-то существованіе нисколько не подлежитъ сомнѣнію. О его смерти на Калкѣ упоминаетъ даже Троицкая лѣтопись, одна изъ древнѣйшихъ. Самый подробный расказъ о немъ находится въ такъ называемой Тверской лѣтописи. Составлена она была на самомъ дѣлѣ въ Ростовѣ, при чемъ составитель пользовался преимущественно древней Тверской, а также подмѣшивалъ свои родныя преданія. Вся эта лѣтопись по истинѣ есть драгоцѣнность перваго разряда, и странно, что ею какъ-то мало пользуются. А извѣстія тамъ самыя свѣжія и оригинальныя. Эпизодъ объ Александрѣ Поповичѣ, сколько намъ помнится, никѣмъ еще не былъ приведенъ, почему мы его и выписываемъ вкратцѣ. Когда была брань за великое княженіе между Константиномъ и Юріемъ Всеволодичами, то приходилъ Юрій къ Ростову

Digitized by Google

и стоялъ подъ Ростовомъ въ Пужбалѣ, а войско стояло за 2 версты отъ города на рѣкѣ Ишнѣ, и бились вмѣсто острога о рѣку Ишню. Александръ выходилъ изъ города и побивалъ многихъ людей великаго князя Юрія, ихъ же могилы великія и доселѣ видны на Ишнѣ, а иныя за рѣкой Усіей, а другія подъ Угодичами на Узѣ: тѣ храбрые, выскоча на какую нибудь сторону, обороняли Ростовъ молитвами Пречистой. Потомъ вышелъ Константинъ изъ Ростова и былъ бой на рѣкѣ Гдѣ, и побѣдилъ Константинъ своею правдой и тѣми же храбрыми Александромъ и его слугой Торопомъ; тутъ же былъ и Тимоня Златой Поясъ. По Никоновской лѣтописи, это—прозвище Добрыни. Можетъ быть, онъ въ крещеніи назывался Тимоѳей. И тутъ убили у великаго князя храбраго Юряту, и онъ очень опечалился и заключилъ миръ. Всѣ эти обстоятельства въ главномъ подтверждаются современной Переяславской лѣтописью. Потомъ опять возгорѣлась война. Былъ бой на Липицахъ. Тутъ убили храбраго и безумнаго боярина Ратибора, похвалившагося заметать враговъ сѣдлами. Никоновская лѣтопись сообщаетъ слѣдующую черту: когда Мстиславъ Удалой слишкомъ далеко заѣхалъ въ ряды враговъ, то пришелъ на него съ другой стороны Александръ Поповичъ, держа мечъ нагъ, и хотѣлъ его разсѣчь. Тотъ закричалъ: азъ есмь князь Мстиславъ. И поучилъ его Поповичъ уму-разуму. «Ты, княже, не дерзай, но стой и смотри. Если ты, глава, убитъ будешь, то что съ остальными будетъ и куда имъ дѣться?» Потомъ Константинъ получилъ великое княженіе и скоро умеръ, а землю свою и дѣтей отдалъ на руки Юрію, съ которымъ успѣлъ помириться. Тогда храбрые стали опасаться, чтобы не сталъ имъ мстить Юрій за смерть Юряты, Ратибора и иныхъ. И послалъ Александръ Торопа и созвалъ храбрыхъ въ свой городокъ на рѣкѣ Гдѣ подъ гремячимъ колодцемъ; городокъ этотъ и донынѣ стоитъ пустъ. И стали они разсуждать о томъ, что имъ дѣлать, и разсудили, что если они пойдутъ на службу къ разнымъ князьямъ, то и не-хотя перебьютъ другъ друга; ибо между князьями великое неустроеніе и частые бои, и положили не разлучаться, а идти всѣмъ вмѣстѣ къ великому князю Мстиславу Романовичу въ Кіевъ, мать городамъ русскимъ. И весьма возгордился князь, пріобрѣтя такихъ витязей, и когда пришла вѣсть о татарахъ, онъ сказалъ: пока я на Кіевѣ, то по Яикъ и по Дунай и по Понтійское море саблѣ не махивать. Но Богъ наказалъ его за похвальбу. Онъ былъ убитъ на Калкѣ и съ нимъ всѣ 70 храбрыхъ. Никоновская

Digitized by Google

лѣтопись называетъ въ ихъ числѣ Добрыню и еще Неѳеда Дикуна. Авторъ приписываетъ все татарское нашествіе гордости русскихъ князей. Были, говоритъ онъ, тогда многіе князи храбрые и высокоумные и мнили, что они все дѣлаютъ своею храбростью; имѣли же и дружину многую и храбрую и той величались. Отъ нихъ воспомянемъ, о единомъ найдя описаніе. Съ этого-то и начинаетъ лѣтописецъ свой расказъ.

Другіе богатыри не оставили по себѣ такихъ ясныхъ слѣдовъ въ преданіяхъ. Пѣсни о Янѣ Усмошвецѣ, побѣдителѣ печенѣжскаго великана, не дошли до насъ, хотя и были. Самый расказъ Нестора, очевидно, есть переложенныя пѣсни, и г. Безсоновъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что расказъ еще слышенъ. Любопытные варіанты къ этому мѣсту можно найти въ Переяславской лѣтописи. Тамъ расказъ имѣетъ еще болѣе народный колоритъ. Есть впрочемъ и въ Великой Руси и въ Малой преданіе о нѣкоемъ Никитѣ или Кирилѣ Кожемякѣ, который убилъ змѣя, требовавшаго себѣ человѣческихъ жертвъ. Сходство съ Яномъ заключается въ томъ, что оба—кожевники и оба разрываютъ разомъ нѣсколько кожъ. Янъ это дѣлаетъ въ гнѣвѣ, а Кожемяка съ испуга. Въ нѣмецкомъ сборникѣ помѣщена и пѣсня объ этомъ: но подвигъ приписанъ Чурилѣ, по сходству имени съ Кириломъ.

О Васильѣ Казимировичѣ нѣтъ ничего въ лѣтописи. Древность пѣсень о немъ видна изъ того, что сходныя преданія есть и на Украйнѣ. По нашимъ былинамъ, Василій стрѣляетъ съ башни осажденнаго Кіева и убиваетъ знатнаго татарина. Ханъ требуетъ его выдачи, и кіевляне готовы согласиться; тогда Василій отправляется къ татарамъ подъ видомъ перебѣжчика и губитъ ихъ. Малоросы относятъ событіе ко временамъ историческаго Батыя. Рыцарь Михайликъ, семилѣтокъ, стрѣляетъ точно также съ башни, и кіевляне также хотятъ его выдать, но дѣло кончается совсѣмъ иначе. Михайликъ, поднимаетъ на копье Златыя врата и уѣзжаетъ въ Царьградъ, а татары вламываются въ городъ. Но похоже, что тутъ замѣшались и другіе типы. Въ нашихъ былинахъ поется о богатырѣ Михайлушкѣ, который выступаетъ на подвиги еще ребенкомъ и освобождаетъ Кіевъ отъ осады.

Малорусскія сказки знаютъ и Соловья разбойника; говорятъ, есть сказки и объ Ильѣ Муромцѣ, но онѣ еще не обнародованы. Въ одной древней казацкой пѣснѣ встрѣчается имя Алексѣя Поповича. Онъ—войсковой писарь. Казацкія суда тонутъ на морѣ, тогда Алексѣй совѣтуетъ товарищамъ каяться во грѣхахъ и

Digitized by Google

начинаетъ расказывать о себѣ самомъ отмѣнно неблаговидныя вещи. Это совершенно подходитъ къ безнравственному Алешѣ былинъ.

О старшихъ богатыряхъ упоминать нечего: это личности миѳическія. Значеніе ихъ не разъ было объяснено. Замѣтимъ только одно слово насчетъ Микулы Селяниновича. Нѣкоторые находятъ страннымъ, какимъ образомъ этотъ пахарь, земскій человѣкъ, помогаетъ князю насильнику противъ подобныхъ себѣ «мужиковъ гурчевскихъ». Но Микула, по скольку онъ человѣкъ, есть представитель кроткаго и нравственнаго племени полянъ и естественный врагъ древлянъ. Мужики гурчевскіе и его было хотѣли ограбить. Интересы полянъ и Руси были всегда одни и тѣ же.

О Ставрѣ соцкомъ мы уже говорили. Изъ бояръ, окружавшихъ историческаго Владиміра, упоминаются двое: Путята, извѣстный креститель Новгорода, и знаменитый Влудъ. Оба впрочемъ извѣстны только по отчеству своихъ дѣтей.

Теперь кинемъ общій взглядъ на содержаніе былинъ, на подвиги, описываемые тамъ, на положеніе Руси при Владимірѣ въ отношеніи къ сосѣдямъ, какъ оно тамъ представлено,—посмотримъ, однимъ словомъ, вѣрно ли въ нихъ изображено княженіе именно Владиміра, и попытаемся также разрѣшить вопросъ, что же такое были наши богатыри, въ какихъ отношеніяхъ стояли они къ землѣ и князю.

Мы видимъ изъ лѣтописей, что княженіе Владиміра было точно вѣкомъ по преимуществу героическимъ; что война съ кіевлянами шла безпрестанная; что они всегда побивали, хотя по временамъ и ставили Россію на край гибели; что русскіе при Владимірѣ были племенемъ воинственнымъ и сильнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ не воевалъ Владиміръ? Усмирялъ онъ и дикихъ вятичей, ядущихъ *нечисто* родичей Соловья разбойника; дрался со свирѣпыми ятвягами, съ хороброй Литвой, съ которой, по словамъ одного варіанта, бралъ потомъ дань Илья; гонялъ короля ляховецкаго до самаго Кракова; вообще воевалъ съ Польшей четыре раза, съ болгарами дунайскими три, при чемъ имѣлъ бой даже съ сербами; воевалъ съ болгарами камскими, ходилъ за Карпаты помогать святому Стефану, своему пріятелю, взялъ Корсунь, имѣлъ какую-то войну съ Швеціей. А о печенѣгахъ нечего и говорить.

И объ этомъ-то князѣ у насъ, невѣдомо какъ, сложилось понятіе, что онъ былъ человѣкъ не воинственный. Странно послѣ этого, какимъ образомъ, не будучи воинственнымъ, онъ съумѣлъ

Digitized by Google

бы провести на войнѣ около половины жизни. А личная его храбрость достаточно подтверждается извѣстнымъ случаемъ при Бѣлгородѣ. Если онъ былъ принужденъ, послѣ бѣгства своего войска, спрятаться подъ мостомъ, то ясно, что онъ находился не сзади, а спереди. Что же, такою ли представляютъ Россію былины?—Именно такой: сильной, знаменитой, нерѣдко подвергающейся опасностямъ, но побѣждающей ихъ, и грозной для сосѣдей. И пѣсни приписываютъ богатырямъ не только оборонительные подвиги, но посылаютъ ихъ воевать далеко, далеко:

«Бить, земли прибавливать,
Коренить языки человѣческіе,
Прибавлять земельки святорусскія» [1]).

Но всего дороже для эпоса ихъ домашніе подвиги, защита земли. Поэтому и о дѣлахъ самого Владиміра не упоминается. Эту судьбу онъ впрочемъ раздѣляетъ со многими. И Карлъ Великій совершенно затмѣвается своими паладинами. Но Карлъ всегда на ходу, такъ какъ войны его были всѣ внѣшнія. Владиміръ сидитъ на мѣстѣ, ибо эпосъ о дальнихъ походахъ не распространяется. Что же касается до тѣхъ мѣстъ, гдѣ пѣсня относится ко Владиміру сатирически, то нѣтъ и тѣни сомнѣнія, что тутъ подъ именемъ Владиміра казнятся его недостойные потомки,—участь, которой опять-таки подвергся и Карлъ.

Обратимся къ самимъ богатырямъ. Лѣтопись Нестора говоритъ, что Владиміръ послѣ одного изъ нашествій печенѣговъ сказалъ: «худо, что мало городовъ около Кіева». Ихъ дѣйствительно почти не было. И Владиміръ сталъ проводить черты укрѣпленныхъ городовъ. Первая черта была на правомъ берегу Днѣпра, на рѣкѣ Стугнѣ, очень близко отъ Кіева. Остальныя были всѣ на лѣвомъ берегу: одна на Деснѣ, потомъ на Острѣ и Трубежѣ, и всѣ онѣ замыкались послѣдней, самой длинной, на Сулѣ. Лѣвый берегъ былъ укрѣпленъ лучше потому, что на него обыкновенно нападали печенѣги. И богатырскія заставы пѣсень точно такъ же помѣщаются въ одномъ варіантѣ между Кіевомъ и Черниговымъ, а въ другомъ—за Днѣпромъ рѣкой. Заставы эти видѣлъ въ 1007 году германскій мисіонеръ Бруно, ходившій черезъ Кіевъ проповѣдывать печенѣгамъ. Владиміръ

---

[1]) Рыбн. I, 37.

Digitized by Google

принялъ его радушно, долго отговаривалъ отъ опаснаго путешествія, наконецъ самъ провожалъ его съ войскомъ три дня до границы: по расчету времени, выходитъ, до Сулы. По словамъ Бруно, между городами тянулся непрерывный тынъ, охраняемый постоянною стражей. Въ тынѣ были ворота, а передъ ними сторожевые холмы—скатъ-горы былинъ, на которыхъ стояли богатырскія ставки. Все это до крайности намъ знакомо изъ былинъ:

«На славной на кіевской на заставѣ
Стояло двѣнадцать богатырей безъ единаго.
По нихъ по славной кіевской заставѣ
Пѣхотою никто не прохаживалъ,
На добромъ конѣ никто не проѣзживалъ,
Сѣрый звѣрь не прорыскивалъ
Птица черный воронъ не пролетывалъ.....»

Города, построенные Владиміромъ, были населяемы выходцами съ сѣвера. Народъ былъ крѣпкій, упрямый,—изъ нихъ-то и выходили богатыри.

Пѣсня мало говоритъ о кіевскомъ ополченіи. Разъ только противъ Тугарина выступаетъ весь вооруженный народъ. Дружину княжескую пѣсня знаетъ, но не особенно ей сочувствуетъ. Предметъ ея сочувствія — богатыри, земская дружина; оговоримся: не исключительно земская, какъ нѣкоторые намекали, а въ то же время и княжеская, но спеціально охраняющая землю. Это именно та стража, которую видѣлъ Бруно. Изъ ея среды выходятъ удальцы, которые потомъ переселяются въ Кіевъ и дѣлаются приближенными князя. Напротивъ того, молодые боярскіе дѣти, достигнувъ извѣстныхъ лѣтъ, отправляются въ степь, записываются въ богатырскій отрядъ, поступаютъ подъ начальство какого нибудь извѣстнаго воина и пріобрѣтаютъ себѣ славу въ ежедневныхъ стычкахъ. Поступаютъ въ ту же дружину и пришельцы издалека. По словамъ пѣсни, Владиміръ такихъ людей вездѣ ищетъ, вездѣ спрашиваетъ. Такимъ образомъ эпосъ знаетъ по преимуществу эту дѣятельную дружину и признаетъ богатыремъ такого только человѣка, который въ ней такъ или иначе

богатырей, по мнѣнію пѣсень, было не велико, такъ какъ и одинъ изъ нихъ стоилъ сотни варваровъ.

Мы должны еще прибавить, что, по нашему мнѣнію, извѣстія о богатыряхъ, сообщаемыя Никоновской лѣтописью, заслуживаютъ

Digitized by Google

почти такого вниманія, какъ и тѣ, которыя находятся въ древнемъ текстѣ Нестора. Слава Богу, прошло уже то время, когда на всякое слово, не находящееся въ харатейной рукописи, смотрѣли какъ на прибавку «невѣжественныхъ переписчиковъ». Теперь мы знаемъ, что переписчики наши, не тѣмъ будь помянуты, чаще пропускали, чѣмъ добавляли. И лѣтопись Нестора дошла до насъ далеко не въ полномъ видѣ. Однимъ изъ первыхъ ея сократителей былъ игуменъ Сильвестръ въ началѣ XII столѣтія. Всѣ древнѣйшія рукописи Нестора, дошедшія до насъ, ведутъ свое происхожденіе отъ Сильвестровской редакціи. Но въ иныхъ, позднѣйшихъ, рукописяхъ встрѣчаются извѣстія, писанныя столь древнимъ языкомъ, что они, очевидно, находились въ первоначальномъ текстѣ: такъ, на примѣръ, расказъ о снѣ древлянскаго князя Мала въ Переяславской лѣтописи, и потомъ извѣстіе о болѣзни Ольги. Все это дополняетъ и объясняетъ расказъ Нестора, который иначе остается темнымъ. Въ Никоновской лѣтописи такихъ добавленій особенно много; но, къ сожалѣнію, составитель ея имѣлъ претензію писать хорошимъ слогомъ и переводилъ архаизмы рукописей на современный ему книжный языкъ. Зато, какъ писатель сознательный, онъ имѣлъ богатѣйшіе источники. Что касается до самыхъ извѣстій о богатыряхъ, то всѣ они кратки, и не замѣтно никакого размазыванія, къ которому этотъ писатель въ другихъ случаяхъ такъ падокъ. Таковы-то и должны были быть краткія древнія записи о дѣлахъ разныхъ витязей Владиміра и о времени ихъ смерти. Замѣтки эти, конечно, были въ первоначальномъ текстѣ Нестора, но потомъ выпущены Сильвестромъ и другими, какъ не представлявшія, по ихъ мнѣнію, большаго интереса. Даже слово богатырь, которое иные считаютъ новымъ, употреблено въ нихъ только разъ, и то о печенѣжинѣ. Русскіе витязи богатырями не зовутся. Рогдай названъ удалымъ (удатнымъ), Андрихъ храбрымъ (храбромъ), остальные не носятъ никакого титула. Хотя впрочемъ не русское происхожденіе слова богатырь нисколько еще не доказано. Мы знаемъ только, что это слово въ татарскомъ языкѣ корня не имѣетъ, а въ персидскомъ имѣетъ самый удовлетворительный. Если оно могло существовать въ персидскомъ, отчего оно не могло быть и въ славянскомъ, столь родственномъ первому? Въ украинскомъ нарѣчіи богатырь означаетъ богача,— знакъ, что древнее слово стало наконецъ имѣть разное значеніе въ разныхъ племенахъ. Странное теперь окончаніе *тырь* ни-

Digitized by Google

сколько не было странно въ древнюю эпоху; вспомнимъ слово пастырь: первоначальное удареніе въ нашемъ словѣ было на *а*, а не на *ы* или *и*.

Но почему, спросятъ, этого слова нѣтъ въ харатейныхъ рукописяхъ? Позвольте: если въ Россіи не было встарину богатырей, то во всякомъ случаѣ были герои, храбрые люди,—какъ же ихъ называли?—Ихъ называли *храбръ* и *дѣй*; послѣднее, конечно, отъ корня *див*, означавшаго божество, значитъ, божественные,—то же, что и богатыри. А сколько разъ въ древнихъ рукописяхъ употреблены эти слова?—*Однажды*.

Неужели на такомъ ничтожномъ основаніи мы можемъ отвергать существованіе слова богатырь въ до-татарскую эпоху? До насъ дошли два лоскутка со словами храбръ и дѣй. Неужели мы возьмемся утверждать, что никогда не могло быть третьяго лоскутка со словомъ богатырь?

Но возможная вещь, что это слово дѣйствительно было мало употребительно на югѣ, что происходило именно вслѣдствіе его глубокой древности. Но сѣверные колонисты сохранили древнее имя, означавшее нѣкогда полубоговъ, такъ какъ потомки выселенцевъ, колонисты, обыкновенно удерживаютъ языкъ предковъ въ большей свѣжести и чистотѣ. Но если южныхъ лѣтописей мы имѣемъ мало, то сѣверныхъ древнихъ и того меньше. Поэтому-то мы въ нихъ и не находимъ искомаго слова.

Впрочемъ тутъ много можно допустить объясненій. Можетъ быть, лѣтописцы считали это слово грѣшнымъ, пахнущимъ язычествомъ. А съ другой стороны, еслибы кто нибудь хотѣлъ непремѣнно считать это слово туранскимъ, то развѣ русскіе его не могли занять гораздо раньше татаръ у печенѣговъ, половцевъ и другихъ болѣе сильныхъ и древнихъ народовъ, какъ-то: у хазаровъ, аваровъ и самихъ гуновъ, которые всѣ владѣли Россіей?

Теперь не мѣшаетъ обратить вниманіе и на животныхъ, упоминаемыхъ въ эпосѣ. Мы найдемъ между ними нѣкоторыхъ не существующихъ, или почти не существующихъ въ настоящее время. Этимъ вопросомъ надо заняться и по тому, что нѣкоторые печатно выражали свое удивленіе, откуда это на Руси могли взяться львы, слоны и барсы, о которыхъ говорятъ былины.

Львы ничего не значатъ. Они упоминаются крайне рѣдко, почти всегда только въ сравненіяхъ, и, вѣроятно, зашли изъ книгъ. Подъ слонами наши предки разумѣли вообще крупныхъ живот-

Digitized by Google

ныхъ: такъ въ пѣснѣ о Михайлѣ Казарянинѣ сказано, что тетивы его лука были сдѣланы изъ жилъ сохатыхъ слоновъ, то есть, лосей. Но возможно, что русскіе, по своему сосѣдству съ Востокомъ, всегда слыхали о чудовищномъ индѣйскомъ животномъ, почему и придавали спеціально ему древнее названіе слонъ. Точно также они должны были имѣть понятіе и о верблюдѣ. Кромѣ мѣста, которое мы сейчасъ привели, о слонѣ говорится только разъ. Два богатыря, идущіе въ походъ, сравниваются съ двумя слонами, *слоняющимися* по полю, то есть, медленно подвигающимися.

О барсѣ говорится, что Вольга Святославичъ, идя на Индію, билъ барсовъ и одѣвалъ ихъ шкурами своихъ воиновъ. Но мнѣ кажется, что русскіе могли видѣть барсовъ и на родинѣ. Этимъ вопросомъ стóитъ заняться подробнѣе.

Одинъ изъ лучшихъ документовъ касательно древней русской фауны мы находимъ въ завѣщаньи Владиміра Мономаха. Храбрый князь, исчисливъ свои военные подвиги, переходитъ къ охотничьимъ и говоритъ:

«А вотъ ловы мои, которыми я трудился. За Черниговымъ въ пущахъ вязалъ коней дикихъ по десяти и по двадцати, тура два метали меня на рогахъ, олень меня рогами болъ, два лося—одинъ рогами болъ, а другой ногами топталъ, вепрь меня въ ногу ранилъ, медвѣдь сѣдельный подкладъ укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры и коня подо мною повергъ, много разъ я съ коня падалъ, много разъ руки и ноги повреждалъ и пр....»

Изъ этого мѣста мы видимъ, что дикіе кони, теперь крайне рѣдкіе въ Новороссіи и то больше одичалые, въ XI столѣтіи еще наполняли степи и заходили даже въ пограничные лѣса. Видимъ, что тогда на Украйнѣ водились еще вепри и олени, которыхъ тамъ больше нѣтъ,—водились лось и туръ, изъ которыхъ одинъ живетъ теперь сѣвернѣе, а другой почти всюду перевелся. Было довольно и медвѣдей.

Насчетъ тура ученые спорятъ. Одни считаютъ, что это бѣловѣжскій зубръ, другіе утверждаютъ, что подъ туромъ наши предки разумѣли другаго, нынѣ уже исчезнувшаго звѣря. Герберштейнъ говоритъ, что въ его время (въ XVI столѣтіи) въ Польшѣ жили два дикихъ быка, изъ которыхъ одинъ назывался зубромъ, а другой туромъ. Послѣдній водился исключительно въ Польшѣ, притомъ въ немногихъ лѣсахъ. Изображенія ихъ приложены къ сочиненію Герберштейна, и изъ нихъ видно, что зубръ былъ со-

Digitized by Google

вершенно похожъ на теперешняго бѣловѣжскаго, а туръ былъ обыкновенный быкъ, только дикій и съ болѣе свирѣпымъ видомъ,— однимъ словомъ, родоначальникъ домашняго скота.

Такимъ образомъ, говорятъ нѣкоторые, несомнѣнно, что туръ совсѣмъ особенный звѣрь отъ нашего зубра. На это имъ возражаютъ, что туръ—древнее слово, вообще означающее всякаго быка; что русскіе могли и не знать польскаго тура, о которомъ намъ не извѣстно, чтобъ онъ у насъ когда нибудь водился; что они называли туромъ зубра, всюду распространеннаго, и приняли уже впослѣдствіи имя зубра отъ поляковъ, которые имѣли обоихъ звѣрей и потому должны были различать ихъ особенными именами. Это подтверждаютъ и тѣмъ, что урочища, произведенныя отъ слова зубръ, встрѣчаются только на польской сторонѣ пущи, а на русской сторонѣ господствуютъ имена турово, турицы и тому подобныя. Да и любимая трава зубровъ понынѣ зовется—турица.

Но есть другое доказательство, которое, страннымъ образомъ, никѣмъ, кажется, еще не приводилось. Постоянный эпитетъ тура въ пѣсняхъ—гнѣдой туръ, что очень можетъ идти къ зубру, но никоимъ образомъ не идетъ къ польскому туру, такъ какъ, по словамъ Герберштейна, онъ былъ черный, съ бѣловатой полосой на спинѣ.

Итакъ, мы, съ своей стороны, вполнѣ убѣждены, что могучій звѣрь, метавшій на рогахъ Мономаха, дававшій свое имя героямъ, какъ величайшую похвалу, краса и гордость русской природы, никогда не думалъ вымирать, а существуетъ благополучно и понынѣ.

Но что такое лютый звѣрь? Какое животное имѣлъ въ виду Мономахъ? Обыкновенно объясняютъ, что это волкъ; ибо онъ не могъ быть пропущенъ Владиміромъ, а имени его не упомянуто. Но странно было бы, еслибы князь отнесъ такого обыкновеннаго и въ то время, при обиліи благородныхъ звѣрей, мало уважаемаго животнаго къ концу своего расказа. Да и повергнуть коня волку трудно, развѣ какому нибудь выродку изъ своего племени. Слыхалъ я такое мнѣніе, что эпизодъ о лютомъ звѣрѣ есть продолженіе расказа о медвѣдѣ. Но тогда къ чему-жь было бы упоминать объ укушеніи сѣдельнаго подклада?

Мнѣ кажется, что лютый звѣрь Мономаха есть азіатскій барсъ, felis irbis. Доказательства слѣдующія:

Барсъ понынѣ живетъ въ киргизскихъ степяхъ, доходя до Яика;

Digitized by Google

водится и на Кавказѣ. Въ древнее время, при ничтожномъ населеніи, онъ легко могъ проходить степь, гдѣ лѣса въ то время было больше, и забираться въ пограничныя пущи на восточномъ берегу Днѣпра. Конечно, это были отдѣльные бродяги: оттого и звѣрь этотъ считался очень цѣннымъ, и охота за нимъ была вѣнцомъ всѣхъ охотничьихъ подвиговъ, особенно принимая во вниманіе *лютость* этого звѣря. Барсъ отлично прыгаетъ, и ему-то ничего не стоило, по своему природному свойству, вскочить на княжескаго коня и повалить на землю, вслѣдствіе причиненныхъ ему испуга и страшныхъ ранъ когтями. Понятно, что разхваставшійся князь поберегъ именно этого звѣря какъ будто на закуску, перечисливъ сначала всѣхъ остальныхъ.

Звѣрь этотъ былъ рѣдокъ, отъ того-то онъ и не получилъ настоящаго имени, а назывался описательно. Впрочемъ имя его, можетъ быть, произносили слитно: лютызвѣрь. Впослѣдствіи русскіе узнали отъ грековъ, что это звѣрь пардосъ, о которомъ и въ Священномъ Писаніи говорится, и стали для важности называть лютаго звѣря пардусомъ. Слово обрусѣло и образвало наконецъ прилагательное пардужій.

Несторъ говоритъ, что Святославъ ходилъ легко, какъ пардусъ. Значитъ, русскіе знали походку этого звѣря. Слово о полку Игоревомъ сравниваетъ половцевъ съ пардужьимъ гнѣздомъ. Изъ лѣтописей извѣстно, что князья дарили этихъ звѣрей другъ другу,— конечно, живыхъ, ибо шкуры не могли составлять рѣдкость. На старинномъ гербѣ Пскова изображался какой-то звѣрь. Онъ представлялся бѣгущимъ, закинувъ длинный кошачій хвостъ на спину, длиннымъ и невысокимъ на ногахъ. Надпись гласила: се лютый звѣрь.

Въ апокрифическихъ повѣстяхъ расказывается, что когда мышь стала прогрызать дыру въ Ноевомъ ковчегѣ, то, по повелѣнію Божію, чихнулъ лютый звѣрь и изъ ноздрей его выскочила кошка. Въ другихъ варіантахъ стоитъ левъ. Изъ этого явствуетъ, что кошку считали сродни лютому звѣрю.

Въ пѣсняхъ о лютомъ звѣрѣ не разъ говорится. Вотъ ихъ показанія:

Во первыхъ, богатырскій конь обыкновенно сравнивается съ лютымъ звѣремъ:

А и конь-то подъ нимъ кабы лютый звѣрь.

Сравненіе коня со скачущимъ барсомъ очень поэтично.

Digitized by Google

Иванъ Годиновичъ, выѣхавъ изъ Кіева, находитъ слѣды гнѣдаго тура, дикаго вепря и лютаго звѣря. Онъ посылаетъ свою дружину, чтобъ она поймала звѣрей бережно, безъ раны кровавой и привела бы ко Владиміру [1]).

Владиміръ посылаетъ богатыря, охотника Данилу Ловчанина, убить звѣря лютаго, сивопрянаго, лихошерстнаго, и вынуть изъ него сердце съ печенью. Подвигъ этотъ онъ выбралъ, какъ самый опасный, для того, чтобы погубить Данилу [2]). Въ другомъ варіантѣ сказано: льва лютаго. Эпитетъ сивопряный весьма подходитъ къ сѣроватому цвѣту барса. Другое прилагательное лихошерстный указываетъ на невольный страхъ, который возбуждала въ непривычныхъ людяхъ странная, пятнистая шерсть барса.

Пожалуй, инымъ придетъ еще въ голову рысь. Рысь, дѣйствительно, звѣрь лютый и хорошо прыгающій. Но все-таки это звѣрь мелкій и неблагородный, и охота за нимъ опасна только одинъ на одинъ. Впрочемъ онъ всегда имѣлъ особенное имя. Но довольно объ этомъ.

Теперь, коли дѣло зашло о природѣ Россіи, считаемъ не лишнимъ возразить на одно замѣчаніе, сдѣланное г. Стасовымъ противъ древности нашихъ былинъ, такъ какъ именно на это замѣчаніе еще никто, помнится, не далъ отвѣта. Г. Стасовъ удивляется, какъ это въ былинахъ такъ рѣдко упоминается о зимѣ, снѣгѣ и т. п., и объясняетъ это тѣмъ, что былины зашли на Русь изъ Индіи и Персіи, гдѣ зимы нѣтъ. Но онъ же утверждаетъ, что онѣ предварительно побывали въ рукахъ татаръ и уже отъ нихъ были переданы русскимъ. Ну, а въ Монголіи-то зимы тоже, стало быть, нѣтъ?...

Но тутъ дѣло не въ этомъ. Дѣло въ томъ, что мы что-то не знаемъ эпоса, гдѣ бы особенно говорилось о зимѣ; можетъ быть, это найдется въ эпосѣ гренландскомъ или эскимосскомъ—буде такіе существуютъ, но тамъ, какъ извѣстно, и лѣта нѣтъ. Даже скандинавская Эдда, составленная, какъ извѣстно, въ весьма прохладной странѣ, о зимѣ, снѣгѣ и всѣхъ этихъ прелестяхъ упоминаетъ только въ пѣсняхъ космогоническаго содержанія, объясняя, откуда все это взялось, но отнюдь не въ поэмахъ. Правда, разъ говоритъ о ледникахъ, но гдѣ же ихъ было взять нашимъ-то пѣвцамъ?

Эпосъ не знаетъ зимы и не хочетъ ее знать, какъ онъ не знаетъ ни болѣзни, ни дряхлой старости. Для него міръ вѣчно зеленъ, герои вѣчно юны. Онъ поетъ о жизни сильной, бьющей черезъ

---

[1]) Кирѣев. III, стр 22.
[2]) Кирѣев. III, стр. 29.

Digitized by Google

край. Впрочемъ, нашимъ-то пѣснямъ особенно трудно было упоминать о зимѣ. Большая часть ихъ описываетъ подвиги конныхъ богатырей. Но подвиги эти, конечно, должны были происходить лѣтомъ, а не зимой. Зимой и самъ Илья Муромецъ съ конемъ Тучепадомъ не много напрыгалъ бы по сугробамъ, которыхъ далеко не лишена и южная Россія.

За симъ, въ заключеніе нашей статьи, скажемъ нѣсколько словъ о размѣрѣ былинъ и вообще ихъ наружномъ видѣ, ибо онъ до сихъ поръ возбуждалъ кое-какія сомнѣнія. Извѣстно, что древнѣйшія рукописи былинъ не восходятъ далѣе XVII столѣтія. Древнѣе имѣется только одно Слово о полку Игоревомъ, о которомъ до сихъ поръ еще ученые не рѣшили, писано-ль оно прозой, или стихами. Впрочемъ, оно во всякомъ случаѣ есть поэтическое произведеніе, и вотъ его сравниваютъ съ былинами и не находятъ достаточнаго сходства; а если принять, что оно писано стихами, то сходства выйдетъ еще менѣе, такъ какъ размѣръ его, каковъ бы онъ ни былъ, во всякомъ случаѣ не имѣетъ ничего общаго съ размѣромъ былинъ. Вслѣдствіе этого возникаютъ недоумѣнія: или Слово не такъ старо, какъ думаютъ, и во всякомъ случаѣ побывало въ прередѣлкѣ позднѣйшаго книжника, или, напротивъ того, пѣсни слишкомъ молоды въ сравненіи со Словомъ.

Намъ кажется, что сравнивать былины и Слово неудобно. Это совершенно разнородныя произведенія. Первыя суть пѣсни чисто народныя, слагались всѣми, пѣлись для всѣхъ и про всѣхъ. Слово же составлено въ цѣломъ видѣ извѣстнымъ пѣвцемъ про извѣстнаго князя, для этого князя и его дружины. Однимъ словомъ, оно уже есть произведеніе искусственное и относится къ былинамъ, точно такъ же, какъ затѣйливыя пѣсни скальдовъ относятся къ древней Эддѣ.

Изъ самаго Слова мы видимъ, что оно стояло не особнякомъ; были пѣсни и до него, какъ, на примѣръ, пѣсни Баяновы были и послѣ него. Нѣкоторыя мы имѣемъ въ позднѣйшей, сѣверной редакціи, именно, пѣснь о Романѣ Волынскомъ, найденную Рыбниковымъ (Сходство этой пѣсни со Словомъ для всѣхъ замѣтно). Но въ чистомъ видѣ дошло до насъ только Слово о полку Игоревомъ, какъ необыкновенно богатое содержаніемъ, считавшееся произведеніемъ въ своемъ родѣ класическимъ, которому даже подражали (Мамаево побоище). Но самая эта класичность Слова даетъ понять, что въ немъ древняя манера уже не могла сохраниться, и что, не смотря на свои огромныя достоинства, оно

Digitized by Google

вѣроятно, уступало въ энергіи и простотѣ хотя бы тому же погибшему для насъ Баяну.

Что касается до размѣра этого памятника, то онъ несомнѣнно есть, да и странно было бы предположить, чтобы въ XII столѣтіи могла-бъ кому нибудь прійти мысль писать поэму въ прозѣ. Но размѣръ этотъ совсѣмъ особенный, мало имѣетъ сходства съ размѣромъ былинъ и, напротивъ того, весьма похожъ на стихъ малорусскихъ думъ, что уже было замѣчено нѣкоторыми малорусами. Попробуемъ написать стихами первыя строки слова. Всякій, знакомый съ нимъ, согласится, что въ немъ есть много мѣстъ несравненно музыкальнѣе.

«Не лѣпо ли ны бяшетъ братіе
Начати старыми словесы
Трудныхъ повѣстей о полку Игоревомъ,
Игоря Святославича?
Начати же ся той пѣсни
По былинамъ сего времени,
А не по замышленію Бояню.
Боянъ бо вѣщій аще кому
Хотяше пѣснь творити,
То растекашется мыслью по древу,
Сѣрымъ волкомъ по земли,
Шизымъ орломъ подъ облаки.
Помняшетъ бо рѣчь первыхъ временъ усобицы,
Тогда пущашетъ десять соколовъ на стадо лебедей;
Который дотечаше,
Та преди пѣснь пояше:
Старому Ярославу,
Храброму Мстиславу,
Иже зарѣза Редедю предъ полки касожскими,
Красному Роману Святославичу.
Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше,
Но свои вѣщіе персты на живая струны вскладаше,
Они же сами княземъ славу рокотаху....»

Иные скажутъ, что стихъ грубъ. Во первыхъ, онъ, вѣроятно, не мало испорченъ; во вторыхъ, ударенія мѣстами могли быть не тѣ, къ которымъ мы теперь привыкли. Впрочемъ, пропѣть эти стихи протяжно и подъ музыку весьма можно.

Но вотъ для сравненія малорусская дума:

«Якъ изъ земли турецкой
Да зъ вѣры бесурменской,
Изъ города изъ Озова не пыли туманы вставали,

Digitized by Google

Тинавъ пѣвчокъ,
Малый невеличокъ,
Тикало три братики ридненьки,
Три товарищи сердешни,
Два конныхъ, третій пѣшій пѣхотинецъ,
За конными бѣжитъ подбѣгае,
Черный пожаръ индъ бѣли ноги пидпадае,
Кровь слѣды заливае,
За стремена хватае,
Словами промовляе:
Братте миле, братте любе,
Хоть одинъ вы милосерде майте,
Опраны кульбаки добычъ изъ коней сидайте,
Мене брата пѣхотинца миждо кони берите,
Хочъ милю верстъ увезите
И дороженьку укажите.....» [1])

Сходство большое: тѣ же пары длинныхъ стиховъ, за которыми слѣдуютъ короткіе, точно нарубленные; та же любовь къ риѳмѣ (въ Словѣ она еще тольно зарождается); наконецъ, прибавимъ. та же жесткость стиха и отсутствіе плавности. Ибо должно признаться, что взглядъ великоруса и малоруса на сущность стиха совершенно различенъ. Нашему брату нужно себя сначала пріучить къ малорусскому размѣру, чтобы находить въ немъ извѣстную красоту. Въ народныхъ пѣсняхъ этотъ недостатокъ еще скрадывается, но въ произведеніяхъ образованныхъ людей очень выдается.

Но почему же могло произойти такое сходство? Потому ли, какъ доказываютъ ученые изъ малорусовъ, что южная Русь была искони ими, малорусами, занята. Не думаю; въ такомъ случаѣ мы бы и въ языкѣ Слова находили бы малорускія формы, чего покамѣстъ не найдено. Я себѣ объясняю дѣло иначе. Древній русскій стихъ былъ, вѣроятно, какъ и у всѣхъ славянъ, пятистопный хорей. Впослѣдствіи на югѣ Руси образовался новый, болѣе хитрый, но не болѣе музыкальный размѣръ. Малорусы, племя тоже южное, приняли его, и онъ утвердился у нихъ навсегда, да и свойство ихъ нарѣчія тому благопріятствовало. Но сѣверъ Россіи, болѣе консервативный и менѣе участвовавшій въ общей жизни, сохранилъ древній размѣръ, придавъ ему разнообразіе.

11 января 1871 года.

Н. Кваснинъ-Самаринъ.

---

[1]) Записки о южной Руси Кулиша.

Digitized by Google

НОВѢЙШІЕ ИДЕАЛЫ ВОСПИТАНІЯ.

L'Emile du XIX siècle. Par Alphonse Esquiros. Paris. 1870.

Свобода и самостоятельность—слова, дѣйствующія обаятельно на воображеніе почти каждаго человѣка; но, тѣмъ не менѣе, немногимъ приходитъ въ голову, что для того, чтобы быть истинно свободнымъ и самостоятельнымъ, надобно сдѣлаться такимъ съ раннихъ лѣтъ; что привычка ходить на помочахъ въ дѣтствѣ, ни о чемъ не заботиться и не думать, потому что обо всемъ позаботились и подумали уже другіе,—привычка слѣпаго повиновенія, которая составляетъ корень всего нашего воспитанія, губительно вліяетъ на всю жизнь человѣка и дѣлаетъ его нерѣдко слабымъ и нерѣшительнымъ навсегда. Многимъ ли родителямъ и наставникамъ приходитъ въ голову, что ихъ первый долгъ уважать личность того маленькаго существа, которое ввѣрено ихъ попеченію, что навязывать ему тотъ или другой характеръ въ такомъ возрастѣ, когда его собственныя склонности еще не высказались вполнѣ, значитъ посягать на его свободу и лишать его самаго драгоцѣннаго достоянія человѣка—быть самимъ собою, быть тѣмъ, къ чему предназначила его природа. И почему знаемъ мы, лѣпя изъ ребенка тотъ образъ, который намъ лично всего болѣе нравится, что въ самомъ ребенкѣ не коренятся зародыши стремленій и идеаловъ, гораздо возвышеннѣе тѣхъ, которые мы ему навязываемъ?—Думаютъ ли родители и наставники, насколько они облегчили бы свою собственную задачу, сколько бы убавилось дѣтскихъ слезъ и огорченій, еслибы вмѣсто того,

Digitized by Google

чтобы во что бы то ни стало пересоздавать характеръ ребенка по ихъ собственному образу, они ограничились ролью руководителей дитяти, охранителей тѣхъ даровъ, которые сама природа вложила въ его сердце, и удаляли отъ него вредныя вліянія, показывая ему наглядно пользу добра и безобразіе лжи и порока. Тогда, вѣроятно, было бы на свѣтѣ болѣе счастливыхъ людей и навѣрное уже болѣе людей съ оригинальнымъ, собственно имъ принадлежащимъ характеромъ, между тѣмъ какъ теперешняя система воспитанія клонитъ лишь къ тому, чтобы рутинно убивать всякое свободное проявленіе индивидуальности, чтобы болѣе или менѣе сдѣлать всѣхъ людей сколками одного съ другаго. Что это не преувеличеніе, въ этомъ безъ труда убѣдится каждый, кто съ нѣкоторымъ вниманіемъ присмотрится къ дѣлу; за немногими исключеніями, мы всюду видимъ, исходящее только изъ разныхъ побудительныхъ причинъ, то же стремленіе навязать свою личность другому существу. Что въ учебныхъ заведеніяхъ требуютъ слѣпаго повиновенія во имя порядка, что гувернеры или гувернантки, въ большинствѣ случаевъ, заботятся весьма мало о развитіи дѣтей, требуя лишь одного—тишины и послушанія, хотя бы только внѣшняго,—съ этимъ согласится всякій. Но не одни только посторонніе люди относятся такимъ образомъ къ своей воспитательной задачѣ; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда образованіемъ дѣтей занимаются сами родители, и занимаются имъ съ любовью и заботливостью, мы видимъ зачастую то же явленіе. Родителямъ прежде всего дорого привить дѣтямъ свои собственные вкусы и взгляды, имъ пріятно какъ-бы возродиться самимъ въ лицѣ молодаго поколѣнія, и поэтому они нерѣдко насилуютъ природу ребенка, сдерживая его тамъ, гдѣ его натура проситъ свободы, устремляя его вниманіе на такіе предметы, къ которымъ не лежитъ его сердце, или охлаждая его порывы какимъ нибудь неумѣстнымъ проявленіемъ родительскаго авторитета. Поэтому всѣ люди становятся какъ-то безличными, дѣйствовать или думать своеобразно считается чуть ли не преступленіемъ, и дѣти рабы почти никогда, или только благодаря особенно счастливымъ дарамъ природы, не превращаются въ истинно свободномыслящихъ людей. Мало ли мы видимъ личностей искренно преданныхъ дѣлу свободы, умиляющихся при одномъ ея имени, и которыя тѣмъ не менѣе, въ силу старыхъ привычекъ, деспотически расправляются въ своей домашней средѣ? Для того, чтобы свобода перестала быть пустымъ звукомъ, необходимо, чтобы дѣти

Digitized by Google

дышали этою чистой атмосферой съ раннихъ лѣтъ, нестѣсняемыя ничѣмъ безъ пользы, и такимъ образомъ съ малолѣтства привыкали къ уваженію человѣческой личности. Не менѣе необходимо также для правильнаго развитія человѣка здоровое физическое воспитаніе; только въ здоровомъ тѣлѣ можетъ быть здоровая душа, и поэтому коренное преобразованіе предстоитъ также и въ этомъ отношеніи.

Книга Эскироса (l'Emile du XIX siècle) *) даетъ намъ много полезныхъ указаній по занимающему насъ вопросу; если нѣкоторые изъ высказанныхъ въ ней взглядовъ могутъ быть приведены въ исполненіе не всякимъ (такова, на примѣръ, теорія о путешествіяхъ, какъ необходимомъ завершеніи всякаго истинно хорошаго воспитанія), то тѣмъ не менѣе основная мысль книги—дать ребенку развиваться свободно, не искажая его характера требованіемъ рабскаго повиновенія или какими нибудь педагогическими ухищреніями и фокусами,—эта мысль можетъ быть приведена въ исполненіе всюду, и благой результатъ подобнаго воспитанія несомнѣненъ. Эскиросъ сдѣлалъ свою книгу доступною даже для того круга читателей, который испугался бы сухости педагогической статьи; онъ придалъ своему труду легкую форму переписки двухъ лицъ, доктора Эразма и его жены, которые, разлученные силою обстоятельствъ, имѣютъ одно только утѣшеніе въ жизни—заботу о воспитаніи ихъ маленькаго Эмиля. Заключенный сперва въ крѣпости, а впослѣдствіи даже сосланный за свои политическія убѣжденія, отецъ Эмиля не знаетъ своего сына, рожденнаго въ Англіи вскорѣ послѣ его ареста. Но тѣмъ не менѣе сынъ этотъ составляетъ всю его отраду, и въ долгіе годы заточенія онъ создаетъ цѣлую систему воспитанія, которую жена старается по возможности приводить въ исполненіе, сообщая мужу свои личныя наблюденія надъ характеромъ ребенка и результаты своихъ педагогическихъ опытовъ. Впрочемъ опытами нельзя назвать тѣхъ простыхъ пріемовъ, которыхъ придерживалась молодая мать; вся ея система, подкрѣпленная совѣтами мужа, состояла лишь въ томъ, чтобы незамѣтно наводить Эмиля на тотъ или другой образъ дѣйствій, чтобы безъ всякаго принужденія, въ силу самихъ обстоятельствъ, заставить его поступать такъ или иначе Вообще Эскиросъ—врагъ наказаній и всякихъ стѣсненій въ дѣлѣ воспитанія; ему кажется,

*) Въ недавнее время она переведена на русскій языкъ г-жею Цебриковой.

Digitized by Google

что принужденіе только отталкиваетъ ребенка отъ занятія, что роль наставника должна ограничиться возбужденіемъ въ малюткѣ любознательности, которая въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ присуща каждому человѣку. Поэтому онъ считаетъ полезнымъ давать ребенку ясные, но краткіе отвѣты на его вопросы, такъ какъ слишкомъ длинныя толкованія надоѣдаютъ дѣтямъ и нерѣдко удерживаютъ ихъ отъ распросовъ, которые, какъ они убѣдились уже на опытѣ, влекутъ за собой такія безконечныя и скучныя объясненія.

Вполнѣ понятно, что съ такими воззрѣніями Эскиросъ долженъ глядѣть непріязненно на всѣ установленныя методы и педагогическіе пріемы, которые, вполнѣ умѣстные въ одномъ случаѣ, могутъ быть вредны въ другомъ; но разъ принятые за образецъ, прилагаются часто весьма неразборчиво въ воспитаніи дѣтей съ самыми противуположными характерами. «Боже избави насъ отъ педантовъ въ педагогіи», восклицаетъ поэтому Эскиросъ въ порывѣ негодованія: «они всего болѣе деморализуютъ наше юношество!» Итакъ, жизнь привольная, разумная, вполнѣ согласная съ требованіями не умнохудощавыхъ воспитательныхъ формъ, а съ требованіями человѣческой природы— вотъ чего хочетъ Эскиросъ, и въ этомъ случаѣ его Эмиль можетъ идти рука объ руку съ первообразомъ своимъ, Эмилемъ Руссо, не смотря *на всю разницу,* которой нельзя не замѣтить во взглядахъ двухъ авторовъ, пишущихъ на разстояніи цѣлаго столѣтія другъ отъ друга. Голосъ Эскироса, требующій возврата къ простотѣ и естественности,—голосъ, раздавшійся въ минуту страшнѣйшей деморализаціи императорской Франціи, производитъ потрясающее впечатлѣніе, указывая посреди общаго упадка нравственности на то, въ чемъ коренится истинное благо человѣка. Подобно тѣмъ писателямъ, которые, какъ Лабуле, обращались, для отрезвленія политическихъ идеаловъ Франціи, къ исторіи и государственному порядку Америки, Эскиросъ, приглядѣвшись, въ теченіи своего долголѣтняго пребыванія въ Англіи, къ сущности того воспитанія, которое выводитъ въ жизнь здоровыхъ тѣломъ и духомъ гражданъ, противупоставляетъ его тому дряблому, рутинному и разслабляющему воспитанію, которое лишило современный намъ французскій народъ мужества, крѣпости и бодрости въ борьбѣ за свободу.—Общественное значеніе книги Эскироса такъ велико, что передать вкратцѣ сущность его взглядовъ кажется намъ задачей вполнѣ благодарной.

Digitized by Google

Ни въ одной изъ европейскихъ системъ воспитанія развитіе самостоятельности не играетъ такой важной роли, какъ въ англійской; self-reliance, self-help, слова почти невѣдомыя у насъ, составляютъ тамъ корень всего образованія, прочный фундаментъ, на которомъ возвышается все зданіе. Англичане постигли, что самостоятельность, какъ всякое другое чувство, не прививается сразу, и что для образованія истинно свободныхъ и независимыхъ гражданъ нужно съ раннихъ лѣтъ внушать дѣтямъ увѣренность въ собственныхъ силахъ. Этотъ взглядъ на воспитаніе англичане проводятъ въ жизнь съ перваго дня рожденія ребенка; вмѣсто нелѣпой системы пеленанія, столь употребительной еще понынѣ не только въ Россіи, но и во многихъ другихъ странахъ, новорожденнаго немедленно облекаютъ въ длинную, просторную фланелевую одежду, которая, охраняя его отъ холода, въ то же время ни чуть не стѣсняетъ его движеній и даетъ ему возможность расправляться съ своими маленькими членами по желанію. Никому даже въ голову не приходитъ учить ребенка ходить; его сажаютъ на коверъ, гдѣ онъ ползаетъ и играетъ, пока самъ почувствуетъ силу приподняться на ножки; англичане хотятъ, чтобы даже маленькій ребенокъ дѣлалъ сознательно все, что дѣлаетъ, ибо, говорятъ они, взятая съ дѣтства привычка надѣяться на другаго человѣка обыкновенно укореняется на всю жизнь. Лишь только родится ребенокъ, ему отводятся двѣ комнаты, если это только возможно: одна изъ нихъ служитъ ему спальней, и эта комната остается пустою цѣлый день,—въ другой онъ проводитъ тѣ часы, въ которые считается неудобнымъ выносить его на воздухъ. Подобное распредѣленіе комнатъ въ высшей степени полезно для дѣтей не только въ гигіеническомъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Пребываніе и днемъ и ночью въ одной и той же комнатѣ должно необходимо имѣть вредное вліяніе на ихъ здоровье; съ другой стороны, дѣти, которыя большую часть дня находятся въ сообществѣ старшихъ, поневолѣ становятся имъ иногда въ тягость, и нерѣдко ребенка наказываютъ лишь за то, что онъ, въ порывѣ веселости, шаля и играя, невзначай исцарапалъ какую нибудь мебель, и своимъ звонкимъ голоскомъ раздражилъ слабонервную мамашу или вѣчно озабоченнаго дѣлами отца. Всѣ эти неудобства исчезаютъ при системѣ устройства англійскихъ «nurseries»: въ нихъ ребенокъ—полный хозяинъ, и мать, зная, что ея дитя находится въ здоровой и удобной для него комнатѣ, не обязана призывать его къ

Digitized by Google

себѣ иначе, какъ когда ей досугъ заняться имъ, и его смѣхъ и ласки не отвлекаютъ ея отъ дѣла, а поистинѣ доставляютъ ей радость и утѣшеніе.

Стѣснительный обычай наряжать дѣтей какъ куколъ также гораздо менѣе развитъ въ Англіи, чѣмъ въ другихъ странахъ. Ихъ тоже наряжаютъ, но преимущественно по воскресеньямъ; въ остальное время они одѣты чисто, но просто, всегда съ обнаженными головками, ручками и ножками, и имъ даютъ волю бѣгать, прыгать, копаться въ землѣ сколько душѣ угодно. Зато англійскія дѣти—настоящіе красавцы; уродливости между ними почти не встрѣчается. Свободныя и счастливыя (мы говоримъ конечно о тѣхъ, которыя растутъ при нормальныхъ, хорошихъ условіяхъ), дѣти не знаютъ скуки. Вмѣшаться въ игры дѣтей, руководить ихъ забавами, никому не приходитъ въ голову; дѣтямъ даютъ рѣзвиться на столько, на сколько это совмѣстно съ ихъ же собственною пользой. Изъ нихъ не дѣлаютъ предмета всеобщаго поклоненія; отношенія родителей къ нимъ какъ будто нѣсколько сдержаннѣе, чѣмъ, на примѣръ, у французовъ; но зато дѣти не привыкаютъ считать себя центромъ всей домашней среды, и если они нѣсколько менѣе ласковы съ чужими, чѣмъ дѣти другихъ націй, то, взамѣнъ этого, въ нихъ труднѣе развиться неминуемымъ чувствамъ эгоизма и тщеславія, слѣдствіямъ общей угодливости.

Подготовивъ такимъ образомъ здоровыхъ и бодрыхъ дѣтей, ихъ наконецъ отдаютъ въ школу. Англійскія школы не представляютъ вовсе той удушливой атмосферы, которою отличаются обыкновенно подобныя заведенія у насъ; въ нихъ, напротивъ, господствуетъ все тотъ же раціональный взглядъ на воспитаніе, о которомъ мы сейчасъ же говорили. Пресловутой школьной дисциплины тамъ почти не замѣчается, или, вѣрнѣе, она существуетъ лишь на столько, на сколько это крайне необходимо для сохраненія порядка. Директоръ одной изъ лучшихъ англійскихъ коллегій вздумалъ было, противно обычаю, учредить надзоръ за дѣтьми во время рекреацій, но вскорѣ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія, такъ какъ это стѣсненіе дѣйствовало деморализующимъ образомъ на духъ дѣтей.

Въ школахъ, точно также какъ и въ частной жизни, имѣется прежде всего въ виду развитіе физическихъ силъ дѣтей; для этого существуетъ цѣлый рядъ игръ, въ высшей степени здоровыхъ, которыя, организованныя по иниціативѣ самихъ дѣтей, занима-

Digitized by Google

ютъ ихъ гораздо болѣе, чѣмъ принятыя у насъ гимнастическія упражненія, совершающіяся на глазахъ и подъ контролемъ учителя. Эти игры дѣлаютъ дѣтей необыкновенно крѣпкими и, благодаря имъ и вообще всему разумному строю воспитанія, англичане лучше всѣхъ другихъ націй переносятъ опасности и лишенія.

Во время рекреацій ученики совершенно свободны; они могутъ идти гулять куда имъ угодно; отъ нихъ требуютъ лишь одного, чтобъ они вели себя какъ *джентльмены*. Слово это, трудно переводимое на чужой языкъ,—идеалъ всякаго образованнаго англичанина; званіе джентльмена пріобрѣтается не столько рожденіемъ, сколько воспитаніемъ, и утрачивается, по крайней мѣрѣ, въ общественномъ мнѣніи, вслѣдствіе какого нибудь унизительнаго поступка. Боязнь лишиться уваженія порядочныхъ людей дѣйствуетъ на англійское юношество сильнѣе самаго бдительнаго надзора. «Хотите вы, чтобы вашъ сынъ сдѣлался скорѣе взрослымъ», говорятъ англичане, «въ такомъ случаѣ обращайтесь съ нимъ такъ, какъ будто бы онъ уже вышелъ изъ дѣтскихъ лѣтъ».

Вслѣдствіе этой системы воспитанія, англійскія дѣти отличаются поразительною самостоятельностью; въ вакаціонное время можно всюду встрѣтить мальчиковъ, которые, съ согласія родителей, путешествуютъ во всѣ направленія совершенно одни. Случается также нерѣдко видѣть юношей лѣтъ четырнадцати, направляющихся къ City съ портфелемъ, полнымъ банковыхъ билетовъ, и отъ имени своихъ принципаловъ ведущихъ самые сложные торговые переговоры. Конечно, нельзя сказать, чтобы дѣти никогда не злоупотребляли оказываемымъ имъ довѣріемъ,—это было бы несогласно съ человѣческою природой. Но англичане находятъ, что ошибку, сдѣланную ребенкомъ, почти всегда можно поправить, между тѣмъ какъ поднять уровень характера, развившагося въ привычкахъ рабскаго повиновенія, почти невозможно.

Не объ одномъ только физическомъ здоровьѣ своихъ дѣтей заботятся англичане; не менѣе необходимо имъ также здоровье духа, ума. Они боятся преждевременнымъ развитіемъ утомить мыслительныя способности ребенка, и поэтому число ежедневныхъ учебныхъ часовъ гораздо меньше въ англійскихъ школахъ, чѣмъ, на примѣръ, во французскихъ. Но это обстоятельство ничуть не вредитъ успѣху занятій: благоразумно распредѣленный отдыхъ даетъ уму новую эластичность, которая утрачивается, если ребенокъ почти безъ перерыва переходитъ отъ одного занятія къ

Digitized by Google

другому. Въ послѣднее время нѣкоторыя изъ англійскихъ школъ еще сократили число учебныхъ часовъ, замѣнивъ ихъ полезными механическими работами, и опытъ доказалъ, что это разнообразіе занятій имѣло полезное вліяніе на дѣтей, дѣлая ихъ гораздо внимательнѣе и понятливѣе.

Вообще въ педагогическомъ дѣлѣ не столько важно то, что говоритъ и дѣлаетъ учитель, сколько то, на сколько работаетъ самъ ученикъ. Въ одной изъ шотландскихъ школъ находились пансіонеры и экстерны; учитель, считая пансіонеровъ поддержкой всей школы, помогалъ имъ въ приготовленіи уроковъ для слѣдующаго дня. Что же оказалось въ результатѣ: экстерны, лишенные всякой посторонней помощи, всегда стояли выше пансіонеровъ, столь тщательно подготовляемыхъ самимъ учителемъ. Пришлось наставнику убѣдиться въ томъ, что самостоятельный трудъ лучше всякой посторонней подготовки, которая дѣлаетъ ребенка вялымъ и обращаетъ все дѣло въ механическое зубреніе. Съ той поры учитель предоставилъ пансіонеровъ ихъ собственнымъ силамъ, снабдивъ ихъ только граматикой и лексикономъ, и вскорѣ они стали въ уровень съ ихъ товарищами экстернами. Шотландскія школы стоятъ вообще еще выше англійскихъ. Въ Эдинбургѣ существуетъ много первоначальныхъ учебныхъ заведеній, гдѣ не только заботятся объ успѣшномъ и основательномъ преподаваніи, но стараются развить и нравственную сторону дѣтей, искореняя въ нихъ эгоизмъ, жестокость, несправедливость, привычку ко лжи и т. д.... Провинится ли ребенокъ, судьями его становятся сами дѣти, его перы; они разбираютъ дѣло и произносятъ надъ виновнымъ приговоръ. Такимъ образомъ чувство чести развивается въ дѣтяхъ съ раннихъ лѣтъ и вѣрнѣе охраняетъ ихъ отъ ошибокъ, чѣмъ всѣ строгости и наказанія, столь употребительныя по сю пору въ дѣлѣ воспитанія.

Но эти прекрасныя свойства англійскаго воспитанія имѣютъ также свою мрачную сторону, которая не ускользаетъ отъ вниманія Эскироса. Чувство чести, эта прочнѣйшая опора въ жизни, понимается иной разъ ложно, превращается тогда въ слѣпое поклоненіе приличіямъ и дѣлаетъ человѣка рабомъ того, что почитается хорошимъ тономъ. Не даромъ Паскаль назвалъ общественное мнѣніе «царемъ міра», но нигдѣ изрѣченіе это не оправдывается въ такой мѣрѣ, какъ въ Англіи, гдѣ, по выраженію Эскироса, общественное мнѣніе царитъ гораздо полновластнѣе самой королевы Викторіи. Итакъ, англичане, этотъ свободнѣйшій изъ евро-

Digitized by Google

пейскихъ народовъ, безсильны передъ чужимъ мнѣніемъ; независимыя во всемъ, англійскія дѣти тѣмъ не менѣе пріучаются съизмальства уважать обычаи, установившіеся спокоиъ вѣку. Многіе взгляды, привычки, разъ войдя въ общество, какъ-бы замерли въ извѣстной формѣ и принимаются на вѣру изъ поколѣнія въ поколѣніе. Молодежь пользуется правомъ дѣлать самостоятельно все, что ей угодно, но съ условіемъ не идти безотчетно наперекоръ семейнымъ традиціямъ и правиламъ бонтонности. Эти слабыя стороны англійскаго воспитанія такъ существенны, что, не устранивъ ихъ, невозможно достигнуть истинно хорошихъ результатовъ; поэтому Эскиросъ создаетъ свою собственную теорію, которая, сохраняя все хорошее въ англійской системѣ, расширяетъ ее и устраняетъ ея недостатки.

Гдѣ же начало, гдѣ конецъ воспитанія ребенка? Опредѣлить это весьма трудно,—это дѣло цѣлой жизни, говоритъ Эскиросъ. Даже эпоха, предшествовавшая рожденію ребенка, здоровье и склонности его родителей, разныя семейныя свойства—все это должно необходимо браться въ расчетъ въ дѣлѣ воспитанія, такъ какъ то, что называютъ *природными склонностями*, *дарами природы*, *тайными вліяніями*, есть, вѣроятно, не что иное, какъ результатъ умственной дѣятельности предыдущихъ поколѣній. О преемственности физическихъ явленій и говорить нечего; изученіе этого предмета занимаетъ, въ настоящее время, многихъ извѣстныхъ ученыхъ, и такимъ образомъ физіологія становится полезною спутницею педагогіи. Итакъ, очевидно, что чѣмъ раньше начнется дѣло воспитанія, тѣмъ лучше. Но въ чемъ же состоитъ это дѣло?.. Моралисты, на основаніи отвлеченнаго понятія о человѣкѣ, имѣютъ наготовѣ цѣлыя теоріи, которыя слѣдуетъ только привести въ исполненіе по пунктамъ, для достиженія идеала. Теоріи эти могли бы быть превосходны, еслибы человѣкъ былъ существо вполнѣ цѣльное, не подверженное никакимъ измѣненіямъ. Въ дѣйствительности же, съ перваго дня рожденія и до самой смерти его, человѣкъ, въ физическомъ и нравственномъ отношеніи, переживаетъ цѣлый рядъ видоизмѣненій, которыя дѣлаютъ вполнѣ невозможнымъ установленіе, разъ навсегда, какихъ нибудь незыблемыхъ правилъ. Поэтому, отказавшись отъ надежды втиснуть все воспитаніе человѣка въ извѣстную рамку, слѣдуетъ изыскать тѣ средства и пріемы, которые пригодны въ данную минуту и въ данный возрастъ. Въ самомъ началѣ воспитаніе должно, конечно, ограничиться лишь устраненіемъ тѣхъ внѣшнихъ вліяній, кото-

Digitized by Google

рыя могли бы повредить малюткѣ. Но вскорѣ наступаетъ другая пора. Извѣстно, что, по расчету физіологовъ, ребенокъ отъ шестимѣсячнаго и до трехлѣтняго возраста усвоиваетъ себѣ одну треть тѣхъ знаній, которыми (считая среднимъ числомъ) довольствуется большинство людей въ теченіи всей жизни. Такимъ образомъ мы видимъ, что человѣкъ пріобрѣтаетъ всего болѣе свѣдѣній именно въ то время, пока его ничему не учатъ методически, пока природа какъ-бы предоставлена сама себѣ. Но есть, однако, возможность помогать дѣлу природы, пріучая ребенка мало по малу пользоваться своимъ слухомъ, зрѣніемъ и прочими чувствами. О развитіи физическихъ способностей, впрочемъ, весьма мало заботятся у насъ; въ этомъ отношеніи, гораздо выше цивилизованнаго человѣка стоятъ дикари, живущіе самымъ первобытнымъ образомъ. Съ развитіемъ цивилизаціи все болѣе и болѣе слабѣетъ чувственная сторона въ человѣкѣ; привычка быть постоянно охраняемымъ жандармами или полиціей, чувство безопасности дѣлаетъ его равнодушнымъ къ развитію собственной физической силы; недостаточность зрѣнія замѣняется весьма удобно биноклемъ или телескопомъ; словомъ, человѣкъ мало по малу вырождается и становится все болѣе и болѣе несовершеннымъ въ физическомъ отношеніи. Понятно, что свойства, которыя пріобрѣтаетъ человѣкъ, благодаря успѣхамъ цивилизаціи, стоятъ гораздо выше утрачиваемыхъ имъ, но тѣмъ не менѣе, для равновѣсія физической и нравственной стороны, полезно ежедневными упражненіями укрѣплять человѣческій организмъ, способный, въ противномъ случаѣ, впасть въ инерцію отъ постояннаго бездѣйствія. Въ наше время въ особенности слѣдуетъ обратить на это вниманіе, такъ какъ съ каждымъ успѣхомъ механики все болѣе и болѣе отступаетъ на задній планъ рабочая сила человѣка, которая слабѣетъ за недостаткомъ упражненія.

Но вернемся къ занимающему насъ предмету. Итакъ, въ раннюю пору жизни человѣка естественно можно заботиться только о развитіи его слуха, зрѣнія и прочихъ органовъ, привлекая вниманіе ребенка на разные предметы, способные ему нравиться, и съ этимъ вмѣстѣ развивая его понятливость. Такъ какъ первыя впечатлѣнія получаются имъ исключительно извнѣ, то неоспоримое преимущество надъ городскою, искусственною жизнію имѣетъ простота деревенскаго быта.

Ребенокъ, не смотря на свою кажущуюся слабость, не принимаетъ внѣшнихъ вліяній съ пасивнымъ равнодушіемъ, отличаю-

Digitized by Google

щимъ животныхъ; онъ съ первой же поры протестуетъ противъ силы обстоятельствъ громкими криками и, не смотря на свое безсиліе, энергически заявляетъ себя свободнымъ существомъ, не терпящимъ стѣсненія или гнета. Прежде всего ему нужно предоставить полную свободу движеній и инстинктовъ; подавлять ихъ силою—значитъ погубить малютку навѣки. Лучше допустить пароксизмъ гнѣва, чѣмъ принудить ребенка, подъ страхомъ наказанія, скрыть въ себѣ этотъ гнѣвъ. Съ развитіемъ разсудка дѣти сами поймутъ, что они унижаются такими неприличными вспышками; слѣдуетъ только терпѣливо выждать этотъ моментъ сознанія. Въ ожиданіи же этого времени лучшее средство для успокоенія ребенка—простое отвлеченіе его вниманія на посторонніе предметы. Въ человѣкѣ врядъ ли находятся положительно дурные инстинкты, но есть много такихъ, которые, сдѣлавшись первенствующими или худо направленные, влекутъ за собой печальныя послѣдствія. Подавлять ихъ вредно; гораздо лучше будетъ противупоставлять имъ другіе вкусы, другія склонности. Для каждаго, даже взрослаго, человѣка существуетъ возможность исправленія, а тѣмъ болѣе для дѣтей; сколько лицъ, кончившихъ жизнь на каторгѣ, могли бы сдѣлаться полезными членами общества, еслибы кто нибудь своевременно противупоставилъ ихъ порочнымъ влеченіямъ болѣе чистыя и возвышенныя стремленія. Такъ какъ наши пороки и добродѣтели не абстрактныя понятія, а складываются подъ внѣшними вліяніями, то для успѣха воспитанія слѣдуетъ не только отвлекать вниманіе ребенка отъ вредныхъ для него предметовъ, но по возможности удалять самые предметы. Такъ запахъ и видъ вкусныхъ вещей развиваетъ въ дѣтяхъ жадность; видъ ласкъ, расточаемыхъ другому, возбуждаетъ въ нихъ чувство ревности. «Не вводите насъ во искушеніе»,—вотъ просьба, съ которою многія дѣти могли бы обратиться къ своимъ наставникамъ.

Таково должно быть начало воспитанія; впослѣдствіи, съ развитіемъ понятливости въ ребенкѣ, надо оставить этотъ чисто отрицательный методъ и взывать уже къ чувствамъ привязанности и добра,—къ разсудку самихъ дѣтей. Тогда только воспитаніе получитъ истинно прочную основу, такъ какъ все, что дѣлается сознательно, въ какомъ бы возрастѣ это ни было, конечно, выйдетъ разумнѣе и надежнѣе всего того, что совершается только въ силу рутины и слѣпой привычки къ послушанію. Всѣ прочія пружины, обыкновенно пускаемыя въ ходъ, никогда не достигаютъ

Digitized by Google

порядочнаго результата; кого, на примѣръ, когда либо удерживалъ отъ преступленія страхъ могущаго послѣдовать за нимъ наказанія? Хитрость—неизмѣнное оружіе слабаго противъ сильнаго; поэтому ребенокъ, живущій подъ гнетомъ, немедленно прибѣгаетъ ко всевозможнымъ увертками и обманамъ, чтобъ оградить свою независимость. Если онъ ослушается, то пусть, по возможности, его накажутъ тѣ самые предметы, удаляться отъ которыхъ ему было внушено; ударится ли онъ объ уголъ стола или слегка оцарапается булавкой,—этотъ опытъ навѣрное лучше всякихъ проповѣдей матери выяснитъ ему пользу послушанія.

Итакъ, вся задача воспитанія заключается въ умѣньи направить волю самихъ дѣтей къ добру, внушивъ имъ убѣжденіе, что отъ нихъ требуется то или другое вовсе не потому, что это нравится ихъ наставникамъ, а потому, что это полезно для нихъ самихъ и для другихъ людей. Но способы, которые употребляются для развитія въ дѣтяхъ стремленій къ добру, весьма разнообразны. Многіе считаютъ вѣрнѣйшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли чувство религіозности и благоговѣнія; но, не смотря на великое значеніе религіи въ жизни народовъ, нельзя не сознаться, что воспитаніе, основанное исключительно на этомъ, не можетъ считаться вполнѣ прочнымъ. Стóитъ только духу невѣрія коснуться современемъ человѣка, и все зданіе, воздвигнутое съ такимъ трудомъ, рушится безвозвратно. Кто же, въ нашъ вѣкъ разсудочности и скептицизма, можетъ поручиться за неприкосновенность своихъ вѣрованій до конца жизни? Поэтому нужно сдѣлать основою всѣхъ поступковъ не награду свыше, а честь и совѣсть, которая не измѣняетъ человѣку никогда.

Вполнѣ вреденъ и предосудителенъ тотъ способъ, который нерѣдко употребляется родителями для укрощенія капризовъ дѣтей, а именно угроза божественнымъ наказаніемъ. Если вредно пугать дѣтей какими нибудь фантастическими призраками, то еще хуже представлять имъ существо, къ которому желаешь внушить имъ благоговѣніе, въ видѣ тирана или грознаго страшилища. То же самое можно сказать и о нравственныхъ изрѣченіяхъ, на вліяніе которыхъ на умы дѣтей обыкновенно возлагаютъ такія надежды авторы разныхъ педагогическихъ трактатовъ. Безспорно, что хорошее изрѣченіе можетъ иной разъ побудить человѣка совершить хорошій поступокъ, но кореннаго измѣненія въ характерѣ оно не въ силахъ произвести. Мало ли на свѣтѣ людей, оставшихся безсердечными, хотя имъ всю жизнь твердили о сладостяхъ дружбы?

Digitized by Google

Гдѣ мы видимъ скупаго и злаго человѣка, никогда не слыхавшаго изрѣченья: будь мудръ, и ты будешь счастливъ? Гдѣ тотъ богачъ, который, узнавъ объ опасностяхъ богатства, поспѣшитъ раздать свои сокровища нищимъ? Да еслибъ и случился такой человѣкъ, то за подобный поступокъ онъ рисковалъ бы попасть въ домъ умалишенныхъ, въ особенности, еслибъ у него нашлись прямые наслѣдники. Книги, исполненныя высокой мудрости, встрѣчаемъ мы и у индусовъ, китайцевъ, персіянъ; но сдѣлались ли они лучше вслѣдствіе этого? Еслибы для усовершенствованія людей достаточно было нравственнаго кодекса, міръ давно былъ бы спасенъ; но, къ сожалѣнію, связь между доктриною и дѣяніями человѣка часто весьма шатка. Нерѣдко мы видимъ людей вполнѣ невѣрующихъ, которые ближе подходятъ къ духу евангельскихъ истинъ, нежели люди, у которыхъ религія постоянно на языкѣ.

При внушеніи какихъ-либо нравственныхъ истинъ дѣтямъ нужно быть тѣмъ болѣе осмотрительнымъ, что дѣти—отличные наблюдатели и скоро замѣчаютъ, на сколько старшіе сами исполняютъ все предписываемое ими. Примѣръ—вещь великая, но прежде всего нужно самимъ воспитателямъ быть дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ они хотѣли бы казаться, иначе дѣти скоро замѣтятъ обманъ и перестанутъ уважать своихъ наставниковъ. Но одного примѣра мало, такъ какъ ребенокъ долженъ развиваться самостоятельно, а не подражать слѣпо старшимъ; поэтому самый лучшій способъ—это ставить его лицемъ къ лицу съ дѣйствительностью, которая вѣрнѣе всѣхъ внушеній расшевелитъ дремлющія въ малюткѣ чувства. Хотите ли вы сдѣлать ребенка добрымъ и сострадательнымъ,—этого вы никогда не достигнете самыми возвышенными теоріями о любви къ ближнему. Отведите его въ хижину бѣдняка и покажите ему всѣми оставленнаго, больнаго старика, и если онъ не растрогается при видѣ этого зрѣлища, то никакія разсужденія въ мірѣ не пробудятъ въ немъ мягкости и состраданія. Всего менѣе слѣдуетъ говорить ему въ эти минуту о наградѣ, ожидающей его за доброе чувство къ больному; пусть его участіе будетъ невольно и не омрачено никакими личными соображеніями. Итакъ, соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ должно свободно, безъ всякаго насилія, вызвать наружу тѣ свойства, зародыши которыхъ скрываются въ сердцѣ ребенка. Случаевъ для этого нечего искать долго: жизнь—драма, въ которой ежечасно встрѣчаются и страданія, способныя возбудить

Digitized by Google

участіе, и препятствія, въ борьбѣ съ коими развивается мужество человѣка, и испытанія, научающія его терпѣнію. Нуженъ только нѣкоторый тактъ со стороны воспитателя, чтобы пользоваться тѣми случаями, которые попадаются на его пути. Это будетъ для ребенка какъ-бы нравственною гимнастикой, здоровой для него не менѣе гимнастики тѣлесной. Въ добродѣтели можно совершенствоваться, но не иначе, какъ постоянною практикой: только дѣлая добро, становишься истинно добрымъ.

Къ числу честныхъ убѣжденій, которыя слѣдуетъ всего болѣе развивать въ дѣтяхъ, принадлежитъ, конечно, уваженіе къ труду, привычка считать всякое занятіе почтеннымъ, какъ бы скромно оно ни было. Въ этомъ отношеніи нельзя не признать нѣкотораго рода значенія за стариннымъ англійскимъ обычаемъ, такъ называемымъ *фагизмомъ*. Благодаря ему, въ самыхъ аристократическихъ коллегіяхъ Англіи, въ Итонѣ и Гарро, младшіе воспитанники обязаны служить старшимъ, какая бы разница ни существовала между ихъ соціальнымъ положеніемъ. Конечно, изъ этого обыкновенія могли бы возникнуть весьма дурныя послѣдствія, еслибы старшіе, въ силу своей первенствующей роли, вздумали помыкать младшими товарищами; но нѣкотораго такта и умѣнья вести дѣло со стороны воспитателей достаточно для устраненія этого неудобства. Директору одного учебнаго заведенія удалось извлечь большую пользу для ввѣреннаго ему юношества изъ этого практическаго взгляда на воспитаніе. Почти всѣ домашнія работы были поручены самимъ дѣтямъ, которыя по своему собственному желанію избирали тотъ или другой родъ занятія. Тѣ работы, для исполненія которыхъ требовалось нѣкотораго рода самоотверженіе, пользовались въ школѣ наибольшимъ почетомъ, и директоръ обращался съ особеннымъ уваженіемъ съ тѣми изъ учениковъ, которые безъ ложнаго стыда брались за исполненіе ихъ. Изъ этого образа дѣйствій ученики извлекали двойную пользу: они не только научались обходиться безъ чужой помощи и становились такимъ образомъ гораздо самостоятельнѣе, но и теряли привычку смотрѣть свысока на слугъ и считать черную работу ихъ естественнымъ достояніемъ.

Впослѣдствіи, говоритъ Эскиросъ, когда дѣти подростутъ, весьма полезно посѣщать съ ними большіе промышленные центры, фабрики и заводы; тамъ они лучше всего узнаютъ все значеніе труда и научатся уважать и любить рабочаго, видя его въ его настоящей сферѣ. Теоретическое же уваженіе къ труду—вещь не-

Digitized by Google

прочная, и понять значеніе труда могутъ только тѣ, которые не ограничивались кабинетными разсужденіями, а въ дѣйствительности приглядѣлись къ дѣлу.

Наконецъ наступаетъ пора, когда становится необходимымъ развить умственныя способности ребенка и растолковать ему смыслъ окружающихъ его явленій. И въ этомъ случаѣ взглядъ Эскироса на воспитаніе не мѣняется; никакого принужденія или насилія не допускаетъ онъ; все должно дѣлаться свободно. Чтобы возбудить въ ребенкѣ желаніе учиться читать, нужно прежде всего расказывать ему занимательныя сказки, заинтересовать его судьбою разныхъ существъ, созданныхъ народною фантазіей, и когда дитя узнаетъ, что все, сообщенное ему матерью, почерпается изъ книгъ, ему естественно захочется прочитать скорѣе самому всѣ эти чудеса. Вообще міръ сказочный самъ по себѣ уже пригоденъ для дѣтей; онъ развиваетъ ихъ воображеніе, зароняетъ въ ихъ душу зародыши поэзіи и, примѣромъ любимыхъ героевъ и героинь, возбуждаетъ въ нихъ стремленіе къ смѣлымъ и отважнымъ подвигамъ. Со временемъ, въ нашъ прозаическій вѣкъ, все это мало по малу сглаживается, пропадаетъ изъ сердца человѣка, иной разъ даже безъ слѣда,—такъ пусть же хоть въ дѣтствѣ процвѣтаетъ поэзія, такъ какъ дѣтство—единственное время иллюзій. Къ сожалѣнію, сказки, написанныя для дѣтей, рѣдко бываютъ имъ понятны; гораздо доступнѣе имъ преданія, сохранившіяся въ самомъ народѣ, такъ какъ эти послѣднія своей простотой и наивностью гораздо болѣе подходятъ подъ уровень дѣтскихъ понятій.

Для первоначальнаго обученія ребенка докторъ Эразмъ предлагаетъ своей женѣ употребить оригинальный, но вполнѣ разумный способъ. Ему кажется, что прежде всего слѣдуетъ начать съ рисованья, такъ какъ этотъ пріемъ опять-таки тѣсно связанъ съ нагляднымъ обученіемъ. Ребенокъ видитъ вокругъ себя много предметовъ, но нигдѣ въ природѣ онъ не видалъ ни *а*, ни *б*; поэтому буквы представляютъ для него понятіе отвлеченное, а на отвлеченность онъ не мастеръ. Пусть же онъ прежде всего нарисуетъ ту вещь, которая представляется его воображенію; давъ ему кончить, слѣдуетъ какъ-бы невзначай замѣтить ему, что существуютъ условные знаки, которыми можно гораздо быстрѣе выразить его мысль. Это его, конечно, заинтересуетъ. Всѣмъ извѣстно, что первыя азбуки древнихъ суть не что иное, какъ сокращенный рисунокъ; не указываетъ ли намъ существо-

Digitized by Google

ваніе гіероглифическихъ письменъ на тотъ путь, которымъ слѣдуетъ идти для облегченія первоначальныхъ занятій дѣтей?

Но не одно только принужденіе и насиліе можетъ считаться вреднымъ для дѣтей; привычка многихъ родителей и наставниковъ скрывать свое собственное незнаніе и давать дѣтямъ отвѣты на всѣ ихъ вопросы, хотя бы даже вкривь и вкось,—эта привычка также весьма пагубна, во первыхъ, потому, что дѣти со временемъ могутъ провѣрить точность данныхъ имъ толкованій, во вторыхъ, потому, что, получая на все готовые отвѣты, они становятся вялыми и перестаютъ работать собственнымъ мозгомъ. Пусть лучше мать признается ребенку, что она еще не додумалась до разрѣшенія какого нибудь вопроса; ребенокъ пойметъ тогда гораздо лучше всю цѣну знанія, видя, что оно дается только путемъ усиленныхъ занятій и трудовъ. «Догматичность нашей системы преподаванія», пишетъ докторъ Эразмъ своей женѣ, «зависитъ отъ всего строя нашихъ соціальныхъ учрежденій. Когда народъ проникся убѣжденіемъ, что всѣ вопросы разрѣшены для него, не вполнѣ ли естественно, что извѣстныя категоріи свѣдѣній, утвержденныхъ свыше, навязываются уму дѣтей? Подобный порядокъ вещей ведетъ прямо къ нравственному рабству; подъ вліяніемъ этой разслабляющей дисциплины, работа самого ученика превращается въ простое упражненіе памяти. Бѣдный мотылекъ, задавленный эрудиціей и авторитетомъ вѣковъ, осмѣлится ли онъ расправить свои собственныя крылья?»

Но этотъ нравственный гнетъ не всегда достигаетъ предполагаемой цѣли; вліяніе времени, характеръ самого ребенка, взгляды его семьи—все это служитъ иной разъ противовѣсомъ давленію офиціальной системы преподаванія. Но, увы, только меньшинству удается спастись отъ вреднаго вліянія вѣковой рутины; масса рабски повторяетъ то, что ей говоритъ учитель, который съ своей стороны твердитъ старые зады. Преданіе имѣетъ свои неотъемлемыя права; человѣкъ, ничѣмъ не заимствовавшійся отъ среды, въ которой живетъ, былъ бы идіотомъ или дикаремъ среди общества; но тотъ, кто безъ анализа принимаетъ на вѣру все слышанное имъ на томъ основаніи, что все уже обдумано безъ него, никогда не выйдетъ изъ посредственности и обречетъ себя навсегда на подчиненную роль.

Надѣяться на счастливый случай въ дѣлѣ воспитанія—великая оплошность; здѣсь все должно дѣлаться навѣрнякъ, по-

Digitized by Google

этому не всякій годится въ педагоги,—для этого требуется особенное призваніе. Въ подтвержденіе этого, докторъ Эразмъ приводитъ нѣсколько примѣровъ изъ круга личныхъ его наблюденій. Одинъ изъ знакомыхъ ему педагоговъ, человѣкъ всею душей преданный дѣлу, вступилъ въ завѣдываніе школы, гдѣ господство рутины и системы наказаній было въ полной силѣ. Ученики (обыкновенно все одни и тѣ же) проводили почти всѣ часы рекреаціи, стоя на колѣняхъ посреди двора; pensum, карцеръ, ничто не было забыто въ этомъ заведеніи, созданномъ во вкусѣ добраго стараго времени. Все это было отмѣнено. До прихода новаго педагога ученики не смѣли сдѣлать шагу въ корридорахъ, дворахъ и проч. иначе, какъ попарно, сопровождаемые цѣлымъ штабомъ надзирателей, которыхъ они всею душей ненавидѣли и съ которыми постоянно играли всевозможныя штуки. Теперь же имъ была объявлена полнѣйшая свобода; никто не надзиралъ за ними, кромѣ ихъ собственной совѣсти. Съ той поры весь характеръ школы измѣнился; послушаніе и дисциплина сдѣлались дѣломъ чести и чувство любви къ наставнику наполнило всѣ сердца.—Въ обыкновенныхъ же случаяхъ роль наставника можетъ сравниться только съ ролью мученика. Въ чемъ же коренится чувство антагонизма, существующее почти всюду между воспитанниками и воспитателями? Объясненія этого явленія нужно искать въ гнетѣ, который чувствуютъ надъ собой дѣти, войдя въ школу. Что видимъ мы въ класахъ?—Голыя стѣны, закапанные чернилами столы, деревянныя скамейки. А на дворѣ все живетъ, движется, птицы поютъ и какъ-бы поддразниваютъ школьника своею свободой. Оживите же изъ состраданія эту мрачную темницу, впустите въ нее лучъ свѣта, и все заживетъ новою жизнью.

Устное и печатное слово—мертвая буква для дѣтей; ребенку нужно видѣть то, что ему объясняютъ. Еще прежде, чѣмъ онъ научится читать, его уже можно познакомить съ разными явленіями, доступными его возрасту. Многое преподается у насъ слишкомъ рано, многое слишкомъ поздно; для всего есть свое время. Но оживленіе занятій нужно прежде всего; поэтому школа, принявшая сколько нибудь значительные размѣры и истинно радѣющая о благѣ дѣтей, не должна бы обойтись безъ микроскопа, телескопа, акваріума, стереоскопа и прочихъ учебныхъ пособій, способныхъ оживить ходъ преподаванія и наглядно познакомить юношество съ чудесами мірозданія. Большую пользу

Digitized by Google

могутъ также принести волшебные фонари, приспособленные къ педагогическимъ цѣлямъ, такъ какъ посредствомъ ихъ дѣти шутя, не подозрѣвая вовсе, что ихъ учатъ, пріобрѣтаютъ наглядно много полезныхъ свѣдѣній. Ошибка всѣхъ существующихъ руководствъ и учебниковъ заключается въ томъ, что, составляя ихъ, мы теряемъ изъ виду путь, по которому шла наука до ея настоящаго состоянія; дѣтство человѣка и дѣтство народа совершенно тождественны, поэтому если наблюденіе надъ окружающею дѣйствительностью предшествовало всякой класификаціи и всякому раздѣленію на категоріи, то и въ дѣлѣ воспитанія слѣдуетъ прежде всего познакомить дѣтей съ явленіями природы, а потомъ уже приступить къ толкованію міровыхъ законовъ. Ребенокъ можетъ получить понятіе о дѣйствіи теплоты, электричества, свѣта, научиться распознавать нѣкоторыя созвѣздія, вовсе не вѣдая, что существуютъ на свѣтѣ науки, называемыя физикой, астрономіей и проч. Поэтому докторъ Эразмъ совѣтуетъ женѣ не прибѣгать ни къ какимъ методамъ для образованія Эмиля. «Лучшая метода,—та, которая болѣе всего соотвѣтствуетъ нуждамъ воспитанника,—это здравый смыслъ самого учителя», говоритъ онъ.

При основаніи какого либо учебнаго заведенія необходимо позаботиться о томъ, чтобы сами стѣны дѣйствовали на воображеніе дѣтей. До сихъ поръ слишкомъ мало обращалось вниманія на вліяніе, которое имѣетъ школьная обстановка на умы юношества; древніе гораздо лучше насъ понимали выгоду нагляднаго обученія. Почему религіи всѣхъ временъ такъ глубоко врѣзывались въ умы народовъ? Не потому ли, что въ этомъ случаѣ пускались въ ходъ всѣ сокровища архитектуры, ваянія, живописи, чтобы сильнѣе запечатлѣвать сущность доктринъ въ сердцахъ массы? Миѳы, воплощенные въ грандіозныхъ образахъ, цѣлыми столѣтіями переживали повсюду идею, давшую имъ начало. «Мы же воздвигаемъ памятники только лжебогамъ, увѣковѣчиваемъ память о войнахъ, побѣдахъ и другихъ бичахъ человѣчества,—почему не сдѣлать намъ того же для науки?» Издержка эта не разорила бы народъ; для этого не требуется ни золота, ни мрамора, ни кедровъ ливанскихъ,—для образованія юношества достаточно вполнѣ гипса и картона, искусно обработанныхъ и передающихъ наглядно событія и явленія, совершившіяся или совершающіяся еще въ наше время. Несмѣтныя сокровища скрываются въ нашихъ музеяхъ и библіотекахъ, но они

Digitized by Google

пригодны только для ученыхъ. Для юношества же это мертвая буква, ему нужно что нибудь болѣе живое, привлекательное. Всемірныя выставки Лондона и Парижа лучше познакомили массу съ происхожденіемъ промышленности, степенью развитія различныхъ народовъ, распредѣленіемъ расъ на поверхности земной, чѣмъ могли бы это сдѣлать лучшія книги по политической экономіи и географіи. Что же было бы, еслибъ эти выставки сопровождались пояснительными чтеніями? Наши атласы и учебники сдѣлали изъ географіи скучную и сухую науку; какъ бы все измѣнилось, еслибы преподаваніе оживлялось видомъ удачно освѣщенной панорамы, которая переносила бы воображеніе ученика въ далекія страны; тогда бы мы гораздно лучше знали, что дѣлается въ разныхъ углахъ обитаемаго нами шара, чѣмъ теперь.

Но все это только пустыя мечты; подобной школы никогда не было и не будетъ; для этого не найдется денегъ. «Однакоже», говоритъ докторъ Эразмъ, «на передѣлку ружей, на усовершенствованіе военнаго искусства, на сооруженіе панцырныхъ судовъ, мы тратимъ во сто разъ болѣе того, что стоило бы преобразованіе системы воспитанія сообразно съ законами человѣческой природы!»

Но человѣческая природа способна совершенствоваться и развиваться различными способами. Прежде всего надо приглядѣться къ собственнымъ свойствамъ ребенка и убѣдиться, какой изъ путей развитія подходитъ всего болѣе къ его личнымъ склонностямъ. Главная ошибка нашихъ педагогическихъ системъ состоитъ въ полнѣйшемъ равнодушіи къ призванію самого ребенка. Такой-то созданъ быть путешественникомъ, ему слѣдовало бы изучать различныя нарѣчія отдаленныхъ странъ, чтобы со временемъ, посредствомъ ихъ, сближаться съ иноплеменными народами, а между тѣмъ его заставляютъ заниматься класическими языками. Другой чувствуетъ влеченіе къ механикѣ,—его погружаютъ въ занятія отвлеченною наукой. Поэтому сколько лицъ, посвятившихъ долгіе годы на изученіе хотя бы греческаго и латинскаго языковъ, обречены никогда не пользоваться своими знаніями, и, по выходѣ изъ школы, ни разу въ жизни не откроютъ Гомера или Виргилія, надъ которыми тратили столько безплодныхъ часовъ! Конечно, никакое знаніе не лишнее для человѣка; но врядъ ли знакомство съ класическими языками, если оно не имѣетъ практическаго примѣненія къ дѣлу, вознаградитъ когда либо человѣка за жертву времени, потребную для ознакомленія съ ними.

Digitized by Google

Безспорно, что изученіе класиковъ облегчаетъ намъ пониманіе другихъ языковъ, что погруженіе въ древній міръ отвлекаетъ насъ отъ матеріальныхъ заботъ настоящаго, противупоставляя нашему прозаическому вѣку поэтическіе вымыслы героическихъ временъ, возбуждая въ насъ, примѣромъ Рима и Аѳинъ, чувства патріотизма и преданности родинѣ и свободѣ. Но, съ другой стороны, нѣтъ никакого сомнѣнія, что можно быть великимъ патріотомъ, государственнымъ человѣкомъ, ораторомъ (примѣромъ для этого можетъ послужить намъ Америка), никогда не прочитавъ въ оригиналѣ Демосѳена, Аристотеля или Цицерона. Наблюденіе за фактами, людской опытъ, изученіе собственной литературы и врожденный геній нерѣдко дѣлали болѣе для человѣка, нежели всѣ годы, проведенные въ школѣ.

Прежде всего нужно замѣтить, что класическіе языки изучаются у насъ слишкомъ рано. Дѣти еще ничему не учились, ничего не знаютъ, ни надъ чѣмъ не наблюдали, даже не знаютъ порядкомъ собственнаго языка, а ихъ уже запираютъ въ школу, на которую они смотрятъ какъ на темницу, и заставляютъ зубрить непонятныя для нихъ правила, граматическія формы, спряженія и т. д. Не лучше ли было бы дать имъ сперва немного оглядѣться, ознакомиться съ естественными науками, изучить *исторію* Греціи и Рима и, только возбудивъ ихъ любознательность, знакомить ихъ съ древними языками, которые, конечно, не покажутся имъ тогда такими страшными. Всѣмъ извѣстно, что всякій языкъ изучается всего лучше на мѣстѣ; поэтому слѣдуетъ прежде всего позаботиться о томъ, чтобы древніе языки перестали быть мертвыми для дѣтей, чтобы дѣти ознакомились съ жизнію, цивилизаціей, съ нравами прошлаго, и тогда только, полюбя это прошлое, они съ пользою и удовольствіемъ примутся и за изученіе класиковъ. Чтобы сжиться съ литературою какого нибудь народа, надобно умѣть поклоняться его богамъ.

Во всестороннемъ изученіи языковъ важную роль играетъ, къ сожалѣнію, и подражаніе даннымъ образцамъ; но это вѣрнѣйшій путь, чтобы погубить всякую самодѣятельность. Въ этомъ виновата наша школьная система, покровительствующая подражанію. Опираясь на прочитанные имъ образцы, ученикъ готовъ описывать все, что вамъ угодно, хотя бы онъ даже никогда не видывалъ тѣхъ предметовъ, надъ которыми умиляется. Велите ему описать картину сельской природы, онъ радъ стараться, такъ какъ у него наготовѣ много реминисценцій изъ Виргилія и Го-

Digitized by Google

рація. Не лучше ли бы ему самому сходить въ поле и приглядѣться къ описываемой имъ природѣ? Но какая же въ томъ нужда, когда онъ на память знаетъ все, что можно сказать въ подобномъ случаѣ? Вѣдь удалось же одному ученику получить награду за стихотвореніе, описывающее спускъ на воду корабля. И чтоже?.. Оказалось, что онъ отъ роду никогда не видывалъ ни корабля, ни моря.

Рабское подражаніе древнимъ ли, новымъ ли писателямъ, все равно, не только искажаетъ вкусъ и чувство изящнаго въ юношествѣ, но нерѣдко лишаетъ его сознанія его собственнаго, внутренняго достоинства. Какъ много людей, которые, подражая формѣ какого нибудь произведенія, мало по малу усвоиваютъ себѣ и взгляды его, хотя бы даже ложные. Чужой слогъ, чужія фразы и слова дѣйствуютъ на нихъ обаятельно; имъ кажется, что они *думаютъ*,—они только *вспоминаютъ*. Не въ этой ли подражательности искать объясненія многихъ предразсудковъ, передающихся изъ вѣка въ вѣкъ, вопреки голосу разсудка? Молодой человѣкъ, привыкшій съ раннихъ лѣтъ жить чужимъ умомъ, не внесетъ ли эту податливость и въ свои поступки? Люди, лишенные всякой индивидуальности, дѣлаютъ обыкновенно отличную карьеру въ свѣтѣ; но цѣною какихъ нравственныхъ униженій покупается успѣхъ!.. Кто знаетъ, не имѣетъ ли глубокій, тайный смыслъ наша система образованія, не смотря на ея кажущуюся нелѣпость? Воспитанники учебныхъ заведеній—тѣ же рекруты, которые ловко подготовляются къ выполненію ихъ будущей роли въ жизни посредствомъ нравственной дисциплины. Съ военною точностью отмѣривается имъ то количество свѣдѣній и убѣжденій, которое со временемъ пригодится имъ въ ихъ служебной карьерѣ. Идите только шагомъ, молодые люди, и болѣе всего страшитесь выйти изъ предначертанной вамъ колеи!... Есть, конечно, смѣльчаки, которые сбрасываютъ съ себя гнетъ дисциплины и вопреки всему группируются подъ знаменемъ свободной мысли,—но какова же ихъ жизнь! Ужь, конечно, не изъ ихъ среды будутъ избирать своихъ професоровъ университеты, или административныя мѣста своихъ чиновниковъ. Сколько предостереженій, приговоровъ, административныхъ мѣръ посыплется на нихъ, чтобы внушить имъ уваженіе къ власти, если они вздумаютъ побаловаться на свободѣ!

Всего болѣе мѣшаютъ успѣху изученія класической древности въ средѣ молодежи рутинные восторги самихъ преподавателей.

Digitized by Google

Заставляя ученика заучивать наизусть того или другаго автора, подчеркивая тѣ мѣста, которыми слѣдуетъ непремѣнно восхищаться, подъ страхомъ прослыть профаномъ, не пропуская безъ вниманія ни одной точки или запятой, учитель достигаетъ лишь одного: онъ вселяетъ въ ученика отвращеніе къ лучшимъ произведеніямъ человѣческаго духа. Нашъ вѣкъ—вѣкъ критики; почему же не приложить ее и къ изученію древнихъ? Почему увѣрять ученика, что Иліада и Одиссея—произведенія Гомера, когда всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ слагались эпопеи въ минувшія времена? Но и сами эти поэмы, не смотря на ихъ красоты, имѣютъ мрачныя стороны, которыя необходимо указать ученику. Древніе не только не поняли нѣкоторыхъ принциповъ, лежащихъ въ основѣ взглядовъ и убѣжденій нашего времени, но они даже передали намъ цѣлое наслѣдіе предразсудковъ, ложныхъ доктринъ, которыя, если поступить неосмотрительно, будутъ передаваться изъ роду въ родъ посредствомъ изученія класицизма. Какое презрѣніе къ невольникамъ, къ труду, къ несчастнымъ и угнетеннымъ скрывалось подъ пышнымъ цвѣтомъ аѳинской цивилизаціи!... Исторія Рима гораздо ниже по достоинству исторіи Греціи, не по тому, чтобы въ ней не было великихъ людей, а по тому, что въ Римѣ преобладало господство грубой силы; поэтому паденіе его было неминуемо. Тѣмъ не менѣе, мы продолжаемъ поклоняться его воинской славѣ, и примѣръ его паденія проходитъ мимо насъ безъ слѣда. Въ изученіи класиковъ нужно искать средствъ не столько для умственнаго, сколько для нравственнаго развитія юношества. Поэтому нужно освѣтить новымъ свѣтомъ историческія событія прошлаго, показать все величіе республиканскихъ доблестей, указать на военный гнетъ, на гоненія, казни, на продажность совѣсти, какъ на причину паденія Рима, остановиться на Горацiи и Виргиліи не для восторженныхъ похвалъ, а для того, чтобы показать всю низость и подкупность лести, расточаемой ими Августу.... И зачѣмъ намъ преклоняться рабски передъ древними? Со всѣми нашими недостатками, мы все-таки стоимъ выше ихъ не энтузіазмомъ къ прекрасному, не героизмомъ или добродѣтелью, а чувствомъ справедливости, уваженіемъ къ правамъ личности, сочувствіемъ ко всему человѣчному.

Если провести параллель между воззрѣніями древнихъ на разные предметы и нашими собственными, то мы увидимъ во многомъ большую разницу. Такъ красоты природы понимались

Digitized by Google

встарину совершенно иначе, чѣмъ теперь; латинскіе поэты, привыкшіе къ нѣжнымъ и ласкающимъ взоръ картинамъ своей родины, отзываются весьма неодобрительно о величественныхъ, но дикихъ явленіяхъ природы. Мы же, напротивъ, находимъ поэзію всюду, и высокія горы, отталкивавшія собою древнихъ, имѣютъ для насъ невыразимую прелесть. Поэтому-то страсть къ путешествіямъ сдѣлалась теперь господствующею, и этому слѣдуетъ радоваться, такъ какъ путешествіе имѣетъ высокое, развивающее значеніе и имъ бы слѣдовало по возможности заканчивать всякое истинно хорошее и плодотворное воспитаніе. Раннія впечатлѣнія рѣдко изглаживаются впослѣдствіи; навѣрное Шекспиръ многимъ обязанъ и рѣкѣ Авону, и лѣсамъ и долинамъ, окружающимъ ее, такъ какъ позднѣе онъ даже избралъ мѣстомъ дѣйствія для своей комедіи «Какъ вамъ угодно» эти же самые лѣса. Другой, современный намъ писатель, Вашингтонъ Ирвингъ, всегда съ любовью и признательностію вспоминалъ о рѣкѣ Гудзонѣ, на берегахъ коей родился. Все, что въ немъ было хорошаго, онъ приписывалъ вліянію свой ранней привязанности къ этой рѣкѣ, которой, въ дѣтскомъ увлеченіи, онъ придавалъ разныя человѣческія свойства: честность, искренность, смѣлость, и проч. Если всѣ люди не одинаково впечатлительны, то, вѣроятно, мало найдется такихъ, которые были бы совершенно равнодушны къ явленіямъ окружающей ихъ природы. Перемѣна впечатлѣній въ особенности полезна въ ранніе годы; обыкновенно мы ограничиваемся чтеніемъ съ дѣтьми какихъ нибудь описаній путешествій, но всякій допуститъ, что описаніе предметовъ, никогда не виданныхъ, не въ силахъ, даже приблизительно, замѣнить самый видъ этихъ предметовъ. Поэтому всякій, кому только доступно это, долженъ постараться закончить воспитаніе ребенка путешествіемъ, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время путешествія со дня на день становятся удобнѣе и дешевле. Самые свободолюбивые народы, замѣчаетъ Эскиросъ,—тѣ, у которыхъ преобладаетъ страсть къ передвиженію. Географическое распредѣленіе національностей на земномъ шарѣ коренится частью въ самой природѣ, частью въ исторіи человѣчества, но болѣе всего въ разныхъ политическихъ соображеніяхъ и расчетахъ. Предразсудки, воспитаніе, поэзія, религіозныя вѣрованія—все это развило въ сердцахъ людей чувство свойственное не только имъ, но и самимъ животнымъ, а именно—чувство привязанности къ мѣсту. Раздѣленные какъ-бы на стада, люди привыкаютъ лю-

Digitized by Google

бить тотъ клочокъ земли, на которомъ живутъ; но сельскіе жители, прикрѣпленные къ почвѣ и не любящіе передвиженій, всегда стоятъ гораздо ниже по своему развитію, нежели городскіе обыватели, которые, съ своей стороны, опять же много бы выиграли, еслибъ увеличилось ихъ сближеніе со внѣшнимъ міромъ.

Народы, живущіе особнякомъ, могутъ, конечно, совершить много почтенныхъ дѣлъ; но какъ беззащитны они противъ всѣхъ ударовъ тираній!... Что̀ бы съ ними ни произошло, они съ какимъ-то отчаяніемъ цѣпляются за свой клочокъ земли, и изъ всѣхъ бѣдствій страшатся всего болѣе лишь одного—отчужденія отъ родины. Какъ-бы все измѣнилось, еслибы народы болѣе сближались между собой, еслибы посредствомъ частыхъ путешествій и серьезнаго изученія люди освоивались съ языкомъ, нравами и обычаями другихъ племенъ. Нечего бы имъ тогда бояться; они могли бы тогда по справедливости сказать съ Филиппомъ II, что солнце никогда не заходитъ въ ихъ владѣніяхъ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы проповѣдывали космополитизмъ. Какъ былъ бы жалокъ и презрѣнъ тотъ человѣкъ, который не зналъ бы любви къ родинѣ, не болѣлъ бы сердцемъ о ея нуждахъ! Но неужели привязанность къ родинѣ утратила бы свое значеніе, еслибъ она сбросила съ себя ту чисто матеріальную форму, въ которую ее облекли? Родина—это не та гора, то болото, та долина, въ которой мы родились; она не состоитъ изъ камня или кирпича и не вмѣщается въ столькихъ-то тысячахъ квадратныхъ миль. Нѣтъ; родина—это идея, она состоитъ изъ всего быта народа, его исторіи и преданій, и все это, разъ глубоко запечатлѣнное въ сердцѣ, не утрачивается никогда, хотя бы даже необъятный океанъ отдѣлялъ человѣка отъ того клочка земли, на которомъ онъ родился.

Путешествія, кромѣ того, развиваютъ въ человѣкѣ отвагу и лишаютъ его смѣшной боязливости, нерѣдко свойственной людямъ, никогда не покидавшимъ родины. Особенно достигаютъ этой цѣли морскія путешествія: съ одной стороны, борьба на жизнь и на смерть со стихіями закаляетъ нервы человѣка; съ другой стороны, она развиваетъ въ немъ здоровое отношеніе къ жизни, научая его въ минуту опасности цѣнить жизнь, какъ великое благо. Случаи самоубійствъ и разочарованія всѣмъ на свѣтѣ, столь распространенные между нами, почти неизвѣстны морякамъ.

Итакъ, повторяемъ, что путешествіе въ высшей степени по-

Digitized by Google

лезно, какъ средство для развитія умственнаго кругозора, для выработки твердости и энергіи въ характерѣ. Поэтому оно столь же пригодно и для женскаго образованія, такъ какъ умъ и храбрость, если и не воинская, не менѣе необходимы для женщинъ, чѣмъ для мущинъ. Мало ли случаевъ въ жизни, гдѣ все спасеніе зависитъ отъ спокойствія и рѣшительности женщины? Между тѣмъ женское образованіе поставлено на такой неразумной основѣ, что молодыя дѣвушки до сихъ поръ считаютъ слабонервность чѣмъ-то граціознымъ и женственнымъ, способнымъ нравиться мужчинамъ.

Вся эта ошибка происходитъ отъ полнаго непониманія мужскаго характера,—непониманія, происходящаго отъ замкнутости женскаго воспитанія. Еслибы допустить совмѣстное обученіе двухъ половъ, то это непониманіе скоро бы исчезло, и тогда, вѣроятно, было бы на свѣтѣ болѣе счастливыхъ браковъ. Воспитывать же порознь двѣ половины рода человѣческаго, какъ будто имъ въ жизни не за чѣмъ сближаться, не значитъ ли подрывать заранѣе всѣ общественныя связи? Не мы ли своимъ постояннымъ недовѣріемъ и осторожностью придаемъ невинному сближенію дѣтей двухъ половъ какой-то грязный характеръ, который совсѣмъ не существовалъ бы при разумномъ обращеніи съ дѣтьми? Каково же должно быть состояніе общества, въ которомъ мужчины съ дѣтства научаются не уважать женщинъ, а женщины не уважать самихъ себя?...

Но не въ одномъ только нравственномъ отношеніи полезно было бы разумно распредѣленное сближеніе двухъ половъ; не меньшей пользы можно бы ожидать отъ этого и для успѣха преподаванія. Мальчики и дѣвочки, поставленные лицемъ къ лицу въ одномъ класѣ, конечно, не захотѣли бы отстать другъ отъ друга, и этотъ духъ соревнованія, безъ сомнѣнія, удесятерилъ бы ихъ силы и изгналъ бы навсегда изъ школы вялость и равнодушіе къ дѣлу, столь обыкновенныя между учащимися. Докторъ Эразмъ сообщаетъ свои наблюденія надъ одною школой глухонѣмыхъ, въ которой дѣвочки, обучаемыя отдѣльно, по крайней мѣрѣ года на два отставали отъ мальчиковъ того же заведенія. Въ виду такого неудовлетворительнаго и непостижимаго результата, начальство школы рѣшилось соединить оба пола во время классныхъ часовъ, и успѣхъ этой мѣры превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Дѣвочки не только въ скоромъ времени сравнялись въ познаніяхъ съ мальчиками, но и эти послѣдніе, не желая дать

Digitized by Google

себя опередить прекрасному полу, удвоили усилія и стали успѣвать гораздо быстрѣе. Почему бы не сдѣлать подобнаго сближенія повсемѣстнымъ, такъ какъ опытъ доказалъ всю пользу его? Человѣкъ совсѣмъ не такъ богатъ дарами природы, чтобы мочь равнодушно жертвовать хотя бы малѣйшею возможностью развитія.

Обозрѣвая, такимъ образомъ, весь ходъ человѣческой жизни, начиная съ колыбели и до юношескаго возраста, Эскиросъ не оставляетъ безъ вниманія и университетскаго быта, разбирая его, впрочемъ, уже не съ точки зрѣнія педагога, а ограничиваясь нѣсколькими общими, весьма дѣльными и либеральными разсужденіями о вліяніи и значеніи этой среды для молодаго человѣка. Для образца онъ беретъ бытъ и нравы университетовъ въ Боннѣ и Гейдельбергѣ. Съ уваженіемъ относится онъ къ знаніямъ и личному характеру нѣмецкихъ професоровъ, справедливо замѣчая, что для нихъ наука не представляется только какъ средство для добыванія матеріальнаго благосостоянія, но что они занимаются ею съ искреннею любовью и самоотверженіемъ. Что касается самихъ студентовъ, то къ нимъ онъ относится довольно строго, порицая въ нихъ проявленіе того дешеваго вида либерализма, который только ограничивается однѣми пышными фразами относительно преобразованія человѣчества, — фразами, произносимыми нерѣдко подъ вліяніемъ пріятельскихъ попоекъ и въ облакахъ табачнаго дыма. Вмѣстѣ съ этимъ дымомъ разлетаются, зачастую безъ слѣда, и всѣ планы и намѣренія, и вчерашній либералъ ждетъ только окончанія курса, чтобъ униженно просить теплаго мѣстечка въ той самой администраціи, свергнуть которую онъ клялся за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Для чести человѣка ничто не можетъ быть унизительнѣе этого добровольнаго рабства: цѣпи, которыми скованъ невольникъ, могутъ спасть отъ перваго толчка; но гораздо прочнѣе та лакейская ливрея, которая превращаетъ свободнаго человѣка въ покорнаго слугу. Тотъ народъ погибъ безвозвратно, который научился гнуть шею изъ личной выгоды или корысти. Въ былое время искусство порабощать людей составляло цѣлую сложную науку: для этого требовался геній и духъ чисто макіавеллическій; теперь та же цѣль достигается безъ всякаго усилія или хитрости: увлекаемые призракомъ выгоды, люди сами стремглавъ бросаются подъ ярмо. Стóитъ только поманить выгоднымъ мѣстомъ, чиномъ или почестями, и тысячи низкихъ и алчныхъ че-

Digitized by Google

столюбцевъ, готовыхъ перебивать дорогу другъ у друга, найдутся сейчасъ же.

Бюрократія—это кровавая язва современнаго общества; могутъ ли господствовать свободныя мнѣнія или взгляды въ странѣ, гдѣ сдѣлаться чиновникомъ считается апогеемъ человѣческаго благополучія? Намъ возразятъ на это, что опасность еще не такъ велика, такъ какъ чиновничество составляетъ лишь меньшинство въ странѣ. Но, увы, не слѣдуетъ забывать, что кромѣ тѣхъ тысячъ, которыя добились желаемаго, есть сотни тысячъ, выжидающихъ очереди и съ завистью слѣдящихъ за успѣхомъ другихъ,—словомъ, раздѣляющихъ ихъ убѣжденія.

Въ такихъ странахъ, какъ Америка, гдѣ общественныя должности раздаются по выборамъ, слѣдовательно сообразно съ заслугами человѣка, язвы бюрократизма не существуетъ, и отправленіе общественныхъ должностей возвышаетъ, напротивъ того, характеръ человѣка. Поэтому все сказанное относится только къ странамъ, гдѣ мѣста раздаются по протекціи, гдѣ угодливость и лесть становятся почти необходимымъ условіемъ успѣха. Такъ какъ для каждаго человѣка гораздо легче сдѣлать карьеру, идя по проторенной дорогѣ, чѣмъ самому прокладывать себѣ путь, то понятно, почему въ тѣхъ странахъ, гдѣ вся власть сосредоточивается въ рукахъ администраціи, гдѣ удача зависитъ, въ большинствѣ случаевъ, отъ произвола, замѣчается одна черта, общая всѣмъ народамъ, живущимъ при подобныхъ условіяхъ: это—отсутствіе личной иниціативы и духа предпріимчивости въ массѣ.

Въ такихъ странахъ промышленность, земледѣліе и торговля движутся съ трудомъ по избитой колеѣ, капиталы лежатъ въ бездѣйствіи, и предпріятія, которымъ не оказывается покровительства свыше, начинаются робко и неувѣренно. Литература и искусство изнемогаютъ подъ вліяніемъ удушливой атмосферы и гибнутъ вслѣдствіе упадка общественной жизни, и даже свободныя профессіи принуждены, для обезпеченія своего существованія, заискивать, какъ милости, покровительства людей, власть имѣющихъ. Въ подобныхъ странахъ имѣть твердыя и независимыя убѣжденія—вещь весьма неудобная и служащая признакомъ *безпокойнаго* характера. Всего легче пройти безпрепятственно по жизненному пути, не обзаводясь никакими собственными взглядами и убѣжденіями, въ особенности же политическими, и вертясь, какъ флюгеръ, въ ту сторону, откуда дуетъ попутный вѣ-

Digitized by Google

теръ. Поэтому родители всего больше страшатся, какъ-бы дѣти не набрались какихъ нибудь неудобныхъ для жизни воззрѣній и, чего добраго, не стали бы упорствовать въ нихъ. «Прежде всего разбогатѣй», говоритъ обыкновенно отецъ сыну, «обзаведись женой и иди впередъ по пути къ отличіямъ. Что же касается чего остальнаго, то для этого уже существуютъ люди, которымъ поручена раздача милостей, разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ и распредѣленіе наказаній.... Если же тебѣ непремѣнно нужно имѣть какое нибудь убѣжденіе, то выбери, пожалуй, какое тебѣ будетъ угодно, только, смотри, держи его про себя; нѣтъ рѣшительно никакой выгоды вмѣшиваться въ чужія дѣла»... Взлелѣянный въ такихъ честныхъ правилахъ, человѣкъ дѣйствительно привыкаетъ считать блестящую карьеру верхомъ благополучія и съ нетерпѣніемъ ждетъ случая выступить самому на служебномъ поприщѣ и оправдать родительскія надежды. Этотъ меркантильный духъ, передаваемый отъ отцевъ къ дѣтямъ,—прочнѣйшая опора деспотизма, и поэтому, опираясь на этотъ духъ, нѣмецкіе администраторы спятъ себѣ преспокойно, не смотря на раздающіяся надъ самымъ ухомъ ихъ революціонныя рѣчи университетскихъ буршей, зная, что, лишь только уляжется юношескій пылъ, половина этихъ грозныхъ ораторовъ пойметъ свои выгоды и обязанности гражданина. И надо сознаться, что спокойствіе администраторовъ основано на вѣрномъ пониманіи общественнаго строя Германіи. Университетская пора составляетъ совершенно отдѣльную эпоху въ жизни большинства нѣмцевъ,—эпоху, зачастую связанную съ послѣдующей ихъ карьерой только однимъ воспоминаніемъ.

Французскіе университеты, говоритъ Эскиросъ, стоятъ въ этомъ отношеніи гораздо выше нѣмецкихъ; начала, на которыхъ они основаны, коренятся всецѣло въ принципахъ великой революціи, и поэтому они, что̀ бы ни случилось, не могутъ вполнѣ отречься отъ традицій своего происхожденія. Изъ среды французскихъ университетовъ выступаютъ въ жизнь ежегодно люди не только высоко развитые умственно, но, что еще гораздо важнѣе, люди съ свободными и твердыми убѣжденіями. Никакія внѣшнія вліянія не въ силахъ парализовать вполнѣ впечатлѣній философіи и идей 1 года, въ которыхъ воспитывается университетская молодежь Франціи *).

*) Просимъ читателей имѣть въ виду, что это говоритъ французъ, и притомъ послѣдней катастрофы. *Ред.*

Digitized by Google

Всего болѣе страшится докторъ Эразмъ для своего сына этого утилитарнаго взгляда на жизнь и на обязанности человѣка. «Сынъ мой», пишетъ онъ ему, «хочешь ли ты, во что бы то ни стало, имѣть успѣхъ въ жизни,—средство для этого весьма простое: пробирайся къ цѣли ползкомъ. Если же ты всѣмъ выгодамъ быстрой и легкой карьеры предпочитаешь сохраненіе собственнаго уваженія, независимости и чувства человѣческаго достоинства, то поздравляю тебя отъ души; но прежде всего ты долженъ хорошо знать, къ чему ты себя обязываешь. Отказываясь отъ проторенной дороги, ты берешься за добываніе насущнаго хлѣба борьбою и трудомъ. Никто не поблагодаритъ тебя за твои усилія, многіе же будутъ издѣваться надъ твоею рѣшимостью. Могутъ ли они любить тебя? Ты оскорбляешь ихъ своимъ образомъ дѣйствій и мыслей....

«Служи народу; не жди никакихъ выгодъ отъ него. Ему дать тебѣ нечего; онъ не располагаетъ ни богатствами страны, ни почестями, ни славой; онъ можетъ даже не понять твоихъ намѣреній. Слѣдовательно, тебѣ придется надѣяться на твои собственныя руки и мозгъ... но не пугайся этой перспективы. Цѣль жизни не состоитъ въ томъ, чтобы добиться важнаго положенія въ свѣтѣ, а чтобы быть выше своей среды».

Доктору Эразму снится чудный сонъ. Ему снится, что онъ ѣдетъ верхомъ въ незнакомой ему странѣ; вдоль дороги тянутся лѣсистые холмы; стада пасутся на свободѣ, безъ надзора пастуха или собаки, и великолѣпно устроенная система ирригацій распространяетъ всюду свѣжесть и плодородіе. Люди, попадающіеся ему на встрѣчу, поражаютъ его счастливымъ видомъ; женщины отличаются необыкновенною красотой, дѣти—здоровьемъ и крѣпостью сложенія. Сѣдовласый старецъ служитъ ему проводникомъ и объясняетъ ему всѣ чудеса царства Утопіи. «Въ особенности возбудили мое удивленіе, говоритъ Эразмъ, города, попадавшіеся на моемъ пути. Въ одномъ изъ нихъ мнѣ показали два зданія, построенныя въ эпоху, которую мѣстные жители прозвали варварскою. Первое изъ нихъ когда-то было тюрьмой, второе—была больница; тюрьма опустѣла потому, что не стало болѣе воровъ, а больница потому, что не нашлось болѣе убогихъ. Не смотря на свою настоящую безполезность, и то и другое изъ этихъ

Digitized by Google

зданій сохраняется по волѣ эдилей и показывается путешественникамъ, какъ историческій памятникъ.

«Граница, раздѣляющая права личности отъ правъ общественныхъ, обозначена въ этой странѣ такъ ясно, что народъ предоставилъ администраціи управленіе только тѣхъ дѣлъ, которыхъ ему нѣтъ расчета вести самому. Законы, весьма малочисленные и опредѣленные подачею голосовъ, касаются только вопросовъ чисто политическаго свойства, и такъ какъ они составлены всѣмъ народомъ для общей безопасности, то было бы безуміемъ не подчиняться имъ. Впрочемъ, для исправленія этихъ законовъ весьма много ожидаютъ отъ успѣховъ науки и распространенія просвѣщенія.

«Въ этой странѣ господствуетъ общественное мнѣніе, и по истинѣ ни одинъ монархъ въ своемъ замкѣ, окруженномъ рвами, не пользуется такимъ могуществомъ. Здѣсь люди думаютъ все, что пишутъ, и пишутъ все, что думаютъ. Они бы ужасно удивились, еслибъ узнали, что есть на свѣтѣ народы, живущіе иначе.

«Старикъ взялся объяснить мнѣ конституцію страны и показать мнѣ общественныя зданія, всѣ сооруженныя съ общеполезными цѣлями, такъ какъ во всемъ городѣ не встрѣчалось ни дворцовъ, построенныхъ для удовольствія отдѣльныхъ лицъ, ни арсеналовъ, ни казармъ.

— «Не скажете ли вы мнѣ, спросилъ я своего проводника,— имя того великаго законодателя, которому вы обязаны вашими учрежденіями.

«Старикъ улыбнулся.

— «Я вижу, отвѣчалъ онъ, — что вы пришли изъ другаго міра. Наши законы не созданы однимъ человѣкомъ. Не расказать ли мнѣ вамъ вкратцѣ нашу исторію?... За два столѣтія передъ тѣмъ мы были ничуть не лучше другихъ народовъ. Послѣдній изъ нашихъ царей, имени котораго мы даже не помнимъ, такъ какъ забвеніе — лучшее наказаніе для жестокихъ, былъ низвергнутъ за свое царствованіе, возбудившее общее негодованіе. Тогда люди, принявшіе участіе въ революціи, предложили на выборъ нѣсколько формъ правленія. Дѣло дошло почти до борьбы, когда наши предки образумились и положили отложить на время обсужденіе спорнаго вопроса, предоставивъ потомству рѣшеніе его. Къ чему могутъ служить лучшія учрежденія, если нравы молодежи не обезпечиваютъ ихъ существованія? Рѣшено было оставить на время въ неприкосновенности все, что было благора-

Digitized by Google

зумнаго въ старыхъ законахъ, и пріучить пока молодежь къ пользованію свободой. Видѣли ли вы нашу школу?... Это ядро нашей конституціи.

«Онъ отвелъ меня затѣмъ на нѣкоторое разстояніе отъ города, гдѣ на вершинѣ лѣсистаго холма я видѣлъ нѣчто похожее на дворецъ или храмъ, озаренный первыми лучами восходящаго солнца. Трудно было бы описать въ подробности это громадное зданіе, объемъ котораго соотвѣтствовалъ его великолѣпію. Расположенное внутри сообразно новой системѣ, оно было до того украшено статуями, живописью и другими произведеніями искусства, что одного вида стѣнъ было достаточно, чтобы запечатлѣть въ умѣ учащихся предметы преподаванія.

«На одномъ изъ дворовъ я увидалъ группу дѣтей, занятыхъ различными атлетическими упражненіями, бѣганьемъ въ запуски, борьбою, стрѣльбою изъ лука. Всего болѣе удивился я, замѣтивъ, что учителями ихъ въ этомъ были настоящіе краснокожіе. Я тотчасъ же узналъ ихъ по ихъ цвѣту, стройности ихъ членовъ и фантастичности головныхъ уборовъ.

— «Эти дикари, пояснилъ мой проводникъ,—недавно приблизились къ нашимъ границамъ, привлекаемые кроткими нравами нашихъ колонистовъ. Вмѣсто того, чтобы встрѣтить ихъ враждебно, мы пригласили этихъ краснокожихъ воспользоваться вмѣстѣ съ нами благами цивилизаціи, показавъ имъ ея выгоды и ея превосходство надъ жизнью въ пустынѣ. Съ другой стороны, замѣтивъ въ нихъ природныя свойства, недостающія намъ, мы предложили имъ обмѣнъ услугъ, и этотъ уговоръ былъ принятъ нѣкоторыми изъ нихъ. Они пріучаютъ нашихъ дѣтей переносить страданія, не поморщившись, пользоваться слухомъ и зрѣніемъ для отвращенія всякой опасности, развивать дѣятельность своихъ членовъ, подчиняя ихъ владычеству воли, понимать нравы животныхъ, живущихъ въ дикомъ состояніи....

— «Какъ богата должна быть республика, воскликнулъ я,—если она въ состояніи поддерживать такія учрежденія?

—«Республика богата, отвѣчалъ онъ,—потому что она трудолюбива и сама завѣдуетъ своими издержками. Къ тому же—вы ошибаетесь: то, что вамъ кажется денежною жертвою, составляетъ, напротивъ того, экономію. Если все сказанное намъ справедливо, то жители старой Европы тратятъ очень много на поддержку администраціи и очень мало на народное образованіе. У насъ дѣлается на оборотъ. Управленіе страной не стоитъ намъ ничего

Digitized by Google

или почти ничего, а въ то же время мы обращаемъ всѣ наши средства на поддержаніе школъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, мы дѣлаемъ то, что въ торговлѣ называется выгоднымъ оборотомъ, и именно нашей системѣ воспитанія мы обязаны, что у насъ нѣтъ постоянной арміи и другихъ обременительныхъ для государства учрежденій.

«И дѣйствительно, народъ этотъ, имя котораго я забылъ, не старается, подобно намъ, въ виду опредѣленной формы правленія, придавать уму и характеру дѣтей извѣстный складъ. Рѣшившись принять на себя всѣ послѣдствія свободнаго воспитанія, основаннаго на законахъ природы и науки, народъ мужественно предоставилъ будущность своей страны на усмотрѣніе послѣдующихъ поколѣній. Школа его не что иное, какъ само общество на пути къ развитію; у нея свои учрежденія, какъ и у государства, и она служитъ для него какъ-бы подготовленіемъ. Съ малолѣтства воспитанники пріучаются къ упражненію въ суровыхъ демократическихъ добродѣтеляхъ.

«Наставники не употребляютъ никакой системы наказаній въ отношеніи воспитанниковъ, а между тѣмъ проступки не остаются безнаказанными, такъ какъ дѣти произносятъ надъ ними свой собственный судъ. Виновные являются передъ трибуналомъ, выбраннымъ на срокъ самими товарищами и поэтому лично заинтересованнымъ въ произнесеніи безпристрастнаго суда. Знаетъ же каждый очень хорошо, что своевольное нарушеніе чужаго права, рано ли, поздно ли, обратится противъ него самого. Два защитника,—одинъ за истца, другой за подсудимаго,—серьезно излагаютъ подробности дѣла. Приговоръ присяжныхъ всегда уважается, и наказанія, впрочемъ очень легкія, внушаютъ тѣмъ болѣе страха, что влекутъ за собою неодобреніе не только всего состава преподавателей, но и всей школы.

«Дѣвочки живутъ въ отдѣльномъ помѣщеніи, но соединяются съ мальчиками во время класовъ и публичныхъ лекцій.

«Еслибы вы долѣе пожили у насъ, добавилъ въ заключеніе старикъ,—вы бы, конечно, увидали еще много новаго, удивительнаго для васъ. Пока съ васъ довольно знать, какими средствами мы порвали леденящія цѣпи, приковывавшія насъ къ жалкому и позорному прошлому. Только изъ свободныхъ людей образуются свободные народы. Проникнутые увѣренностію, что лучшее правленіе то, которое всего менѣе даетъ себя чувствовать,—не правы ли были наши предки, искавъ прочнѣйшихъ гарантій противъ

Digitized by Google

деспотизма въ совѣсти каждаго? Вмѣсто того, чтобы написать на бумагѣ проектъ конституціи, которая давно уже могла разсѣяться по вѣтру при малѣйшей внутренней неурядицѣ, они вселили чувство справедливости и любви къ правдѣ въ сердцахъ самой молодежи. Словомъ, у насъ не школа управляется государствомъ, а само государство выдѣляется изъ школы....»

Свой честный трудъ, основанный на искренней любви къ ближнему, Эскиросъ заключаетъ слѣдующими словами, въ которыхъ высказывается его взглядъ на воспитаніе: «Пусть каждый изъ насъ, говоритъ онъ,—постарается сдѣлать изъ своего сына свободнаго человѣка, и тогда мы пресѣчемъ въ корнѣ всѣ бѣдствія, подъ бременемъ которыхъ изнемогаетъ общество»!

А. В. . . . Ш.

Digitized by Google

КЛИМАТЫ ЗЕМЛИ ВЪ ПРОШЕДШЕМЪ.

Климатъ страны состоитъ изъ совокупности условій, которыя вліяютъ на среднюю температуру этой страны и вообще измѣняютъ въ ней въ теченіе года извѣстнымъ образомъ количество тепла и влажности. Главнѣйшія и общія климатическія условія на земной поверхности суть: 1) напряженность теплоты, изливаемой солнцемъ на землю; 2) распредѣленіе этой теплоты по временамъ дня и года и по широтамъ, зависящее отъ наклоненія земной оси къ плоскости земнаго пути, и наконецъ 3) дѣйствіе атмосферы, которая болѣе или менѣе содержитъ влаги, въ большей или меньшей степени поглощаетъ лучи теплоты и препятствуетъ быстрому ихъ разсѣванію въ пространство. Стóитъ измѣнить одно изъ этихъ условій — и климатъ необходимо долженъ будетъ измѣниться. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно подняться отъ земли въ верхніе свои атмосферы,—въ тѣ слои, гдѣ она рѣже, — и температура понизится. Вообразимъ себѣ, далѣе, что земная ось вмѣсто нынѣшняго наклоннаго положенія къ земной орбитѣ приняла направленіе отвѣсное; тогда для всей земли дни станутъ постоянно равны ночамъ, и нынѣшнее распредѣленіе теплоты по широтамъ замѣнится совершенно инымъ. Само собóю, конечно, понятно, что еслибы количество изливаемой солнцемъ теплоты измѣнилось, то съ тѣмъ вмѣстѣ измѣнились бы опредѣленнымъ образомъ и температуры всѣхъ точекъ земной поверхности.

Digitized by Google

Если эти элементы, эти главные факторы климата въ доступныхъ изысканіямъ нашимъ предѣлахъ времени не измѣнились, то отсюда нужно будетъ сдѣлать заключеніе о постоянствѣ климата, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ же предѣлахъ времени. Съ другой стороны, пробѣгая мысленно прошедшее земли, останавливаясь на громадныхъ измѣненіяхъ на ея поверхности, обнаружившихся въ очертаніяхъ материковъ, въ образованіи хребтовъ горъ и т. п., трудно удержаться отъ мысли о вліяніи времени на состояніе климатовъ.

Эта идея возникала не разъ и заявляла права свои на мѣсто въ наукѣ. Такъ, когда въ 1799 году въ устьяхъ Лены найденъ былъ хорошо сохранившійся мерзлый трупъ огромнаго слона, то, съ одной стороны, родилось предположеніе, что Сибирь была нѣкогда теплою страной, въ которой жили слоны и носороги; съ другой стороны, нужно было, казалось, принять, что измѣненіе климатовъ совершилось внезапно, вслѣдствіе какой-то катастрофы, заставившей погибнуть тѣ породы, которыя не могли переносить холода. Причиной подобной катастрофы считали ударъ, который одна изъ кометъ, пронизывающихъ солнечную систему, могла нанести землѣ и измѣнить при этомъ направленіе ея оси. Араго въ 1834 году явился защитникомъ постоянства климатовъ и доказалъ, что съ самыхъ отдаленныхъ историческихъ временъ Сирія и Египетъ сохранили неизмѣнными свои климатическія условія, такъ какъ въ этихъ странахъ зрѣютъ одновременно и теперь, какъ и прежде, плоды виноградника и пальмы, а между тѣмъ небольшаго приращенія или убыли температуры было бы достаточно для того, чтобъ изгнать то или другое изъ этихъ растеній. Въ параллель съ этимъ Эли-де-Бомонъ остроумно объяснилъ появленіе трупа слона на берегахъ Ледовитаго моря—простымъ перенесеніемъ его водами Лены изъ странъ, лежащихъ на 900 миль къ югу отъ устьевъ рѣки.

Выводы Араго совершенно доказательны для того промежутка времени, который они обнимаютъ, т. е. для четырехъ или пяти тысячъ лѣтъ; но открытія послѣднихъ годовъ показали несомнѣнно, что они неприложимы къ большей давности. Сѣверныя части Европы, Азіи и Америки не только служили нѣкогда могилой занесеннымъ издалека слонамъ и мамонтамъ, но въ этихъ, нынѣ болѣе или менѣе холодныхъ странахъ, задолго до появленія человѣка на землѣ, росли пальмовыя рощи, жи-

Digitized by Google

ли исполинскія ящерицы, а позже и слоны, которыхъ остатки мы находимъ теперь подъ землею. Гиппопотамы африканскихъ рѣкъ населяли воды Сены, раковины береговъ Нила появлялись въ Соммѣ и гіены мыса Доброй Надежды были не рѣдкостью въ южной Франціи. Замѣчательно при этомъ еще то, что рядомъ съ представителями юга мы встрѣчаемъ въ тѣ отдаленныя времена и обитателей далекаго сѣвера: олень, мускусный быкъ, сурокъ и др. жили на равнинахъ средней Европы; черепахи сѣверныхъ морей населяли заливы Англіи; мамонтъ и носорогъ (съ перегородчатыми ноздрями) были приспособлены къ перенесенію значительнаго холода, что доказываетъ ихъ обильная, густая шерсть. Переходя къ міру растительному, и тутъ замѣчаемъ, что сосны торфяниковъ, ели, березы и мхи холодныхъ странъ росли въ обиліи въ мѣстностяхъ средней Европы; растенія Лапландіи и Норвегіи были разсѣяны въ нихъ повсюду; съ другой стороны, южная Франція изобиловала виноградниками, лавровыми и фиговыми деревьями; въ ней встрѣчался даже болѣе нѣжный лавръ Канарскихъ острововъ. Въ странахъ сѣвера въ то время росли сосны, липы, клены и дубы.

Какимъ образомъ, спрашивается, могли существовать совмѣстно такіе разнородные элементы? Дѣло въ томъ, что животныя и растенія болѣе холодныхъ климатовъ являлись только въ сосѣдствѣ съ ледниками, которые достигали въ тѣ времена громадныхъ размѣровъ, такъ что нынѣшніе ледники могутъ считаться лишь небольшими ихъ остатками. Въ самомъ дѣлѣ, ледники Монъ-Блана простирались до Юры, можетъ быть, даже до Ліона; Вогезскія горы имѣли свои ледники; нѣкоторые изъ пиренейскихъ ледниковъ достигали колосальныхъ размѣровъ; Скандинавія простирала массы своихъ льдовъ до поверхности моря. Весьма естественно, что животныя и растенія, появляющіяся въ сосѣдствѣ со льдами, могли спускаться вмѣстѣ съ ними съ горъ въ низменныя долины, климатъ которыхъ былъ на столько мягче нынѣшняго, что его переносили и существа болѣе южныхъ странъ. Этотъ климатъ былъ не только теплѣе, но въ то же время и влажнѣе. Нынѣшнія наши рѣки не болѣе какъ ручьи въ сравненіи съ прежними. По слѣдамъ, оставленнымъ тогдашними рѣками на возвышенныхъ берегахъ, можно видѣть, что онѣ наполняли собою цѣлыя долины. Стóитъ провести мысленно черту по нагорнымъ берегамъ, до которой,

Digitized by Google

по всѣмъ признакамъ, доходили прежде уровни Волги, Дуная, Роны, Рейна и другихъ рѣкъ, чтобы составить себѣ понятіе о массѣ водъ, которыя стремились нѣкогда по широкимъ ихъ русламъ. Нынѣшніе ручьи и небольшія рѣчки оставили повсюду въ глыбахъ валуновъ, въ громадныхъ наносахъ красноречивыя свидѣтельства той силы и обилія воды, которыми они нѣкогда обладали.

Итакъ, изъ всѣхъ этихъ явленій необходимо заключить, что, подвигаясь далѣе и далѣе въ прошедшее земли, мы встрѣчаемъ повсюду слѣды большей теплоты и въ то же время большаго количества воды, а слѣдовательно и большей влажности атмосферы, такъ какъ она своими дождями и снѣгами должна была доставлять пищу первобытнымъ рѣкамъ, озерамъ, ручьямъ и ледникамъ.

Нѣчто подобное тому, что происходило нѣкогда въ сѣверномъ полушаріи, представляетъ теперь,—быть можетъ, въ нѣсколько меньшемъ масштабѣ,—Новая Зеландія. По наблюденіямъ Гааста, ледники ея, лежащіе ближе къ экватору, чѣмъ наши альпійскіе и расположенные на мало возвышенныхъ горахъ, спускаются однакоже гораздо ниже въ глубину долинъ, которыхъ климатъ очень умѣренъ и въ то же время очень влаженъ. И что же?—Нѣжныя растенія, между которыми встрѣчается даже древовидный папоротникъ, населяютъ новозеландскія долины, прозябая въ недальнемъ разстояніи отъ ледяныхъ массъ.

Чрезвычайно важно теперь опредѣлить, совершилась ли перемѣна климатовъ внезапно, подвергались ли они измѣненіямъ періодическимъ или измѣненіе шло шагъ за шагомъ въ одномъ и томъ же направленіи. Отъ этого зависитъ если не совершенно точное, то по крайней мѣрѣ вѣроятное опредѣленіе причины, или причинъ, перемѣны климатическихъ условій на земной поверхности. Геологи и палеонтологи даютъ намъ, какъ сейчасъ увидимъ, положительный отвѣтъ въ пользу послѣдняго способа измѣненія климатовъ.

Не имѣя возможности вымѣрять, въ обычныхъ единицахъ времени, продолжительность различныхъ періодовъ исторіи развитія земной поверхности и появленія населяющихъ ее животныхъ и растеній, геологія могла однакоже съ нѣкоторою точностью опредѣлить относительную древность этихъ періодовъ, такъ что, переходя отъ одного изъ нихъ къ другому, мы имѣемъ огромную вѣроятность полагать, что вмѣстѣ съ тѣмъ переносимся мыслію,

Digitized by Google

въ ряду тысячелѣтій, отъ древнѣйшихъ временъ къ новѣйшимъ или на оборотъ. Эпоха, непосредственно предшествующая появленію на землѣ человѣческаго рода, называется *третичною* и, въ свою очередь, раздѣляется на три періода, изъ которыхъ новѣйшій называется *пліоценовымъ*; за нимъ идетъ періодъ *міоценовый* и наконецъ самая древняя часть третичной эпохи называется періодомъ *эоценовымъ*.

Посмотримъ теперь, какія данныя для сужденія о климатахъ представляетъ палеонтологія для этихъ различныхъ періодовъ.

Въ пліоценовомъ періодѣ мы встрѣчаемъ въ окрестностяхъ Ліона не только лавръ, виноградъ и фиговое дерево, но также и канарскій лавръ, бамбукъ, магнолію и зеленый дубъ. Эти растенія требуютъ средней годичной температуры въ 14° Реомюра, а между тѣмъ нынѣшняя средняя температура Ліона достигаетъ только 9°. Такимъ образомъ пліоценовая температура Ліона соотвѣтствовала какъ бы меньшей географической широтѣ и была выше той, которая теперь имѣется подъ 43° широты. Марсель, лежащій подъ этою послѣдней широтой, во времена слѣдовавшія за пліоценовымъ періодомъ, имѣлъ температуру ниже 14°. Это такъ сказать перемѣщеніе болѣе высокихъ температуръ подъ высшія широты становится яснѣе въ періодѣ міоценовомъ, и еще болѣе обнаруживается въ періодѣ эоценовомъ. Тутъ, благодаря трудамъ Геера, открывается въ нашемъ полушаріи цѣлая, почти непрерывная полоса между 40° и 80° широты, обильная доказательствами сказаннаго факта какъ въ животномъ, такъ и въ растительномъ мірѣ.

Макъ-Клюръ и Амстронгъ говорятъ съ удивленіемъ о массахъ полуразложившихся древесныхъ остатковъ, видѣнныхъ ими на сѣверозападномъ берегу земли Банкса, лежащей выше 71° сѣверной широты. Ископаемыя эти, полуобуглившіяся и полуокаменѣлыя, почти повсюду удержали свой видъ; отпечатки листьевъ и плодовъ сохранили ихъ форму и расположеніе жилокъ. Среди наваленныхъ въ безпорядкѣ стволовъ, тамъ и сямъ замѣтны деревья, стоящія въ естественномъ положеніи. Перемѣстимся отсюда почти на чертверть круга прямо на востокъ,— и мы замѣтимъ подобныя-же скопленія на западномъ берегу Гренландіи, также выше 70° сѣверной широты. Вблизи побережья обломки окаменѣлаго дерева лежатъ въ перемежку съ глыбами каменнаго угля; на нѣсколько большей высотѣ взоръ поражается обиліемъ древесныхъ стволовъ, стоящихъ въ почвѣ;

Digitized by Google

межъ ними нагромождены массы сплоченныхъ вмѣстѣ минеральными веществами листьевъ, съ повсюду замѣтными слѣдами плодовъ, цвѣтовъ и насѣкомыхъ. Тутъ всѣ обстоятельства свидѣтельствуютъ о томъ, что вся эта растительность не занесена изъ чуждыхъ странъ, но развилась на мѣстѣ; здѣсь, по мнѣнію Геера, тянулся нѣкогда обширный лѣсъ тополей, дубовъ, магнолій, курмъ, остролистниковъ, орѣшника и другихъ древесныхъ породъ. Берега Исландіи и Шпицбергена производили множество растеній, теперь невѣдомыхъ въ этихъ странахъ. Кромѣ того, ясно видно, что нѣкогда по этимъ нынѣ мертвымъ странамъ повсюду въ обиліи струились воды ручьевъ и рѣкъ, ложе которыхъ было окаймлено густыми рощами деревьевъ.

Опредѣляя и класифицируя эти растительные памятники арктическаго міра, ученый Гееръ доказалъ, что большая часть изъ нихъ принадлежитъ міоценовой флорѣ, уже изслѣдованной въ Европѣ и наиболѣе распространенной въ этомъ древнемъ періодѣ. Остатки міоценовой флоры находятся, далѣе, въ устьяхъ рѣки Меккензи и на берегахъ Ситхи и Аляски. И во всѣхъ названныхъ мѣстахъ замѣчается одинаковый общій характеръ растительности, даже частью одни и тѣ же виды, такъ что міоценовая флора опоясывала сѣверную часть земнаго шара, составляя какъ-бы родъ кольца, въ срединѣ котораго помѣщался сѣверный полюсъ земли. Такое кольцо указываетъ между прочимъ также и на то обстоятельство, что полюсы земли въ третичную эпоху занимали то же положеніе, что и теперь, т. е., что земная ось проходила чрезъ тѣ же части земной поверхности, чрезъ которыя проходитъ и нынѣ. Далѣе, остатки міоценовой флоры свидѣтельствуютъ, что умѣренный поясъ простирался въ тѣ времена гораздо далѣе на сѣверъ, чѣмъ теперь. Подъ 70° сѣверной широты тогда имѣли мѣсто тѣ же самыя климатическія условія, которыя теперь встрѣчаются лишь на разстояніи 40°—45° отъ экватора. Наименьшая средняя температура года во міоценовомъ періодѣ для Шпицбергена опредѣляется Гееромъ въ четыре съ половиною градуса Реомюра выше нуля, межъ тѣмъ какъ въ настоящее время она стоитъ на семи градусахъ ниже нуля. Итакъ, средняя температура Шпицбергена измѣнилась на одиннадцать градусовъ слишкомъ. Нѣкоторыя южныя растенія, въ особенности магноліи, не росли и тогда на Шпицбергенѣ, который лежитъ около 80° сѣверной широты, но они прозябали десятью градусами ниже, именно въ

Digitized by Google

Гренландіи; на этомъ основаніи Гееръ приписываетъ міоценовой Гренландіи среднюю температуру года около восьми градусовъ выше нуля, т. е., ту самую температуру, которая теперь имѣетъ мѣсто въ Огіо и Калифорніи.

Оставаясь по времени въ міоценовомъ періодѣ, но спускаясь ниже по широтамъ, т. е., перемѣщаясь съ сѣвера на югъ, мы находимъ на берегахъ Балтійскаго моря лавръ, камфарное и коричневое деревья, хотя еще не встрѣчаемъ пальмъ. Такая флора мало разнится отъ той, которая царствовала около Ліона въ болѣе позднемъ, пліоценовомъ періодѣ. Стало быть, средняя температура въ этихъ странахъ доходила до + 14°. Перемѣщеніе тепла очень замѣтно: одна и та же средняя температура отступила съ сѣвера на югъ почти на десять градусовъ широты, т. е., почти на 150 миль, при переходѣ изъ міоценоваго періода въ пліоценовый, и слишкомъ на 20° широты отъ періода міоценоваго до нашихъ дней.

Спускаясь еще ниже, въ міоценовомъ же періодѣ мы встрѣтимъ пальмы подъ широтою 50°, т. е., на сѣверныхъ предѣлахъ Богеміи, въ рейнскихъ провинціяхъ Пруссіи и въ Бельгіи, что даетъ для этой полосы среднюю температуру въ + 16°.

Что касается до центральной и южной Европы, то тутъ мы находимъ многочисленные слѣды тропическаго климата. Температура Швейцаріи и Прованса, по Гееру, доходила до + 18° и немногимъ выше этого была она въ Греціи и въ Малой Азіи, т. е., въ полосѣ, спускающейся до 38° сѣверной широты. Всѣ эти страны составляли тогда поясъ, быть можетъ, не столько жаркій, какъ нынѣшній тропическій, но который не ограничивался, какъ этотъ послѣдній, 30°—35° широты, а тянулся до 50°. Правда, низкорослая пальма переходитъ и теперь широту 37°, прозябая въ Сициліи и Испаніи, и даже нѣсколько лѣтъ тому назадъ она росла въ дикомъ состояніи въ Ниццѣ, т. е., подъ широтою почти 44°; но ее, по мнѣнію Сапорта, можно считать въ этихъ мѣстахъ какъ-бы послѣднимъ слѣдомъ, оставленнымъ при отступленіи пальмъ, гонимыхъ изъ Европы возрастающею суровостью ея климата.

Міоценовый періодъ не только теплѣе пліоценоваго, но въ немъ самомъ можно замѣтить постепенное возрастаніе температуры отъ конца его къ началу. Это, конечно, можетъ быть обнаружено только для тѣхъ странъ, которыя, подобно Швейцаріи и южной Франціи, доставили доселѣ ученымъ значитель-

Digitized by Google

ное количество памятниковъ растительности древнѣйшихъ временъ. Для періода эоценоваго палеонтологическія данныя уже не представляютъ такой цѣльности, но однакожь и ихъ достаточно для того, чтобы дойти до заключенія о большей еще разширенности современнаго этому періоду тропическаго пояса. Въ самомъ дѣлѣ, чисто тропическія растенія, каковы пальмы, бананы и панданы,—находимъ мы въ эоценовыя времена въ Англіи и сѣверной Германіи, что дозволяетъ принять для европейскаго материка среднюю температуру въ 20°. Съ другой стороны, спускаясь глубже и глубже въ пучину протекшихъ временъ и проходя постепенно за эоценовымъ періодомъ, — болѣе его древніе періоды, *мѣловой* и *юрскій*, мы, по оставленнымъ ими памятникамъ, должны прійти къ заключенію, что высокія среднія температуры переходили даже за полярный кругъ. Въ Европѣ въ это время разность широтъ уже какъ-бы не имѣла вліянія на температуру, такъ что въ мѣловомъ періодѣ однѣ и тѣ же формы встрѣчаются безразлично въ Моравіи, Саксоніи, Силезіи, Вестфаліи и въ южной Швеціи. Теплота, сходная съ тропическою, владычествуетъ подъ всѣми широтами и простирается до далекаго сѣвера. Подъ ея вліяніемъ возрастаютъ пальмы и панданы, а раньше ихъ—цикадеи, папоротники и араукаріи, которыя впрочемъ не требуютъ температуры выше той, которая имѣетъ мѣсто въ нынѣшнемъ жаркомъ поясѣ. Судя по этимъ растеніямъ, какъ будто слѣдуетъ заключить, что дальше, т. е., раньше по времени, напряженность теплоты не превосходила извѣстной степени, именно необходимой для произрастанія пандановъ, араукарій и т. п. Въ той же Гренландіи Гееръ видитъ новое подтвержденіе уравнительности климатовъ на земной поверхности въ мѣловомъ періодѣ. Флора этихъ временъ, открытая въ заливѣ Оменакъ, подъ 70° 41 сѣверной широты, состоитъ по большей части изъ тѣхъ же видовъ, какъ и одновременная съ ней флора Саксоніи, Богеміи и Моравіи. И тамъ и здѣсь встрѣчаются пальмы, цикадеи и тропическіе папоротники, къ которымъ, къ немалому удивленію, присоединяются сосны и даже ели. Это поразительное смѣшеніе столь различныхъ по климатическимъ условіямъ растеній не ограничивается впрочемъ Гренландіей, но представляетъ въ той глубокой древности довольно частое явленіе во многихъ мѣстахъ Европы. Въ періодѣ юрскомъ еще рѣзче обнаруживается какъ эта особенность, такъ и вообще уравнительность климатиче-

Digitized by Google

скихъ условій подъ различными широтами. Признаками ея тутъ служатъ не только растенія, но и животныя; классъ пресмыкающихся, требующихъ высокой температуры для развитія ихъ яицъ, господствуетъ въ эти времена надъ другими.—Растенія западной Европы въ главныхъ чертахъ сходны съ тѣми юрскими растеніями, которыя находятъ въ Остъ-Индіи, и отличаются отъ послѣднихъ только второстепенными подробностями. Гееръ настаиваетъ на той мысли, что остатки еще болѣе раннихъ періодовъ нисколько не опровергаютъ, составленнаго на основаніи позднѣе совершавшихся явленій, заключенія объ уравнительности климатовъ, равно какъ и о томъ, что температура нигдѣ не превосходила извѣстныхъ предѣловъ.

Изложенные выше факты заставляютъ думать, что во времена перваго возникновенія органическихъ существъ,—времена, на милліоны лѣтъ отдаленныя отъ появленія на землѣ человѣка, поверхность нашей планеты имѣла видъ во многомъ отличный отъ нынѣшняго и представляла такія условія существованія, о которыхъ мы съ большимъ трудомъ можемъ составить себѣ даже только приблизительное понятіе. Гееръ высказываетъ, какъ вѣроятное, то мнѣніе, что строеніе и образъ жизни древнѣйшихъ насѣкомыхъ указываютъ на преобладаніе въ первобытныя эпохи *темноты и тумановъ*, которыми въ значительной степени долженъ былъ ослабляться блескъ солнечнаго свѣта. Въ самомъ дѣлѣ, не только растенія, сходныя съ первобытными, каковы, на примѣръ, папоротники, любятъ тѣнистыя мѣста, но и изъ насѣкомыхъ, термиты, скорпіоны и др., живутъ и теперь въ темнотѣ. Вообще чувство зрѣнія часто очень тупо у низшихъ животныхъ, а ихъ-то появленіе на землѣ и восходитъ къ самымъ отдаленнымъ эпохамъ. Весьма естественно предполагать, что атмосфера, покрывавшая первобытную землю, была обширнѣе; ее наполняли густые и теплые туманы, которые съ трудомъ пронизывались лучами солнечнаго свѣта; материки представляли меньшую величину и большую раздѣленность, внутренняя теплота обнаруживала болѣе напряженныя мѣстныя проявленія въ видѣ вулкановъ и горячихъ ключей. Вотъ въ общихъ чертахъ та отличная отъ нынѣшней обстановка, которая предшествовала первому появленію живыхъ существъ на землѣ и его сопровождала.

Бюффонъ уже высказалъ мысль, что органическая жизнь впервые показалась у полюсовъ и нѣкоторое время держалась

Digitized by Google

только тутъ. Область каменнаго угля, въ которой въ первый разъ развилась обильная растительность, не доходила впрочемъ до самаго полюса; выше 76° сѣверной широты разстилалось громадное море, и только на южныхъ окраинахъ его, именно на островахъ Мельвилля, Батурста и принца Патрика, лежащихъ къ западу отъ Гренландіи и къ сѣверу отъ материка Америки, находятся самыя сѣверныя зележи ископаемыхъ обугленныхъ растеній. Собственно каменноугольная полоса разстилается по земному шару поясомъ между 40° и 70° широты. Ранѣе угольной эпохи органическія существа не показываются или, по крайней мѣрѣ, они не могли сохраниться. Первыя животныя существа открываются преимущественно въ полосѣ не переходящей далеко за 50° широты, именно въ Канадѣ и Соединенныхъ Штатахъ, въ Англіи, Богеміи и Скандинавіи. Древнѣйшій изъ извѣстныхъ доселѣ животныхъ организмовъ найденъ былъ первоначально именно въ Канадѣ, затѣмъ и въ Европѣ, въ тѣхъ горныхъ породахъ, которыя прежде считались азоическими (безживотными), предшествовавшими всякой органической жизни. Эту полосу, этотъ поясъ можно считать на нашемъ полушаріи исходнымъ пространствомъ животной жизни, откуда она распространилась мало по малу къ сѣверу и къ югу. Хотя въ окрестностяхъ экватора область гранитовъ распространена значительно, однакоже въ экваторіальномъ поясѣ, вѣроятно изначала сдѣлавшемся свободнымъ отъ водянаго покрова, доселѣ почти неизвѣстны остатки и отпечатки животныхъ и растеній древнихъ эпохъ, въ особенности относящихся ко времени каменноугольныхъ образованій.

Бросая еще разъ взглядъ на изложенные выше палеонтологическіе факты, успѣвшіе уже сдѣлаться почти общеизвѣстными, мы видимъ, что неизмѣримыя пространства, кипѣвшія нѣкогда животной и растительной жизнью, лежатъ теперь скованныя вѣчнымъ льдомъ и покрытыя не подымающимся никогда снѣжнымъ саваномъ. Жизнь, начавшаяся вблизи отъ нихъ, мало по малу какъ-бы оттѣснялась какими-то непрестанно дѣйствующими причинами ближе и ближе къ экватору. Теплоты на ихъ долю доставалось менѣе и менѣе, атмосфера, а за ней и почва, становилась суше и суше, и поверхность земнаго шара какъ-бы поражалась омертвѣніемъ, начавшимся у полюсовъ и съ теченіемъ времени усиливавшимся и охватывавшимъ бо́льшія и большія пространства. Будетъ ли эта гангрена, грозящая въ туманномъ

Digitized by Google

будущемъ смертію всему живому, всему органическому на землѣ, развиваться и далѣе съ неумолимостью рока, или дряхлѣніе земли соотвѣтствуетъ, только лишь въ колосальныхъ размѣрахъ времени, тому періодическому замиранію, которое приноситъ съ собою зима, не лишающая однакоже насъ надежды, что за нею несомнѣнно послѣдуетъ и всеоживляющая весна и знойное лѣто?

Бюффонъ, Бальи и Меранъ предсказали землѣ смерть отъ недостатка теплоты, и Байронъ, въ картинѣ, отъ которой холодъ проникаетъ въ сердце, рисуетъ то время, когда «часъ утра будетъ наставать и проходить, но дня не станетъ приводить онъ за собою». Правда, воображеніе поэта усилило мрачность красокъ именно тѣмъ, что смерть земли въ его поэмѣ наступаетъ какъ-бы мгновенно. Но прекращеніе всякой жизни, хотя бы оно наступило медленно и постепенно, непріятно для нашей мысли. Человѣческая особь такъ любитъ весь родъ свой и такъ дорожитъ его существованіемъ, что люди, по словамъ Гельмгольца, обыкновенно судятъ о величіи и мудрости строенія міра по продолжительности и удобствамъ существованія на землѣ человѣческаго племени.

Чтобъ опредѣлить, независимо даже отъ представившагося только-что вопроса, причину климатическихъ измѣненій, согласно съ нашими свѣдѣніями о космическихъ явленіяхъ, мы должны разсмотрѣть подробно всѣ тѣ обстоятельства, которыя могутъ или могли бы, согласно съ различными воззрѣніями, участвовать въ опредѣленіи общихъ климатическихъ условій на земной поверхности.

Казалось бы съ перваго раза, что искомая причина у насъ подъ руками. Земной шаръ, по всему вѣроятію, былъ нѣкогда расплавленною массой. Многіе геологи полагали и теперь полагаютъ, что на такой расплавленной сферѣ образовалась постепенно твердая кора, которая въ настоящее время достигаетъ весьма незначительныхъ размѣровъ относительно всего объема земли, именно, что толщина ея заключается между 8 и 25 геогр. милями. Если допустимъ, что теплота внутренней жидкой массы, которая въ настоящее время не имѣетъ ни малѣйшаго чувствительнаго вліянія на поверхность земли, будучи напряженнѣе въ древнѣйшіе періоды, проникала въ замѣтномъ количествѣ чрезъ земную кору и способствовала повышенію на-

Digitized by Google

ружной температуры во всѣхъ точкахъ земной поверхности, то вотъ и будемъ имѣть объясненіе болѣе теплаго климата и затѣмъ постепеннаго убыванія теплоты съ теченіемъ времени до извѣстной эпохи. Съ той эпохи земля стала получать теплоту исключительно отъ солнца, такъ какъ окружающее пространство имѣетъ температуру не выше точки замерзанія ртути.

Правда, противъ такого объясненія является тотчасъ же возраженіе, что увеличивая получаемую изъ-подъ земли теплоту пропорціонально отдаленію отъ настоящаго времени назадъ, мы должны будемъ получить, по видимому, для каменноугольнаго періода такой жаръ, который нельзя согласить съ существованіемъ извѣстныхъ намъ организмовъ этой эпохи. Но есть еще другія, болѣе серьезныя и неустранимыя опроверженія, являющіяся результатомъ ряда выводовъ, въ которыхъ мы послѣдуемъ за знаменитымъ В. Томсономъ. Замѣтимъ, во первыхъ, что на основаніи теоретическихъ соображеній, а также и опытныхъ изслѣдованій надъ расплавленными и остывающими тѣлами, произведенныхъ Томсономъ, Юлемъ и др., можно считать почти не подлежащимъ сомнѣнію, что земля наша, если она нѣкогда находилась въ расплавленномъ состояніи, должна была отвердѣть всею своей массой при температурѣ плавленія главныхъ составныхъ ея частей. Остываніе земной поверхности могло начаться собственно не раньше того времени, когда подобное отвердѣніе уже совершилось.

Итакъ, геологическая исторія земли начинается собственно съ той эпохи, когда весь шаръ земной сталъ твердымъ тѣломъ, нагрѣтымъ до температуры плавленія. Температуру эту, согласно съ опытами надъ плавленіемъ различныхъ каменныхъ породъ, можно принять круглымъ числомъ въ 3000° Реомюра. Въ настоящее время поверхность земли остыла и подъ нею замѣчается такое распредѣленіе температуры, что эта послѣдняя возрастаетъ среднимъ числомъ на *одну сотую* градуса съ *каждымъ футомъ* глубины. Математическія изслѣдованія Фурье, съ другой стороны, даютъ возможность опредѣлить вычисленіемъ распредѣленіе теплоты въ твердомъ шарѣ, нагрѣтомъ до извѣстной температуры и помѣщенномъ въ холодное пространство. Въ нашемъ случаѣ, т. е., на шарѣ величиною въ земную сферу и начавшемъ остывать съ температуры 3000°, поверхность могла остыть и подъ нею должно было образоваться такое распредѣленіе теплоты, какое наблюдается въ земной корѣ, не ранѣе 100 милліоновъ

Digitized by Google

лѣтъ. Итакъ, земля отвердѣла назадъ тому сто милліоновъ лѣтъ; вотъ, слѣдовательно, то пространство времени, въ которомъ помѣщаются всѣ измѣненія, совершившіяся на ея корѣ.

Посмотримъ теперь, какъ могла дѣйствовать внутренняя теплота на поверхность земли въ различныя эпохи этого громаднаго промежутка времени. Вопросъ этотъ, какъ увидимъ, рѣшится самъ собою, если мы вычисленіемъ опредѣлимъ для сказанныхъ эпохъ распредѣленіе теплоты подъ земною поверхностью, т. е., опредѣлимъ, на какую долю градуса съ каждымъ футомъ глубины увеличивалась въ тѣ эпохи температура земной толщи. Подобное вычисленіе даетъ слѣдующія числа. Если станемъ считать время отъ начала охлажденія, то черезъ первыя десять тысячъ лѣтъ подземная температура увеличивается, до нѣкоторой глубины, по девяти десятыхъ градуса на каждый футъ; черезъ 40 тысячъ лѣтъ отъ начала охлажденія, это возрастаніе равняется уже только четыремъ десятымъ долямъ градуса; спустя 160 тысячъ лѣтъ послѣ того же начальнаго момента, оно достигаетъ только двухъ десятыхъ градуса; черезъ четыре милліона лѣтъ оно не превышаетъ уже четырехъ сотыхъ градуса, и наконецъ чрезъ 100 милліоновъ лѣтъ отъ начала охлажденія возрастаніе температуръ дѣлается равнымъ нынѣшнему, т. е., спускается до величины одной сотой градуса на футъ. Присутствіе теплоты въ девять десятыхъ градуса на глубинѣ одного фута подъ поверхностью земли можетъ увеличивать температуру этой поверхности не болѣе какъ на полъ градуса. Итакъ, на общій климатъ земли не могла вліять чувствительно ея внутренняя температура не только черезъ сотни тысячъ и милліоны лѣтъ послѣ начала охлажденія земли, но даже всего черезъ 10 тысячъ лѣтъ.

Этими соображеніями устраняется положительно всякая мысль объ общемъ содѣйствіи внутренней теплоты земли въ образованіи климатовъ и подтверждается мнѣніе, что всею своей теплотой, всею своей жизнью кора земли обязана солнцу. Далѣе, легко понять, что ни возможная меньшая высота первобытныхъ горъ, ни распредѣленіе материковъ сами по себѣ не въ состояніи объяснить требуемаго фактами палеонтологіи измѣненія климатическихъ условій. Мѣстное, хотя и болѣе напряженное, дѣйствіе вулкановъ и горячихъ ключей могло конечно производить только мѣстное же и ограниченное повышеніе температуры.

Digitized by Google

Мы сказали выше, что пространство, въ которомъ помѣщается земля, сравнительно холодно. Но тутъ самъ собою является вопросъ, всегда ли земля двигалась только въ такомъ холодномъ пространствѣ, не могшемъ не только нагрѣвать, но, напротивъ того, охлаждавшемъ ея поверхность? Пуассонъ, желая объяснить подпочвенную теплоту земли, сдѣлалъ предположеніе, что планета наша, въ одинъ изъ давнихъ періодовъ ея существованія, прошла вмѣстѣ со всею солнечной системой чрезъ болѣе теплое звѣздное пространство и отъ него заимствовала ту теплоту, которую мы находимъ теперь на глубинахъ. Въ новѣйшее время Гееръ думалъ воскресить гипотезу Пуассона, выражая мысль, что солнечная система, вращаясь около своего центральнаго солнца, могла, въ теченіе безмѣрнаго времени своего обращенія около такого центра, пробѣгать не одинаково нагрѣтыя міровыя пространства, и теплота этихъ пространствъ способствовала возвышенію земныхъ температуръ въ разсмотрѣнныхъ нами отдаленныхъ періодахъ.

Имя основателя этой гипотезы и ея простота заставляютъ остановиться на ней нѣсколько подробнѣе. Послѣдуемъ и тутъ соображеніямъ Томсона. Пользуясь наблюденіями надъ способностью различныхъ составныхъ частей земной коры проводить теплоту, онъ опредѣлилъ, что если земля прошла чрезъ нагрѣтое пространство назадъ тому отъ 1250 до 5000 лѣтъ, то температура этого пространства должна быть выше нынѣшней средней температуры земной поверхности на величину отъ 12° до 22°. Если примемъ эту температуру выше или ниже указанныхъ предѣловъ, то заимствовавшая ее земная кора не могла бы съ тѣхъ поръ до нашихъ дней дойти именно до такого распредѣленія теплоты, какое мы замѣчаемъ въ ней дѣйствительно и о которомъ было говорено выше. Но мы сказали уже, что Араго доказалъ постоянство климатовъ въ теченіе историческихъ временъ. Стало быть, невозможно думать, чтобы такъ недавно сравнительно, назадъ тому какихъ нибудь двѣ или три тысячи лѣтъ, т. е., на памяти человѣчества, температура Европы была даже выше нынѣшней тропической. Чѣмъ дальше отнесемъ назадъ прохожденіе земли чрезъ теплое пространство, тѣмъ высшую температуру должны будемъ приписать ему, для того чтобы нагрѣтая имъ кора земли, охлаждаясь съ тѣхъ поръ до нашего времени, пріобрѣла то распредѣленіе температуры внутри ея, о которомъ столько разъ говорили. Для прохожденія за 20

Digitized by Google

тысячъ лѣтъ тому назадъ температура пространства должна быть повышена такъ, чтобы она на 44° превосходила нынѣшнюю температуру земной поверхности, и за этимъ предѣломъ возвышенія земной температуры уже невозможна органическая жизнь на землѣ. Но едва ли геологи и палеонтологи согласятся включить въ тѣсные предѣлы 20 тысячъ лѣтъ всю исторію органической жизни на нашей планетѣ, начиная отъ крайней возможности ея появленія до настоящихъ дней, когда существованіе человѣческаго рода, выступившаго на сцену въ концѣ длиннаго ряда послѣдовательно образовывавшихся существъ, лишь въ предѣлахъ историческихъ свѣдѣній, продолжается около шести тысячъ лѣтъ. Итакъ, и эту гипотезу нельзя признать способною дать достаточное объясненіе постепеннаго измѣненія земныхъ климатовъ, и мы должны направиться далѣе въ нашихъ поискахъ.

Очень хорошо извѣстно, какое значеніе имѣетъ наклоненіе земной оси, или земнаго экватора, къ плоскости земнаго пути, т. е., къ эклиптикѣ, на распредѣленіе временъ года и климатовъ по земной поверхности. Въ началѣ статьи мы упомянули мимоходомъ о томъ, какое измѣненіе во всемъ этомъ произошло бы отъ перемѣны наклонности. Итакъ, нельзя ли указать теоретической возможности того, чтобы ось земли могла быть въ давнопрошедшія времена иначе наклонена къ эклиптикѣ. И механика, и простые опыты надъ вращающимися тѣлами, на пр., надъ волчкомъ, показываютъ намъ, какъ ось приведеннаго во вращеніе твердаго тѣла упорствуетъ сохранить свое направленіе въ пространствѣ. Переносясь отъ этихъ опытовъ къ землѣ, легко вывести, что если солнце и луна и стремятся измѣнить направленіе земной оси, то такое постороннее дѣйствіе проявится тѣмъ, что ось, не измѣняя своего наклоненія къ эклиптикѣ, мысленно продолженнымъ концемъ своимъ будетъ очерчивать на небѣ кругъ, вслѣдствіе чего и экваторъ, не измѣняя своего угла съ эклиптикой, будетъ только пересѣкать ее постепенно въ различныхъ точкахъ. Извѣстно, что такія точки пересѣченія экватора съ эклиптикой называются *равноденственными точками*; извѣстно также и то, отъ чего происходитъ такое названіе.—Стремленіе притягательной силы солнца и луны измѣнить наклонность земной оси,—стремленіе, являющееся отъ того, что земля не есть правильная сфера, но нѣсколько раздута подъ экваторомъ,—выражается только, по сказанному, перемѣщеніемъ равноденственныхъ точекъ на эклиптикѣ отъ востока къ западу, т. е., въ сторону противуположную

Digitized by Google

годичному движенію земли, на небольшую дугу, именно на 50 секундъ съ небольшимъ. Такъ какъ эти точки перемѣщаются на встрѣчу землѣ, то понятно, что равноденствія должны совершаться каждый годъ нѣсколько раньше, чѣмъ они совершались бы при неподвижности точекъ равноденствія. Вотъ отчего самое это перемѣщеніе называется *предвареніемъ равноденствій*, *прецесіею*. Правда, дѣйствіе луны, мѣняющей быстро положеніе своего пути относительно земнаго, стремится еще измѣнить положеніе земной оси по направленіямъ, различающимся между собою въ теченіе 18 лѣтъ, но снова слѣдующимъ въ томъ же порядкѣ чрезъ каждый такой весемнадцатилѣтній періодъ. Это дѣйствіе луны на земную ось, почти всею своей величиной происходящее отъ перемѣны въ положеніи лунной орбиты, относительно явленія прецесія можетъ быть грубо сравнено съ легкими толчками, которые получаетъ ось нашей планеты и отъ которыхъ она, на подобіе не качающагося взадъ и впередъ, но обращающагося около отвѣсной линіи маятника, совершаетъ свои колебанія въ 18 лѣтъ каждое, при чемъ наклонность ея въ теченіе этого періода измѣняется, то увеличиваясь, то опять уменьшаясь и т. д., всего лишь на долю минуты. Такое небольшое періодическое измѣненіе наклоненія экватора къ эклиптикѣ, называемое колебаніемъ земной оси, *нутаціей*, не можетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на климатическія условія.

Какъ предвареніе равноденствій, такъ и колебаніе оси должны были начаться тотчасъ же, какъ только вращающееся тѣло земли отвердѣло; мало того, они явились бы непремѣнно и въ томъ случаѣ, когда бы жидкое ядро земли покрылось только лишь твердою корою. Въ прецесію и нутацію разрѣшаются напрасныя, если такъ можно выразиться, усилія солнца и луны измѣнить наклонность экватора къ эклиптикѣ.

Итакъ, въ солнечной системѣ нѣтъ условій для того, чтобъ ось нашей планеты можно было считать имѣвшею въ отдаленные періоды другое направленіе къ эклиптикѣ,—развѣ допустить какой-нибудь внѣшній толчокъ. Какая нибудь комета могла бы, пожалуй, совершить единовременный толчокъ, но въ такомъ случаѣ дѣйствіе его произвело бы явленія не длившіяся въ непрерывной прогресіи цѣлые громадные періоды времени, а рѣзкія и внезапныя, которымъ прилично дать названіе катастрофы. Дѣйствія же внѣшняго относительно солнечной системы и удовлетворяющаго послѣдовательности палеонтологическихъ фактовъ—мы указать не въ состояніи.

Digitized by Google

Остановимся еще на одномъ явленіи, имѣющемъ нѣкоторое вліяніе на количество теплоты, получаемое отъ солнца то тѣмъ, то другимъ полушаріемъ земли, и которому въ недавнее время думали приписать значеніе, какъ кажется, больше того, какое оно въ самомъ дѣлѣ имѣетъ. Для полной оцѣнки этого явленія нужно войти въ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ подробностей годичнаго движенія земли. Извѣстно, что земля движется около солнца не по кругу, но по эллипсису, и такимъ образомъ разстоянія ея отъ солнца нѣсколько мѣняются, а съ этимъ вмѣстѣ мѣняется и скорость перемѣщенія земли: на ближайшихъ къ солнцу разстояніяхъ скорость эта больше, на отдаленнѣйшихъ — она меньше. Если чрезъ солнце, чрезъ точки земной орбиты, ближайшую къ нему (перигелій) и отдаленнѣйшую отъ него (афелій), проведемъ линію, то линія эта, которую, во избѣжаніе многословія, назовемъ линіей *апсидъ*, раздѣлитъ земной путь на двѣ совершенно симетричныя части, которыя земля проходитъ въ совершенно равныя времена, перемѣщаясь отъ перигелія къ афелію съ небольшимъ въ 182 съ половиной сутокъ, и ровно во столько же времени переходя отъ афелія къ перигелію. Если же проведемъ на плоскости земной орбиты чрезъ солнце линію перпендикулярную къ линіи апсидъ, то она раздѣлитъ путь на двѣ неравныя части, изъ которыхъ та, въ которой лежитъ перигелій, пробѣгается землею съ небольшимъ въ 179 сутокъ, а часть, содержащая въ себѣ афелій, описывается въ 186 сутокъ съ небольшимъ.

Небесная механика учитъ, что линія апсидъ, а стало быть и только-что проведенная перпендикулярная къ ней линія, не остается неподвижною, но поворачивается на эклиптикѣ, подобно стрѣлкѣ на циферблатѣ часовъ, непрерывно въ одномъ и томъ же направленіи, именно въ томъ, по которому совершается годичное движеніе земли. Въ годъ она поворачивается такимъ образомъ на уголъ въ 11 секундъ съ дробью.

Далѣе, изъ сказаннаго выше о прецесіи само собой понятно, что линія, идущая чрезъ солнце и чрезъ равноденственныя точки, линія равноденствій, перемѣщается на эклиптикѣ ежегодно на уголъ въ 50 секундъ съ дробью, и именно въ сторону обратную движенію земли, а стало быть въ направленіи противуположномъ перемѣщенію линіи апсидъ. Итакъ, если въ данный моментъ времени линія апсидъ и линія равноденствій совпадали, то годъ спустя онѣ будутъ составлять одна съ другой уголъ въ 62 секунды, т. е., почти въ одну минуту; черезъ два года этотъ уголъ будетъ

Digitized by Google

уже болѣе двухъ минутъ, и т. д. Легко вычислить простою пропорціей, что черезъ 21 тысячу лѣтъ круглымъ числомъ указанныя линіи придутъ къ тому же совпаденію, съ котораго мы начали. Усвоивши себѣ этотъ простой фактъ, посмотримъ, какія слѣдствія вытекаютъ изъ него. Допустимъ, для простоты соображеній, что линія апсидъ направлена въ извѣстное время по линіи равноденствій, такъ что, когда земля вступаетъ въ свой перигелій, то въ то же время на нашемъ полушаріи начинается весна, а на южномъ — осень. Черезъ 182,6 сутокъ земля вступитъ въ свой афелій и въ то же время, по причинѣ сказаннаго совпаденія линій апсидъ и равноденствій, она встрѣтитъ другую равноденственную точку. Тутъ для нашего полушарія начнется осень, а для южнаго весна. Еще черезъ такое же ровно число сутокъ земля снова вступитъ въ перигелій, и у насъ вновь начнется весна. Нечего почти говорить, что въ промежуткѣ между началомъ весны и началомъ осени у насъ было лѣто, а между началомъ осени и началомъ новой весны была зима. Такъ какъ обѣ половины земнаго пути по обѣ стороны линіи апсидъ описываются въ разныя времена, то изъ этого слѣдуетъ, что продолжительность весны и лѣта, взятыхъ вмѣстѣ, и у насъ, и на южномъ полушаріи, равна продолжительности вмѣстѣ взятыхъ осени и зимы.

Выражаясь иначе, при допущенномъ расположеніи линій равноденствій и апсидъ, количество теплыхъ дней года равно количеству дней года холодныхъ. Не то будетъ, когда съ линіей равноденствій совпадетъ линія перпендикулярная къ линіи апсидъ, т. е., линія равноденствій и линія апсидъ станутъ другъ къ другу подъ прямымъ угломъ, что случится ровно черезъ четверть 21 тысячи лѣтъ, т. е. чрезъ 5250 лѣтъ послѣ только-что разсмотрѣннаго расположенія. Въ самомъ дѣлѣ, когда земля вступитъ на равноденственную линію, на нашемъ полушаріи настанетъ весна, на южномъ осень; при вступленіи земли на ту же линію съ другой стороны отъ солнца, у насъ настанетъ осень, а на южномъ полушаріи весна. Но отъ перваго вступленія до втораго тутъ пройдетъ уже не 182,6 сутокъ, но 186,1 сутокъ, потому что земля двигалась въ промежуткѣ по той части своего пути, въ которой лежитъ афелій. Подвигаясь затѣмъ далѣе, уже по той части орбиты, гдѣ находится перигелій, т. е., гдѣ движеніе быстрѣе, земля снова встрѣтитъ сѣвернымъ своимъ полушаріемъ весну, а южнымъ осень уже только чрезъ 179,1 сутокъ. Изъ этого видно, что при такомъ расположеніи упомянутыхъ линій, которое

Digitized by Google

замѣтимъ кстати, имѣетъ мѣсто приблизительно въ настоящее время, продолжительность для нашего полушарія весны и лѣта будетъ болѣе продолжительности осени и зимы; для южнаго полушарія будетъ какъ разъ на оборотъ. Итакъ, сумма теплыхъ дней года въ нашемъ полушаріи теперь почти на *семь* сутокъ болѣе суммы дней года холодныхъ; въ южномъ же полушаріи сумма дней холодныхъ такимъ же точно числомъ превышаетъ сумму дней теплыхъ. Черезъ новые 5250 лѣтъ линія апсидъ снова совпадетъ съ линіей равноденствій, и количества теплыхъ и холодныхъ дней года сравняются между собою для обоихъ полушарій земли. Еще черезъ 5250 лѣтъ преобладаніе теплаго времени надъ холоднымъ будетъ принадлежать уже полушарію южному. Наконецъ, еще черезъ 5250 лѣтъ опять настанетъ вновь то равновѣсіе, съ котораго мы начали.

Итакъ, въ продолженіе десяти съ половиною тысячъ лѣтъ теплота преобладаетъ на одномъ полушаріи, а другія десять съ половиною тысячъ лѣтъ этотъ перевѣсъ переходитъ къ другому полушарію. Преобладаніе начинается съ момента равенства, возрастаетъ затѣмъ весьма нечувствительно и только къ срединѣ промежутка въ $10^1/_2$ тысячъ лѣтъ достигаетъ своей наибольшей величины, именно семи сутокъ, потомъ начинаетъ убывать до новаго равенства между теплой и холодною половинами года. Мы сказали выше, что въ настоящее время на нашемъ полушаріи приблизительно имѣетъ мѣсто наибольшій перевѣсъ тепла надъ холодомъ; строго говоря, это случилось въ 1250 г. отъ Р. Х. Теперь уже теплая и холодная половины года медленно подвигаются къ равенству, которое случится въ 6500 году, т. е., черезъ 4629 лѣтъ отъ настоящаго года. Съ этого момента начнется мало по малу преобладаніе осени и зимы надъ весною и лѣтомъ, которое и будетъ продолжаться до 11750 года нашей эры, послѣ чего подобное же колебаніе въ обратномъ направленіи приведетъ, шагъ за шагомъ, времена года къ ихъ теперешнему взаимному отношенію и т. д.

Незначительное, въ теченіе одного года непримѣтное и заслоненное второстепенными обстоятельствами преобладаніе тепла надъ холодомъ, и на оборотъ, не можетъ, по видимому, произвести какихъ нибудь замѣтныхъ явленій. Но если припомнимъ, что такое преобладаніе продолжается на одномъ и томъ же полушаріи цѣлыя тысячи лѣтъ и что въ природѣ часто незначительныя дѣйствія, повторяющіяся въ долгіе періоды времени, могутъ

Digitized by Google

произвести очень чувствительные результаты, то должны будемъ допустить и въ настоящемъ случаѣ возможность участія описаннаго колебанія временъ года въ совокупности физическихъ явленій, совершающихся на земной поверхности. Французскій ученый Адемаръ полагаетъ, что, въ періодъ преобладанія холода на какомъ либо полушаріи, около полюса его можетъ скопиться гораздо большее количество льдовъ, чѣмъ у полюса противуположнаго. Количество это, по его мнѣнію, такъ значительно, что оно въ состояніи перемѣстить нѣсколько центръ тяжести земли, вслѣдствіе чего вода, покрывающая землю, по удобоподвижности своей, прильетъ большею массой къ тому полюсу, у котораго преобладаетъ скопленіе льдовъ. Съ переходомъ перевѣса холода къ другому полюсу, и льды, а за ними и масса водъ—будутъ скопляться у этого послѣдняго и отливать отъ перваго полюса. Такое періодическое перемѣщеніе водъ съ одного полушарія на другое будетъ сопровождаться періодическими потопами и сопряженнымъ съ ними появленіемъ материковъ въ однихъ мѣстахъ и погруженіемъ ихъ подъ поверхность океана въ другихъ.

Если эта теорія вѣрна или, лучше сказать, если указываемыя ею дѣйствія въ самомъ дѣлѣ достигаютъ въ природѣ такой значительной величины, то легко понять ея значеніе въ геологическомъ отношеніи; но для насъ собственно важно то, что она оказывается несостоятельною въ виду занимающаго насъ вопроса. Относительно прогресивнаго возрастанія теплоты, съ удаленіемъ отъ настоящаго времени назадъ, тутъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Наибольшее преобладаніе тепла надъ холодомъ въ нашемъ полушаріи имѣло мѣсто въ недавнія столѣтія, начиная съ XIII-го; отыскивая по извѣстному намъ періоду повтореній одного за другимъ подобныхъ состояній въ прошедшемъ, мы не можемъ, стало быть, ожидать температуръ, превышающихъ тѣ, какія пережиты сравнительно недавнею нашей исторіей, которая не знаетъ ничего ни объ экваторіальномъ климатѣ въ Европѣ вообще, ни о тропическихъ растеніяхъ на берегахъ Балтійскаго моря. Могутъ сказать, пожалуй, что цѣлыя массы остатковъ растеній и животныхъ переносятся изъ однѣхъ широтъ подъ другія, при огромномъ періодическомъ перемѣщеніи водъ отъ одного полюса къ другому. Но для этого нужно сдѣлать слишкомъ натянутое допущеніе, что скопившіеся въ теченіе долгаго періода льды на одномъ полушаріи съ окончаніемъ этого ледянаго періода таютъ быстро, какъ-бы внезапно. Только при такомъ таяніи было бы

Digitized by Google

возможно стремительное движеніе волнъ океана, переносящихъ съ мѣста на мѣсто цѣлыя поколѣнія потопленныхъ ими животныхъ и растеній. Напротивъ того, если даже и существуетъ значительное перемѣщеніе водъ, условливаемое перемѣщеніемъ линіи апсидъ и линіи равноденствій, то оно должно совершаться, какъ можно заключать по ходу производящаго его явленія, можно сказать, безконечно медленно какъ въ одну, такъ и въ другую сторону. Итакъ, поиски наши не могутъ остановиться и на разсмотрѣніи тъ только-что явленіи.

Въ началѣ статьи мы сказали, что главные факторы климата суть: наклоненіе земной оси, атмосфера и солнечная теплота. Посмотримъ же, не найдется ли въ атмосферѣ такихъ условій, возможное измѣненіе которыхъ съ теченіемъ времени служило бы объясненіемъ прогресивной перемѣны климатовъ.

Изъ сравненія метеорологическихъ наблюденій, произведенныхъ у подошвы горъ и на ихъ высотахъ, ясно открывается, что чѣмъ рѣже, легче и прозрачнѣе разстилающійся надъ нами слой атмосферы, тѣмъ менѣе способствуетъ онъ задержанію теплоты надъ земною поверхностью. Итакъ, еслибы возможно было допустить, что въ отдаленные періоды исторіи земли вся воздушная оболочка ея была обширнѣе, плотнѣе и носила въ себѣ болѣе тумановъ и облаковъ, то съ этимъ вмѣстѣ слѣдовало бы принять, что въ то время дольше оставалась надъ земною поверхностью падшая на нее солнечная теплота, и поверхность эта орошалась бы обильнѣе водою, т. е., климатъ былъ теплѣе и влажнѣе. Что вообще атмосфера съ теченіемъ времени уменьшилась количественно, это едва ли можетъ быть отвергаемо. Часть составлявшихъ ее газовъ вошла въ химическія соединенія, изъ которыхъ состоятъ различныя тѣла земной поверхности. Коль скоро уменьшился объемъ атмосферы, то съ этимъ вмѣстѣ необходимо должно было уменьшиться и количество заключающейся въ ней, въ видѣ паровъ, влаги. Пары эти осѣли и увеличили собою массу водъ, покрывающихъ землю въ видѣ морей. Выше было уже замѣчено, что растенія и животныя первобытныхъ временъ, кажется, носятъ на себѣ слѣды приспособленія къ болѣе влажной и болѣе сумрачной атмосферѣ. Съ другой стороны, несомнѣнно, что поверхность земли древнѣйшихъ эпохъ была обильнѣе водою, орошавшею ее въ видѣ рѣкъ, ручьевъ и озеръ. Это въ свою очередь указываетъ на большее количество падающей изъ атмосферы воды, а слѣдовательно и на большее содержаніе въ

Digitized by Google

ней паровъ, тумановъ и облаковъ. Никакъ не слѣдуетъ впрочемъ терять изъ виду, что такое состояніе атмосферы, способствующее большей теплотѣ земли, въ свою очередь, поддерживается теплотою. Стойкая и равномѣрная температура земной поверхности, особенно въ странахъ полярныхъ, такимъ образомъ не можетъ быть объяснена однимъ лишь инымъ строеніемъ атмосферы. Съ переходомъ отъ первичныхъ къ слѣдующимъ періодамъ мы видѣли растенія, на примѣръ, пальмы, которыя любятъ въ одно и то же время и теплоту и яркій свѣтъ. Растенія третичной эпохи, прозябавшія свободно въ Европѣ, такъ мало разнятся отъ тропическихъ растеній нашихъ дней, что они требовали почти нынѣшняго состоянія неба. Итакъ, мы видимъ, что при болѣе значительной температурѣ воздухъ въ то время дошелъ до такой же, или почти до такой степени прозрачности, какую онъ имѣетъ въ наши дни.

Такимъ образомъ въ одной атмосферѣ мы не находимъ всѣхъ условій образованія древнихъ климатовъ, которые совмѣщали въ себѣ, даже для очень сѣверныхъ странъ, теплоту, достаточную прозрачность воздуха и отсутствіе крайнихъ температуръ, т. е., большаго колебанія ихъ отъ лѣта къ зимѣ. Само собою ясно, что выполненіе этихъ условій зависитъ уже не только отъ одной атмосферы, но въ такой же, если не въ большей, мѣрѣ и отъ самаго источника теплоты.

Поэтому намъ остается еще посмотрѣть, не произошло ли какихъ либо замѣтныхъ перемѣнъ въ единственномъ фокусѣ свѣта и тепла для земли—въ солнцѣ.

Разсматривая во второй книжкѣ «Бесѣды» гипотезу Канта-Лапласа о происхожденіи солнечной системы, мы видѣли, что газообразный солнечный шаръ, вращающійся на своей оси и постепенно уменьшающійся въ объемѣ отъ охлажденія, отдѣлялъ отъ себя одну за другою массы, изъ которыхъ образовывались планеты и ихъ спутники. Такимъ образомъ солнце въ различныя времена имѣло весьма различную величину; въ эпоху отдѣленія отъ него массы планеты меркурія оно простиралось до орбиты этой планеты, такъ что радіусъ его около этого времени былъ равенъ четыремъ десятымъ долямъ разстоянія отъ земли до солнечнаго центра. Видимое съ земли, оно должно было, слѣдовательно, представляться громаднымъ шаромъ, діаметръ него-

Digitized by Google

раго занималъ на небѣ дугу болѣе чѣмъ въ сорокъ градусовъ, межъ тѣмъ какъ въ настоящее время діаметръ этотъ представляется намъ подъ угломъ немного бо́льшимъ полуградуса. Ясно само собою, что лучи такой огромной поверхности освѣщали и согрѣвали землю иначе, чѣмъ лучи нынѣшняго, сравнительно маленькаго, солнечнаго диска. Этою мыслію воспользовался въ недавнее время французскій ученый Бланде, для того, чтобы построить на основаніи ея объясненіе особенности первобытныхъ климатовъ земли. Соображенія Бланде, вызвавшія сочувствіе Аршіака и другихъ геологовъ, состоятъ въ слѣдующемъ. Солнце съ діаметромъ въ 40 градусовъ производило бы такія продолжительныя и такія свѣтлыя сумерки, что ночь уничтожалась бы почти совершенно. Находясь своимъ центромъ на экваторѣ въ моментъ равноденствія, это гигантское солнце своими краями должно было бросать отвѣсные лучи даже на точки земли, отстоящія отъ экватора на 20 градусовъ, при чемъ, слѣдовательно, мѣста, лежащія еще на двадцать градусовъ сѣвернѣе, получали эти лучи въ такомъ направленіи, въ какомъ они достаются теперь на долю пояса, лежащаго подъ тропиками. Такимъ образомъ въ Европѣ—Испанія, Италія и Греція во время равноденствія согрѣвались лучами, падающими на нихъ такъ, какъ они падаютъ теперь весною на южную Аравію и Сахару. Во время лѣтняго солнцестоянія, когда центръ солнца отодвигается къ сѣверу отъ экватора болѣе чѣмъ на двадцать градусовъ, тропическими лучами солнца пользовались страны, лежащія подъ 60° широты, такъ что черезъ Европу тянулся жаркій поясъ, и соотвѣтственно этому былъ иной и климатъ полярныхъ странъ. Даже и при солнцѣ, сократившемся вдвое, т. е., имѣвшемъ въ діаметрѣ только 20°, происходили бы явленія еще довольно близкія къ описаннымъ, и сумерки, особенно при болѣе плотной и болѣе пространной атмосферѣ, также еще почти уничтожали бы ночь. Подобное солнце должно свѣтить болѣе спокойнымъ свѣтомъ и изливать теплоту не столь напряженную, но зато болѣе ровную, именно потому, что источникъ ея менѣе концентрированъ, испускающее лучи вещество болѣе рѣдко. Солнечная поверхность въ древнѣйшіе періоды удерживала еще нѣкоторыя свойства первоначальной туманности и вслѣдствіе этого все освѣщеніе первобытнаго міра имѣло характеръ во многомъ отличный отъ нынѣшняго. По мнѣнію Бланде, допущеніе солнца большихъ размѣровъ въ юрскомъ, мѣловомъ и отчасти

Digitized by Google

въ слѣдующихъ періодахъ вполнѣ способно объяснить свойства и распредѣленіе древнихъ климатовъ. При такомъ солнцѣ ночи будутъ прозрачны, дни освѣщены нѣсколько матовымъ свѣтомъ; полярныя страны получатъ высокую температуру; жаркій поясъ, сначала очень расширенный, потомъ мало по малу будетъ сжиматься вмѣстѣ съ уменьшеніемъ солнечнаго діаметра и, наконецъ, дойдетъ до нынѣшнихъ своихъ размѣровъ.

Нѣсколько второстепенныхъ возраженій противъ этой гипотезы представляются тотчасъ сами собой. Такъ, на примѣръ, остается неяснымъ, какимъ образомъ примирить огромное преобладаніе на землѣ дня надъ ночью, хотя и при менѣе живомъ свѣтѣ, съ тѣмъ обстоятельствомъ, что первобытныя животныя и растенія были какъ будто особенно расположены къ темнотѣ и тѣни. Если свѣтъ былъ очень матовый, очень слабый, тогда въ сѣверныхъ странахъ, которыя пользовались тропическими лучами только отъ сѣвернаго же края солнца, а отъ средины его и отъ дальнѣйшихъ частей лучи шли очень наклонно, не легко представить себѣ происхожденіе высокой температуры.

Но оставляя въ сторонѣ это и подобныя ему незначительныя собственно возраженія, можно сдѣлать общій вопросъ: не приписывается ли солнцу гипотезою Бланде слишкомъ поздняго образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и слишкомъ быстраго достиженія солнечнымъ тѣломъ и нынѣшнихъ размѣровъ, и нынѣшняго состоянія.

Конечно, въ подобнаго рода вопросахъ рѣшенія не могутъ выражаться сколько нибудь точными и опредѣленными числами; но мнѣніе наше какъ-то невольно, по какому-то, можно сказать, какъ-бы смутному чутью склоняется въ ту или другую сторону при простомъ сопоставленіи всѣхъ явленій, сопровождающихъ разсматриваемое нами и имѣющихъ съ нимъ соотношеніе. Имѣя въ представленіи различныя ступени, пройденныя солнечнымъ шаромъ на пути его уменьшенія въ объемѣ, по мѣрѣ отдѣленія отъ него земли, венеры и меркурія, взглянемъ на нѣкоторыя обстоятельства, обнаруживаемыя этими планетами, образовавшимися не одновременно, но въ различныя, безъ всякаго сомнѣнія, очень отдаленныя одна отъ другой эпохи. Замѣтимъ кстати, что существеннѣйшую роль въ гипотезѣ Бланде играетъ огромность солнечнаго діаметра. Въ ней требуется, чтобы солнце однимъ разомъ охватывало, такъ сказать, своими лучами возможно большую часть земной поверхности. Съ этой точки

Digitized by Google

зрѣнія діаметръ въ два, въ пять, даже въ десять разъ большій нынѣшняго не могъ бы самъ по себѣ служить для объясненія разсмотрѣнныхъ нами климатическихъ измѣненій. Вотъ почему Бланде и начинаетъ прямо съ діаметра, равнаго поперечнику орбиты меркурія. Остановимся и мы на этой величинѣ. Сказано уже было, что за вѣроятную продолжительность времени, протекшаго отъ отвердѣнія земли до нашихъ дней, можно принять сто милліоновъ лѣтъ. Само собой разумѣется, что отъ момента отвердѣнія до появленія первыхъ организмовъ должно было пройти огромное время, и геологи, исходя изъ разныхъ точекъ зрѣнія, въ приблизительныхъ оцѣнкахъ указываютъ для продолжительности существованія органическихъ существъ на землѣ числа, колеблющіяся между однимъ и девятью милліонами лѣтъ. Возьмемъ круглымъ числомъ даже десять милліоновъ. При этомъ выходитъ, что діаметръ солнца въ 40°, съ которымъ оно освѣщало первыя явленія жизни на землѣ, имѣлъ мѣсто назадъ тому десять милліоновъ лѣтъ; другими словами, приблизительно столько лѣтъ назадъ отъ солнца отдѣлилась масса планеты меркурія. Мы можемъ принять, что размѣры орбитъ земли, венеры и меркурія уменьшаются приблизительно на одну и ту же величину при переходѣ отъ одной планеты къ другой. Допуская затѣмъ, что солнечный діаметръ уменьшался пропорціонально времени, придемъ къ заключенію, что венера отдѣлилась отъ солнца вдвое раньше меркурія, т. е., назадъ тому двадцать милліоновъ лѣтъ; землѣ же слѣдовало отдѣлиться втрое раньше меркурія, т. е., назадъ тому тридцать милліоновъ лѣтъ; межъ тѣмъ было замѣчено уже, что она, назадъ тому сто милліоновъ лѣтъ, уже отвердѣла. Собственно говоря, огромный діаметръ солнца требуется даже гораздо позднѣе перваго появленія органической жизни, такъ какъ уже богатыя формы ея на сѣверѣ нуждались въ температурѣ выше нынѣшней. Отнесемъ не только начало растительности, но даже эпоху этихъ развитыхъ формъ ея за 30 милліоновъ лѣтъ отъ настоящаго времени, и тогда, по предыдущему, нужно будетъ заключить, что земля отдѣлилась отъ солнца около 90 милліоновъ лѣтъ тому назадъ, а это число опять слишкомъ мало.

Далѣе, меркурій, венера и земля вращаются нынѣ около своихъ осей почти съ одинаковою, большою скоростью; межъ тѣмъ вначалѣ, во время ихъ отдѣленія отъ солнечнаго шара, скорость вращенія была, по всей вѣроятности, равна скорости обращенія

Digitized by Google

этимъ планетъ около солнца, такъ что, на примѣръ, земные сутки равнялись тогда 365 нынѣшнимъ суткамъ. Это огромное увеличеніе скорости вращенія предполагаетъ соотвѣтственное уменьшеніе діаметра, совершившееся, конечно, въ безмѣрно громадное время, предшествовавшее притомъ эпохѣ остыванія, отвердѣнія. Теперешнее состояніе земли таково, что она можетъ уменьшиться въ объемѣ лишь нечувствительно, а во время отдѣленія она простиралась, какъ нужно полагать, до орбиты луны, которая такимъ образомъ и могла выдѣлиться изъ нея. Венера такъ сходна съ землей по величинѣ, массѣ, плотности и времени обращенія около оси, что, по всей вѣроятности, и она успѣла уже вступить въ тотъ періодъ своего развитія, который на сотни милліоновъ лѣтъ отдаленъ отъ ея состоянія въ моментъ отдѣленія отъ солнца. На основаніи нынѣшней скорости вращенія меркурія можно подобнымъ же образомъ заключать, что настоящее его состояніе есть уже далеко подвинувшееся впередъ, считая отъ времени отдѣленія. Самое солнце, по остроумнымъ соображеніямъ Целльнера, подтверждаемымъ всею совокупностью фактовъ, вытекающихъ изъ разсмотрѣнія не только солнечной, но и звѣздныхъ системъ,—уже находится въ такомъ періодѣ, когда его жидкая поверхность начинаетъ покрываться шлаками, пленками отвердѣвающаго вещества. Это показываетъ, что оно не только цѣлою своей массой перешло изъ газообразнаго состоянія въ жидкое, но и температура этой жидкости уже понизилась, такъ сказать, отъ точки кипѣнія до точки замерзанія. Какое же время нужно было для этого? Изъ опытовъ Бишофа надъ расплавленными каменными породами, именно надъ базальтомъ, можно вывести, что пониженіе температуры на 2000 градусовъ для шара, равнаго объемомъ землѣ, требуетъ болѣе 300 милліоновъ лѣтъ. Выходя изъ давности принятія солнцемъ приблизительно нынѣшней величины его и, затѣмъ, отступая мысленно назадъ къ тому времени, когда вся его жидкая масса была близка къ газообразному состоянію, при которомъ только и возможно огромное измѣненіе объема, и увеличивая объемъ этотъ до громадныхъ размѣровъ, требуемыхъ гипотезою Бланде, мы, какъ кажется, выступимъ изъ тѣсныхъ сравнительно предѣловъ времени существованія органической жизни на землѣ и удалимся къ тому состоянію нашей планеты, когда она сама носилась еще въ пространствѣ туманнымъ шаромъ.

Если допустимъ діаметръ солнца, согрѣвавшаго пальмы въ

Digitized by Google

сѣверной Европѣ, значительно, на примѣръ, вдвое меньшимъ поперечника орбиты меркурія, то этимъ немного облегчимъ дѣло. Все будетъ чувствоваться, что гипотеза Бланде стремится вмѣстить въ слишкомъ тѣсную рамку времени колосальныя событія въ солнечной системѣ и такимъ образомъ даетъ этимъ событіямъ неестественно быстрое развитіе. Масштабъ подобнаго развитія, не выразимый числами, но слагающійся въ представленіи изъ разсмотрѣнія всей совокупности явленій въ нашей системѣ, знаменитый Гельмгольцъ набрасываетъ, такъ сказать, въ слѣдующихъ словахъ:

«Продолжительность исторіи человѣчества, говоритъ онъ, мы оцѣниваемъ въ шесть тысячъ лѣтъ; но какъ ни громаденъ этотъ періодъ,—что значитъ онъ въ сравненіи съ тѣмъ временемъ, въ теченіе котораго земля производила уже, до появленія человѣка, длинный рядъ вымершихъ нынѣ, но нѣкогда роскошныхъ породъ растеній и животныхъ? Это время, въ свою очередь, составляетъ лишь малую часть того періода, въ теченіе котораго земля была лишь шаромъ расплавленныхъ горныхъ породъ. Что касается до времени, въ продолженіе котораго первобытный туманный шаръ сгущался въ тѣла солнечной системы, то передъ нимъ должны умолкнуть самыя смѣлыя наши догадки».

Оставляя дальнѣйшія соображенія относительно гипотезы Бланде, которыя собственно еще долго можно было бы вести впередъ въ томъ же направленіи, перейдемъ къ одному обстоятельству, которое выяснено въ недавнее время и относится къ тому же источнику теплоты, въ которомъ мы отыскиваемъ причину измѣненія климатическихъ условій на земной поверхности.

Томсонъ убѣдительно доказываетъ, что солнечная система въ теченіе многихъ сотенъ тысячъ лѣтъ или многихъ милліоновъ лѣтъ не могла не растрачивать, и притомъ въ значительной мѣрѣ, первоначальнаго запаса своей энергіи. Запасъ этотъ уходилъ на теплоту солнца и на плутоническія дѣйствія. Томсонъ считаетъ достовѣрнымъ, что весь запасъ энергіи въ солнечной системѣ въ прошедшія времена былъ больше, чѣмъ теперь. Понятно, что количество, въ которомъ расходовалась энергія вмѣстѣ съ исходящими изъ солнца лучами, могло быть приблизительно постоянно въ различныя времена или даже, въ извѣстные періоды прошедшаго, было нѣсколько меньше. Но гораздо болѣе вѣроятно, что вѣковая величина сказанной потери находилась, спустя нѣкоторое время отъ установленія нынѣшняго порядка вещей,

Digitized by Google

въ извѣстномъ прямомъ отношеніи ко всей величинѣ запаса, т. е., чѣмъ больше было запаса, тѣмъ болѣе и тратилось его. Изъ этого слѣдуетъ, что съ теченіемъ времени, отъ одной эпохи до другой, трата должна была совершаться медленнѣе и медленнѣе.

Переходя отъ всей системы къ солнцу, Томсонъ старается показать, что, по всей вѣроятности, даже милліонъ лѣтъ тому назадъ солнце было чувствительно жарче, чѣмъ теперь. Слѣдуетъ замѣтить, что невозвратная потеря энергіи совершалась путемъ разсѣянія, а не уничтоженія. Теплота солнца изливается и изливалась непрерывно въ пространство и при этомъ она, конечно, терялась для солнца, но не для мірозданія въ цѣломъ.

Какъ бы ни было, но исчерпываясь постоянно въ солнцѣ, теплота должна будетъ, наконецъ, изсякнуть въ немъ совершенно. Не лишнимъ будетъ привести здѣсь тѣ, выведенныя изъ наблюденій, цифры, которыми выражается количество теплоты, изливаемой солнцемъ въ пространство въ теченіе извѣстнаго времени. Если всю громадную поверхность солнца покрыть слоемъ каменнаго угля, толщиною въ 10 футовъ, то этотъ слой долженъ сгорѣть въ одинъ часъ, чтобы своимъ горѣніемъ отдѣлить столько тепла, сколько ежечасно отдѣляетъ его солнце. Количество тепла, отдѣляемаго солнцемъ въ теченіе года, можетъ быть произведено горѣніемъ подобнаго же слоя угля толщиною въ $3^1/_2$ географическія мили, т. е., почти въ 25 верстъ.

Если допустимъ, что въ отношеніяхъ своихъ къ теплотѣ солнечное вещество сходно съ водою, то при равномѣрной потерѣ такой массы тепла температура солнца должна понижаться ежегодно на одинъ градусъ съ третью.

Пониженіе солнечной температуры вознаграждается отчасти развитіемъ тепла отъ уменьшенія объема солнца и увеличенія его плотности, а можетъ быть также и неизвѣстными намъ на солнцѣ химическими процесами. Но во всякомъ случаѣ непреложные законы маханики учатъ насъ, что каковы бы ни были эти процесы, они не въ состояніи поддерживать въ никогда не изсякаемомъ количествѣ изливаемые солнцемъ свѣтъ и теплоту.

Освоившись съ мыслію о постепенномъ, въ теченіе милліона лѣтъ уже чувствительномъ ослабленіи солнечной теплоты, можно ли отвергать вліяніе этого ослабленія на измѣненіе климатовъ, когда всѣ превращенія, всѣ движенія на землѣ, кромѣ незначительныхъ по величинѣ и дѣйствію приливовъ и, по мнѣнію нѣ-

которыхъ, вулканическихъ изверженій, всѣ проявленія жизни на ней суть не что иное, какъ только различныя формы, въ которыя преобразовывается изливаемая на нашу планету солнечная теплота.

«Всѣ механическія дѣйствія на земной поверхности, говоритъ Тиндаль, всѣ проявленія дѣятельности органической и неорганической, жизненной или физической, имѣютъ начало въ солнцѣ. Его теплота поддерживаетъ океанъ въ жидкомъ состояніи, а атмосферу въ газообразномъ, и всѣ бури въ этихъ стихіяхъ воздвигаются механическою силой, приносимой къ намъ солнечною теплотой. Солнце поддерживаетъ на высяхъ горъ источники рѣкъ и скопленія льдовъ; отъ него заимствуютъ водопады и снѣжныя лавины ту разрушительную силу, съ которой они низвергаются внизъ. Солнце сходитъ къ намъ въ видѣ тепла и въ томъ же видѣ оставляетъ насъ; но въ промежуткѣ времени между приходомъ и отходомъ оно порождаетъ многообразную дѣятельность на земномъ шарѣ, и вся она есть только рядъ частныхъ формъ, въ которыя временно облекается теплота солнца на пути отъ своего источника къ безконечности».

Итакъ, повторимъ, всѣ явленія на земной поверхности, а въ томъ числѣ и климатическія, должны измѣняться съ измѣненіемъ солнечной теплоты. Намъ собственно остается только посмотрѣть, какимъ образомъ это измѣненіе, при участіи воды и атмосферы, въ общихъ чертахъ, можетъ быть соглашено съ приблизительно извѣстными намъ условіями древнихъ климатовъ.

Когда солнечная теплота изливалась обильнѣе, то и на долю земной поверхности вообще доставалось ея болѣе; это такъ ясно, что не нуждается въ дальнѣйшихъ распространеніяхъ. Вопросъ въ томъ, чтобъ это нѣсколько большее количество теплоты распредѣлялось довольно равномѣрно по земной поверхности и достигало бы значительныхъ широтъ ея. Уравнителями температуръ въ настоящее время служатъ атмосфера и океанъ, при помощи возбуждаемыхъ въ нихъ солнечною теплотой движеній.

Подъ экваторомъ, гдѣ солнечные лучи падаютъ то отвѣсно, то близко къ отвѣсному направленію, воздухъ нагрѣвается несравненно сильнѣе, чѣмъ въ странахъ полярныхъ. Нагрѣтыя массы воздуха, расширяясь отъ этого и становясь легче, подымаются вверхъ и разливаются въ высшихъ предѣлахъ атмосферы въ направленіяхъ отъ экватора къ полюсамъ; на мѣсто этихъ поднявшихся массъ вступаетъ по направленіямъ противуположнымъ,

Digitized by Google

т. е. отъ полюсовъ къ экватору, болѣе тяжелый и болѣе холодный воздухъ, съ которымъ совершается вскорѣ то же самое, что было съ замѣненнымъ имъ воздухомъ. Этотъ послѣдній, разлившись, какъ сказано, въ верхнихъ областяхъ атмосферы, охлаждается, становится тяжелѣе, опускается ниже и увлекается затѣмъ начавшимся разъ движеніемъ холоднаго воздуха отъ полюсовъ къ экватору. Такимъ образомъ устанавливается круговое теченіе воздушныхъ массъ, направленное на поверхности земли отъ полюсовъ къ экватору, а въ верхнихъ слояхъ атмосферы отъ экватора къ полюсамъ. Непрерывное вращеніе земли отъ запада къ востоку не дозволяетъ этимъ токамъ двигаться въ направленіяхъ земныхъ меридіановъ, но отклоняетъ ихъ въ сторону, такъ что нижнія теченія сходятся къ экватору подъ угломъ, обращеннымъ къ западу, а верхнія расходятся отъ экватора подъ подобнымъ же угломъ. Такое непрестанное движеніе, видоизмѣняемое различными второстепенными и мѣстными причинами, обнаруживается во всѣхъ дующихъ на земной поверхности вѣтрахъ. Главное для насъ теперь въ немъ то, что оно служитъ къ непрерывному атмосферическому общенію странъ экваторіальныхъ со странами, лежащими ближе къ полюсамъ.

Подобныя же движенія производитъ солнечная теплота и въ водахъ океана. Теплая вода переносится по поверхности океана отъ экватора къ полюсамъ, а холодная, на оборотъ, перемѣщается по дну океана отъ полюсовъ къ экватору. Такимъ способомъ образуются морскія теченія, изъ которыхъ важнѣйшее, какъ извѣстно, есть Гульфъ-Стримъ. Отъ восточныхъ береговъ южной Америки онъ направляется чрезъ Антильское море въ Мексиканскій заливъ и оттуда громадною теплою рѣкой, превосходящей по массѣ водъ всѣ рѣки міра въ совокупности, идетъ далѣе къ сѣверу по Атлантическому океану и теряется, наконецъ, въ полярномъ морѣ. Изъ другихъ морскихъ теченій замѣчательно главнѣйшее теченіе въ Тихомъ океанѣ, носящее названіе Куро-Сиво; оно вливаетъ чрезъ Беринговъ проливъ теплыя воды тропическихъ странъ въ сѣверное полярное море.

Итакъ, и эти теченія постоянно поддерживаютъ общеніе странъ теплыхъ съ холодными и несутъ полученную отъ солнца подъ экваторомъ теплоту къ тѣмъ частямъ земной поверхности, которыя непосредственно получаютъ ея менѣе. Примѣръ Британскихъ островъ показываетъ ясно, до какой степени морскія теченія служатъ уравнителями температуръ. Изумрудною зеленью своихъ

Digitized by Google

холмовъ и ровнымъ и умѣреннымъ климатомъ своимъ эти острова обязаны прямо Гульфъ-Стриму; безъ него они были бы подвержены суровымъ холодамъ и испытывали бы большія крайности температуръ лѣта и зимы. Подобными же уравнителями служатъ и теченія воздушныя. Обильныя испаренія водъ подъ экваторомъ при образованіи своемъ поглощаютъ солнечную теплоту и затѣмъ переносятся теченіемъ воздуха въ болѣе холодныя страны, гдѣ пары переходятъ въ болѣе плотное состояніе сцѣпленія. Такой переходъ неминуемо сопровождается отдѣленіемъ теплоты. Наконецъ, воздухъ самъ по себѣ, приносясь изъ теплѣйшихъ странъ, способствуетъ возвышенію температуры странъ, терпящихъ въ этомъ отношеніи недостатокъ. Итакъ, въ океанѣ и въ атмосферѣ лежатъ тѣ непрямые пути, которыми солнечная теплота, непосредственно изливающаяся въ обиліи подъ экваторомъ, доходитъ туда, гдѣ слишкомъ косвенно падающіе лучи солнца мало нагрѣваютъ землю.

Допустимъ теперь, что солнечная теплота, которая сама же и есть причина и морскихъ, и воздушныхъ теченій, стала дѣйствовать замѣтно сильнѣе вообще, а въ особенности, слѣдовательно, подъ экваторомъ. Тогда Гульфъ-Стримъ и Куро-Сиво понесутся къ сѣверу болѣе обильными и болѣе теплыми рѣками и станутъ теряться въ полярномъ морѣ гораздо ближе къ полюсу, чѣмъ теперь. Теплыя воздушныя теченія будутъ точно такъ же доноситься съ своею теплотой до гораздо высшихъ широтъ и приносить сюда такое количество влаги, которое, падая на землю, покроетъ безводныя нынѣ страны сѣтью ручьевъ и рѣкъ. Ледники, подобные новозеландскимъ, образуясь быстрѣе при большихъ осадкахъ изъ атмосферы, будутъ спускаться до самыхъ глубокихъ долинъ, покровительствуя въ нихъ, такъ сказать, привычнымъ къ массамъ льдовъ растеніямъ и животнымъ.

Если солнечная теплота чувствительно ослабѣла въ какой нибудь милліонъ лѣтъ, то, уносясь мыслію за нѣсколько милліоновъ лѣтъ назадъ отъ нашего времени, мы можемъ, безъ большаго труда, представить себѣ такую силу Гульфъ-Стрима и Куро-Сиво, которая была въ состояніи даже совершенно препятствовать образованію льдовъ въ полярномъ морѣ и, по примѣру нынѣшней Англіи, возвышала и умѣряла на столько температуру земли Банкса, острововъ Мельвилля, Патрика и береговъ Ситхи, Аляски, Канады и др., что эти страны могли покрыться огромными лѣсами, оживленными присутствіемъ животныхъ. На берегахъ

Google

названныхъ земель, какъ мы видѣли выше, и были найдены преимущественно обильные остатки первобытной флоры и фауны, и всѣ эти берега легко могли быть доступны усиленнымъ теплотою морскимъ теченіямъ даже почти при нынѣшнемъ очертаніи сѣверныхъ материковъ.

Однимъ словомъ, полярныя страны, при большей силѣ солнца, не только ничего не теряли, но, напротивъ, много выигрывали какъ въ высотѣ температуры, такъ и въ ея умѣреніи, въ ослабленіи крайнихъ температуръ лѣта и зимы.

Можно легко дойдти, подвигаясь по времени назадъ, до такого порядка вещей, при которомъ, отъ напряженности и нагрѣтости морскихъ и воздушныхъ теченій, атмосфера была непрерывно переполнена испареніями и облаками, и подъ такимъ небомъ, быть можетъ, и зародилась органическая жизнь. Затѣмъ сами собою слѣдуютъ промежуточныя эпохи, когда, при достаточной умѣренности сѣверныхъ климатовъ, наши страны не были лишены, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, и яркаго солнечнаго свѣта.

Скажутъ, что экваторъ подвергался ужь чрезмѣрно сильному дѣйствію лучей и климатъ его былъ, такъ сказать, сверхъ-тропическій. Но, во первыхъ, при большей живости воздушныхъ теченій, экваторіальный жаръ умѣрялся полярными вѣтрами, а во вторыхъ, и палеонтологическія изслѣдованія, упомянутыя въ началѣ статьи, указываютъ, кажется, на то, что жизнь началась вдали отъ экватора и мало по малу была оттѣсняема къ нему пониженіемъ температуръ сѣвера и нарушеніемъ ихъ равномѣрности.

Если это же самое будетъ продолжаться непрерывно далѣе, то подъ экваторомъ суждено и прекратиться органической жизни: ее погубятъ здѣсь и недостатокъ въ непосредственно получаемой солнечной теплотѣ, и холодное дыханіе сѣвернаго и южнаго полушарій, которыя черезъ милліоны лѣтъ должны будутъ совершенно остынуть.

Ѳ. Бредихинъ.

30 марта
1871 года.

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАМА

ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ДЕМОКРАТІИ.

Версальское правительство восторжествовало, и парижская комуна закончила свое существованіе дѣломъ, неслыханнымъ со временъ вандаловъ, истребившихъ бо́льшую часть памятниковъ древняго Рима. Кого не порадуетъ, съ перваго взгляда, побѣда правительства Тьера, какъ побѣда порядка и государственнаго спокойствія надъ хаосомъ революціонныхъ волненій! Но, за первыми движеніями чувства, слѣдуетъ холодное размышленіе. Мы, не причастные бурямъ, потрясающимъ западно-европейское человѣчество,—мы, для которыхъ, по существу самаго дѣла, немыслима та борьба, которая раздираетъ теперь Францію на части,—мы можемъ взглянуть безпристрастно на страшныя событія, совершившіяся въ Парижѣ. Историческіе памятники Франціи, завѣщанные потомству столькими поколѣніями, составляющими ея славу, разрушены руками самихъ французовъ, и разрушены съ неистовою злобою. Откуда такое озлобленіе именно на эти символы великихъ дней французской жизни? Отчаянна, упорна была защита парижанъ, и доходила до изступленія ихъ мстительная злоба на приверженцевъ Версаля, въ послѣдніе дни комуны! Не менѣе, если не болѣе, свирѣпо было и нападеніе на Парижъ и запятнало себя дикимъ канибальствомъ: версальцы казнили болѣе тысячи человѣкъ и разстрѣливали женщинъ; сторонники ихъ били палками по головамъ неспособнымъ плѣнниковъ и плѣнницъ; версальскія дамы прорывались сквозь ряды конвоирующихъ солдатъ, били арестованныхъ женщинъ въ голову острыми концами своихъ зонтиковъ и рвали у нихъ волосы; плѣнниковъ зарывали полуживыми въ землю, и стоны этихъ несчастныхъ слышались долго потомъ....

Во имя чего такъ отчаянно боролся Парижъ? Чего хотѣла комуна? Во имя чего шелъ на нее Тьеръ съ своимъ правительствомъ? Изъ кого состояло это послѣднее?

Digitized by Google

Правительственная централизація, сосредоточенная въ Парижѣ, задушила жизнь народа въ остальныхъ городахъ Франціи и въ сельскомъ ея населеніи,—и вотъ народная немезида, въ лицѣ рабочаго класа, разразилась надъ всѣмъ, чѣмъ гордился и превозносился Парижъ. Децентрализація стала лозунгомъ спасенія для французскаго народа, и во имя ея возсталъ парижскій рабочій класъ, а во главѣ его парижская комуна и парижскіе федералисты, при сочувствіи къ нимъ всѣхъ большихъ городовъ Франціи. Централизація и царство буржуазіи или легитимизма, неразлучнаго съ клерикализмомъ,—понятія тожественныя для француза. Централизаціи хочетъ правительство Твера; децентрализаціи требуетъ рабочій класъ.

Была минута, когда соглашеніе между Парижемъ и Версалемъ было возможно: стоило Тьеру согласиться на измѣненіе закона 14 апрѣля и допустить городамъ право избранія меровъ; но онъ, не смотря на всѣ представленія примирителей, посредниковъ между нимъ и представителями комуны, отказалъ въ этомъ, желая держать управленіе городами въ своихъ рукахъ. Онъ не согласился уступить то самое право, которое даровано Государемъ Императоромъ русскимъ городамъ, и этотъ отказъ отнялъ послѣднюю надежду у стоятелей за городскія вольности. Они поняли, чего хочетъ Тьеръ, и междоусобная война возгорѣлась съ ожесточеніемъ. Тьеръ съ версальскимъ правительствомъ, большинство членовъ котораго клерикалы, приверженцы бордоскаго принца, воспитанника іезуитовъ, а остальные—приверженцы буржуазіи, двинулся на Парижъ.

Вся прежняя исторія Франціи, переполненная темными воспоминаніями для низшихъ классовъ французскаго народа, надвигалась на него въ лицѣ версальцевъ, и было рабочему все равно: погибнуть ли въ битвѣ, или подчиниться прежнимъ порядкамъ.

Отсюда становятся понятными и отчаянное сопротивленіе комуны, и тѣ неистовства надъ памятниками ненавистнаго прошлаго, которыми простился пролетарій съ надеждою на лучшее будущее; становится понятнымъ, почему онъ сжегъ и государственныя дѣла и архивы: онъ хотѣлъ изломать ту государственную машину, которая, работая безустанно, сковывала его жизнь; онъ хотѣлъ оборвать всѣ нити и приводы, которыми вся Франція была крѣпко стянута къ одному центру. Можетъ быть, онъ и ошибался въ эту минуту; можетъ быть, и иное уже задумалъ глава версальскаго правительства; но развѣ этотъ глава не окруженъ легитимистами, іезуитами и буржуа, и развѣ не былъ Тьеръ до сихъ поръ рьянымъ поборникомъ буржуазіи?

Съ версальцами боролся рабочій; но какъ отнеслась къ этой борьбѣ остальная часть французскаго народа—сельское населеніе? Оно оставалось до сихъ поръ безучастнымъ къ ней, равнодушнымъ и къ побѣдителямъ и къ побѣжденнымъ. Французскій народъ раздѣлился, видимо, на три части: централизаторовъ, городское населеніе, требующее городской автономіи, и, затѣмъ, сельскій народъ.

Digitized by Google

Примкнетъ ли послѣднее къ централизаторамъ или къ городамъ, что̀ весьма невѣроятно, или раздѣлится между ними, или явится обособленною отъ прочихъ силою, требующею автономіи для себя,—отгадать трудно; во всякомъ случаѣ, тѣми отношеніями, въ какія будутъ становиться другъ къ другъ эти три елемента народной жизни во Франціи, обусловится будущая новая эпоха ея развитія.

Мы присутствуемъ теперь при тѣхъ конвульсивныхъ движеніяхъ, при тѣхъ мукахъ, которыя сопровождаютъ нарожденіе новой жизни для французскаго народа; на нашихъ глазахъ кончается прежняя Франція и начинается новая. Съ благоговѣйнымъ вниманіемъ должны мы отнестись къ возникновенію новыхъ судебъ для одного изъ великихъ народовъ Европы, для народа, одарившаго человѣчество богатыми дарами. Преступно относиться небрежно или глумиться надъ тѣми стихійными силами, которыя, въ лицѣ представителей борющихся во Франціи началъ, перерабатываютъ ея внутреннюю жизнь. Въ этой борьбѣ, съ точки зрѣнія исторіи, всѣ правы. Правы тѣ, которые, оставаясь на почвѣ историческихъ преданій, не понимая, съ точки зрѣнія своихъ партій, значенія тѣхъ новыхъ силъ, которыя требуютъ для себя простора, съ ужасомъ за милую имъ Францію смотрятъ, какъ рушится ея старое зданіе, и слышатъ подземные удары, могущіе сокрушить ея существованіе. Правы тѣ, которые стоятъ за обновленіе французской жизни путемъ децентрализаціи, ибо крайняя централизація погубила ее. Наконецъ, право и сельское населеніе, смотрящее недовѣрчиво и на тѣхъ и на другихъ: ни отъ кого изъ нихъ добра себѣ оно не видало.

Програма версальскаго правительства извѣстна, она начертана исторіей тѣхъ партій, которыя его составляютъ; програма же парижской комуны и парижскихъ федералистовъ почти невѣдома. Идеи, руководящія всѣми французскими революціями, програмы ихъ передовыхъ дѣятелей никогда не ограничиваются только отвѣтомъ на вопросы, поставляемые французскою жизнію, не имѣютъ цѣли удовлетворить только требованіямъ ея въ данную минуту, а поднимаются всегда до самыхъ общихъ положеній, ставятъ такіе широкіе идеалы, осуществить которые Франція не можетъ въ тотъ моментъ, когда они ее застигаютъ. Ради своей идельности, они всегда общечеловѣчны, но въ то же время абстрактны.

Децентрализація областная и общинная стала лозунгомъ всѣхъ демократовъ романскаго міра, и всѣ они составляютъ одно цѣлое, соединенное одними и тѣми же убѣжденіями. По этой самой причинѣ, дѣло парижской комуны есть общее для нихъ дѣло, и потому въ парижской борьбѣ приняли участіе представители и испанскихъ и итальянскихъ демократовъ. Рѣчь одного изъ самыхъ талантливыхъ демократовъ децентрализаторовъ романскаго міра, испанца Кастеляра, можетъ разъяснить намъ програму, которою руководились вожаки парижскаго движенія. Съ этою цѣлію мы печатаемъ эту рѣчь.

Digitized by Google

Прочтя ее, нельзя не согласиться, что живое начало положено въ основу програмы, высказанной Кастеляромъ, хотя и слышится въ ней, воспитанная испанскою исторіей, вражда къ правительственному центру страны. Но осуществима ли она, во всей своей широтѣ, во Франціи, при настоящемъ состояніи быта ея народа?

По всей вѣроятности, централизація, которой теперь представителемъ служитъ Тьеръ съ своимъ правительствомъ,—дѣло не прочное. Рано или поздно, стремленіе городовъ къ автономіи восторжествуетъ, и Франція будетъ, можетъ быть, разрѣзана на нѣсколько, сконфедерированныхъ, областей, пріуроченныхъ къ большимъ городамъ. Тогда, судя по тѣмъ отношеніямъ, въ какихъ состоятъ другъ къ другу французскіе города и сельское населеніе, каждая область превратится въ маленькую Францію, а областной городъ въ маленькій Парижъ, деспотствующій надъ своею областью и высасывающій изъ нея всѣ жизненныя силы. Съ этого времени, неминуемо, настанетъ для Франціи періодъ борьбы сельскаго населенія съ своими центральными городами, которою разбудится въ первомъ стремленіе къ самостоятельности. Можетъ быть, дѣло это пойдетъ и иначе какъ нибудь; но, во всякомъ случаѣ, намъ кажется, періодъ борьбы городовъ съ сельскимъ населеніемъ неизбѣженъ въ жизни французскаго народа. Только послѣ него, послѣ многихъ потоковъ крови, французскій народъ приблизится къ осуществленію въ своей жизни програмы Кастеляра. Много жертвъ придется принести для воплощенія въ своей жизни великой идеи, разнообразія въ единствѣ, тому народу, котораго жизнь отягчена взаимною враждою всѣхъ елементовъ его быта: враждою народа съ властью, враждою капитала съ трудомъ, враждою сословій между собою, враждою городовъ съ сельскимъ населеніемъ и т. д. Съ великимъ трудомъ можетъ добиться гармонической общинной жизни тотъ народъ, которому общинный духъ не прирожденъ его исторіею, который вынужденъ изобрѣтать для общинной жизни искусственныя формы, путемъ отвлеченнаго мышленія, и вкоренять ихъ въ жизнь посредствомъ принудительной силы закона.

Съ этой стороны, много утѣшительнаго представляетъ русская жизнь и вообще жизнь славянскихъ народовъ. Духъ общинности составляетъ какъ-бы природу нашу; община для большей части нашего народа утверждается на общинномъ землевладѣніи; вражды между трудомъ и капиталомъ не существуетъ и возникнуть не можетъ при артельномъ началѣ труда, такъ свойственномъ нашему народному духу, при обширности территоріи нашего государства и рѣдкомъ населеніи; вражды сословной также нѣтъ и быть не можетъ, потому что и самихъ сословій не имѣется, и наконецъ не было и нѣтъ у насъ даже и намека на что нибудь похожее на вражду къ центральной власти, и только развѣ не знающій Россіи можетъ обвинять русскій народъ или общество въ такой враждѣ. Не само ли дворянство, въ лицѣ членовъ комитетовъ и

Digitized by Google

редакціонныхъ комиссій, вырабатывавшихъ основанія для освобожденія крестьянъ, въ полномъ согласіи съ волею Государя, стояло за совершенное освобожденіе крестьянъ и надѣленіе ихъ землею? Не оно ли, въ лицѣ мировыхъ посредниковъ, ревностно уничтожало всѣ остатки крѣпостнаго права, и не само ли оно въ земскихъ собраніяхъ подаетъ голосъ объ уравненіи въ податяхъ и повинностяхъ людей всѣхъ состояній, включая и себя въ то число? Не самъ ли Государь предупреждаетъ народныя желанія, даруя, въ извѣстныхъ предѣлахъ, автономію городамъ и земскимъ собраніямъ,—этимъ безсословнымъ представителямъ русскихъ областей, и не укрѣпляется ли чрезъ это сама центральная власть, устрояя свою силу на единствѣ съ народомъ, на народномъ довѣріи и на народной любви? Не намъ ли суждено сгармонировать въ собственной нашей жизни все, что враждуетъ между собою въ жизни западныхъ народовъ, снять противорѣчія со всего, чѣмъ, такъ сказать, разодраны на части и сознаніе и жизнь западно-европейскаго человѣчества, и произвести такимъ образомъ великій, жизненный *синтезъ?* По крайней мѣрѣ, условія къ тому даны и нашимъ народнымъ духомъ и нашимъ народнымъ бытомъ.

Ред.

Едва началъ проясняться свѣтомъ мира, омраченный прусско-франкскою войной, политическій горизонтъ Европы, какъ на западномъ небосклонѣ появилась новая туча, поглотившая въ себѣ только-что блеснувшій лучъ солнца: горше огня прусской артиллеріи запылало въ Парижѣ революціонное пламя,—и густой, черный клубъ дыма высоко поднялся въ страшномъ образѣ парижской *комуны* съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ. Версальское правительство,—правительство Тьера и національнаго собранія,—не ожидало подобнаго взрыва. Революція 18-го марта застала его совершенно врасплохъ; смущеніе и ужасъ овладѣли имъ, и только благодаря любезности Бисмарка, хлопотавшаго о скорѣйшемъ полученіи своихъ милліардовъ, оно успѣло кое-какъ стянуть свои войска къ Парижу и завязать отчаянную, свирѣпую рѣзню, превзошедшую собой всѣ ужасы іюньскихъ дней. Послѣдній актъ этой кровавой драмы извѣстенъ: Парижъ обратился въ развалины; рѣки крови и груды труповъ покрыли улицы; массы женщинъ и дѣтей подверглись разстрѣлянію.... Тьеръ сломилъ революцію и, какъ побѣдитель, можетъ по праву упиваться своимъ блестящимъ торжествомъ.

На многихъ, очень многихъ, побѣда Версаля производила пріятное, радостное впечатлѣніе. Но если вдуматься серьезно въ

Digitized by Google

смыслъ событій, взглянуть глубже на парижское возстаніе, то это торжество одной стороны—торжество клерикаловъ и буржуазіи національнаго собранія—возбуждаетъ чувство совершенно противуположное. Дѣло въ томъ, что послѣдняя французская революція представляетъ особенность, которой, не смотря на всѣ ужасы этой революціи, справедливо возбуждающей всесвѣтное негодованіе, не можетъ не признать наше время; она провозглашаетъ начало, противъ котораго, въ его отношеніи къ Франціи, едва ли кто будетъ спорить: это—широкое *самоуправленіе городовъ и общинъ*.

«Изъ Парижа мы вынесли убѣжденіе, говоритъ въ своемъ докладѣ ліонскіе депутаты, посланные въ Парижъ и Версаль для примиренія враждующихъ,—убѣжденіе, что Парижъ единогласно требуетъ для себя права избирать меровъ и городской совѣтъ, права организовать свою національную гвардію,—словомъ, права свободно управлять и устраивать, по своему усмотрѣнію, внутреннюю администрацію столицы. Потому мы заявили главѣ исполнительной власти (т. е., Тьеру), что городское самоуправленіе стало для парижанъ одною изъ необходимыхъ вольностей, что отказъ національнаго собранія сдѣлать какую либо уступку Парижу въ этомъ смыслѣ можетъ только увеличить число его защитниковъ и ожесточить ихъ; что, наконецъ, другіе большіе города—Ліонъ, Сентъ-Этьенъ, Марсель, Тулуза, Лиможъ, Булонь, и проч., сочувствуютъ Парижу, желая возможной децентрализаціи и для себя». Въ отвѣтъ на это, Тьеръ сослался на муниципальный законъ 14-го апрѣля, будто бы самый *либеральный* изъ всѣхъ, какіе только когда либо были изданы во Франціи *). «Изъ этой ссылки мы заключили, продолжаютъ ліонскіе депутаты въ своемъ докладѣ,—что правительство не желаетъ знать требованій общественнаго мнѣнія въ дѣлѣ децентрализаціи и отрицаетъ стремленіе городовъ къ муниципальной свободѣ».

Итакъ, децентрализація, областное и общинное самоуправленіе—вотъ девизъ предводителей послѣдней французской революціи. Постоянная смѣна революціонныхъ бурь, необыкновенная легкость всевозможныхъ государственныхъ переворотовъ во Франціи имѣютъ отчасти свой источникъ въ ея крайней централизаціи, благодаря которой, Парижъ представляетъ изъ себя какъ-бы всю

*) Извѣстно, что по этому либеральному закону городамъ не предоставлено даже права выбирать меровъ, которые назначаются отъ правительства.

Digitized by Google

Францію, и все, что въ немъ совершается, совершается какъ-бы на всей французской территоріи,—такъ что, не говоря уже о плодотворномъ значеніи административной децентрализаціи вообще,—при какой бы формѣ правленія она ни была,—децентрализація эта является, по отношенію къ Франціи, единственнымъ оплотомъ, единственнымъ якоремъ спасенія противъ революціонныхъ погромовъ.

Идя въ этомъ направленіи, революція 18-го марта діаметрально противуположна революціи 1848-го года. Правда, соціальный элементъ—борьба рабочаго класа съ буржуазіей, труда съ капиталомъ—въ нихъ обѣихъ одинъ и тотъ же; но, сходясь въ соціальной сферѣ, онѣ совершенно расходятся въ сферѣ политической. Въ революціи 1848-го года какъ-бы не сказалось еще политическаго сознанія рабочаго сословія. Заявивъ и формулировавъ свои требованія соціальныя, оно оставалось въ отношеніи политическаго устройства на прежней почвѣ—на почвѣ крайней государственной централизаціи. Политическую свободу оно отождествляло съ свободой отвлеченной, теоретической, проявившейся во всеобщемъ голосованіи. Оно еще не уяснило себѣ, что всеобщее голосованіе реально не можетъ осуществлять свободы, что оно топитъ индивидуальное право въ обширномъ океанѣ безотвѣтной народной воли и въ результатѣ приводитъ лишь къ демократическому деспотизму. Стремленіе послѣдней революціи къ муниципальному и областному самоуправленію есть какъ-бы практическое осуществленіе общаго принципа народовластія, переходъ его изъ отвлеченнаго бытія въ живую дѣйствительность, реализація свободы. Нельзя не видѣть въ этомъ стремленіи новаго поступательнаго движенія въ политическомъ сознаніи рабочихъ класовъ Запада. Если въ сферѣ общественной они раньше поняли, что отъ юридическаго, теоретическаго равенства еще далеко до фактическаго высвобожденія слабыхъ отъ сильныхъ, и стремились осуществить послѣднее путемъ экономическаго переворота, то въ наше время во Франціи къ этому соціальному стремленію привзошло въ такомъ же направленіи стремленіе политическое—стремленіе перевести идеальную народную свободу въ живую дѣйствительность путемъ широкаго общиннаго и областнаго самоуправленія. Переворотъ въ соціальномъ, фактическомъ строѣ естественно вызываетъ переворотъ въ строѣ внѣшнемъ, политическомъ; новый соціальный порядокъ требуетъ себѣ новаго порядка политическаго, который именно и есть, по поня-

Digitized by Google

тіямъ французскихъ демократовъ, широкое республиканское самоуправленіе, полагающее въ свою основу наисвободнѣйшую организацію *общины*. Это въ такой же мѣрѣ государственная форма рабочаго сословія, въ какой конституціонная монархія составляетъ государственную форму буржуазіи, въ какой феодальный абсолютизмъ составляетъ государственную форму сословія дворянскаго, землевладѣльческаго.

Рабочій класъ съ соціальными тенденціями въ сферѣ общественной и республиканское демократическое самоуправленіе въ сферѣ административно-политической—вотъ двѣ силы, которыя ведутъ теперь на романскомъ Западѣ борьбу съ существующимъ общественнымъ и государственнымъ строемъ. Чѣмъ кончится эта борьба—Богъ вѣсть. Неудачи послѣдней французской революціи ничего не доказываютъ. Соціальная революція 1848-го года также не удалась, но она не устранила, а только выдвинула на первый планъ вопросъ соціальный. Положимъ, не удалась и революція 18-го марта,—положимъ, Парижъ вызженъ и комунисты разстрѣляны; но поставленный ими вопросъ о децентрализаціи, областномъ и общинномъ самоуправленіи—не погибнетъ. Напротивъ, запечатлѣнный французскою кровью, онъ войдетъ, можетъ быть, и въ новой формѣ, въ западно-европейское политическое сознаніе точно такъ же, какъ соціальныя стремленія 1848 года, запечатлѣнныя кровью іюньскихъ дней, вошли въ сознаніе экономическое. Итакъ, къ прежнему пункту кроваваго историческаго раздора въ западной Европѣ XIX вѣка, къ борьбѣ труда съ капиталомъ, западная жизнь присоединила новый раздоръ—борьбу самоуправленія съ централизаціей.

Если до сего времени исторія Запада была непонятна безъ знанія существующихъ тамъ отношеній труда къ капиталу, рабочаго класа къ буржуазіи, то съ революціи 18-го марта это пониманіе невозможно безъ знанія отношеній и стремленій административно-политическихъ. Съ первою стороной западнаго движенія русское общество болѣе или менѣе знакомо,—уже въ силу того, что это движеніе давно возникло на европейской почвѣ. Но нельзя сказать того же о всплывшемъ теперь на поверхность исторіи центробѣжномъ стремленіи провинцій къ областной и общинной свободѣ, — стремленіи, крайнее проявленіе котораго мы видѣли въ возстаніи Парижа. Для ознакомленія нашего общества съ этою стороной революціоннаго Запада, мы сочли полезнымъ перевести помѣщаемую ниже рѣчь Эмиліо Кастеляра,

Digitized by Google

извѣстнаго представителя республиканской партіи въ Испаніи. Рѣчь эта, напечатанная въ испанскомъ журналѣ «Justitia Sociale» и затѣмъ,—съ исключеніемъ мѣстъ, относящихся спеціально къ критикѣ испанскаго закона,—перепечатанная во французскомъ журналѣ «La Science Sociale» (1870 г. №№ 13 и 14), произнесена Кастеляромъ, 11-го мая 1871 года, въ испанскихъ кортесахъ по поводу проекта новаго муниципальнаго и областнаго закона,—какъ разъ по вопросу, самому животрепещущему на современномъ Западѣ, и содержитъ въ себѣ административно-политическое ученіе европейской демократіи во всей его связности и полнотѣ. «Многіе самые пламенные демократы, говоритъ французскій переводчикъ этой рѣчи, сильно затрудняющіеся, когда ихъ просятъ ясно формулировать свои желанія,—затрудняющіеся по тому собственно, что они сами не могутъ дать себѣ въ нихъ отчета,—прочтя рѣчь Кастеляра, почувствуютъ себя какъ-бы просвѣщенными. Дѣло въ томъ, что простая рѣчь его устанавливаетъ, обрисовываетъ и вычеканиваетъ, поясняя и доказывая въ то же время, credo нынѣшней демократіи. Изъ credo она дѣлаетъ nosco. Оставляя въ сторонѣ собственно такъ называемый соціальный вопросъ, мы найдемъ въ этой рѣчи все ученіе новѣйшей демократіи и его примѣненіе къ политической, административной и юридической организаціи Европы, начиная съ самой мелкой общины и кончая главнымъ федеральнымъ центромъ».

Этотъ отзывъ нельзя считать преувеличеннымъ. Эмиліо Кастеляръ совершенно справедливо считается главой западно-европейской демократической партіи. Не говоря о его блестящихъ ораторскихъ способностяхъ, о той чарующей силѣ слова, благодаря которой оно всецѣло овладѣваетъ вниманіемъ собранія,—Эмиліо Кастеляръ никогда не говоритъ, подобно другимъ корифеямъ политическихъ трибунъ, — лишь для того, чтобы ничего не сказать, — никогда не занимаетъ законодательной камеры по нѣскольку часовъ сряду потоками пріятной болтовни и высокопарности, какъ часто дѣлаютъ Тьеръ, Жюль-Фавръ и другіе французскіе ораторы. Если Кастеляръ даетъ свободу своему ораторскому могуществу, то или за тѣмъ, чтобы развить совершенно новыя, плодотворныя для своихъ слушателей идеи, или дать реальность, жизнь, силу и ясность тѣмъ идеямъ, которыя до сего времени понимались только смутно, неопредѣленно и безплодно. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ собираетъ

Digitized by Google

разбросанныя воззрѣнія времени, исправляетъ ихъ, приводитъ въ порядокъ и, такимъ образомъ переработавъ ихъ въ своемъ сильномъ умѣ и освѣтивъ своимъ свѣтомъ,—передаетъ слушателямъ въ художественной формѣ и съ непоколебимою логикой.

Ораторъ и поэтъ, человѣкъ глубокихъ чувствъ и непреклонной воли, Эмиліо Кастеляръ съ этими блестящими способностями соединяетъ и всю широту современнаго знанія. Его воззрѣнія отличаются высоко-научнымъ характеромъ и строго-положительнымъ направленіемъ мысли. Изъ помѣщаемой ниже рѣчи читатель увидитъ, что для развитія, уясненія и укрѣпленія своихъ идей Кастеляръ прибѣгаетъ ко всѣмъ пріемамъ положительнаго знанія. Аналогія между развитіемъ человѣчества и внѣшнею природой, сравненіе различныхъ формъ человѣческаго общежитія въ ихъ осуществованіи и послѣдовательности, отношеніе къ нимъ индивидуальной природы съ ея свойствами и требованіями—вотъ основы, на которыхъ покоится политическое міровоззрѣніе Кастеляра.

«Господа депутаты!

«Изъ всѣхъ законовъ, наиболѣе затрогиваютъ интересы общественнаго устройства законы городовые и областные; основной кодексъ нашихъ учрежденій самъ по себѣ не имѣетъ преобладающей важности. Въ городовыхъ и областныхъ законахъ мы еще можемъ пріобрѣсть все то, что потеряли бы въ другихъ законодательныхъ отдѣлахъ, или, на оборотъ, потерять, что выиграли бы тамъ. Что сѣмя для корня, корень для растенія, цементъ для зданія, то областное и городовое устройство для общества.

«Въ настоящемъ собраніи мы представляемъ, господа, двѣ великія партіи: одну, преслѣдующую по преимуществу интересы правительства; другую, занятую исключительно интересами свободы. Но обѣ эти партіи одинаково убѣждены, что для осуществленія ихъ идеала достаточно имъ овладѣть такъ или иначе организованными силами государства. Въ самомъ дѣлѣ, кто имѣетъ въ своихъ рукахъ «puerta del sol», гарнизонъ Мадрида, министерство внутреннихъ дѣлъ и телеграфъ,—этотъ проводникъ его мысли и воли,—тотъ владычествуетъ надъ всею націей, простирающею свои предѣлы до Азіи, Африки и Америки.

«Отсюда понятно наше постоянное стремленіе къ завоеванію

Digitized by Google

государства и совершенное равнодушіе къ завоеванію общественнаго мнѣнія. Насъ утомляютъ споры, пропаганда, сочиненія, законодательныя реформы; зато мы не устаемъ составлять заговоры и сражаться, какъ будто политическая жизнь представляетъ изъ себя театръ войны, а государственныя учрежденія—поле битвы. Партіи организованы только для войны и вовсе неспособны къ законодательной дѣятельности. Всѣ силы сосредоточиваются въ столицѣ, ставшей ареной политическихъ гладіаторовъ, и полное разслабленіе царитъ въ провинціяхъ. Въ главѣ партій стоятъ всегда генералы: имъ они необходимы для защиты, когда правительственная власть въ ихъ рукахъ, и для атаки, когда она владычествуетъ надъ ними. Отсюда происходитъ то явленіе, что участь царствующихъ династій рѣшается однимъ днемъ—*24 февраля*, а участь народовъ одною ночью—*2-го декабря*. Такимъ образомъ свобода, вмѣсто того, чтобы быть сіяніемъ солнца, является лишь отраженіемъ мимолетнаго блеска молніи, а правительство, вмѣсто центра гармоническаго тяготѣнія, представляетъ изъ себя слѣпую и грубую силу, которая давитъ и ломитъ все его окружающее.

«Массу бюрократовъ внизу и массу заговорщиковъ вверху—вотъ что мы видимъ въ дѣйствительности. Одинъ какой нибудь городъ,—Мадридъ, Парижъ, Вѣна, Флоренція;—заключаетъ въ себѣ всю страну, все государство. Политическія партіи въ сущности не что иное, какъ нѣсколько лицъ военнаго званія, у насъ Примъ, Эспартеро, Нарваецъ или О'Донель, а пространство, идущее отъ занимаемаго нами помѣщенія чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ до площади «de Oriente», представляетъ собою длину мозговаго канала цѣлой націи.

«Неужели, господа, такое положеніе дѣлъ вамъ кажется нормальнымъ состояніемъ великаго народа? Конечно, вы отвѣтите: *нѣтъ*. Но какое же другое средство найдете вы для радикальнаго измѣненія этого состоянія, кромѣ распространенія политической автономіи на весь общественный организмъ, подобно тому, какъ кровь разливается по всему тѣлу человѣка?

«Итакъ, нужна раціональная, удовлетворяющая всѣмъ требованіямъ демократическаго общества, организація общины (commune), области и націи,—такая организація, которая оставляла бы центральному правительству, всегда болѣе или менѣе склонному къ тиранніи, лишь наименьшую долю верховнаго руководительства. Въ этомъ состоитъ законъ разнообразія въ единствѣ. Всюду вы

найдете проявленіе этой разумной организаціи: пространство вселенной наполнено мірами, которые, совершая свои движенія съ полною независимостью, тѣмъ не менѣе, въ силу общаго закона тяготѣнія, остаются каждый на своемъ мѣстѣ и въ своей орбитѣ; физіологическое устройство нашего тѣла, въ свою очередь, показываетъ намъ независимость и своеобразный механизмъ каждаго органа, не смотря на то, что одна и та же кровь проникаетъ и животворитъ всѣ органы, безпрерывно внося въ нихъ кислородъ изъ окружающей атмосферы.

«Возьмите другую область и вникните въ различія, существующія между ощущеніемъ, умомъ, разумомъ и волей. Всѣ эти способности совершенно самостоятельны и, тѣмъ не менѣе, всѣ имѣютъ нужду одна въ другой.

«Умъ есть способность составлять понятія; но онъ не можетъ обойтись безъ ощущеній, которыя, въ свою очередь, невозможны безъ нервовъ, передающихъ впечатлѣнія.

«Разумъ работаетъ надъ понятіями, которыя ему предлагаетъ умъ. Воля руководитъ дѣйствіями, но мотивы и цѣли дѣйствію постановляетъ разумъ. Итакъ, каждая изъ этихъ способностей въ своей сферѣ независима, и однако всѣ сходятся въ области совѣсти и обобщаются въ единствѣ духа. Каждый общественный индивидуумъ имѣетъ такимъ образомъ свой частный законъ и законъ ассоціаціи съ другими себѣ подобными индивидуумами. По этому вотъ образцу мы и должны построить наше письменное законодательство, если хотимъ упрочить союзъ порядка и свободы, демократіи и права.

«Назовите этотъ союзъ какими угодно именами — демократіей, федераціей, конфедераціей, но только осуществите его.

«Ничто не можетъ намъ дать лучшаго назиданія по отношенію къ этому капитальному вопросу, какъ сравнительная исторія федеративныхъ и централизованныхъ демократій. Какой блестящій урокъ мы можемъ извлечь изъ судьбы двухъ конвентовъ—парижскаго и американскаго, конвентовъ Франклина и Дантона, Вашингтона и Робеспьера, судьбы республики французской, павшей, подобно Риму, къ подножію кесаря, и республики англо-саксонской, получившей отъ божества свободы даръ чудодѣйствія.

«Но будемъ справедливы. Французская демократія была вынуждена къ централизаціи союзомъ монарховъ. Она не желала ея. Она ея не желала, когда искала въ статутахъ своихъ провинцій высшихъ формулъ революціи; она не желала ея, когда созывала

Digitized by Google

федератовъ на Марсово поле, когда Лафайетъ съ федералистскими воззрѣніями возвращался изъ свободной Америки, и когда Мирабо воскресилъ то высокое краснорѣчіе, которое было порождено соперничествомъ и децентрализаціей государствъ Эллады; она ея не желала, когда на французской трибунѣ раздавались голоса Жиронды, этого легіона, который, казалось, поднялся съ полей херонейскихъ, чтобы воспресить амфиктіоновъ союзъ, и изъ котораго многія имена долго будутъ звучать въ памяти людей. Централизація была дѣломъ государей, соединившихся противъ республиканскаго народа. Какъ эшафотъ, сентябрскія убійства, военщина, генералы,—однимъ словомъ, все, что развратило демократію и убило республику,—централизація была создана военнымъ народомъ, который былъ вынужденъ отражать напоръ монархическихъ силъ, ринувшихся на него со всѣхъ сторонъ. Итакъ, все нечистое въ революціи принадлежитъ ея врагамъ. На нихъ должна пасть отвѣтственность въ умерщвленіи права и свободы. Всѣ факты подтверждаютъ это воззрѣніе: при централизаціи вы можете имѣть демократическую диктатуру, но никогда не добьетесь того жизненнаго принципа, котораго всѣ мы такъ жаждемъ,—демократической свободы. Нѣтъ, система плебисцитовъ не составляетъ свободнаго управленія, — она топитъ индивидуальное право въ волнахъ безличнаго и безотвѣтственнаго океана, испрашивая у него по временамъ санкціи государственныхъ переворотовъ, совершенныхъ казармой или клубомъ. Тѣ государства, въ которыхъ демократія концентрируется на вершинѣ зданія, приготовляютъ себѣ,—не скажу, смерть отъ апоплексическаго удара, потому что народы не такъ легко умираютъ,—но опасный горячечный бредъ, благодаря которому, рано или поздно, ихъ одѣваютъ въ рубашку бѣшеныхъ.

«Я не люблю никакой централизаціи, ни политической, ни экономической, ни административной,—не люблю, однимъ словомъ, никакой системы, которая высасываетъ жизнь изъ глубины общественнаго организма. Я отвергаю все это и схожусь въ этомъ чувствѣ съ общимъ, преобладающимъ теперь направленіемъ демократической школы въ Европѣ и Америкѣ. Централизація ведетъ только къ образованію тѣхъ великихъ монархическихъ столицъ, которыя, окруженныя стадами рабовъ, съ своими монументами и чудесами, изображаютъ собою храмы, на алтарѣ которыхъ совершается богослуженіе произволу и приносится въ жертву человѣческое достоинство всѣхъ окружающихъ.

Digitized by Google

Вавилонъ Валтасара, Римъ Тиверія, Дамаскъ Омаядовъ, Багдадъ Абасидовъ, Мадридъ Филиппа II и Парижъ Людовика XIV, или Бонапарта, доказываютъ это какъ нельзя лучше: эти города представляютъ систему завоеванія, и слава ихъ воздвигнута на трупахъ сотни побѣжденныхъ народовъ.

«Между тѣмъ, посмотрите на федераціи, на тѣ народы, которые состоятъ изъ живыхъ частей, которые самостоятельны въ своихъ областяхъ и общинахъ. Федерація сообщила колѣнамъ Израиля общественную нравственность; финикіянамъ—азбуку и торговлю, городамъ Эллады—искусство и ту огненную рѣчь, ту философію, которыя даютъ возможность человѣку говорить языкомъ боговъ; федерація германскихъ племенъ, въ которой, по мнѣнію Тацита и Лукана, нашла себѣ убѣжище свобода, изгнанная изъ централизованнаго Рима, развила этотъ принципъ личной независимости, который создалъ идею личнаго достоинства въ исторіи; федерація средневѣковыхъ общинъ разорвала цѣпи рабства и основала демократію; федерація городовъ Италіи даровала новому міру эпоху возрожденія; федерація Ганзы въ Германіи сообщила экономическое и интеллектуальное движеніе; федерація провинцій Голландіи, городовъ, поднявшихъ голову передъ деспотизмомъ въ самомъ крайнемъ его олицетвореніи—Филиппѣ II, создала свободу религіозную и промышленную, а федерація англо-саксонскихъ колоній Новаго Свѣта—свободу демократическую.

Итакъ, всѣми свѣтлыми днями исторіи, всѣми сокровищами умственнаго богатства, всѣмъ, начиная съ вашихъ нравственныхъ заповѣдей и кончая заголовкомъ вашей конституціи,—всѣмъ вы обязаны этимъ федеративнымъ мастерскимъ исторіи, въ которыхъ выкованы всѣ лучшія украшенія величественной короны человѣчества и которыя, однако, вы, неблагодарные, забываете и злословите! Всѣмъ мы обязаны федераціи. И въ близкомъ будущемъ, на развалинахъ Европы священнаго союза, Европы феодаловъ, воздвигнетъ она Европу народовъ, Европу свободы и демократіи.

«Не забывайте этого: вы не осуществите свободы путемъ централизаціи; но и децентрализаціи вы не получите иначе, какъ возстановивъ муниципальную, общинную и областную автономію.

«Муниципій, то есть, общинное городовое управленіе, подобно всѣмъ другимъ демократическимъ властямъ, долженъ быть полной и совершенно свободною личностью, со всесторонней отвѣтственностью предъ населеніемъ, отъ котораго исходитъ об-

Digitized by Google

щинная власть и къ которому опять должна возвращаться. Соединенные Штаты представляютъ въ этомъ отношеніи величественные образцы; но этихъ образцовъ невозможно описать однимъ штрихомъ,—такъ они разнообразны, благодаря способности англо-саксонскаго племени всюду вносить съ собой разнообразіе..... Каждая община Новой Англіи составляетъ республику, и если вся нація есть не что иное, какъ союзъ штатовъ, то каждый штатъ, самъ по себѣ, есть союзъ общинъ. Община—это школа свободы. Благодаря этой общинѣ, ничтожный дровосѣкъ изъ Огіо, Линкольнъ, выучился разбивать цѣпи рабства, а Грантъ, побѣдитель Ричмонда, управлять безъ войска націей въ 40 милліоновъ людей.

«Три или четыре тысячи гражданъ составляютъ, среднимъ числомъ, населеніе этихъ скромныхъ общинъ. Въ нихъ каждая личность свободна и каждое жилище неприкосновенно; громъ можетъ ударить въ него, но оно всегда ограждено отъ правительственнаго произвола. Общинное самодержавіе наименѣе обременено правительственными функціями и какъ-бы отдыхаетъ посреди народа, который выбираетъ своихъ представителей въ первичныхъ собраніяхъ, наблюдаетъ за ними, руководитъ ими и такъ же заставляетъ ихъ дѣйствовать, какъ паръ приводитъ въ дѣйствіе машину. Общинныя власти суть представители и отвѣтственны передъ народною совѣстью. Эта воля и эта совѣсть проявляются въ первичныхъ собраніяхъ, которыя и указываютъ общиннымъ властямъ програму дѣятельности. Предложеніе, подписанное десятью гражданами, достаточно для того, чтобы заставить общинный (муниципальный) совѣтъ созвать общее собраніе народонаселенія, передъ которымъ отвѣтственны всѣ общинныя муниципальныя власти. Организація, по видимому, очень сложная, въ сущности чрезвычайно проста. Select-men'ы имѣютъ власть исполнительную, *ассесоры* распредѣляютъ налоги, *сборщики* взыскиваютъ ихъ, *констабли* заправляютъ полиціей, *секретари* ведутъ списки гражданъ, *казначеи* хранятъ общественную казну, *инспекторы* бѣдныхъ заботятся о послѣднихъ,—при чемъ каждая община, какъ и въ Швейцаріи, имѣетъ на своемъ попеченіи своихъ бѣдныхъ; наконецъ, *дорожные смотрители* поддерживаютъ и улучшаютъ общественныя дороги. Всѣ эти правительственные агенты суть выборныя лица, смѣняемы, отвѣтственны и состоятъ на жалованьи. Такова американская общинная, муниципальная система. Она постоянно поддерживаетъ тамъ ту здоровую и правильную агитацію, которая столь необхо-

Digitized by Google

дима для жизни республики и столь отлична отъ безплодныхъ волненій сильно централизованной монархіи,—призывая всѣхъ гражданъ къ управленію и къ контролю надъ общественными интересами; она воспитываетъ въ массахъ практическое чувство, сознаніе правъ и обязанностей и то тонкое пониманіе высшей справедливости, безъ котораго демократія не достойна ни свободы, ни власти.

«Тамъ, господа, была рана, отъ которой мы свободны: учрежденіе, способное испортить самыя чистыя и плодотворныя идеи въ ихъ живомъ источникѣ,—учрежденіе, призывающее съ неба огненный дождь на землю, матерь всего гнуснаго,—*невольничество*, такъ печалившее душу основателей американскаго права и проливавшее кровь, каждая капля которой, упавшая на землю, производила паръ, способный задушить цѣлую націю.

«И теперь еще эта великая республика носитъ не зажившія раны колосальной войны и рѣшаетъ страшную задачу—призвать къ жизни гражданской и политической, къ наслажденію правами, которыхъ лишены еще самыя привиллегированныя племена Европы,—этихъ рабовъ своихъ, еще вчера цѣнимыхъ на деньги подобно животнымъ, этихъ негровъ, которымъ церковь отказывала въ признаніи за ними человѣческаго происхожденія и благодати божественнаго искупленія, этихъ порабощенныхъ классовъ, правъ которыхъ древній міръ не могъ признать иначе, какъ цѣною собственной гибели.

«Въ настоящее время Америка благословляетъ эти права, благоговѣя передъ міровою правдой, которая тѣмъ болѣе возвышаетъ ея силу и величіе, чѣмъ она дѣлается справедливѣе и человѣчнѣе. Итакъ, я спрашиваю васъ: гдѣ пріобрѣла Америка это великое политическое искусство, это высшее развитіе, это уваженіе права, эту силу въ войнѣ, эту геройскую смѣлость затрогивать самые опасные и животрепещущіе вопросы соціальные,—гдѣ, какъ не въ первоначальной школѣ гражданъ, въ ихъ свободныхъ общинахъ? Почему же намъ не дать свободы нашимъ общинамъ?...»

Здѣсь ораторъ показываетъ, что абсолютизмъ въ Испаніи никогда не могъ дойти до того, чтобы вырвать съ корнемъ жизнь общинную и областную, что счастье Бонапарта разбилось именно объ эти силы, привязанныя къ землѣ, и что во всѣ эпохи либеральная партія выказывала расположеніе къ освобожденію общины,—и затѣмъ спрашиваетъ: не впадаетъ ли предложенный проектъ новаго общиннаго и областнаго закона въ противорѣчіе со

Digitized by Google

всѣми преданіями партій и обѣщаніями сентябрской революціи?

«Именно здѣсь, господа, въ этой общинной организаціи, зарождается демократія. Есть двѣ демократіи на свѣтѣ: одна, которая коренится въ естественномъ правѣ и расцвѣтаетъ въ свободу; другая, которая исходитъ изъ абсолютно понимаемой коллективной власти народа и граничитъ съ цезаризмомъ.

«Первая, въ состояніи инстинкта существовавшая въ античныхъ государствахъ, начала свое освобожденіе съ Лютера, пріобрѣла сознаніе черезъ Бэкона, Лока, Декарта, энциклопедистовъ, и осуществляется теперь въ Швейцаріи и Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ нѣтъ ничего болѣе невозможнаго, какъ кесарь. Другая, нашедшая свою формулу въ Руссо и возвысившая волю надъ сознаніемъ (совѣстью) и народное самодержавіе надъ естественнымъ правомъ, прошла черезъ Робеспьера и Сентъ-Жюста, чтобы опоясаться наконецъ шпагой и увѣнчаться короной Бонапарта. Прочтите Contract social— и вы увидите, какъ изъ этой уступки маленькой доли свободы для основанія общественной жизни, изъ этого безпрестаннаго апотеоза общей государственной воли, изъ этого благоговѣнія передъ законами Ликурговъ, Нумъ, Сервіевъ, мало по малу возникаютъ идеалъ абсолютной, коллективной демократіи и тѣ государства, одаренныя силою нашествія и поглощенія, въ которыхъ, подъ предлогомъ общаго народнаго блага, общей коллективной выгоды, неминуемо возрастаетъ цезаризмъ. Камни преткновенія, о которые разбивается возрастающій цезаризмъ, суть общины, то есть, поселенія, твердо обоснованныя, гдѣ каждый гражданинъ крѣпко держитъ въ рукахъ свои личныя права, ограждая ихъ независимою частицей подъ покровительствомъ прочной и широкой муниципальной свободы и автономіи.

«Такая организація никогда не породитъ кесаря. Неужели мы не можемъ возпроизвести этой прекрасной организаціи? Здѣсь я предвижу возраженіе со стороны доктринеровъ: администрація американская, скажутъ мнѣ, не годится такому народу, какъ мы: тамъ дѣвственная природа, здѣсь истощенная, тамъ общество юное, здѣсь старое; тамъ раса англо-саксонская, съ врожденнымъ инстинктомъ индивидуализма и свободы, здѣсь раса латинская, воспитанная на авторитетѣ и цезаризмѣ; тамъ народъ, не имѣющій исторіи, здѣсь народъ, считающій двадцать вѣковъ монархіи; тамъ нѣтъ офиціальной церкви, нѣтъ аристократіи, здѣсь церковь народная со всѣмъ ея всемогуществомъ, здѣсь аристократія, еще твердо стоящая на развалинахъ феодализма; наконецъ, тамъ республика,

Digitized by Google

которая, благодаря эмиграціи, ассимилируетъ въ себѣ кровь всѣхъ человѣческихъ племенъ, здѣсь монархія, которая обезлюдила себя для этой самой Америки, обагренной нашею кровью, удобренной костьми нашихъ героическихъ предковъ, бѣлѣющими теперь на меляхъ Мисисипи. Америка есть страна свободы, равенства, новыхъ идей и прогреса; мы можемъ завидовать ей, но не можемъ ей подражать, не подвергая себя катастрофамъ.

«Это—обыкновенная, избитая, но далеко не точная параллель. Соединенные Штаты имѣли преданія и затрудненія, подобныя нашимъ. Развѣ у нихъ не было въ лѣсахъ Виргиніи и Каролины роялистскихъ племенъ и аристократіи? Развѣ звѣздный флагъ не развивается надъ народами кельтическаго и латинскаго происхожденія и католической религіи? А во время войны за независимость, развѣ не было тамъ собраній равнодушныхъ и холодныхъ къ общему дѣлу, армій деморализованныхъ, народныхъ массъ, еще неспособныхъ понять всѣхъ благъ, которыя готовила имъ республиканская организація въ будущемъ?

«Вы говорите намъ, что вашъ законъ долженъ установить демократію. На фронтонѣ вашего зданія вы надписываете: «всеобщая подача голосовъ». Но, при входѣ въ него, я тотчасъ же нахожу механизмы, нарочно заготовленные для того, чтобъ обойти и испортить это право всеобщаго голосованія. Положимъ, народъ самъ назначаетъ своихъ меровъ (alcades),—прекрасно; но я васъ спрашиваю, при чемъ тутъ мировой судья, занимающій мѣсто мера при первомъ несогласіи послѣдняго съ своимъ префектомъ (gouvernator)? Я понимаю: мировые судьи суть созданія аудіенцій, а самыя аудіенціи—созданія правительства...»

Ораторъ продолжаетъ разборъ проекта закона, выставляетъ на видъ его лукавство, противорѣчія, извороты; показываетъ, что онъ не имѣетъ иной цѣли, какъ установить и укрѣпить правительственную централизацію подъ лживымъ покровомъ либерализма, и что ни одна изъ политическихъ фракцій, которыя считаютъ себя либеральными, не можетъ утвердить этого закона безъ заблужденія или измѣны.

«Я до такой степени стою противъ принципа коммисіи и считаю его до того ложнымъ, что опредѣляю соціальное положеніе народа и его политическое устройство по его муниципальной, общинной организаціи.

«Два племени положили основаніе Швейцаріи: бургунды и германцы; болѣе демократическій характеръ германцевъ сказался

Digitized by Google

въ высоко развитой общинной независимости нѣмецкой Швейцаріи. Швейцарія въ настоящее время есть одна изъ самыхъ свободныхъ странъ въ мірѣ, потому что она одна изъ самыхъ развитыхъ въ общинномъ, муниципальномъ отношеніи. Лучшія и величайшія изъ зданій, украшающихъ собою берега Невшательскаго озера, суть муницинальныя, городскія школы. Даже въ самыхъ бѣдныхъ деревушкахъ общественная библіотека достойно возвышается, рядомъ съ церковью, а Цюрихъ имѣетъ свой домъ инвалидовъ, болѣе славный, чѣмъ то гордое зданіе, гдѣ покоится, если только въ самомъ дѣлѣ онъ можетъ покоиться, прахъ Наполеона,—домъ инвалидовъ труда. Сколько разъ случалось намъ, гуляя по окрестностямъ Женевы и вдоволь насладившись зрѣлищемъ заходящаго солнца, отражающаго свои послѣдніе лучи на вѣчныхъ снѣгахъ Альповъ, гдѣ они какъ будто перерабатываются совокупною дѣятельностью планетной системы,—сколько разъ случалось намъ въ это время съ завистью обращать свои взоры на это убѣжище старости и восхищаться гармоническою симетричностью его архитектурныхъ очертаній, его садами, рощами и лугами! И сколько разъ, вспоминая съ грустью о толпахъ нищихъ, наполняющихъ плодородныя долины Ломбардіи и самыя богатыя мѣстности нашей Андалузіи, тогда какъ въ Швейцаріи мы не были остановлены ни однимъ изъ нихъ,—сколько разъ, сравнивая мысленно все это, намъ приходилось невольно восклицать: вотъ чудеса истинно республиканской, свободной жизни!

«Община, говорите вы, не есть политическій организмъ, политическая единица. Община не политическій организмъ!.. Да она до такой степени есть именно этотъ организмъ, котораго вы не хотите въ ней видѣть, что вы можете опредѣлять политическое состояніе каждаго изъ европейскихъ народовъ по свойственному ему характеру общинной жизни. Русская община, съ ея какъ-бы комунистическимъ устройствомъ, объясняетъ намъ автократическую организацію этой великой имперіи. Семь различныхъ формъ общиннаго устройства въ Пруссіи: французскій характеръ этого устройства на берегахъ Рейна, помѣщичій—въ восточныхъ провинціяхъ; раздѣленіе жителей на три класса; различныя муницнпальныя власти, до сихъ поръ удерживающія свои средневѣковыя названія и часто средневѣковые атрибуты; усилія центральнаго правительства ввести единообразіе въ общинное, муниципальное устройство и, на оборотъ, стремленіе радикаловъ основать, на существующемъ разнообразіи, федеративную рес-

Digitized by Google

публику—все это показываетъ, что Пруссія есть монархія, далеко не установившаяся въ своемъ основаніи, и что она очень скоро можетъ быть замѣнена республиканской конфедераціей.

«А Франція?... Императоръ Наполеонъ согласился передать свое право инициативы законодательному корпусу: уравнивъ политическую власть обѣихъ палатъ, свою личную власть онъ раздѣлилъ съ отвѣтственнымъ министерствомъ; но, въ этомъ потокѣ уступокъ, отреченій и отказовъ, онъ оставилъ за собой право назначенія меровъ. Зачѣмъ?... за тѣмъ, что онъ очень хорошо зналъ, что, назначая меровъ, онъ все держалъ въ своихъ рукахъ и въ сущности ничего не выпускалъ изъ своей личной власти.

«А что я скажу вамъ объ Англіи?.... Исторія ея свободы есть исторія ея общинъ...»

Эту теорію ораторъ доказываетъ удивительнымъ, блестящимъ изложеніемъ въ краткомъ, анатомическомъ очеркѣ исторіи Англіи, вслѣдъ за которымъ онъ снова переходитъ къ критикѣ закона у открываетъ въ немъ тенденціи центральнаго правительства къ захвату общинной автономіи.

«По проекту коммисіи, губернаторъ или префектъ (el gouberbator) все можетъ, все исполняетъ, все рѣшаетъ. Этотъ префектъ, созданіе прихотей центральной власти, чуждый области, ея обычаямъ, нравамъ, народонаселенію, предсѣдательствуетъ въ депутаціяхъ съ перевѣшивающимъ голосомъ, скрѣпляетъ акты, приводитъ въ дѣйствіе договоры, надзираетъ за общинами, отсрочиваетъ обыкновенныя собранія, запрещаетъ, если ему вздумается, чрезвычайныя: это министръ внутреннихъ дѣлъ, одаренный вездѣсущіемъ, всемогуществомъ, непогрѣшимостью. Это родъ пантеистическаго божества, въ которомъ погружаются всѣ права населенія, какъ касты Индіи въ божественную личность Брамы.

«Что же выходитъ изъ этого?... фальсификація выборовъ, поддѣлка народнаго представительства...»

Ораторъ развиваетъ далѣе, какимъ образомъ, вслѣдствіе этой военной организаціи управленія, центръ тяжести во время выборовъ непремѣнно падетъ на сторону партіи, захватившей управленіе въ свои руки, и восклицаетъ:

«Я вамъ говорю это, положа руку на сердце и съ глубокой скорбью: если вы подадите голосъ за этотъ законъ, дающій власти такой перевѣсъ во вредъ жизненной силѣ общинъ и областей, вы снова отворите дверь для prononciamentos. Какая партія, спрашиваю я, имѣя въ рукахъ своихъ могущественную машину

Digitized by Google

централизаціи, не будетъ всячески стараться увѣковѣчить за собой правительственную власть, и какая партія, видя себя на вѣки отрѣшенною отъ этой власти, не будетъ прибѣгать къ заговорамъ и возстаніямъ?

«Нѣтъ, я никогда не повѣрю, чтобы величіе гражданина было связано съ величіемъ государства. Если такъ, то не должны ли мы думать, при видѣ пирамидъ, колизея, бань Каракаллы, что эти колосальныя зданія были воздвигнуты великими гражданами, тогда какъ они, на самомъ дѣлѣ, сооружены толпами рабовъ, съ цѣпями на ногахъ и позоромъ на лбу, и служили только для погребенія, увеселенія и купанья кесарей и фараоновъ? Государство велико тогда, когда его граждане—люди нравственные и достойные; но они достигаютъ нравственности и пріобрѣтаютъ достоинство только при условіи свободы, а гражданинъ свободенъ лишь съ той минуты, когда его прирожденныя права обезпечены. Но и этого обладанія естественными правами, хотя бы и во всей ихъ полнотѣ, для гражданина недостаточно,—оно даетъ ему лишь личное самодержавіе; нужно еще, чтобъ онъ имѣлъ гарантію полнаго своего участія въ отправленіи народнаго самоуправленія. Для этого нужно,—и это составляетъ точку отправленія,—чтобъ онъ участвовалъ своимъ голосомъ въ образованіи общинной власти. А чтобы наиболѣе обезпечить себя отъ потери своихъ личныхъ правъ, ему необходимо сохранить право постояннаго контроля въ начальныхъ собраніяхъ надъ исполнительною дѣятельностью общинныхъ властей, которыхъ онъ самъ избралъ. А чтобъ упростить этотъ контроль на практикѣ, нуженъ судъ, который бы разрѣшалъ столкновенія между гражданами и общинною властію и быстро возстановлялъ порядокъ, заставляя каждое общественное лице замыкаться въ сферѣ его собственнаго права.

«Но свобода личная и общинная еще не составляетъ всего на томъ основаніи, что человѣкъ есть существо чувствующее, разумное и свободное, въ силу чего онъ имѣетъ право любить, мыслить, дѣйствовать. Общественная природа человѣка, на первой ступени ея развитія, сказывается въ учрежденіи семьи и общины; но этими сферами далеко не исчерпываются его общественныя нужды и способности, требующія для себя болѣе широкаго поприща,—и вотъ онъ основываетъ государство, которое онъ не долженъ ни приближать къ себѣ на столько, чтобъ оно могло его раздавить, ни удалять отъ себя такъ, чтобы не принимать

Digitized by Google

въ немъ никакого участія: Вотъ почему политическая и административная организація маленькихъ государствъ служитъ въ этомъ случаѣ лучшимъ образцомъ. Опытъ показываетъ, что свобода сохраняется гораздо лучше въ маленькихъ государствахъ, чѣмъ въ большихъ. Примѣры: Швейцарія подлѣ Германіи и Бельгія подлѣ Франціи. Государство, называемое кантономъ или провинціей, это—группа общинъ, община—группа семействъ, а семейство—группа индивидуумовъ. Интересъ личныхъ общественныхъ индивидуумовъ создаетъ, для опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній, двѣ системы собранія, въ которыхъ сказывается воля гражданъ: систему собраній политическихъ, постановляющихъ законы и правила и избирающихъ представителей исполнительной власти, и систему собраній судебныхъ, разбирающихъ, согласно этимъ законамъ и правиламъ, столкновенія гражданъ и общественныхъ группъ однѣхъ съ другими и отмѣняющихъ всѣ незаконныя распоряженія исполнительныхъ властей. Вотъ организація, вполнѣ соотвѣтствующая древнему опредѣленію свободы и равенства: «свобода есть право повиноваться только закону, а равенство—право повиноваться лишь тому закону, который одинаково возлагается на всѣхъ».

«Но человѣку мало домашняго очага, общины и областнаго государства,—его общественный инстинктъ, его разумъ, его интересы движутъ его дальше и выше и разростаются въ созданіе національности. Но какъ домашній очагъ есть группа существъ, имѣющихъ свою автономію, община—группа неприкосновенныхъ семей, а область—группа свободныхъ общинъ, то и нація, въ свою очередь, должна представлять изъ себя союзъ обладающихъ автономіей областей. И какъ община имѣетъ свое народное собраніе и свой судъ присяжныхъ, область или штатъ—свое законодательное собраніе и свою судебную палату, такъ и нація должна имѣть собраніе, которое представляло бы всѣ области,—исполнительную власть, на которую возложены были бы всѣ заботы о внѣшнихъ отношеніяхъ и общихъ національныхъ интересахъ, и, наконецъ, верховный національный судъ, который разбиралъ бы и устранялъ бы несогласія областей.

«Вотъ организмъ свободы,—идеалъ совершенно противуположный тому римско-византійскому идеалу кесаря, который даетъ приказанія своимъ префектамъ, преторамъ, сборщикамъ податей, этимъ орудіямъ угнетенія и истощенія, сплошною сѣтью покрывающимъ всѣ провинціи. Великій народъ, народъ героическій, зады-

Digitized by Google

хается подлѣ насъ, подъ этой чудовищной формой политическаго управленія. Нужно ли называть этотъ народъ—Францію? Какое единство законодательное! Какое единство политическое! Какая сила государства! Какое однообразіе администраціи!.. Какая единая, демократическая страна—Франція! Демократическая?... Но ощупайте немного эту демократію,—подъ шкурой ея вы найдете кесаря съ его правосудіемъ, на пользу членовъ своей фамиліи; финансовый феодализмъ, верхнюю палату, по назначенію государя, другую палату—по назначенію префектовъ или меровъ,—однимъ словомъ, найдете кесаря, который все исполняетъ, все можетъ, и который осуществляетъ чудо: равенство въ рабствѣ! Свобода не есть законъ однообразія. Она, если вы хотите, немного безпорядочна, немного безначальна, немного хаотична и запутана. Вы въ одинъ урокъ можете изучить всю административную организацію Франціи; но врядъ ли и во сто уроковъ вы изучите управленіе Швейцаріи, Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, да и не найдете ни въ одной книгѣ его изложенія. Но въ этомъ разнообразіи вы всюду встрѣчаете свободу, тогда какъ въ цезарской и плебисцитарной Франціи, этой мрачной копіи съ римской имперіи, столь единообразной и правильной, вы всюду находите одно самовластіе.

«Но если свобода мало дисциплинирована, она, подобно всѣмъ хорошимъ качествамъ, заключаетъ въ себѣ самой средства противовѣса. Свобода, по самой природѣ своей,—юридическая сущность. Индивидуальная, общинная, областная, она, въ силу присущей ей внутренней необходимости, управляется закономъ и порождаетъ изъ себя организованное право, исполнительную юстицію. Однако, берегитесь: она охотно подчиняется только тому закону, который она сама постановляетъ, и только тому судьѣ, котораго сама создаетъ, но не тому закону, который ей предпишутъ, и не тому судьѣ, который, являясь орудіемъ и креатурой правительства, приходитъ къ ней извнѣ.

«Всякая креатура правительства, въ какой бы то ни было сферѣ,—будетъ ли то администрація, армія, юстиція,—обращена къ своему творцу, чувствуетъ себя отвѣтственною только передъ нимъ и опирается только на него. Неотвѣтственная передъ гражданами, она пренебрегаетъ ими. У нея страхъ іерархическій, но не общественный. Тотъ, кого страшится и отъ кого зависитъ правительственный чиновникъ, находится вверху, но не кругомъ его. Это порождаетъ въ администраціи и самой юстиціи власть не

Digitized by Google

юриальную, на столько же опасную, какъ власть военная или теократическая,—бюрократію. У народовъ свободныхъ чиновникъ всегда отвѣтственъ, и отвѣтственность его не пустое слово: онъ подлежитъ взысканіямъ, которыя обезпечиваются его имуществомъ и самою личностью, которыя оплачиваются всегда въ случаѣ превышенія власти и ошибокъ, и притомъ скоро и легко. Пока вы не установите этого рода отвѣтственности въ государствѣ, не ждите въ немъ свободы.

«Демократія имѣетъ собственный свой порядокъ, общинный, областной и національный. Этотъ демократическій порядокъ называется республикой, а эта республика—федераціей. Попробуйте мнѣ указать какой нибудь инаго рода организмъ, который былъ бы истинно демократическимъ.

«Общественные организмы развиваются по тѣмъ же законамъ, по которымъ развивается и природа. Законъ геологіи состоитъ въ томъ, что организмы природы соотвѣтствуютъ физическому, химическому и климатологическому состоянію нашей планеты; законъ исторіи въ томъ, что организмы политическіе соотвѣтствуютъ общественной средѣ, въ которой они развиваются. Когда земля представляла изъ себя океанъ жидкаго огня, когда, позднѣе, она начинала облекаться въ гранитную кору, и вода, стремительно падая на эту раскаленную оболочку, отбрасывала въ атмосферу смерчи пара, перерѣзываемые молніею и разрываемые электричествомъ,—въ это время, развитіе какихъ бы то ни было организмовъ на ней было невозможно. Точно также и въ человѣческомъ обществѣ первоначальное состояніе дикости не допускаетъ, собственно говоря, никакого общественнаго устройства.

«Но какъ только поверхность нашей планеты начала усовершенствоваться, сейчасъ же появились на ней и стали развиваться вмѣстѣ съ ней земные организмы: то же самое соотношеніе обнаруживается между прогресомъ ума и прогресомъ человѣческаго общества. Первобытные волнующіеся океаны, осаждая минеральныя кристализованныя организаціи, служатъ предвозвѣстниками жизни, которая и появляется вслѣдъ затѣмъ въ элементарной формѣ простѣйшихъ животныхъ—инфузорій, зоофитовъ, молюсковъ, на подводныхъ меляхъ, облитыхъ первообразными порослями. Позднѣе, на этихъ начальныхъ основахъ жизни, возникаютъ самыя простыя, членообразныя и позвоночныя формы тѣхъ организмовъ, типы которыхъ, наиболѣе развитые, требуютъ уже вдыханія въ себя воздуха все съ большимъ и большимъ количествомъ

Digitized by Google

кислорода. Въ третичной формаціи на нашей планетѣ появляется уже то климатологическое разнообразіе, которое допускаетъ самое разнообразіе органическое, и только слѣдующіе затѣмъ послѣдніе перевороты нашей планеты производятъ форму человѣческую, мужчину и женщину, которые являются такимъ образомъ какъ цвѣтъ и плодъ чуднаго дерева всемірнаго организма.

«Параллельно этому великому геологическому развитію, исторія показываетъ намъ послѣдовательное развитіе общественныхъ состояній и формъ: нарію въ государствахъ Востока, илота въ поселеніяхъ Греціи, невольника въ римскомъ мірѣ, раба въ обществахъ средневѣковой эпохи, подданнаго въ деспотическихъ государствахъ, наконецъ, гражданина въ демократіи, республикѣ и всемірной федераціи. Эти соціальные организмы и свойственные каждому изъ нихъ продукты, въ исторіи человѣчества, составляютъ результатъ переворотовъ, не менѣе замѣчательныхъ, и измѣненій, не менѣе чудныхъ, чѣмъ тѣ, которыя обозначили катастрофы и послѣдовательныя эпохи въ исторіи нашей планеты.

«Міровой законъ влагаетъ въ каждое органическое существо условія его собственной жизни и извѣстную соразмѣрность отношеній съ окружающею средой, такъ что отъ наличности этихъ условій и соразмѣрности отношеній зависитъ существованіе организма. Существо, не удовлетворяющее этому двойному требованію, погибаетъ; въ этомъ состоитъ неумолимый законъ борьбы существъ за жизнь. Но всѣ эти открытія новѣйшаго знанія прилагаются и къ человѣческому обществу; потому, можно положительно утверждать, что и всякій демократическій организмъ, который не осуществляетъ въ себѣ условій его собственной демократической жизни, не можетъ имѣть продолжительнаго существованія. И если демократія обозначаетъ собою участіе народа въ жизни общественной и политической, то я утверждаю, что это участіе не возможно иначе, какъ въ средѣ и путемъ общинныхъ, областныхъ и національныхъ организмовъ, которые признаетъ и провозглашаетъ республиканская школа. Назовите мнѣ монархію, гдѣ всеобщая подача голосовъ шла бы рука объ руку съ развитіемъ правъ индивидуальныхъ. Въ Бельгіи, въ Англіи, вы найдете гарантіи личныхъ правъ, но вы не встрѣтите тамъ всеобщей подачи голосовъ. Союзъ всеобщаго голосованія и личныхъ правъ не можетъ быть искренно и прочно реализованъ внѣ федеративной республиканской организаціи; только она одна совмѣщаетъ въ себѣ логическія, раціональныя условія этого союза.

Digitized by Google

«Федеративная, республиканская организація не представляетъ никакой опасности для національнаго единства. Человѣческія общества стремятся въ наше время къ двумъ цѣлямъ: они желаютъ, съ одной стороны, полнѣйшей личной свободы, съ другой,— наибольшаго вліянія на общечеловѣческіе интересы. Но они не могутъ осуществить полной свободы иначе, какъ въ этихъ маленькихъ республикахъ, называемыхъ общинами; съ другой стороны, они не могутъ оказать и упрочить за собой вліянія на человѣчество иначе, какъ соединясь въ большія національности. Федерація есть связь, гарантія общины и націи. Новые интересы, идеи и чувства волнуютъ современное человѣчество: въ нихъ магнитъ нашего времени, струя исторіи. Нашъ вѣкъ есть переходъ отъ національностей къ человѣчеству, точно также какъ XV-й вѣкъ былъ переходомъ отъ феодализма къ національностямъ. Великое нравственное вліяніе исходитъ изъ маленькихъ республикъ, тогда какъ сильное вліяніе политическое принадлежитъ великимъ народностяхъ.

«Философъ Ферари сказалъ, что всѣ великіе люди вышли изъ маленькихъ республикъ и преимущественно изъ республикъ федеральныхъ. И дѣйствительно, кто научилъ насъ свободѣ торговли, если не Амстердамъ и Антверпенъ? Не во Флоренціи ли родился вексель, и не въ Генуѣ ли банкъ? Джіоло изобрѣлъ компасъ; пизанецъ Басчетто усовершенствовалъ подъёмную машину; генуезецъ Колумбъ подарилъ цѣлую часть свѣта нашей Испаніи. Наконецъ, развѣ не наши герои—Аристидъ и Ѳемистоклъ, и развѣ не завидуютъ Демосѳену наши ораторы, какъ Фидію—наши скульпторы?

«Семьдесятъ два городка Греціи подарили насъ семьюдесятью двумя философами, которые основали зданіе человѣческой мысли; діалектика вышла изъ Мегары, метафизика изъ Элеи; великій потокъ платонизма неоспоримо напоминаетъ Иссу, Пирей, Гиметъ и тѣ горныя вершины, которыя лучи солнца, вдохновлявшаго аѳинскаго генія, покрывали золотомъ при предсмертныхъ взглядахъ Сократа, подобно тому, какъ его душу позлащала надежда на безсмертіе. Лучшіе геніи вѣка Августа родились во времена республики, или въ муниципальныхъ городахъ, Падуѣ, Мантуѣ. Поэтъ временъ имперіи, Луканъ, обязанъ своимъ вдохновеніемъ той скорби, которую вызвала въ немъ катастрофа, положившая конецъ республикѣ. Наконецъ, развѣ удалось бы великому историку Тациту внѣдрить въ человѣческую совѣсть

Digitized by Google

презрѣніе къ тираніи, еслибъ онъ не закалилъ своего пера въ огнѣ республиканскихъ страстей?

«То же самое мы видимъ во всѣ времена: Аверроесъ и Маймонидъ, эта средневѣковая слава наша, возсіяли въ ту эпоху, когда громадный калифатъ Кордовы раздробился на нѣсколько меньшихъ центровъ. св. Анзельмъ принадлежитъ Аосту, Пьеръ Ломбардъ—Новаррѣ, св. Ѳома—Аквину, Жіорданъ Брюно—Нолѣ; Телезіо—Козенцѣ, Декартъ, Байль и Вольтеръ родились во Франціи, но писали свои сочиненія—два первые въ Голландіи, послѣдній въ Швейцаріи. Критическая философія впервые появилась въ Кёнигсбергѣ въ лицѣ Канта, а въ Женевѣ вмѣстѣ съ Руссо родилась революція. Вашингтонъ, патрицій Виргиніи, служитъ образцемъ государственныхъ мужей, какъ Франклинъ, плебей Пенсильваніи,—образцемъ великихъ гражданъ. Приложеніе движущей силы пара къ паровой машинѣ и электричества къ телеграфу обязаны своимъ происхожденіемъ Соединеннымъ Штатамъ, точно также какъ средневѣковое возрожденіе—итальянскимъ республикамъ.

«Итакъ, идеалъ нашей эпохи можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: свободные граждане въ свободныхъ, на основаніи автономіи управляющихся, общинахъ; соединеніе этихъ послѣднихъ въ свободныя, обладающія автономіей области или провинціи; союзъ областей—въ свободныя, самоуправляющіяся націи; союзъ націй—во единое и великое цѣлое всего человѣчества.

«Солидарность интересовъ и идей создаетъ быстро въ наше время солидарность общечеловѣческую. Безучастіе одной провинціи къ гнуснымъ дѣйствіямъ, совершающимся въ другой, уже становится непонятнымъ. Теперь свобода одного народа связана съ свободою другихъ народовъ; всѣ интересы сталкиваются, перекрещиваются, поддерживаютъ другъ друга и пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе живое чувство взаимной солидарности.

«Я сказалъ выше, что наша эпоха представляетъ переходъ отъ національностей къ высшему организму человѣчества. Этимъ я не хочу сказать, что движеніе это когда нибудь останавливается; нѣтъ, но въ немъ бываютъ времена тихаго спокойствія и времена напряженной, творческой дѣятельности.

«Вѣроятно, никто не будетъ отрицать, что V столѣтіе было переходомъ отъ римскаго цезаризма къ теократическому феодализму, а XI переходомъ отъ этого послѣдняго къ феодализму военному съ его рѣзкимъ контрастомъ—муниципальными учрежденіями; XV столѣтіе создало національности. Нашъ вѣкъ, нако-

Digitized by Google

нецъ, вѣкъ бурь, порожденный въ грозныхъ тучахъ конвента, видимо идетъ къ конфедераціи континентальныхъ народовъ,—фазисъ, который нѣкоторое время будетъ предшествовать окончательному образованію общечеловѣческаго организма. Для развитія этого единства, мы должны, параллельно ему, установить всю полноту свободы личной, всю полноту свободы общинной, областной, національной и проч.,—однимъ словомъ, дать всѣмъ этимъ послѣдовательнымъ единицамъ соціальной іерархіи полнѣйшую и совершеннѣйшую автономію.

«Въ итогѣ, г. депутаты, наше предложеніе сводится къ тому, чтобы соціальное устройство было воплощеніемъ нашей собственной природы. Если я ношу свою законодательную власть въ своемъ разумѣ, власть юридическую въ своей совѣсти, власть исполнительную въ своей волѣ, то я требую для общины власти законодательной—первичныхъ собраній, власти судебной—суда присяжныхъ, власти исполнительной—ayuntamiento (то есть, общиннаго муниципальнаго совѣта или корпуса), и чтобъ эти три власти индивидуума и общины послѣдовательно повторялись въ устройствѣ области и націи. Таковъ, милостивые государи, принципъ и типъ нашего воззрѣнія на организмъ политическій и административный. Какъ же вы хотите, чтобы при свѣтѣ этого воззрѣнія, этой стройной системы идей, мы что нибудь другое видѣли въ вашемъ проектѣ муниципальнаго и областнаго закона, кромѣ произвольнаго, искусственнаго, нескладнаго построенія, въ которомъ самовластіе Византіи и очевиднѣйшая непослѣдовательность спорятъ между собой и превосходятъ одна другую?...»

Здѣсь ораторъ спеціально обозначаетъ главныя статьи проекта, чтобъ уничтожить ихъ своей критикой, и продолжаетъ:

«Съ системой административной происходитъ то же самое, что и съ финансовой: вы можете, сколько угодно, хлопотать объ ограниченіи,—оно всегда будетъ зависѣть отъ политики. Самовластной политикѣ соотвѣтствуютъ продажа должностей и безсмѣнные правители, которыхъ политика либеральная желала бы подчинить смѣнѣ и избранію. Новѣйшій, наполеоновскій, цезаризмъ, который, въ подражаніе древнему, забавляется, предоставляя народу одни наружные признаки власти и оставляя за собой всю сущность ея, конечно, созоветъ совѣты и собранія; но онъ предоставитъ имъ лишь совѣщательный голосъ и лишь внѣшній видъ свободы: такъ Августъ оставилъ трибунамъ, консуламъ, преторамъ и проч. ихъ титулы, кавтаны и сѣдалища, но перенесъ на себя самого

Digitized by Google

ихъ власть. Тамъ, гдѣ будетъ господствовать елементъ аристократическій, администрація будетъ децентрализована и либеральна, но проникнута привиллегіей и духомъ касты. Тамъ, наконецъ, гдѣ разовьется демократія, гражданинъ получитъ право контролировать администрацію и будетъ считаться съ ней передъ народными собраніями, или судомъ присяжныхъ.

«Я хочу администраціи демократическаго государства, точно также какъ хочу демократическихъ основныхъ законовъ, но я хочу видѣть ее независимой отъ правительства, чтобъ она, въ его рукахъ, не сдѣлалась избирательною машиной; я хочу, чтобъ она была энергична и быстра, и чтобъ въ виду этой цѣли ее постоянно безпокоили контроль и мнѣніе управляемыхъ; я хочу, чтобъ она была отвѣтственна не передъ правительствомъ, а передъ населеніемъ. Я, наконецъ, не могу понять конституціи, признающей за народомъ способность обсуждать и рѣшать самыя важныя дѣла государственныя и отказывающей ему въ этой способности, когда дѣло идетъ объ управленіи такихъ дѣлъ, которыя ближе всего его касаются, которыя лучше всего ему извѣстны, которыя по преимуществу его интересуютъ,—дѣлъ его собственныхъ общинъ. Нѣтъ, господа, выше того типа политической и административной организаціи, который мы защищаемъ, нѣтъ истинно демократической организаціи.

«Я заклинаю васъ, представители Испаніи, возвратить испанскому народу его общинную жизнь. Кто знаетъ, не питаетъ ли какая нибудь сосѣдняя держава маленькаго желанія вмѣшаться въ наши дѣла,—хотя жестокіе уроки должны бы, кажется, научить ее, что вмѣшательство въ наши дѣла, или въ дѣла другихъ націй, которыя за моремъ и которыя успѣли освободиться отъ нашихъ открытій и завоеваній, не удается кесарямъ. Покажите вашу предусмотрительность и возстановите испанскую общинную и областную свободу. Ея слава и ея бѣдствіе суть слава и бѣдствіе отечества...»

Великолѣпное окончаніе рѣчи, содержащее быстрый обзоръ исторіи Испаніи, оправдываетъ это положеніе, доказывая, что состояніе Испаніи всегда соотвѣтствовало состоянію ея общинной жизни. Ораторъ заключаетъ свою рѣчь слѣдующими словами:

«Когда общинная жизнь была подавлена,—пало и отечество: оно все поглотилось въ личности Карла II-го; а когда, съ войной за независимость, воскресла община,—вмѣстѣ съ нею воскресли кортесы и достоинство націи. Община есть истинный домашній очагъ на

Digitized by Google

родовъ,—и на ея раціональномъ устройствѣ, цементъ котораго составятъ свобода и демократія, воздвигнется величественное зданіе новой Европы, единой и множественной, — я хочу сказать: Европы *федеративной*».

Нельзя не видѣть поразительнаго совпаденія между излагаемымъ въ этой рѣчи ученіемъ и основнымъ стремленіемъ послѣдней французской революціи: Парижъ 18 марта стремился именно къ осуществленію тѣхъ идей, которыя такъ блестяще развилъ въ свой рѣчи Кастеляръ. Не забудемъ, что рѣчь эта произнесена въ Испаніи, странѣ свободы, и въ кортесахъ, гдѣ не въ обычаѣ стѣсняться ни мыслію, ни словомъ. Тѣмъ не менѣе она дышетъ величавымъ спокойствіемъ и проникнута глубоко-вѣрнымъ пониманіемъ значенія *общины*. Среди запальчивыхъ обвиненій, падающихъ теперь со всѣхъ сторонъ на дѣятелей революціи 18-го марта, столь одномысленныхъ съ Кастеляромъ,—обвиненій, показывающихъ неумѣнье отличить формы историческаго движенія отъ его смысла, иногда симпатичнаго, при всемъ безобразіи внѣшняго проявленія,—среди оглушительныхъ криковъ и проклятій, раздающихся надъ обгорѣлыми останками Парижа изъ лагеря легитимистовъ, клерикаловъ и буржуазіи, не желающихъ знать ничего, кромѣ интересовъ своего положенія и состоянія,—рѣчь Эмиліо Кастеляра является рѣшительнымъ отвѣтомъ на всѣ клеветы и, обнимая политическое цѣлое народа,—не во враждѣ общественно-государственныхъ елементовъ, а напротивъ въ ихъ стройномъ сочетаніи, въ гармоническомъ равновѣсіи ихъ дѣятельности, ставитъ залогъ народнаго благосостоянія и политическаго развитія.... *Община!*.. Огнемъ и кровію Западъ ищетъ, добивается создать себѣ этотъ «истинный домашній очагъ народовъ»—le veritable foyer doméstique des peuples. Какъ высоко, въ виду этого поворота въ западной жизни, поднимается на Востокѣ Европы значеніе самородныхъ сельскихъ и городскихъ общинъ, получившихъ самоуправленіе, какъ естественный продуктъ славянской жизни! Пройдя чрезъ всѣ самыя тяжелыя годины испытанія и оставшись тѣмъ не менѣе цѣлыми и невредимыми, не подтверждаютъ ли онѣ разумности и справедливости требованій, предъявленныхъ западно-европейскою демократіей, и не доказываютъ ли, что Востокъ и Западъ Европы идутъ, хотя и розными путями, къ наилучшему устройству общинно-государственнаго быта, не нарушая его коренныхъ формъ, созданныхъ духомъ и исторіею народа.

N.

15-го мая 1871 года.

Digitized by Google

ОЧЕРКИ СТАРОЙ СЕРБІИ *).

Духъ всего сербскаго народа, обитающаго на Балканскомъ полуостровѣ, какъ въ независимомъ княжествѣ Сербіи, такъ и въ областяхъ, подвластныхъ туркамъ, а равно въ Черной Горѣ, есть одинъ и тотъ же общинный духъ, духъ братства и равноправности. У всѣхъ одинъ и тотъ же строй общественныхъ дѣлъ, одинъ и тотъ же семейный бытъ, одни и тѣ же нравы (теперь нѣсколько измѣнившіеся въ Бѣлградѣ). Общею могучею скрѣпою служитъ преданіе отцовъ, проникнутое чувствомъ правды, чистотою совѣсти и стремленіемъ къ свободѣ. Эта единая общая связь составляетъ изъ всѣхъ сербовъ какъ-бы одну семью, одно цѣлое, одушевленное одною мыслію, одинаковымъ пониманіемъ жизни и народнаго дѣла. Общій братскій союзъ служитъ охраною неприкосновенности народнаго духа, не измѣнившагося въ теченіи вѣковъ.

Порабощенные сербы, не смотря на чужеземное иго, въ продолженіи почти 500 лѣтъ, сохранили невредимыми свой общественный бытъ и свою народность. До 1852 года вездѣ было одно и то же народное сборище, вѣче, какъ въ селахъ, такъ и въ городахъ. На этихъ вѣчахъ или мірскихъ сходкахъ разсуждали объ общихъ дѣлахъ всѣхъ семействъ, о работахъ обще-

*) Сочинитель право отдѣльнаго изданія и перевода на сербскій и другіе языки удерживаетъ за собою.

Digitized by Google

ственныхъ и о другихъ ежедневно, не согласились на это тре-
держался преданія предковъ, завѣщ нужно пересмотрѣть оружіе,
живать другъ друга, въ чемъ бы т возвращено назадъ, и чтобы
для одной общей цѣли. Какъ было аша велѣлъ всѣмъ кнезамъ
и теперь. Всѣхъ сербовъ связываетъ о приказаніе, явились, и тутъ
любовь, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣд кеніемъ своихъ пальцевъ
щіяся въ народѣ: «подѣлиться другъ съ дру ютъ положить оружіе,
мочь другъ другу, положить жизнь свою за др занным давать рек-
голова одного изъ народа за правду, тамъ до а то, что не со-
вы всѣхъ съ своими семействами». Мысль этих жній шокацъ
народныхъ изреченій ярко обрисовываетъ общественн ли, пус-
сербовъ и твердую основу ихъ народнаго быта, сохранившіеся доселѣ; и хотя жителямъ Босніи и Старой Сербіи, угнетеннымъ турецкимъ игомъ, былъ нанесенъ сильный ударъ отъ притѣснителей въ 1852 году, но турецкій деспотизмъ не смогъ уничтожить совершенно общественную жизнь народа. Правда, сербскій народъ лишился многихъ своихъ правъ чрезъ хитрость и обманъ Омера-паши и константинопольскихъ турокъ; но, будучи тѣсно связанъ одною общею мыслію и завѣтными преданіями, онъ еще удержалъ за собою кое-что такое, чего турки не могли уничтожить. Тогда бы только кончилась народная жизнь сербовъ, когда бы дикій произволъ варваровъ стеръ ихъ совсѣмъ съ лица родной земли; но, разъ уцѣлѣвши на могилахъ своихъ предковъ, въ своихъ общинахъ, они сберегли въ неприкосновенности свои обычаи, нравы и нѣкоторыя права.

Жители Босніи и Старой Сербіи до 1845 года составляли общины изъ большихъ и малыхъ городовъ и селъ. Большіе города назывались варошами (съ мадьярскаго), малые паланками (съ турецкаго). Иногда большой городъ назывался шеромъ (тоже съ турецкаго), какъ, на примѣръ, шеръ-Сараево въ Босніи. Всѣ эти города и села имѣли одну общую связь въ лицѣ своихъ представителей или учесныхъ людей, одинаковую дѣятельность въ общественныхъ дѣлахъ, которая выражалась въ собраніи или вѣчѣ. Эти-то собранія и сохранили въ цѣлости общинный бытъ и народное право во всей ихъ патріархальной простотѣ, и въ то же время были крѣпкимъ хранилищемъ вѣры народной, чистоты нравовъ, святости обычаевъ, вопреки всѣмъ усиліямъ турецкихъ преобразователей; они питали и поддерживали и ту стойкость народную, съ которою сербъ безтрепетно умиралъ за правду и за собрата. Руководствуясь своимъ народнымъ правомъ и

Digitized by Google

лъ столько, сколько слѣдовало, и
й нуждахъ на вѣчѣ. Этотъ способъ
былъ одинаковъ у всѣхъ сербовъ,
іяхъ, такъ и въ княжествѣ Сербіи;
дій голосъ народнаго совѣта. Нерѣдко
укахъ, защищалъ свое право и свои обы-
мъ и доселѣ. Съ 1852 года во всей Тур-
сильнѣе волнуется, чѣмъ прежде, потому
личиною улучшенія, нарушаютъ его обычное
ютъ его общественную жизнь. Крѣпко привязанный
даніямъ старины, народъ искоса смотритъ на нововведенія, посягающія на его единство, его цѣлость: онъ не понимаетъ чужихъ формъ жизни и обычаевъ и не хочетъ знать тѣхъ новыхъ законовъ, которые вырабатываются въ Константинополѣ, или заимствуются Портой у другихъ государствъ, будто бы въ видахъ распространенія европейской гражданственности, а въ сущности для своихъ собственныхъ выгодъ.

Преобразованія турецкаго правительства, клонившіяся ко вреду сербовъ, начались съ 1850 года и кончились тѣмъ, что не достигли своей цѣли. Въ попыткахъ, клонившихся лишь ко вреду сербовъ, турки только истощили свою казну, погубили много сербскаго народа и потеряли большую часть своего войска; кромѣ того, они вызвали сербовъ на ожесточенную борьбу и возбудили негодованіе и недовѣріе къ правительству.

Впрочемъ, сербскій народъ никогда не довѣрялъ туркамъ и былъ всегда на-сторожѣ. Платя положенную дань султану, онъ управлялся своимъ правомъ, основаннымъ на родныхъ обычаяхъ, и не допускалъ вмѣшательства чуждаго права. Въ 1850 году загорѣлась война между турецкимъ правительствомъ и боснійскими и герцеговинскими бегами. Противъ послѣднихъ былъ посланъ Омеръ-паша, подъ предлогомъ поданія помощи христіанамъ и улучшенія ихъ положенія. Слухъ объ этомъ немедленно разнесся между всѣми сербами, жившими въ Босніи, и оживилъ ихъ радостною надеждой. Омеръ-паша, затаивъ свою лукавую цѣль, не тревожилъ христіанъ, которые сохраняли самое строгое невмѣшательство въ отношеніи обѣихъ враждующихъ сторонъ; но, послѣ усмиренія беговъ, онъ обратилъ вниманіе на жизнь и порядокъ управленія сербовъ христіанъ и обманулъ ихъ. Онъ началъ съ того, что сталъ просить сербовъ выдать ему оружіе, въ примѣръ безпокойнымъ бегамъ, и чрезъ то принудить послѣднихъ также

Digitized by Google

къ выдачѣ оружія. Сербы, конечно, не согласились на это требованіе; тогда имъ объявили, что нужно пересмотрѣть оружіе, съ обѣщаніемъ, что оно будетъ имъ возвращено назадъ, и чтобы лучше ихъ увѣрить въ этомъ, Омеръ-паша велѣлъ всѣмъ кнезамъ явиться къ себѣ. Они исполнили его приказаніе, явились, и тутъ же заставили ихъ поручиться, съ приложеніемъ своихъ пальцевъ и печатей, что православные сербы обѣщаютъ положить оружіе, которое оставляется лишь мусульманамъ, обязаннымъ давать рекрутъ султану. Многіе кнезы заплатили жизнію за то, что не согласились на такое предложеніе. Омеръ-паша, прежній шокацъ (католикъ), зная духъ народа, для достиженія своей цѣли, пустилъ въ ходъ раздоръ между бегами и христіанами. Онъ поручилъ первымъ слѣдить за каждымъ сербомъ христіаниномъ; и если у котораго примѣтится оружіе, то, въ силу даннаго приказанія, отбирать и приносить въ назначенное мѣсто. Вскорѣ послѣ того былъ изданъ приказъ, чтобы всѣ христіане принесли оружіе, куда имъ будетъ указано; въ случаѣ отказа, ослушники лишатся жизни, а все ихъ имущество отберется въ казну (беглукъ). Что было дѣлать тогда христіанскому населенію? Омеръ-паша утвердился съ войскомъ въ городахъ и успѣлъ поссорить между собой православныхъ и отуреченныхъ сербовъ, обманывая тѣхъ и другихъ и имѣя въ виду ослабить чрезъ то сербскій народъ и нанести ударъ его общественной жизни. Многіе изъ народа, запуганные строгимъ приказомъ насчетъ сложенія оружія и поставленные въ самое затруднительное положеніе, выдали оружіе, боясь, съ одной стороны, навлечь на себя султанскія войска, а съ другой—страшась мщенія сербовъ мухамеданъ за то, что не пристали къ нимъ въ ихъ борьбѣ съ Омеромъ-пашей.

Такимъ образомъ хитрый отщепенецъ, при помощи лукавой политики турецкаго правительства, отобралъ у сербовъ оружіе и отослалъ его въ крѣпости: Яйце, Столацъ и другія. Покончивъ дѣло въ Босніи, онъ сталъ подбираться съ тѣмъ же предложеніемъ къ сербамъ въ Герцеговинѣ и Старой Сербіи; но тамъ невозможно было взять оружіе безъ крови и общенароднаго возстанія. На помощь сербамъ явились черногорцы, которые уже не разъ, съ оружіемъ въ рукахъ, выступали противъ турокъ за общую цѣль и въ защиту правъ сербскаго народа. Не пугаясь многочисленности турецкаго войска, вдесятеро превосходившаго, они съ обычною храбростью бросились на притѣснителей своихъ собратій.

Digitized by Google

Крымская война отвлекла на время Омера-пашу отъ его лукаваго предпріятія: онъ долженъ былъ присоединиться къ англо-французскимъ войскамъ. По окончаніи войны, турецкое правительство приступило къ отобранію оружія у всѣхъ православныхъ жителей въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи; но едва вышло это распоряженіе, клонившееся къ выгодамъ и безопасности турокъ, какъ всюду начались разбои. Турецкіе разбойники, подъ видомъ укрощенія черногорцевъ, бросились отнимать оружіе у православныхъ сербовъ. Омеръ-паша, посланный, какъ дѣтское пугало, турецкимъ правительствомъ на мѣсто борьбы, хотѣлъ рѣшить дѣло по прежнему—хитростію, но на этотъ разъ не имѣлъ успѣха. Его дѣйствія вызвали сильное сопротивленіе со стороны сербовъ противъ турецкаго деспотизма, и въ 1858 году, 6 іюня, произошло сильное народное возстаніе въ сѣверной части Босніи. Народъ рѣшился скорѣе погибнуть, нежели разстаться съ своимъ оружіемъ. Къ этому времени явились другіе паши изъ Константинополя, посланные будто бы для наблюденія за дѣйствіями черногорцевъ. Они начали душить христіанскій народъ и отнимать у него оружіе, при чемъ употребили сродное имъ лукавство: исполнителями воли правительства они выбрали отуреченныхъ сербовъ, и тѣ бросились мстить православнымъ за ихъ прошлое неучастіе въ возмущеніи противъ константинопольскихъ фанатиковъ турокъ. Началась сильная международная война. Для подкрѣпленія мухамеданъ пришла регулярная армія султана, которая, какъ мы видѣли прежде, въ 1850 году душила боснійскихъ и герцеговинскихъ агъ и беговъ, будто бы для защиты христіанъ. Та же участь постигла теперь и православныхъ. Сами войска начали бить, ловить и ссылать людей въ Константинополь въ заточеніе, а беговъ вооружать противъ православныхъ. Само правительство снабжало потурченяковъ оружіемъ, говоря: «Ловите своихъ враговъ, бейте гяуровъ!» Такимъ образомъ, послѣ многихъ сраженій въ сѣверной части Босніи, турки одержали верхъ надъ христіанами: много народа было сослано въ каторгу въ Константинополь и Малую Азію. Многихъ сербовъ тайно убивали, другихъ казнили явно, и отняли, наконецъ, оружіе у всѣхъ сербовъ почти въ цѣлой Босніи.

Послѣ усмиренія боснійскихъ христіанъ, турки съ тѣмъ же умысломъ двинулись въ Герцеговину, чтобы, посредствомъ обезоруженія, подчинить тамошнихъ сербовъ своему произволу. Къ этому же времени, для собственныхъ выгодъ, турки, посред-

Digitized by Google

ствомъ разныхъ преобразованій, придумали ввести новые законы, новыя правила, и такимъ образомъ само правительство султана вызвало герцеговинцевъ къ возстанію. Первое же требованіе турецкихъ пашей, чтобы сербскій народъ, населяющій этѣ области, положилъ оружіе, встрѣтило упорный отказъ. Турки стали употреблять насиліе, а народъ рѣшился скорѣе погибнуть, нежели разстаться съ оружіемъ, и возстаніе вспыхнуло. И не одни герцеговинцы поднялись на защиту своего народнаго права: черногорцы, не спрашивая позволенія у своего правительства, бросились къ нимъ на помощь, и вся Сербія готова была поголовно возстать за сохраненіе права своихъ предковъ и за братское свое единство. Характеръ возстанія и обычаи сербскаго народа доказали, что онъ ведетъ борьбу не за какую либо отдѣльную личность, а за общую цѣль—за сербскую свободу, что подтверждается битвой черногорцевъ на Граховѣ 1 мая, 1858 года, сраженіями въ княжествѣ Сербіи 9, 10, 11 и 12 декабря того же года, и низложеніемъ, по общему согласію народа, князя Александра Карагеоргіевича. Но, по недостатку еще полнаго сознанія и вслѣдствіе вмѣшательства иностранныхъ державъ, война герцеговинцевъ и черногорцевъ съ турками была прекращена; турки принуждены оставить герцеговинцевъ на прежнемъ положеніи, съ черногорцами заключили миръ, и сербскій народъ успокоился.

Въ этомъ очеркѣ я хотѣлъ только бросить бѣглый взглядъ на событія, мнѣ довольно близко извѣстныя; а затѣмъ перехожу къ народной жизни и постараюсь очертить ее въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранялась, по крайней мѣрѣ, до 1845 года.

Сельская община.

Сербы, жившіе внѣ городовъ, распредѣлялись по селамъ и сельцамъ (малое село). Кто былъ изъ какого села, или сельца, тому давалось и прозвище такое. По общинамъ сербы не назывались, хотя имѣли общинный бытъ. Прежній составъ сербскихъ селъ имѣлъ одинъ общій характеръ, какъ въ княжествѣ Сербіи, такъ и въ турецкихъ владѣніяхъ. Села раздѣлялись на большія, или собственно села, и малыя, или сельца, сообразно съ количествомъ населенія и числомъ домовъ. Тѣ и другія имѣли свой общественный бытъ и всѣ знали другъ друга. Всѣ села и сельца были равноправны между собою въ юридическомъ отношеніи.

Digitized by Google

Кромѣ большихъ и малыхъ селъ были еще поселки: такъ назывались малолюдныя сельбища въ горахъ и лѣсахъ, вдали отъ селъ и сельцовъ. Жители ихъ, числомъ отъ трехъ до пяти семействъ, назывались засельчанами, потому что обитали далеко отъ населенныхъ мѣстъ. Нѣкогда предки ихъ расчистили лѣсъ и поселились на небольшомъ пространствѣ между горъ, или около рѣки.

Всякое село имѣло свои границы, свой лѣсъ, сѣнокосъ, свои планины или горныя пустопорожнія земли для пастбища и воды. Если это была рѣка, то на ней устроивались мельницы, принадлежавшія населенію большихъ и малыхъ селъ. Дороги, деревья, горы, скалы служили естественными границами селъ. Такія границы бо́льшаго размѣра назывались межами (искусственные предѣлы) и удутами (природныя межи), а искусственныя — билѣгами [1]). Княжескія нахіи (уѣзды), священническія нуріи или приходы (парохи), епископскія епархіи, кадилуки (судебные округи), пашалыки, точно также отдѣлялись межами и удутами. Это были внѣшнія границы селъ; но для внутренняго дѣленія земель, принадлежащихъ каждому селу, и для обозначенія межъ, употребляли другіе знаки, называвшіеся вообще билѣгами, камнемъ, килою (кучею), иногда нишаномъ (мѣта), только очень рѣдко. Болѣе всего каждому сербу были понятны четыре названія: медя (межа), граница, билѣга, удутъ.

Народъ имѣлъ свое особое сборище, мірскую сходку или вѣче; но опредѣленнаго мѣста для совѣщаній не было. Завѣдываніе общими дѣлами поручалось старшинѣ или кмету, который выбирался старѣйшинами изъ каждаго дома со всего села. Поселки не имѣли ни своего вѣча, ни кмета. Поселокъ обыкновенно причислялся къ тому селу или сельцу, съ границами котораго онъ соприкасался. Сюда, въ это большое или малое село, высылалъ онъ и своихъ старѣйшинъ на сходки и вѣча.

Выборъ производился всѣми селянами или всѣмъ міромъ: «Какъ всѣ люди сказали, такъ и быть». На этомъ основаніи кметъ былъ представителемъ цѣлой общины и долженъ былъ всегда дѣйствовать въ пользу народную. Кметъ обыкновенно выбирался на одинъ годъ и не имѣлъ никакой грамоты на это званіе. По прошествіи года, поселяне собирались на назначенное мѣсто по приглашенію самого кмета, и если онъ былъ хорошъ и справед-

[1]) Билѣга, белѣгъ—знакъ, мѣта.

Digitized by Google

ливъ ко всѣмъ, то его оставляли на этой должности еще на годъ. Такимъ образомъ, кметъ честнаго поведенія и заслужившій любовь народа могъ выбираться каждогодно, до самаго конца своей жизни. Кметъ получалъ только по одному грошу съ податной (порѣзской) головы, то есть, по 5 коп. съ женатаго человѣка, платившаго подать туркамъ два раза въ годъ, къ Егорьеву и Дмитрову дню, почему и подать эта называется порѣзомъ дюрдевскимъ (юрьевскимъ) и митровскимъ (дмитровскимъ). Слѣдовательно, кметъ получалъ въ годъ со всякой податной головы по 2 гроша (10 к. сер.). Кромѣ того кмету платился прирѣзъ съ каждой головы, по расчисленію всѣхъ людей, сколько нужно будетъ издержать на сборъ подати (порѣзицу), на порѣзщенскихъ людей, собирающихъ эту подать съ народа. Все это кметъ долженъ былъ узнавать отъ кнеза и къ нему обращаться всегда за совѣтомъ.

Кнезъ былъ выше кмета. Онъ получалъ грамоту или ярлыкъ (бурунтію) прямо отъ визиря, или паши, на управленіе такою-то волостью или нахіей. Есть народная поговорка: «Кметъ—голова села, а кнезъ—всѣхъ» [1]). Кромѣ визиря, или паши, никто не могъ взять подъ стражу или осрамить кнеза, и ни одинъ турокъ, даже бегъ, не смѣлъ ему противиться. Народъ глубоко уважалъ своихъ кнезовъ, какъ первыхъ своихъ защитниковъ и ходатаевъ: «Кнезы берегутъ народъ отъ турокъ, а пастухи овецъ отъ волковъ» [2]). «Кнезы выбираются народомъ, чтобы защищать правду и народъ отъ злодѣевъ» [3]). Въ случаѣ какого оскорбленія, или притѣсненія, кнеза, онъ обращался къ своимъ товарищамъ, и всѣ кнезы собирались на вѣче, разсуждали, разсматривали дѣло, и потомъ уже отъ имени народа жаловались на такого-то турка. Если турецкое начальство оставляло это дѣло безъ вниманія, то кнезы отправлялись прямо къ визирю, или пашѣ, и жаловались на безпечность и бездѣйствіе бега муселима. Разборъ дѣла поручался чиновнику визиря или бумбаширу. Къ нему являлись всѣ сельскіе кметы и поручались своими головами за кнеза. Но, прежде этого, если кнезъ былъ честный, справедливый человѣкъ и твердо стоялъ за народъ, кметы совѣтовались съ поселянами и, узнавъ ихъ мнѣніе, тогда уже приходили къ бумбаширу, кланялись ему,

[1]) Кметъ—глава села, а кнезъ—свиня.

[2]) Кнезови чуваю народъ одъ турака, а чобани овце одъ вукова.

[3]) Кнезови се народомъ избираю, да правду броне и народъ одъ душмана.

Digitized by Google

положивъ руку на грудь, и говорили каждый отъ имени своего села въ защиту кнеза. Кнезъ, пріобрѣтшій народное уваженіе и любовь, былъ въ безопасности. Народъ, въ такомъ случаѣ, всегда говорилъ: «Мы стоимъ нашими головами и нашими семьями за правду и за кнеза». Эти слова народа кметы передавали бумбаширу; а какъ все это происходило устнымъ образомъ, просто, безъ всякихъ формальностей, то бумбаширъ приказывалъ записывать на бумагѣ народныя слова; послѣ того кнезы, а потомъ кметы, подписывали эту бумагу (арзовалъ) или, за незнаніемъ грамоты, прикладывали къ ней свои пальцы, и препровождали ее къ визирю. Если весь народъ возставалъ противъ бега, или муселима, его стерегли, чтобъ онъ куда не скрылся, и онъ долженъ былъ представить за себя поруку изъ турокъ и сербовъ. Въ прежнія времена эта тяжба была очень важна для обѣихъ противныхъ сторонъ. По разсмотрѣніи арзовала или жалобы (давіи) между спорившими, визирь посылалъ другого бумбашира съ людьми, называемыми пашайліе, и если бегъ не оправдывался передъ бумбаширомъ, или народомъ, его брали какъ злодѣя (зулумтяра) и подъ стражею приводили на допросъ къ визирю. Виновный строго отвѣчалъ за свои злоупотребленія, если только визирь, или паша былъ справедливъ; преступника ссылали въ заточеніе (сюргунлукъ). Но не всегда, однако, мусульманинъ былъ искрененъ въ своемъ признаніи. Если только онъ зналъ, что паша способенъ покривить душею,—ложь, запирательство и клевета пускались въ ходъ. «У турка вѣра на колѣну» [1]). Тогда представителямъ народнымъ — кнезамъ—первымъ грозила бѣда. Вотъ почему народъ говорилъ: «Тяжело кметамъ и поселянамъ, а кнезамъ еще тяжелѣ» [2]). Среди безправія власти и произвола силы, трудно было отстаивать свой народъ. Турокъ могъ безнаказанно отпереться передъ неправеднымъ пашею, и тогда тяжба могла имѣть гибельный исходъ для кнеза, и потому «у каждаго кнеза передъ визиремъ и пашею голова виситъ на ниточнѣ» [3]). Призванный на мураву, то есть, на судъ визиря, или паши, бегъ старался оправдаться передъ грознымъ судомъ, взваливалъ всю вину на народъ и на кнезовъ и, вмѣстѣ съ прочими турками, клеветалъ на нихъ; тогда на кнезовъ первыхъ падала вся злоба

---

[1]) У турчина вѣра на колѣну.

[2]) Кметовима и селяцима тешко, а кнезовима найтеже.

[3]) Предъ везиромъ и пашомъ свакомъ кнезу глава о концу виси.

Digitized by Google

турецкой мести за мнимую несправедливость тяжебъ: «Кнезы первые приложили пальцы, первые и заплатили головами» [1]). Ихъ или задушали, или отравляли: «Честный кнезъ за народную правду умираетъ отъ яда» [2]). Много разъ повторялись такія явленія: я приведу три случая, какъ хорошо мнѣ извѣстные, когда кнезы поплатились жизнію за свой народъ. Въ 1845 году, за споръ съ Рашидомъ-бегомъ, изъ Новой Вароши, кнезъ Савва Джуровичъ, изъ Бѣлаго Брда, былъ отравленъ въ Новомъ Пазарѣ. Потомъ, не помню въ которомъ году, турки казнили стараго кнеза Милосава Станоевича, изъ села Ябука: въ Новой Варошѣ ему отрубили голову. Этотъ честный старецъ былъ долгое время кнезомъ старовлашскимъ и полимскимъ и почитался въ томъ краю столномъ народа (такъ обыкновенно сербы называютъ хорошихъ людей, крѣпко стоящихъ за права цѣлаго племени). Былъ еще кнезъ Борисавлевичъ, изъ Новой Вароши, твердо отстаивавшій народную правду. Его вызвали, за споръ съ Айдаромъ-бегомъ того же края, къ визирю и удушили въ темницѣ.

Такой судъ, безъ изслѣдованія, народъ называлъ злодѣйствомъ (зулумомъ), и всѣ тѣ, которые прилагали свою подпись или пальцы къ арзовалу, въ бѣгствѣ искали спасенія съ своими семействами, повторяя: «Всѣ люди надѣются на правду, а турки на силу и неправду» [3]). Кто же не успѣвалъ взять своихъ домашнихъ, тотъ бѣжалъ въ Черную Гору, или въ княжество Сербію. Бѣглецы брались за оружіе и скрывались въ лѣсахъ, откуда грозили истребленіемъ и местію мухамеданамъ за ихъ клевету и несправедливость къ сербскому христіанскому народу.

Сходка, вѣче и судъ.

Всѣ общественныя дѣла сербы рѣшали и судили на мірскихъ сходкахъ, или вѣчахъ, что вообще называлось састанакъ (сходка). Характеръ састанковъ былъ очень простъ и понятенъ каждому сербу. Главными представителями сельскихъ обществъ были: кметы (старосты) и кнезы (старшины). Кметами созывался састанакъ, который былъ большой, или малый. На большой састанакъ

---

[1]) Првіи кнезове прстима притиснули, првіи и главама платили.

[2]) Поштенъ кнезъ за правду народа умире едъ піе.

[3]) Сви се люди уздаю у правду, а турци у силу и неправду.

Digitized by Google

кнезъ собиралъ по одному кмету изъ каждаго села; иногда сходилось нѣсколько кнезовъ и кметовъ изъ многихъ селъ, что называлось уже вѣчемъ. Тамъ разсуждали о народныхъ дѣлахъ. Малый састанакъ равнялся русской мірской сходкѣ. На немъ кметъ каждаго села рѣшалъ мелкія тяжбы, мирилъ ссорившихся. Каждое дѣло разсматривалось сперва однимъ кметомъ съ двумя присутствующими лицами того села, гдѣ случилась тяжба. Если же кметъ не могъ на первоначальномъ судѣ примирить тяжущихся, то откладывалъ дѣло до састанка, куда собирались всѣ поселяне. На састанкѣ каждый объявлялъ, почему былъ недоволенъ первоначальнымъ рѣшеніемъ кмета при разбирательствѣ тяжбы, и дѣло сызнова разсматривалось.

Судъ начинался обыкновенно такимъ образомъ: тяжущіяся стороны отправлялись къ кмету вмѣстѣ, или порознь, и просили его разобрать ихъ дѣло. Для примѣра приведу такого рода тяжбу: чья нибудь скотина зашла въ чужое поле; хозяинъ загонялъ скотину въ свою загородь и задерживалъ ее до тѣхъ поръ, пока владѣлецъ не заплатитъ потрицу и потру, то есть, убытокъ, понесенный отъ потравы. Положимъ, что виновный соглашался заплатить, но противная сторона удерживала скотину, и такимъ образомъ завязывалась тяжба. Истецъ объявлялъ кмету, что скотина такого-то причинила ему убытокъ, и онъ загналъ ее къ себѣ; отвѣтчикъ, съ своей стороны, жаловался кмету, что такой-то не отдаетъ ему скотины, и что онъ терпитъ чрезъ то убытокъ. Кметъ шелъ на потравленное поле и приказывалъ выпустить скотину, но не иначе, какъ сочтя, сколько было крупнаго скота, сколько мелкаго, дабы вѣрнѣе опредѣлить понесенный убытокъ. Иногда разныя обстоятельства препятствовали кмету лично произвести осмотръ, тогда онъ уговаривалъ спорющихъ помириться и отпустить задержанную скотину и совѣтовалъ пригласить двухъ свидѣтелей для счета скотины, а самъ назначалъ день, когда придетъ для рѣшенія дѣла.

Два постороннія лица считали мелкій скотъ: овецъ и козъ, сколько ягнятъ и козлятъ, и крупный скотъ: коровъ, быковъ и телятъ, лошадей и жеребятъ. Виновному говорили: «Заплати за убытокъ, или присматривай за своею скотиной; а если не можешь, то продай, чтобы не разорять другаго». Послѣднія слова прибавлялись, когда виновный извинялся нечаянностію, или неимѣніемъ пастуха. Сочтенный скотъ выпускали, и хозяинъ гналъ его домой. Но истецъ могъ не отдавать его до тѣхъ поръ, пока ему не заплатятъ за всѣ убытки.

Digitized by Google

Если знали, кому принадлежала загнанная скотина, то немедленно извѣщали ея хозяина; а если не знали, то объявляли своему кмету, и понесшій убытокъ держалъ у себя скотину, но не смѣлъ ни продать, ни убить ее, а берегъ до састанка всѣхъ поселянъ, гдѣ разбирались спорныя дѣла.

О задержаніи чужой скотины объявлялось до семи дней кмету, или сосѣду; молчаніе считалось за воровство. Запрещалось даже продержать ее ночь, или день, а слѣдовало навести свидѣтелей, чтобъ они заявили, что скотина дѣйствительно была загната въ такое-то время. Въ этомъ случаѣ обращалось вниманіе на ея ометъ, что въ немъ заключалось: хлѣбъ, зрѣлая пшеница, просо, кукуруза, ячмень и пр. Скотину иногда удерживали сутки, чтобы по испражненію видѣть, что она потравила, а иногда, для ускоренія дѣла, давали ей теплое масло съ медомъ.

Вообще задержаніе чужой скотины на своемъ дворѣ, безъ объявленія о томъ кмету, или сосѣду, считалось дѣломъ безчестнымъ, и, въ случаѣ пропажи животнаго, задержавшій долженъ было заплатить его хозяину то, чего оно стоило. Могло случиться такъ, что скотина была задержана въ трехъ мѣстахъ, и въ одномъ пробыла 5 дней, въ другомъ 6—7, а въ третьемъ пропала вовсе. Поселяне немедленно отыскали виновнаго, при чемъ обращали вниманіе на то, гдѣ скотина была въ послѣдній разъ, и если находили шкуру у того, кто загналъ ее, или у того, которому загнавшій продалъ скотину подъ видомъ своей, то загнавшаго признавали воромъ и присуждали къ уплатѣ въ два, а иногда въ три и четыре раза больше противъ настоящей стоимости украденаго.

Такія дѣла должны были рѣшаться непремѣнно на састанкѣ, при содѣйствіи кмета и прочихъ сельчанъ. Въ этихъ судахъ старые люди пользовались бо̀льшимъ преимуществомъ, и ихъ послѣднее слово рѣшало дѣло.

Сербскія деревни были бо̀льшею частію разбросаны по горамъ, и дома находились въ далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Для этого требовалось, по крайней мѣрѣ, за день объявить каждому о сборѣ састанка, а иногда и за нѣсколько дней. Обязанность созывать на састанакъ лежала на кметѣ каждаго села; онъ назначалъ день и мѣсто састанка. Идя пѣшкомъ по селу, или ѣдучи верхомъ, онъ объявлялъ, что састанакъ будетъ на такомъ-то мѣстѣ, или у такого-то дома; если же не успѣвалъ обойти всѣхъ поселянъ, то поручалъ объявить о састанкѣ кому нибудь изъ своего села, или сельца, и принявшій это порученіе шелъ немед-

Digitized by Google

лонно самъ, или посылалъ кого нибудь изъ своихъ домашнихъ. Ходили не въ каждый домъ, а оповѣщали одному человѣку изъ той мѣстности, гдѣ находилось нѣсколько домовъ, и такимъ образомъ всѣ сельчане увѣдомляли другъ друга о састанкѣ.

Приглашеніе кмета передавалось обыкновенно старѣйшинамъ семействъ, а въ ихъ отсутствіи домашнимъ. Въ силу этого, каждый долженъ былъ явиться на састанакъ, обязательный для всего населенія, подвѣдомственнаго кмету на всемъ пространствѣ его вѣдомства. На межахъ и удутахъ сосѣднихъ селъ кончались вызовы: чужихъ поселянъ никто не имѣлъ права звать на састанакъ или на судъ. Отъ явки на састанакъ не исключались и вдовыя женщины. Вдова являлась, какъ глава семейства, если по смерти мужа она управляла домомъ, распоряжалась имуществомъ и содержала дѣтей, отказавшись отъ вторичнаго замужства. Какъ старшая въ семьѣ, она называлась женска голова или женска сторона, и пользовалась такимъ же правомъ на састанкѣ, какъ и прочіе старѣйшины семействъ. За отсутствіемъ старѣйшины, по какой бы то ни было причинѣ, на састанакъ являлся кто нибудь изъ домашнихъ: дядя, братъ, мать, даже жена, если никого не было дома. Малолѣтный сынъ могъ также итти на састанакъ и объявить, что отца нѣтъ дома, а мать осталась по болѣзни, или съ груднымъ ребенкомъ. Тогда ихъ сосѣдъ подтверждалъ эти показанія и бралъ на себя право говорить за отсутствующее лицо и, имѣя на своей сторонѣ два голоса, соглашался, или не соглашался, съ предложенными мнѣніями.

Правила састанка требовали полнаго числа голосовъ, и, за отсутствіемъ нѣкоторыхъ лицъ, старѣйшины имѣли право поручиться за отсутствующихъ и подавать за нихъ свой голосъ. Но въ такомъ случаѣ довѣрители должны были соглашаться на всѣ рѣшенія старѣйшины, который обращалъ въ свою пользу ихъ голосъ, и говорилъ одинаково какъ за свое семейство, такъ и за лицо, передавшее ему свое право говорить на састанкѣ.

Уважительныя причины къ неявкѣ на сходку были: смерть и пожаръ. Если въ назначенное время для састанка въ какомъ нибудь семействѣ одинъ изъ его членовъ оканчивалъ жизнь, домашніе увѣдомляли, что никто изъ нихъ не можетъ идти на састанакъ. Никто не имѣлъ права возражать противъ этого отказа, а сосѣдъ подавалъ свой голосъ за отсутствующаго. Въ случаѣ пожара, точно также никто не роптал на несчастныхъ погорѣльцевъ, не явившихся на састанакъ, но единодушно жалѣли

Digitized by Google

о постигшемъ ихъ бѣдствіи. Обыкновенно объ умершихъ отзывались такъ: «Да отпуститъ Богъ душу его; мы всѣ повинны передъ Богомъ». О погорѣльцахъ говорили: «Жаль бѣдняка!— сгорѣла у него изба; каждый изъ насъ имѣетъ такого пріятеля у себя въ домѣ. Да спасетъ Богъ насъ и всякаго брата христіанина!»

Въ такомъ-то порядкѣ происходили састанки у сербовъ, жившихъ по деревнямъ въ Старомъ Влахѣ подъ властію турокъ. Каждый имѣлъ при себѣ ружье, что нисколько не считалось неприличнымъ въ народномъ собраніи, только бы умѣлъ владѣть имъ, чтобы не сдѣлать кому нечаяннаго вреда.

Сербы приготовлялись съ вечера, чтобъ идти на састанакъ. Едва только свѣтало, поселяне вставали, умывались и молились Богу, а потомъ шли, кто на работу, кто на састанакъ.

Састанакъ происходилъ подъ открытымъ небомъ. Кметъ открывалъ собраніе вопросомъ: «Братья, всѣ ли мы здѣсь собрались?» Ему отвѣчали, что такой-то еще не пришелъ, а такой-то и совсѣмъ не будетъ по извѣстной причинѣ, а передалъ другому свой голосъ. Опоздавшихъ ждали нѣсколько времени, и когда всѣ уже были на своихъ мѣстахъ, кметъ спрашивалъ еще разъ: «Всѣ ли пришли?» и, получивъ утвердительный отвѣтъ, объявлялъ, что именно побудило его созвать ихъ на састанакъ.

Иногда кметъ жаловался на нѣкоторыхъ поселянъ, которые не слушались его. Тогда онъ говорилъ собранію: «Братья! вы меня выбрали на этотъ годъ, чтобъ я смотрѣлъ за общимъ порядкомъ. Я старался оправдать вашъ выборъ и быть честнымъ человѣкомъ; но меня не слушаютъ и не исполняютъ моихъ приказаній. Не желая повредить вашей чести и уронить себя въ вашемъ мнѣніи, я прошу васъ, для удовлетворенія недовольныхъ мною, освободить меня отъ этой должности и передать ее тому, кто желаетъ занять мое мѣсто и кто, по вашему разумѣнію, будетъ лучше меня управлять нашими сельскими дѣлами. Я съ радостію буду готовъ слушаться того, кого вы выберете, какъ это и прежде дѣлалось. «Снимите съ моихъ плечъ это бремя: коню легче безъ сѣдла» [1]).

Если на састанкѣ находились люди, которымъ не нравились распоряженія кмета, то онъ обыкновенно заявлялъ прежде всего о

---

[1]) Скините съ мене то бреме, кое сте ми натоварили на леђа. Па мирна краина, лакше коню безъ самара.

Digitized by Google

такихъ дѣлахъ, которыя, по его мнѣнію, казались ему важнѣе другихъ; а потомъ уже излагалъ свое неудовольствіе противъ тѣхъ, которые не хотѣли подчиняться его власти. На этомъ основаніи, важнѣйшія дѣла разбирались прежде, за ними слѣдовали второстепенные вопросы. По народному понятію, все должно было обсуживаться въ присутствіи всей сходки. «Дѣло на видѣло» (дѣло въ открытую), говорилъ народъ. Судили и рядили какъ всѣмъ быть вмѣстѣ и дѣйствовать заодно. Не подлежали только разбирательству сластанка дѣла, не подчинявшіяся гласности и касавшіяся замужней женщины или дѣвицы.

Крестоноши.

Каждое село имѣло, по преданію отъ своихъ предковъ, свой годетъ, пресвету или преславу, завѣтину. Такъ называлось сборище, на которое сходился народъ одинъ разъ въ году для поднятія образовъ или крестоношенія. Иногда это сборище называлось церквиштемъ, церквиной. Поселокъ не имѣлъ своего особеннаго или отдѣльнаго годета, но присоединялся къ тому селу, къ которому былъ причисленъ.

Годеты, пресветы или преславы праздновались всею мѣстностію, обнимавшею большія и малыя села и поселки, но не въ одинъ опредѣленный день, потому что каждое село руководилось обычаемъ своихъ предковъ. Обыкновенно годетъ начинался въ послѣднее воскресенье Святой недѣли и продолжался до Петрова поста. Эти завѣтныя преславы были общимъ праздникомъ для сельскихъ жителей. Народъ одѣвался въ самую лучшую одежду; молодые люди, наканунѣ праздника, готовились въ крестоноши и шли пѣшкомъ, а старики ѣхали верхомъ на сборище, если оно было далеко отъ ихъ жилищъ; другіе, по желанію, шли также пѣшкомъ за крестоношами. Молодымъ отнюдь не дозволялось ѣхать верхомъ подлѣ крестоношъ и священника. Въ этотъ день, на разсвѣтѣ, вся молодежь шла на сборъ, гдѣ ежегодно сходились крестоноши. Изъ каждаго дома назначалось по одному человѣку. Туда же приходилъ и священникъ (духовникъ, или монахъ), святилъ воду и читалъ молитву. По окончаніи водоосвященія, онъ кропилъ святою водой всѣхъ крестоношей, и они подходили къ нему по ряду, прикладывались къ кресту и иконамъ и цѣловали

Digitized by Google

у него руку. Когда все было готово, священникъ раздавалъ для ношенія церковную утварь, кому евангеліе, кому иконы, кому требникъ и проч. Кметъ смотрѣлъ, всѣ ли крестоноши на своихъ мѣстахъ, и говорилъ священнику: «Попо! благослови счастливый путь!» Священникъ давалъ благословеніе, и крестоноши трогались съ мѣста, по два человѣка въ рядъ. Они шли впередъ, при общемъ пѣніи: «Господи, помилуй насъ!» раздававшемся въ каждой парѣ отъ первыхъ до послѣднихъ рядовъ. Эти пары назывались ярмами и должны были такъ идти отъ мѣста сборища до окончанія хода и до возвращенія на прежнее мѣсто. Обычай не дозволялъ считать крестоношей отдѣльно по одному человѣку. Это почиталось даже грѣхомъ. На вопросъ, сколько было крестоношей, обыкновенно отвѣчали: столько-то ярмовъ,—на примѣръ, 25 ярмовъ, то есть, 50 человѣкъ. Ѣхавшіе въ ходу верхомъ назывались конянниками. Вся эта толпа шла впередъ съ пѣніемъ «Господи, помилуй насъ!» а старики, кметъ и священникъ, вторя пѣнію, ѣхали сзади верхомъ. Крестоноши должны были побывать въ этотъ день на нивѣ каждаго поселянина, безъ различія его состоянія. На обязанности кмета лежало наблюдать, чтобы крестоноши обошли все село и всѣ поселки, во избѣжаніе неудовольствія и жалобъ тѣхъ поселянъ, которыхъ миновали. Священникъ также старался обойти всѣ поля, чтобы не обидѣть кого нибудь изъ своихъ прихожанъ (нуріашъ). Владѣлецъ нивы, на которой не были крестоноши, могъ не платить священнику дани (биръ), состоящей изъ 12 окъ [1]) пшеницы въ годъ.

Крестоноши, какъ я сказалъ выше, должны были побывать въ этотъ день у каждаго поселянина на его нивѣ, какъ у богатаго, такъ и у бѣднаго, во всемъ селѣ и во всѣхъ поселкахъ; а какъ сербскіе дома и нивы находятся на довольно далекомъ другъ отъ друга разстояніи, то крестоноши шли скорымъ шагомъ, чтобы пораньше обойти все село. Впрочемъ, поселяне старались, чтобы не было съ ихъ стороны задержки крестоношамъ, и ожидали ихъ каждый у своей нивы. Старѣйшина каждаго дома выносилъ на ниву столъ (софру), воду въ чистой посудѣ, ладанъ, огонь въ кадильницѣ, или просто въ черепкѣ, и дожидался крестоношъ; а какъ ихъ шествіе со сборища слѣдовало всегда по солнцу, то по этому направленію рано съ утра готовились къ ихъ встрѣчѣ, и еще съ вечера заготовляли все нужное для торжества. На пути

[1]) Око—3 фунта.

Digitized by Google

шествія вездѣ стояли накрытые столы, и старѣйшина семейства, хозяинъ поля, или кто другой, кто былъ назначенъ для встрѣчи, стоялъ, снявши шапку, въ ожиданіи хода. Приближаясь къ нивѣ, священникъ, кметъ и старики сходили съ коней; священникъ надѣвалъ епитрахиль, бралъ крестъ и шелъ прямо къ приготовленному столу; тамъ онъ зажигалъ восковую свѣчу, клалъ въ кадильницу ладанъ, а крестоноши, снявъ шапки, обходили три раза кругомъ и пѣли: «Господи, помилуй насъ!» Священникъ читалъ молитву: «Благослови, Господи, плодъ, родъ, хлѣбъ сей», и т. д., а присутствующіе пѣли громко: «Подай, Господи!» Священникъ продолжалъ далѣе: «Сохрани, Господи, отъ града, огня, молніи, дождя, наводненія» и проч.; потомъ, освятивъ воду, кропилъ ею посѣвъ три раза крестообразно на всѣ четыре стороны, послѣ чего старѣйшина подходилъ цѣловать крестъ и руку священника. Такимъ образомъ, освященіе полей продолжалось на всемъ пространствѣ села и причисленныхъ къ нему поселковъ, пока не освятили у каждаго поселянина по одной нивѣ.

Въ этотъ день передъ каждымъ домомъ былъ накрытъ столъ, смотря по средствамъ и состоянію хозяина. Каждый старѣйшина, или другой кто изъ домашнихъ, просилъ крестоношей и священника зайти къ нему закусить, чѣмъ Богъ послалъ; но они не всегда принимали угощеніе, потому что спѣшили скорѣе обойти поля и раньше возвратиться на сборъ. Иногда заходили въ дома, гдѣ крестоношамъ ставили на столъ питье и кушанье. Хозяева радовались такимъ гостямъ: отворяли всѣ двери, ставили столовые приборы и подавали молоко, медъ, сливки, лишь бы только крестоноши кушали. Хозяйки радовались, когда много съѣдали сметаны и опоражнивали посуду (карлицу разбркали). За счастіе считалось, къ кому входили крестоноши. Въ такомъ же порядкѣ, парами и съ пѣніемъ: «Господи, помилуй насъ!» обходили рядомъ все село и нивы поселянъ, и возвращались наконецъ на прежнее мѣсто, откуда вышли поутру со священникомъ. Здѣсь всѣ жители села были уже въ сборѣ для встрѣчи возвращающихся крестоношей.

Крестоноши одной мѣстности никогда не переходили границъ другой мѣстности, хотя бы по незнанію. Каждый кметъ, каждый поселянинъ, зналъ, по преданіямъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, сосѣднія межи и удуты.

Крестоноши возвращались на сборъ уже другою дорогой. Утромъ они шли со сборища, по мѣстному выраженію, за солнцемъ, на-

Digitized by Google

правляясь на югозападъ, а къ вечеру приходили на сборъ съ юго-восточной стороны. Собравшійся народъ съ радостію ожидалъ возвращенія крестоношей. Едва только они показывались, молодыя женщины и дѣвушки спѣшили стать въ хороводъ (хватити се у коло); старики и старушки пробирались поближе, чтобы встрѣтить крестоношей, которые несли дары Божіи и святыню Божію. По дорогѣ, гдѣ проходили крестоноши, клали больныхъ для исцѣленія. Крестоноши шли съ пѣніемъ: «Господи, помилуй насъ!» и, пришедши на сборище, передавали священнику церковную утварь, и онъ благословлялъ всѣхъ, прочитавъ молитву. Ружейная стрѣльба подавала знакъ къ веселью. Родственники и знакомые, пріѣхавшіе изъ другихъ селъ, обнимались, цѣловались, поздравляли другъ друга съ пріѣздомъ. Крестоноши, вооруженные кинжалами и пистолетами, стрѣляли во время хороводовъ на сборѣ, и эхо далеко вторило выстрѣламъ и веселымъ пѣснямъ. Нѣкоторыя женщины оплакивали своихъ умершихъ за этотъ годъ, кто отца, мать, кто дѣтей, брата, сестру, или мужа. Не смотря на всеобщій шумъ и веселье, всѣ вели себя чинно и осмотрительно; никто не смѣлъ обидѣть, или посмѣяться надъ своимъ ближнимъ. Кметъ села строго слѣдилъ за порядкомъ, каждый старѣйшина также смотрѣлъ за младшими членами своего семейства, и никто не осмѣливался нарушить спокойствія на сборѣ. Кметъ имѣлъ право обезоружить ослушника и пристыдить его, что считалось большимъ наказаніемъ. Не только обезоруженіе, но и самый выговоръ заставлялъ имѣть дурное мнѣніе о человѣкѣ, который не умѣлъ вести себя пристойно на сборѣ, и его считали буяномъ и безсовѣстнымъ (прзница и уколица). Обыкновенно въ такомъ случаѣ старѣйшина отсылалъ домой виновнаго изъ своей семьи, говоря: «Ступай домой! Ты еще молодъ, не умѣешь держать себя, какъ слѣдуетъ между людьми».

Старѣйшина, будучи главой цѣлаго семейства, отвѣчалъ за каждаго своего домочадца, имѣлъ право, за безпорядки, выслать его изъ сбора, и каждый былъ обязанъ повиноваться ему; никто не могъ ослушаться. Безъ согласія старѣйшины, ни кметъ, ни кнезъ, ни турокъ, не могли тронуть его домашнихъ. Онъ одинъ отвѣчалъ за всѣ убытки и безпорядки, сдѣланные кѣмъ либо изъ его семьи. Какъ глава дома, онъ пользовался общимъ уваженіемъ.

Такимъ образомъ народъ пировалъ цѣлый день; накрытые столы были уставлены разными кушаньями, водкой, виноградным виномъ, приготовленными въ каждомъ домѣ нарочно къ этому

Digitized by Google

празднику. У каждаго поселянина былъ свой отдѣльный столъ, недалеко отъ сосѣда, и хозяинъ принималъ и усаживалъ постороннихъ гостей и своихъ знакомыхъ. Другіе, состоявшіе въ кровномъ родствѣ, по мужской линіи, сидѣли вмѣстѣ на сборѣ, что называлось заедничкимъ столомъ. Этотъ столъ считался общимъ, и за нимъ могли сидѣть два, три старѣйшины съ своими семействами. Каждый изъ нихъ имѣлъ право, кромѣ родныхъ, принимать гостей и знакомыхъ изъ другихъ селъ; родственники съ женской стороны считались также пріятелями. Но самое почетное мѣсто принадлежало куму; въ его лицѣ высоко уважалось высшее духовное родство.

Подлѣ кума садился священникъ, потомъ старѣйшины семействъ, по старшинству лѣтъ, и пріятели, то есть, родственники всѣхъ женщинъ, принадлежавшихъ къ семьѣ; а за ними помѣщались путники и странники, нечаянно попавшіе на годетъ. Они назывались гостями или чужестранными людьми, ябанцы. Старѣйшина дома заботился объ угощеніи, всѣхъ потчивалъ, ко всѣмъ былъ одинаково внимателенъ. Кумъ пользовался особеннымъ уваженіемъ, и обидѣть его почиталось величайшимъ грѣхомъ.

Кумъ, то же, что крестный и посаженый отецъ, иногда былъ наслѣдственнымъ въ цѣломъ родѣ; перемѣнить его можно было только съ его согласія; самовольный выборъ другого кума считался большимъ грѣхомъ, и кто мѣнялъ кума, про того обыкновенно говорили: «Не ждать ему добра. Онъ измѣнилъ Богу и святому Іоанну: они его и накажутъ». Случалось, что кумъ выселялся, на примѣръ, изъ Старой Сербіи въ княжество Сербію, а оставшимся его кумовьямъ нужно было вѣнчать, или крестить въ своемъ семействѣ; тогда къ нему посылали нарочнаго, или самъ старѣйшина ѣздилъ и приглашалъ его благословить къ вѣнцу, или крестить младенца. Это приглашеніе дѣлалось заранѣе до рожденія ребенка, или до обрученія, для того, чтобы кумъ успѣлъ распорядиться, какъ ему угодно. Поселянинъ, приглашая кума на обрядъ крещенія, или вѣнчанія, обыкновенно говорилъ такъ: «Кумъ, я пришелъ тебя просить, ради Бога и святаго Іоанна, чтобы ты осчастливилъ прибыль нашу, которая скоро, если Богъ дастъ, обрадуетъ и повеселитъ насъ всѣхъ вмѣстѣ съ тобой заодно. Всѣ наши домашніе умоляютъ тебя именемъ Бога и святаго Іоанна, чтобы ты потрудился для насъ». Отправляясь къ куму, брали обыкновенно съ собой кувшинъ вина и калачъ.

Но возвратимся къ описанію годета. Кромѣ вышесказанныхъ

Digitized by Google

гостей, за столомъ находились еще другія лица, которымъ отдавалось предпочтеніе, а именно: старики и старушки. Изъ уваженія къ ихъ лѣтамъ, почетные гости могли имъ уступить свое мѣсто. На приглашеніе не имѣли только права, по народному обычаю, знакомые изъ молодыхъ людей, дѣвушки, молодыя женщины. Священникъ занималъ почетное мѣсто только на время и шелъ далѣе къ другому столу. Путники и ябанцы не имѣли также опредѣленнаго мѣста за столомъ, но старѣйшина уступалъ имъ свое, если они были въ старыхъ лѣтахъ, и говорилъ: «Добро пожаловалъ, старичокъ; мѣсто для тебя готово; садись здѣсь, пусть отдохнутъ твои кости».

Молодые люди и дѣвушки цѣловали у стариковъ правую руку. Простой народъ, при встрѣчѣ со старцемъ, обыкновенно говорилъ такъ: «Бѣловолосый старикъ много считаетъ лѣтъ отъ роду; онъ на своемъ вѣку запомнилъ много добраго и дурнаго,— надо уважать его». Старый человѣкъ на сборѣ сидѣлъ на самомъ видномъ мѣстѣ; кумовья, по своему желанію, могли уступить мѣсто за столомъ попу, старикамъ и путникамъ, въ какой бы они ни были одеждѣ. При появленіи старца на сборѣ, къ нему подходили съ словами: «Добро пожаловалъ дядя, или дѣдушка». А если узнавали, что онъ странникъ, то всякій старался пригласить его къ своему столу. Хозяинъ обыкновенно поздравлялъ его съ приходомъ, бралъ его коня и отдавалъ младшимъ членамъ своей семьи, приказывая привязать коня съ своими лошадьми и беречь какъ свою собственность. По-сербски это называлось разпремити коня и означало снять съ коня узду и всю сбрую и отнести ее къ хозяйскимъ вещамъ, находившимся на сборѣ у стола. Всѣ дорожныя вещи назывались общимъ словомъ пртлягъ (поклажа) и успрема и были на отвѣтственности хозяина. Вообще собственность ябанцевъ должно было хранить въ цѣлости, а если что нибудь пропадало, то это считалось большимъ позоромъ. Хозяинъ обязанъ былъ вознаградить за убытокъ, или пропажу, и нисколько не ропталъ на гостя, но говорилъ: «умоляю тебя, братъ, прости, не обижайся на мои слова: пропала твоя вещь; но скажи, что она стоитъ, я тебѣ заплачу, и не говори никому, что это случилось въ моемъ домѣ, или за моимъ столомъ. Твоего ничего не пропадетъ, но я не хочу, чтобы мой домъ, или мой столъ были обезчещены, и чтобы шла обо мнѣ дурная молва».

Священникъ на годетѣ или пресветѣ долженъ былъ подойти къ каждому столу поселянина и благословить его; послѣ чего

Digitized by Google

его приглашали сѣсть въ передній уголъ. Посидѣвъ немного, онъ шелъ далѣе и, такимъ образомъ благословивъ всѣ столы, садился тамъ, гдѣ ему вздумалось и гдѣ его просили остаться до вечера. Старики, сидя за столомъ, толковали другъ съ другомъ потихоньку о разныхъ дѣлахъ, обѣдали и попивали водочку, или виноградное; старушки также потчивали другъ друга, говоря: «Возьми, сестрица; можетъ быть, ужь больше не свидимся на другомъ годетѣ»; расказывали о своихъ сыновьяхъ, снохахъ, внучатахъ, какъ они ихъ уважаютъ и слушаются, и сравнивали, кто изъ нихъ счастливѣе въ своей семьѣ. Старики любили обыкновенно вспоминать былое время, сколько видѣли въ жизни добра и нужды, какіе годы были счастливѣе, какіе хуже; сколько кому лѣтъ, когда и гдѣ родился; счастливы ли въ своихъ семействахъ, какъ ихъ слушаютъ младшіе и т. п.

Такъ проводили они время почти до самой ночи, угощая другъ друга и приговаривая: «поговоримъ, братъ, сегодня; Богъ знаетъ, увидимся ли мы еще на этомъ мѣстѣ въ будущій годетъ. Мы не знаемъ, что̀ станется нынче днемъ, или ночью; мы уже близъ могилы; нашъ умъ за моремъ, а смерть за плечами. Надо намъ наговориться вдоволь; можетъ быть, мы здѣсь въ послѣдній разъ; довольно соли и хлѣба мы вмѣстѣ поѣли». Кумовья и пріятели также угощали другъ друга, а молодые шли послѣ обѣда въ хороводъ. Молодые люди и дѣвушки пѣли; хороводы и пистолетные выстрѣлы не умолкали до самой ночи. Съ захожденіемъ солнца сборъ начиналъ расходиться, столы убирались, старики отправлялись домой, и каждый велъ съ собой своихъ гостей: кумовьевъ, пріятелей, путниковъ и странниковъ. У кого были конь и дорожныя вещи, тому немедленно сѣдлали коня, и онъ ѣхалъ съ своимъ хозяиномъ. Хмѣльного гостя обязаны были довести до дому и успокоить его. Оставить его безъ вниманія считалось большимъ срамомъ, и всякій старѣйшина слѣдилъ и заботился о спокойствіи своихъ гостей, кто бы они ни были. Разъѣзжались только тѣ, которые желали возвратиться домой, если это было недалеко отъ села, гдѣ праздновался годетъ.

Этотъ праздникъ, какъ выше сказано, назывался безразлично пресветомъ, годетомъ, преславой, завѣтиной. Старики и старушки изъ Стараго Влаха называли его большею частію годетомъ и пресветою, а въ княжествѣ Сербіи—преславой, завѣтиной, иногда литіей.

Гости, пріѣхавшіе съ хозяиномъ со сбора, были какъ у себя

Digitized by Google

дома. Кто хотѣлъ ужинать, для тѣхъ накрывался столъ; прочіе, въ особенности старики, спѣшили скорѣе лечь спать, чтобъ отдохнуть отъ дневнаго веселья. Старыхъ людей встрѣчали сыновья, дочери, снохи и внучата, цѣловали у нихъ правую руку и говорили: «Добро пожаловать, батюшка: ты, навѣрное, утомился. Добро пожаловать, матушка: ты, навѣрное, устала», и такъ далѣе. Сыновья, при встрѣчѣ родителей, всегда снимали шапки. Точно также встрѣчали кумовьевъ. Крестный кумъ цѣловался со всѣми взрослыми мущинами въ семействѣ, а старики подходили къ нему, чтобы поцѣловать его руку; но онъ не допускалъ ихъ до этого, а спѣшилъ обняться съ ними. Крестники снимали передъ кумомъ шапки и цѣловали его руку, а онъ говорилъ имъ: «Ну, крестничикъ, будь у меня здоровъ и счастливъ!» Прочіе младшіе члены семейства, подходя къ куму, обыкновенно говорили: «Ради Бога, кумъ, пожалуй, отдохни!» Потомъ брали его за руку и цѣловались, приговаривая: «Добро пожаловать!», а тотъ отвѣчалъ: «а тебя бы еще лучше найти». Послѣ кума подходили къ другимъ старшимъ гостямъ и цѣловали у нихъ руку, привѣтствуя: «Добро пожаловать!» Кумъ говорилъ каждому: «Будь здоровъ и счастливъ, кумичъ; рости большой». Малолѣтнимъ дѣвочкамъ говорили: «Живи, кумична, будь счастлива, и рости большая!»

По окончаніи обычныхъ привѣтствій, старѣйшина спрашивалъ домашнихъ, все ли въ порядкѣ и прибрано, разумѣя подъ этимъ, цѣлы ли вещи гостей и накормлены ли ихъ лошади. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ приказывалъ подать воды для умыванія рукъ. Младшая невѣстка, или дѣвушка, несла въ одной рукѣ кувшинъ съ водой, а въ другой умывальникъ съ переброшеннымъ черезъ руку чистымъ полотенцемъ, и обходила всѣхъ гостей по ряду отъ одного конца до другого. Послѣ этого обряда старѣйшина вставалъ, говоря: «Гости мои, добро пожаловали. Теперь помолимся Богу со страхомъ: что бы ни дѣлали, а Бога не надо забывать». При этихъ словахъ, гости вставали, старѣйшина зажигалъ восковую свѣчку и прилѣплялъ ее въ уголъ на восточной сторонѣ, потомъ бралъ кадильницу съ горячимъ углемъ и ладаномъ и кадилъ уголъ, гдѣ горѣла свѣчка, и всѣхъ присутствующихъ; послѣ чего отдавалъ кадильницу кому нибудь изъ младшихъ, чтобъ обошелъ съ нею, кадя по всему дому. Старики обыкновенно стояли впереди старѣйшины, если онъ былъ моложе ихъ: съ ними рядомъ стоялъ кумъ, а за нимъ и

Digitized by Google

прочіе гости; сзади мужчинъ стояли старушки и другія женщины, старшія годами; молодыя же стояли позади всѣхъ, потому что считалось невѣжливымъ, кода младшія становились впередъ, и каждая мать учила своихъ дѣтей уступать на молитвѣ первое мѣсто старшимъ. Всякій произносилъ про себя тѣ молитвы, которымъ выучился въ дѣтствѣ отъ своихъ родителей. Очень немногіе знали молитвы: «Отче нашъ» и «Богородице», потому что некому было учить въ селахъ, за неимѣніемъ школъ и учителей; зато эти моленія троекратно начинались словами: «Во имя Отца, и Сына и Святаго Духа», и оканчивались поминовеніемъ родителей и учителей, при чемъ испрашивалось прощеніе ихъ грѣховъ. По окончаніи моленія накрывался столъ и, кому было угодно, садились за вечеру или ужинъ. Кумъ помѣщался въ переднемъ углу (у зачеле), пріятели и прочіе гости—по ряду старшинства. Старѣйшина непремѣнно долженъ былъ садиться съ гостями и потчивать ихъ, а въ случаѣ его нездоровья—кто нибудь изъ старшихъ въ семействѣ. Гостямъ говорили такъ: «Вы всѣ добро пожаловали къ намъ, берите, что Богъ далъ; не стѣсняйтесь, будьте свободны, какъ дома. Если чѣмъ не угодимъ, не взыщите. Нынче мы поужинаемъ, чѣмъ Богъ послалъ, а завтра—новый день, новая новина». Послѣ ужина гости и старѣйшина умывали руки прежнимъ порядкомъ, а для домашнихъ накрывался столъ, за которымъ наблюдали точно такія же правила старшинства.

Когда все семейство кончало ужинъ, готовили гостямъ постели. Невѣстки и дѣвицы разували гостей и брали обувь, чтобы пересмотрѣть, что нужно починить, что высушить и вычистить. Иногда мыли ноги куму и прочимъ гостямъ. Снимая обувь, обмывали только пальцы ногъ. Наконецъ, гости ложились спать, а нѣкоторые еще разговаривали въ полголоса, чтобы не разбудить спавшихъ. Старѣйшина въ это время спрашивалъ у своей прислуги, кто что сдѣлалъ, гдѣ кто былъ въ этотъ день; потомъ распредѣлялъ каждому назавтра занятія, а другимъ приказывалъ оставаться дома, чтобы прислуживать гостямъ.

На другой день по утру каждый отправлялся къ своему дѣлу; но если кто изъ слугъ заболѣвалъ, то утромъ докладывали объ этомъ старшинѣ, и онъ, по своему усмотрѣнію, одну работу отмѣнялъ, или на мѣсто больного назначалъ другого слугу, смотря по важности заданнаго дѣла.

Между тѣмъ, гости начинали вставать; подлѣ каждаго стояла уже приготовленная и вычищенная обувь. Дѣвушки и невѣстки

Digitized by Google

прежнимъ порядкомъ подавали гостямъ умываться. Послѣ утренней молитвы подавался завтракъ (доручакъ). Странники, спѣшившіе въ путь, освобождались отъ обѣда, но должны были непремѣнно позавтракать; имъ говорили: «Стыдно будетъ нашему дому, если мы проводимъ гостя безъ завтрака». Кто не могъ завтракать, того снабжали съѣстнымъ на дорогу. Послѣ завтрака готовили обѣдъ, который отправлялся съ такими же обрядами. Право старшинства постоянно наблюдалось очень строго.

Иные изъ пріятелей оставались гостить на нѣкоторое время, а кумъ обыкновенно послѣ обѣда спрашивалъ свои вещи, коня и ружье, говоря: «Пора отправляться во свояси; надо свой домъ помнить». Домашніе выносили его вещи, выводили коня и сѣдлали его. Кумъ цѣловался со всѣми мущинами и старушками, а дѣти и женщины цѣловали его руку и получали отъ него подарки. Пріятели, прощаясь, также цѣловались со всѣми взрослыми членами семьи, а гости и странники цѣловались только со старѣйшиной.

По этимъ праздникамъ и народнымъ сборамъ, освященнымъ преданіемъ, можно было узнать межи, отдѣлявшія одно село отъ другого и принадлежавшія каждому изъ нихъ поля и пустоши. Этѣ же границы, созданныя народнымъ обычнымъ правомъ, безошибочно опредѣляли, какому селу принадлежалъ тотъ, или другой поселокъ, на чьей землѣ поселился какой нибудь новоселъ (дошлякъ). Ходъ крестоношей ярко обозначалъ поземельную собственность селеній и никогда не переходилъ за черту чужихъ владѣній. Народное преданіе глубоко врѣзывало въ памяти сербовъ пограничную черту названіями межъ и удутовъ. Духовенство тогдашняго времени, не смотря на свою бѣдность и неразвитость, уважало годеты и народные праздники, и никогда не чуждалось простыхъ обычаевъ своей сельской паствы.

Кромѣ годета, у сербскихъ поселянъ были и другіе праздники и сборы на мѣстахъ, гдѣ нѣкогда существовала церковь. Эти народныя собранія происходили въ опредѣленныя времена: въ день Успенія Божіей Матери, Покрова, Спасова дня и Благовѣщенія. Признаки этѣхъ мѣстностей жили въ памяти народа. На вопросъ ребенка: куда идетъ мать, отвѣтъ былъ: на сборъ въ такомъ-то мѣстѣ, гдѣ была когда-то церковь, во имя такого-то святаго. И дѣйствительно, въ назначенный день туда приходили люди изъ разныхъ селъ, хотя бы и не было священника. Народъ придавалъ большое значеніе этимъ сборамъ и говорилъ: «Это земля церков-

Digitized by Google

ная, мѣсто запечатлѣнное святымъ мѵромъ; на немъ когда-то стояла церковь и служилась Божія литургія; надо молиться Пресвятой Богородицѣ, или святому (такому-то)». Эти мѣста назывались церквиште или церквина.

Эти сборы, не имѣя общиннаго значенія, не такъ уважались, какъ годетъ. Кромѣ того, народъ праздновалъ еще славу: такъ называлось чествованіе крестнаго имени или благъ-данъ.

Всѣ эти обычаи сохранялись только въ средѣ простыхъ поселянъ, какъ у сербовъ, подвластныхъ туркамъ, такъ и въ княжествѣ Сербіи, хотя съ нѣкоторымъ различіемъ у тѣхъ и другихъ. Народъ совершаетъ свои празднества и въ настоящее время, хотя уже не съ прежнею торжественностію. Нѣтъ сомнѣнія, что и донынѣ сохраняются слѣды народной завѣтины, потому что простой народъ сберегъ обычаи своихъ предковъ, какъ въ поэзіи, такъ и въ устномъ преданіи. Но городская жизнь стерла слѣды этого патріархальнаго быта въ большихъ городахъ, какъ, на примѣръ, въ Бѣлградѣ и другихъ.

Народные мстители.

Въ эти трудныя времена, когда надъ сербскимъ народомъ безпрерывно тяготѣла, и доселѣ въ областяхъ турецкихъ тяготѣетъ, рука деспотическаго произвола,—что значила бы святыня народнаго обычая, когда фанатикъ ислама могъ въ насмѣшку осквернить ее? Что значило бы честное и мирное служеніе правдѣ въ общественной жизни, когда надъ общиною царила прихоть азіатскаго безправія? Что значилъ бы единодушный выборъ почтенныхъ кметовъ и кнезовъ, когда криводушіе турка могло снять голову съ плечъ избранника народа, или задушить невиннаго въ смрадной темницѣ? Что значила бы чистота народныхъ нравовъ, когда для мусульманина возможно было насиліе? Что значило бы все это, когда бы силы духа народнаго не были напряжены до высокаго, даже поэтическаго, самоотверженія? Святость быта, чистота нравовъ и правда жизни, завѣщанныя издавна отъ прадѣдовъ дѣтямъ и внукамъ, дружно слились въ одну живую, дѣятельную силу братства и взаимной защиты и, сообразно обстоятельствамъ и положенію порабощеннаго народа, сила эта осуществилась въ народныхъ мстителяхъ. Мстители правды народной

Digitized by Google

явились въ образѣ гайдуковъ, этихъ жителей горъ и глухихъ лѣсовъ, олицетворившихъ собою грозную кару судьбы. Когда господствующая власть не давала правосудія, когда она попускала соблазнъ и оскорбленіе завѣтной народной святыни, тогда народу, если только онъ крѣпко стоялъ за свой бытъ, оставался одинъ выходъ—силою своего духа вдохновить своихъ отважныхъ сыновъ до собственнаго неумытнаго суда и расправы, и эти удатные сыны, какъ внезапный громъ, падали ударомъ народной мести на самовластныхъ притѣснителей. «Безъ мщенья—нѣтъ спасенья!» [1]) твердилъ народъ. Поэтому онъ глубоко уважалъ гайдуковъ, въ которыхъ видѣлъ олицетвореніе чувства правды. Онъ говаривалъ: «Счастлива та душа, которая родитъ гайдука на защиту честнаго креста и святыни» [2]).

Народныя изреченія, этотъ краткій итогъ мысли и опыта народа, показываютъ, какая глубокая непріязнь существовала между сербами и турками. Не смотря на частныя исключенія, непріязнь эта составляла отличительную черту отношеній властителей къ покореннымъ. Въ поговоркахъ народныхъ она выступаетъ съ различныхъ бытовыхъ сторонъ. Турокъ—врагъ христіанства, по пословицѣ: «Волки величайшіе враги овецъ, а турки христіанскаго народа» [3]). Турокъ—врагъ благосостоянія народа: «Турокъ—старинный сербскій кровопійца» [4]). Опора турка — въ его силѣ: «Сирота надѣется на правду, купецъ на неправду, турокъ на силу» [5]). Турокъ не знаетъ права и законности: «Пока лисицѣ прочли фирманъ,—шкура ея уже отправлена на рынокъ» [6]). Поэтому турку нѣтъ вѣры: «Кто вѣритъ турку, тотъ хуже турка» [7]). Свое отчужденіе отъ турокъ сербскій народъ выражалъ образно; онъ говорилъ: «Гдѣ сербскія дѣвицы и парни пляшутъ, тамъ туркамъ дѣла нѣтъ. Гдѣ турчанки пляшутъ, тамъ сербы не бываютъ» [8]). Кто же, когда подымалась эта темная сила, могъ защитить православный народъ и не дать его въ обиду?—Гайду-

---

[1]) Безъ освете нема посвете.

[2]) Сретьна та душа, коя роди айдука, да брони частни крстъ и светиню.

[3]) Вуци су овцама найветй непріятели, а турци народу риштянскомъ.

[4]) Турчинъ—стари крвопіацъ србски.

[5]) Сиротиня се узда у правду, трговацъ у кривду, турчинъ у силу.

[6]) Докъ се лисици фирманъ прочита, кожа оде на пазаръ.

[7]) Ко вѣруе турчину, тай е гори одъ турчина.

[8]) Дѣ србске дѣвойке и момци играю, тамо турци посла не маю. Дѣ буле играю, тамо срби не биваю.

Digitized by Google

ки, отвѣчаетъ народъ. «Волковъ бьютъ охотники, а турокъ гайдуки» [1]).

Покинувъ свои дома и семейства, сыны народа уходили въ горы и лѣса отъ неправды и злодѣйствъ; здѣсь принимали они въ свои четы подобныхъ себѣ бѣглецовъ или ускоковъ и составляли грозную силу. Но въ этихъ четахъ не было мѣста ворамъ, убійцамъ и насилователямъ, или такимъ людямъ, которыхъ обыкновенно называли безчестными (лупежами),—гайдуки сами мстили за всякую неправду, за всякое насиліе. Размноженіе гайдуковъ между сербами было самою сильною защитою народнаго права противъ турецкаго безправія и преобладающаго произвола. Гайдуки всегда стояли за правду и зорко слѣдили за ея нарушителями. Оставивъ свои общественныя дѣла и покинувъ свои дома и семейства, они выше всего ставили правду, присягали между собой и клялись не оставлять другъ друга до послѣдней капли крови, быть справедливыми и вѣрными своему слову и обѣту и мстить за правду и за кровь неповинныхъ жертвъ турецкаго деспотизма. Клялись они, поднявъ три раза свои кинжалы и осѣнивъ себя честнымъ крестомъ. Божились они обыкновенно Богомъ и св. Іоанномъ Крестителемъ не измѣнять своей клятвѣ и не забывать ея до конца своей жизни. При поднятіи кинжаловъ, они говорили: «Пусть кинжалъ, или пистолетъ разорветъ сердце того, кто измѣнитъ данной клятвѣ, и св. Іоаннъ да накажетъ его». Послѣ этого вся дружина цѣловалась, положивъ правую руку на грудь, прежде съ своимъ арамбашей (атаманомъ), а потомъ между собой другъ съ другомъ по ряду. Младшіе годами цѣловали руку арамбаши. Эта клятва считалась ненарушимою. «Гайдуцкая вѣра крѣпче камня» [2]), и еслибы кто измѣнилъ, того ожидала неизбѣжная кара: «Кто измѣнитъ побратимству и клятвѣ побратимства, того на грушевое дерево, а ружьемъ изъ-за дерева» [3]). Арамбаша былъ старшій надъ всѣми; онъ выбирался всею дружиной. При выборѣ арамбаши гайдуки давали ему обѣщаніе слушаться всѣхъ его приказаній и повиноваться ему во всемъ, что онъ найдетъ хорошимъ. Клянясь ему въ вѣрности и послушаніи, они говорили: «Теперь ты нашъ глава; гдѣ твой волосъ, тамъ и всѣ наши головы. Вмѣстѣ съ тобой мы готовы идти въ огонь и воду

---

[1]) Вукове бію ловци, а турке айдуци.

[2]) Айдучка вѣра тврдя одъ камена.

[3]) Ко измѣни побратимство и клетву побратимства, побратимство на крушку, а пушку на за крушку.

Digitized by Google

за вѣру, общую правду, за честный крестъ, за имя св. Іоанна, за христіанскую кровь и кость и за данную клятву. Идемъ противъ ноганыхъ (турокъ). Наша поговорка: «Безъ освете нема посвете». Идемъ мстить до конца нашей жизни за неправду, сдѣланную злодѣями нашимъ предкамъ и семействамъ, гибнущимъ отъ беззаконной душманской вражеской руки». Обрекая себя на подвигъ самоотверженія въ отмщеніе за неправду, они хорошо знали, что во всякое время ждетъ ихъ смерть. «Тотъ не гайдутъ, говорятъ они, кто не подумалъ прежде всего, что онъ обрекаетъ свою голову для торбы (мѣшка) или шиляка (вертѣла)». Лѣса, которыми покрыты гористыя мѣстности, служили имъ на лѣто вѣрнымъ убѣжищемъ. Они называли ихъ соколинымъ гнѣздомъ: «Гайдуки вылетаютъ изъ соколинаго гнѣзда» [1]). Здѣсь спали они на голой землѣ, да на холодныхъ камняхъ: «Ложе гайдука—черная земля» [2]). «Постелью гайдуку — зеленая трава, подушкой — холодный камень, а покрываломъ—чистое небо» [3]). И подлинно, это было соколиное гнѣздо! А въ насмѣшку гайдуки говаривали: «Изъ вороньяго гнѣзда не вылетитъ сокола» [4]). Изъ своего соколинаго гнѣзда они зорко слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось въ народѣ, и какъ относились къ народу турецкія власти: «Гайдуцкое око не дремлетъ, какъ турецкое» [5]). Да и какъ же ему дремать, когда весь «домъ гайдука въ оружіи» [6]) и «гайдукъ бѣжитъ въ лѣсъ ради правды» [7]), зная, что «месть гайдука не пропадаетъ» [8]) и что «безъ мести не будетъ ему и спасенья» [9]). Такимъ образомъ образовались дружины или четы изъ гайдуковъ, которые нерѣдко спасали невинныхъ христіанъ отъ произвола глупаго турецкаго фанатизма, извѣстнаго почти всякому христіанину на земномъ шарѣ. Поэтому въ народѣ сложилось убѣжденіе, что безъ гайдуковъ, безъ ихъ суда и расправы, плохо жить. «Ружье гайдука по строгой правдѣ судитъ злодѣя; тяжело

---

[1]) Айдуци излѣтю изъ соколова гнѣзда.

[2]) У айдука постиля—црна земля.

[3]) Креветъ айдука—црна земля, душекъ—зелена трава, ястукъ—студени камень, покривачъ—ведро небо.

[4]) Изъ воронега гнѣзда не може се излетѝ соко.

[5]) Айдучко око не спава, као турско.

[6]) У айдука кутя на пушци.

[7]) Айдукъ се у гору за правду одмете.

[8]) Айдучка освета не гине.

[9]) Безъ освете айдуку нема посвете.

Digitized by Google

тому селу, до котораго не доходятъ гайдуки» [1]). Олицетворяя въ гайдукахъ свою собственную идею правды, народъ сербскій не могъ иначе и представить себѣ судъ и расправу гайдуцкіе, какъ въ высшей степени справедливыми, потому что для него это было единственно возможное представленіе живой и дѣятельной силы правды. «Гайдуцкій судъ самый справедливый» [2]), «ружьё за дерево (то есть, стрѣляй изъ-за дерева), пуля скажетъ, кто правъ, кто виноватъ» [3]). Только въ гайдукахъ полагалъ народъ обезпеченіе правды, на сколько это было возможно, и надо сказать, что эта увѣренность въ защитѣ праваго дѣла поддерживала въ народѣ бодрость духа; народъ вѣрилъ, что «пока есть въ лѣсахъ гайдуки, до тѣхъ поръ будетъ и правда» [4]), потому что «ружье гайдука стрѣляетъ за правду» [5]).

Всякій, кто въ честномъ негодованіи рѣшался мстить смертію за насиліе, неправду, поруганіе святыни, кровную обиду, шелъ въ горы къ гайдукамъ, которые принимали его въ свое общество, потому что онъ оставилъ домъ свой за правое дѣло. «Скажи правду, а потомъ не зѣвай—бѣги» [6]). «И мы всѣ такъ же поступили, говорили гайдуки новоприбывшему;—своею смертію не умрешь дома; гора принимаетъ всѣхъ честныхъ людей, страдающихъ за правду». Дурному человѣку не было мѣста въ средѣ гайдуковъ: они прогоняли его отъ себя и строго приказывали, чтобъ онъ убирался изъ лѣса и горы, а не то, грозили ему бѣдой. Никто не хотѣлъ знаться съ нимъ, потому что знали, что онъ бѣжалъ изъ дому за подлыя дѣла и безъ всякой надобности покинулъ свое семейство. Такого человѣка звали лупежемъ (воръ въ старину русскую), пецибабой (досадитель бабамъ), и если кто убивалъ его, за него не мстили ни туркамъ, ни христіанамъ.

Въ своихъ убѣжищахъ, при общей любви и уваженіи народа, гайдуки были безопасны. Справедливо похвалялись они, что «турецкій царь живетъ въ Стамбулѣ, а царь сиротъ живетъ въ лѣсистой горѣ» [7]). Въ нихъ жило сознаніе, что они—люди вполнѣ

---

[1]) Айдучка пушка найправѣ зликовцу суди; тешко селу, дѣ айдуци не долазе.

[2]) Айдучки судъ найправи.

[3]) Пушку па за крушку, куршум те казати, ко е правъ, ко е кривъ.

[4]) Докъ е айдука у гори, дотле те бити правде.

[5]) Айдучка пушка за правду пуца.

[6]) Право реци, па гледай, те утеци.

[7]) Сиротински царъ у гори живи, а турски у Стамбулу.

Digitized by Google

независимые: «Гайдуки не платятъ царской подати» [1]). Да иначе и невозможно было представить народнаго мстителя, ратующаго за правду до самоотверженія и не щадящаго даже жизни, какъ человѣкомъ съ полною свободою дѣйствія и совершенно независимымъ. «Турки надѣются на царя и фирманъ, а гайдуки на арамбашу и оружіе» [2]). Въ жизни гайдуковъ оружіе имѣло большое значеніе. Оно обезпечивало имъ независимость и служило средствомъ расправы; на оружіе опиралась ихъ слава, и часто страхъ неумолимой и меткой гайдуцкой пули давалъ словамъ ихъ силу безусловнаго исполненія. Отъ того въ быту народномъ сложилось много поговорокъ о гайдуцкомъ оружіи; на примѣръ: «Попъ старается о церкви, пахарь о нивѣ, а гайдукъ объ оружіи» [3]). «Попу занятіе—книга, земледѣльцу — плугъ, а гайдуку — оружіе» [4]). Среди произвола насилующаго и вооруженнаго племени турецкаго, противодѣйствіемъ этому произволу могла быть только такая же внѣшняя вооруженная сила. Какъ вездѣ высшая власть отражается въ подчиненныхъ ей низшихъ властяхъ соотвѣтственно образу правленія, такъ деспотизмъ правительственный дробился и отражался такимъ же деспотизмомъ и во всѣхъ служилыхъ туркахъ, которые называли себя царскими чиновниками. Потому произволъ этихъ послѣднихъ былъ одноличенъ. Хотя вооруженной турецкой силѣ противодѣйствовала такая же вооруженная сила гайдуковъ, однако ихъ общественная среда, откуда исходила эта сила, не имѣла ничего единоличнаго. Дружина христіанскихъ гайдуковъ сохраняла въ себѣ тѣ же начала общественнаго быта, какъ и остальной сербскій народъ; она имѣла свое передовое сборище и свой састанакъ или сходку. Оставивъ разъ навсегда свои домы и семейства и убѣжавъ въ горы и лѣса, дружина гайдуковъ не переставала сохранять въ себѣ тотъ же характеръ народнаго самоуправленія, съ тою только разницею, что это была вполнѣ независимая сербская община, высвободившаяся изъ-подъ всякаго посторонняго вліянія, сильная сама въ себѣ, и своимъ самоотверженіемъ обезпечивавшая неумытную правдивость своего суда и расправы. Сознаніе своей полной самостоятельности и увѣренность въ сочувствіи народномъ придавали гай-

[1]) Айдуци царю арачъ не платяю.
[2]) Турци се уздаю у царя и фирманъ, а айдуци у арамбашу и оружіе.
[3]) Попъ се стара за цркву, ратаръ за ниву, айдукъ за пушку.
[4]) Попу е занатъ книга, ратару рало, айдуку пушка.

Digitized by Google

дукамъ значеніе рѣшительной судебной власти. Они говорили: «Царскія крѣпости, гайдуцкія ущелья и горы имѣютъ равное право» [1]); «царь судитъ въ городѣ, а гайдукъ въ горѣ» [2]), и что «царское слово не измѣняется въ городѣ, а гайдуцкое въ горѣ» [3]). Вотъ какова была въ народѣ исповѣдь гайдука: «У гайдука три святыни: амайлія (амулетъ, талисманъ), длинное ружье и правда» [4]); «амайлія для святыни, ружье для мести, правда для всѣхъ людей» [5]). Вдали отъ жилищъ человѣческихъ, вдали отъ селъ, куда всякій султанскій чиновникъ имѣлъ доступъ, а съ нимъ входили и всякая неправда и всякое насиліе,—въ представленіи народномъ рисовалась, среди дикихъ горъ и глухихъ лѣсовъ, свободная гайдуцкая община, не знающая ни царскаго закона, ни царской подати, защищающая сама себя оружіемъ и состоящая изъ людей, которые исполняли народное правило: «Лучше со славой умереть за правду, нежели постыдно жить на свѣтѣ для неправды» [6]). На нее народъ переносилъ тѣ самые идеалы правды и свободы, которые воспитывалъ онъ въ себѣ, и въ ней видѣлъ воплощеніе этихъ идеаловъ. Она представлялась ему свѣтлою, успокоивающею, обнадеживающею и, глядя на нее съ увѣренностію, что она покараетъ всякую неправду, защититъ угнетеннаго и отомститъ обиженнаго, говаривалъ: «Придетъ и туркамъ черная пятница» [7]); «настанетъ время, когда и наши птички запоютъ» [8]). Поэтому народъ глубоко уважалъ гайдуковъ, подвигъ ихъ считалъ подвигомъ высшей христіанской добродѣтели и называлъ ихъ своими пастырями: «Гайдуки—пастыри, стрегущіе вѣру, честный крестъ, законъ христіанскій и правду» [9]). Званіе гайдука въ представленіи народномъ облекалось въ какое-то священное значеніе, потому что въ немъ одномъ народъ чаялъ свое избавленіе: «Да будетъ свята его правая рука, когда онъ очиститъ христіанскую землю отъ не-

---

[1]) Царски градове, айдучки богазы и горе имаду едно право.

[2]) Царъ суди у граду, а айдукъ у гори.

[3]) Царска се рѣчь не пореч у граду, а айдучка у гори.

[4]) У айдука три светине: амайлія, пушка дугайлія и правда.

[5]) Амайлія за светиню, пушка за освету, правда за све люди.

[6]) Болѣ е славно за правду умрѣти, него ли срамно на свѣту живити за неправду.

[7]) Дотѝ те и турцима прнъ петакъ.

[8]) Дотѝ те време, кадъ те и наше птице пропѣвати.

[9]) Айдуци су чобани вѣре, частногъ крста, закона христянскогъ и правде.

Digitized by Google

честивыхъ [1]). Подвижники народа должны были получить и высшую награду: «Гайдукамъ во всякое время отверзты райскія двери за ихъ правду» [2]).

Гайдуки строго наблюдали даже самые малые посты и по средамъ и пятницамъ ни за что не ѣли скоромнаго. Когда они говѣли, тогда для исповѣди и пріобщенія приглашали къ себѣ въ гору священника, который и отправлялся къ нимъ, разумѣется, скрытно отъ турокъ.

Съ наступленіемъ холодовъ около осенняго Дмитрова дня, гайдуки, большею частію, отправлялись въ Морачу, или въ Черную Гору, на зимиште (зимовье), подъ крыло черногорскаго владыки. Это обыкновеніе вошло даже въ сербскую пословицу:

«Дюрдевъ данакъ (день)—
Айдучки састанакъ;
Митровъ данакъ—
Айдучки разстанакъ».

Они обыкновенно отправлялись съ осени и оставались на зимовьи до вешняго Юрьева дня, когда ихъ горы и лѣса одѣвались зеленью. Въ Черногоріи они назывались ускоками. Иногда они имѣли своихъ ятаковъ. Такъ назывались люди, которые кормили гайдуковъ цѣлую зиму, берегли ихъ жизнь и имущество. Если гайдукъ занемогалъ, они лечили его и вообще старались покоить его и угождать ему. Но и ятакъ не оставался въ накладѣ: ему хорошо платилось за его труды; а когда дружина отправлялась въ путь, и больной не могъ за нею слѣдовать, гайдуки грозили хозяину мщеніемъ, если ихъ товарищъ погибнетъ не отъ Божіей воли. «Смотри, братъ, говорили они, если съ нимъ что случится, на тебѣ не будетъ головы». Тотъ, кто приводилъ турокъ въ ятаклукъ или убѣжище гайдука и открывалъ его, лишался жизни иногда съ цѣлымъ семействомъ. Гайдуки зажигали домъ, гдѣ онъ думалъ защищаться съ оружіемъ въ рукахъ, и всѣ погибали въ пламени. Всякій боялся такого мщенія и не смѣлъ открывать туркамъ мѣстопребыванія гайдука. Точно такъ же осторожно вели себя относительно гайдуковъ и сербы мухамедане, жившіе по деревнямъ, или имѣвшіе тамъ свое владѣніе, не смотря на свою закоренѣлую ненависть къ христіанамъ.

---

[1]) Посветила му се десна рука, кадъ очисти риштянску землю одъ пексіяна.

[2]) Айдуцима су райска врата у свако доба отворена за нйну правду.

Digitized by Google

Вся область народной жизни, гдѣ только могла возникнуть какая либо неправда въ широкомъ смыслѣ этого слова, а равно отношенія турокъ, какъ господствующаго племени, къ сербскому народу были предметомъ бдительнаго вниманія гайдуковъ.

Народъ любилъ сходиться на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде были церкви; пригласивъ священника, сербскія семейства шли на одно изъ такихъ мѣстъ, располагались здѣсь подъ открытымъ небомъ, совершали молитвы и пріобщались св. Даровъ. Обычай этотъ велся издавна, вѣроятно, со времени паденія сербской независимости. Но случалось, что въ это время проѣзжали, или проходили, мимо турки. Вооруженные фанатики не могли утерпѣть, чтобы не потревожить благочестиваго собранія; они спѣшили изготовиться къ нападенію. Но и сербы не дремали: схвативъ свои длинныя ружья, они грозили туркамъ такими словами: «Не трогайте насъ: не то шапки измѣшаемъ, пушку па за крушку»! и отбѣгая за деревья, стрѣляли въ турокъ. Что придавало имъ смѣлости?— Придавала увѣренность, что гайдуки въ горахъ скоро провѣдаютъ про такой поступокъ турокъ и накажутъ ихъ смертію за нарушеніе народнаго обычая, перешедшаго въ право. Гайдуцкая расправа и страхъ, который она наводила, охраняли вѣру, нравственность и народныя права, служили защитою церквамъ, священникамъ и народнымъ сборищамъ. Когда турокъ хотѣлъ вмѣшаться, ему говорили: «Ступай, турокъ прочъ: здѣсь тебѣ не мѣсто» [1]). «Если ты и турокъ, ты не Богъ, что мнѣ за дѣло?» [2]) И всякому турку извѣстно было, что «кто нарушаетъ правду, тотъ начинаетъ ссору» [3]). А ссориться съ гайдуками было опасно. У себя въ горныхъ ущельяхъ и лѣсахъ гайдуки были неодолимы. «Турокъ въ горѣ передъ гайдукомъ—смирнѣйшій человѣкъ» [4]). Турокъ боялся гайдука, коли зналъ за собою худое дѣло: «собака боится палки, а турокъ гайдуцкаго оружія» [5]).

Христіанская дѣвушка пользовалась въ народѣ величайшимъ уваженіемъ: она была безопасна отъ всякой обиды, отъ всякаго огорченія; сербы считали тяжелымъ гнетомъ для своей совѣсти, если дѣвушка была опечалена чѣмъ нибудь: «Тяжело тому, на

---

[1]) Иде, турчине; овде ти ні є мѣсто.

[2]) Аколи и турчинъ, ни си Богъ,—што ми є стало?

[3]) Ко гази правду, тай замете кавгу.

[4]) Турчинъ наймирни предъ айдукомъ у гори.

[5]) Пасъ боисе батине, а турчинъ айдучке пушке.

Digitized by Google

ного плачутся дѣвичьи глаза» [1]) Прикоснуться къ дѣвицѣ, обезчестить ее, почиталось преступленіемъ значительнѣе святотатства. Народъ такъ разсуждалъ: «Лучше церковь разорить, нежели дѣвицу обезчестить; церковь еще можетъ возстановиться, а честь дѣвицы—никогда во вѣки вѣковъ» [2]). Потому проклятіе дѣвушки почиталось страшнѣе всякаго другого: «Дѣвичье проклятіе самое тяжелое» [3]).

За насиліе противъ христіанской дѣвицы турокъ платилъ жизнію; христіанинъ, учинившій это преступленіе, долженъ былъ жениться на дѣвушкѣ; если же она не соглашалась, и у ней не было ни отца, ни брата, который бы заступился за ея честь, гайдукъ убивалъ виновнаго. Въ нашихъ странахъ не рѣдко случается, что дѣвица сирота живетъ своими трудами подъ чужимъ кровомъ, служитъ и работаетъ. Тотъ, кто ее осрамитъ, строго за это отвѣчалъ передъ гайдуками. Она прямо жаловалась арамбашѣ, или кому либо изъ его дружины. Стыдясь открыть свой позоръ кнезу, или кмету, передъ свѣтомъ, то есть, міромъ, она потихоньку узнавала, гдѣ бываютъ гайдуки, и шла просить у нихъ защиты, взявши съ нихъ клятву никому не говорить о причинѣ ея жалобы. Гайдуки, или ихъ арамбаша, выслушавъ ея слова, старались захватить въ свои руки насильственника, и если онъ прятался отъ нихъ, то мстили ему, какъ турку; иногда же заставляли его жениться на ней. Терпѣла ли православная дѣвушка отъ насилія, или народная святыня отъ поруганія,—самая надежная защита и самая страшная месть приходила отъ гайдуковъ, и народъ былъ убѣжденъ, что «гайдуцкое оружіе лучше всего отомститъ за церковь и за дѣвицу» [4]).

Кромѣ различія въ степени гражданскихъ правъ, которыми не въ равной степени пользовались христіанское племя и мусульмане, одною изъ главныхъ причинъ взаимной вражды было вѣроотступленіе, которое въ мусульманскомъ населеніи поддерживалось его духовенствомъ. Не смѣя прикоснуться къ преданіямъ народной старины, отуреченные сербы старались доказать православнымъ, что ихъ исламъ лучше христіанской вѣры; а православные сербы отвѣчали имъ на это поговоркой: «Перемѣнилъ вѣру—пере-

---

[1]) Тешко томе, на кога дѣвоячки очи заплачу.

[2]) Болѣ е цркву разрушити, неголи дѣвойку срамотно обезчестити: црква се може поправити, а честь дѣвоячка никадъ ни до вѣка.

[3]) Дѣвоячка клетва найтежа.

[4]) Хайдучка пушка найлепше цркву и девойку осветює.

Digitized by Google

мѣнилъ и врожденный нравъ» [1]). Конечно, большимъ несчастіемъ для сербскаго народа были внушенія мусульманскаго духовенства, дѣлаемыя туркамъ и потурченякамъ. Эти обманщики изувѣры проповѣдывали, на примѣръ, что тому, кто убьетъ гяура (невѣрнаго), открытъ входъ въ рай Мухамеда, гдѣ его ожидаютъ всевозможныя наслажденія, и всѣ грѣхи ему простятся; а если кто изъ правовѣрныхъ встрѣтитъ гяура на лошади передъ домомъ правовѣрнаго царскаго сына и не отомститъ ему, тотъ не увидитъ рая, и пророкъ заградитъ ему входъ туда. Такія подстрекательства муллы, софты, хаджи и дервиши щедро разсыпали на улицахъ и возбуждали ими страсти; и тогда всякій царскій сынъ (мусульманинъ), будь послѣдній пьяница, или бродяга, желая попасть въ рай, убивалъ честнаго христіанина, и не отвѣчалъ за кровь его ни передъ турецкимъ судомъ, ни передъ мусселимомъ. Когда же кнезы и кметы требовали удовлетворенія, онъ удалялся на время въ другой городъ. Тѣмъ и кончался искъ, и въ добавокъ убійца получалъ благодарность даже отъ кадія и бега, которые говорили ему: «Аферимъ!» (браво!) Впрочемъ, чтобы не раздражить христіанъ, они не награждали явно убійцу. Но мстители за христіанскую кровь были наготовѣ. Никто не могъ ручаться, что избѣжитъ мщенія гайдуковъ за христіанскую кость или за христіанское колѣно, какъ выражался народъ. Не смотря на то, что за убійство турка платилось втрое, какъ за царскаго сына (такъ назывались всѣ мухамедане), гайдуку все равно было мстить: попался убійца на дорогѣ—и поплатился своею жизнію за христіанскую кровь. «Заемъ за заемъ, а кровь за кровь!» [2]) восклицали гайдуки, и за ними повторялъ то же весь народъ, уподобляя турокъ волкамъ и псамъ. «Турки какъ волки нравомъ, а волки какъ и остальные псы».

Гайдуки не оставляли безъ вниманія ни кнезовъ, ни кметовъ, ни купцовъ христіанъ, и изъ ущелій горъ и трущобъ лѣсныхъ зорко слѣдили за ними, какъ стоятъ они за народъ, какъ помогаютъ ему въ нуждѣ и неволѣ, и какъ обороняютъ отъ зликовцевъ турокъ. Своимъ вѣскимъ словомъ они много помогали представителямъ христіанскаго населенія. Узнавъ про какую нибудь несправедливость турокъ, гайдуки посылали къ нимъ гласоношу (такъ назывался тотъ, кому поручалось изустно передать ихъ слова).

---

[1]) Промѣня вѣру—промѣня и тюдъ.

[2]) Заямъ за заямъ, а крвь за крвь.

Digitized by Google

Гласоноша отъ лица гайдуковъ говорилъ такъ: «Мы оставили свои семейства, свое имущество по такому-то дѣлу, и потому поручаемъ вамъ беречь ихъ; если же кто нибудь изъ васъ сдѣлаетъ вредъ кому изъ поселянъ, или христіанину, вы будете за это отвѣчать. Передайте своимъ друзьямъ, своему алкорану и своему царю слѣдующія слова гайдука: Мой царь погибъ на Косовѣ [1]), но правда осталась въ душѣ сербскаго народа. У меня нѣтъ другого царя, кромѣ зеленой горы; я не боюсь никого, кромѣ Бога; моя голова всегда въ мѣшкѣ (у торбѣ); я готовъ умереть за правду. Помните, что я навсегда бросилъ куку и мотыку [2]) и пошелъ по этой дорогѣ. Моя голова стóитъ царской головы; не боюсь ни вашего царя, ни его визирей; они царствуютъ надъ полями и морями, а я царь горъ и лѣсовъ». Послѣ такого предостереженія, турки, конечно, боялись дѣлать нападеніе, или насиліе и старались удерживаться отъ своего фанатизма. Туземные беги и аги не разъ спорили съ азіатскими турками, не разъ брали сторону христіанъ, говоря: «Вы пришельцы и не знаете, что наши горы и лѣса кормятъ гайдуковъ, которые не хотятъ знать ни Стамбула, ни визирей, ни ихъ фирмановъ; они имѣютъ все свое; народъ платитъ то, что слѣдуетъ, а намъ приходится тяжело, когда вы приходите и обижаете народъ и послѣ обратно уходите въ Стамбулъ. Мы должны за все расплачиваться своими головами, жертвовать нашими дѣтьми и женами. Мы и наши предки здѣсь родились и намъ некуда дѣваться. Аманъ! не трогайте раю (подданныхъ христіанъ); мы черезъ васъ погибнемъ; намъ не помогутъ ни визирь, ни султанъ. Съ горой и съ гайдукомъ не справятся ни царское поле, ни царское море, и гайдуцкій лѣсъ и гора отомстятъ намъ за вашу жестокость».

Такого рода происшествіе случилось разъ въ Прибоѣ въ проѣздъ какого-то визиря, который отправлялся въ Боснію. Онъ потребовалъ подводъ (коморъ). Кметъ, обязанный приготовить подводы, не могъ найти ихъ столько, сколько нужно было для визиря, и привелъ небольшое количество. Когда онъ явился съ

---

[1]) Послѣдній сербскій царь Лазарь палъ въ битвѣ съ турками на Косовомъ полѣ, въ 1389 году.

[2]) Кука и мотыка—земледѣльческія орудія для паханья. Кука, нѣчто въ родѣ крючка, употреблялась при бороненьи земли, такъ какъ сербскій народъ пашетъ на волахъ. Борона по-сербски называется дряча. Кукою придерживалась борона, чтобы шла прямо. Мотыка—родъ заступа, которымъ копаютъ землю подъ виноградъ, кукурузу и проч.

Digitized by Google

подводами, турокъ сказалъ ему: «Еще нужно»! Кметъ отвѣчалъ, что больше нѣтъ. Дѣло дошло до визиря, который закричалъ: «Отрубить кмету голову!... Какъ нѣтъ подводъ для царскаго чиновника?» Кметъ видя, что дѣло плохо, смѣло отвѣчалъ: «Нѣтъ, такъ нѣтъ! Я не Богъ, чтобы надѣлать столько лошадей для царя и его людей. Царю (султану) легче купить лошадей, нежели бѣдному народу платить подать, да еще возить его людей». Визирь снова закричалъ: «Отрубить голову гяуру!» Тогда встали аги Даутъ-бегъ, Аджи-Мустай-бегъ и другіе турки, и бросились цѣловать руку и край одежды (скутъ) визиря, говоря: «Аманъ! Ради царскаго здоровья, честитый девлету, не трогай этого влаха; ибо если онъ погибнетъ, намъ придется самимъ бѣжать отсюда, или погибнуть». Удивленный визирь спросилъ, что это значитъ, и ему расказали о гайдукахъ и о порукѣ, которою они обязали прибойскихъ турокъ отвѣчать за безопасность ближнихъ христіанскихъ селъ; въ случаѣ же какого нибудь насилія христіанскому народу, они будутъ прямо мстить мѣстнымъ туркамъ. Визирь, подумавъ, отпустилъ кмета и сказалъ ему: «Еслибы ты былъ у меня въ Румеліи, я показалъ бы тебѣ, что значитъ царскій человѣкъ». Этого кмета звали Илья Бѣловичъ, изъ села Луничи, недалеко отъ Прибоя, маленькаго посада или паланки, лежащей на рѣкѣ Лимѣ.

Едва только гайдуки узнавали, что сербскій купецъ не хотѣлъ выручить изъ бѣды какого нибудь честнаго серба, брошеннаго турками въ темницу, то посылали къ нему гласоношу, а а иногда книгу, то есть, письмо, которое поручали снести кому нибудь; такой человѣкъ назывался книгоношей. Слова гайдуковъ считались священными, и если купецъ оставлялъ безъ вниманія такое письмо или порученіе, то гайдуки прямо грозили ему смертью, и, въ знакъ угрозы, посылали патронъ (фишекъ), что означало смерть презрѣвшему гайдуцкую просьбу, или приказаніе. Получившій такой гостинецъ, заранѣе долженъ былъ считать свою голову въ торбѣ или на шилякѣ (вертелѣ). Расправа гайдуковъ и лѣсогорскаго царя (арамбаши) наводила иногда страхъ не только на всѣхъ православныхъ кнезовъ, кметовъ и купцовъ, но и на туземныхъ турокъ, потому что гайдуки грозили имъ смертію за тѣхъ, кого не выпускали изъ темницы, или не освобождали отъ оковъ. При такихъ угрозахъ, сельскіе кнезы, кметы, купцы и горожане, какъ христіане, такъ и мухамедане, обращались къ бегу, мусселиму, кадію и другимъ судьямъ, говоря: «Аманъ! Мы

Digitized by Google

должны погибнуть; намъ нельзя торговать, если вы не выпустите изъ темницы такихъ-то людей». Показывали письма, или приводили гласоношу, который передавалъ слова гайдуковъ и ихъ арамбаши. Онъ не отвѣчалъ своимъ лицемъ за послѣдствія, потому что не былъ этому дѣлу причастенъ: его принудили къ тому силою. Если же случалось, что турки говорили гласоношѣ: «Какъ ты смѣлъ принять на себя это порученіе», то онъ обыкновенно отвѣчалъ: «Сила Бога не моли; мнѣ приказали идти, и еслибы ты былъ на моемъ мѣстѣ, то сдѣлалъ бы то же, а не то—поплатился бы головой. Тамъ не даютъ много говорить; на горѣ и въ лѣсу свой царь, своя дружина; ихъ заповѣдь (приказъ) строга; три слова и—голова долой! Тутъ не станешь разсуждать: хочу ли я, или нѣтъ, только бы пустили меня; вотъ моя голова—рубите ее. Я волосами привязанъ къ правдѣ и готовъ умереть; обѣщался передать и исполнилъ; я и такъ между двухъ огней: одна сила гонитъ изъ горъ и лѣсовъ, другая встрѣчаетъ въ полѣ и въ городѣ; стало быть, когда нѣтъ правды, лучше убейте меня и освободите отъ страха и зулума (злодѣйства)!» Такія слова нерѣдко убѣждали турецкихъ беговъ и кадій, и они отпускали гласоношу безъ всякихъ объясненій; но бывали случаи, что гласоношу сажали въ темницу. Тогда вставали всѣ аги, кнезы, кметы, купцы и турки, занимающіеся торговлею, или имѣющіе въ деревняхъ свои земли и свои чивчіе (населенное имѣніе), дѣдовины и очевины (вотчины), и говорили, особливо турки: «Аманъ! Не трогайте гласоношу и освободите заключенныхъ въ темницѣ; не зажигайте отъ одной искры бо̀льшаго пожара, не заграждайте царскихъ дорогъ; мы заплатимъ, что слѣдуетъ, за нихъ; иначе вы вызовете куку и мотыку. Наши жены и дѣти будутъ жертвой раевъ, которые отъ вашего зулума всѣ сдѣлаются гайдуками». При этихъ словахъ обыкновенно указывали пальцемъ въ сторону княжества Сербіи и Черной Горы, говоря: «Вотъ что вы надѣлали: тамошняя рая не хочетъ знать ни Стамбула, ни царя, ни васъ, ни насъ!» Такимъ образомъ, по общей просьбѣ, беги и кадіи выпускали невинныхъ изъ темницы и брали за нихъ глобу и ресумъ (выкупъ, пеню).

Турки страшились угрозы кукою и мотыкою. Это значило, что рая, ожесточенная неправдою, въ отчаяніи, броситъ свои поля, свое земледѣліе, и уйдетъ въ горы и лѣса мстить за обиду. Ходила въ народѣ поговорка: «Плохо туркамъ и купцамъ, когда

Digitized by Google

поднимутся кука и мотыка» [1]). Страшные для поселянъ и горожанъ, турки боялись горъ и лѣсовъ. Про нихъ народъ сербскій говаривалъ: «Всякій турокъ въ городѣ молодецъ, а въ лѣсу мышь», [2]), или «Турокъ въ городѣ силенъ какъ левъ, а въ горѣ слабъ какъ мышь» [3]). Гайдуки поддерживали въ народѣ бодрость духа, а туркамъ, на оборотъ, внушали страхъ, удерживавшій ихъ отъ злодѣйствъ. Если турки и обижали когда раю, то все-таки старались прекратить дѣло миромъ. Такъ велось до тѣхъ поръ, пока Омеръ-паша не посѣялъ раздора между агами мусульманами и христіанскимъ населеніемъ въ Босніи и въ другихъ областяхъ около 1850—52 гг.

Туземные турки позволяли прежде всѣмъ сербамъ носить оружіе, сходиться по своему старому обычаю на састанки или сходки, стрѣлять въ цѣль, заниматься торговлей и ходить вооруженными въ города на базары, но только никого не трогать. Горскіе гайдуки поддерживали это право, и даже сами аги дарили иногда оружіе бѣдному сербу на память, вмѣсто другого подарка, говоря: «Вотъ тебѣ на память: оно въ нуждѣ пригодится тебѣ; много есть почтенныхъ людей, но есть и негодяи; надобно, чтобъ у тебя было чѣмъ защититься отъ злодѣя». Такіе аги были безопасны отъ гайдуковъ; ихъ не трогали, и иногда даже поручали имъ дѣлать нѣкоторыя покупки въ городѣ, какъ-то: порохъ, свинецъ, кремни и патроны. Турки исполняли эти порученія, нисколько не скрывая ихъ отъ беговъ и кадіевъ, и, покупая, обыкновенно говорили: «Давай такихъ-то патроновъ для такого-то гайдука, или арамбаши». Неисполненіе гайдуцкаго приказанія грозило смертію, и на этомъ основаніи никто не преслѣдовалъ покупателя и даже не требовалъ денегъ за порохъ, свинецъ, патроны и кремни, которые предлагались въ подарокъ, какъ знакъ хорошаго расположенія гайдуковъ къ такому-то агѣ, или купцу изъ турокъ. Зато послѣдніе могли свободно ѣздить повсюду; ихъ никто не трогалъ, и при встрѣчѣ съ гайдуками они входили съ ними въ разговоръ и даже вмѣстѣ обѣдали на дорогѣ. Изъ числа такихъ хорошихъ турокъ были: хаджи Салы-ага изъ Пріеполя, Якубъ оттуда же, хаджи Мустай-бегъ и ага изъ Прибоя, хаджи Мурто изъ Новой Вароши и много подобныхъ

---

[1]) Тешко турцима и трговцима, кадъ устане кука и мотика.

[2]) Сваки турчинъ у граду юнакъ, а у шуми мишъ.

[3]) Турчинъ у граду силенъ као лавъ, а у горе слабъ као мишъ.

Digitized by Google

имъ туземныхъ мухамеданъ, которые не чуждались ни гайдуковъ, ни православныхъ сербовъ.

Упомянутыя личности много странствовали въ своей жизни, были въ Меккѣ (на тяби), въ Аравіи и заѣзжали въ Іерусалимъ на поклоненіе Исахъ-Пейгамберу (святому Христу). «Намъ нельзя, говорили они, проѣхать мимо гроба Исахъ-Пейгамбра, потому что пророкъ не приметъ нашу молитву, если мы не поклонимся гробу Исахъ-Пейгамбра». При этомъ они расказывали народу, что видѣли въ Іерусалимѣ старца св. Петра, имѣющаго ключи отъ Іерусалима, какія чудеса тамъ совершаются въ воскресеніе Исахъ-Пейгамбра и какъ калудеры (монахи) служатъ заутреню.

Сознавая пользу мирныхъ отношеній къ христіанамъ, они такъ уговаривали прочихъ враждебныхъ туземныхъ турокъ не трогать раевъ: «Намъ будетъ хорошо, пока мы проживемъ въ любви съ раями. Вы не знаете, какая язва, червь (гагрица, црвъ), въ Стамбулѣ: тамъ нѣтъ почтенія, и живутъ хуже собакъ. Хотя намъ и говорятъ, что тамъ нашъ царь, но онъ нашъ врагъ. Хорошо раямъ, а намъ еще лучше. Не надѣйтесь на Стамбулъ и на крикъ свиней; тамъ Содомъ и Гоморра. Мы все знаемъ. Много прошли мы земель, много видѣли зла и добра, испытали ту и другую вѣру; Исахъ-Пейгамберъ и пророкъ Мухамедъ вмѣстѣ сидятъ на небѣ. Не трогайте раевъ: мы всѣ съ одной горы листъ; всякій по своему молится, и Богъ отъ всѣхъ принимаетъ молитву. Если вы не послушаете старыхъ людей, васъ постигнетъ кара; придутъ червь и гагрица стамбульская, вы и погибнете вмѣстѣ съ раями; вашихъ женъ и дочерей осквернятъ, дома разрушатъ, вашихъ дѣтей возьмутъ въ низамъ (въ войско), и вы сами сдѣлаетесь раями». Такія слова устрашали отуреченныхъ туземцевъ; въ особенности же ихъ пугала порочная жизнь константинопольскихъ и азіатскихъ турокъ, и они старались всѣми силами сближаться съ гайдуками и раями и удаляться насильниковъ. Находясь въ дружескихъ сношеніяхъ съ этими агами, гайдуки иногда черезъ нихъ посылали туркамъ фишекъ (патронъ), говоря: «Ты самъ турокъ, передай такому-то твоему знакомому (руфетли) за такое-то дѣло; на немъ не будетъ головы». Ага, передавая патронъ, уговаривалъ зликовца примириться съ гайдуками, во избѣжаніе дурныхъ послѣдствій. Обыкновенно давали сроки на размышленіе— три дня, или три недѣли, но никакъ не болѣе мѣсяца. Послать патронъ значило предложить виновному на выборъ любое: жизнь, или смерть. Въ послѣднемъ случаѣ слава гайдуковъ была слиш-

Digitized by Google

комъ упрочена, чтобы можно было сомнѣваться въ исходѣ предложенія. Отъ того и была поговорка, что «отъ гайдуцкаго патрона купецъ и турокъ прыгаютъ со страха» [1]). Если зликовецъ отсылалъ патронъ назадъ, присоединяя къ тому по Богу братимство, то есть, обѣщаніе, что онъ не будетъ больше никому дѣлать зла и что онъ раскаявается въ прежней своей винѣ, сдѣланной по глупости, гайдукъ, посовѣтовавшись съ своею дружиной, посылалъ ему мараму (платокъ), или свое кольцо, и требовалъ свиданія съ своимъ новымъ побратимомъ. Послѣдній покупалъ тогда подарки арамбашѣ, всей дружинѣ и новому побратиму, и посылалъ ихъ къ гайдуку. Отецъ и мать зликовца называли сыновняго побратима по Богу сыномъ, сестра его—по Богу братомъ, а жена—деверемъ, и посылали ему также отъ себя подарки. Мать обыкновенно дарила гурабіе (пряникъ) и чурекъ (калачъ), а иногда серебряную амайлію (коробочку или сумочку), въ которой гайдуки носили разную святыню, какъ-то: Сонъ Богородицы, частицу отъ честнаго древа, или отъ мощей какого нибудь святаго, и какую нибудь травку. Всѣ эти вещи они считали покровомъ въ битвахъ и защитою отъ пули, которая не прикасается къ людямъ, имѣющимъ эту драгоцѣнность при себѣ. Въ этой же амайліи, которую носили на правой рукѣ, или на груди, хранилась также сорочка, зашитая въ полотняный мѣшечекъ. Кто родился у кошули (въ сорочкѣ), того считали счастливымъ, потому что еще въ утробѣ матерней онъ зачался съ Божіимъ даромъ, который спасетъ его въ битвахъ отъ вражескихъ пуль и желѣза. Народное преданіе говоритъ, что кралевичъ Марко, Милошъ Обиличъ и Георгій Черный родились въ сорочкѣ, и что она означаетъ юначество, храбрость, счастіе на войнѣ и служитъ защитою отъ пожара. Сестра турка дарила своему по Богу брату другую амайлію, которою покрывали пистолеты и кинжалы въ дурную погоду. Она дѣлалась изъ лучшаго бѣлаго сукна и вышивалась золотомъ, шелкомъ и бисеромъ. Къ ней прибавлялось еще обыкновенное яблоко, связанное съ пучкомъ базилика и прядью волосъ дѣвицы. Такою вещію, большею частію, дарили дѣвушки своихъ братьевъ и побратимовъ. Жена посылала въ подарокъ побратиму рубашку, носки и проч., что называлось башчалукъ (даръ).

Новый побратимъ отправлялся къ гайдукамъ въ гору, въ со-

---

[1]) Одъ страха трговацъ и турчинъ передъ айдучкимъ фишекомъ на ноге скачу.

Digitized by Google

провожденіи старыхъ людей, близко съ ними знакомыхъ. Онъ долженъ былъ идти безъ оружія, и его провожатые ручались за его безопасность, говоря: «мы его беремъ на свой вратъ (воротъ, шею) или на свою душу». Вручивъ подарки своему побратиму гайдуку, онъ цѣловался съ нимъ и бралъ съ него клятву, что можетъ свободно ѣздить черезъ всѣ «стозе и богазе» (по всѣмъ путямъ и ущельямъ), и въ свою очередь клялся, что не сдѣлаетъ больше христіанскому тѣлу или христіанской кости никакого зла. Послѣ взаимнаго примиренія, арамбаша, или гайдукъ принималъ присланные подарки, и самъ посылалъ гостинцы роднымъ своего новаго побратима, если они всѣ были живы.

Эта клятва между по Богу братьями служила крѣпкою родственною связью между гайдукомъ христіаниномъ и издавна отуреченнымъ сербомъ, и строго наблюдалась съ обѣихъ сторонъ. Турокъ клялся такъ: «Если я нарушу данное слово, пусть отвѣчаетъ моя голова; мнѣ некуда укрыться отъ гайдуцкой пушки (ружья), и если я измѣню побратимству, то прощаю мою кровь тебѣ, или кому бы то ни было изъ твоей дружины. Пусть гайдуцкое ружье вырветъ у меня сердце и срубитъ голову. Да накажетъ меня моя вѣра и пророкъ Мухамедъ, если я сдѣлаю какое зло христіанскому народу. Только прости меня и прими въ побратимство». Гайдукъ давалъ слѣдующую клятву передъ всѣми людьми и дружиною: «Я прощаю такого-то за такія-то дѣла и принимаю отъ него побратимство. Все, что онъ ни сдѣлалъ до нынѣшняго дня, я прощаю, и клянусь ему твердою Божіею вѣрою и честнымъ крестомъ, что я не буду искать на немъ мести (освети тражити), если онъ сдержитъ свое слово. Если же я не исполню своей клятвы, пусть мое оружіе измѣнитъ мнѣ, и турецкая сабля на позоръ отрубитъ мою голову. Но я не измѣню своей клятвѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не измѣнитъ своей; въ противномъ же случаѣ, грѣхъ на его душѣ. Я вправѣ тогда мстить кровію, и если погибну, то да будетъ вамъ стыдно, братья и дружина, если вы не отомстите (осветите) за меня измѣнившему мнѣ побратиму». Тогда всѣ кричали: «Будемъ мстить!... Того требуютъ гайдуцкая честь и правда». Послѣ этой обрядности, побратимы цѣловались передъ всею дружиной, и всѣ прежнія распри забывались. Новому побратиму отдавали оружіе, и онъ былъ свободенъ. Женщины изъ его семейства не скрывались отъ побратима гайдука: отъ считался роднымъ. Такимъ образомъ этотъ обычай велся между православными и отуреченными сербами даже

Digitized by Google

въ 1850—58 годахъ; онъ укрощалъ дикое изувѣрство турокъ, содѣйствовалъ къ сближенію враждебныхъ народностей и удерживалъ сербовъ мухамеданъ отъ вредныхъ внушеній константинопольскихъ турокъ, которые присылали къ нимъ дервишей, муллъ, хаджей и чиновниковъ, пропитанныхъ фанатическими идеями.

Точно такимъ же образомъ поступали гайдуки съ православными сербами, кнезами и кметами, и обязывали ихъ клятвою и угрозами стоять общими силами за народъ и помогать другъ другу. Честныхъ людей они не трогали; напротивъ, старались избавить ихъ отъ опасности и грозили мщеніемъ изъ горъ, если честный человѣкъ погибалъ. Его убійца долженъ былъ поплатиться жизнію. Гайдука точно такъ же наказывали смертію за нарушеніе побратимства и данной клятвы на гайдуцкомъ судѣ. Они обыкновенно говорили: «Грѣхъ на его душѣ; онъ самъ виноватъ, что нарушилъ клятву, и потому самъ себя убиваетъ, а мы только исполняемъ свою клятву и твердую Божію вѣру мстить за клятвопреступленіе».

По гайдуцкимъ законамъ наказывали нарушителей народныхъ правъ, притѣснителей и клеветниковъ сначала напоминаніемъ (опоменомъ) и штрафомъ, что называлось уцѣною, осѣкомъ, отрѣзомъ. Въ болѣе важныхъ преступленіяхъ употребляли такъ называемую похару, плѣнъ (принудительное отнятіе). Этѣ уцѣны, похары, или плѣны обращались въ доходы всей дружинѣ гайдуковъ.

Штрафы и уцѣны налагались на богатыхъ скупыхъ торговцевъ, которые не хотѣли помочь въ нуждѣ бѣдному, но честному человѣку. Иногда торговецъ давалъ деньги, или самъ платилъ туркамъ за поселянина; но, заплативъ подать, на примѣръ 50 р.. онъ записывалъ въ свои тефтеръ (книгу) 70 р. Селякъ, или кто другой, не умѣющій писать, взявъ деньги, прикладывалъ свою руку подлѣ своего имени и прозвища и выставлялъ крестъ, что означало, что такой-то дѣйствительно занялъ деньги у такого-то купца. На это сербы сложили поговорку: «Сдѣлалъ крестъ, заплатилъ долгъ, приложилъ палецъ и долгъ заплати» [1]). Въ дѣлахъ съ турецкими купцами, неграмотный христіанинъ прикладывалъ свой палецъ въ турецкомъ тефтерѣ рядомъ съ своимъ именемъ и отчествомъ.

---

[1]) Начиніо крстъ, платіо дугъ, притисную прстомъ и дугъ плати.

Digitized by Google

Эти займы и платежи строго исполнялись между честными людьми, такъ что даже вошло въ сербскую пословицу: «Если дерево на дерево въ лѣсу опирается, когда вѣтеръ дуетъ, какъ же людямъ другъ другу не помочь?» Честные купцы равно уважались народомъ и гайдуками, которые никогда не нападали на нихъ въ дорогѣ и не отнимали у нихъ товара; но обыкновенно говорили имъ при встрѣчѣ: «Не пугайся, мы знаемъ тебя: всякая птица узнается по голосу, какъ поетъ; а человѣкъ по своему поступку» [1]). Сербы на это сложили слѣдующее реченіе: «Не бойся, мы свои» [2]). Иногда гайдуки приглашали купца на свой праздникъ (даникъ) въ лѣсъ, угощали его, распрашивали и узнавали, что дѣлаютъ турки, что они думаютъ, и кто изъ нихъ обижаетъ народъ.

Отношенія торговцевъ къ народу были различныя. Дѣломъ хорошаго, честнаго купца было гдѣ помочь, а гдѣ дать денегъ взаймы человѣку. Поселянинъ обыкновенно приходилъ и говорилъ: «Мнѣ нужно столько-то денегъ, дай мнѣ на стоку (скотину); у меня столько-то овецъ, коровъ, козъ, жита; отдамъ тебѣ, почемъ будетъ скотина весной», то есть, о Егорьевѣ днѣ. Купецъ, развѣдавъ отъ другихъ, что тотъ говоритъ правду, давалъ деньги и записывалъ въ счетную книгу, а должникъ, взявъ деньги, писалъ крестъ въ той же книгѣ, и бралъ деньги до такого-то времени, съ условіемъ отдать купцу скотину дешевле противъ обыкновенной цѣны. Посторонній торговецъ платилъ, на примѣръ, за хорошую овцу съ ягненкомъ къ Егорьеву дню 1 р., должникъ же отдавалъ ее своему займодавцу за 95 к. Быкъ, положимъ, въ продажѣ стоилъ 10 р. (200 піастровъ, грошей), а заимодавцу уступался за $9^1/_2$ р. (190 грошей). Эта уступка служила вмѣсто процентовъ. Купецъ отмѣчалъ скотину, отданную ему за долгъ, и оставлялъ ее иногда на время у прежняго хозяина до своего возвращенія, или до присылки за оною. Отмѣченная скотина называлась купеческой (трговачка). Овецъ обыкновенно замѣчали красною краской; у быка или у коровы выжигали раскаленнымъ желѣзомъ на рогахъ какой нибудь знакъ, или первую букву имени купца. Замѣченную скотину никто не смѣлъ купить, продать, или держать съ своею скотиной, не давъ о

---

[1]) Свака се птица по своме гласу познае, како пѣва, а човекъ по своме дѣлу.

[2]) Не бойсе. наши смо.

Digitized by Google

томъ знать кмету села; иначе, считался воромъ и отвѣчалъ передъ всѣмъ селомъ, кметомъ и кнезомъ. Отсюда поговорка: «Если коза лжетъ, то рогъ не лжетъ» [1]). Если, въ отсутствіе торговца, скотина, отданная за долгъ и остававшаяся у прежняго хозяина, околѣвала, онъ долженъ былъ показать купцу и отдать ея кожу и рогъ съ замѣткой, и тѣмъ дѣло кончалось; ибо говорили: «Смерть никого не щадитъ, и царь умираетъ». Если волкъ похищалъ изъ стада замѣченную скотину, и люди видѣли, какъ пастухъ гнался за нимъ, тогда нужно было привести свидѣтеля, который подтвердилъ бы купцу клятвой, что это правда; а если оставалась кожа съ слѣдами волчьихъ зубовъ, то хозяину не нужно было и свидѣтеля: онъ только показывалъ кожу и бралъ на свою душу, что дѣйствительно волкъ похитилъ скотину въ глазахъ пастуха: «Вотъ свидѣтели—волчьи зубы; голодный волкъ и человѣка съѣстъ, не только твою овцу». Точно также должникъ не отвѣчалъ, если турецкое войско, или гайдуки завладѣвали замѣченною скотиной и зарѣзывали ее; онъ отдавалъ только купцу ея кожу и говорилъ: «Вотъ зарѣзали ее: сила Бога не моли; всѣ люди это знаютъ».

Таковы были взаимныя отношенія между народомъ и честными купцами. По народному понятію, безъ торговца свѣтъ не можетъ стоять. Поселянинъ безъ купца, а купецъ безъ поселянина не могутъ обойтиться. Купецъ даетъ деньги, а поселянинъ платитъ ему скотиной, медомъ, масломъ, шерстью, хлѣбомъ, кожей. Подъ залогъ чего бралъ деньги поселянинъ, то и приносилъ своему вѣрителю; если же у него не было такого товара, случался неурожай,—добрый купецъ говорилъ должнику: принеси, что тебѣ Богъ далъ: «Вяжи лыкомъ вмѣсто ремня» [2]). Этѣ сдѣлки между сельскимъ народомъ и городскими купцами производились два раза въ годъ: къ Егорьеву дню, 23 апрѣля, и къ Дмитрову дню, 26 октября. Всѣ счеты за шесть мѣсяцевъ кончались къ этимъ срокамъ, и этотъ обычай одинаково наблюдался между православными и отуреченными сербами. Въ Егорьевъ день платили быками, коровами, овцами, козами и кожей; въ Дмитровъ день воскомъ, медомъ, масломъ, саломъ, кожей, шерстью, житомъ, сыромъ, скорупомъ (сливочнымъ масломъ). Такія обоюдныя сдѣлки имѣли большое вліяніе на поддержку общественной жиз-

[1]) Ако коза лаже, рогъ не лаже.
[2]) Треба везати лику за опуту.

Digitized by Google

ни. Купецъ вѣрилъ деньги поселянину въ нуждѣ, а тотъ, по общему приговору, отдавалъ купцу свою скотину и товаръ дешевле, нежели постороннему торговцу, покупавшему на чистыя деньги. Когда этѣ сдѣлки кончались, долгъ вымарывался изъ книги, а крестъ зачеркивалъ своеручно тотъ, кто написалъ его, въ присутствіи прочихъ людей. Въ случаѣ его смерти, это право переходило къ наслѣднику его имущества.

Такіе купцы, которые честно вели свою торговлю съ народомъ и жили по правдѣ, пользовались общимъ уваженіемъ и считались родолюбцами (патріотами), потому что не клеветали туркамъ на своихъ соотечественниковъ, не заключали въ турецкую темницу своихъ должниковъ, слушались общаго голоса людей, помогали въ нуждѣ попавшимъ за правду въ руки турокъ, выкупали страдальцевъ и поручались за невинно оклеветанныхъ людей. Гайдуки не притѣсняли такихъ честныхъ торговцовъ. Имъ были открыты всѣ дороги; они свободно проѣзжали черезъ горы и лѣса и не платили гайдукамъ никакого штрафа.

Совершенно иное было положеніе безчестныхъ и безжалостныхъ торговцевъ и купцовъ, которые грабили и притѣсняли народъ. Алчность и неправда заставляли ихъ заискивать въ туркахъ, и въ своихъ безчестныхъ дѣйствіяхъ они опирались на турецкую силу. Про нихъ народъ говорилъ, что «крещеные турки хуже некрещеныхъ» [1]). Торговые обороты такихъ купцовъ не могли внушить народу довѣрія, и, часто испытывая на себѣ ихъ обманныя дѣйствія, народъ повторялъ: «Пахарь надѣется на правду и на церковь, а купецъ на карманъ и обманъ» [2]). Иной, не боясь грѣха, утверждалъ, что далъ такому-то 70 р. (1.400 грошей), а отъ него получилъ только 50 р. (1.000 грошей), и требовалъ съ должника остальныя деньги. Бѣднякъ клялся въ своей правдѣ, и люди старались помирить спорившихъ, но купецъ не уступалъ и прибѣгалъ къ помощи турокъ. Пользуясь бѣдственнымъ положеніемъ поселянъ, для которыхъ временный кредитъ былъ необходимъ, чтобъ избавиться отъ истязаній въ случаѣ неплатежа податей туркамъ, эти торговцы обдирали народъ всякою неправдою. «Купцы и турки грабятъ пахаря—одни силою, а другіе обманомъ: оба одинаково воры» [3]). За долгъ они отнимали ско-

---

[1]) Горе су крштени турци, неголи некрштени.

[2]) Тежакъ се узда у правду и у цркву, трговацъ у джепъ и превару.

[3]) Трговци и турци отимаю отъ тежака—еданъ силомъ, а други превaромъ: оба лопова еднака.

Digitized by Google

тину по своей оцѣнкѣ, за что хотѣли. По записямъ, не всегда справедливымъ, въ своихъ счетныхъ книгахъ, они взыскивали съ бѣдняка безпощадно, такъ что въ народѣ ввелись поговорки: «Кунецъ счетомъ и душею давитъ народъ» [1]): «Купцы грабятъ народъ безъ оружія и безъ кинжала» [2]).

Тамъ, гдѣ отношенія власти къ подданнымъ были отношеніями неестественными покорителей къ порабощеннымъ; гдѣ власть, какъ сила и произволъ, стояла въ непріязни къ народу, какъ стаду, обреченному на ея питаніе,—тамъ, разумѣется, всякая неправда была возможна, если только она могла подладить власти. Безчестные торговцы хорошо понимали это, и старались всячески задобрить турецкую власть. «Голова крещеныхъ воровъ въ Сараевѣ, а не крещеныхъ въ Константинополѣ» [3]). Они были доносчиками, измѣнниками, предателями своего народа; про нихъ народъ говорилъ: «Жиды продали Христа за тридцать сребрениковъ, а христіанскіе купцы продаютъ пахаря за тридцать копѣекъ» [4]). Они не упускали и случая польстить туркамъ: «Торговцы—турецкіе льстецы: за деньги продаютъ вѣру и душу» [5]). Поэтому народъ былъ увѣренъ, что турецкія власти поддержатъ такихъ торговцевъ въ ихъ расчетахъ съ должниками, и отсюда сложилась поговорка: «Кто попадетъ въ книжку къ купцу, тотъ попадетъ и въ турецкую цѣпь» [6]). И дѣйствительно, въ случаѣ неплатежа, хотя бы и обманнаго долга, безбожный торговецъ бралъ у турецкаго судьи сейменовъ (жандармовъ) и схватывалъ несчастнаго должника. Затѣмъ, явясь въ турецкій судъ, безбожникъ жаловался, что такой-то ему долженъ и не хочетъ платить. Бегъ спрашивалъ купца: «Можешь ли ты взять на свою душу, что онъ тебѣ долженъ?» — «Могу», отвѣчалъ клеветникъ. За симъ бегъ обращался съ вопросомъ къ должнику, зачѣмъ не хочетъ онъ платить; а тотъ отвѣчалъ, что онъ не долженъ, и не можетъ платить. Тогда купецъ приносилъ тефтеръ и показывалъ имя, крестъ, или палецъ должника, который не отказывался отъ своей подписи, но не хотѣлъ платить лишняго. «Если тутъ твой па-

---

[1]) Трговацъ тефтеромъ и душомъ народъ дави.

[2]) Трговци отимаю безъ пушке и безъ ножа одъ народа.

[3]) Крштенемъ лоповима глава у Сараеву, а не крштенемъ у Стамбулу.

[4]) Чивути продали Риста за тридесетъ сребрника, риштянски трговци тежака за тридесетъ динара.

[5]) Трговци су турске улизице, за новце продаю вѣру и душу.

[6]) Ко трговцу западне у тефтеръ, тай й те и у турски синджиръ.

Digitized by Google

лецъ, или крестъ, — заплати остальной долгъ, или сейчасъ же въ темницу»,—восклицалъ бегъ. Бѣдняку оставалось выбирать одно изъ двухъ; а купецъ, показывая свою книгу, божился такими словами, если былъ христіанинъ: «Богъ мой и душа моя, чортъ мой и душа моя! Такой-то долженъ мнѣ столько-то, сколько записано въ книгѣ» [1]). Несчастный должникъ принужденъ былъ или платить, или идти въ турецкую темницу, что называлось бездушіемъ, безбожіемъ, беззаконіемъ, потому что, по пословицѣ, «темница—не свой домъ» [2]). Должникъ оставался въ темницѣ обыкновенно сутки безъ цѣпей. Ему давали на размышленіе 24 часа и, въ случаѣ отказа, грозили худшимъ. На неимѣвшаго чѣмъ заплатить, по истеченіи сутокъ, надѣвали цѣпь на шею. Эта цѣпь была протянута кругомъ темничныхъ стѣнъ, къ которымъ были прибиты белензуки (желѣзные наручники или поручи), надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сидѣлъ преступникъ. На шею надѣвалась тяжелая цѣпь вѣсомъ около 10 или 15 пудовъ; руки вдѣвались въ белензуки, а ноги въ томруки, по-сербски—кладе. Томруками назывались два бревна, лежавшія на полу рядомъ съ длинною цѣпью; верхнее бревно поднималось, а нижнее лежало неподвижно въ грязи; на концѣ этихъ бревенъ былъ прорѣзъ, запиравшійся замкомъ, а въ нихъ были сдѣланы двѣ выемки или два отверстія, куда вкладывались ноги. Эти отверстія томруковъ находились противъ каждаго белензука, такъ что преступникъ, посаженный на цѣпь, имѣлъ видъ распятаго. Эти страшныя орудія турецкаго суда заставляли несчастнаго страдальца признаваться, что онъ дѣйствительно долженъ, лишь бы только избавиться отъ невыносимыхъ мукъ. Ужасное зловоніе наполняло этѣ темницы, откуда слышался стонъ заключенныхъ, какъ говоритъ сербская поговорка: «Не можется ни жить, ни умереть». И для выручки этихъ-то несчастныхъ приходили въ судъ честные купцы, кнезы, кметы и старые люди.

Такихъ злодѣевъ торговцевъ, которые были хуже турокъ, народъ презиралъ до того, что не хотѣлъ имѣть съ ними никакого дѣла и называлъ ихъ кровопійцами: «Турецкіе льстецы, какъ и потурченяки, кровь народа пьютъ» [3]). Сами турки гнушались ими, а честные сербы имъ прямо говорили: «Какой ты человѣкъ? У

---

[1]) Богъ ми и моя душа, дяво ми и моя душа! Тако е, како е записано у тефтеру; толико ми е дужанъ.

[2]) Тамница кутя не обична.

[3]) Турске придворице, као и потурице, крвь народу пію.

Digitized by Google

тебя нѣтъ ни Бога, ни души, ни правды. Ты беззаконникъ и извергъ (отлюдъ), когда брата своего предалъ туркамъ. Ты покривилъ душею, какъ собака хвостомъ». Понятно, что такихъ отступниковъ народа, считавшихся все-таки христіанами, народъ сербскій гнушался и считалъ хуже самыхъ турокъ: «Турецкіе доносчики хуже турокъ» [1]). Ихъ называли отлюдами, то есть, извергами. Честные люди считали за несчастіе ѣхать съ отлюдомъ, и при встрѣчѣ съ нимъ на дорогѣ говорили: «сегодня мнѣ попался навстрѣчу отлюдъ: будетъ несчастный день». Ихъ называли также отпадниками, клеветниками и прислушниками, потому что, подмѣчая дѣла честныхъ людей и прислушиваясь къ ихъ рѣчамъ, они передавали то, что слышали, туркамъ. Народъ чуждался ихъ болѣе, нежели отуреченныхъ сербовъ, и говорилъ: «легко узнать, что думаютъ измѣнившіе нашей вѣрѣ; но трудно узнать тѣхъ, которые крестятся и ходятъ въ церковь». Отсюда сербская поговорка: «Не бойся не крещенаго турка: онъ волкъ, извѣстный овцамъ; волка далеко узнаешь по хвосту; но берегись волка въ овечьей шкурѣ,—его трудно узнать».

Отпадниковъ, возмущавшихъ народъ своею неправдою и опиравшихся на турецкую силу, справедливо почитали нарушителями общественнаго спокойствія: «Купцы—товарищи туркамъ: заодно съ ними жгутъ и палятъ» [2]). Когда честные люди невинно томились въ темницѣ по доносу отпадниковъ и прислушниковъ, тогда являлись въ судъ кнезы, кметы, старые люди и честные купцы и требовали на очную ставку злодѣевъ. При этомъ они грозили туркамъ, въ случаѣ отказа, что не будутъ пахать и засѣвать землю, доколѣ имъ не выдадутъ доносчика, а честные купцы говорили, что запрутъ лавки и не будутъ торговать. «Мы не ручаемся за общественное спокойствіе, и народъ потребуетъ отъ насъ отчета въ смерти невиннаго». Въ такомъ случаѣ сами аги брали сторону народа и говорили турецкому мусселиму и судьѣ: «Аманъ! Отдайте, что кнезы, кметы, старцы и торговцы ищутъ, а то будетъ бѣда, если рая возстанетъ и не захочетъ обрабатывать землю, а купцы прекратятъ торговлю. Помиримся съ селякомъ. Кто этотъ доносчикъ?... Выведите его, чтобъ раи не ушли въ лѣсъ и не заградили дорогъ. Мы погибнемъ отъ гайдуковъ и поплатимся нашими головами». Тогда

---

[1]) Горе су турске придворице, неголи турци.

[2]) Трговци су турски ортаци, заедно жаре и пале.

Digitized by Google

бегъ (мусселимъ) открывалъ отпадниковъ и прислушниковъ и освобождалъ невинно заключеннаго, за котораго поручались кнезы, кметы, старые люди и добрые купцы своими головами и имѣніемъ. Клеветники защищались передъ присутствующими, но честные люди имъ прямо говорили: «Ты отпадникъ, бездушникъ, безбожникъ, отлюдъ! Ты отпалъ отъ Бога и отъ людей. Чтобъ песъ твою голову носилъ,—лучше этого ты не заслуживаешь». Оттуда сербская поговорка: «Кто подслушиваетъ, тотъ гораздо хуже убійцы» [1]).

Гайдуки отнимали имущество у такихъ злыхъ людей и предавали ихъ смерти, даже если бъ они были въ родствѣ съ арамбашей. Горскій гайдуцкій судъ осуждалъ ихъ безъ пощады на смерть, какъ губителей христіанскаго народа, который обыкновенно говорилъ такъ про распоряженія гайдуковъ: «Хорошо сдѣлали, да будетъ свята ихъ рука!» [2]). Гайдуки на своемъ судѣ, не щадя жизни отпадниковъ, которыхъ боялись трогать кнезы и кметы, обирали у нихъ все, что находилось въ домѣ, подвергали отлюдовъ сильнымъ побоямъ и смерти, но не трогали однако рухо и огловли женщинъ [3]). Мужскую одежду и деньги гайдуки отнимали силою оружія, но оставляли неприкосновеннымъ дѣвичье приданое. По ихъ понятію, коснуться даровъ дѣвицы—все равно, что ограбить церковь. Гайдуки произвольно собирали свои доходы съ грабителей народа и скупыхъ людей; они посылали къ таковымъ гласоношу или книгоношу съ патрономъ, и назначали имъ срокъ для высылки гайдуцкой дружинѣ опредѣленной суммы. Въ случаѣ упорства, говорили: «Тебѣ закрыты дороги, и товаръ твой не продастся, пока гайдуки въ лѣсу. Гдѣ бы мы тебя ни поймали,—убьемъ, если ты не вышлешь къ сроку денегъ и не дашь честнаго слова, что не будешь больше отлюдомъ и нарушителемъ порядка и правды». Купецъ, получившій такую угрозу, прибѣгалъ къ ходатайству честныхъ торговцовъ и давалъ клятву, что не пойдетъ впередъ къ туркамъ, и будетъ во всемъ слушаться честныхъ людей, лишь бы они его простили. Въ заключеніе онъ цѣловалъ даже руку старшины.

Народъ сербскій съ упованіемъ взиралъ на гайдуковъ, ко-

---

[1]) Прислушникъ гори, него крвникъ.

[2]) Добро су учинили, нека имъ света рука.

[3]) Такъ назывались разные наряды, надѣваемыя въ годовые праздники. Рухомъ называлась вообще вся одежда, мужская и женская.

Digitized by Google

торые защищали его отъ своихъ же грабителей. «Гайдука не подкупишь,—такъ, такъ!» [1]). Еслибы даже бегъ и не былъ подкупленъ торговцемъ, то, какъ судья должностной, онъ обязанъ былъ въ отсутствіи свидѣтелей вѣрить клятвѣ истца. Но такъ какъ отступникъ не затруднялся передъ ложною клятвой, то судъ гайдуцкій и являлся, въ противуположность этому должностному суду, судомъ по совѣсти. Недобросовѣстнаго истца и клятвопреступника ожидала гайдуцкая расправа: «Гайдуки лучше турокъ судятъ» [2]). «Безъ гайдука нѣтъ правды передъ туркомъ» [3]), прибавлялъ народъ. Получивъ прощеніе отъ народа, торговецъ посылалъ уцѣну или осѣкъ гайдукамъ въ лѣсъ, а честные люди увѣдомляли ихъ чрезъ своихъ гласоношъ, или книгоношъ, что такой-то раскаявается въ своихъ поступкахъ и что они его прощаютъ.

Но горе тому, кто опять принимался за худыя дѣла. Тогда уже никто не могъ ручаться за его жизнь; ему оставалось бѣжать въ Сараево въ Босніи, или въ Бѣлградъ въ княжествѣ сербскомъ, гдѣ не было гайдуковъ.

Такова-то была жизнь народа въ этихъ краяхъ. При твердости народнаго духа, долголѣтняя неволя еще сильнѣе укрѣпляла въ немъ внутреннее сознаніе народнаго права и чувства народности, переходившее отъ прадѣдовъ къ потомству. Народъ ясно понималъ неправду и, не смотря на безсиліе свое, всегда протестовалъ, какъ могъ, противъ неправды. Его изреченія составляютъ такой же протестъ жизни, исполненной горькаго опыта. Соблазнъ окружающей и преобладающей среды былъ великъ; поэтому были и исключенія, являвшіяся то въ видѣ потурченяковъ, то въ видѣ отлюдовъ и пр.; но большинство народа или, такъ сказать, твердь народная оставалась вѣрна самой себѣ, какъ это видно изъ слѣдующихъ присловій, сложившихся въ народѣ: «Мы всѣ братья между собой, не по роду, не по отцу и матери, а по закону, обычаю и правдѣ. Мы всѣ равны, одной горы листъ. Правда выше всего. Кто противъ правды, тотъ противъ Бога и людей, отлюдъ и отпадникъ. Кто не слушаетъ людей, тотъ самъ не человѣкъ. Богъ любитъ согласіе и правду; Божіе знамя между людьми—правда. Гдѣ правда, тамъ и обы-

[1]) Айдука ни е могуте подкупити,—тако, тако!

[2]) Айдуци лепше одъ турака суде.

[3]) Безъ айдука нема правде предъ турчиномъ.

Digitized by Google

чай. Одежду на сторону, а правду на середину. Проклята душа того, кто судитъ по родству и одеждѣ, а не по дѣлу и правдѣ, которая отъ Бога дана всѣмъ людямъ. Богъ на одежду не смотритъ, а на дѣло и правду. У Бога всѣ люди равны, только дѣла ихъ разныя. Отпадника и прислушника Богъ ненавидитъ, и кто убьетъ насильника, того простятъ и Богъ и люди. Кто дѣлаетъ другому зло, тотъ самъ не надѣйся на добро». Вотъ итогъ тѣхъ правилъ народныхъ, которыя были плодомъ его житейскаго опыта. Эти представленія о правѣ и правдѣ равно сохранялись какъ между простыми селяками, такъ и между городскими торговцами. Они, конечно, не были занесены на бумагу и не были закрѣплены никакимъ формальнымъ актомъ, но соблюдались живымъ народнымъ преданіемъ и утверждались общимъ народнымъ голосомъ на народныхъ сходкахъ, састанкахъ. «На чемъ люди положили по своей душѣ и правдѣ, такъ тому и быть».

Изъ этѣхъ пословицъ, присловій, поговорокъ,—словомъ, изъ всѣхъ этихъ изреченій, въ которыхъ народъ и въ неволѣ былъ воленъ, ясно обнаруживается отношеніе народа къ своимъ кнезамъ, кметамъ, торговцамъ, гайдукамъ и туркамъ; въ нихъ выражаются и бытовыя воззрѣнія народа на религію, женщину, крѣпость обычая, чистоту нравовъ; повсюду проносится въ нихъ живою струею чувство правды и сознаніе внутренней духовной свободы. Остался ли бы столь крѣпкимъ духъ народный, еслибы не было гайдуковъ? Выраженіемъ этой внутренней крѣпости духа и внѣшнимъ проявленіемъ его силъ были гайдуки. Жестоко ошибаются турки и европейцы, которые въ гайдукахъ видятъ разбойниковъ. Напротивъ, при тѣхъ условіяхъ порабощенія, въ которыя былъ поставленъ сербскій народъ, онъ иначе и не могъ проявить лучшую сторону своего духа, какъ въ гайдукахъ. Другая форма проявленія была невозможна. Когда власть не могла, или не хотѣла, идти дружно съ народомъ, а напротивъ относилась къ нему враждебно,—одни гайдуки поддерживали въ народѣ и вѣру и обычаи и нравы и правду: ихъ судомъ и расправою успокоивалась народная совѣсть и удовлетворялось чувство правды, сознаніе права. Подъ защитою гайдуковъ, народъ отстаивалъ себя и свою нравственную самостоятельность и свою общественную жизнь до самыхъ пятидесятыхъ годовъ, или до прибытія Омера-паши изъ Константинополя съ регулярными войсками, которыя успѣли надѣлать много зла православному сербскому народу. Гайдуки сдерживали и турокъ и отступниковъ,

Digitized by Google

внушая имъ страхъ неизбѣжной правдивой кары. Прикрытые горами и лѣсами, рѣшившіеся до самопожертвованія стоять за вѣру, правду и добро, крѣпкіе своимъ дружиннымъ устройствомъ и поддержанные сочувствіемъ народа, гайдуки презирали могущество турецкой власти и были исполнены увѣренности въ своей силѣ и сознаніи своего достоинства. Они говорили, что «хорошаго турка голова стóитъ гайдуцкаго патрона» [1]) и что «гайдукъ можетъ быть визиремъ, а визирь не можетъ быть гайдукомъ». [2]) Отсюда истекала особая тонкая черта взаимныхъ отношеній сербовъ и турокъ. Опираясь на гайдуковъ и видя въ нихъ какъ-бы лучшую сторону самихъ себя, порабощенные сербы не упадали духомъ и имѣли достаточно нравственной поддержки, чтобы соблюсти въ цѣлости достояніе своей народности; а съ другой стороны, и турки и всякіе выродки и злодѣи не могли безнаказанно покушаться на святыню народной жизни. Такимъ образомъ гайдуки были благодѣтельною силой, уравновѣшивающею обѣ враждебныя стороны.

Будучи знакомъ съ прежнею жизнію гайдуковъ и съ нравами православныхъ сербовъ въ Турціи, и лично зная многихъ изъ гайдуковъ, я бралъ свои описанія не изъ расказовъ и пересказовъ другихъ людей, а прямо изъ живой непосредственной дѣйствительности. Какъ очевидецъ, передаю я ихъ обычаи, нравы, порядки, крѣпкое стояніе за право и правду и сочувствіе къ нимъ народа. Въ подтвержденіе моихъ словъ, я сошлюсь на произведенія народной поэзіи, на пѣсни, собранныя Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ и черногорцемъ Чубромъ Чойковичемъ (Симой Милутиновичемъ). Въ этомъ неложномъ памятникѣ своего творчества, народъ увѣковѣчилъ память многихъ прославившихся гайдуковъ: такъ, мы встрѣчаемъ тамъ имена: Недичей, Костреша арамбаши, Мали Радайца, Міята арамбаши, Виде Даничича, попа Лѣшевича, Матія Криковича, Али-бега Ченгича, Луки Пустіи, Веразовича Рамо, арамбаши Стонойла, Велька, Іована Мичича и самихъ Георгія Чернаго и Милоша Обреновича. Пѣсни народныя рисуютъ характеръ и заслуги гайдуковъ, которые собственно были первыми двигателями народа противъ насилія и неправды, первыми защитниками христіанства, народной общины, нравовъ и обычаевъ православныхъ сербовъ. Всюду и всегда боролись они за общее

---

[1]) Добаръ турчинъ—валя му глава айдучкогъ фишека.

[2]) Айдукъ може бити везирь, а везирь не може бити айдукъ.

Digitized by Google

дѣло, и народъ справедливо величалъ ихъ «горными соколами». При освобожденіи Сербіи, въ первомъ возстаніи Георгія Чернаго противъ дахій, гайдуки были правою его рукою. И самъ онъ былъ гайдукъ и воеводами его были гайдуки: на Неготинѣ, въ восточной сторонѣ Сербіи, — гайдукъ Велько; на рѣкѣ Дринѣ, въ западной сторонѣ,—гайдукъ арамбаша Недичъ; на югѣ Сербіи— гайдукъ Іованъ Мичичъ. Народъ признавалъ ихъ воеводами, а Черный давалъ имъ грамоты съ полною властію надъ вооруженною ратью. Іована Мичича, сдѣланнаго впослѣдствіи воеводой, люди знали, когда онъ былъ еще гайдукомъ. Во время войны съ турками князь Милошъ назначилъ его сердаремъ старовлашскимъ. Онъ имѣлъ свой домъ въ селѣ Чайтинѣ, въ Ужицкой нахіи, подъ горою Златиборомъ, и я бывалъ въ его домѣ въ 1848 г. Объ этомъ Мичичѣ осталось много расказовъ въ народѣ, какъ о самомъ храбромъ гайдукѣ и воеводѣ. Турки боялись его, какъ огня, и даже снимали шапки, когда встрѣчались съ нимъ. Такихъ-то гайдуковъ сельскій народъ уважалъ больше купцовъ, и смотрѣлъ на нихъ, какъ на поборниковъ вѣры, правды, обычаевъ, чести и святыни. Такъ было прежде въ княжествѣ Сербіи, такъ сохранилось и до сихъ поръ въ Старой Сербіи, Босніи и Герцеговинѣ.

Подъ защитою гайдуковъ народъ былъ богатъ; поселяне имѣли много лошадей, рогатаго скота и пчелъ, повиновались обыкновенному суду своихъ кнезовъ и кметовъ и слушались другъ друга. Все шло хорошо, и никто не смѣлъ ничего отнимать произвольно у серба, потому что онъ носилъ оружіе и, въ случаѣ насилія, вооруженною рукой защищалъ свою собственность, какъ это было около 1845 г. и до 1850—1851 г. Но Омеръ-паша, обманомъ выманивъ у народа оружіе и раздавъ его мухамеданамъ, велѣлъ сжечь лѣса, чтобъ уничтожить гайдуковъ. Много лѣсовъ пострадало тогда отъ огня. Турки, удостовѣрясь, что уже мало осталось гайдуковъ въ лѣсахъ, и зная, что народъ обезоруженъ, бросались во всякое время, днемъ и ночью, отбирать у поселянъ все, что имъ только полюбится. Самыя войска Омера-паши, офицеры и другіе знатные турки, проѣзжая села и завидя хорошую лошадь, или что другое, отнимали насильно, говоря: «намъ это нужно; мы—царскіе люди». Но большею частію грабежъ производился голодными, оборванными турками, нахлынувшими на этѣ страны съ Омеромъ-пашей, другими пашами, мудирами и разными бродягами, которые, нарушая спокойствіе, причиняли

Digitized by Google

народу великое зло. Уничтожены были кнезы; туземные аги возбуждены противъ христіанъ, и на сербскій народъ наложена подать гораздо выше прежней.

Около 1845—1850 г. платился харачъ (подать) по 15 грошей (75 коп. сер.) съ каждой мужской души отъ 7 до 60 лѣтъ. Порѣзъ приходился по головамъ: женатые платили по состоянію: сколько міръ нарѣзывалъ (опредѣлялъ), столько и платилось. Турки не вмѣшивались въ эти распоряженія. Народъ раскладывалъ и собиралъ самъ требуемую сумму и вручалъ ее кнезу, или кмету для передачи туркамъ. Турокъ, получивъ деньги отъ самого плательщика, или отъ кнеза, или кмета, давалъ бумагу, называемую тескера порѣзка, тескера харачка. Порѣзъ собирался два раза въ году: къ Дмитрову дню, 26 октября, и къ Егорьеву дню, 23 апрѣля. Харачъ обыкновенно собирался въ мартѣ; по окончаніи сбора выдавались платежныя расписки (тескере харачке), и народъ говорилъ: «Царю арачъ, а Богу калачъ, и мирна войска». Бегу платилась прежде только четвертая часть изъ того, что посѣяно или скошено: изъ жита четвертый снопъ, изъ сѣна четвертый пластъ (копна), изъ капусты четвертая часть, изъ сливъ и орѣховъ десятая часть. Ага не могъ требовать болѣе отъ поселянъ, сидѣвшихъ на землѣ, которая, по его мнѣнію, ему принадлежала; не могъ даже отнять землю у сѣдака, и только требовалъ, чтобъ она была засѣяна и чтобъ ему давали десятую часть отъ урожая. Аґа считалъ землю отчевиною, а поселянинъ старосѣдецъ считалъ ее дѣдовиною, прадѣдовиною. За вновь расчищенную землю (окрену) сѣдакъ могъ три года ничего не платить агѣ, который не имѣлъ права что нибудь съ него требовать: это называлось новью, новиною. Сколько бы у сѣдака ни было скотины и ульевъ, ага не смѣлъ ими воспользоваться, но сѣдакъ дарилъ ему, какъ-бы изъ уваженія, овцу, или боченокъ масла. Точно также онъ не могъ, помимо народа, безъ согласія старосѣдцевъ, поселить по своему желанію новаго сѣдака (чивчію), или выгнать старосѣдца и новосельца безъ позволенія міра. Если народъ принималъ въ свою среду бѣднаго, но честнаго человѣка, ага не смѣлъ его прогнать. Ему говорили: «Земля Божія, и мы всѣ Божіи; ты получишь, что земля родитъ и Богъ дастъ; твоя четвертая часть не пропадетъ, а кого мы приняли къ себѣ, это не твое дѣло». Ага не имѣлъ права распоряжаться сѣдакомъ, какъ-бы ему хотѣлось; онъ могъ продать землю, но покупатель точно такъ же не смѣлъ прогнать сѣдака,

Digitized by Google

или насильно удержать его, а только получалъ отъ него четвертую часть. Между агой и сѣдакомъ былъ обычай дариться о Рождествѣ Христовѣ. Православные сербы обыкновенно рѣжутъ наканунѣ этого праздника (на бадни-данъ) барановъ, овецъ и поросятъ, и жарятъ ихъ. Послѣ Рождества агѣ посылали плечо овцы, или барана и кусокъ честницы (хлѣба). Ага считалъ это за честь, и самъ покупалъ подарки для почтившихъ его своимъ вниманіемъ; а когда праздновалъ свой байрамъ, то посылалъ также подарки своимъ чивчіямъ (сѣдакамъ), которые отдаривали его бараномъ, или овцой.

Эти обычаи показывали хорошее отношеніе и дружеское расположеніе между обѣими сторонами, и сохранялись между православными и отуреченными сербами въ турецкихъ владѣніяхъ до 1850—51 г. Сербы мухамедане часто даже приглашали православныхъ священниковъ читать имъ молитвы во время болѣзни, или въ другомъ какомъ несчастномъ случаѣ. Но, съ появленіемъ константинопольскихъ турокъ, эти обычаи и народное право пропали. Притѣснители ввели свое право, совершенно чуждое народному характеру, ввели свои обычаи и нарушили общественное спокойствіе. Народъ, какъ я сказалъ выше, платилъ агамъ четвертую часть отъ жита и сѣна и десятую отъ плодовъ, имѣлъ своихъ кнезовъ, кметовъ, выбираемыхъ изъ честныхъ людей, и на састанкахъ разсуждалъ о своихъ правахъ и нуждахъ; но все это было уничтожено турецкимъ правительствомъ. Турки наложили на народъ такія подати, которыя совершенно его разорили. Вмѣсто харача они ввели войницу, вмѣсто порѣза—милостыню. Прежній порѣзъ въ 50 грошей ($2^1/_2$ р.) увеличили до 80 грошей (4 р.) съ каждой женатой головы два раза въ годъ. Вмѣсто четвертой части, ага получалъ изъ урожая хлѣба, сѣна и капусты уже третью часть, отъ плодовъ четвертую, а десятая часть отъ всего, что оставалось у поселянъ, опредѣлялась для царя. Эту десятую часть турки сдали на аренду сербскимъ купцамъ, извѣстнымъ народу подъ именемъ отлюдовъ, которые, сдѣлавшись турецками откупщиками, стали въ нѣкоторомъ отношеніи хуже самихъ турокъ. Въ прежнее время кнезы стояли за народъ, но ихъ уничтожили, и на ихъ мѣсто поставили въ городахъ ходжабашей (головъ).

Въ бытность мою въ Турціи въ 1858 году, я не могъ узнать народа и его прежняго положенія: до того онъ былъ разоренъ и приниженъ константинопольскими турками и христіанскими

Digitized by Google

ходжабашами, выбранными турецкими пашами изъ богатыхъ купцовъ, жадныхъ до золота, которые старались только нажить еще болѣе состоянія, грабя вмѣстѣ съ турками народъ. Много зла надѣлали они православнымъ сербамъ въ тѣхъ областяхъ, которыя я проходилъ; и мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобъ это былъ тотъ же народъ, который жилъ тутъ прежде около 1845—49 гг. Я не узнавалъ ни людей, ни горъ, ни мѣстности, ни жилищъ прежнихъ сербовъ. Народъ до такой степени обѣднялъ, что его совершенно нельзя было узнать ни по характеру, ни по одеждѣ; онъ упалъ духомъ. Горные лѣса выгорѣли, лошади и оружіе отняты врагами, и турки, вмѣстѣ съ сараевскими купцами, обобрали у поселянъ весь скотъ, такъ что въ народѣ появилась новая поговорка противъ грабителей: «Турецкихъ воровъ голова въ Царьградѣ, а христіанскихъ въ Сараевѣ».

Ѳ. Вацетичъ.

Digitized by Google

СОНЪ ЛЭДИ.

(Изъ Томаса Гуда).

Въ постели богатая лэди лежитъ,—
Постель такъ тепла и мягка,—
Но что же такъ сонъ безпокоенъ ея?
Иль сердце сжимаетъ тоска?
То вскинетъ руками, то тяжко застонетъ,
То будто бы призракъ пугающій гонитъ.

Вотъ съ крикомъ съ постели вскочила она
И сѣла на ней, и глядитъ,
Безумно уставясь, какъ будто предъ ней
Ужасное что-то стоитъ,
И, вновь на подушки упавъ головою,
Закрыла лицо охладѣвшей рукою.

Отдернула шелковый пологъ она,—
Ей душно, ей тяжко подъ нимъ.
Ночникъ озаряетъ лѣпной потолокъ
Мерцающимъ свѣтомъ своимъ.
«О, Боже! она восклицаетъ въ смятеньѣ,—
Какое ужасное было видѣнье!

Digitized by Google

«Мнѣ видѣлся мрачный, томительный путь
Межъ длиннаго ряда гробовъ,
И въ саванахъ сѣрыхъ слѣдила за мной
Нѣмая толпа мертвецовъ....
И всюду, куда лишь нога ни ступала,
Я жертвы и ужасы смерти встрѣчала!

«Ахъ, вонъ молодая дѣвица стоитъ,—
Шитье въ исхудалыхъ рукахъ—,
Глубоко ввалилась изсохшая грудь,
И блѣдность на впалыхъ щекахъ....
И слышу: «на васъ мы потратили силу:
Вашъ блескъ прежде времени свелъ насъ въ могилу!

—«Ахъ! ради уборовъ, причудливыхъ модъ,
Мы гнулись въ лачугахъ своихъ,
И только за тѣмъ, чтобъ покой отыскать
Въ тѣни кипарисовъ сѣдыхъ!...»
И рядъ мнѣ могилъ указала....
И я имъ конца не видала!

«Я дальше иду,—все гробы и гробы,—
У каждаго призракъ стоитъ.
Одинъ на другомъ громоздятся гробы,
И мрачно ужасенъ ихъ видъ!...
Среди удовольствій, въ чаду обаянья,
Не знала я міра трудовъ и страданья!

«Не знала ни сердца разбитаго мукъ,
Ни слезъ, что̀ у бѣдныхъ текутъ,
Ни тѣхъ безпрестанныхъ лишеній и нуждъ,
Что̀ горькую жизнь ихъ гнетутъ:
Ихъ горе, болѣзни, печали
Меня и во снѣ не смущали!...

Digitized by Google

«Вотъ тащится бѣдный калѣка-слѣпецъ,
Вотъ—нищій безъ крова старикъ,
Вотъ слышится плачъ овдовѣвшей жены,
Младенца голоднаго крикъ.
Они всѣ ушли отъ меня безъ надежды:
Голодный—безъ пищи, нагой—безъ одежды!

«Я слезы несчастныхъ могла осушить,
Но я безучастна была....
Теперь все давно позабытое мной
Во снѣ роковомъ я нашла....
Ахъ! этихъ страдальцевъ печальные взоры
Въ душѣ пробудили тоску и укоры!

«И каждый ихъ ликъ, орошенный слезой,
И каждый просительный взглядъ—
Съ безмолвнымъ упрекомъ теперь на меня
Такъ близко, такъ живо глядятъ!
О, если всѣ эти былаго картины
Увижу я снова въ минуту кончины?!

«Безпечно я шла по земному пути,
Не видя страданья людей,
И многихъ, быть можетъ, въ могилу свела
Холодностью только своей.
Тутъ гибла семья, нищетою томима,
А я равнодушно шла мимо!

«Мнѣ цѣнныя вина служили питьемъ,
А имъ—лишь гнилая вода;
И рыба, и мясо, и дичь, и плоды
Мой столъ наполняли всегда;
Но я не видала страданья народа
Безъ хлѣба, средь бѣдствій голоднаго года.

Digitized by Google

«Какъ знатная дама, ходила всегда
Я въ пышныхъ нарядахъ своихъ;
И бархатъ, и шелкъ покрывали меня,
И шубы мѣховъ дорогихъ,—
А тамъ нагота на морозѣ дрожала
И рубищемъ члены свои прикрывала.

«Всѣ эти страданья, всѣ раны нужды
Могла я легко изцѣлить:
Вѣдь я никогда не питала въ душѣ
Желанія—злое творить.
Но видно, не меньше злодѣя преступенъ
И тотъ, кто любви и добру недоступенъ».—

Въ отчаяньи руки ломаетъ она,
Тоска овладѣла душой,
На пухъ изголовья текутъ и текутъ
Горячія слезы рѣкой....
Ахъ, еслибы знатныя дамы иныя
Видали порой сновидѣнья такія!

Ѳ. Миллеръ.

Digitized by Google

НОВЫЯ КНИГИ

НАШЕ ОТЧИЗНОВѢДѢНІЕ.

Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности. Капитана генеральнаго штаба *Л. Костенко*. Спб. 1871 г.

Пересматривая книги, вышедшія въ 1871 году, я съ удовольствіемъ остановилъ свое вниманіе на той, которая можетъ пополнить чувствуемый каждымъ изъ моихъ согражданъ пробѣлъ въ землевѣдѣніи вообще и въ отчизновѣдѣніи въ особенности. Да простятъ мнѣ соотчичи за то, что я позволяю себѣ игнорировать ихъ знанія; скажу въ свое оправданіе только то, что каждое знаніе есть результатъ опыта или передачи письменнной, если не устной, а потомъ спрошу: много ли у насъ на Руси туристовъ, которые бы лично изслѣдовали хоть какой-нибудь уголокъ родины?.. Я не говорю о тѣхъ краяхъ, которые, въ силу обстоятельствъ, не входятъ въ составъ нашей территоріи... Отвѣтъ на мой вопросъ очень коротокъ: больше, чѣмъ мало. Да и не удивительно... Каждое стремленіе, какъ дурное, такъ и хорошее, есть результатъ предварительной подготовки... Кто же насъ можетъ подготовить къ этому? Ужъ, конечно, не гимназическіе учебники, которые, не заключая въ себѣ даже элементарныхъ понятій о землевѣдѣніи, пичкаютъ безотвѣтныя наши головы той дребеденью, смыслъ которой въ большинствѣ, я убѣжденъ, непонятенъ самимъ составителямъ. Что же касается университетовъ, то они, включивъ въ число своихъ наукъ естествовѣдѣніе, исторію и политическую экономію, не нашли удобнымъ включить въ составъ универсальнаго образованія тотъ предметъ, безъ котораго не мыслимо не только полное пониманіе производительности земли (естествовѣдѣніе), но и самыя основы жизни, развитія и богатства обитателей ея (исторія и политическая экономія). Странно! Неужели тотъ предметъ, который

Digitized by Google

обезсмертилъ Гумбольдта, Риттера и Ричардсона, не стóитъ изученія?... Неужели для насъ важнѣе знать число лепестковъ растенія, чѣмъ область его распространенія,—условія, при которыхъ оно произрастаетъ,—и степень полезности его къ данномъ мѣстѣ? Неужели мыслима разумная аклиматизація безъ знанія характеристическихъ особенностей мѣстностей? Неужели мы можемъ пріучить кочевника къ осѣдлости, не зная, при какихъ условіяхъ возможна на его родинѣ осѣдлость? И какъ, наконецъ, мы будемъ говорить о богатствѣ населенія въ данной мѣстности, не зная силы ея производительности? Вотъ нѣкоторые изъ тѣхъ вопросовъ, которые сами собою приходятъ на умъ, когда попадается намъ что нибудь касающееся землевѣдѣнія, и невольно дѣлается досадно на наше просвѣщеніе и просвѣтителей. Было бы простительно подобное невниманіе къ землевѣдѣнію въ то время, когда бы наша территорія представляла что нибудь въ родѣ миніатюрнаго Бадена, извѣстнаго, какъ туземцамъ, такъ и иноземцамъ, со временъ римлянъ; но не простительно намъ, обладающимъ не только шестою частью всей обитаемой суши, но и самыми разнообразными условіями обитаемости: отъ крайняго негостепріимнаго сѣвера до подтропическаго юга, отъ плодородныхъ степей Малороссіи до песчаныхъ пустынь Приаралья, и отъ роскошныхъ долинъ Закавказья до каменистой Финляндіи. Если при этомъ мы вспомнимъ, что въ числѣ своихъ согражданъ мы найдемъ: питающагося гнилой рыбой камчадала,—ловкаго собачьяго наѣздника, угрюмаго чукча, пройдоху якута, не смотря на свою грубость поработившаго своему языку нашего собрата—русскаго, беззаботно веселаго щеголя тунгуза, сотни верстъ проскакивающаго въ сутки на своихъ прыткихъ оленяхъ; если мы вспомнимъ объ удаломъ калмыкѣ, точно приросшемъ къ первой попавшейся ему дикой лошади,—о верблюдоводѣ киргизѣ, почитателѣ ословъ сартѣ, не говоря уже о гилякахъ, куромѣ, караимахъ, тушинцахъ (грузинское племя) и многихъ другихъ, входящихъ въ составъ обширнаго нашего государства,—то понятно, на сколько можно оправдать подобное невниманіе къ предмету, безъ котораго не мыслимо не только знаніе, но даже ознакомленіе съ родиной. Что же удивительнаго въ томъ, что при первомъ удобномъ случаѣ мы оставляемъ свою, неизвѣстную намъ, родину изъ-за того, чтобы побывать за границей и полюбоваться тамъ тѣми немногими уголками, которые чуть не изъ пеленокъ затвержены наизусть нашей фешёнебельной молодежью. Кто изъ нашихъ pro и contra патріотовъ не счелъ бы себя чуть не опозореннымъ, еслибъ ему пришлось сознаться передъ какой нибудь отжившей Тугоуховской въ томъ, что онъ не бывалъ за границей? А между тѣмъ это такъ. Что же насъ влечетъ туда? Конечно, не одна любознательность, для которой на родинѣ, не початой еще родинѣ, пищи было бы несравненно болѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ каждый уголокъ, каждое дерево въ лѣсу, каждая бочка (въ родѣ гейдельбергской) изслѣдованы, вымѣрены и опи-

Digitized by Google

саны на разные лады. Обо всемъ этомъ можемъ найти длинныя и короткія докторскія дисертаціи. Все достойное малѣйшаго вниманія изслѣдовано мѣстными спеціалистами; для нашихъ же остались только однѣ помойныя ямы, откуда, если не ошибаюсь, извлекъ богатый матеріалъ для своей докторской дисертаціи одинъ изъ нашихъ, вѣроятно, ученыхъ, професоровъ. Не спорю, быть можетъ, въ глазахъ многихъ спеціалистовъ микроскопическая (въ жизни безъинтересная и безполезная) германская Vocheria имѣетъ значеніе болѣе великое, чѣмъ исполинская наша лиственица; или же изслѣдованіе заграничныхъ клоаковъ почетнѣе нашей родной флоры,—но результатъ такихъ высокоученыхъ соображеній крайне грустенъ. Наши безконечные лѣса извѣстны намъ in posse, и даже тѣ исполинскіе, питательные злаки, которые чуть не подъ носомъ растутъ у ученаго изслѣдователя Vocheria, едва ли извѣстны ему in actu. Я говорю о Holcus Sorghum L., который попадался мнѣ культивированнымъ подъ одной широтой съ резиденціей почтеннаго ученаго. Конечно, не многіе польстятся подобными мѣстами изслѣдованій; да и не всѣ ѣдутъ съ такою серьезной цѣлью за границу. Огромная масса нашихъ соотечественниковъ не только ѣздитъ, но и живетъ почти безвыѣздно за границей, не имѣя въ виду никакихъ изслѣдованій; а если и дѣлаетъ иногда открытія, то развѣ въ своихъ быстро пустѣющихъ карманахъ. Грустнѣе всего то, что весь этотъ русскій людъ уѣзжаетъ туда вовсе не за тѣмъ, за чѣмъ наплываютъ къ намъ иностранцы, цѣль которыхъ—изъ скромнаго капитала въ родѣ ist nichts нажить приличные ихъ умѣнью проценты и увезти ихъ въ свой родной Vaterland. Русскій человѣкъ поступаетъ нѣсколько иначе: онъ слишкомъ великодушенъ и самолюбивъ,—и уѣзжаетъ за границу не для жатвы, а для сѣянія, и живетъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не высѣетъ всего того, что собрано долговременными лишеніями его предковъ. Что же влечетъ насъ туда, если мы не находимъ тамъ опредѣленной цѣли?—«Природа», скажетъ вамъ роскошнѣйшая изъ нашихъ belles femmes. «Воды», отвѣтитъ вамъ, отжившая свой вѣкъ, кокетка. И онѣ правы: стóитъ разъ поглядѣть на мягкія формы горъ саксонской Швейцаріи, стоило разъ полюбоваться роскошными берегами Рейна, или величавой картиной савойскихъ и швейцарскихъ Альповъ,—чтобы имѣть право скептически относиться къ сѣверной туманной Пальмирѣ и всѣмъ ея прелестямъ, поглотившимъ такую массу труда и денегъ. Но неужели же въ русскомъ царствѣ, предъ которымъ величайшія имперіи въ мірѣ (Китай и Бразилія) кажутся чуть не карликами, нельзя найти такого уголка, гдѣ можно было бы отдохнуть душей и сердцемъ? Неужели у насъ нѣтъ такого мѣстечка, гдѣ свѣтлое, ясное небо, или же игривыя и величественныя картины природы могли бы оживить нашу душу, черствѣющую подъ сумрачнымъ небомъ нашихъ столицъ? Если мы предложимъ подобный вопросъ русскому ученому,—онъ, право, призадумается; а выкрикивающая по цѣлымъ

Digitized by Google

днямъ въ Петербургѣ: «масла, чухонска масла», бѣлобрысая чухонка, вѣроятно, сообщитъ вамъ много привлекательнаго о своей негостепріимной, но живописной родинѣ,—о гранитныхъ горахъ, покрытыхъ величавыми сосновыми лѣсами и окаймляющихъ безконечный рядъ живописнѣйшихъ озеръ съ вѣчно кипящими водопадами, которые, подобно Иматрѣ и Кюрокоски, не поддаются могучимъ оковамъ сѣверной зимы. Но туманная природа Финскаго края далеко уступаетъ живописному Поволжью, которымъ любуется только бурлакъ горемыка, изъ-за насущнаго хлѣба отказывающійся отъ человѣческихъ наслажденій и превращающійся во вьючную скотину съ томительнымъ девизомъ: тяни! тяни! Мало отраднаго въ этой тяжкой работѣ, и прелестныя картины, отъ Нижняго до Саратова окаймляющія Поволжье, не вдохновятъ этого несчастнаго труженика, хотя онѣ сильно ослабятъ у туриста то впечатлѣніе, которое возбуждено въ немъ игривостью рейнскихъ побережій отъ Раштадта до Кобленца. Но вамъ этого мало. Вамъ нужна южная природа съ ея синимъ небомъ и вѣчно зелеными лѣсами,—поѣзжайте на южный берегъ Крыма, въ Закавказье, и прелестная природа этихъ мѣстностей съ роскошными садами и виноградниками напомнитъ вамъ Ниццу и Неаполь, а кахетинское вино своимъ букетомъ и вкусомъ далеко оставитъ за собой многохвалимыя Stroh-Rein-Wein и Ungarwein.—A propos, едва ли многимъ изъ моихъ соотчичей извѣстно это вкусное и здоровое вино, спасшее христіанство въ Закавказьи отъ ислама *). Что дѣлать? Вѣдь за границей его не продаютъ, а какимъ же образомъ мы станемъ пить, ѣсть то, чего не пивали и не ѣдали за границей? То ли дѣло гнилой сыръ съ миріадами кишащихъ въ немъ отвратительныхъ зудней, или же безвусный слизнякъ, которымъ утоляетъ свой голодъ лѣнивый и безпечный итальянскій lazzaroni. Такъ ужь заведено, что мы съ большимъ удовольствіемъ станемъ насыщаться жиденькимъ наваромъ гнилаго заграничнаго картофеля, чѣмъ здоровыми и вкусными продуктами, которыми такъ богата наша родина... Видно такъ ужь созданъ русскій человѣкъ. Любо ему каждый день ходить на поводкахъ и каждый день подтверждать правдивость обидной поговорки: «русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ»!.. Еслибы кому изъ моихъ соотчичей захотѣлось найти у насъ что нибудь грандіозное въ родѣ Юнгфрау, Монблана, долины Шамуни и т. п., то я могу указать на нѣсколько грандіознѣйшихъ мѣстностей въ мірѣ, входящихъ въ составъ обширнаго нашего государства, на прим., торжественно живописные, скалистые берега и окрестности Байкала, вѣчно дымящіеся колоссы Камчатки и исполинскія, бѣлоголовыя вершины Эльборуса и Казбека. Могу увѣрить васъ,

*) Грузинскія племена, не смотря на всѣ обольщенія мусульманъ, остались вѣрны христіанству, которое разрѣшаетъ свинину и вино, составляющее необходимую принадлежность за обѣдомъ и ужиномъ въ самомъ бѣднѣйшемъ класѣ.

Digitized by Google

что съ ущельями и волшебными гротами Кавказа не сравнится ни одна изъ живописнѣйшихъ мѣстностей на всемъ земномъ шарѣ. Гдѣ найдете вы что нибудь подобное исполинскому гроту въ Дагестанѣ, въ ущельи Зонота, близъ Хунзаха, входъ въ который прикрываетъ волшебный занавѣсъ изъ играющихъ дивными цвѣтами радуги, мелкихъ капель брызжущаго сверху водопада? Сидя въ немъ, невозможно налюбоваться этою дивной игрой природы, соткавшей изъ воды это брильянтовое покрывало. Могутъ ли сравниться съ этою божественной картиной такъ расхваленные Фингалова пещера, или Собачій гротъ на о-вѣ Капри? Но рядомъ съ божественно чудной картиной подобныхъ гротовъ вы встрѣтите здѣсь и поразительно адскія: взгляните на эти могучіе водопады, которые, подобно Тереку въ Дарьялѣ и Койсу въ Хаджалмакинскомъ ущельи, бѣшено низвергаютъ свои кипящія воды, испаряя ихъ на пути и разбрасывая ихъ въ разныя стороны.

Нѣтъ, не потому мы ѣдемъ за границу, что дома у насъ негдѣ душу отвести,—напротивъ, найдется въ нашей природѣ все то, что есть за границей, а кромѣ того, она украсила нашу родину такими чудесами, о какихъ въ чужихъ земляхъ нѣтъ и помину. Гдѣ, на примѣръ, вы найдете волшебное эхо, подобное тому, которое у верховьевъ Лены, въ окрестностяхъ Киренска, два, три скрипичныхъ тона превращаетъ въ оглушительно своеобразную музыку, и гдѣ одного пистолетнаго выстрѣла довольно, чтобы услышать цѣлую канонаду, не хуже той, съ которой прусаки ознакомили страсбургцевъ? Гдѣ вы найдете вѣчные огни, которые, подобно бакинскимъ, выходя изъ земли и воды, производятъ ночью такой поразительный эффектъ, какого не воспроизведетъ ни одна изъ блистательнѣйшихъ иллюминацій Запада? Не даромъ эти безъискусственные огни послужили эмблемой вѣчнаго свѣта и благости Ормузда, для величайшаго законодателя древности Зороастра. Еще разъ скажу: не потому мы ѣдемъ за границу, что у насъ природа не дала возможности любоваться собою, подышать чистымъ воздухомъ и отдохнуть душей и тѣломъ, но потому, что мы не знаемъ того, что есть у насъ, и, не зная, не могли полюбить свое и своихъ; а потому до сихъ поръ не умѣли разработать мѣстности, такъ богато одаренныя природой, и обратить ихъ въ центры кипучей общественной жизни; къ тому же наши ученые интересуются гораздо болѣе германскими помойными ямами, чѣмъ безпредѣльными пространствами своей родины, полной разнородныхъ богатствъ, извѣстныхъ намъ скорѣе по наслышкѣ, чѣмъ по научнымъ изысканіямъ. Наши научныя изысканія до того ограничены, что мы не умѣемъ добросовѣстно показать не только крайнихъ предѣловъ лѣсной полосы, но и болѣе близкаго къ намъ и не менѣе важнаго въ культурномъ отношеніи предѣла ржи. Положимъ, что для этого у нашихъ ученыхъ изстари существуетъ, записанная Несторомъ, поговорка: «земля наша велика и обильна»; но я позволяю себѣ думать, что безпорядокъ, который, по

Digitized by Google

словамъ нашего лѣтописца, обуревалъ новгородскую общину, царитъ теперь въ головахъ нашихъ изслѣдователей помойныхъ ямъ.—Мнѣ скажутъ, пожалуй, наши спеціалисты по безцѣльнымъ вуайяжамъ за границу, что ихъ влечетъ туда не одна только природа, но что они «ѣздятъ на воды—лечиться»! И на это я позволю себѣ замѣтить, что ни одно государство не изобилуетъ такимъ богатствомъ и разнообразіемъ минеральныхъ источниковъ, какъ наше царство. Возьмемъ для примѣра живописный и здоровый Пятигорскій край, составляющій сѣверное предгоріе величаваго Кавказа: здѣсь на какомъ нибудь сорокаверстномъ разстояніи найдете источники всѣхъ тѣхъ минеральныхъ водъ, которыя разбросаны по Европѣ отъ Спа до Барежа и отъ Эмса до Карлсбада и Маріенбада. Словомъ, все, что манитъ насъ за границу, мы найдемъ у себя дома съ тою лишь разницей, что деньги, бросаемыя нами на чужбинѣ, не возвратятся въ наши карманы; между тѣмъ какъ, оставляя у себя дома, имъ не трудно будетъ перейти обратно къ намъ, да къ тому же задушевное «спасибо» русскаго человѣка для каждаго изъ насъ будетъ гораздо пріятнѣе того злаго эпитета (prince и princesse), которымъ за границей одинаково величаютъ какъ русскую княгиню, такъ и ловкую ея горничную. Для тѣхъ же, кто хотѣлъ бы восхищаться не только природой, но и ея обитателями, мы напомнимъ только то, что ни одинъ уголокъ на всемъ земномъ шарѣ не давалъ у себя пріюта такому идеально прекрасному типу, какой вы встрѣтите у насъ на Кавказѣ и въ Закавказьи, и не только апатичная нѣмка или назойливо-вертлявая француженка, но и роскошнѣйшая изъ андалузскихъ красавицъ не сравнится съ божественно очаровательными обитательницами нашихъ кавказскихъ горъ.... Нужно быть слѣпымъ, чтобы не восхищаться дивно роскошной природой нашего Кавказа. И не далеко то время, когда предпріимчивые англичане, нѣмцы и французы за деньги станутъ показывать то, что намъ принадлежитъ,—и лечить насъ за деньги тамъ, гдѣ теперь мы можемъ пользоваться даромъ. Что дѣлать,—такова видно уже наша судьба: безъ иноземцевъ

Мы не можемъ смѣть
Свое сужденіе имѣть!

Это, къ сожалѣнію, подавляющее вліяніе иностранцевъ на нашу жизнь и мысль, являющееся результатомъ крайняго нашего невѣжества, заставляетъ душевно радоваться появленію литературныхъ произведеній, которыя могутъ пополнить слишкомъ видный пробѣлъ нашихъ курьезно маленькихъ знаній о томъ предметѣ, безъ знакомства съ которымъ мы не можемъ не только разумно судить о другихъ, но даже основательно сознавать себя.

Къ книгѣ, которую я назвалъ выше, приложена карта областей etc г. Ильина.

Въ нашихъ критическихъ замѣткахъ мы будемъ держаться такого поряд-

Digitized by Google

ка: сначала мы ознакомимъ читателя съ тѣми выводами и фактами, которые заслуживаютъ полнаго вниманія, а потомъ укажемъ недостатки, замѣченные нами въ разбираемомъ трудѣ, и устраненіе которыхъ было бы желательно при будущемъ изданіи.

Своей книгѣ авторъ предпосылаетъ предисловіе, въ которомъ говоритъ, что въ послѣднее время средне-азіатскій вопросъ «становится не только интереснымъ, но даже насущнымъ, и притомъ не для однихъ насъ, русскихъ, но и для западной Европы». Далѣе онъ указываетъ на то, что «занятіе нами этого края возбудило разнородные толки какъ у насъ, такъ и въ заграничной періодической печати», и приводитъ новыя доказательства въ подтвержденіе старой истины: «на всѣхъ не угодишь». Западно-европейскіе публицисты, по словамъ автора, «въ расширеніи русскихъ предѣловъ видятъ исполинское развитіе русской мощи и силы, а русскую политику въ средней Азіи считаютъ образцемъ макіавелевской тактики». Русскіе же (отчасти и нѣмецкіе) мыслители приписываютъ завоеванію Турана и тамошней политикѣ отсутствіе разумности, полное непониманіе выгодъ, безцѣльность и безтактность.—На сколько занятіе этого края рябитъ въ глазахъ практическихъ англичанъ, предоставляю судить читателю по слѣдующему отрывку изъ разсужденія англійскаго путешественника, Вамбери, приводимому авторомъ:

«Въ настоящее время, когда Россія утвердилась на Каспійскомъ и Аральскомъ моряхъ, когда она совершенно покорила Кавказъ и пріобрѣла огромныя выгоды въ средней Азіи, было бы безполезно стремиться вытѣснить эту колосальную державу изъ занятыхъ ею позицій. Что еще лѣтъ двадцать тому назадъ можно было бы сдѣлать безъ особаго труда, то теперь ужъ рѣшительно не выполнимо, и если Англія не желаетъ подвергнуться обыкновенной торговыхъ государствъ участи Карѳагена, Венеціи, Голландіи и Португаліи, то ей остается одно средство спасенія: неусыпная бдительность за дѣйствіями своего соперника и немедленное принятіе всѣхъ, какія еще возможны, мѣръ предосторожности».—Желая оправдать себя отъ возможныхъ обвиненій въ неполнотѣ своего обозрѣнія, авторъ въ концѣ предисловія говоритъ: «Живя въ Ташкентѣ, я (въ-очью?) убѣдился въ невозможности составленія полнаго и всестороннаго обозрѣнія средней Азіи. Такой трудъ еще не скоро будетъ возможенъ. Но я воспользовался почти всѣмъ, что было до сихъ поръ писано о Туранѣ, и, въ соединеніи *съ* (?) своими собственными наблюденіями, старался сдѣлать общій сводъ, представить цѣльную картину всего, что намъ теперь извѣстно о средней Азіи.... Занятыя нами земли Турана во многомъ изслѣдованы и о нихъ имѣются довольно подробныя географическія описанія, частью печатныя, частью рукописныя. Но, съ другой стороны, въ средней Азіи существуютъ пространства для насъ менѣе извѣстныя, чѣмъ поверхность луны (верховья Аму-Дарьи, страна Памиръ и пр.)».

Digitized by Google

За предисловіемъ авторъ перечисляетъ источники, которыми онъ пользовался при составленіи труда, и число которыхъ достигаетъ почтенной цифры 122.

Свой трудъ авторъ раздѣлилъ на IX главъ. Въ 1-й изъ нихъ онъ излагаетъ краткій географическій обзоръ Турана, который, на основаніи географическихъ и топографическихъ свойствъ страны, онъ дѣлитъ на двѣ части: сѣверную и южную, проводя раздѣльную между ними черту чрезъ устье Сыръ-Дарьи, вверхъ по этой рѣкѣ до горъ Кара-тау, затѣмъ по Каратаускому и Александровскому хребтамъ до озера Исыкъ-куля. Авторъ говоритъ, что «часть степи къ сѣверу отъ этой линіи болѣе дика и безпріютна, чѣмъ южная». что здѣсь (на сѣверѣ) «зимою стужи доходятъ не рѣдко до 35 градусовъ, а лѣтомъ жары достигаютъ до 50 на солнцѣ. Жары эти ничѣмъ не охлаждаются и не умѣряются, вслѣдствіе чего даже ночи оказываются удушливыми».... Но «зимы здѣсь, по словамъ автора, еще ужаснѣе вслѣдствіе частыхъ бурановъ (снѣжныхъ мятелей)», отъ которыхъ «люди и животныя теряются и погибаютъ часто въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ жилья. Скотъ бѣжитъ (отъ нихъ) по вѣтру безостановочно, за сотню верстъ, и мечется нерѣдко прямо въ пропасти, погибая цѣлыми табунами».

«Нѣсколько болѣе жизненности и привлекательности представляетъ сѣверная часть этой степи... Это бассейны рѣкъ Тобола, верхняго и средняго Урала и отчасти озера Челкара. Здѣсь протекаетъ много рѣчекъ съ хорошею водой и есть даже небольшія прѣсныя озера, или вѣрнѣе впадины *съ* (?) снѣговою водою».....«Въ этой части степи встрѣчаются даже лѣса, какъ лиственные, такъ и строевые»...

Озеръ и рѣкъ въ сѣверномъ Туранѣ, по словамъ автора, «сравнительно съ пространствомъ, весьма немного, да притомъ рѣки вообще малы, и многія, отъ сильныхъ лѣтнихъ жаровъ, совсѣмъ пересыхаютъ. Кромѣ того, нѣкоторыя рѣки и озера имѣютъ воду горькосоленую и потому негодную для питья».... Гористыя мѣстности, привлекающія къ себѣ болѣе влажности изъ атмосферы, «болѣе удобны для хлѣбопашества, чѣмъ равнины».... «Южная часть Турана имѣетъ болѣе благопріятныя условія.... Здѣсь человѣкъ избавленъ отъ убійственной стужи и бурановъ, а лѣтніе жары хотя и сильны, но, благодаря возвышенному положенію страны, не нестерпимы: жители довольно свободно могутъ работать въ теченіе лѣтняго дня на своихъ поляхъ и огородахъ..... Населенные пункты и цѣлыя владѣнія расположились здѣсь группами, подобно оазисамъ въ Ливійской пустынѣ, будучи разъединены между собою либо громадными песчаными пространствами, либо безплодными горными хребтами, и эти оазисы раскиданы по долинамъ рѣкъ и рѣчекъ»....

Далѣе авторъ перечисляетъ оазисы по теченію Сыръ и Аму-Дарьи, начиная съ ложбины рѣкъ Янъ и Куванъ-Дарьи (изсякающихъ устьевъ Сыра). Онъ говоритъ, что эта низменность служитъ постояннымъ при-

Digitized by Google

станищемъ киргизамъ для зимовокъ.... и приходитъ къ выводу, что «слѣдуетъ ожидать, что на Яны-Дарьѣ и Куванѣ, вѣроятно, скорѣе всего произойдетъ переходъ киргизовъ отъ кочевой жизни къ осѣдлой». Говоря о долинѣ рѣкъ Чирчика, Ангрена и Каджигена, текущихъ невдалекѣ другъ отъ друга и впадающихъ въ Сыръ съ сѣвера, авторъ говоритъ, что «весь этотъ участокъ не безъ основанія называется житницей Сыръ-Дарьинской области»... Здѣсь же, въ числѣ другихъ городовъ, находится «Ташкентъ, самый населенный пунктъ всей средней Азіи (около 80-ти тысячъ жителей) и служитъ рынкомъ всего сыръ-дарьинскаго бассейна и отчасти всей средней Азіи, хотя самъ по себѣ никакою особенною производительностью не отличается». По обоимъ берегамъ верхняго Сыра или Ферганы, въ нынѣшнемъ Коканѣ, «тянутся плодородныя земли», но населенные пункты группируются больше на южномъ берегу... и то не на самой рѣкѣ, а на небольшихъ горныхъ рѣчкахъ, впадающихъ въ Сыръ.... Въ ущельяхъ горъ, окаймляющихъ эту долину, растетъ лѣсъ.... Вообще это одинъ изъ благодатнѣйшихъ уголковъ средней Азіи: сады Ферганы воспѣты восточными поэтами, а города, по красотѣ своего мѣстоположенія и обилію садовъ, соперничаютъ съ Самаркандомъ, о которомъ тѣ же поэты отозвались, что онъ похожъ на рай»!

Далѣе авторъ характеризуетъ рѣку Зарьявшанъ (раздаватель золота) и ея долину. «Названіе свое (эта) рѣка получила не отъ золотоносныхъ розсыпей, находящихся въ ея верховьяхъ, но отъ благотворнаго вліянія на оплодотвореніе полей и садовъ, прилегающихъ къ ней въ видѣ сплошной зеленѣющей ленты, имѣющей отъ 20 до 40 верстъ ширины и до 400 верстъ длины. На этой рѣкѣ лежитъ, упомянутый нами выше, прославленный Самаркандъ».... Едва ли не большею извѣстностью, чѣмъ упомянутыя выше мѣстности, пользуется на востокѣ область Бадакшанъ, лежащая къ югу отъ Кокана на лѣвомъ берегу Аму. Вотъ что расказываетъ о ней самъ авторъ: «Бадакшанъ едва ли не самый благодатный край во всей средней Азіи: его умѣренный и здоровый климатъ, его живительныя рощи и ручьи, его романтическіе виды, цвѣты, плоды и соловьи, его минеральныя богатства искони гремятъ во всей Азіи и не разъ воспѣвались восточными поэтами». И эта очаровательная мѣстность, послѣ землетрясенія 1832 года, уничтожившаго, по словамъ автора, «множество деревень и часть народонаселенія», остается теперь почти безъ жителей. Въ землѣ Кундузъ, къ юго-западу отъ Бадакшана, равно какъ и въ долинѣ р. Балхъ, лежащей къ западу отъ Кундуза, по случаю крайней болотистости этихъ странъ, «дороги построены на сваяхъ» или же «проведены по искусственнымъ насыпямъ». Говоря о ханствѣ Шиборганъ, расположенномъ на той же рѣченкѣ, на которой лежитъ и Сирапуль, но только ниже, авторъ прибавляетъ, что, вслѣдствіе географическаго положенія ханствъ, жители Сирапуля, когда враждуютъ со своими сосѣдями шиборганами, то запираютъ рѣку и такимъ образомъ лишаютъ

Digitized by Google

ихъ воды, питающей поля и огороды Шиборгана, и такимъ образомъ разоряютъ его. Далѣе мы узнаемъ, что въ южномъ Туранѣ «снѣжной зимы не бываетъ, и снѣгъ бываетъ видимъ только изрѣдка; вмѣсто же снѣгу идутъ частые дожди, которые начинаются во второй половинѣ декабря и продолжаются до конца февраля.... Въ мартѣ земля покрывается зеленью. До мая деревья цвѣтутъ и благоухаютъ, но въ іюнѣ жары доходятъ до 45 и болѣе градусовъ. Нѣсколько зелени можно найти тогда только близъ ключей, рѣчекъ и въ ущельяхъ горъ. Въ это время глинистая почва такъ нагрѣвается, что не только босою ногой ступать трудно, но даже въ обыкновенной туземной обуви, съ мягкою подошвой; почему туземцы на свои сапоги надѣваютъ еще калоши изъ твердой ослиной, либо лошадиной кожи»... Говоря о землетрясеніяхъ, которыя довольно часты въ этихъ краяхъ, авторъ прибавляетъ, что «наиболѣе сильныя землетрясенія случаются въ мартѣ, около весенняго равноденствія. Въ Бухарѣ, гдѣ новый годъ считается послѣ весенняго равноденствія, до того увѣрены, что онъ долженъ начаться землетрясеніемъ, что мудрецы бухарскіе заранѣе втыкаютъ въ землю ножъ, и когда послѣдній, вслѣдствіе какихъ-нибудь причинъ, упадетъ, бухарцы считаютъ себя вправѣ встрѣчать новый годъ». Не менѣе послѣдняго интересенъ тотъ фактъ, что въ этой части турана «грозъ и града не бываетъ».

Во II главѣ, въ которой авторъ дѣлаетъ этнографическій обзоръ народовъ, населяющихъ среднюю Азію, онъ говоритъ, что въ сѣверной части Турана живутъ, кромѣ осѣдлыхъ русскихъ, «исключительно кочевники киргизы; въ южной же преобладаетъ осѣдлое и полуосѣдлое населеніе»... «Число киргизовъ доходитъ до 2.200.000 душъ». На основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 21 октября 1868 года, киргизскія степи раздѣлены на четыре области (Уральскую, Тургайскую, Акмолинскую и Семипалатинскую).... «Въ силу этого положенія, введена здѣсь, по словамъ автора, русская администрація, приспособленная къ мѣстнымъ нравамъ и обычаямъ».... Разсматривая образъ жизни, нравы и обычаи киргизовъ, я остановлю вниманіе читателей на слѣдующихъ интересныхъ фактахъ, приводимыхъ авторомъ: a) «послѣ смерти мужа, жёны, по киргизскому обычаю, переходятъ къ его второму брату, а за смертью послѣдняго къ третьему, и т. д.».... b) «невѣсту выдаютъ жениху не прямо, а онъ долженъ увезти ее насильно».... c) «черезъ 40 дней послѣ смерти дѣлаются поминки по умершему».—Попрошу теперь васъ припомнить исторію Руѳи, и мы увидимъ, что переходъ жены къ ближайшему родственнику существуетъ не только у киргизовъ, но и у евреевъ. Относительно увоза невѣстъ, обычая, сходнаго съ существующимъ понынѣ у молдаванъ, нельзя не вспомнить также словъ Нестора объ умыканіи невѣстъ у древлянъ. Что же касается поминовенія покойника въ 40-й день, то этотъ обычай существуетъ у насъ до сихъ поръ (сорокоустъ). «Русское вліяніе на киргизовъ, по словамъ автора, не осталось безъ благодѣтельныхъ по-

Digitized by Google

слѣдствій. Родовыя баранты (распри, слѣдствіемъ которыхъ бывалъ прежде обоюдный угонъ скота) совершенно прекратились. Отчаянные воры и разбойники прежде пользовались въ народѣ почетомъ и носили титулъ батыря. Теперь же на угонъ скота смотрятъ какъ на простое воровство и грабежъ и преслѣдуютъ законнымъ порядкомъ. Затѣмъ захватъ людей въ неволю совершенно прекратился, и киргизы, опасаясь русскаго глаза, отпускаютъ теперь даже тѣхъ, которые были захвачены въ былое время». Къ числу неудачныхъ пріемовъ нашей администраціи авторъ относитъ: a) навязываніе магометанства, къ которому наши степные поклонники арабскаго пророка относятся индифферентно, и b) назначеніе на видныя мѣстныя должности молодыхъ киргизовъ, получающихъ очень посредственное военное воспитаніе, которое «оказывается совершенно недостаточнымъ и несообразнымъ съ назначеніемъ этихъ лицъ».

«Лучшія климатическія условія, въ которыхъ находится южная половина Аралокаспійской низменности (Турана), служатъ причиною того, что здѣсь еще издавна водворилась осѣдлость и даже извѣстная степень цивилизаціи. Густо населенные оазисы постоянно привлекали сюда различныхъ завоевателей».... Въ позднѣйшее время владычество надъ страной принадлежало узбекамъ, распавшимся на множество мелкихъ владѣній, между которыми болѣе видную роль играли владѣльцы Бухары, Хивы и Кокана. «Каждое изъ этихъ ханствъ стремилось распространиться на счетъ другаго», и эта безпрерывная борьба независимыхъ узбекскихъ владѣтелей привела къ тому, что «нѣкогда большіе и цвѣтущіе города опустѣли и перестали развиваться».... Въ этой же главѣ авторъ сообщаетъ довольно интересныя повѣрья и обычаи, существующіе у каракиргизовъ (тюркское племя, живущее вокругъ озера Иссыкъ-куля). «Трауръ каракиргизовъ заключается въ томъ, что жена цѣлый годъ не моетъ лица, не чешетъ волосъ, не снимаетъ и не перемѣняетъ платья, хотя бы оно было совершенно негодно къ употребленію.... Мыть посуду считается (у нихъ) грѣхомъ, равно какъ плевать на огонь, переходить черезъ привязь, гдѣ доятъ кобылъ, и пр.».... Говоря о евреяхъ, живущихъ въ независимыхъ ханствахъ, онъ обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, который былъ замѣченъ еще А. Бэрнсомъ (A. Burnes), что они (евреи) «ждутъ прихода русскихъ, какъ Мессіи».

Представляя картину среднеазіатскихъ городовъ, авторъ замѣчаетъ, что улицы въ городахъ до того неправильны и узки, что только по главнѣйшимъ изъ нихъ можетъ пройти мѣстный экипажъ—двуколесная арба; что же касается переулковъ, то по нимъ «едва можетъ проѣхать всадникъ». Далѣе мы узнаемъ, что халатъ для туземцевъ замѣняетъ нашъ термометръ, и «количество надѣваемыхъ халатовъ обозначаетъ количество градусовъ холода. Такъ говорятъ: холодъ въ два халата, въ три и т. д.». Нельзя не отдать должной справедливости тому обычаю въ мусульманскихъ школахъ (медрессе), по которому «каждый ученикъ, по

Digitized by Google

словамъ автора, имѣетъ право слушать того учителя (мудариса), который ему больше нравится, хотя бы онъ преподавалъ совсѣмъ въ другой медрессе».... Въ заключеніе II главы авторъ приводитъ приблизительныя числовыя данныя относительно занятыхъ и не занятыхъ нами земель Турана, изъ которыхъ мы узнаемъ, что весь Туранъ содержитъ въ себѣ около

81.668 кв. м. съ 6.371.500 жителей.
Изъ этого количества занято нами
49.068 к. м. и 2.971.500 жителей

Въ III главѣ авторъ разбираетъ причины, побуждавшія русскихъ двигаться въ среднюю Азію, и говоритъ между прочимъ, что сношенія Россіи съ средней Азіей начались задолго до Петра Великаго; но только послѣдній, узнавъ отъ именитаго туркмена Ходжа-Нефесъ, въ 1713 г., объ изобиліи золотаго песку при устьѣ Аму-Дарьи и о возможности при помощи туркменъ овладѣть страной, рѣшился отправить экспедицію для изслѣдованія страны. Съ этого времени экспедиціи наши начинаютъ бороздить страну почти непрерывно, устраивая въ мѣстахъ порубежныхъ крѣпости для защиты русскихъ каравановъ, а также для прекращенія торга невольниками изъ нашихъ соотечественниковъ, уводимыхъ кочевниками. Авторъ приводитъ здѣсь важнѣйшія экспедиціи, которыя до послѣдняго года были отправляемы въ этотъ край, и результаты ихъ движенія и указываетъ на то замѣчательное спокойствіе обитателей Востока, которое сохраняется при перемѣнѣ у нихъ власти, въ чемъ убѣдились мы при взятіи Ташкента, одного изъ величайшихъ городовъ средней Азіи, вмѣщавшаго въ себѣ около 200.000 мусульманскаго населенія. Авторъ выписываетъ по этому поводу изъ письма Черняева къ генералу Крыжановскому, отъ 6 августа 1865 г., между прочимъ, слѣдующія небезъинтересныя строки:

«Опытъ убѣдилъ меня, что если предоставить жителямъ самоуправленіе, то для охраненія спокойствія и полнаго повиновенія достаточно имѣть здѣсь, въ особой отъ города цитадели, одинъ батальонъ и двѣ сотни; полиція можетъ быть предоставлена самимъ жителямъ».... «Черезъ недѣлю по взятіи города штурмомъ, полное спокойствіе и порядокъ водворились безъ всякаго почти съ нашей стороны вмѣшательства. Трудно себѣ представить глубокое уваженіе жителей къ порядку и власти».... «Полиція такъ хороша, что почти не бываетъ случаевъ, чтобы воровство или другое преступленіе не было открыто».

Эту главу авторъ заканчиваетъ слѣдующей замѣткой: «Присоединеніемъ (въ 1868 г.) четырехъ (бухарскихъ) бекствъ: Самаркандскаго, Катты-Курганскаго, Пенджакендскаго и Ургутскаго достиглись слѣдующія выгоды:

«1) Мы пріобрѣли самый благодатный уголокъ средней Азіи и лучшую часть знаменитой долины Міанкаъ (долины р. Зарьявшана), славной во

Digitized by Google

всей Азіи по своей обработанности, произрастанію и населенности. Владѣя этимъ участкомъ, мы вправѣ расчитывать на избытокъ доходовъ, способный покрыть непропорціональность расходовъ на содержаніе Туркестанскаго округа, и

«2) Могущество бухарскаго эмира ослабилось безвозвратно: эмиръ поставленъ относительно насъ въ положеніе одинаковое съ тѣмъ, въ какомъ уже съ 1861 года находится коканскій ханъ, т. е. чисто васальное»....

Въ IV главѣ авторъ рисуетъ картину производительности средней Азіи и указываетъ здѣсь на то, что водвореніе наше въ Туранѣ, кромѣ умиротворенія степи и уничтоженія невольничества между киргизами, имѣло вліяніе на усиленіе нашей торговли какъ съ киргизами, такъ и съ независимыми ханствами. Здѣсь мы находимъ подтвержденіе того факта, что номадъ дѣлается осѣдлымъ только въ крайнемъ случаѣ. Авторъ говоритъ: «Класъ земледѣльческихъ киргизовъ игинчей существуетъ искони, но только это всегда былъ жалкій и отверженный класъ. Начало его лежитъ въ грабежахъ и барантахъ различныхъ родовъ. Ограбленные, ничего не имущіе (по туземному байгуши), поневолѣ должны были приниматься за соху, чтобы добыть себѣ пропитаніе; но разъ обстоятельства ихъ поправлялись, т. е. чуть обзаводились они хотя незначительнымъ количествомъ скота,—какъ тотчасъ бросали соху».... Далѣе авторъ приводитъ длинный перечень самыхъ разнородныхъ растеній отъ пшеницы и риса до смоквъ, айвы и гранатовъ, изъ которыхъ мы выбираемъ для ознакомленія читателя: хлопчатую бумагу, составляющую главнѣйшую отрасль среднеазіатской промышленности и самую видную статью отпуска въ Россію, и саксаулъ (растеніе, достигающее до 3-хъ саженъ высоты), составляющій единственное топливо въ этихъ безлѣсныхъ степяхъ. Не безъинтересно замѣчаніе, приводимое авторомъ въ выноскѣ и указывающее на неслыханное у насъ плодородіе туранской почвы: «по опытамъ посѣва турецкаго табаку въ Ташкентѣ оказывается, что одна десятина можетъ дать свыше 1.400 р. чистаго дохода».

Далѣе авторъ знакомитъ насъ со скотоводствомъ, которое здѣсь распространено болѣе, чѣмъ земледѣліе. Между прочими видами домашнихъ животныхъ мы остановимся на овцеводствѣ, которому, по словамъ автора, безспорно принадлежитъ первое мѣсто. Оно составляетъ главнѣйшій источникъ существованія туземцевъ: пищу, питье (молоко), жилье (войлокъ для кибитокъ) и деньги отъ продажи ихъ въ другія страны. Потомъ авторъ знакомитъ читателя съ различными породами лошадей, разводимыхъ въ краѣ, отъ статной и цѣнной туркменской до выносливой киргизской, пробѣгающей огромныя пространства безъ воды и безъ корму. «Бывали примѣры, что лошади этой породы, по словамъ автора, пробѣжавъ такимъ образомъ 100 верстъ, не погибали». Не меньшаго вниманія заслуживаетъ коканская порода, которая перевозитъ до 60 пуд. въ телѣгѣ и до 14 подъ вьюкомъ.—Говоря о верблюдѣ, авторъ дѣлаетъ

Digitized by Google

такую характеристическую замѣтку: «голова овечья, туловище лошади, хвостъ бычачій, ноги собачьи,—по своимъ же нравственнымъ и умственнымъ свойствамъ ближе всего подходитъ къ овцѣ.... Съ наступленіемъ осени, на верблюда надѣваютъ попоны, которыя иногда не снимаются и лѣтомъ, именно когда приходится кочевать въ мѣстахъ, изобилующихъ оводомъ, страшно кусающимъ этихъ несчастныхъ животныхъ, лѣтомъ совершенно голыхъ..... Если случится гололедица или сильные снѣга съ буранами, то скотъ, не имѣя возможности пробивать ледяную кору и разгребать глубокій снѣгъ, погибаетъ тысячами отъ голода и стужи». Ознакомивъ читателя съ земледѣліемъ, садоводствомъ и скотоводствомъ и указавъ на тѣ породы дикихъ животныхъ, которыя встрѣчаются въ этой мѣстности, авторъ заканчиваетъ главу рыбной ловлей, которая производится здѣсь «первобытнымъ способомъ: мелкую рыбу ловятъ вершами, а крупную бьютъ острогами».

Въ V главѣ авторъ знакомитъ читателя съ минеральными богатствами страны. Здѣсь мы узнаемъ, что страна изобилуетъ не только разнородными рудами, между которыми видное мѣсто принадлежитъ желѣзнымъ и свинцовымъ, но здѣсь также встрѣчаются и золотыя розсыпи. Но важнѣе всего въ странѣ, при отсутствіи лѣса, это залежи каменнаго угля, который изъ частныхъ рудниковъ продается въ послѣднее время, какъ въ Ташкентѣ, такъ и въ Ходжентѣ, по 20 к. за пудъ. «Такимъ образомъ, говоритъ авторъ, частный каменный уголь сталъ замѣнять фруктовые дрова при отопленіи зданій. Для отопленія пароходовъ аральской флотиліи въ теченіе 1869 года была заподряжена часть угля у частныхъ промышленниковъ»... Въ заключеніе этой главы авторъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «Вообще объ ископаемыхъ промыслахъ въ средней Азіи слѣдуетъ сказать, что дѣло это богато только надеждами, а судя по тому, что найдено нами въ какія нибудь три года, при томъ выгодномъ распредѣленіи ископаемыхъ продуктовъ, всегда залегающихъ по близости съ каменнымъ углемъ, даетъ право расчитывать на обильную жатву въ будущемъ»... «Во всякомъ случаѣ, Балканскія горы (на восточномъ берегу Каспійскаго моря), хребетъ Шейхъ-Джели (въ хивинскомъ ханствѣ) и особенно Бадакшанскія горы, мѣста до того прославленныя содержаніемъ богатствъ, что, не смотря на недовѣріе къ азіатскимъ сказаніямъ, все-таки не могутъ не возбудить сильнаго любопытства и желанія изслѣдовать ихъ». Къ тому, что высказано авторомъ по поводу минеральнаго богатства страны, я позволю прибавить себѣ мое личное убѣжденіе въ томъ, что не только Бадакшанскія горы (т. е., южные отроги Болорскаго хребта), но и весь Болоръ до озера Каракуль, равно какъ меридіанные отроги Тяньшаня и обращенный къ Аральскому морю кряжъ Усть-Урта должны заключать въ себѣ золотоносныя розсыпи. Это убѣжденіе высказывается мною на основаніи тѣхъ же данныхъ, которыми руководился Ричардсонъ, высказывая блистательно под-

Digitized by Google

твердившееся предположеніе относительно золотоносности австралійскихъ горъ, т. е., что всѣ горныя цѣпи, имѣющія, подобно сибирскимъ, калифорнійскимъ и австралійскимъ горамъ, меридіанное направленіе, заключаютъ въ себѣ богатыя залежи и розсыпи золота.

Говоря въ VI главѣ о среднеазіатской мануфактурной промышленности, авторъ удивляется, что здѣшняя промышленность имѣетъ чисто сельскій характеръ: «Всѣ издѣлія производятся ручнымъ способомъ». Очевидно, авторъ слишкомъ высокаго мнѣнія о нашей среднеевропейской промышленности. Стóитъ только побывать въ подмосковной Тулѣ, чтобъ убѣдиться, что та же первобытная простота господствуетъ и здѣсь... Отъ самовара до гармоніи и отъ часоваго механизма до гвоздя—все это вырабатывается силою рукъ, въ рѣдкихъ случаяхъ—лошадей. Когда, проникнутый крайнимъ удивленіемъ при видѣ этихъ ламеховскихъ пріемовъ фабричнаго производства, я сталъ распрашивать болѣе дѣятельныхъ и молодыхъ фабрикантовъ: почему они не введутъ въ дѣло паровыхъ машинъ, которыя, какъ имъ извѣстно, работаютъ здѣсь же на нѣмецкихъ заводахъ,—они отвѣчали мнѣ, что «вводить машины можно только тому, кто знакомъ и умѣетъ обращаться съ ними»; а такъ какъ имъ негдѣ было научиться, то и остается съ завистью смотрѣть на согражданъ нѣмцевъ, которые, родившись въ класической Германіи, знакомы съ механикой и техникой болѣе положительнымъ образомъ, чѣмъ всѣ наши безполезные класики съ произведеніями Ѳукидида или Горація.—Можно удивляться благодушію и высокимъ до поднебесія соображеніямъ нашей просвѣтительной администраціи, пичкающей ѳѳемернымъ класицизмомъ всѣхъ и каждаго, не обращая вниманія даже на то, что отъ него страдаютъ интересы не только отдѣльныхъ личностей, или обществъ, но и цѣлаго государства. Я называю нашъ класицизмъ ѳѳемернымъ на томъ простомъ основаніи, что у насъ нѣтъ и взять негдѣ класиковъ преподавателей. Неужели изучавшіе семинарскую латынь могутъ быть названы класиками? Другаго же разбора класиковъ у насъ почти нѣтъ, и быть ихъ достаточно не можетъ. Преподаваніе въ гимназіяхъ въ огромномъ большинствѣ ведется не только не спеціалистами, напротивъ, большею частію положительными невѣждами въ класицизмѣ. Контроля нѣтъ, да онъ и невозможенъ по той простой причинѣ, что сами контролеры, въ лицѣ начальства, будучи въ большинствѣ случаевъ знакомы съ класицизмомъ только по названію, заходятъ очень рѣдко къ полусоннымъ класикамъ, и то съ тѣмъ скромнымъ выраженіемъ сановитистой физіономіи, которое даетъ право каждому мальчику твердить: «Э, его....ство ничего не знаетъ; можно врать, что угодно,—учитель не выдастъ!»... Грустно; но это можно подтвердить очень и очень многими примѣрами... При такомъ положеніи дѣлъ, весь нашъ класицизмъ сводится къ тому, что воспитанники пріобрѣтаютъ навыкъ разбирать буквы, которыми греки и римляне выражали свои слова и мысли. Понимать древнихъ писателей

Digitized by Google

наши юноши научиться въ школѣ не могутъ,—не отъ кого. Вышедши же изъ школы, не захотятъ убивать время на латынь по той простой причинѣ, что, при громадной затратѣ времени, пользы отъ нея ни на грошъ.... Спросимъ теперь, какой результатъ для Россіи отъ класическаго образованія? Неужели механическое чтеніе составляетъ суть класицизма? Если наши quasi великіе мыслители такъ думаютъ, то я ихъ попрошу припомнить то, что въ средніе вѣка весь Западъ выражалъ свои мысли языкомъ Горація и Цецерона и вся византійская имперія не хуже Эразма и Рейхлина понимала языкъ Гомера, Ѳукидида и Аристотеля, а между тѣмъ Европѣ долго пришлось ожидать появленія Декарта и Спинозы!... Поймите то, великіе класики, что не класицизмъ создалъ Заратуштру, Сакья-муни и Конфу-дзе, не класицизмъ создалъ Палисси, Стефенсоновъ, Фультона и Уатта; а между тѣмъ имена ихъ куда памятнѣе человѣчеству всѣхъ не только русскихъ, но и западныхъ докторовъ класической филологіи.... Не близорукихъ класиковъ нужно Россіи, а людей, могущихъ содѣйствовать развитію ея нравственныхъ и матеріальныхъ силъ,—а для этого мало назначить извѣстное число часовъ въ недѣлю для занятія тѣмъ или другимъ предметомъ въ школѣ и нарядить туда чиновниковъ. Для этого нужны люди, которые кромѣ дипломовъ имѣли бы дѣйствительно основательно осмысленныя знанія, а такихъ-то людей у насъ нѣтъ, и создать ихъ, Deus ex machina, мы не можемъ.

Но я удалился отъ цѣли моего изложенія и вмѣсто того, чтобъ ознакомить васъ съ адамовскими способами туранской промышленности, я вдался въ разсужденія о томъ сумрачномъ хаосѣ, который царитъ въ quasi свѣтлыхъ головахъ нашихъ просвѣтителей. Оставимъ ихъ въ счастливомъ dolce far niente и ознакомимся съ хлопкомъ, которому авторъ посвящаетъ видное мѣсто при ознакомленіи насъ съ мануфактурною промышленностью края. Онъ высказываетъ убѣжденіе, что бумажныя матеріи Средней Азіи «весьма грубы и совершенно соотвѣтствуютъ самодѣльнымъ пеньковымъ матеріямъ нашихъ деревень!... Изъ хлопка приготовляютъ здѣсь: одежду, одѣяла, платки, попоны и т. д.». Изложивъ характеръ мѣстной хлопчатобумажной промышленности, авторъ уясняетъ то значеніе, какое можетъ имѣть для насъ средняя Азія въ качествѣ хлопчатобумажнаго рынка. Онъ говоритъ: «Большинство хлопка сырца (около $2^1/_2$ милліоновъ пудовъ, на сумму свыше 37 милл. руб.) Россія получаетъ изъ Америки, изъ средней же Азіи доставляется лишь около полумилліона пудовъ, стоимостью на $5^1/_2$ милл. руб. Такъ какъ, при современномъ состояніи нашей промышленности, произведенія нашихъ фабрикъ не могутъ имѣть сбыта за границей, то, естественно, сумму въ 37 милл. руб. мы отдаемъ наличными деньгами безвозвратно»... Авторъ, далѣе, указываетъ на то, что привозъ къ намъ американскаго хлопка ставитъ насъ въ зависимость отъ произвола западныхъ державъ, такъ какъ, въ случаѣ войны какой либо изъ нихъ, наши

Digitized by Google

порты неминуемо (?) подвергнутся блокадѣ (?)... Въ подобномъ положеніи была прежде Англія, много выигравшая вывозомъ для своихъ фабрикъ хлопка изъ Остъ-Индіи, который, лѣтъ 15 тому назадъ, былъ хуже бухарскаго. Введеніемъ улучшенныхъ способовъ обработки англичане достигли того, что теперь ихъ остъ-индскій хлопокъ не уступаетъ лучшимъ сортамъ американскаго». «Намъ ничто не мѣшаетъ, продолжаетъ авторъ, слѣдовать благому примѣру британцевъ... Средняя Азія имѣетъ всѣ данныя для успѣшнаго произрастанія хлопчатника, во первыхъ, вслѣдствіе благопріятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условій и, во вторыхъ, вслѣдствіе изобилія свободныхъ земель, которыя могли бы быть обращены подъ хлопковыя плантаціи. Въ рукахъ, по словамъ автора, недостатка не будетъ, такъ какъ многія рабочія силы въ настоящее время остаются безъ приложенія (кочевники, мелкіе торгаши и пр.)». Указавъ на тѣ мѣры, которыя могутъ поднять въ краю развитіе хлопка, авторъ переходитъ къ шелковому производству и приводитъ здѣсь, между прочимъ, странный пріемъ туземцевъ, употребляемый ими для вывода червей: «Какъ только листья тута, говоритъ авторъ, начнутъ развиваться, яйца шелковичныхъ червей завертываютъ въ платокъ и носятъ ихъ отъ 3-хъ до 5 дней на голой груди или еще лучше подъ мышками (чѣмъ по преимуществу занимаются женщины); этого времени достаточно, чтобы маленькіе черви вылупились». Далѣе, замѣчаетъ онъ, что «средняя Азія имѣетъ всѣ данныя, благопріятствующія развитію шелководства: ея теплый климатъ и система искусственнаго орошенія почвы способствуютъ произрастанію тута (шелковицы), въ то время, когда въ Европѣ, частью отъ морозовъ, частью отъ избытка влажности, листья этого растенія нерѣдко теряютъ необходимыя для червя качества и даже, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ (на примѣръ, Либиха), могутъ скрывать причины болѣзни шелковичнаго червя,—болѣзни, въ средней Азіи совершенно неизвѣстной. Здоровые черви средней Азіи выводятъ и добротную нить, такъ что среднеазіатскіе коконы превосходятъ итальянскіе и французскіе и не уступаютъ японскимъ. Подобно послѣднимъ, они плотны, округлы и легко отдѣляютъ отъ себя нитку при размоткѣ...» Далѣе авторъ, указавъ на изобиліе произрастающаго здѣсь тута, употребляемаго туземцами, какъ лѣсъ, на подѣлки и топливо, переходитъ къ шерстяному производству, составляющему исключительное занятіе кочевниковъ. «Куда ни обратимъ взоры на обстановку кочевника, вездѣ встрѣтимъ произведенія, доставляемыя ему скотоводствомъ. Переносное жилище его (юрта, кибитка), войлокъ, разстилаемый на землѣ и замѣняющій мебель, ковры, украшающіе жилье, одежда, затѣмъ мѣшки для складыванія домашняго скарба и навьючиванія верблюдовъ при перекочевкахъ, арканы (канаты), нитки, покровы для животныхъ и пр.— все это дѣлается изъ шерсти».—Разсматривая разные виды кожевеннаго производства, авторъ говоритъ, что «изъ бараньей кожи выдѣлы-

Digitized by Google

ваютъ здѣсь мѣшки для сохраненія воды въ путешествіяхъ, а также и для храненія кумыса, любимаго напитка кочевниковъ.... Вода въ нихъ не только сохраняется долго въ жаркое время, но еще остается также и прохладною».—Далѣе, обрисовавъ писчебумажное, мыловаренное и салотопенное производства, авторъ знакомитъ насъ съ гончарнымъ производствомъ, играющимъ видную роль въ жизни туранца: «Наши бочки и кадки замѣняются здѣсь глиняными корчагами, муравленными внутри; деревянная посуда, какъ-то: чашки, миски и блюда—замѣняются такими же глиняными издѣліями, также муравленными внутри. Всѣ эти предметы стоютъ весьма дешево; но искусство въ производствѣ ихъ не ушло дальше эпохи Авраама и Моисея».

О металлическомъ производствѣ въ Туркестанѣ авторъ говоритъ, что «оно не пошло дальше кузнечнаго ремесла... Металлы средняя Азія всегда получала изъ сосѣднихъ странъ, особенно изъ Россіи... Изъ старыхъ косъ нашихъ дѣлаются здѣсь кинжалы, изъ нашихъ стволовъ—ружья... Изъ благородныхъ металловъ для своихъ издѣлій туземцы употребляютъ больше серебро, которое идетъ на всѣ женскія издѣлія, а также на сбрую коня и вооруженіе всадника. Золотыя издѣлія не въ ходу»... Далѣе авторъ прибавляетъ, что, «говоря о среднеазіатскихъ мануфактурахъ, нельзя не упомянуть о сѣдельномъ производствѣ. Собственно достоинъ вниманія одинъ каркасъ сѣдла, который окаймляется костью, испещряется мозаичной работой, покрывается ярко изумруднаго цвѣта краской. Такой каркасъ стоитъ всего 3—4 рубля. Самаркандскія сѣдла славятся во всемъ Туркестанѣ...» Далѣе мы узнаемъ, что «среднеазіатцы—большіе мастера вышивать шелкомъ по сукну, по кожѣ и по бумагѣ. Во всѣхъ большихъ городахъ, цѣлый рядъ лавочекъ занимается вышивальщиками (но не швеями), которые посредствомъ тамбура вышиваютъ чапраки, скатерти (но не для столовъ, которыхъ не водится, а для сундуковъ), подушки, туфли, одѣяла и пр. Пестрота, сложность и правильность рисунка въ этихъ издѣліяхъ удивительны».

Въ VII-й главѣ своего труда авторъ знакомитъ насъ съ среднеазітскою торговлей, которая занимаетъ второе мѣсто послѣ земледѣльческой промышленности. «Въ значительныхъ пунктахъ число лавокъ громадное, хотя всѣ лавочки маленькія и похожи на клѣтушки... и въ нихъ, кромѣ незначительнаго числа русскихъ издѣлій и еще, пожалуй, англійскихъ, сколько нибудь цѣнныхъ предметовъ вы не увидите». Ознакомивъ читателя съ общимъ развитіемъ и направленіемъ торговли, авторъ замѣчаетъ, что «возрастанію нашей торговли въ средней Азіи мѣшаетъ грозный соперникъ, надвигающійся съ юга (авторъ имѣетъ въ виду индійскихъ англичанъ, агенты которыхъ проникаютъ сюда чрезъ Кабулъ), который своею грандіозной промышленностью и предпріимчивостью стремится подавить наше торговое значеніе въ Азіи». Рынки большихъ торговыхъ центровъ Турана наполнены извѣстнаго рода англійскими това-

Digitized by Google

рами, количество которыхъ превосходитъ количество русскихъ продуктовъ. Соперничество англійскихъ издѣлій для русскихъ на почвѣ Турана еще и тѣмъ опасно, что англичане имѣютъ возможность давать въ кредитъ имъ (мѣстнымъ торговцамъ) на годъ, тогда какъ русскіе только на мѣсяцъ и много на три»... Здѣсь же мы узнаемъ, что наши «сундуки идутъ не только въ среднюю Азію и Кабулъ, но даже въ Индію и доходятъ до Калькутты... Для народовъ Турана и Индустана сундуки имѣютъ важное значеніе, замѣняя нашу мебель и камоды и служа также для подарковъ».

Что касается туранскихъ путей сообщенія, которымъ авторъ посвящаетъ VIII-ю главу, то мы узнаемъ, что обитатели этого края сообщаются между собой караванными, колесными и водяными путями. «По караваннымъ путямъ отправляютъ вьючныхъ верблюдовъ и лошадей». Колесные пути «узки, потому что каждый вершокъ воздѣланной земли дорогъ; въ ненастное время крайне грязны, а въ сухое время тяжелы въ мѣстахъ песчаныхъ, чередующихся съ солонцами. Овраги, крутые спуски и подъемы, до которыхъ не касалась рука человѣка, не мало затрудняютъ ходъ колесныхъ экипажей»... Единственный экипажъ средней Азіи—двухколесная арба—употребляется туземцами для перевозки тяжестей. «Сами же они (туземцы), какъ мущины, такъ и женщины, передвигаются на лошадяхъ, либо ишакахъ (ослахъ), а кочевники на верблюдахъ, либо на коровахъ. На лошадь садятся часто двое. Если правовѣрному, ѣдущему на базаръ, нужно взять съ собою жену, то онъ сажаетъ ее за сѣдломъ... Что же касается до общаго свойства туркестанскихъ почтовыхъ дорогъ, то въ этомъ отношеніи вся средняя Азія во многомъ сходствуетъ съ новороссійскими степями: тѣ же безбрежныя равнины, изрѣдка перерѣзываемыя балками, или быстрыми рѣчками, переѣзжаемыми въ бродъ; та же обнаженность вокругъ и просторъ, дѣлающій ѣзду, въ опредѣленное время года, даже до нѣкоторой степени пріятною. Затрудненія при устойствѣ дорогъ въ этомъ краѣ возникаютъ только вблизи деревень: здѣсь оросительныя канавы, бороздящія окрестности города или селенія, заставляютъ поминутно накидывать мостики, либо переѣзжать ихъ, какъ Богъ поможетъ...» Ознакомивъ читателя съ младенческимъ состояніемъ пароходства и судоходства по обѣимъ большимъ рѣкамъ (Сыръ и Аму-Дарьѣ) и Аральскому морю, авторъ расказываетъ объ оригинальномъ способѣ переправы, существующей въ этомъ краѣ: «Въ лодку закладываютъ пару лошадей, привязавъ къ хвосту ихъ конецъ веревки, укрѣпленный къ борту; лошадей взнуздываютъ какъ для верховой ѣзды и затѣмъ усердно погоняютъ нагайками». Въ заключеніе этой главы авторъ разбираетъ вопросъ «о возможности поворота теченія Аму-Дарьи въ Каспійское море, такъ какъ со времени Петра Великаго вопросъ этотъ питалъ и питаетъ фантазію многихъ, возбуждая разныя золотыя надежды». «Къ сожалѣнію, гово-

Digitized by Google

ритъ авторъ, я долженъ сказать, что эти надежды совершенно несбыточны, и мысль о поворотѣ Аму давнымъ-давно пора бы уже бросить. Зрѣлыя размышленія показываютъ, что въ настоящее время рѣка въ Каспійское море никоимъ образомъ течь не можетъ.... Недостатокъ стремительности во второй половинѣ теченія Аму-Дарьи дѣлаетъ то, что къ устью она становится уже и мельче и едва доходитъ до Аральскаго моря, образуя обширную болотистую дельту; поэтому, если продлить ея теченіе еще на нѣсколько верстъ по равнинѣ, то рѣка вскорѣ либо разлилась бы на твердомъ грунтѣ, либо изсякла бы въ пескахъ. Превышеніе Аральскаго моря надъ Каспійскимъ на столько ничтожно, что мѣстность между ними можно считать за совершенную равнину».

Не буду возражать автору противъ указываемой имъ невозможности направить теченіе Аму по прежнему руслу въ Каспійское море; но тѣмъ не менѣе соединеніе моря съ рѣкой вполнѣ возможно нѣсколько инымъ, и едва ли не болѣе выгоднымъ, путемъ. Вотъ мое предложеніе, о которомъ желательно было бы знать мнѣніе спеціалистовъ: верстахъ въ 60 къ сѣверу отъ Ашуръ-Аде, нашей станціи, въ юговосточной части Каспійскаго моря, находится заливъ Гассанъ-Кули, въ который впадаетъ болотистое устье р. Атрека. Если мы попробуемъ расчистить не устье (такъ какъ это предпріятіе поведетъ только къ безплодному труду и напрасной тратѣ денегъ: при быстромъ пониженіи уровня Каспійскаго моря, устье величайшей и многоводнѣйшей рѣки въ Европѣ—Волги превратилось въ болото, не говоря уже о другихъ меньшихъ рѣкахъ, устья которыхъ болотисты безъ исключенія. Для блага обитателей басейновъ этихъ рѣкъ слѣдовало бы изсякающимъ устьямъ дать другое направленіе, иначе вырубка лѣсовъ у верховьевъ и пониженіе морскаго уровня, изсушивъ русла, превратятъ въ пустыню мѣстности, орошаемыя этими рѣками),—не устье расчищать предлагаю я, а русло рѣки Атрека до впаденія въ него Гермеха,—то оттуда нетрудно, на разстояніи 250 верстъ, провести каналъ къ Чарджую, гдѣ Аму имѣетъ около полуверсты въ ширину, при 4-хъ саженяхъ глубины. Кромѣ того, что этотъ каналъ имѣлъ бы обиліе воды отъ Аму и множества рѣченокъ, вытекающихъ изъ Альборджскихъ горъ,—къ нему можно направить степныя рѣченки, бороздящія этотъ край, и соединить его съ рѣкой Мургабомъ, ведущею въ Гератъ. Орошеніе этой богатой, но, за отсутствіемъ орошенія, почти безплодной, почвы далеко вознаградило бы затраты и, кромѣ того, принесло бы пользу государству въ томъ отношеніи, что могущія возникнуть здѣсь судоходство и пароходство послужили бы лучшею кордонною линіей на южной границѣ прикаспійскихъ туркменовъ, а главное—безпокойныхъ хивинцевъ.

Къ этой же главѣ авторъ приложилъ дорожники (маршруты) караванные и почтовые.

Въ послѣдней (IX-й) главѣ авторъ высказываетъ свои соображенія относительно того, что сдѣлано нами и что предстоитъ еще сдѣлать, по

Digitized by Google

крайней мѣрѣ, для того, чтобы покрыть затраты на содержаніе этого края, такъ какъ въ 1868 году дефицитъ достигалъ $2^1/_2$ мил., а въ 1869 г. возросъ до 4-хъ милліоновъ рублей. «Такое не совсѣмъ благопріятное положеніе вещей приводитъ въ уныніе многихъ и заставляетъ вообще скептически относиться къ пользѣ для Россіи всей средней Азіи». «Въ скептикахъ, продолжаетъ авторъ, невольно зараждается мысль: не лучше ли совсѣмъ бросить этотъ чудовищный, заколдованный край, манившій столько времени насъ въ свои нѣдра»... «Но такое заключеніе, по мнѣнію автора, было бы въ высшей степени ошибочнымъ и нелогичнымъ... Обиліе сырыхъ продуктовъ по всѣмъ тремъ царствамъ природы обѣщаетъ принести щедрую дань труду и капиталу, которые станутъ разработывать ихъ. Торговля можетъ также развиться до весьма почтенныхъ размѣровъ, потому что, независимо отъ потребленія русскихъ продуктовъ на среднеазіатскихъ рынкахъ, средняя Азія можетъ служить транзитомъ торговли Россіи съ востокомъ и югомъ Азіи (съ Китаемъ, Персіей и Индіей).»

Мы вполнѣ согласны съ авторомъ, что потерять подобный край, гдѣ довольно ничтожнаго ручейка, чтобы земля вознаградила сторицей трудъ человѣка,— болѣе чѣмъ непростительно. Чувствительный дефицитъ, на который мы указали выше, происходитъ не столько отъ бездоходности края, сколько отъ тѣхъ затратъ, съ которыми сопряжено всякое новое предпріятіе, и отъ нашего неумѣнья взяться за дѣло. Намъ кажется, что гораздо полезнѣе было бы высылать туда русскихъ земледѣльцевъ и промышленниковъ колонистовъ, чѣмъ чиновниковъ, которые могли бы быть избираемы губернаторомъ изъ тѣхъ же поселенцевъ и, какъ постоянные обитатели страны, заботились бы о преуспѣяніи ея гораздо больше, чѣмъ тѣ, которые являются туда ради высокаго оклада, съ единственнымъ желаніемъ поскорѣе возвратиться во-свояси. Правильное колонизированіе страны русскими поселенцами, при возможно широкомъ содѣйствіи къ развитію у нихъ внутренняго самоуправленія, создастъ здѣсь ту могучую силу, которая быстро подниметъ благосостояніе и богатство края. Для спокойствія же края и защиты его отъ хищничества туземцевъ правительство могло бы переселить туда черноморцевъ, предоставивъ имъ такимъ образомъ широкое и плодотворное поле для ихъ дѣятельности, которая нынѣ, со времени полнѣйшаго успокоенія Кавказа, остается безъ приложенія. Эти честные воины граждане не разъ сослужили почетную службу на окраинахъ нашей родины и, вѣроятно, не откажутся перемѣнить свои прикубанскія поселенія на несравненно плодороднѣйшую и гораздо болѣе теплую мѣстность по теченію Атрека и Гюргеня, впадающихъ въ юговосточный уголъ Каспійскаго моря. Закрѣпленіе и колонизація южнаго Турана принесутъ государству гораздо болѣе выгоды, чѣмъ колонизація далеко не такъ богатаго Приамурскаго края. Положеніе колонистовъ въ этомъ краѣ, на первыхъ порахъ, будетъ далеко не такъ безотрадно, какъ нашихъ амургскихъ посе-

Digitized by Google

ленцевъ. Окружающія ее богатыя и плодородныя мѣстности и въ высшей степени плодородная, при орошеніи, мѣстность южнаго Турана создадутъ черезъ 25—30 лѣтъ такое довольство и изобиліе обитателей, что каждый пядень здѣшней земли будетъ цѣниться на вѣсъ золота. Но все это, какъ доказала намъ Австралія, возможно только при мѣстномъ, внутреннемъ самоуправленіи. Въ противномъ же случаѣ, льготы, дѣлаемыя нами кочевникамъ, будутъ продолжаться безконечно, а содержаніе и кормленіе мѣстнаго чиновничества будутъ разрастаться годъ отъ году, и каждый новый рубль дохода будетъ оплачиваться сотнями рублей расхода. Какъ велики расходы на доставку предметовъ, необходимыхъ для кормленія, можно судить уже изъ того, что «перевозка одной четверти муки изъ Оренбурга на Сыръ-Дарью, по словамъ автора, обходилась казнѣ иногда болѣе 20 рублей. Со взятіемъ Ташкента и странъ, къ югу отъ него лежащихъ, разстояніе отъ Оренбурга увеличилось вдвое, слѣдовательно, и цѣны на перевозку увеличились пропорціонально». Между тѣмъ, результаты получились бы совершенно иные, еслибы колонизація начиналась отъ плодороднаго юговосточнаго побережья Каспійскаго моря; она незамѣтно растянулась бы до береговъ Аму и Сыра, и не только расширила бы нашу границу по плодородной мѣстности южнаго Турана, связавъ Закавказье съ Туркестанскимъ генералъ-губернаторствомъ, но, при проведеніи предлагаемаго нами канала, она служила бы житницей занятаго нами края. Поменьше начальства и побольше разумныхъ наставниковъ и руководителей—вотъ что нужно при колонизаціи той или другой мѣстности.

Авторъ разсматриваетъ также въ этой главѣ тѣ мѣры, которыя могли бы увеличить доходность страны, указывая, между прочимъ, что здѣсь не всѣ доходы, собираемые съ обитателей въ пользу государства, дѣйствительно достигаютъ своего назначенія. «Члены хозяйственныхъ управленій, будучи пріучены долгой предшествовавшей жизнью къ плутовству, не стѣсняются и теперь, по словамъ автора, погрѣть руки, когда есть къ тому возможность. Разслѣдованія въ нѣкоторыхъ городахъ показали, что изъ собраннаго членами хозяйственныхъ управленій количества поземельныхъ доходовъ въ казну представлена была только $^1/_5$ часть, а $^4/_5$ остались въ рукахъ сборщиковъ». Подобная же недобросовѣстность, по словамъ автора, существуетъ при взиманіи торговой пошлины. Разсмотрѣвъ общее состояніе страны и высказавъ тѣ мѣры, которыя могли бы подвинуть впередъ благосостояніе края, авторъ заканчиваетъ свою книгу слѣдующимъ замѣчаніемъ, что для рѣшенія среднеазіатскаго вопроса предстоитъ многое впереди, что програма для нашихъ послѣдующихъ дѣйствій еще только начинаетъ развиваться какъ слѣдуетъ и что ея выполненіе распадается главнѣйшимъ образомъ на три группы:

1) вопросы экономическіе—доходы и расходы новаго края;

Digitized by Google

2) вопросы политическіе—водвореніе русскаго вліянія до Гиндукуша и Параномиза;

3) вопросы торговые—развитіе нашей торговли по всему материку Азіи.

Кромѣ приложеній, содержащихъ въ себѣ: a) перечень главнѣйшимъ товарамъ, вывезеннымъ въ среднюю Азію съ 1857 по 1868 г.; b) направленіе вывоза русскихъ товаровъ чрезъ таможни бывшей оренбургской сибирской линіи за 1867 годъ; c) распредѣленіе вывоза русскихъ товаровъ въ разныя части средней Азіи за 1867 годъ; d) перечень главнѣйшихъ товаровъ, привезенныхъ въ Россію изъ средней Азіи съ 1857 по 1868 г.; e) направленіе привоза среднеазіатскихъ товаровъ чрезъ таможни бывшей оренбургско-сибирской линіи за 1867 годъ; f) распредѣленіе привоза среднеазіатскихъ товаровъ изъ разныхъ частей Средней Азіи (послѣднія двѣ статистическія таблицы приложены въ двухъ экземплярахъ). Къ книгѣ приложена, изданная нѣсколько лѣтъ назадъ г. Ильинымъ, карта областей: Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской съ Туркестанскимъ генералъ-губернаторствомъ.

Каждый, ознакомившійся съ извлеченіями, приведенными выше изъ книги г. Костенко, наглядно можетъ убѣдиться въ томъ, что этотъ интересный трудъ достоинъ полнаго вниманія и сочувствія образованной публики, и если мы позволимъ себѣ ниже сдѣлать кое-какія замѣчанія, то съ единственною цѣлью видѣть будущее изданіе еще болѣе полезнымъ.

Прежде всего мы скажемъ нѣсколько словъ о картѣ, приложенной къ книгѣ, которая далеко не соотвѣтствуетъ тексту. Множество названій (нужныхъ и ненужныхъ), имѣющихся на картѣ, не существуютъ въ книгѣ, и обратно, излишне пестрятъ карту. Кромѣ того, карта областей, какъ и большинство картъ, издаваемыхъ г. Ильинымъ, отличается пестротой и неясностью, которая еще болѣе увеличивается отъ иллюминаціи карты зелеными полосами. Зачѣмъ иллюминована карта этими линіями, — я право не понимаю, какъ не понимаю и того, что хотѣлъ уяснить иллюминаторъ этими линіями? Вглядитесь, читатель, и судите сами: по туркменчайскому договору, Каспійское море принадлежитъ намъ все, а между тѣмъ одна половина его обведена зеленою краской. Области: Уральская, Тургайская etc. безспорно принадлежатъ намъ,—а онѣ окаймлены зеленою краской. Между тѣмъ, Кундузъ, Балхъ, Меймене, никогда не принадлежавшіе намъ, тоже окаймлены зеленою полосой. Намъ могутъ сказать, что г. Ильинъ имѣетъ въ виду отдѣлить области и ханства одно отъ другаго; тогда мы спросимъ: какую же область и отъ чего отдѣляетъ зеленая полоса, ведущая по Каспійскому морю отъ персидской границы на западѣ

Digitized by Google

до Агысъ-Ада на востокѣ, и почему ханства Акче, Шиборганъ, Сирапуль и другія не отдѣлены другъ отъ друга? Составитель карты упустилъ изъ виду, что та или другая краска должна быть употребляема для нагляднаго уясненія мѣстности, а не безтактности иллюминатора. Желательно было бы, чтобы при будущемъ изданіи своей книги г. Костенко составилъ, или же поручилъ составить подъ своимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, болѣе отчетливую и приспособленную къ своему почтенному труду карту. Вмѣстѣ съ этимъ было бы также желательно устраненіе тѣхъ недостатковъ, которые, въ большей или меньшей мѣрѣ, подрываютъ достоинство книги. Не буду говорить здѣсь о системѣ, принятой авторомъ, хотя мнѣ всегда казалась болѣе удобною та, въ которой читатель послѣдовательно знакомится съ рельефомъ страны и ископаемыми ея богатствами, ея климатомъ, растительностью и животнымъ міромъ. Понятно, что послѣ этихъ, предварительно пріобрѣтенныхъ нами, свѣдѣній о странѣ все, что бы ни было сказано о человѣкѣ, его образѣ жизни, привычкахъ, нравахъ, обычаяхъ,—все это будетъ имѣть подъ собою твердую почву. Но какую систему ни призналъ бы авторъ за лучшую, онъ долженъ быть строго послѣдователенъ и избѣгать разбросанности и неясности, которыя встрѣчаются иногда въ разсматриваемой нами книгѣ. На пр., на 10 и слѣд. стр., авторъ перечисляетъ главнѣйшіе оазисы по рѣкамъ Сыру и Аму-Дарьѣ, не ознакомивъ читателя съ этими рѣками, характеристику которыхъ онъ представляетъ только на стр. 294 и слѣд. страницахъ. Далѣе, на 11 стр., авторъ говоритъ, что долина Ферганы или верхняго Сыра ограничена съ сѣвера отрогами хребта Кара-тау, между тѣмъ какъ, на самомъ дѣлѣ, долина Ферганы, или Коканское ханство, ограничена на сѣверъ хребтомъ Уртакъ-тау. — 12 стр. Авторъ характеризуетъ долину рѣки Зарьявшана, которую впослѣдствіи называетъ Міанкальской долиной, Міанкалъ и пр., не сказавъ въ общей характеристикѣ этой долины, что онъ будетъ называть ее этими названіями. По словамъ автора (стр. 12), р. Зарьявшанъ вытекаетъ изъ громадныхъ ледниковъ, входящихъ въ систему Тіанъ-Шаня; на картѣ же она выходитъ изъ озера Искандеръ-куль, о которомъ, въ свою очередь, у автора не сказано ни слова. На той же стр., говоря о названіи рѣки Зарьявшанъ (раздаватель золота), авторъ увѣряетъ, что рѣка носитъ такое названіе не по тому, что въ верховьяхъ ея есть золотыя розсыпи, но отъ благотворнаго вліянія на орошеніе полей. Еслибъ увѣреніе автора было вѣрно, то тогда можно думать, что среднія части Аму носили бы по крайней мѣрѣ такое же, если не болѣе громкое, названіе.—На стр. 14-й., говоря о пяти городахъ (Шарь, Китабъ, Шаматанъ, Урта-Курганъ и Даякъ), расположенныхъ между истоками Кашки-Дарьи, авторъ говоритъ, что «города эти на прежнихъ картахъ обозначались однимъ кружкомъ, изображавшимъ не существующій городъ Шахризябсъ». Мы взглянули на кар-

Digitized by Google

ту, приложенную авторомъ, и роковой кружекъ, вмѣстѣ съ несуществующимъ Шахризябсомъ, существуетъ на ней преспокойно,—очевидно, что карта, приложенная къ новой книгѣ, далеко не нова.—На 15 и 16-й стр. авторъ говоритъ, что вѣтви гряды горъ Катигенъ примыкаютъ къ самому Оксусу (Аму); на приложенной же авторомъ картѣ нѣтъ ничего подобнаго, и предгорія виднѣются на ней не ближе 150 верстъ.—На стр. 16-й авторъ говоритъ, что Ваханъ и сопредѣльныя ему западныя земли лежатъ на правомъ берегу Аму, насупротивъ Бадакшана, между тѣмъ какъ ближайшая къ Бадакшану мѣстность—Ваханъ—на картѣ показана на одномъ изъ притоковъ Аму, верстахъ въ 500 отъ Бадакшана. — Стр. 17. Бадакшанъ (городъ), по словамъ автора, отстоитъ отъ Аму-Дарьи на 120 верстъ; на картѣ же онъ помѣщенъ на самомъ Аму.—Впрочемъ, подобныхъ разнорѣчій текста съ картой такъ много, что, перечисляя ихъ, мы можемъ утомить не только читателя, но и автора, которому мы искренно совѣтовали бы позаботиться о болѣе подходящей картѣ и тѣмъ избавить читателей его книги отъ разочарованія на первыхъ же порахъ. Вмѣстѣ съ этимъ желательно было бы, чтобы послѣдовательность изложенія, принятаго авторомъ, не прерывалась скачками: на примѣръ (стр. 20—21-я), послѣ Кундуза, Хульма и Балха слѣдуетъ ханство Акче, а за нимъ Андхуй, а потомъ Шибарганъ; у автора говорится вначалѣ объ Андхуѣ, потомъ о Шибарганѣ и наконецъ уже объ Акче. Шибарганъ и Сирапуль смежны и на одной рѣкѣ; авторъ вставилъ между нихъ Акче, лежащее въ сторонѣ, на востокѣ.—Невыдержанность системы характеризуется также повтореніями: на примѣръ, въ IV главѣ (стр. 162 и слѣд.), авторъ подробно разсматриваетъ земледѣльческую производительность страны; между тѣмъ какъ еще на стр. 48-й и др. мы читали уже бѣглыя замѣтки по этому поводу.—Неясность изложенія тоже не мало вредитъ книгѣ: на примѣръ, мы встрѣчаемъ выраженіе «сороковая десятина (?)». На стр. 234, строка 13 снизу, мы встрѣчаемъ слово «паласы» (?) безъ объясненія значенія.—На стр. 262, въ текстѣ, мы находимъ пять строкъ изъ письма Лежана по-французски. Неужели авторъ признаетъ этотъ пріемъ необходимымъ для большей ясности его труда? — На стр. 271-й. «Когда мы займемъ Бухару»: подобная фраза своею несдержанностью сильно рѣжетъ слухъ. Неужели наша политика въ средней Азіи имѣетъ въ виду приносить войну, захватъ, а не умиротвореніе?—На стр. 278-й мы встрѣчаемъ выраженіе «серебрянные ямбы» (?). На стр. 291-й говорится: въ Астрабадскомъ заливѣ лежитъ островъ Ашуръ-Аде, принадлежащій персіанамъ... Между тѣмъ выше, на стр. 144-й, въ примѣчаніи, было сказано: «На основаніи туркменчайскаго мира, Россія пріобрѣла въ исключительное владѣніе Каспійское море, и вскорѣ послѣ этого мира была устроена морская станція Ашуръ-Аде въ Астрабадскомъ заливѣ»... Какъ автору кажется: какое изъ этихъ словъ читатель выведетъ заключеніе о томъ,

Digitized by Google

кому принадлежитъ этотъ островъ? Ужь конечно, онъ скажетъ, что не персамъ, въ чемъ увѣряетъ насъ авторъ на стр. 291. Что же касается ссылокъ на космическіе законы, какъ это дѣлаетъ авторъ на стр. 303, по поводу измѣненія русла Аму, то въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ быть слишкомъ осмотрительнымъ, и изъ-за космическихъ законовъ не забывать того простаго физическаго закона, по которому вода въ рѣкахъ всегда течетъ по наклонной плоскости сверху внизъ, и что съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество узнало этотъ законъ, оно смѣло можетъ бороться съ тою космической силой, которая подрываетъ его благосостояніе, измѣняя русла рѣкъ, подобно тому, какъ борется оно, при помощи громоотводовъ, съ разрушительнымъ дѣйствіемъ такой же космической силы—молніи. Изъ опечатокъ, попадающихся въ книгѣ, мы укажемъ здѣсь только на тѣ, которыя извращаютъ требуемый смыслъ: такъ, на стр. 4, авторъ, говоря объ образованіи солончаковъ, говоритъ: «происхожденіе ихъ объясняется отступленіемъ моря въ свои предѣлы». Очевидно, слѣдуетъ читать: въ нынѣшніе предѣлы, такъ какъ прежніе предѣлы Арало-Каспійскаго моря тоже были для него свои, а не чужіе. На стр. 41-й читаемъ: «кочевой образъ жизни (киргиза), бѣдность и недостатокъ потребностей не побуждаютъ его къ дѣятельности». Очевидно, нужно читать: ограниченность потребностей, такъ какъ на землѣ не можетъ быть не только племени, но даже отдѣльной личности, у которой бы не было потребностей. На стр. 213-й: «небольшая деревянная машина, стоющая 20 коп.». Очевидно, нужно читать: деревянный снарядъ. На стр. 322-й читаемъ: «никтоже плоть свою не вознавидѣ». Очевидно, нужно читать безъ отрицанія, иначе мы получимъ по-русски такой смыслъ: нѣтъ того, который не возненавидѣлъ бы своего тѣла, т. е. совершенно противуположный тому, что хотѣлъ подтверждать авторъ. На стр. 347-й авторъ говоритъ: «въ 1867 году коллегія иностранныхъ дѣлъ...» Очевидно, здѣсь или годъ невѣренъ, или слово коллегія не на своемъ мѣстѣ. На стр. 354-й: «но усиленія одного туркестанскаго отряда... недостаточны» (рѣчь идетъ о подавленіи разбойничьихъ—выраженіе автора—промысловъ). Очевидно, нужно читать: усилія.

Но всѣ указанныя мною описки, неясности и даже неполнота, при полномъ разладѣ съ картой, мало подрываютъ достоинство этой интересной и полезной книги, и я вполнѣ убѣжденъ, что каждый, прочитавшій ее, скажетъ автору свое задушевное «спасибо».

Москва.
5-го марта, 1871 г.

А. Завадскій-Краснопольскій.

Digitized by Google

Полицейское право. *И. Андреевскаго*, орд. професора С.-Петербургскаго университета. Томъ I. Спб. 1871 г.

Посчастливилось въ эти послѣдніе годы полицейскому праву въ Россіи. Со введеніемъ новаго устава для нашихъ университетовъ, вотъ уже третій професоръ, послѣ гг. Степанова и Бунге, испытываетъ свои силы на поприщѣ, такъ давно открытомъ въ Россіи, но до сихъ поръ такъ мало воздѣланномъ. Принимая переводъ сочиненія Юсти: «Основаніе силы и благосостоянія царствъ», совершенный и изданный въ 1772 г. Бугаевскимъ, за первую въ Россіи работу на этомъ поприщѣ, мы можемъ сказать, что ровно сто лѣтъ намъ знакомо это поприще. Что же мы тутъ сдѣлали? Въ XVIII вѣкѣ мы только вслушивались и всматривались въ то, что за границею было говорено, писано и дѣлано по части полиціи, а потому только переводили и на русскомъ языкѣ излагали понятія Юсти, или Зонненфельса, или барона Билефельда и т. п. Но въ текущемъ столѣтіи, благодаря Гуляеву, мы имѣемъ уже трудъ самостоятельный въ его сочиненіи, выдержавшемъ три изданія и вышедшемъ въ 1824 г. подъ заглавіемъ: «Права и обязанности полиціи и жителей, по отношенію къ полиціи», и т д. «Книга Гуляева почиталась, говоритъ г. Андреевскій, не токмо полезной, но и необходимой». Недолго однакожъ господствовало такое направленіе. Професоръ Петербургскаго университета Рождественскій опять обратился къ переводу, издавъ въ 1840 г. свои «Основанія государственнаго благоустройства», воспроизводившія, хотя и кратко, систему «полицейской науки», или науки о полиціи, Роберта Моля, изданія 1832 г. Нисколько не больше самостоятельности встрѣчаемъ въ изданіи харьковскаго професора Платонова, подъ названіемъ: «Вступительныя понятія въ ученіе о благоустройствѣ и благочиніи государственномъ». 1856, Харьковъ. Г. Андреевскій объ авторѣ этого изданія говоритъ, что онъ «находился подъ полнѣйшимъ вліяніемъ воззрѣній Моля». Послѣ того является мое сочиненіе: «Русскій народъ и государство», далѣе сочиненія: г. Степанова «О полиціи, какъ наукѣ» и гг. Бунге и Андреевскаго «О полицейскомъ правѣ». Все это читатель находитъ въ разбираемомъ сочиненіи почтеннаго професора, который все это подробно излагаетъ, все это подробно обсуждаетъ и всему этому опредѣляетъ мѣсто и цѣну. Но все это составляетъ только незначительную часть обширнаго труда, предпринятаго г. Андреевскимъ,—труда, который по его плану долженъ состоять изъ двухъ томовъ, вѣроятно, одинаково объемистыхъ; а предлежащій первый имѣетъ болѣе 800 страницъ, или болѣе 50 печатныхъ листовъ. Думаю, что сомнѣнія быть не можетъ въ полнотѣ изложенія. Познакомимся съ содержаніемъ перваго тома.

«Введеніе», составляя общую часть труда г. професора, излагаетъ понятіе о полицейскомъ правѣ, коренные законы науки о полиціи, источ-

Digitized by Google

ники полицейскаго права и наконецъ исторію какъ полиціи, такъ и науки о ней; при чемъ авторъ заявляетъ, что эта исторія, здѣсь помѣщаемая, составляетъ только краткій очеркъ исторіи полиціи, читаемый вполнѣ для студентовъ административнаго отдѣла факультета. Слѣдующая за исторіей система полицейскаго права раздѣляется на двѣ части: на полицію безопасности и на полицію благосостоянія, изъ которыхъ первая вся вошла въ составъ изданнаго тома, такъ что во второмъ и послѣднемъ будетъ представлена вся полиція благосостоянія какъ духовнаго, такъ и матеріальнаго. Изданная теперь *полиція безопасности* состоитъ изъ двухъ раздѣловъ, а именно: изъ ученія о «предупрежденіи опасностей, могущихъ явиться отъ злой воли человѣка», и изъ ученія о «предупрежденіи и удаленіи опасностей, не зависящихъ прямо отъ человѣческой воли». Къ первому раздѣлу отнесено въ оглавленіи книги, во первыхъ, предупрежденіе опасностей, могущихъ явиться какъ для отдѣльнаго гражданина, такъ и для цѣлаго общества и государства, и потому вызываетъ наблюденіе за обществами и асоціаціями, за сборищами народа, за путешествующими, за устнымъ словомъ, письмомъ и печатью. Къ тому же раздѣлу относится, во вторыхъ, предупрежденіе опасностей, грозящихъ правительству, съ предупрежденіемъ возстаній, возмущеній, измѣны, расхищеній государственной собственности; въ третьихъ, предупрежденіе опасностей, могущихъ явиться для отдѣльнаго лица, съ ученіемъ о мѣрахъ противъ воровъ и мошенниковъ, противъ опасностей, угрожающихъ жизни и здоровью, свободѣ и имуществу лица. Раздѣлъ второй содержитъ предупрежденіе опасностей, могущихъ явиться отъ ненадлежащаго количества народонаселенія, отъ болѣзней, отъ различныхъ несчастныхъ случаевъ, отъ недостатка продовольствія, отъ нищеты и бѣдности, отъ пожаровъ, наводненій и градобитія.

Кто сколько нибудь знакомъ съ предметомъ, о которомъ здѣсь толкуется, ясно увидитъ, что содержаніе перваго тома «полицейскаго права» вполнѣ обнимаетъ вопросы, вносимые сюда всѣми писателями по части полиціи предупрежденія, начиная съ Деламара, французскаго писателя начала XVIII, равно какъ съ фонъ-Берга, нѣмецкаго писателя конца XVIII столѣтія, и кончая Р. Молемъ и Штейномъ, современными намъ писателями, авторитетами въ дѣлѣ. Итакъ, полнота содержанія, какъ и полнота изложенія не оставляютъ ничего желать болѣе. Прибавимъ, что авторъ держится, какъ онъ говоритъ, сравнительнаго метода, и читатель повсюду находитъ указанія на то, какъ извѣстный вопросъ рѣшается по законамъ Англіи, Франціи, Австріи, или Пруссіи и, наконецъ, у насъ въ Россіи, гдѣ, въ заключеніе, излагаются тѣ или другія соображенія и проекты, равно какъ мѣры и средства разныхъ земствъ, уѣздныхъ и губернскихъ, и разныхъ управъ, сколько то можно было собрать въ данное время. При этомъ не упущены изъ виду статистическія данныя, объясняющія положеніе вопросовъ и ихъ рѣшеніе. Итакъ, право

Digitized by Google

автора на благодарность публики за богатство матеріала, который вносится имъ въ русскую литературу, не можетъ подлежать сомнѣнію. Читая книгу г. Андреевскаго, чувствуется, что при ея посредствѣ владѣешь полнотой литературы по части полицейскаго права, весьма значительнымъ запасомъ историческихъ фактовъ, въ которыхъ выразилось развитіе полицейскаго права, и знакомствомъ съ положительными законодательствами Запада и отечества. Чего же можно бы пожелать для возможнаго совершенства дѣла? Чего недостаетъ сочиненію почтеннаго професора,—ну, хоть по личному воззрѣнію рецензента?

Начнемте читать книгу съ первой страницы «Введенія»: «Для жизни человѣка, для развитія его способностей и возможности достиженія его человѣческихъ цѣлей необходимы извѣстныя условія: между ними главнѣйшее мѣсто занимаютъ безопасность и благосостояніе. Условіе безопасности обезпечивается предупрежденіемъ и пресѣченіемъ опасностей, могущихъ грозить какъ отъ злой воли другихъ людей, такъ и отъ силъ природы и различныхъ несчастныхъ случаевъ. Условіе благосостоянія достигается возможностью пріобрѣсти и пользоваться извѣстнымъ количествомъ благъ матеріальныхъ и, кромѣ того, возможностью достигать извѣстнаго развитія духовнаго. Для созданія такихъ условій недостаточно отдѣльныхъ, единичныхъ силъ человѣка: необходима совокупная дѣятельность людей; такая дѣятельность является въ государствѣ. Такая дѣятельность цѣлаго государства (отдѣльныхъ лицъ, союзовъ, общества и правительства) есть дѣятельность полицейская въ обширномъ смыслѣ. Полицейская дѣятельность въ тѣсномъ смыслѣ, то есть, полицейская дѣятельность правительства, заключается въ наблюденіи за предпріятіями частныхъ лицъ, союзовъ и обществъ и въ принятіи съ своей стороны мѣръ для обезпеченія извѣстныхъ условій при недостаточности частной и общественной дѣятельности». «Изучить положительное полицейское законодательство—имѣетъ цѣлію полицейское право», при помощи «началъ, представляемыхъ наукою полиціи», которая, съ своей стороны, должна пользоваться содѣйствіемъ: 1) политической экономіи, или науки о законахъ экономическихъ, 2) соціологіи, или науки о законахъ соціальныхъ, и 3) политики».

Въ этихъ строкахъ авторъ выразилъ все свое воззрѣніе на предметъ; на этихъ словахъ онъ основалъ все зданіе своей науки; отсюда онъ вывелъ все оправданіе всѣхъ своихъ положеній, и, допустивши эти начала, читателю останется только соглашаться съ авторомъ и страдательно, пасивно слѣдовать за нимъ отъ ученія къ ученію. Но все ли въ этомъ основномъ мѣстѣ книги точно, ясно, доказано, безспорно? Всмотримся поближе и попристальнѣе.

Такъ, по автору, «полицейское право имѣетъ цѣлію изучить положительное полицейское законодательство». Выраженіе, конечно, неточное: не только полицейское, но никакое право не изучаетъ, а потому не можетъ имѣть цѣлію изучить положительное законодательство, которое со-

Digitized by Google

стоитъ изъ суммы изданныхъ въ странѣ законовъ и отличается отъ своего положительнаго права тѣмъ, что въ правѣ эти законы мотивируются и систематизируются или представляются въ ихъ принципахъ, выводахъ и въ стройномъ, логическомъ порядкѣ. Между тѣмъ и другимъ нѣтъ такого существеннаго различія, по которому одно служило бы другому только матеріаломъ, а другое дѣятельною силой. Ученый юристъ изучаетъ положительные законы и строитъ изъ нихъ положительное право этой страны,—никто болѣе. Итакъ, въ приведенныхъ словахъ автора нѣтъ и намека на опредѣленіе полицейскаго права. Но, виноваты, въ полномъ составѣ фразы значится, что дѣло идетъ не о самомъ полицейскомъ правѣ, а о положительной наукѣ—полицейскомъ правѣ, каковая наука имѣетъ означенную цѣль — изучить положительное полицейское законодательство, разъясняемое началами науки полиціи. Дѣло принимаетъ другой видъ, уже довольно сложный. Предполагается, что въ данной странѣ существуетъ полицейское законодательство, которое подвергается изученію со стороны какой-то положительной науки—полицейскаго права, съ своей стороны, заимствующей начала изъ науки полиціи. Для изученія положительнаго полицейскаго законодательства употребляются двѣ науки: одна положительная—полицейское право, а другая—вообще наука полиціи. Очевидно, что положительная наука—полицейское право—не самостоятельна, своихъ началъ не рождаетъ и не имѣетъ, а заимствуетъ ихъ готовыми изъ науки полиціи. Стало быть, все въ полицейскомъ правѣ основано на наукѣ полиціи?—Увы, нѣтъ! Идите дальше и выше. Объ этой наукѣ полиціи авторъ говоритъ, что она не можетъ обойтись безъ содѣйствія политической экономіи, соціологіи и политики,—стало быть, она, эта наука полиціи, также несамостоятельна, состоя изъ началъ, выработанныхъ частію политическою экономіей, частію соціологіей и частію политикой. Итакъ, въ изложеніи, на прим., полицейскаго русскаго права надобно сначала изложить политическую экономію, затѣмъ соціологію и наконецъ политику, только для того, чтобы познакомиться съ наукою полиціи, и уже затѣмъ перейти къ положительной наукѣ—полицейскому праву, откуда объяснится полицейское русское право. Нельзя при этомъ не ощутить нѣмецкаго духа въ разбираемомъ сочиненіи и того тяжелаго, сложнаго пріема, который весь посвящается изученію путей къ цѣли, а не къ ея достиженію. Для того, чтобъ узнать положительное русское полицейское законодательство, требуется изучить положительную науку—полицейское право, которая, съ своей стороны, требуетъ изученія науки полиціи, а эта, въ свою очередь, требуетъ напередъ изученія науки политической экономіи, соціологіи и политики, въ свой чередъ, весьма вѣроятно, требующихъ частію построенія и созданія, какъ соціологія, частію знакомства съ другими науками: статистикой, исторіей и т. д. Однимъ словомъ, для того, чтобъ изучить полицейское законодательство

Digitized by Google

страны, нѣтъ у человѣка ни средствъ, ни времени,—это ars longa, longissima, infinita. Но такъ ли въ самомъ дѣлѣ?... Говоря о разныхъ формахъ полицейской дѣятельности, авторъ, кажется, не говоритъ ничего мудренаго. Перейдемъ къ этимъ болѣе простымъ положеніямъ и повторимъ прочитанное вкратцѣ.

«Для жизни человѣка, развитія его способностей и возможности достиженія его человѣческихъ цѣлей необходимы извѣстныя условія; между ними главнѣйшее мѣсто занимаютъ безопасность и благосостояніе». «Условіе безопасности обезпечивается предупрежденіемъ опасностей, условіе благосостоянія достигается возможностью пріобрѣсти то или другое благо. Для созданія этихъ условій недостаточно отдѣльныхъ силъ человѣка: необходима совокупная дѣятельность людей, которая именуется полицейскою». Короче, проще и яснѣе невозможно выразиться, желая опредѣлить предметъ полицейскаго права, или права на описанную полицейскую дѣятельность; а это опредѣленіе одно составляетъ существенное основаніе въ дѣлѣ. Зная свойство полицейской дѣятельности, легко уже построить ученіе о полицейскомъ правѣ, съ его субъектами, объектами, предѣлами власти и т. п. Но въ такой ли степени эти выраженія автора точны, вѣрны и основательны, въ какой кратки, просты и ясны?... Въ этомъ весь вопросъ, для рѣшенія котораго подвергнемъ анализу приведенныя строки.

Очевидно 1) что авторъ говоритъ въ этомъ мѣстѣ о человѣкѣ и человѣческой жизни, противуполагая такимъ образомъ человѣка гражданину и подданному, которыхъ упоминанія при этомъ тщательно избѣгаетъ. Онъ говоритъ о жизни человѣка и о развитіи его способностей, о достиженіи человѣческихъ цѣлей, о недостаточности силъ отдѣльнаго человѣка, о необходимости совокупнаго дѣйствія людей. Но, въ такомъ случаѣ, требовалось рѣзко и точно отдѣлить идею человѣка отъ понятія гражданина и подданнаго, совмѣщаемыхъ каждымъ изъ насъ въ государствѣ. Какъ гражданинъ, я имѣю роль въ области гражданскаго, имущественнаго права, съ его собственностью и договорами; какъ подданный, я нахожусь подъ дѣйствіемъ тѣхъ и другихъ законовъ о государственной службѣ и повинностяхъ; какъ человѣкъ, я живу и ищу человѣческой жизни, человѣческихъ благъ, человѣческихъ цѣлей—удобства, разумныхъ наслажденій, развитія способностей и т. д., и т. д. И совершенно правъ нашъ авторъ, дѣлая такое различіе, потому что подданство и гражданство, въ указанномъ смыслѣ, не исчерпываютъ всей нашей жизни, и, будучи гражданами и подданными, мы не перестаемъ быть людьми. Положеніе, имѣющее право назваться аксіомой въ исторіи, философіи, въ правѣ, но особенно въ полицейскомъ правѣ, гдѣ со временъ Вольфа, Деламара и Берга повсюду говорится то о совершенствованіи человѣка, то о félicité parfaite, то о благосостояніи, Wohlfahrt, и т. д.

2) Такъ же очевидно, что нашъ авторъ говоритъ въ приведенномъ мѣ-

Digitized by Google

стѣ о цѣляхъ человѣческой жизни, о цѣляхъ человѣка, хотя называетъ ихъ условіями,—конечно, нарушая точность мысли. Нельзя сказать, чтобы благосостояніе составляло собою условіе для жизни, какъ сказано въ первой фразѣ автора, впрочемъ допустившаго здѣсь особенно много неточностей. Такъ, на примѣръ, «жизнь человѣка», «развитіе способностей» и «возможность достиженія человѣческихъ цѣлей»—все это весьма различныя понятія, и потому для жизни требуется одно, для развитія способностей—другое. Для жизни человѣка, въ смыслѣ бытія, нуженъ свѣтъ, воздухъ, вода, пища, теплота—предметы физическіе; а для развитія способностей памяти, воображенія, разсудка, совѣсти, религіозности требуется воздѣйствіе людей, общества человѣческаго. Тутъ природа ничего намъ не поможетъ. Безъ языка развитіе человѣка невозможно, а языкъ—продуктъ общественности, достояніе народа. Итакъ, можно ли для жизни человѣка, для развитія его способностей и для достиженія человѣческихъ цѣлей указывать одно или два общихъ условія?—Конечно, нѣтъ; а потому самъ авторъ, говоря объ этихъ условіяхъ, принужденъ выразиться весьма неопредѣленно, упоминая объ *извѣстныхъ*, собственно неизвѣстныхъ, условіяхъ, изъ которыхъ безопасность и благосостояніе занимаютъ только *важнѣйшее мѣсто*. Какія же другія условія?... Съ другой стороны, мы уже замѣтили, что благосостояніе, въ смыслѣ счастія и благополучія, не есть только условіе, но сама цѣль, и притомъ такая, что обнимаетъ собою и безопасность. Всякому извѣстно, что безъ обезпеченія или безопасности невозможно говорить о благосостояніи. Ставить безопасность и благосостояніе на одну линію нелогично. Итакъ, если вы говорите объ условіяхъ жизни, ея развитія и т. д., то назовете безопасность; если же толкуете о жизни и человѣческихъ цѣляхъ, то остановитесь на счастіи и благосостояніи. Очевидно, авторъ чувствовалъ дисгармонію въ словахъ, и потому въ послѣдующихъ строкахъ и даже въ послѣдующемъ изложеніи онъ прибѣгаетъ къ нѣмецкому способу выраженія и уже не упоминаетъ о безопасности или благосостояніи, а исключительно ведетъ рѣчь объ *условіяхъ* безопасности и благосостоянія,—о томъ, какъ эти условія обезпечиваются, достигаются, созидаются. Слово *условіе* примирило рознь въ понятіяхъ несовмѣстимыхъ, но зато отдалило мысль отъ настоящаго дѣла и помѣшало идти прямо къ цѣли.

3) Очевидно далѣе, что въ приведенномъ мѣстѣ авторъ говоритъ объ этомъ шествіи къ цѣли и дѣлу, называя это шествіе дѣятельностью. Дѣйствовать должно, чтобы достигнуть благосостоянія и безопасности, и вотъ основа всего вопроса, его оправданіе, его cardo maximus. Кто долженъ дѣйствовать?... По-нашему, вполнѣ впрочемъ согласно съ приведенными идеями автора,—человѣкъ, и только человѣкъ, потому что рѣчь идетъ объ его человѣческой жизни, о человѣческомъ достоинствѣ, объ его человѣческихъ цѣляхъ,—все равно, одинъ ли, своими усиліями, или

Digitized by Google

какъ авторъ допускаетъ, совокупною дѣятельностью, вмѣстѣ съ другими людьми, но *съ людьми*. Но автору хотѣлось другаго вывода, и тутъ-то пригодилось ему употребленное, какъ будто всполь, слово: условіе, откуда является возможность отдѣлить прямое шествіе къ цѣли, уступаемое человѣку, отъ созданія условій благосостоянія и безопасности, которое онъ переноситъ на государство. Отсюда у него вышло, что созданіе условій совершается государственною дѣятельностью въ обширномъ или тѣсномъ смыслѣ, а потому—полицейскою. Нѣтъ, мы предпочитаемъ простые обороты сложнымъ и признаемъ автора обязаннымъ держаться одного даннаго имъ направленія мысли; а держась этого направленія, мы должны допустить, что наше человѣческое счастіе, благополучіе, благосостояніе достигаются нашею человѣческою дѣятельностью, нашимъ трудомъ, нашею волею, и если для успѣха этой дѣятельности, этого труда, необходимо соединиться, то мы соединимся съ людьми, то есть, въ человѣческія общества, въ семьи, общины, земства,—въ народъ. Исторія доказала, что народы, какъ народы, не имѣютъ другаго основанія для своего бытія, какъ соединеніе человѣческой дѣятельности въ направленіи къ достиженію человѣческихъ цѣлей, или къ осуществленію человѣческихъ интересовъ, на примѣръ, образованія языка, единаго исповѣданія, одного народнаго просвѣщенія, развитія народной промышленности и т. д. Какъ скоро дѣло идетъ о политикѣ, порядкѣ, безопасности, могуществѣ, вообще о силѣ народа,—тутъ являются государство и строй гражданскій. Вотъ почему какъ человѣка мы противуполагаемъ гражданину, такъ народъ—государству. Конечно, все совершается въ государствѣ, то есть, въ предѣлахъ данной страны, но не все государствомъ, а тѣмъ менѣе полиціею, которая, вмѣшиваясь у насъ съ XVIII вѣка, на примѣръ, въ дѣло народнаго просвѣщенія, ищетъ для того особыхъ мотивовъ—или въ службѣ, какъ при Петрѣ I,—или въ филантропіи, какъ при Екатеринѣ II и при дѣйствіи ея «приказовъ общественнаго призрѣнія»—чего-то въ родѣ современной идеи о нашихъ меньшихъ братьяхъ, и чрезъ то съуживаетъ, стѣсняетъ народное просвѣщеніе. Смѣшно теперь назвать родителей, воспитывающихъ дѣтей своихъ въ страхѣ Божіемъ и развивающихъ ихъ дѣтскія способности,—полицейскими агентами; нелѣпо было бы сказать о професорѣ богословія, или философіи, или права и математики, что его преподавательская дѣятельность есть дѣятельность полицейская. Такая нелѣпость была бы столь же поразительна, какъ еслибы кто сказалъ, что труды Карамзина или Пушкина—труды полицейскіе. Пора, давно пора намъ, русскимъ, отдѣлаться отъ иноземнаго, столь неудачнаго слова и поискать другаго, которое было бы болѣе въ гармоніи съ дѣломъ, хоть слѣдуя примѣру тѣхъ же нѣмцевъ, введшихъ насъ въ заблужденіе и теперь уже отказывающихся мало по малу отъ этого заблужденія, судя по усиліямъ Штейна, фонъ Инама, Штернегга и другихъ. Нашъ почтенный професоръ, очевидно, уже на пути къ тому.

Digitized by Google

Ибо 4) очевидно, что вмѣстѣ съ Р. Молемъ, Штейномъ, Гельдомъ и другими, онъ уже отдѣляетъ общество отъ государства, и, стало быть, долженъ отдѣлять цѣли общества отъ задачи государства, дѣятельность общества отъ дѣятельности государства, а потому и право общества отъ права государства. Ему только не пришлось остановиться подолѣе на особенностяхъ общества и государства, изъ которыхъ государство ему такъ спеціально извѣстно, судя по его курсу «государственнаго права». Но именно по тому, что онъ частію спеціалистъ въ государственномъ правѣ, онъ естественно увлекся и величіемъ государства и не довольно оцѣнилъ человѣческое общество. О немъ говоритъ нашъ авторъ,—говоритъ часто, говоритъ многообразно, но не опредѣляетъ его въ существѣ и въ точности, хотя, какъ я сказалъ, упоминаетъ обо всѣхъ его видахъ: и о семьѣ, и общинѣ, и о земствѣ и о народѣ. Очевидно, нашъ авторъ подчинился смутнымъ воззрѣніямъ нѣмецкихъ ученыхъ, говорящихъ о Gesellschaft, Verein, Association, Landschaft весьма сбивчиво. Въ этомъ отношеніи, кажется, стóитъ вниманія моя попытка отдѣлить общества человѣческія отъ обществъ гражданскихъ, договорныхъ и политическихъ, государствомъ вызываемыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждое изъ послѣднихъ, слѣдовательно, искусственныхъ, представляетъ частное соединеніе или работы, каковы артели,—слово, можетъ быть, отъ нѣмецкаго Arbeitstheil,—или капитала и товара, каковы складчины, товарищества, компаніи, или одинаковости промысла и дѣятельности, каковы цехи, гильдіи, сословія военное и рыцарское, духовное и іерархическое, торговое и земледѣльческое. Напротивъ, соединенія въ семьѣ, въ общинѣ, въ земствѣ, въ церкви, въ народѣ, обнимаютъ всего человѣка, съ его бытіемъ, воспитаніемъ, обученіемъ, образованіемъ, съ его вѣрою, совѣстію, моралью, языкомъ, развитіемъ и съ его физическимъ бытомъ. Эти соединенія должно назвать человѣческими, естественными, и они-то, содѣйствуя отдѣльнымъ лицамъ во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ, сами отъ частныхъ лицъ, ихъ произвола и ихъ частныхъ цѣлей не зависятъ; и эти-то естественныя общества созидаютъ благосостояніе человѣка—и никто болѣе. Общество вѣрующихъ, церковь, въ дѣлѣ вѣры и морали, народъ съ его языкомъ и воззрѣніями на истину въ дѣлѣ разумнаго развитія, равно какъ съ его матеріальною дѣятельностію или народною промышленностью—вотъ главный дѣятель въ дѣлѣ достиженія благосостоянія человѣческаго, и дѣятель исключительный, требующій невмѣшательства. Отсюда—стремленіе церкви къ самостоятельности, движеніе науки и искусства къ свободѣ, равно какъ право промышленности на независимость, по началу: laissez faire. Конечно, мы такъ еще не привыкли къ самостоятельности и къ автономіи, въ полномъ значеніи, что хотя законъ, на примѣръ, о земскихъ учрежденіяхъ или о городовомъ положеніи 1870 г. вовсе не говоритъ о *самоуправленіи*, говоря положительно о *самостоятельности*, но мы толкуемъ законъ только съ

Digitized by Google

точки зрѣнія *управленія*, упуская изъ виду, что самоуправленіе есть только слѣдствіе высшаго, обширнѣйшаго права—самостоятельности и автономіи. Есть даже положеніе въ сочиненіи кн. Васильчикова, что русскій законъ поступилъ не довольно разумно въ сравненіи съ законами другихъ странъ, предоставивъ учрежденіямъ право издавать обязательныя для подчиненныхъ мѣстъ распоряженія,—родъ законодательной власти. Есть много и такихъ, которые считаютъ предоставленное законами нашимъ сходкамъ и волостнымъ судамъ право рѣшать дѣла сельскія неудобнымъ. Мало ли мнѣній? Но ученый юристъ въ томъ долженъ видѣть свою задачу, чтобы повсюду въ законахъ отыскивать признаніе личности и свободы, и выяснять то обществу. Еслибы нашъ ученый авторъ не увлекся созерцаніемъ государства, а изучилъ общество, какъ субъектъ особаго права, его система приняла бы другой видъ, другое основаніе, другое настроеніе и, смѣемъ думать, получила бы значеніе труда вполнѣ самостоятельнаго и вполнѣ основательнаго.

Обратимся за доказательствами къ самой книгѣ. Она дѣлится, какъ сказано, на ученіе или полицію безпасности, и на ученіе или полицію благосостоянія. Первый (изданный) томъ трактуетъ о безопасности. Всякій думаетъ, что ему извѣстно понятіе о безопасности; между тѣмъ рѣдкіе рѣшатъ вопросъ, безопасно ли для Россіи не имѣть своего Кронштадта въ Черномъ морѣ, или своего бѣломорскаго флота, и т. п.— Почему? Очевидно по тому, что безопасность—понятіе сложное, и, по крайней мѣрѣ, имѣетъ два значенія: частной и государственной безопасности, не различаемой у автора, который потому вводитъ въ заблужденіе читателя. Впрочемъ, хотя въ началѣ «Введенія» авторъ выражается вообще, говоря, что «для жизни человѣка и т. п. необходима безопасность», не отличая человѣческой безопасности отъ безопасности государственной, столько для жизни необходимой, какъ извѣстно изъ военныхъ событій,—но вслѣдъ затѣмъ онъ точнѣе обозначаетъ ту безопасность, которую дѣлаетъ предметомъ своихъ изслѣдованій и которая состоитъ въ противодѣйствіи злой воли другихъ людей, силамъ природы и несчастнымъ случаямъ. Итакъ, авторъ этими положеніями точнѣе выражаетъ свою мысль,—но только точнѣе, чѣмъ въ предыдущихъ словахъ, а все же не вполнѣ точно. Дѣло въ томъ, что нашествіе непріятеля на Россію въ 1812 г. и его нападеніе на Севастополь или на Соловецкій монастырь впослѣдствіи мы, русскіе, считали и считаемъ продуктомъ злой воли французовъ, англичанъ и ихъ правителей. Злою волею, вообще волею, опредѣляются всѣ опасности, грозящія намъ со стороны человѣка, въ противуположность вліянію на насъ природы. Стало быть, не въ волѣ дѣйствующаго должно искать основаніе для различенія безопасности частной и государственной, а въ особенности лица или субъекта, подвергающагося той или другой опасности. И мы не даромъ привыкли говорить о безопасности государственной и частной, а

Digitized by Google

если допустимъ общество, то будемъ говорить и о безопасности общественной. По-нашему, необходимо допустить это троякое раздѣленіе въ понятіи безопасности, по тройственности субъектовъ жизни и дѣятельности. Сверхъ того, допустивши эту тройственность, необходимо обратить вниманіе на объективную сторону безопасности, то есть, на природу зла, намъ грозящаго, а не на чувства субъекта, подвергающагося опасности, какъ то дѣлаетъ авторъ въ ущербъ опредѣленности своихъ положеній.

Сказавъ въ началѣ «Введенія», что безопасность обезпечивается и предупрежденіемъ и пресѣченіемъ опасностей, могущихъ грозить тому, другому, г. професоръ строго держится этого положенія, какъ мы уже видѣли изъ его «Оглавленія». Но почему кто самъ знаетъ, гдѣ, когда и какія *грозятъ* ему опасности на мостахъ, на чугунныхъ дорогахъ, на пароходахъ, въ театрѣ, въ гостяхъ, у него въ домѣ?—Кабы знать гдѣ упадешь, подложилъ бы соломки. А между тѣмъ эти грозящія опасности надо, говорятъ, предупредить, пресѣчь, и притомъ, на примѣръ, посредствомъ полиціи. Не зависитъ ли часто отъ мнительности того, другаго лица, что опасности для него рождаются, выростаютъ и множатся съ каждымъ поворотомъ его головы, вверхъ ли, вправо и влѣво? Какъ же можно взяться за изложеніе ученія о томъ, какъ предупредить и пресѣчь опасности, могущія грозить отдѣльному лицу или правительству?—Есть и правительства столь же мнительныя, какъ отдѣльныя лица. Итакъ, еще разъ, говоря о безопасности, должно обратить вниманіе на его объективную сторону, и именно на то, что̀ должно въ данномъ отношеніи назвать зломъ. Человѣкъ ищетъ благосостоянія, и въ то же время силится избѣжать зла и вреда, и если стремленіе къ благосостоянію составляетъ его право, то ему же принадлежитъ право и власть охранять себя и свое. Вотъ существенное основаніе для раздѣленія разсматриваемаго предмета, или такъ называемаго полицейскаго права, на полицію благосостоянія и охраненія. Но только охраненія. Предупрежденіе и пресѣченіе весьма часто не достигаютъ цѣли; а въ отношеніи къ предупрежденію человѣческихъ дѣяній всегда заходятъ далѣе цѣли и стѣсняютъ свободу человѣка. Начнемъ съ послѣдняго вопроса, поставленнаго въ книгѣ первымъ, естественно для того, чтобы на первыхъ же порахъ заставить читателя признать вѣрность взгляда, будто все дѣлается полиціею, подобно тому, какъ то бываетъ въ дѣлѣ предупрежденія и пресѣченія преступленій. О нихъ, читатель, именно о нихъ, о преступленіяхъ, трактуетъ первый раздѣлъ первой части полицейскаго права г. Андреевскаго, что уже ясно изъ заглавія: о предупрежденіи опасностей, могущихъ явиться отъ злой воли человѣка.

Если волю называемъ доброю тогда, когда она сообразна съ началами вѣры, морали, права, разума, то, конечно, злою назовемъ ту, которая нарушаетъ начала вѣры, любви, справедливости, истины. Но авторъ

Digitized by Google

подъ явленія злой воли подводитъ только извѣстныя, но уголовнымъ законамъ наказуемыя, проявленія частныхъ обществъ и ассоціацій, народныхъ сборищъ, безпаспортныхъ лицъ, или извѣстныя проявленія въ устномъ словѣ, на письмѣ и въ печати, или, какъ авторъ говоритъ уже словами законовъ,—возмущенія, бунты, измѣну, воровство, грабежъ, нападеніе на честь, жизнь, здоровье, или на имущества лицъ, на фрукты, овощи и т. д. Становится несомнѣннымъ, что авторъ вноситъ въ свою полицію безопасности законы и мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленій, которыя, какъ всякому извѣстно, составляютъ область уголовнаго права, уголовнаго закона и законодательства, гдѣ исключительно установляются понятія о преступленіи, о покушеніи, объ участіи въ преступленіи и о приготовленіи къ преступленію, такъ же точно, какъ и о наказаніи. И если наказаніе, повсюду исполняемое полиціей, не отдѣляется отъ уголовной области, то, конечно, нельзя отъ нея отдѣлить ни предварительнаго или судебнаго слѣдствія, ни предупрежденія преступленій, дѣлающаго изъ нихъ только приготовленія, ни пресѣченія, превращающаго преступленіе въ покушеніе. Это—область уголовнаго закона и государственнаго права, которая своимъ преддверіемъ считаетъ полицію предупрежденія, а своею выходною дверью—полицію, исполняющую приговоры, но во всякомъ случаѣ полицію. Весьма находчиво назвали нѣмцы предупрежденіе и пресѣченіе преступленій предварительною юстиціею, Praeventivjustiz. Самъ положительный русскій законъ усвояетъ предупрежденіе только лицамъ, *власть имѣющимъ*, отъ капитановъ на корабляхъ до старостъ и десятскихъ въ селахъ и деревняхъ. Нигдѣ и никогда, за исключеніемъ событій, подобныхъ парижскимъ 1871 г., не дозволено отдѣльнымъ лицамъ или частнымъ людямъ закрывать частныя общества, разгонять сборища, прекращать изданіе газетъ, уничтожать бунты, хватать измѣнниковъ отечества, какъ-бы то слѣдовало по теоріи автора, который предоставляетъ все въ полиціи иниціативѣ частныхъ лицъ, а государству уступаетъ только надзоръ да помощь на случай недостаточности силъ у этихъ частныхъ лицъ. Тутъ такъ и вѣетъ и рѣетъ духъ Р. Моля.

II-й раздѣлъ полицейскаго права, говорящій о безопасности отъ дѣйствія силъ природы и другихъ несчастныхъ случаевъ, нисколько не вяжущійся съ первымъ раздѣломъ о предупрежденіи преступленій, долженъ убѣдить всякаго, что система автора невѣрна, что сложеніе произведено съ ошибкой, что сложено механически два огурца и двѣ шляпы—величины несоизмѣримыя. Въ этомъ второмъ раздѣлѣ дѣйствуютъ человѣкъ и человѣческое общество, тогда какъ въ первомъ дѣйствуетъ одна полиція съ исключеніемъ человѣка и общества, или даже противъ человѣка и общества. Самъ авторъ лучше другихъ чувствовалъ эту дисгармонію, и потому 1) озаглавилъ свой второй отдѣлъ выраженіемъ: предупрежденіе и удаленіе опасностей, не зависящихъ *прямо* отъ человѣ-

Digitized by Google

ческой воли, хотя во введеніи называетъ ихъ же происходящими прямо отъ силъ природы и другихъ несчастныхъ случаевъ, слѣдовательно, безъ участія человѣческой воли. Идея воли должна была служить связью между I-мъ и II-мъ раздѣлами. Для той же цѣли 2) авторъ начинаетъ свой второй раздѣлъ ученіемъ о предупрежденіи опасностей, могущихъ явиться отъ ненадлежащаго количества народонаселенія, или слишкомъ большаго, или слишкомъ малаго, предполагая, что эти явленія чрезмѣрности. хоть частію, зависятъ отъ браковъ,—явленія воли, и потому даютъ поводъ полиціи принять мѣры, содѣйствующія увеличенію и уменьшенію населенія. Построивши такой мостикъ для перехода, авторъ уже ведетъ читателя къ ученію о мѣрахъ противъ болѣзней, противъ неурожаевъ и голодовъ, противъ бѣдности и нищеты, противъ пожаровъ, наводненій, градобитія,—вообще, какъ онъ выражается, противъ силъ природы и несчастныхъ случаевъ. Но, при самомъ бѣгломъ взглядѣ на предложенные авторомъ вопросы, невозможно не видѣть, что въ первомъ раздѣлѣ полиція имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, а во второмъ—съ природою внѣшнею, и что поэтому невозможно даже для нея принять одинаковыя мѣры въ этихъ различныхъ направленіяхъ,—мѣры предупрежденія и пресѣченія. Что можемъ мы дѣлать и сдѣлать съ животными, того не позволитъ ни разумъ, ни законъ предпринять противъ человѣка.

Нельзя безнаказанно даже писать противъ человѣка и народа и, на примѣръ, противъ его размноженія, какъ противъ размноженія вредныхъ животныхъ, потому что размноженіе народонаселенія есть размноженіе человѣчества, размноженіе народовъ, размноженіе городовъ, размноженіе селъ, размноженіе общинъ, семействъ и вообще разумныхъ существъ. Позволительно ли сомнѣваться въ наше время въ той исторической, фактической истинѣ, что бытіе народа есть его неотъемлемое право, что это бытіе само ведетъ его къ размноженію, что размноженіе народа есть признакъ цивилизаціи, что съ размноженіемъ народа расширяется его народность, а съ развитіемъ народности развиваются и государственность, и право, и образованіе, и просвѣщеніе? И гдѣ найдете вы правительство, государство, не говоря уже о полиціи, которыя бы дѣйствовали противъ умноженія народа, противъ народонаселенія? Не существуетъ же народъ для полиціи, а, на оборотъ, заводится полиція и все для народа, котораго умноженіе только опредѣляетъ задачи для всѣхъ учрежденій. Положительные законы, этотъ продуктъ народной жизни, у всѣхъ народовъ цивилизованныхъ только освящаютъ, обезпечиваютъ браки и семейное право, а не противодѣйствуютъ имъ. Самъ авторъ въ этой главѣ о народонаселеніи, столь неестественно примкнутой имъ къ полиціи предупрежденія, видимо воздерживается отъ подачи своего мнѣнія и ограничивается только указаніями на то, что тѣ, другіе нѣмцы и политико-экономы полагаютъ, доходятъ до заключенія, до вывода и т. п. Во всемъ этомъ виноватъ Р. Моль. Нѣтъ, вопросъ о народонасе-

Digitized by Google

ленія есть основной вопросъ другаго порядка, подобно вопросамъ о свободѣ народа, о правѣ народа на его землю, на его осѣдлость, на его единство, на его исповѣданіе, просвѣщеніе, промышленность, самоохраненіе отъ внѣшней природы и отъ личнаго произвола. Сверхъ того, вопросъ о народонаселеніи есть вопросъ, необходимо, объ умноженіи народа,—иначе, безсмыслицей окажутся всѣ законы о сохраненіи народнаго здравія и жизни отъ болѣзней и голода.

Наконецъ, мы не согласны съ авторомъ относительно нѣкоторыхъ частностей и подробностей, излагаемыхъ имъ въ ученіи о предупрежденіи и удаленіи опасностей, могущихъ произойти отъ силъ природы, какъ онъ выражается во «Введеніи». Противъ силъ природы нѣтъ средствъ у человѣка, и борьба противъ электричества, магнетизма, притяженія, движенія и т. п. началъ и силъ—не по силамъ человѣка, а тѣмъ менѣе по силамъ полиціи или полицейскаго права со всею полицейскою наукой. Мы не призваны бороться даже противъ законовъ природы, каковы смерть, разрушеніе, тлѣніе и т. п. Никакія полицейскія мѣры не спасутъ отъ смерти раздавленнаго, утонувшаго, повѣшеннаго и т. д. Но у человѣка есть борьба съ природою внѣшнею. Противъ чего же?—Только противъ ея явленій, на примѣръ, противъ наводненій, пожаровъ, болѣзней, неурожаевъ, сусликовъ, саранчи, градобитія. Да и та борьба не столько *состоитъ въ самой борьбѣ противъ природы*, сколько въ *извѣстномъ построеніи* человѣческой дѣятельности, направленной къ охраненію и обезпеченію нашихъ имуществъ и нашей жизни и здоровья. И тутъ все дѣло предупрежденія и пресѣченія и страхованія вращается въ предѣлахъ человѣческаго общества и въ области человѣческихъ законовъ, или, какъ я называю, общественнаго права. Два, три примѣра, начиная съ пожаровъ, гдѣ отличаемъ предупрежденіе, пресѣченіе, застрахованіе. Всякому извѣстно, что, на примѣръ, предупредить пожары, хоть частію, можно громоотводами, осторожностію обращенія съ огнемъ и особымъ построеніемъ зданій, а пресѣчь можно устройствомъ или команды и снарядовъ, или непосредственнымъ участіемъ жителей общины въ дѣлѣ тушенія огня. Вездѣ на первомъ планѣ—дѣятельность человѣка и ея извѣстное устройство. Что касается до застрахованія, а особенно взаимнаго и земскаго, оно несомнѣнно принадлежитъ обществу, земству. Но, понимается, что если земство отвѣчаетъ за потери отъ пожаровъ, то должно имѣть право и надзирать и предписывать извѣстныя мѣры и осторожности и построенія и погашенія. Тутъ оно дѣйствуетъ, какъ хозяинъ въ своемъ домѣ. Вотъ почему вопросъ о пожарахъ долженъ войти въ земское, общественное право. То же безспорно должно произойти при разсмотрѣніи вопроса о наводненіи и вообще о сохраненіи имуществъ. Переходя за симъ къ охраненію жизни и здоровья населенія и къ ученію о народномъ продовольствіи и здравіи, мы не можемъ встрѣтить затрудненія въ аналогическомъ его построеніи. Продовольствіе населенія въ

Digitized by Google

краѣ, пораженномъ неурожаемъ, немыслимо безъ запасовъ денежныхъ или натурою, а составленіе такихъ запасовъ можетъ произойти только путемъ взаимнаго застрахованія, слѣдовательно законною, общественною, земскою дѣятельностію. Наконецъ, что касается до ученія о народномъ здоровьѣ, оно въ существѣ не отличается отъ вышеупомянутыхъ, и рѣшеніе его на практикѣ также составляетъ дѣло земства, которое на свой общій счетъ наряжаетъ личный составъ врачей для пресѣченія болѣзней, подобно особой командѣ, равно какъ пріобрѣтаетъ вещества и инструменты для передачи въ распоряженіе этой команды, и наконецъ учреждаетъ больницы и лѣчебницы, которыя, рано или поздно, несомнѣнно будутъ устроены также на правилахъ взаимнаго застрахованія, по образцу больницъ для чернорабочихъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Итакъ, на практикѣ, вопросъ о народномъ здравіи существенно не отличается отъ другихъ подобныхъ вопросовъ земскаго права, и если что можно возразить здѣсь, такъ только относительно государственныхъ учрежденій— карантиновъ, дѣйствующихъ постоянно на границахъ народной земли, а потому находящихся въ вѣдѣніи правительствъ, наравнѣ съ вопросомъ войны и государственной безопасности. Но теорія, такъ называемая, создала изъ этого ученія о народномъ здравіи цѣлые уставы, цѣлое законодательство, подобно тому какъ она же, эта такъ называемая теорія, а въ сущности практика спеціалистовъ, вызвала уставы строительные, пожарные, врачебные, и т. п. Професоръ Андреевскій всѣ эти уставы вноситъ въ свое полицейское право и даже кое-что болѣе, и потому въ своемъ отдѣлѣ о мѣрахъ противъ болѣзней говоритъ, между прочимъ, о предупрежденіи болѣзней и о томъ, что законъ можетъ воспрещать слишкомъ ранніе и слишкомъ поздніе браки. Хорошо говорить такъ: *законъ можетъ*, гдѣ онъ дѣйствительно распоряжается. Тутъ должно было бы указать на истинную причину запрещенія и доказать, что запрещеніе именно имѣетъ въ виду предупредить наслѣдственность болѣзней, которыхъ у брачащихся еще нѣтъ и которыя невозможно передать, при немыслимости рожденія въ случаѣ слишкомъ ранняго, или слишкомъ поздняго возраста брачащихся. Впрочемъ, авторъ употребилъ здѣсь выраженіе: *законъ можетъ*—для того, чтобы, по видимому, такъ же основательно повторить выраженіе при другомъ случаѣ, когда приходится говорить о крайне болѣзненныхъ лицахъ. Авторъ не обинуясь говоритъ, что и тутъ законъ можетъ запретить бракъ, и въ доказательство приводитъ запрещеніе вступать въ бракъ сумашедшимъ и безумнымъ, благоразумно уклоняясь отъ объясненія, почему онъ признаетъ такое запрещеніе разумнымъ,—потому ли, что считаетъ иногда здоровенныхъ сумашедшихъ крайне болѣзненными, или по другой, всякому юристу и даже не юристу очевидной, причинѣ. Переходя затѣмъ къ вопросамъ объ охраненіи чистоты воздуха, удаленіи тѣсноты зданій и помѣщеній, безвредности съѣстныхъ припасовъ и т. д., и т. д., нашъ авторъ все это, конечно, усту-

Digitized by Google

паетъ и передаетъ полиціи, какъ и должно быть по его системѣ. Но кто же изъ насъ не знаетъ, что полиціи вовсе нѣтъ до насъ дѣла, если мы живемъ въ нашей деревенской усадьбѣ, питаемся нами наловленной и запасенною рыбой, нашимъ дома, про себя, испеченнымъ хлѣбомъ, и вслѣдствіе того, что наша усадьба плохо освѣщена и вентилирована, рыба тухла, а хлѣбъ сыръ, не пропеченъ,—по несчастію, заболѣемъ, хоть бы даже весьма опасно? Почему такъ?—Потому, что полиціи предоставлено надзирать за помѣщеніемъ, буде оно отдается внаймы, за мясомъ и рыбою въ продажѣ, на рынкѣ, за хлѣбомъ и квасомъ, также въ продажѣ. Слѣдовательно, надзоръ полиціи мотивируется тѣмъ, чтобы продавецъ не обманывалъ покупщика. А если такъ, то еще одинъ вопросъ предлежитъ къ разрѣшенію: эта историческая функція полиціи должна ли оставаться за нею теперь, когда есть у каждаго изъ насъ и у нашихъ родныхъ законный защитникъ—судъ мировой, окружной и т. п.?

Въ заключеніе позволимъ себѣ спросить у читателя, слѣдившаго за нашимъ изложеніемъ, много ли останется самостоятельныхъ функцій даже у предупредительной полиціи, если признать, что предупрежденіе преступленій должно отойти къ области уголовнаго права и къ судебной полиціи; случаи, подобные охраненію чистоты воздуха и безвредности съѣстныхъ припасовъ—къ суду гражданскому и къ исковому производству, а охраненіе народа отъ голода, болѣзней и особенно отъ нищеты—къ земскому, общественному праву? Какъ скоро согласятся съ нами, что у полиціи останется только исполнительная по наружному порядку дѣятельность, то этимъ отнимется всякій поводъ къ наименованію полицейскимъ такого права, которое, трактуя о человѣческихъ интересахъ, а потому о дѣятельности человѣческаго общества, несомнѣнно должно занять самостоятельное положеніе въ системѣ права, наравнѣ съ церковнымъ и наряду съ частнымъ или гражданскимъ и государственнымъ или политическимъ. Система права, какъ развитіе начала suum cuique, необходимо дѣлится на частное право или право отдѣльныхъ лицъ, и на общественное, публичное, или на право обществъ, подраздѣляющееся также естественно: 1) на церковное, 2) на земское или собственно общественное, и 3) на государственное. Остальные виды права—военное, финансовое, административное и полицейское, равно какъ уголовное—найдутъ легко свое мѣсто среди указанныхъ главныхъ его родовъ. О правѣ общественномъ въ собственномъ значеніи, или о земскомъ и народномъ, намъ придется еще говорить здѣсь, можетъ быть, скоро, по выходѣ въ свѣтъ второй части столько полезнаго сочиненія почтеннаго профессора Андреевскаго, ожидаемой нами, понятно, съ возможнымъ нетерпѣніемъ и большими надеждами. Отчасти мнѣніе, высказанное г. профессоромъ о значеніи Р. Моля въ нѣмецкой литературѣ полицейскаго права (Введ. CCXXVI), мы можемъ отнести къ самому профессору Андреевскому, желая опредѣлить его мѣсто въ литературѣ русскаго полицейскаго права.

Москва. 1871 г. марта 27. **В. Лешковъ.**

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Zur böhmischen Geschichtschreibung. Actenmässige Aufschlüsze und Worte der Abwehr. Von Franz Palacky. Prag. 1871.

Новое сочиненіе знаменитаго чешскаго исторіографа главнѣйшимъ образомъ имѣетъ цѣлью представить столь недостававшій въ чешской литературѣ обзоръ національной исторіографіи и познакомить съ тѣми превратностями, притѣсненіями и задержками, которыя суждено было вынести первенствующему въ ней труду, «Исторіи чешскаго народа», самого Палацкаго. Раскрывая рядъ любопытныхъ фактовъ, характеризующихъ пору возрожденія чешскаго движенія, новое произведеніе Палацкаго служитъ, по выраженію чешскихъ газетъ, исторіею его исторіи. Постепенно вырабатывающійся типъ строго историческаго произведенія, отрѣшающійся отъ лѣтописной формы чуть не въ настоящемъ только столѣтіи, достигаетъ передъ нами своей законченности; нерасположеніе властей, преслѣдованія цензуры давятъ всею силой на складывающійся съ несокрушимою энергіею монументальный трудъ; молодой ученый, обратившій на себя вниманіе, какъ редакторъ музейнаго журнала, мало по малу завоевываетъ себѣ прочное мѣсто въ наукѣ, организуетъ поддержку труда самою страной и въ глазахъ централистскихъ властителей становится исторіографомъ чешскаго королевства. Разсматриваемый съ этой стороны, трудъ Палацкаго имѣетъ важное автобіографическое значеніе и, конечно, послужитъ цѣннымъ матеріаломъ для его жизнеописанія.

Обозрѣвая развитіе чешской исторіографіи, авторъ прямо указываетъ на вѣковое нерасположеніе австрійскаго правительства ко всѣмъ трудамъ, увѣковѣчивавшимъ прошедшія судьбы самостоятельной чешской жизни. Съ семнадцатаго вѣка чешская исторія находилась почти исключительно въ рукахъ духовенства и разныхъ монашескихъ орденовъ, въ особенности іезуитовъ. Нужно было имѣть много патріотизма, чтобы въ сухой и тенденціозной формѣ іезуитской лѣтописи дать хотя изрѣдка волю затаенному чувству; но и это встрѣчается развѣ только у одного Бальбина. Лишь со второй половины прошлаго вѣка, Добнеръ, Пельцль и Добровскій подняли значеніе отечественной исторіи и разработали съ особымъ тщаніемъ нѣкоторые ея эпизоды. Рядомъ съ ихъ одиночными усиліями, іезуиту Пубичкѣ удалось дать ходъ долго не прерывавшемуся затѣмъ изданію чешско-славянской лѣтописи. Найдя себѣ первоначально издателя, онъ, за истощеніемъ его средствъ, прибѣг-

Digitized by Google

нулъ за помощью къ чешскому земству (Stavové čeští); въ широковѣщательной петиціи онъ изъяснялъ земскимъ депутатамъ все значеніе для народа тщательнаго сбереженія преданій о жизни и дѣйствіяхъ его славныхъ предковъ и указывалъ, какъ на патріотическій долгъ, на поддержку изданія лѣтописи чешской. Предложеніе это было принято и, не смотря на нескончаемыя придирки правительства, прекратившіяся лишь въ царствованіе Франца I, лѣтопись Пубички выходила на счетъ земства съ 1779 до 1801 года. Какъ ни несовершенна была форма этого обзора минувшей жизни, но самый фактъ его изданія представительствомъ страны былъ счастливымъ прецедентомъ для будущаго; когда впослѣдствіи возникла мысль объ избраніи Палацкаго исторіографомъ и о приданіи историческимъ изысканіямъ болѣе обширныхъ размѣровъ, эта мысль имѣла уже за себя готовый примѣръ, на который легко было бы ссылаться въ случаѣ недоразумѣній съ австрійскимъ правительствомъ. Дѣло Пубички считалось до такой степени важнымъ, что по смерти его земскій постоянный комитетъ озаботился пріисканіемъ его преемника въ начатомъ дѣлѣ. Вплоть до 1827 года лѣтопись едва подвигалась впередъ, не столько отъ постоянной перемѣны продолжателей, сколько отъ давленія цензуры, желавшей всячески задержать изложеніе событій эпохи Валленштейна. Когда въ Палацкомъ найденъ былъ наконецъ достойный лѣтописецъ, то просьба земскаго секретаря къ нему была изложена именно въ смыслѣ приглашенія продолжать дѣло уже начатое. Палацкій, соглашаясь на предложеніе, объяснилъ, что дѣлаетъ это въ патріотическихъ видахъ, но что считаетъ продолженіе лѣтописи несоотвѣтствующимъ потребностямъ времени и предоставляетъ себѣ представить проектъ реформы исторіографіи чешской. Въ этомъ проектѣ онъ указалъ на безплодность изложенія исторіи народа по старымъ, часто лживымъ и невѣрнымъ хроникамъ и необходимость обратиться непосредственно къ самымъ памятникамъ старины, къ тѣмъ сокровищамъ, которыя, не разработанныя и почти не описанныя, наполняютъ собой архивы не только Чехіи, но и другихъ областей Австріи, и хранятся даже въ архивахъ Мюнхена, Дрездена, Рима. Необходимость лично обозрѣть архивы, предпринимая для того обширныя путешествія, разнообразіе и копотливость работъ, предстоявшихъ историку, заставили его предложить земству условія, на которыхъ онъ принималъ на себя не только продолженіе лѣтописи Пубички, но и прагматическое обозрѣніе исторіи чешской, составленіе монографій объ отдѣльныхъ ея вопросахъ, сборника дипломатическихъ сношеній и сеймовыхъ постановленій. Онъ выговаривалъ себѣ скромное содержаніе въ 1.000 гульденовъ и покрытіе путевыхъ издержекъ, не требуя никакого вознагражденія за трудъ. Извѣстный знатокъ чешской старины, графъ Штернберкъ, поддержалъ предложенія Палацкаго, подавъ мысль объ избраніи его исторіографомъ; но придворная канцелярія отвѣчала на просьбу земства категорическимъ отказомъ безъ

Digitized by Google

объясненія причинъ. Нѣсколько разъ начинались переговоры, и каждый разъ безуспѣшно. Наконецъ въ 1831 году сеймъ, составленный изъ лицъ, патріотически настроенныхъ, принявъ во вниманіе, что императоръ, запретивъ ему имѣть своего исторіографа, не могъ запретить оказывать поддержку историческимъ трудамъ, постановилъ прекратить лѣтопись Пубички и, принявъ условія Палацкаго, просить его начать новый историческій трудъ. Такимъ-то образомъ исполнилось завѣтное желаніе Палацкаго, оковы съ него были сняты, и онъ съ жаромъ принялся за трудъ. Но его ждали новыя, еще болѣе тяжкія оковы,—борьба съ цензурой невѣжественной и по большей части состоявшей изъ духовныхъ лицъ, проникнутыхъ католическимъ правовѣріемъ и, естественно, относившихся недоброжелательно къ разработкѣ такихъ сторонъ чешской исторіи, какъ, на примѣръ, гуситство. Съ этой поры идетъ рядъ столкновеній съ цензурой и администраціей, доходившихъ нерѣдко до высшихъ инстанцій, тревожившихъ даже Меттерниха и возводимыхъ въ значеніе государственныхъ вопросовъ. Придиркамъ и безсмысленнымъ требованіямъ не было конца: то о гуситскомъ движеніи дозволялось говорить лишь подъ условіемъ объясненія всего движенія своеволіемъ и самодурствомъ Гуса, то воспрещалось настрого изображать развращеніе римской іерархіи въ Чехіи въ началѣ XV столѣтія, то, наконецъ, въ 1844 году, цензура дѣлала высшему правительству представленіе о запрещеніи всей исторіи Палацкаго. Меттернихъ оказался терпимѣе своихъ агентовъ и допустилъ продолженіе ея съ исключеніемъ нецензурныхъ мѣстъ. Притѣсненія сдѣлались, наконецъ, до такой степени обременительны, что Палацкій отвѣчалъ рѣзкимъ письмомъ на предписаніе президента полиціи замѣнить неодобренныя мѣста текстомъ, составленнымъ въ полиціи же. Разгнѣванный до нельзя, президентъ безуспѣшно требовалъ отъ сейма объявленія выговора Палацкому и долженъ былъ сдѣлать это прямо отъ себя. Столкновенія сдѣлались еще сильнѣе, когда въ 1850 году Палацкій заявилъ, что навсегда выступаетъ изъ ряда нѣмецкихъ писателей и будетъ продолжать свой трудъ на родномъ языкѣ. На этотъ разъ неудовольствіе возбуждено было и въ самомъ сеймѣ, на этотъ разъ германофильскомъ. Палацкому лишь черезъ годъ было дозволено печатать по-чешски свою Исторію (первый выпускъ ея на чешскомъ языкѣ онъ пробовалъ выпустить еще въ 1848 г.), но ему запрещено было объяснять въ предисловіи тѣ патріотическія причины, которыя побуждаютъ его принять новое намѣреніе. Между такими-то подводными камнями пришлось бороться нашему автору въ теченіи всей его дѣятельности. Въ новѣйшее время къ этимъ недостойнымъ интригамъ и препятствіямъ присоединилась и борьба съ нѣмецкими историками третьей руки, которые, движимые національнымъ рвеніемъ, сдѣлали себѣ цѣлью искажать несомнѣнные факты чешской народной исторіи и неистово обличать мнимые промахи Палацкаго. Эти ученые, составившіе для эфекта своихъ походовъ даже особое

Digitized by Google

общество въ Прагѣ, считаютъ свое дѣло прочною опорой политической агитаціи въ нѣмецкомъ духѣ. Но ложь и натянутость ихъ пріемовъ получила безпощаднѣйшій отпоръ со стороны Палацкаго, брошюра котораго противъ главнѣйшаго его врага, професора Гёфлера, произвела въ свое время впечатлѣніе и за предѣлами Чехіи и была встрѣчена сочувственно авторитетами нѣмецкой исторической науки. Въ настоящей книгѣ онъ снова принимается за перо для отраженія новыхъ нападокъ и посвящаетъ вторую ея половину полемикѣ, возбужденной его Исторіею.

Wieder unser. Gedenkblätter zur Geschichte dieser Tage. Von Berthold Auerbach. Stuttgart. 1871.

Не разъ уже было замѣчено, что успѣхи нѣмецкаго оружія пагубно отозвались на настроеніи многихъ лучшихъ дѣятелей нѣмецкой литературы, застлавъ передъ ихъ глазами словно туманомъ все, что не имѣетъ непосредственной связи съ властолюбивыми теоріями, и стѣснивъ до тягостнаго однообразія ихъ дѣятельность. Ничто такъ ясно не доказываетъ справедливости этихъ наблюденій, какъ книга, заглавіе которой приведено выше и авторъ коей не кто иной, какъ извѣстный Ауэрбахъ, одно изъ украшеній новѣйшей романической литературы. Новая книга его производитъ грустное впечатлѣніе и со стороны бѣдности и ограниченности мыслей, положенныхъ ей въ основаніе, и со стороны наивности многихъ взглядовъ; она возбуждаетъ даже чуть не усмѣшку своею рубленой прозой, отрывистымъ изложеніемъ, отсутствіемъ художественной законченности хотя бы мимолетныхъ образовъ. Она служитъ живымъ доказательствомъ того, какіе цвѣты могутъ возрасти на почвѣ, политой кровью и изборожденной бомбами. Пора, наконецъ, пройти этому періоду воинственныхъ отголосковъ; пора свободной мысли войти снова въ свои права!

Вся книга Ауэрбаха проникнута тѣмъ приторнымъ патріотизмомъ, который все свое изображаетъ въ идеальномъ, розовомъ цвѣтѣ, все враждебное же малюетъ мрачными красками. Нѣмецкій народъ изображается здѣсь средоточіемъ всѣхъ добродѣтелей: «онъ спокоенъ, вдумчивъ, вѣренъ своему труду; онъ стремится къ единенію; его благосостояніе ростетъ; онъ создаетъ все полезные и благотворные законы и добросовѣстно вѣдаетъ общественное благо». Изображаются ли нравы нѣмецкаго войска,—эти нравы столь же идеальны. Призваніе Германіи состоитъ въ поддержкѣ цивилизаціи, въ защитѣ всей культуры нашего столѣтія противъ легкомысленныхъ посягательствъ французовъ. Свойства французскаго народа выставляются сплошь дурными; развращеніе нѣкоторыхъ сферъ этого народа императорскимъ правительствомъ возводится въ значеніе общаго племеннаго свойства. Отношеніе автора къ тѣмъ событіямъ, свидѣтелемъ которыхъ ему пришлось быть, поражаетъ часто своею наив-

Digitized by Google

ностью. Различные эпизоды кровавой бомбардировки Страсбурга подаютъ поводъ лишь къ плаксивымъ восклицаніямъ и выраженіямъ соболѣзнованія не столько объ участи населенія, сколько о судьбѣ стараго собора; иногда же мы читаемъ забавныя выходки противъ коменданта Уриха за то, что онъ, сознавая неизбѣжность братскаго соединенія нѣмцевъ, упорствуетъ и медлитъ сдачей крѣпости. Подъ конецъ, впрочемъ, самъ авторъ нѣсколько убѣждается въ нѣкоторой странности своихъ требованій; на это наводитъ его, однако, только воспоминаніе о существующей во французскомъ военномъ уставѣ жестокой статьѣ противъ коменданта крѣпости, не употребившаго всѣхъ мѣръ для ея защиты.

При всемъ этомъ, невольно вытекаетъ изъ бѣглыхъ замѣтокъ очевидца нѣсколько фактовъ, характеризующихъ настроеніе нѣмецкаго народа и эльзасцевъ во время войны. «На моей родинѣ, говоритъ авторъ, господствовала общая враждебность къ Пруссіи, достигшая рѣдкой силы. Воспоминанія 1866 года еще рѣзко дѣйствовали на умы; тому же содѣйствовалъ до сихъ поръ еще не улегшійся разладъ между складомъ сѣверо- и южно-германскаго быта». Немногіе партизаны германской или, какъ ее иначе называли, прусской политики постоянно обнаруживали свою несостоятельность, при чемъ наиболѣе отталкивающею стороной прусскихъ порядковъ для южнаго германца оказывалась всегда система народнаго просвѣщенія, воплощеніемъ которой служитъ министръ Мюлеръ. Нерасположеніе къ Пруссіи доходило даже, по свидѣтельству Ауэрбаха, до отчаянныхъ восклицаній: «лучше быть намъ французами, чѣмъ прусаками»! Точно также авторъ не можетъ скрыть, что и жители Эльзаса въ высшей степени враждебно относились ко вступавшимъ въ ихъ край нѣмцамъ, что они часто обращались съ ними съ усмѣшкой, презрѣніемъ, злобно поддразнивали ихъ... Но что же объ этомъ думаетъ авторъ?—Основываясь на свойственныхъ южнымъ нѣмцамъ постоянныхъ перекорахъ и насмѣшкахъ однихъ городовъ и земель надъ другими, онъ доходитъ до догадки, что образъ дѣйствій эльзасцевъ скорѣе можетъ служить признакомъ ихъ тѣсной связи съ германскимъ народомъ.

Какимъ образомъ привязать къ себѣ населеніе присоединенныхъ провинцій?—Всеобщею военною повинностью и всеобщимъ обязательнымъ обученіемъ. Въ двадцать лѣтъ, можетъ быть, даже раньше, Эльзасъ долженъ сдѣлаться одною изъ лучшихъ нѣмецкихъ провинцій, если только при реформахъ съумѣютъ придать имъ свободное направленіе. Но это только эфектныя и звонкія фразы. Рядомъ съ идеальнымъ воззрѣніемъ на военную повинность, мы видимъ у автора прорывающееся, какъ будто случайно, совершенно иное стремленіе. Представитель свободнаго слова считаетъ полезнымъ, на примѣръ, ограниченіе самодѣятельности, инициативы въ солдатѣ относительно его начальниковъ въ мирное время. Все это, однако, должно явиться въ немъ откуда-то во время войны. Точно также, говоря о всеобщемъ обу-

Digitized by Google

ченіи и не забывая о существованіи десятковъ тысячъ французовъ, которыхъ собственность, занятія и семейныя традиціи связываютъ съ Эльзасомъ, авторъ очевидно требуетъ исключительно нѣмецкой школы. Въ двухъ только случаяхъ отдается хотя нѣкоторое преимущество французской жизни и ея порядкамъ. Самъ еврей, Ауэрбахъ указываетъ на полноправность, которою пользовались его соплеменники во Франціи, и сличаетъ ее съ тѣмъ безправіемъ, которое ихъ ожидаетъ послѣ ихъ присоединенія къ Германіи. Кромѣ того, онъ съ похвалой отзывается о военныхъ и гражданскихъ чиновникахъ французскихъ въ Эльзасѣ, которые до конца сохранили преданность своему государству и нигдѣ не примкнули къ побѣдителямъ. Вообще, какъ въ летучихъ замѣткахъ и корреспонденціяхъ, изъ которыхъ составилась настоящая книга, такъ и во включенномъ въ нее воззваніи къ нѣмецкому народу и въ письмѣ къ Виктору Гюго, видно открытое презрѣніе ко всей французской культурѣ и возвеличеніе на ея счетъ нѣмецкой цивилизаціи. И здѣсь, стало быть, сказывается та черта, которая непріятно поражаетъ въ большинствѣ произведеній современной нѣмецкой литературы,—черта, которую отрадно было бы не видѣть въ человѣкѣ, служившемъ всегда представителемъ гуманности и общечеловѣческаго развитія.

Мы ужь замѣтили, что слогъ новой статьи Ауэрбаха отличается небрежностью и неровностью. Въ предисловіи онъ ссылается на переписку Карла Августа Веймарскаго съ Гёте, которая умышленно имѣла форму отрывочныхъ афоризмовъ. Примѣръ этотъ прилагается, однако, авторомъ къ дѣлу черезчуръ прилежно. Одно предложеніе, Богъ вѣсть для чего, отрывается отъ другаго; мелочная встрѣча, пустое слово отражается на моральной сентенціи, сопровождаемой восклицательнымъ или вопросительнымъ знакомъ; періоды отрывистые и недодѣланные словно несутся въ погоню одинъ за другимъ, дѣлая часто труднымъ отысканіе связующей ихъ идеи.

Bilder aus dem geistigen Leben unserer Zeit. Von Julian Schmidt. Neue Folg. Leipzig. 1871.

Новый томъ очерковъ Юліана Шмидта можетъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, стать рядомъ съ только-что разобранною книгой Ауэрбаха. Онъ, подобно первому тому, вышедшему уже нѣсколько времени тому назадъ, распадается на двѣ части: на очерки историко-литературнаго и политическаго содержанія. Въ послѣднихъ вѣетъ та же стихія, которая прославила имя Шмидта, благодаря письму его въ началѣ минувшей войны, гдѣ онъ приравнивалъ всю цивилизацію Франціи къ канкану. Въ рядѣ характеристикъ различныхъ французскихъ писателей, Гюго, Мюссе, Фей-

Digitized by Google

до, Дюма и другихъ, онъ старается доразвить и дополнить живыми примѣрами свою основную мысль; до свѣтлыхъ проявленій французскаго духа ему дѣла нѣтъ; если онъ иногда останавливается на комъ либо съ нѣкоторымъ сочувствіемъ, то это только или на лицахъ безобщныхъ и политически-индифферентныхъ, какъ Мериме, или на мечтателяхъ и вѣнъ свой колебавшихся отъ одной крайности къ другой дѣятеляхъ въ родѣ Ламартина. Въ статьѣ, озаглавленной «Война съ Франціей» и наполненной различными общими мѣстами, выдвигается, впрочемъ, рѣдко встрѣчающаяся у нѣмецкихъ политическихъ писателей, мысль о необходимости, для спокойствія Германіи, сохранить въ цѣлости Австрію. Старые счеты съ нею, начатые еще Фридрихомъ Великимъ, авторъ считаетъ покончеными, если только съ обѣихъ сторонъ страсти будутъ укрощаться разсудкомъ. Въ интересахъ Германіи—не только оберегать Австрію, но и дать ей возможность прочнаго развитія и обновленія. Въ случаѣ дальнѣйшаго разложенія Австріи, слѣдствіе было бы одно—усиленіе насчетъ ея Россіи. Авторъ съ примѣчательнымъ благоразуміемъ, которое по истинѣ дѣлаетъ ему честь, протестуетъ противъ приписываемыхъ Пруссіи плановъ присоединенія Цислейтаніи. «Кто изъ прусскихъ государственныхъ людей, восклицаетъ онъ, нападетъ на безумную мысль присоединить къ государственному организму, основанному на народныхъ началахъ и благопріятно развивающемуся, враждебные и чуждые элементы, которыхъ отдѣляетъ отъ насъ не временное предубѣжденіе, но цѣлый рядъ вѣковъ? Жизненная сила Пруссіи подверглась бы въ такомъ случаѣ опасности потерять все свое значеніе. Берлинъ достаточно силенъ, чтобы быть политическимъ центромъ для Ганновера, Касселя, Франкфурта, Дрездена, даже для Мюнхена и Штутгарта, но не для Вѣны, которая, какъ жизненный узелъ общеавстрійскаго организма, играетъ важную роль, но, какъ нѣмецкій пограничный городъ, можетъ совершенно нарушить законъ нашего политическаго тяготѣнія. Племена, сошедшіяся отъ восточныхъ Альповъ и до Карпатовъ, составляютъ органическое цѣлое, которое не должно распасться.»

Чисто литературные очерки, также не отличаясь особенно новыми взглядами, обнаруживаютъ сущность критическихъ пріемовъ автора. За исключеніемъ блѣдныхъ этюдовъ о Гейне и Фернанъ-Кабалеро (привлекшаго вниманіе Шмидта, по всей вѣроятности, тѣмъ, что по отцу происходитъ изъ нѣмецкаго семейства и можетъ считаться проводникомъ нѣмецкой культуры въ Испаніи), нѣкоторое вниманіе привлекаетъ очеркъ, посвященный Дикенсу. По всему видно, что произведенія Дикенса тщательно изучены были критикомъ; нѣкоторыя мелкія замѣчанія о свойствахъ Дикенсова таланта поражаютъ своею меткостью, но зато наиболѣе важные, въ гражданскомъ отношеніи, мотивы сатиры Дикенса возбуждаютъ въ авторѣ неудовольствіе. Когда великій юмористъ

Digitized by Google

выставляетъ на позоръ темныя стороны англійскаго парламентаризма, движимый конечно сочувствіемъ ему въ принципѣ, критикъ не находитъ словъ для выраженія негодованія; онъ удивляется «этому кощунству противъ учрежденій дорогихъ для всѣхъ англичанъ». На основаніи нѣсколькихъ типовъ мироваго судьи, церковнаго старосты, общиннаго полицейскаго, онъ доходитъ до истинной печали при видѣ того, какъ Диккенсъ «возстаетъ противъ того, что нѣмцы привыкли считать перломъ въ англійской свободѣ,—противъ самоуправленія» (!). Вообще всякое сколько нибудь реальное изображеніе жизни непріятно Шмидту. Ему не нравятся знаменитыя сцены въ деревенскихъ школахъ, и онъ провозглашаетъ эти сцены невѣрными и преувеличенными. Главнѣйшіе типы Диккенса онъ считаетъ умышленно подобранными уродливостями; Диккенсъ любилъ выводить такія личности, которыя сами по себѣ имѣютъ что-то уродливое,—типы, взятые изъ уличныхъ комедій, представленій клоуновъ или на скачкахъ въ циркѣ... Такая брезгливость проходитъ по всѣмъ литературнымъ очеркамъ Шмидта; она до-нельзя идетъ къ ультра-консервативному складу его воззрѣній; все выходящее изъ ряду вонъ его шокируетъ; ровное теченіе жизни, успокоивающая тишина, слегка развѣ возмущаемая едва замѣтною зыбью, ему дороже всего. Такъ и сказывается въ этомъ завѣтный идеалъ бюргерства, выдвигаемаго нынѣ историческими событіями на первый планъ,—того бюргерства, которому во всякомъ свободномъ движеніи мерещится неистовая сатурналія разврата, безбожный канканъ!

Friedrich der Grosse und die Vereinigten Staaten von Amerika. Von Friedrich Kapp. Leipzig. 1871.

Фридрихъ Каппъ, авторъ названной выше книги, уже болѣе десяти лѣтъ посвящаетъ изученію исторіи Сѣвероамериканскихъ Штатовъ и въ особенности той роли, которую суждено было играть въ этой исторіи нѣмецкимъ выходцамъ. Его «Исторія нѣмецкаго переселенія въ Америку», вышедшая въ 1868 году, служитъ примѣромъ замѣчательнаго трудолюбія и большой учености. Желая вообще указать, на основаніи источниковъ, то вліяніе, которое оказали нѣмцы на развитіе американской республики, онъ дополняетъ нынѣ свои изысканія этюдомъ объ отношеніяхъ Фридриха Великаго къ Америкѣ. Для пользованія необходимыми матеріалами ему открытъ былъ государственный тайный архивъ въ Берлинѣ, и стараніями извѣстнаго американскаго историка Банкрофта доставлены списки съ различныхъ документовъ, хранящихся въ англійскихъ архивахъ. Отношенія Фридриха къ Америкѣ доказываютъ, что теперешнія стремленія прусскихъ государственныхъ людей къ сближенію съ

Digitized by Google

вашингтонскимъ правительствомъ суть не что иное какъ подражаніе политикѣ великаго короля. Ненависть его къ Англіи и забота о торговыхъ интересахъ Пруссіи побудили его съ начала американской революціи нечувствительно переходить на сторону колоній въ ихъ борьбѣ съ метрополіей. Обзору сношеній Фридриха съ революціонерами посвящена первая часть новой книги Каппа; во второй онъ даетъ очеркъ переговоровъ, затѣянныхъ съ американскими представителями для заключенія дружественнаго и торговаго трактата Пруссіи съ Америкой, состоявшагося въ 1785 году и, по замѣчанію Каппа, составляющаго эпоху въ исторіи международнаго права. Въ прибавленіи, авторъ обсуждаетъ вопросъ о необходимости пересмотра законовъ о морской войнѣ,—пересмотра, который, по его мнѣнію, слѣдуетъ возбудить Пруссіи, привленая къ этому Американскіе Штаты, находящіеся нынѣ съ нею въ болѣе или менѣе дружественныхъ отношеніяхъ. Желаніе достигнуть такимъ путемъ признанія неприкосновенности частной собственности на морѣ не закрываетъ однако автору глаза на истинный характеръ прусско-американскаго сближенія. «Во всякомъ случаѣ, говоритъ онъ, это сближеніе идетъ только съ одной стороны,—его домогается лишь Германія. Американскіе Штаты и прежде и теперь—великіе поклонники и друзья Россіи, съ которой они только тогда встрѣтятся лицемъ къ лицу, когда ихъ интересы столкнутся въ Тихомъ океанѣ; они симпатизируютъ Франціи, но сочувствія Германіи ни одинъ наблюдатель сторожилъ никогда не могъ открыть. Намъ гораздо лучше не ожидать ничего отъ дружбы *не существующей,* и которая, еслибы даже существовала, не должна бы никогда отражаться на политикѣ». Каппъ совершенно не соглашается съ извѣстнымъ Трейтшке, недавно утверждавшимъ, что дружба Германіи съ Америкой вытекаетъ прямо изъ внутренняго, глубокаго сродства, которое, не смотря на разность всѣхъ политическихъ и соціальныхъ формъ, пробудилось въ ихъ умахъ. Авторъ доходитъ даже до категорическаго заявленія, что «нѣкоторая доля недовѣрія гораздо болѣе будетъ умѣстна въ отношеніи Германіи къ Сѣвероамериканскимъ Штатамъ». Этотъ голосъ человѣка безпристрастнаго и которому нельзя отказать въ основательномъ знаніи дѣла, конечно, возбудитъ неудовольствіе въ высшихъ берлинскихъ сферахъ, которыя такъ хотѣли бы играть въ большую политическую игру, и только-что сломивъ всемірное значеніе Франціи, которую устами услужливыхъ публицистовъ не перестаютъ казнить за надменное господство надъ міровыми судьбами, желали бы сами принять на себя эту эфектную роль.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ГОРОДОВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

Городовое положеніе въ Россіи въ сравненіи съ городскимъ устройствомъ во Франціи. Англіи и Пруссіи. Кругъ занятій и предметы вѣдомства городскаго управленія. Первый періодъ приведенія въ дѣйствіе закона. Выборы и вліяніе ихъ на городскія общества. Сословный характеръ городскаго управленія. Система безвозмездной службы. Жалованье городскихъ головъ. Неприготовленность общества къ новымъ порядкамъ. Понятіе о самоуправленіи и разъясненіе этого понятія циркуляромъ министра. Прежніе порядки и администрація. Дѣйствительность, какъ лучшее средство къ возбужденію энергіи.

Вопросъ, разрѣшаемый французскими гражданами подъ стѣнами разрушеннаго и полусожженнаго Парижа, во имя котораго совершается тамъ въ массѣ сторонниковъ децентрализаціи движеніе, надъ которымъ глумятся нѣкоторые органы нашей печати, не переставая относиться къ нему какъ къ уличнымъ демонстраціямъ «нигилистовъ»,—вопросъ о децентрализаціи и самостоятельности городовъ есть тотъ самый, который мы, при другихъ конечно условіяхъ, безъ всякаго политическаго оттѣнка, безъ огня и меча, въ предѣлахъ даннаго высшею властію законоположенія, разрѣшаемъ мирно у себя.

Высочайше утвержденное 16 іюня 1870 г. городовое положеніе даруетъ городскимъ обществамъ право «*дѣйствовать самостоятельно*», и этими знаменательными словами, во первыхъ, уравниваетъ ихъ въ правахъ съ получившими уже нѣкоторую самостоятельность земствами, во вторыхъ, призываетъ ихъ къ живой дѣятельности, не состоящей уже подъ властію мѣстной администраціи.

Мѣстной администраціи предоставленъ лишь надзоръ за законнымъ исполненіемъ правилъ новаго городоваго положенія. Губернаторы, члены губернскихъ правленій и чины полиціи, пока находятся въ сихъ долж-

Digitized by Google

ностяхъ, не пользуются даже правомъ голоса на выборахъ, тогда какъ всякому русскому подданному, городскому собственнику, промышленнику или торговцу предоставлено право участія въ городскомъ хозяйствѣ, если онъ соединяетъ въ себѣ извѣстныя условія возраста, нѣкоторыя условія платежей городскихъ сборовъ и не привлеченъ къ судебной отвѣтственности. Самый надзоръ администраціи за дѣйствіями общественнаго управленія умѣряется, такъ сказать, особымъ установленіемъ, губернскимъ по городскимъ дѣламъ присутствіемъ, въ которомъ, кромѣ губернатора, какъ предсѣдателя, участвуютъ: вице-губернаторъ, управляющій казенною палатой, прокуроръ окружнаго суда, предсѣдатели мироваго съѣзда и губернской земской управы, городской голова, а въ иныхъ случаяхъ и члены удѣльнаго вѣдомства и контроля. Затѣмъ избраннымъ должностнымъ лицамъ общественнаго управленія не присвоено правъ государственной службы; городской голова утверждается только министромъ внутреннихъ дѣлъ и выбирается на 4 года. Наконецъ, всѣ лица общественнаго управленія подвергаются отвѣтственности за преступленія по должности не иначе, какъ по суду, по опредѣленію думы или по опредѣленію губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, которое однако можетъ быть обжаловано въ сенатѣ. Городской голова предается суду не иначе, какъ по опредѣленію сената.

Приведенныя краткія черты новаго закона показываютъ, какъ мы разомъ перешагнули черезъ все то, съ чѣмъ такъ долго боролись города во Франціи и о чемъ не мало хлопотали и Англія и Пруссія.

Всякая самостоятельность городовъ во Франціи была, какъ извѣстно, подавлена. Назначеніе меровъ зависѣло не отъ воли мѣстныхъ жителей, а отъ правительства, которое выбирало и сажало въ эти должности тѣхъ, кто подходилъ подъ взгляды администраціи и кто умѣлъ во-время подавлять всякое опасное для этой администраціи движеніе. Право назначенія въ должности меровъ распоряженіями правительства поставилъ Тьеръ условіемъ sine qua non своего пребыванія во главѣ французскаго правительства. Отказъ Тьера парижанамъ въ правѣ выбора, озлобленныхъ ими, лицъ на должности меровъ послужилъ началомъ междоусобныхъ кровопролитій въ Парижѣ. О несмѣняемости ихъ при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи, и городскую общину, городское управленіе сосредоточилъ въ лицѣ своемъ меръ. Совсѣмъ другой характеръ имѣло муниципальное устройство Англіи. Городское управленіе ея представляетъ смѣшеніе городскаго устройства съ устройствомъ земскимъ или приходскимъ. Нѣкоторые предметы вѣдомства не входятъ даже въ кругъ управленія городскаго, оставаясь на положеніи общемъ съ приходскимъ и сельскимъ управленіями. Городское хозяйство въ Англіи состоитъ собственно въ завѣдываніи совѣта, члены котораго для избранія должны имѣть извѣстный цензъ. Меры и ольдермены избираются уже совѣтомъ и, какъ почетныя лица, считаются предсѣдателями. Распорядительная часть находится

Digitized by Google

въ рукахъ особыхъ коммисій, назначаемыхъ изъ членовъ совѣта и чиновниковъ на жалованьѣ, отъ чего, разумѣется, управленіе принимаетъ характеръ, такъ сказать, казеннаго установленія, и члены совѣта, сохранивъ только свое названіе, не приносятъ съ собою никакого живительнаго начала въ общественное управленіе; это тѣ же бывшіе у насъ судьи, за которыхъ работали секретари, или тѣ же почетные мировые судьи настоящаго времени, къ которымъ почти никто за судомъ не обращается и которые замѣняютъ мировыхъ судей въ случаѣ ихъ болѣзни или отсутствія. Городское управленіе въ Пруссіи состоитъ изъ собранія гласныхъ и магистрата. Гласныхъ избираютъ жители города, раздѣлясь, какъ и у насъ, на три разряда или категоріи по платежу податей. Магистратъ состоитъ изъ, избранныхъ гласными, бургомистра, утверждаемаго королемъ, и совѣтниковъ. Бургомистръ и совѣтники могутъ быть избраны пожизненно, и служба ихъ безвозмездная, обязательная на три года. Отвѣтственность должностныхъ лицъ ставится въ прямыя отношенія къ администраціи.

Сравнивая эти главныя черты городскаго устройства западной Европы съ нашимъ городовымъ положеніемъ, всякій долженъ согласиться съ тѣмъ, что, не говоря уже о Франціи и Англіи, новый законъ нашъ имѣетъ большія преимущества даже и передъ прусскимъ уставомъ, съ которымъ онъ болѣе всего сходенъ въ подробностяхъ. Обязательная, пожизненная или почетная служба, исключенная изъ нашего городоваго положенія, есть самое крупное его достоинство; учрежденіе же особой между администраціей и городскимъ обществомъ инстанціи, въ видѣ губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, составляетъ нововведеніе, отъ котораго можно ожидать только самыхъ лучшихъ результатовъ.

Въ ряду громадныхъ реформъ настоящаго царствованія, реформа городскаго управленія представляется обыкновенно въ глазахъ публики одною изъ тѣхъ, которыя имѣютъ наименьшее значеніе. Дѣйствительно, кругъ дѣйствій общественнаго управленія города, ограничиваясь его заставами и выгонными землями, кажется чрезвычайно тѣснымъ; хозяйство города, состоящее въ составленіи смѣты доходовъ съ городскихъ имуществъ и обывательскихъ владѣній и расходовъ на содержаніе мостовыхъ, освѣщеніе улицъ и т. п., представляетъ интересъ мѣстный, не идущій даже въ сравненіе съ какимъ нибудь земскимъ хозяйствомъ, обнимающимъ собою обширныя пространства земли съ громаднымъ числомъ населенія и хозяйствомъ своимъ, касающимся всѣхъ разнообразныхъ сторонъ жизни цѣлой страны. Но, во первыхъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, помимо освѣщенія улицъ и содержанія мостовыхъ, къ вѣдомству городскаго управленія принадлежатъ и такіе предметы, какъ, на примѣръ: мѣры къ обезпеченію народнаго продовольствія, охраненіе народнаго здравія, устройство благотворительныхъ заведеній, больницъ, училищъ, театровъ, библіотекъ, музеевъ и т. п.; во вторыхъ, городскимъ управленіямъ предо-

Digitized by Google

ставляется право издавать, обязательныя для городскихъ жителей, постановленія и ходатайствовать предъ высшимъ правительствомъ по предметамъ, касающимся мѣстныхъ нуждъ и пользъ города; въ третьихъ, городскіе собственники въ столицахъ, участвуя въ городскомъ управленіи, въ то же время имѣютъ право принимать участіе и въ земствѣ; наконецъ, не слѣдуетъ забывать и то, что русскіе города, въ своей совокупности, составляютъ такую обширную семью, которой нельзя отказать въ почетномъ мѣстѣ и которой предстоитъ, быть можетъ, играть не маловажную роль въ исторіи развитія нашей гражданской жизни.

Это послѣднее условіе придаетъ особый интересъ первому моменту, послѣдовавшему за обнародованіемъ новаго закона. Чрезвычайно любопытно ловить, такъ сказать, черты примѣненія закона, его пониманія и *воздѣйствіе его* на тѣ слои общества, коихъ онъ касается.

Городскіе выборы, окончившіеся уже въ настоящее время въ большинствѣ городовъ, происходили не безъ партій и не безъ интригъ, которыми обыкновенно сопровождаются всякіе выборы. Новое городовое положеніе застало общество, какъ заставало его большая часть реформъ настоящаго царствованія, т. е., совершенно не приготовленнымъ. Не было ни знакомыхъ съ дѣломъ людей, ни даже мѣста для совѣщаній и выборовъ. Въ составленныхъ спискахъ избирателей, по владѣнію имуществами и по занятіямъ промыслами, громадное большинство оказалось, какъ и слѣдовало ожидать, на сторонѣ купечества и сословій мѣщанскаго и ремесленнаго. Такой составъ городскихъ обществъ съ перваго же раза опредѣлилъ характеръ, который должны были принять и выборы и составъ самого городскаго управленія; но небольшое число дворянъ, чиновниковъ и другихъ сословій, попавшихъ также въ списки избирателей, произвели нѣкоторое броженіе и тотъ антагонизмъ, который, не переходя извѣстныхъ предѣловъ, всегда дѣйствуетъ живительно на общество. Оказалось, что противъ именитыхъ гражданъ выступили какіе-то невѣдомые доселѣ соперники, противъ преобладанія капитала въ дѣлѣ городскаго управленія заговорили какія-то новыя, не дѣйствовавшія еще до сихъ поръ, силы, и купеческому сословію приходилось пробиваться къ занятію состоявшихъ всегда за ними должностей съ нѣкоторою борьбой и сознаніемъ, что для исполненія предначертанныхъ новымъ закономъ порядковъ у нихъ уже чего-то не хватаетъ. Сознаніе это затрогивало тѣмъ болѣе за живое, что купеческое, мѣщанское и ремесленное сословія являлись дѣйствительно единственными почти представителями городскаго населенія, и что при такихъ условіяхъ уступить распоряженіе городскимъ хозяйствомъ въ чужія руки значило бы громко признаться въ несостоятельности своего образованія. Уже этой одной стороной новый законъ принесъ, намъ кажется, большую пользу. Результаты выборовъ оказались, положимъ, на сторонѣ купечества, но оно имѣло вмѣстѣ съ тѣмъ случай видѣть со всею ясностью, что время про-

Digitized by Google

славленія своихъ добродѣтелей и способностей пожертвованіями на какіе нибудь водопроводы, или тому подобныя улучшенія города—миновало; оно должно было понять, что кромѣ этого общество требовало отъ своихъ представителей еще и другихъ условій. Надъ пожертвованіями, которыя дѣлали нѣкоторые на избирательныхъ собраніяхъ, посмѣивались теперь такъ же громко, какъ смѣялись надъ голосами, возстававшими противъ избранія «слишкомъ умныхъ» кандидатовъ въ городскія головы. Такой урокъ тѣмъ господамъ, которые такъ бойко выступили съ претензіями на занятіе должностей по городскому управленію, да послужитъ имъ предостереженіемъ, что образованіе будетъ играть еще важнѣйшую роль и въ другихъ реформахъ, и что отъ большей или меньшей степени его будетъ, можетъ быть, зависѣть большій или меньшій срокъ службы въ арміи.

Съ измѣненіемъ старыхъ порядковъ намъ приходится покидать и систему безвозмездной службы, которая признается несостоятельною даже въ Англіи, гдѣ, какъ извѣстно, почетные ольдермены стали уже принанимать за себя рабочихъ—чиновниковъ на жалованьѣ. Наша безвозмездная, да еще и обязательная для всѣхъ, кромѣ дворянъ, выборная служба была главнѣйшимъ основаніемъ тому, что на городскія видныя должности шли люди, могущіе не имѣть никакихъ другихъ достоинствъ, кромѣ достаточныхъ средствъ для того, чтобы поддержать внѣшнюю блестящую сторону виднаго мѣста, а нижнія должности занимались тѣми, которые, подъ видомъ безвозмездности, питались разными взятками, носившими даже особенныя для сего случая придуманныя названія «подможныхъ денегъ». Назначеніе жалованья городскимъ головамъ и членамъ управъ почти во всѣхъ городахъ представляетъ поэтому весьма пріятное явленіе. Пускай тѣ три, четыре, даже пять тысячъ, до которыхъ доходитъ содержаніе, опредѣляемое городскимъ головамъ, достанутся въ руки даже и такихъ лицъ, для которыхъ деньги эти не составляютъ счета,—какъ капля въ морѣ; но дороже всего, по мнѣнію нашему, принципъ. Лице, состоящее на жалованьѣ, не будетъ имѣть ни повода, ни права выставлять свою безвозмездность въ видѣ особаго достоинства, и общество съ своей стороны будетъ вправѣ требовать извѣстной дѣятельности отъ того, чьи труды оно, по мѣрѣ силъ своихъ, оплачиваетъ, и сама должность, охарактеризованная приличною цифрою содержанія, получитъ особую притягательную силу на будущее время, не давая нашимъ горожанамъ погрузиться въ бездѣйствіе, когда, быть можетъ, остынетъ нѣсколько пылъ ихъ гражданской доблести, или, попросту, захотятъ они, не мудрствуя лукаво, обратиться снова къ своимъ кореннымъ занятіямъ по торговой части, махнувъ на все прочее рукою.

Мы сказали однако, что новый законъ засталъ общество совершенно къ нему не приготовленнымъ. Насаждаемый на прежней, не измѣненной почвѣ, съ тѣми же людьми, съ тѣми же привычками, онъ хотя и благотворно уже вліяетъ на возбужденіе самосознанія и самодѣятельности въ

Digitized by Google

городскомъ обществѣ, не могъ однако имѣть всего того дѣйствія, какое должно проистечь изъ началъ, положенныхъ въ его основаніе. Такое положеніе дѣла должно было, разумѣется, породить самыя странныя комбинаціи. Съ одной стороны, законъ предоставилъ городскимъ обществамъ «дѣйствовать самостоятельно», и въ то же время, съ другой, оказывалась необходимость наставлять ихъ въ томъ: когда и гдѣ именно могли они и имѣли право проявлять эту свою самостоятельность. «Изъ доходящихъ до министерства внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній», гласитъ, на примѣръ, циркуляръ министра отъ 28 апрѣля, «между прочимъ усматривается, что на разсмотрѣніе губернскихъ по городскимъ дѣламъ присутствій передаются иногда жалобы на распоряженія городской управы. Впослѣдствіе сего, считаю долгомъ изъяснить, что, по точной силѣ ст. 150 Высочайше утвержденнаго 16 іюня 1870 г. городоваго положенія, жалобы подобнаго рода должны быть приносимы въ городскую думу; въ губернское же по городскимъ дѣламъ присутствіе могутъ быть передаваемы жалобы уже на сію послѣднюю». Другими словами: до свѣдѣнія министерства, слѣдовательно, дошло, что россійскіе граждане, которымъ даровано закономъ самоуправленіе, не только не прибѣгаютъ къ нему, но минуютъ даже случай воспользоваться имъ, минуютъ рѣшеніе того собранія, которое состоитъ изъ выбранныхъ ими же представителей, предпочитая всему этому жаловаться прямо по начальству.

Мы допускаемъ возможность разъясненія министерскимъ циркуляромъ какого нибудь закона, общаго для всей имперіи и всякаго русскаго подданнаго, допускаемъ необходимость разъясненія и закона, имѣющаго опредѣленный кругъ дѣйствія, даже закона дарующаго какія нибудь льготы; но лицъ, не понимающихъ этихъ даруемыхъ исключительныхъ правъ и льготъ, можно уподобить только младенцу, которому предлагаютъ кусокъ сахара, а онъ, вмѣсто того, чтобы схватиться за этотъ сахаръ, суетъ пальцы свои въ щипцы, придерживающія сахаръ,—щипцы, которыя могутъ только отдавить пальцы неосторожнаго младенца. Какъ могутъ быть опасны такая неосторожность и такое непониманіе, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, другое циркулярное распоряженіе, изъ котораго видно, что уже «одно губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе, по разсмотрѣніи частныхъ жалобъ на постановленія вновь образованной городской думы, признавая такія жалобы неправильными, *утверждаетъ* означенныя постановленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ на обсужденіе присутствія передаются постановленія городской думы «для уясненія». Какъ, между тѣмъ, ни утвержденія въ первомъ случаѣ постановленій думы губернскимъ присутствіемъ, ни передачи въ послѣднемъ упомянутыхъ постановленій на обсужденіе сего присутствія закономъ не установлено; то на сей предметъ обращено вниманіе подлежащаго губернскаго начальства для надлежащаго со стороны онаго, въ чемъ будетъ слѣдовать, распоряженія». Изъ этого, такимъ образомъ, слѣдуетъ, что городская дума,

Digitized by Google

пользуясь правами «самостоятельныхъ дѣйствій», считала себя, однако, иногда неспособною «уяснять дѣла». Что же касается городскаго головы, то сей послѣдній, состоя, какъ извѣстно, самъ членомъ губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, отправлялся туда въ качествѣ какъ-бы депутата отъ неспособной думы и такимъ свойствомъ и качествомъ своимъ, конечно, не могъ уже ничего инаго дѣлать, какъ равнодушно слѣдить за утвержденіемъ или неутвержденіемъ постановленій предсѣдательствуемой имъ думы тѣмъ присутствіемъ, которое на это не имѣло никакого права.

Если поученія и наставленія нашимъ городскимъ обществамъ въ самостоятельныхъ дѣйствіяхъ идутъ отъ высшей административной власти, то нѣтъ сомнѣнія, что самостоятельностью этой они или не дорожатъ, или недостаточно себѣ ее уяснили. Слѣдовательно, въ томъ или другомъ случаѣ оправдывается наше предположеніе касательно не совсѣмъ благопріятныхъ условій, въ которыхъ находится на первое время новый законъ.

Но обвинять ли за это кого?—Нѣтъ. Надо вспомнить только, до какой степени далеки мы были доселѣ отъ всего того, что называется общественными вопросами; надо вспомнить непривычку нашу подходить къ нимъ и раздѣлываться съ ними, непривычку заниматься вопросами этими, кромѣ нашихъ домашнихъ, лично насъ касающихся, вопросовъ; надо вспомнить, наконецъ, и тѣ преданія, на которыхъ мы воспитаны, которыми мы еще живемъ, и представители которыхъ еще ходятъ между нами облеченные и не облеченные властью.

Есть такіе случаи, гдѣ отмѣтки стараго и новаго выступаютъ ярко, гдѣ прямо сказываются и нетерпящее возраженій начальство, и порывы къ самостоятельности общества, и запуганные этими порывами рабочіе люди; но все это намъ представляется, тѣмъ не менѣе, вымирающимъ и поющимъ свою послѣднюю лебединую пѣснь. Костромская дума, на примѣръ, представила мѣстному губернатору объ отмѣнѣ пикетовъ, содержимыхъ на городской счетъ и на городской землѣ; представленіе это она мотивировала тѣмъ, что пикеты стоютъ городу по 115 р. въ мѣсяцъ и болѣе, учреждаются они по закону въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, то есть, въ случаѣ появленія разбойничьихъ шаекъ, скопищъ воровъ, дезертировъ, бѣглыхъ и бродягъ, и притомъ только тогда, когда принятыя губернаторомъ чрезъ полицію мѣры будутъ недостаточны, и что ни о какихъ шайкахъ и скопищахъ ни по слухамъ, ни изъ мѣстныхъ газетъ нѣтъ и помину; что, наконецъ, и земство, учрежденные на своихъ участкахъ, пикеты сочло возможнымъ снять и упразднить. Казалось бы, все причины довольно основательныя. Но костромскому губернатору, воспитанному, вѣроятно, въ старыхъ преданіяхъ, показалось это не такъ. Онъ не только не принялъ на себя труда опровергнуть доводы, представленные думою, но счелъ даже необходимымъ облечь это

Digitized by Google

обстоятельство въ тѣ таинственныя формы, которыми такъ щеголяло начальство въ былыя времена и которыми напускало страхъ и ужасъ на подчиненныхъ. Губернаторъ увѣдомилъ городскаго голову, что онъ, «по нѣкоторымъ соображеніямъ своимъ и на основаніи удостовѣреній городской и уѣздной полицій, не признаетъ возможнымъ снимать пикеты». И на такой лаконическій отвѣтъ тотчасъ же отозвались особымъ мнѣніемъ и остались при немъ робкіе гласные думы: протоіерей Поспѣловъ и г. Чумаковъ «Отвергать нужду пикетовъ, признанную начальникомъ губерніи, которому дано на это полное право закономъ, значитъ, по мнѣнію ихъ, вмѣшиваться въ административныя дѣла его, на что не дано право думѣ». Нѣкоторыя собственныя «соображенія» губернатора превратились такимъ образомъ мгновенно въ «законъ», и, съ свойственною робкимъ людямъ завистью, гласные продолжали: «у думы находились средства на содержаніе многихъ лицъ, служащихъ въ оной; на это асигновались тысячи, и вотъ у нея не стало средствъ на содержаніе пикетовъ, оберегающихъ человѣческую жизнь».

Мы заносимъ этотъ фактъ въ наше обозрѣніе ради того только, чтобы дать читателямъ наглядное представленіе той, повторяемъ, переходной эпохи, которую переживаютъ наши городскія общества при дарованной имъ самостоятельности и, не забывающей своихъ преданій, администраціи. Нѣтъ сомнѣнія, что настанетъ и близокъ уже тотъ часъ, когда сія послѣдняя взглянетъ, наконецъ, на прошлое тѣмъ взглядомъ, который обнаружитъ всю темноту и неприглядность этого прошлаго. Нѣтъ сомнѣнія, что спроситъ наконецъ себя эта администрація: кто же былъ виновникомъ того безотраднаго положенія, въ которомъ и поднесь стоятъ наши города въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ стояли со временъ городоваго положенія Екатерины? Не тѣ, офиціальныя, статистическія свѣдѣнія, которыя раздражаютъ только любопытство своею неполнотою, но самая дѣйствительность, свѣдѣнія, приходящія съ мѣста, будутъ уликою. «На шлагбаумѣ нашего города, еслибы таковой существовалъ, слѣдовало бы поставить Дантовскую надпись: «оставьте всякую надежду вы, входящіе сюда», взываетъ съ отчаяніемъ житель какого нибудь города Канева, глядя съ завистью на совершающіяся вокругъ преобразованія городскаго устройства и на ту картинную обстановку, которую создала г. Каневу сама природа. Двѣ горныя террасы футовъ въ 300 надъ уровнемъ луга, идущаго прямо къ Днѣпру, могила Шевченки, грустно смотрящая съ вершины одной изъ террасъ и..... «ни книжной лавки, ни библіотеки, ни какой нибудь читаленки, ни мостовой, ни тротуара, ни извощика, ни клуба, ни «заведенія», которое могло бы назваться хотя просто трактиромъ и въ которомъ можно было бы достать супу и кусокъ мяса, перекинуться съ кѣмъ нибудь словомъ, пробѣжать газету, ни ярмарки, ни лавокъ, которыя могли бы хотя напоминать то, что называется магазейномъ, ни городскаго банка, ни публичнаго сада, ни даже городской площадки, ни

Digitized by Google

завода, хотя бы кирпичнаго, не смотря на то, что глина не хуже кіевской, ни замѣчательнаго мѣстнаго промысла, хотя бы соленія и маринованія рыбы, которая такъ обильно ловится въ Днѣпрѣ, ни пути, по которому можно было бы удобно выѣхать изъ города, ни квартиръ, ни цѣлыхъ домовъ, ни помѣщеній въ двѣ, три комнаты,—словомъ тотъ Гоголевскій городъ, въ которомъ снились городничему крысы, предвѣщавшія ревизора».

Отъ такихъ памятниковъ нашего прошедшаго отдѣлаемся мы не скоро; но указанія на нихъ лучше всего, по мнѣнію нашему, способны возбудить нѣкоторое движеніе въ общественной дѣятельности, и они его уже и возбуждаютъ. Администрація забываетъ даже иногда, что средства города нисколько не увеличились отъ того, что перешли въ распоряженіе новыхъ хозяевъ; она лихорадочно понукаетъ общество устроить и то и другое улучшеніе, настаиваетъ, какъ, на примѣръ, въ Саратовѣ, на томъ, чтобы «распространить въ городѣ растительность», и не задаетъ уже себѣ вопроса: почему прежде не являла она столько энергіи и почему давно не потонули наши города въ растительности и не украсились ничѣмъ, кромѣ остроговъ и зданій присутственныхъ мѣстъ? Не смотря на всю неприглядность быта нашихъ провинціальныхъ городовъ, не смотря на шаткость первыхъ шаговъ многихъ изъ нашихъ городскихъ обществъ на поприщѣ самоуправленія,—мы убѣждены, что города наши, развивая свою дѣятельность на основаніи дарованныхъ имъ правъ, мирно и въ гармоніи съ земскимъ самоуправленіемъ достигнутъ, хотя и въ другой формѣ, соотвѣтствующей условіямъ нашего государственнаго быта,—того, изъ-за чего льются и вѣроятно будутъ еще литься потоки крови въ революціонной Франціи.

РУССКАЯ СЕЛЬСКАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

I.

При изученіи мануфактурной промышленности каждаго народа, можно раздѣлить ее на три большіе отдѣла: на промышленность 1) фабричную, 2) заводскую и 3) ремесленную.

Очевидно, что самый древнѣйшій видъ мануфактурной промышленности былъ ремесленный, явившійся вмѣстѣ съ первою дѣятельностью человѣка, которому, при посредствѣ самыхъ простыхъ орудій и личнаго искусства, пришлось перерабатывать различные сырые матеріалы—произведенія природы, сообщая имъ искусственныя формы болѣе удобныя и легче приспѣняемыя къ его вседневнымъ нуждамъ. Разумѣется, путемъ развитія и усовершенствованій, ремесло измѣняло свой первоначальный видъ, и, съ теченіемъ времени и по мѣрѣ развитія народовъ, постепенно возникали заводы и фабрики.

Digitized by Google

Ремесло занимаетъ первое мѣсто въ русской сельской промышленности, а потому на него должно быть обращено самое сильное вниманіе, тѣмъ болѣе, что, не смотря на все значеніе этой отрасли технической дѣятельности у нашего народа, она мало изслѣдована и почти неизвѣстна.

Часто ничтожная по цѣнѣ издѣлій, тѣмъ не менѣе она постоянно наполняетъ своими произведеніями наши сельскіе рынки и базары, покрываетъ ими всѣ обыденныя потребности и нужды цѣлаго народа и въ итогахъ своихъ оборотовъ далеко превышаетъ сумму оборотовъ всѣхъ нашихъ заводовъ и фабрикъ. Значеніе этой промышленности становится еще важнѣе и выше, когда припомнимъ, сколькимъ тысячамъ семействъ она приноситъ благосостояніе, а въ длинные зимніе вечера, время лѣни и бездѣйствія для крестьянина, сколько *разумнаго времяпровожденія, довольства и благодати* вноситъ она въ семьи, для членовъ которыхъ существуетъ возможность заниматься ремеслами, не удаляясь далеко и надолго изъ своихъ домовъ.

Мѣста или центры развитія самородной народной ремесленной промышленности не замѣтны и не заявляютъ себя ни высокими дымовыми трубами, ни громадными зданіями; сельская промышленность не участвуетъ непосредственно въ большихъ торговыхъ оборотахъ нашихъ ярмарокъ; дѣятели ея не кичатся въ обществѣ ни орденами, ни медалями, ни гарантіями. Вотъ почему этотъ гигантъ по существу не привлекалъ аристократическаго вниманія наблюдателя и, въ виду часто ходульныхъ и большею частію изчужа приведенныхъ мануфактурныхъ заведеній, казался ничтожнымъ и даже не заслуживающимъ изученія ученыхъ техниковъ. «Но время всякой вещи подъ небесемъ», говорилъ мудрый Соломонъ. Развитіе экономической науки, коренныя измѣненія въ быту русскаго народа, стремленіе людей земства къ облегченію всегда трудно совершаемаго бытоваго метаморфоза, къ укрѣпленію самодѣятельности въ народной жизни—заставляютъ невольно взяться за болѣе серьезное изученіе быта русскаго народа, и съ такихъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ онъ до сихъ поръ не изучался.

Основанія перехода всего русскаго народа къ самобытной дѣятельности положены правительствомъ, а на образованномъ класѣ лежитъ высокая и прекрасная обязанность указывать простому русскому человѣку на прямые пути къ самостоятельности и благоденствію. На нашемъ образованномъ класѣ лежитъ священный долгъ охранять и поддерживать то, что выростила, такъ сказать, почва русской земли, и содѣйствовать его свободному и самостоятельному развитію; ибо только то растеніе крѣпко, котораго корни глубоко внѣдрены въ родную ему почву, и только тогда оно разростается пышно, когда развивается въ родной ему по природѣ средѣ. На просвѣщенныхъ русскихъ людяхъ лежитъ обязанность предупреждать простой русскій людъ отъ тѣхъ ошибочныхъ путей, которые могутъ тормозить его самостоятельное развитіе, какъ духовное, такъ и матеріальное.

Digitized by Google

«Въ великомъ дѣлѣ и малости не суть малости», сказалъ одинъ изъ умнѣйшихъ русскихъ писателей. Сознавая всю истину этого изреченія и невозможность для себя исчерпать во всей полнотѣ такой обширный предметъ, какъ русская самобытная народная промышленность, я рѣшаюсь привнести въ дѣло русской жизни и малый плодъ, для меня возможный.

Я избираю предметомъ для моихъ статей одну ремесленную промышленность, и даже не всю, а одинъ отдѣлъ ея, именно, сельскую техническую промышленность русскаго народа, оставляя на время городскую, имѣющую совершенно иной типъ и характеръ отличный отъ первой. «Достаточно вспомнить громадные размѣры нашего отечества *), говоритъ профессоръ Киттары, съ его почти восьмидесятимилліоннымъ населеніемъ, нашу, по большей части, щедрую и разнообразную природу, нашу длинную зиму, какъ-бы прямо назначенную для промышленности ремесленной,— и потомъ все это сравнивать съ любымъ государствомъ западной Европы, чтобы прійти къ неутѣшительному сознанію, что наши сельскія ремесла, при болѣе попечительномъ вниманіи правительства и развитыхъ и знающихъ русскихъ людей, могли бы представить болѣе оживленную, болѣе блестящую картину».

На Западѣ ремесла развиты до такой степени, что, кажется, нѣтъ предмета изъ мѣстной природы, который не имѣлъ бы самаго разнообразнаго примѣненія, такъ что избытокъ издѣлій превышаетъ спросъ на нихъ. У насъ же, на оборотъ: сколько еще мѣстныхъ матеріаловъ подъ рукой у народа остаются не тронутыми и какъ часто велика нужда поселянина въ предметахъ его ежедневнаго потребленія, которыхъ или пріобрѣсть нельзя, или необходимо ждать ярмарокъ, вообще у насъ не очень частыхъ, или ѣхать въ городъ нерѣдко дальній. И притомъ, какъ распредѣлены сельскія ремесла? Русская поговорка: «гдѣ густо, гдѣ пусто, а гдѣ и нѣтъ ничего», въ этомъ случаѣ какъ нельзя болѣе умѣстна. Сравните, на примѣръ, губерніи Московскую или Владимірскую съ Казанской или Пермской, не говоря уже о мѣстностяхъ болѣе сѣверныхъ или восточныхъ. А на какой степени развитія техническаго искусства стоятъ наши ремесла? Конечно, въ этомъ случаѣ можно указать нѣсколько замѣчательныхъ примѣровъ. Такъ, мы можемъ указать на наши издѣлія изъ валеной шерсти Нижегородской губерніи, на издѣлія изъ козьяго пуха Оренбургской губ., на чернь Устюжскаго уѣзда, на слоновую кость Архангельской губ. и другія мѣстности, гдѣ продукты сельскаго ремесла сдѣлались предметами потребленія самыхъ взыскательныхъ горожанъ. Но много ли найдется такихъ примѣровъ, и не ограничивается ли развившееся искусство только удовлетвореніемъ одной роскоши? Какъ ни желательно сказать противное, но, къ сожалѣнію, должно сознаться, что искусство въ большинствѣ ремеслъ находится почти въ совершенномъ застоѣ. Какъ рабо-

*) «Журн. Сел. Хоз.» 1858 г. № 11.

Digitized by Google

тали дѣды, такъ дѣлаютъ и внуки; вмѣстѣ съ знаніемъ отъ отца переходитъ къ сыну, какъ наслѣдственная болѣзнь, совершенное отсутствіе мысли объ улучшеніи своего издѣлія и всякаго побужденія къ его усовершенствованію. Конкуренція, которая такъ быстро подвинула впередъ всѣ отрасли мануфактурной промышленности за границей, у насъ ведетъ, въ отношеніи ремеслъ, тамъ, гдѣ она проявляется, къ другому, совершенно обратному, результату.

Недостатокъ умѣнья придать своему произведенію особыя качества, которыя бы удержали пониженіе цѣны отъ увеличивающагося числа производителей, недостатокъ знанія, какъ удешевить или сократить работу безъ порчи продукта, заставляютъ нашего ремесленника, при возникшей конкуренціи, искать другихъ средствъ, и, слѣдуя общему примѣру, или спѣшить работой, не заботясь о достоинствѣ приготовляемой вещи, или употреблять болѣе дешевые первоначальные матеріалы, или уменьшать количество ихъ, вырабатывая издѣлія прежней наружности, но уже другихъ, болѣе низкихъ качествъ, или, что еще чаще, соединять то и другое и третье вмѣстѣ.

Итогъ такого порядка понятенъ и неизбѣженъ: издѣліе дешевѣетъ и вмѣстѣ съ дешевизной вызываетъ недовѣріе потребителей, а за нимъ уменьшеніе запроса; ремесло приходитъ въ упадокъ, становится невыгоднымъ и начинаетъ уменьшаться въ размѣрахъ; слѣдовательно, зло сдѣлано, и испорченное искусство долго, долго не выйдетъ на прежнюю дорогу. Нужно ли искать примѣровъ? Вспомнимъ исторію нашего парчеваго искусства, какъ ремесленнаго. Со временъ Михаила Ѳедоровича до Петра Великаго мы щеголяли имъ, а теперь?.. Хотя, правда, тутъ были и другія причины кромѣ мануфактурной конкуренціи, но и характеръ, который приняла у насъ послѣдняя, не мало содѣйствовали упадку этой отрасли промышленности. Возьмите прежній нашъ знаменитый шадрикъ, теперь нерѣдко едва отличаемый отъ простой золы и вводящій въ большіе убытки потребителя. Часто налогъ, накладываемый на какое нибудь производство, заставляетъ его быстро упадать. Для примѣра возьмемъ нашъ прежній русскій куль, сдѣланный изъ прочной мочальной ткани, напоминающій теперь кисейные товары и породившій разнаго рода непріятности въ послѣднее время при поставкѣ хлѣба. Что было причиной паденія этого простаго ремесла?— Правительство, наложившее внутреннюю пошлину въ 1 р. 50 к. со ста рогожъ, 2 рубля съ сотни кулей и циновокъ и 9 к. съ пуда мочалы,— пошлину, нерѣдко дважды оплачиваемую, т. е., въ мочалѣ и въ кулѣ. Или возьмемъ нашу крестьянскую обувь, которая носится втрое менѣе прежняго,— нашъ скипидаръ, при множествѣ лѣсовъ не могущій конкурировать съ привознымъ вслѣдствіе налога на смолокуренье и скипидарное производство, и гдѣ же?—на примѣръ, въ Вятской губерніи. Да что и говорить!... Тутъ можно привести множество примѣровъ и случаевъ.

Вотъ контуръ картины русской сельской ремесленной промышленности,—

Digitized by Google

контуръ, въ которомъ бы желалось всѣмъ сердцемъ измѣнить многія черты и расширить его границы. И кто же въ этомъ виноватъ: русскій ли крестьянинъ производитель, или его неспособность?..

Нѣтъ. Способность къ ремеслу и изобрѣтательность лежатъ въ самой природѣ русскаго человѣка. Этого никто и не оспариваетъ; это признаютъ даже и ревниво относящіеся къ намъ иностранцы—нѣмцы.

Вошло уже почти въ поговорку, что русскій топоромъ и долотомъ сдѣлаетъ то, чего не сдѣлать нѣмцу со всѣми его инструментами. А сколько у русскаго человѣка любознательности и терпѣнія, этихъ богатыхъ задатковъ для развитія ремесленной промышленности! До всего, что знаетъ и что умѣетъ простой русскій человѣкъ, онъ дошелъ самъ, по мѣрѣ своего крайняго разумѣнія и не получая ниоткуда потоковъ свѣта, возбуждающихъ его умственныя и нравственныя силы.

И можно ли винить, въ самомъ дѣлѣ, русскаго сельскаго ремесленника, если, научившись чему нибудь отъ отца, не можетъ онъ прибавить къ этому знанію чего нибудь новаго, лучшаго, будучи отъученъ отъ самостоятельной дѣятельности всѣмъ строемъ русской жизни, всѣми нашими порядками? Чѣмъ виноватъ русскій крестьянинъ, если, не зная никакого ремесла, онъ и не принимается за него, если у него отняты и время, и средства, и возможность и охота учиться?

Припомнимъ способъ воспитанія въ сельскомъ быту. Какъ только ноги начинаютъ носить ребенка, онъ проводитъ лѣто въ сору и пескѣ или грязи по колѣно, а зиму на печкѣ и полатяхъ въ бесѣдѣ съ кошкой, да въ кругу таракановъ, такъ сказать, заброшенный отцемъ и матерью ради ихъ недосуговъ. Затѣмъ наступаетъ для него періодъ змѣйковъ, бабокъ, лапты, снѣжковъ: кому и когда досугъ обращать вниманіе на его нравственное и умственное развитіе,— коли цѣлъ, то и слава Богу!

А тамъ, лишь только мало-мальски начинаетъ онъ подростать, или ничего не дѣлай, или ступай пасти скотину: отцу крайность въ деньгахъ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ крестьянскій самодѣятель лѣниво и небрежно помогаетъ отцу въ полевыхъ работахъ, а ночь коротаетъ то въ ночной, то на сѣновалѣ, такъ что смолоду привыкаетъ къ лѣни. Вотъ какъ однообразно, безплодно и безцвѣтно проходитъ лучшая пора для развитія и образованія нашего сельскаго люда. Дивиться ли тому, что простой русскій людъ, придавленный и приниженный въ извѣстную эпоху своей жизни, не получая свѣта своему разумѣнію и содѣйствія своимъ производительнымъ силамъ отъ парящихъ въ высшихъ сферахъ книжнаго образованія образованныхъ людей, остановился въ развитіи своего ремесла и искусства на извѣстномъ предѣлѣ?

Одна изъ главнѣйшихъ причинъ застоя въ нашей сельскоремесленной промышленности есть страшное равнодушіе къ ней нашихъ образованныхъ людей, какъ спеціалистовъ по этой части, такъ и не спеціалистовъ. Изслѣдована ли хотя сколько нибудь серьезно эта отрасль самостоятель-

Digitized by Google

ной народной дѣятельности? Приняты ли хотя какія нибудь дѣйствительныя мѣры къ ея поддержанію, укрѣпленію и развитію?.. Не только этого не было, но даже и достаточнаго вниманія съ своей стороны не удостоилъ нашъ просвѣщенный людъ нашу народную сельскую промышленность; всѣ печатаемыя въ разныхъ изданіяхъ сообщенія о русскихъ сельскихъ ремеслахъ и промыслахъ носятъ характеръ легкихъ статей или путевыхъ замѣтокъ, изъ коихъ для серьезнаго труда извлечь ничего невозможно, а вызовы Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества о сообщеніи свѣдѣній по этому предмету, сдѣланные въ 1853 году, остались почти безъ отвѣта и до сихъ поръ *). Эти вызовы гласили, что о состояніи сельскихъ рукодѣлій въ Россіи собрано до сихъ поръ весьма *мало* свѣдѣній; *о нѣкоторыхъ только* можно найти болѣе или менѣе обстоятельныя указанія, разсѣянныя преимущественно по разнымъ періодическимъ изданіямъ, а также въ хозяйственно-статистическихъ описаніяхъ различныхъ мѣстностей; но, за исключеніемъ такихъ *случайныхъ*, *мимоходныхъ* указаній, *тщетно* было бы отыскивать удовлетворительныя свѣдѣнія о различныхъ сельскихъ рукодѣльяхъ, достигшихъ во многихъ краяхъ Россіи значительнаго развитія. Имѣя въ виду всю важность этого вопроса, И. В. Э. Общество положило установить особыя награды за обстоятельныя статьи по этому предмету. Но много ли обогатилась чрезъ это бѣдная литература о сельскихъ ремеслахъ въ Россіи?—Нѣсколькими статьями, которыя составляютъ каплю въ морѣ, если взглянуть на обширность ремесленной промышленности. Кажется, какъ бы нашимъ образованнымъ землевладѣльцамъ не понять, не видѣть ясно, что, съ ихъ содѣйствіемъ развитію сельской народной промышленности, и они получатъ не малую выгоду? Какъ помѣщикамъ, этимъ главнымъ производителямъ сыраго матеріала, не видѣть, что доходы съ ихъ имѣній, при укрѣпленіи сельскихъ промысловъ, поддержались бы даже и въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ они упали вслѣдствіе реформы 1861 года? Какъ бы, кажется, правителямъ и заботникамъ о народной промышленности не понять, что съ развитіемъ занятій, способныхъ наполнить долгіе и скучные зимніе вечера, сельскіе люди удерживаются въ семьѣ, уничтожается страсть къ бродяжничеству и парализуется развращающее вліяніе кабаковъ, этихъ крестьянскихъ клубовъ,—что съ увеличеніемъ народной производительности увеличивается возможность получать съ нея доходы? Даже выгода, самая осязательная пружина, приводящая въ движеніе всякую дѣятельность, не была въ силахъ обратить вниманіе на одну изъ важнѣйшихъ дѣятельностей народа. Видѣли—не видали, слышали—не слыхали. И дѣйствительно, не видѣли и не слышали. Вся система нашего образованія была построена такъ, что только слѣпила миражами. Всѣ смотрѣли черезъ русскую жизнь, помимо ея, куда-то вдаль; тамъ вотъ что-то есть, подавай

*) «Труды И. В. Э. О.» 1853 г. № 12, стр. 56.

Digitized by Google

намъ то и то, чего у насъ нѣтъ, а наше намъ негоже, давай намъ готовенькое,—а не уразумѣли, что это готовенькое, посаженное въ чуждую для него почву, если не подойдетъ къ ней, то переродится въ сорную траву, которая не дастъ росту и тому, что производитъ родная земля. Такимъ образомъ самородки нашей промышленности, предоставленные силамъ только приниженной, необразованной и бѣднѣйшей части русскаго народа, преуспѣваютъ медленно или даже падаютъ; различныя отрасли ея, даже соприкосновенныя другъ другу, развились особнякомъ монополистами своего ремесла во вредъ себѣ и другимъ. «Посмотримъ, на примѣръ», говоритъ професоръ М. Я. Киттары*), «какъ работаются колеса въ нашихъ сѣверо-восточныхъ лѣсныхъ губеріяхъ: ободья гнетъ одна деревня или село, втулки точитъ другая, колеса собираетъ третья, а оковываетъ ихъ четвертая, и очень часто на разстояніи 10, 20 и 30 верстъ одна отъ другой. При такомъ порядкѣ, ремесленникъ, собирающій колеса, сколько долженъ тратить времени на поѣздку за ободьями, втулками и оковкой... Не то ли же самое, продолжаетъ онъ, должно сказать о ремеслѣ кожевенномъ, такъ же, по обыкновенію, странно раздѣленномъ: въ одномъ мѣстѣ заготовляютъ корье, въ другомъ дубятъ кожу, въ третьемъ шьютъ обувь, и все это не на сотняхъ верстъ другъ отъ друга, а на площади 20 или 30 квадратныхъ верстъ, гдѣ, слѣдовательно, условія края почти одинаковы. Изъ этихъ двухъ примѣровъ ясно видно, что эти ремесла были предоставлены на произволъ судьбы, не было разумнаго покровителя и руководителя, который могъ бы соединить различныя ремесла, ведущія къ одной опредѣленной цѣли равномѣрно въ каждомъ пунктѣ. Тогда въ результатѣ вышло бы громадное сохраненіе времени, напрасно тратящагося въ ущербъ ремесленнику».

Или, на примѣръ, наше маслобойное ремесло. Въ одномъ мѣстѣ маслобойни, а сырой продуктъ привозится иногда за 40 или 50 верстъ, между тѣмъ какъ земля и климатическія условія совершенно годны для разведенія масличныхъ растеній.

А что сказать, говоритъ въ той же рѣчи професоръ Киттары, о павловцахъ, жителяхъ Ворсмы и нѣкоторыхъ другихъ селеній Нижегородской губерніи, въ которыхъ что дворъ, то заведеніе разныхъ желѣзныхъ издѣлій: бритвъ, ножей, ножницъ, проволоки и проч.,—о жителяхъ, покупающихъ, правда, матеріалъ для работъ на макарьевской ярмаркѣ, но производимый природой Урала и его отроговъ, мѣстъ слишкомъ удаленныхъ отъ Нижняго Новгорода? Что сказать объ обитателяхъ или, правильнѣе, обитательницахъ, на примѣръ, Владимірской губерніи Гороховецкаго уѣзда, въ особенности села Пестяги, вотчины княгини Щербатовой, гдѣ весь женскій полъ, отъ мала до велика, вяжетъ чулки, носки и вареги, продавая ихъ потомъ по сибирскимъ городамъ, на нижегородской яр-

*) «Журналъ Сельскаго Хозяйства» 1858 г. № 11.

Digitized by Google

маркѣ и въ другихъ мѣстахъ на 120 слишкомъ тысячъ руб. серебр. и потребляя на это дѣло до $12^1/_2$ тысячъ пудовъ шерсти—не мѣстной, а доставляемой изъ губерній Астраханской, Оренбургской, Саратовской и изъ Земли Войска Донскаго,—все изъ мѣстъ слишкомъ далекихъ отъ Владиміра? Развѣ эти примѣры,—а ихъ можно привести гораздо болѣе,—служатъ доказательствомъ правильности экономическаго распредѣленія нашихъ ремеслъ и ихъ отдѣльности, на этотъ разъ даже не объусловливаемыхъ мѣстностью?

Не выгоднѣе ли бы было, еслибы наши мелкія желѣзныя издѣлія вырабатывались жителями Пермской, Вятской и Оренбургской губерній прямо изъ мѣстнаго матеріала, а шерсть перерабатывалась на мѣстахъ ея полученія? Не уменьшилась ли бы стоимость этихъ произведеній уже сокращеніемъ расхода чрезъ устраненіе двойной перевозки и лишнихъ посредниковъ?

Разумѣется, всѣ эти странныя явленія въ развитіи нашей ремесленной промышленности имѣли и свои историческія причины, но все-таки ихъ возможно бы было связать въ одно общее стройное цѣлое, еслибы къ ней было приложено знаніе людей свѣдущихъ и организующая предпріимчивость нашихъ передовыхъ дѣятелей одушевляла любовь къ народу. Сила ума русскаго человѣка, способность его къ самодѣятельности и предпріимчивость его духа заявляютъ о себѣ и въ сельской промышленности многими яркими фактами,—только для этихъ творческихъ силъ русскаго народа нѣтъ ни сочувствія, ни поддержки.

Я не буду утомлять читателя описаніемъ русскихъ самоучекъ механиковъ, живописцевъ и т. д., а укажу на нѣкоторыхъ, которые своимъ личнымъ трудомъ и смѣтливостью установили цѣлые промыслы въ извѣстномъ районѣ и тѣмъ закрѣпили благоденствіе извѣстныхъ мѣстностей.

Такъ, на примѣръ, въ 1841 году Бокаревъ *), крестьянинъ графа Шереметева, слободы Алексѣевской, Воронежской губерніи, Бирючскаго уѣзда, посѣялъ въ своемъ огородѣ небольшое количество сѣмянъ подсолнечника. Дозрѣлыя сѣмена онъ попробовалъ на ручной маслобойнѣ и, къ крайнему своему удовольствію, получилъ немного превосходнаго масла, какого онъ никогда не видывалъ и какого тогда въ Алексѣевскомъ въ продажѣ не было. Обрадованный этимъ удачнымъ опытомъ, онъ на слѣдующій же 1842 годъ посѣялъ остатокъ сѣмянъ уже съ промышленною цѣлью и, трудясь годъ за годомъ надъ этою отраслью сельской промышленности, на четвертый годъ онъ уже продавалъ подсолнечное масло. Крестьяне, узнавъ объ этомъ, похитили у Бокарева нѣсколько головокъ подсолнечниковъ, начали разводить ихъ съ тою же цѣлію и чрезъ 18 лѣтъ, благодаря Бокареву, въ городѣ Бирючѣ было уже 40 маслобойныхъ заводовъ, изъ которыхъ каждый выбивалъ не менѣе 2 т. пуд. масла въ зиму. Въ слободѣ же Алексѣевской и ея хуторахъ находилось 120 заво-

*) «Экономич. Зап.» 1860 г. № 28, стр. 223.

Digitized by Google

довъ; 40 т. крестьянъ принялись за этотъ промыселъ; даже сосѣдніе государственные крестьяне приняли въ немъ самое живое участіе. Почти 16 т. десятинъ засѣвается теперь подсолнечникомъ, а сѣмени его добывается до 1.600.000 пудовъ. Прежняя Алексѣевская слобода въ настоящее время неузнаваема. Давно ли крестьяне бѣдствовали, недоимки были неоплатныя,—теперь крестьяне оправились, многіе пріобрѣли даже богатство, и единственно путемъ маслобойнаго производства и посѣва подсолнечника. Полъуѣзда Бирючскаго занято этимъ дѣломъ и, благодаря Бокареву, благоденствуетъ. Развитіе этого производства породило у сосѣдей новыя небывалыя до того ремесла: такъ, вся Марьинская слободка стала производить бочки, потребныя для масла, и въ настоящее время не въ состояніи удовлетворять всѣмъ требованіямъ, почему бочки привозятся даже изъ Курской губерніи; стебли, остающіеся въ полѣ, продаются по 3 рубля за десятину для приготовленія поташу, что развило поташное производство; избоина продается по 65 коп. за пудъ и идетъ на откармливаніе скота и свиней. Вотъ что могла сдѣлать счастливая мысль одного человѣка среди спавшаго народа. Невольно задаешься вопросомъ, что бы было съ нашею народной ремесленной промышленностью, еслибы почаще являлись хотя Бокаревы, не говоря уже о томъ, чтобы занялись этимъ дѣломъ спеціалисты и люди со средствами. Сколько бы сохранилось тогда побочныхъ продуктовъ въ ремеслахъ и времени, по неумѣнью, безплодно пропадающаго, и при улучшенныхъ способахъ маслобитія на сколько процентовъ увеличилась бы добыча продукта. Но никому до этого нѣтъ дѣла; работаютъ мужички, какъ знаютъ, и не вѣдаютъ, что въ Англіи, при разведеніи подсолнечника, получается и хорошій холстъ, потому что лубовая клѣтчатка его даетъ крѣпкое и хорошее волокно.

Другой, не менѣе интересный примѣръ представляетъ разведеніе кошекъ для приготовленія мѣховъ въ Полтавской губерніи *). Первое начало этому промыслу положилъ въ 1830 или 1832 году нѣкто Хандро, уроженецъ мѣстечка Рашавки, къ которому впослѣдствіи присоединился Пошивейло, уроженецъ того же селенія. Оба они уже въ 1853 году имѣли порядочный капиталъ, нажитый отъ этого промысла, и именовались рашавскими купцами. Такой промыслъ Хандра и Пошивейла заставилъ хозяевъ сосѣднихъ селеній съ Рашавкой усилить кошководство, такъ что въ каждомъ хозяйствѣ ихъ можно встрѣтить болѣе 10. Такъ какъ разведеніе кошекъ и уходъ за ними ничего не стоитъ, а плата довольно хорошая: 30—40 коп. за черную и 20—30 к. за кошку иныхъ мастей, то эта отрасль промышленности явилась хорошимъ подспорьемъ не только въ сосѣднихъ селеніяхъ, но и дальнихъ, потому что каждый изъ упомянутыхъ заводчиковъ содержитъ до 200 работниковъ, которые отправляются въ разныя мѣста не только Полтавкой губерніи, но даже

*) «Ж. Н. В. Г. О.» 1853 г. № 12, стр. 372.

Digitized by Google

Харьковской и Екатеринославской. Сколькимъ бы мѣстностямъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ былъ пригодетъ этотъ промыслъ!.. Но наши крестьяне о немъ не имѣютъ понятія.

Наконецъ, кому не извѣстны каповыя издѣлія *), а созданіе этого промысла всецѣло принадлежитъ слободскому мѣщанину Григорью Макарову. Вотъ краткая исторія каповаго производства. Въ двадцатыхъ годахъ, на Павловскій винокуренный заводъ пріѣхалъ кто-то управляющимъ (имя не сохранилось въ памяти корреспондента). У этого управляющаго, во первыхъ, была деревянная табакерка съ деревянными же шарнерами хорошей шотландской работы; во вторыхъ, Григорій Макаровъ увидѣлъ у него эту табакерку и, заинтересовавшись шарнерами, выпросилъ ее себѣ. Макаровъ, занимавшійся столярнымъ ремесломъ, естественно, не удовольствовался тѣмъ, что имѣлъ такую табакерку, но раздробилъ ее и, думая да гадая, дѣлая да передѣлывая по ней такія же, наконецъ добился до секрета выдѣлки деревянныхъ шарнеровъ, и мало того, что, открывъ секретъ, сталъ дѣлать табакерки не хуже шотландскихъ, но даже пріискалъ прекрасный и весьма удобный матеріалъ для нихъ—*капъ*. Капъ не какое либо особенное дерево, а наростъ на нѣкоторыхъ деревьяхъ, образующійся отъ неправильнаго прилива соковъ къ одному мѣсту дерева; такой наростъ зрѣетъ лѣтъ десять или болѣе; будучи спиленъ, онъ даетъ въ разрѣзѣ чрезвычайно красивый рисунокъ и имѣетъ отливъ иногда перламутовый и даже (хотя это случается рѣдко) радужный. Изъ этихъ-то наростовъ, называемыхъ капомъ, дѣлаются, или нарѣзанными изъ нихъ тонкими листами оклеиваются знаменитыя макаровскія издѣлія. Развѣ это не знаменательный примѣръ способностей русскаго человѣка, которому не достаетъ только образцевъ, которому не указываютъ на раціональное веденіе дѣла, не даютъ, такъ сказать, опериться въ извѣстномъ искусствѣ?... Въ такомъ случаѣ онъ пошелъ бы впередъ, а при разумной поддержкѣ, навѣрно, достигъ бы блестящихъ результатовъ.

Не менѣе интересный примѣръ представляетъ намъ село Безсоновка **), въ 10 верстахъ отъ Пензы, въ которой всѣ земли крестьянъ находятся подъ лукомъ сѣянцемъ и рѣпчатымъ, которымъ крестьяне ведутъ обширный торгъ; они не только продаютъ его на мѣстѣ и въ окрестностяхъ, но цѣлыми транспортами возятъ его въ губерніи Саратовскую, Самарскую, Астраханскую, Оренбургскую, Симбирскую, Нижегородскую, Тамбовскую, даже Кіевскую. Крестьяне благоденствуютъ,—а кто научилъ ихъ этому промыслу?—Сами себя. Не обладай народъ такою находчивостью, предпріимчивостью и желаніемъ трудиться надъ промысломъ, когда видитъ онъ, что промыслъ идетъ въ прокъ, что̀ бы тогда дѣлалъ хотя, на

*) «Мануф. и Горнозав. Изв.» 1856 г. № 39, стр. 620.
**) «Тр. И. В. Э. О.» 1859 г. № 3, стр. 259.

Digitized by Google

примѣръ А. И. Араповъ, бывшій владѣлецъ Безсоновки, въ которой всѣ крестьяне малоземельные,—что бы дѣлали и они сами? Находчивость русскаго человѣка сдѣлала дѣло. А сколько есть на Руси еще и такихъ Безсоновокъ, которыя умираютъ съ голоду потому только, что не отыскивается людей, умѣющихъ подать и указать приличный промыслъ, или ремесло, между тѣмъ какъ случай не помогаетъ?

Сколько разъ я слыхалъ отъ бѣдняковъ, что они съ радостью принялись бы за что нибудь, да указать некому, а дѣловъ никакихъ старики не знаютъ, исключая какъ землю пахать; слѣдовательно, поучиться не у кого. По освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, яркими красками рисуется часто очень некрасивое состояніе тѣхъ изъ нихъ, которые только и знаютъ, что одно хлѣбопашество.

На нихъ-то, по моему мнѣнію, и должно быть обращено непремѣнное и безотлагательное вниманіе, чтобы создать для нихъ промыслы и ремесла, приличныя климату, почвѣ и степени образованія,—промыслы и ремесла, которыя послужили бы подспорьемъ несчастному хозяйству. Участіе знающихъ людей необходимо не только для развитія новыхъ ремеслъ, но и для поддержанія существующихъ передачею лучшихъ способовъ и техническихъ пріемовъ. Отъ неумѣнья обращаться, раціонально обращаться, съ сырымъ матеріаломъ при его добываніи, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ извѣстное ремесло развито уже давно, происходятъ просто чудеса. Такъ, на примѣръ, близъ Вышняго Волочка находится село Ѳедотово *); въ немъ и въ прилежащихъ къ нему пяти деревняхъ выдѣлывается изъ синей глины различная посуда. Число всѣхъ занимающихся этимъ ремесломъ равняется почти 350 душамъ, исключая женщинъ и дѣтей, которыя тоже принимаютъ участіе въ работѣ. Отъ неумѣнья правильно обращаться съ глиною, при добычѣ ея, они подрываютъ даже свои постройки и переносятъ ихъ на другое мѣсто, лишь бы только легче было доставать глину. Хорошъ барышъ!.. А укажите имъ на самые простѣйшіе и, смотря по мѣстности, удобнѣйшіе техническіе пріемы рытья глины, и я убѣжденъ, что они съ удовольствіемъ ихъ примутъ и усвоятъ себѣ. Точно также сколько гибнетъ глины превосходнаго качества въ Кіевской губерніи по берегамъ рѣки Ольшанки, не смотря на то, что она добывается съ большими трудностями. Это можно легко понять изъ слѣдующаго сообщенія очевидца **): «Обыкновенно нѣсколько крестьянъ, человѣкъ тридцать, идутъ искать ее партіями. Сначала начинаютъ копать на берегу яму въ грунтѣ, не имѣющемъ никакихъ признаковъ глины; углубляясь перпендикулярно въ землю до трехъ аршинъ, встрѣчаютъ только глубокій слой чернозема; затѣмъ начинаетъ показываться глина сѣропесковатая и, наконецъ, на глубинѣ четырехъ или пяти аршинъ, открывается

*) «Соврем. Изв.» (изъ корресп. «Бирж. Вѣд.») 1871 г., № 51.

**) «Мануф. и Горнозав. Изв.» 1856 г. № 3, стр. 46.

Digitized by Google

бѣлая глина. Съ появленіемъ глины начинаетъ показываться вода; въ яму вставляютъ деревянный срубъ; одни изъ рабочихъ отливаютъ воду, другіе выкапываютъ глину; по снятіи сруба, яма засыпается сама собою». Сколько труда, сколько напрасно потеряннаго времени, а также и матеріала!.. Хотя бы заработокъ-то былъ хорошъ, а то и этого нѣтъ: партія въ 30 человѣкъ, въ теченіи лѣтняго времени, такимъ способомъ можетъ добыть не болѣе 800 возовъ, т. е., на сумму около 1.000 руб. сер., что составитъ не болѣе 10 р. въ мѣсяцъ, изъ которыхъ еще нужно отдѣлить на покрытіе расходовъ на пропитаніе, на срубъ и пр.

Послѣдніе два приведенные примѣра указываютъ только на недостаточность знакомства съ извѣстными техническими пріемами при укоренившемся уже промыслѣ, и выбраны нарочно изъ одного изъ обширнѣйшихъ производствъ въ Россіи, не смотря на малую цѣну вырабатываемыхъ продуктовъ, повсемѣстно нужныхъ и ежедневно потребляемыхъ.

Но что же мнѣ привести въ примѣръ для того, чтобы наглядно доказать все равнодушіе предпріимчивыхъ и образованныхъ людей къ такимъ странамъ, которыя богаты сырыми продуктами, но населены бѣдными жителями, нуждающимися въ ремеслѣ и живущими близъ сыраго продукта сложа руки, между тѣмъ какъ достаточно бы одного толчка, чтобы возбудить кипучую дѣятельность, которая облагодѣтельствовала бы край и доставила бы болѣе богатому класу дешевый и сподручный матеріалъ, который привозится иногда издалека, не говоря уже о предметахъ роскоши. Кому, на примѣръ, не нужны изразцы, чашки, тарелки и прочая глиняная посуда? Почему бы, кажется, не развиться подобнымъ производствамъ въ мѣстностяхъ, изобилующихъ глиной всѣхъ сортовъ? Но на дѣлѣ мы встрѣчаемъ, на примѣръ, слѣдующее: еще въ 1856 году, пишетъ изъ Вятки корреспондентъ «Комерческой Газеты» *), что при всемъ изобиліи разныхъ породъ глины въ Вятскомъ краѣ, объ изразцахъ здѣсь не имѣютъ и понятія; кому они нужны, тотъ получаетъ ихъ съ Нижегородской ярмарки, чрезъ заказы купцамъ. Вообще Вятскій край, продолжаетъ онъ, бѣденъ глиняными издѣліями, исключая уродливыхъ куколъ, которыя приготовляются въ одной изъ Вятскихъ слободъ, Дымковѣ, для продажи на мѣстѣ и отправки въ Оренбургскую губернію. Изъ всего этого читатель пойметъ, какъ полезно было бы развить гончарный промыселъ среди народа, а людямъ предпріимчивымъ построить хотя одинъ фаянсовый или фарфоровый заводъ: это было бы полезно не только для заводчиковъ, но и для крестьянъ этого края. У послѣднихъ была бы работа, а слѣдовательно и лишняя копѣйка, а первые нашли бы потребителей въ губерніяхъ: Вятской, Архангельской, Вологодской, Оренбургской и частью Казанской (сплавомъ по Вяткѣ и Камѣ). Это писано еще въ 1859 году, а что сдѣлано въ этомъ отношеніи до 1871 года?

---

*) «Мануф. и Горнозав. Изв.» 1856 г. № 1, стр. 13.

Digitized by Google

Возьмемъ еще другой примѣръ. Въ Малороссіи всѣ крестьяне, отъ мала до велика, носятъ сапоги, а лапти у нихъ совсѣмъ не употребляются; для освѣщенія, всѣ они употребляютъ сальныя свѣчи, заводскія или собственнаго издѣлія. Самые бѣдные крестьяне для этой цѣли употребляютъ сало или конопляное масло. Не смотря на постоянную нужду въ сказанныхъ предметахъ, производствъ ихъ и заводовъ для того чрезвычайно мало, и гдѣ же?—въ Харьковской губерніи *), такъ что коты и шитая обувь привозятся издалека, и большею частью чрезъ руки промышленниковъ другихъ губерній. Итакъ, вмѣсто того, чтобы платить другимъ въ тридорога, на удовлетвореніе своихъ потребностей, когда матеріалъ подъ руками, кажется, одна народная гордость должна бы заставить малорусскихъ общественныхъ дѣятелей обратить вниманіе на эту отрасль промышленности и самимъ извлекать тѣ выгоды, которыя переходятъ въ другія руки. Умноженіе кожевеннаго, свѣчнаго и салотопеннаго производствъ въ Харьковской губерніи, кажется, имѣло бы самое приличное для себя мѣсто, потому что здѣсь скотоводство составляетъ самую важную отрасль промышленности. Кромѣ того, въ Харьковской губерніи, какъ въ центрѣ Малороссіи, гдѣ бываютъ значительныя ярмарки, гдѣ народная промышленность оживлена болѣе, увеличеніе упомянутыхъ производствъ можетъ обнаружить самую ощутительную пользу для народа всей страны.... Не смотря на всѣ эти видимыя нужды Харьковской губерніи въ этихъ производствахъ, посмотрите, въ какомъ жалкомъ состояніи, относительно спроса на нихъ, находятся они до настоящаго времени!

М. Боголюбовъ.

ИЗВѢСТІЯ О ХОДѢ ССУДНЫХЪ ТОВАРИЩЕСТВЪ.

Въ одной изъ прошедшихъ книжекъ, говоря о значеніи ссудъ сберегательныхъ товариществъ для нашего крестьянства, мы выразили убѣжденіе, что это новое живое дѣло получило серьезное движеніе и не замретъ, какъ замирали многія полезныя начинанія на Руси. Свѣдѣнія, полученныя нами изъ коммисіи по ссуднымъ товариществамъ, состоящей при Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства, показываютъ, что убѣжденіе наше оправдывается. Открытыя товарищества разростаются и укрѣпляются, число этихъ полезныхъ учрежденій возрастаетъ; земства

*) «Тр. И. В. Э. О.» 1853 г. № 5, стр. 128.

Digitized by Google

живо берутся за новый способъ пособить народнымъ нуждамъ. Такъ какъ на русскаго человѣка факты дѣйствуютъ сильнѣе разсужденій, отечественные примѣры больше заграничныхъ,—то свѣдѣнія о ходѣ первыхъ опытовъ народнаго кредита пріобрѣтаютъ особенно важное значеніе, какъ произведенныхъ на русской почвѣ. Хотя большая часть товариществъ учреждена лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, но уже въ это короткое время они успѣли сдѣлать, а главное, выяснить многое.

Начнемъ съ свѣдѣній о дѣятельности товариществъ, учрежденныхъ при пособіи новгородскаго земства. Изъ новгородскихъ товариществъ 4, о которыхъ имѣются у насъ подъ руками данныя: 1, 2, 3 и 4-е череповскія находятся въ Череповскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи, колмовское—въ Новгородскомъ уѣздѣ, доворецкое—въ Старорусскомъ уѣздѣ и шереховское—въ Боровицкомъ уѣздѣ. Первые три череповскія товарищества и колмовское открыли свои дѣйствія въ половинѣ ноября, доворецкое—6 декабря прошлаго года, шереховское—1 января 1871 года и 4-е череповское—21 января. *Основной капиталъ* въ 1-мъ череповскомъ—3.000 р., въ 3 и 4-мъ череповскомъ—по 1.500 руб., а во всѣхъ остальныхъ по 1.000 р. Въ послѣднихъ числахъ марта,—время, къ которому относятся сообщенныя ниже свѣдѣнія,—во всѣхъ 7 товариществахъ состояло 1.019 *членовъ*, именно: въ 1-мъ череповскомъ 324, шереховскомъ 161, доворецкомъ 146, 2-мъ череповскомъ 135, колмовскомъ 115, 3-мъ череповскомъ 86 и 4-мъ череповскомъ 52. Какъ быстро прибываетъ количество членовъ, можно судить изъ того, что въ 5 товариществахъ, открытыхъ въ прошломъ году къ 1 января 1871 года, находилось *) 514 членовъ, а теперь въ тѣхъ же товариществахъ уже 806 членовъ, то есть, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ прибыло 292 человѣка. Особенно значительно увеличилось за это время число членовъ въ 1-мъ череповскомъ товариществѣ, гдѣ съ 218 оно дошло до 324. Такой быстрый приливъ членовъ показываетъ, какъ скоро крестьяне поняли и оцѣнили значительность учрежденій.

Высшій предѣлъ услугъ, какія товарищество можетъ оказать мѣстному населенію, опредѣляется размѣромъ его средствъ. По уставамъ новгородскихъ товариществъ, ихъ средства получаются изъ паевыхъ взносовъ членовъ, вкладовъ и займовъ. Остановимся прежде всего на обязательныхъ *паевыхъ взносахъ*, которые служатъ мѣркою участія членовъ въ дѣлахъ товарищества и ихъ аккуратности въ исполненіи принятыхъ обязательствъ. Этотъ отдѣлъ средствъ пріобрѣтаетъ еще особенно важное значеніе по тому, что паевые взносы составляютъ въ настоящее время единственный собственный капиталъ товариществъ, такъ какъ всѣ другія средства, не исключая и основнаго капитала, ссуженнаго земствомъ, подлежатъ воз-

*) См. «Второй съѣздъ сельскихъ хозяевъ при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства». Отдѣленіе 1. Засѣданіе 27 декабря 1870 года. Таблица, приложенная къ докладу А. В. Яковлева.

Digitized by Google

врату. Паевыхъ взносовъ къ апрѣлю было уже 1.995 рублей, что при 1.019 членахъ, даетъ среднимъ числомъ по 1 р. 95 к. на человѣка. Если принять во вниманіе, что ежегодный паевой взносъ въ новгородскихъ товариществахъ расчитанъ въ 1 р. 80 к., которые вносятся три раза въ годъ, по 60 к. въ треть, то выходитъ, что члены не только не затянули своихъ платежей, но, напротивъ, въ первые четыре мѣсяца внесли болѣе, чѣмъ сколько должны были внести въ теченіе цѣлаго года. По количеству паевыхъ взносовъ, товарищества слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: 1-е череповское 531 р. 50 к., доворецкое 489 р., 2-е череповское 290 р., 3-е череповское 209 р., шереховское 200 р., колмовское 180 р. и, наконецъ, послѣднее по времени открытія 4-е череповское 94 р. Сличая сумму паевыхъ взносовъ съ числомъ членовъ, мы видимъ, что средній взносъ каждаго члена всего значительнѣе въ доворецкомъ товариществѣ, гдѣ онъ доходитъ до 3 р. 35 к., а всего менѣе въ шереховскомъ—1 р. 25 к.

Сумма *вкладовъ* въ товариществахъ вообще не велика; она простирается всего до 1.366 р., а именно: въ 2-мъ череповскомъ 554 р., въ 1-мъ череповскомъ 324 р., въ шереховскомъ 275 р., 3-мъ череповскомъ 113 р., въ 4-мъ череповскомъ и доворецкомъ по 50 р., въ колмовскомъ даже вовсе нѣтъ вкладовъ. Если принять въ расчетъ, что почти всѣ вклады поступили лишь въ послѣдніе три мѣсяца, такъ какъ къ 1 января въ двухъ товариществахъ (1-мъ и 2-мъ череповскихъ) состояло по вкладамъ только 247 р., то, конечно, и приведенная цифра сама по себѣ составляетъ значительный успѣхъ, тѣмъ болѣе, что на первое время, пока свѣдѣнія о товариществахъ и ходѣ ихъ дѣлъ еще мало успѣли распространиться, вклады поступаютъ исключительно отъ членовъ. Но по отзывамъ людей, близко стоящихъ къ дѣлу, цифра вкладовъ была бы гораздо больше, еслибы уставы товариществъ не представляли стѣсненій для этой операціи. Во всѣхъ новгородскихъ товариществахъ сумма вклада отъ одного лица не можетъ превышать 50 рублей. Крестьянинъ, имѣя въ рукахъ такую сумму, не понесетъ ея въ банкъ, такъ какъ она немедленно понадобится на расходы. Всего скорѣе положитъ свои деньги во вкладъ тотъ крестьянинъ, который скопитъ большую сумму, превышающую предѣлы обыденныхъ нуждъ, и не желаетъ безъ пользы беречь ее у себя дома. Между тѣмъ, уставъ и лишаетъ именно этотъ главный родъ вкладчиковъ доступа въ товарищество. Впрочемъ, товарищества нашли возможность обойти такое неудобство. Тѣ суммы, которыя нельзя принять въ видѣ вклада, они принимаютъ въ видѣ займа, такъ что, собственно говоря, за немногими исключеніями, на займы нужно смотрѣть какъ на вклады. Всѣхъ *займовъ* было сдѣлано на сумму 5.848 р., именно: въ 1-мъ череповскомъ товарищ. 3.007 р., въ доворецкомъ 1.600 р., въ шереховскомъ 600 р., въ 2-мъ череповскомъ 300 р., въ 4-мъ череповскомъ и колмовскомъ по 120 р., въ 3-мъ череповскомъ 100 р. Изъ всѣхъ

Digitized by Google

залоговъ лишь въ 1-мъ череповскомъ 1.200 р. было занято въ мѣстномъ городскомъ банкѣ, и въ доворецкомъ 500 р. ссудилъ князь А. И. Васильчиковъ; остальные же займы, какъ сдѣланные у членовъ почти за тѣ же проценты, какіе платятся по вкладамъ, по всей справедливости нужно отнести къ категоріи вкладовъ.

Но самую важную операцію товариществъ безспорно составляютъ *ссуды*: ими выражается размѣръ дѣйствительныхъ услугъ, принесенныхъ мѣстному населенію. Всѣхъ ссудъ со времени основанія товариществъ выдано уже 25.371 р., именно: въ 1-мъ череповскомъ 9.335 р., въ доворецкомъ 3.827 р., въ 2-мъ череповскомъ 3.135 р., въ 3-мъ череповскомъ 2.825 р., въ шереховскомъ 2.476 р., въ 4-мъ череповскомъ 1.956 р., въ колмовскомъ 1.817 р. Какъ великъ былъ средній размѣръ ссудъ, намъ, къ сожалѣнію, не извѣстно. Но въ доворецкомъ товариществѣ, относительно котораго есть свѣдѣнія, выдано было 133 ссуды, что при общей суммѣ въ 3.827 р. даетъ 29 р. 53 коп. на каждую ссуду. Такъ какъ въ товарищество вступаютъ люди нуждающіеся въ кредитѣ, и каждый членъ спѣшитъ воспользоваться имъ, что ясно подтверждается фактами доворецкаго товарищества, гдѣ на 146 членовъ было выдано 133 ссуды,— то принимая въ расчетъ отношеніе числа членовъ къ суммѣ ссудъ по остальнымъ товариществамъ, нужно полагать, что въ этихъ послѣднихъ средній размѣръ ссудъ не превышаетъ 30 рублей. Слѣдовательно, приблизительно 30 рублей нужно считать въ настоящее время среднею нормою потребности новгородскаго крестьянина въ кредитѣ.

При основаніи товариществъ, у всѣхъ сочувствовавшихъ дѣлу лицъ являлось естественное опасеніе за исправность возврата ссудъ, подкрѣпляемое живымъ примѣромъ волостныхъ банковъ, въ которыхъ ссуды оставались не взысканными по цѣлымъ годамъ. Конечно, новгородскія товарищества прожили еще недолго, и неизвѣстно, что съ ними будетъ дальше, но на первый разъ они выдерживаютъ испытаніе блистательно. При общей цифрѣ выданныхъ ссудъ въ 25.371 р., возвращено 5.177 р., именно: въ 1-мъ череповскомъ 2.016 р., въ 2-мъ череповскомъ 848 р., въ доворецкомъ отъ 23 лицъ 780 р., въ 3-мъ череповскомъ 757 р., въ колмовскомъ 444 р., въ шереховскомъ 252 р. и въ 4-мъ череповскомъ 80 р. Такимъ образомъ, въ короткій промежутокъ 4-хъ мѣсяцевъ возвращено болѣе 20% всѣхъ выданныхъ въ ссуду суммъ. *Просрочекъ* до сихъ поръ *не было*, но зато были примѣры возвращенія ссудъ до срока. Товарищества даже не даютъ почти *отсрочекъ*, что доказывается ничтожною суммою пени за отсрочки, составляющею 1 р. 24 коп. на всѣ 7 товариществъ.

Процентовъ на ссуды получено 1.410 р., именно: въ 1-мъ череповскомъ товарищ. 498 р., въ доворецкомъ 268 р., въ 3-мъ череповскомъ 147 р., въ шереховскомъ 145 р., въ 2-мъ череповскомъ 142 р., въ 4-мъ череповскомъ 113 р., въ колмовскомъ 96 р. Такимъ образомъ, валовой доходъ товариществъ уже въ настоящее время составляетъ, по отноше-

Digitized by Google

нію къ основному капиталу и паевымъ взносамъ, около 12%. О размѣрѣ чистаго дохода мы не можемъ судить, такъ какъ нѣтъ подъ руками данныхъ о томъ, сколько товарищества должны уплатить по своимъ обязательствамъ.

Расходы по управленію составляли для всѣхъ товариществъ всего около 20 рублей.

Сводя къ одному итогу данныя по всѣмъ операціямъ товариществъ, мы видимъ, что наиболѣе успѣшнымъ развитіемъ дѣлъ отличается 1-е череповское товарищество. Въ немъ всего значительнѣе какъ приливъ членовъ и средствъ, такъ и сумма произведенныхъ ссудъ. Это то самое товарищество шляповаловъ, о которыхъ интересныя данныя, извлеченныя изъ рѣчи кн. А. И. Васильчикова, были сообщенны въ III-й кн. «Бесѣды». За 1-мъ череповскимъ слѣдуетъ доворецкое, находящееся въ мѣстности чисто земледѣльческой, гдѣ крестьяне промыслами не занимаются. Отсюда видно, что товарищества хорошо прививаются какъ въ средѣ промышленнаго, такъ и земледѣльческаго населенія.

Благодаря успѣху первыхъ опытовъ, дѣло ссудныхъ товариществъ быстро подвигается впередъ. Къ половинѣ прошлаго года было утверждено правительствомъ всего 5 товариществъ, именно старѣйшіе: *рождественское* 1865 г., *феллинское* (въ г. Филлинѣ), *кукарское* (въ Яранскомъ уѣздѣ, Вятской губ.) и *гадячское* (въ г. Гадячѣ, Полтавской губ.) въ 1869 году и *ястребинское* (въ Ямбургскомъ уѣздѣ, С.-Петерб. губ.) въ маѣ 1870 года. Съ сентября мѣсяца 1870 года возникновеніе товариществъ пошло гораздо быстрѣе, какъ это видно изъ слѣдующаго перечня утвержденныхъ съ сентября 1870 года товариществъ, съ обозначеніемъ времени ихъ утвержденія.

		1870 г.
6.	*Гдовское*, въ г. Гдовѣ, С.-Петерб. губ.	2 сентября.
7.	*Воиновское*, въ Новосильскомъ уѣздѣ, Тульск. губ.	3 сентября.
8.	*Выскатское*, въ Гдовскомъ уѣздѣ, С.-Петерб. губ.	16 сентября.
9.	*Тереховское*	17 октября.
10.	*1-е Череповское*.	17 октября.
11.	*2-е Череповское*.	19 октября.
12.	*3-е Череповское*.	19 октября.
13.	*Колмовское*.	24 октября.
14.	*Боровенское*, въ Валдайскомъ уѣздѣ, Новгор. губ.	12 ноября.
15.	*Доворецкое*	12 ноября.
16.	*Зимаровское*, въ Раненбургскомъ уѣздѣ, Рязан. губ.	27 ноября.
17.	*4-е Череповское*	3 декабря.
		1871 г.
18.	*Огоревское*, въ Инсарскомъ уѣздѣ, Пензенск. губ.	14 января.
19.	*5-е Череповское*.	5 марта.

Digitized by Google

20. *Нестеровское*, въ Елатинскомъ уѣздѣ, Тамб. губ. 5 марта.
21. *Хотебцовское*, въ Рузскомъ уѣздѣ, Москов. губ. 6 марта.
22. *Времьевское*, въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ. . . . . 6 марта.
23. *Устьволенское*, въ Крестецкомъ уѣздѣ, Нов. губ. 16 марта.
24. *Пыщугское*, въ Ветлужскомъ уѣздѣ, Костром. губ. 20 марта.
25. *Бояркинское*, въ Коломенскомъ уѣздѣ, Моск. губ. 13 апрѣля.
26. *Отрадинское*, въ Серпухов. уѣздѣ, Москов. губ. 12 апрѣля.
27. *Мелковское*, въ Тверскомъ уѣздѣ . . . . . 14 апрѣля.
28. *Обозновское*, въ Елисаветград. уѣздѣ, Херсон. губ. 21 апрѣля.

Такимъ образомъ, въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ прошлаго года и четырехъ настоящаго, утверждено 23 товарищества, то есть, почти по 4 въ мѣсяцъ.

Есть основаніе полагать, что съ осени настоящаго года дѣло народнаго кредита получитъ еще болѣе успѣшный ходъ. Коммисія по ссуднымъ товариществамъ обращалась во всѣ земскія управы съ запросомъ о ходѣ существующихъ товариществъ, а также о томъ, не имѣется ли въ виду предположенія объ ихъ учрежденіи. Изъ 150 управъ, доставившихъ отвѣты, около половины объяснили, что у нихъ изготовляются по этому предмету доклады осеннимъ земскимъ собраніямъ. Успѣшный опытъ рождественнаго и новгородскихъ товариществъ, по всей вѣроятности, расположитъ земство въ пользу принятія предположеній управъ. Открытіе товариществъ въ значительной степени ускорится и облегчится еще и по тому, что правительство, какъ слышно, одобрило проектъ образцоваго устава товариществъ, составленнаго коммисіей, и до изданія изготовляемаго нынѣ нормальнаго положенія о товариществахъ приметъ пока этотъ образцовый уставъ въ томъ смыслѣ, что всякій подходящій къ нему уставъ будетъ утверждаться немедленно и безпрепятственно.

Конечно, какъ мы уже говорили въ прошлой статьѣ, дѣло болѣе облегчилось бы, еслибы правительство предоставило утвержденіе товариществъ, согласныхъ съ образцовымъ уставомъ, мѣстнымъ земскимъ управамъ или нотаріусамъ. Но такъ какъ въ настоящую минуту нѣтъ, кажется, основаній надѣяться на эту уступку, то остается по крайней мѣрѣ пожелать, чтобы правительство разрѣшило уѣзднымъ земскимъ управамъ, миновавъ губернскія учрежденія, представлять уставы вновь возникающихъ товариществъ на утвержденіе правительства непосредственно отъ себя. Такимъ образомъ миновалась бы одна лишняя инстанція, которая, не всегда будучи непосредственно заинтересована въ дѣлѣ, служитъ обычнымъ источникомъ безплодныхъ проволочекъ.

Digitized by Google

сь для нихъ
ителей, при
го направ-

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

12-го мая.

Хаотическое состояніе Франціи; неизбѣжность катастрофы.—Парижъ и Версаль и ихъ сравнительное значеніе.—Съѣздъ въ Бордо запрещенъ.—Послѣднія усилія комуны.—Расказъ Рана о ея дѣятеляхъ.—Вандализмъ ея.—Паденіе Парижа.—Торжество реакціи.—Происки наполеонидовъ и орлеанской династіи.—Роль Тьера.—Преобладающіе виды народныхъ движеній въ настоящую минуту: федерализмъ во Франціи, борьба съ папизмомъ въ Германіи, отпоръ прусофильству со стороны народной партіи.—Замыслы Германіи относительно славянъ и Австріи; ихъ судьба рѣшается дипломатами.—Усилія Австріи отстоять себя; лихорадочно-примирительныя стремленія; борьба съ нѣмцами.—Вѣсти изъ Хорватіи; побѣда оппозиціи и кризисъ министерства Андраши.

«Бѣдная Франція» (pauvre France!)—восклицалъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ памфлетѣ того же имени, извѣстный Рожаръ, изображая всѣ тѣ бѣды, въ которыя повергла Францію наполеоновская политика. Если это восклицаніе было истинно въ то время, то нынѣ затруднительно было бы найти достаточно словъ, чтобы выразить все безконечное соболѣзнованіе, возбуждаемое зрѣлищемъ страны, освободившейся отъ деспота, но раздираемой междоусобіемъ. На первый взглядъ положеніе дѣлъ во Франціи представляется какъ-бы хаотическимъ: не говоря уже о томъ коренномъ разладѣ, который существуетъ между консервативнымъ національнымъ собраніемъ и страною,—разладѣ, ясно выказавшемся на всеобщихъ муниципальныхъ выборахъ,—въ обоихъ лагеряхъ образовалось столько мелкихъ фракцій и разнообразныхъ оттѣнковъ, которые постоянно ведутъ борьбу другъ съ другомъ и стремятся къ власти, что не можетъ быть и рѣчи о сколько нибудь сознательныхъ програмахъ дѣйствій, объ общихъ политическихъ системахъ. Въ общей разладицѣ то и дѣло слышатся голоса людей, позирующихъ въ спасителей отечества и заявляющихъ придуманныя ими для того средства; и въ Парижѣ, и въ

Digitized by Google

20. *Нес* что ни день, то новыя манифестаціи разнороднаго характера:
21. *Хор*ція справа, прокламація слѣва: республиканская лига пропо-
22. *В*ъ примиреніе, комитетъ общественнаго спасенія объявляетъ войну церквамъ; наполеоновскіе агенты, одно время начинавшіе было заигрывать съ комуной, распространяютъ въ народѣ массами брошюру, имѣющую цѣлью наполнить сердца энтузіазмомъ къ Наполеону IV; графъ Шамборъ въ прокламаціи, достойной добраго стараго времени, льститъ реакціоннымъ началамъ и, смѣло расчитывая на ультрамонтановъ, рисуется уже законнымъ французскимъ королемъ; прибавивъ къ этому разношерстную толпу людей всевозможныхъ направленій, скрещивающихся взаимно въ невообразимой нескладицѣ, толпу, называемую національнымъ собраніемъ, и наконецъ главу страны, который, какъ дипломатъ старой школы, продолжаетъ уклончиво поворачиваться то въ ту, то въ другую сторону,—мы получимъ печальное понятіе о царствующемъ нынѣ во Франціи хаосѣ. За всѣмъ этимъ видится еще несравненно громаднѣйшая масса простаго сельскаго народа, изнуренная продолжительнымъ разореніемъ и естественно ищущая избавленія во что бы то ни стало,—и рядомъ съ ней опять рядъ городовъ, добивающихся общинной свободы и становящихся такимъ образомъ въ разрѣзъ съ сельскимъ людомъ!...

При всѣхъ громадныхъ затрудненіяхъ, представляемыхъ такимъ порядкомъ вещей, много разъ являлся уже случай предупредить еще болѣе тяжкія бѣдствія и возвратить странѣ миръ и благосостояніе; но власть, именующая себя исполнительной, высказывала каждый разъ столь ревностную исполнительность, съ такою надменностью отталкивала всѣ компромисы, что окончательная катастрофа сдѣлалась неизбѣжною. Національное собраніе не на шутку ужаснулось, узнавъ о результатѣ муниципальныхъ выборовъ, которые, за немногими исключеніями, обнаруживали приверженность страны къ умѣренной республикѣ, и, стало быть, враждебность ея къ тѣмъ началамъ, которыя служатъ руководствомъ для собранія. Но, не смотря на этотъ фактъ, разительно доказавшій всю нелѣпость дальнѣйшаго существованія собранія, идущаго въ разрѣзъ съ настроеніемъ народа,—попытка новыхъ муниципальныхъ совѣтовъ выслать представителей своихъ въ Бордо и на этомъ съѣздѣ выработать програму соглашенія съ Парижемъ побудила версальское правительство отвѣчать строгими мѣрами противъ организаторовъ бордоскаго съѣзда: мало того, національное собраніе, въ виду движенія городовъ въ пользу самоуправленія, дошло до крайности, отнявъ у муниципальныхъ совѣтовъ право подавать петиціи,—право, принадлежащее малѣйшему изъ гражданъ,—и поступило такъ по тому только, что нѣкоторые изъ совѣтовъ, не одобрившіе мысль о съѣздѣ, рѣшились обратиться съ петиціями въ примирительномъ духѣ къ собранію.

Руководители парижскаго движенія, съ своей стороны, все болѣе и бо-

Digitized by Google

лѣе ударялись въ крайность, и мысль о соглашеніи становилась для нихъ съ каждымъ днемъ ненавистною. Съ постоянною смѣной дѣятелей, при которой болѣе умѣренные уступали свои мѣста лицамъ крайняго направленія, первоначальная цѣль движенія отдалялась, даже почти совсѣмъ забывалась, и платоническія демонстраціи, въ родѣ паломничества масоновъ въ Версаль, оставались безъ отзвука въ вождяхъ комуны. Подъ конецъ она какъ-бы чуяла только передъ собою ненавистнаго врага, о звѣрской разъяренности котораго ей говорили различные эпизоды осады, и съ своей стороны съ отчаяніемъ окончательно потерявшихся людей бросалась въ бой страшный, безумный и почти безсознательный; схватки и вылазки послѣдняго времени перешли въ настоящую рѣзню, гдѣ трудно было бы распознать. на чьей сторонѣ перевѣсъ хотя нѣкоторой человѣчности и права. Послѣдніе сколько нибудь дѣльные люди, желавшіе народу добра, одинъ за другимъ покинули комуну, и власть перешла къ комитету общественнаго спасенія въ ту минуту, когда это спасеніе было невозможно, въ особенности для тѣхъ людей, которые взялись за него. Чтобы понять, какой сбродъ понемногу пробрался къ центру правленія, стóитъ прислушаться къ расказу Рана (Ranc), еще недавно виднаго дѣятеля комуны. «Опираясь на избравшее меня значительное большинство, говорилъ онъ корреспонденту «Allgemeine Zeitung», я старался направлять комуну на добрый путь, но черезъ двѣ недѣли я принужденъ былъ удалиться отъ дѣлъ, объявивъ моимъ сотоварищамъ, что готовъ жертвовать жизнью, но не честью. Въ комунѣ сидятъ двое или трое искателей приключеній, чтобы не сказать плутовъ. Старый якобинецъ Делеклюзъ совсѣмъ отуманенъ своимъ избраніемъ; Феликса Піа нелѣпо было бы дѣлать отвѣтственнымъ за его поступки. Два или три соціалиста, въ особенности г. Малонъ,—люди умные, образованные, съ нѣкоторою долей государственной мудрости; остальные члены принадлежатъ всѣ къ пролетаріату: невѣжды, неопытные, безъ политическаго смысла, но цѣпляющіеся за власть, какъ всѣ выскочки. Префектъ полиціи просто уличный мальчишка изъ студенческаго квартала, одаренный всею хитростью, безсовѣстностью и развращенностью парижскаго gamin. Вчера онъ отдалъ приказаніе захватить кассу газоваго общества; много такихъ же грабежей производилось уже, не доходя до гласности. Это правительство пролетаріевъ, заключилъ Ранъ свой расказъ, обезчестило на много лѣтъ впередъ все политическое движеніе рабочихъ».

Но не только подобными дѣйствіями запятнала себя парижская инсуррекція; все менѣе и менѣе занимаясь выдвинутыми первоначально на первый планъ соціальными вопросами, она направила свои дѣйствія противъ такихъ сторонъ жизни, гдѣ посягательство можетъ лишь отвратить отъ нея умы и лишить ее необходимой поддержки: она истребила одинъ за другимъ памятники народной исторіи; она не остановилась передъ мыслью предать огню великую луврскую галлерею, едва спасен-

Digitized by Google

ную версальцами; она расхищала церкви, закрывала ихъ, отдавала ихъ внаймы. Если оставимъ въ сторонѣ возможное отсутствіе эстетическаго чувства и фанатизмъ, побуждающій къ истребленію монументальныхъ остатковъ ненавистнаго порядка вещей, то образъ дѣйствій относительно религіи доказываетъ полную справедливость приведеннаго замѣчанія Рана объ отсутствіи политическаго смысла, такта у послѣднихъ вождей комуны. Либеральныя государства гордятся свободой совѣсти, гарантированной закономъ; равенство, братство и свобода стоятъ на знамени комуны,—и въ дѣлѣ совѣсти-то она безъ раздумья прилагаетъ насильственныя мѣры. Каковы бы ни были ея новые идеалы, безумно думать, что запретомъ богослуженія, арестомъ духовныхъ лицъ и т. д. эти идеалы будутъ осуществлены; напротивъ, столько-то союзниковъ прибудетъ въ противный лагерь, и деспотическое, даже наполеоновское правительство получитъ нѣкоторую притягательную силу, когда обезпечитъ народу то, что у него насильственно отнимаютъ; и тѣ интриганы, враги развитія и бичи семейной жизни, католическіе аббаты, которыми глухо тяготится народъ, станутъ для него мучениками и тѣмъ дольше укоренятся въ своей сферѣ.... Все это новыя и безконечно возрастающія числомъ доказательства положительной негодности основнаго принципа падающей нынѣ франнузской революціонной партіи, вѣчнаго навязыванія свободы, политическихъ и религіозныхъ убѣжденій въ принудительной формѣ,—навязыванія, столько разъ уже приводившаго къ неизмѣнной, но ужасающей и безотрадной развязкѣ: противъ насилія насиліе, противъ террора терроръ, наконецъ желѣзная диктатура и полная реакція.

Франція стоитъ наканунѣ повторенія этого трагическаго процеса. Вступленіе версальскихъ войскъ отразилось уже на отвѣтной демонстраціи инсургентовъ, на пожарѣ, погубившемъ цѣлые кварталы Тюльери, Hôtel de ville,—новая причина къ отместкѣ со стороны версальской немезиды. Теперь-то начнутъ свои дѣйствія военные суды, теперь-то пойдетъ разстрѣливаніе мятежниковъ, и ряды висѣлицъ украсятъ площади столицы. А давно ли на нихъ производились грозныя экзекуціи комуны? Давно ли одно подозрѣніе въ измѣнѣ и подкупѣ,—подозрѣніе, котораго не избѣжали даже и такіе люди, которые, какъ Россель, были цѣлою головой выше своихъ сподвижниковъ,—вело къ казнямъ и варварскимъ арестамъ?.. Долго жаждавшему усмиренія національному собранію представляется наконецъ блестящій случай дать восторжествовать авторитету; что̀ бы ни сдѣлали усердные генералы республики въ порывѣ усмиренія, все будетъ одобрено и вознаграждено. Отчаяніе и упорство послѣдняго сопротивленія инсургентовъ, безъ сомнѣнія, усилитъ раздраженіе противниковъ. Телеграмы говорятъ намъ о жестокихъ схваткахъ въ самомъ Парижѣ, о тѣхъ уличныхъ бояхъ до послѣдней капли крови, о которыхъ только *говорено* было въ минуту реторическа-

Digitized by Google

го вдохновенія въ пору прусской войны, но которые стали дѣйствительностью лишь въ минуту порабощенія Парижа реакцій. Въ самомъ дѣлѣ, на баррикадахъ дрались уже не тѣ агитаторы школы Піа, которые еще недавно терроризовали городъ,—они поспѣшили скрыться;—здѣсь дрались кучки людей, понявшихъ, что настала послѣдняя минута для возстанія, только искаженнаго авантюристами, но истекшаго изъ здоровыхъ стремленій, что еще нѣсколько рѣшительныхъ часовъ,—и начнется царство давленія, мести, реакціи... Вступленіе Тьера въ Парижъ, сопровождаемое казнями безъ суда и малѣйшей тѣни приговоровъ, можетъ быть поставлено на ряду съ знаменитымъ наполеоновскимъ 2-мъ декабря. Болѣе 1.000 человѣкъ, разстрѣленныхъ (по словамъ корреспондента «Morning Advertiser) на первый разъ до открытія военно-судныхъ коммисій, до 50.000 труповъ, лежащихъ на улицахъ и въ подвалахъ Парижа, массы женщинъ и дѣтей, приколотыхъ штыками версальцевъ кстати, въ общую отместку за долгое сопротивленіе города, закрытіе всѣхъ путей для эмиграціи людей, не сочувствующихъ новому порядку (тѣснимые тьеровскими войсками, бѣглецы встрѣчали прусскіе разъѣзды, немедленно бравшіе ихъ въ плѣнъ), наконецъ требованіе, заявленное правительствомъ сосѣднихъ державъ о неоказаніи убѣжища эмигрантамъ,—все это такія черты, которыя сдѣлали бы честь наполеоновскому перевороту. Сличая обѣ безчеловѣчныя бойни, не знаешь, на сторонѣ которой хотя слабое превосходство гуманности: при всемъ возмутительномъ характерѣ тѣхъ залповъ по невинной толпѣ, опираясь на которые вступилъ нѣкогда на престолъ бывшій императоръ, онъ допускалъ возможность людей разныхъ съ нимъ направленій; осуждая противниковъ на изгнаніе, онъ не стремился добить ихъ на чужбинѣ, лишить ихъ послѣдняго пріюта. Но ни передъ чѣмъ не остановится герой настоящей минуты, маленькій великій человѣкъ, стремящійся во что бы то ни стало выказать и желѣзную энергію, и пламенный патріотизмъ, и великія государственныя способности. Въ національномъ собраніи онъ объявляетъ о необходимости безпощадныхъ наказаній бунтовщиковъ и, ввѣривъ судьбу города во власть свирѣпѣйшихъ представителей старофранцузской солдатчины, водворяетъ терроръ продолжительнѣйшій и безпощаднѣйшій, чѣмъ всѣ разъяренныя дѣйствія комуны.

Но какая реакція наступаетъ нынѣ и во имя какого принципа—вотъ вопросъ. На первый разъ, отвѣтятъ вамъ,—для водворенія порядка; но, затѣмъ, тотчасъ же возстаютъ извѣстныя уже комбинаціи, долженствующія окончательно упрочить этотъ порядокъ,—и тутъ-то раздолье всевозможнымъ проискамъ. Кризисъ для Франціи собственно теперь только начинается. При существовавшемъ въ Парижѣ положеніи дѣлъ, паденіе его было неизбѣжно; ни храбрость Домбровскаго, ни остроумныя распоряженія Росселя, постоянно парализуемыя гражданскимъ отдѣломъ комуны, не могли долго отвратить удара, въ особенности со времени очищенія прусаками фор-

Digitized by Google

товъ. Но съ покореніемъ Парижа поднимается во всемъ своемъ значеніи тревожная дилема: какой формѣ правленія быть отнынѣ, какой порядокъ (régime) долженъ водвориться. Рядомъ съ отъявленными монархистами, которые во что бы то ни стало торопятся возстановленіемъ наполеонидовъ или графа Шамбора, возникаетъ партія, имѣющая нѣкоторое число представителей въ національномъ собраніи и возбудившая вопросъ о необходимости удержать г. Тьера во главѣ исполнительной власти еще на два года,—словомъ, партія, желающая отдалить по возможности рѣшеніе жизненнаго вопроса. Но, во всякомъ случаѣ, удерживая ли Тьера, который, при нѣкоторомъ желаніи, можетъ превратиться и въ федералиста, или устраняя его отъ дѣлъ,—необходимо покончить съ національнымъ собраніемъ, которое въ настоящемъ его видѣ представляетъ опасную язву для государства, очагъ ретроградныхъ замысловъ. Ставъ совершеннымъ абсурдомъ послѣ недавнихъ выборовъ, но напрягая силы для возстановленія монархіи, оно, при значительномъ своемъ вліяніи на Тьера, легко можетъ навязать Франціи какого либо коронованнаго искателя приключеній, подобно тому, какъ прежнія парижскія революціи предписывали республиканское правленіе странѣ. Теперь предстоитъ избѣжать новаго coup d'état, на которые алчно зарятся сторонники смѣщенныхъ династій; времена перемѣнились, и сама страна, болѣе спокойная и имѣвшая время призадуматься, подала свой голосъ за республику. Не слѣдъ же горсти версальскихъ реакціонеровъ, избранныхъ нѣкогда наскоро, въ эпоху паники и лишь во имя мира, идти наперекоръ народному голосу....

Переворотъ, переживаемый Франціей, важенъ и въ томъ отношеніи, что рядомъ съ вырабатываемой самою жизнью приверженностью народа къ республиканской формѣ постепенно умы сживаются съ другимъ, тѣсно связаннымъ съ нею, принципомъ—съ федерализмомъ. Отступя лишь на нѣсколько лѣтъ назадъ, мы не встрѣтили бы ни одного голоса, который хотя въ теоріи рѣшился бы защищать федеративный складъ французскаго государства. Теперь же, со времени парижскаго возстанія, идея федераціи постепенно овладѣваетъ сознаніемъ французовъ. Какъ и слѣдовало ожидать, она шевельнулась прежде всего у городовъ, въ которыхъ требованіе самоуправленія и особности, вмѣстѣ съ сознаніемъ связи ихъ между собою, служитъ первымъ проявленіемъ новаго духа. Давно не видимъ мы во французской исторіи такого значенія городовъ; во всѣхъ главнѣйшихъ моментахъ минувшей войны и парижскихъ междоусобій ихъ участіе, ихъ вмѣшательство играетъ значительную роль: то городъ Гавръ берется быть посредникомъ между Версалемъ и Парижемъ, то Ліонъ шлетъ въ оба эти города депутаціи для изслѣдованія положенія дѣлъ и для переговоровъ; то, наконецъ, муниципіи едва не организуютъ свой съѣздъ въ видѣ протеста противъ національнаго собранія. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ этихъ первыхъ проявленіяхъ федеративнаго духа, а въ особенности

Digitized by Google

въ парижской програмѣ, на сколько она вообще извѣстна, много еще неясностей, недомолвокъ, что самостоятельная жизнь отдѣльныхъ областей въ понятіи многихъ исключаетъ вовсе существованіе центральной федеративной власти,—но это ошибки устранимыя и извиняемыя новостью самаго принципа. Принципъ же этотъ, очевидно, получилъ уже на столько права гражданства въ массѣ, что ловкіе публицисты основываютъ уже на немъ свою пропаганду. Эмиль Жирарденъ, вчерашній паразитъ Наполеона, становится нынѣ въ ряды федералистовъ, и въ новой своей газетѣ провозглашаетъ съ обычною своей напыщенностью: «нѣтъ болѣе реакціи, но да не будетъ и революціи!» и предлагаетъ для исцѣленія всѣхъ бѣдъ имъ самимъ придуманное дѣленіе Франціи на рядъ областей, включая въ него, по ошибкѣ, и тѣ изъ нихъ, которыя уступлены Германіи. Разумѣется, что голосъ человѣка, который, по своей извѣстной измѣнчивости, чуть не вошедшей въ пословицу, можетъ смѣло уподобиться г. Тьеру, не будетъ имѣть большаго значенія, такъ какъ надобно имѣть большой запасъ довѣрчивости, чтобы заслушаться голоса этой дряхлой сирены. Но, при всемъ томъ, не можетъ не имѣть значенія, что и подобный аферистъ находитъ для своихъ видовъ нужнымъ льстить чуждому ему доселѣ принципу.

Скоро ли оправится Франція отъ своихъ мученій, или кризисъ будетъ продолжителенъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что ей предстоитъ долгое собираніе силъ, прежде чѣмъ она возвратитъ себѣ утраченное значеніе. Подписавъ во Франкфуртѣ окончательныя условія мира, французскіе уполномоченные, по замѣчанію «Daily Telegraph», отъ лица страны своей отреклись отъ первостепенной роли, занимаемой ею до сихъ поръ въ дѣлахъ Европы. Укрѣпивъ снова условіе тягостной денежной пени, уступивъ новую полосу земли на сѣверѣ около Люксембурга,—полосу, важную по этому для Германіи, и получивъ взамѣнъ нѣсколько общинъ близъ Бельфора, продавъ, наконецъ, восточную желѣзную дорогу вмѣсто заявленной сначала суммы 800 милліоновъ за 320 (!), и все это изъ-за желанія развязать себѣ руки относительно Парижа,—Франція переполнила мѣру своего униженія и всенародно заявила о своемъ паденіи. Но и подобное испытаніе, сколь ни жестоко оно, будетъ полезно для французскаго народа. Подобно тому, какъ въ домашнемъ своемъ быту онъ приведенъ къ новымъ идеаламъ, такъ въ международныхъ сношеніяхъ, утративъ подавляющее вліяніе на европейскую политику, онъ можетъ со временемъ сдѣлаться представителемъ другихъ, болѣе живыхъ, идей и въ хорѣ державъ служить противовѣсомъ началамъ, заявляемымъ императорскою Германіей. До тѣхъ поръ много досуга будетъ ему для внутренней работы, для которой такъ необходима политика мира и невмѣшательства.

Наступившій періодъ европейской исторіи можетъ быть предпочтительно названъ временемъ постановки вопросовъ жизненныхъ для новѣй-

Digitized by Google

шей цивилизаціи. Рядомъ съ борьбой двухъ политическихъ системъ во Франціи, съ поднимающимся мало по малу въ разныхъ государствахъ вопросомъ федерализма, въ Германіи становится съ каждымъ днемъ замѣтнѣе и важнѣе другое движеніе, на этотъ разъ направленное противъ религіозныхъ язвъ и идущее именно изъ той южной Германіи, къ которой привыкли въ дѣлахъ церкви относиться полупрезрительно сѣверяне, взявшіе себѣ на откупъ свободомысліе и пытливость. Движеніе это, конечно, еще не имѣетъ той глубины и радикальнаго характера, который можетъ служить залогомъ успѣха; многіе изъ дѣятелей ограничиваются на первый разъ протестомъ противъ догмата о непогрѣшимости папъ, своимъ молчаніемъ о другихъ темныхъ сторонахъ католичества, какъ-бы указывая на сочувствіе съ ними. Но не съ полусловъ ли началась и реформація, не съ протестовъ-ли противъ частныхъ злоупотребленій, даже не самого папы, а его агентовъ?.. Такъ слѣдомъ за трудами Дёллингера, Фридриха, Шульте, уже пошло чуть не повальное движеніе противъ непогрѣшимости, къ которому нынѣ примыкаетъ недовольство противъ духовенства, выказывающаго въ мстительныхъ дѣйствіяхъ противъ враждебной ему агитаціи всю ненормальность и нелѣпость стародавнихъ порядковъ, терпимыхъ въ немъ о-бокъ съ новѣйшею культурой. Чѣмъ раздраженнѣе будетъ борьба, чѣмъ болѣе крайнихъ мѣръ приметъ духовная іерархія, тѣмъ острѣе и рѣзче будетъ столкновеніе и тѣмъ цѣлебнѣе его вліяніе на умы. Въ настоящую минуту мѣра уже переполняется: десятками, чуть не сотнями отлучаются отъ церкви лица всѣхъ сословій; епископы и ихъ консисторіи обнародываютъ громовыя посланія противъ еретиковъ, папа посылаетъ своихъ агентовъ въ Мюнхенъ для поддержанія и направленія отпора, а въ провинціяхъ дѣло идетъ еще дальше: фанатическіе священники отказываются хоронить лицъ, завѣдомо отрицающихъ папскую непогрѣшимость, и не совершаютъ для нихъ никакихъ требъ. Населеніе обращается уже къ свѣтской власти и требуетъ ея вмѣшательства, не рѣшаясь еще само на какія либо радикальныя дѣйствія. Правительства Германіи однако медлятъ вмѣшательствомъ и очевидно находятся въ крайне затруднительномъ положеніи. Что касается берлинскаго кабинета, то онъ еще прислушивается къ льстивымъ обѣщаніямъ епископовъ, въ которыхъ надѣется найти прочныхъ союзниковъ по замиренію Эльзаса и Лотарингіи. Баварское же правительство, которое стоитъ лицемъ къ лицу съ главнѣйшими дѣятелями анти-соборнаго движенія, выказываетъ рѣдкую медлительность. Въ то время, какъ въ сосѣдней Цислейтаніи на формальный запросъ 28 епископовъ, намѣрено ли правительство употребить свое вліяніе для возстановленія свѣтской власти папы и возвращенія ему должнаго значенія и въ дѣлахъ вѣры, вѣнскій кабинетъ отвѣчаетъ категорически, что не отступитъ ни на шагъ отъ принятой разъ програмы,—въ то же время правительство баварскаго короля, еще недавно казавшагося, за дружбу съ Вагнеромъ (впрочемъ и тотъ сочиняетъ уже марши

въ че ь новаго императора), опаснымъ вольнодумцемъ, оказывается совершенно безсильнымъ передъ грубыми захватами власти епископовъ. Это безсиліе правительства, впрочемъ, можетъ дать только полезный толчокъ робкимъ начинаніямъ, и движеніе, предоставленное самому себѣ, можетъ тѣмъ легче доразвиться. Вообще несомнѣнно, что какъ для папскаго владычества, такъ и для католицизма вообще настаетъ пора паденія, отъ котораго имъ врядъ ли оправиться. Покидаемое своими давними союзниками, встрѣчая небывалый отпоръ въ массахъ, доживя даже до отмѣны представительствъ иностранныхъ державъ при римскомъ дворѣ (первый примѣръ этому намѣрена подать Пруссія), папство принуждено заискивать.... въ Константинополѣ, унижаться въ полномъ смыслѣ слова, вымаливать заключеніе конкордата и устами нунція Франки доказывать султану, что католицизмъ будетъ содѣйствовать къ развитію въ его подданныхъ вѣрнопреданности къ его султанскому величеству. Сравнивъ одинъ этотъ фактъ съ высокомѣрнымъ тономъ Рима за нѣсколько десятилѣтій передъ симъ, легко будетъ убѣдиться въ дѣйствительномъ распаденіи папскаго владычества.

Не одно лишь религіозное движеніе становится замѣтно въ Германіи,— оппозиція противъ прусофильства и втѣсняемой имъ системы мало по малу собираетъ свои силы. Безпристрастный наблюдатель этого движенія, Густавъ Рашъ, свидѣтельствуетъ какъ очевидецъ, что въ Швабіи, одномъ изъ дѣятельнѣйшихъ центровъ *народной* партіи (Volkspartei), прусофильство постепенно ослабѣваетъ, навѣянное войной воинственное и властолюбивое настроеніе уступаетъ уже мѣсто раздумью; въ особенности это замѣтно въ Виртембергѣ, гдѣ сельское населеніе живетъ еще подъ впечатлѣніемъ войны 1866 года, и если подавало голоса за національно-либеральныхъ кандидатовъ, то не изъ пристрастія къ Пруссіи, а изъ боязни нашествія французовъ. Народная партія теперь готовится, по возвращеніи войскъ изъ Франціи и когда уляжется окончательно воинственный пылъ, возобновить свою прежнюю агитацію. Недавно еще она назначила большую субсидію своему органу въ Швабіи, газетѣ «Beobachter». «Ни въ комъ не встрѣчалъ я ни унынія, ни опасенія, по поводу роста силъ національно-либеральной партіи», говоритъ Рашъ;—«напротивъ, отъ всѣхъ слышалъ я увѣреніе, что прусофильство *падаетъ*....»

Но властители судебъ новой Германіи пока еще не расположены обращать особое вниманіе на недостаточно сильную еще для борьбы съ ними оппозицію. Они видятъ передъ собой широкую, міровую арену и рвутся впередъ для подвиговъ, несравненно славнѣйшихъ. Одна опасность, по видимому, устранена уже,—одинъ центръ тлетворныхъ замысловъ, Парижъ, раздавленъ: необходимо обратить всѣ усилія для сокрушенія другаго революціоннаго узла—славянъ, потому что на новомъ охранительномъ жаргонѣ славяне и революція—понятія однозначущія (давно ли съ

Google

славянскимъ именемъ любили соединять представленіе о тупой реакціи?). Въ Берлинѣ не могутъ спать спокойно, пока безпокойные чехи и буйные поляки осмѣливаются громко заявлять свои права, тревожить міръ какимъ-то вздорнымъ и фантастическимъ славянскимъ вопросомъ, за которымъ, какъ за обманчивой химерой, тянутся однако милліоны темныхъ и неразумныхъ массъ. Скорѣй же въ походъ противъ этихъ забіякъ,—пусть выйдутъ снова въ дѣло полки и на полѣ битвъ рѣшатъ судьбу славянъ!.... Но вѣдь для славянъ не стóитъ тратить и крови; для ихъ надѣла довольно и услужливыхъ умовъ дипломатіи; не въ битвахъ и не въ сеймахъ, безъ плебисцитовъ, безъ всѣхъ вздорныхъ околичностей, дѣло можно сладить на любомъ съѣздѣ между четырехъ стѣнъ, полюбовно, мирно...

Не удивительно, что, въ виду готовящагося раздробленія Австріи для округленія и большей безопасности нѣмецкой имперіи, австрійское правительство рѣшается на такую политику, которая прямо противуположна вѣковымъ его традиціямъ и вытекаетъ прямо изъ чувства самосохраненія. Выдерживая борьбу съ цислейтанскими нѣмцами, министерство Гогенварта вноситъ въ имперскую думу одинъ за другимъ законопроекты о расширеніи компетентности земскихъ сеймовъ и объ уступкахъ, дѣлаемыхъ Галиціи; устами новаго министра польскихъ дѣлъ, Грохольскаго, оно заявляетъ, что не считаетъ всѣ недоразумѣнія устраненными посредствомъ этихъ уступокъ, т. е., даетъ понять, что на нихъ оно не намѣрено остановиться. Наконецъ, во время обсужденія въ конституціонной коммисіи имперской думы сущности резолюціи галицкаго сейма, графъ Гогенвартъ прямо объявилъ, что если чехи выразятъ желаніе получить тѣ же льготы, которыя нынѣ даются полякамъ, то они найдутъ правительство готовымъ удовлетворить этому желанію. Въ то же время министерство дало положительныя обѣщанія депутатамъ отъ штирійскихъ словенцевъ, представившимъ ему меморандумъ о словенскихъ національныхъ требованіяхъ; народная партія въ Далмаціи также стоитъ наканунѣ немаловажныхъ уступокъ правительства. Словомъ, во всѣ направленія видно какъ будто лихорадочное желаніе утишить внутренніе раздоры и пріобрѣсти даже въ разноплеменномъ составѣ населенія твердую опору въ противодѣйствіи противъ нѣмецкой политики захвата. Изъ этого очевидно, что нѣмецкая партія доведена до крайняго раздраженія и, понимая начинающуюся опасность, ставитъ все на карту, чтобы воспрепятствовать осуществленію плановъ министерства. Законопроектъ объ автономіи областей былъ отвергнутъ послѣ долгихъ и рѣзкихъ преній, но само численное отношеніе большинства голосовъ къ меньшинству показываетъ, что даже въ распадающійся институтъ имперской думы проникло сознаніе необходимости внутренняго соглашенія: противъ 88 германофиловъ и централистовъ, подавшихъ голосъ противъ проекта, нашлось 55 голосовъ, поддерживавшихъ его. Отстра-

Digitized by Google

неніе этого проекта, по словамъ пражскихъ газетъ, сильно вооружило противъ нѣмцевъ самого императора, съ полнаго согласія котораго онъ былъ внесенъ въ думу (новый признакъ живо сознаваемой Австріею нешуточной опасности); министерству предложено возобновить подачу проекта въ нѣсколько измѣненномъ видѣ; носились даже слухи о задумываемомъ распущеніи имперской думы. Въ то же время въ Прагу посланъ былъ на національныя празднества въ день Яна Непомука весьма популярный даже между славянами министръ Шефле, который возобновилъ чехамъ предложеніе одинаковыхъ съ польскими уступокъ, заявленное уже Гогенвартомъ въ имперской думѣ. Раздраженная этимъ, нѣмецкая партія пошла еще далѣе въ своихъ демонстраціяхъ противъ министерства; императору поданъ былъ большинствомъ нижней палаты адресъ, составленный Гербстомъ въ духѣ враждебномъ всякому соглашенію. Новѣйшія телеграмы извѣщаютъ, что императоръ въ отвѣтѣ на адресъ выразилъ согласіе съ образомъ дѣйствій министерства и тѣмъ далъ новое и разительнѣйшее доказательство несомнѣнности перелома въ исконной австрійской политикѣ.

Въ это смутное для Цислейтаніи время тревоги и примирительныхъ стремленій въ виду врага, въ Венгріи нанесенъ рѣшительный ударъ господству деакистовъ. Долго собиравшаяся съ силами хорватская оппозиція, желѣзная энергія которой, очевидно, только тлѣла подъ усиленнымъ гнетомъ мадьяронства, но никогда не замирала, дружно воспрянула и на произведенныхъ нынѣ выборахъ въ загребскій сеймъ достигла подавляющаго большинства. Всѣ усилія мадьярскихъ агитаторовъ, выходившія на этотъ разъ, по признанію «Neue Freie Presse», изъ всѣхъ предѣловъ, не смотря на затраченные правительствомъ на подкупы и другія избирательныя издержки 200.000 гульденовъ, пораженіе правительственныхъ кандидатовъ оказалось тяжкое, и только семь преданныхъ мадьярамъ депутатовъ прошло въ сеймъ. Пештскій кабинетъ былъ повергнутъ этимъ краснорѣчивымъ результатомъ своей политики въ легко вообразимое отчаяніе; всѣ старанія подѣйствовать на умы въ Хорватіи, при посредничествѣ новаго бана Бедековича, оказались совершенно безуспѣшны. Въ торопяхъ рѣшено отстрочить открытіе сейма. Вторя загребскимъ выборамъ, и въ провинціяхъ результаты многихъ городскихъ и общинныхъ выборовъ оказались благопріятными для національной партіи; въ самомъ Загребѣ выбранъ головой національный дѣятель Якичъ; въ процесѣ же хорватской передовой газеты «Branik», обвинявшейся въ оклеветаніи бывшаго бана Рауха, редакторъ Вончина былъ оправданъ, и такимъ образомъ всѣ обвиненія въ грязныхъ продѣлкахъ, продажности и кражѣ, взведенныя на Рауха и его пособниковъ, донынѣ занимающихъ видныя мѣста въ хорватской администраціи, были признаны дѣйствительными. Мѣра пораженія переполнилась, и положеніе министерства Андраши серьезно поколебалось.

Digitized by Google

Одинъ за другимъ стали выходить въ отставку министры; сначала удалился министръ безъ портфеля Фестетичъ, затѣмъ министръ юстиціи Горватъ и внутреннихъ дѣлъ Паулеръ. Послѣднія извѣстія изъ Пешта живо рисуютъ паническій страхъ и тупое отчаяніе вліятельныхъ мадьярскихъ сферъ, сознавшихъ свое безсиліе передъ блестящею побѣдой славянъ, вѣсть о которой мы съ отраднымъ чувствомъ заносимъ въ нашу лѣтопись.

ПОПРАВКА:

Въ IV-й книгѣ «Бесѣды», на стр. 258, вмѣсто «generis neutri» должно быть: generis neutrius.

Редакторъ-издатель С. А. Юрьевъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

259187

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

БЕСѢДА

VI

МОСКВА

1871.

Digitized by Google

КНИГА VI-я.—ІЮНЬ. 1871 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ОТДѢЛЪ I.

Стран

I.—ВЪ ВОДОВОРОТѢ.—Романъ. Часть третья, гл. VII—XII. (Окончаніе).—**А. Ѳ. Писемскаго** 5

II.—РАСКАЗЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ЮЖНО-РУССКАГО НАРОДА.—**М. И. Боголюбцева** 114

III.—НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ О ПОЛЬСКОМЪ ВОПРОСѢ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ВСЕСЛАВЯНСТВА.—**А. С. Будиловича**. 146

VI.—СЕРБІЯ ПОСЛѢ ПАРИЖСКАГО МИРА.—Введеніе.—**Н. А. Попова** 165

V.—ДВИЖЕНІЕ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ УГОРСКОЙ РУСИ.—**Матисова** 224

VI.—О ЦѢЛИ И УСПѢХАХЪ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.—**Гельмгольца**. 249

ОТДѢЛЪ II.

VII.—МЕКСИКА И ИМПЕРАТОРЪ МАКСИМИЛІАНЪ.—Романъ. I.—II.—**Герштекера**. Съ нѣмецкаго 1

VIII.—НОВЫЯ КНИГИ. Русская литература.—Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ—Н. Дубровина.—X. 50

Иностранная литература: Die Kunst im Zusammenhang der Culturentwickelung und die Ideale der Menscheit — M. Carriere. — Culturgeschichte der neueren Zeit — O. Henne-Am-Rhyn. — Die deutschen Mächte und der Fürstenbund—L. v. Ranke 55

IX.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Обзоръ мнѣній земскихъ собраній по вопросу о податной реформѣ.—**Н. В. Лысцева** 61

Русская сельская техническая промышленность.—II.—**М. И. Боголюбцева** 77

Digitized by Google

БЕСѢДА

1871

Digitized by Google

Digitized by Google

БЕСѢДА

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

Книга VI. — Іюнь

МОСКВА
И. Г. Соловьевъ. Страстной бульваръ
главная контора журнала

ВѢНА
C. Gerold u. Sohn

БЕРЛИНЪ, ЛОНДОНЪ
A. Ascher & C°

НЬЮ-ІОРКЪ
E. Steiger

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
А. Ѳ. Базуновъ. Невскій проспектъ
главная контора журнала

Digitized by Google

259.187

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°.
Большая Дмитровка, д. № 7.

Digitized by Google

ВЪ ВОДОВОРОТѢ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

VII.

Прошло мѣсяца два. Елена все это время была занята устройствомъ лотереи на извѣстный намъ предметъ. Она предположила разыграть въ ней всѣ свои вещи. Жуквичъ тоже принесъ ей для этого очень цѣнный бритвенный ящикъ и пару отличныхъ револьверовъ.

— Это тѣ-жъ самые пистолеты, на которыхъ мы стрѣлялись съ княземъ! произнесъ онъ съ небольшой улыбкой.

Елена при этомъ немного измѣнилась въ лицѣ. Она, разумѣется, слышала еще прежде о дуели и о болѣзни князя; обо всемъ этомъ ей на другой же день отрапортовалъ самымъ подробнымъ образомъ Николя. Тогда она, по наружности по крайней мѣрѣ, какъ-бы не обратила на то большаго вниманія и даже проговорила: «Все фарсы этотъ господинъ выкидываетъ!» Но въ настоящую минуту Елена, какъ-бы противъ воли, припомнила о другихъ пистолетахъ, на ящикѣ которыхъ она сдѣлала надпись своею рукой; со свойственной однако ей силой характера, она поспѣшила отогнать отъ себя это воспоминаніе и начала разговаривать съ Жуквичемъ.

— Вы знаете, что Оглоблинъ мнѣ тоже отдалъ въ лотерею свое оружіе? сказала она ему.

— Какое-жъ это оружіе? спросилъ Жуквичъ.

Digitized by Google

— У него цѣлая стѣна была увѣшана разными ружьями и саблями; я какъ-то посмѣялась ему, что глупо, говорю, въ настоящее время развѣшивать по стѣнамъ подобныя вещи... Онъ мнѣ теперь все это и презентовалъ.

— У васъ поэтому-жъ будетъ военная лотерея?.. посмѣялся Жуквичъ.

— Военная и литературная, потому что Оглоблинъ пожертвовалъ мнѣ еще всю почти свою библіотеку.

— Всю библіотеку-жъ?

— Да, до тысячи томовъ.

— Но кожу-жъ вы на столько вещей раздадите ваши билеты? воскликнулъ Жуквичъ.

— Розданы всѣ!... розданы! воскликнула съ своей стороны Елена.—Посмотрите, сколько тутъ денегъ! присовокупила она, открывая передъ Жуквичемъ ящикъ въ своемъ столѣ, въ которомъ было раскидано тысячъ до семи.

— Да, много-жъ, очень! произнесъ тотъ, и у него при этомъ точно конвульсіей подернуло все лицо.—Но гдѣ-жъ вы набрали столько желающихъ брать билеты? присовокупилъ онъ.

— Все мой безцѣнный Николя Оглоблинъ совершилъ это, по пословицѣ: нѣтъ дурака, который не годился бы на какое нибудь полезное дѣло.

— О, да!... протянулъ Жуквичъ и опять кинулъ косвенный взглядъ на ящикъ съ деньгами, а затѣмъ, какъ-бы не удержавшись, присовокупилъ нѣсколько страннымъ голосомъ и самъ потупляясь при этомъ:—Такую-жъ большую сумму денегъ вы держите не въ запертомъ ящикѣ!...

— Но тутъ и замка совсѣмъ нѣтъ! отвѣчала Елена.—А вотъ что, продолжала она,—возьмите вы ихъ лучше себѣ: я вамъ же потомъ ихъ передамъ.

Жуквичъ вспыхнулъ весь въ лицѣ.

— Но ловко ли это будетъ? проговорилъ онъ. Голосъ его явно при этомъ трепеталъ.

— Что тутъ неловкаго?... Никто и знать про то не будетъ, возразила Елена.

Жуквичъ чувствовалъ, кажется, что волненіе его слишкомъ было замѣтно, такъ что самъ поспѣшилъ объяснить его.

— Я-жъ даже смущенъ! сказалъ онъ, беря себя за голову,— отъ мысли, что моимъ собратамъ будетъ послана такая-жъ помощь!... Радость прерываетъ даже голосъ мой!

Digitized by Google

— А я-то какъ рада, и сказать того не могу! подхватила Елена.—Берите, пожалуйста, деньги и сосчитайте, сколько ихъ тутъ! прибавила она, выкидывая изъ стола пачку за пачкой.

Жуквичъ началъ раскладывать асигнаціи сначала по сотнямъ, а потомъ по тысячамъ.

— Семь тысячъ! произнесъ онъ.

— Ого!.. порядочно! воскликнула Елена.

— Да! подтвердилъ какимъ-то почти разслабленнымъ голосомъ Жуквичъ.—Но какъ-жъ вы дадите отчетъ въ нихъ? спросилъ онъ, помолчавъ немного.

— Я вовсе въ нихъ не буду давать никакого отчета, отвѣчала Елена.—Меня самое сначала это мучило: я, какъ вотъ и вы мнѣ совѣтовали, говорила, что затѣваю это въ пользу молодыхъ дѣвушекъ, не имѣющихъ обезпеченнаго положенія, съ тѣмъ, чтобъ онѣ не были доведены тѣмъ до порока; но потомъ думаю, что я должна буду сказать, кому именно изъ нихъ раздала эти деньги. Я и говорю этому Николѣ: «Это помощь, говорю, благотворительная; но многія бѣдныя дѣвушки отъ того, пожалуй, не обратятся къ ней, что ихъ фамиліи будутъ названы!»—«Да зачѣмъ вамъ называть ихъ?»—«За тѣмъ, говорю, чтобы дать отчетъ въ деньгахъ!»—«Да кому, говоритъ, вамъ давать отчетъ въ нихъ?»—«Тѣмъ лицамъ, говорю, которыя подпишутся на билеты».—«Очень нужно!» говоритъ; словомъ, совершенно свой взглядъ имѣетъ на это.—«Нѣтъ, говорю, очень нужно: я вовсе не такое лице, которому общество захотѣло бы повѣрить безъ всякаго контроля.»—«Не нужно, говоритъ,—я все возьму на себя: пускай, говоритъ, ко мнѣ привязываются; что, они меня за вора, что ли, сочтутъ? А которые, говоритъ, очень пристанутъ, я возьму да за билеты ихъ свои деньги имъ и вышвырну»! Такимъ образомъ, съ этой стороны я обезпечена... Скверно, конечно, что тутъ лгать приходится, но что дѣлать: другаго я ничего не могла придумать!

— Да Боже-жъ мой! сколько сдѣлано сквернаго противъ тѣхъ людей, для которыхъ мы это лжемъ....

— Еще бы!.. согласилась Елена; хотя въ глубинѣ совѣсти своей и продолжала чувствовать неловкость отъ того, что принуждена была выдумывать и обманывать.

— Такъ вы завтра мнѣ позволяете и отправить эти деньги? спросилъ Жуквичъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Пожалуйста... Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! подхватила Елена.

— А прикажете дать вамъ росписку въ нихъ? присовокупилъ Жуквичъ.

Digitized by Google

— Никакой!... Что за вздоръ такой! воскликнула Елена.

Жуквичъ посидѣлъ еще нѣкоторое время, и еслибъ Елена повнимательнѣй наблюдала за нимъ, то замѣтила бы, что онъ былъ какъ на иголкахъ; наконецъ, онъ поднялся и сталъ прощаться съ Еленой; но деньги все еще не клалъ въ карманъ, а держалъ только ихъ въ своей рукѣ и такимъ образомъ пошелъ; но, выйдя въ сѣни, немедля всю пачку засунулъ въ свой, совершенно пустой, бумажникъ; потомъ этотъ бумажникъ положилъ въ боковой карманъ своего сюртука, а самый сюртукъ наглухо застегнулъ и, ѣхавъ домой, безпрестанно ощупывалъ тотъ бокъ сюртука, гдѣ лежалъ бумажникъ.

Лотерею въ пользу мнимыхъ бѣдныхъ дѣвушекъ Николя предположилъ розыграть въ домѣ отца. Старикъ Оглоблинъ, очень любившій сына, который былъ у него единственный, и въ которомъ онъ вовсе не замѣчалъ особенной простоватости, съ удовольствіемъ разрѣшилъ ему это, и даже съ своей стороны предложилъ сдѣлать для этого une grande soirée.

Вещи, предназначенныя къ розыгрышу, разставить покрасивѣе на глаза публикѣ взялся Жуквичъ и исполнилъ это съ искусствомъ, достойнымъ лучшаго декоратора; при этомъ онъ все почти самъ размѣривалъ, прилаживалъ и приколачивалъ. Всѣ вещи разложены были на красномъ сукнѣ и мѣстами перемѣшаны съ горшками роскошнѣйшихъ цвѣтовъ; нѣкоторые томы изъ библіотеки Николи, болѣе красивые по переплету, были разставлены на полкахъ и этажеркахъ; около дюжины довольно плохихъ масляныхъ картинъ, подаренныхъ старикомъ Оглоблинымъ для розыгрыша въ лотерею и привезенныхъ въ грязномъ, закоптѣломъ видѣ изъ его деревенскаго дома, были Жуквичемъ заново покрыты лакомъ и вставлены въ новыя, золоченыя рамы. Но что болѣе всего кидалось въ глаза, такъ это самоваръ накладнаго серебра, который Николя почти насильно взялъ у одной изъ своихъ старыхъ тетокъ. Жуквичъ помѣстилъ этотъ самоваръ на верху одной горки, слѣдующія ступени которой уставилъ дорогими фамильными табакерками старика Оглоблина, изъ которыхъ тотъ, впрочемъ, отдалъ для лотереи только двѣ похуже; а остальныя поставлены были лишь для виду. Изъ дворянскаго собранія Николя досталъ два стеклянные колеса для верченія но-

Digitized by Google

меровъ. Огромную залу Оглоблиныхъ Жуквичъ съумѣлъ такъ равномѣрно освѣтить, что ни въ одномъ пунктѣ ея не было на волосъ темнѣе противъ другаго. Старикъ Оглоблинъ, живавшій въ молодости въ *настоящемъ свѣтѣ* и понимавшій подобныя вещи, сейчасъ замѣтилъ это и былъ въ восторгѣ. «Charmant, monsieur Жуквичъ!... Charmant!» восклицалъ онъ, ходя съ самодовольствомъ взадъ и впередъ по залѣ. Гости начали съѣзжаться часовъ около десяти. Monsieur Николя и monsieur Жуквичъ, оба въ бѣлыхъ галстукахъ и съ розетками распорядителей, принимали всѣхъ чуть не въ передней. Одна изъ очень миленькихъ кузинъ Николи предназначена была разыгрывать роль судьбы и должна была вертѣть колесо. Время, по царствующей тогда модѣ, было временемъ черезчуръ открытыхъ лифовъ. Эта мода врядъ ли была хороша для Москвы; по крайней мѣрѣ, бо́льшая часть мущинъ, не смотря на свою слабость въ этомъ отношеніи, были бы больше довольны, еслибы лифы у дамъ были гораздо и гораздо позакрытѣе; а Жуквичъ, такъ даже не скрываясь, дѣлалъ всякій разъ гримасу, когда мимо его проходила какая нибудь черезчуръ не пощадившая себя дама. Въ числѣ мущинъ пріѣхало весьма много почтенныхъ старичковъ, съ удовольствіемъ покупавшихъ билеты для сохраненія нравственности бѣдныхъ дѣвушекъ; но, по нѣкоторой плутоватости, которая отражалась въ выраженіи ихъ лицъ, сильно можно было подозрѣвать, что, принося свою лепту на спасеніе нравственности этихъ бѣдняжекъ, они, кажется, не прочь были бы сейчасъ же и соблазнить ихъ, удѣливъ имъ въ этомъ случаѣ уже бо́льшую лепту. О, эти старички!... знаю я ихъ! Это все библейскіе судьи. Нашъ старичокъ Елпидифоръ Мартыновичъ, тоже бывшій тутъ и явившійся, подобно другимъ старичкамъ, въ звѣздѣ, взялъ билетовъ рублей на пятьдесятъ у Николи и объявилъ, что готовъ быть безплатнымъ докторомъ всѣхъ бѣдныхъ дѣвушекъ.

Елена, которая, между нами сказать, была бы положительно лучше всѣхъ дамъ, пріѣхавшихъ на этотъ вечеръ, не пришла.

Николя впалъ отъ этого въ отчаяніе и бросился было къ ней упрашивать ее.

— Да какъ же это?... Для васъ я весь вечеръ устроивалъ! забарабанилъ онъ.

— Какъ, monsieur Николя, вы это говорите! Вы вспомните, кто я такая въ глазахъ всего вашего общества?.. Я—нигилистка, я mademoiselle Жиглинская, выгнанная изъ службы! При одномъ имени моемъ, я думаю, всѣ ваши гости разъѣдутся!...

Digitized by Google

Николя совершенно понялъ этотъ доводъ Елены.

— Пожалуй, что разъѣдутся: дурачье, вѣдь, все ужасное! проговорилъ онъ со свойственной ему откровенностью и ушелъ отъ Елены.

Розыгрышъ лотереи начался между чаемъ и мороженымъ и при этомъ произошло нѣсколько забавныхъ случаевъ: одному, на примѣръ, сенатору, и сенатору совершенно штатскому, рѣшительно оказавшему услуги отечеству однимъ лишь перомъ, досталась вдругъ грознѣйшая турецкая сабля изъ стамбульскаго булата. Глупый и весьма еще мало понимающій мальчикъ, сынъ очень молодой дамы, выигралъ финифтяную табакерку старика Оглоблина, и тутъ же, безумецъ, уронилъ эту табакерку на полъ и разбилъ въ дребезги всю финифть. Мать его, вѣроятно, нѣсколько жадная по характеру дама, не удержалась, вся вспыхнула и дала сыну такого щелчка по головѣ, что ребенокъ заревѣлъ на всю залу и его принуждены были увести въ дальнія комнаты и успокоивать тамъ конфектами; другая, старая уже мать, очень разсердилась тоже: дочь ея, весьма невинное, хоть и глупое, какъ видно это было по глазамъ, существо, выиграла изъ библіотеки Николи *Дѣвственницу Вольтера* и, со свойственнымъ юности нетерпѣніемъ, сейчасъ схватила эту книгу и начала было ее читать. Къ счастію, ея мать, игравшая въ это время въ карты, захотѣла посмотрѣть, что дочь выиграла, и увидавъ, что именно, вырвала книгу изъ рукъ дочери и почти кинула ее въ лицо Николѣ.

— Какъ это глупо разыгрывать подобныя гадости! проговорила она.

— Что же такое?... Велика важность! отвѣчалъ тотъ, самъ, въ свою очередь, осердившись на нее.

Кромѣ этого случая, впрочемъ, Николя всѣмъ остальнымъ былъ очень доволенъ и рѣшительно чувствовалъ себя героемъ этого вечера. Многіе обращались къ нему съ вопросами о томъ, какъ будутъ распоряжаться съ деньгами: весь ли капиталъ раздадутъ на вспомоществованіе, или только станутъ расходовать одни проценты? Николя, какъ мы знаемъ, былъ неспособенъ что бы то ни было выдумывать и лгать; но говорить настоящее ему Елена запретила; а потому, въ отвѣтъ на всѣ вопросы, онъ больше произносилъ какія-то нечленораздѣльные звуки и съ каждымъ почти соглашался, что тотъ ему говорилъ.

— Домъ бы вамъ купить не дорогой для помѣщенія особенно

Digitized by Google

бѣдныхъ дѣвушекъ! посовѣтовалъ ему одинъ господинъ, желавшій свой собственный домъ спустить кому нибудь подороже.

— Мы домъ и купимъ! отрѣзалъ ему Николя.

— Эмеритуру-съ имъ нужно учредить!.. Пусть тѣ изъ дѣвушекъ, которыя имѣютъ мѣста и получаютъ жалованье, эмеритуру къ этому капиталу приплачиваютъ!... Эмеритура-съ—великое дѣло! толковалъ ему другой военный полковникъ, ожидающій на дняхъ получить право эмеритуры.

— Эмеритуру сдѣлаемъ-съ, сдѣлаемъ, отвѣчалъ ему, не задумываясь, Николя, а въ сущности даже не зная, что такое собственно эмеритура.

Проснувшись на другой день поутру, онъ задумалъ составить новую лотерею и съ этою цѣлью, не медля, побѣжалъ къ Еленѣ.

— Mademoiselle Елена! я сдѣлаю еще лотерею! кричалъ онъ, только-что войдя къ ней въ комнату:—тутъ вонъ, говорятъ, въ артистическомъ кружкѣ, одинъ какой-то баринъ даетъ свои десять тысячъ разыграть въ лотерею. Я думаю, что за чортъ какой добрый!... деньги свои отдаетъ, а онъ только на время ихъ даетъ, а какъ выручатъ на нихъ тысячъ десять, онъ опять ихъ себѣ и возьметъ назадъ!... Я то же могу сдѣлать: возьму у отца билетъ и разыграю его, а послѣ и ворочу ему!

— Но для этого, полагаю, нужно просить разрѣшенія у правительства? возразила Елена.

— Э, мы и такъ сдѣлаемъ—ничего! подхватилъ Николя и въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ. Онъ, въ этомъ случаѣ, больше приналегъ на подчиненныхъ отца, и отъ малаго до большаго всѣхъ ихъ заставилъ взять по нѣскольку билетовъ, такъ что опять выручилъ тысячи три, каковыя деньги повергъ снова къ стопамъ Елены. Николя рѣшительно, кажется, полагалъ плѣнить ее этимъ и врядъ ли не подозрѣвалъ, что деньги эти она собираетъ вовсе не для бѣдныхъ дѣвушекъ, а прямо для себя!

Елена, съ своей стороны, тотчасъ послала за Жуквичемъ. Онъ передъ тѣмъ только принесъ ей благодарственное письмо отъ польскихъ эмигрантокъ, которыя именовали ее «маткой Божкой» своей и спасительницей дѣтей ихъ; къ ней также было письмо и отъ эмигрантовъ. Тѣ тоже называли ее «маткой Божкой» своей. Передавая Жуквичу вновь полученныя отъ Николи деньги, Елена произнесла съ нѣкоторымъ самодовольствомъ.

— Вотъ вамъ еще капиталъ!

— О, благодарю-жъ тебя, Боже! какъ-бы не удержался и воскликнулъ Жуквичъ.

Digitized by Google

То, что разные польскіе эмигранты называли Елену матерью Божьей, это нисколько ее не удивило; но что Жуквичъ поспѣшилъ поблагодарить Бога, это ей показалось страннымъ. Она впрочемъ не высказала ему того и только проговорила:

— Такъ какъ эмигранты теперь уже получили помощь, то эти деньги я не желаю отправлять въ Парижъ; иначе, онѣ тамъ получатся, сейчасъ же раздадутся по рукамъ и проживутся. Лучше мы будемъ помогать изъ нихъ постепенно, когда кто нибудь изъ эмигрантовъ снова впадетъ въ бѣдность....

Такое намѣреніе Елены, замѣтно, не понравилось Жуквичу.

— Вы, значитъ, до тѣхъ поръ хотите эти деньги хранить у себя? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ у себя? Я положу ихъ въ банкъ, чтобы не терять процентовъ.

— Въ русскій? переспросилъ ее Жуквичъ.

— Да, въ русскій.

— Это очень опасно, началъ Жуквичъ:—при малѣйшемъ-жъ подозрѣніи ихъ конфискуютъ.

— Но откуда можетъ явиться подозрѣніе? спросила Елена.

— Да вотъ изъ этого-жъ письма, которое прислали вамъ мои неосторожные собраты и которое, вѣроятно, уже прочли на почтѣ.

— Но какъ же быть въ такомъ случаѣ? спросила Елена.

Жуквичъ развелъ руками.

— Я-жъ бы думалъ, заговорилъ онъ неторопливо,—лучше положить ихъ въ парижскій банкъ, а потомъ, когда вы прикажете кому сколько выдать, тому я и пошлю чекъ.

— Хорошо! согласилась Елена и тутъ же отдала Жуквичу всѣ деньги, которыми тотъ опять все время, пока сидѣлъ у ней, какъ-бы даже небрежно игралъ; но, пойдя домой, по прежнему, акуратнѣйшимъ образомъ уложилъ ихъ въ свой карманъ.

Посреди такихъ хлопотъ, у Елены всякій разъ, какъ она вспоминала о князѣ, начинало ныть и замирать сердце. Странныя были, въ настоящее время, ея чувства къ нему: Елена въ одно и то же время какъ-бы питала къ князю ненависть и жалость; ей казалось, что всѣ условія соединились для того, чтобъ изъ него вышелъ человѣкъ замѣчательный. Князь былъ уменъ, хо-

Digitized by Google

рошо образованъ, несуетенъ, свободномыслящъ; но въ то же время съ такими мелкими понятіями о чести, о благородствѣ, съ такою дѣтскою любовью и уваженіемъ къ тому, что вовсе, по ея мнѣнію, не заслуживало ни любви, ни уваженія. Елена очень хорошо понимала, что при той цѣли жизни, которую она, въ настоящее время, избрала для себя, и при томъ идеалѣ, къ которому положила стремиться, ей не было никакой возможности опять сблизиться съ княземъ, потому что еслибъ онъ даже не сталъ мѣшать ей дѣйхтвовать, то все-таки одинъ его сомнѣвающійся и нѣсколько подсмѣивающійся видъ сталъ бы отравлять всѣ ея планы и надежды, а вмѣстѣ съ тѣмъ Елена ясно видѣла, что она воспламенила къ себѣ страстью два новыя сердца: сердце monsieur Николи, надъ чѣмъ она, разумѣется, смѣялась въ душѣ, и сердце monsieur Жуквича, который день ото дня начиналъ ей показывать все болѣе и болѣе преданности и почти какого-то благоговѣнія. Надъ этимъ Елена не смѣялась и даже, въ этомъ отношеніи, чувствовала нѣкоторый страхъ. Видаясь съ Жуквичемъ каждодневно и бесѣдуя съ нимъ по цѣлымъ вечерамъ, Елена догадывалась, что онъ былъ человѣкъ лукавый, съ характеромъ твердымъ, закаленнымъ, и при этомъ она полагала, что онъ вовсе не такой маленькій дѣятель польскаго дѣла, какъ говорилъ о себѣ; объ этомъ Елена заключала изъ нѣсколькихъ фразъ, которыя вырвались у Жуквича,—фразъ о его дружественномъ знакомствѣ съ принцемъ Наполеономъ, объ его разговорѣ съ турецкимъ султаномъ, о связяхъ его съ разными вліятельными лицами въ Лондонѣ; словомъ, она почти увѣрена была, что онъ былъ вождь какой нибудь огромной польской партіи, но только не говорилъ ей о томъ, потому что не довѣрялъ ей вполнѣ. Послѣднее время, когда Жуквичъ приходилъ къ Еленѣ, она съ невольнымъ трепетомъ каждоминутно ожидала, что онъ произнесетъ ей признаніе въ любви. Ожиданіе это, дѣйствительно, въ весьма скоромъ времени подтвердилось. Принеся Еленѣ показать чекъ, присланный на его имя изъ парижскаго банка, Жуквичъ прямо началъ:

— А я, панна Жиглинская, осмѣливаюсь просить вашей руки и сердца.

Признаніе въ этой формѣ очень удивило Елену. Она сдѣлала усиліе какъ-бы разсмѣяться надъ словами Жуквича.

— Это зачѣмъ вамъ такъ понадобилось? спросила она его шутливо.

— Да, Боже-жъ мой! я влюбленъ въ васъ, несчастный! воскликнулъ Жуквичъ тоже какъ-бы съ оттѣнкомъ шутки.

Digitized by Google

Елена не переставала усмѣхаться слегка.

— Человѣкъ-жъ, котораго вы любили, продолжалъ своимъ вкрадчивымъ голосомъ Жуквичъ,—я полагаю, вы согласитесь, не стóитъ того, да онъ и самъ-жъ разлюбилъ васъ!

— Но вы-то этого никакъ не можете знать—разлюбилъ онъ меня или нѣтъ! воскликнула, по прежнему, насмѣшливо Елена.

— Да нѣтъ-жъ, знаю я навѣрное то: онъ ждетъ къ себѣ жену свою! воскликнулъ и Жуквичъ на это.

— Жену ждетъ? переспросила Елена, и почти смертная блѣдность покрыла лицо ея.

— Жену ожидаетъ! повторилъ Жуквичъ.—Съ Миклаковымъ княгиня разошлась; писала-жъ послѣ того мужу и теперь сбирается скоро пріѣхать къ нему совсѣмъ на житье.

Елена, видимо, не совсѣмъ повѣрила Жуквичу, и онъ сейчасъ это замѣтилъ.

— Мнѣ-жъ пишетъ о томъ мой пріятель, который телеграфировалъ тогда, по просьбѣ князя, изъ Парижа о княгинѣ, присовокупилъ онъ и въ доказательство подалъ Еленѣ письмо, въ которомъ все было написано, что говорилъ Жуквичъ.

— Я почти ожидала этого заранѣе.... проговорила Елена какъ-бы спокойно.—Князь всегда очень любилъ жену свою, и почему думалъ, что разлюбилъ ее, удивляться тому надо!... Они совершенная ровня и пара!

— Самъ-жъ, можетъ быть, заблуждался! Мало ли бываетъ! подхватилъ, пожимая плечами, Жуквичъ.

— Да, но въ этомъ заблужденіи онъ бы долженъ поостеречься заблуждать другихъ....

— О, конечно-жъ! воскликнулъ Жуквичъ.—Я самъ вотъ прямо вамъ говорю, что я то-жъ человѣкъ женатый!

— Но какъ же вы хотите жениться на мнѣ? воскликнула Елена.

— Бракомъ гражданскимъ! отвѣчалъ, немного потупляясь, Жуквичъ.

— Съ тѣмъ, чтобъ и къ вамъ жена ваша пріѣхала и выгнала меня?...

— О, нѣтъ-жъ!.. Моя не пріѣдетъ! произнесъ съ какимъ-то самодовольствомъ Жуквичъ:—она имѣетъ много дѣтей отъ другаго, и ко мнѣ не захочетъ воротиться.

— Ну, а самъ кто вы такой? спросила вдругъ его Елена:—потому что я совершенно убѣждена, что вы вовсе не тотъ человѣкъ, за котораго себя выдаете...

Digitized by Google

При этомъ вопросѣ Жуквичъ на короткое мгновеніе смутился.

— Да, я-жъ не тотъ, что я говорю! сказалъ онъ послѣ недолгаго молчанія.

— Кто же вы такой? повторила Елена.

— Я?... началъ Жуквичъ и пріостановился на нѣсколько времени. — Я-жъ висѣльникъ 48-го года и теперь существую подъ другою фамиліей. Въ 48-мъ году я былъ повѣшенъ!... И съ этими словами Жуквичъ проворно развязалъ свой галстукъ и раскрылъ воротникъ своей рубашки. Елена увидѣла у него на шеѣ довольно большой шрамъ, показавшійся ей, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ происшедшимъ отъ веревки.

— Но какъ же вы спаслись? проговорила она, смотря ему прямо въ лицо.

— Съ помощью-жъ добрыхъ товарищей и нѣкоторой собственной смѣлости!... отвѣчалъ Жуквичъ.

Елена продолжала не спускать съ него глазъ: сдѣланное имъ открытіе еще выше подняло Жуквича въ глазахъ ея.

— Да довѣрьте-жъ мнѣ, панна Жиглинская!... воскликнулъ между тѣмъ онъ.—Вы-жъ удумали посвятить себя вмѣстѣ со мною польскому дѣлу!

— Удумала! проговорила Елена.

— Такъ развѣ-жъ можно, бывъ такъ близко къ вамъ, не покланяться вашей красотѣ?... Развѣ-жъ вы, панна Жиглинская, не знаете вашихъ чарующихъ прелестей? Передъ вами бывъ, надо-жъ или боготворить васъ, или бѣжать отъ васъ!...

Елена мгновенно вся покраснѣла и сдѣлалась сумрачною.

— Очень жаль это!.. заговорила она,—и я, признаюсь, въ этотъ разъ гораздо бы больше желала быть какимъ нибудь уродомъ, чѣмъ красивою женщиной!

— Для чего-жъ то? воскликнулъ Жуквичъ.

— Для того, чтобы вы тогда относились ко мнѣ по сходству нашихъ убѣжденій, а не по чему иному.... Я собственно съ любовью навсегда покончила: мое недавнее прошедшее дало мнѣ такой урокъ, что я больше не поддамся этому чувству, и, кромѣ того, я убѣдилась, что и по натурѣ своей я женщина *не любви*, а *политики*.

— Но любовь-жъ не помѣшаетъ политикѣ! возразилъ Жуквичъ.

— Напротивъ, очень помѣшаетъ! продолжала Елена.—Шиллеръ не даромъ выдумалъ, что Іоанна д'Аркъ до тѣхъ поръ только вѣрна была своему призванію, пока не полюбила.

Digitized by Google

— Нѣтъ, эта фантазія поэта совершенно несправедлива! возразилъ ей Жуквичь, и лицо его приняло весьма недовольное выраженіе, такъ что Елена нѣсколько испугалась этого.

— Вотъ видите, какъ нехорошо быть красивой собой! проговорила она:—вы теперь будете недовольны мною и, можетъ быть, даже постараетесь отстранить меня отъ нашего общаго дѣла.

— О, нѣтъ, зачѣмъ-жъ? возразилъ онъ ей.

— И не отстраняйте меня!... я буду вамъ полезна! сказала Елена съ чувствомъ.

— Да знаю-жъ это я! воскликнулъ и Жуквичъ съ чувствомъ.

VIII.

Съ Елизаветой Петровной послѣ того, какъ Елена оставила князя, сдѣлался легонькій ударъ. Услыхавъ отъ Елпидифора Мартыновича, что у князя съ Жуквичемъ была дуель, она твердо была убѣждена, что Елена или приготовлялась измѣнить князю или уже измѣнила ему. Главнымъ образомъ въ этомъ случаѣ Елизавету Петровну безпокоила мысль, что князь, разсердясь на Елену, пожалуй, и ей перестанетъ выдавать по триста рублей въ мѣсяцъ; но, къ великому удивленію ея, эти деньги она продолжала получать весьма исправно. Достойный другъ Елизаветы Петровны, Елпидифоръ Мартынычъ, почти всякій день посѣщалъ ее въ болѣзни и пользовалъ ее совершенно безплатно. Въ своихъ задушевныхъ бесѣдахъ съ нимъ, Елизавета Петровна каждый разъ превозносила князя до небесъ.

— Это ангелъ, а не человѣкъ,—ей Богу, какой-то ангелъ! говорила она почти съ удивленіемъ.

— Именно, что ангелъ! подхватывалъ Елпидифоръ Мартынычъ, тоже, какъ видно, бывшій очень доволенъ княземъ.

— Но какъ его-то, голубчика, здоровье? продолжала Елизавета Петровна со слезами на глазахъ.

— Что здоровье?... Тѣло еще можно лечить, а душу нѣтъ,— душу не вылечишь! отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ грустнымъ тономъ.

— Стало быть, онъ все еще любитъ ее, мерзавку? спрашивала Елизавета Петровна.

Digitized by Google

— Кажется, что любитъ!... О ребенкѣ, главное, теперь безпокоится. Приказалъ было мнѣ, чтобъ я каждый день заѣзжалъ навѣщать малютку; я разъ заѣхалъ.... мальчикъ уже ходитъ и прехорошенькій!

— Ходитъ? переспросила, съ чувствомъ, Елизавета Петровна.

— Мѣсяца съ два, какъ ходитъ!—Говорю Еленѣ Николаевнѣ, что: «вотъ мнѣ поручено навѣщать ребенка.»—«Это, говоритъ, зачѣмъ? Вы видѣли, что онъ здоровъ, а сдѣлается боленъ, такъ я пришлю за вами!» Такъ и не позволила мнѣ! Я доложилъ объ этомъ князю,—онъ только глаза при этомъ возвелъ къ небу.

— Голубчикъ мой, голубчикъ! повторила еще разъ Елизавета Петровна.

Елпидифоръ Мартынычъ больше за тѣмъ и ѣздилъ такъ часто къ Елизаветѣ Петровнѣ, чтобъ узнавать отъ нея о дочери, такъ какъ Елена не пускала его къ себѣ; а между тѣмъ онъ видѣлъ, что князь интересуется знать о ней.

— Ну, а какъ, слышно, она послуживаетъ на новомъ своемъ мѣстѣ? распрашивалъ онъ.

— Какая уже служба! Это вотъ какъ-то горничная ея прибѣгала и расказывала: «барышня, говоритъ, цѣлые дни своими ручками грязное бѣлье считаетъ и записываетъ».... Тьфу!

— Тьфу! отплюнулся на это и Елпидифоръ Мартынычъ.

— И ништо ей: не хотѣла быть барыней, такъ будь прачкой! присовокупила Елизавета Петровна съ какимъ-то злобнымъ удовольствіемъ.

Вскорѣ послѣ лотереи, въ затеѣ и устройствѣ которой Елпидифоръ Мартынычъ сильно подозрѣвалъ участіе Елены, онъ снова пріѣхалъ къ Елизаветѣ Петровнѣ.

— Нѣтъ ли у васъ какихъ нибудь новостей насчетъ Елены Николаевны? спросилъ онъ ее, будто бы къ слову.

— Марѳутка моя сегодня убѣжала къ нимъ: не знаю, воротилась ли... Марѳутка!... крикнула Елизавета Петровна на всю квартиру.

— Чего изволите, барыня? отозвалась та.

— Позовите ее сюда и пораспросите хорошенько! проговорилъ Елпидифоръ Мартынычъ скороговоркой.

— Хорошо!... Марѳуша, поди сюда! крикнула Елизавета Петровна уже поласковѣй.

Марѳуша вошла. Она сдѣлалась еще болѣе краснощекой.

— Что, Елена Николаевна здорова? спросила ее первоначально Елизавета Петровна.

Digitized by Google

— Здорова-съ! отвѣчала Марѳуша.

Далѣе Елизавета Петровна не находилась, что спрашивать ее: тогда уже принялся Елпидифоръ Мартынычъ.

— А скажи мнѣ, моя милая, началъ онъ,—кто бываетъ у Елены Николаевны въ гостяхъ....

— Кто, баринъ, бываетъ-съ?... Я не знаю-съ!... отвѣчала было на первыхъ порахъ Марѳуша.

— Какъ же ты не знаешь?... Поди-ка ты сюда ко мнѣ!

Марѳуша подошла къ нему.

— На тебѣ на чай! Я давно хотѣлъ тебѣ дать, продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ, суя ей въ руки рубль серебромъ.

Та, принявъ этотъ рубль, поцѣловала у Елпидифора Мартыныча руку, который съ удовольствіемъ позволилъ ей это сдѣлать.

— Ну, а не ходятъ ли къ Еленѣ Николаевнѣ разныя барышни молоденькія... дѣвицы не богатенькія? сказалъ онъ.

— Нѣтъ, баринъ, не ходятъ-съ! отвѣчала Марѳуша.

— А изъ мущинъ кто же бываетъ у ней? допытывался Елпидифоръ Мартынычъ.

— Изъ мущинъ-съ, горничная Елены Николаевны сказывала, у нихъ только и бываетъ этотъ Николай Гаврилычъ...

— Такъ.... такъ.... Оглоблинъ это! подхватилъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Оглоблинъ-съ!... Потомъ этотъ полякъ!... ужь не помню, баринъ, фамилію...

— Жуквичъ! напомнилъ ей Елпидифоръ Мартынычъ.

— Жуквичъ, баринъ, Жуквичъ! воскликнула Марѳуша.

— Это тотъ злодѣй, что стрѣлялся съ княземъ? спросила Елизавета Петровна по-французки Елпидифора Мартыныча, и спросила очень хорошимъ французскимъ языкомъ.

— Oui, c'est lui! отвѣчалъ онъ ей тоже по-французски, но только чортъ знаетъ какъ произнося.—И что же они любезничаютъ съ барышней? обратился онъ снова къ Марѳушѣ.

— Любезничаютъ-съ! отвѣчала та, усмѣхаясь.

— А который же больше?

— Да оба, баринъ, любезничаютъ! проговорила Марѳуша и окончательно засмѣялась.

— А сама барышня, однако, съ которымъ больше любезна? спрашивалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

Марѳуша при этомъ взглянула на Елизавету Петровну, какъ-бы спрашивая, можетъ ли она все говорить.

Digitized by Google

— Говори, если что знаешь! сказала та въ отвѣтъ на этотъ взглядъ.

— Съ полякомъ, надо быть, баринъ, больше! начала Марѳуша:—онъ красивый такой изъ себя, а Николай Гаврилычъ этотъ не хорошъ-съ!... Губошлепъ!... Въ домѣ такъ его и зовутъ: «губошлепъ, говорятъ, генеральскій идетъ!»

— Именно губошлепъ!... Именно! подтвердилъ, усмѣхаясь, Елпидифоръ Мартынычъ.

— Я вамъ говорила, сказала Елизавета Петровна опять по-французски Елпидифору Мартынычу,—что у Елены непремѣнно съ господиномъ полякомъ что нибудь да есть!

— Oui, c'est vrai!... il est quelque chose! отвѣчалъ и онъ ей, Богъ знаетъ, что ужь такое.

— Ну, ты ступай! разрѣшила Елизавета Петровна Марѳушѣ. Та ушла.

— Il est quelque chose! Il est! повторилъ еще разъ свою фразу Елпидифоръ Мартынычъ.

Князь послѣ болѣзни своей очень постарѣлъ и похудѣлъ: станъ его сгорбился, взглядъ былъ постоянно какой-то мрачный, безпокойный, блуждающій и озирающійся кругомъ. Ударъ, нанесенный князю поступкомъ Елены, былъ слишкомъ неожиданъ для него: онъ могъ предполагать очень много дурнаго для себя на свѣтѣ, только не это. Князь считалъ Елену съ пылкимъ и, пожалуй, очень дурнымъ характеромъ, способною, въ минуты досады и ревности, наговорить самыхъ обидныхъ и оскорбительныхъ вещей; но чтобъ она не любила его нисколько,—онъ не думалъ.... И его въ этомъ случаѣ поражало не столько то, что Елена ушла отъ него и бросила его, какъ то, что она послѣ, въ продолженіи всей его болѣзни, ни разу не заѣхала къ нему провѣдать его. Такъ поступать можно только или въ отношеніи злѣйшаго врага своего, или вслѣдствіе своей собственной, личной вѣтренности и даже, нѣкоторой развращенности; но то и другое предполагать въ Еленѣ для князя было тяжело: кому же послѣ этого вѣрить? Въ комъ видѣть хоть сколько нибудь порядочнаго человѣка или женщину? спрашивалъ онъ самъ себя, и при этомъ невольно припоминалъ слова Миклакова, который какъ-то разъ доказы-

Digitized by Google

валъ ему, что тотъ, кто не хочетъ обманываться въ людяхъ, долженъ непремѣнно со всякимъ человѣкомъ дѣйствовать юридически и нравственно такъ, какъ-бы онъ дѣйствовалъ съ величайшимъ подлецомъ въ мірѣ. Слова эти начали казаться князю величайшею истиной. Склонный и прежде къ скептическому взгляду, онъ теперь сталъ окончательно всѣхъ почти ненавидѣть, со всѣми скучать, никому недовѣрять; не говоря уже о родныхъ, которые, первое время болѣзни князя, вздумали было навѣщать его и которыхъ онъ, обыкновенно, дерзостью встрѣчалъ и дерзостью провожалъ. Даже въ прислугѣ своей князь началъ подозрѣвать какихъ-то враговъ своихъ, и одинъ только Елпидифоръ Мартынычъ день ото дня все болѣе и болѣе получалъ довѣріе отъ него; но зато старикъ и поработалъ для этого: въ продолженіи всего тяжкаго состоянія болѣзни князя, Елпидифоръ Мартынычъ только на короткое время уѣзжалъ отъ него на практику, а потомъ снова къ нему возвращался и даже проводилъ у него иногда цѣлыя ночи. Когда князю сдѣлалось, наконецъ, получше, Елпидифоръ Мартынычъ однажды остался обѣдать у него. Князь, сѣвъ за столъ и попробовавъ супъ, вдругъ отодвинулъ отъ себя тарелку и не сталъ больше ѣсть.

— Это точно съ ядомъ! проговорилъ какъ-бы невольно самъ съ собою князь.

Елпидифоръ Мартынычъ намоталъ себѣ это на усъ и разными шуточками, прибауточками сталъ напрашиваться у князя обѣдать каждый день, при чемъ обыкновенно всякое кушанье бралъ самъ первый, и князь послѣ этого замѣтно спокойнѣе ѣлъ. Чтобъ окончательно разсѣять въ немъ такое странное подозрѣніе, Елпидифоръ Мартынычъ принялся князю хвалить всю его прислугу: «Что это у васъ за безподобные люди, говорилъ онъ,— въ болѣзнь вашу они навзрыдъ всѣ ревѣли». Князь слушалъ его и, какъ кажется, вѣрилъ ему.

Послѣднее время Елпидифоръ Мартынычъ замѣтилъ, что князь опять сдѣлался какъ-то болѣе обыкновеннаго встревоженъ и чѣмъ-то разстроенъ. Онъ пытался было повыспросить у него причину тому, но князь отмалчивался.

Взволновало князя на этотъ разъ полученное имъ снова письмо изъ Парижа отъ госпожи Петицкой, которая увѣдомляла князя, что этотъ злодѣй и негодяй Миклаковъ, измучивъ и истерзавъ княгиню, наконецъ оставилъ ее въ покоѣ.

«Вы сами, князь, писала Петицкая,—знаете по собственному

Digitized by Google

опыту, какъ можно ошибаться въ людяхъ: извѣстная особа, по здѣшнимъ слухамъ, тоже оставила васъ, и теперь единственное, пламенное желаніе княгини возвратиться къ вамъ и ухаживать за вами. А что она ни въ чемъ противъ васъ не виновна—въ этомъ Богъ свидѣтель. Я также, какъ и вы, въ этомъ отношеніи заблуждалась; но, живя съ княгиней около полутора лѣтъ, убѣдилась, что это святая женщина: время лучше докажетъ вамъ то, что я пишу въ этихъ строкахъ»....

Письму этому князь, разумѣется, нисколько не повѣрилъ и, прочитавъ его, даже бросилъ въ сторону: «обманывать еще хотятъ!» сказалъ онъ; но потомъ кроткій и такой, кажется, чистый образъ княгини сталъ мало по малу вырисовываться въ его воображеніи: князь не въ состояніи былъ почти вообразить себѣ, чтобъ эта женщина могла кого нибудь, кромѣ его, полюбить.

Елпидифору Мартынычу князь не говорилъ объ этомъ письмѣ, потому что не зналъ еще, что тотъ скажетъ: станетъ ли онъ подтверждать подозрѣніе князя въ томъ, что его обманываютъ, или будетъ говорить, что княгиня невинна; но князю не хотѣлось ни того, ни другаго слышать: въ первомъ случаѣ пропалъ бы изъ его воображенія чистый образъ княгини, а во второмъ, онъ самъ себѣ показался бы очень некрасивымъ нравственно, такъ какъ за что же онъ тогда почти насильно прогналъ отъ себя княгиню?

Елпидифоръ Мартынычъ, между тѣмъ, объясняя себѣ увеличившееся безпокойство князя все еще его несчастною привязанностью къ Жиглинской, рѣшился окончательно разочаровать его въ этой госпожѣ и, если возможно будетъ, даже совершенно втоптать ее въ грязь въ его глазахъ.

Для этого пріѣхавъ къ князю, вскорѣ послѣ распросовъ, сдѣланныхъ Марѳушѣ, Елпидифоръ Мартынычъ началъ съ шуточки.

— Вы, ваше сіятельство, такъ-таки монахомъ все и намѣрены жить? заговорилъ онъ, лукаво посматривая на князя.

Тотъ этимъ вопросомъ, по видимому, крайне былъ удивленъ.

— А у меня на примѣтѣ какая есть молодая особа! продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ, чмокнувъ губами и дѣлая ручкой:—умненькая.... свѣженькая, и ужь рекомендую вамъ: будетъ любить васъ не такъ, какъ прежняя.

Князь при этомъ сдѣлалъ недовольную и досадливую мину.

— Что за вздоръ такой вы болтаете! произнесъ онъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, не вздоръ!... Шутки въ сторону,—на прежнюю госпожу вамъ надобно отложить всякія чаянія: измѣнила вамъ вполнѣ...

Князь при этомъ мрачно и сердито посмотрѣлъ на Елпидифора Мартыныча.

— Для кого же это?... проговорилъ онъ.

— Да для того человѣка, котораго и вы, вѣроятно, предполагаете.

— Но кто вамъ сказалъ это? продолжалъ князь съ тѣмъ же мрачнымъ выраженіемъ.

— Господи Боже мой! Все заведенье говоритъ о томъ—отъ малаго до большаго; я лечу тамъ, такъ каждый день слышу: днюетъ и ночуетъ, говорятъ, онъ у нея! выдумывалъ Елпидифоръ Мартынычъ, твердо убѣжденный, что для спасенья позволительна всякая ложь.—Тогда, какъ она отъ васъ уѣхала, стали тоже говорить, что все это произошло отъ того, что вы приревновали ее къ Жуквичу. Я, признаться, васъ же повинилъ,—не помстить ли, думаю, князю: какимъ образомъ съ однимъ человѣкомъ годы жила, а другаго недѣлю какъ узнала... Анъ вышло. что нѣтъ,—правда была!

Въ лицѣ князя отразилась въ это время почти смертельная тоска.

— Да и не про одного тутъ Жуквича говорятъ, старался Елпидифоръ Мартынычъ еще болѣе доконать Елену въ мнѣніи князя:—и съ Оглоблинымъ, говорятъ, у ней тоже кое-что началось...

Этого князь уже болѣе не вынесъ.

— Ну, будетъ!... Довольно объ этомъ говорить! произнесъ онъ капризнымъ и досадливымъ голосомъ.

Елпидифоръ Мартынычъ замолчалъ.

Дня черезъ два послѣ этого разговора, князь вдругъ сказалъ Елпидифору Мартынычу.

— Я очень интересное письмо получилъ о женѣ изъ-за границы!

— Что такое-съ? спросилъ тотъ, навастривая отъ любопытства уши.

Digitized by Google

— А вонъ оно на столѣ.... прочтите! прибавилъ князь, показывая на валявшееся на столѣ письмо Петицкой.

Елпидифоръ Мартынычъ, прочитавъ письмо, пришелъ въ какой-то почти смѣшной даже восторгъ: онъ обернулся къ окну и началъ молиться на виднѣвшуюся изъ него колокольню: въ комнатѣ у князя не было ни одного образа.

— Боже милостивый! забормоталъ онъ, закрывая глаза и склоняя голову,—благодарю тя за твои великія и несказанныя милости и ниспошли ты благодать и миръ дому сему!... Ну, поздравляю васъ, поздравляю! заключилъ Елпидифоръ Мартынычъ, подходя уже къ князю и вдругъ цѣлуя его.

— Что вы точно съ ума сошли! сказалъ ему тотъ сердито.

— Извините на этотъ разъ!... Всегда такъ привыкъ выражать душевную радость—молитвой и поцѣлуемъ.

— Чему же тутъ радоваться, когда все письмо отъ перваго до послѣдняго слова—ложь?

— Письмо-то? воскликнулъ Елпидифоръ Мартынычъ: нѣтъ-съ, ложь не въ письмѣ, а у васъ въ мозгу, въ вашемъ воображеніи, или, лучше сказать, въ вашей печени растроенной!.. Оттуда и идетъ весь этотъ мрачный взглядъ на жизнь и на людей.

— Ну, такъ лечите, когда оттуда идетъ! проговорилъ князь.

— К-ха! откашлянулся Елпидифоръ Мартынычъ. —Трудно, когда одно другимъ питается: растроенная печень дѣлаетъ мрачный взглядъ, а мрачный взглядъ растроиваетъ печень!... Что тутъ врачу дѣлать?... Надобно самому больному бодриться духомъ и разсѣявать себя!... Вотъ вообразите себѣ, что княгиня ничѣмъ противъ васъ не виновата, да и возрадуйтесь тому.

— Какъ же я воображу это, когда она сама, уѣзжая, ни слова не возражала противъ того?

— Да, возрази вамъ... легко это сказать!... Мущина не всякій на то рѣшится, особеннно когда вы въ гнѣвѣ, не то что женщина!

Князю въ первый еще разъ пришла эта мысль: «А что, если я въ самомъ дѣлѣ запугалъ ее, и она наклеветала на себя? О, я мерзавецъ, негодяй!» думалъ онъ про себя.

— Развѣ она вамъ говорила это? сказалъ онъ вслухъ.

— Еще бы не говорила!... говорила! солгалъ, не задумавшись, Елпидифоръ Мартынычъ.

У князя даже холодный потъ выступилъ при этомъ на лбу.

— Въ такомъ случаѣ, вотъ что, началъ онъ, какимъ-то пре-

Digitized by Google

рывистымъ голосомъ:—нельзя ли вамъ написать княгинѣ отъ себя?

— Но что такое я напишу ей? спросилъ Елпидифоръ Мартынычъ, не понявъ сначала князя.

— То, что.... началъ тотъ, видимо сердясь на недогадливость его, — если княгиня хочетъ, такъ пусть пріѣзжаетъ сюда ко мнѣ, въ Москву.

— Но отчего вы сами не хотите ей написать о томъ?... Отъ васъ бы ей пріятнѣе было получить такое письмо, возразилъ ему Елпидифоръ Мартынычъ.

— Я не могу, понимаете, я не могу!... говорилъ князь, слегка ударяя себя въ грудь, и при этомъ слезы даже показались у него на глазахъ:—въ головѣ у меня тысяча противорѣчій, и всѣ они гложутъ, терзаютъ, мучатъ меня!

— Ипохондрія.... больше ничего, ипохондрія! сказалъ Елпидифоръ Мартынычъ, смотря съ чувствомъ на князя.—Ну-съ, не извольте хмуриться, все это я сдѣлаю: напишу княгинѣ и устрою какъ слѣдуетъ! заключилъ онъ и, пріѣхавъ домой, не откладывая времени, принялся своимъ красивымъ, семинарскимъ почеркомъ писать къ княгинѣ письмо, которымъ прямо отъ имени князя приглашалъ ее прибыть въ Москву.

Не вдолгѣ послѣ объясненія съ Жуквичемъ, Еленѣ пришлось имѣть почти такое же объясненіе и съ Николей Оглоблинымъ. Бѣдный молодой человѣкъ окончательно, кажется, и не шутя потерялъ голову отъ любви къ ней, тѣмъ болѣе, что Елена, изъ благодарности къ нему за устройство лотереи, продолжала весьма, весьма благосклонно обращаться съ нимъ. Главнымъ образомъ Николю мучило то, что у него никакъ не хватало смѣлости объясниться съ Еленой въ любви, а потому онъ думалъ, думалъ, да и надумалъ, не переговоря ни слова съ отцемъ своимъ, предложить Еленѣ, подобно Жуквичу, бракъ, но только бракъ церковный, разумѣется, а не гражданскій.

Придя разъ вечеромъ къ Еленѣ, Николя началъ какъ-то особенно ухорски расхаживать по комнатѣ ея: онъ въ этотъ день обѣдалъ въ клубѣ и былъ немного пьянъ.

— Знаете что, mademoiselle Елена, я хочу на васъ жениться! сказалъ онъ.

Digitized by Google

— На мнѣ?... спросила, разсмѣявшись, Елена.

— Да, на васъ!... Пусть тамъ отецъ, чортъ его дери, что хочетъ говоритъ.... Другіе женятся и на цыганкахъ, а не то что.... бултыхалъ Николя, не давая себѣ отчета въ томъ, что говорилъ.

Елена на этотъ разъ не разсердилась на него нисколько.

— Нѣтъ, я не могу пойти за васъ замужъ, проговорила она, сколько могла, добрымъ голосомъ.

— Отчего? воскликнулъ Николя, никакъ не ожидавшій, что Елена замужъ за него даже не пойдетъ, потому что считалъ замужство это для нея все-таки большимъ шагомъ въ жизни.

— Оттого, что я васъ не люблю тою любовью, которою слѣдуетъ любить мужа! отвѣчала Елена.

— Какой же вы любовью меня любите? спросилъ Николя, немного повеселѣвшій отъ мысли, что его хоть какою нибудь любовью любятъ.

— Я люблю васъ какъ пріятеля, какъ человѣка очень хорошаго! говорила Елена.

— Какой я пріятель вамъ!... Я не могу быть вашимъ пріятелемъ! возразилъ Николя уже недовольнымъ тономъ.

— Отчего же не пріятель?

— Оттого, что вамъ пріятель надобенъ какой нибудь ученый, а я что?... Я знаю, что я неученый.

— Зато вы очень добрый человѣкъ, а это стòитъ многаго! возразила Елена.

— Это чтò добрый?.. продолжалъ Николя, сохраняя свой недовольный тонъ.—Вы любите вѣрно кого нибудь другаго! прибавилъ онъ.

Елена на это молчала.

— Князя, что ли, все еще любите? говорилъ Николя.

— Можетъ быть, и князя! отвѣтила Елена.

— Ну ужь это извините: я бы вамъ не совѣтовалъ! продолжалъ Николя насмѣшливымъ голосомъ:—Елпидифоръ Мартынычъ сказывалъ, что къ нему жена скоро изъ-за границы вернется!

— Это я знаю! проговорила Елена.

— Такъ вамъ опять, видно, страмиться хочется, какъ прежде вонъ все исторіи были?... А какъ вы выйдете за меня, по крайней мѣрѣ, замужняя женщина будете!

— Нѣтъ, monsieur Николя, у меня никакой больше исторіи не будетъ, потому что я никого не люблю и замужъ ни за кого не пойду! постаралась еще разъ успокоить его Елена.

Digitized by Google

— Ну да, не любите!... Не можетъ быть, непремѣнно кого нибудь любите! толковалъ Николя свое и почти напередъ зналъ, кого любитъ Елена; но ей, однако, этого не высказалъ; зато, возвратясь домой, позвалъ къ себѣ своего Севастьянушку и убѣдительно просилъ его разузнать, съ кѣмъ живетъ госпожа Жиглинская.

Севастьянушка въ этихъ дѣлахъ былъ человѣкъ опытный. Онъ прежде всего обратился къ смотрителю дома, всегда старавшемуся представить изъ себя человѣка, знающаго даже, что̀ крысы подъ поломъ дѣлаютъ въ цѣломъ зданіи.

— А что, спросилъ его Севастьянъ,—къ этой новой кастелянше нашей никакого хахаля не ходитъ?... Генералъ велѣлъ узнать.

На генерала, т. е., на старика Оглоблина, Севастьянушка свалилъ, чтобы придать больше вѣсу своимъ словамъ въ глазахъ смотрителя.

— Ходитъ одинъ полякъ къ ней... Надо быть, что хахаль! отвѣчалъ ему тотъ.—Этта я, какъ-то часу въ третьемъ ночи, иду по двору; смотрю, у ней въ окнахъ свѣтъ,—ну, боишься тоже ночнымъ временемъ: сохрани Богъ, пожаръ... Зашелъ къ нимъ: «Что такое, говорю, за огонь у васъ?»—«Гость, говорятъ, сидитъ еще въ гостяхъ!»

Севастьянушка на это только усмѣхнулся и затѣмъ уже взялся за горничную Елены, которую онъ для этого зазвалъ къ себѣ въ гости, угостилъ ее чаемъ и сталъ распрашивать, что не влюблена ли въ кого нибудь ея барышня. Глупая горничная, какъ болтала она объ этомъ съ Марѳушей, такъ и ему прямо объяснила, что барышня, должно быть, теперь гуляетъ съ бариномъ Жуквичемъ, потому что ѣздитъ съ нимъ по вечерамъ и неизвѣстно куда. Показаніе это Севастьянушка провѣрилъ еще черезъ посредство солдата, стоявшаго у уличныхъ воротъ зданія, и тотъ ему сказалъ, что, точно, кастелянша ѣздитъ иногда съ какимъ-то мущиной и что возвращается домой поздно.

Обо всемъ Севастьянъ самымъ подробнымъ образомъ доложилъ Николѣ.

— Хорошо!... хорошо!... славно!... говорилъ тотъ, дѣлаясь при этомъ совершенно пунцовымъ отъ гнѣва.

Digitized by Google

IX.

Николя, какъ и большая часть глупыхъ людей, при всей своей видимой добротѣ, былъ въ то же время золъ и мстителенъ. Взбѣсясь на Елену за то, что она,—тогда какъ онъ схлопоталъ ей мѣсто и устроилъ лотерею,—осмѣлилась предпочесть ему другаго, рѣшился насказать на нее отцу своему съ тѣмъ, чтобы тотъ вытурилъ Елену съ ея мѣста. Для этого онъ пришелъ опять въ присутствіе къ старику.

— Папа, вамъ этой Жиглинской нельзя держать на службѣ у себя!... сказалъ онъ.

— Какъ это?... почему?... спросилъ тотъ, не понимая сына.

— Потому, что она чортъ знаетъ что такое дѣлаетъ: съ полякомъ однимъ живетъ!

— Съ полякомъ? произнесъ старикъ почти съ ужасомъ.

— Да-съ!.. Съ Жуквичемъ вонъ этимъ, что вещи у насъ на лотереѣ разставлялъ.

— А, вотъ съ кѣмъ!... произнесъ старикъ поспокойнѣе: онъ воображалъ, что это былъ какой нибудь болѣе страшный человѣкъ, чѣмъ Жуквичъ.

— Вы, папа, выгоните ее, а то они тутъ не то еще надѣлаютъ.... и домъ, пожалуй, подожгутъ!

— Какъ домъ подожгутъ? повторилъ старикъ, опять уже съ ужасомъ.

— А такъ!... Мало ли поляки сожгли у насъ городовъ! Смотритель говоритъ, что Жуквичъ часовъ до трехъ ночи у ней просиживаетъ,—кто за ними усмотритъ тогда?... Горничная ея и солдатъ, что у воротъ стоитъ, тоже сказывали, что она по вечерамъ съ нимъ уѣзжаетъ и возвращается чортъ знаетъ когда...

— Ахъ, какая негодяйка, скажите!.. произнесъ старикъ, выпучивая даже глаза отъ страха и удивленія.

— Ужасная негодяйка!.. И какъ же послѣ этого можно ее держать?

— Держать ее нельзя!... согласился старикъ;—только какъ это сдѣлать мнѣ?

— Ну, ужь тамъ какъ нибудь сдѣлайте! заключилъ Николя и ушелъ, зная, что достаточную искру бросилъ въ легко вос-

Digitized by Google

пламеняющуюся душу отца. Надобно сказать, что самъ старикъ Оглоблинъ ничего почти не видѣлъ и не понималъ, что вокругъ него дѣлается, и поэтому былъ бы человѣкъ весьма спокойный; но зато, когда ему что либо подсказывали или наводили его на какую нибудь мысль, такъ онъ обыкновенно въ эту сторону начиналъ страшно волноваться и безпокоиться.

— Пожалуй, они въ самомъ дѣлѣ домъ сожгутъ! Что съ нихъ возмешь? повторялъ онъ самъ съ собой, оставшись одинъ; а потомъ, по всегдашнему обыкновенію, послалъ позвать къ себѣ на совѣтъ Ѳеодосія Иваныча.

— Эта.... кастелянша новая, началъ онъ, стараясь сохранить строгій, начальническій видъ,—живетъ... какъ мнѣ говорили, съ полякомъ однимъ?

— Кто вамъ говорилъ это? спросилъ Ѳеодосій Иванычъ, дѣлая мину весьма похожую на мину начальника и вмѣстѣ съ тѣмъ глаза его были покрыты какимъ-то невеселымъ туманомъ.

— Сынъ мнѣ говорилъ!.. Николя!.. отвѣчалъ ему старикъ опять строго.

Какъ будто что-то въ родѣ грустной улыбки пробѣжало по губамъ Ѳеодосія Иваныча.

— А Николаю Гаврилычу кто это сказывалъ? спросилъ онъ явно уже грустнымъ голосомъ.

— Смотритель дома сказывалъ.... горничная ея сказывала.... солдатъ, что у воротъ стоитъ, говорилъ. Какъ ее послѣ этого не выгнать?...

— Выгоняйте! произнесъ грустно-насмѣшливо Ѳеодосій Иванычъ.

— Но какъ это сдѣлать?

— Надо какъ нибудь сдѣлать! отвѣчалъ Ѳеодосій Иванычъ неопредѣленно; но по выраженію его лица видно было, что онъ зналъ, какъ это сдѣлать.

— Надо!... надо!... Да говорите же, какъ это сдѣлать? закричалъ наконецъ на него начальникъ.

Ѳеодосій Иванычъ при этомъ еще больше надулся.

— Позовите этихъ—смотрителя, горничную и сторожа; распросите ихъ.... отвѣчалъ онъ тѣмъ же неохотливымъ тономъ.

— Ну, позовите!

Ѳеодосій Иванычъ пошелъ.

— Она, вѣдь, домъ сожечь можетъ! крикнулъ ему вслѣдъ начальникъ, какъ-бы желая внушить ему важность дѣла.

Digitized by Google

Но Ѳеодосій Иванычъ не обратилъ на это особеннаго вниманія и черезъ нѣсколько времени привелъ въ присутствіе смотрителя дома, горничную Елены и сторожа.

Генералъ началъ распрашивать прежде всѣхъ смотрителя, какъ болѣе умнаго и толковаго человѣка.

— Эта.... госпожа Жиглинская.... кастелянша, какъ слышалъ я, въ связи съ полякомъ Жуквичемъ?

Смотритель при этомъ приподнялъ плечи вверхъ и вскинулъ немного глаза въ потолокъ.

— Надо быть, ваше превосходительство, что такъ! проговорилъ онъ.

— И я слышалъ.... что у нихъ ночью огонь.... часовъ до трехъ бываетъ.

— Было это, ваше превосходительство,—раза четыре это было! отвѣчалъ смотритель.

— Чтобы не было у меня впередъ этого! Никогда чтобъ не было! закричалъ вдругъ генералъ и погрозилъ даже пальцемъ смотрителю.—Я теперь ее выгоняю вонъ!... Но она.... все еще, можетъ быть, проживетъ тутъ.... день и два.... чтобы совсѣмъ у ней не было въ эти дни огня.... совсѣмъ!... Я съ васъ спрошу,—вы мнѣ за то отвѣтите!

— Не будетъ, ваше превосходительство, у ней огня никакого-съ!.. слушаю-съ!.. совсѣмъ никакого не будетъ! успокоивалъ его смотритель, какъ видно, насквозь знавшій своего начальника, а потому нисколько не смутившійся отъ его крика.

— Чтобъ и не было! повторилъ еще разъ старикъ и съ тѣмъ же раздражительнымъ тономъ обратился къ горничной Елены.

— У твоей госпожи есть возлюбленный?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство! заперлась было та на этотъ разъ, струсивши до слезъ.

— А я знаю, что есть! крикнулъ на нее старикъ.

Горничная при этомъ только какъ-то вильнула отъ страха животомъ.

— Ты видѣлъ, какъ госпожа Жиглинская уѣзжала по вечерамъ съ Жуквичемъ? перекинулся старикъ къ сторожу.

— Уѣзжала, ваше превосходительство, часто уѣзжала! отвѣчалъ тотъ.

— Ну, а теперь что дѣлать? спросилъ Оглоблинъ совсѣмъ другимъ тономъ Ѳеодосія Иваныча, стоявшаго нѣсколько вдали и смотрѣвшаго какимъ-то мефистофелемъ на всю эту сцену.

Digitized by Google

— Ихъ вотъ отставьте въ сторону, а позовите самое Жиглинскую.

Генералъ послѣ этого строго позвонилъ.

Явился сторожъ.

— Госпожу Жиглинскую ко мнѣ! сказалъ онъ тому какимъ-то зловѣщимъ голосомъ.

Сторожъ побѣжалъ исполнить это приказаніе.

Елена пришла нѣсколько удивленная такимъ приглашеніемъ. При видѣ ея представительной и шикарной наружности, старикъ нѣсколько утратилъ свой черезчуръ начальническій видъ и. даже приставъ на своемъ мѣстѣ и опершись, по обыкновенію. на локотки рукъ своихъ, началъ, держа лицо потупленнымъ къ столу:

— Вы-съ... производите въ домѣ... безпорядки, которые я не могу допустить.

— Какіе безпорядки? спросила Елена, взглядывая съ недоумѣніемъ на стоявшихъ въ сторонѣ смотрителя, сторожа и свою горничную и полагая, что не послѣдняя ли что надурила.

— У васъ, продолжалъ старый генералъ,—бываетъ человѣкъ, который не долженъ.... никакъ здѣсь бывать.

— Какой человѣкъ у меня бываетъ? продолжала Елена, все еще не совсѣмъ хорошо понимая.

— Господинъ Жуквичъ у васъ бываетъ!.. произнесъ старикъ болѣе уже строгимъ голосомъ.

— Почему же онъ не долженъ бывать у меня? спросила Елена.

— Потому-съ.... потому что онъ полякъ!

— А развѣ полякамъ запрещено бывать у своихъ знакомыхъ?

— Запрещено-съ!... И я ему запрещаю.... бывать у васъ.

— Но вы не можете этого запретить мнѣ! возразила Елена.

— Могу-съ!... Вы вотъ ѣздите съ нимъ по ночамъ.... и прекрасно!.. Поѣзжайте къ нему и сидите тамъ у него!

Говоря это, старикъ все болѣе и болѣе возвышалъ свой голосъ.

Елена, въ свою очередь, тоже вся вспыхнула, и глаза ея загорѣлись неудержимымъ гнѣвомъ.

— Какъ вы смѣете на меня такъ кричать,—я не служанка ваша! заговорила она.—Хоть бы я точно ѣздила къ Жуквичу. вамъ никакого дѣла нѣтъ до того, и если вы такой дуракъ, что не умѣете даже обращаться съ женщинами, то я сейчасъ же

Digitized by Google

уволю себя отъ васъ! Дайте мнѣ бумаги! присовокупила Елена повелительно.

— Какъ, я дуракъ? воскликнулъ въ свою очередь Оглоблинъ, откинувшись на спинку кресла.—Дайте ей бумаги!... Какъ, я дуракъ? повторилъ онъ, все еще не могши придти въ себя отъ подобной дерзости.

Ѳеодосій Иванычъ, по приказанію начальника, подалъ Еленѣ бумаги, и та принялась писать прошеніе объ отставкѣ.

— На гербовой бы собственно слѣдовало! замѣтилъ ей Ѳеодосій Иванычъ.

— Все равно-съ! все равно-съ! закричалъ на него начальникъ.—Я дуракъ, а!... я дуракъ! Что я долженъ съ вами сдѣлать?

Елена на это ничего не отвѣчала и продолжала писать; а кончивъ прошеніе, она почти перебросила его къ Оглоблину и потомъ сама встала и вышла изъ присутствія.

— Она сумашедшая, ей Богу, сумашедшая! говорилъ онъ, разводя руками.

Ѳеодосій Иванычъ, съ своей стороны, саркастически улыбаясь, взялъ прошеніе и, какъ-бы просматривая его, ни слова не говорилъ.

— Ну, ступайте и вы!... Вы больше не нужны! сказалъ Оглоблинъ призваннымъ свидѣтелямъ.

Тѣ вышли.

— Вѣдь она сумашедшая, рѣшительно!.. повторилъ еще разъ Оглоблинъ, прямо обращаясь уже къ Ѳеодосію Иванычу.

— Я не знаю-съ!... отвѣчалъ тотъ.

— Ну, вы ужь.... вы не знаете ... вы ничего не знаете! опять вспылилъ Оглоблинъ.

— Да мнѣ почему знать это? отвѣчалъ опять грустно-насмѣшливымъ тономъ Ѳеодосій Иванычъ и тоже ушелъ.

Читатель, можетъ быть, замѣтилъ, что почтенный правитель дѣлъ нѣсколько измѣнилъ тонъ обращенія съ своимъ начальникомъ, и причина тому заключалась въ слѣдующемъ: будучи лѣтъ пять статскимъ совѣтникомъ, Ѳеодосій Иванычъ имѣлъ самое пламенное и почти единственное въ жизни желаніе быть произведеннымъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, и вотъ въ нынѣшнемъ году онъ рѣшился было попросить Оглоблина представить его къ этому чину; но вдругъ тотъ руками и ногами противъ того. «Да не могу!... Да это поставятъ мнѣ въ пристрастіе!» и тому подобныя пустыя начальническія отговорки,

Digitized by Google

тогда какъ въ сущности онъ никакъ не могъ помириться съ мыслію, что онъ самъ «генералъ» и подчиненный у него будетъ «генералъ», что его называютъ «ваше превосходительство» и подчиненному его будутъ тоже говорить «ваше превосходительство». Ѳеодосій Иванычъ, кажется, понялъ причину отказа и началъ мстить своему благодѣтелю тѣмъ, что не сталъ ему давать совѣтовъ ни по какимъ дѣламъ.

Елена возвратилась къ себѣ почти обезумѣвшая отъ гнѣва. Она очень хорошо понимала, что все это штуки Николи, который прежде заставилъ отца опредѣлить ее на это мѣсто, а теперь прогнать; и ее бѣсило въ этомъ случаѣ не то, что Николя и отецъ его способны были дѣлать подобныя гадости, но что какимъ образомъ они смѣютъ такъ нагло и безстыдно поступать въ своей общественной дѣятельности. Въ прежнемъ своемъ удаленіи отъ службы Елена еще видѣла нѣкоторую долю хоть и предразсудочной, но все-таки справедливости: ея тогдашнее положеніе дѣйствительно могло произвесть нѣкоторый соблазнъ на дѣтей; а теперь она собственно выгнана за то, что не оказала благосклонности Николѣ Оглоблину. Что же это такое?.. Гдѣ, въ какомъ варварскомъ и дикомъ государствѣ можетъ быть допущенъ подобный произволъ? На первыхъ порахъ Елена думала было жаловаться и объяснить подробно причину, по которой ее лишили мѣста. Но кому?.. и кто повѣритъ ей? Николя же и родитель его очень хорошо могутъ наклеветать на нее все, что имъ будетъ угодно, чрезъ разныхъ своихъ лакеевъ и сторожей... Елена даже заплакала отъ горя и досады. Какъ бы ни было однако, она должна была подумать, куда ей приклонить свою голову. На первое время Елена рѣшилась переѣхать въ ту гостиницу, гдѣ жилъ Жуквичъ, и велѣла своей прислугѣ укладывать. Маленькій Коля ея, начинавшій все говорить, заинтересовался этими сборами и началъ приставать къ своей нянѣ.

— А то ти это дѣлаесь? спрашивалъ онъ ее, видя, что она кладетъ одну вещь за другой въ сундукъ.

— Укладываюсь, батюшка! отвѣчала ему няня.

— А засѣмъ? спросилъ ребенокъ.

— Мы переѣзжаемъ, батюшка.

— А куди?

Digitized by Google

— Не знаю-съ, маменька переѣзжаетъ, говорила няня.

Коля побѣжалъ къ матери и взмостился къ ней на колѣни.

— Мы, мама, къ папѣ ѣдемъ? говорилъ онъ.

Няня и горничная давно натолковали ему, что у него есть папа очень богатый.

— Нѣтъ, мой другъ, у тебя папы нѣтъ, отвѣчала ему Елена.

— А гдѣ онъ, мама?

— Умеръ,

— Его Богъ взяй, мама?

— Нѣтъ, не Богъ.

— А то же его взяй?

— Никто. Онъ умеръ, его и похоронили въ землю.

— А засѣмъ его похоенiи въ земью?

— Потому, что онъ разлагаться началъ.

Ребенокъ смотрѣлъ на мать; онъ совершенно не понялъ послѣдняго ея отвѣта, а между тѣмъ всѣ эти распросы его, точно вострые ножи, рѣзали сердце Елены. Часа черезъ три она совсѣмъ выѣхала изъ своей казенной квартиры въ предполагаемую гостиницу, гдѣ взяла нумеръ въ одну комнату, въ темномъ уголкѣ котораго она предположила помѣстить ребенка съ няней, а свѣтлую часть комнаты заняла сама. Горничную свою Елена расчитала и отпустила, такъ какъ отчасти подозрѣвала ту въ распущенной сплетнѣ про нее; кромѣ того, ей и дорого было держать для себя особую прислугу (у Елены въ это время было всего въ карманѣ только десять рублей серебромъ). Покуда она такимъ образомъ устроивалась, Жуквича не было дома, и Елена велѣла ему сказать, какъ онъ придетъ, что она переѣхала въ гостиницу совсѣмъ на житье. Ему, вѣроятно, передали это, потому что, возвратясь, наконецъ, и войдя къ ней въ нумеръ, онъ прямо спросилъ ее.

— Что-жъ это такое?... Опять новое переселенiе?

— Опять! отвѣчала Елена.

— Вы-жъ были тамъ чѣмъ нибудь недовольны? проговорилъ Жуквичъ.

— Напротивъ, мной оказались очень недовольны, такъ что выгнали даже меня изъ службы!

Тѣнь неудовольствiя явно отразилась въ глазахъ Жуквича.

— Но какая-жъ была причина такому неудовольствiю на васъ? спросилъ онъ.

Digitized by Google

— Причина вся въ томъ, что вы бывали у меня, и что я вотъ иногда уѣзжала съ вами кататься по Москвѣ...

— Да нѣтъ-жъ!.. не можетъ быть!.. какая-жъ это причина! говорилъ Жуквичъ, какъ-бы все больше и больше удивляясь.

— Разумѣется, это одинъ только предлогъ, подхватила Елена,— а настоящая причина вся въ томъ, что этотъ дуралей Николя вздумалъ на дняхъ объясняться со мной въ любви.... Я конечно объявила ему, что не могу отвѣчать на его чувство. Онъ разгнѣвался на это и, вѣроятно, упросилъ родителя, чтобы тотъ меня выгналъ изъ службы... Скажите, мыслимо ли въ какой нибудь другой странѣ такое публичное нахальство?

— О, да Боже-жъ ты мой! здѣсь многое бываетъ, чего нигдѣ не бываетъ! полувоскликнулъ грустнымъ голосомъ Жуквичъ.

— Прекрасно-съ; но всякому терпѣнію есть предѣлъ, сказала Елена:—должно же оно когда нибудь лопнуть.

— Ну, и лопай-жъ!.. Что изъ этого?.. говорилъ съ досадой Жуквичъ.

— Какъ что изъ этого! произнесла, вспыхнувъ даже вся въ лицѣ отъ гнѣва, Елена.—Я никакъ, Жуквичъ, не ожидала слышать отъ васъ подобныя вещи; для меня, по крайней мѣрѣ, это вовсе не *что изъ этого*!.. Чувство мести и ненависти къ моей родинѣ до того во мнѣ возрасло, что я хочу, во что бы то ни стало, превратить его въ дѣло,—понимаете вы это?

Жуквичъ на это молчалъ.

— Поѣдемте за границу и устроимте тамъ какой хотите заговоръ; но только я мести и мести жажду!...

— Какой же заговоръ и съ кѣмъ? возразилъ ей Жуквичъ.

— А съ тѣми, что неужели вся ваша партія и вся страна ваша намѣрены спокойно сносить ваше порабощеніе?

— Пока!... отвѣчалъ Жуквичъ, пожимая плечами.

— Но долго ли это *пока* будетъ продолжаться?

— Пока-жъ положеніе обстоятельствъ не сложится для насъ болѣе благопріятно.

— А теперь такъ-таки ничего и быть не можетъ?

— Сколько-жъ мнѣ извѣстно,—ничего! отвѣчалъ, опять пожимая плечами, Жуквичъ.

— И вы, значитъ, будете тутъ жить подъ присмотромъ?

— Буду-жъ жить подъ присмотромъ.

— Ну, я больше на васъ надѣялась, Жуквичъ! проговорила Елена.

Digitized by Google

— Панна Жиглинская! началъ онъ кроткимъ и убѣждающимъ голосомъ:—въ политической дѣятельности,—вы-жъ не знаете еще ее,—прежде-жъ всего нужно терпѣть и выжидать.

— Но чего ждать — я желала бы знать, потому что вы никогда ничего опредѣлительнаго не говорили мнѣ объ этомъ.

— Вы знайте-жъ одно, продолжалъ Жуквичъ тѣмъ же убѣждающимъ голосомъ,—что духъ Польши не ослабъ, что примиренія между нами-жъ и русскими быть не можетъ, а прочее-жъ все зависитъ отъ политическаго горизонта Европы: покоенъ онъ или буренъ.

— Покоенъ онъ или буренъ... вы все, кажется, прозѣваете и пропустите! произнесла Елена съ досадою. Переѣзжая въ гостиницу, она почти увѣрена была, что уговоритъ Жуквича уѣхать съ ней за границу; но теперь она поняла, что онъ и не думаетъ этого,—значитъ, надо будетъ остаться въ Москвѣ. А на какія средства жить? Съ теченіемъ времени Елена надѣялась пріискать себѣ уроки; но до тѣхъ поръ чѣмъ существовать?... Елена, какъ ей ни тяжело это было, видѣла необходимость прибѣгнуть къ помощи Жуквича.

— Въ такомъ случаѣ, начала она, краснѣя въ лицѣ:—такъ какъ я теперь совершенно безъ всякихъ средствъ, то буду просить у васъ изъ тѣхъ денегъ, которыя мы собрали во вторую лотерею, дать мнѣ рублей сто, которые я очень скоро возвращу.

— Но тѣ-жъ деньги въ Парижѣ! возразилъ ей Жуквичъ.

— Въ такомъ случаѣ не можете ли вы пока дать мнѣ изъ своихъ денегъ, а потомъ и получите ихъ изъ банка?

— Хорошо-съ! отвѣчалъ Жуквичъ, и Елена очень хорошо почувствовала, что тонъ голоса его былъ при этомъ не совсѣмъ довольный.

— Ну, вы, кажется, устали, да и я тоже устала,—хочу отдохнуть, проговорила она, протягивая Жуквичу руку.

— Добрый день! сказалъ онъ ей на это и ушелъ. Вскорѣ за тѣмъ пришелъ отъ него человѣкъ и подалъ Еленѣ пакетъ, въ которомъ, безъ всякой записочки, вложена была сторублевая асигнація.

Елена велѣла человѣку благодарить Жуквича, и когда тотъ ушелъ, она, бросивъ деньги съ какой-то неудержимой досадой въ столъ, сѣла сама на диванъ. Жуквичъ на этотъ разъ показался ей вовсе не такимъ человѣкомъ, какимъ она его воображала; а между тѣмъ Елена вынуждена была одолжаться имъ и зани-

Digitized by Google

мать у него деньги. Эта мысль такъ заставила ее страдать, какъ Елена никогда еще во всю жизнь свою не страдала: досада, униженіе, которое она обречена была переносить, какъ фуріи, терзали ее; ко всему этому, еще Коля раскапризничался и никакъ не хотѣлъ укладываться спать въ своемъ темномъ уголкѣ, говоря, что ему тамъ холодно и темно. Елена при этомъ только держала себя за голову: она думала, что съ ума сойдетъ въ эти минуты.

Прошло послѣ того съ недѣлю. Однажды вечеромъ Елена, услыхавъ звонокъ въ ея нумеръ, думала, что это пришелъ Жуковичъ, который бывалъ у нея каждодневно. Она сама пошла отворить дверь и вдругъ, къ великому своему удивленію, увидѣла передъ собой Миклакова, въ щеголеватомъ заграничномъ пиджакѣ и совершенно посѣдѣвшаго.

— Что вы съ неба, что ли, свалились? воскликнула она, очень, впрочемъ, обрадованная появленіемъ такого гостя.

— Зачѣмъ съ неба,—на землѣ еще пока обретаемся! говорилъ Миклаковъ.—Но погодите, однако, постойте; дайте посмотрѣть на васъ: вы, кажется, еще красивѣе стали!

— Подите вы съ красотой моей! произнесла Елена съ досадой;—садитесь лучше и расказывайте.

— Но прежде я желалъ бы знать: какъ вы очутились въ этой клѣткѣ? Что князя вы кинули, это я слышалъ еще въ Европѣ, а потому, пріѣхавъ сюда, послалъ только спросить къ нему въ домъ, гдѣ вы живете... Мнѣ сказали, въ такомъ-то казенномъ домѣ.... Я въ оный; но мнѣ говорятъ, что вы оттуда переѣхали въ сію гостиницу, гдѣ и нахожу васъ наконецъ. Вы, говорятъ, тамъ служили и, по обыкновенію вашему, вѣроятно, рассорились съ вашимъ начальствомъ?

— Да, такъ, немножко, но главное—надоѣло! отвѣчала Елена, не желая на первыхъ порахъ быть вполнѣ откровенною съ Миклаковымъ.

— Но скажите на милость, что такое у васъ съ княземъ вышло и зачѣмъ вы разошлись? продолжалъ тотъ.

— Разошлись по тому, что оба поняли, что мы люди совершенно различныхъ убѣжденій.

— О, чортъ возьми, различныхъ убѣжденій! воскликнулъ Мик-

Digitized by Google

лаковъ.—У васъ ребенокъ есть, вамъ бы для него надобно было вмѣстѣ жить!

— Ребенокъ, по преимуществу, и заставилъ меня это сдѣлать, чтобы спасти его отъ вліянія отца.

— Отъ вліянія отца спасти!... повторилъ съ усмѣшкою Миклаковъ.—Какъ хотите, Елена, а у васъ, видно, характеръ все хуже и хуже становится.

— У васъ пуще хорошъ характеръ!... возразила она ему съ своей стороны.—Сами вы зачѣмъ разошлись съ княгиней?

— Ну, мы съ ней разошлись на основаніи весьма уважительной причины.

— А именно?

— А именно по тому, что никогда и не сходились съ ней.

Елена сомнительно покачала головой.

— Конечно, это очень благородно съ вашей стороны, сказала она,—говорить такимъ образомъ о женщинѣ, съ которой все кончено; но кто вамъ повѣритъ?... Я сама читала письмо Петицкой къ князю, гдѣ она описывала, какъ княгиня любитъ васъ и какъ вы ее мучите и терзаете,—а развѣ станетъ женщина мучиться и терзаться отъ совершенно посторонняго ей человѣка?

— Я не то, что былъ ей посторонній человѣкъ: она говорила, что любитъ меня, но что все-таки желаетъ остаться вѣрна своему долгу.

— Какому это долгу?

— Да такому, какъ и Татьяна Пушкинская, что вотъ де: *другому отдана и буду въ вѣкъ ему вѣрна*!

— Меня, знаете, эта Татьяна всегда въ бѣшенство приводитъ! воскликнула Елена.—Если дѣйствительно Пушкинъ встрѣтилъ въ жизни такую женщину, то я голову мою готова прозакладывать, что ее удерживали отъ паденія ея генеральство и ея положеніе въ свѣтѣ: ахъ, Боже мой! какъ-бы не потерять всѣхъ этихъ сокровищъ!

— Можетъ быть!... согласился Миклаковъ;—но мою госпожу другое останавливало... присовокупилъ онъ съ усмѣшкой.

— Другое? спросила Елена.

— Да!... Она боялась въ этомъ случаѣ Бога, грѣха и наказанія за него въ будущей жизни.

Лицо Елены сдѣлалось удивленное и насмѣшливое.

— Послѣ этого она просто на просто дура! проговорила она.

— Не очень умна! согласился Миклаковъ.

Digitized by Google

— Но я одного тутъ не понимаю: какимъ образомъ вы могли влюбиться въ подобную женщину, и влюбиться до такой степени, что цѣлые полтора года ѣздили за ней по Европѣ.

— Эта самая непорочность больше всего и влекла меня къ ней... Очень мнѣ послѣднее время надоѣли разныя Маріи-Магдалины!.. Но кто однако вамъ сказалъ, что мы съ княгиней больше не встрѣчаемся? спросилъ въ заключеніе Миклаковъ.

— Жуквичъ! Ему кто-то писалъ объ этомъ изъ Парижа! отвѣчала Елена.

— А!... произнесъ Миклаковъ:—поэтому онъ еще здѣсь?

— Здѣсь! Онъ тутъ черезъ два нумера отъ меня живетъ! отвѣчала Елена не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ.

— Вотъ гдѣ!.. произнесъ не безъ ударенія Миклаковъ.—Такъ вы, значитъ, къ нему подъ крылушко переѣхали?

— Не къ нему, но потому что я только эту гостиницу и знала въ Москвѣ; а переѣхать мнѣ надо было поскорѣе, проговорила Елена, еще болѣе смутясь.—Скажите, однако, не знаете ли вы, что онъ за человѣкъ?... Собственно я до сихъ поръ еще не могу хорошенько понять его.

Миклаковъ подумалъ нѣкоторое время.

— Человѣкъ, какъ вы видите, не глупый!... плутоватый, кажется.... проговорилъ онъ.

— Но я подозрѣваю, что онъ представитель какой нибудь большой польской партіи! подхватила Елена.

— Нѣтъ, не думаю! возразилъ Миклаковъ.

— Непремѣнно такъ! продолжала Елена,—потому что онъ тутъ хлопочетъ, дѣлаетъ сборы на помощь польскимъ эмигрантамъ.

— Ну, немного еще, видно, собралъ.... замѣтилъ съ усмѣшкой Жуквичъ.

— Это изъ чего вы заключаете? спросила Елена.

— Изъ того, что нѣкоторые изъ эмигрантовъ въ поденщики идутъ на самыя черныя работы.

Елена при этомъ даже измѣнилась въ лицѣ.

— Я знаю, по крайней мѣрѣ, что, нѣсколько времени тому назадъ, онъ послалъ имъ въ Парижъ значительную сумму! проговорила она.

— Не слыхалъ-съ этого!... Знаю только, что господа польскіе эмигранты составляютъ до сихъ поръ одинъ изъ главныхъ елементовъ парижскаго пролетаріата.

Digitized by Google

— Странно! произнесла Елена, видимо желавшая скрыть обезпокоившую ее мысль.

Миклаковъ между тѣмъ всталъ съ тѣмъ, чтобы уйти.

Елена тоже встала.

— Когда же мы опять увидимся? спросила она.

— Не скоро, я думаю; потому что я завтра уѣзжаю въ Малороссію.

— Въ Малороссію?... Это зачѣмъ?

— По двумъ причинамъ... Во первыхъ, я за границей климатомъ избаловался, — мнѣ климата хорошаго желается, а здѣсь холодно; кромѣ того, на дняхъ княгиня возвращается въ Москву къ своему супругу.

— Возвращается? повторила Елена, какъ-бы уколотая чѣмъ-то.

— Возвращается-съ; и такъ какъ я вовсе не желаю, чтобы про меня говорили, что я всюду слѣдую по пятамъ княгини, то и уѣзжаю отсюда.

— Просто, я думаю, боитесь за себя, что не утерпите и прибѣжите поглядѣть на свое холодное божество, а потомъ, чего добраго, опять, пожалуй, начнете поклоняться ему! замѣтила Елена.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ!... другой разъ такимъ дуракомъ больше не буду! воскликнулъ Миклаковъ, отрицательно кивая головой и уходя.

Елена, между тѣмъ, послѣ его посѣщенія, сдѣлалась еще болѣе растроенною: у ней теперь со словъ Миклакова о продолжающейся бѣдности польскихъ эмигрантовъ явилось противъ Жуквича еще новое подозрѣніе, о которомъ ей страшно даже было подумать.

X.

Въ одно утро Елпидифоръ Мартынычъ садился на свою пролетку, чтобъ ѣхать по больнымъ, какъ вдругъ передъ нимъ точно изъ-подъ земли выросла Марѳуша, запыхавшаяся, растроенная и испуганная.

— Батюшка, Елпидифоръ Мартынычъ, съ барыней нашей что-то очень нехорошо-съ! завопила она.

— Что такое?... спросилъ Елпидифоръ Мартынычъ.

Digitized by Google

— Безъ чувствъ все изволитъ лежать-съ!... отвѣчала Марѳуша.

— О, о!... Отчего же это съ ней случилось? произнесъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Да вчера къ ней-съ эта проклятая горничная Елены Николаевны пришла, продолжала Марѳуша,—она больше у нашей барышни не живетъ-съ,—и начала ей расказывать, что Елена Николаевна изъ заведенья переѣхала въ гостиницу, въ нумера, къ этому барину Жуквичу.

— Переѣхала?.. Фю!.. поздравляю! воскликнулъ, присвистнувъ, Елпидифоръ Мартынычъ.

— Переѣхала-съ... Елизавета Петровна очень этимъ растроилась: стала плакать, метаться, волоски даже на себѣ рвала, кушать ничего не кушала, ночь тоже не изволила почивать, а поутру только было встала, чтобъ умываться, какъ опять хлобыснулась на постелю. «Марѳуша! кричатъ,—доктора мнѣ». Я постояла около нихъ маненько; смотрю, точно харабрецъ у нихъ въ горлышкѣ начинаетъ ходить; окликнула ихъ раза два три,— не отвѣчаютъ больше, я и побѣжала къ вамъ.

Елпидифоръ Мартынычъ выслушалъ Марѳушу съ внимательнымъ и нахмуреннымъ лицемъ и потомъ, посадивъ ее вмѣстѣ съ собой на пролетку, поѣхалъ къ Елизаветѣ Петровнѣ, которую нашелъ лежащею бокомъ на постелѣ; лицо ея было уткнуто въ подушку, одна изъ ногъ вывернута въ сторону и совершенно обнажена.

— Закрой! сказалъ Елпидифоръ Мартынычъ, указывая прежде всего Марѳушѣ на эту ногу.

Та закрыла.

Елпидифоръ Мартынычъ послѣ этого заглянулъ Елизаветѣ Петровнѣ въ лицо, потрясъ ее потомъ довольно сильно за плечо, затѣмъ взялъ ея руку и сталъ щупать пульсъ.

— Баста!... кончено! проговорилъ онъ.

— Что, батюшка, умерла, что ли, она? спросила Марѳуша, трепещущая.

— Умерла!... Поди объяви объ этомъ въ полиціи! продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ, какъ-то безпокойно озираясь кругомъ.

Марѳуша заревѣла во весь голосъ и пошла.

Оставшись одинъ, Елпидифоръ Мартынычъ, по прежнему, озираясь по сторонамъ, проворно подошелъ къ комоду, схватилъ дрожащими руками лежавшіе на немъ ключи, отперъ однимъ изъ

Digitized by Google

нихъ верхній ящикъ комода, изъ котораго, онъ видалъ, Елизавета Петровна доставала деньги. Выдвинувъ этотъ ящикъ, онъ отыскалъ въ немъ туго набитый бумажникъ и раскрылъ его: въ бумажникѣ оказалось денегъ тысячи полторы. Тысячу рублей Елпидифоръ Мартынычъ сунулъ себѣ въ карманъ, а пятьсотъ рублей оставилъ въ бумажникѣ, который снова положилъ на прежнее мѣсто, задвинулъ ящикъ и заперъ его. Тысячу эту Елпидифоръ Мартынычъ рѣшительно считалъ законно принадлежащею ему—за всѣ тѣ хлоноты, которыя онъ унотребилъ съ своей стороны по разнаго рода дѣламъ Елизаветы Петровны.

Когда полиція пришла, Елпидифоръ Мартынычъ сдалъ ей деньги и вещи и самое покойницу въ полное распоряженіе, а самъ уѣхалъ, говоря, что ему тутъ больше нечего дѣлать. Полиція, съ своей стороны, распорядилась точно такъ же, какъ и Елпидифоръ Мартынычъ: изъ денегъ она показала на лицо только полтораста рублей, которые нужны были, по ея расчету, на похороны; остальные, равно какъ и другія цѣнныя вещи, па примѣръ, брошки, серги и даже серебряныя ложки, попрятала себѣ въ карманы и тогда уже послала извѣстить мироваго судью, который пришелъ послѣ того на другой только день и самымъ тщательнымъ образомъ описалъ и запечаталъ разное старое платье и тряпье Елизаветы Петровны. Елену полиція извѣстила о смерти матери черезъ недѣлю послѣ похоронъ. Все это время она аки-бы разыскивала ее по Москвѣ. Извѣстіе это нѣсколько встревожило и взволновало Елену. Внутренній голосъ совѣсти въ ней говорилъ, что она много и много огорчала мать свою при ея жизни. «Что-жь, и мой сынъ, вѣроятно, будетъ огорчать меня впослѣдствіи!» подсказала Елена въ утѣшеніе себѣ. Потомъ, когда ей принесли опись вещамъ, оставшимся послѣ матери, она просила всѣ эти вещи отдать горничной Марѳушѣ, сознавая въ душѣ, что та гораздо болѣе ея была достойна этого наслѣдства. Полиція и на этотъ разъ, удѣливъ себѣ еще кое-что, передала Марѳушѣ рѣшительно одно только тряпье. Покуда все это происходило, Елпидифоръ Мартынычъ занятъ былъ новымъ дѣломъ: пріѣздомъ княгини Григоровой и свиданіемъ ея съ мужемъ.

Княгиня написала ему еще изъ Петербурга, что она такого-то числа пріѣдетъ въ Москву и остановится у Шевріе. Елпидифоръ Мартынычъ, въ назначенный ею день, съ ранняго утра забрался въ эту гостиницу, нанялъ для княгини прекрасный ну-

Digitized by Google

меръ и ожидалъ ее. Княгиня дѣйствительно пріѣхала и была встрѣчена Елпидифоромъ Мартынычемъ на крыльцѣ гостиницы. Онъ подъ ручку ввелъ ее на лѣстницу и указалъ ей приготовленное помѣщеніе. Княгиня не знала, какъ и благодарить его. Съ княгиней, разумѣется, пріѣхала и Петицкая.

— А вы, кажется, знакомы? сказала княгиня, показывая Елпидифору Мартынычу на подругу свою.

— Какже-съ! восклицалъ онъ: — имѣлъ честь даже лечить ихъ, когда они съ извощика упали. Изволите помнить это, сударыня? прибавилъ онъ Петицкой.

— Помню! отвѣчала та немного сконфуженнымъ тономъ.

— Надѣюсь, что все это теперь зажило, прошло?... продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ не безъ намека.

— Разумѣется! отвѣчала Петицкая, какъ-бы не понявъ его.

— А что, мужъ приметъ меня? спросила княгиня Елпидифора Мартыныча.

— Конечно!... безъ сомнѣнія! отвѣчалъ было онъ на первыхъ порахъ очень рѣшительно; но потомъ нѣсколько и пораздумалъ: князь, послѣ того разговора, который мы описали, ни разу больше не упомянулъ о княгинѣ, и даже, когда Елпидифоръ Мартынычъ говорилъ ему: «Княгиня, вѣроятно, скоро пріѣдетъ!» князь, обыкновенно, ни однимъ звукомъ не отвѣчалъ ему, и кромѣ того у него какая-то тоска отражалась при этомъ въ лицѣ.

— Но какъ намъ тутъ поступить: вы ли къ нему прежде поѣдете и предувѣдомите его, или мнѣ прямо къ нему ѣхать? продолжала княгиня.

— Нѣтъ, я къ нему напередъ поѣду и приготовлю его немного, а то вы вдругъ явитесь,—это, пожалуй, его очень сильно поразитъ! подхватилъ Елпидифоръ Мартынычъ и, не откладывая времени, поѣхалъ къ князю, котораго засталъ въ довольно спокойномъ состояніи духа и читающимъ книгу.

— Къ вашему сіятельству имѣю честь явиться съ новостью великою—к-ха! воскликнулъ Елпидифоръ Мартынычъ, живчикомъ влетая въ кабинетъ князя.

Князь взглянулъ на него вопросительно.

— Ѣду-съ я сейчасъ по Газетному переулку, продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ,—и вижу, что къ гостиницѣ Шевріе подъѣзжаетъ карета, выходятъ двѣ дамы, смотрю—Боже мой! знакомыя лица!—к-ха! княгиня и компаньёнка ея Петицкая....

— Княгиня? спросилъ князь, какъ-бы вздрогнувъ при этомъ имени.

Digitized by Google

— Она-съ!... отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ.—Я бросился къ ней, нашелъ ей нумеръ и говорю: «Какъ вамъ не стыдно не ѣхать прямо въ свой домъ!»—«Ахъ, говоритъ, не могу, не знаю, угодно ли это будетъ князю!» Ну, знаете, ангельскій характеръ ея и кротость! «Да поѣзжайте, говорю,—князь очень радъ будетъ вамъ».

Говоря такимъ рѣшительнымъ тономъ, Елпидифоръ Мартынычъ очень хорошо замѣтилъ, что на лицѣ князя опять отразилась какая-то тоска.

— «Нѣтъ, говоритъ, прежде съѣздите и спросите, приметъ ли онъ меня?» присовокупилъ онъ не столько уже настоятельно.— Вотъ я и пріѣхалъ,—какъ вамъ угодно будетъ; но по-моему просто срамъ жить ей въ гостиницѣ: вся Москва кричать о томъ будетъ.

Князь при этомъ еще болѣе нахмурился.

— Пусть она ѣдетъ сюда! началъ онъ какимъ-то прерывающимся голосомъ;—но я человѣкъ больной, раздражительный и желаю, чтобы не приставали ко мнѣ!

— Господи Боже мой! княгиня приставать станетъ, ангелъ-то этотъ!.. Развѣ только ухаживать за вами будетъ!

— И ухаживанья я ничьего не хочу!... Мнѣ дороже всего, чтобы меня оставляли одного! воскликнулъ князь.

— Ну, и будутъ васъ оставлять, какъ вы желаете того; я даже предпишу это, какъ медицинское правило. Прикажете, поэтому, послать къ княгинѣ сказать, чтобъ она ѣхала къ вамъ? заключилъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Посылайте! отвѣчалъ князь, отворачиваясь нѣсколько въ сторону и какъ-бы не желая, чтобы видѣли его лицо.

Елпидифоръ Мартынычъ отправилъ за княгиней свой собственный экипажъ, приказавъ ей сказать, чтобъ она немедля ѣхала.

Княгиня пріѣхала вмѣстѣ съ Петицкой. Вся прислуга княжеская очень обрадовалась княгинѣ: усатый швейцаръ, отворяя ей дверь, не удержался и воскликнулъ: «Ай, матушка, вотъ кто пріѣхалъ!» Почтенный метръ д'отель, попавшійся княгинѣ на лѣстницѣ, какъ-бы замеръ передъ нею въ почтительной и умиленной позѣ. Одна изъ горничныхъ, увидавъ, черезъ стеклянную дверь, княгиню, бросилась къ сотоваркамъ своимъ и весело начала имъ расказывать, что прежняя госпожа ихъ пріѣхала.

— А вы пока пройдите туда, на мою половину! сказала княгиня Петицкой.

Digitized by Google

— Знаю-съ! отвѣчала ей та и прошла въ заднія комнаты.

Княгиня стала приближаться къ кабинету мужа; она замѣтно была въ сильномъ волненіи. Елпидифоръ Мартынычъ, все время прислушивавшійся къ малѣйшему шуму, первый услыхалъ ея шаги.

— Княгиня пріѣхала!... проговорилъ онъ какимъ-то торжественнымъ голосомъ.

Князь при этомъ измѣнился нѣсколько въ лицѣ и привсталъ съ своего мѣста.

Княгиня, войдя въ кабинетъ, прямо и быстро подошла къ нему. Князь протянулъ ей руку. Княгиня схватила эту руку и начала ее цѣловать. Князь, съ своей стороны, поцѣловалъ ее въ лобъ. Елпидифоръ Мартынычъ, тоже стоя на ногахъ, съ какимъ-то блаженствомъ смотрѣлъ на эту встрѣчу супруговъ. Наконецъ, князь и княгиня сѣли. Послѣдняя помѣстилась прямо противъ мужа и довольно близко около него. Елпидифоръ Мартынычъ занялъ прежнее свое мѣсто.

— Какъ ваше здоровье теперь? проговорила княгиня, смотря на князя безпокойными глазами.

— Ничего себѣ; я собственно недолго былъ боленъ и теперь совершенно почти здоровъ, отвѣчалъ онъ труднымъ и медленнымъ голосомъ.

Княгиня продолжала смотрѣть на князя съ безпокойствомъ: ее, по преимуществу, поразилъ мутный и почти безсмысленный взглядъ князя.

— А вы тоже были больны? спросилъ онъ, въ свою очередь, почти совсѣмъ не глядя на княгиню.

— Да, я въ Парижѣ была очень больна, отвѣчала она, немного покраснѣвъ. Въ ея наружности, впрочемъ, только произошла та перемѣна, что ея бѣлое и нѣжное лицо начало немного дрябнуть и походить на печеное яблоко.

— Но потомъ гдѣ вы жили? сказалъ князь какъ-бы болѣе механически.

— Потомъ я жила въ Италіи, въ Германіи, отвѣчала княгиня.

— Съ кѣмъ нибудь изъ русскихъ или однѣ? спросилъ князь: ему, кажется, хотѣлось узнать, жилъ ли тамъ Миклаковъ.

— Совершенно одна!... съ одной только Петицкой, подхватила княгиня, какъ-бы угадавъ его тайную мысль.—Въ Римѣ, впрочемъ, въ одно время со мной жила Анна Юрьевна, гдѣ она и умерла.

Digitized by Google

— Умерла Анна Юрьевна? воскликнулъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Умерла, и какою-то страшной смертью, такъ что кричала на весь маленькій переулокъ, въ которомъ жила, а итальянцы, вообще очень суевѣрные, перестали даже ходить мимо ея дома.

— Какая же болѣзнь у нея была? спросилъ князь опять какъ-то механически: его даже извѣстіе о смерти Анны Юрьевны нисколько, по видимому, не тронуло.

— Я не знаю какая, отвѣчала княгиня.

— К-ха! откашлянулся глубокомысленно Елпидифоръ Мартынычъ:—по образу ея жизни ей и нельзя было ожидать отъ Бога поспѣшной кончины, проговорилъ онъ.—Желательно было бы знать, къ кому теперь перешло все ея громадное состояніе въ наслѣдство?

— Барону, кажется! отвѣчала княгиня.

— Барону однако! воскликнулъ Елпидифоръ Мартынычъ. — Но, вѣдь, это тысячъ сто годоваго дохода?

— Д-да! Впрочемъ, онъ и стоитъ того: послѣднее время онъ такую показалъ ей привязанность, что она мнѣ сама нѣсколько разъ говорила, что это рѣшительно ея ангелъ-успокоитель! Недѣли двѣ, передъ смертію ея, онъ не спалъ ни одной ночи, такъ что самъ до того похудѣлъ, что сталъ походить на мертвеца.

— Ну изъ-за этого наслѣдства отчего и не похудѣть!... произнесъ Елпидифоръ Мартынычъ не безъ усмѣшки.

— Баронъ, вѣроятно, скоро сюда пріѣдетъ!... продолжала княгиня.

— Вотъ какъ!.. Что-жь, это и хорошо!.. произнесъ Елпидифоръ Мартынычъ, а самъ съ собой въ это время разсуждалъ: «князь холодно встрѣтился съ супругой своей и причиной тому, конечно, эта дѣвочка негодная—Елена, которую князь, видно, до сихъ поръ еще не выкинулъ изъ головы своей», а потому Елпидифоръ Мартынычъ рѣшился тутъ же объяснить его сіятельству, что она совсѣмъ убѣжала къ Жуквичу, о чемъ Елпидифоръ Мартынычъ не говорилъ еще князю, не желая его растраивать этимъ.

— И здѣсь также новостей не мало! продолжалъ онъ, какъ-бы исключительно обращаясь къ княгинѣ.—Елизавета Петровна Жиглинская, если только вы помните, тоже померла.

— Померла? спросила княгиня.

— Когда она померла? воскликнулъ при этомъ князь.

— Недѣли съ три, надо быть,—к-ха! отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ, потупляясь нѣсколько.

Digitized by Google

— Отчего вы мнѣ не сказали объ этомъ? спросилъ князь почти строго.

— Да такъ какъ-то все забывалъ—к-ха! отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ какъ-бы и искреннимъ голосомъ.

— И долго она была больна? проговорила княгиня, сначала не подозрѣвавшая, къ чему ведетъ всю эту рѣчь Елпидифоръ Мартынычъ.

— Съ ней два удара собственно было! отвѣчалъ тотъ съ какой-то особенною пунктуальностью и рѣзкостью:—одинъ вотъ первый вскорѣ послѣ поступленія дочери въ кастелянши!... на словѣ этомъ Елпидифоръ Мартынычъ пріостановился немного:—сами согласитесь, продолжалъ онъ, грустно усмѣхаясь,—какой матери это можетъ быть пріятно!.. А потомъ-съ другой разъ повторился, какъ дочь и оттуда переѣхала.

— А куда она оттуда переѣхала? спросила княгиня не совсѣмъ уже смѣлымъ голосомъ. Она еще за границей слышала, что Елена главнымъ образомъ по тому оставила князя, что онъ сталъ ее ревновать къ Жуквичу; но чтобъ эта ревность была справедлива, она не слыхала подтвержденія тому.

— Въ гостиницу тутъ одну, въ нумера, гдѣ вотъ этотъ Жуквичъ полякъ живетъ!... проговорилъ Елпидифоръ Мартынычъ, какъ-бы больше обращаясь къ князю.

Княгиня при этомъ отвѣтѣ окончательно смутилась и не стала больше распрашивать. Князь тоже молчалъ и началъ щипать себѣ бороду: извѣстіе это впрочемъ мало, по видимому, его поразило,—онъ какъ будто бы ожидалъ заранѣе этого, и только его блуждающій взглядъ нѣсколько сосредоточился, и онъ замѣтно сталъ серьезное и важное обдумывать.

Княгиню, между тѣмъ, все безпокоила мысль, какъ сказать князю о Петицкой, и видя, что разговоръ ни о чемъ другомъ не начинается, она рѣшилась наконецъ:

— Я Петицкую съ собой привезла; вы позволите ей жить у меня? проговорила она.

— Пожалуй, мнѣ все равно! отвѣчалъ князь съ явною досадой, что его отвлекаютъ отъ собственныхъ мыслей.

Елпидифоръ Мартынычъ это замѣтилъ и обратился къ княгинѣ.

— Князь утомился; ему вредно долго бесѣдовать—к-ха! сказалъ онъ.

— Хорошо, я уйду! сказала кротко княгиня и сама встала при этомъ.

Digitized by Google

— До свиданья! сказалъ ей князь, стараясь какъ можно попривѣтливѣй ей улыбнуться.

Княгиня ушла; но Елпидифоръ Мартынычъ не уходилъ: онъ ожидалъ, что не будетъ ли еще какихъ нибудь приказаній отъ князя, и тотъ, дѣйствительно, когда они остались вдвоемъ, обратился къ нему.

— Вы тамъ сказали, началъ онъ прерывающимся голосомъ,— что госпожа эта.... переѣхала къ Жуквичу; но она вмѣстѣ съ собой таскаетъ и ребенка, которому я отецъ тоже и не могу допустить того! Вся жизнь ея, вѣроятно, будетъ исполнена приключеніями, и это никакъ не можетъ послужить въ пользу воспитанія ребенка!

— Конечно-съ! У такой матери какое воспитаніе?... подхватилъ Елпидифоръ Мартынычъ....

— А потому заѣзжайте къ ней, хоть завтра, что ли, и скажите ей, что я не сужу нисколько ея поступковъ; но за всю мою любовь къ ней я прошу у ней одной милости—отдать мнѣ ребенка нашего. Я даю ей клятву, что сдѣлаю его счастливымъ: я ему дамъ самое серьезное, самое тщательное воспитаніе. Княгиня, какъ вы знаете, очень добра и вполнѣ замѣнить ему мать; наконецъ, мы сдѣлаемъ его наслѣдникомъ всего нашего состоянія!

— Отдастъ!... вѣроятно отдастъ! подхватилъ Елпидифоръ Мартынычъ.—И куда онъ ей?... У нея новые, я думаю, скоро дѣти будутъ.

— Пожалуйста, заѣзжайте! повторилъ ему еще разъ князь.

— Заѣду-съ! отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

Князь въ тотъ день не выходилъ больше изъ своего кабинета и совсѣмъ не видался съ княгиней, которая вмѣстѣ съ Петицкой разбирала и разстанавливала разныя вещи на своей половинѣ.

Передъ тѣмъ, какъ Елпидифору Мартынычу пріѣхать къ Еленѣ, у ней произошла весьма запальчивая сцена съ Жуквичемъ. Елена недѣли двѣ, по крайней мѣрѣ, удерживалась и не высказывала ему своихъ подозрѣній, которыя явились у ней послѣ свиданія съ Миклаковымъ, и все это время наблюдая за нимъ, она очень хорошо видѣла, что Жуквичъ хоть и бывалъ у нея довольно часто, но всегда какъ-то оставался недолгое время, и

Digitized by Google

когда Елена, не смотря на непродолжительность его посѣщеній, заговаривала съ нимъ о польскихъ эмигрантахъ, о польскихъ дѣлахъ, разныхъ соціальныхъ теоріяхъ, онъ или говорилъ ей въ отвѣтъ какія-то фразы, или отмалчивался, а иногда даже начиналъ какъ-бы и подшучивать надъ ней. Елена не изъ такихъ была характеровъ, чтобы равнодушно переносить подобныя вещи: у ней часъ отъ часу все болѣе и болѣе накоплялось гнѣва противъ Жуквича, такъ что въ одно утро она не выдержала и нарочно послала за нимъ, чтобъ онъ пришелъ къ ней переговорить объ одномъ дѣлѣ. Жуквичъ явился и, по видимому, былъ нѣсколько смущенъ.

— Мы послѣднее время рѣшительно играемъ съ вами въ какія-то жмурки, гдѣ я хожу съ завязанными глазами, а вы отъ меня увертываетесь!.. начала она прямо;—но такъ какъ я вообще полусвѣта не люблю, а потому и хочу разъяснить себѣ нѣкоторыя обстоятельства: прежде всего я получила извѣстіе, что польскіе эмигранты въ Парижѣ до сихъ поръ страшно нуждаются.

Жуквичъ при этомъ вспыхнулъ весь въ лицѣ.

— Кто-жъ вамъ сообщилъ это извѣстіе? какъ-бы больше пробормоталъ онъ.

— Одинъ очень и очень достовѣрный человѣкъ! подхватила Елена.—Но вы мнѣ этого не говорили; значитъ, вы или сами не знаете этого, чего вамъ, какъ агенту ихъ, не подобаетъ не знать, или знаете, но мнѣ почему-то не довѣряете.

— О, панна Жиглинская, почему-жъ я стану вамъ не довѣрять! воскликнулъ удивленнымъ тономъ Жуквичъ.

— Этого я не знаю!.. Вамъ самимъ лучше это знать! подхватила Елена.—Во всякомъ случаѣ, продолжала она настойчиво,—я желаю вотъ чего: напишите вы господамъ эмигрантамъ, что ежели они дѣйствительно нуждаются, такъ пусть напечатаютъ въ какой нибудь честной, серьезной газетѣ парижской о своихъ нуждахъ и назначатъ адресъ, кому бы мы могли выдать новую помощь; а вмѣстѣ съ тѣмъ они пояснили бы намъ, что уже получили помощь и въ какомъ именно размѣрѣ, не упоминая, разумѣется, при этомъ нашихъ именъ.

— Это невозможно, панна Жиглинская! снова воскликнулъ Жуквичъ, какъ-бы приведенный почти въ ужасъ послѣдними словами Елены.

— Почему невозможно? спросила она его насмѣшливо и въ то же время пристально смотря на него.

Digitized by Google

— Да потому-жъ, панна Жиглинская, какъ я могу это написать?.. Мои-жъ письма, какъ сосланнаго, всѣ читаются на почтѣ; меня за это-жъ письмо сейчасъ сошлютъ въ Сибирь на каторгу.

— Но вы посылали, однако, деньги туда...

— Да Боже-жъ ты мой! я посылалъ черезъ банкировъ отъ неизвѣстнаго лица.

— Въ такомъ случаѣ поѣдемте мы съ вами въ Парижъ, потому что я послѣдними деньгами рѣшительно хочу сама распорядиться и даже думаю остаться совсѣмъ въ Парижѣ, гдѣ съумѣю найти себѣ работу: я могу учить музыкѣ, танцамъ, русскому языку и сидѣть даже за конторкой купеческой.

— Но какъ-жъ я поѣду съ вами, панна Жиглинская?.. Меня арестуютъ на первой станціи, потому что я бѣглый буду.

— Подите вы, Жуквичъ!.. Вы не съумѣете убѣжать и попадетесь кому нибудь, когда вы съ висѣлицы успѣли уйти!.. воскликнула Елена.—Не хотите только!...

— Да-жъ, панна Жиглинская, и не хочу—это такъ!. воскликнулъ Жуквичъ, въ свою очередь, явно оскорбленнымъ тономъ и весь краснѣя въ лицѣ,—потому что-жъ вы,—я не знаю, чѣмъ я подалъ поводъ тому... вы ѣдете въ Парижъ повѣрять меня!.. Я-жъ не подлецъ, панна Жиглинская!.. Я мильонами-жъ польскихъ денегъ располагалъ, и мнѣ довѣряли; но вы въ грошахъ вашихъ подозрѣваете меня!.. Да Богъ-жъ съ вами и съ деньгами вашими, я сейчасъ выпишу ихъ изъ банка и возвращу вамъ ихъ!.. Да съѣстъ ихъ дьяволъ!.. Поляки никогда-жъ не нуждались въ такой обидной помощи!..

Монологъ этотъ еще болѣе разсердилъ Елену.

— Кто честенъ-съ, тотъ не боится, чтобъ его повѣряли! произнесла она какимъ-то почти грознымъ голосомъ.

— Я-жъ честенъ и не боюсь вашихъ повѣрокъ! кричалъ ей на это Жуквичъ.

— Нѣтъ, вы боитесь,—это вы извините!.. Васъ выдаютъ ваше лицо и тонъ вашего голоса.

— Да нѣтъ-жъ, не боюсь, и черезъ недѣлю-жъ вы получите всѣ ваши деньги назадъ! продолжалъ кричать Жуквичъ, берясь за дверь и уходя.

— Сдѣлайте одолженіе, очень рада тому! кричала ему въ свою очередь Елена. Она предположила, какъ только онъ возвратитъ ей деньги, всѣ ихъ отослать къ Николѣ Оглоблину съ запиской, что отъ такихъ людей, какъ онъ и отецъ его, она не желаетъ

Digitized by Google

принимать помощи ни для какого дѣла. Елена не успѣла еще нѣсколько придти въ себя, какъ ей сказали, что ее спрашиваетъ Елпидифоръ Мартынычъ. Елена, полагая, что онъ пріѣхалъ къ ней по случаю смерти ея матери, послала было сказать ему, что она никакой надобности и никакого желанія не имѣетъ принимать его; но Елпидифора Мартыныча не остановилъ такой отвѣтъ ея. Онъ явился къ ней въ комнату. Взглянувъ впрочемъ въ лицо Елены, Елпидифоръ Мартынычъ понялъ, что ему не совсѣмъ удобно будетъ разговаривать съ ней, а потому и постарался принять какъ можно болѣе льстивый тонъ.

— Пословица русская справедлива: старый другъ лучше новыхъ двухъ!.. Нашелъ же наконецъ я васъ, отыскалъ! сказалъ онъ, придавъ самое сладкое выраженіе своему лицу.

— Совершенно напрасно трудились! отвѣчала ему насмѣшливо-презрительнымъ тономъ Елена.

Елпидифоръ Мартынычъ хоть бы глазомъ при этомъ моргнулъ.

— Что дѣлать-съ! произнесъ онъ спокойнымъ тономъ философа:—не по своей винѣ васъ безпокою, а по приказанью князя, который мнѣ поручилъ передать вамъ, что онъ васъ, по прежнему, уважаетъ и почитаетъ... И какъ бы вы тамъ лично сами—к-ха! ни поступали—к-ха! онъ не судья вамъ; но вы еще молоды, можете выйти замужъ, будете переѣзжать съ мѣста на мѣсто, а это онъ находитъ весьма неудобнымъ для воспитанія вашего сына и потому покорнѣйше проситъ васъ отдать ему малютку вашего!..

— Малютку моего?.. переспросила Елена.

— «Я, говоритъ, продолжалъ Елпидифоръ Мартынычъ, не отвѣчая на ея вопросъ и какъ-то особенно торопливо:—въ какіе нибудь тридцать лѣтъ сдѣлаю его дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, камергеромъ, и если хочетъ Елена Николавна, такъ и свиты его императорскаго величества генералъ-маіоромъ!» У князя, вѣдь, прекрасныя связи!.. «Потомъ, говоритъ, я сдѣлаю его наслѣдникомъ всего своего состоянія; княгиня, говоритъ, замѣнитъ ему вторую мать.»

— А княгиня развѣ пріѣхала? остановила его Елена.

— Да-съ! вчерашняго числа возвратилась, отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

Какая-то злая улыбка появилась при этомъ на губахъ Елены.

— Всѣ эти предложенія князя, конечно, очень лестны и заманчивы, отвѣчала она насмѣшливымъ голосомъ;—но, по несчастію,

Digitized by Google

я никакъ не желаю сына моего видѣть ни дѣйствительскимъ статскимъ совѣтникомъ, ни генералъ-маіоромъ, а желаю, чтобъ онъ былъ человѣкъ и человѣкъ немножко получше отца своего.

— Это я собственно сказалъ вамъ отъ себя; это мои предположенія, подхватилъ Елпидифоръ Мартынычъ, видя, что онъ ошибся въ своихъ обольщеніяхъ,—а князь его воспитаетъ, какъ только вы пожелаете.

— Нѣтъ, онъ никакъ его не воспитаетъ, какъ я того пожелаю: князь самъ очень хорошо знаетъ, какъ мы на это розно съ нимъ смотримъ.

— Но состояніе-то-съ, состояніе-то, поймите вы!.. старался было убѣдить Елену Елпидифоръ Мартынычъ. —Вы еще, Богъ знаетъ, будете ли богаты, а князь, мы знаемъ, что богатъ и сдѣлаетъ сына вашего богачомъ.

— Сынъ мой, надѣюсь, будетъ на столько не глупъ, что и безъ состоянія просуществуетъ на свѣтѣ, возразила Елена,—и вы потрудитесь передать князю, что я такъ же, какъ и онъ, по прежнему, его уважаю и почитаю; но сына моего все-таки не отдамъ ему. Проговоря это, она подошла къ этажеркѣ, взяла съ нея шляпку свою и начала ее надѣвать передъ зеркаломъ.

— Вы, кажется, уѣзжаете куда-то? спросилъ ее робко Елпидифоръ Мартынычъ.

— Да, мнѣ нужно по одному моему дѣлу! отвѣчала Елена, начавшая сбираться единственно съ тою цѣлью, чтобы выпроводить какъ нибудь своего гостя.

— К-ха! конфузливо откашлянулся Елпидифоръ Мартынычъ,— очень жаль, что я не могъ съ успѣхомъ исполнить моего порученія, присовокупилъ онъ грустно.

— И мнѣ тоже жаль! проговорила Елена.

Елпидифоръ Мартынычъ, дѣлать нечего, поклонился ей и вышелъ.

— Вотъ дура-то дѣвка! выбранился онъ, сходя съ лѣстницы, и къ князю прямо проѣхать не рѣшился, а первоначально околесилъ другихъ своихъ больныхъ и все обдумывалъ, какъ-бы ему половчѣе передать отвѣтъ Елены.

Князя онъ засталъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи.

— Нѣтъ-съ, она никакъ не соглашается на то! началъ Елпидифоръ Мартынычъ нѣжнымъ голосомъ:—«Я, говоритъ, мать и такъ люблю моего ребенка, что никакъ не могу разстаться съ нимъ.

Google

*

— Но она можетъ видаться съ нимъ хоть каждую недѣлю! произнесъ князь.

— И я говорилъ ей это; но она не соглашается! сказалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

Князь нѣкоторое время теръ себѣ лобъ.

— Послушайте!.. началъ онъ, видимо что-то придумавъ:—я никогда не имѣлъ подобныхъ дѣлъ... но, говорятъ, полиція всемогуща.. нельзя ли похлопотать, чтобы хоть силой они взяли у нея ребенка и отдали его мнѣ.

Слова эти заставили Елпидифора Мартыныча призадуматься.

— К-ха! кашлянулъ онъ многознаменательно:—пожалуй, можно будетъ попробовать; у меня есть кой-какіе каналы, по которымъ можно будетъ подойти къ разнымъ властямъ.

— Ну, подойдите и обѣщайте имъ денегъ—десять, пятнадцать тысячъ! подхватилъ князь.

— Ой, Господи, для чего такъ много! произнесъ Елпидифоръ Мартынычъ, какъ-бы испугавшись даже такой огромной цифры денегъ, и послѣ этого обѣщанія, по крайней мѣрѣ, съ недѣлю ходилъ по своимъ каналамъ; затѣмъ, пріѣхавъ наконецъ къ князю, объявилъ ему съ отчаяннымъ видомъ.—Нѣтъ-съ! ничего тутъ не подѣлаешь, и слышать не хотятъ: «Какъ, говорятъ, при нынѣшней гласности, можно это сдѣлать?.. Пожалуй, всѣ газеты протрубятъ: она мать,—кто же можетъ взять у нея ребенка?»

— Но она погубитъ его, понимаютъ ли они это? воскликнулъ съ мучительнѣйшимъ выраженіемъ въ лицѣ князь.

— Понимаютъ-съ, но гласности боятся! отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

XI.

Елена, не видавъ Жуквича послѣ описанной сцены около недѣли, начинала раскаяваться, что такъ рѣзко высказала ему столь обидную вещь, и полагала, что онъ нейдетъ къ ней въ ожиданіи присылки денегъ ему изъ Парижа, а что какъ только банкъ вышлетъ ему, онъ явится къ ней и швырнетъ ей эти деньги... О, тогда Елена намѣрена была самымъ искреннимъ образомъ испросить у него прощенія въ своемъ подозрѣніи и умолять его взять деньги назадъ и распоряжаться ими, какъ

Digitized by Google

только онъ желаетъ. Наконецъ прошла еще недѣля, но Жуквичъ не шелъ къ Еленѣ, и она ни отъ кого даже звука о немъ не слыхала, такъ что рѣшилась послать его просить къ себѣ и для этого позвала нумернаго лакея.

— Попроси ко мнѣ, пожалуйста, господина Жуквича! сказала она тому.

Лакей при этомъ съ какимъ-то недоумѣніемъ взглянулъ на нее.

— Господинъ Жуквичъ уѣхалъ-съ, проговорилъ онъ.

— Куда уѣхалъ? спросила Елена, удивленная и пораженная этимъ извѣстіемъ.

— Да не извѣстно-съ, по петербургскому ли тракту или по курскому: они сами себѣ-съ изволили нанимать извощика.

— То есть, какъ?.. Онъ совсѣмъ изъ Москвы уѣхалъ? переспросила Елена.

— Изъ Москвы совсѣмъ-съ! отвѣчалъ лакей.

— Но когда же онъ уѣхалъ? продолжала Елена.

Лакей назвалъ ей день. Это былъ тотъ именно день, въ который она съ нимъ поссорилась.

— Но кто его могъ отпустить?.. Онъ сосланъ въ Москву! распрашивала Елена, все еще не совсѣмъ довѣряя словамъ лакея.

— Кто? господинъ Жуквичъ?.. Нѣтъ-съ! отвѣчалъ тотъ, усмѣхаясь.

— Какъ нѣтъ... когда онъ самъ мнѣ говорилъ это?.. Позови мнѣ лучше хозяина,—ты ничего, видно, тутъ не знаешь!.. говорила Елена, берясь за голову и чувствуя, что она начинаетъ терять всякую нить къ пониманію.

Лакей пошелъ и позвалъ хозяина, который былъ купецъ, въ скобку подстриженный, въ длиннополомъ сюртукѣ и съ совершенно безстрастною физіономіей.

— Извините, что я васъ безпокою; но мнѣ очень нужно знать: что, господинъ Жуквичъ, который, говорятъ, уѣхалъ,—подъ присмотромъ полиціи содержался?

— Нѣтъ-съ, нѣтъ! отвѣчалъ хозяинъ, какъ-бы даже обидѣвшись на эти слова:—развѣ я сталъ бы держать такого? прибавилъ онъ потомъ съ усмѣшкой.

— Но тутъ, собственно, ничего нѣтъ дурнаго... Я только спрашиваю: что, онъ самъ пріѣхалъ въ Москву, или сосланъ былъ?

— Какъ же сосланный можетъ ко мнѣ въ гостиницу попасть? Сосланныхъ полиція прямо препровождаетъ и размѣщаетъ въ дома,

Digitized by Google

на которыхъ дощечки нѣтъ, что они свободны отъ постоя!.. создавалъ хозяинъ свое собственное законоположеніе,—а у насъ мѣсто вольное: кто хочетъ волей пріѣдетъ и волей уѣдетъ!..

— У васъ онъ, поэтому, по паспорту жилъ?

— По паспорту настоящему... Я самъ читалъ его... Станиславъ Жуквичъ, коллежскій секретарь даже... баринъ, какъ слѣдуетъ быть.

— Но куда же онъ теперь уѣхалъ? говорила Елена.

— Не сказалъ, куда именно; отмѣтился только къ выбытію изъ Москвы... Да что, онъ вамъ долженъ, что ли, остался?

— Немножко... пустякъ тамъ какой-то! отвѣчала Елена.

— Забылъ, чай, надо быть... Со мной такъ честно расчелся, баринъ хорошій!

Для Елены не оставалось никакого сомнѣнія, что она была самымъ грубымъ, самымъ наглымъ образомъ обманута!.. «Но какъ же Миклакову было не стыдно рекомендовать ей подобнаго человѣка?» думала она; хотя собственно что̀ онъ ей рекомендовалъ?— что Жуквичъ умный человѣкъ и послѣдователь разныхъ новыхъ ученій—все это правда, а остальное Елена сама придала ему въ своемъ воображеніи. Какой-то злобный смѣхъ надъ собой и своимъ положеніемъ овладѣлъ при этомъ Еленою. «Нечего сказать, проговорила она сама съ собой,—судьба меня балуетъ: въ любви сошлась съ человѣкомъ, съ которымъ ничего не имѣла общаго, а въ политическомъ стремленіи наскочила на мошенника,— умница я великая, должно быть!» Но какъ-бы за тѣмъ, чтобы разсѣять въ Еленѣ эти мучительныя мысли, къ ней подбѣжалъ Коля, веселенькій, хорошенькій, и началъ ласкаться. Елена какъ-бы мгновенно воскресла духомъ и, вспомнивъ, что она мать, съ величіемъ и съ твердостью выкинула изъ души всякое раскаяніе, всякое даже воспоминаніе о томъ, что было, и дала себѣ слово трудиться и работать, чтобы вскормить и воспитать ребенка. Для этого она, не откладывая времени, отправилась по конторамъ, чтобы спросить тамъ, нѣтъ ли въ виду мѣстъ гувернантки, и вошла въ первую попавшуюся ей изъ таковыхъ конторъ, гдѣ увидала криваго и безобразнаго господина, сидящаго за столомъ и что-то такое пишущаго. Елена обратилась къ нему съ своимъ вопросомъ.

— Три рубля серебромъ съ васъ слѣдуетъ получить! сказалъ онъ ей.

— Но я заплачу, когда получу мѣсто! возразила было Елена.

Digitized by Google

— Нѣтъ-съ, у насъ впередъ берется! отвѣчалъ ей спокойно кривой господинъ.

Елена подала ему три рубля серебромъ, а затѣмъ у пей осталось въ портъ-моне только двадцать рублей. Кривой господинъ далъ ей послѣ этого адресъ трехъ семействъ, желающихъ имѣть гувернантку, изъ которыхъ на одномъ, прочитавъ купеческую фамилію, Елена прежде всего рѣшилась идти въ это семейство, предполагая, что съ простыми людьми ей легче будетъ ужиться. Семейство это жило въ Таганкѣ. Елена отправилась туда пѣшкомъ. Подойдя къ довольно большому каменному дому, она рѣшительно не знала, какъ ей въ него войти, такъ какъ онъ со всѣхъ сторонъ показался ей запертымъ, и только со двора раздавался страшный лай цѣпной, должно быть, собаки. Елена хотѣла было уже уйти отъ этого дома, какъ вдругъ растворилась одна изъ тяжелыхъ калитокъ его и появился дворникъ. Оказалось, что калитка была не заперта, только у Елены не доставало силы отворить ее.

Елена сказала ему, зачѣмъ она пришла, и спросила, дома ли господа купцы.

— Хозяйка-то дома, а самого-то нѣтъ,—въ городѣ! отвѣчалъ дворникъ.

Елена попросила его провести ее къ хозяйкѣ.

Дворникъ повелъ ее сначала дворомъ, гдѣ дѣйствительно привязанная на цѣпи собака не то что лаяла на нихъ, а отъ злости только храпѣла и шипѣла; затѣмъ дворникъ повелъ Елену заднимъ ходомъ, черезъ какой-то чуланъ, черезъ какую-то кухню и прачечную даже, и наконецъ ввелъ ее въ невысокую и небольшую комнату, но съ огромною божницей въ одномъ углу и съ какимъ-то глупо и ярко расписаннымъ потолкомъ. Запахъ жареной рыбы и луку царилъ всюду, и все это вмѣстѣ показалось Еленѣ, по меньшей мѣрѣ, очень непріятнымъ. Вскорѣ къ ней вышла лѣтъ сорока женщина, набѣленная, съ черными зубами и съ головой повязанной платочкомъ.

— Покорнѣйше прошу садиться! проговорила она, показывая на одинъ конецъ худаго, кожанаго дивана и сама садясь на другой конецъ его.

Елена сѣла. Ее раздѣлялъ съ хозяйкой одинъ навощенный столикъ.

— Вы гувернантка-съ? спросила ее та.

— Гувернантка! отвѣчала Елена.

Digitized by Google

— А рекомендацію вы имѣете? продолжала хозяйка.

— Какую рекомендацію? спросила ее въ свою очередь Елена.

— А гдѣ-съ вы прежде жили, оттедова: вонъ у насъ и прикащиковъ николи не берутъ, ежели старый хозяинъ за него не ручается.

— Но у меня нѣтъ никакого стараго хозяина, потому что я въ первый разъ еще желаю жить въ гувернанткахъ, возразила ей Елена.

— Вотъ видите-съ, вы, значитъ, къ этому дѣлу-то еще и непривычны, а мы такъ желаемъ, чтобы дочь наша танцовать выучилась и чтобы писала тоже поисправнѣй, а то отецъ вонъ все ругается: «Что, говоритъ, ты пишешь какъ скверно!»

— Всему этому я могу учить; вотъ дипломъ мой на званіе гувернантки! проговорила Елена и подала было купчихѣ свой университетскій аттестатъ.

— Въ этихъ бумагахъ мы что понимаемъ?—люди темные; а намъ бы рекомендацію лучше чью нибудь! повторяла все свое хозяйка.

— Рекомендаціи я ничьей не могу вамъ представить, потому что нигдѣ еще не жила, проговорила Елена.

— А намъ безъ этого какъ рѣшиться-то?.. И характеръ тоже—кто знаетъ, какой онъ у васъ?.. Вонъ другія гувернантки линейкой, говорятъ, колотятъ ученицъ своихъ по чемъ ни попало,—пожалуй, и уродомъ на вѣкъ сдѣлать недолго, а у меня дочь единственная, въ кои вѣки Богомъ данная!

— Я вашей дочери колотить не стану, за это я вамъ ручаюсь; потому что у меня у самой есть сынъ—ребенокъ, котораго я попрошу взять съ собой.

— Вы замужняя поэтому? спросила купчиха.

— Нѣтъ, я не замужняя! отвѣчала Елена, желая въ этомъ случаѣ говорить правду.

— Вдова, значитъ?

— Нѣтъ, не вдова... я дѣвушка.

Купчиха даже поотодвинулась отъ нея при этомъ.

— Вотъ это тоже для насъ нескладно будетъ! произнесла она то потупляя, то поднимая свои глаза и вмѣстѣ съ тѣмъ осклабляясь во весь свой широкій ротъ.

— Что дѣлать!.. Это было увлеченіе съ моей стороны, и я не скрываю того.

— Да-съ!.. конечно!.. отвѣчала купчиха, не переставая дви-

Digitized by Google

гать глазами;—но намъ-то ужь очень не подходящее дѣло это будетъ! повторила она еще разъ.

Елена, видя, что никакого тутъ успѣха не будетъ, встала и, раскланявшись, просила проводить ее; тотъ же дворникъ, все стоявшій въ сосѣдней комнатѣ и внимательно слушавшій, что хозяйка его говорила съ гувернанткой, повелъ Елену прежнимъ путемъ; цѣпная собака опять похрапѣла на нихъ.

Елена, очутившись на улицѣ, первое, что начала съ жадностью вдыхать въ себя свѣжій воздухъ; она почти задыхалась, сидя съ купчихой въ ея каморкѣ, отъ запаху жареной рыбы съ лукомъ, и хоть довольно уже устала, но все-таки рѣшилась зайти по слѣдующему адресу къ полковнику Клюкову, живущему на Разгуляѣ въ своемъ домѣ. Елена, желая поберечь деньги, пошла и туда пѣшкомъ. Домъ полковника Клюкова представлялъ совершенную противуположность купеческому дому: желѣзныя ворота его были распахнуты; по бокамъ крыльца были помѣщены два аристократическіе льва; конюшни были обозначены лошадиной головой изъ алебастра; на одномъ изъ оконъ, выходящемъ на дворъ, былъ прибитъ огромнѣйшій барометръ; словомъ, видно было, что тутъ жилъ человѣкъ не замкнутый, съ слѣдами нѣкотораго образованія. Елена прямо подошла ко входу, на рѣзныхъ дверяхъ котораго была прибита мѣдная дощечка съ надписью на ней по-французски и по-русски: «Полковникъ Клюковъ». Елена позвонила въ колокольчикъ этой двери; ей отворилъ лакей во фракѣ и даже въ бѣломъ галстукѣ.

— Полковнику нужна гувернантка... начала Елена.

— Пожалуйте! подхватилъ сейчасъ же смѣтливый лакей и повелъ Елену черезъ залу, гдѣ ей невольно бросились въ глаза очень большія и очень хорошей работы гравюры, но только все какого-то строгаго и поучающаго характера: блудный сынъ, являющійся къ отцу; Авраамъ, приносящій сына въ жертву Богу; Муцій Сцевола, сжигающій свою руку. Лакей довелъ Елену до гостиной, которая тоже имѣла какой-то черезчуръ опредѣленный характеръ: цвѣты, на примѣръ, разставлены были въ ней совершенно по ранжиру, пепельницы на столѣ—тоже по ранжиру, кресла—тоже по ранжиру.

— Полковникъ сейчасъ выйдетъ! сказалъ лакей Еленѣ и ушелъ.

Она сѣла на одно изъ креселъ.

Минутъ черезъ пятнадцать раздались въ слѣдующихъ комнатахъ

Digitized by Google

правильные шаги и вслѣдъ затѣмъ показался и самъ полковникъ съ височками, съ небольшимъ хохолкомъ, съ нафабренными усами, въ стоячемъ галстукѣ и въ сюртукѣ съ георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ. По всему туалету его замѣтно было, что онъ только что прифранчивался.

— Bonjour, mademoiselle, prenez place,—je vous prie! сказалъ онъ, пододвигая Еленѣ, вставшей при его входѣ, кресло и самъ садясь противъ нея.

— Мѣсто вашего воспитанія? спросилъ онъ ее затѣмъ съ довольно важнымъ видомъ.

Елена въ отвѣтъ на это подала ему свой аттестатъ и дипломъ. Полковникъ бѣгло взглянулъ на оба изъ нихъ.

— Дѣло въ томъ-съ, началъ онъ,—что въ конторѣ я, разумѣется, подписывался только какъ полковникъ Клюковъ и многаго, конечно, не договорилъ, такъ какъ положительно считаю всѣ эти наши конторы скорѣе логовищемъ разныхъ плутней, чѣмъ какими нибудь полезными учрежденіями; но съ вами я буду говорить откровенно, какъ отецъ, истинно желающій дать дочерямъ своимъ серьезное воспитаніе.

— Сдѣлайте одолженіе! сказала ему на это Елена.

— Прежде всего-съ, продолжалъ полковникъ,—я долженъ вамъ сказать, что я вдовецъ... Дочерей у меня двѣ... Я очень хорошо понимаю, что никакая гувернантка не можетъ имъ замѣнить матери; но тѣмъ не менѣе желаю, чтобъ онѣ твердо были укрѣплены въ правилахъ вѣры, послушанія и нравственности!.. Дочерямъ-съ моимъ предстоитъ со временемъ свѣтская, разсѣянная жизнь; а свѣтъ, вы знаете, полонъ соблазна для юныхъ и неопытныхъ умовъ,—вотъ почему я хотѣлъ бы, чтобъ дочери мои закалены были и, такъ сказать, вооружены противъ всего этого...

— Но какимъ же способомъ вы думаете достигнуть этого? спросила Елена. Полковникъ начиналъ ей казаться дуракомъ и пошлякомъ.

— Тѣмъ способомъ-съ, отвѣчалъ онъ ей,—чтобы дѣвочки эти научены были предпочитать науку серьезную—наукѣ вѣтряной, пустой!.. Чтобы даже въ музыкѣ они любили Бетховенскую фугу, а не нынѣшнія какія нибудь жалкія польки и вальсы!.. Я самъ членъ здѣшняго музыкальнаго общества, поклонникъ серьезной музыки, и мое желаніе, чтобъ и дочери мои имѣли такой же вкусъ... Но главное, на что должно быть направлено вниманіе ихъ воспитательницы, это то, чтобы внушить имъ,

Digitized by Google

какъ тщетна и скоропреходяща земная жизнь человѣка, и чтобы такимъ образомъ обратить сердца ихъ къ жизни будущей...

Елена начинала приходить почти въ бѣшенство, слушая полковника, и готова была чѣмъ угодно поклясться, что онъ желаетъ дать такое воспитаніе дочерямъ съ единственною цѣлью запрятать ихъ потомъ въ монастырь, чтобы только не давать имъ приданаго. Принять у него мѣсто она находила совершенно невозможнымъ для себя, тѣмъ болѣе, что сказать ему, на примѣръ, о своемъ незаконнорожденномъ ребенкѣ было бы просто глупостью съ ея стороны.

— Нѣтъ, я не могу принять на себя такихъ большихъ обязанностей! сказала она ему прямо.

— Но почему, отчего? спросилъ ее полковникъ какъ-бы совсѣмъ другимъ тономъ: дѣло въ томъ, что чѣмъ болѣе онъ вглядывался въ Елену, тѣмъ она болѣе и болѣе поражала его красотою своею.

— Отъ того, что я сама не имѣю тѣхъ убѣжденій, которыя вы желаете, чтобъ я внушала дочерямъ вашимъ.

— Позвольте въ этомъ случаѣ вамъ не повѣрить! воскликнулъ полковникъ:—вашъ аттестатъ, по крайней мѣрѣ, съ такой прекрасной отмѣткой о вашей нравственности говоритъ совершенно противное; но еслибы даже это и было такъ, то я, желая немножко строгой морали для моихъ дочерей, вовсе не хочу стѣснять тѣмъ вашей собственной жизни!.. Кончивъ ваши уроки, вы будете совершенно свободны во всѣхъ вашихъ поступкахъ: вы можете выѣзжать въ театры, въ маскарады; я самъ даже, если вы позволите, готовъ сопутствовать вамъ!.. Большая разница— ихній возрастъ и нашъ съ вами!..

Изъ послѣднихъ словъ полковника Елена очень ясно заключила, что онъ все бы ей позволилъ, съ тѣмъ только, чтобъ и она ему позволила ухаживать за собой, и этимъ онъ показался ей еще противнѣе.

— Я никогда не привыкла отдѣлять моихъ словъ отъ дѣлъ! отвѣчала она, уже вставая.

Выраженіе лица полковника при этомъ мгновенно измѣнилось и изъ какого-то маслянаго сдѣлалось довольно строгимъ.

— О, конечно, это качество превосходное! произнесъ онъ и не пошелъ даже Елену проводить, а кивнулъ только ей головой и остался въ гостиной.

Елена, выйдя отъ полковника со двора, чувствовала, что у

Digitized by Google

ней колѣни подгибаются отъ усталости; но третій адресъ, данный ей изъ конторы, былъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ отъ дома полковника, что Елена рѣшилась и туда зайти: оказалось, что это былъ маленькій частный пансіонъ, нуждающійся въ учительницѣ музыки. Содержательница его, сморщенная старушонка въ грязномъ чепцѣ и грязно нюхающая табакъ, приняла Елену довольно сурово и объявила ей, что она ей больше десяти рублей серебромъ не можетъ положить.

— Но часто ли я должна ходить давать уроки? спросила Елена.

— Каждый день-съ, каждый день, какъ и прочія наставницы! отвѣчала старушонка.

— Но я живу очень далеко, а потому не позволите ли вы мнѣ черезъ день приходить?.. Все равно, я двойное число часовъ буду заниматься.

Старушонка на это сердито замотала головой.

— Нѣтъ-съ!... нѣтъ! начала она какимъ-то злобно-насмѣшливымъ голосомъ:—мнѣ устава моего заведенія не мѣнять для васъ, не мѣнять-съ!

— Хорошо, я буду, въ такомъ случаѣ, каждый день ходить! сказала Елена, желавшая лучше что нибудь зарабатывать, чѣмъ ничего.

Очутившись снова на улицѣ, Елена не въ состояніи была болѣе идти пѣшкомъ, а взяла извощика, который везъ ее до дому никакъ не меньше часа: оказалось, что она живетъ отъ пансіона, по крайней мѣрѣ, верстахъ въ пяти. Пріѣхавъ домой, Елена почти упала отъ изнеможенія на свою постель, и въ ея воображеніи невольно начала проходить вся ея жизнь и всѣ люди, съ которыми ей удавалось сталкиваться: и этотъ что-то желающій представить изъ себя князь, и все отвергающій Миклаковъ, и эти дураки Оглоблины, и, наконецъ, этотъ колосальный негодяй Жуквичъ, и новые еще сюжеты: милый скотина полковникъ и злючка—содержательница пансіона. О, какъ они всѣ казались ей ничтожны и противны, такъ что она не знала даже, кому изъ нихъ отдать хоть маленькое предпочтеніе; и если Миклаковъ все-таки являлся ей лучше другихъ, то по тому только, что былъ умнѣе всѣхъ прочихъ. Въ этой, какой-то полусознательной, переборкѣ всѣхъ своихъ знакомыхъ Елена провела почти всю ночь и на другой день поутру она отправилась въ пансіонъ на урокъ; тамъ ей пришлось учить, въ довольно холодной залѣ,

Digitized by Google

испитыхъ, мозглявыхъ и страшно, должно быть, безтолковыхъ дѣвочекъ, которыя, въ продолженіи цѣлаго часа, хлопали при ней своими костлявыми рученками по разстроеннымъ фортепьянамъ. Елена, по самой природѣ своей, была небольшая музыкантша и даже не особенно любила музыку, но, въ настоящее время, урокъ просто показался ей пыткой; какъ бы то ни было, однако Елена пересилила себя, просидѣла свой урокъ больше даже, чѣмъ слѣдуетъ, пришла съ него домой пѣшкомъ, и на другой день поутру опять отправилась пѣшкомъ въ пансіонъ; терпѣливо высидѣла тамъ и снова возвратилась домой пѣшкомъ. Въ такого рода занятіяхъ прошла вся недѣля. Единственнымъ развлеченіемъ для Елены было проводить время съ своимъ Колей; каждый вечеръ она обыкновенно усаживалась съ нимъ на диванѣ передъ маленькимъ столикомъ и раскрывала какую нибудь книжку. Главнымъ образомъ Коля доставлялъ ей величайшее наслажденіе тѣмъ, что уже зналъ букву *о*. «Ну, Коля, покажи, гдѣ *о*!» говорила она ему; и ребенокъ безъ ошибки показывалъ. Изъ этого Елена заключала, что со временемъ онъ будетъ очень уменъ.

При всей незавидности такого положенія, Елена далеко не оставляла своихъ политическихъ и соціальныхъ мечтаній и твердо была увѣрена, что она переживаетъ переходное только время, и что рано или поздно, но выйдетъ на приличное ей поприще. Впереди угрожающей бѣдности Елена тоже не очень опасалась и ободряла себя въ этомъ случаѣ тѣмъ, что она живетъ не въ совершенно же дикомъ государствѣ, живетъ, наконецъ, въ столицѣ, въ центрѣ образованія, и между тѣмъ она многое знаетъ и на разныхъ поприщахъ можетъ трудиться. Одно, что смущало Елену — это возможность болѣзни, которая, дѣйствительно, невдолгѣ и посѣтила ее. Послѣ двухнедѣльной ходьбы въ пансіонъ въ такую даль, Елена почти съ ужасомъ увидала, что ея крѣпкія ботинки протерлись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Она зашла было купить себѣ новыя, но, увы, за нихъ просили пять рублей, а у Елены всего только пять рублей оставалось въ кошелькѣ, а потому она эту покупку отложила въ сторону и рѣшилась походить еще въ старыхъ ботинкахъ. На другой день, какъ нарочно, пошелъ сырой, холодный дождь; Елена все-таки пошла въ пансіонъ въ своихъ дырявыхъ ботинкахъ. Пока она шла, то ничего не чувствовала; но когда усѣлась въ холодной залѣ давать уроки, то замѣтила, что чѣмъ долѣе она тамъ оставалась, тѣмъ

Digitized by Google

болѣе ноги ея холодѣли, а голова горѣла. Елена надѣялась обратною ходьбой согрѣть себя; но, выйдя, увидѣла, что рѣшительно не можетъ идти, потому что въ худыхъ мѣстахъ ботинокъ до того намяла себѣ кожу, что ступить ни одной ногой не могла, и принуждена была взять извощика, ѣдучи на которомъ, еще больше прозябла; когда, наконецъ, она вошла къ себѣ въ комнату, то у нея зубъ съ зубомъ не сходился. Елена легла въ постель, напилась теплаго чаю—ничего не помогало: ознобъ продолжался и къ вечеру сдѣлался жаръ. Елена вообразила, что у нея горячка и что она непремѣнно умретъ. Собственно сама для себя Елена не желала больше жить; но вообразивъ, что безъ нея Коля, пожалуй, умретъ съ голоду, она рѣшилась употребить все, чтобы подняться на ноги, и для этого послала къ частному врачу, чтобъ онъ пріѣхалъ къ ней; частный врачъ, хоть и былъ дома, сказался, что его нѣтъ. Елена послала пожаловаться на него частному приставу, который очень наивно велѣлъ ей сказать, что частные доктора ни къ кому изъ бѣдныхъ не ходятъ, такъ какъ тѣ имъ не платятъ. Елена при этомъ всплеснула только руками: «Ну, можно ли жить и существовать въ подобномъ государствѣ?» воскликнула она и затѣмъ впала почти въ совершенное безпамятство. На другой день, впрочемъ, къ ней пришелъ одинъ вольно-практикующій молодой врачъ, жившій въ однихъ нумерахъ съ нею.

Врачъ объявилъ Еленѣ, что у нея сильная простудная лихорадка: «Но не умру ли я, не опасна ли моя болѣзнь?» спросила она его.—«Нѣтъ-съ, не опасна нисколько!» отвѣчалъ ей тотъ и, прописавъ лекарство, ушелъ. Елена поуспокоилась немного и рѣшилась какъ можно старательнѣе лечиться; но для этого у нея не было денегъ. Елена послала продать свое черное шелковое платье, единственную цѣнную вещь, которою она еще владѣла: за это платье ей дали 25 рублей, а болѣзнь между тѣмъ длилась. Прошло такимъ образомъ недѣли съ двѣ; у Елены вышли всѣ деньги. Она послала было къ содержательницѣ пансіона письмо, въ которомъ просила ту прислать ей жалованье за прослуженные полмѣсяца, обѣщаясь сейчасъ, какъ только выздоровѣетъ, явиться снова къ своимъ занятіямъ; на это письмо содержательница пансіона увѣдомляла ее, что на мѣсто Елены уже есть другая учительница, гораздо лучше ея знающая музыку, и что жалованье [она тоже] не можетъ послать ей, потому что Елена не дослужила мѣсяца. Что оставалось послѣ этого дѣлать

Digitized by Google

Еленѣ? Ей не на шутку представилась мысль, что она въ самомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ ребенкомъ можетъ умереть съ голоду, тѣмъ болѣе, что хозяинъ гостиницы нѣсколько разъ уже присылалъ къ ней, чтобъ она поплатилась хоть сколько нибудь за столъ и за нумеръ.

Къ вечеру, въ день полученія письма отъ содержательницы пансіона, Елена начала чувствовать, что въ комнатѣ становится черезчуръ свѣжо: время это было глубокая осень. Елена спросила няньку, отчего такъ холодно. Та отвѣчала ей, что у нихъ не топлена печь, и что хозяинъ совсѣмъ ее не велѣлъ никогда топить, потому что ему не платятъ денегъ. Ночью въ комнатѣ сдѣлалось еще холоднѣе, такъ что Коля, на другой день поутру, проснулся весь простуженный, съ кашлемъ и въ жару. У Елены не было даже на что послать за какимъ нибудь лекарствомъ для него, не было чаю, чтобы напоить его. Мальчикъ метался и плакалъ. Этого Елена ужь больше не выдержала: думала было она первоначально достать гдѣ нибудь жаровню съ угольями, поставить ее въ свою комнату и задохнуться вмѣстѣ съ ребенкомъ, но за что же она и по какому праву прекратитъ его молодую жизнь?— и Елена съ ужасомъ поспѣшила выкинуть изъ головы это страшное рѣшеніе; думала потомъ написать къ князю и попросить у него денегъ для ребенка,—князь, конечно, пришлетъ ей,—но это прямо значило унизиться передъ нимъ и, что еще хуже того, унизиться передъ его супругой, отъ которой онъ, вѣроятно, не скроетъ этого, и та, по своей пошлой добротѣ, разумѣется, будетъ еще совѣтовать ему помочь несчастной, а Елена скорѣе готова была умереть, чѣмъ вынести подобное самоуничиженіе. «Э, подумала она, что будетъ, то будетъ! лучше продать себя, чѣмъ просить милостыню!» Принявъ какое-то новое рѣшеніе, Елена подошла къ своему столику и вынула изъ него листъ почтовой бумаги. Лицо ея при этомъ не было ни печально, ни особенно встревожено, а только, какъ случалось это во всѣхъ трудныхъ случаяхъ ея жизни, дышало рѣшительностью и смѣлостью. Елена сѣла и начала писать довольно твердымъ почеркомъ:

«Николай Гаврилычъ! Вы нѣкогда дѣлали мнѣ предложеніе и желали на мнѣ жениться. Въ настоящее время я нуждой доведена до послѣдней степени нищеты; если вы хотите, то можете на мнѣ жениться, но рѣшайтесь сейчасъ же, и сейчасъ же пріѣзжайте ко мнѣ, и не дайте умереть съ голоду моему ребенку!» Надписавъ на конвертѣ письма: «Николаю Гаврилычу Оглоблину»,

Google

Елена отправила его съ нянею, приказавъ ей непремѣнно дожидаться отвѣта. На успѣхъ этого письма Елена, кажется, не совсѣмъ надѣялась, потому что лицо ея послѣ рѣшительнаго и смѣлаго выраженія приняло какое-то отчаянное: она замѣтно прислушивалась къ малѣйшему шуму въ коридорѣ; наконецъ, раздались довольно сильные шаги, двери къ ней въ нумеръ распахнулись и влетѣлъ торжествующій и блистающій радостью Николя.

— Ахъ, я очень радъ!... благодарю васъ.... я ужасно радъ!... говорилъ онъ, цѣлуя руку Елены.—Какъ же вамъ не совѣстно давно мнѣ не прислать сказать, что вы нуждаетесь! говорилъ онъ.

Хлопоча, чтобъ Елену выгнали, Николя вовсе не ожидалъ, что она впадетъ чрезъ то въ бѣдность, и воображалъ, что Елена превесело будетъ поживать съ Жуквичемъ.

— А гдѣ Жуквичъ-то? присовокупилъ онъ.

— Онъ давно уѣхалъ, отвѣчала Елена.

Николя при этомъ выпучилъ глаза.

— Такъ, стало быть, это неправда, что говорили тогда про васъ? сказалъ Николя.

— Конечно неправда! воскликнула Елена.

— Ну, и отлично это!... отлично!... говорилъ Николя, потирая съ удовольствіемъ руки.

— Но вашъ отецъ не позволитъ вамъ жениться на мнѣ! возразила Елена.

— А, пожалуй, не позволяй; очень мнѣ нужно! говорилъ совершенно смѣлымъ тономъ Николя.

— Но чѣмъ мы въ такомъ случаѣ будемъ жить съ вами? спросила Елена.

Николя при этомъ разсмѣялся ей въ лицо.

— Какъ чѣмъ жить? У меня своихъ двадцать тысячъ годоваго дохода, да я еще скопилъ изъ нихъ,—очень мнѣ нужно отцовское состояніе.

— Но правда ли это, monsieur Николя? произнесла Елена недовѣрчивымъ голосомъ.

На лицѣ Николи при этомъ отразилось въ свою очередь недоумѣніе.

— Вотъ видите что, объяснила ему Елена,—я вамъ буду говорить откровенно, что я васъ не люблю и иду за васъ изъ-за состоянія.

— Понимаю это я.... Будто я не понимаю этого! подхватилъ Николя.

Google

— Кромѣ того, продолжала Елена,—я столько разъ въ жизни была обманываема людьми, что теперь рѣшительно никому не вѣрю, а потому вы какъ нибудь фактически должны доказать мнѣ, что у васъ есть состояніе.

— Да какъ же я вамъ докажу? спросилъ Николя, тяжело поворачивая свой толстый языкъ.

— Какъ знаете!... сказала ему Елена.

Николя послѣ этого нѣсколько времени глядѣлъ на нее, выпуча глаза, и думалъ.

— Развѣ вотъ что сдѣлать! произнесъ онъ:—погодите, я сейчасъ вамъ всѣ бумаги мои привезу!.. проговорилъ онъ радостно и затѣмъ, схвативъ шапку, выбѣжалъ изъ нумера; но черезъ какіе нибудь полчаса снова вернулся и дѣйствительно привезъ показать Еленѣ, во первыхъ, купчую крѣпость и планы на два огромные каменные дома, собственно ему принадлежащіе, и потомъ духовное завѣщаніе отъ родной бабки на очень большое имѣніе.

— Ну вотъ вамъ, успокойтесь! говорилъ онъ.

Елена пересмотрѣла эти бумаги очень внимательно.

— Все это отлично!... проговорила она,—но вы теперь мнѣ дайте хоть сколько нибудь денегъ, потому что ни ребенокъ, ни я другой день ничего не ѣли!

— Ахъ, Боже мой! воскликнулъ съ чувствомъ Николя,—возьмите, пожалуйста! продолжалъ онъ, торопливо подавая Еленѣ двѣсти рублей серебромъ.

Та сейчасъ послала за чаемъ и за докторомъ для ребенка.

— Только вы завтра на мнѣ, Николя, и женитесь! говорила ему Елена.

— Завтра, непремѣнно завтра! отвѣчалъ Николя.

Елена до такой степени спѣшила выйти замужъ, съ одной стороны, кажется, изъ опасенія, чтобы Николю кто нибудь не отговорилъ, а съ другой—тоже чтобъ и самой не передумать.

XII.

Услыхавъ о женитьбѣ сына на Жиглинской, старикъ Оглоблинъ въ первыя минуты, когда ему сказали о томъ, совсѣмъ потерялся и потомъ, конечно, позвалъ къ себѣ на совѣщаніе своего Ѳеодосія Иваныча.

Digitized by Google

— Слышали... что тутъ... надѣлалось? спросилъ онъ его своимъ отрывистымъ языкомъ.

— Что такое-съ? отозвался Ѳеодосій Иванычъ, какъ-бы и не догадываясь, о чемъ его спрашиваютъ.

— Николай!... женился.... на этой бывшей нашей кастелянше!... И я желаю.... бракъ этотъ расторгнуть!... продолжалъ старикъ Оглоблинъ.

Ѳеодосій Иванычъ на это уже молчалъ: онъ, кажется, все еще продолжалъ немножко сердиться на своего начальника.

— Какъ вы думаете, разведутъ ихъ? приставалъ къ нему Оглоблинъ.

— Какъ мнѣ думать тутъ?.. Все это отъ владыки зависитъ! воскликнулъ насмѣшливо Ѳеодосій Иванычъ, въ удивленіи, что начальникъ его подобныхъ вещей даже не знаетъ.

— Отъ владыки, вы думаете, зависитъ это? переспросилъ тотъ его еще разъ.

— Все отъ владыки! повторилъ Ѳеодосій Иванычъ тѣмъ же насмѣшливо-грустнымъ тономъ.

Получивъ такое разъясненіе отъ подчиненнаго, старикъ Оглоблинъ въ то же утро, надѣвъ всѣ свои кресты и ленты, отправился къ владыкѣ. Тотъ принялъ его весьма благосклонно и предложилъ ему чаю. Оглоблинъ, путаясь и заикаясь на каждомъ почти словѣ, тѣмъ не менѣе, однако, съ большимъ чувствомъ расказалъ о постигшемъ его горѣ и затѣмъ изложилъ просьбу о разводѣ сына. Владыка выслушалъ его весьма внимательно; но отвѣтъ далъ далеко не благопріятный.

— Въ законѣ указаны случаи, вызывающіе разводъ; но въ бракѣ вашего сына я не вижу ни одного изъ нихъ! произнесъ онъ своимъ безстрастнымъ голосомъ.

Старикъ Оглоблинъ, разумѣется, возражать ему не осмѣлился и ограничился только тѣмъ, что уѣхалъ отъ владыки крайне имъ недовольный и еще болѣе опечаленный совершившимся въ его семьѣ событіемъ.

Въ слѣдующую затѣмъ недѣлю, всѣ именитые друзья и сослуживцы старика Оглоблина спѣшили навѣстить его для выраженія ему своего участія и соболѣзнованія; на всѣ утѣшенія ихъ, онъ только молча склонялъ голову и разводилъ руками. Николя, между тѣмъ, каждый день ѣздилъ къ отцу, чтобъ испросить у него прощеніе, но старикъ его не принималъ. Тогда Николя рѣшился обратиться къ Ѳеодосію Иванычу и для этого забѣжалъ къ нему нарочно въ канцелярію.

Digitized by Google

— Послушайте: подите выхлопочите, чтобъ отецъ меня простилъ! сказалъ онъ ему.

На первыхъ порахъ Ѳеодосій Иванычъ взглянулъ было только какъ-то нерѣшительно на Николю.

— А если не выхлопочите, такъ право отдую, ей-Богу! присовокупилъ тотъ по обыкновенной своей методѣ, и Ѳеодосій Иванычъ въ самомъ дѣлѣ, должно быть, побаивался подобныхъ угрозъ, потому что на другой же день, при докладѣ бумагъ своему начальнику, онъ сказалъ ему:

— Что это вы Николая-то Гаврилыча не прощаете!... одинъ сынъ всего, и съ тѣмъ вы въ ссорѣ!

— А зачѣмъ онъ на такой негодяйкѣ женился? перебилъ его рѣзко Оглоблинъ.

— Что-жь на негодяйкѣ?.. Вамъ, что ли, съ ней жить, или ему? возразилъ ему въ свою очередь тоже рѣзко Ѳеодосій Иванычъ.— Не молоденькіе,—пожалуй, умрете и не повидаетесь съ сыномъ-то! прибавилъ онъ затѣмъ какимъ-то мрачнымъ голосомъ и этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ окончательно поразилъ своего начальника, такъ что у того слезы выступили на глазахъ.

— Ну, велите, чтобы Николай пріѣхалъ! произнесъ онъ, почти всхлипывая.

Ѳеодосій Иванычъ сейчасъ послалъ казеннаго курьера сказать о томъ Николѣ; тотъ немедля пріѣхалъ къ отцу, сталъ передъ нимъ на колѣни и началъ было у него испрашивать прощенія себѣ и женѣ. Его собственно старикъ тутъ же простилъ и далъ ему поцѣловать свою руку, но о женѣ и говорить не позволилъ. Тогда Николя, опять забѣжавъ въ канцелярію къ Ѳеодосію Иванычу, попросилъ его повліять на начальника своего. И Ѳеодосій Иванычъ, вѣроятно, повліялъ ему извѣстнымъ способомъ, потому что когда на другой день Николя пріѣхалъ къ отцу и, ставъ на колѣни, началъ его снова просить за жену, то старикъ хоть и съ презрительною нѣсколько миной, но сказалъ ему: «Ну, пусть себѣ пріѣзжаетъ»! И Елена пріѣхала. Она это сдѣлала единственно за тѣмъ, чтобы не поддерживать распри между отцемъ и сыномъ. Старикъ Оглоблинъ какъ только увидалъ ее, такъ невольно почувствовалъ неотразимое вліяніе красоты ея и, по своей прежней кавалергардской привычкѣ, свернулъ свою правую руку кренделемъ и предложилъ ее Еленѣ. Та вложила въ этотъ крендель свою руку, и такимъ образомъ они вошли въ гостиную, гдѣ старикъ усадилъ свою невѣстку

Digitized by Google

на самое почетное мѣсто и былъ къ ней очень внимателенъ и любезенъ. Когда, наконецъ, молодые кончили свой визитъ и пошли, то Николя на минуту пріостановился съ своимъ отцемъ въ гостиной.

— Что, папа, какова?... Вѣдь красавица! проговорилъ онъ не громко и показывая глазами на уходящую Елену.

— Почти!.. почти красавица! произнесъ старикъ съ видомъ знатока.—Желта только какъ-то она сегодня! прибавилъ онъ.

— Это ничего, пройдетъ! подхватилъ Николя, весь горя радостью.

Елена не то, что была желта — она была почти зеленая: только силой воли своей она скрывала тѣ адскія мученія, которыя переживала внутри себя.

О бракѣ Николи съ Еленой у Григоровыхъ узнали очень нескоро; единственный человѣкъ, который могъ бы принести эту новость, Елпидифоръ Мартыновичъ, не былъ у нихъ недѣли уже двѣ, потому что прихворнулъ разлитіемъ желчи. Болѣзнь эта съ нимъ приключилась отъ безпрестанно переживаемаго страха, чтобы какъ нибудь не узнали о припрятанныхъ имъ себѣ въ карманъ деньгахъ Елизаветы Петровны: Елпидифовъ Мартынычъ во всю свою многолѣтнюю и не лишенную разнообразныхъ случаевъ жизнь въ первый еще разъ такъ прямо и начисто цапнулъ чужія деньги. Но послѣднее время общество Григоровыхъ увеличилось появленіемъ барона Мингера, прибывшаго, наконецъ, въ Москву и, по слухамъ, даже получающаго въ оной какое-то важное служебное назначеніе. Когда баронъ пріѣхалъ въ первый разъ къ князю, тотъ принялъ его довольно сухо; но баронъ однако отнесся къ нему такъ симпатично, съ такимъ дружескимъ участіемъ, съ такими добрыми и ласкающими манерами, что князь невольно смягчился, и когда баронъ уѣхалъ, онъ переговорилъ по этому поводу съ женою.

— Какой нынче баронъ сдѣлался нѣжный! сказалъ онъ ей, немножко въ шутку.

— Ужасно! Его узнать нельзя! подхватила княгиня съ какимъ-то даже увлеченіемъ.

Жизнь съ Анной Юрьевной и ухаживанье за нею, больною, дѣйствительно, еще больше выдресировали барона и сдѣлали его до утонченности терпѣливымъ и искательнымъ человѣкомъ. Къ Григоровымъ онъ началъ ѣздить каждый вечеръ, и вечера эти обыкновенно проводились такимъ образомъ: часу въ седьмомъ

Digitized by Google

княгиня посылала къ мужу спросить, что можно ли къ нему прійти сидѣть въ кабинетъ. Князь, хоть и съ невеселымъ видомъ, но отвѣчалъ, что можно. Княгиня приходила съ работой, а госпожа Петицкая съ книгой, въ ожиданіи, что ее заставятъ читать. Князь при этомъ былъ постоянно съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ и съ какими-то безпокойно переходящими съ предмета на предметъ глазами. Дамы усаживались поближе къ лампѣ; вскорѣ затѣмъ пріѣзжалъ баронъ, подавали чай и начинался о томъ, о семъ негромкій разговоръ, въ которомъ князь рѣдко принималъ какое нибудь участіе.

Въ одинъ изъ вечеровъ, баронъ пріѣхалъ съ нѣсколько болѣе обыкновеннаго оживленнымъ лицемъ.

— Какую я сейчасъ новость слышалъ, обѣдая въ англійскомъ клубѣ!... началъ онъ, усѣвшись на кресло.

— Какую же такую новость? спросила его княгиня, вовсе не ожидая, чтобы это была какая нибудь серьезная новость.

Баронъ медлилъ нѣкоторое время отвѣтомъ, какъ-бы опасаясь нѣсколько расказывать то, что онъ слышалъ.

— Да говорятъ... началъ онъ, что этотъ Николай, кажется, Гаврилычъ Оглоблинъ, сей весьма глупый господинъ, женился на госпожѣ Жиглинской.

— Не можетъ быть! воскликнули обѣ дамы въ одинъ голосъ.

Князь, съ своей стороны, перевелъ на барона свой безпокойный взглядъ.

— Говорятъ-съ! отвѣчалъ баронъ, пожимая плечами.—Въ клубѣ одинъ старичокъ весьма почтенной наружности во всеуслышаніе и съ достовѣрностью расказывалъ, что онъ самъ былъ на обѣдѣ у отца Оглоблина, который тотъ давалъ для молодыхъ, и при этомъ онъ пояснилъ даже, что сначала отецъ былъ очень сердитъ на сына за этотъ бракъ, но что потомъ простилъ его...

— Странно что-то это! произнесла Петицкая, вспыхнувшая даже вся въ лицѣ и видимо страшно опѣшенная этимъ извѣстіемъ.

— То, что Оглоблинъ женился на госпожѣ Жиглинской—это не удивительно: мужчины увлекаются въ этомъ случаѣ часто, продолжалъ разсуждать баронъ;—но какимъ образомъ госпожа Жиглинская, дѣвушка, какъ всѣмъ это извѣстно, весьма умная, очень образованная, рѣшилась связать свою судьбу на вѣки съ подобнымъ человѣкомъ?...

— Но правда ли это, нѣтъ ли тутъ какой нибудь ошибки,

Digitized by Google

не другая ли какая нибудь это Жиглинская? спросила княгиня, дѣлая вмѣстѣ съ тѣмъ знакъ барону, чтобъ онъ прекратилъ этотъ разговоръ: она очень хорошо замѣтила, что взглядъ князя дѣлался все болѣе и болѣе какимъ-то мутнымъ и устрашеннымъ; чуткое чувство женщины говорило ей, что мужъ до сихъ поръ еще любилъ Елену, и что ему тяжело было выслушать подобное извѣстіе.

Баронъ, съ своей стороны, понялъ княгиню и поспѣшилъ успокоить нѣсколько князя.

— Очень можетъ быть, что это и ошибка!.. мало ли этакихъ qui pro quo бываетъ! сказалъ онъ.

Князь при этомъ перевелъ свой взглядъ съ барона на жену.

Но какъ-бы ради того, чтобъ окончательно разсѣять всякое сомнѣніе въ этомъ слухѣ, вдругъ нежданно, негаданно прибылъ Елпидифоръ Мартынычъ, въ перый еще разъ выѣхавшій изъ дому и поставившій непремѣннымъ долгомъ для себя прежде всѣхъ явиться къ Григоровымъ, какъ ближайшимъ друзьямъ своимъ.

При видѣ доктора, князь на него уже вскинулъ свой взглядъ.

— А правда ли, что Жиглинская вышла за мужъ за Оглоблина? спросилъ онъ его, не давъ еще Елпидифору Мартыновичу ни съ кѣмъ путемъ раскланяться и замѣтно считая Иллiонскаго за самаго всезнающаго и достовѣрнаго вѣстника.

Елпидифоръ Мартыновичъ смѣшался даже на первыхъ порахъ отъ такого вопроса.

— К-ха! откашлянулся онъ прежде всего протяжно:—правда, если вы это изволите знать! присовокупилъ онъ, пожимая плечами.

— Меня больше всего то удивляетъ, отнесся баронъ почти шепотомъ къ Елпидифору Мартыновичу,—что могло госпожу Жиглинскую побудить на подобный бракъ!

— Бѣдность, больше ничего что бѣдность! отвѣчалъ тотъ;— а тутъ еще къ этому случилось, что сама и ребенокъ заболѣли. Ко мнѣ она почему-то не соблаговолила прислать, и ее ужь одинъ молодой врачъ, мой знакомый, навѣщалъ; онъ сказывалъ мнѣ, что ей не на что было не то что себѣ и ребенку лекарства получить, даже булки къ чаю купить, чтобы поѣсть чего нибудь.

Княгиня опять, какъ и барону, сдѣлала Елпидифору Мартыновичу знакъ, чтобъ онъ пересталъ объ этомъ говорить, и тотъ замолчалъ было; но князь, въ продолженіи всего расказа Елпи-

Digitized by Google

дифора Мартыновича то краснѣвшій, то блѣднѣвшій въ лицѣ, самъ съ нимъ возобновилъ этотъ разговоръ.

— Но гдѣ же Жуквичъ, почему онъ не помогъ ей? спросилъ онъ, и голосъ у него при этомъ какъ-бы выходилъ не изъ гортани, а откуда-то изъ глубины груди.

— Да, ищи его!... онъ давно съ собаками удралъ!... кто говоритъ, что обобралъ даже ее совсѣмъ, а кто сказываетъ, что и совсѣмъ между ними ничего не было! отвѣчалъ Елпидифоръ Мартынычъ.

Князь началъ послѣ того себѣ гладить грудь, какъ-бы желая тѣмъ утишить начавшуюся тамъ боль; но это не помогало: въ сердцѣ къ нему точно огненными когтями вцѣпилась мысль, что были минуты, когда Елена и сынъ его умирали съ голоду, а онъ и думать о томъ не хотѣлъ; что, наконецъ, его Елена, его прелестная Елена, принуждена была продать себя этому полуживотному Оглоблину. Далѣе затѣмъ у князя все уже спутывалось въ головѣ. Княгиня между тѣмъ продолжала наблюдать за нимъ, и видя, что тревога на лицѣ у него все болѣе и болѣе усиливалась, спросила его:

— Ты, кажется, усталъ,—не хочешь ли отдохнуть?

— Д-да!... произнесъ князь почти умоляющимъ голосомъ.

— Пойдемте, господа, ко мнѣ! сказала княгиня гостямъ своимъ. Тѣ послѣдовали за нею.

— Вы напрасно князю расказывали всю эту исторію!.. слегка укорила она обоихъ ихъ.

— Но я никакъ не ожидалъ, что это такое сильное впечатлѣніе произведетъ на него! подхватилъ баронъ.

— А меня, вѣдь, онъ, к-ха! самъ спрашивать началъ,—какъ тутъ было не отвѣчать! объяснялъ Елпидифоръ Мартынычъ.

Далѣе залы княгиня не повела гостей своихъ и просила ихъ усѣсться тутъ же, а сама начала прислушиваться, что дѣлается въ кабинетѣ. Вдругъ князь громко крикнулъ лакея. Тотъ на этотъ зовъ проворно пробѣжалъ къ нему черезъ залу. Князь что-то такое приказалъ ему. Лакей затѣмъ вышелъ изъ кабинета.

— Что такое тебѣ князь приказалъ? спросила его стремительно княгиня.

— Управляющаго приказали позвать-съ къ себѣ! отвѣчалъ лакей, быстро проходя.

— Зачѣмъ бы это? обратилась княгиня къ барону, какъ-бы спрашивая его.

Digitized by Google

Тотъ молча на это пожалъ плечами.

— Вѣроятно, заняться чѣмъ нибудь хочетъ и развлечь себя, вмѣшался въ ихъ разговоръ Елпидифоръ Мартынычъ.

Въ это время управляющій прошелъ въ кабинетъ, и княгиня еще внимательнѣй стала прислушиваться, что тамъ будетъ происходить. При этомъ она очень хорошо разслышала, что князь почти строго приказалъ управляющему какъ можно скорѣе заложить одно изъ самыхъ большихъ имѣній.

— Слушаю-съ! отвѣчалъ ему тотъ фистулой и вышелъ изъ кабинета.

— Имѣнье зачѣмъ-то велѣлъ заложить, обратилась снова къ барону княгиня.

— Имѣнье? переспросилъ онъ.

— Да! отвѣчала княгиня.

— Для чего бы это? продолжалъ баронъ.

— Можетъ быть, за границу думаетъ совсѣмъ уѣхать! пояснила княгиня.

— Что же, и вы поѣдете? спросилъ баронъ; въ голосѣ его при этомъ послышалась какъ-бы какая-то грусть.

— О, непремѣнно! подхватила та.

— Князю безотлагательно слѣдовало бы ѣхать за границу и укрѣпить свои нервы купаньями, а то онъ, пожалуй, тутъ съ ума можетъ сойти! опять вмѣшался въ ихъ разговоръ Елпидифоръ Мартынычъ.

Во всей этой бесѣдѣ, госпожа Петицкая, какъ мы видимъ, не принимала никакого участія и сидѣла даже вдали отъ прочихъ, погруженная въ свои собственныя невеселыя мысли: возвращаясь въ Москву, она врядъ ли не питала весьма сильной надежды встрѣтить Николю Оглоблина, снова завлечь его и женить на себѣ; но теперь, значитъ, надежды ея совершенно рушились, а между тѣмъ продолжать жить приживалкою, какъ ни добра была къ ней княгиня, у госпожи Петицкой не доставало никакого терпѣнія, во первыхъ, потому, что госпожа Петицкая жаждала еще любви, но устроить для себя что нибудь въ этомъ родѣ, живя съ княгинею въ одномъ домѣ, она видѣла, что нѣтъ никакой возможности, въ силу того, что княгиня оказалась до такой степени въ этомъ отношеніи пуристкою, что при ней неловко даже было просто пококетничать съ мущиной. Кромѣ того, госпожа Петицкая была очень капризна по характеру и страшно самолюбива, а между тѣмъ, по своему зависимому положенію, она

Digitized by Google

должна была на каждомъ шагу въ себѣ это сдерживать и душить. Словомъ, благодаря настоящей своей жизни, она съ каждымъ днемъ худѣла, старѣлась и, къ ужасу своему, начала ожидать, что скоро, пожалуй, совсѣмъ перестанетъ нравиться мущинамъ.

Управляющій на другой же день принесъ князю занятыя подъ имѣнье деньги, болѣе ста тысячъ. Князь, внимательно и старательно пересчитавъ ихъ, заперъ въ свой желѣзный шкафъ и потомъ, велѣвъ подать себѣ карету, поѣхалъ къ нотаріусу. Нотаріусъ этотъ былъ еще старый знакомый его отца. Увидавъ князя, онъ произнесъ радостное восклицаніе.

— Ваше сіятельство, какими судьбами? Господи, что съ вами,— какъ вы похудѣли и постарѣли! присовокупилъ онъ.

— Боленъ нынѣшнимъ лѣтомъ былъ, отвѣчалъ князь.—Есть у васъ особенная комната, гдѣ бы переговорить?

— Есть, имѣю! отвѣчалъ нотаріусъ, вводя князя въ свой кабинетъ.—Молодымъ людямъ стыдно бы хворать!.. вотъ намъ старикамъ—другое дѣло!

— Старые люди крѣпче нынѣшнихъ, говорилъ князь, садясь.—Я вотъ по случаю слабаго моего здоровья, началъ онъ нѣсколько прерывающимся голосомъ,—желалъ бы написать духовную....

— Это дѣло хорошее; это при всякомъ здоровьи не мѣшаетъ дѣлать! одобрилъ его нотаріусъ.

— Завѣщать я желаю, продолжалъ князь, тряся ногою,—все мое недвижимое имущество въ пожизненное владѣніе женѣ моей—можно это?...

— Можно-съ! . Нынче безъ испрошенія высочайшей воли это можно.

— Потомъ, весь капиталъ мой, въ четыреста тысячъ, я желаю оставить моему побочному сыну—сыну дѣвицы Жиглинской, а теперь по мужѣ Оглоблиной.... можно это?

— И это можно; деньги—благопріобрѣтенное ваше.

— Только пожалуйста, чтобы строго юридически все это было, и чтобы наслѣдники никакъ не могли оттягать какъ нибудь отъ ребенка и у жены моей завѣщаннаго.

— Крѣпко напишемъ-съ, вѣрно будетъ; ничего не оттягаютъ.

— И чтобы какъ можно поскорѣе это сдѣлать

Digitized by Google

— Да сегодня же къ вамъ вечеромъ и привеземъ все.

— Пожалуйста! повторилъ князь.

Провожая его, нотаріусъ еще разъ повторилъ ему свое сожалѣніе, что онъ такъ постарѣлъ и похудѣлъ.

Возвратясь домой, князь, кажется, только и занятъ былъ тѣмъ, что ожидалъ духовную, и когда часамъ къ семи вечера она не была еще ему привезена, онъ послалъ за нею нарочнаго къ нотаріусу; тотъ, наконецъ, привезъ ему духовную. Князь подписалъ ее и тоже бережно заперъ въ свой желѣзный шкафъ. Остальной вечеръ онъ провелъ одинъ.

На другой день поутру, князь велѣлъ опять заложить себѣ карету и, взявъ всѣ сто тысячъ съ собой, поѣхалъ въ банкъ, гдѣ положилъ деньги на свое имя. Выходя изъ банка, князь вдругъ встрѣтился съ Николей Оглоблинымъ.

— Здравствуйте! заговорилъ тотъ радостнымъ и въ то же время оторопѣлымъ голосомъ.

— Здравствуйте! отвѣчалъ ему князь мрачно и хотѣлъ было уйти.

— А я на вашей знакомой Еленѣ Николаевнѣ женился, не утерпѣлъ и бухнулъ Николя.

— Слышалъ это я!.... Поздравляю васъ! говорилъ князь.

— Вотъ прислала сюда пятьдесятъ тысячъ на свое имя положить; безъ того за меня не шла. «Нѣтъ, говоритъ, —меня другіе обманули, теперь я стала практична!» мололъ Николя.

Князь ничего ему на это не отвѣтилъ и даже поспѣшилъ раздвинуть силою сгустившуюся у выходы толпу, чтобы только уйти отъ Николи.

Изъ банка князь заѣхалъ въ театръ и взялъ билетъ на ложу, который, возвратясь домой, отнесъ къ княгинѣ.

— Поѣзжайте сегодня съ Петицкой въ театръ,—отличная піеса идетъ.

— А ты поѣдешь?

— То есть, я пріѣду.... Мнѣ часовъ до восьми нужно дома быть.

— Хорошо, если ты пріѣдешь, отвѣчала княгиня, полагавшая, что князь этими дѣлами своими и поѣздкой въ театръ хочетъ развлечь себя.

Съ наступленіемъ вечера, князь, по крайней мѣрѣ, разъ пять посылалъ спрашивать княгиню, что скоро ли она поѣдетъ? Та, наконецъ, собралась и зашла сама къ князю. Она застала его сидящимъ за столомъ съ наклоненной на руки головою.

Digitized by Google

— А ты скоро пріѣдешь? спросила она его, почти испуганная его видомъ.

— Сейчасъ же, очень скоро! отвѣчалъ князь какъ-то нервно и торопливо.—Поѣзжайте, поѣзжайте! прибавилъ онъ.

Княгиня поѣхала.

Прошло около часу.

Во всемъ домѣ была полнѣйшая тишина; камердинеръ князя сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ съ кабинетомъ и дремалъ. Вдругъ раздался выстрѣлъ; камердинеръ вскочилъ на ноги, вмѣстѣ съ тѣмъ въ залу вбѣжала проходившая по коридору горничная. Камердинеръ бросился въ кабинетъ къ князю.

— Что такое, батюшки!.. кричала ему вслѣдъ горничная.

Въ кабинетѣ камердинеръ увидалъ, что князь лежалъ распростертымъ на канапе; кровь била у него фонтаномъ изо рта; въ правой и какъ-то судорожно согнутой рукѣ онъ держалъ пистолетъ.

— Доктора, скорѣе Доктора! кричалъ камердинеръ и бросился зажимать князю ротъ рукою, желая тѣмъ остановить бѣжавшую кровь. Та же горничная, что выскочила въ залу и заглянувшая въ кабинетъ, сбѣжала въ сѣни и начала кричать швейцару, колотя его даже въ плечо и въ шею: «Доктора скорѣе, князю очень дурно, и княгиню воротите изъ театра!»

Швейцаръ едва понялъ ее и послалъ одного лакея за Елпидифоромъ Мартынычемъ, а самъ поѣхалъ за княгиней. Елпидифоръ Мартынычъ и княгиня въ одно время подъѣхали къ крыльцу дома.

— Князю дурно? говорила княгиня, проворно вбѣгая по ступенькамъ лѣстницы.

— И за мною тоже прислали! говорилъ Елпидифоръ Мартынычъ, не успѣвая идти за быстрыми шагами княгини, такъ что та первая вошла въ кабинетъ къ князю.

— Ай! раздался вслѣдъ затѣмъ ея пронзительный крикъ, и когда Елпидифоръ Мартынычъ достигъ кабинета, то увидалъ тамъ княгиню безъ чувствъ уже распростертую у трупа мужа.

— Господи помилуй! произнесъ онъ.—Дѣвушки, люди, отнесите ее, несчастную!

Люди отнесли княгиню, совершенно безчувственную, въ ея спальню.

Елпидифоръ Мартынычъ осмотрѣлъ послѣ того трупъ князя, у котораго пуля навылетъ пробила затылочную кость.

— Гм! грустно усмѣхнулся Елпидифоръ Мартынычъ,—какъ

Digitized by Google

угостилъ себя! Мнѣ, однако, тутъ одному дѣлать нечего,—съѣздите хоть за барономъ! присовокупилъ онъ камердинеру, все время стоявшему у ногъ барина и горько плакавшему. Тотъ поѣхалъ. Елпидифоръ Мартынычъ пошелъ къ княгинѣ и началъ ее спиртомъ и холодной водой приводить въ чувство.

Она наконецъ опомнилась.

— Гдѣ онъ? гдѣ онъ? заговорила она почти помѣшаннымъ голосомъ и съ какимъ-то безумнымъ жестомъ откидывая рукою волоса назадъ за ухо.

— Да ничего, матушка, ничего! говорилъ Елпидифоръ Мартынычъ, очень хорошо понимая, что княгиня немножко притворяется.

— Ахъ, его убили, убили!... Ихъ всѣхъ арестовать надо!.. Это убила его Жиглинская!.. Пусть ее въ острогъ посадятъ! сумашествовала княгиня.

— Разумѣется, посадятъ! не спорилъ съ ней Елпидифоръ Мартынычъ.—А вотъ погодите, я вамъ амигдалину пропишу: погодите, матушка! присовокупилъ онъ и сѣлъ писать рецептъ; но у него до того при этомъ дрожала рука, что онъ едва въ состояніи былъ начертать буквы.

Между тѣмъ камердинеръ привезъ барона и привелъ его прямо въ кабинетъ.

— Боже мой, Боже мой! воскликнулъ тотъ, взглянувъ на трупъ князя.—Но когда же это случилось? обратился онъ къ камердинеру, который не успѣлъ ему дорогой расказать всего происшедшаго.

— Да только что барыня уѣхала, вдругъ я слышу—бацъ!... вбѣгаю и вижу.... пояснилъ тотъ ему.

Баронъ покачалъ головою и сталъ осматривать комнату. Прежде всего онъ на письменномъ столѣ увидалъ записку, писанную рукою князя, которая была очень коротка: «Я самъ убилъ себя; прошу съ точностью исполнить мое завѣщаніе». Около записки баронъ увидалъ и завѣщаніе. Онъ прочелъ его и видимо смутился.

— Нельзя ли позвать ко мнѣ вашего управляющаго? проговорилъ онъ.

Камердинеръ послалъ одного изъ лакеевъ за управляющимъ.

Баронъ, между тѣмъ, продолжалъ дѣлать осмотръ. Тутъ же на столѣ, не вдалекѣ, онъ увидѣлъ ящикъ отъ пистолетовъ съ открытою крышкой, на которой виднѣлись какія-то написанныя слова. Онъ невольно ими заинтересовался и прочелъ, а, прочтя, усмѣхнулся и пожалъ плечами.

Digitized by Google

Вошелъ управляющій, весь блѣдный и тоже уже слышавшій о страшномъ случаѣ.

— Князь оставилъ завѣщаніе послѣ себя, началъ баронъ офиціальнымъ и нѣсколько даже строгимъ голосомъ,—а потому нужно знать, сколько у него недвижимаго имѣнія.

— Какъ это сказать вдругъ, ваше превосходительство!.. отвѣчалъ управляющій, немного уже и струсивъ.

— Ну, то есть, примѣрно, на годовой доходъ? произнесъ баронъ еще строже.

— Тысячъ на двадцать пять годоваго дохода еще осталось.

— Можете идти! сказалъ ему баронъ.

Управляющій вышелъ изъ кабинета на цыпочкахъ.

Баронъ, въ этомъ случаѣ, кажется, интересовался узнать, сколько достанется еще княгинѣ послѣ мужа, и что не много ли очень отошло къ незаконнорожденному сыну князя.

Вскорѣ затѣмъ къ нему вошелъ Елпидифоръ Мартынычъ.

— Что̀ княгиня,—вы у нея были? спросилъ баронъ.

— Все у нея былъ.

— Къ ней, вѣроятно, нельзя войти?

— Нѣтъ, она вся разшнурована, распущена!.. Все требуетъ, чтобъ убійцъ князя арестовали!

— Какихъ убійцъ? Онъ самъ себя убилъ. Вотъ записка его о томъ, и вотъ ящикъ отъ пистолетовъ съ интересною надписью! проговорилъ баронъ, показывая Елпидифору Мартынычу то и другое.

Елпидифоръ Мартынычъ прочелъ записку и надпись на крышкѣ ящика.

— К-ха! сумашествіе отъ любви! проговорилъ онъ.—Цѣлый разрядъ такого рода сумашедшихъ есть; у насъ въ медицинѣ такъ они и называются: сумашедшіе отъ любви.

— Есть этакіе? спросилъ съ любопытствомъ баронъ.

— Есть! подтвердилъ Елпидифоръ Мартынычъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Цѣлый годъ княгиня носила по мужѣ глубокій трауръ. Она каждую недѣлю ѣздила на его могилу и служила панихиды. Главнымъ образомъ ее убивало воспоминаніе о насильственной

Digitized by Google

смерти князя, въ которой княгиня считала себя отчасти виновною тѣмъ, что уѣхала изъ дому, когда видѣла, что князь былъ такой странный и растроенный. Всѣ именитые родные князя оказали ей неподдѣльное участіе и цѣлыми вереницами посѣщали ее. Княгиня принимала ихъ, со слезами на глазахъ благодарила; но сама у нихъ бывать наотрѣзъ отказывалась, говоря, что она никогда не жила для свѣта, а теперь и тѣмъ менѣе. Изъ постороннихъ у нея бывалъ только Елпидифоръ Мартынычъ, наблюдавшій за ея здоровьемъ, и баронъ, который ей необходимъ былъ тѣмъ, что устраивалъ ея дѣла по наслѣдству отъ мужа, въ чемъ княгиня, разумѣется, ничего не понимала, да и заботиться объ этомъ много не хотѣла, потому что сама думала скоро пойти вслѣдъ за княземъ.

Въ первый разъ въ общество княгиня выѣхала по довольно экстренному случаю: баронъ, получивъ то почетное назначеніе, котораго ожидалъ, не преминулъ сейчасъ же училище, основанное Анною Юрьевной, взять подъ свое попечительство. Испросивъ для него совершенно новый и гораздо болѣе строгій уставъ, онъ пріѣхалъ въ одно утро къ княгинѣ и велѣлъ къ себѣ вызвать госпожу Петицкую, которая въ этотъ годъ еще болѣе поблекла, постоянно мучимая мыслью, что и въ любимой ею Москвѣ она никакъ и ничѣмъ не можетъ улучшить свое положеніе и всю жизнь, поэтому, должна будетъ оставаться въ зависимости. Когда Петицкая вышла къ барону, то онъ просилъ ее присѣсть, видимо приготовляясь повести съ нею довольно продолжительный и серьезный разговоръ.

— Я къ вамъ, madame Петицкая, съ нѣкоторымъ предложеніемъ.

Петицкая при этомъ потупила глаза и скромно приготовилась слушать.

— Вы, можетъ быть, слыхали, что у Анны Юрьевны было училище, отъ котораго она хоть и была устранена, но тѣмъ не менѣе оно содержалось на счетъ ея, а потомъ и я сталъ его поддерживать.... Пріѣхавъ сюда и присмотрѣвшись къ этому заведенію, я увидѣлъ, что тѣ плохіе порядки, которые завела тамъ Анна Юрьевна и противъ которыхъ я всегда съ нею ратовалъ, не только что не улучшились, но еще ухудшились.

— Ухудшились? полувоскликнула Петицкая.

— Даже ухудшились! повторилъ баронъ.—Терпѣть подобныя вещи я нашелъ невозможнымъ для себя и испросилъ себѣ званіе главнаго попечителя надъ этимъ училищемъ.

Digitized by Google

— Вотъ какъ! произнесла Петицкая, все еще не догадывавшаяся, къ чему все это ей говорилъ баронъ.

— Званіе, если хотите, довольно высоко поставленное, продолжалъ тотъ,—считающееся, пожалуй, выше сенаторскаго...

— Однако выше сенаторскаго считающееся!.. опять полувоскликнула Петицкая.

— Почти!... По крайней мѣрѣ, на всѣхъ придворныхъ выходахъ мы стоимъ выше ихъ. Но сами согласитесь, что чѣмъ важнѣе постъ, тѣмъ всякій честный человѣкъ, поставленный на него, больше долженъ употреблять усилій, чтобы добросовѣстно исполнить свою обязанность, что я и рѣшился сдѣлать по крайнему своему разумѣнію; но я одинъ, а одному, какъ говорится, и у каши не споро: мнѣ нужны помощники, нужны подчиненные, которымъ бы я могъ довѣрять. Вы, въ этомъ случаѣ, одна изъ особъ, которую я очень хорошо знаю: я видѣлъ вашу дружбу, вашу преданность княгинѣ и убѣжденъ, что женщина, способная быть такимъ другомъ, можетъ быть хорошей и полезной руководительницей дѣтямъ.

— Эдуардъ Ѳедорычъ, вы слишкомъ много мнѣ приписываете! произнесла госпожа Петицкая, потупляя свои глаза.

— Не комплименты, не комплименты желаю вамъ говорить! подхватилъ баронъ,—а позволяю себѣ прямо предложить вамъ быть главною начальницей моего заведенія; содержаніе по этой службѣ: квартира очень приличная, отопленіе, освѣщеніе, столъ, если вы пожелаете его имѣть вмѣстѣ съ дѣтьми, и наконецъ тысяча двѣсти рублей жалованья.

— О, это такъ много, что ... начала Петицкая и уже совсѣмъ, совсѣмъ потупила свои глаза. Радость ея при этомъ случаѣ была неописанная: вырваться на волю казалось ей теперь почти какимъ-то блаженствомъ.

— Вы, значитъ, согласны принять эту должность? спросилъ баронъ.

— Совершенно! отвѣчала Петицкая.—Меня тутъ одно смущаетъ, прибавила она, помолчавъ немного,—какъ мнѣ оставить княгиню совершенно одну жить: она и безъ того страшно скучаетъ!...

— Но княгиня, я полагаю, не вѣкъ будетъ такъ жить; выйдетъ же когда нибудь замужъ! возразилъ ей баронъ.

— Ахъ, непремѣнно бы ей надо было выйти замужъ. Какъ бы это было хорошо для нея и для того человѣка, который бы на ней женился! произнесла Петицкая.

Digitized by Google

Баронъ послѣ этого нѣкоторое время размышлялъ самъ съ собой.

— Княгиня вамъ никогда ничего не говорила о моихъ собственно съ ней отношеніяхъ? спросилъ онъ вдругъ Петицкую.

— Не говорила, но я догадывалась: вы были влюблены въ нее? сказала Петицкая.

— Былъ... былъ влюбленъ, когда она была еще дѣвушкой, потомъ это чувство снова возродилось во мнѣ при встрѣчѣ съ ней здѣсь; но она, какъ въ тотъ, такъ и въ этотъ разъ отвергла всякія мои исканія,—что же мнѣ оставалось дѣлать послѣ того? Я бросился, очертя голову, въ эту несчастную мою женитьбу, и затѣмъ, вы сами видѣли, едва только я освободился отъ этой ферулы, какъ снова всею душой сталъ принадлежать княгинѣ.

— Еще бы не видѣть! проговорила госпожа Петицкая.

— Въ то же время, продолжалъ баронъ, пожимая плечами,— снова рискнуть и снова надѣяться услышать отказъ, какъ хотите, становится даже нѣсколько щекотливо для моего самолюбія!

— А почему вы ожидаете отказа? спросила его Петицкая.

— По многимъ причинамъ: во первыхъ, по страннымъ отношеніямъ княгини къ Миклакову.

— О, тутъ не было никакихъ отношеній, клянусь вамъ Богомъ! перебила его Петицкая.

— Можетъ быть!.. Во вторыхъ, мнѣ кажется, княгиня до сихъ поръ еще такъ сильно огорчена смертью мужа....

— Ну, этого вы не очень опасайтесь! возразила Петицкая:— мы, женщины, умѣемъ однимъ глазкомъ плакать, а другимъ и улыбаться!

— Вы думаете? Но все-таки, говорю откровенно, у меня духу не хватаетъ напомнить княгинѣ о моемъ чувствѣ къ ней.

— Хотите я ей напомню?

— Пожалуйста! воскликнулъ баронъ радостнымъ голосомъ: онъ врядъ ли и мѣсто предлагалъ Петицкой не за тѣмъ, чтобъ имѣть ее вполнѣ на своей сторонѣ.

— Извольте, поговорю съ ней при первомъ же удобномъ случаѣ.

— Очень много обяжете.... очень!... продолжалъ восклицать баронъ.—Мѣсто, значитъ, вы принимаете у меня? присовокупилъ онъ, уже вставая.

— Конечно! подхватила Петицкая.

Днемъ для открытія вновь преобразованнаго училища баронъ выбралъ воскресенье; онъ съ большимъ трудомъ и то съ помо-

Digitized by Google

щію Петицкой уговорилъ княгиню снять съ себя глубокій трауръ и пріѣхать на его торжество хоть въ какомъ нибудь сѣренькомъ платьѣ. Госпожа Петицкая, тоже носившая по князѣ трауръ, сняла его и надѣла форменное платье начальницы. Къ двѣнадцати часамъ они прибыли въ училище. Княгиню баронъ усадилъ на одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Госпожа Петицкая сѣла въ числѣ служащихъ лицъ, впрочемъ рядомъ съ барономъ и даже по правую его руку. Баронъ былъ въ мундирѣ, вышитомъ на всѣхъ возможныхъ мѣстахъ, гдѣ только можно вышить золотомъ, въ красивой станиславской лентѣ и съ станиславскою звѣздой. Онъ замѣтно нѣсколько рисовался въ этомъ костюмѣ. Прежде всего дѣвочки нескладными и визгливыми голосами пропѣли предъучебную молитву; затѣмъ законоучитель, именно знакомый намъ отецъ Іоаннъ, прочелъ прекрасную рѣчь полусвѣтскаго и полудуховнаго содержанія: *о добродѣтеляхъ и о путяхъ къ онымъ*. Наконецъ, всталъ самъ баронъ сказать свое слово. Всѣ исполнились полнѣйшаго вниманія; его вообще считали въ обществѣ болѣе умнымъ человѣкомъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Баронъ прежде всего объяснилъ, что воспитаніе есть основаніе всей жизни человѣка, и поэтому оно составляетъ фундаментъ и оплотъ всей исторіи человѣчества. Баронъ, если только припомнитъ читатель, вообще любилъ, вслѣдствіе, можетъ быть, основательности собственнаго характера, слова: *фундаментъ*, *оплотъ*, *основа*. Далѣе баронъ изложилъ, что воспитаніе женщины важнѣе даже воспитанія мущины, такъ какъ она есть первая наставница и руководительница дѣтей своихъ, и что будто бы всѣми физіологами замѣчено, что дѣти и, по преимуществу, мальчики всегда наслѣдуютъ нравственныя качества матери, а не отцовъ, и такимъ образомъ женщина, такъ сказать, даетъ всецѣло гражданина обществу. Послѣднія слова баронъ, какъ слѣдуетъ хорошему оратору, произнесъ громче прочихъ, и они были покрыты почти общимъ аплодисментомъ. Про свое собственно училище баронъ сказалъ, что оно пока еще зерно, изъ котораго, можетъ быть, выйдетъ что нибудь достойное вниманія общества; себя при этомъ онъ назвалъ сѣятелемъ, вышедшимъ въ поле съ добрыми пожеланіями, которыя онъ надѣется привести къ вожделѣнному исполненію съ помощію своихъ добрыхъ и уважаемыхъ сослуживцевъ, между которыми баронъ какъ-то съ особенною рѣзкостью въ похвалахъ указалъ на избранную имъ начальницу заведенія госпожу Петицкую, добродѣтели

которой, по его словамъ, какъ свѣточь будутъ горѣть передъ глазами ея юныхъ воспитанницъ. При этомъ указаніи на добродѣтели госпожи Петицкой два человѣка изъ бывшихъ въ залѣ сдѣлали нѣсколько удивленныя физіономіи: это Елпидифоръ Мартынычъ, сидѣвшій въ переднемъ ряду и уже съ анненской звѣздой,— онъ невольно припомнилъ при этомъ исторію со шляпой Николи Оглоблина; наконецъ самъ Николя, помѣщавшійся во второмъ ряду и знавшій предыдущую исторію еще въ болѣе точныхъ подробностяхъ. Оба они никакъ не считали госпожу Петицкую свѣточемъ добродѣтели.

На лестныя слова барона, госпожа Петицкая, пылая въ лицѣ и потупляя свои глаза, произнесла нѣсколько трепещущимъ голосомъ, что она все стараніе, все усердіе свое положитъ, чтобы исполнить тѣ надежды, которыя возложилъ на нее ея высокопочтенный начальникъ. Затѣмъ музыка грянула: *Боже царя храни*! и торжество окончилось. Отпущенныя дѣвочки шумно побѣжали изъ залы по корридорамъ прямо въ столовую, гдѣ ихъ ожидалъ болѣе обыкновеннаго сытый обѣдъ. Посѣтители и посѣтительницы, съ очень важнымъ видомъ, хоть и съ маленькимъ утомленіемъ въ лицахъ, начали разъѣзжаться. Баронъ пріостался на нѣкоторое время въ училищѣ и сталъ что-то такое довольно длинно приказывать смотрителю зданія, махая при этомъ безпрестанно своей шляпой съ плюмажемъ: всѣ эти приказанія онъ затѣялъ, кажется, для того, чтобы подолѣе оставаться въ своемъ нарядномъ мундирѣ. Петицкая уѣхала пока еще къ княгинѣ. Когда онѣ возвратились домой и переодѣлись изъ своихъ нарядныхъ платьевъ, то между ними начался довольно задушевный разговоръ.

— Вы завтра переѣзжаете въ училище? спросила княгиня свою подругу невеселымъ голосомъ.

— Завтра! отвѣчала Петицкая.

Княгиня послѣ этого закрыла себѣ лицо рукою.

— Вообразить себѣ не могу, какъ я останусъ одна въ этомъ громадномъ домѣ! произнесла она.

— Вамъ замужъ надобно выйти,—вотъ что! сказала ей на это Петицкая.

— Мнѣ?... спросила княгиня, широко раскрывая въ удивленіи свои голубые глаза.

— Вамъ, да! отвѣчала Петицкая, нѣсколько даже испуганная такимъ восклицаніемъ княгини.

Digitized by Google

— Кто же меня возьметъ послѣ всѣхъ тѣхъ ужасныхъ исторій, которыя со мной были? проговорила та.

— Ха, ха, ха! ха, ха, ха!... захохотала неудержимо Петицкая:—какія ужасныя исторіи,—скажите, пожалуйста!

— Конечно, ужасныя!

— Перестаньте, княгиня! произнесла Петицкая какъ-бы уже строгимъ голосомъ:—развѣ повернется у кого нибудь языкъ, чтобы обвинять васъ въ чемъ нибудь? Напротивъ, всѣ удивляются вамъ, и я знаю одного человѣка, который очень бы желалъ сдѣлать предложеніе вамъ....

Княгиня при этомъ вспыхнула, но ничего не говорила.

— А вы даже не хотите и спросить: кто это такой? присовокупила Петицкая.

— Не хочу, потому что знаю, что такого человѣка нѣтъ.

— Нѣтъ, есть! возразила Петицкая съ удареніемъ,—и это именно баронъ!

— Вотъ глупости! проговорила, еще болѣе покраснѣвъ, княгиня.

— Почему глупости?... почему? спросила настойчиво Петицкая.

— Потому что.... отвѣчала княгиня (она очень конфузилась при этомъ отвѣтѣ) онъ, я думаю, даже сердитъ на меня....

— Вы хотите сказать, что за ваши старыя къ нему отношенія? перебила ее Петицкая, очень хорошо понявшая, что хочетъ сказать княгиня послѣдними словами.—Но вотъ видите: онъ все это вамъ простилъ и даже поэтому еще болѣе васъ цѣнитъ; отказать ему вамъ, по моему, не только что не умно, но даже неблагородно и нечестно!

Княгиня только взглядомъ отвѣтила пріятельницѣ на такой ея рѣзкій приговоръ.

— Конечно, нечестно! повторила та.— Вы вспомните: полтора года онъ за вами слѣдитъ, какъ самый внимательный дядька.... что я говорю!... какъ самый заботливый отецъ! воскликнула Петицкая, раскраснѣвшись даже въ лицѣ отъ одушевленія.—Я не говорила вамъ, но онъ, во весь нашъ обратный путь изъ-за границы, на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ бралъ для насъ билеты, отправлялъ всѣ вещи наши, хлопоталъ съ паспортами, наконецъ какое участіе онъ показалъ вамъ во время смерти вашего мужа! Княгиня, все это надобно поцѣнить! Такихъ расположенныхъ и искренно преданныхъ намъ людей мы не часто встрѣчаемъ въ жизни.

Княгиня слушала молча свою подругу, и хотя въ душѣ созна-

Digitized by Google

вала справедливость ея словъ, но все-таки произнесла какъ-бы нѣсколько холоднымъ тономъ:

— Я и цѣню его очень!

— Но на словахъ мало — цѣнить! воскликнула Петицкая, — надобно доказать это на дѣлѣ: вдругъ онъ теперь присватается къ вамъ и получитъ отказъ, — сыграть въ третій разъ такую незавидную роль, въ его теперешнемъ положеніи, можетъ быть, ему уже и не захочется.

— Тогда и теперь—двѣ вещи розныя! проговорила наконецъ княгиня.

— Но теперь что же вы скажете ему? приставала къ ней Петицкая.

— А теперь еще и сама не знаю! сказала съ усмѣшкою княгиня.

— Ну, такъ я знаю! подхватила Петицкая, твердо будучи увѣрена, что еслибы даже баронъ и не очень нравился княгинѣ, то все-таки она пойдетъ за него, потому что это очень выгодная для нея партія, а потому дальнѣйшее съ ней объясненіе она считала совершенно излишнимъ, и при первой встрѣчѣ съ барономъ прямо сказала тому, чтобъ онъ не робѣлъ и ѣхалъ просить руки княгини. Баронъ послушался ея и, пріѣхавъ разъ къ княгинѣ, сдѣлалъ ей нѣсколько офиціальнымъ голосомъ предложеніе; она, какъ и надобно ожидать, сначала сконфузилась, а потомъ тоже отчасти офиціальнымъ тономъ просила у него времени подумать. Баронъ съ удовольствіемъ согласился на это.

Въ періодъ этого думанья княгиня объѣхала всѣхъ близкихъ и именитыхъ родныхъ покойнаго мужа, всѣмъ имъ объявила о предложеніи барона и у всѣхъ у нихъ испрашивала совѣта и мнѣнія касательно того, что не имѣютъ ли они чего сказать противъ. Тѣ единогласно отвѣчали, что ничего не имѣютъ, и такимъ образомъ девятнадцатаго декабря баронъ получилъ согласіе на бракъ съ княгиней, а въ половинѣ января была и свадьба ихъ въ присутствіи опять таки тѣхъ же близкихъ и именитыхъ родныхъ покойнаго князя, къ которымъ баронъ отправился на другой день съ своей молодой дѣлать визиты, а послѣ того уѣхалъ съ нею въ Петербургъ, чтобы представиться ея роднымъ и познакомить ее съ своими родными. Отъ сліянія состояній двухъ женъ у барона образовалось около полутораста тысячъ годоваго дохода.

Госпожа Петицкая за услуги свои, оказанныя по случаю женитьбы его на княгинѣ, была награждена барономъ еще тремя

Digitized by Google

стами рублей годоваго жалованья и въ настоящемъ своемъ положеніи рѣшительно расцвѣла, поздоровѣла, похорошѣла и даже успѣла пріучить ходить къ себѣ по вечерамъ въ гости одного очень молоденькаго и прехорошенькаго собой студента.

Но что Елена?... Какъ она живетъ и какое впечатлѣніе произвело на нее извѣстіе о самоубійствѣ князя? Вотъ тѣ послѣдніе вопросы, на которые я долженъ отвѣтить въ моемъ расказѣ. Вѣсть о смерти князя Еленѣ сообщилъ прежде всѣхъ Елпидифоръ Мартынычъ и даже при этомъ не преминулъ объяснить ей, что князь собственно застрѣлился отъ любви къ ней.

Елену страшно поразило это извѣстіе, но она пересилила себя и какъ-бы даже довольно равнодушно проговорила:

— Вотъ вздоръ какой!

— Нѣтъ-съ, не вздоръ! спорилъ съ нею Елпидифоръ Мартынычъ. Онъ полагалъ, что всякой дамѣ пріятно услышать, что какой нибудь мущина застрѣлился отъ любви къ ней: сей хитрый старикъ успѣлъ уже какимъ-то образомъ совершенно втереться въ домъ къ Оглоблинымъ и сдѣлаться почти необходимымъ у нихъ.

Елена не стала съ нимъ болѣе разговаривать объ этомъ происшествіи, и по наружности оставалась спокойной; но когда Елпидифоръ Мартынычъ ушелъ отъ нея, то лицо Елены приняло почти отчаянное выраженіе: до самой этой минуты гнѣвъ затемнялъ и скрывалъ передъ умственными очами Елены всякое ясное воспоминаніе о князѣ, но тутъ онъ какъ живой ей представился, и она поняла, до какой степени князь любилъ ее и къ вящему ужасу своему сознала, что и сама еще любила его. Принадлежа впрочемъ къ разряду тѣхъ существъ, про которыхъ Лермонтовскій Демонъ сказалъ, что для нихъ нѣтъ раскаянія, нѣтъ въ жизни уроковъ, Елена не стала ни плакать, ни стенать, а все, что чувствовала, спрятала въ душѣ; но какъ ни бодрилась она духомъ, тѣло ея не выдержало нравственныхъ мукъ: Елена сдѣлалась серьезно больна, прохворала почти полгода и какъ только встала съ постели, уѣхала съ сыномъ за границу. Возвратясь оттуда нѣсколько поздоровѣвшей, Елена, по видимому, исключительно предалась воспитанію сына: она почти не отпускала его отъ себя никуда, безпрестанно съ нимъ разговаривала, сама учила его. Кромѣ того, Елена повела

Digitized by Google

очень большую переписку съ разными заграничными своими знакомыми, которые тоже ей часто писали.

Въ одно утро, Елена сидѣла, по обыкновенію, съ своимъ ребенкомъ. Сынишко ея стоялъ около нея, и она сейчасъ только, восхищенная его понятливостью, расцѣловала его въ губки, въ щечки, въ глаза, такъ что у мальчика все лицо даже покраснѣло; вдругъ вошелъ человѣкъ и доложилъ, что Миклаковъ ее спрашиваетъ.

— Ахъ, проси.... очень рада! воскликнула Елена въ самомъ дѣлѣ радостнымъ голосомъ.

Лакей ушелъ звать гостя.

— Вы рѣшительно являетесь, какъ молодой мѣсяцъ! говорила Елена, встрѣчая Миклакова.

— Да и васъ я застаю всякій разъ въ новыхъ фазисахъ! отвѣчалъ ей тотъ не безъ насмѣшки; затѣмъ онъ сѣлъ и началъ пристально смотрѣть на Елену. Надобно было имѣть не весьма много наблюдательности, чтобы подмѣтить, какія глубокія страданія прошли по моложавому лицу Елены: Миклакову сдѣлалось до души жаль ее.

— Но давно ли, однако, вы вышли замужъ? продолжалъ онъ совершенно уже другимъ тономъ.

— Вамъ, можетъ быть, больше хочется спросить—зачѣмъ и для чего собственно я вышла замужъ? возразила ему Елена.

— Зачѣмъ и для чего вы вышли замужъ? повторилъ за нею Миклаковъ.

— Отъ голоду—больше ни отъ чего другаго!... Пришлось такъ, что или самой съ ребенкомъ надобно было умереть отъ нищеты, или выйти за Оглоблина.... Я предпочла послѣднее.

— О, иронія, жизни!.. какая страшная иронія!.. воскликнулъ Миклаковъ.—Вотъ вамъ и могучая воля человѣка! Всѣ мы Прометеи, скованные нуждой по рукамъ и по ногамъ!

— Еще какъ скованы-то! перебила его Елена, для которой видимо тяжелъ былъ этотъ разговоръ.—Но гдѣ вы были все это время?

— Былъ я въ Малороссіи, въ Кіевѣ, въ Одессѣ, на южномъ берегу Крыма и на Кавказѣ.

— Что, какъ вамъ тамъ вездѣ понравилось?

— Очень вездѣ не понравилось. Малороссія—природа прекрасная, но это еще дикія степи. Кіевъ нашъ святой—смѣсь кіево-печерскаго елемента съ польско-шляхетскимъ. Одесса, нашъ

Digitized by Google

аки-бы европейскій городъ, въ сущности есть городъ жидовъ и грековъ. Въ Крыму и на Кавказѣ опять таки хороша только природа, а населяющіе ихъ восточные человѣки, съ ихъ длинными носами и безсмысленными черными глазами,—ужасъ что такое!... въ отчаяніе приводящія существа.... такъ что я дошелъ до твердаго убѣжденія, что человѣкъ, который хоть сколько нибудь дорожитъ мыслью человѣческой, можетъ у насъ жить только въ Москвѣ и въ Петербургѣ.

— А этого демократическаго, революціоннаго движенія неужели нѣтъ въ провинціяхъ нисколько? сказала Елена.

— Подите вы! воскликнулъ Миклаковъ;—революціонныя движенія какія-то нашли!...Бьются всѣ, чтобы какъ нибудь копейку зашибить, да буянятъ и болтаютъ иногда вздоръ какой-то въ пьяномъ видѣ.

— Странно!... Я думала совсѣмъ другое!.. произнесла Елена какъ-бы въ нѣкоторомъ раздумьи.

— Мало ли что вы думали! отвѣчалъ ей насмѣшливо Миклаковъ.

— Ну, а вы теперь постоянно думаете въ Москвѣ жить? спросила его Елена.

— Въ Москвѣ, отвѣчалъ протяжно Миклаковъ,—хоть и тутъ тоже мало какъ-то хорошаго для меня осталось, продолжалъ онъ.— Такія новости услыхалъ, пріѣхавъ: князь, съ которымъ я хоть и поразошелся послѣднее время, но все-таки думалъ опять съ нимъ сблизиться, говорятъ, умеръ,—застрѣлился!

— Да, застрѣлился! повторила Елена, и лицо ея при этомъ мгновенно вспыхнуло.—Говорятъ даже, что застрѣлился отъ любви ко мнѣ! прибавила она съ усмѣшкою.

— Говорятъ!... подтвердилъ Миклаковъ.

— Но это пустяки, конечно... продолжала Елена съ какой-то непріятной усмѣшкой;—просто, я думаю, съ ума сошелъ.

— Да, съ ума-то сошелъ, можетъ быть, отъ любви къ вамъ! перебилъ ее Миклаковъ.

— Это еще страннѣе и глупѣе! продолжала Елена, все болѣе и болѣе краснѣя въ лицѣ.—Впрочемъ, виновата: вы сами когда-то отъ любви сходили съ ума!

— Нѣтъ, я сходилъ съ ума не отъ любви, а отъ пьянства и отъ оскорбленнаго самолюбія!.. возразилъ Миклаковъ.

— Вотъ это такъ вѣрнѣе и естественнѣе! подхватила Елена.— А вы знаете, что княгиня ваша тоже вышла замужъ за барона Мингера и оба, говорятъ, наслаждаются жизнію?

Digitized by Google

— Что же мудренаго! подхватилъ Миклаковъ (при этомъ онъ уже вспыхнулъ).—Въ жизни по большей части бываетъ: кто идетъ по ея теченію, тотъ всегда почти достигнетъ цвѣтущихъ и счастливыхъ береговъ.

— Но только счастія-то я тутъ не вижу никакого... въ чемъ оно состоитъ? подхватила Елена.

— Въ нѣкоторомъ самодовольствѣ и спокойствіи!.. Стоять вѣчно въ борьбѣ и въ водоворотѣ—вовсе не наслажденіе: бейся пожалуй, сколько хочешь, съ этимъ дурацкимъ напоромъ волнъ,—ихъ не пересилишь; а они тебя навѣрнякъ или совсѣмъ подъ воду кувыркнутъ, а если и выкинутъ на какой нибудь голый утесецъ, такъ съ такой разбитой ладьей, что далѣе идти силы нѣтъ, какъ и случилось это, на примѣръ, со мной, да кажется и съ вами.

— Нѣтъ, я могу и хочу еще плыть! воскликнула Елена.

— Интересно было бы знать—куда? проговорилъ Миклаковъ.

— Этого я вамъ не скажу, потому что вы всякую надежду, всякое предположеніе съумѣете облить такимъ ядомъ сомнѣнія, что отравите все и навсегда.

— Сомнѣнье—источникъ истины! Вотъ мы съ вами повѣрили Жуквичу на слово, что онъ человѣкъ порядочный, а вышло, что онъ мошенникъ!...

Елена при этомъ немного смутилась.

— Вы, значитъ, слышали объ его продѣлкѣ со мною? спросила она.

— Съ вами?.. не слыхалъ. Но что же такое именно?.. спросилъ съ своей стороны Миклаковъ.

Елена очень подробно и совершенно откровенно расказала о своихъ отношеніяхъ къ Жуквичу и объ его поступкѣ съ нею.

Миклаковъ качалъ только головой и грустно усмѣхался.

— Благодарите судьбу, что этотъ баринъ въ еще худшее что нибудь васъ не запуталъ! проговорилъ онъ.

— Что же можетъ быть хуже этого? воскликнула Елена.

— Въ Одессѣ онъ почище этого затѣялъ штуку, продолжалъ Миклаковъ.—Онъ явился туда съ какимъ-то другомъ своимъ юнымъ; сначала, какъ видно, были при деньгахъ, жуировали, въ карты играли; но потомъ профершпилились и занялись дѣланіемъ фальшивыхъ асигнацій; ихъ накрыли и посадили въ тюрьму, гдѣ и донынѣ они обрѣтаются...

— Но скажите: полякъ онъ, или нѣтъ?

Digitized by Google

— И не полякъ даже, а жидъ, говорятъ, перекрещеный.

— Но какимъ же образомъ онъ могъ въ 48 году быть повѣшенъ?

— Повѣшенъ? воскликнулъ Миклаковъ, широко открывая въ удивленіи свои глаза.

— Да, и только спасся отъ смерти какимъ-то случаемъ. Я сама видѣла у него шрамъ на шеѣ отъ веревки...

Миклаковъ покатился со смѣху.

— Каналья какая! воскликнулъ онъ.—Если у него дѣйствительно есть шрамъ, такъ вѣроятно его разбитою бутылкой по горлу съѣздили за какую нибудь плутню, а съ висѣлицъ, сколько я знаю, никто что-то еще не спасался: это онъ все выдумалъ, чтобы больше васъ плѣнить.

— Но неужели люди способны даже подобными вещами лгать? произнесла Елена.

— Люди способны всякими вещами лгать! подхватилъ Миклаковъ.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ появленіемъ Николи.

— Ахъ, Боже мой!... Какъ я радъ, воскликнулъ онъ, пожимая обѣими руками руку Миклакова. А я сейчасъ отъ баронесы Мингеръ, продолжалъ Николя, вовсе забывъ, въ какихъ отношеніяхъ баронеса Мингеръ была нѣкогда съ Миклаковымъ,— она родила сына!

— Вотъ какъ! произнесла съ усмѣшкою Елена.

— Да, и баронъ въ восторгѣ, продолжалъ Николя,—очень, говоритъ, радъ: теперь родъ Мингеровъ не прекратится.

— Ну, этому радоваться еще особенно нечего! подхватила Елена.

— Тѣмъ болѣе, если припомните слова Вольтера, поддержалъ ее Миклаковъ,—который говорилъ, что главный недостатокъ нѣмцевъ тотъ, что ихъ очень много.

— Именно, очень много! воскликнула Елена.

Миклаковъ послѣ того вскорѣ началъ собираться домой.

— Я опять какъ нибудь къ вамъ не вдолгѣ заѣду, сказалъ онъ.

— Непремѣнно, непремѣнно! подхватила Елена.

— И я васъ прошу покорнѣйше о томъ! сказалъ ему Николя.

Миклаковъ черезъ недѣлю опять заѣхалъ къ Еленѣ; но она на этотъ разъ не приняла его, велѣвъ ему, черезъ горничную, сказать, что у ней такъ разболѣлся бокъ, что ей ставятъ піявки, и

Google

потому она никакъ не можетъ выйти къ нему. Черезъ недѣлю Миклаковъ опять къ ней заѣхалъ. Тутъ уже вышелъ къ нему Николя съ сконфуженнымъ и растроеннымъ лицемъ. Онъ сказалъ, что жена его очень больна, и что къ ней никого не пускаютъ и не велятъ ей ни съ кѣмъ говорить.

Миклаковъ ушелъ, сильно опечаленный этимъ, а черезъ нѣсколько дней онъ прочелъ въ газетахъ, что Николай Гаврилычъ Оглоблинъ съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаетъ своихъ родныхъ и знакомыхъ о кончинѣ своей возлюбленной супруги Елены Николаевны Оглоблиной и проситъ пожаловать на отпѣваніе, которое имѣетъ быть тамъ-то.

— Не вытерпѣла, какъ ни храбрилась! произнесъ Миклаковъ, откидывая газету въ сторону и утирая небольшую слезинку, появившуюся на глазу его, и, обыкновенно не бывая ни на однихъ похоронахъ, на похороны къ Еленѣ онъ пошелъ и даже отправился провожать гробъ ея до кладбища пѣшкомъ. Къ нему вдругъ присталъ Елпидифоръ Мартынычъ, тоже шедшій пѣшкомъ, не смотря на свои семьдесятъ лѣтъ.

— Вы покойницу лечили? спросилъ его Миклаковъ.

— Я-съ, и потомъ цѣлый легіонъ докторовъ...

— Чѣмъ она умерла?

— Чахоткой скоротечной.... Простудилась она еще прежде въ дѣвицахъ, когда въ бѣдности жила, потомъ, года съ два тому назадъ, была больна, а къ нынѣшней веснѣ болѣзнь окончательно разыгралась!... Впрочемъ, сказалъ Елпидифоръ Мартынычъ, помолчавъ немного,—и слава Богу, что она умерла!..

— Это почему? произнесъ съ удивленіемъ Миклаковъ.

— Потому что.... (Елпидифоръ Мартынычъ началъ это говорить Миклакову почти на ухо), потому что въ самый день смерти пришли было арестовать ее: такую, говоритъ, съ разными заграничными революціонерами переписку завела, что страсть!

— Вотъ какъ! проговорилъ съ удовольствіемъ Миклаковъ: ему пріятно было слышать, что Елена до конца жизни осталась вѣрна самой себѣ.

— А передъ смертію она причащалась, или нѣтъ? спросилъ онъ съ полуулыбкою Елпидифора Мартыныча.

— Нѣтъ-съ!... Нѣтъ! воскликнулъ тотъ почти на всю улицу.— Вольтеръ-съ передъ смертію покаялся, а эта бабенка не хотѣла сдѣлать того! присовокупилъ Елпидифоръ Мартынычъ, знаменательно поднимая передъ глазами Миклакова свой указательный палецъ.

Google

— Видно на плечахъ у великановъ и младенцы дальше ихъ видятъ! подхватилъ тотъ съ явною цѣлью посердить Елпидифора Мартыныча.

— Тфу мнѣ на это видѣнье!.. опять воскликнулъ ему тотъ;— вы сами тоже—хорошъ соколъ! прибавилъ онъ,—посмотрю, что вы заговорите, какъ умирать будете.

— Все сдѣлаю, рѣшительно все, что предписано, до того испугаюсь сей скверной вещи! подхватилъ Миклаковъ.

— Не по страху-съ надобно это дѣлать, а по вѣрѣ! произнесъ ему въ наставленіе Елпидифоръ Мартынычъ.

— Ну, а мальчикъ Елены Николаевны гдѣ же и у кого будетъ воспитываться? продолжалъ его распрашивать Миклаковъ.

— Да сама-то она передъ смертію, Богъ знаетъ, какіе было планы строила, отвѣчалъ, кашлянувъ, Елпидифоръ Мартынычъ,—и требовала, чтобъ ребенка отвезли въ Швейцарію учить и отдали бы тамъ подъ опекунство какого-то философа, ея друга!... Не послушаются ея конечно!... Николай Гаврилычъ просто хочетъ усыновить его и потомъ, говоритъ, всего вѣроятнѣе, по военной поведу....

Миклаковъ слушалъ все это съ понуренной головой и пасмурнымъ лицемъ, и когда, послѣ похоронъ, Николя Оглоблинъ, съ распухнувшимъ отъ слезъ лицемъ, подошелъ было къ нему и сталъ его приглашать ѣхать къ нимъ на обѣдъ, то Миклаковъ отказался наотрѣзъ и отправился въ московскій трактиръ, гдѣ, подъ вліяніемъ горестныхъ воспоминаній объ Еленѣ и о постигшей ее участи, напился мертвецки пьянъ.

Онъ считалъ Елену за единственную женщину изъ всѣхъ имъ знаемыхъ, которая *говорила* и *поступала* такъ, какъ *думала* и *чувствовала*!

А. Писемскій.

Digitized by Google

РАСКАЗЫ

изъ

ЖИЗНИ ЮЖНО-РУССКАГО НАРОДА.

Посвящено С. П. Бестужевой-Рюминой.

Прыськинъ шинокъ.

Смерклось. Отъ густо падающаго снѣга даже дуги коренной не видать. Усталыя лошади едва тащатъ меня по снѣжнымъ сугробамъ совсѣмъ почти занесенной дороги. Усталый, изнеможенный шестичасовымъ блужданіемъ по степи, жду—не дождусь хотя какого нибудь пріюта. Злость и отчаяніе хватаютъ меня за душу.

— Да скоро ли, наконецъ, пріѣдешь хоть куда нибудь? раздражительно спросилъ я своего ямщика—хохла.

— Да я и самъ не знаю, отвѣчаетъ онъ мнѣ невозмутимо.

— Кто же долженъ знать-то по-твоему?... Вѣдь эдакъ въ степи можно заночевать, да по твоей милости достаться на ужинъ волкамъ! кипятился я.

— Развѣ мнѣ самому весело.... видишь, погода какая.... съ дороги-то настоящей сбились.... а коренная новая.... развѣ, вотъ, пристяжную въ корень запрягу: это лошадь старая,—можетъ, куда и довезетъ... хладнокровно разсуждая и останавливая тройку для перепряжки, утѣшалъ меня ямщикъ.

Средство это дѣйствительно помогло, и черезъ полчаса послѣ перепряжки, вѣроятно, благодаря старой коренной, невдалекѣ отъ насъ блеснулъ огонь, и ясно можно было разслышать лай собаки.

Digitized by Google

— Прыськинъ шинокъ! воскликнулъ радостно хохолъ. Онъ пріободрилъ лошадокъ и черезъ нѣсколько минутъ я, къ полному своему удовольствію, вошелъ уже въ хату.

Укрывавшихся тамъ отъ непогоды и заблудившихся оказалось не мало, такъ что съ большимъ трудомъ я могъ добыть себѣ мѣстечко у стола. Выпивъ водки и поѣвъ горячаго борщу, я совершенно преобразился нравственно и физически. Куда дѣвались досада и злость на ямщика и непогодь! Какое-то блаженство разлилось по всему моему существу. Всѣ окружающіе показались мнѣ такими добрыми и милыми.

Рядомъ со мной сидѣлъ сѣдой усатый хохолъ, какъ-то безцѣльно смотрѣвшій въ пространство. Далѣе два такіе же старика, должно быть, односельцы перваго. Всѣ они курили трубки и вели довольно одушевленную бесѣду между собой.

— Да, вотъ теперь смѣшно, а тогда не до смѣху было, говорилъ одинъ изъ нихъ.—Насъ тоже цѣлый полкъ изъ молодыхъ парней, значитъ, въ казаки набрали. Ну, тамъ все.... ну и шаблюки *) дали.... Посмотрѣли это мы, что за чортъ? Сама желѣзная да тяжелая, на ремнѣ какъ-то чудно̀ привѣшана.... Надѣнешь,—такъ манифестомъ **) въ бокъ бьетъ. Сейчасъ ее съ крючка долой,—такъ въ ногахъ путается.

— А когда это, дѣдушка, было? спросилъ я его, не утерпѣвъ.

— Да еще въ войну съ французомъ.—Вы вотъ Грицька знаете? обратился старикъ уже къ товарищамъ своимъ.

— Знаемъ, отвѣчали тѣ.

— Ну, вотъ, онъ со мной въ одной сотнѣ былъ.... какъ отпустилъ, сейчасъ тутъ же при насъ запутался; ну и вертѣлся, вертѣлся, да какъ шмякнется носомъ объ корыто.... а тогда лошадей поили.... такъ курносымъ и изъ похода шелъ. Вотъ какъ, убѣдительно и серьезно добавилъ раскащикъ, не обращая вниманія на хохотъ слушателей.

— Теперь хоть верхомъ, продолжалъ старикъ,—какъ ее отпустишь.... лошади наши малыя, а ремни на шабли длинные, такъ она шельма по землѣ волочится, у лошади между ногъ путается, да только ее пугаетъ.... А эти вахмыстры все насъ объѣзжаютъ, да кричатъ: «Отпускай шабли по положенію!» Думали, думали, это, что тутъ дѣлать.... просто бѣда.... А тутъ одинъ изъ на-

*) Сабли.

**) Эфесомъ.

Digitized by Google

шихъ и кричитъ: «Давайте, хлопцы, возьмемъ манифестами внизъ, бокъ не будетъ бить, лошади также мѣшать не будетъ!» Вотъ и послушали сдуру.... это ѣдемъ, пѣсни напропалую оремъ.... начальство утѣшаемъ... А тутъ вдругъ команда: «Стой! шабли вонъ!» Самъ генералъ ѣдетъ.... Тутъ кинулись до шабель.... Вотъ тебѣ и разъ!... манифестовъ не мае.... Со всей сотни, только четыре и вынули, да и то отъ того, что заржавлены были, добавилъ наставительно раскащикъ.—А наши-то всѣ на дорогѣ остались.

— Да какъ же это вы не слышали, когда онѣ выползали? полюбопытствовалъ я.

— Да мы чули.... да думали такъ дѣло безъ нихъ и обойдется, отвѣчалъ добродушно хохолъ.

— Вотъ это только, какъ генералъ, или полковникъ, не знаю, какъ подскочилъ къ намъ, продолжалъ раскащикъ,—такъ первымъ дѣломъ, это какъ закричалъ на насъ: «Подлецы, говоритъ, куда шабли дѣвали? Хорошо, говоритъ, что непріятель верстъ за сто, а еслибы онъ тутъ, какъ тутъ?...» Мы со страху молчимъ, потому знаемъ, что на дорогѣ ихъ сняли. «Перепорю, говоритъ, всѣхъ, кто не отыщетъ!...» Ну, сейчасъ и разогнали искать... Да что-жь, ввечеру всѣ и нашли; только я, да еще кто-то, искали, искали, такъ и не нашли.... Ѣдемъ, а сами думаемъ: бѣда будетъ.... Да нѣтъ, ничего.... ругался шибко, меня даже за чубъ схватилъ: «Что ты, говоритъ, ротъ разинулъ?» Какое тутъ ротъ... сейчасъ, думаю, драть будетъ.... только ничего.... добрый былъ.... А вотъ вахмыстръ такъ подлецъ, добавилъ старикъ,—на другое утро мнѣ такую новую шаблю привѣсилъ, ей-Богу пуда въ полтора.... думалъ весь бокъ пробьетъ.... Вотъ и война, заключилъ онъ внушительно и закурилъ люльку.

Послѣ хохота и различныхъ распросовъ дошла очередь до Остапа, самаго серьезнаго старика, который во время всего расказа и послѣ него ни разу не улыбнулся и не промолвилъ ни одного слова.

— Ну, расказывай дядьку Остапе, що хочешь, раздалось нѣсколько голосовъ.

Наливъ себѣ стаканъ наливки и закуривъ снова люльку, Остапъ началъ такъ:

— Вотъ тутъ про войну все говорили....а я такъ безъ войны чуть не умеръ... такъ меня драли въ сборной, а за что—и самъ не знаю. Вотъ уже много лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло, все думаю: за что?... самъ не знаю за что.... Это я молодымъ женился,

Digitized by Google

продолжалъ онъ,—еще двадцати лѣтъ мнѣ не было.... взялъ я въ жены дивчину гарну.... Ну, и стали мы это жить. Отлично жили, всего вдоволь; дѣтей же притомъ не было, такъ я ничего не жалѣлъ для жены. Чего только не покупалъ! Ну, и она-жь была, покойница, просто чудо, а не баба: добрая, веселая, да ласковая такая.... и, значитъ, во всемъ меня слушала; если что скажу, то свято.... Ну только, это разъ, пришла къ намъ конница стоять.... Москали, первое дѣло, это уже извѣстно, не успѣютъ по квартирамъ разойтись, сейчасъ на улицу, давай въ бубны дуть, да съ гармоніями пѣсни орать.... это бабъ и дивчатъ собираютъ. Ну, эти дуры, разумѣется, и бѣгутъ скалить съ ними зубы. Только моя Ѳедора,—такъ звали мою жинку,—ничего, на улицу нейдетъ, а все-таки баба, одно слово.... къ окошку таки подсѣла и выглядываетъ.... Ну, думаю, это ничего.... пускай ее смотритъ. Только вышелъ это я на дворъ, не помню зачѣмъ, да вздумалъ, что въ хатѣ топоръ забылъ.... сейчасъ въ хату обратно.... вотъ тебѣ и разъ.... Ѳедоры нѣтъ.... Я на улицу, а она, шельма, не тѣмъ будь помянута, уже съ солдатами зубы скалитъ. Я къ ней, тихонько за рукавъ дергаю.... Она на меня: «Тебѣ что?»—Пойдемъ, говорю домой.—«Не пойду, говоритъ. А если приставать будешь, такъ будь ты проклятъ съ твоимъ домомъ!»—Вотъ тебѣ и на! Славно! подумалъ я.... Пошелъ одинъ.... она вслѣдъ за мною; пришла и, какъ ни въ чемъ не бывало, прясть сѣла. Зло меня взяло шибко.... Нѣтъ, говорю ей, такъ не годится.... и если я еще у москалей хоть разъ тебя увижу, то при нихъ, собачьихъ мордахъ, всѣ тебѣ волосы на головѣ выскубу. А она:—«Ха, ха, ха!... мнѣ еще лучше будетъ: чесаться тогда не надо будетъ....» Я плюнулъ да и ушелъ.... Только замѣчаю это, къ москалямъ ходить перестала, но какъ праздникъ, то сейчасъ что ни на есть самую лучшую одёжу надѣнетъ и шасть на завалинку.... А эти подлыя души, усачи-то, сейчасъ въ гармонію, и пошли мимо насъ сновать, точно другого мѣста на селѣ нѣтъ. Потомъ это подбѣжали къ намъ товарки, схватили Ѳедору, да къ солдатамъ, и пошла хохотня. Я остался одинъ, досада меня беретъ. Чѣмъ это, думаю, жинку-то отъ солдатъ отучить.... Придумалъ таки.... Вотъ поужинали.... Я и говорю, да такъ ласково: вотъ что, Ѳедора, хату бы завтра надо побѣлить, а то просто срамъ. Ты бы одёжину старую припасла, а то хорошую всю изгадишь. «Не твоя, говоритъ, забота,—у меня на печи для этого есть старая сподница...» Вотъ легли спать.... она заснула,

Digitized by Google

а я не сплю.... и только это чуть разсвѣло, я сейчасъ всю хорошую одёжу ея въ скрыню, заперъ это замкомъ, ключъ въ карманъ захватилъ, взялъ двѣ паленицы, горилки, косу, да и маршъ въ лугъ, чтобы, значитъ, какъ есть цѣлый день прокосить до поздняго вечера. Иду это, а сердце такъ и радуется, безъ запора и надзора, думаю, просидишь у меня, голубка, потому что при нашихъ достаткахъ по всему селу первая щеголиха была. Прихожу домой, хата заперта.... ну, думаю, со сраму на печку залѣзла и, какъ будто дома нѣтъ, заперлась. Сейчасъ въ окошко стучу.... Молчитъ; должно быть, шибко обозлилась. Приподнялъ это я окошко, да и такъ ласково говорю: Ѳедора, а Ѳедора, отопри! Молчитъ.... Отъ нехай тоби бисъ.... Сейчасъ раму выставилъ, да какъ воръ въ свою хату влѣзъ. Ужь, думаю, поцѣлую.... жалко стало; вѣдь молода, лѣтъ двадцать ей тогда было. Зажегъ огня, прямо на печь.... никого нѣтъ.... Я въ комору.... скрыня разбита, замокъ посереди коморы лежитъ и на немъ.... щось погане зроблено!... Вотъ тутъ сердце мое не утерпѣло.... сейчасъ вынулъ всѣ эти платья ея, бусы, шубки, всѣ въ печку посовалъ и запалилъ!... Не надѣнетъ, думаю, теперь Ѳедорка ничего изъ того; а у ней, песъ ее дралъ, дядя въ войтахъ сидѣлъ: она какъ прибѣжала, увидала это, прямо къ нему и въ ноги. Вотъ что мужъ зробилъ. Тотъ меня въ сборную, и ну драть. «Ахъ ты, говоритъ, рыло свиное, ты зачѣмъ добро Божіе огнемъ жжешь!...» Я кричу: я мою жинку училъ!—«Ты, говоритъ, шельма эдакая, учи чѣмъ знаешь, а не этимъ!»

— Я вамъ тоже, братцы, раскажу, вмѣшался третій казакъ, давно уже, кстати, имѣвшій кое-что на умѣ и даже какъ-то бережно двигавшійся отъ нетерпѣнія по лавкѣ, — раскажу про тетку мою. Теперь уже она старая, престарая, а толи еще молода была, и вздумай это она вѣдьмой сдѣлаться, только не настоящей, пояснилъ старикъ.

— Она—казачка, и мужъ казакъ былъ, только ледащій.... Ну, это у нихъ всегда одна корова была, больше ничего... а онъ, знаешь, гусей пасъ по найму, почему и гусятникомъ прозывался. Какъ получитъ деньги, первымъ дѣломъ въ шинокъ, а не то чтобы тамъ что нибудь женѣ, или подушное.... все пропьетъ, свинья, до полушки. Хорошо еще, что дѣтей не было, а то жена дѣлай что хочешь.... Да и какъ же ей, бѣдной, доставалось отъ войта за подушныя, такъ просто бѣда.... Какъ только подушныя,—гусятникъ сейчасъ и убѣжитъ. Ну, войтъ, разумѣется, строго жену допра-

Digitized by Google

шивать: «Гдѣ мужъ?» бывало, кричитъ на все село,—«ты его спрятала», да сейчасъ палкой по спинѣ.... «Говори!»—и другой разъ съѣздитъ, а тамъ и пошелъ дуть. Въ ногахъ валяется бѣдная баба, плачетъ, вся дрожитъ.... божится, что не знаетъ, а ей никто не вѣритъ.... «Подавай, говоритъ, за него подушное!..» Ну, продастъ что нибудь.... Христа ради выпроситъ, всегда за мужа и заплатитъ. Только вотъ въ послѣдній разъ-то, какъ ей вѣдьмой сдѣлаться.... войтъ ее шибко билъ, чтобъ заплатила за мужа какъ прежде... .а у бѣдняжки силъ уже не стало.... значитъ, все продала, окромя коровы. Ну, разумѣется, палка и чорту не сестра.... дѣлать нечего, корову богатому сосѣду заложила, да до весны отработать долгъ къ нему же внаймы пошла. Вотъ и весна наступила, только тетка все-таки еще не много заработала долгу, а корова въ это время первая вещь, потому что городъ отъ насъ недалеко, а сметану и масло въ немъ раскупали хорошо. Пошла, значитъ, несчастная баба, послѣднее продала, корову выкупила, да и задумалась, что теперь дѣлать ей, горемыкѣ; о мужѣ болѣе мѣсяца ни слуху, ни духу, да и то если приходилъ, такъ тайкомъ на день—не больше. А, должно быть, его шибко любила: такъ ни за что никому не выдастъ.... только когда уйдетъ бродяга, такъ только скажетъ: «А у меня Павло бувъ.» Это значитъ—мужъ-то ея.

— Вотъ, расказывала она мнѣ,—сижу да думаю, что мнѣ дѣлать одной, сиротинкѣ?... Давай сдѣлаюсь вѣдьмой, пришло мнѣ въ голову, чужихъ коровъ буду обдаивать,—авось разживусь. Ну, такъ и сдѣлала; какъ только время стадо гнать въ село, она сейчасъ задворками на кладбище.... а выгонъ за кладбищемъ былъ.... Ну, прибѣжитъ туда прямо въ каплицу, все съ себя долой, останется въ одной рубашкѣ, косы распуститъ, углемъ, или чѣмъ ужь тамъ другимъ, не знаю, рожу намажетъ, и ждетъ стада. Какъ только оно поравняется съ кладбищемъ, она выскочитъ да къ нему, а пастухи у насъ, самъ знаешь, невелички хлопцы, какъ увидятъ, что вѣдьма,—давай Богъ ноги, куда глаза глядятъ; а она тѣмъ временемъ падоитъ—да въ каплицу. Страхъ да говоръ пошли по селу, а вѣдьма-то сама въ народъ вмѣшается, да такіе страхи расказываетъ, что у нѣкоторыхъ и волосы дыбомъ встанутъ, а сама-то охаетъ, что страшно ей одной жить.... даже всегда кого нибудь на ночь зазоветъ. Только уже слишкомъ шибко шалить стала. До становаго слухъ дошелъ.... а онъ у насъ чудной какой-то былъ, хоть добрый человѣкъ.... это все,

Digitized by Google

бывало, вѣдьмъ ловитъ.... даже если въ чужомъ станѣ вѣдьма проявится. Ну, разумѣется, какъ услышалъ, что у насъ проявилась вѣдьма, сердце не утерпѣло.... сейчасъ къ намъ.... хохочетъ надъ нами.... «Не плачьте, говоритъ,—непремѣнно поймаю», и, распросивши немного о вѣдьмѣ, уѣхалъ.

— Что же бы ты думалъ, дней восемь прошло—нѣтъ вѣдьмы, да и шабашъ, какъ сквозь землю провалилась. Только, это вдругъ зыкъ да крикъ по селу,—думали пожаръ.

— Да что же вышло-то? засмѣялся хохолъ:—за стадомъ идетъ нашъ становой и за косы вѣдьму ведетъ.

— Что, говоритъ,—дураки, сказалъ, что поймаю, такъ и поймалъ. Дайте-ка воды, рожу ей надо умыть, чтобъ посмотрѣть, какого она сорту.

— Самъ, ей-Богу самъ, рожу ей умылъ, продолжалъ раскащикъ,—потому что мы всѣ боимся подступиться. Умылъ.... мы какъ глянули, Боже милосердый, бѣлая какъ холстъ, стоитъ передъ нами гусятникова жена. Самъ глянулъ, только головой покачалъ, потому за бѣдность ее зналъ. «Жалко, сказалъ,—а все-таки надо поучить. Дайте-ка плеть.» Ну, разумѣется, подали.... Громада только молчитъ.... жалѣютъ бѣдняжку.... потому что молоко—Богъ съ нимъ. Становой тоже молчитъ, не бьетъ, только на нее уставился. «Бить-то тебя не по чему,—кожа да кости; пожалуй, ударишь, такъ и душу вышибешь вонъ. Скажи: не будешь народъ смущать?»—«Не буду», жалобно сказала она.—«Такъ поклонись громадѣ». Та на землю упала, да такъ и осталась.

— Ну что, хлопцы, прощаете? крикнулъ онъ намъ.

— А мы точно сговорились; какъ одинъ, рявкнули всѣ: прощаемъ!

— А я не прощу, сказалъ становой:—надо постращать, чтобъ долго помнила. Дайте-ка сюда ножницы, сорочку, штаны мужицкіе, да подойникъ.

— Подали.

— Ну-ка, по-солдатски обстриги ее, какъ мы вѣдьмъ одѣваемъ, сказалъ онъ разсыльному. Ну, тотъ, извѣстно, наметанная кость, живо окарналъ, рубашку и штаны натянулъ, сейчасъ дегтемъ усы вывелъ, вмѣсто шапки подойникъ надѣлъ.... а та какъ мертвая стоитъ, только слезы льются.

Повели ее на веревкѣ по селу; но только гусятница шагъ ступила, какъ громада къ становому,—проситъ, значитъ, что не надо срамить больше: «Богъ съ ней,—вѣдь бѣдность заставила.»

Digitized by Google

— Раздѣть! крикнулъ становой.—А коли бѣдность, какъ вы говорите, обратился онъ къ громадѣ,—такъ у меня, стараго солдата, и на это лекарство есть.

— А онъ офицеръ былъ, пояснилъ хохолъ,—старый, да предобрый-добрый; ну, да притомъ одинъ,—значитъ, жены не было; такъ кому его злить? Какъ это онъ только сказалъ, сейчасъ картузъ съ головы долой.... пошарилъ у себя въ карманѣ, вынулъ, не знаю сколько, мѣдныхъ денегъ, въ шапку положилъ, да и пошелъ обходить громаду.... какъ староста въ церкви.... это деньгами позвякиваетъ, да покрикиваетъ: «Не мнѣ, а на бѣдность, господа, не откажите старому солдату; можетъ, еще пригожусь.» Ну, извѣстное дѣло, оно и гусятницы жалко, а тутъ еще самъ становой.... человѣкъ нужный, самъ проситъ, да по-христіански кланяется громадѣ. Ну и пошли валиться въ шапку не пятаки, а гривны, а кто побогаче, такъ и подымай выше. На что ужь подлыя бабы, такъ и тѣ домой за деньгами сбѣгали. Шапокъ съ пять въ кучу на землю вывалилъ, самъ это все сосчиталъ.... «Тутъ, говоритъ, семь рублей и двадцать копѣекъ. Покорно благодарю, господа громада!» крикнулъ онъ и такъ низко, низко поклонился, значитъ, народу. Гусятницу подозвалъ, а та точно очумѣла,—извѣстно, испугалась. «Вотъ, говоритъ, тебѣ лекарство отъ бѣдности твоей безвинной. Мужъ, говоритъ, чуть не погубилъ душу твою. Возьми деньги, плакать перестань. Поблагодари громаду; за добрыхъ людей свѣчку Богу поставь.... да о грѣхѣ помолись.... Плакать нечего, что посрамили.... А что волосъ, говоритъ, на головѣ нѣтъ, такъ это ничего, подъ очипкомъ невидно.... А они все-таки срамъ напоминать будутъ, чтобъ опять глупостей не дѣлала»... Сейчасъ же прыгъ въ телѣгу и уѣхалъ. Отъ якій чудный бувъ чоловикъ! заключилъ раскащикъ.

— А что съ гусятницей было послѣ этого? спросилъ я.

— Э, продолжалъ хохолъ,—какая отличная стала!... Всѣ, всѣ любятъ.... до сихъ поръ любятъ за правду. «Это, говоритъ, меня Осипъ Петровичъ чистымъ человѣкомъ сдѣлалъ.» Да вотъ теперь ужь на что старая, а за двадцать верстъ на его могилу, почитай, каждый мѣсяцъ ходитъ; панихиды служитъ, какъ сама говоритъ, за его ангельскую душу.

— Теперь ужь такихъ людей нема, замѣтилъ на это угрюмо старикъ, сжегшій когда-то всѣ наряды жены; и затѣмъ онъ выпилъ залпомъ стаканъ вишневки.

— Разсвѣтаетъ ужь, поѣдемте! сказалъ, вошедши, мой извощикъ.

Digitized by Google

— Пора!

Закопошился и прочій весь народъ, и всѣ мы гуртомъ вышли изъ шинка.

Остапъ Тряпка.

I.

На многія версты растянулся и раскинулся въ ширь старый сосновый боръ по К—ской дорогѣ. Сыпучіе непроѣзжіе пески не мало мѣшали путникамъ, а непроходимая глушь бора давала полную волюшку жить тутъ разнымъ вольнымъ людямъ, считавшимъ чужое добро своимъ собственнымъ. Ночью, бывало, никто хоть и не ѣзди. Налетятъ на тебя эти ночныя пташки, всего тебя оберутъ, да и за самую-то жизнь накланяешься. Такова слава шла про большую К—скую дорогу въ тридцатыхъ годахъ. Бывало, и днемъ ѣдешь по ней, такъ страхъ пробираетъ. Высокія столѣтнія сосны сплошной стѣной вдоль дороги стоятъ, а сыпучіе пески по ступицу тонущее колесо словно руками задерживаютъ. Здоровыя лошадушки, понуривъ головы, едва телѣгу тащатъ. На двадцать верстъ нѣтъ ни жилья, ни сторожки, исключая одного шинка, что стоитъ въ самомъ дремучемъ бору. Самъ шинкарь, говорятъ, ведетъ великую дружбу со всѣми разбойниками и подъ ихъ крылушкомъ живетъ припѣваючи. Изо всѣхъ этихъ удальцевъ, самымъ большимъ почетомъ пользовалась дружина Остапа Тряпки,—дружина человѣкъ въ двадцать хохловъ, которая, однако, никогда никого не убивала, а только грабила, да пужала [illegible].

Ночью, бывало, [illegible] обоз[illegible] «Стой, стой!» только раз[illegible] по лѣсу. А обозчики уже по звонкому голосу знаютъ, съ [illegible] дѣло имѣютъ. Значитъ, Остапъ Тряпка налетѣлъ.

— Чьи? первый вопросъ раздается.

Соберутся обозчики, [illegible] [illegible]имутъ и атаману докладываютъ.

Если скажутъ, что господскіе, муку или ленъ везутъ,—разозлится сильно, такъ и закричитъ:

— Своего бы добра ночью не повезли; чужаго, думаютъ, Тряпка не возьметъ. Будетъ же вамъ отъ пана! Гей! хлопцы, обратится атаманъ къ своимъ,—взять у нихъ десять мѣшковъ муки съ возомъ и волами, и вы дайте имъ бирку на то; а то два воза

Digitized by Google

еще пропьютъ и на меня же свою вину свалятъ. А если пану бирки не отдадите, или что нибудь еще нагадите.... такъ вы знаете Остапа,—въ долгу не останусь!...

Сейчасъ потомъ по лашадямъ и—въ лѣсъ.

Вотъ какъ хозяйничалъ на большой дорогѣ извѣстный атаманъ. Въ большомъ почетѣ былъ онъ и отъ мужиковъ и отъ баръ. Начальства тоже не очень боялся. Собирались ловить его разъ десять, да ни разу не поймали не только что Остапа, а даже ни единаго изъ его шайки. Ужь очень хитры были.... Друзей пропасть вездѣ—въ городахъ, въ хуторахъ и въ селахъ имѣли.

Какую онъ штуку со становымъ сыгралъ, расказывалъ мнѣ старый хохолъ и побожился за точность и достовѣрность расказа.

— Это, началъ онъ,—къ намъ прислали новаго становаго.... Горячка какая былъ, непосѣда—страхъ! «Какъ, говоритъ, это возможно допустить, чтобы Остапъ шесть лѣтъ разбойничалъ на большой дорогѣ и по селамъ, и его не изловили! Руку, говоритъ, дамъ на отсѣченіе, если черезъ мѣсяцъ его не поймаю». Ну, что онъ тамъ затѣялъ, не знаю. Только это извѣстно стало послѣ, что становой переодѣлся нищимъ и въ шинокъ въ лѣсу забрался, даже женинъ платокъ въ закладъ шинкарю принесъ. Пришелъ это въ шинокъ, сѣлъ, оборваный, не бритый.

— Что тебѣ нужно любезный? спросилъ цѣловальникъ, по прозванію Гайворонъ.

— Да вотъ выпить бы, отвѣчалъ становой.

— Деньги есть? а водки найдется вдоволь, даже закуску состряпаетъ старуха... настоящую.

— Денегъ-то нѣтъ.... а вотъ платокъ отдамъ, говоритъ становой,—и пьянчугой горькимъ,—нищимъ, значитъ, притворился.

— А, матеріалъ!... Дѣло, сказалъ цѣловальникъ.—Эй, старуха, поди, посмотри у пріятеля товаръ.

Вошла старуха, посмотрѣла платокъ.

— Шесть гривенъ стоитъ, сказала она хладнокровно.

— Прими! замѣтилъ, подмигнувъ, старухѣ цѣловальнинъ.

— Какой прикажете? обратился он[illegible] становому.

— Настойки.

Вотъ уже третью рюмку пьетъ становой, и полночь на дворѣ. Дождь сильный идетъ, но нейдутъ любезные гости, славные разбойнички.

— Ночевать что ли? обратился хозяинъ къ становому.

— Должно быть, что такъ, отвѣчалъ тотъ.

Digitized by Google

— Ну, ложись.

Но только въ это время еще кто-то вошелъ въ двери, которыя отворила жена цѣловальника. Вошелъ хохолъ, весьма бѣдно одѣтый. Онъ сейчасъ же, поздоровавшись съ хозяиномъ, предложилъ лукошко живицы и попросилъ полкварты горилки.

— Ну васъ къ чорту!... И то сколько смолы наносили, а толку мало. Не дамъ!... Хочешь осьмушку?

— Давай.... Только ужъ закуски хоть немного.

Сѣлъ новый нищій рядомъ со становымъ, выпилъ свою водку, долго оглядывалъ его.

— А что, должно быть, изъ нашихъ? спросилъ онъ у становаго.

— Да, угрюмо отвѣтилъ тотъ.

— У Остапа былъ?

— Нѣтъ.

— Что же такъ?

— Дороги не найду, говорилъ, воодушевляясь, становой, обрадованный тѣмъ, что на ловца звѣрь бѣжитъ.—Сказано, тутъ отъ шинка тропа пойдетъ, а чортъ ее знаетъ, безъ привычки куда пойдешь, да притомъ же въ отъѣздахъ бываетъ, такъ пожалуй къ такому чорту попадешь, что и не вывернешься.

— А ты по какому случаю къ нему? спросилъ новопришедшій нищій.

— Да такъ.... Тамъ по одному своему дѣлу, сказалъ становой, не совсѣмъ выдержавъ роль свою.

Долго въ становаго всматривался послѣ того новопришедшій и потомъ сказалъ:

— Если хочешь Остапа видѣть, то пойдемъ.

— Еще бы, сказалъ обрадованный становой,—давай только настойку допьемъ; не даромъ же деньги платить.

Допили и, не смотря на дождь, пошли въ Остапову стоянку.

Приходятъ. Два часовыхъ у костра стоятъ. Всѣ остальные спятъ, укутавшись въ свиты. Не вдалекѣ осѣдланныя лошади привязаны къ деревьямъ. Все тихо и спокойно.

— Такъ ты, того, Остапа хочешь видѣть? спросилъ становаго проводникъ.

— Да, да, пожалуйста.

Нищій изъ-за пазухи свистилку вынулъ, да два раза свистнулъ.

Встрепенулись ребята, подъ устцы лошадей подхватили. Ножей пять, шесть лезвеями блеснули.... Удивился становой.

— Хлопци, началъ проводникъ-нищій,—самъ становой къ намъ въ гости пожаловалъ. Надо его угостить!...

Digitized by Google

Сверкнули глаза у вольныхъ ночныхъ птахъ, да какъ у волковъ заискрились.

— Годи! сказалъ Остапъ (проводникъ-нищій былъ онъ).—Онъ правую руку давалъ, что меня поймаетъ, а вышло такъ, что я его поймалъ; а теперь, господа громада, пускай онъ поклянется, какъ я Остапъ Тряпка клянусь, что если онъ когда нибудь рѣшится меня ловить, такъ я не то что правую, а обѣ руки отрѣжу у него, чтобы и писать ему было нечѣмъ, а теперь отпущу домой все-таки.

Становой стоялъ блѣдный какъ ленъ.

— Ну что, согласенъ?... Да ты не ври.... Ты думаешь, я знаю, па шинокъ завтра наскочить.... Молодъ.... охъ, какъ молодъ! Лучше давай поужинаемъ.... Хотѣлъ штуку со мной сыграть, да не удалось.

Стоитъ громада, добрая дружина, только сверкающими глазами поводитъ. Досадно, что атаманъ становому такія ласковыя рѣчи держитъ. А атаманъ веселится, ужинъ приказываетъ. Кухарь, какъ карась на сковородѣ, давно уже около костра вертится; становой все опамятоваться не можетъ.

— Да полно думать-то, сталъ утѣшать его Остапъ,—я тебѣ ничего дурнаго не сдѣлаю, только помни слово. Я вѣдь не рѣжу, не граблю, беру только, что нужно для моихъ. А тамъ если тебѣ про меня что нибудь дурное расказываютъ, то врутъ.... Развѣ въ этихъ лѣсахъ я одинъ живу?... Тутъ всякаго народу много. Но ни я, ни мои еще никого не убили и не ограбили. Сидай, будемъ вечеряти.... Хлопцы, дайте выпить чего нибудь.

Незатѣйлива была страва, даже наливки не было,—просто водку пили. Повеселѣлъ становой и сталъ упрашивать Остапа бросить глупости, но Остапъ молчалъ и только улыбался. Поужинали.

— Пора тебѣ! сказалъ атаманъ;—мои вѣрные хлопцы тебя до твоихъ лошадей доведутъ, что ты версты за двѣ въ перелѣскѣ оставилъ. Тамъ разсыльный и кучеръ оба связаны лежатъ; да не бойся, тамъ двое моихъ стерегутъ лошадей и людей.... Самъ развяжешь... Прощай, не сердись... Ни меня, ни шинкаря Гайворона незамай. Вотъ разбойниковъ, бѣглыхъ москаливъ, лови.... може, и самъ подсоблю.... Да вотъ что еще, сказалъ Остапъ:—пистолетъ-то разсыльнаго у насъ уже; да, говорятъ, и у тебя два, да еще заряженые, такъ ты того.... щобъ шкоды якой не зробывъ, оставь ихъ у насъ. Получишь скоро обратно, да и женѣ скажи, чтобъ о платкѣ не очень горевала,—тоже получитъ. Въ городѣ про все лучше молчи, а то тебя-жь засмѣютъ.

Digitized by Google

Такъ у становаго пистолеты и отобрали, и до лошадей его проводили.

На другое утро, еще становой не вставалъ, какъ какой-то человѣкъ подалъ кулекъ, а въ кулькѣ пистолеты да платокъ женинъ лежали, добавилъ расказчикъ хохолъ и задумался.

II.

Вотъ, послушай, что еще было, расказалъ онъ мнѣ въ другой разъ:

Налетѣлъ это Остапъ съ дружиною на нашу водяную мельницу, что въ лѣсу на рѣчкѣ Поганкѣ стоитъ. Такъ налетѣлъ, не то чтобы грабить, а муки у нихъ не хватило,—ѣсть нечего.... Въ городахъ и селахъ строгость пошла. Стали паны Остапа сильно тѣснить,—ну, гдѣ-жь ему было муки на двадцать, а можетъ быть, на тридцать человѣкъ достать.... Ну, налетѣлъ.... «Отпирай, кричитъ, старый! Остапъ самъ съ дитками въ гости пріѣхалъ». Отперъ старикъ, Остапову ватагу въ хату впустилъ. Ну тѣ, разумѣется, часовыхъ разставили изъ молодыхъ, а кто постарше — за столъ усѣлись. Всѣ Остапа знали и уважали. Сейчасъ стара́ горилки достала; тамъ якое кушанье отъ ужина осталось—на столъ наставила. Ѣдятъ.... Смѣются вольные люди, а больше смѣхъ все на дочкѣ старо̀го вертится, что та, какъ встала, да вылупила очи, то такъ все и стоитъ.

— А красивая у тебя дочка, старый, сказалъ Остапъ, искоса взглянувъ на дѣвушку, которая, не то испуганная, не то съ любопытства, не спуская глазъ съ незваныхъ гостей, стояла, облокотясь на косякъ, у двери.

— Не бойся насъ, произнесло нѣсколько голосовъ изъ Остаповой дружины:—мы ни тебѣ, ни батьку съ матерью, ничего дурнаго не сдѣлаемъ.

— Да я васъ и не боюсь! отрывисто и даже съ сердцемъ, произнесла дивчина.

Этотъ неожиданный отвѣтъ ея былъ покрытъ дружнымъ хохотомъ шайки Остапа, въ которомъ и онъ принялъ чистосердечное участіе.

— Вотъ такъ храбрая дивка! воскликнулъ атаманъ.—Не хочешь ли къ намъ въ станокъ?—и опять засмѣялся.

Digitized by Google

Хохлушка не отвѣчала ни слова, только, сверкнувъ своими огромными карими очами, покраснѣла и сѣла на лавку.

— Ну, старый, началъ Остапъ,—давай-ка съ нами муки.... а то безъ коржей *) нашему брату въ лѣсу плохо.

— Да много-то нѣту, отвѣчалъ мельникъ: — мѣшка два не больше, а то все не моя, чужая.... Да я бы тебѣ изъ нея далъ, да хозяева-то муки.... поганы люды, гроши будутъ требовать.

— Это ничего, мѣшковъ пять дай.... вотъ тебѣ деньги.... сколько есть, сказалъ Остапъ....—Если мало, такъ скоро буду: не заставлю долго ждать.

Онъ вынулъ нѣсколько серебряныхъ монетъ и бросилъ на столъ.

— А это тебѣ, смѣлый человѣкъ, что ты и разбойниковъ не боишься, сказалъ онъ, обращаясь къ дочери мельника.

— Не треба! отвѣчала дѣвушка.—Я въ лѣсу и не такихъ чертей видала.

— Ого!... раздалось въ толпѣ.

— А такихъ, какъ я,—видывала? обратился къ ней Остапъ, покручивая свои длинные черные усы и пристально глядя на нее.

Хохлушка только взглянула на него, но ни слова не сказала.

— Вотъ то-то, продолжалъ онъ:—ты только чертей видѣла, а я на нихъ верхомъ ѣзжу, сказалъ онъ и расхохотался.

Скоро собрали муку и уѣхали. Все на мельницѣ угомонилось. Старый, посчитавъ деньги, нашелъ, что онъ не въ убыткѣ, прилегъ на лавкѣ и скоро заснулъ. Мать съ дочерью, убравъ со стола, потушили свитло и также прилегли соснуть. Стара́ тоже недолго томилась дремой и скоро заснула. Не спала только Галя, мельникова дочь.

Она съ дѣтства еще наслушалась о чертяхъ, о русалкахъ и объ атаманахъ, а видѣть ей это вочію никогда не приходилось; а межь тѣмъ ей хотѣлось этого, и какъ еще хотѣлось! А тутъ вотъ что случилось: самъ атаманъ, да еще съ шайкой, ужиналъ у нихъ.... ни билъ, ни грабилъ.... за все деньги заплатилъ.... да добрый, да веселый такой!... Чудо, просто чудо, думалось не спавшей дѣвушкѣ.—«Ни золота-то, ни серебра, ни на немъ, ни на товарищахъ нѣтъ.... одѣты просто, какъ батько.... какъ и всѣ.... Зачѣмъ же не такъ про нихъ расказываютъ?» задавалась она вопросомъ. А тутъ чудилось ея головушкѣ.... что тамъ.... далеко.... въ глухомъ, преглухомъ бору, въ его стоянкѣ.... цѣлыми грудами бо-

*) Сухія хлѣбныя лепешки.

Digitized by Google

гатства свалены. Тамъ червоные шатры, всѣ изъ тонкаго сукна.... а ѣздятъ они такъ бѣдно одѣтыми, чтобы никому не замѣтно.... а тамъ-то.... тамъ-то.... жупаны, не жупаны.... смушковыя шапки, высокія да черныя.... пояса изъ серебра.... сабли всѣ въ золотѣ, кони серебряными подковами подкованы.... Музыка, радость и веселье каждую ночь до утра; тамъ, думалось ей, полное раздолье.... Такъ цѣлую ночь и не уснула Галя. Уже и люди съ помоломъ и за помоломъ пріѣхали, и работы много, а голова ея отъ ночныхъ мыслей освободиться не можетъ. Атаманъ Остапъ съ ума нейдетъ. Купаться два раза ходила, освѣжиться хотѣла, плевала и крестилась, чтобъ отъ думъ, которыя ей покою не давали, хоть на минуту отвязаться,—ничто не беретъ. Даже заплакала, бѣдная.... въ лѣсъ пошла, слезы горькія льетъ, а сама не знаетъ, о чемъ плачетъ. А въ это время ей точно кто на ухо шепчетъ: у нихъ-то теперь тихо.... на коврахъ богатыхъ спятъ, и нѣтъ у нихъ ни горя, ни кручины; солнце взойдетъ, опять веселье да раздолье начнется до самой, самой глубокой ноченьки, пока вольные молодцы, по зову атамана, опять не выѣдутъ на смѣлую охотушку.

Много людей на мельницѣ перебывало, а ни старый, ни стара́ про ночныхъ гостей ни слова не сказали, потому что говора людскаго да и начальства боялись. Только уже какъ вечерять стали, такъ мельникъ къ дочкѣ обратился: «Что ты цѣлый день сама не своя, или въ самомъ дѣлѣ Остапъ напугалъ?... Не бойся... Остапъ— славный человѣкъ.... человѣкъ только дуже нещастливый.... Горя и своего и людскаго много видѣлъ.... Я давно его знаю.... зла не сдѣлаетъ.... дуже добрый хлопецъ», заключилъ старикъ, положивъ свою мозолистую руку на плечо зардѣвшейся Гали.

Но она ни слова не отвѣтила. Ужинъ кончился молча. Скоро спать легли, и снова началась для Гали безсонная ночь. Ни стукъ поставовъ, ни шумъ вододѣйствующаго колеса, ни скрипъ двери, когда выходилъ и входилъ отецъ,—ничто не нарушало мечтаній не засыпавшей Гали. Жалѣла она крѣпко Остапа. Такой добрый да хорошій, думала она,—а теперь что?... люди боятся.... а коли поймаютъ.... Боже мой, Боже мой!... Батько сказалъ, на смерть забьютъ. Господи!... Она даже вскочила, сердце сильно билось, щеки пылали. За что же тебе, Остапе, на такую долю мать на свѣтъ родила?... Много горя ты испыталъ. Мать расказывала, что тебя панъ катовалъ.... Не утерпѣлъ.... Теперь ты ихъ катуешь и за себя и за другихъ.... А какъ они его поймаютъ да

Digitized by Google

убьютъ?.. все приходило ей на мысль.—«Не буде!» чуть не вскрикнула она и съ сверкающими глазами вышла изъ хаты.

Едва брезжило. Галя сѣла на скатѣ плотины и громко, нервно зарыдала.

Тихій утренній вѣтерокъ и слезы хотя не надолго, но все-таки освѣжили ее, а молодая и сильная натура взяла верхъ надъ ея душевными страданіями; она вскорѣ заснула. Но и во снѣ, должно быть, тѣ же самыя думы не давали ей покоя, потому что проснулась она вся въ тревогѣ. Объяснивъ отцу и матери, что въ хатѣ душно спать (на дворѣ стоялъ августъ), она, по видимому, спокойно принялась за обычный трудъ.

Весь день она о чемъ-то думала и рѣшила, рѣшила твердо, упрямо, по южно-русски, во что бы то ни стало,—побывать у Остапа. Но какъ пробраться къ нему, гдѣ найти его стоянку, которую онъ не только каждый день, а каждый часъ мѣняетъ? Кто укажетъ дорогу? А злыхъ людей и звѣрей мало ли по лѣсу разсыпано,—ну, какъ идти? Нѣтъ, подумала она, Остапъ обѣщалъ скоро быть.... дождусь.... Тогда во что бы ни стало разузнаю.... рѣшила она и успокоилась.

Недѣли три прошло послѣ того. Не мало въ это время Галя безсонныхъ ночей скоротала, не мало думъ передумала. А Остапа нѣтъ, какъ нѣтъ. Еще три мучительныхъ дня, и вдругъ ночью, когда Галя, утомленная, только-что собиралась заснуть, раздался лошадиный топотъ; у окна мелькнуло что-то, и знакомый голосъ громко произнесъ:

— Отпирай старый! Остапъ съ дитками...

Старикъ живо поднялся встрѣчать знакомыхъ гостей, а за нимъ и старуха огонь вздувать къ печи подошла; одна только Галя лежитъ, не шевелится, точно все отнялось у ней.

— Вставай, вставай, дочко! ворчливо говорила старуха Галѣ.

Тутъ только она точно отъ глубокаго сна пробудилась и, быстро вскочивъ съ постели, дрожащими руками запаску съ плахтой на себя подвязала.

Вошли знакомые все люди, съ хозяевами здороваются и за столъ усаживаются.

Остапъ съ дочкой мельника заговариваетъ, спрашиваетъ ее, что сегодня опять не испугалась ли его, не приснился ли онъ ей.... да такъ все съ ней хохочетъ, и хлопцы его тутъ же путаются. Она же все молчитъ.... ни даже единымъ словомъ не огрызнется. Даже отецъ и мать удивляются, что такое съ нею сдѣлалось, по-

Digitized by Google

тому что, значитъ, знали нравъ ея: мало ли парубковъ на мельницѣ бываетъ, такъ не одному вѣдь никогда спуску не даетъ, а тутъ что сдѣлалось.... Ну, думаетъ, разбойниковъ все еще пугается.

— Ты не смѣйся, Остапе, вступился отецъ за дочь.—Развѣ не видишь, зовсимъ еще глупа, все пугается, а ночью по лѣсу шмыгать—такъ куда какая шустрая!... ничего не боится.

— Вотъ какъ! сказалъ Остапъ.—Ну, смотри дивчино, по ночамъ по лѣсу не шмыгай, а то какъ попадешься мнѣ, или моимъ хлопцамъ, и тогда съ отца муки много за выкупъ возьму.... Ха, ха, ха!... разсмѣялся атаманъ.

— Разъ сказала, что не боюсь ни тебя, ни твоихъ хлопцевъ, сказала сердито Галя и даже спиной повернулась къ разговаривающимъ.

Всѣ расхохотались.

Посидѣли. Муки Остапъ не мало купилъ и за все заплатилъ. Собираться стали, а Остапъ все съ Галей смѣется.

— Приходи къ намъ въ гости, кохана да моторна Галю.... Я съ дитками тебя гарно угощу, говоритъ онъ ей.

Молчала Галя, убійственно молчала на всѣ шутки атамана. Только искрометные взгляды ея, и то украдкой на него бросаемые, прямо говорили, что борьба въ душѣ хохлушки происходитъ. Замѣтилъ это Остапъ.

— Что же ты, Галю, какъ волченокъ на меня глядишь, точно съѣсть меня хочешь? спросилъ онъ ее. Но Галя и на это ничего не отвѣчала, а когда Остапъ съ дружиной вышелъ, чтобы отправиться въ путь, то и она за ними, и въ темномъ углу за поставомъ притаилась. Остапъ съ дружиною началъ на лошадей садиться, и тѣмъ, которые съ вьюками, подойти приказалъ.

— Вы прямо до дому, песками до Старыхъ Ключей, а тамъ гущиной.... знаете?

— Знаемо, батьку, знаемо.

— Да поспѣшайте, скоро буду.... Поѣсть намъ чего нибудь приготовьте, ежели есть что.

— Найдемо, батьку, найдемо, отвѣчали хлопцы, сопровождавшіе вьючныхъ коней.

— Гляди добре! прибавилъ атаманъ и крупной рысью вмѣстѣ съ остальной шайкой поѣхалъ черезъ плотину на большую дорогу.

Остальные, поправивъ привязанные къ лошадямъ мѣшки съ мукою, поѣхали шажкомъ по сыпучему песку къ Старымъ Клю-

Digitized by Google

чамъ. Старые Ключи были не что другое, какъ глубокій оврагъ, за которымъ начинался уже непроходимый лѣсъ.

Старые Ключи знали въ околоткѣ всѣ дивчата, потому что за оврагомъ росло бездна орѣшнику, терну и глоду. Да ходить-то боялись туда, потому что нехорошая слава шла въ народѣ про это мѣсто.

Галя знала хорошо Старые Ключи. Сердце ея дрогнуло, когда она слушала приказъ атамана. Страхъ и радость охватили ея душу. Что дѣлать? Вотъ какъ бы идти туда за разбойниками, мелькнуло въ головѣ Гали.... А батько и маты? пришло ей на умъ. Она—единственное и любимое дитя у стараго и строгаго мирошника.

Погонщики лошадей съ транспортомъ вонъ ужь гдѣ.... Скоро идутъ.... думала Галя, смотря имъ вслѣдъ.... Времени терять нечего. А тутъ.... «Галю!» крикнулъ вдругъ отецъ, — «гдѣ ты тамъ пропадаешь, ужь сколько времени ждемъ ужинать!» Боже, Боже, что дѣлать? схвативъ руками горячую голову, думала дѣвушка. Но повторенный сердито зовъ отца вывелъ ее изъ тяжкаго раздумья. Махнувъ рукой, пошла она въ хату. Ничего не ѣла за ужиномъ: по нетерпѣливымъ движеніямъ ясно было видно, что она чего-то ожидала. Но вотъ кончился ужинъ. Улеглись спать старики и скоро заснули. Какъ кошка прокралась Галя къ дверямъ, тихонько ихъ отворила и, выбѣжавъ на дворъ прямо черезъ тынъ, что было силы побѣжала къ Старымъ Ключамъ. Ночь тиха, все слышно.... Но какъ ни прислушивалась Галя,—кромѣ перекликовъ ночныхъ птицъ, да шума отъ крыльевъ поднятой совы, ничего не прислушала.... Знать далеко ушли молодцы, думалось ей.—А что, какъ не догоню на поворотѣ въ дремучій лѣсъ? Господи! что тогда? думалось ей, и, не смотря на глубокій песокъ и на сильно бьющееся сердце, еще съ большей быстротой поспѣшала голубка.

Не бѣжитъ, а летитъ.... Остановится, прислушается,—никого, никого не слыхать.... «Скорѣй!» рѣшаетъ она и, какъ безумная, еще съ большей быстротой бѣжитъ дальше.

Близъ самаго оврага едва догнала. Остановилась духъ перевести, да поглядѣть. Караванъ остановился,—мѣшки подвязываютъ. Громко, какъ дома, разговариваютъ добрые молодцы, никого не примѣчаютъ и не молчатъ, какъ прежде:—знать, опасность миновала.

Притаилась Галя, едва духъ переводитъ. Нетерпѣніе беретъ бѣд-

Digitized by Google

ную. Когда же, когда же, наконецъ, они на тропу поворотятъ?.... А они какъ нарочно еще люльки запалили. Постояли, покурили, посмѣялись немного, да и опять въ путь.

Стукнуло сердце Гали.... На другую сторону оврага она не перешла, а переползла; за кустами притаилась такъ, что мимо ея даже хлопцы прошли, а не замѣтили.

Вотъ идутъ, идутъ, руками дорогу расчищаютъ, а она слѣдомъ за ними стороной пробирается, царапается, боится съ шумомъ вѣтки раздвигать, чтобъ ее не замѣтили. Трудный путь для нихъ полчаса продолжался, а тамъ полегче пошло, деревья крупнѣе стали и полянки попадались, а для Гали труднѣе и страшнѣе. Охъ, какъ бы не замѣтили! думалось ей. Но вотъ хлопцы пѣсню запѣли,—знать, не далеко стоянка. Прошло немного времени,—и имъ пѣсней отвѣтили, а тамъ блеснулъ огонекъ, собака залаяла,—отлегло у Гали отъ сердца.

— Цу, цу, на! *) кто-то изъ хлопцевъ кликнулъ.

Галя остановилась; она даже вздрогнула, что сейчасъ явится собака, а собаки вѣдь у нихъ, знала она, очень чутки. Не думая и немедля, она быстро взлѣзла на сосѣднее дерево, пока сучьевъ хватило. Визжа и лая, побѣжала было собака, но тутъ же бросилась въ сторону. Обнюхивая землю, она подбѣжала прямо къ дереву, гдѣ укрывалась Галя. Съ громкимъ лаемъ и завываньемъ она приподнялась на заднія лапы и передними царапала дерево. Помертвѣла испуганная Галя, обхвативъ древесный стволъ руками.

Должно быть, Остаповы дитки знали, что неладную штуку вѣрный песъ продѣлываетъ. Они какъ коршуны быстро къ тому мѣсту, гдѣ собака лаяла, налетѣли. Да ничего не видно. Выкресали огня, глянули и—обомлѣли. Какая-то дивчина, блѣдная какъ стѣнь, на деревѣ сидитъ. А вѣдь мѣсто глухое, непроходимое,—никто кромѣ своихъ знать не можетъ.

— Слѣзай, стерво! произнесъ сердито зычный голосъ.

Но гдѣ тутъ слѣзать!.. Сняли бѣдную Галю и шатающуюся къ огню подвели. Ахнули хлопцы, привезшіе муку.

— Это дочка мирошника; мы ее сейчасъ на мельницѣ видѣли, говорили они остававшимся на стоянкѣ.

Сурово посмотрѣли на нее хохлы.

— А какъ ты сюда попала дивчина? спросилъ Галю одинъ изъ шайки, съ сѣдыми усами, близко подступивъ къ бѣдняжкѣ.

*) Такъ манятъ собакъ въ южной Россіи.

Digitized by Google

— Слѣдомъ за ними, сказала, къ удивленію всѣхъ, Галя.

— А зачѣмъ? допрашивалъ старый.

— То мое дѣло, самому Остапу скажу, строго и уже совершенно оправившись, отвѣчала она.

— Слѣдомъ за ними? повторилъ, отступивъ отъ нея, старикъ, и потомъ обратился къ хлопцамъ, сопровождавшимъ муку.— Вы-то чего-жь смотрѣли? вскрикнулъ онъ и ударилъ одного изъ нихъ по лицу, такъ что обагрилъ его кровью. Вскрикнула при этомъ и Галя и бросилась къ старому, который, сильною рукою оттолкнувъ ее, какъ будто поопамятовался отъ злости.

— Остапъ розбере.... Постойте, погани! проговорилъ онъ.

Сурово смотрѣла дружина на блѣдную, всю дрожавшую Галю.

Такъ вонъ какъ живется у нихъ! Вотъ товарищество! думала Галя. Да впрочемъ она и сама не понимала, о чемъ думала.

— Что Остапъ наказывалъ? спрашивалъ старикъ у прибывшихъ.

— Вечеряти буде, сумрачно и отрывисто отвѣчали ему тѣ.

Повѣсили надъ костромъ казанъ, страву стали варить. А Галя все стоитъ неподвижная, безсмысленно глядя на огонь. Не мало времени прошло, когда кто-то гикнулъ въ лѣсу, но далеко. Старый отвѣтилъ тѣмъ же. Собака, до того спокойно лежавшая и только тѣмъ напоминавшая, что она не спитъ, что постоянно сторожила уши,—при первомъ гикѣ, какъ стрѣла, бросилась въ лѣсъ, чуть не сваливъ на корточкахъ сидѣвшаго у огня хохла.

— Отъ-то скаженый Сирко, знае, що батько йде, сказалъ тотъ улыбнувшись.

Дѣйствительно, не прошло пяти минутъ, какъ изъ-за деревьевъ выглянули и освѣтились яркимъ пламенемъ костра лошадиныя морды.

Остапъ показался первый, и какъ только замѣтилъ Галю, назадъ даже коня осадилъ, да то же сдѣлала за нимъ и шайка его.

— Зачѣмъ тутъ? спросилъ онъ ее сурово.

Куда добрый да ласковый голосъ его дѣвался!

Должно быть, въ лѣсу другіе обычаи,—подумала Галя и, собравъ всѣ свои силы, почти такимъ же тономъ отвѣтила ему:

— Самъ звалъ въ гости!... Еще угощать обѣщалъ, такъ угощай же! Я пришла.

Ни слова не отвѣтилъ на это Остапъ, только искоса сердито оглянулся. А у хлопцевъ, какъ у волчатъ, очи такъ и свѣтятся. Видитъ онъ,—разсерчали шибко.

Digitized by Google

— Какъ всѣ будутъ шляться, прервалъ молчаніе старый,—такъ ты Остапъ уже свой станъ лучше на базарѣ въ городѣ устрой.

— Не учи, дядьку, сдержанно сказалъ атаманъ и подошелъ къ Галѣ, которая, какъ будто въ хатѣ отца, спокойно и смѣло расказала ему, какъ ей хотѣлось посмотрѣть на его житье-бытье и какъ къ нему пробралась. Заступилась предъ нимъ за его хлопцевъ, которые провожали муку, и, показавъ свои исцарапанныя руки и ноги, прибавила, что онъ и самъ бы ея не замѣтилъ,—ужь очень ловко кралась.

— А если думаешь ты, или твои хлопцы, что я къ тебѣ опять приду, или васъ тамъ выдамъ кому, такъ божусь.... отцу родному не скажу, только ты не говори. Прощай!... заключила она грустно.

— Дурна, зовсимъ дурна! замѣтилъ тотъ же старикъ.

Остапъ только на него посмотрѣлъ, но не сказалъ ни слова и обратился къ Галѣ:

— Нѣтъ, такъ не водится. Когда пришла въ гости,—милости прошу новечеряти съ нами. Ну, а тамъ и до дому.... Пожалуй, сказалъ онъ, взявъ ее за руку.—Сѣдайте, диты, давайте пошануемъ мирошникову дочку, якъ винъ насъ шановавъ, обратился онъ къ дружинѣ.

Молча сѣли за ужинъ, да уже когда третья обходила, куда злость и молчаніе дѣлись. Пошла реготня; разошлись, значитъ, вольные люди, незлобивыя души. Остапъ самъ веселый сталъ, съ Галей заигрываетъ. Все ее угощаетъ, да приговариваетъ: не угодно ли того, не угодно ли сего. А самъ хохочетъ.

— Вотъ, говоритъ,—дивчина хотѣла посмотрѣть на мое житье-бытье, такъ посмотри: чего хочешь, того просишь, а на лицо все только галушки да сало.

Такъ тутъ даже вся дружина разсмѣялась.

— Да и то, продолжалъ Остапъ смѣючись,—твоему батьку спасибо, а то.... Э! да скоро свѣтать буде.... Ходимъ, дивчино, я самъ тебя провожу.

Все время молчала Галя, только кругомъ оглядывалась. Странно ей все казалось. При послѣднихъ словахъ, она поднялась и встала вмѣстѣ съ Остапомъ.

— Пятеро на коняхъ за мною слѣдомъ, сказалъ онъ своимъ въ полголоса,—а то, чортъ его знаетъ.... заключилъ онъ внушительно.

— Прощайте, сказала Галя дружинѣ тихо, и рядомъ съ Остапомъ, по новой тропѣ, вошла въ лѣсъ.

Digitized by Google

Долго шли они молча. Остапъ прервалъ молчаніе первый, сказавъ ей тихо:

— Ну что, понравилось у насъ?

— Ни.... А вотъ что, Остапе, скажи правду.... скажешь? воскликнула она, вопросительно взглянувъ на него.

— Если можно, такъ скажу, отвѣтилъ онъ; а то—такъ и не скажу.

— Що вамъ буде отъ панивъ, якъ васъ поймають?... Спрашиваю жалѣючи, сказала она тихо, чуть дрожащимъ голосомъ.

— Не знаю, отвѣчалъ Остапъ, какъ будто разсѣянно.— А тебѣ зачѣмъ это знать? доспросилъ онъ потомъ подозрительно,—а?

— Такъ.... жалѣючи....

— Э, чудна ты дивчина, сказалъ Остапъ съ какою-то безпечностью.—Да вотъ и Старые Ключи, я еще ближе довелъ тебя до мельницы. Прощай!.. смотри никому ни гугу.... Знаешь Остапа? Не сдержишь слова, поглажу какъ мачиха.... Прощай! Можетъ скоро, если живъ буду, у васъ побываю.... Батьку тоже ни слова....

Повернулся Остапъ и былъ таковъ.

Вышла Галя изъ опушки. Такъ и есть—Старые Ключи, только близко, преблизко отъ мельницы, даже шумъ воды слышенъ. Оглянулась назадъ: лѣсъ молчаливою черною стѣной стоитъ. Сжалось у нея сердце, сжалось доброе.... Не зная сама отъ чего,—отъ всего ли, что случилось, или отъ чего другаго,—горько заплакала Галя. Идетъ, поспѣшаетъ, а слезы крупныя, да чистыя, какъ тѣ Божьи росинки, что теперь ея босыя, по травѣ ступающія ноги холодятъ, капля каплю погоняя, падаютъ на высоко вздымающуюся грудь. Не замѣтила она, какъ на плотину взошла. Колесо еще стоитъ. Знать помолу нѣтъ, а старый подъ утро, должно быть, еще сладко спитъ. Черезъ плетень перелѣзла Галя, тихонько въ хату вошла; батько и маты крѣпко спятъ.

Стала она у своей постели, мыслей собрать не можетъ. Слезы сами такъ и льются, удержать нельзя.—Господи! подумала она,— что это со мною? Легла въ постель, съ головою закуталась,— не спится: тошнехонько бѣдной, а сама не знаетъ отчего.

Часу не прошло, а въ хатѣ уже совсѣмъ свѣтло. Старый зѣвнулъ,—значитъ, проснулся; скучно мельнику безъ работы. Всталъ, слушаетъ, а Галя всхлипываетъ.—Что за аказія? подумалъ.

— Галько, а Галько, толкаетъ ее отецъ,—что съ тобой?

Digitized by Google

— Такъ, что-то во снѣ видѣла, отвѣтила ему сквозь слезы дочь и снова закуталась.

— Ото, не певна дивка! сказалъ онъ, и отъ нечего дѣлать отправился на мельницу осматривать снасти.

Какъ ушелъ провожать Галю Остапъ, собралась возлѣ огня дружина покалякать.

— Зачѣмъ это чортъ приносилъ сюда мирошникову дочку? задался кто-то вопросомъ.

— Чортъ про то знаетъ, отозвался голосъ изъ толпы.

— А за тѣмъ, началъ прежній же старикъ,—что отъ отца еще плети не пробовала. Вотъ что! Да и Остапъ дурень будетъ, если ее за косы теперь же къ отцу не приволочетъ.... А вотъ, какъ первый разъ, я ли поѣду на мельницу, или Даныло (такъ звали его племянника), такъ все и раскажемъ,—заключилъ онъ.

— А Остапъ зачѣмъ въ провожатые выискался? сказалъ прежній голосъ, громко хихикнувъ.

Но никто не отвѣчалъ ему и не продолжалъ разговора. Уморились, должно быть, вольныя пташки,—подъ утро поспать захотѣлось. Дѣйствительно, скоро одни часовые бодрствовали, а вся остальная дружина въ чуткой дремѣ была.

Вернулся Остапъ съ своими, хохочетъ, разливается, какъ ихъ малый птенчикъ напугалъ.

— Еще бы какая другая, говорилъ онъ,—а то мирошникова дочка напугала. Другую, извѣстно, я бы проучилъ!... Да кой чортъ сюда заберется.... А то просто дура, или Богъ ее знаетъ.... это идетъ со мной и спрашиваетъ: что, говоритъ, паны съ вами сдѣлаютъ, какъ васъ поймаютъ?..

Всѣ захохотали.

— Ну? приставали къ нему любопытствующіе.

— Я сказалъ: не знаю. А она говоритъ: это я изъ жалости спрашиваю.... Я подумалъ: ого! Да нѣтъ ничего, дѣвка честная.... Ну, давай, хлопцы, на другое мѣсто перебираться! поспѣшно заключилъ онъ.

Живо собралась Остапова дружина, по заведенному порядку, новаго ночлега искать.

Съ этихъ поръ ни слова въ дружинѣ про Галю не говорили.

Но не забываетъ ни ихъ, ни Остапа, ни той ночки добрая Галя.

По уходѣ старика, скоро и старуха встала, а Галя еще и не

Digitized by Google

думала нисколько соснуть. Не можетъ она никакъ себя переломить, не можетъ, бѣдная, свои горючія слезы, хоть на минуту, унять. Сама уже на себя злится.—«Изъ-за чего я плачу?» задаетъ душѣ своей вопросъ; но безотвѣтна она. Только жаркія слезы еще болѣе льются. Въ хату опять вошелъ отецъ. Видя, что дочка еще не вставала, онъ, подумавши немного, обратился къ женѣ:

— Что это съ Галей? Прежде бывало ранѣе всѣхъ поднимется, и по хозяйству тамъ все.... а теперь вотъ до какихъ поръ спитъ.... и тебя стару́ заставляетъ хлопотать.

Не получивъ никакого отвѣта отъ доброй матери, которая въ душѣ рада была, что ей удалось хотя разъ дать лишній часокъ заснуть любимому дѣтищу, старый продолжалъ:

— Сегодня во снѣ плакала.... утромъ.... Здорова ли?

Это встревожило старуху. Подумавъ немного, она тихо сказала:

— Молчи ужь.... это бываетъ.... Пройдетъ,—ничего, успокоительно заключила она.

Галя дѣйствительно задремала. Она не слышала ничего: ни разговора, ни того, какъ мать растопила печку и ворочала чугуны со стравою. Часа два спала, но какъ-то безпокойно. Сама мать подумала: не заболѣла ли голубка. Проснулась, а въ хатѣ уже все прибрано. Посмотрѣла на печку: та закрыта, и дровъ припасенныхъ подъ нею не видно.... а въ хатѣ стравою пахнетъ.

— Матусю, взволнованно спросила она, — а что печка?... Проспала я?

— Спи, спи, Галю, а то занездужаешь... Я все уже сдѣлала, говорила мать, расчесывая свои волосы.

— Я здорова. Съ чего ты.... я только такъ впервые заспалась.... не спалось, матусю.... я сейчасъ встану, да пойду холсты помочить, и съ этими словами стала одѣваться.

Не смотря на уговоры матери остаться и никуда не ходить, ушла. Долго мать придумывала, что это съ Галей. Веселая да пригожая была, а то, глянь теперь, дивчина въ одну ночь совсѣмъ извелась, подъ очима не гарно.... Нездужае, рѣшила старуха.... А може и такъ, подумала она, торопливо надѣвая очипокъ и спѣша помочь дочкѣ ворочаться съ холстами. Галя, выйдя изъ хаты, просто побѣжала на плотину, остановилась и долго смотрѣла по направленію къ Старымъ Ключамъ.

Вонъ и опушка густаго лѣса видна, за которой, какъ за непроницаемой завѣсой, скрывается все то таинственное, все то, о чемъ она скорбитъ, о чемъ жалѣетъ.

Digitized by Google

— Какъ близко! думается ей.—Что-то они теперь дѣлаютъ.... что-то Остапъ?... Жалко, жалко его ей стало; слезы, готовыя опять хлынуть, подступали подъ самую душу.

— Дочко! раздался надъ самымъ ея ухомъ тихій, добрый голосъ матери,—говорила я, что нездужаешь.... Зачимъ пишла, серце?.. Иди въ хату... Я сама помочу и разстелю... Иди... иди!..

Кинулась Галя на шею старухѣ и громко зарыдала.

— Я здорова, матусю.... я такъ.... я такъ... всхлипывая, невнятно лепетала она.

Задумалась мать; сама дѣвкой была. Знала навѣрное, что такъ даромъ съ дивчатами не бываетъ. Но ни слова не сказала, а только довольно строго замѣтила:

— Годи, годи! Когда здорова, такъ пойдемъ вмѣстѣ холсты полоскать, а плакать тутъ нечего... Здурила чи що? добавила она болѣе серьезно.

Разговоръ этотъ какъ будто отрезвилъ Галю; она быстро отерла слезы и, пересиливъ себя, совершенно спокойная пошла за матерью холсты полоскать. Во время работы она расказала матери, какой видѣла страшный сонъ, что какъ будто бы умеръ отецъ, и отъ этого она успокоиться не можетъ.

— Дурна! сказала старуха, и болѣе покойная, чѣмъ когда либо, окончила работу и вмѣстѣ съ Галей, даже шутя съ нею, отправилась въ хату обѣдать. Старый порядочно уже ждалъ ихъ, да притомъ же онъ встревоженъ былъ за дочку; онъ не видалъ ея съ тѣхъ поръ, какъ она встала.

За обѣдомъ Галя какъ будто повеселѣла; мать надъ старикомъ въ утѣху дочери потѣшалась: «Ишь, волосы сѣдые, а еще долго жить, и на другой жениться, потому что дочка во снѣ умершимъ видѣла... Да какъ дура любитъ тебя!» продолжала она: «не только что ночью, когда этотъ сонъ видѣла, а даже утромъ-то все плакала,—отъ яка у тебе не певна дочка». Старый только молчитъ, да изподтишка самодовольно посматриваетъ то на жинку, то на дочку, да покручиваетъ свои, какъ лунь, бѣлые усы.

Послѣ обѣда спать полегли; но Галя скоро встала и прямо на плотину,—глазъ оторвать не можетъ отъ заколдованнаго лѣса. Долго стояла она, наконецъ не выдержала. Дай, подумала она, дойду только до оврага. Пошла. По дорогѣ еще слѣды коней Остаповой дружины не совсѣмъ пропали; забилось ея сердце, когда она и свой слѣдъ замѣтила. Даже остановилась, кругомъ оглядывается: «Какъ все хорошо тутъ!

Digitized by Google

Зачѣмъ же прежде я сюда рѣдко ходила?» Вотъ все ближе и ближе подвигается Галя къ Старымъ Ключамъ, пески сыпучѣе и сыпучѣе становятся, и слѣды пропадаютъ...Заблудилась, совсѣмъ не къ тому мѣсту пришла, гдѣ вчера была. Знать, не судьба моя, подумала Галя. Посмотрѣла кругомъ, постояла немного, да и обратно домой пошла, задумавшись.

Много дней прошло съ этого посѣщенія Старыхъ Ключей, а она рѣдко, рѣдко, когда къ нимъ не приходила; но ни дороги памятной въ извѣстную ночь, ни Остапа не видала. Истомилась Галя. По прежнему день-деньской по дому работаетъ, а въ свободное время Старыхъ Ключей не забываетъ. Все ждетъ Остапа; почти цѣлыя ночи напролетъ не спитъ,—нѣтъ, не ѣдетъ. Даже нѣсколько разъ мимоходомъ отцу говорила, что, должно быть, Остапъ разжился мукой, что у нихъ давно не бывалъ; но старый только молчалъ,—онъ объ этомъ не любилъ разговаривать.

Осень отличная стояла, тепло точно лѣтомъ, ночи свѣтлыя и тихія каждосуточно на землю ложились. Выйдетъ бывало Галя ночью позднею, да свѣтлою, на тынъ влѣзетъ, въ сторону лѣса завѣтнаго долго смотритъ, прислушивается,—тихо кругомъ... никого нѣтъ. Посидитъ, а сама не знаетъ и не помнитъ, о чемъ передумаетъ, да и опять въ хату; да тяжко тамъ, скучно ей, не спится бѣднягѣ. Измучилась дивчина, на глаза всѣхъ змарила, а причины никому, никому не узнать.

Въ одну изъ такихъ свѣтлыхъ да тихихъ ночей, сидѣла Галя на тыну, глубоко задумалась: все *ихъ*, да Остапа жалѣла. Вотъ и представилось ей, что всѣ *они* теперь пойманы, въ тюрьмѣ съ Остапомъ томятся,—не выдержало ея сердце, слезы глаза застилаютъ, а въ это время вдали отъ ѣдущихъ людей слышится шумъ. Глаза она поминутно утираетъ, а слезы неудержимыя точно туманомъ ихъ все-таки застилаютъ. Вглядывается, всматривается, ничего не видитъ, исключая искръ, которыя отъ отраженныхъ лучей мѣсяца въ ея слезахъ цѣлыми снопами сыплются. Шумъ ближе, и говоръ уже слышенъ, а сердце ея все сильнѣе бьется: не *они* ли, думается ей; да нѣтъ, *они* съ опаскою ѣздятъ, и не съ этой стороны. Всмотрѣлась, люди съ помоломъ на мельницу ѣдутъ. Быстро вскочила, прямо въ хату, отца мельника будитъ, и радостно ей, что ночь бозсонную хоть съ людьми скоротать можно. Остапа и ждать нечего, и мучиться не надо, потому что когда мельница въ ходу, да кругомъ подводы стоятъ, ни за что не поѣдетъ, рѣшила она, и вслѣдствіе всего

Digitized by Google

этого веселѣе сдѣлалась, отцу жито мѣрить помогаетъ, но прежнему съ парубками пустяки болтаетъ. Старый и тотъ веселѣе сталъ, потому что давно такою гарною дочки не видалъ.

Возовъ пятнадцать съ новиною пріѣхало, народу не мало съ ними, къ утру дѣло хотятъ обработать,—значитъ, не до сна; смѣхъ да говоръ по всей мельницѣ идутъ. Хлопцы съ дивкою жартуютъ, а старый съ степенными рѣчь ведетъ. Смѣючись, помольщиковъ упрекаетъ, что ихъ до чортова батька ѣздитъ, а не выищется ни одинъ, чтобы въ мѣшкѣ жениха его Галѣ привезти. Себѣ на умѣ, слушаютъ старыи, да мекаютъ, на мѣшкахъ сидя, въ особенности тѣ, у которыхъ сынки есть, что, вѣдь, не даромъ мирошникъ такую загадку загадываетъ,—должно быть, дочку въ самомъ дѣлѣ задумалъ замужъ выдать. А невѣста хорошая,—хоть кому; и самъ онъ, старый-то, отличный человѣкъ, и гроши есть.

— А что-жь, отозвался на это одинъ изъ слушающихъ,—если хочешь, завтра Петра привезу,—только вотъ не смели до утра!

— Что, что? вслушалась Галя,—ты, дядьку, батьку и повирилъ? Винъ усе бреше, сказала она серьезно.

— А якъ не брешу? возразилъ ей отецъ.

Галя суровая сдѣлалась, отъ нихъ отошла снова къ парубкамъ, да ужь не по прежнему щебечетъ съ ними наша пташка. Что запало ей въ голову вслѣдствіе шутки отца—неизвѣстно, но куда сумрачна послѣ этого она стала.

Часъ двѣнадцатый или первый былъ; всѣ понемногу угомонились; нѣкоторые на мѣшкахъ прикурнули до свѣту, очереди ждя, нѣкоторые гомонятъ, да тихо, устало; только хлопцы одни отъ Гали, помогающей отцу, не отстаютъ, веселыми рѣчами потѣшаютъ.

Въ это самое время какъ-то неожиданно скрипнула дверь. На мельницу взошелъ незнакомый мужикъ и прямо обратился къ мельнику:

— А что, диду, заночевать нельзя у тебя, а то лѣсомъ дуже боюсь.

Поглядѣлъ на него мельникъ.

— Развѣ мало мѣста у меня? Ночуй себѣ, сказалъ старый послѣ минутнаго молчанія.

Поглядѣла и Галя. Вся поблѣднѣла; руки у нея затряслись, чуть мѣшка не уронила, который поддерживала отцу, ссыпавшему муку.

Digitized by Google

— Отъ-то дурна! И мѣшка держать не выучилась, сказалъ отецъ и, обратившись къ хлопцамъ, просилъ ихъ замѣнить Галю, — потому, пояснялъ онъ, что вѣрно устала, да и пора поздняя.

Новопришедшій, точно старый знакомый, ночевать въ хату пробирался, а Галя прямо за нимъ. Въ хату взошла,—темно; стара́ спитъ.

— Не зажигай свитла, я не надолго. Хотѣлъ старо̀му сказать, да народу много; все равно, скажу тебѣ,—вѣдь ты наша... Помнишь, какъ въ лѣсу была, такъ вотъ мы съ Остапомъ и со всѣми тутъ не далеко... хотѣли это было къ вамъ... да видишь,— нельзя, время не такое... Такъ Остапъ проситъ. муки нельзя ли, или чего нибудь. У насъ ничего нѣтъ... ѣсть хотимъ, говорилъ пришедшій.

Екнуло сердце у Гали.

— За́разъ! какъ-то торопливо и странно сказала она.—Подожди тутъ, добавила она и чуть не въ одинъ прыжокъ исчезла изъ хаты. Ни отцу, ни матери не говоря ни слова, прямо шасть въ комору; сколько тамъ печенаго хлѣба, паляницъ, сала, сама не зная и вся дрожа, въ мѣшокъ наложила, и въ хату опять.

— Иди сюда, сказала она пришедшему, — да только тихонько. Въ комору провела, вмѣстѣ мѣшокъ въ садикъ вытащили, черезъ плетень перевалили. Хлопецъ самъ черезъ него перелѣзъ,— и былъ таковъ. А Галя... Галя, какъ ни въ чемъ не бывало, опять на мельницѣ отцу помогаетъ и съ хлопцами какъ-то странно хохочетъ. Десяти минутъ не прошло, какъ вдругъ она опять исчезла: ей на мысль пришло, что горилки не дала.

Спокойно, сдержанно вышла, да прямо въ садъ и быстро какъ векша черезъ плетень перелѣзла.

— Ага! какъ-то весело, почти что вслухъ сказала она, ощупывая что-то. Дѣйствительно, на землѣ лежало нѣсколько краюхъ хлѣба,—не подъ силу видно было тащить хлопцу все беремя по сыпучимъ пескамъ.

— Вернется, рѣшила она, и такъ же ловко и скоро опять въ садъ перелѣзла, да прямо въ комору. Барилокъ съ водкой отыскала, большую половину въ глечикъ *) отцѣдила и, выставивъ за дверь его, опять на мельницу взошла. Немного поговорила и, подъ предлогомъ, что спать хочется, совсѣмъ ушла. Заткнувши

*) Молочный кувшинъ.

Digitized by Google

глечикъ, изъ веревочки, хотя руки дрожали, тщательно петлю сдѣлала, чтобы легче нести, вышла въ садъ, да прямо на плетень.

Не долго пришлось ждать доброй Галѣ. Зоркій и напряженный ея взглядъ замѣтилъ крадущагося человѣка. Неподвижная, сидѣла она на плетнѣ, поджидая съ бьющимся сердцемъ посланца Остапова. Вотъ онъ; ковриги хлѣба подбираетъ, а она ему съ плетня:

— Не бойся, се я.

Посмотрѣлъ пришедшій; Галю замѣтилъ.

— А що? испуганно спросилъ онъ.

— Да горилку забыла, перегнувшись и подавая кувшинъ, сказала она.

— Вотъ такъ спасибо, добрая дивчино!..

— Постой, перебила Галя, — скажи Остапу, отчего онъ не приходитъ? — и какъ будто смущенная сама произнесенными словами, не слѣзла, а спрыгнула съ плетня, да опять на мельницу.

— Э, громко сказала она,—мнѣ и работы нѣтъ, да не спится, а вы-то что?—и захохотала.

— Бисъ, а не дивка, сказалъ мельникъ, обращаясь къ убирающимъ муку, и самъ расхохотался.

Все какъ будто съ приходомъ ея на мельницу оживилось, пошелъ опять говоръ, и парубки подъ утро подняли такой смѣхъ, что и старыи проснулись и, увлеченные общимъ весельемъ, тоже приняли участіе. Пошелъ такой говоръ и смѣхъ, точно свѣту преставленіе, а Галя, Богъ ее знаетъ, откуда силъ берется, такъ передъ всѣми и разсыпается.

— Гарна дивка! улыбаясь говорили старыи. А старому мирошнику ужь какъ это по сердцу; онъ самъ не знаетъ, какою ласкою за похвальбу любимой дочки заплатить.

— Да ну тебе Галю! какъ будто сердито обращается онъ къ ней, а у самого и сердце не на мѣстѣ, — лучше-бъ горилки трошки принесла, такъ мы бы съ сосѣдями и того...

Старикъ не договорилъ, а Гали уже нѣтъ, горилку цѣдитъ, паляницу ломаетъ на закуску. Живо все на лицо. Пьютъ старыи, закусываютъ, сами точно промежь себя не въ утѣху мирошнику, а взаправду говорятъ:

— Дивка щедра подчивать.

Совсѣмъ уже разсвѣло, когда помолъ кончили. Мельница остановлена, и тихо, особенно тихо, кругомъ все стало. Убравшись, отецъ и дочь на покой пошли.

— Гдѣ же этотъ? не докончивъ, спросилъ мельникъ Галю.

Digitized by Google

— Вотъ что: онъ отъ Остапа былъ... имъ ѣсть нечего... такъ я имъ хлѣба и всего дала... Остапъ будетъ, тогда скажетъ тебѣ и заплатитъ... Я черезъ садо́къ спровадила.

— Гарно, сказалъ серьезно старый хохолъ и сталъ раздѣваться.

Галя живо легла. Легко ей на сердцѣ.

Самыя веселыя грезы убаюкиваютъ ея спокойный сонъ. Немного времени прошло, стара́ встала по хозяйству хлопотать, проработавшихъ цѣлую ночь мужа и дочь даже малымъ шумомъ разбудить боится. Но Галя чутко спитъ; она услышала, какъ мать чугуномъ стукнула, живо вскочила, одѣлась и, какъ малое ягнятко, къ матери ласкается, не знаетъ чѣмъ угодить. Боится сердце, боится доброе за прошедшую ночь.

А ненька ворчитъ, что угомону дивци поганій немае. Сердце глубоко чувствуетъ ворчливость старой матери, а потому Галя еще больше угождаетъ.

— Отъ-то нехай ему бисъ! сказала стара́,—ни до чего дотронуться не даетъ, и легла на лавку.—Такъ поройся-жь сама, прибавила она съ притворной злостью, и губы ея, сжавшись, выразили улыбку счастливой матери.

Галя стряпаетъ, старается, и всего больше чѣмъ нужно кладетъ, потому что думаетъ: Остапъ буде сегодня. Бѣгаетъ тихонько туда и сюда, чтобъ отца не разбудить, да може и старенька еще задремлетъ. Плохо въ печкѣ горитъ, подумалось ей, побѣгу въ садъ, тамъ вчера батька сухой вишнякъ рубилъ, тогда растоплю на славу.

Выбѣжала, да прямо въ садъ, а у тына кто-то стоитъ. Испугалась, руки такъ и опустились, въ глазахъ померкло.

Близъ плетня въ саду стоялъ Остапъ.

— Опять испугалась, сказалъ полуугрюмо онъ.—Отъ-то, продолжалъ онъ иронически,—опомниться даже не можетъ... Сама звала, нехай тоби бисъ, дурна, зовсимъ дурна, добавилъ онъ, подойдя къ Галѣ.—Ну зачѣмъ, звала, говори? спрашивалъ онъ, взявъ ее за руку.

— Бачить хотила, почти глухимъ голосомъ сказала она.

Остапъ засмѣялся.

— Ты, я вижу, жалѣешь меня, Галя, а кто жалѣетъ, добавилъ онъ, тотъ и любитъ.

Вздрогнула Галя при этомъ. Остапъ чувствовалъ, какъ рука ея похолодѣла. Ни полслова въ отвѣтъ отъ нея онъ не получилъ.

Стройная да высокая, свои черныя да густыя рѣсницы опус-

Digitized by Google

тивъ, стоитъ гарная дивчина. Залюбовался Остапъ, и ему жалко стало голубки; сердце, быть можетъ, невѣдомо, неиспытанно екнуло и у него передъ такой чистотой.

— А я думалъ зачѣмъ? сказалъ онъ.—Такъ знай, Галю, что и я жалѣю такъ, какъ и ты меня жалѣешь, а теперь мнѣ пора, а то пожалуй панамъ попадусь.. Скажи батьку про муку... Знай, что Остапъ тебя не забудетъ... Я тебя вспоминаю часто.

Онъ бросилъ руку Гали и ловко черезъ плетень перемахнулъ.

Стоитъ Галя, не движется. Не то счастье, не то горе, Богъ милосердый знаетъ, что всю душу заняло. Взглянула,—Остапа нѣтъ. Неужели это сонъ? подумала она. А Остапъ опять черезъ плетень лѣзетъ. Ей такъ страшно стало, что откуда силы взялись, она изъ саду убѣжала въ хату.

Долго у печи стояла, не понимая, что дѣлаетъ, какіе чугуны ворочаетъ, а сама такъ и ожидаетъ, что вотъ скрипнутъ двери и явится Остапъ. Прошло немного времени для другихъ, а для Гали цѣлый вѣкъ,—нѣтъ Остапа! Сердце не даетъ покою. Думы душу тѣснятъ. Жалко ей стало Остапа, но жалостью другою. Позабыла Галя про злыхъ пановъ, ей жалко стало Остапа, что она отъ него убѣжала, что она его, бѣдняка, не сказавши привѣтливаго слова, бросила. Сама же подлѣ печи повозилась, все приготовила, хату прибрала, посмотрѣла кругомъ... а мать не спитъ. Точно этого не замѣчая, тихонько ведра съ коромысломъ взяла и за водою изъ хаты вышла. Пришла на плотину, ведра на землю поставила, а сама бѣгомъ за плетень къ саду.

Идетъ бурьяномъ, не чувствуетъ, какъ крапива ноги жжетъ; все идетъ къ тому мѣсту, гдѣ Остапъ перелѣзъ. Не ступила она шаговъ и тридцати, а тутъ, облокотясь на руку, онъ лежитъ.

Не она, а онъ испугался, потому что мѣсто глухое. Сразу другъ передъ другомъ встали. Смотрятъ, удивляются. Не потерялся Остапъ, первый разговоръ началъ:

— И тутъ, Галю, покою не дала... Развѣ насчетъ муки дѣло обработано?.. А то дружина серчаетъ... трудно намъ теперь.

Послѣ этихъ словъ куда испугъ Гали дѣвался. Она именно теперь чувствовала къ Остапу жалость, жальче жалости.

— Остапе, начала она невнятно... да ходимъ до дому... до насъ.. тамъ все есть...

— Такъ любишь мене? вдругъ неожиданно, но весьма вкрадчиво, покручивая свои черные усы, спросилъ Остапъ.—Скажи, я буду ждать, что скажешь, а самъ легъ на прежне мѣсто.

Digitized by Google

Стоитъ Галя, думаетъ, а думы летятъ.

— Любишь?...спросилъ Остапъ, взявши ее за ноги, всѣ обожженныя крапивой.—Скажи.

Часъ прошелъ, а на плотинѣ все еще стояли ведра пустыя безъ воды. А на откосѣ плотины, забившись въ тростникъ, сидитъ Галя; руками вцѣпилась она въ свои густыя косы, и плачетъ, и хохочетъ.

Погибла Галя, погибла добрая душа!

Дружину Остапа разбили, попавшихся плетьми жестоко наказали, а кто остался въ живыхъ, тотъ вѣрно въ каторгѣ жизнь покончитъ; но объ Остапѣ ни слуху, ни духу.

Расказываютъ разно: кто говоритъ, что новую дружину собралъ и въ другихъ мѣстахъ разбойничаетъ, а другіе, что на турецкую границу ушелъ, а то може и постыдився.

Всякому можно повѣрить, потому что въ прежнемъ мѣстѣ у насъ уже ни его, ни кого изъ его дружины не видать,—заключилъ угрюмо хохолъ.

Не скоро Галю отецъ съ матерью въ очерети нашли. Почти полоумною домой привели. Слегла бѣдная, шибко заболѣла. Чего, чего не дѣлали стары́и,—ничто не помогало; долго пролежала. Однако натура взяла свое, выздоровѣла, да только не та стала Галя. Куда дѣвалась прежняя красавица Галя! Щеки ея впали, сама она желтая, какъ воскъ, глаза мутные, все въ землю глядятъ. Ничто, ничто не радостно ей. Да, слава Богу, скоро умерла.

Стары́й ничего не пожалѣлъ, за восемь верстъ попы были и, какъ просила, такъ у Старыхъ Ключей, на косогорѣ, и схоронили.

М. Воголюбцевъ.

Digitized by Google

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

О ПОЛЬСКОМЪ ВОПРОСѢ,

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ВСЕСЛАВЯНСТВА.

Въ послѣднее время въ разныхъ органахъ славянской гласности, особенно чешскихъ и польскихъ, появилось много статей и замѣтокъ, посвященныхъ уясненію и устроенію отношеній польской народности къ Россіи и славянству. Наиболѣе знаменательными представляются намъ статьи по этому предмету чеха Тоннера и отвѣтъ на нихъ поляка Третера (въ «Львовскомъ Дневникѣ»). Въ нашихъ газетахъ тоже помѣщено было нѣсколько отзывовъ на обращенія къ намъ чеховъ и поляковъ. Въ обществѣ поднялись оживленныя объ этомъ пренія и толки. Видно, что вопросъ стоитъ на очереди. Онъ можетъ быть разсматриваемъ двояко: либо какъ вопросъ внутренней политики Россіи, либо какъ вопросъ ея политики внѣшней, международной, такъ сказать, всеславянской. Предоставляемъ другимъ рѣшеніе перваго и займемся разсмотрѣніемъ втораго: какое мѣсто занимаетъ и какое рѣшеніе можетъ имѣть *польскій вопросъ съ точки зрѣнія всеславянской*?

Еще одно замѣчаніе: во всѣхъ случаяхъ, гдѣ мы будемъ говорить о Польшѣ, просимъ читателя понимать этотъ терминъ въ его собственномъ этнографическомъ, а не условномъ историческомъ смыслѣ. Мы устраняемъ теперь отъ себя разборъ притязаній нѣкоторыхъ поляковъ на чужія земли, какъ-то: Литву, Бѣлую, Малую и Червонную Русь. Это тѣмъ позволительнѣе, что

Digitized by Google

въ послѣднее время и въ нѣкоторыхъ польскихъ изданіяхъ пропѣто requiem старымъ мечтамъ о возстановленіи исторической Польши, и можно надѣяться, что рано, или поздно это убѣжденіе распространится въ сознаніе всей польской интеллигенціи.

Въ международной политикѣ всеславянской польскій вопросъ играетъ роль нѣсколько аналогичную той, которая, съ большимъ или меньшимъ основаніемъ, въ политикѣ общеевропейской приписывается «вопросу восточному». Сопоставляя ихъ между собою, мы замѣчаемъ, конечно, существенную разницу, но также и тѣсную взаимную связь. Великая, по нашему мнѣнію, разница заключается въ томъ, что вопросъ польскій въ настоящее время можетъ еще быть распутанъ, между тѣмъ какъ узелъ восточнаго вопроса придется, по всей вѣроятности, разрубать, а не разрѣшать.... Связь же между обоими вопросами мы замѣчаемъ въ томъ, что окончательное и благополучное рѣшеніе одного— чрезвычайно трудно, если не невозможно, безъ другаго. Польскій вопросъ тогда только окончательно исчезнетъ, когда совершится идея политическаго панславизма; а судьбы панславизма составляютъ суть восточнаго вопроса: слѣдовательно, польскій вопросъ зависитъ отъ восточнаго. Съ другой же стороны, присоединеніе Польши къ Западу или Востоку, въ ихъ взаимномъ столкновеніи, значительно повліяетъ на его исходъ: слѣдовательно, восточный вопросъ зависитъ отъ польскаго. Итакъ, очень заблуждаются тѣ, которые ограничиваютъ размѣры переворотовъ, предстоящихъ при рѣшеніи восточнаго вопроса, предѣлами Турціи и Австріи. Борьба закипитъ, вѣроятно, тогда по всей западноевропейской окраинѣ славянства, отъ Балтійскаго моря до Архипелага и Босфора, и Германіи предстоитъ играть при этомъ великую, быть можетъ, главную роль. Читатель видитъ, что мы настаиваемъ на возможности и даже неизбѣжности довольно уже близкаго браннаго столкновенія Германіи со славянствомъ, каковаго столкновенія не можетъ предотвратить никакая политика, никакая дипломатія въ мірѣ. Германія, воспользовавшаяся сочувственнымъ нейтралитетомъ Россіи для своего укрѣпленія и политическаго объединенія, никакъ не согласится быть не только сочувствующимъ, но и просто нейтральнымъ зрителемъ переворотовъ, совершающихся въ славянскомъ мірѣ. Пусть мы преувеличиваемъ дѣло, но преувеличеніе опасности всегда безопаснѣе, чѣмъ преувеличеніе безопасности!..

Итакъ, главное вниманіе русскаго общества, по нашему мнѣ-

Digitized by Google

нію, должно быть устремлено теперь не на югъ, а на западъ, не на Черное, а на Балтійское море,—не на Керчь и Севастополь, а на Брестъ, Модлинъ, Динабургъ,—не на Константинополь и Бѣлградъ, а на Варшаву и Прагу. Конечно, и югъ нуждается въ оборонѣ и устроеніи; но тамъ это дѣло не столь жгучее и настоятельное, какъ на западѣ. Никто въ мірѣ не отыметъ уже отъ насъ ни Крыма, ни Кавказа: тихій, но могучій потокъ времени, непрерывнымъ прибоемъ волнъ, со всѣхъ сторонъ подмываетъ османскую державу,—слѣдовательно, созидаетъ на ея мѣстѣ новую—славянскую. Но на западной, особенно сѣверозападной нашей окраинѣ дѣла идутъ совершенно иначе: если мы не забаррикадируемъ Польши противъ разлива германизма, то, Богъ знаетъ, удержимъ ли мы его на берегахъ Нѣмана и даже—Припети и Западной Двины. Итакъ, польскій вопросъ долженъ привлекать къ себѣ самое бдительное вниманіе всего славянскаго общества, потому что чрезъ нѣсколько лѣтъ мы можемъ вдругъ очутиться передъ роковой невозможностью спасти Польшу для славянства: она захлебнется волной германизма и потонетъ подъ наплывомъ чуждыхъ стихій!...

Но теперь польскій вопросъ еще не неразрѣшимъ, и притомъ разрѣшеніе его въ значительной степени зависитъ именно отъ насъ, русскихъ. Разсмотримъ же обстоятельства и причины происхожденія печальной изолированности Польши отъ славянства вообще и Россіи въ особенности, въ надеждѣ, что этимъ путемъ могутъ быть открыты способы устраненія этой изолированности. При этомъ мы должны остановиться на трехъ сторонахъ исторической жизни Польши: соціальной, религіозной и политической, чтобы рѣшить вопросы: Какимъ образомъ развилось въ Польшѣ кастальное разъединеніе общественныхъ слоевъ? Какимъ образомъ служеніе папизму Польша сочла историческимъ своимъ призваніемъ? Какимъ образомъ она такъ много растратила на западѣ, не утвердившись и на востокѣ? Разрѣшеніе первыхъ двухъ вопросовъ уже предрѣшитъ разгадку третьяго, и потому мы начнемъ разсмотрѣніемъ отношеній соціальныхъ и религіозныхъ, а затѣмъ уже легко будетъ понять способъ ихъ отраженія на политическихъ судьбахъ государства.

Польская исторія, какъ и всякая другая славянская, открывается картиною быта самаго патріархальнаго и притомъ об-

Digitized by Google

щинно-демократическаго. Гмины, какъ независимыя общественныя единицы, ведутъ свой нарядъ, свое самоуправленіе. Лишь бѣглую тѣнь будущихъ сословныхъ дѣленій можно замѣтить въ отношеніяхъ кметовъ къ лехамъ; да и то еще долго здѣсь было различіе, вѣроятно, болѣе имущественное, чѣмъ гражданское, или политическое. Но вотъ внѣшнія столкновенія вызываютъ народъ на государственную организацію своихъ разсѣянныхъ силъ. Кметъ избирается въ князья. Онъ окружаетъ себя дружиной, можетъ быть, и сбродной изъ разныхъ инородцевъ, какъ предполагаютъ нѣкоторые. Обладаніе же силой, особенно полновластное, къ сожалѣнію, такъ рѣдко обходится безъ злоупотребленія ею! Народъ скоро почувствовалъ, что образовавшееся надъ его поверхностію государство, начинаетъ непріятно надъ нимъ тяготѣть. Его самоуправленіе ограничивается, его трудъ отчуждается, его земли расхищаются. Двумя кровавыми взрывами народъ заявляетъ свой протестъ противъ нарушенія равновѣсія общественныхъ правъ и обязанностей. Но совокупнымъ усиліемъ короля съ его дружиной, съ его дворовою челядью, съ лехами и ксендзами, удается потушить это опасное пламя народнаго возстанія. Въ XIII и особенно XIV вѣкѣ въ средѣ государства, рядомъ съ владѣтельными лехами и рабочими кметами и въ равномъ отъ нихъ отдаленіи, образуется третій класъ городскаго мѣщанства или бюргерства, изъ евреевъ и нѣмцевъ. Съ другой стороны, въ томъ же XIV и слѣдующемъ XV вѣкѣ происходитъ постепенное возвышеніе и сосредоточеніе силы такъ называего шляхетскаго сословія, представляющее родъ, очень впрочемъ странной, демократизаціи (?) прежняго монархически-аристократическаго правительственнаго строя. Съ тѣхъ поръ вся государственная сила сосредоточивается въ шляхетскихъ сеймахъ и сеймикахъ; королевская власть становится избирательною, а съ теченіемъ времени является простой политическою куклой. Но бѣда не въ этомъ, а въ томъ, что кметъ или хлопъ съ начала XVI вѣка становится полнѣйшимъ паріемъ, живой почти вещію, движимой собственностію, безъ всякихъ не только политическихъ, но и гражданскихъ правъ. Шляхта отожествила себя съ народомъ, и это было величайшимъ общественнымъ несчастіемъ старопольской Рѣчи Посполитой.

Глубину бездны униженія и помраченія, въ которую, руками своихъ старшихъ братьевъ, поверженъ былъ польскій хлопъ, легче всего измѣрить тѣмъ, что въ немъ какъ будто замерло уже

Digitized by Google

самое чувство рабства и свободы, и онъ въ продолженіи вѣковъ съ апатическимъ равнодушіемъ и покорностію предъ неумолимымъ тянулъ свою тяжелую вѣковую лямку, безъ надеждъ, безъ упованій: съ XI в. до XIX въ Польшѣ не было ни одного сколько нибудь крупнаго крестьянскаго бунта. Русскимъ казакамъ пришлось выручать польскихъ хлоповъ изъ-подъ панскаго ига. Эманципація польскихъ кметовъ начата Хмельницкимъ, а окончена (?) Милютинымъ! Мы сопоставляемъ, конечно, эпохи, а не лица, ибо послѣднее принадлежитъ потомству, а не современникамъ; но и настоящее должно выражать благодарность людямъ, разрѣшающимъ узлы прошлаго и насаждающимъ сѣмена будущаго.

Изъ разсмотрѣнія соціальныхъ отношеній польскаго народа, мы позволяемъ сдѣлать себѣ слѣдующій выводъ. Польскій народъ во все продолженіе своей исторической жизни былъ расколотъ, подобно античнымъ государствамъ, на два неравные слоя, изъ коихъ верхній, шляхетскій, направлялъ ходъ историческихъ событій, а низшій, кметій или хлопій, принималъ въ нихъ участіе лишь самое страдательное; слѣдовательно, вся честь и весь позоръ за польское прошлое по всякому праву должны пасть на голову и совѣсть перваго, нисколько не касаясь втораго. А поелику сословіе шляхетское относится къ кметскому, какъ 10 къ 90, то мы должны признать, что 90% польскаго народа не имѣютъ еще опредѣленія историческаго, а лишь этнографическое; они ничѣмъ еще не прославили своего имени, не выразили своего характера и—не запятнали своей чести. Это не болѣе, какъ этнографическій матеріалъ будущаго историческаго зданія, котораго плана, состава и размѣровъ еще невозможно предвидѣть.

Переходимъ ко второй—*религіозной* сторонѣ польской исторической жизни. Въ самомъ ея началѣ въ Польшу проникали, кажется, изъ Моравіи и Панноніи, отголоски славянской проповѣди; но эти сѣмена православія скоро здѣсь заглохли, подъ напоромъ латинскаго мисіонерства, подобно тому, какъ это случилось въ Чехіи, Моравіи, Словеніи, Далмаціи и Хорватіи. Въ борьбѣ съ Болеславомъ Смѣлымъ епископа Станиелава мы видимъ замѣчательную аналогію съ современною почти ей борьбой Григорія VII съ Генрихомъ IV и нѣсколько позднѣйшей—Генриха II съ Ѳомой Бекетомъ. Во всѣхъ трехъ случаяхъ побѣда осталась на сторонѣ духовенства, хотя въ Польшѣ, какъ и въ Англіи, она была куплена кровію. Съ тѣхъ поръ вліяніе духовен-

Digitized by Google

ства растетъ непрерывно, сначала подъ эгидою королей, а затѣмъ въ сообщничествѣ со шляхтой. Къ концу XIV вѣка сила духовенства развилась въ Польшѣ до такихъ уже размѣровъ, что, при соединеніи ея съ Литвою, цѣли религіозныя играли роль если не болѣе, то и не менѣе значительную, чѣмъ политическія. Польская церковь рѣшилась предпринять наступительное движеніе на православный Востокъ, какъ форпостъ папизма. Къ счастію православія, это движеніе почти на два вѣка задержано было внезапными опасностями въ его собственномъ, такъ сказать, лонѣ. Мы разумѣемъ здѣсь распространеніе въ Польшѣ гуситства въ XV вѣкѣ и протестантизма въ XVI вѣкѣ. Вотъ почему религіозная унія съ Литвой болѣе, чѣмъ на два вѣка запоздала послѣ уніи политической. Было одно время (въ половинѣ XVI вѣка), когда судьбы папизма въ Польшѣ стали довольно сомнительными: все почти высшее общество, до короля включительно, пошатнулось въ своей вѣрности папѣ. Знаменитый Модржевскій пріобрѣлъ было самого Станислава-Августа въ пользу своего проекта устроенія польской національной церкви, съ отверженіемъ латыни, лепты св. Петра, безбрачія духовенства и тому подобныхъ особенностей католичества. Но скоро какъ во всей западной Европѣ, такъ и въ Польшѣ обнаружилась усталость и скука отъ безпрерывныхъ религіозныхъ преній и вѣроисповѣдныхъ блужданій: въ правительствахъ, обществахъ, народахъ началась реакція, возвратъ къ осмѣяннымъ было вѣрованіемъ отцовъ. Эта реакція дѣйствовала съ такою быстротой и силой, что одно и то же поколѣніе прошло всѣ ступени реформаціоннаго броженія, невѣрія, и затѣмъ погрузилось снова во мракъ самаго апатическаго суевѣрія и малодушнаго ханжества.

Способы и средства католической реакціи въ западной Европѣ и Польшѣ были довольно аналогичны. Сигизмундъ III имѣетъ, на примѣръ, много общаго съ Фердинандомъ II. Тотъ же іезуитскій орденъ, который отвоевалъ для папизма столько странъ и народовъ, покорилъ ему и строптивую совѣсть польской шляхты. Тридцатилѣтней религіозной войнѣ въ Германіи нѣсколько соотвѣтствуетъ современная же борьба Польши съ Москвой и Украйной. Но исходъ этой борьбы былъ нѣсколько другой: она погубила Польшу. Духовенство расточило матеріальныя и нравственныя силы страны, эксплуатировало религіозное чувство народа и политическія средства государства для цѣлей, совершен-

Digitized by Google

ню чуждыхъ и даже вредныхъ странѣ. Оно воспитало цѣлыя поколѣнія фанатиковъ и обскурантовъ, вызвало въ странѣ междоусобную войну и пожертвовало Польшею для Рима. Папизмъ, наряду съ шляхетствомъ, повиненъ потому въ несчастіяхъ польскаго прошлаго и долженъ отказаться отъ надеждъ,—стать когда нибудь опять фундаментомъ новаго государственнаго зданія.

Что касается собственно *политическихъ*, международныхъ и междугосударственныхъ отношеній и стремленій старой Рѣчи Посполитой, то въ этомъ отошеніи она почти никогда не имѣла идеаловъ самобытныхъ, то есть, народныхъ славянскихъ. Она подчинилась вліянію германскихъ понятій и, вмѣсто стойкой обороны своего собственнаго народнаго достоянія отъ нѣмцевъ. какъ то дѣлалъ великій Болеславъ Храбрый, Польша занялась завоеваніями на востокѣ. Польша не представляетъ поэтому тѣхъ подвиговъ патріотизма, которые выказали въ оборонѣ своихъ земель, на примѣръ, чехи или полабскіе и прибалтійскіе славяне. Утвержденіе нѣмцевъ въ Силезіи, Пруссіи, даже Познани и Мазовіи произошло не только безъ сопротивленія поляковъ, но очень часто по собственному ихъ призыву. Единственное славное воспоминаніе, послѣ войнъ Болеслава Храбраго, представляетъ развѣ танненбергская битва; но трудно рѣшить. кому принадлежитъ здѣсь починъ: полякамъ ли Ягайла, литовцамъ Витовта, или даже чехамъ Жижки Троцновскаго? Какъ бы то ни было, Польша не помѣшала нѣмцамъ утвердиться по теченію Одры, въ устьяхъ Вислы, Нѣмана и даже Двины. Куда же она направляла свои силы?... На Москву и Турцію! Но отняли ли онѣ хоть одну чисто польскую область, изъ-за которой естественна была бы война? Напротивъ, и здѣсь, какъ на западѣ. Польша служила совершенно чуждымъ славянству цѣлямъ религіознымъ и политическимъ. Тотъ фактъ, что турки сберегли для славянства Балканы, а отчасти и Дунай, между тѣмъ какъ поляки навсегда выдали нѣмцамъ цѣлыя области, даетъ намъ право сказать, что пятисотлѣтняя политическая дѣятельность Турціи, по своимъ, можетъ быть, невольнымъ, но осязательнымъ, результатамъ, гораздо плодотворнѣе и благодѣтельнѣе для славянства, чѣмъ тысячелѣтняя политическая дѣятельность Польши!... Вотъ почему мы должны благодарить историческій промыслъ, что онъ въ борьбѣ Польши съ Москвой далъ побѣду послѣдней. Какими бы извилинами ни направлялось политическое развитіе послѣдней, все-таки уже и теперь несомнѣнно

Digitized by Google

тотъ фактъ, что Россія пріобрѣла для славянства земель болѣе даже того, чѣмъ сколько ихъ—растеряла Польша.

Вотъ почему мы считаемъ несомнѣннымъ, что если возможно возстановленіе польскаго государства, то оно желательно лишь подъ условіемъ принятія имъ политическаго направленія, діаметрально противуположнаго тому, какимъ шла старая Рѣчь Посполитая.

Но да не подумаетъ кто, что мы, осуждая нѣкоторыя стороны въ направленіи старопольской исторической жизни, раздѣляемъ мнѣніе тѣхъ, которые видятъ въ польской старинѣ одно темное и готовы произнести повальный надо всѣмъ приговоръ.

Напротивъ, очень многое въ польской старинѣ представляется намъ почтеннымъ и достойнымъ всякаго подражанія. Мы рѣшаемся даже утверждать, что въ самой вредной и гибельной старопольской институціи, именно въ *шляхетской* общинѣ, зерно было здоровое; но оно рано изгнило отъ вредныхъ стороннихъ вліяній и фальшиваго общественнаго положенія. Бѣда не въ томъ, что шляхта составляла сомкнутое цѣлое и оберегала свои интересы и вольности, а въ томъ, что она отожествила себя съ народомъ. Если забыть послѣднее, то въ шляхетствѣ было много чертъ и качествъ прекрасныхъ, чисто славянскихъ: полное всѣхъ равенство не только въ гражданскихъ, но и въ политическихъ правахъ, открытый выходъ каждому истинному таланту на самыя верхнія ступени общественнаго управленія, живое участіе всего общества къ дѣламъ государственнымъ, любовь къ свободѣ и самоуправленію. Мы не можемъ понять также упрековъ, направленныхъ людьми XIX вѣка на старопольскую конституцію за то, что она признавала систему выбора во всѣ общественныя должности, не исключая, конечно, и королей. Нѣтъ ничего нелѣпѣе увѣреній, будто Польшу погубилъ болѣе всего выборъ королей. Почему же выборъ правителей не губилъ Рима, Греціи, Византіи, не губитъ Швейцаріи и Америки, а насѣлъ на одну Польшу? Никакой самодержецъ не могъ уже спасти Польши въ XVII или XVIII вѣкѣ, ибо никакое лекарство не можетъ возвратить молодости и силъ столѣтнему старцу.

Заговоривши о темныхъ и свѣтлыхъ чертахъ шляхетства старопольскаго, мы должны замѣтить, что тоже относится въ нѣкоторой степени и къ современной польской шляхтѣ. Правда, что въ этой средѣ много можно встрѣтить странныхъ типовъ, замѣчательно хорошо сохранившихъ свой старый средневѣковой

Digitized by Google

обликъ,—это странное сочетаніе гордости и подобострастія, дерзости и трусости, своеволія и раболѣпства, энтузіазма и апатіи, а иногда холодной и безсердой жестокости. Но съ тѣмъ вмѣстѣ, вглядѣвшись попристальнѣе въ непривлекательный типъ самаго заскорузлаго шляхтича, вы замѣтите въ немъ много, въ большей или меньшей чистотѣ сохранившихся, чертъ славянскаго характера и души: любовь къ общительности и свободѣ, увлеченіе искусствомъ, вспышки великодушія и безкорыстія, наконецъ какой-то широкій разгулъ воли и мысли, столь родственный типу человѣка чисто русскаго и столь чуждый самообладательной ограниченности народовъ болѣе старыхъ, пожилыхъ. А нужно ли говорить о довольно многочисленныхъ уже явленіяхъ людей совершенно новаго закала, которымъ старошляхетскіе предразсудки столько же чужды и далеки, какъ и намъ наше, недавнее еще, къ стыду, крѣпостничество, чиновный произволъ и дворянская спѣсь! Нужно ли наконецъ говорить о прекрасныхъ природныхъ качествахъ польскаго кмета, даровитаго, трудолюбиваго и испытаннаго уже—несчастіями, если не борьбою!

Переходя затѣмъ къ явленіямъ жизни религіозной и нравственной, мы замѣчаемъ, что даже въ излишествахъ религіознаго одушевленія поляковъ отражаются многія хорошіи стороны ихъ нравственной природы: теплота вѣры, энергія убѣжденія, самоотверженность въ борьбѣ. Виноватъ ли народъ, что этотъ кладъ народнаго чувства и совѣсти былъ эксплуатированъ коварными людьми, которые хорошимъ силамъ дали превратное направленіе и недостойныя цѣли? Всѣхъ болѣе въ этомъ повинны іезуиты, но и на нихъ мы не рѣшаемся бросить камень безо всякихъ изъятій и ограниченій. Многіе іезуиты искренно служили своему дѣлу, своему религіозному убѣжденію. Таковъ, на примѣръ, Скарга. Онъ не виноватъ въ томъ, что заблуждался, признавая истинными, и служа всю жизнь началамъ ложнымъ, фальшивымъ? И это примѣръ не одинокій. Изъ этого мы дѣлаемъ выводъ, что даже въ нравственномъ своемъ униженіи польскій народъ проявлялъ черты высокаго одушевленія, искренности и дарованій.

Что же касается дѣятельности собственно политической старой Польши, то и здѣсь можно привести не мало обстоятельствъ, смягчающихъ отвѣтственность за роковыя ошибки, на этомъ пути совершенныя.

Положеніе западныхъ польскихъ областей было чрезвычайно

Digitized by Google

трудно и опасно. Чехію, Словачину и Словенію прикрывали съ запада горы, гвозды, планины. Русь долго была безопасна отъ запада своимъ отъ него удаленіемъ. Не то было съ Польшей. Никакія естественныя препятствія не сдерживали напора на нее съ запада, особенно послѣ поденія преграды, долго противупоставляемой германизму воинственными поколѣніями славянъ полабскихъ и прибалтійскихъ. Отчего же Польша не соединила своихъ силъ съ чешскими? Отъ того, что въ періодъ, когда это объединеніе могло совершиться, Чехія была страна гуситская, еретическая; а съ другой стороны, отъ того, что на Чехію былъ другой, болѣе сильный претендентъ, въ лицѣ императора германскаго: Польша была отражена съ запада и думала на востокѣ найти удовлетвореніе своему славолюбію, своей страсти повелѣвать и вести религіозную пропаганду. Въ послѣднемъ отношеніи, Польша послужила слѣпымъ орудіемъ для цѣлей римской куріи, не имѣвшей другихъ средствъ дѣйствовать на схизматическую Московію, такъ какъ ни орденъ меченосцевъ, ни Швеція не выросли для этой борьбы, не говоря уже о томъ, что, какъ владѣнія протестантскія, онѣ не могли считать себя мисіонерами папизма на сарматскомъ востокѣ.

Съ другой стороны, въ этомъ стремленіи поляковъ установить игемонію своего племени надъ русскимъ, быть можетъ, выражалось невольное дѣйствіе того самаго закона, въ силу котораго Само (если онъ былъ) стремился къ политическому соединенію славянъ чешскихъ, моравскихъ, паннонскихъ и полабскихъ, въ силу котораго Симеонъ Болгарскій искалъ подчиненія себѣ сербовъ, а Душанъ Сербскій—болгаръ. Такъ и на сѣверозападѣ ни чешскій, ни польскій Болеславы не думали ограничивать своихъ державъ предѣлами одной славянской народности и стремились къ овладѣнію, первый—Польшею, а второй—Чехіею. Славянскіе народы какъ будто чувствовали свою слабость въ одиночномъ политическомъ строѣ и потому искали государственныхъ связей съ соплеменниками. Но такъ какъ при этомъ сталкивались племена болѣе или менѣе равносильныя (сербы и болгаре, чехи и поляки), то эти союзы не могли утвердиться на основаніи политической игемоніи одного народа надъ другимъ. Федерація же равносильныхъ и равноправныхъ штатовъ есть довольно не устройчивая форма политическаго равновѣсія; а во всякомъ случаѣ, она не вполнѣ согласовалась съ племеннымъ характеромъ и степенью политическаго развитія древнихъ сла-

Digitized by Google

вянъ. Вотъ почему, даже при равномъ отношеніи взаимныхъ силъ, полякамъ трудно было бы распространить и еще труднѣе утвердить свою политическую и народную игемонію надъ русскими. Но этого равенства силъ не было: русское племя несоразмѣримо многочисленнѣе,—слѣдовательно, сильнѣе не только всякаго другаго славянскаго, порознь взятаго, но и всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Вотъ почему Россія съ бо̀льшимъ правомъ можетъ считать своимъ предназначеніемъ принять со временемъ политическое водительство славянскаго племени, до котораго она впрочемъ далеко еще не доразвилась. Конечно, если она станетъ хороводничать въ славянствѣ съ такою же безтактностію и легкомысліемъ, какъ нѣкогда поляки на Руси, то она достойна будетъ и судьбы послѣднихъ и, конечно, рано или поздно, не избѣжитъ ея. Но если эта игемонія будетъ опираться на преимуществахъ русской образованности, на образцовыхъ достоинствахъ русской науки и литературы, русскаго общественнаго и государственнаго строя, трудолюбія и безкорыстія народа, наконецъ его любви и самоотверженія для другихъ,—то тогда, и только тогда, русской игемоніи не постигнетъ судьба столькихъ другихъ, ей предшествовавшихъ.

Какъ бы то ни было, свѣтлыя стороны польской общественной, религіозной и государственной жизни были недостаточно сильны, чтобы уравновѣшивать разлагающее дѣйствіе сторонъ темныхъ, явленій ненормальныхъ, неправды, гнета, легкомыслія. Вотъ почему Польша старая, Польша шляхетская, іезуитская, своевольная и безпокойная—пала; и фактъ паденія служитъ лучшимъ доказательствомъ несостоятельности тѣхъ началъ, на которыхъ она была построена. Спрашивается теперь: можно ли класть эти начала фундаментомъ новаго политическаго зданія? Эманципація народовъ въ области общественной, религіозной и политической стала знаменіемъ новаго времени: можно ли воскрешать старый трупъ кастальности и фанатизма? Положимъ, что Польша возстановлена: кого она удовлетворитъ, на что обопрется?... На польскій народъ?... Но возстановленіе старины было бы для него возстановленіемъ гнета и страданій. На политическое равновѣсіе Европы?... Но поддержало ли оно политическую независимость Ганновера и Баваріи, Саксоніи и Бадена? А гдѣ, въ чемъ эта возстановленная, но отсталая, средневѣковая Рѣчь По-

Digitized by Google

сполитая найдетъ точку опоры противъ давленій либеральныхъ идей вѣка, противъ проповѣди демократизма, духа равенства и свободы,—однимъ словомъ, противъ «грознаго демона общественной революціи?»

Итакъ, прочное возстановленіе старой Польши представляется намъ подвигомъ сверхъестественнымъ, невѣроятнымъ. Но значитъ ли это, что польскій народъ не имѣетъ уже никакой политической будущности? Многіе такъ думаютъ, но мы убѣждены въ совершенно противномъ; мы рѣшаемся громко утверждать, что польскій народъ можетъ и долженъ еще возродиться для будущности свободной и счастливой, въ которой будутъ искуплены всѣ ошибки, или, лучше, всѣ несчастія и страданія его прошлаго. Постараемся развить и доказать эту мысль.

Польскому народу можетъ предстоять троякая будущность: 1) обрусеніе, 2) онѣмеченіе, или 3) сохраненіе своей народности. Разсмотримъ степень вѣроятности и желательности каждой изъ трехъ возможностей.

Во первыхъ: *вѣроятно ли и желательно ли обрусеніе польскаго народа*? Отвѣчаемъ: невѣроятно и потому не желательно.... Въ самомъ дѣлѣ, какимъ путемъ и способомъ могло бы оно совершиться? Указываютъ на два пути: государственный и народный. Проводниками и органами перваго считаются: управленіе, законы, школы, офиціальный языкъ и т. п. внѣшнія правительственныя средства. Способами же взаимодѣйствія собственно народнаго или общественнаго служатъ: науки и искусства, религія, связи торговыя и промышленныя, но преимущественно—народная колонизація. Легко видѣть, что дѣйствительность и сила этихъ двухъ способовъ натурализаціи однимъ народомъ другаго далеко не равномѣрны. Можно даже утверждать, что единственно надежнымъ и вѣрнымъ путемъ къ этому могутъ служить связи народныя, а не вліяніе государственное. Послѣднее скользитъ, такъ сказать, по поверхности народной жизни и касается однихъ верхнихъ слоевъ; оно чрезвычайно тихо и медленно проникаетъ въ глубь народнаго быта, душевныхъ вѣрованій, стремленій, понятій и идеаловъ народныхъ массъ. Вотъ почему всегда почти завоеванія внѣшнія, государственныя, не оказываются особенно прочными и долговѣчными. Развѣ германская Австрія онѣмечила мадьяръ, румуновъ и славянъ? Государственная сила османовъ отуречила ли грековъ и албанцевъ, арабовъ и славянъ? А Англія развѣ передѣлала индусовъ въ джонъ-булей? Намъ

Digitized by Google

укажутъ на романизацію Галліи, Испаніи и Британіи, или на германизацію Балтійскаго поморья средствами римскаго и германскаго государствъ. Но здѣсь потокъ вліянія, всегда болѣе или менѣе насильственнаго, государственнаго, былъ поддержанъ нѣкоторыми другими факторами: силою высшей культуры, связями народными и, болѣе всего, непрерывною колонизаціей. Отчего тотъ же Римъ покорилъ, но не романизовалъ ни Греціи, ни Британіи?— Отъ того, что первая была образованнѣе и населеннѣе самого Рима, а скудная природа Албіона не могла особенно привлекать къ себѣ итальянскихъ и другихъ южныхъ колонистовъ. Германія тоже навсегда завоевала область балтійскихъ славянъ не чѣмъ другимъ, какъ непрерывной, и вольной, и насильственной, колонизаціей. Точно также пріобрѣтены англосаксами Америка, а русскими Волга, Обь, Енисей и Амуръ. Здѣсь дѣйствовало не государство, а самъ народъ, въ лицѣ своихъ ушкуйниковъ, гостей, казаковъ, вообще вольныхъ и гуляющихъ людей. Слѣдовательно, вопросъ: можетъ ли Россія *натурализовать* себѣ Польшу—удобно и справедливо перефразируется въ другой: можетъ ли Россія *колонизовать* Польшу? Сейчасъ мы это разсмотримъ; здѣсь же, для полнаго успокоенія тѣхъ, которые вѣрятъ въ возможность обрусенія Польши государственными средствами, мы позволяемъ себѣ нескромный вопросъ: а какъ распространить вліяніе русской гражданственности на ту *половину* свыше 4-хъ милліоновъ польскаго народа, которая живетъ въ предѣлахъ Австріи и Пруссіи,—слѣдовательно, совершенно изъята отъ государственнаго воздѣйствія Россіи? Что съ нею сдѣлать?—«Отдать нѣмцамъ!» Такъ вотъ откуда исходятъ теоріи русификаціи Польши!

Возвращаемся теперь къ вопросу: можетъ ли Россія *колонизовать* Польшу?—Едва ли! Самое легкое наблюденіе надъ направленіемъ колонизаціонныхъ потоковъ изъ одной страны въ другую убѣждаетъ, что въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ важный физическій законъ: какъ въ двухъ сообщающихся сосудахъ вода течетъ изъ верхняго въ низшій, такъ и народная колонизація направляется обыкновенно изъ странъ болѣе населенныхъ въ менѣе населенныя, на примѣръ, изъ Англіи, Голландіи, Германіи, Италіи, нѣкогда же Испаніи и Португаліи—въ Сѣв. Америку, Бразилію, Африку, Океанію, но не на оборотъ. Смѣшно было бы сказать, что Швеція можетъ колонизовать Англію, Норвегія—Голландію, а Тироль—Ломбардію! Россія можетъ колонизовать для себя еще много новыхъ земель въ средней Азіи, быть можетъ, и въ Малой Азіи,

въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Балканскаго полуострова, а можетъ быть—и странъ карпатскихъ и дунайскихъ; но есть ли мѣсто русскимъ колонистамъ,—слѣдовательно, русской народности, въ Чехіи и Польшѣ, гораздо гуще населенныхъ и принужденныхъ, напротивъ, изливать эмиграціей въ другія страны избытокъ своего собственнаго населенія? Конечно государство располагаетъ такими могущественными средствами, что оно можетъ объявить борьбу не только съ естественными законами природы, но даже съ нравственными законами общественныхъ организмовъ. Мы не споримъ, что еслибы Россія усвоила себѣ въ Польшѣ образъ дѣйствій старыхъ рыцарей тевтонскихъ и вождей саксонскихъ, то рано или поздно, огнемъ и мечемъ, она могла бы проложить въ Польшу дорогу русской народности на мѣсто *истребленной* польской; но можетъ ли такъ дѣйствовать Россія? Сомнѣваемся, ибо въ ея прошедшемъ мы не находимъ примѣровъ подобнаго систематическаго и безсердаго истребленія цѣлыхъ народностей. Если же она на это рѣшилась бы, то измѣнила бы всему своему прошлому и, вѣроятно, будущему. Мало Россіи дѣла у себя дома, въ Украйнѣ и Литвѣ, въ Ригѣ и Выборгѣ, даже въ Петербургѣ и Москвѣ, что ей нужно еще растрачивать свои нравственныя и матеріальныя силы на насильственную русификацію Польши? И что за надобность русскому ополячиться, или поляку обрусѣть? Или вы думаете, что Русь и Польша—враги смертельные, которыхъ примиритъ развѣ смерть одного изъ двухъ?—Напрасно: мы не имѣемъ никакихъ доказательствъ взаимной антипатіи русскаго и польскаго народовъ. Непріязненна Россіи польская шляхта; но зачѣмъ за 10 шляхтичей вы желаете загубить 90 ни въ чемъ неповинныхъ кметовъ, не разъ заявлявшихъ (на пр., въ 1863 году) нелицемѣрную дружбу къ Россіи и ожесточенную вражду къ своимъ шляхетскимъ утѣснителямъ? Ужели русскій Богъ еще мстительнѣе грознаго еврейскаго Іеговы, который обѣщалъ, однако, нѣкогда старику Аврааму «оставить Содомъ и все мѣсто ради десяти въ немъ праведниковъ!»

Посягательство Россіи на польскую народность совершенно отчуждило бы отъ нея чеховъ, словаковъ, сербовъ, словенцевъ и болгаръ; ибо не естественно ли было бы тогда и имъ отъ соединенія съ русскими ожидать себѣ подобной участи? Непрочно государство, основанное на насиліи и народной исключительности! Вотъ почему, по нашему глубокому и непоколебимому убѣжденію, *лучше даже потерять Польшу, чѣмъ насильственно ее об-*

Digitized by Google

русить. Въ первомъ случаѣ мы потеряемъ связь и вліяніе лишь на одно изъ славянскихъ племенъ; во второмъ же мы всѣхъ отъ себя оттолкнемъ и приготовимъ великое торжество для нѣмцевъ, которые не замедлять эксплуатировать въ свою пользу негодованіе на Россію славянскихъ народовъ.

Переходимъ ко второй изъ трехъ вышеозначенныхъ альтернативъ: *возможно ли и желательно ли онѣмеченіе Польши?*

Что касается возможности, то, къ сожалѣнію, нѣмцы имѣютъ здѣсь несравненно болѣе шансовъ, чѣмъ русскіе. Они имѣютъ болѣе средствъ матеріальныхъ и духовныхъ, а что еще важнѣе— меньше надобности и охоты стѣсняться въ ихъ выборѣ. Какъ страна, болѣе Польши населенная и цивилизованная, или собственно благоустроенная, Германія обладаетъ могущественными средствами народными и государственными, громаднымъ избыткомъ населенія, дающимъ возможность и даже необходимость выселять ежегодно на востокъ или заокеаническій западъ сотни тысячъ своихъ сыновъ; а съ другой стороны, она обладаетъ избыткомъ интеллигентныхъ силъ и военныхъ средствъ, на случай какихъ нибудь движеній. Въ Силезіи, Познани, Западной Пруссіи, далѣе въ Варшавѣ, Ригѣ, Митавѣ, Вильнѣ и Петербургѣ Германія имѣетъ твердый операціонный базисъ для германизаціи Польши.

Итакъ, онѣмеченіе Польши очень *возможно*, особенно если это будетъ представляться *желательнымъ*, или даже безразличнымъ для Россіи. Но можетъ ли это ей представляться? Можетъ ли Россія выдать Германіи польскій народъ, съ которымъ, правда, у насъ есть свои счеты, но возможна и мирная по нимъ расплата, чего нельзя сказать о счетахъ Россіи съ Германіей? Это конечно болѣе всего будетъ зависѣть отъ быстроты и направленія нашего общественнаго развитія, нашего народнаго славянскаго самосознанія. Если мы во-время еще прозримъ и увидимъ передъ собой бездну, то, конечно, мы въ нее не ступимъ; но если мы продолжимъ «увѣнчивать политическое зданіе», то Богъ вѣсть, предъ чѣмъ мы вдругъ можемъ очутиться!... Въ настоящее время одно можно сказать: если нѣмцы овладѣютъ Вислой, то они переступятъ Бугъ и Нѣманъ и остановятся развѣ за Двиной и у Припети. Соединенная Австро-Германія, простирающаяся отъ устьевъ Рейна до устьевъ Дуная и Днѣстра, отъ устьевъ же Зап. Двины до Тріеста и отъ Бельтовъ,—быть можетъ, до Босфора и Дарданелъ, или, по крайности, до Балкановъ и Черногоріи,

Digitized by Google

наконецъ отъ Женевскаго озера до Припети: эта новая 80-ти милліонная Германія, связанная желѣзными дорогами, обладающая богатѣйшими житницами (Венгрія и Валахія) Европы, лучшими ея гаванями на Нѣмецкомъ, Балтійскомъ, Адріатическомъ и Черномъ (Одесса) моряхъ, имѣющая нѣсколько милліоновъ игольчатокъ, первую въ мирѣ артиллерію (соединенную прусско-австрійскую и полоненную французскую), венгерскую кавалерію и граничарскихъ казаковъ; опирающаяся на Альпы, Балканы и Карпаты; располагающая такими финансами, такой военной организаціей, такимъ генеральнымъ штабомъ, такимъ интендантскимъ управленіемъ, такимъ избыткомъ всякихъ спеціалистовъ, техниковъ, чиновниковъ и ученыхъ, наконецъ такою массою вѣрныхъ и свѣдующихъ агентовъ и шпіоновъ во всѣхъ странахъ, гдѣ есть нѣмецкіе колонисты, бюргеры, банкиры и вообще «всякаго чина и состоянія людишки»:—пріятный безъ сомнѣнія выростетъ сосѣдъ Россіи! А дѣло просто: стòитъ открыть прибрежную плотину—и нѣтъ границъ разливу рѣки! А нашими плотинами на западѣ именно и служатъ Чехія и Польша, а затѣмъ, до поры до времени, и вообще—Австрія и Турція....

Но мы вѣримъ, что геній славянства, спасшій его отъ столькихъ грозъ и подводныхъ скалъ, и на этотъ разъ охранитъ его отъ роковыхъ ошибокъ, которыя на долго, если не на всегда, могли бы помрачить его свѣтлую будущность. Въ сущности, совокупно взятое славянство сильнѣе всякаго другаго народа въ мірѣ, не исключая и германскаго. Если же тѣмъ не менѣе нѣмцы могутъ наносить славянству тяжелыя раны, то не иначе, какъ славянскими же руками, пользуясь общественной и политической неразвитостію славянскихъ народовъ и, происходящими отъ этого, ихъ разрозненностію и рабствомъ. Но коль скоро исчезнутъ два послѣднія условія, то Германія скоро должна будетъ возвратиться въ свои народныя границы, гдѣ она найдетъ больше спокойствія, больше мира и чистой совѣсти, чѣмъ рыская по чужимъ странамъ и правя чужими народами. Такимъ образомъ онѣмеченіе Польши въ концѣ концовъ было бы гибельно не только для славянства, но и для Германіи, тѣмъ, что выманило бы ее на опасную арену смертельнаго единоборства съ Россіей, исходъ котораго кто могъ бы предсказать? Во всякомъ случаѣ, эта борьба на долго омрачила бы будущность человѣческаго прогресса, міровой исторіи.

Итакъ, въ интересахъ не только славянства, но и человѣче-

Digitized by Google

ства нужно желать совершенія третьей изъ вышеозначенныхъ возможностей, именно—*сохраненія польскимъ народомъ своей исторической личности*. Это не то, что возможно и желательно, но необходимо и потому неизбѣжно, какъ требованіе права, какъ законъ природы, какъ условіе свободы, какъ залогъ будущности. Вѣдь никто же не рѣшится теперь,—если не въ жизни, то хоть въ теоріи, оспаривать право на личную свободу послѣдняго парія человѣческаго общества: какъ же тогда отказывать въ естественной свободѣ самоопредѣленія особымъ собирательнымъ—народамъ? Какъ борьба, такъ и торжество, какъ трудъ, такъ и пиръ жизни есть долгъ и право каждаго смертнаго. Говорятъ, что міръ будущаго принадлежитъ славянству: зачѣмъ же ему добровольно терять одинъ изъ звучнѣйшихъ и сильнѣйшихъ голосовъ въ торжественномъ хорѣ своей будущей образованности? Чѣмъ разнообразнѣе этнографическій составъ народа, тѣмъ разнообразнѣе и его культура, его наука и искусство, мысль и жизнь. Условіе изящнаго, и вообще условіе совершеннаго есть разнообразіе въ единствѣ: зачѣмъ же намъ предварять исторію и, на первомъ разцвѣтѣ своей исторической жизни, насильственно и искусственно производить то нивеллированіе славянской этнографической почвы, которое въ самыхъ зародышахъ убьетъ свободу органическаго развитія въ нашей исторической личности и уготовитъ торжественное однообразіе, которое составляетъ характеристику старыхъ людей и отжившихъ народовъ? Польша старая, увѣчная, дала міру и славянству Ціолка и Коперника, Саноцкаго и Глоговщика, Модржевскаго и Заюйскаго, Рея и Кохановскаго, Нарушевича и Снядецкаго, Мицкевича и Лелевеля, Красинскаго и Словацкаго: почему-жь бы и Польша новая, народная и свободная, не могла дать міру цѣлыхъ сотень и тысячъ подобныхъ геніевъ и талантовъ?

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, мы рѣшаемся сдѣлать слѣдующіе выводы:

1. Польскій народъ издревле распадается на два, очень не равные слоя, изъ коихъ верхній заявилъ уже себя исторически и завершилъ свой циклъ развитія; между тѣмъ какъ другой, низшій, слой не принималъ участія въ направленіи прежней исторической жизни страны и потому нисколько въ ней неповиненъ.

2. Польскій народъ, въ массахъ, можетъ и долженъ [illegible] политическую будущность, построенную на началахъ совершенно противуположныхъ первымъ.

Digitized by Google

3. Россія имѣетъ не только интересъ, но даже долгъ содѣйствовать обезпеченію и устроенію политической будущности польскаго народа, въ видахъ предохраненія его отъ германизаціи.

4. Весь этотъ соціальный и политическій переворотъ въ Польшѣ можетъ совершиться окончательно единственно на почвѣ славянства, или—если угодно—панславизма.

Мы разсмотрѣли польскій вопросъ лишь «по существу», въ теоретическихъ его началахъ: отъ того, или другаго отношенія къ нимъ какъ русскаго, такъ и польскаго *общества* долженъ зависѣть выборъ тѣхъ, или другихъ практическихъ мѣръ для ихъ осуществленія и совершенія. Въ настоящую минуту Россія, конечно, не можетъ предоставлять Польшу собственной ея судьбѣ: панславизмъ еще не совершился, а пангерманизмъ уже есть—gefasst und gemacht. Въ такую критическую минуту, быть можетъ, понадобится напряженіе всѣхъ русскихъ государственныхъ силъ, чтобы дать здѣсь отпоръ Германіи. Это—сторона политическая. Но есть и другая, болѣе внутренняя, причина, заставляющая, какъ намъ кажется, Россію еще нѣкоторое время нравственно тяготѣть надъ Польшей: великій соціальный переворотъ, начатый реформами Милютина еще не завершился; крестьянскій вопросъ не вполнѣ разрѣшенъ; шляхетство не вполнѣ еще забыло старыя свои поползновенія; новая народная интеллигенція не успѣла еще образоваться. Однако уже и теперь Россія можетъ и должна дать польскому народу и обществу одно благо, котораго оно кажется лишено: *надежду!* Пусть Польша знаетъ, что цѣль Россіи—не уничтоженіе польской народности, а вызовъ изъ среды народа тѣхъ здоровыхъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, которымъ по всякому праву принадлежитъ устроеніе народной будущности. Но когда внутренняя общественная сила Польши обновится и созрѣетъ; когда нависшая надъ ней съ запада туча такъ или иначе разразится; когда мечта о политическомъ панславизмѣ въ той или другой формѣ совершится: тогда, намъ кажется, и Польша найдетъ себѣ почетное мѣсто и независимое положеніе въ конфедерованномъ славянствѣ. Она встанетъ въ такія же отношенія къ цѣлому, какъ Чехія, Сербія, Болгарія и всякій другой членъ федераціи. Трудно предвидѣть время и образъ его совершенія; но можно предсказать, что Россія будетъ болѣе международнымъ его представителемъ, чѣмъ гражданскимъ управителемъ.

Мы надѣемся, что политическія невзгоды и тяжелыя испыта-

Digitized by Google

нія очистятъ и обновятъ и верхній, шляхтскій, слой польскаго общества, его старую интеллигенцію, его умственныхъ представителей. Прошлое не можетъ быть образцомъ будущаго. И у насъ вѣдь были и крѣпостничество, и сословная кастальность, и эксплуатація чужаго труда! Да и какой изъ историческихъ народовъ свободенъ былъ отъ этой пузыристой пѣны, взбиваемой встарь самой волной народной жизни надъ ея поверхностію? Въ Польшѣ, какъ во всей западной Европѣ, эта пѣна превратилась, правда, въ ледъ, на поверхности котораго и совершалась затѣмъ вся историческая жизнь страны, въ направленіи иногда совершенно противуположномъ невидному сверху потоку скованной рѣки. Но время измѣнилось, солнце пригрѣло, рѣки тронулись, и аристократическіе елементы всюду уносятся теперь внизъ теченіемъ народныхъ волнъ, въ которыхъ рано, или поздно растаютъ эти старыя льдины.

И нѣтъ сомнѣнія, что въ тотъ самый день, какъ пройдетъ послѣднее сало по Невѣ, Волгѣ, Днѣпру, Двинѣ и Нѣману—и Висла снесетъ обломки своего стараго феодализма и кастальности.

А. Будиловичъ.

Digitized by Google

СЕРБІЯ ПОСЛѢ ПАРИЖСКАГО МИРА.

ВВЕДЕНІЕ.

Важность новѣйшей сербской исторіи. — Сербская исторіографія. — По поводу печатныхъ рецензій на книгу: «Россія и Сербія». — Рукописныя замѣчанія на ту же книгу г. президента государственнаго совѣта Сербіи, Іована Марриновича.—Неизданныя сочиненія Георгія Протича.—Письма его и князя Михаила Обреновича. — Политическое положеніе Сербіи и ея внутреннія партіи передъ изгнаніемъ Кара-Георгіевича.

Въ настоящее время никто уже изъ русскихъ читателей не будетъ сомнѣваться ни въ политической важности, ни во внутреннемъ интересѣ, которые неотъемлемо принадлежатъ новѣйшей исторіи сербскаго княжества. Судьбы Сербіи и сербскаго народа такъ были тѣсно связаны въ началѣ нынѣшняго столѣтія съ исторіей Россіи, да и въ будущемъ успѣхи сербскаго княжества должны отражаться такъ, или иначе на отношеніяхъ Россіи къ восточнымъ христіанамъ, что сомнѣваться въ значеніи для насъ сербской исторіи можетъ лишь тотъ, кто остается равнодушнымъ къ исторіи своего отечества. Можно сказать, что послѣ польскаго народа, исторія котораго такъ тѣсно сплелась съ исторіей народа русскаго, изъ всѣхъ славянскихъ народовъ сербы, вмѣстѣ съ болгарами, чаще другихъ приходили въ соприкосновеніе съ Россіей; исторія ихъ оставила по себѣ столь ясные и свѣжіе слѣды въ прошлой жизни нашего отечества. Но судьбы сербскаго княжества за послѣдніе годы имѣютъ еще и другое значеніе, вводящее исторію Сербіи въ кругъ болѣе широкихъ международныхъ отношеній. Прежде всего судьба Сербіи безспорно должна имѣть сильное вліяніе на судьбу южныхъ славянъ, принадлежащихъ къ восточной половинѣ австрійской имперіи, искуственнымъ образомъ поставленныхъ въ подчиненныя отношенія къ венгерской

Digitized by Google

коронѣ и къ политическимъ требованіямъ мадьяръ. Еще неразрывнѣе, еще прочнѣе тѣ связи, племенныя и историческія, которыя соединяютъ сербское княжество съ южными славянами, остающимися подъ властію Турціи и населяющими большую часть Балканскаго полуострова, особенно же съ сербами, живущими въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи. Срединное положеніе сербскаго княжества между остальными южными славянами даетъ ему видное значеніе въ общей судьбѣ ихъ; а политическіе успѣхи послѣднихъ сорока лѣтъ даютъ ему преобладающее вліяніе на ходъ общей жизни турецкихъ славянъ, и такимъ образомъ на долю Сербіи выпадаетъ весьма видная роль въ разрѣшеніи всего славянскаго вопроса. Словомъ, историческія преданія и политическія цѣли, создавшія новую Сербію, соприкасаются въ настоящее время съ интересами Австріи, Венгріи и самой Турціи. Первые даютъ сербской исторіи значеніе европейское, а послѣдніе связываютъ ее съ такъ называемымъ восточнымъ вопросомъ. До парижскаго мира политическая исторія Сербіи опредѣлялась сперва взаимными отношеніями между Россіей и Турціей, сильнымъ вліяніемъ русской дипломатіи на Порту, а потомъ соперничествомъ великихъ европейскихъ державъ съ Россіей и отчасти между собою. Послѣ парижскаго мира, Сербія вышла изъ-подъ исключительнаго покровительства Россіи; вмѣшательство въ ея дѣла какой либо одной державы стало невозможнымъ безъ согласія всѣхъ остальныхъ; судьба Сербіи, находясь въ связи съ общимъ ходомъ дѣлъ въ Европѣ, стала въ бо̀льшую зависимость отъ условій ея внутренней жизни отъ общаго положенія дѣлъ на христіанскомъ Востокѣ. Если исторія сербскаго княжества до парижскаго мира, въ глазахъ русскаго писателя, имѣетъ прежде всего значеніе по вопросу о покровительствѣ, оказанномъ сербамъ Россіей, то исторія его послѣ парижскаго мира важна по отношенію къ славянскому и восточному вопросамъ. Издавъ въ 1869 году «Историческій очеркъ русскаго покровительства Сербіи съ 1806 по 1856 годъ» (въ двухъ томахъ), я предлагаю теперь очеркъ политической исторіи сербскаго княжества со временъ парижскаго мира.

Но прежде, чѣмъ приступить къ историческому изложенію, я долженъ представить здѣсь нѣсколько объясненій касательно связи между прежнимъ моимъ сочиненіемъ и настоящимъ, долженъ коснуться тѣхъ запросовъ и сомнѣній, съ которыми русская критика обратилась къ моему первому труду; ибо и запросы

Digitized by Google

эти и самый предметъ сочиненія такъ нераздѣльно связаны съ предметомъ, нынѣ мною излагаемымъ, что разъясненіе ихъ для меня неизбѣжно, а читателямъ объяснитъ мою точку зрѣнія на предметъ.

Сочиненій, обнимающихъ полную исторію сербскаго княжества, внутреннюю и внѣшнюю, до сихъ поръ нѣтъ ни на русскомъ, ни на сербскомъ, ни на какомъ другомъ языкѣ. Были сочиненія, въ которыхъ излагалась исторія Сербіи, лишь въ извѣстную эпоху; чаще всего излагалась исторія политическая, весьма рѣдко, и притомъ въ небольшихъ размѣрахъ, исторія внутренняя. Книга С. Милутиновича: «Исторія Сербіи отъ начала 1813 года до конца 1815 года», была очень подробнымъ сводомъ расказовъ современниковъ о томъ, что происходило въ эти три года въ сербскихъ земляхъ, снова подпавшихъ тогда подъ турецкое иго. Книга Вука Караджича: «Милошъ Обреновичъ, князь Сербіи, или матеріалы для сербской исторіи нашего времени», была первою попыткой изложить исторію Сербіи въ послѣдовательномъ расказѣ до войны Россіи съ Турціей, начатой въ 1828 году; но эта книга можетъ быть лишь подробною, весьма дѣльною програмою для историческаго сочиненія объ эпохѣ, въ ней описываемой, и притомъ составлена съ исключительною цѣлію восхвалить Милоша Обреновича и указать на его, безъ сомнѣнія, важныя для Сербіи заслуги. Этою програмою, а еще болѣе расказами самого Вука Караджича и его указаніями пользовался знаменитый нѣмецкій историкъ Леопольдъ Ранке въ своемъ сочиненіи: «Исторія сербской революціи по сербскимъ источникамъ», переведенномъ и на русскій языкъ. Но первое основаніе для болѣе строгаго, документальнаго изученія исторіи сербскаго княжества положено было въ 1846 года Бѣлградскимъ Обществомъ сербской словесности, которое теперь называется Сербскимъ Ученымъ Дружествомъ. Въ засѣданіи 29 декабря 1846 года, членъ этого общества, бывшій тогда главнымъ секретаремъ государственнаго совѣта Сербіи, докторъ Іованъ Стеичъ, представилъ крайнюю необходимость не только озаботиться сохраненіемъ и собираніемъ извѣстій и документовъ для сербской исторіи новѣйшаго времени, но и написать исторію освобожденія Сербіи. Тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, Авраамъ Петроніевичъ, самъ бывшій главнымъ участникомъ въ политическихъ переворотахъ, совершившихся въ Сербіи съ 1830 года, заявилъ, что онъ представитъ обществу планъ для такого сочиненія. Въ засѣ-

Digitized by Google

даніи 20 января слѣдующаго года, этотъ планъ уже былъ читанъ и общество предложило разсмотрѣть его и представить свои соображенія о томъ же предметѣ: Симѣ Милутиновичу, Исидору Стояновичу, доктору Янку Шафарику и Сергѣю Николичу. Послѣдніе трое въ то время были професорами бѣлградскаго лицея. Въ засѣданіи 28 февраля читаны были ихъ отвѣты. Такимъ образомъ, во мнѣніяхъ пяти членовъ общества, извѣстныхъ или своею политической или ученою дѣятельностію, высказались взгляды самихъ сербовъ на то, чего они желаютъ и ждутъ отъ исторіи сербскаго княжества, какія приготовленія необходимы для такого труда и какія средства понадобятся для выполненія его. Познакомиться съ этими мнѣніями чрезвычайно любопытно уже и по тому, что общество сербской словесности соединяло въ себѣ всѣ лучшія умственныя силы Сербіи, и на немъ лежала обязанность удовлетворить народной потребности въ исторіи своей страны *).

Планъ Авраама Петроніевича, разсуждавшаго о томъ: какимъ образомъ можно описать исторію новой Сербіи, состоялъ въ слѣдующемъ. Онъ говорилъ, что сперва надо собрать всѣ матеріалы, а потомъ найти искуснаго историка; правительство должно оказать при этомъ обществу матеріальное пособіе, а общество должно поручить двумъ опытнымъ и ревностнымъ лицамъ: сперва собрать устныя свѣдѣнія о событіяхъ съ конца прошлаго столѣтія до 1813 года отъ бѣлградскихъ старожиловъ, затѣмъ объѣхать важнѣйшіе сербскіе города и села, провѣрить тамъ и пополнить бѣлградскіе расказы, описать мѣста битвъ между сербами и турками, и все это изложить, «не взирая ни на какое лицо и ни на чей интересъ». При этомъ Петроніевичъ намѣтилъ важнѣйшія событія изъ временъ перваго возстанія сербовъ, назвалъ лица, расказы которыхъ могли имѣть особенную важность, и указалъ тѣ мѣстности, которыя необходимо было посѣтить. Разсматривавшіе планъ Петроніевича взглянули на вопросъ съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Проще и невзыскательнѣе всѣхъ въ научномъ отношеніи отнесся къ предложенному вопросу Сима Милутиновичъ, весьма незатѣйливый раскащикъ событій, сопровождавшихъ паденіе Сер-

*) Всѣ нижеприводимыя мнѣнія см. въ «Гласникѣ дружства сербске словесности», св. I, стр. 212 — 218; св. II, стр. 156 — 196; св. III, стр. 277—278; св. IV, стр. 269—270.

Digitized by Google

біи послѣ бѣгства Кара-Георгія. Онъ представилъ въ общество свой планъ: «какъ и кѣмъ можно собрать и написать новую сербскую исторію легче и скорѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ подробнѣе и истиннѣе, начавъ оттуда, гдѣ остановился Раичъ». Прежде всего онъ потребовалъ назначенія особой суммы съ тѣмъ, чтобъ изъ нея производилась уплата тѣмъ бѣднякамъ, расказы которыхъ будущій собиратель сербской исторіи станетъ записывать: такимъ путемъ онъ предполагалъ сдѣлать пріятнымъ и сладкимъ даже для простыхъ людей трудъ составленія народной исторіи. Затѣмъ онъ требовалъ платы и самому собирателю историческихъ свѣдѣній, назначенія ему денегъ на разъѣзды, содержаніе и прислугу во время странствій по Сербіи, а равно и на канцелярію. Собирателемъ историческихъ свѣдѣній, по мнѣнію Милутиновича, долженъ быть природный сербъ, помощниками и писарями у него должны быть также сербы. Всею канцеляріей своей онъ можетъ располагать по собственному усмотрѣнію и ѣздить съ нею куда захочетъ, при чемъ правительство обязано содѣйствовать ему рекомендаціями. Какъ самъ исторіографъ, такъ и его помощники должны записывать преимущественно расказы людей наиболѣе старыхъ (около 70 лѣтъ), какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Когда какой либо изъ писарей запишетъ выслушанный имъ, въ присутствіи исторіографа, расказъ, самъ исторіографъ долженъ пересмотрѣть эту запись, исправить ошибки въ ней и вписать пропущенное; затѣмъ такая записка утверждается рукоприкладствомъ раскащика, или, по народному обычаю, помѣткою рукописи посредствомъ креста и подписи присутствовавшихъ при расказѣ. По мѣрѣ накопленія такихъ расказовъ, они должны быть печатаемы, безъ всякихъ измѣненій, особыми выпусками. Такой способъ собиранія народныхъ расказовъ Милутиновичъ предлагалъ установить навсегда, распространивъ его на собираніе всякой старины не только по исторіи страны, но и по исторіи языка, народнаго быта, искуствъ, промышленности и т. д.; предлагалъ собирать планы укрѣпленій, церквей, старинныхъ развалинъ, описывать старыя рукописи; однимъ словомъ, онъ хотѣлъ образовать при сербскомъ ученомъ обществѣ цѣлый «архивъ сербства» съ особою канцеляріей, нѣчто въ родѣ нашихъ археографическихъ коммисій, и предлагалъ назначить начальникомъ такого архива Вука Караджича.

Исидоръ Стояновичъ, въ своемъ мнѣніи, изъяснивъ важность народныхъ преданій для исторіи, говорилъ о томъ, какъ расказы

Digitized by Google

о геройскихъ подвиговъ предковъ могутъ одушевлять ихъ потомковъ и ссылался при этомъ на борьбу грековъ и сербовъ за свою свободу: «и наши сербскіе юнаки, говорилъ онъ, въ этой безпримѣрной, продолжавшейся девять лѣтъ, борьбѣ, по свидѣтельству безсмертнаго гусляръвца Филиппа Вишнича, помышляли о старыхъ юнакахъ, мужественно умиравшихъ на полѣ битвы, одушевлялись ихъ примѣромъ и, жертвуя собою за вѣру, народъ и отечество, положили основаніе нашему счастію и свободѣ. Народная слава, народная гордость всегда ищутъ опоры въ историческихъ воспоминаніяхъ. Кромѣ того, исторія указываетъ на прошлыя ошибки и очищаетъ нравственное чувство въ народѣ. Люди, содѣйствующіе сохраненію историческихъ извѣстій, заслуживаютъ народной признательности». Затѣмъ, упомянувъ о трудахъ Караджича, Милутиновича, Ранке, Пирха, Поссарта, Светича (І. Хаджича) и своихъ, Стояновичъ перешелъ къ плану, составленному Петроніевичемъ. Онъ также предложилъ установить званіе народнаго исторіографа: ибо такое дѣло можетъ исполнить лучше одинъ опытный и ревностный человѣкъ, чѣмъ десять, занятыхъ другими дѣлами. Далѣе Стояновичъ, описавъ свойства, необходимыя для народнаго исторіографа, старался опредѣлить плату ему и расходы на его поѣздки, предлагая покрывать и то и другое изъ народной казны, при чемъ исторіографъ обязанъ печатать свои труды, по мѣрѣ накопленія ихъ, выпусками въ десять листовъ, подъ заглавіемъ: «матеріалы для новой сербской исторіи». Такое изданіе, по его мнѣнію, должно было состоять изъ шести отдѣловъ. Въ первомъ должны быть описаны политическія событія, на примѣръ: сраженія, скупщины, посольства, государственныя распоряженія и т. п. въ хронологическомъ или же въ топографическомъ порядкѣ, какъ будетъ легче для собирателя; во второмъ—житія знаменитыхъ сербовъ; въ третьемъ—документы, записи, офиціальныя извѣстія, инструкціи, дневники, письма и описи; въ четвертомъ—списки погибшихъ и попавшихся въ плѣнъ сербовъ, съ краткимъ обозначеніемъ, кто они были и откуда, гдѣ, какъ и кѣмъ убиты или плѣнены; въ пятомъ—статистическія данныя о внутреннемъ устройствѣ; въ шестомъ—различные расказы, характеризующіе описываемое время и его дѣятелей. Стояновичъ требовалъ при этомъ, чтобъ языкъ письменныхъ документовъ и устныхъ расказовъ не былъ исправляемъ при печатаніи ихъ, и чтобы къ каждому четвертому выпуску прилагаемъ былъ общій для всѣхъ четырехъ указатель.

Digitized by Google

Только послѣ изданія всѣхъ этихъ матеріаловъ можно, по мнѣнію Стояновича, поручить опытному писателю составленіе прагматической исторіи Сербіи, при чемъ должны быть приняты во вниманіе и сочиненія на иностранныхъ языкахъ.

Николичъ, въ своемъ мнѣніи, также коснулся значенія народной исторіи. «Народная исторія, говорилъ онъ, составляетъ народное самосознаніе, и уже по ней народъ признается и другими. Народная и особенно государственная исторія служитъ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ изображеніемъ народной жизни и точнымъ свидѣтельствомъ международныхъ отношеній; народная исторія есть какъ бы крестильная запись цѣлаго народа, и потому между всѣми науками она наиболѣе народна. А потому прежде всего она должна входить въ кругъ занятій народнаго ученаго общества». На этомъ основаніи Николичъ требовалъ, чтобы собираніемъ матеріаловъ для сербской исторіи занялось само Бѣлградское Общество: ему нѣтъ надобности нанимать особыхъ людей для того; его дѣйствительные члены и кореспонденты могутъ содѣйствовать общей цѣли; наконецъ Общество можетъ назначить преміи за историческія сочиненія. «Я смотрю на это дѣло, говоритъ онъ, какъ на принадлежащее, по самому свойству своему, къ числу существенныхъ занятій Общества». Но при этомъ Николичъ признавалъ необходимымъ образовать въ Обществѣ отдѣлы и въ томъ числѣ историческій; надзоръ же за собираніемъ матеріаловъ и изданіемъ ихъ Николичъ предлагалъ поручить Стояновичу.

Янко Шафарикъ вмѣстѣ съ другими признавалъ необходимость немедленно же приступить къ собиранію историческихъ матеріаловъ и видѣлъ въ народной исторіи залогъ будущихъ успѣховъ народа. Для достиженія цѣли и онъ предлагалъ установить званіе земскаго или народнаго исторіографа. Но, признавая пользу отъ изученія новой сербской исторіи, онъ указывалъ на необходимость изученія и старой исторіи: «ибо исторія сербская, говорилъ онъ, какъ и жизнь сербскаго народа—одна, и новая есть только продолженіе старой, и ни одно мгновеніе въ ней не можетъ быть считаемо излишнимъ, а стало быть, надо изслѣдовать каждое, какъ принадлежащее къ цѣлому». Такимъ образомъ Шафарикъ ставилъ въ обязанность сербскому исторіографу изслѣдованіе не только новой, но и древней исторіи сербскаго народа; а потому онъ совѣтовалъ собирать все древнее и новое, имѣющее какую либо историческую, археологическую или этногра-

Digitized by Google

фическую важность, какъ-то: письменные памятники и документы, старыя книги, монеты, печати и другіе вещественные памятники, и представлять ихъ въ народный музей. Онъ указывалъ на необходимость спеціальнаго изданія съ такою цѣлію, въ которомъ бы печатались: лѣтописи, дипломы, старыя и новыя письма, извлеченія изъ иностранныхъ писателей,—словомъ, все, что касается сербской исторіи. Предполагаемый исторіографъ могъ бы помѣщать въ этомъ изданіи историческія монографіи, описанія отдѣльныхъ событій и жизнеописанія. По накопленіи достаточныхъ матеріаловъ, можно приступить къ составленію обширнаго сочиненія сперва по новой сербской исторіи, а потомъ и по древней. «Кратко говоря, обязанность народнаго исторіографа состояла бы въ томъ, чтобы непрестанно обработывать сербскую исторію и непрерывно предлагать сербскому народу духовную пищу изъ его исторіи». Собираніе матеріаловъ и печатаніе ихъ Шафарикъ предлагалъ производить на счетъ правительства; въ исторіографы рекомендовалъ Исидора Стояновича.

Мнѣніе о необходимости самому Обществу заняться собираніемъ историческихъ матеріаловъ взяло перевѣсъ. Къ тому же Исидоръ Стояновичъ, на котораго указывали нѣкоторые изъ представившихъ мнѣнія о планѣ Петроніевича, какъ на опытнаго исторіографа, вскорѣ умеръ, а Вукъ Караджичъ, проживавшій большею частію въ Вѣнѣ, не могъ удовлетворить условію постояннаго пребыванія въ Сербіи для разъѣздовъ по ней. Но приступить немедленно къ организаціи своихъ историческихъ занятій Общество не могло еще и по тому, что вскорѣ наступилъ бурный 1848 годъ, отвлекшій задунайскихъ сербовъ отъ мирныхъ занятій къ борьбѣ за сербовъ австрійскихъ, угнетаемыхъ мадьярами. Только 2 января 1849 г. Дмитрій Матичъ напомнилъ о необходимости переустроить Общество съ цѣлію усилить его спеціальныя занятія. Избрана была коммисія изъ трехъ членовъ: Шафарика, Матича и Константина Магазиновича, для обсужденія этого вопроса. Коммисія предложила раздѣлить Общество на пять отдѣловъ, въ числѣ которыхъ былъ и историческій. Общество приняло это предложеніе; и съ самаго же основанія своего историческій отдѣлъ его занялся собираніемъ письменныхъ документовъ, вещественныхъ памятниковъ и пересмотромъ рукописей историческаго содержанія, представляемыхъ членами его. Съ тѣхъ поръ Общество сербской словесности до закрытія своего, которое послѣдовало въ началѣ 1864 года, успѣло издать 17 книгъ

Digitized by Google

«Гласника», въ которыхъ печатались статьи и матеріалы по древней и новой исторіи сербскаго народа. Въ концѣ 1864 года Общество возникло снова подъ названіемъ Ученаго Дружства, также подѣленнаго на нѣсколько отдѣловъ и въ томъ числѣ имѣющаго отдѣлъ историческій. Это новое общество издало уже 11 книгъ «Гласника», наполненныхъ историческими и археологическими статьями. Кромѣ того Общество издаетъ особый отдѣлъ «Гласника» подъ заглавіемъ: «Матеріалы для новой сербской исторіи», которыхъ вышли до сихъ поръ двѣ тетради, точно также какъ прежнее общество издало одну книгу подобныхъ матеріаловъ, въ которой напечатанъ «Дѣловодный протоколъ Кара-Георгія отъ 1812 маія 21 до 1813 г. августа 5». Были также изданы прежнимъ обществомъ «Сборники», заключающіе въ себѣ памятники сербской исторіи, почерпнутые изъ архивовъ Дубровника и Венеціи. Древняя сербская нумизматика нашла себѣ между членами общества трудолюбиваго изыскателя въ лицѣ Янка Шафарика. Для новой исторіи Сербіи между матеріалами, помѣщенными въ «Гласникѣ», кромѣ подлинныхъ документовъ и писемъ, особенно полезны отдѣльныя описанія нѣкоторыхъ округовъ Сербіи, замѣнившія собою топографическія изслѣдованія съ цѣлію описанія историческихъ мѣстностей, на что указывалъ въ своемъ мнѣніи Исидоръ Стояновичъ. Наконецъ Общество принесло пользу занимающимся новою сербскою исторіей еще и тѣмъ, что его изданія послужили примѣромъ для частныхъ лицъ, и въ послѣдніе годы въ сербской литературѣ стали появляться небольшія историческія сочиненія о разныхъ событіяхъ, совершившихся въ настоящемъ столѣтіи, изданія частныхъ писемъ и мемуаровъ. Между послѣдними особенно замѣчательны мемуары протоіерея Матвѣя Ненадовича.

Иностранная литература представила послѣ 1848 года значительное число сочиненій о Сербіи различнаго достоинства. Но изъ нихъ заслуживающими полнаго вниманія могутъ быть названы лишь три: 1) B. S. Cunibert, Essai historique sur les révolutions et l'indépendance de la Serbie depuis 1804 jusqu'a 1856 (Leipzig. 1855), въ двухъ томахъ; 2) Dr. E. I. von Tkalac, Das Staatsrecht des Fürstenthums Serbien (Leipzig. 1858); 3) F. Kanitz, Serbien. Historisch-ethnographische Reisestudien aus den Jahren 1859—1868 (Leipzig. 1868), большой томъ въ 744 страницы съ 40 иллюстраціями, 20 большими рисунками и картой. Первое сочиненіе, по своему происхожденію, можетъ быть отнесено

Digitized by Google

къ отдѣлу мемуаровъ, но по полнотѣ, съ какою изложены въ немъ событія перваго правленія Милоша, оно можетъ быть названо его исторіей. Пишущій о томъ времени не можетъ обойтись безъ книги Кюнибера, и читатели моего сочиненія: «Россія и Сербія» могли замѣтить, какъ много первый томъ его обязанъ своимъ содержаніемъ мемуарамъ Милошева медика. Книга Ткалаца даетъ самыя подробныя свѣдѣнія о состояніи, въ какомъ находилась Сербія предъ изгнаніемъ Кара-Георгіевича. Сочиненіе Каница представляетъ собою результаты десятилѣтнихъ изслѣдованій автора о прежней и современной жизни Сербіи. Оно можетъ быть названо настольною книгой для всякаго, кто хочетъ ближе ознакомиться съ сербскимъ княжествомъ не только съ точки зрѣнія исторической, но также географической, статистической и этнографической. Бо̀льшая половина книги занята расказами о странствованіяхъ автора по Сербіи, другая половина есть какъ-бы изслѣдованіе о сербскомъ государствѣ и обществѣ, съ которыми авторъ знакомитъ своего читателя въ систематическомъ и довольно подробномъ очеркѣ. Къ сожалѣнію, сочиненіемъ Каница я не могъ воспользоваться въ моей книгѣ, ибо оно въ Москвѣ было получено уже тогда, какъ моя книга стала печататься.

Отсутствіе въ русской литературѣ особыхъ сочиненій о новой Сербіи дало мнѣ мысль ознакомиться, во время моего трехмѣсячнаго пребыванія въ Бѣлградѣ въ 1864 году, съ исторіей сербскаго княжества. Само собою разумѣется, что, при вышеописанномъ состояніи сербской исторической литературы, я не могъ ограничиться только печатными матеріалами, но долженъ былъ обратиться къ собранію матеріаловъ не изданныхъ; но по краткости времени и по нѣкоторымъ другимъ причиналъ пришлось ограничиться лишь отрывочнымъ знакомствомъ съ однимъ офиціальнымъ архивомъ и тремя собраніями документовъ у частныхъ лицъ. При такихъ условіяхъ нечего было и думать о томъ, чтобы написать полную исторію сербскаго княжества. Между тѣмъ въ русской литературѣ уже появилась статья А. В. Дубровина подъ заглавіемъ: «Сербскій вопросъ при Александрѣ I» (въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1863 г.). Здѣсь исторія Сербіи во время Кара-Георгія излагалась лишь по отношенію ея къ русской исторіи. Строго говоря, другой точки зрѣнія на новую сербскую исторію и быть не могло у русскаго писателя. Той же точки зрѣнія держался и я въ своей книгѣ, имѣя единственною цѣлью представить въ ней «очеркъ русскаго покровительства Сербіи съ

Digitized by Google

1806 по 1856 годъ», на сколько допускали то матеріалы, находившіеся въ моемъ распоряженіи. Между тѣмъ большинство читателей и рецензентовъ моей книги ожидали встрѣтить въ ней полную исторію сербскаго княжества: желаніе первыхъ само по себѣ очень понятно; требованіе вторыхъ, обязанныхъ знать состояніе исторической литературы о Сербіи, предшествовавшей моей книгѣ, ничѣмъ не оправдывается. Правда, авторъ рецензіи, помѣщенной въ журналѣ «Заря» (№№ 8 и 10 за 1870 годъ), А. С. Будиловичъ, въ самомъ началѣ своей статьи сказалъ: «Заглавіе сочиненія не вполнѣ согласно съ его содержаніемъ: послѣднее гораздо обширнѣе перваго. Это историческій очеркъ не русскаго покровительства Сербіи, а событій сербской политической жизни въ полувѣковой періодъ русскаго покровительства». Но иначе и быть не могло: русское покровительство Сербіи въ вышеозначенную эпоху такъ проникало во всѣ событія не только политической, но отчасти общественной жизни сербскаго княжества, что оставлять ихъ въ сторонѣ не представлялось никакой возможности. Тѣмъ не менѣе, переводчики моей книги на сербскій языкъ не обинуясь назвали ее исторіей Сербіи «отъ Кочиной краины до Свято-Андреевской скупщины». А такъ какъ сербскій переводъ имѣлъ много подписчиковъ (въ спискѣ, приложенномъ къ послѣднему выпуску, ихъ насчитывается до 2.800 человѣкъ), то между сербами и распространилось мнѣніе, что я написалъ новую исторію ихъ отечества, хотя на самомъ дѣлѣ этого не было. Еще страннѣе было для меня встрѣтить то же самое мнѣніе, высказанное почти въ формѣ требованія въ отзывѣ офиціальнаго рецензента петербургской Академіи наукъ, профессора одесскаго университета В. В. Богишича, на сколько оно высказалось въ сокращенной передачѣ этого отзыва коммисіею, присуждавшею въ прошломъ году уваровскія преміи. Этимъ требованіемъ объясняется и упрекъ, что я не воспользовался сербскими народными пѣснями, не говорилъ объ аграрныхъ законахъ Сербіи и не вездѣ важное съ точки зрѣнія сербской помѣщалъ въ текстѣ. Но пользованіе народными пѣснями для историка, занимающагося изложеніемъ политическихъ событій, можетъ быть обязательно лишь тогда, когда филологическая и историческая критика утвердятъ достовѣрность показаній, встрѣчаемыхъ въ пѣсняхъ. Безъ этого непремѣннаго условія историкъ не можетъ пользоваться народными пѣснями, особенно когда существуютъ современные имъ письменные документы и даже газеты. Г. Будиловичъ поступилъ проще и

Digitized by Google

прямѣе г. Богишича: онъ самъ попытался изложить въ своей статьѣ по сербскимъ пѣснямъ взглядъ народа на совершавшіяся передъ его глазами событія,—обязанность, которой до сихъ поръ тщательно избѣгали русскіе слависты-филологи. О сербскихъ аграрныхъ законахъ въ моей книгѣ сказано столько, сколько можетъ быть допущено въ историческомъ очеркѣ русскаго покровительства Сербіи. Далѣе въ отзывѣ г. Богишича есть еще два обвиненія, направленныя не противъ книги, а противъ ея автора. Онъ увѣряетъ, будто бы я пользовался безразлично сочиненіями Кюнибера, Посарта, Пирха, Таля, Сора и другихъ. Но если онъ читалъ внимательно мою книгу, къ чему его обязывало званіе офиціальнаго рецензента петербургской Академіи наукъ, то конечно замѣтилъ 89-е примѣчаніе къ первому тому (на стр. 492), гдѣ я изложилъ свое мнѣніе о вышеупомянутыхъ писателяхъ. Вотъ что сказано въ этомъ примѣчаніи: «Сочиненіе Кюнибера, изданное послѣ восточной войны, можетъ служить однимъ изъ полезнѣйшихъ источниковъ для исторіи Сербіи подъ управленіемъ Милоша. Оно есть не что иное, какъ самыя подробныя и пересмотрѣнныя авторомъ мемуары, въ началѣ впрочемъ составленныя по сочиненіямъ Караджича. Кюниберъ былъ медикомъ Милоша, участвовалъ въ его переговорахъ съ англійскимъ консуломъ Ходжесомъ и былъ очевидцемъ всѣхъ событій по 1838 годъ. Громкое заглавіе, которое носитъ его сочиненіе, дано ему не авторомъ, а издателями, которые присоединили къ мемуарамъ Кюнибера краткую записку его преемника, другаго княжескаго медика, Пацека, не имѣющую однакожъ ни такого значенія, ни такого интереса. Но при этомъ сочиненіемъ Кюнибера должно пользоваться осторожно, ибо онъ самъ былъ горячимъ сторонникомъ Милоша». Затѣмъ пересчитаны сочиненія иностранцевъ, писавшихъ о Сербіи съ 1837 по 1845 годъ, послѣ чего сказано: «Всѣ перечисленныя здѣсь сочиненія разнаго достоинства: самое ничтожное изъ нихъ Сора; книги Посарта и Таля нуждаются въ провѣркѣ и не представляютъ ничего новаго; всѣ три сочиненія уже достаточно оцѣнены въ сербской литературѣ, особенно Іов. Хаджичемъ», и наконецъ: «сочиненіе Рихтера, бывшаго инженера сербской службы, слишкомъ кратко». Самый текстъ моей книги свидѣтельствуетъ противъ академическаго рецензента: обѣ послѣднія главы перваго тома, въ которыхъ изложены событія отъ возстанія Милоша Обреновича противъ турокъ до его отреченія, носятъ на себѣ ясные слѣды пользованія сочиненіемъ Кюнибера, которое

Digitized by Google

никоимъ образомъ нельзя смѣшать съ другими; а изъ послѣднихъ нѣтъ ни одной выдержки въ текстѣ всей книги, и лишь нѣкоторыя мѣста изъ нихъ указаны въ примѣчаніяхъ. Второе обвиненіе состоитъ въ томъ, что я не пользовался государственнымъ архивомъ въ Петербургѣ. Но г. Богишичъ, какъ иностранецъ, недавно прибывшій въ Россію, конечно, не зналъ, что архивъ этотъ не принадлежитъ къ чилу открытыхъ для частныхъ занятій, подобно публичнымъ библіотекамъ. Если послѣ появленія въ свѣтъ моей книги министерство иностранныхъ дѣлъ и найдетъ возможнымъ допустить къ пересмотру сербскихъ дѣлъ въ архивѣ, хоть бы самого г. Богишича, то это не будетъ уже съ его стороны нескромностію относительно себя и Сербіи и не можетъ быть признано за общее правило, на основаніи котораго можно было бы приступить теперь же къ занятіямъ въ этомъ архивѣ для составленія, на примѣръ, исторіи отношеній Россіи къ румынскимъ княжествамъ или ея же отношеній къ египетскому и сирійскому вопросамъ. А между тѣмъ сочиненія объ этихъ предметахъ были бы не менѣе важны и желательны для исторіи восточнаго вопроса, чѣмъ сочиненіе о русскомъ покровительствѣ Сербіи. Быть можетъ, по тому наша литература и не имѣетъ до сихъ поръ такихъ сочиненій, что люди, знающіе кое-что по этой части, ждутъ открытія государственнаго архива для частныхъ занятій въ немъ, о чемъ ближе всего было бы похлопотать петербургской Академіи. Кромѣ того, упрекъ г. Богишича одностороненъ. Не только исторія сербскаго княжества, но даже исторія русскаго покровительства ему, не можетъ быть сочтена вполнѣ уясненною, пока не будутъ разработаны сербскія дѣла, хранящіяся въ архивахъ Вѣны, Лондона, Парижа и Константинополя. Изъ вышедшей въ нынѣшнемъ году «Исторіи вѣнскихъ архивовъ» Вольфа (Geschichte der k. k. Archive in Wien, von G. Wolf), видно, что въ тамошнемъ тайномъ, придворномъ и государственномъ архивѣ хранятся сербскія дѣла съ 1100 года (стр. 90). Не менѣе того должны быть богаты документами по сербской исторіи архивы другихъ европейскихъ столицъ. Понятно послѣ всего сказаннаго, почему я не думалъ и не могъ писать полной исторіи сербскаго княжества. Желательнѣе всего для меня, чтобы въ нашей литературѣ поскорѣе явились дополненія къ тому, что уже сдѣлано по сербской исторіи. Такъ, на примѣръ, теперь же могли бы быть напечаны: дневникъ и переписка перваго русскаго дипломатическаго агента въ Сербіи Родофиникина, храня-

Digitized by Google

щіеся въ петербургскомъ государственномъ архивѣ; переписка барона Г. А. Строганова съ Милошемъ Обреновичемъ, хранящаяся у его потомковъ и напечатанная мною лишь по имѣвшимся въ моихъ рукахъ отрывочнымъ письмамъ; дѣла и письма, безъ сомнѣнія, сохранившіяся у нынѣшнихъ членовъ государственнаго совѣта, В. П. Титова и барона В. К. Ливена, бывшихъ въ Турціи и находившихся въ личныхъ сношеніяхъ съ сербами.

Переводчики моей книги на сербскій языкъ обѣщали, въ своемъ предисловіи къ послѣднему выпуску, сдѣлать дополненіе при второмъ изданіи сербскаго текста. Въ ожиданіи этого, приступая теперь къ изложенію исторіи сербскаго княжества послѣ парижскаго міра, я считаю не лишнимъ предложить здѣсь нѣсколько дополненій, тѣмъ болѣе, что они стоятъ въ связи съ новѣйшею исторіей Сербіи и поясняютъ ее. Прежде всего позволяю себѣ передать здѣсь нѣкоторыя изъ замѣчаній на мою книгу, которыя угодно было прислать въ Москву, при письмѣ на мое имя, предсѣдателю государственнаго совѣта Сербіи г. Іовану Мариновичу, начавшему свою службу еще въ первое правленіе Милоша и принадлежащаго къ числу самыхъ видныхъ дѣятелей въ новой сербской исторіи. Замѣчанія его касаются какъ частностей, такъ и общихъ взглядовъ. Мы прослѣдимъ ихъ по порядку.

На стр. 365 и 366-й перваго тома мною помѣщенъ, на основаніи показаній Кюнибера, расказъ о томъ, какъ нажился подлѣ Милоша селиктаръ его, т. е., казначей, Авраамъ Стойковичъ, и какъ потомъ, возбудивъ въ Милошѣ подозрѣніе, пострадалъ отъ него; затѣмъ снова составилъ заговоръ противъ князя, бѣжалъ въ Румынію, но былъ привезенъ въ Сербію своими единомышленниками. «Стойковича, сказано у меня далѣе, отвезли въ Крагуевацъ и не выдавали румынскимъ властямъ, не смотря на ихъ протесты. Верховному суду поручено было заняться разсмотрѣніемъ дѣла бывшаго селиктара». Г. Мариновичъ поправляетъ послѣднія слова такимъ образомъ: «никакимъ судомъ не было изслѣдовано и разсмотрѣно дѣло Авраама Стойковича, по прозвищу селиктара. Онъ былъ заключенъ въ одной изъ клѣтей, принадлежавшихъ къ дому князя Милоша, подлѣ сарая, гдѣ хранились конская збруя и приборы. Заключеніе его продолжалось нѣсколько дней. Здѣсь онъ былъ допрашиваемъ иногда лично княземъ Милошемъ, а иногда назначенными для того чиновниками, съ цѣлію дознанія, не имѣлъ ли онъ участниковъ въ отла-

Digitized by Google

сившемся намѣреніи составить заговоръ. Такъ какъ Авраамъ отрицалъ это, то Милошъ билъ его батогомъ въ присутствіи Настаса булюкъ-баши, но безъ всякаго успѣха. Жившіе при дворѣ чиновники расказывали тогда тайно одинъ другому, какъ слышали крики и стоны Авраамовы. Измученнаго такимъ образомъ Авраама князь Милошъ послалъ въ Брусницу и приказалъ тамошнему суду осудить его на смерть, какъ измѣнника, казнить и тѣло его выставить на колесѣ, что и было тотчасъ же исполнено, а въ Крагуевацѣ о томъ ничего не знали. Только спустя нѣкоторое время, по случаю одного праздника, князь Милошъ выдалъ приказъ, чтобы тѣло Авраамово сняли съ колеса и закопали въ землю. Я былъ тогда писаремъ въ канцеляріи князя Милоша и лишь тогда узналъ о погубленіи Авраама, когда вышелъ приказъ похоронить его: съ такою тайною посланъ былъ онъ изъ Крагуевца въ Брусницу и лишенъ жизни. Это было послѣднее убійство безъ судебнаго постановленія, совершенное только по приказу князя Милоша».

Считая расказъ Кюнибера о сватовствѣ австрійскаго консула Михановича къ Анкѣ, дочери Евфрема Обреновича, тогдашнею придворной сплетней, авторъ сообщенныхъ мнѣ замѣчаній высказываетъ такое мнѣніе о положеніи придворныхъ партій въ 1837 году: «Домъ Ефрема былъ въ то время единственнымъ въ Бѣлградѣ, сколько нибудь походившимъ на европейское зданіе, и въ немъ европеецъ могъ найти пріятное общество; а потому домъ этотъ и былъ средоточіемъ всѣхъ туземныхъ и иностранныхъ лицъ, которыя умѣли цѣнить общественную жизнь. Михановичъ, какъ образованный человѣкъ, долженъ былъ осуждать самовольство князя Милоша и сочувствовать тѣмъ, которые осуждали это самовольство. Изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ, чтобъ Ефремъ и другіе не дѣлали бы того, что дѣлалъ Милошъ, а можетъ быть и хуже, еслибы занимали его мѣсто; но роли были такъ подѣлены, что Ефремъ, Вучичъ и остальные осуждали то, что было достойно осужденія, и за то выслушивали одобреніе отъ всѣхъ образованныхъ людей, у кого только не было особенныхъ причинъ дѣйсвовать противъ нихъ, какъ, на примѣръ, у Ходжеса, хотя и онъ въ частныхъ разговорахъ одобрялъ ихъ жалобы и соглашался съ ними. Вучичъ и его единомышленники не имѣли надобности привлекать Ефрема въ свое общество, ибо одинакія причины порождаютъ одни и тѣ же слѣдствія: всѣ они одинаково были оскорбляемы и угрожаемы отъ Милоша и мало по малу стали соли-

Digitized by Google

дарны, такъ что очень трудно опредѣлить, влекъ ли кто кого либо за собою, или же всѣ соперничали въ ревностныхъ стараніяхъ, какъ бы легче и успѣшнѣе достигнуть ограниченія самовольства князя Милоша, въ чемъ они видѣли только исполненіе обязанности, лежавшей на всѣхъ достойныхъ людяхъ, любившихъ народъ. Иначе нельзя было бы понять, что всѣ лучшіе люди въ Сербіи, даже сами братья, жена и дѣти князя Милоша осуждали его самовластіе, и единственное спасеніе для народа и династіи находили въ ограниченіи княжеской власти. Съ достовѣрностію можно утверждать, что въ то время никто не помышлялъ о сверженіи династіи; а если это и случилось позднѣе, то необходимо искать тому объясненія въ позднѣйшихъ событіяхъ. Вообще не надо забывать, что возстановленное правленіе князя Милоша, вслѣдствіе переворота 1858 года, дало блистательное доказательство, что князь Милошъ не былъ способенъ управлять иначе, какъ только по своей собственной волѣ, и что онъ никоимъ образомъ не могъ понять, что какой либо законъ можетъ его ограничивать въ его верховной власти. И если мы вспомнимъ, что въ 1858 году князь Милошъ возвратился въ Сербію послѣ девятнадцатилѣтняго пребыванія въ Европѣ, гдѣ имѣлъ передъ глазами совершенно противуположные примѣры тѣмъ, какіе представляло правленіе Кара-Георгіева и турецкое, и что это не во многомъ перемѣнило его прежнія понятія, то легко себѣ представить, какимъ онъ былъ во время своего перваго правленія».

Подачу скупщиною 30 мая 1837 года одобрительнаго адреса Милошу авторъ приводимыхъ мною замѣчаній объясняетъ такъ: «Адресъ народной скупщины въ настоящемъ случаѣ былъ не что либо другое, какъ только голая формальность. Что бывало напишетъ чиновникъ княжеской канцеляріи, то члены скупщины считали своею обязанностію подписать. Можно сказать, что и впослѣдствіи, не смотря на иную организацію скупщины и не смотря на распространеніе въ народѣ нашемъ понятій о правѣ, адресы скупщинъ были почти всегда внушаемы правительствомъ, представлялись сперва на одобреніе его, а потом уже предлагались скупщинѣ для принятія. Какъ поведется это дѣло впредь при новомъ уставѣ, мы увидимъ; но до сихъ пор оно въ сущности своей происходило описаннымъ образомъ. Кромѣ того, положеніе дѣлъ въ то время было таково, что сам Ефремъ и Вучичъ, еслибы присутствовали на скупщинѣ, по

Digitized by Google

писали бы все, что было подписано остальными депутатами, но вслѣдъ затѣмъ продолжали бы свою борьбу противъ Милоша и нисколько не стыдились бы своихъ дѣйствій, ибо всякое покушеніе на противорѣчія и доказыванія, противныя княжеской волѣ, было бы безполезно и могло бы угрожать не только ихъ свободѣ, но и жизни.»

По поводу поѣздки Кюнибера къ Милошу въ Крагуевацъ съ порученіемъ отъ англійскаго консула Ходжеса, г. Мариновичъ говоритъ: «Кюниберъ вообще придаетъ себѣ болѣе важности и значенія, чѣмъ имѣлъ. Онъ былъ единственнымъ посредникомъ между княземъ Милошемъ и Ходжесомъ, потому что князь Милошъ никому другому не рѣшался довѣриться въ томъ. Не имѣя никакого званія, сопряженнаго съ политическою дѣятельностію въ Сербіи, Кюниберъ обвиняетъ другихъ за неуспѣхъ его негоціацій, которыя не удались по другимъ, болѣе естественнымъ причинамъ». Впрочемъ это объясненіе нисколько не противорѣчитъ моей книгѣ, гдѣ Кюниберъ выставленъ только простымъ исполнителемъ порученій Ходжеса. Что указъ 16 октября 1837 года, обезпечивавшій личность и собственность каждаго серба и т. п., изданъ былъ вслѣдствіе настояній прибывшаго съ порученіемъ отъ русскаго двора князя Вас. А. Долгорукаго, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но у Кюнибера есть указаніе, что и Ходжесъ совѣтовалъ Милошу принять всѣ четыре пункта помянутаго указа. Поэтому г. Мариновичъ замѣчаетъ: «въ Сербіи никто не зналъ и думать не могъ, пока не написалъ о томъ Кюниберъ, что Ходжесъ совѣтовалъ князю Милошу принять эти пункты; напротивъ, цѣлый свѣтъ, и совершенно справедливо, приписывалъ вліянію Россіи и настояніямъ князя В. А. Долгорукаго изданіе сего указа, который между тогдашними политическими кружками Сербіи и названъ былъ «Долгоруковъ указъ», что согласно съ общимъ въ то время утвержденіемъ, что Россія совѣтовала князю ограниченіе самовластія, Англія же, напротивъ, поддерживала его въ абсолютизмѣ; оттуда любовь и сочувствіе къ Россіи и отвращеніе къ Англіи». Въ этихъ словахъ я не вижу опроверженія показанія Кюнибера. Ходжесъ, какъ было сказано выше, самъ не одобрялъ многихъ дѣйствій Милоша; ему важно было сохранить за нимъ политическую власть, а не право надъ жизнію и имуществомъ подданныхъ; къ тому же, забѣгая впередъ русскому уполномоченному, онъ дѣйствовалъ по совершенно вѣрному расчету, что такое ограниченіе Милошевой

Digitized by Google

власти не ослабитъ вліянія на него Англіи, а въ то же время онъ въ состояніи будетъ указывать потомъ на безпристрастіе своихъ дѣйствій, въ чемъ и не ошибся. Это была обыкновенная дипломатическая хитрость, сообразующаяся не съ инструкціями, а съ обстоятельствами времени: да и самый указъ 16 октября долго ли удержался во всей своей силѣ? Замѣчаніе г. Мариновича чрезвычайно любопытно въ смыслѣ указанія на тогдашнія отношенія сербскаго общества къ дѣйствіямъ русской и англійской дипломатіи. Столь же любопытно дополненіе, дѣлаемое г. Мариновичемъ къ извѣстіямъ объ обратномъ путешествіи князя Б. А. Долгорукаго: «Въ этомъ путешествіи Долгоруковъ сопровождаемъ былъ, кромѣ Михаила Германа, еще Стефаномъ Стефановичемъ Тенькою, однимъ изъ партизановъ ограниченія княжеской власти. Раздавая всюду по пути указъ, Тенька объяснялъ отъ имени Долгорукаго значеніе его и пользу, которая произойдетъ отъ него, чѣмъ и навлекъ на себя негодованіе князя Милоша.»

Вызовъ въ Цареградъ сербской депутаціи для принятія устава г. Мариновичъ объясняетъ такимъ образомъ: «Когда пришли къ тому убѣжденію, что князь Милошъ не согласится добровольно принять уставъ, а если и приметъ, то не будетъ держаться его, но станетъ измѣнять и нарушать какъ и прежде изданные законы: то всѣ утвердились въ той мысли, что нѣтъ другаго средства къ достиженію цѣли кромѣ того, чтобъ уставъ составленъ былъ въ Цареградѣ, и чтобы данъ былъ Сербіи отъ Порты и Россіи. Послѣ того, какъ старанія сербскихъ старѣйшинъ нашли отзывъ у Порты и русской миссіи въ Цареградѣ, князь Милошъ получилъ письмо отъ великаго визиря, въ которомъ ему предлагалось «послать въ Цареградъ двухъ человѣкъ для переговоровъ о нѣкоторыхъ предметахъ, касающихся пограничныхъ дѣлъ, а между тѣми двумя посланными долженъ быть непремѣнно Авраамъ Петроніевичъ, какъ человѣкъ пользующійся довѣріемъ и князя и народа». Князь Милошъ понималъ, о чемъ идетъ дѣло, но, не желая отказать Портѣ въ посылкѣ Петроніевича, хотѣлъ по крайней мѣрѣ сдѣлать его не опаснымъ и, вмѣсто двухъ, послалъ три лица, а именно: Петроніевича, Іованчу Спасича и Живановича,—Іованчу по тому, что говорилъ по-турецки и могъ контролировать разговоръ Петроніевича съ турками и, въ случаѣ надобности, исполнять княжескія порученія къ туркамъ помимо Петроніевича; а Живановича для того, чтобы могъ поддерживать лично непосредственныя сношенія съ англійскимъ посланникомъ,

Google

на помощь котораго князь Милошъ сталъ возлагать большія надежды».

Показанію Кюнибера, что князь Милошъ сообщилъ офицерамъ крагуевацкаго гарнизона о своихъ сношеніяхъ съ Англіей, въ надеждѣ получить чрезъ нее новыя уступки отъ Порты, въ томъ числѣ очищеніе Бѣлграда отъ турокъ, г. Мариновичъ не вѣритъ, ибо такое признаніе могло быть опасно для Милоша, вооруживъ противъ него народъ, среди котораго противники князя уже распространяли слухи о его сношеніяхъ «съ какими-то инглезами». Но всего вѣроятнѣе, что дѣло происходило на оборотъ, т. е., что Милошъ уже зналъ объ этихъ слухахъ и потому далъ такое выгодное объясненіе своимъ переговорамъ съ англійскимъ консуломъ. Впрочемъ и самъ г. Мариновичъ убѣжденъ, что все любезничанье Милоша съ Ходжесомъ было скорѣе маневромъ, нежели серьезнымъ намѣреніемъ стать подъ покровительство Англіи. Г. Мариновичъ совершенно отвергаетъ и показаніе Кюнибера о тѣхъ выгодныхъ для князя возгласахъ, которые будто бы слышались при разговорѣ Милоша съ Ходжесомъ у минеральныхъ водъ въ Буковикѣ: г. Мариновичъ самъ находился при этомъ въ свитѣ князя.

Расказъ о довершеніи устава г. Мариновичъ пополняетъ еще слѣдующею чертою: «Когда князь Милошъ получилъ изъ Цареграда извѣстіе, что потеряна всякая надежда, чтобъ уставъ былъ составленъ иначе, чѣмъ какъ требовалъ русскій посланникъ, то есть, что въ уставъ будетъ включенъ параграфъ о преимуществахъ совѣтниковъ,—ибо изъ-за этого параграфа и шло все препирательство,—онъ возымѣлъ вдругъ мысль снова провозгласить уставъ 1835 года, чтобы чрезъ то сдѣлать излишнимъ всякій другой уставъ. Въ этомъ намѣреніи, онъ призвалъ къ себѣ членовъ совѣта и предложилъ имъ эту мысль, но совѣтники, охрабренные цареградскимъ извѣстіемъ и не вѣря болѣе гарантіямъ, которыя были бы утверждены только на скупщинѣ, а не подкрѣплены въ то же время со стороны Россіи и Порты, не захотѣли согласиться на предложеніе князя Милоша, а сказали ему, что теперь вопросъ объ уставѣ находится на рѣшеніи въ Цареградѣ и что надо ждать оттуда результатовъ».

Въ примѣчаніяхъ къ моей книгѣ напечатаны подлинные документы объ отставкѣ Живановича, а въ текстѣ приведено и то мнѣніе, что совѣтъ требовалъ отставки его, какъ австрійскаго подданнаго. Г. Мариновичъ по этому поводу говоритъ:

Digitized by Google

«Живановичъ былъ уволенъ по тому, что извѣстенъ былъ какъ вѣрный и непоколебимый поддерживатель мыслей князя Милоша о параграфѣ устава касательно совѣтниковъ, за что партія старѣйшинъ питала къ нему большую ненависть, которая и ему самому была хорошо извѣстна, почему онъ подалъ просьбу объ отставкѣ тотчасъ же по отъѣздѣ изъ Цареграда, которая и была принята.»

Такимъ образомъ замѣчанія г. Мариновича на первый томъ касаются болѣе всего извѣстій, заимствованныхъ изъ сочиненія Кюнибера, отчасти объясняя ихъ, отчасти исправляя и дополняя. Сочиненіе Кюнибера вышло пятнадцать лѣтъ тому назадъ и лишь теперь стало обращать на себя вниманіе сербской критики. Будемъ надѣяться, что, пересмотрѣнное ею изъ конца въ конецъ, оно сдѣлается еще болѣе важнымъ и несомнѣннымъ источникомъ для новой сербской исторіи, хотя и до сихъ поръ ставилось въ число первыхъ пособій по этой части.

«Переходимъ къ замѣчаніямъ на второй томъ. На стр. 12-й, помѣщено извѣстіе о томъ, что Стоянъ Симичъ получилъ отъ временнаго правительства 50.000 дукатовъ въ видѣ займа въ два срока. Обстоятельства, сопровождавшія этотъ заемъ, г. Мариновичъ объясняетъ такъ: «Симичи были участниками въ валашской соляной компаніи и одинъ изъ нихъ долженъ былъ находиться въ этой компаніи у дѣлъ; а такъ какъ оба въ это время находились при государственныхъ занятіяхъ и, вслѣдствіе того, терпѣли ущербъ по компанейскому предпріятію, то Стоянъ Симичъ подалъ письменную просьбу совѣту, чтобъ онъ или освободилъ его отъ государственной службы, или же отпустилъ ему взаймы безъ процентовъ 50.000 дукатовъ, которыми Симичъ могъ бы помочь своей компаніи. Правительство считало тогда столь важнымъ удержать обоихъ Симичей при дѣлахъ, что готово было скорѣе дать имъ требуемый заемъ, чѣмъ лишиться ихъ содѣйствія. О томъ свидѣтельствуютъ протоколы совѣта и офиціальные акты того времени». Г. Мариновичъ совершенно справедливо говоритъ, что услуги Симичей тогдашнему временному правительству считались послѣднимъ драгоцѣнными и незамѣнимыми. Особенно важна была дѣятельность Стояна Симича, который въ 1839 году, въ эпоху сверженія Милоша, былъ главнымъ руководителемъ многихъ событій, хотя и не выставлялся впередъ.

Въ моихъ рукахъ находятся теперь копіи съ шести писемъ

Digitized by Google

Стояна Симича къ Вучичу во время майскихъ волненій того года, окончательно рѣшившихъ судьбу Милоша. Вучичъ тогда отправился изъ Бѣлграда усмирять возставшихъ въ пользу Милоша; а Симичъ, оставаясь въ Бѣлградѣ, наблюдалъ за самимъ Милошемъ и безпрестанно увѣдомлялъ Вучича о происходившемъ въ Бѣлградѣ. 15-го мая онъ отправилъ къ Вучичу два письма. Изъ одного мы узнаемъ, что Вучичъ совѣтовалъ Симичу возможно чаще собирать совѣтъ въ засѣданія; Симичъ отвѣчалъ, что онъ это дѣлаетъ. Въ другомъ письмѣ Симичъ говоритъ, что поручилъ Цвѣтку Райовичу сообщить русскому консулу Ващенку мнѣніе Вучича о томъ, какъ онъ думаетъ распорядиться съ возмутившимися послѣ покоренія ихъ; и будто Ващенко, сказавъ на это: «Право, молодецъ!» просилъ возможно чаще извѣщать его и произшествіяхъ. Въ письмѣ отъ 16-го мая Симичъ увѣдомляетъ Вучича, что присматриваетъ за княземъ усердно. На слѣдующій день онъ пишетъ Вучичу, что исполнилъ всѣ его порученія: «остается поцѣловать руку у паши». Въ письмѣ отъ 19-го мая онъ совѣтуетъ Вучичу поприготовить народъ къ скупщинѣ и разъяснить ему, почему Милошъ не хочетъ терпѣть совѣтниковъ и устава, сохраненія котораго желаютъ владѣтельная и и покровительствующая державы. Наконецъ, въ письмѣ отъ 23-го мая, вновь давая Вучичу совѣты о томъ, какъ вести слѣдствіе надъ захваченными приверженцами Милоша и какъ подготовить народъ къ скупщинѣ, послѣдствіемъ которой, какъ извѣстно, было отреченіе Милоша,—Симичъ прямо говоритъ: «Мы вамъ такую власть дали, какой дать другой разъ не рѣшимся; пользуйтесь столь благопріятнымъ положеніемъ».

На стр. 207-й среди расказа о сношеніяхъ сербскихъ правителей съ французскимъ министерствомъ при посредствѣ польскихъ эмигрантовъ: Чайковскаго, проживавшаго тогда въ Парижѣ, и Ленуара (Звержковскаго), было у меня сказано, что французское министерство дало знать сербскимъ правителямъ чрезъ своего консула, что вмѣсто польскаго эмигранта могли бы поручить это дѣло Іовану Мариновичу, который тогда находился во Франціи. Г. Мариновичъ замѣчаетъ на это, и его показанія, конечно, имѣютъ надлежащее значеніе: «Мнѣ ничего не извѣстно о такомъ заявленіи французскаго правительства, на основаніи котораго меня предполагали сдѣлать посредникомъ въ поддержкѣ сношеній между Франціей и Сербіей. Я дѣйствительно въ то самое время, именно съ іюня 1841 года, находил-

Digitized by Google

ся въ Парижѣ съ цѣлію образовательною, но кромѣ дружественныхъ, и то рѣдкихъ, сношеній съ чиновниками французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ не имѣлъ съ ними никакихъ другихъ отношеній. Паденіе князя Михаила коснулось и меня: новое правительство лишило меня моего званія (секретаря министерства иностранныхъ дѣлъ). При такихъ обстоятельствахъ, если и было какое либо заявленіе со стороны французскаго министерства, что мнѣ совершенно не извѣстно, то оно не могло быть принято тогдашнимъ сербскимъ правительствомъ. По отъѣздѣ Ленуара, его мѣсто въ Бѣлградѣ занялъ Захъ.»

На стр. 219-й, описывая тяжелое положеніе дѣлъ въ Бѣлградѣ послѣ перваго избранія Александра Кара-Георгіевича въ князья, котораго однакожъ не призналъ русскій императоръ, излагая ходъ переговоровъ по этому поводу, какъ въ Бѣлградѣ, такъ и въ Константинополѣ, я, основываясь на донесеніи Ващенка, сказалъ: «Совѣщаясь о сербскихъ дѣлахъ, Гафизъ-паша и русскій консулъ убѣдились, что Кара-Георгіевичъ долженъ отречься прежде, чѣмъ созвана будетъ народная скупщина. Но въ такомъ случаѣ надо было установить новое временное правительство. Русскій консулъ предложилъ составить его изъ Стояна Симича, Стефана Стефановича, Ильи Гарашанина и Лазаря Теодоровича, ибо считалъ ихъ людьми, державшимися разныхъ мнѣній. Но это различіе едва ли простиралось такъ далеко, чтобы хоть одинъ изъ нихъ рѣшился руководить партіей Обреновичей: напротивъ, всѣ они были противъ нея и отличались другъ отъ друга только большею или меньшею энергіей характера и способомъ дѣйствій. Затѣмъ самъ собой возникалъ вопросъ: слѣдуетъ ли приглашать на скупщину бѣжавшихъ въ Австрію? Слѣдуетъ ли удалить Вучича и Петроніевича, если приверженцы Обреновичей будутъ допущены къ участію въ скупщинѣ? Ни паша, ни консулъ не могли сами отвѣчать на это и послали запросы Портѣ и послу. Но *на другой же день* послѣ того, 1-го мая, *полученъ былъ приказъ* изъ Константинополя, чтобы Кара-Георгіевичъ подписалъ отреченіе, иначе его отрѣшатъ формальнымъ образомъ отъ княжескаго званія». Г. Мариновичъ говоритъ по этому поводу: «Здѣсь большой пропускъ. Мысль о томъ, что князь Александръ долженъ подать въ отставку, и что надо приступить къ новому избранію князя, не принадлежала Гафизъ-пашѣ (у меня этого не сказано); но въ Цареградѣ между Портой и Россіей, при содѣйствіи остальныхъ великихъ державъ, учинено такое заклю-

Digitized by Google

ченіе: 1) прежнее революціонное избраніе Кара-Георгіевича, какъ неправильное и незаконное, уничтожается, 2) новое избраніе князя будетъ происходить въ присутствіи и подъ надзоромъ императорско-русскаго коммисара; 3) вожди послѣдней революціи, Вучичъ и Петроніевичъ, должны удалиться изъ отечества, въ наказаніе за то, что произвели эту революцію. Это былъ единственный способъ, которымъ распря между Россіей и Портой по сему вопросу могла быть разрѣшена, и это было трансакціей, на которую склонился императоръ Николай, и принять которую настойчиво совѣтовали Портѣ другія великія державы. Какъ послѣдствіе этой трансакціи, было заявленіе со стороны Россіи, что она признаетъ того князя, который будетъ избранъ такимъ правительственнымъ путемъ, а прежде того Россія начисто и прямо требовала возстановленія князя Михаила. О томъ свидѣтельствуютъ офиціальные дипломатическіе акты; объ этомъ же вкратцѣ упоминается въ мемуарахъ Гизо. Для исполненія перваго условія, чтобъ избѣгнуть сверженія Кара-Георгіевича султанскимъ фирманомъ, обратились къ болѣе мягкой формѣ—княжеской отставкѣ, и онъ, вслѣдствіе того, подписалъ ее; избрано временное намѣстничество изъ людей, преданныхъ дѣлу послѣдней революціи, но въ то же время не находившихся въ числѣ тѣхъ двоихъ, которые въ наказаніе должны были удалиться изъ Сербіи. Для исполненія втораго условія долженъ былъ прибыть въ Сербію баронъ Ливенъ и присутствовать при новомъ избраніи въ качествѣ императорскаго русскаго коммисара, и въ то же время, по соглашенію съ пашей, постараться, чтобы и третье условіе, касающееся удаленія изъ страны Вучича и Петроніевича, было исполнено. Такимъ образомъ отставка Кара-Георгіевича была простою формальностію и подписана вслѣдствіе договора между Россіей и Портою.»

Переходя къ расказу о переговорахъ русскихъ агентовъ съ обѣими сербскими партіями, предшествовавшихъ новой избирательной скупщинѣ, къ описанію самой скупщины и къ послѣдовавшему за ней удаленію Вучича и Петроніевича изъ Сербіи, г. Мариновичъ сообщаетъ нѣсколько дополненій и поправокъ, находящихся въ тѣсной связи между собою. «Обреновичи не были исключены изъ кандидатуры при новомъ избраніи, говоритъ онъ, точно также и Кара-Георгіевичъ. Желаніе императора Николая состояло въ томъ, чтобы князь Михаилъ возвратился къ власти, и чтобы такимъ способомъ онъ получилъ

Digitized by Google

сатисфакцію надъ революціей; но когда оказалось невозможнымъ получить то непосредственно отъ султана, тогда прибѣгли къ комбинаціи новаго избранія, и настоянія барона Ливена въ этомъ были непрестанны и усердны. Но когда самъ баронъ Ливенъ убѣдился, что всѣ его дѣйствія противъ Кара-Георгіевича и въ пользу Михаила могли послужить только князю Милошу, ибо послѣдній своими деньгами и посредствомъ своихъ приверженцевъ могъ дѣйствовать на народъ гораздо болѣе, чѣмъ всякій другой, тогда онъ молча дозволилъ, чтобы ходъ событій обратился въ пользу Кара-Георгіевича: ибо при отношеніяхъ, въ которыя поставилъ себя тогда князь Милошъ къ русской политикѣ, его избраніе было бы полезно только для Австріи, а никакъ не для Россіи, и, стало быть, Россія, облегчая избраніе князя Милоша, сама напрасно еще болѣе ополчила бы противу себя такъ называемую уставобранительную партію и облегчила бы успѣхъ австрійскимъ интригамъ; допуская же новое избраніе Кара-Георгіевича, по крайней мѣрѣ, сохраняла за собой хвалу за готовность примириться и за великодушіе къ тѣмъ, которые держали правленіе Сербіей въ своихъ рукахъ и которые давали ей за то наилучшія обѣщанія благодарности и преданности».

Понималъ ли баронъ Ливенъ тогдашнія отношенія такимъ образомъ, какъ полагаетъ авторъ замѣчаній, объ этомъ лучше всего можетъ сказать самъ баронъ. Но нельзя согласиться, чтобы даже тогда можно было обманывать себя тѣмъ, что избраніе Кара-Георгіевича и торжество партіи уставобранителей могли быть выгоднѣе для Россіи, чѣмъ избраніе Милоша Обреновича, котораго желало большинство народа. Нельзя вѣрить, чтобы русской дипломатіи было выгоднѣе примириться съ партіей, уже нѣсколько разъ обманывавшей ее, и удовольствоваться неопредѣленными обѣщаніями какой-то преданности въ будущемъ, чѣмъ удовлетворить заглушенныя этой партіей желанія самого народа, въ сочувствіи котораго къ Россіи не было даже возможности сомнѣваться. Всѣ слѣдовавшія затѣмъ событія доказали, что думать такъ было ошибкою. Въ этомъ отношеніи желательно было бы имѣть самыя точныя свѣдѣнія о пребываніи Милоша Обреновича въ Петербургѣ въ 1848 году, когда, по расказамъ, ходящимъ въ Сербіи, императоръ Николай примирился съ изгнанникомъ, при чемъ сказалъ: «Мы оба ошиблись другъ въ другѣ».

Но возвратимся къ объясненіямъ г. Мариновича. «Оттуда, говоритъ онъ, происходила эта слабость въ дѣйствіяхъ барона Ливена въ

Digitized by Google

пользу участія всѣхъ бѣглецовъ (было бы правильнѣе—изгнанниковъ) въ избраніи; отсюда и его согласіе на то, чтобы только одинъ, или двое изъ нихъ подавали голосъ при выборѣ князя отъ имени всѣхъ остальныхъ; оттуда его согласіе на такую процедуру избранія, которая, въ глазахъ опытныхъ людей, была не что другое, какъ пустая формальность и прикрытіе,—словомъ, пародія на избраніе, а на самомъ дѣлѣ освященіе и узаконеніе успѣха тѣхъ, кто пользовался тогда властью. И въ этомъ случаѣ интриги князя Милоша и его славолюбіе болѣе вредили князю Михаилу, чѣмъ его непріязнь съ уставобранителями, какъ и въ 1842 году, во время Вучичевой революціи, болѣе повредили князю Михаилу сплетни князя Милоша, княгини Любицы и ихъ послѣдователей, чѣмъ вся вражда и всѣ усилія противниковъ династіи Обреновичамъ». Далѣе г. Мариновичъ отвергаетъ извѣстіе, что въ день пріѣзда барона Ливена въ Бѣлградъ, въ Топчидерѣ собиралась малая скупщина, которая должна была опредѣлить порядокъ и способъ избранія князя, и что въ этотъ уже день открылось, что ни скупщина, ни совѣтники не хотятъ разстаться съ Вучичемъ и Петроніевичемъ. Но извѣстіе это заимствовано мною изъ бумагъ Ващенка, а имъ почерпнуто изъ донесеній преданныхъ людей, разумѣется, сербовъ, находившихся съ нимъ въ тайныхъ сношеніяхъ. Быть можетъ, ему доносили, что въ Топчидерѣ происходило совѣщаніе между правителями, совѣтниками и нѣкоторыми ихъ сторонниками, а Ващенко назвалъ это совѣщаніе малою скупщиной. Вообще я долженъ сказать здѣсь, что въ расказѣ о событіяхъ 1838—1843 гг. большая часть извѣстій заимствованы въ моей книгѣ изъ бумагъ Ващенка. Что приверженцы Кара-Георгіевича серьезно готовились къ скупщинѣ, въ этомъ никто, разумѣется, не будетъ сомнѣваться. Можно съ достовѣрностію утверждать, что успѣхъ его вторичнаго избранія былъ вполнѣ обезпеченъ партіей Вучича и Петроніевича еще до пріѣзда русскаго коммисара, о которомъ они имѣли извѣстіе, будто бы ему поручено дѣйствовать въ пользу возстановленія на сербскомъ престолѣ князя Михаила. Надо отвергнуть въ людяхъ этой партіи всякую способность къ энергической дѣятельности, отказать имъ въ чувствѣ самосохраненія и въ послѣдовательности ихъ политическихъ стремленій, чтобы предположить въ нихъ полную покорность предъ грядущимъ возвращеніемъ въ Сербію князя Михаила и его сторонниковъ. Вотъ почему я думаю, что не русскій коммисаръ помогалъ имъ достигнуть этой цѣли, а ихъ приготов-

Digitized by Google

ленность къ борьбѣ и упорство въ своемъ намѣреніи убѣдили его въ безполезности дальнѣйшихъ хлопотъ къ возвращенію изгнаннаго князя: настаивать во что бы то ни стало на этомъ не предписывалось его инструкціями; онѣ имѣли въ виду лишь свободное и правильное избраніе князя. Но свободнымъ это избраніе быть не могло, ибо власть находилась въ рукахъ партіи только-что отрекшагося князя, другая же партія была безсильна, ибо ея представители были за границей; правильнымъ это избраніе можно назвать лишь по тому, что при немъ соблюдены были извѣстныя формальности. Однакожь эти формальности могутъ имѣть значеніе передъ дипломатіей, а не имѣютъ никакой цѣны въ глазахъ историка, что, кажется, признаетъ и самъ г. Мариновичъ. на примѣръ, въ вышеприведенныхъ замѣчаніяхъ его объ адресѣ, поданномъ князю Милошу скупщиною 1837 года. Усиленное ходатайство и вымогательство партіи Вучича и Петроніевича предъ барономъ Ливеномъ подтверждается слѣдующимъ замѣчаніемъ г. Мариновича къ стран. 223 втораго тома: «О Вучичѣ и Петроніевичѣ ходатайствовано было передъ барономъ Ливеномъ, чтобъ имъ дозволено было не удаляться изъ Сербіи. Послѣ многихъ настояній со стороны тогдашняго правительства, при чемъ высказываема была и угроза, что сербскій народъ скорѣе вступитъ въ войну, нежели дозволитъ, чтобъ его старѣйшины были изгоняемы изъ отечества, баронъ Ливенъ наконецъ обѣщалъ ходатайствовать передъ императоромъ, чтобы помянутымъ двумъ лицамъ дозволено было, въ видѣ помилованія, остаться въ Сербіи, при чемъ они все-таки должны удалиться тотчасъ изъ столицы; но это удаленіе было только кажущееся: они удалились отъ должностей и держались внѣ Бѣлграда, пока не совершилось новое избраніе, но тѣмъ болѣе и сильнѣе могли дѣйствовать во внутренности страны, для поддержки своего дѣла». Извѣстно, что императоръ Николай не согласился на ходатайство барона Ливена, и послѣдній, находясь уже въ Варшавѣ, долженъ былъ возвратиться въ Сербію, чтобы потребовать вновь удаленія изъ нея Вучича и Петроніевича.

Объ избирательной скупщинѣ г. Мариновичъ говоритъ: «Я присутствовалъ при всѣхъ дѣйствіяхъ этой скупщины и слышалъ все, что говорилъ народу баронъ Ливенъ. Баронъ сказалъ на русскомъ языкѣ, что избраніе князя Александра было неправильно, и что такимъ избраніемъ повреждены права и преимущества народныя; что Государь Императоръ, какъ покровитель

Digitized by Google

Сербіи, не могъ согласиться, чтобы такое избраніе оставалось въ силѣ, а потому, по договору съ Портой, созванъ народъ приступить къ другому правильному избранію, въ присутствіи коммисаровъ обоихъ дворовъ, владѣтельнаго и покровительствующаго: что теперь народъ вполнѣ властенъ заявить, кого желаетъ имѣть княземъ; что выраженіе его свободной воли будетъ уважено и подтверждено, для чего пусть приступитъ предъ лицемъ царскихъ коммисаровъ къ свободному избранію и подастъ свой голосъ за того, кого считаетъ наиболѣе способнымъ вести Сербію къ благосостоянію и счастію. Подъ предлогомъ, что народъ не могъ вполнѣ уразумѣть все, что́ баронъ Ливенъ сказалъ на русскомъ языкѣ, вслѣдъ за нимъ сталъ говорить Стоянъ Симичъ, объясняя народу рѣчь барона Ливена приблизительно въ такихъ словахъ: «Государь Императоръ слышалъ, что прежнее избраніе не было народное, а будто князь Александръ навязанъ народу насильно нѣсколькими людьми; но Государь Императоръ не можетъ терпѣть, чтобы сербскому народу навязывали князя силою, и чтобы на народъ взводилась клевета, будто онъ принялъ князя помимо воли своей; а потому Государь послалъ своего повѣреннаго узнать истинныя желанія и волю народную, и пусть теперь народъ скажетъ свободно: вѣрно ли, что онъ хочетъ Кара-Георгіевича имѣть своимъ княземъ, или же вѣрно то, какъ говорятъ народные непріятели и клеветники, что народъ не хочетъ Кара-Георгіевича». Это объясненіе свое онъ заключилъ такъ: «Нынѣ, братья, Видовъ-Данъ (скупщина была 15 іюня), и онъ снова покажетъ, кто вѣренъ, и кто не вѣренъ»; а это, другими словами, значило: сегодня вѣрнымъ будетъ тотъ, кто останется при избраніи Кара-Георгіевича, а невѣрнымъ и измѣнникомъ будетъ тотъ, кто отступитъ отъ Кара-Георгіевича. Такое широкое толкованіе и извращеніе словъ барона Ливена всѣ примѣтили; я самъ видѣлъ, какъ г. Ващенко, смѣясь, сказалъ г. Симичу: «Какъ вы хорошо умѣете переводить съ русскаго на сербскій!» Но это было совершенно естественно, ибо самое избраніе было только голою формальностію: русская дипломатія уже примирилась съ мыслію, что надо узаконить избраніе Кара-Георгіевича, и не могла она болѣе ни на одинъ часъ мечтать, что избраніе окончится иначе, чѣмъ хотятъ тѣ, которые въ то время имѣли въ своихъ рукахъ всю правительственную власть и были солидарны съ Кара-Георгіевичемъ». Вотъ объясненіе всего событія, съ которымъ я вполнѣ согласенъ, но долженъ прибавить, что мечтать могли, и дѣйстви-

Digitized by Google

тельно мечтали, о другомъ исходѣ избранія приверженцы князя Михаила, вначалѣ обнадеженные русскою дипломатіей.

Переходя къ четвертому пріѣзду барона Ливена въ Бѣлградъ съ порученіемъ отъ императора Николая требовать удаленія Вучича и Петроніевича изъ Сербіи, г. Мариновичъ замѣчаетъ: «Не баронъ Ливенъ хотѣлъ, чтобы дѣло Вучича и Петроніевича рѣшалось скупщиной, но тогдашнее сербское правительство, желая дать этому дѣлу бо̀льшую важность и остаться послѣдовательнымъ относительно своихъ прежнихъ заявленій, коими хотѣло доказать, что народъ готовъ скорѣе понести всякія жертвы, нежели допустить, чтобы были изгоняемы изъ страны первые патріоты; вслѣдствіе того оно и постановило созвать скупщину въ Крагуевацъ, чтобъ объяснить и доказать ей необходимость удаленія Вучича и Петроніевича изъ отечества на нѣкоторое время. Предъ созваніемъ этой скупщины правительство сомнѣвалось, дѣйствительно ли серьезна угроза барона Ливена «добиться удаленія Вучича и Петроніевича силою, если они не захотятъ удалиться добровольно», а потому и желало, чтобы баронъ сообщилъ письменно о томъ, что послѣдуетъ, если означенныя лица не удалятся, и въ отвѣтъ на то баронъ Ливенъ адресовалъ сербскому правительству письменное офиціальное сообщеніе, что, по соглашенію между Россіей и Портой, одинъ корпусъ русскихъ войскъ, въ 20.000 человѣкъ, имѣетъ приказаніе двинуться въ Сербію, если условіе объ удаленіи Вучича и Петроніевича не будетъ исполнено мирнымъ путемъ. Тогда эти господа увидали, что съ ними болѣе не шутятъ, и съ той минуты стало извѣстно и признано, что Вучичъ и Петроніевичъ должны удалиться и все, что было потомъ дѣлано: созваніе скупщины въ Крагуевцѣ и т. д., было лишь формальностью и маневромъ, изъ желанія спасти внѣшнее приличіе и свое достоинство. Постановленіе объ изгнаніи Вучича и Петроніевича принято было въ Цареградѣ, при содѣйствіи всѣхъ великихъ державъ. Гизо, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ, предполагая, что Сербы могутъ воспротивиться такому постановленію, прислалъ къ французскому консулу въ Бѣлградѣ, г. А. де-Кодрика, депешу, которою поручалъ ему объяснить сербскимъ патріотамъ, что они вполнѣ докажутъ свой патріотизмъ и окажутъ наибольшую услугу своему отечеству, если не будутъ сопротивляться такому постановленію великихъ державъ. Эту депешу я читалъ въ оригиналѣ и имѣлъ въ своихъ рукахъ, и ея содержаніе, по просьбѣ г. де-Кодрика, сообщилъ Вучичу и Петроніевичу,

Digitized by Google

объявивъ имъ, что или самъ консулъ или курьеръ его прибудетъ въ Ягодину и лично сообщитъ Петроніевичу такое порученіе отъ своего двора. Г. де-Кодрика дѣйствительно ѣздилъ съ этою цѣлію въ Ягодину, и я получилъ отвѣтъ отъ Вучича и Петроніевича, что они послѣдуютъ волѣ высокихъ дворовъ и совѣтамъ Франціи. Лишь только стало извѣстно, что они удаляются изъ Сербіи, «Journal des Débats» напечаталъ, что ихъ удаленіемъ устранено съ политическаго горизонта темное облачко, которое въ послѣднее время грозило спокойствію Востока». Таковы сообщенія г. Мариновича о переворотѣ 1842 года и о событіяхъ, сопровождавшихъ оный. Сообщенія эти нельзя не признать важными.

Касательно участія Сербіи въ венгерской войнѣ г. Мариновичъ говоритъ, что сербское правительство ободряло сербовъ въ Сремѣ, Бачкѣ и Банатѣ изъ чистой братской симпатіи, сознавая, что необходимо помочь своей единокровной братіи, которой мадьяры грозили покорененіемъ. Но въ началѣ мадьяры стояли еще на легальной почвѣ и находились въ согласіи съ австрійскимъ дворомъ; о намѣреніи Россіи поддержать престолъ Габсбурговъ еще не было извѣстно въ Сербіи, когда сербы изъ княжества уже компрометировали себя участіемъ въ борьбѣ съ мадьярами. Но «очень вѣроятно, говоритъ г. Мариновичъ, что тогдашнее сербское правительство схватилось за эту сочувственную политику, не желая дать князю Михаилу возможность составить себѣ сильную партію между сербами Воеводства и потомъ, при помощи этой партіи, попытаться возвратиться въ Сербію; но и кромѣ такого эгоистическаго расчета, правительство сознавало, что не можетъ оставаться равнодушнымъ къ судьбѣ задунайскихъ братьевъ. Переходъ къ нимъ волонтеровъ изъ княжества сдѣланъ былъ по указанію и одобренію правительства; тратились на нихъ деньги изъ сербской государственной казны, выдавалась и военная амуниція изъ правительственныхъ складовъ. Но все это дѣлалось тайно и имѣло видъ частнаго предпріятія, чтобы, въ случаѣ неуспѣха, не компрометировать политическаго положенія Сербіи. Вучичъ же непрестанно, отъ самаго начала, былъ противъ помощи сербамъ, живущимъ по ту сторону Савы, явно осуждалъ эту политику и подговаривалъ народъ не слушаться въ томъ правительства, но не имѣлъ никакого успѣха». Ниже мы встрѣтимся съ объясненіемъ Георгія Протича, что Вучичъ сталъ противъ участія въ борьбѣ венгерскихъ сербовъ съ мадьярами изъ ненависти къ Кничанину, назначенному воеводой во-

Digitized by Google

лонтеровъ изъ княжества. О скупщинѣ 1848 года г. Мариновичъ говоритъ, что она не касалась политическихъ дѣлъ и вся была наполнена сплетнями и препирательствами чиновниковъ между собою, а также личною распрею Вучича съ Кничаниномъ, Ненадовичами, Зубаномъ и другими.

Въ главѣ о восточной войнѣ, г. Мариновичъ сдѣлалъ любопытныя замѣчанія на тѣ страницы, въ которыхъ приводится его мемуаръ, совѣтовавшій сербскому правительству держаться нейтралитета, расказывается о тогдашнихъ отношеніяхъ Сербіи къ Австріи и сообщается сербскій меморандумъ, направленный противъ австрійской политики. Г. Мариновичъ говоритъ объ этомъ такъ: «Всѣ партіи въ Сербіи безъ различія хотѣли защищаться отъ Австріи и подняться противъ нея, еслибъ она вздумала занять Сербію; но все это предполагалось въ смыслѣ защиты; никто не желалъ вызвать Австрію на войну. Дѣленіе на партіи происходило отъ того, что нѣкоторые члены правительства или по симпатіи къ Россіи, или же изъ опасенія, чтобы, въ случаѣ неуспѣха русскаго оружія, положеніе Сербіи не осталось открыто для притязаній со стороны Турціи и Австріи, желали, чтобы Сербія держалась солидарныхъ отношеній съ Россіей: они доказывали, что если Сербія и потерпитъ пораженіе въ такомъ предпріятіи, то Россія постарается со временемъ, изъ благодарности, вознаградить ее за то; другіе же полагали, что для Сербіи опасно выступать изъ нейтралитета, а такъ какъ они были въ большинствѣ, то ихъ мнѣніе и превозмогло. Авторъ оказываетъ мнѣ слишкомъ много чести, говоря, что мой мемуаръ прекратилъ споръ объ этомъ вопросѣ. Мой мемуаръ могъ содѣйствовать къ убѣжденію людей, легко смотрѣвшихъ на тогдашнія отношенія и мало знакомыхъ съ политическими дѣлами Европы; онъ только представилъ имъ разъясненіе того, что они подозрѣвали и предугадывали, но не были способны доказать и представить во всей ясности. Еслибы и не было этого мемуара, то въ Сербіи все-таки восторжествовала бы та же самая политика, въ чемъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; мемуаръ только выяснилъ, одобрилъ и поддержалъ эту политику». Мнѣ остается только прибавить къ словамъ г. Мариновича, что сама Россія требовала тогда, чтобы сербы оставались нейтральными, пока война не будетъ перенесена въ глубину Турціи, о чемъ упоминалось и въ самомъ мемуарѣ его. Касательно положенія Сербіи въ виду угрожавшаго ей занятія австрійскими войсками, г. Мариновичъ замѣчаетъ:

Digitized by Google

«Вслѣдствіе сильныхъ настояній сербскаго правительства передъ Изетъ-Пашею, при чемъ ему было говорено, что Сербія дастъ отпоръ австрійцамъ даже въ томъ случаѣ, еслибы сама Порта разрѣшила имъ вступить въ Сербію, и что въ этомъ случаѣ Сербія будетъ считать равно своими непріятелями какъ австрійцевъ, такъ и турокъ, Изетъ-паша, чтобы не дать сербамъ повода искать союза съ русскими, заявилъ, что Порта будетъ держаться съ сербами заодно. Такимъ путемъ турки надѣялись отклонить опасность, грозившую имъ, еслибы Сербія вмѣшалась въ ихъ войну съ Россіей. Но, при всемъ томъ, Сербія долгое время не была вполнѣ безопасна въ этомъ отношеніи. Порта вначалѣ смотрѣла на занятіе Сербіи австрійскими войсками какъ на ручательство, что Сербія не въ состояніи будетъ помогать русскимъ, и ничего не предпринимала противъ такого плана, точно также Франція и Англія, которыя никогда не переставали подозрѣвать симпатій Сербіи къ Россіи и пугаться ихъ. Что потомъ все это дѣло приняло другой видъ, заслуга въ томъ принадлежитъ единственно сербскому правительству, которое съ своей стороны заявило энергически, что во вмѣшательствѣ Австріи усмотритъ актъ непріятельства и будетъ бороться противъ нападающихъ на его землю, нисколько не взирая на послѣдствія. Но чтобы сколько нибудь облегчить положеніе Сербіи при такихъ обстоятельствахъ, правительство старалось склонить Порту, чтобы она никоимъ образомъ не соглашалась на австрійское вмѣшательство; а чтобъ побудить и западныя державы къ противодѣйствію этой новой комбинаціи на Дунаѣ, просило сообщить имъ конфиденціально копію извѣстнаго меморандума, коимъ объявлено, что всякое покушеніе со стороны австрійскихъ войскъ на вступленіе въ Сербію будетъ сочтено объявленіемъ войны. Въ то же самое время, чтобы дать большую и дѣйствительную силу своимъ дипломатическимъ заявленіямъ, Сербія явно и энергически, съ величайшею быстротою и живостью привела въ исполненіе свои военныя мѣры и приготовленія, которыя способна была предпринять. Таково было происхожденіе меморандума, о которомъ говорится на страницахъ 380 и 381-й. Онъ составленъ былъ внѣ всякаго посторонняго вліянія, единственно съ желаніемъ отклонить возможность согласія Порты на занятіе Сербіи австрійцами. Этотъ меморандумъ оставался тайною для цѣлаго свѣта, пока не былъ обнародованъ. Когда происходили совѣщанія о другихъ мѣрахъ, я предложилъ мысль объ этомъ меморандумѣ и по одобреніи ея тотчасъ же

Digitized by Google

сочинилъ его и переписалъ, такъ что все совершено было въ одинъ день. Французскій консулъ Сегюръ, а равно и остальные, лишь тогда узнали о немъ, когда имъ сообщена была копія съ него, а это было уже тогда, какъ меморандумъ находился въ пути къ Цареграду. Зная о кокетничаньи западныхъ державъ съ Австріей, мы предполагали, что имъ не понравится наше сопротивленіе австрійцамъ. Такъ и было въ дѣйствительности, о чемъ я получилъ позднѣе непосредственныя доказательства въ Парижѣ и Лондонѣ. Стало быть, всѣ дѣйствія тогдашняго сербскаго правительства были совершенно независимы и проникнуты единственно желаніемъ служить сербскимъ интересамъ, не взирая на то, будутъ ли они нравиться какой либо изъ иностранныхъ державъ, или нѣтъ».

Важность и значеніе всѣхъ этихъ замѣчаній г. Мариновича даютъ имъ полное право на вниманіе со стороны лицъ, читавшихъ мою книгу.

Перехожу къ другому рукописному источнику, дающему свѣдѣнія о событіяхъ и дѣятеляхъ того же времени. Извѣстный читателямъ моей книги: «Россія и Сербія», Георгій Протичъ, бывшій главнымъ министромъ князя Михаила во время его перваго управленія Сербіей, а послѣ паденія его удалившійся въ Венгрію, оставилъ по себѣ нѣсколько рукописныхъ сочиненій, поступившихъ въ 1869 году въ библіотеку бѣлградскаго ученаго общества *). Съ этими сочиненіями я могъ познакомиться только лѣтомъ прошлаго года, во время моего вторичнаго пребыванія въ Бѣлградѣ. Они имѣютъ нѣкоторое значеніе при объясненіи взаимныхъ отношеній, существовавшихъ между партіей уставобранителей и приверженцами Обреновичей въ эпоху господства первой. Извѣстно, что Георгій Протичъ вначалѣ былъ тѣсно связанъ съ главными дѣятелями, руководившими партіей уставобранителей и помогъ имъ свергнуть Милоша съ сербскаго престола. Въ послѣдствіи Протичъ разошелся съ уставобранителями и былъ гонимъ ими, но его отношенія къ Милошу нисколько не измѣнились.

Въ книгѣ моей я высказывалъ сожалѣніе, что нигдѣ не могъ найти той жалобы Протича на князя Милоша, которую онъ послалъ императору Николаю, и которая вызвала первую грозу на сербскаго князя изъ Россіи. Теперь же могу сказать, что пой-

*) См. «Гласник Српског ученог друштва» кн. VIII, стр. 367—368.

Digitized by Google

тіе объ этой жалобѣ можетъ дать Протичева рукопись, озаглавленная: «Изображеніе князя Милоша и его правленія», писанная именно въ 1837 году.

Въ этомъ сочиненіи Протичъ говоритъ только о дурныхъ и слабыхъ сторонахъ Милошева управленія, не упоминая ни о внѣшнихъ, ни о внутреннихъ успѣхахъ Сербіи за то время. Въ самомъ началѣ своего разсужденія онъ говоритъ какъ-бы за народъ: «Судьба хотѣла, чтобы сербскій народъ при своемъ воскресеніи испыталъ деспотическое, тиранское и варварское ярмо отъ перваго князя своего». Но по прочтеніи всей рукописи легко убѣдиться, что это ярмо главнымъ образомъ носили чиновники. Остававшійся вѣрнымъ чувству ненависти къ Милошу въ продолженіе всей своей жизни, Протичъ такъ изображаетъ Милоша: «Отъ природы суровъ, не имѣя образованнаго ума и благаго сердца, онъ слѣдовалъ только низкимъ страстямъ и наущеніямъ подлыхъ ласкателей: привыкъ управлять своевольно; не зналъ, что такое судъ Божій и законы человѣческіе; думалъ, что владѣть можно только посредствомъ страха, алченъ къ богатству» и т. д. Рисуя жизнь Милоша во всѣхъ ея подробностяхъ, Протичъ называетъ перваго князя Сербіи дурнымъ христіаниномъ, мужемъ и отцомъ, хотя и не объясняетъ при этомъ, былъ ли Милошъ единственнымъ исключеніемъ между сербами того времени. Милошъ обвиняется не только въ невѣрности княгинѣ Любицѣ, которая была ему ровесницей, но и въ томъ, что не жилъ съ нею въ Крагуевцѣ. Указано на пренебреженіе Милоша къ воспитанію дѣтей своихъ: онъ только кормилъ, поилъ и баловалъ ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ Протича, Милошъ гналъ родственниковъ своей жены: роднаго брата ея наказалъ пятьюдесятью ударами палокъ и темницей; впослѣдствіи тотъ умеръ въ бѣдности. Братья самаго Милоша, Іованъ и Ефремъ, тоже не мало потерпѣли отъ князя: первый впрочемъ многое попускалъ Милошу, а второй старался перенять европейскіе обычаи и подъ конецъ былъ въ открытой враждѣ съ княземъ. Затѣмъ Протичъ касается вліянія на управленіе женщинъ, бывшихъ близкими къ Милошу, и ихъ ласкателей. Сближенія съ нравившейся ему женщиной Милошъ добивался или посредствомъ денегъ, или силою, или милостями, а потомъ отдавалъ ее замужъ и выдвигалъ впередъ человѣка, вступившаго съ нею въ бракъ. Протичъ упрекаетъ Милоша и въ томъ, что онъ не позволялъ старѣйшинамъ и чиновникамъ строить большіе дома, окружать себя нѣкоторыми житейскими удобствами.

Digitized by Google

Любя самъ простыя кушанья, Милошъ гнѣвался на тѣхъ, кто отступалъ въ этомъ отношеніи отъ народныхъ привычекъ. Оканчивая изображеніе Милоша, какъ человѣка, Протичъ прямо говоритъ: «не могу показать ни одной хорошей стороны въ его характерѣ». Переходя къ изображенію Милошева правленія, Протичъ прежде всего описываетъ отношенія князя къ властямъ. Милошъ не давалъ власти сенату или совѣту, не терпѣлъ никакого устава, никакихъ законовъ; магистраты при немъ также не имѣли значенія. Князь вмѣшивался самъ во всѣ дѣла, на все давалъ свои рѣшенія; любилъ наказывать тѣлесно, не взирая на положеніе человѣка. Князь былъ господинъ надъ жизнію всякаго человѣка, но своихъ прислужниковъ миловалъ, не смотря на злоупотребленія и преступленія. Между княземъ и народомъ въ Сербіи той эпохи стояли чиновники; но князь такъ умѣлъ подчинить ихъ своей волѣ, что они были совершенно отдѣлены отъ народа, какъ будто служили только его интересамъ, достоинство же и состояніе ихъ зависѣли лишь отъ его воли и слова. Заслуги предъ отечествомъ, лучшее воспитаніе, опытность, образованный умъ и свѣдѣнія не составляли достаточныхъ ручательствъ въ безопасности того, кто отважился бы вступить въ сословіе чиновниковъ. При Милошѣ не имѣло значенія избраніе отъ народа или общины: мало избранныхъ и заслуженныхъ сыновъ Сербіи находилось въ службѣ, да и тѣ или имѣли очень узкій кругъ дѣйствій, или должны были безпрестанно мѣнять свои мѣста и служить безъ всякой власти. Большая часть чиновниковъ при Милошѣ были сербы, пріѣхавшіе изъ-за границы, и притомъ ласкатели князя, его слѣпые слуги. Австрія доставила Сербіи значительное число секретарей, писарей, учителей, большею частію людей полуобразованныхъ, наемниковъ. Протичъ даже называетъ тѣхъ изъ приближенныхъ Милоша, которые имѣли наиболѣе вліянія на него; между прочитъ говоритъ объ Авраамѣ Стойковичѣ, будто бы передъ нимъ должны были унижаться и княгиня и сыновья князя. Припоминая, какъ и самъ былъ наказанъ Милошемъ, Протичъ увѣряетъ, что князь могъ дать чинъ и отнять его безъ суда и слѣдствія: Павелъ Радомировичъ изъ Шабца подвергся преслѣдованіямъ не за службу, а за торговыя несогласія съ Милошемъ; Милутинъ Петровичъ былъ битъ и потомъ долженъ былъ странствовать по Румыніи; Перо Поповичъ, изъ Пожаревца, получилъ пятьдесятъ ударовъ, а потомъ сдѣланъ былъ капитаномъ и самъ говорилъ: «какъ я получилъ пятьдесятъ ударовъ, то зналъ,

Google

что буду капитаномъ, но по доброй волѣ не вытерпѣлъ бы ихъ, хотя бы господарь обѣщалъ сдѣлать меня и генераломъ». Какое же уваженіе въ своемъ народѣ могъ получить такой чиновникъ? Ни долгая служба, ни опытность и способности, ни отличное происхожденіе и воспитаніе не имѣли значенія въ глазахъ князя, когда онъ поставлялъ самъ и своихъ и народныхъ чиновниковъ. Тотъ, кто былъ полезнымъ товарищемъ въ обширныхъ торговыхъ предпріятіяхъ, кто готовъ былъ исполнять всякую волю его, кто получалъ въ жены одну изъ княжескихъ любовницъ, хотя въ остальныхъ отношеніяхъ не имѣлъ ничего особеннаго, тотъ становился чиновникомъ по волѣ князя. Протичъ объясняетъ даже возвышеніе фамиліи Гарашаниновъ торговымъ товариществомъ съ Милошемъ старѣйшаго представителя этой фамиліи. Народныя скупщины еще имѣли нѣкоторое значеніе въ началѣ Милошева правленія, но потомъ созывались лишь для того, чтобъ утвердить волю князя. Народная казна давно давала избытокъ, но князь не строилъ общественныхъ зданій, народное просвѣщеніе и промышленность были въ пренебреженіи. Указъ 1837 года 16-го октября впервые обезпечилъ личность и собственность каждаго и свободу торговли; «стало быть, прежде ничего подобнаго не было», замѣчаетъ Протичъ, писавшій свое сочиненіе въ этомъ самомъ году.

Другая рукопись Протича, писанная уже послѣ паденія его, озаглавлена такъ: «Историческое описаніе новѣйшихъ событій въ Сербіи, ведущее къ освобожденію истины, находящейся въ заключеніи у пакостной злобы, стенающей горько въ оковахъ пристрастія и молящей о помощи у справедливости». Въ этой рукописи встрѣчаются поправки Іована Николича, бывшаго въ 1842 году начальникомъ отдѣленія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Сочиненіе это писано съ цѣлію оправдать Протича, вначалѣ дѣйствовавшаго за одно съ уставобранителями, потомъ разошедшагося съ ними, гнавшаго ихъ и, въ свою очередь, отъ нихъ пострадавшаго. «Вучичъ, говоритъ защищающій себя Протичъ, заслужилъ сперва справедливую похвалу, былъ излюбленъ почти всѣми чиновниками, большими и меньшими, и пользовался не малымъ довѣріемъ въ народѣ, но по изгнаніи Милоша сбросилъ съ себя личину. Будучи заклятымъ врагомъ Милоша, онъ всюду и всегда кричалъ противъ его своевольства, а теперь самъ принялся за то же. Прежде онъ употреблялъ всѣ усилія и мѣры, чтобы получить уставъ, коего жаждалъ, какъ больной ждетъ лекарства, а по удаленіи Милоша съ перваго же

дня кинулъ уставъ себѣ подъ ноги, хотя и не устыдился назвать себя уставобранителемъ». Въ сочиненіи Протича приведено не мало подробныхъ расказовъ въ доказательство изступленія уставобранителей, которыхъ иногда останавливалъ русскій консулъ Ващенко, не всегда однакожь имѣвшій возможность дѣйствовать на нихъ. Изображая дѣйствія уставобранителей по смерти Милоша и раздѣленія ихъ на приверженцевъ Вучича и приверженцевъ Ефрема Обреновича, Протичъ говоритъ, что Стоянъ Симичъ долгое время оставался нейтральнымъ между вучичевцами и ефремовцами, и за то всѣми былъ уважаемъ, но въ то же время объясняетъ такое поведеніе Симича его личными интересами, какъ вице-президента совѣта; когда же Симичъ получилъ отъ совѣта взаймы болѣе 15.000 дукатовъ, то отбросилъ свое притворство. Приступая къ изложенію той борьбы, которая началась внутри партіи уставобранителей еще до прибытія Михаила Обреновича въ Сербію, Протичъ говоритъ, что Вучичъ и Симичъ, прикрываясь въ своихъ дѣйствіяхъ связями съ Ващенкомъ, стало быть, и съ Россіей, захватили въ свои руки министерство внутреннихъ дѣлъ, имѣвшее громадное значеніе въ тогдашней системѣ управленія, и чрезъ него вели обширную переписку съ чиновниками всѣхъ вѣдомствъ, а Вучичъ чрезъ кметовъ дѣйствовалъ на сельчанъ. Высылая внутрь страны уставотолковательную коммисію, намѣстники думали приготовить посредствомъ ея народъ въ пользу Кара-Георгіевича. Когда появился первый пасквиль противъ Обреновичей и составитель его, Кедичъ изъ Валевскаго окружія, былъ арестованъ, то Стоянъ Симичъ спасъ его. Сѣница въ Крагуевцѣ прямо говорилъ въ пользу Кара-Георгіевича и былъ арестованъ; но Вучичъ явился въ совѣтъ и объявилъ, что если Сѣницу не отпустятъ, то онъ самъ сядетъ на коня, отправится въ Крагуевацъ и освободитъ заключеннаго; Стоянъ Симичъ склонилъ совѣтъ къ уступкѣ. На оборотъ, Милутинъ Георгіевичъ, говорившій, что выдетъ на встрѣчу къ Михаилу Обреновичу съ народомъ и приведетъ его изъ Крагуевца въ Бѣлградъ, былъ взятъ подъ стражу и освобожденъ только послѣ амнистіи, которую издалъ Михаилъ. Интриги и борьба партій исходили изъ центральнаго правительства и разливались по чиновничеству. Но, окруживъ себя преданною партіей, Вучичъ ошибался, думая, что и весь народъ за него. Вучичъ льстилъ народу, часто говаривая ему: «Не нужно вставать предъ старѣйшинами, ни снимать шапки передъ ними; что я, ко

Digitized by Google

и ты, а что ты, то и я, и всякій другой чиновникъ, да и самъ князь; плати въ годъ пять талеровъ, а потомъ никого не бойся». На скупщинѣ, встрѣтившей Михаила, по словамъ Протича, кромѣ народныхъ депутатовъ, было еще много неизвѣстныхъ лицъ. Шла борьба за вліяніе на юнаго Михаила и за власть надъ народомъ, велись тайныя сплетни и подговоры, происходило бѣганье изъ дома въ домъ, точно у евреевъ на пештскомъ базарѣ, продающихъ свои товары. Главное участіе въ этихъ тайныхъ сношеніяхъ съ мелкими чиновниками и жителями Бѣлграда Протичъ приписываетъ Милутину Гарашанину, только-что возвратившемуся тогда изъ Іерусалима. Тѣмъ не менѣе, письмо великаго визиря къ намѣстникамъ, дававшее имъ огромную власть, будучи прочитано на скупщинѣ, возбудило сильное неудовольствіе въ большинствѣ, такъ что когда въ средѣ чиновнаго міра послѣдовало вынужденное примиреніе, волненіе въ народѣ не улеглось. Первымъ толчкомъ къ общему движенію послужила неблагоразумная выходка Милутина Гарашанина, который сказалъ одному кмету, считая его своимъ старымъ знакомымъ: «Да ужь такъ устроено, что князь Михаилъ пойдетъ внизъ по Дунаю за отцемъ своимъ, а не то и здѣсь еще конецъ положатъ». Кметъ передалъ эти слова своимъ сельчанамъ, которые разнесли ихъ по всему срезу. Вспыхнуло народное волненіе, обнаружившее крайнее безсиліе властей предъ народомъ, который всѣхъ важныхъ чиновниковъ считалъ врагами князя. На всѣ увѣщанія ихъ сельчане обыкновенно отвѣчали: «А! знаемъ, за чѣмъ вы пришли,—чтобы насъ обманывать; ужь болѣе не поддадимся обману». О прокламаціи, подписанной княземъ и приглашавшей народъ успокоиться, сельчане говорили, что она вышла не отъ князя; чиновниковъ, высланныхъ княземъ, брали подъ народную стражу; большія толпы устремились къ Бѣлграду. Между тѣмъ князь извѣстилъ о всѣхъ происшествіяхъ и Порту и русскаго посланника въ Цареградѣ. Но, по словамъ Протича, тогдашній сербскій агентъ при Портѣ, Античъ, принадлежалъ къ сторонникамъ Вучича и представлялъ великому визирю о событіяхъ, происходившихъ въ Сербіи, съ точки зрѣнія уставобранителей. Бѣгство послѣднихъ въ бѣлградскую крѣпость, переговоры правительства съ турецкимъ коммисаромъ, отъѣздъ уставобранителей въ Турцію, новые переговоры съ ними при русскомъ посредничествѣ и всѣ дальнѣйшія событія до паденія Михаила расказаны въ этой рукописи Протича почти въ томъ же порядкѣ и видѣ, какъ изложены въ моей книгѣ.

Digitized by Google

Помимо фактическихъ подробностей, встрѣчаемыхъ въ сочиненіяхъ Протича, интересна общая характеристика тѣхъ понятій, которыя сербы имѣли о своемъ первомъ уставѣ: эти понятія вполнѣ рисуютъ состояніе самого общества, которому данъ былъ уставъ, и объясняютъ, почему борьба партій въ Сербіи между 1839 и 1845 годами развилась до такой крайности. «Здѣсь будетъ умѣстно, говоритъ Протичъ въ другомъ своемъ мемуарѣ, сказать подробнѣе о народномъ уставѣ. Его названіе, какъ и самъ онъ, было въ то время для народа еще новымъ дѣломъ, такъ что мало было людей, которые понимали его значеніе. Когда созвана была скупщина для обнародованія этого устава, было болѣе такихъ депутатовъ, которые пришли видѣть уставъ, нежели тѣхъ, которые пришли его слушать: ибо о немъ, его свойствахъ и видѣ у народа были различныя представленія. Тѣ, которые слышали, что уставъ пришелъ, думали, что это живое существо; а тѣ, которые имѣли случай слышать, что онъ принесенъ, заключали изъ того, что онъ вещество неодушевленное, но о свойствахъ его не имѣли никакого понятія. Даже и тогда, какъ уставъ былъ обнародованъ, и когда всякій, бывшій на скупщинѣ, видѣлъ, что это писанный актъ, и когда, по напечатаніи его, во множествѣ экземпляровъ онъ разошелся въ народѣ, все еще значительная часть народа не могла понять его цѣль и употребленіе: многіе думали, что его надо носить при себѣ какъ амулетъ или образъ. А понимавшіе, что уставъ содержитъ въ себѣ основныя права всѣхъ сербовъ вообще и каждаго серба въ особенности, и что онъ опредѣляетъ отношенія князя и народа другъ къ другу и взаимныя отношенія различныхъ вѣдомствъ и властей между собою, толковали его большею частію эгоистически, исключительно въ свою пользу, то есть, что уставъ защищаетъ его противъ всѣхъ другихъ, а не защищаетъ другихъ отъ него. Къ числу такихъ толкователей принадлежатъ и такъ называемые уставобранители, которые по своимъ дѣламъ и поступкамъ могутъ быть названы не только уставонарушителями, но и настоящими тиранами. Они полагаютъ, что нисколько не грѣшили противъ устава, когда ополчались противъ князя Михаила, единогласно избраннаго въ владѣтельные князья Сербіи, но еще не прибывшаго въ Сербію, и явно говорили, что въ Сербіи не останется отъ Обреновичей ни щенятъ, ни котятъ. Они не думали, что грѣшатъ противъ устава, когда нападали на другую партію, подговаривая народныхъ старѣйшинъ

соединиться съ ними на уничтоженіе этой партіи. Не считали они себя нарушителями устава, когда подстрекали народъ и противъ князя Михаила и противъ той партіи, которую думали побороть. Когда же народъ возсталъ противъ нихъ, тогда они подняли крикъ на всѣ стороны, твердя, что уставъ нарушенъ въ самомъ основаніи своемъ тѣмъ, что ихъ гонятъ. Такое эгоистическое понятіе объ уставѣ существуетъ и теперь у тѣхъ, которые захватили власть въ свои руки; они думаютъ, или имъ хочется думать, что тогда, какъ власть находилась въ другихъ рукахъ, уставъ требовалъ, чтобъ они защищались посредствомъ его отъ пользовавшихся въ то время властью; а когда понадобилось, чтобъ и другіе защищались уставомъ отъ ихъ самовольства, уставъ показался имъ мнимымъ. Но, при всемъ томъ, что они теперь считаютъ уставъ не нужнымъ и что мечутъ его подъ ноги себѣ, нарушая вдоль и поперекъ, опять-таки клянутся этимъ уставамъ, да и самъ князь Александръ Кара-Георгіевичъ, при вступленіи на княжеское достоинство, давалъ присягу на сохраненіе этого устава, и вообще всѣ они въ тѣхъ случаяхъ, когда кто либо затронетъ ихъ интересы, ссылаются на уставъ и защищаются имъ. Но еслибъ они обращали поболѣе вниманія на § 1-й устава, дающій княжеское достоинство Милошу Обреновичу и его потомкамъ, то должны были бы въ ту же самую минуту, когда приносятъ присягу, устрашиться и признать себя нарушителями ея. Предъ простымъ народомъ, который понятія не имѣлъ о значеніи устава, могли они легко прослыть за уставобранителей, ибо каждый изъ нихъ носилъ при себѣ по одному экземпляру печатнаго устава, а предъ разумными людьми, знающими, что уставъ почитается и исполняется инымъ способомъ, чѣмъ ношеніе его за пазухой или въ карманѣ, они не прослывутъ защитниками его».

Къ этой характеристикѣ партіи уставобранителей можно присоединить коллективную ноту находившихся въ 1842 году въ Бѣлградѣ иностранныхъ консуловъ, направленную противъ Вучича и представленную Кіамиль-пашѣ. Въ книгѣ моей эта нота только упомянута, ибо тогда я не имѣлъ ея подлиннаго текста. Въ ней было сказано: «Нижеподписавшіеся генеральные консулы и консулы Великобританіи, Россіи, Австріи и Франціи: въ виду важныхъ событій, нарушившихъ спокойствіе сербскаго княжества и угрожающихъ правительству, основанному на офиціальныхъ актахъ, изданныхъ отъ высочайшаго трона его высочества; принимая

Digitized by Google

также во вниманіе, что его свѣтлость князь Михаилъ Обреновичъ, облеченный императорскимъ хатти-шерифомъ въ достоинство мушира и правящаго князя Сербіи, есть представитель султана, и что каждый изъ подданныхъ княжества, не признающій его власти и поднимающій противъ него знамя возстанія, долженъ быть признаваемъ мятежникомъ не только противъ князя, но и противъ самого султана; при всемъ этомъ освѣдомившись, что Ѳома Вучичъ, поднявъ народъ въ различныхъ округахъ и вооруживъ подданныхъ князя противъ законной власти, внесъ безпорядокъ и анархію въ часть султанскихъ владѣній,—объявляемъ, что, будучи акредитованы нашими дворами при оттоманскомъ правительствѣ и пользуясь консульскою властію въ силу берата его величества, мы признаемъ главою сербскаго правительства только князя Михаила Обреновича и въ силу того не можемъ смотрѣть иначе на помянутаго Ѳому Вучича и его сообщниковъ, какъ на мятежниковъ, съ которыми намъ воспрещено вступать въ какія бы то ни было сношенія. На основаніи всего вышесказаннаго, мы просимъ, а въ случаѣ надобности и требуемъ, отъ его превосходительства Кіамиль-паши, губернатора бѣлградской крѣпости, воспрепятствовать помянутому Вучичу и силамъ, которыми онъ предводительствуетъ, проникнуть въ городъ, гдѣ ихъ присутствіе можетъ повергнуть въ опасность общественное спокойствіе и порядокъ. Въ удостовѣреніе сего прикладываемъ наши подписи и печати къ настоящей декларацiи. Бѣлградъ, 26 августа (8 сентября) 1842 года. Дефонбланкъ, Ващенко, Атанацковичъ, де-Кодрика».

Равнымъ образомъ новыя розысканія въ сербскихъ архивахъ подтвердили мнѣ то обстоятельство, что Вучичъ, дѣйствуя противъ Михаила Обреновича, пользовался поддержкою турецкихъ и австрійскихъ властей, что усматривается изъ переписки Кіамиль-паши и Шекибъ-эфенди съ генералами Унгеръ-Гоферомъ и Гауеромъ, перепечатывать которую здѣсь считаю лишнимъ, какъ относящуюся по своему содержанію къ прежнему моему, а не къ настоящему сочиненію.

Возвращаясь къ рукописнымъ сочиненіямъ Протича, я долженъ указать здѣсь, что къ нимъ приложены три тщательно составленныхъ списка, изъ коихъ въ одномъ поименованы чиновники сербскаго княжества, большая часть которыхъ получила свои званія еще въ правленіе Милоша Обреновича и сохранила ихъ до конца правленія князя Михаила, но при Александрѣ Кара-Георгіевичѣ

Digitized by Google

лишена была этихъ званій способомъ, противнымъ уставу и законамъ, съ краткимъ обозначеніемъ того, что съ ними случилось впослѣдствіи; въ другомъ поименованы лица, которыя, вслѣдствіе переворота, произведеннаго Вучичемъ въ 1842 году, были заключены и различнымъ образомъ мучены; въ третьемъ перечислены лица, лишенныя жизни различнымъ образомъ. Изъ этихъ списковъ оказывается, что переворотъ 1842 года лишилъ двѣсти тридцать семь человѣкъ различныхъ должностей, которыя были заняты другими, приставшими къ такъ называемымъ уставобранителямъ. Между этими чиновниками, 3 были прежде министрами, 12 членами государственнаго совѣта, 8 принадлежали къ свитѣ князя, 12 были чиновниками его канцеляріи, 3 служили въ канцеляріи совѣта, 12 въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, 6 въ министерствѣ правосудія и просвѣщенія, 11 въ министерствѣ финансовъ, 41 состояли въ военной службѣ, 23 были окружными начальниками, ихъ помощниками, или казначеями, 30 служили при срезскихъ управленіяхъ, 25 были членами или предсѣдателями апелляціоннаго и окружныхъ судовъ, 25 занимали второстепенныя должности при судахъ, 4 служили по почтовому вѣдомству, 5 принадлежали къ сословію инженеровъ, лекарей и карантинныхъ чиновниковъ, 7 изъ таможеннаго вѣдомства, 13 были професорами и учителями. Кромѣ того лишены были своихъ мѣстъ: 1 епископъ, 1 протосингелъ, 3 благочинныхъ (протопресвитеры), 1 придворный священникъ и 1 приходскій. Уже это простое перечисленіе потерпѣвшихъ отъ переворота лицъ съ правительственнымъ значеніемъ указываетъ на характеръ борьбы, въ которой одна чиновная партія губила другую. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такое значительное число изгнанниковъ, удалившихся изъ Сербіи за Михаиломъ Обреновичемъ, свидѣтельствуетъ о томъ, какою популярностью пользовалась эта фамилія въ Сербіи, и сколькихъ преданныхъ людей имѣла она среди чиновнаго міра. Но такъ какъ впослѣдствіи многіе изъ нихъ получили позволеніе возвратиться въ отечество, но очень немногіе приняты были въ службу, и только нѣкоторые получили незначительную пенсію; то они и присоединились въ 1858 году къ противникамъ Кара-Георгіевича, появившимся какъ среди партіи уставобранителей, такъ и среди новаго поколѣнія. Изгнанники же, лишившіеся всякой возможности возвратиться въ Сербію, или вступили въ австрійскую службу, или занялись частными дѣлами, или сдѣлались учителями между сербами, живущими въ южной Венгріи,

Digitized by Google

а иные въ Болгаріи. Нѣкоторые изъ нихъ дожили до возвращенія Обреновичей въ Сербію, и понятны тѣ чувства, которыя они питали къ правителямъ, низверженнымъ въ свою очередь ихъ партіей. Кромѣ того это обратное переселеніе въ Сербію прежнихъ изгнанниковъ имѣло своимъ слѣдствіемъ увеличеніе числа отставныхъ чиновниковъ, а стало быть и числа правительственныхъ пенсій, что должно было обременить небогатые финансы Сербіи. Георгій Протичъ и Стефанъ Радичевичъ, бывшіе министрами во время перваго правленія Михаила, получали въ изгнаніи пенсію отъ Россіи. Въ спискѣ лицъ, мученныхъ уставобранителями, насчитано 104 человѣка. Большая часть ихъ брошены были въ знаменитую Гургосовацкую башню. Изъ біографическихъ свѣдѣній о нихъ, приводимыхъ Протичемъ въ самомъ спискѣ, особенно интересны касающіяся одного лица духовнаго званія. Стефанъ Ковачевичъ, протосингелъ тимоцкаго епископа, членъ епархіальной консисторіи, былъ послѣ Вучичева возстанія посланъ сперва на эпитимію въ монастырь Горнякъ, въ краинскомъ округѣ, а потомъ помилованъ и даже сдѣланъ настоятелемъ монастыря Витовницы въ пожаревацкомъ округѣ, но вскорѣ затѣмъ схваченъ, скованъ, три раза высѣченъ во время допроса, бить батогами и осужденъ на смерть, но, по лишеніи одною только гражданскою властію священническаго званія, заточенъ въ Гургосовацкую башню. Оттуда вскорѣ отправили его подъ стражею въ Австрію. Получивъ здѣсь свободу, онъ перебрался въ Болгарію, гдѣ и принятъ былъ братіею Рыльскаго монастыря, вскорѣ признавшаго его своимъ настоятелемъ и архимандритомъ. По дѣламъ этого монастыря онъ ѣздилъ въ Цареградъ и Петербургъ: въ Россіи былъ пожалованъ панагіей, а въ Цареградѣ посвященъ какъ титулярный лаодикійскій епископъ. Въ сочиненіи Протича записаны характеристическія слова, съ которыми обратился къ Ковачевичу, по окончаніи слѣдствія надъ нимъ въ Крагусвцѣ, совѣтникъ Милосавъ Ресавацъ: «Э, брадатый сынко! дали мы тебѣ въ три раза болѣе 225 ударовъ прутьями по дебелому мясу и 25 палокъ въ спину; иди теперь жаловаться, хочешь русскимъ, хочешь швабамъ,—пусть тебѣ платятъ за побои». Въ списокъ лицъ, убитыхъ уставобранителями, Протичъ внесъ 27 человѣкъ, не считая 53 казненныхъ за участіе въ Стояновомъ мятежѣ. Шабацкій епископъ Максимъ Савичъ, не согласившійся подписаться оба раза подъ неправильнымъ избраніемъ Кара-Георгіевича и просившій у барона Ливена позволенія выѣхать въ Россію, но

Digitized by Google

получившій отъ него только словесное увѣреніе въ безопасности, былъ заключенъ въ монастырѣ Каленичѣ, убитъ тамъ въ 1844 году, въ день Богоявленія, и выброшенъ изъ окна съ связанными руками. Большая часть другихъ лицъ, погибшихъ отъ уставобранителей, или были разстрѣляны, или же замучены въ Гургосовацкой башнѣ. При этомъ надо оговориться, что уставобранители иногда соблюдали нѣкоторую формальность при осужденіи своихъ противниковъ.

Желая исчерпать вполнѣ значеніе переворота, совершившагося въ чиновномъ мірѣ Сербіи, вслѣдствіе захвата власти противниками Обреновичей, Протичъ останавливается на исторіи чиновничества въ княжествѣ, говоритъ о происхожденіи должностныхъ лицъ при Милошѣ и Михаилѣ и о свойствахъ людей, ихъ замѣнившихъ. «Прежде всего, говоритъ онъ, надо знать что въ сербскомъ княжествѣ нѣтъ такого благородства, которое бы простиралось на потомковъ; что каждый Сербъ имѣетъ право на всѣ званія и что благородство связано съ полученіемъ званія, которое, конечно, не можетъ переходить къ сыновьямъ и ихъ потомству. Далѣе надо знать и то, что въ сербскомъ княжествѣ, долго страдавшемъ подъ турецкимъ игомъ, претерпѣвшемъ частыя войны и опустошенія земли, ни одинъ сербъ не могъ основать и утвердить свое домашнее благосостояніе, а потому служба для каждаго чиновника въ Сербіи была насущнымъ хлѣбомъ. Наконецъ, не надо забывать и того, что въ началѣ правленія князя Милоша люди зажиточные отказывались отъ службы и занимались другими дѣлами, ибо народная служба была тяжела, подѣлена между немногими чиновниками и притомъ скудно оплачивалась, вслѣдствіе бѣдности народной кассы. При такихъ обстоятельствахъ въ то время, когда Сербія стала постепенно возрождаться изъ ничтожества и развиваться, первые чиновники, принимая народную службу, содѣйствовали какъ могли, каждый по своимъ силамъ, преуспѣянію своего отечества, хотя народная служба тогда не была сладостна ни для князя, ни для его чиновниковъ, и скорѣе можетъ быть названа трудомъ и работой безъ отдыха. Когда же Сербія достигла большей степени благосостоянія, когда увеличились доходы народной казны, и чиновникамъ можно было давать большое жалованье, а уставъ ввелъ высшія степени чиновничества, каковы совѣтники и попечители; то при назначеніи первыхъ принимались во вниманіе заслуги, оказанныя ими странѣ и народу, а при назначеніи вторыхъ, кромѣ заслугъ, также и способ-

Digitized by Google

ности. То же самое соблюдалось и при назначеніи чиновниковъ второстепенныхъ и меньшихъ, смотря по степени ихъ прежнихъ заслугъ. При этомъ каждый чиновникъ былъ увѣренъ, что его право на полученіе высшаго званія совершенно обезпечено и что никто не можетъ лишить его должности безъ вины, доказанной предъ судомъ». Между тѣмъ переворотъ заставилъ бѣжать изъ отечества многихъ, занимавшихъ должности во времена Милоша и Михаила. Лица, замѣнившія ихъ, Протичъ дѣлитъ на три категоріи. «Къ первой категоріи, по его словамъ, относятся люди, также оказавшіе заслуги предъ отечествомъ и, стало быть, въ своихъ правахъ на службу равные съ тѣми, которые, оставшись вѣрными своему законному князю, потеряли свои мѣста; эти же, сами отдѣлившись отъ своего законнаго князя, своевольно оставили службу, а потомъ искали ея чрезъ Порту, противъ воли князя, и въ заключеніе подняли мятежъ въ народѣ съ помощію турокъ, чѣмъ и произвели перемѣну въ князѣ и правительствѣ. Къ другой категоріи относятся тѣ, которые вначалѣ тѣмъ же законнымъ путемъ получили свои мѣста, но низшія, и только со временемъ, по порядку, могли бы достигнуть высшихъ званій, но, вслѣдствіе переворота вдругъ заняли ихъ въ ущербъ лишившимся службы. А наконецъ къ третьей категоріи должны быть причислены люди негодные, пропадшіе, которые никогда не были въ народной службѣ и ничѣмъ не показали себя достойными ея, но достигли званія, прилѣпившись къ мятежной партіи, оказавъ поддержку возстанію и тѣмъ зарекомендовавъ себя передъ новымъ правительствомъ. Лишенные же своихъ должностей, чиновники стараго времени потеряли не только свое политическое значеніе, но и насущный хлѣбъ, ибо, привыкнувъ въ продолженіе всей жизни къ народной службѣ, они стали неспособными ко всѣмъ другимъ занятіямъ, коими бы могли содержать себя и свои семейства; имъ ничего не оставалось дѣлать, какъ или жаловаться на новый порядокъ вещей или бороться съ нимъ. Правительство не могло не понимать, что эти люди поставлены въ отчаянное положеніе и принуждены жаловаться на то; но оно приняло ихъ жалобы за признакъ заговора, отыскать который такъ желало, чтобъ осудить и переказнить своихъ недавнихъ противниковъ. И дѣйствительно, нѣсколько главныхъ лицъ новаго правительства постановили въ тайномъ засѣданіи своемъ отыскать какимъ бы то ни было образомъ предлогъ, для обвиненія лицъ, недовольныхъ ими, и, обвинивъ, перебить ихъ, какъ людей опасныхъ для новыхъ правителей. Съ этою

Digitized by Google

цѣлію они подкупили нѣсколько лицъ, которые, принявъ на себя роль недовольныхъ, вступили въ сношенія съ истинно недовольными, завели съ ними и между собой опасную переписку, имѣвшую весь видъ заговора. Затѣмъ, по доносу, начались аресты, пристрастные допросы, сопровождавшіеся тѣлесными наказаніями и мученіями, при чемъ многіе, не выдержавъ страданій, признали взводимыя на нихъ обвиненія». Протичъ рисуетъ отвратительныя сцены подобныхъ допросовъ, которыя для русскихъ читателей не могутъ быть интересны и о которыхъ сербскіе читатели могутъ освѣдомиться изъ самыхъ сочиненій Протича, хранящихся въ библіотекѣ Бѣлградскаго Ученаго Общества, а можетъ быть и сами знаютъ не хуже его изъ живыхъ преданій. На основаніи такихъ допросовъ, слѣдственная коммисія обвинила множество людей, а судъ приговорилъ ихъ къ смертной казни, которая и была бы совершена, еслибы не заступился за обвиненныхъ русскій генеральный консулъ, погрозившій сербскому правительству неудовольствіемъ своего двора. Тогда князь Александръ Кара-Георгіевичъ и его правители замѣнили смертную казнь вѣчнымъ заключеніемъ. Существованіе такого плана, придуманнаго правительствомъ для погубленія невинныхъ людей, Протичъ доказываетъ двумя свидѣтельствами: 1) что притворную роль недовольнаго розыгрывалъ Стефанъ Стефановичъ, иначе Тенька, это видно изъ того, что онъ предъ многими лицами, которыя дѣйствительно были недовольны, порицалъ безчеловѣчные поступки новаго правительства, а когда многіе изъ допрашиваемыхъ ссылались на него, какъ на сообщившаго имъ то, или другое извѣстіе, и требовали отъ слѣдственной коммисіи очной ставки съ нимъ, то коммисія того не допустила; 2) Рая Дамьяновичъ, бывшій правителемъ Бѣлграда во время хватанія недовольныхъ въ этомъ городѣ, какъ исполнитель тайнаго плана, былъ посвященъ въ него; а когда пришелъ въ столкновеніе съ правительствомъ, то передъ многими сознавался, что вышеупомянутый заговоръ придуманъ былъ самимъ правительствомъ.

Протичъ описываетъ самыми яркими красками положеніе заключенныхъ въ Гургосовацкой башнѣ, и его расказъ находитъ себѣ полное подтвержденіе въ тѣхъ преданіяхъ объ этомъ времени, которыя и теперь еще можно слышать въ Бѣлградѣ. Такъ какъ судьба Гургосовацкой башни тѣсно связана съ первымъ же распоряженіемъ Милоша Обреновича послѣ вторичнаго возведенія его на сербскій престолъ, то съ расказомъ Протича намъ

Digitized by Google

необходимо познакомиться. «Послѣ того, говоритъ онъ, какъ смертная казнь замѣнена была вѣчнымъ заключеніемъ, осужденныхъ перемѣстили въ Гургосовацъ, гдѣ и назначено было мѣсто заточенія для нихъ. Но еще на пути, въ Тюпріи, лица духовнаго званія были обриты и острижены, безъ всякаго церковнаго суда надъ ними. Когда всѣхъ осужденныхъ привели въ Гургусовацъ, то согнали какъ скотъ въ одну конюшню, гдѣ они и должны были переночевать среди навоза; на другой день ихъ перевели въ оковахъ въ башню, при чемъ отняли у всѣхъ деньги, у курившихъ и нюхавшихъ отобрали чубуки и табакерки, курительный и нюхательный табакъ, отняли у всѣхъ верхнее платье, оставивъ въ самомъ скудномъ одѣяніи, безъ различія чина и достоинства, не взирая на старость и слабое здоровье нѣкоторыхъ. Еще прежде, чѣмъ заключены были въ башню эти люди, достойные всякаго сожалѣнія, было вылито въ ней, по распоряженію правительства, болѣе тысячи ведеръ воды съ тою цѣлію, чтобы стѣны зданія, и безъ того влажныя, получили болѣе сырости и задушили заключенныхъ, какъ это и было съ Міатомъ Остоичемъ, задохшимся въ первый же день; за нимъ послѣдовали многіе другіе, умершіе отъ разныхъ мученій. Хлѣбъ, который приносили заключеннымъ, былъ таковъ, что не всякій могъ ѣсть его и въ крайнемъ голодѣ; если когда либо приносили свареное кушанье, то въ немъ былъ пепелъ и отъ него пахло дымомъ. Ни табаку, ни вина, ни водки они не могли купить ни за какія деньги; нельзя было выпросить у стражи даже стручка перцу, къ которому такъ привыкъ каждый сербъ. Бывшій окружной начальникъ Іованъ Мичичъ, находясь въ борьбѣ со смертію, обѣщалъ сто дукатовъ за чашу ракіи (сербская водка), а Маринко Парезановичъ въ такомъ же положеніи отдавалъ водяную мельницу свою за стручковый перецъ (паприку); равнымъ образомъ Никола Брзакъ обѣщалъ предъ смертію большую сумму денегъ за одинъ лимонъ, чтобы только понюхать его, — и ни одинъ изъ нихъ не получилъ просимаго въ послѣднія минуты жизни. Изъ заключенія никого не выпускали на чистый воздухъ, даже на самое краткое время, хотя тюрьма и переполнена была всякимъ зловоніемъ». Продолжительное заключеніе для многихъ изъ заключенныхъ могло бы стоить жизни, еслибы не удалось имъ какимъ-то случаемъ довести о своемъ положеніи до свѣдѣнія русскаго генеральнаго консула Данилевскаго. Вслѣдствіе протеста его, судьба заключенныхъ была нѣ-

Digitized by Google

сколько облегчена. Кромѣ того многіе сосланы были на тяжкія работы въ Тюпрію и въ другія мѣста.

Описавъ положеніе осужденныхъ правительствомъ Кара-Георгіевича, Протичъ горько жалуется на судьбу, возвысившую главныхъ виновниковъ описанныхъ страданій на верхъ почестей и славы, какія только были возможны въ то время въ Сербіи. Но ихъ кромѣ судьбы поддерживала еще Порта, которой они сослужили великую службу, снова подчинивъ Сербію ея полной власти.

Далѣе Протичъ описываетъ вкратцѣ неудавшееся возстаніе молодаго Стояна Іовановича, учившагося въ Парижѣ въ то время, когда въ Сербіи совершился переворотъ, и задумавшаго въ 1845 году низвергнуть новыхъ правителей. Послѣ этого возстанія Гургосовацкая башня наполнилась новыми заключенными. Протичъ заключаетъ свой мемуаръ изображеніемъ общаго народнаго недовольства правленіемъ Кара-Георгіевича, раздора внутри самой партіи уставобранителей и распаденія ея. Онъ напоминаетъ, какъ на петровской скупщинѣ, держанной въ 1848 году въ Крагуевцѣ, Вучичъ, находившійся въ то время въ своего рода оппозиціи противъ правительства, готовился низвергнуть его, и какъ Авраамъ Петроніевичъ вмѣстѣ съ Стояномъ Симичемъ, ставъ на колѣни передъ Вучичемъ, упросили его пощадить князя и правительство, обѣщая удовлетворить всѣ его требованія, и тотчасъ же по его желанію лишили званій Кничанина, Зубана и Алексу Ненадовича. Съ 1848 года Вучичъ не переставалъ держать оппозицію правительству. Онъ первый въ этомъ году настаивалъ, чтобы Сербія помогла австрійскимъ сербамъ въ ихъ борьбѣ съ мадьярами, и готовъ былъ самъ стать во главѣ вспомогательнаго войска; но правительство, опасаясь его вліянія на народъ, хотя и послало въ Венгрію вспомогательный отрядъ тамошнимъ сербамъ, однакожь начальникомъ его назначило Кничанина. Вучичъ, по мѣткому замѣчанію Протича, подобно Милошу, переходившему отъ вліянія одной державы къ другой, также прошелъ чрезъ цѣлый рядъ политическихъ колебаній: сперва онъ былъ партизаномъ Турціи, потомъ Франціи, далѣе Австріи, относясь всегда враждебно къ Россіи; при началѣ восточной войны, когда сербское правительство отвернулось отъ Россіи, сдѣлался самымъ горячимъ, самымъ неисправимымъ приверженцемъ Россіи, чѣмъ еще болѣе привлекъ къ себѣ сочувствіе сербскаго народа, всегда приверженнаго къ русскимъ. Послѣднія страницы Протичева мемуара наполнены исчисленіемъ ошибокъ русской дипломатіи,

Digitized by Google

начиная съ того времени, какъ русскій консулъ Ващенко вступилъ въ тѣсный союзъ съ противниками Милоша, такъ называемыми уставобранителями, и до восточной войны, когда русскіе дипломаты потерпѣли въ Бѣлградѣ полное пораженіе. Въ письмѣ на имя консула, приложенномъ къ мемуару, Протичъ прямо говоритъ: «Лишь имѣющіе доступъ въ княжескій кабинетъ могутъ быть считаемы явными противниками Россіи, остальные же всѣ— приверженцы ея; но изъ попечителей только одинъ Паунъ Янковичъ сочувствуетъ русскому вліянію».

Есть еще небольшое рукописное сочиненіе Протича, имѣющее видъ «представленія государственному совѣту сербскаго княжества», въ которомъ онъ излагаетъ всю свою жизнь и политическую дѣятельность и проситъ совѣтъ исходатайствовать ему возвращеніе изъ эмиграціи на родину. Здѣсь, кромѣ подробныхъ біографическихъ свѣдѣній объ авторѣ до выселенія изъ Сербіи, почти не представляется ничего особенно любопытнаго въ общемъ смыслѣ; стоитъ только привести взглядъ Протича на собственную его дѣятельность во время перваго управленія Михаила. Сказавъ, что при введеніи устава онъ былъ попечителемъ внутреннихъ дѣлъ, Протичъ сознается, что никто изъ высшихъ чиновниковъ Сербіи, получившихъ важное значеніе послѣ этого устава, не былъ приготовленъ къ службѣ ни теоретически, ни практически. Удаленіе Милоша составило эпоху въ исторіи Сербіи и послужило сигналомъ для раздора между знатнѣйшими чиновниками. Получивъ при Михаилѣ почти исключительное вліяніе на дѣла, Протичъ испыталъ, какъ опасно было положеніе перваго министра въ Сербіи среди этой борьбы, среди не установившихся административныхъ отношеній, особенно въ минуты народнаго волненія. Во время удаленія уставобранителей изъ Сербіи, положеніе Протича было тяжелѣе всѣхъ другихъ, ибо онъ былъ какъ-бы отвѣтственнымъ лицемъ за всѣ правительственныя дѣйствія. Такъ какъ его представленіе имѣетъ видъ просьбы предъ людьми, которымъ пришлось удалиться изъ отечества во время его министерства, то онъ очень подробно защищаетъ тогдашнія дѣйствія свои въ духѣ, уже извѣстномъ намъ изъ вышеприведенныхъ сочиненій. Онъ увѣряетъ, что всегда былъ за законность и никогда не подъискивался подъ новое правительство. Пробывъ одинадцать лѣтъ въ изгнаніи, онъ два раза имѣлъ случай представляться князю Александру въ Землинѣ и былъ милостиво принятъ, имѣлъ случай говорить и со многими изъ высшихъ чи-

Digitized by Google

новниковъ. Такъ какъ въ 1853 году (представленіе написано 6 декабря того года), по видимому, никто изъ членовъ тогдашняго правительства не противился возвращенію Протича въ Сербію, то онъ и оканчивалъ свое представленіе просьбой о дозволеніи вернуться въ отечество и о пенсіи. Но это дозволеніе дано было ему не скоро.

Кромѣ этихъ сочиненій Протича, интересна его переписка съ княземъ Михаиломъ, относящаяся къ концу 1851 года. 19 октября Протичъ писалъ Михаилу, проживавшему тогда въ Вѣнѣ: «Пронесся слухъ, что Порта признаетъ Сербію совершенно независимою, если получитъ отъ нея милліонъ дукатовъ за одинъ разъ». Гдѣ бы достать такую сумму? спрашиваетъ онъ и тутъ же отвѣчаетъ:—«Я не думалъ бы о средствахъ, лишь бы достать милліонъ, ибо еслибы средство было подлое и предосудительное, то цѣль его, освобожденіе отечества, отняло бы у него такой характеръ. Итакъ, я на все готовъ, но легко сказать, труднѣе найти. Я готовъ даже жениться, не смотря на то, какая будетъ невѣста,—бѣлокурая или черноволосая, красивая или дурная, худая или полная, старая или молодая,—лишь бы имѣла милліонъ. Пошлю вамъ свой портретъ, писанный тому назадъ 28 лѣтъ, когда вы родились; онъ уже не похожъ и потертъ, но все лучше, чѣмъ теперь оригиналъ. Былъ я генералъ-маіоръ и министръ въ одной изъ новыхъ и малыхъ державъ, которая можетъ превратиться и въ большое государство. Вотъ моя рекомендація. Но я забылъ, что я женатъ, и другой жены мнѣ уже не дадутъ. Отчего бы вамъ не жениться? Вы должны продолжать родъ вашего знаменитаго отца. Не очень привязывайтесь къ невѣстѣ, ибо Сербія имѣтъ право на первое мѣсто въ вашемъ сердцѣ; но женитесь на выгодныхъ условіяхъ. Вы получите знатное богатство въ наслѣдство отъ вашего родителя и можете считаться за богатаго жениха. Но этого мало: Сербіи нужны пути сообщенія, желѣзныя дороги, каналы, очищенія рѣкъ и тому подобное. Понадобятся еще деньги на выкупъ ея отъ турокъ». Это шуточное письмо заключалось замѣткою, что до автора его дошелъ слухъ, будто стрѣлы амура уже пронзили сердце князя, и просьбой извинить за вышеприведенные совѣты. Михаилъ Обреновичъ отвѣчалъ отъ 28 октября весьма серьезнымъ разборомъ шутливыхъ совѣтовъ Протича. Онъ, между прочимъ, говорилъ: «Какъ я могу любить своихъ родныхъ, своихъ земляковъ, цѣлый народъ свой и отечество, если не буду любить своей жены? А жену, взя-

Digitized by Google

тую ради денегъ, я не только не любилъ бы, но она была бы мнѣ и противна; а если жена противна, то и дѣти отъ нея, если Богъ ихъ дастъ, не будутъ милы». Кромѣ того, Михаилъ выражалъ сомнѣнія насчетъ того, какимъ образомъ онъ возвратится въ Сербію: «Я не желалъ бы, говоритъ онъ, принять правленіе при существующей обстановкѣ и пойти въ одну категорію съ людьми, господствующими теперь въ Сербіи. И что бы сказалъ свѣтъ, еслибъ узналъ (отъ него нельзя скрыть), что князь Михаилъ, сынъ Милоша, женился на дукатахъ,—Михаилъ, который имѣетъ ихъ много и будетъ имѣть ихъ болѣе, чѣмъ ему нужно для себя? Сказалъ бы, что я вовсе не такой человѣкъ, какимъ меня всѣ до сихъ поръ считали, то есть, человѣкъ, предпочитавшій честь всему другому; что до сихъ поръ я скрывалъ свою природу, а теперь, при главномъ актѣ цѣлой частной жизни моей, обнаружилъ истинный характеръ». Въ заключеніе письма Михаилъ намекалъ на свои отношенія къ графинѣ Юліи Гуніади. Въ отвѣтѣ своемъ, отъ 21 ноября, Протичъ писалъ, что слухъ о любви молодаго князя къ иновѣркѣ дошелъ и до него, и что въ Бѣлградѣ давно поговариваютъ: «Князь Михаилъ уже не тотъ болѣе, какой былъ прежде,—совсѣмъ помѣшался: цѣлый день проводитъ подъ окнами дѣвицы, въ которую влюбился безъ памяти; когда въ коляскѣ, а когда и верхомъ катается подлѣ ея дома; онъ уже забылъ о Сербіи и не думаетъ болѣе о томъ, что онъ сербъ». Но всего хуже, по мнѣнію Протича, было то, что любезная сердцу князя—иновѣрка, и какъ слышно, князь даже хочетъ вѣнчаться съ ней въ католической церкви. Князь не долженъ смотрѣть на себя только какъ на частнаго человѣка, но и какъ на правителя, не потерявшаго своихъ правъ на сербскій престолъ, а въ такомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о мнѣніи свѣта. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о деньгахъ, Протичъ говоритъ: «Слѣдуетъ быть болѣе внимательнымъ къ главному вопросу—вѣроисповѣданію невѣсты. Сербскій народъ глубоко преданъ православію и до сихъ поръ еще недовѣрчивъ къ лицамъ другаго исповѣданія. Конечно, можно найти подкрѣпленіе даже въ томъ, что русскіе великіе князья женятся на чужеземкахъ. Но русскій дворъ, единственный, сохранившій православіе въ цѣлой Европѣ, не могъ найти для своихъ князей другихъ невѣстъ; и не смотря на такую необходимость, Россія умѣла сохранить свое достоинство: иностранныя принцесы, выходящія за ея князей, должны принимать право-

Digitized by Google

славіе, а русскія великія княжны, выходящія замужъ за иноземныхъ принцевъ, остаются православными. Вы должны, по крайней мѣрѣ, добиться, чтобы ваша невѣста, если она дѣйствительно любитъ васъ, приняла православіе. Этимъ вы сохраните сербскую честь, какъ хранитъ Россія русскую». Неизвѣстно, отвѣчалъ ли Михаилъ Обреновичъ на это письмо Протича. Но бракъ его затѣмъ съ графинею Юліею Гуніади состоялся, и хотя свадьба происходила въ русской вѣнской церкви, но княгиня осталась въ католичествѣ.

Протичу пришлось еще разъ списаться съ Михаиломъ Обреновичемъ, все еще находившимся внѣ отечества, по вопросу не меньшей важности. Во второмъ томѣ моей книги: «Россія и Сербія» (стр. 350) я упоминалъ вкратцѣ о томъ, какъ при началѣ восточной войны по Европѣ разнесся слухъ, что въ Сербіи народная партія недовольна колеблющеюся политикою князя Кара-Георгіевича, что нѣкоторые изъ вождей оппозиціи готовы пригласить на престолъ Михаила Обреновича, и что послѣдній разослалъ циркулярно ко всѣмъ своимъ приверженцамъ въ Сербіи и внѣ ея письмо, въ которомъ, отвергая приписываемые ему честолюбивые замыслы, однакожь ясно намекалъ, что послѣдуетъ отзыву народа, если таковой раздастся. Привожу теперь это письмо вполнѣ: «До моего свѣдѣнія дошло, что въ сербскомъ народѣ распускаются обо мнѣ слухи, непріятные для меня и для васъ. Они непріятны для меня потому, что характеру моему противны, для достоинства моего оскорбительны и для чести моей опасны; для васъ же по тому, что скрываютъ отъ васъ истину и, навязывая вамъ ложь, нарушаютъ ваше спокойствіе. Я не хотѣлъ разбирать и опровергать въ газетахъ эти неосновательные слухи по тому, что не желалъ дать возможности и помыслить, что я самъ о себѣ поднимаю говоръ и крикъ въ народѣ. Я рѣшился сдѣлать это посредствомъ письма, адресованнаго къ важнѣйшимъ сербамъ. Обо мнѣ распускаютъ слухъ, будто я намѣренъ взволновать и возмутить народъ въ Сербіи, чтобы такимъ путемъ опять достигнуть княжескаго достоинства. Это было бы еще вѣроятно, еслибы думалось и говорилось о человѣкѣ, который никогда не испыталъ тяжести княженія и управленія, который былъ бы недоволенъ своимъ положеніемъ, или наконецъ о человѣкѣ, которому жажда славы и мірскаго величія не даетъ покоя. Но я былъ владѣтельнымъ княземъ, знаю трудности и заботы, соединенныя съ симъ бле-

Digitized by Google

стящимъ положеніемъ: сошелъ я съ этого мѣста дѣйствительно не по моей волѣ, но чрезъ то,—что касается самой личности моей, я болѣе выигралъ, чѣмъ потерялъ: ибо, оставивъ въ моей молодости тяжкое бремя правленія и власти, я получилъ возможность болѣе просвѣтиться, болѣе узнать свѣтъ и людей, достичь мира и спокойствія, свойственныхъ частной жизни, которую веду и теперь, какъ свободный и независимый человѣкъ, внѣ всякихъ лишеній, безъ заботъ, безъ страха, всѣми въ лучшемъ кругѣ признанъ, принятъ и уважаемъ и, могу прибавить свободно, не совсѣмъ равнодушенъ къ моимъ соплеменникамъ. Стало быть, если я знаю мое прежнее положеніе, дѣйствительно блестящее, но трудное, неспокойное, непостоянное и даже опасное, то знаю и нынѣшнее мое положеніе, которымъ имѣю причины быть вполнѣ довольнымъ. Какъ прежнее я оставилъ не вслѣдствіе его трудности, но принужденный къ тому силою обстоятельствъ, такъ точно и теперь не желаю и не ищу покинуть мое счастливое положеніе, но сдѣлалъ бы это лишь по обязанности, наложенной на меня волею народа и пользами отечества, которому я сынъ, сочленъ, другъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ должникъ. Итакъ, я не желаю княжескаго достоинства въ Сербіи для себя, но принялъ бы его какъ тяжелую обязанность ради народа. Я не ищу княжеской власти въ Сербіи подговариваніемъ, подбиваніемъ, возмущеніемъ народа и подобными средствами, недостойными меня и народа; но принялъ бы ее только вслѣдствіе общаго требованія и лишь такимъ способомъ, который бы и для меня и для народа былъ приличенъ и полезенъ. Я не хочу входить на сербскій престолъ чрезъ трупы братій моихъ, но желалъ бы, если тому суждено сбыться, чтобы, вслѣдствіе моего прибытія туда, никто не заплакалъ, а всякій бы обрадовался тому. Кто сѣетъ неспокойства, тотъ пожнетъ мятежъ; всякій мятежъ, кромѣ другихъ золъ, ведетъ за собой гибель людей; такихъ бѣдствій истинный гражданинъ не пожелаетъ свой землѣ: я же дѣйствительно желаю, чтобы каждый истинно любящій свою родину сербъ считалъ меня равнымъ себѣ въ томъ. Но если Божія воля такова, чтобъ я оставался и отнынѣ въ кругу частной жизни, то буду дѣлать добро отдѣльнымъ сербамъ по моимъ средствамъ, если не могу быть полезенъ всѣмъ, не завидуя въ томъ никому, и желая счастія отечеству, буду радоваться чистымъ сердцемъ, если увижу его благоденствующимъ. Другіе слухи, распускаемые обо мнѣ, идутъ еще далѣе, не только ут-

Digitized by Google

верждая, что я желаю и намѣреваюсь возвратиться въ Сербію при помощи народнаго мятежа, но и опредѣляютъ, что я буду дѣлать, когда получу власть въ свои руки. Говорятъ, что я, возвратившись въ Сербію, думаю вознаградить изъ народной кассы и изъ конфискованныхъ имуществъ моихъ противниковъ не только мое княжеское содержаніе, но и жалованье всѣхъ моихъ чиновниковъ за истекшія одиннадцать лѣтъ. Показалъ ли хоть одинъ шагъ всей моей жизни, что я когда нибудь былъ наклоненъ къ стяжанію, грабежу и несправедливости? Настоитъ ли мнѣ нужда въ этомъ? Не отдѣлялъ ли я и тогда, когда получалъ скромные доходы, что могъ, на помощь бѣднымъ людямъ и полезнымъ для сербства дѣламъ? Не снабдилъ ли меня Богъ такимъ богатствомъ, которымъ я могу жить и здѣсь и тамъ согласно моему достоинству, и которое могу еще тратить на добрыя цѣли? Кто захочетъ правильно отвѣтить на эти вопросы мои, тотъ долженъ признать, что не имѣлъ бы повода дѣлать то, что взводятъ на меня мои непріятели. Кто знаетъ мой характеръ и мою жизнь до нынѣшняго дня, тотъ, конечно, повѣритъ, что, въ случаѣ моего возвращенія въ Сербію, я не только не поступалъ бы такимъ образомъ, но еще и княжеское содержаніе употреблялъ бы по возможности на народныя потребности, которыя, въ противномъ случаѣ, должны покрываться изъ народной кассы. Третьи, наконецъ, распускаютъ слухи, что я, по возвращеніи моемъ въ Сербію, удовлетворяя чувству мести, буду лишать званій, удалять и гнать тѣхъ, кто были моими противниками. Безумно грозить прежде, чѣмъ получена власть; позорно и крайне несправедливо употреблять во зло власть полученную. Распускаютъ обо мнѣ такіе слухи безъ причины, безъ основаній, безъ всякаго вѣроятія. Развѣ я нисколько не знакомъ съ нуждами и потребностями моего отечества? Развѣ я не знаю, что наибольшая и настоятельнѣйшая потребность въ моемъ отечествѣ состоитъ въ томъ, чтобъ уравнять, примирить, согласить и слить партіи, и препятствовать потомъ всѣми возможными средствами возрожденію новыхъ партій и распрей. Еслибы начать снова пересмотръ того, что сдѣлано въ прошедшія четырнадцать, пятнадцать лѣтъ, то никогда не было бы конца тому. Внутренняя политика для Сербіи, по моему мнѣнію, можетъ быть только политикой примиренія, которая требуетъ, чтобы личнымъ врагамъ дано было прощеніе; чтобы прошедшее, многимъ непріятное, было заглажено, залечено, забыто; чтобы способные и честные чиновники, и низшіе,

Digitized by Google

и высшіе, къ какой бы лично партіи ни принадлежали, оставались на своихъ мѣстахъ при перемѣнѣ владѣтельнаго князя; точно также должны быть удержаны или подтверждены и постановленія всякаго прежняго правительства, которыя служатъ къ пользѣ народа; а особенно, чтобъ основаніе государственной жизни Сербіи — уставъ, при помощи котораго можно управлять хорошо и вполнѣ достигнуть преуспѣянія страны, только бы умѣть и хотѣть имъ пользоваться, уставъ этотъ оставался невредимъ не только на словахъ, но и самомъ дѣлѣ. Вотъ вкратцѣ мои мысли о положеніи дѣлъ, для изложенія которыхъ я былъ принужденъ взять перо въ руки, съ одной стороны, чтобы защитить себя отъ незаслуженныхъ нареканій, съ другой, дабы увѣрить васъ, что я не ищу власти въ Сербіи, хотя и готовъ принять ее какъ обязанность, если потребуютъ того польза и воля народа, но не путемъ насилій и несправедливостей, но средствами законными, достойными васъ и меня, и что потомъ власть, полученную такимъ образомъ, я захотѣлъ бы употребить не на мою личную, но на общую пользу по вышеизложеннымъ правиламъ. При семъ, не смотря на все непріятное чувство, которое я испыталъ при писаніи этихъ строкъ, я долженъ изъявить вамъ особенное удовольствіе, что тѣмъ данъ мнѣ случай выразить вамъ мое почтеніе и привѣтствіе. Въ Вѣнѣ, 2 (14) іюля 1853 года. Князь Мих. М. Обреновичъ».

Объ этомъ письмѣ знали и тѣ приверженцы князя Михаила, которые проживали въ Австріи и Венгріи. Двѣ недѣли спустя послѣ того, какъ это письмо было написано, Протичъ уже писалъ князю: «Ваша свѣтлость! Милостивѣйшій господарь! я достовѣрно извѣщенъ, что всѣ первые экземпляры письма вашего, отправленные къ членамъ совѣта, доставлены въ руки каждому по адресу, и что получившіе, прочитавъ свой экземпляръ, передали его князю, при чемъ президентъ совѣта получилъ отъ князя выговоръ за то, что письма не были отнесены къ нему до распечатанія. Одинъ Станишичъ задержалъ было свое письмо, но когда узналъ, что всѣ остальные снесли свои письма къ князю, тогда и онъ свое отдалъ. Такъ было съ первыми письмами, а послѣднія взялъ съ почты австрійскій консулъ и передалъ ихъ князю, такъ что они не попали въ руки тѣмъ, для кого были назначены. Однакожь ваши письма учинили великую сенсацію, и такъ какъ князь съ своимъ правительствомъ счелъ ихъ за вашу прокламацію, и еще Богъ знаетъ за что, то онъ протестовалъ противъ сего не-

Digitized by Google

ступка вашего предъ пашею и предъ всѣми консулами иностранныхъ державъ, и, по всей вѣроятности, этотъ протестъ будетъ сообщенъ всѣмъ правительствамъ. Кромѣ того, поступокъ вашъ критикуютъ нѣкоторые какъ по ту, такъ и по сю сторону Савы, и считаютъ его неумѣстнымъ и не политичнымъ. Яковъ Живановичъ простеръ свои рѣчи до дурачества, а о Вучичѣ и не говорю, что онъ и въ этомъ видитъ ошибку. Впрочемъ, о немъ можно всегда знать напередъ, что у него всякій, стоящій выше его, какъ и тотъ, кто можетъ возвыситься надъ нимъ, полонъ всякихъ заблужденій, а каждый поступокъ такого лица ужь конечно ошибка. Кромѣ вышеназванныхъ, онъ считаетъ наполненными всякихъ заблужденій всѣхъ, которые стоятъ подлѣ него, а равно и тѣхъ, которые близки къ тому, чтобы стать рядомъ съ нимъ. Такіе люди всегда и во всякое время въ его глазахъ ничего не стоютъ, полны всякихъ заблужденій, и онъ желалъ бы, чтобы въ Сербіи не было ни одного изъ нихъ; а стоящіе въ низшихъ рядахъ, которымъ далеко до него, бываютъ, по его хотѣнію, сегодня самыми почтенными людьми, а завтра наихудшими, и на оборотъ. Самыми почтенными онъ считаетъ тѣхъ, которые на всякую рѣчь его, хотя бы она не шла ни къ селу, ни къ городу, говорятъ: эветъ эфендумъ, и кланяются ему. Такъ всегда бываетъ у Вучича, и всѣ ужь знаютъ, почему онъ кричитъ противъ нѣкоторыхъ людей и ихъ поступковъ. Но (чтобы возвратиться къ вашимъ письмамъ) большинство приняло ихъ очень хорошо, а особенно сильно обрадовались компрометированные ими. Вѣсть объ этихъ письмахъ разнеслась далеко, и хотя они списываются другъ у друга, но ихъ содержаніе въ точности не всѣмъ извѣстно; а такъ какъ они были посланы лишь нѣкоторымъ, то изъ сего заключаютъ, кстати или не кстати, что вы писали ихъ не изъ своей головы, а диктовалъ Милошъ, наученный откуда либо свыше. Многіе думаютъ, что эти письма писали не вы, но кто либо другой безъ вашего вѣдома разослалъ ихъ подъ вашимъ именемъ, чтобы васъ чрезъ то компрометировать. А чтобы такъ думали объ этихъ письмахъ, ибо это выгодно сербскому правительству, оно нарочно распространяетъ такой слухъ и само сообщило о томъ, чрезъ полицію, бѣлградскимъ торговцамъ. А все-таки волненіе большое. Князь послалъ изъ Бѣлграда въ Крагуевацъ около 50 тѣлегъ съ ружьями и порохомъ; хотѣлъ и самъ туда ѣхать, но остановился. Говорятъ, будто и казну хотѣлъ отправить въ Крагуевацъ, но совѣтъ не допустилъ того. Смятеніе это господ-

Digitized by Google

ствуетъ уже нѣсколько дней, со времени полученія вашихъ писемъ, но со вчерашняго дня оно необыкновенно усилось, и не безъ важной причины: вчера сербское правительство получило ноту чрезъ австрійскаго консула, извѣщающую о томъ, что австрійскія войска двинутся въ Сербію, какъ скоро въ ней обнаружится мятежъ. Сначала я считалъ это выдумкой, но потомъ увѣрился, что не выдумано. Все это должно имѣть большое значеніе и повести къ важнымъ послѣдствіямъ. Учтивѣйше поздравляю вашу свѣтлость и привѣтствую ваше вступленіе въ бракъ, которому желаю всякаго счастія».

Эта переписка Георгія Протича съ княземъ Михаиломъ Обреновичемъ привела насъ къ той минутѣ, когда готовилась восточная война, выведшая Сербію изъ-подъ исключительнаго покровительства Россіи, когда положеніе Александра Кара-Георгіевича на сербскомъ престолѣ сдѣлалось шаткимъ и когда борьба внутреннихъ партій значительно усложнилась. На послѣднихъ страницахъ моей книги: «Россія и Сербія», расказаны съ достаточною подробностію событія, составляющія собою исторію Сербіи отъ парижскаго мира до созванія свято-андреевской скупщины. Для связи между приведенными выше замѣчаніями и дополненіями къ моей книгѣ и расказомъ, которому будутъ посвящены слѣдующія за настоящимъ введеніемъ главы, я укажу здѣсь лишь на значеніе этихъ событій.

Парижскій миръ совершенно измѣнилъ отношенія сербскаго княжества къ великимъ европейскимъ державамъ, поставивъ его права въ зависимость отъ общаго ручательства этихъ державъ; отдѣльныя же требованія Россіи перестали быть обязательными для Сербіи. Таковъ былъ смыслъ международнаго договора, подписаннаго въ Парижѣ. Но въ то же время отношенія, созданныя восточною войной въ низовьяхъ Дуная, подчинили правительство Кара-Георгіевича сильному вліянію Австріи. Внутри самого сербскаго правительства съ тѣхъ поръ происходили постоянныя распри. Министрами, которые смѣнялись довольно часто, были преимущественно люди, находившіеся въ родствѣ и свойствѣ съ фамиліей Кара-Георгіевичей, или тѣсно связанные съ ея частными, домашними интересами. Въ совѣтѣ также засѣдали люди, выгоды которыхъ имѣли что либо общее съ выгодами правительства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ совѣтѣ была уже и оппозиція, находившаяся въ меньшинствѣ. Въ обществѣ же и народѣ оппозиція Кара-Георгіевичу и его министерствамъ росла съ каждымъ

Digitized by Google

днемъ. Устарѣвшій противникъ Милоша, посадившій на сербскій престолъ Александра Кара-Георгіевича, Вучичъ былъ въ непрестанной, нескончаемой и почти открытой борьбѣ съ правительствомъ, подстрекая чиновниковъ средняго и младшаго поколѣній противъ княжеской власти и поддерживая неудовольствіе въ народѣ. Теперь уже не только не существовало партіи уставобранителей, такъ смѣло и рѣшительно дѣйствовавшей въ 1838—1845 гг., но было только правительство съ Александромъ Кара-Георгіевичемъ во главѣ, разслабленное и разрозненное, во внѣшнихъ дѣлахъ подчинявшееся волѣ Порты и внушеніямъ Австріи, во внутреннихъ дѣлахъ преслѣдовавшее династическія и родственныя выгоды фамиліи Кара-Георгіевичей и другихъ связанныхъ съ нею семействъ. Самый уставъ, вызвавшій столько переворотовъ въ сербской исторіи, уже потерялъ свою прежнюю силу: нѣкоторыя изъ его статей не исполнялись, другія даже были измѣнены развитіемъ самого законодательства. Совѣтъ по временамъ враждовалъ съ княземъ и его министрами до того, что запрещалъ своимъ членамъ всякія не письменныя сношенія съ ними. Жалобы совѣта на князя и его помощниковъ и обратныя жалобы князя на совѣтъ доходили до Порты; но та не приступала ни къ какимъ рѣшительнымъ мѣрамъ. Наконецъ въ 1857 году составилось нѣчто въ родѣ заговора противъ князя, въ которомъ приняли участіе многіе изъ членовъ совѣта; но заговоръ былъ открытъ и замѣшанные въ немъ понесли строгое наказаніе. Ихъ ожидало вѣчное заточеніе въ ужасной, мрачной и сырой Гургосовацкой башнѣ, въ которой такъ долго томились послѣ переворота 1842 года приверженцы Обреновичей. Но въ это дѣло вмѣшались европейская дипломатія и сама Порта. Въ Бѣлградъ пріѣхалъ турецкій коммисаръ, и партія совѣтниковъ, враждовавшая съ княземъ, подала этому коммисару жалобу на Кара-Георгіевича. Коммисаръ попытался было примирить враждебныя партіи, но потомъ увидѣлъ, что это рѣшительно невозможно. Всѣ ожидали, что въ княжествѣ могутъ повториться безпорядки и кровопролитія, подобныя бывшимъ въ 1842 году. Освобожденіе осужденныхъ и удаленіе ихъ въ Видинъ, составленіе примирительнаго акта между княземъ, совѣтомъ, министрами и апелляціоннымъ судомъ, равнодушіе дипломатическихъ агентовъ къ этому акту и послѣдовавшій за обнародованіемъ его отъѣздъ турецкаго коммисара не разрѣшили натянутыхъ отношеній, распространившихся отъ сферъ правительственныхъ въ

Digitized by Google

жизнь общественную и народную. Въ это-то время послышались первые голоса въ пользу созванія народной скупщины. Но въ уставѣ не говорилось ни слова о скупщинѣ, и правительство, опираясь на уставъ, считало себя вправѣ отказать своимъ противникамъ въ созваніи скупщины. Оно знало, что первыя народныя скупщины въ Сербіи при Милошѣ Обреновичѣ послужили для возвышенія князя и усиленія власти его; но оно еще живѣе помнило, что съ 1839 года народныя скупщины были орудіемъ чиновныхъ партій, старавшихся ограничить княжескую власть. Не лежало сердце къ народной скупщинѣ и у людей чиновныхъ, державшихся различнаго образа мыслей о существующемъ правительствѣ, ибо они привыкли управлять дѣлами княжества безъ участія народной воли. Враждуя съ княземъ, съ министрами, съ высшими управленіями главныхъ вѣдомствъ, сербскіе чиновники того времени враждовали и между собою изъ видовъ корыстолюбивыхъ, потому что надъ ними не было самаго важнаго контроля, удаленнаго уставомъ,—народной воли. Но возстановить этотъ контроль, прибѣгнуть къ его третейскому суду, подчиниться его безапелляціонному приговору не хотѣла ни одна изъ враждовавшихъ партій. Народная скупщина не созывалась уже въ продолженіе десяти лѣтъ. Всѣ власти, привыкшія управлять безотчетно, пугались народнаго собранія. Кто же могъ желать созванія народной скупщины? Прежде всего и болѣе всего самъ народъ, начинавшій сознавать свое безправіе, свое долголѣтнее удаленіе отъ законнаго вліянія на дѣла своей родины; потомъ молодое поколѣніе людей, получившихъ лучшее образованіе, чѣмъ устарѣвшіе представители прежней интеллигенціи. Съ 1839 года сербское правительство стало посылать за границу, для полученія высшаго образованія, молодыхъ людей на казенный счетъ, и до сотни такихъ лицъ, получившихъ иностранное воспитаніе, успѣли къ эпохѣ, о которой у насъ идетъ рѣчь, не только возвратиться на родину, но и получить большее или меньшее служебное значеніе, а нѣкоторые пріобрѣли и вліяніе на народъ. Сюда принадлежали люди, учившіеся самымъ разнообразнымъ спеціальностямъ и въ самыхъ противуположныхъ мѣстностяхъ. Ихъ посылали учиться юриспруденціи, политическимъ наукамъ, экономическимъ и торговымъ, финансамъ и бухгалтеріи, разнымъ видамъ техническихъ знаній, горному дѣлу, лѣсоводству, архитектурѣ, свободнымъ художествамъ, военнымъ наукамъ, инженерному искусству, сельскому хозяйству, книго-

Digitized by Google

печатному и литографному дѣлу, медицинѣ, наукамъ историческимъ, философскимъ и богословскимъ; для изученія этихъ наукъ молодые сербы ѣздили въ Парижъ, Льежъ, Берлинъ, Гейдельбергъ, Альтенбургъ, Гогенгеймъ, Фрейбергъ, Галле, Гетлингъ, Хемницъ, Лейпцигъ, Прагу, Вѣну, Пресбургъ, гдѣ одно время процвѣтала школа панславистовъ, Тарентъ, Аѳины, Кіевъ и Москву. Учась разнымъ спеціальностямъ, эти люди приносили домой иные взгляды на правительственныя и общественныя отношенія, чѣмъ господствовавшіе въ Сербіи. Все, что было ими усвоено изъ общей европейской жизни, многіе изъ нихъ хотѣли перенести и на родную почву. Эти-то люди вѣрнѣе многихъ между важнѣйшими представителями стараго поколѣнія понимали значеніе народнаго участія въ общей государственной жизни. Нѣкоторымъ изъ нихъ ранѣе другихъ пришла въ голову мысль вступить въ союзъ съ народомъ, чтобъ устранить злоупотребленія, вкравшіяся въ правительственную практику. Среди этихъ-то людей и образовалась первоначально такъ называемая народная партія, къ которой потомъ примкнуло нѣсколько дѣятелей изъ старшаго поколѣнія. Само собой разумѣется, что въ средѣ молодой интиллигенціи не трудно было замѣтить два направленія: къ одному принадлежали люди или болѣе рѣшительные по характеру, или усвоившіе себѣ болѣе радикальные взгляды на политическіе и общественные вопросы; къ другому направленію принадлежали люди, державшіеся болѣе умѣренныхъ желаній и отличавшіеся большею осторожностію въ словахъ и дѣйствіяхъ. Но различіе между этими двумя направленіями выяснилось вполнѣ лишь въ 1859 году, послѣ возвращенія Обреновичей въ Сербію. Въ послѣднее же время правленія Кара-Георгіевича молодая интеллигенція обоихъ направленій желала созванія народной скупщины. Нѣкоторыя надежды на скупщину могли возлагать и совершенно устраненные отъ всякихъ дѣлъ старинные приверженцы Обреновичей, много потерпѣвшіе во время оно отъ партіи уставобранителей и желавшіе теперь отомстить ей, расходясь въ этомъ съ мнѣніемъ, высказаннымъ Михаиломъ Обреновичемъ въ его письмѣ, разосланномъ въ маѣ 1853 года изъ Вѣны въ Сербію. Могли желать народной скупщины и нѣкоторые изъ людей, вышедшихъ изъ партіи уставобранителей и презиравшихъ теперь правительство Кара-Георгіевича; но они смотрѣли на народную скупщину какъ на крайнее, послѣднее средство, чтобы достигнуть сверженія князя Александра съ престола. Такимъ образомъ одни смотрѣли

Digitized by Google

на скупщину какъ на средство перемѣнить составъ правительства; иные надѣялись, при ея помощи, устранить самого Кара-Георгіевича и возвратить Обреновичей; нѣкоторые видѣли въ ней ручательство за народное участіе въ правительственныхъ дѣлахъ. Но едва ли кто нибудь изъ дѣйствовавшихъ въ пользу созванія народной скупщины могъ предвидѣть всѣ тѣ послѣдствія, къ которымъ приведетъ свято-андреевская скупщина, и постановленія, которыми она ознаменуетъ свою дѣятельность. Многіе ждали отъ предстоящей скупщины только значительныхъ перемѣнъ къ лучшему; но едва ли кто угадывалъ, что она составитъ эпоху во внутренней жизни сербскаго княжества.

Нилъ Поповъ.

Digitized by Google

ДВИЖЕНІЕ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

ВЪ УГОРСКОЙ РУСИ.

Многимъ ли извѣстна окраина русскаго міра въ Угріи? А между тѣмъ, тамъ живетъ старобылый русскій народъ, забравшійся въ свои Карпатскія горы. Не будемъ вдаваться въ вопросъ, были ли угорскіе русскіе сторожилами въ Угріи, или перешли туда изъ сосѣдней Галиціи; вѣрно то, что они существуютъ тамъ, по историческимъ даннымъ, тысячу лѣтъ и существуютъ какъ-бы отрѣшенные отъ русскаго міра. Но именно это обособленное положеніе охранило ихъ отъ чужаго вліянія и дѣлаетъ ихъ, вслѣдствіе того, любопытнымъ предметомъ для славянскаго филолога [1]), этнографа и историка [2]), потому что страна, занимаемая угорскими русскими, есть древнѣйшая славянская страна, колыбель нѣсколькихъ славянскихъ племенъ.

Но главнымъ образомъ должно насъ занимать настоящее народное и церковное движеніе угорскихъ русскихъ, ихъ стремленіе къ духовному объединенію съ русскимъ міромъ, отъ ко-

[1]) См. «Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности» О. Миллера, 1865 года.

[2]) См. Biderman: «Die ungarischen Ruthenen». Insbruck. 1867 года. Бидерманъ былъ професоромъ юридическаго лицея въ г. Кошицахъ (Кашау), лежащемъ въ вехней Угріи. Этнографическія и историческія замѣтки не лишены интереса; но главная цѣль его сочиненія, въ которомъ онъ воспроизводитъ теорію Духинскаго, тенденціозная. Почтенный професоръ однако относится къ угорскимъ русскимъ съ большимъ сочувствіемъ и отстаиваетъ именно ихъ національныя права на историческомъ основаніи.

Digitized by Google

тораго такъ долго отчуждены были. Насъ долженъ привлекать характеръ чисто русской страны, заявившей въ послѣднее время такія племенныя чувства, которыя несомнѣнно доказываютъ, что въ этой горсти русскаго народа не изгладились задатки русской жизни вслѣдствіе долгаго сожительства съ другими народностями (мадьярами, румынами и словаками). Мы увидимъ, что свойство страны различно отъ свойства хоть бы сосѣдней Галиціи. Тѣ задушевныя идеи, которыя иногда волнуютъ галицкаго малоруса, какъ казачество, чужды карпаторусу; борьба съ поляками непонятна ему. И унія не волновала на столько карпаторусовъ, какъ галичанъ и остальныхъ малорусовъ; вліяніе же мадьяръ, румыновъ и словаковъ можно назвать, въ итогѣ, незначительнымъ. Вслѣдствіе таковой безопасности, въ Карпатскія горы шли переселенцы не только изъ сосѣдней Галиціи, но даже изъ Россіи, поодиночно и цѣлыми семействами [1]).

Въ настоящее время обнаружилось въ Угріи страшное давленіе на карпаторусовъ со стороны мадьяръ. Уже самое имя «русскій» дѣлаетъ ихъ ненавистными, особенно послѣ русскаго похода въ Угрію 1848 года; тѣмъ болѣе подвержены они безпощадному притѣсненію со стороны мадьяръ вслѣдствіе своего противодѣйствія въ чисто русскомъ смыслѣ. Въ послѣднее время они добились одной литературной газетки, «Свѣтъ», которая высоко несетъ знамя русской стороны. Ихъ ближайшія надежды—основаніе политической независимой газеты и, по крайней мѣрѣ, одной русской газеты. Если принять во вниманіе, что угорскіе русскіе живутъ среди славянскихъ племенъ, угнетенныхъ такъ же, какъ они, то можно сообразить важность русскаго органа въ Угріи. Таковой органъ былъ бы средоточіемъ, около котораго сходились бы не только угорскіе русскіе, но и словаки, естественные союзники угорскихъ русскихъ.

I.

О церковныхъ дѣлахъ русскихъ въ Угріи помѣщена была статья въ IV кн. «Русской Бесѣды» за 1859 годъ, подъ загла-

[1]) Литовскій князь Ѳеодоръ Коріатовичъ переселился съ многочисленной русской дружиной въ Угрію въ 1339 году и получилъ отъ угорскихъ королей Карла, Роберта и Людовика Великаго обширныя помѣстья, называя себя «Duk de Muncatsz» (мукачевскимъ княземъ).

Digitized by Google

вѣмъ: «Объ уніи венгерскихъ русиновъ». Въ тѣ времена, которыя эта статья обнимаетъ (до начала настоящаго столѣтія), исторія угорскихъ русскихъ заключалась преимущественно въ судьбахъ ихъ церкви; наша статья, касаясь проявленія народной жизни, будетъ такимъ образомъ какъ-бы продолженіемъ сказанной.

Въ многоязычной Угріи не бросалось въ глаза разнообразіе племенъ, потому что политическій строй государства придавалъ странѣ однообразный характеръ, раздѣляя народонаселеніе на два разряда: на благородныхъ, которыхъ, къ какой бы народности ни принадлежали они, связывали общія выгоды и условный латинскій языкъ, и на крѣпостныхъ, которые тоже съ своей стороны, къ какой бы народности ни принадлежали, руководились общими чувствами ненависти къ своимъ господамъ. Римская церковь стала на сторону аристократіи, ея іерархія пользовалась высшими почестями, она располагала громадными имуществами, и отъ ея вліянія зависѣла часто судьба угорскихъ королей. Въ XVI столѣтіи вся Угрія раздѣлена была на три стана: на католическій, на протестантскій и на православный міръ. Въ средѣ мадьярскаго народа возникла страшная междоусобная война, истребившая много изъ мадьярскаго племени, и безъ того немногочисленнаго. Протестанты представляли преимущественно народную сторону, они положили основаніе мадьярской литературѣ [4]). Православный міръ былъ притѣсняемъ и тою и другою стороною, но онъ склонялся болѣе къ протестантской церкви, принимая участіе въ движеніи протестантства въ верхней Угріи при трансильванскихъ князьяхъ изъ дома Ракоци (Rakoci). Когда католичество восторжествовало, русскіе въ Венгріи лишились православія. 1649 года былъ подписанъ актъ уніи въ Ужгородѣ, подъ нѣкоторыми однако условіями, изъ которыхъ главнымъ было—свободное избраніе епископовъ.

Послѣднимъ законноизбраннымъ епископомъ былъ Андрей Бачинскій. Начиная съ его преемника, австрійское правительство назначало епископовъ для Угорской Руси. При Бачинскомъ была въ Угріи только одна епархія, мукачевская, такъ называемая по тому, что епископы имѣли свое мѣстопребываніе въ городѣ Мукачевѣ. Въ составъ ея входили русскіе, румыны, а отчасти и

[4]) См. «Очеркъ мадьярской литературы» въ «Журн. М. Н. П.» за 1870 г. Августъ.

Digitized by Google

*

мадьяре, вѣрнѣе, омадьяревшіеся русскіе, такъ какъ они называютъ себя и понынѣ «orosz» (русскій). Бачинскій жилъ при императрицѣ Маріи Терезіи. Образованный и красивый епископъ понравился императрицѣ, и она осыпала его милостями, руководясь при этомъ и политическими расчетами, чтобы закрѣпить за собою и за своей династіей мукачевскихъ епископовъ. Самое рукоположеніе Бачинскаго въ епископа происходило торжественно въ 1773 году, въ вѣнской императорской капеллѣ, въ присутствіи императрицы и членовъ царственнаго дома. При семъ случаѣ императрица подарила новопосвященному епископу великолѣпное святительское облаченіе со всею утварью для архіерейской капеллы. Но ничѣмъ не могла она столько привязать къ себѣ мукачевскихъ епископовъ, какъ назначеніемъ имъ опредѣленнаго жалованья, производимаго изъ государственной казны. Мукачевскіе епископы, принявъ унію, несомнѣнно расчитывали на то, что они и клиръ уніатскій будутъ пользоваться тѣми правами и льготами, которыя присвоены латинскими епископами и ихъ духовенствомъ. Андрею Бачинскому положено было жалованье въ 12.000 гульденовъ и большое недвижимое имѣніе, подъ названіемъ аббаціи святыхъ апостоловъ Петра и Павла. Но зато императрица себѣ и своимъ преемникамъ предоставила право назначать мукачевскихъ епископовъ, независимо отъ избранія ихъ клиромъ. Императрица даровала даже епископу Андрею Бачинскому и его преемникамъ, для архіерейской резиденціи и каѳедральной церкви, принадлежавшее отмѣненному чину іезуитовъ и состоящее въ городѣ Ужгородѣ большое зданіе съ примыкающей къ нему церковью. Недоставало еще, къ полному блеску новоукрашенной каѳедры, капитула или собора, состоящаго изъ канониковъ (по латинскому обычаю). Такъ какъ резолюція для учрежденія упомянутаго капитула была выдана императрицей еще при предшественникѣ Бачинскаго, Іоаннѣ Бородачѣ, то теперь первому нужно было только позаботиться о представленіи лицъ для назначенія въ капитулъ и объ исходатайствованіи имъ опредѣленнаго жалованья. Обоимъ этимъ требованіямъ удовлетворила императрица безъ замедленія. По утвержденіи лицъ, представленныхъ вскорѣ епископомъ, происходило въ 1777 году въ городѣ Ужгородѣ ихъ введеніе (инсталлированіе) въ назначенныя имъ каноническія мѣста. Спустя три года, то есть, въ 1780 г., и самъ епископъ переселился изъ города Мукачева въ городъ Ужгородъ. Бачинскій первый получилъ право засѣданія и голоса

Digitized by Google

въ высшей палатѣ государственнаго сейма. При Бачинскомъ были устроены, на казенныхъ издержкахъ, двѣ духовныя семинаріи: одна въ Вѣнѣ, для 48 воспитанниковъ изъ всѣхъ уніатскихъ епархій Австріи, и другая въ Ужгородѣ, для 40 воспитанниковъ угорско-русской епархіи.

Мы остановились такъ долго на Бачинскимъ, приводя кое-что изъ статьи «Объ уніи венгерскихъ русиновъ», по тому, что при этомъ епископѣ совершился поворотъ къ новому порядку вещей. При немъ было положено основаніе того состоянія, въ которомъ и въ настоящее время находятся дѣла въ Угорской Руси. Австрійское правительство привязало къ себѣ епископовъ и одинъ десятокъ канониковъ, опредѣливъ имъ жалованье; между тѣмъ какъ священники стали по прежнему получать свои доходы съ земель, которыми ихъ надѣляли помѣщики (такъ называемые патроны), и отъ церковныхъ требъ. Первое привело ихъ въ зависимость отъ помѣщиковъ, по большей части, омадьяренныхъ, а второе—въ частыя столкновенія съ народомъ, который, по своей бѣдности, неохотно платитъ кому бы то ни было.

Андрей Бачинскій былъ сыномъ священника, но, какъ это не рѣдко случается между угро-русскими священниками, изъ древней дворянской фамиліи. Бачинскіе переселились въ Угорскую Русь изъ Литвы; они производятъ себя отъ литовскихъ князей [1]), и ихъ родъ принадлежитъ и въ настоящее время къ знатнѣйшимъ въ Угорской Руси. Самъ епископъ зналъ порядочно русскій языкъ, какъ видно изъ его окружныхъ посланій и частныхъ писемъ, хранящихся частію въ мукачевскомъ епархіальномъ архивѣ, а отчасти у Бачинскихъ. Въ одномъ изъ своихъ окружныхъ посланій, епископъ упрекаетъ священниковъ за то, что не радѣютъ объ отечественномъ языкѣ, напоминая имъ о судьбѣ нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, лишившихся своего языка вслѣдствіе нерадѣнія о немъ, и обращается къ своей паствѣ съ такими словами: «Бодрствуй Угорская Россія» [2]). Въ частномъ письмѣ, посланномъ къ одному изъ своихъ родственниковъ, увѣщеваетъ этого, чтобъ онъ учился тому русскому языку, «патріархомъ» котораго былъ Ломоносовъ. При епископѣ Бачинскомъ преподавались предметы въ ужгородской духовной семинаріи на русскомъ языкѣ.

---

[1]) Bidermann, стр. 55.

[2]) Смотр. «Мѣсяцесловъ», издаваемый Обществомъ святаго Василія въ Ужгородѣ, 1865 года.

Digitized by Google

Преемникомъ Бачинскаго былъ Алексѣй Повчій. При немъ раздѣлена обширная мукачевская епархія на пряшевскую и мукачевскую (въ 1816 г.). Румынскіе приходы, въ теченіи времени, были присоединены къ новоустроеннымъ румынскимъ уніатскимъ епархіямъ, великоварадинской и самошуйварской. Такимъ образомъ произошли двѣ русскія епархіи: пряшевская, съ епископскою каѳедрой въ городѣ Пряшевѣ (Eperies), и мукачевская, такъ называемая по прежнему мѣстопребыванію епископовъ въ гор. Мукачевѣ, съ епископскою каѳедрой въ Ужгородѣ, или, какъ этотъ городъ русскіе называютъ, въ Южгородѣ (Унгваръ) [1]. Пряшевская епархія распространяется на слѣдующіе комитаты: Земплинъ, Шарошъ (Scharosch) [2], Спижъ (Zips), Абауй. Въ этихъ комитатахъ русскіе живутъ въ сосѣдствѣ, но часто и перемѣшанно, со словаками и нѣмцами; вліяніе первыхъ отражается на ихъ языкѣ. Нѣсколько приходовъ числится еще въ боршодскомъ и гевешскомъ, торнянскомъ и гронскомъ (Гёмёръ) комитатахъ. Это, вѣроятно, поселенія въ чисто мадьярскихъ, или словацкихъ (въ гронскомъ комитатѣ) мѣстахъ: отчасти же мадьяре, во время нашествія татаръ и турокъ, тѣснили русскихъ дальше на сѣверъ, или поселялись между ними.

Поселенія въ карпатскихъ лѣсистыхъ странахъ по обоимъ склонамъ Карпатовъ, въ Галиціи и въ Угріи, можно прослѣдить и въ новѣйшее время. Владѣльцы таковыхъ лѣсистыхъ мѣстностей давали право одному изъ своихъ дворовыхъ вызвать поселенцевъ, вырубить лѣсъ («ортовати» [3])—какъ угорскіе русскіе говорятъ), построить «хижи», соорудить церковь, призвать священника... Руководители таковыхъ поселеній были освобождены отъ крѣпостныхъ повинностей, владѣли лѣсомъ и рѣкой, и назывались солтисами (отъ нѣмецкаго Schultheiss, Schulze). Поселенцы набирались изъ пастуховъ, свободно кочующихъ въ лѣсистой странѣ [4].

Мукачевская епархія охватываетъ слѣдующіе комитаты: Угъ

---

[1]) Отъ Угъ—рѣка, при которой городъ лежитъ, и «варъ» (мадьярское слово)—градъ. Угъ—съ юсомъ угъ, а уменьшительное—ужокъ. Въ языкѣ чудскаго племени, къ которому принадлежатъ и мадьяре, рѣка вообще называется юга, унга, ёнга, юка; ср. Ока.

[2]) Въ немъ находится г. Пряшевъ, съ народонаселеніемъ изъ 2.000 русскихъ и 8.000 словаковъ, нѣмцевъ и мадьяръ.

[3]) Мадьярское слово kiirtani—истреблять.

[4]) См. Bidermann, «Die ungarischen Ruthenen».

Digitized by Google

(съ городомъ Ужгородъ) [2]), Угочу (съ главнымъ мѣстечкомъ Севлюшъ), Берегъ (съ г. Мукачъ и съ м. Берегсасъ), Мармарошъ (съ м. Густъ). Въ означенныхъ городахъ русское движеніе принимаетъ самые большіе размѣры; комитаты эти, по большей части, чисто русскіе, исключая Мармарошъ, въ которомъ часть населенія румыны. Мукачевская епархія обнимаетъ еще часть земплинскаго комитата; въ комитатахъ же: Сатмаръ, Сабольчъ (въ этомъ комитатѣ извѣстное мѣсто богомолья—«Марія-Повчъ», съ монастыремъ чина св. Василія; чудотворная икона Богородицы изъ «Марія-Повчъ» находится въ вѣнской церкви «Stefanskirche»), Бигаръ (съ городомъ Дебрецинъ, будто Доброчинъ, гдѣ въ 1848 г. низложили династію Габсбурговъ) находятся русскіе перемѣшанно съ мадьярами; тамъ живутъ и упомянутые «orosz» (оросы, русы), около 100.000 душъ, центромъ которыхъ мѣстечки Дорогъ, Калло, Ниредьгаза. Нѣсколько приходовъ находятся и въ румынскихъ уніатскихъ епархіяхъ, даже въ Хорватіи, въ сербско-уніатской Крижевацкой епархіи. Слѣды историческаго раздѣленія можно отыскать въ названіяхъ, которыя носятъ нѣкоторые края, какъ: Маковица, Лаборцъ (въ этомъ краю нашедшіе мадьяре убили князя Лаборца и бросили въ рѣку, которая будто бы получила отъ этого названіе), Крайня, Верховина, Мармарошъ. Вообще угорскіе русскіе живутъ довольно сплошно между Карпатами и рѣками Тисою, Шайомъ, Гернадомъ и Попрадомъ, примыкая непосредственно къ русскому міру. Всего русскихъ въ Угріи считается до полумилліона [1]).

При Алексеѣ Повчіѣ и его преемникахъ, русское дѣло начало упадать. Въ духовную семинарію введенъ языкомъ преподаванія—латинскій; епархіальная переписка начала вестись тоже по-латыни. Изъ семинаріи выходили священники, не понимавшіе церковнаго языка; по части обряда были ихъ руководителями не рѣдко дьячки, которые кое-что еще смыслили въ церковно-славянскомъ языкѣ. Печальная была пора до пятидесятыхъ годовъ. Разговорнымъ языкомъ, въ домахъ священниковъ (образованныхъ міранъ тогда не было), сдѣлался въ мукачевской епархіи мадьярскій, а въ пряшевской словацкій. Я сошлюсь на тѣ впе-

[1]) Около самого Ужгорода, да и въ самомъ городѣ есть много словаковъ, или, лучше сказать, смѣси, состоящей изъ словаковъ, русскихъ и поляковъ, вѣроятно, поселенцевъ изъ разныхъ странъ. Языкъ этихъ словаковъ, называющихъ себя собственно «словаками», во многомъ различается отъ словацкаго; дворянство этой смѣси очень ожадьярено и враждебно къ русскимъ.

Digitized by Google

чатлѣнія, которыя я вынесъ изъ дѣтства. Жилъ я въ пряшевской епархіи у моего дяди—священника. Онъ былъ человѣкомъ, такъ сказать, еще прошлаго столѣтія; учился у католическихъ монаховъ, которые были истинными представителями кухонной латыни. Мой дѣдъ, кажется, и не могъ иначе думать, какъ по-латыни; другіе языки онъ зналъ плохо, а кириллицей писалъ трудно. О русскомъ народѣ онъ имѣлъ весьма смутныя понятія. «Россіяне», какъ онъ называлъ русскихъ, были по его понятіямъ особымъ народомъ, а бѣдный русскій народъ въ Угріи тоже отдѣльнымъ народцемъ, который онъ называлъ уменьшительнымъ латинскимъ словомъ «Ruthenculus» (Ruthenus—русскій). Мой дядя ненавидѣлъ страшнымъ образомъ католиковъ, а между тѣмъ былъ очень ревностнымъ уніатомъ. Это была, кажется, оппозиція русской натуры противъ той лжи, которая врѣзалась въ его душу во время его образованія, полученнаго въ монашеской гимназіи и въ католической семинаріи (какъ мы увидимъ, уніатскіе воспитанники учатся и въ католическихъ семинаріяхъ). Мы жили въ русской деревнѣ, въ 50-ти верстахъ отъ которой находились словацкія селенія. Въ деревнѣ говорили, разумѣется, по-русски, и, не смотря на то, домашнимъ разговорнымъ языкомъ былъ у насъ словацкій. Если взять во вниманіе, что словаки играютъ въ Угріи тоже подчиненную роль, то можно себѣ представить, въ какомъ плачевномъ положеніи находилось русское народонаселеніе въ пряшевской епархіи. Русскаго мальчика товарищи словаки бранили: «Ты руснячокъ»; даже цыганинъ говорилъ: «А чи я руснякъ» (развѣ я русскій). Въ мукачевской епархіи положеніе было еще хуже, такъ какъ словацкій языкъ замѣнялся мадьярскимъ, отчуждавшимъ русскихъ священниковъ окончательно отъ своего народа. Впрочемъ и въ пряшевской епархіи стали понимать движеніе мадьяръ, и священники стали посылать своихъ дѣтей въ мадьярскіе города и нанимать нянекъ—мадьярокъ.

Преемникомъ Алексѣя Повчія былъ Василій Поповичъ. Въ пряшевской же епархіи былъ епископомъ Тарковичъ, человѣкъ весьма слабый, при которомъ Поповичъ, бывшій у него секретаремъ, заправлялъ епархіей. Поповичъ былъ энергическимъ и талантливымъ человѣкомъ. Движеніе 1848 г. увлекло и его; онъ усмотрѣлъ въ немъ борьбу за свободу противъ австрійскаго правительства. Онъ сталъ отъявленнымъ сторонникомъ Кошутовской партіи и содѣйствовалъ интересамъ революціи—и словомъ и

Digitized by Google

дѣломъ. Мукачевская епархія приняла живое участіе въ движеніи. Что могло побудить Поповича, который впослѣдствіи оказался непритворнымъ русскимъ, къ таковому образу дѣйствія?— Во первыхъ, тѣ отношенія, въ которыхъ находились угорскіе русскіе къ мадьярамъ, на исторической почвѣ. Существуютъ историческія данныя [1]), что угорскіе русскіе были въ дружественныхъ отношеніяхъ съ мадьярами, и что эти дружественныя отношенія ослабѣвали въ той мѣрѣ, въ какой римская іерархія усиливалась въ Угріи. Вторая причина, которая побудила епископа и многихъ угорскихъ русскихъ стать на сторону мадьяръ, заключается въ томъ психологическомъ процесѣ, которому подвергается всякая болѣе или менѣе энергическая натура на Угорской Руси. Я позволю себѣ опять сослаться на собственныя впечатлѣнія. Меня отдали въ гимназію въ мадьярскій городъ Ягеръ (Erlau). Я прельстился живою мадьярской натурой, искренностью и стремленіемъ мадьяръ къ свободѣ. Мнѣ нравились ихъ пѣсни, и я тогда не зналъ, что эти пѣсни составлены по словацкимъ напѣвамъ. Я увлекался ихъ краснорѣчіемъ. Ихъ литература, въ которой именно замѣтно патріотическое направленіе, дѣйствующее особенно на молодыхъ людей, мнѣ казалась богатой, ихъ исторія (тоже крѣпко измѣненная въ пользу мадьярскаго самолюбія)—богатырской. О русской литературѣ я не имѣлъ и понятія. Часто перебранивали меня товарищи мадьяре (характеристическая черта которыхъ—надменная гордость) и спрашивали: «Ну, скажи, есть ли у вашего русскаго народа какое нибудь эпическое произведеніе, или лирическая поэзія и т. д.?» Я, разумѣется, долженъ былъ отмалчиваться; я не зналъ, что есть русскія богатырскія пѣсни, которыми бы могла дорожить всякая литература. Мнѣ казались мадьярскія эпическія пѣсни, составленныя искусственнымъ образомъ, безподобными, ихъ литература—первою въ мірѣ. Намъ давали вообще очень скудныя свѣдѣнія по иностраннымъ литературамъ, частью по невѣжеству учителей, но отчасти для того, чтобы воспитать изъ молодыхъ людей хорошихъ патріотовъ. Мадьяръ обхватило въ 1848 г. какое-то опьяненіе. Они возмечтали о какомъ-то 14-ти милліонномъ мадьярскомъ народѣ (между тѣмъ на дѣлѣ ихъ—не болѣе пяти). Они стали называть славянъ: totajku magyarok, oroszajku magyarok и т. д. (т. е., мадьяре, говорящіе на словацкомъ,

[1]) См. Bidermann, «Die ungarischen Ruthenen».

Digitized by Google

на русскомъ и т. д. языкахъ). Мадьярскій языкъ заводился вездѣ, даже метрическія свидѣтельства начали издаваться на мадьярскомъ языкѣ (что казалось неслыханнымъ дѣломъ). Первый мадьярскій патріотъ Сечени («az elso magyar»—первый мадьяръ, какъ его мадьяре называютъ) задался даже мыслію—омадьярить славянъ, румыновъ и нѣмцевъ Угріи сплошь и рядомъ расположеніемъ мадьярскихъ полковъ по ихъ деревнямъ. Кошутъ тоже сочувствовалъ этимъ идеямъ.

Дѣйствія Поповича не остались въ тайнѣ предъ австрійскимъ правительствомъ, и онъ не избѣгнулъ бы участи прочихъ мадьярскихъ епископовъ патріотовъ, еслибы не заступились за него русскіе. Въ это время на сцену выступилъ Адольфъ Ивановичъ Добрянскій, сынъ священника изъ пряшевской епархіи. Добрянскій родился въ двадцатыхъ годахъ. Получивъ первые зачатки образованія отъ своей матери, умной женщины, которая, какъ самъ Адольфъ Ивановичъ говаривалъ, сочиняла проповѣди своему мужу, Добрянскій учился юридическимъ наукамъ въ г. Ягерѣ и отличался уже тогда славянскимъ духомъ. Затѣмъ онъ поступилъ въ извѣстную горную академію въ г. Щавницѣ. Послѣ такого основательнаго образованія, Добрянскій не могъ не обратить на себя вниманія австрійскаго правительства, которое стало въ оппозицію къ мадьярамъ; и онъ быстро восходилъ по чиновнической лѣстницѣ, особенно при министрахъ Бахѣ, Шмерлингѣ и Белькреди. Добрянскій состоялъ въ 1849 г. интендантскимъ чиновникомъ при русскихъ войскахъ, и епископъ Поповичъ могъ именно его благодарить за свое спасеніе. Мы назвали Добрянскаго по имени и отчеству, но онъ былъ первымъ русскимъ человѣкомъ, возбудившимъ народное движеніе на Угорской Руси: съ него собственно начинается проявленіе народной жизни на Угорской Руси. Говоря о періодѣ послѣ 1848 года, мы будемъ указывать на тѣ центры, около которыхъ сосредоточивалось и сосредоточивается народное движеніе на Угорской Руси.

II.

Обрисуемъ вкратцѣ положеніе дѣлъ на Угорской Руси въ пятидесятыхъ годахъ. Австрійское правительство смотрѣло на угорскихъ русскихъ какъ на своихъ приверженцевъ, не смотря на поведеніе Поповича. Это отъ того, что Добрянскій былъ лич-

Digitized by Google

ностью выдающеюся изъ среды угорскихъ русскихъ, да и пряшевскій епископъ Гаганецъ былъ болѣе на сторонѣ правительства. Вѣнское министерство дало намекъ Добрянскому, чтобы угорскіе русскіе, для заявленія своихъ требованій, отправили въ Вѣну депутацію. 1849 г. отправилась депутація и представила императору Францу Іосифу записку, которая содержала въ сущности слѣдующее: округленіе комитатовъ по народностямъ, безъ вниманія на дотеперешнее раздѣленіе Угріи, происшедшее отчасти еще при королѣ Стефанѣ; введеніе русскаго языка въ народныя школы, учрежденіе гимназій съ русскимъ преподаваніемъ, устроеніе русскаго юридическаго лицея въ Ужгородѣ и русскаго университета во Львовѣ; постановленіе о томъ, чтобы при замѣщеніи должностей обращалось вниманіе на туземныхъ русскихъ, и вообще давались должности въ русскихъ округахъ только знающимъ русскій языкъ; учрежденіе русской офиціальной газеты на государственный счетъ; устройство полковъ по народностямъ, съ національными офицерами и полковыми священниками [1]).

Передача записки была поручена депутаціи, состоящей изъ Адольфа Добрянскаго, его брата Виктора Добрянскаго, епископскаго секретаря, изъ докторовъ Вывсаника и Алексовича и изъ священниковъ Шолтиса и Яницкаго. Депутація передала записку коммисару Угріи, г. Герингеру, представилась министрамъ и самому императору. Ее приняли вездѣ весьма благосклонно, съ обнадеживаніемъ, что подъ крыльями двуглаваго австрійскаго орла русская народность въ Австріи будетъ свободно развиваться. О всемъ этомъ увѣдомилъ клиръ епископъ пряшевской епархіи Гаганецъ (мукачевскій же Поповичъ, показавшійся такимъ противникомъ австрійскаго правительства, не могъ заявить себя на первыхъ порахъ), увѣщевая священниковъ, чтобы приняли къ сердцу интересы русскаго народа. Епископъ вмѣстѣ съ этимъ воззвалъ къ священникамъ, чтобъ они сообщили ему списокъ лицъ русскаго происхожденія, способныхъ занимать должности, такъ какъ ему сдѣланъ запросъ въ этомъ отношеніи.

Однако обѣщанія остались, по большей части, краснымъ словцомъ; сдѣлали нѣсколько русскихъ чиновниками, дали членамъ депутаціи по ордену—вотъ и все. Изданіе же офиціальной га-

[1]) См. Bidermann, «Die ungarischen Ruthenen».

Digitized by Google

зеты «Вѣстникъ» приносило больше вреда, чѣмъ пользы, такъ какъ газета была съ украйнофильскимъ или, лучше сказать, съ польскимъ направленіемъ, и дѣйствовала въ видахъ правительства. Но начало было сдѣлано; уже и то значило много, что епископъ сталъ какъ-бы во главѣ русскаго движенія и громко провозгласилъ, что правительство покровительствуетъ русскимъ. Разумѣется, что австрійское правительство смотрѣло на угорскихъ русскихъ какъ на народецъ, не находящійся въ тѣсной связи съ общимъ русскимъ міромъ, да и угорскіе русскіе сочли нужнымъ называть себя Ruthenen, а не Russen. И самъ епископъ Гаганецъ не былъ хоть бы такимъ настоящимъ русскимъ, какъ самъ Василій Поповичъ. Имъ руководили обстоятельства и Добрянскій. Онъ видѣлъ, что австрійское правительство беретъ подъ свою защиту угорскихъ русскихъ,—слѣдовательно, счелъ нужнымъ заявить себя усерднѣйшимъ слугою. Австрійское правительство и наградило его, увеличивъ ему жалованье и украсивъ орденомъ желѣзной короны третьей степени да брилліантовымъ перстнемъ.

Добрянскій былъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ вліятельнымъ чиновникомъ и имѣлъ мѣстопребываніе въ Ужгородѣ. Онъ получилъ такимъ образомъ вліяніе на дѣла мукачевской епархіи. Скоро появились русскія надписи на улицахъ города, что считалось большимъ завоеваніемъ для Угорской Руси. Многія лица русскаго происхожденія получили должности, и всякій, желавшій попасть въ чиновники въ этомъ краѣ, учился русскому языку. Такимъ образомъ положено основаніе мірской интеллигенціи на Угорской Руси. Дѣло дошло до того, что можно было составлять судебные акты на русскомъ языкѣ. Это показалось великимъ счастіемъ для народа, котораго увѣдомляли о судебномъ приговорѣ то на мадьярскомъ, то на нѣмецкомъ языкѣ. Часто случалось, да случается и нынѣ, что никто не умѣетъ прочесть присланной въ деревню офиціальной бумаги. Я помню изъ дѣтства, какъ мой дѣдъ, по цѣлымъ днямъ, разбиралъ мадьярскій, или нѣмецкій циркуляръ, и прибѣгалъ и къ моей слабосильной помощи, въ концѣ концовъ не понявъ ничего.

До 1848 г. администрація, судопроизводство, учебное дѣло въ Угріи шли частью на латинскомъ, а въ сороковыхъ годахъ отчасти и на мадьярскомъ языкахъ. Послѣ 1848 г. дѣло перемѣнилось на столько, что вся администрація и судопроизводство шли на нѣмецкомъ языкѣ,—что пештскій университетъ и казен-

Digitized by Google

ныя гимназіи, которыхъ считается до 15-ти, сдѣлались нѣмецкими. Мадьяре находились въ положеніи относительно лучшемъ, чѣмъ остальныя народности Угріи, потому что у нихъ много такъ называемыхъ монашескихъ и реформатскихъ гимназій, до которыхъ правительство не касалось. Въ нихъ, хотя и наука не стояла на высокомъ уровнѣ, воспитывались мадьярскіе патріоты.

Поповичъ сдѣлался истиннымъ русскимъ и вошелъ въ сношенія съ Добрянскимъ. Онъ перемѣнилъ латинскую епархіальную переписку на русскую и ввелъ русское преподаваніе въ ужгородскую духовную семинарію. Но австрійское правительство скоро пожалѣло тѣхъ крошекъ, которыя достались на долю бѣднаго Лазаря. Добрянскаго удалили изъ Ужгорода и тѣмъ прекратили его непосредственное вліяніе на ходъ дѣла въ верхней Угріи. Въ введеніи русскаго языка въ семинарію латинскіе епископы узрѣли расколъ и заставили уже и до того предъ австрійскимъ правительствомъ заподозрѣннаго епископа, отмѣнить свое распоряженіе. Да еще въ добавокъ къ этому, вслѣдствіе отговорокъ епископа, что русскіе семинаристы не могутъ дѣлать успѣховъ на латинскомъ языкѣ, присоединенъ къ четыремъ курсамъ пятый, въ видѣ приготовительнаго, въ которомъ воспитанники учились бы латинскому языку. Священники, сыновья которыхъ должны такимъ образомъ, по окончаніи полнаго гимназическаго курса, вмѣсто 4-хъ лѣтъ, учиться 5,—не смотря на то, что въ католическихъ семинаріяхъ и доселѣ только 4 курса,—возмутились этимъ нововведеніемъ.

Центры народнаго движенія, послѣ удаленія Добрянскаго изъ Ужгорода, были перенесены изъ Ужгорода въ Пряшевъ и Будинъ-Пештъ. Въ Пряшевѣ и вообще въ пряшевской епархіи дѣйствовали люди, воспитанные въ школѣ Добрянскаго. Центромъ ихъ кружка сдѣлался Александръ Васильевичъ Духновичъ, крылошанинъ (каноникъ) пряшевскаго капитула. Духновичъ былъ первымъ литераторомъ на Угорской Руси [1]); а сдѣлаться таковымъ было весьма трудно. Трудно было, особенно въ сороковыхъ годахъ, когда мадьяре, у которыхъ загорѣлся національный фанатизмъ въ высшей степени, чуть-чуть не разстрѣляли Духновича за составленіе

[1]) О Духновичѣ написалъ статью Н. А. Поповъ: «О русскомъ писателѣ въ Венгріи, А. В. Духновичѣ». См. III-ю книжку органа Общества любителей россійской словесности,—«Бесѣдъ».

Digitized by Google

имъ русскаго букваря. До Духновича учились (но таковыхъ охотниковъ не много было) по русско-славянской граматикѣ, составленной священникомъ мукачевской епархіи—Лучкаемъ, или же читали церковно-славянскую граматику серба Мразовича. На Угорской Руси еще доселѣ многіе отожествляютъ церковно-славянскій языкъ съ русскимъ, да и самъ народъ говоритъ «русская вѣра», «русская церковь» и т. д. Въ сороковыхъ годахъ была русская книга большою рѣдкостью. Я знаю священника, который кропилъ, какъ мощи, одинъ нумеръ «Сѣверной Пчелы», привезенный ему помѣщикомъ, путешествующимъ по Европѣ и заглянувшимъ случайно въ Петербургъ. Только благодаря московскому и петербургскому славянскимъ благотворительнымъ комитетамъ, разосланы русскія книги и по закоулкамъ Угорской Руси.

Духновичъ содѣйствовалъ много народному движенію своими стихами, хотя и не художественными, но зато дышащими патріотическими чувствами. Его стихотвореніе: «Я русинъ былъ, есмь и буду» сдѣлалось народнымъ гимномъ и роняло зародыши любви къ русскому народу въ молодежи. Гдѣ только соберется кучка молодыхъ людей, непремѣнно запоютъ: «Я русинъ былъ» [1]). Свои стихотворенія Духновичъ помѣщалъ въ издавае-

---

1) Приводимъ цѣликомъ это стихотвореніе:

Я русинъ былъ, есмь и буду;
Я родился русиномъ;
Честный родъ мой не забуду,
Останусь его сыномъ.

Я свѣтъ узрѣлъ подъ Бескидомъ [1]),
Воздухъ русскій я сосалъ;
Я кормился русскимъ хлѣбомъ,
Русинъ мене колысалъ.

Русинъ былъ мой отецъ, мати,
Русская вся родина [2]);
Русины сестры и браты
И широка дружина.

Коль первый разъ отворилъ ротъ,
Русское слово прорекъ;
На «Азъ-Буцѣ» первый мой потъ
Съ молодаго чела текъ.

---

1) Бескидъ—Карпатскія горы.
2) Родство.

Digitized by Google

момъ имъ альманахѣ «Поздравленіе русиновъ», въ галицко-русскомъ изданіи «Заря» и т. д. Духновичъ далъ народу первый букварь; онъ сочинялъ для народа драмы, хотя и наивныя, но соотвѣтствующія младенческому возрасту народа; Духновичъ же издавалъ краткіе «Мѣсяцесловы» за 1850, 1851, 1854 и 1857 годы, наполняя ихъ содержаніе полезными статьями. Онъ, да священники Павловичъ и Талайковичъ собирали народныя пѣсни [1]). При своихъ изданіяхъ Духновичъ могъ расчитывать развѣ на вѣрный убытокъ,—такъ немногочисленна была русская читающая публика въ Угріи. Для поощренія къ изученію русскаго языка, Духновичъ пользовался иногда уловками, подписывая подъ стихами, сочиненными имъ, имена молодыхъ людей и располагая ихъ такимъ образомъ къ русскому дѣлу. Духновичу, на ряду съ

Великій мой родъ и главный,
Міру есть современный,
Духомъ и силою славный,
Вѣрою неизмѣнный.

Русскимъ нòтомъ я питанъ былъ,
Русскимъ иду расходомъ
Въ широкій свѣтъ, но не забылъ
Со своимъ знатися родомъ.

И теперь кто питаетъ мя,
Кто любитъ, кто мя держитъ?—
Одно русское племя
Годность мою содержитъ.

Про то тебѣ, о роде мой,
Кленуся живымъ Богомъ,
За печальный трудъ и любовь
Повинуюся долгомъ.

По всей жизни почесть праву
Мой духъ тебѣ принесетъ,
Отъ всей души, силы славу
Духъ мой твою вознесетъ.

О я тебе не забуду
Отъ всѣхъ сердечныхъ утробъ,
Возлюблю тя, твоимъ буду
Сыномъ, другомъ ажъ по гробъ.

[1]) Эти пѣсни изданы г. Бодянскимъ въ собраніи народныхъ пѣсень Галицкой и Угорской Руси, въ «Чтеніяхъ» Общества И. и Д. Р. за 1866 г.

Digitized by Google

Добрянскимъ, обязана Угорская Русь своимъ народнымъ пробужденіемъ.

Австрійское правительство, увѣрявшее въ минутахъ умиленія, что русская народность въ Угріи можетъ свободно развиваться подъ егидой его двуглаваго орла, дошло впослѣдствіи до того, что такія сходки у Духновича могли держаться только въ присутствіи полицейскаго агента. Памятнымъ останется для края господство нѣмцевъ въ Угріи, начиная съ 1849 до 1863 года.

Изъ цѣлой Угріи сдѣлалась громадная канцелярія, переполненная бюрократами. Города кишѣли чиновниками, цѣна за квартиру поднялась вчетверо. Сложная администрація требовала много средствъ, поэтому подати стали больше. Но зато, эти же «Kaiser-königliche Beamten» (императ.-королевскіе чиновники), все люди происходившіе изъ низшихъ класовъ, принесли странѣ громадную пользу тѣмъ, что пріучали народъ, привыкшій доселѣ только къ палкѣ, къ человѣческому обращенію. Крестьяне жалѣютъ въ настоящее время о Бахѣ и Шмерлингѣ. «Когда мы приходили въ судъ», говорятъ они, «къ намъ обращались на вы», заставляли насъ присѣсть, судили справедливо; а нынѣ, какъ прикрикнетъ «солгабировъ (окружный судья) на нашего бирова (голову)!» Подъ управленіемъ нѣмецкихъ чиновниковъ, Угрію покрыли скоро шоссе, улучшилось почтовое дѣло, провелось нѣсколько линій желѣзной дороги, доселѣ пустыя народныя школы оживились. Но зато жутко было каждому, у кого душа немного свободнѣе шевелилась. Въ это время изданы были достопамятныя распоряженія. Носить бороду считалось демонстраціей, произнести имя Людвига Кошута было все равно, что попасть подъ арестъ. Въ городахъ, по всѣмъ улицамъ, сновали полицейскіе, требовавшіе отъ встрѣчнаго и поперечнаго паспорта. Журналистика находилась подъ страшнымъ гнетомъ; всякая свободная мысль застывала уже на пути. А это чувствовалось въ Угріи тѣмъ болѣе, что она считалась издревле страной свободы, такъ что сложилась пословица: «Extra Hungariam non est vita, si est vita, non est ita (внѣ Угріи нѣтъ житья, а если и есть, то не таковое). Лучшіе мадьярскіе патріоты скитались за границей; Сечени, гр. Телеки съ ума сошли.

Въ это время и епископъ Гаганецъ сталъ унимать тѣхъ же, которыхъ возбудило его окружное посланіе. Но, благодаря зароненному сѣмени, реакція осталась безуспѣшною. Даже люди, приближенные къ епископу, какъ его родственникъ и любимецъ,

Digitized by Google

епископскій секретарь, Викторъ Ладомирскій были русскими патріотами. Священники стали очищать обрядъ отъ латинской примѣси. Епископъ напрасно напутствовалъ своихъ семинаристовъ желаніемъ, чтобъ они дѣлали успѣхи въ латинскомъ языкѣ,—и тщетными остались его упреки за то, что имъ отмѣчали въ информаціяхъ ихъ прилежаніе въ русскомъ языкѣ, а нерадѣніе въ латынѣ. Епархіальная переписка въ пряшевской епархіи шла по прежнему (и ведется отчасти и понынѣ) на латинскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ въ мукачевской епархіи и послѣ удаленія Добрянскаго переписка между клиромъ и епископомъ осталась русская. Но молодые священники рѣшились писать и по-русски, и имъ отвѣчали, изъ-подъ пера Виктора Ладомирскаго, иногда и по-русски. Старые священники, приверженцы латинства, ужасались этого нововведенія, потому что не умѣли писать кириллицей, а между тѣмъ поздно было приниматься за ученье.

Мы скажемъ кое-что о Будинѣ-Пештѣ. По ходатайству Добрянскаго, получилъ мѣсто русскаго переводчика при намѣстничествѣ Угріи молодой священникъ мукачевской епархіи—Іоаннъ Раковскій. Раковскій придумалъ средство для изданія русской газеты. Въ Пештѣ есть католическій союзъ, «общество св. Стефана», занимающееся изданіями набожнаго содержанія на всѣхъ языкахъ, употребляемыхъ въ Угріи. Надо предпослать, какъ смотрѣли мадьяре на угорскихъ русскихъ. Имъ и въ голову не приходило, что угорскіе русскіе—тотъ же самый народъ, что и русскіе; они отчасти оспариваютъ это и въ настоящее время, на основаніи теоріи Духинскаго, нашедшей себѣ такъ много приверженцевъ на Западѣ. Мадьяре не знали даже того, какими буквами, латинскими ли, или кириллицей, пишутъ угорскіе русскіе. Поэтому Раковскому было легко убѣдить общество св. Стефана, чтобъ оно издавало подъ его редакціей газету церковнаго содержанія для угорскихъ русскихъ. Изданіе газеты состоялось. «Церковная газета» выходила въ еженедѣльномъ изданіи два года, съ 1854 по 1856 г. Газета печаталась, при содѣйствіи о. Войтковскаго, священника при надгробной церкви великой княгини Александры Павловны въ Иромѣ [1]), на чисто

[1]) В. М. Войтковскій, магистръ С.-Петербургской духовной академіи XVIII-го курса, профессоръ церковнаго права въ Новороссійскомъ университетѣ въ Одессѣ.

Digitized by Google

русскомъ языкѣ. Въ газетѣ вѣяло православнымъ духомъ. Извѣстный іезуитъ, о. Мартыновъ, посылалъ Раковскому статьи, написанныя въ ультрамонтанскомъ римскомъ духѣ. Раковскій и помѣщалъ ихъ со своими примѣчаніями, впослѣдствіи же отказался вовсе печатать ихъ. Спустя годъ, общество св. Стефана, развѣдавъ, что газета пишется на «московскомъ языкѣ», отказало въ изданіи газеты. Раковскій, у котораго всего 800 гульденовъ (500 р.) жалованья было, продолжалъ изданіе газеты. Были это безвозмездные труды со стороны Раковскаго, который даже изъ своего ничтожнаго жалованья издерживалъ часть на это единственное русское изданіе въ Угріи. Онъ работалъ день и ночь. Почти еженедѣльно отправлялся онъ въ деревню Иромъ, отстоящую отъ города въ 12 верстахъ, чтобы о. Войтковскій исправилъ его латинизмами и мадьяризмами испещренный слогъ; и запасшись «Духовной Бесѣдой» и «Христіанскимъ Чтеніемъ», онъ спѣшилъ, съ ношей въ полпуда, тоже пѣшкомъ, въ Будинъ [1]). Такія жертвы мыслимы только тогда, когда мы жертвуемъ идеалу, а этотъ идеалъ у многихъ угорскихъ русскихъ—отстаиваніе своей народности противъ мадьярства. На Раковскаго нападали съ всѣхъ сторонъ. Редакторъ мадьярскаго журнала «Religio», (я забылъ его фамилію), знакомый Раковскаго, упрекалъ его въ томъ, что онъ пишетъ на языкѣ такого народа, который находится во тьмѣ, у котораго нѣтъ никакой литературы. Когда Раковскій сталъ представлять ему, что онъ находится въ заблужденіи, что у русскихъ есть даже церковная литература, что онъ ему можетъ представить на лицо нѣсколько изданій, которыми пользуется при редакціи своей газеты,—католическій священникъ пришелъ въ азартъ и покончилъ споръ слѣдующими словами: Amice (другъ), или тебя обманываютъ, или ты обманываешь». Впрочемъ, не удивительно, что какой нибудь мадьяръ, у котораго кругозоръ дальше своего «Magyarorszag» (мадьярское государство) и не расширяется,—такимъ образомъ разсуждаетъ. Извѣстный нѣмецкій церковный писатель, Дёлингеръ, въ своемъ сочиненіи «Kirche u. Kirchen, Papst u. Papstthum», въ шестидесятыхъ годахъ, пишетъ, что въ Россіи не существуетъ ни одной семинаріи, ни одной церковной газеты и т. д. Такая

---

[1]) Эти данныя намъ сообщилъ самъ В. М. Войтковскій, который 20 лѣтъ прожилъ въ Будинѣ-Пештѣ.

Digitized by Google

очевидная ложь, которая распространяется насчетъ Россіи на Западѣ, пріобрѣтаетъ русскому міру много прозелитовъ между славянами. Вслѣдствіе этого, на примѣръ, карпаторусы, не вѣрятъ толкамъ за границей о Россіи («это по нѣмецкимъ, или по польскимъ источникамъ»—говорятъ обыкновенно); вслѣдствіе этого распространяется между угорскими русскими мысль, выраженная Хомяковымъ:

«О грустно, грустно мнѣ! ложится тьма густая
На дальный Западъ, на страну святыхъ чудесъ.
Свѣтила прежнія блѣднѣютъ, догарая,
И звѣзды лучшія срываются съ небесъ» [1]).

Вообще между угорскими русскими много приверженцевъ славянофильской школы: «Хомяковъ», «Аксаковъ»—настольныя книги у нихъ. «Стихотворенія Хомякова озарили Карпатскія горы», какъ говорятъ на Угорской Руси. Хомяковъ да Самаринъ возбудили православіе, стремленіе къ которому высказывается у угорскихъ русскихъ, какъ мы въ продолженіи статьи увидимъ, все рѣзче и рѣзче.

Но возвратимся къ Раковскому. Вслѣдствіе донесенія на него галицкаго священника, Шашкевича, нынѣшняго перемышльскаго епископа, который въ это время состоялъ чиновникомъ въ вѣнскомъ министерствѣ духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія (Cultur u. Unterrichts Ministerium), лишили Раковскаго мѣста переводчика и тѣмъ отняли у него возможность существованія въ Будинѣ-Ештѣ. Раковскій прекратилъ полезное изданіе и отправился въ деревню. Во время пребыванія Раковскаго въ Будинѣ, напечаталась первая русская граматика. Составителемъ ея былъ Духновичъ, который прислалъ рукопись для напечатанія Раковскому. Въ рукописи была граматика, написанная на мѣстномъ нарѣчіи, или, лучше сказать, на славяно-русскомъ языкѣ. Но

---

[1]) См. «Свѣтъ», ч. 49, 1870. Въ статьѣ «Нашъ вѣкъ» авторъ, вѣроятно изъ духовныхъ, обличаетъ западную церковь въ ея ложномъ направленіи, и отзываясь послѣ о западной культурѣ слишкомъ съ пренебреженіемъ, заканчиваетъ статью свою такимъ образомъ: «На сколько руководились и руководятся западные писатели правдою, легко убѣдимся, если обратимъ внимательный взоръ на тѣ лживыя извѣстія, которыя распространяются на Западѣ о Россіи».

Digitized by Google

*

Раковскій, при помощи о. Войтковскаго, передѣлалъ ее, и Духновичу, какъ автору, была представлена граматика, напечатанная на чисто русскомъ языкѣ. Старикъ много бранилъ проказника, а въ душѣ былъ радъ этому. Напечатаніе граматики на чисто русскомъ языкѣ было великимъ событіемъ на Угорской Руси. Самъ Духновичъ едва ли бы рѣшился (особенно послѣ того, какъ его запугали въ 1848 г.) написать вмѣсто «якъ»—«какъ», вм. «любити»—«любить»,—уже по тому, что на таковой шагъ смотрѣли очень враждебно, какъ видно изъ того обстоятельства, что мадьярское министерство (мадьярскимъ можно его назвать по праву, потому что членами его одни мадьяре) не одобрило въ 1866 г., какъ пособіе, ни граматики Духновича, ни граматики Кирилла Сабова, хотя авторъ послѣдней придерживался неопредѣленнаго на «-ти».—Писать «-ть» вмѣсто «-ти» и «какъ» вмѣсто «якъ» имѣло на Угорской Руси (а въ Галиціи оно имѣетъ и въ настоящее время) политическій характеръ. Священники, приверженцы старины, зрѣли «московскія» тенденціи во всякой статьѣ, составитель который писалъ на «-ть» и «какъ», хотя бы статья была написана самымъ плохимъ русскихъ языкомъ; напротивъ, статья, придерживающаяся окончанія «-ти» и союза «якъ», считалась приличной, хотя и была написана чисто по-русски. Благодаря тому обстоятельству, что угорскіе русскіе рѣшили пользоваться общерусскимъ языкомъ, ихъ положеніе въ нѣкоторомъ отношеніи лучше, чѣмъ положеніе галицкихъ, у которыхъ этотъ вопросъ, вслѣдствіе происковъ со стороны поляковъ, пока еще не порѣшенъ.

Скажемъ, въ заключеніе къ этому періоду, еще кое-что о положеніи священниковъ, такъ какъ они принимали и принимаютъ самое живое участіе въ народномъ движеніи. Священники получаютъ первоначальное свое образованіе въ гимназіяхъ, въ которыхъ, въ пятидесятыхъ годахъ, ученіе преподавалось частью на нѣмецкомъ, а отчасти на мадьярскомъ языкѣ. Русскій языкъ преподавался самымъ недостаточнымъ образомъ, такъ какъ сами преподаватели не много смыслили въ этомъ дѣлѣ, лишь въ двухъ гимназіяхъ: пряшевской и ужгородской (одинъ или два урока въ недѣлю). Кончивъ гимназическій курсъ, воспитанники отправляются въ ужгородскую, пештскую и вѣнскую семинаріи. Въ ужгородской семинаріи, въ которой помѣщается большая часть воспитанниковъ, преподаваніе идетъ на латинскомъ языкѣ, за исключеніемъ одного предмета, пастырской науки, которая пре-

Digitized by Google

подается по-русски. Такимъ образомъ, русскій языкъ можно изучить развѣ собственнымъ трудомъ. Въ пятидесятыхъ годахъ, благодаря явному расположенію къ русскому дѣлу епископа Поповича, ужгородская семинарія носила на себѣ характеръ русскій. Многіе изъ воспитанниковъ занимались русскимъ языкомъ, читали русскія книги, присланныя въ Ужгородъ славянскими благотворительными комитетами, и разговаривали между собой исключительно по-русски. Въ это время епископъ Поповичъ пріютилъ у себя русскаго выходца, извѣстнаго въ Ужгородѣ подъ именемъ «батько Матиронскій». Матиронскій оказался отличнымъ знатокомъ церковнаго пѣнія; епископъ поручилъ ему управленіе хоромъ, состоящимъ изъ воспитанниковъ семинаріи и гимназіи. Скоро послышалось въ ужгородской каѳедральной церкви церковное пѣніе Львова и Бортнянскаго, и за 50 верстъ приходили въ ужгородскую церковь послушать отличный хоръ. Многіе изъ воспитанниковъ семинаріи этого періода: Петрашовичъ, Ильковичъ, Ладомирскій, Ханатъ, Чанда, Котрадовъ, Кимакъ, Митракъ, Сильвай и мн. др., опредѣлившись священниками, стали передовыми поборниками русскаго дѣла среди народа. Въ пештскую католическую семинарію обѣ епархіи высылали 4 воспитанниковъ. Пештская семинарія, составляя богословскій факультетъ при университетѣ, называется центральной, потому что туда опредѣляетъ каждая изъ католическихъ и уніатскихъ епархій Угріи по нѣскольку лучшихъ воспитанниковъ. Въ ней да еще въ вѣнской семинаріи оканчиваютъ образованіе угорско-русскіе воспитанники, разумѣется, только тѣ изъ нихъ, которые потратятъ на это лишніе два, три года. Странную, пеструю картину представляетъ пештская семинарія. Находятся въ ней мадьяре, нѣмцы, словаки, хорваты, русскіе и румыны. Ихъ связываетъ общій латинскій языкъ, служащій, кромѣ преподаванія, и разговорнымъ. Однообразную коллегію представляютъ эти воспитанники, одѣтые въ средневѣковыя черныя реверенды (подрясники) во время занятій. Но, какъ скоро наступитъ свободное отъ занятій время, они распадаются на группы, гуляющія въ семинарскомъ саду (каждая епархія имѣетъ свои дорожки), и толкуютъ про свои дѣла на родномъ языкѣ. Часто можно тамъ слышать слова: Москва, Петербургъ, Прага, Бѣлградъ, Букарештъ. Славянскіе воспитанники имѣютъ свой литературный союзъ, который даже печатаетъ книжки набожнаго содержанія на словацкомъ языкѣ, такъ какъ союзъ основанъ словаками. Въ этой семинаріи такимъ образомъ русскіе воспитан-

Digitized by Google

ники сближаются, съ одной стороны, со славянскимъ міромъ, но съ другой стороны часто вселяется въ ихъ воспріимчивыхъ душахъ зародышъ іезуитства, который ужь самымъ физіологическимъ образомъ впечатлѣвается во время четырехлѣтняго пребыванія въ іезуитской средѣ. Такой отрицательный образчикъ воспитанія пештской семинаріи, къ счастію, почти единственный,—извѣстный въ г. Ужгородѣ докторъ богословія, въ информаціи котораго начальство отмѣтило: «Богъ былъ особенно милостивъ, когда создалъ этого воспитанника». Епископъ Поповичъ очень возмутился этими словами и вычеркнулъ ихъ изъ информаціи. Мукачевскій епископъ не много полагаетъ въ докторской степени. Пряшевскій же епископъ, Гаганецъ, напротивъ, почти умоляетъ воспитанниковъ, которыхъ посылаетъ въ Пештъ или Вѣну, чтобы они пріобрѣли степень «Doctor S. S. Theologiae». Но имъ и въ умъ не приходитъ достигать таковой степени, обязывающей ихъ остаться безбрачными. Часто проводятъ такіе мнимые «докторанты» годъ, два въ Вѣнѣ, на казенномъ содержаніи, занимаясь вмѣсто богословскихъ наукъ русскою литературой. Епископъ—въ благомъ ожиданіи, что скоро будетъ привѣтствовать Doctor'a S. S. Theologiae, а оказывается, что проказникъ возвратился даже безъ степени бакалавра. Таковой провинившійся впадаетъ въ немилость у епископа и остается, въ наказаніе, долго безъ прихода, «понеже онъ епархіальныи гроши промарнилъ» (ибо онъ промоталъ епархіальныя деньги), если только не успѣютъ задобрить старика.

Вѣнскую семинарію основала, какъ мы сказали выше, императрица Марія Терезія. Туда посылаютъ всѣ австрійскія уніатскія епархіи (русскія, румынскія и одна полусербская, полурусская—крижевацкая епархія) по нѣскольку воспитанниковъ. Главный контингентъ доставляютъ галицкія, львовская и перемышльская, епархіи. Между угорскими и галицкими воспитанниками шла, а отчасти идетъ и въ настоящее время, ожесточенная борьба. Угорскіе воспитанники образуютъ русскую партію, а галицкіе, за малымъ исключеніемъ, украинофильскую. Впрочемъ, надо предполагать, что борьба эта возникла только тогда, когда въ Россіи Кулишъ живо затронулъ украинофильскій вопросъ; до того времени не было почти никакого разлада между воспитанниками. Украинофильство является въ вѣнской семинаріи въ разныхъ видахъ: есть молодые люди, которые дѣйствительно увлеклись любовью къ родинѣ, которымъ Шевченко представляется

Digitized by Google

первымъ поэтомъ въ мірѣ; но есть и такіе, которые только на словахъ «русины», а въ душѣ поляки, какъ видно изъ обстоятельства, что между ними въ ходу разговорный польскій языкъ. Имъ покровительствовалъ прежній ректоръ, впослѣдствіи галицкій митрополитъ, Литвиновичъ. Въ настоящее время они стоятъ подъ защитой духовника вѣнской семинаріи, а отчасти и подъ покровительствомъ ректора семинаріи, и не говоря уже объ украинофильской партіи въ Галиціи, къ которой принадлежатъ и нынѣшній митрополитъ Сембратовичъ, да перемышльскій епископъ Шашкевичъ. Ректоръ поправляетъ постоянно воспитанниковъ, когда они обращаются къ нему на русскомъ языкѣ. Воспитанникъ скажетъ, на примѣръ, «я хочу купить часы», а начальникъ усердно поправляетъ: «треба говорити: я хощу купити зигарикъ, бо то такъ на нашомъ народнимъ языци». Но воспитанники, которымъ извѣстна трусость ректора, не боятся его. Какъ скоро ректоръ увидитъ, что воспитанникъ читаетъ русскую газету, онъ восклицаетъ съ изумленіемъ: «бійтеся Бога!» Впрочемъ и епископъ Гаганецъ отпускаетъ своихъ воспитанниковъ такимъ напутнымъ желаніемъ: «а же бы есь не читалъ московскіи кѣниги, але наши церковныи» (не читай русскихъ, а читай наши церковныя книги).

Вся эта борьба между воспитанниками отражаетъ, въ миніатюрномъ видѣ, движеніе на Галицкой и Угорской Руси, распрю между русской и украинофильской сторонами, представителями которыхъ были въ послѣднее время,—русской стороны, «Слово», «Страхопудъ», а украинофильской—«Вѣстникъ», «Мета» и «Вечерниця». Выписывать «Слово» и «Страхопудъ» не позволялось семинарскимъ начальствомъ; каждый нумеръ «Слова» и «Страхопуда» читался однако съ жадностью. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ русскіе воспитанники устроили литературный союзъ, «общество св. Кирилла и Меѳодія». Скоро однако начальство, по настоянію упомянутаго Шашкевича, закрыло общество. Русскія книги, какъ вредныя, распроданы, осталась одна исторія Карамзина, которая носитъ на себѣ печать бывшаго общества и переходитъ отъ одного семинарскаго поколѣнія къ другому. Между тѣмъ румынскіе воспитанники, число которыхъ простирается до 20-ти, имѣютъ понынѣ прекрасно устроенное литературное общество; библіотека общества числитъ до 1.000 книгъ, и оно печатаетъ кое-что ежегодно.

Въ Вѣнѣ познакомились угорскіе русскіе воспитанники поближе

Digitized by Google

съ русскимъ міромъ (ихъ посѣщали проѣзжіе русскіе, и таковыя посѣщенія, на прим., Ламанскаго, Балакирева и т. д., передавались отъ одного семинарскаго поколѣнія къ другому), заучивали русскія пѣсни, и возвратившись на родину, передавали окружающей ихъ средѣ все, чему научились. Благодаря вѣнскимъ семинаристамъ, стали извѣстны на Угорской Руси русскія пѣсни, которыя заучиваются уже по нѣкоторымъ мѣстамъ и народомъ. Вообще вѣнская семинарія (надобно при этомъ не терять изъ виду, что эти семинаріи не то, что русскія духовныя семинаріи,—онѣ составляютъ факультетъ университета) была, особенно въ пятидесятыхъ годахъ, главнымъ источникомъ движенія и разсадникомъ патріотовъ на Угорской Руси. Подкопаться подъ нее часто старались недоброжелатели русскаго дѣла, но пока имъ не удалось.

Матисовъ.

Digitized by Google

О ЦѢЛИ И УСПѢХАХЪ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.

Рѣчь Гельмгольца, произнесенная въ собраніи естествоиспытателей въ Инсбрукѣ.

Естественныя науки обнимаютъ собою множество частныхъ ученій, матеріалъ безконечно-разнообразный, границы и внутреннее богатство котораго возростаютъ ежегодно, и не видно предѣла этому возростанію. Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, такой человѣкъ, какъ Александръ Гумбольдтъ, еще могъ обозрѣть современныя ему естественно-научныя знанія, даже въ подробностяхъ, и привести ихъ въ стройное и великое цѣлое.

Въ настоящее время кажется весьма сомнительнымъ, чтобы эту задачу могъ успѣшно разрѣшить даже человѣкъ, который, подобно Гумбольдту, обладалъ бы всѣми необходимыми качествами, и притомъ употребилъ бы на одно это дѣло все свое время и весь свой трудъ.

Но всѣ мы, разрабатывающіе отдѣльныя вѣтви науки, можемъ употреблять только самую незначительную долю нашего времени на изученіе ея другихъ частей. Предпринимая какое нибудь опредѣленное изслѣдованіе, мы должны сосредоточить всѣ наши силы на тѣсномъ, ограниченномъ пространствѣ. Здѣсь намъ недостаточно,—подобно филологу или историку, изучать только книги, собирать свѣдѣнія о томъ, что другіе уже нашли относительно изучаемаго предмета: это, напротивъ, составляетъ только второстепенную часть нашей работы;—мы должны имѣть дѣло непосредственно съ самими предметами, изъ которыхъ каждый представляетъ новыя и своеобразныя затрудненія, не извѣстныя

Digitized by Google

книжному ученому. И при этомъ наиболѣе времени и труда тратится, въ большинствѣ случаевъ, на такія вещи, которыя находятся лишь въ отдаленной связи съ цѣлью самаго изысканія.

Мы должны изучать погрѣшности инструментовъ, устранять ихъ, или, если это невозможно, обходить ихъ невыгодное вліяніе. Мы должны выжидать удобнаго времени и случая, чтобъ изучаемый организмъ пришелъ въ то состояніе, которое нужно для нашего изслѣдованія. Потомъ, во время самаго изслѣдованія, мы изучаемъ возможныя при этомъ ошибки, которыя могутъ исказить, или подвергнуть сомнѣнію результаты; и мы должны снова начать нашу работу, пока не устранится всякая тѣнь сомнѣнія. И только тогда является цѣнный и дѣльный трудъ, когда наблюдатель всецѣло предается своему предмету и на столько сосредоточиваетъ на немъ всѣ свои мысли и интересы, что въ теченіи недѣль, мѣсяцевъ и годовъ не въ состояніи отъ него оторваться, пока не овладѣетъ всѣми частностями и не убѣдится въ вѣрности всѣхъ результатовъ. Всякій естествоиспытатель знаетъ, что различныя приготовленія, побочныя работы, контроль возможныхъ ошибокъ, разграниченіе достижимыхъ въ извѣстное время результатовъ отъ недостижимыхъ, при добросовѣстномъ изслѣдованіи, требуютъ гораздо болѣе времени, нежели наблюденія и опыты, для которыхъ собственно былъ предпринятъ весь трудъ. Гораздо болѣе остроумія и сообразительности нужно употребить на то, чтобы сдѣлать годнымъ къ употребленію какой нибудь непокорный кусокъ мѣди, или стекла, нежели на то, чтобы составить общій планъ всего изслѣдованія. Всякому естествоиспытателю извѣстна та нетерпѣливая горячность въ работѣ, когда всѣ мысли заключены въ тѣсный кругъ вопросовъ, кажущихся въ высшей степени мелочными и ничтожными всякому, не знающему конечной цѣли, къ которой эта работа пролагаетъ только путь. Я полагаю, что не ошибаюсь, описывая такимъ образомъ трудъ и душевное состояніе, создавшіе тѣ великіе результаты, которые послѣ долгаго застоя такъ быстро подвинули впередъ развитіе нашихъ наукъ и доставили имъ столь сильное вліяніе на всѣ стороны человѣческой жизни.

Итакъ, время работы не есть, во всякомъ случаѣ, время широкихъ обобщеній. Когда счастливо побѣждены всѣ трудности и твердо установлены результаты, тогда лишь, естественно, наступаетъ успокоеніе, и затѣмъ прежде всего возбуждается стремленіе уяснить общее значеніе вновь установленныхъ фактовъ и шире

Digitized by Google

заглянуть въ смыслъ родственныхъ явленій. И это совершенно необходимо. Только человѣкъ, способный къ подобнымъ обобщеніямъ, можетъ найти плодотворныя основы для дальнѣйшаго труда.

За первою работой слѣдуетъ другая, обнимающая новые предметы. Но и въ цѣломъ ряду разнообразныхъ занятій, каждый отдѣльный изслѣдователь не можетъ далеко уклониться отъ одного, болѣе или менѣе тѣсно очерченнаго, направленія. Такое ограниченіе было бы излишнимъ, еслибъ онъ имѣлъ дѣло только съ книжными свѣдѣніями объ изучаемыхъ имъ предметахъ. Человѣческая память крайне вынослива и можетъ скопить почти невѣроятную массу учености. Но для естествоиспытателя, кромѣ знанія, почерпаемаго изъ лекцій и книгъ, необходимы еще такія познанія, которыя можетъ дать только богатый чувственный опытъ; ему необходимы такія способности, которыя пріобрѣтаются только посредствомъ долгаго упражненія и часто повторяемыхъ опытовъ. Его чувства должны быть изощрены для наблюденій извѣстнаго рода, для воспріятія ничтожныхъ различій въ формѣ, цвѣтѣ, твердости, запахѣ и т. д. изслѣдуемыхъ предметовъ; его рука должна быть одинаково привычна какъ къ работѣ кузнеца, слесаря, или столяра, такъ и къ работѣ живописца; анатомируя иглою подъ микроскопомъ, онъ долженъ превосходить въ точности и ловкости самую искусную кружевницу. Въ то же время онъ долженъ обладать мужествомъ и хладнокровіемъ солдата въ борьбѣ съ разрушительными силами природы, или при произведеніи кровавыхъ операцій надъ людьми и животными. Такія свойства и способности, пріобрѣтенныя, или изощренныя многолѣтнимъ упражненіемъ, достаются не такъ быстро и не въ такомъ количествѣ, какъ сокровища памяти; поэтому-то каждый отдѣльный изслѣдователь принужденъ болѣе или менѣе ограничить область своихъ трудовъ и не выходить въ теченіи всей своей жизни изъ того круга занятій, который соотвѣтствуетъ его способностямъ.

Но мы не можемъ отрицать, что чѣмъ болѣе каждый ученый ограничиваетъ область своей работы, тѣмъ настоятельнѣе чувствуется имъ духовная потребность не терять связи съ цѣлымъ. Откуда возьметъ онъ силу и готовность для своего тяжелаго труда, увѣренность, что этотъ трудъ не останется безполезнымъ, если онъ не имѣетъ твердаго убѣжденія, что и онъ также принесъ свою долю для великаго *цѣлаго* той науки, ко-

Digitized by Google

торая должна подчинить неразумныя силы природы нравственнымъ цѣлямъ человѣчества?

Обыкновенно нельзя напередъ ручаться за непосредственную практическую пользу отдѣльныхъ естественно-научныхъ изслѣдованій. Хотя естественныя науки, посредствомъ практическаго примѣненія своихъ результатовъ, преобразили всю жизнь современнаго человѣчества; но обыкновенно на эти практическія примѣненія нападаютъ случайно,—тамъ, гдѣ ихъ менѣе всего ожидали; погоня за ними не приводитъ, обыкновенно, ни къ какой цѣли, если они не имѣли уже заранѣе близкихъ и прочныхъ основаній, такъ что остается только устранять отдѣльныя препятствія при исполненіи. Если мы обратимся къ исторіи важнѣйшихъ открытій, то увидимъ, что они совершались или простыми работниками, которые иногда счастливымъ случаемъ, иногда же съ помощью частыхъ попытокъ, приходили къ усовершенствованію своего ремесла; или же эти открытія (и сюда относится большинство новѣйшихъ) являются плодомъ развитаго научнаго познанія, имѣвшаго своею прямою цѣлью не практическую пользу, а единственно полноту естественно-научнаго цѣлаго.

Представить отчетъ объ успѣхахъ этого великаго *цѣлаго* естественныхъ наукъ кажется мнѣ въ высшей степени желательнымъ. Но изъ того, что я говорилъ выше, ясно, что одинъ человѣкъ не въ состояніи исполнить этой задачи даже съ приблизительною полнотой; и если я теперь рѣшаюсь взять ее на себя, то это по тому, что даже и неудачная попытка, по моему мнѣнію, лучше отсутствія какой либо попытки. Кромѣ того, для физіолога преимущественно существуетъ непосредственный поводъ не упускать изъ виду всего научнаго цѣлаго. Дѣйствительно, при современномъ состояніи наукъ, физіологія въ особенности нуждается въ помощи другихъ отраслей естествознанія и должна постоянно находиться съ ними въ связи. На физіологіи особенно ясно отразилось великое значеніе тѣхъ научныхъ успѣховъ, о которыхъ я буду говорить, и нѣкоторые важнѣйшіе изъ этихъ успѣховъ даже вызваны спорами объ основныхъ вопросахъ физіологіи.

Итакъ, приступаемъ къ нашей задачѣ. Но прежде чѣмъ говорить о прогресѣ естествознанія въ его цѣломъ, намъ нужно отвѣтить на вопросъ: по какому мѣрилу должны мы судить объ этомъ прогресѣ?

Digitized by Google

Для непосвященнаго наша наука есть собраніе необозримой и безпорядочной массы частностей, изъ которыхъ нѣкоторыя замѣчательны по своей практической пользѣ, другія же—какъ курьезы, какъ предметы удивленія. Но такое знаніе, состоящее изъ безсвязныхъ частностей, хотя бы и расположенныхъ во внѣшнемъ систематическомъ порядкѣ, какъ на примѣръ, въ класификаціи растеній Линнея, или въ энциклопедическихъ лексиконахъ. не заслуживало бы названія науки и не удовлетворяло бы ни научной потребности человѣческаго духа, ни его стремленію къ прогресивному господству надъ силами природы. Ибо человѣческій духъ требуетъ разумной связи познаній; стремленіе же человѣка къ господству надъ силами природы требуетъ предугадыванія успѣха въ еще неизвѣстныхъ случаяхъ, при условіяхъ, которыя еще не существуютъ, но которыя мы намѣрены произвести нашими дѣйствіями. Но и то, и другое, то есть, и разумная связь познаній, и предугадываніе явленій, возможны, очевидно, только чрезъ познаніе *закона* явленій.

Отдѣльные опыты и наблюдаемыя явленія не имѣютъ значенія сами по себѣ, какъ бы велико ни было ихъ число. Они только тогда получаютъ теоретическое, или практическое значеніе, когда открываютъ намъ законъ цѣлаго ряда однородныхъ явленій, или же даютъ отрицательное познаніе неполноты какого нибудь закона, считавшагося до тѣхъ поръ полнымъ. Правда, при строгой и всеобщей закономѣрности явленій природы, иногда достаточно бываетъ одного отдѣльнаго наблюденія надъ какимъ нибудь явленіемъ, предполагаемымъ нами строго закономѣрнымъ, чтобы съ высокою степенью вѣроятности основать на немъ общее правило. Такъ, на примѣръ, мы считаемъ полнымъ наше знаніе о скелетѣ какого нибудь допотопнаго животнаго даже и въ томъ случаѣ, когда мы нашли только скелетъ одной особи. Но мы должны помнить, что и здѣсь частное наблюденіе имѣетъ значеніе не въ своей отдѣльности, а только по тому, что чрезъ него мы познаемъ законную правильность въ тѣлесномъ строеніи цѣлаго *вида* организмовъ. Точно также знаніе удѣльной теплоты отдѣльнаго куска какого нибудь новаго металла имѣетъ значеніе лишь вслѣдствіе нашей увѣренности, что и всѣ другіе куски этого металла имѣютъ ту же самую удѣльную теплоту.

Найти *законъ* явленій—значитъ *понять* ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, законъ есть *общее понятіе*, обнимающее собою рядъ есте-

Digitized by Google

ственныхъ процесовъ, совершающихся однообразно. Какъ въ понятіи «млекопитающее» мы соединяемъ все то, что имѣютъ между собою общаго человѣкъ, обезъяна, собака, левъ, заяцъ, лошадь, китъ и т. д., такъ и въ законѣ преломленія свѣта мы соединяемъ все то, что правильно повторяется каждый разъ, когда какой либо свѣтовой лучъ какого бы то ни было цвѣта и въ какомъ бы то ни было направленіи проникаетъ черезъ общую границу двухъ прозрачныхъ срединъ.

Но законъ природы не есть только логическое понятіе, придуманное нами, какъ средство для лучшаго запоминанія фактовъ. Законовъ природы нельзя также вывести путемъ умозрѣнія: мы должны, напротивъ, *открывать* ихъ въ фактахъ. Мы должны провѣрять ихъ постоянными наблюденіями и опытами на новыхъ частныхъ случаяхъ и при измѣненныхъ обстоятельствахъ; наше сомнѣніе въ ихъ достовѣрности исчезаетъ только по мѣрѣ того, какъ они оправдываются въ возрастающемъ числѣ случаевъ, при увеличивающейся точности наблюденія и большемъ разнообразіи условій.

Такимъ образомъ законы природы являются намъ чуждою силой, которая не можетъ быть произвольно выбираема и опредѣляема нашимъ мышленіемъ, подобно тѣмъ разнообразнымъ системамъ, по которымъ располагались животныя и растенія пока имѣлось въ виду лишь облегчить запоминаніе названій. Полное знаніе какого нибудь закона природы предполагаетъ безъисключительность его примѣненія, которая и служитъ признакомъ его вѣрности. Если мы убѣдимся, что наступили условія, при которыхъ долженъ дѣйствовать какой нибудь законъ природы, то онъ проявится не произвольно, путемъ единственнымъ, безъ нашего содѣйствія и съ необходимостью, точно такъ же управляющею внѣшнимъ міромъ, какъ и нашимъ мышленіемъ. Такимъ образомъ законъ является намъ объективною мощью, почему мы и даемъ ему названіе *силы*.

Законъ преломленія свѣта, на примѣръ, является объективною свѣтопреломляющею силою прозрачныхъ срединъ, законъ химическаго сродства—объективною силой сродства различныхъ веществъ между собою. Такимъ же образомъ мы говоримъ объ электрической силѣ, о силѣ сцѣпленія, капиллярности и мн. др. Въ этихъ названіяхъ объективно представлены законы, обнимавшіе сначала только небольшія группы естественныхъ процесовъ, условія которыхъ представлялись еще довольно запутанными.

Digitized by Google

Съ нихъ должно было начаться образованіе естественно-научныхъ понятій, пока не сдѣлалось возможнымъ перейти отъ хорошо извѣстныхъ частныхъ законовъ къ болѣе общимъ. При этомъ нужно было устранить случайности формы и пространственнаго расположенія, представляемыя взаимодѣйствующими массами, заключая изъ явленій, представляемыхъ большими, видимыми массами, о тѣхъ законахъ, которыми управляются дѣйствія неизмѣримо-малыхъ частицъ, т. е., выражаясь объективно, разложеніемъ силъ сложныхъ массъ на силы ихъ мельчайшихъ составныхъ частицъ. Такимъ образомъ было добыто простѣйшее представленіе о силѣ, какъ силѣ механической, дѣйствующей на физическую массу, и здѣсь-то особенно ясно обнаруживается, что сила есть только представленный объективно законъ дѣйствія. Сила, дѣйствующая на какое либо тѣло, полагается равною *произведенію*, полученному отъ умноженія *ускоренія на массу тѣла*. Фактическій смыслъ этого равенства заключается въ томъ, что оно выражаетъ законъ: присутствіе извѣстныхъ массъ вызываетъ совершенно опредѣленныя ускоренія ихъ отдѣльныхъ точекъ. Этотъ истинный смыслъ закона мы можемъ сравнивать съ фактами и повѣрять ими. Отвлеченное понятіе о силѣ, введенное нами, выражаетъ только, что законъ не выдуманъ произвольно, а что онъ есть принудительный законъ самихъ явленій.

Наше стремленіе *понимать* явленія природы, т. е., находить ихъ *законы*, принимаетъ такимъ образомъ другую форму и выражается въ требованіи отыскивать тѣ *силы*, которыя составляютъ *причины* явленій. Какъ скоро мы признаемъ независимость природы отъ нашей воли и мышленія, закономѣрность ея является намъ въ видѣ *причинной связи*.

Итакъ, говоря о прогресѣ естествознанія, какъ цѣлаго, мы должны измѣрять этотъ прогресъ успѣхами, сдѣланными въ познаніи причинной связи, обнимающей собою всѣ явленія природы.

Обращаясь къ прошедшему нашей науки, мы увидимъ, что теоретическая механика, основныя понятія которой впервые ясно установлены Галилеемъ, первая показала великій примѣръ подчиненія множества разнообразныхъ явленій одному общему закону. Тогда дѣло шло о томъ, чтобы найти общія положенія, кажущіяся намъ теперь столь очевидными,—именно, что всѣ массы инертны и что величина силы должна измѣряться не скоростью, а ея измѣненіемъ. Сначала силу, дѣйствующую равномѣрно, могли себѣ представить только какъ рядъ безконечно-

Digitized by Google

малыхъ толчковъ. Только когда Лейбницъ и Ньютонъ открытіемъ дифференціальнаго исчисленія разсѣяли туманъ, покрывавшій столь долго представленіе о безконечномъ, и уяснили понятіе непрерывности и непрерывно-измѣняющагося,—тогда только можно было достигнуть богатаго и плодотворнаго примѣненія новооткрытыхъ механическихъ положеній. Самымъ блестящимъ примѣромъ такого примѣненія было движеніе планетъ, и мнѣ достаточно только напомнить, какимъ свѣтлымъ образцомъ послужила астрономія для развитія всѣхъ другихъ естественныхъ наукъ. Въ ней, посредствомъ теоріи тяготѣнія, впервые была соединена огромная и запутанная масса явленій подъ одинъ (единственный) принципъ величайшей простоты; въ ней было достигнуто такое согласіе теоріи съ явленіями, какое ни прежде, ни послѣ не могло быть достигнуто ни въ какой другой научной области. Потребностямъ астрономіи обязаны своимъ развитіемъ почти всѣ точнѣйшіе методы измѣренія, равно какъ и бо́льшая часть успѣховъ новѣйшей математики. Астрономія была въ особенности способна привлечь къ себѣ вниманіе толпы—отчасти величіемъ своего предмета, отчасти практическою пользой, которую она приноситъ мореплаванію, геодезіи и чрезъ нихъ множеству промышленныхъ и общественныхъ интересовъ.

Галилей началъ съ изученія земной тяжести; Ньютонъ распространилъ ея примѣненіе, сначала предусмотрительно и нерѣшительно—на луну, потомъ смѣлѣе—на всѣ планеты. Новѣйшее время показало, что тѣ же законы всеобщей инерціи и тяготѣнія примѣняются и къ движенію самыхъ отдаленныхъ изъ видимыхъ нами двойныхъ звѣздъ.

Къ этому развитію механики и астрономіи присоединилось во 2-й половинѣ прошлаго и первой половинѣ настоящаго столѣтія великое развитіе *химіи*, разрѣшившей наконецъ фактически ту старую задачу, съ которой соединялось такъ много метафизическихъ умозрѣній,—найти основные елементы всѣхъ веществъ: и какъ дѣйствительность всегда бываетъ гораздо богаче, нежели самое смѣлое и фантастическое умозрѣніе, такъ и въ этомъ случаѣ вмѣсто четырехъ старыхъ метафизическихъ елементовъ: огня, воды, воздуха и земли, явились шестьдесятъ пять елементовъ новѣйшей химіи. Наука доказала, что эти елементы дѣйствительно неразрушимы, неизмѣнимы въ своей массѣ, а также и въ своихъ свойствахъ, такъ какъ изъ каждаго сложнаго состоянія, въ которое они были приведены, они

Digitized by Google

всегда могутъ быть снова выдѣлены, при чемъ получаютъ опять тѣ свойства, которыми они обладали прежде, въ своемъ изолированномъ состояніи. Во всей разнообразной смѣнѣ явленій живой и неоживленной природы, на сколько они намъ доступны, во всѣхъ поразительныхъ результатахъ химическаго разложенія и соединенія, число и разнообразіе которыхъ, благодаря неутомимому трудолюбію химиковъ, все болѣе и болѣе возрастаетъ съ каждымъ годомъ,—вездѣ господствуетъ одинъ законъ *неизмѣняемости вещества* съ необходимостью, не допускающею исключеній. Съ помощью спектральнаго анализа, химія уже проникла въ глубины неизмѣримаго пространства, и въ отдаленнѣйшихъ солнцахъ и туманныхъ пятнахъ нашла слѣды хорошо извѣстныхъ земныхъ елементовъ, такъ что нельзя сомнѣваться въ однородности вещества во всей вселенной, хотя область распространенія отдѣльныхъ елементовъ можетъ быть ограничена отдѣльными группами міровыхъ тѣлъ.

Изъ этого постоянства елементовъ вытекаетъ другое дальнѣйшее слѣдствіе. Химія доказала посредствомъ фактическаго изслѣдованія, что всякое тѣло состоитъ изъ найденныхъ ею елементовъ. Елементы могутъ разнообразно измѣнять свое взаимное соединеніе и смѣшеніе, форму своей аггрегаціи или своего молекулярнаго строенія, т. е., они могутъ измѣнять способъ своего *распредѣленія въ пространствѣ*. Но въ *свойствахъ* своихъ они, напротивъ, являются совершенно неизмѣняемыми: каждый елементъ въ изолированномъ состояніи имѣетъ всегда одни и тѣ же свойства; точно также каждое опредѣленное соединеніе или аггрегація елементовъ имѣетъ свои постоянныя, опредѣленныя свойства. Но если всѣ елементарныя вещества не измѣняемы въ своихъ свойствахъ, а измѣняютъ лишь способъ своего смѣшенія, своей аггрегаціи (т. е., своего распредѣленія въ пространствѣ), то всякая перемѣна въ природѣ есть измѣненіе пространственнаго расположенія елементарныхъ частицъ,—измѣненіе, происходящее посредствомъ *движенія*.

Но если движеніе есть первоначальное измѣненіе, лежащее въ основѣ всѣхъ другихъ измѣненій въ природѣ, то всѣ елементарныя силы суть силы движущія, и конечная цѣль естественныхъ наукъ заключается въ томъ, чтобы найти тѣ движенія или движущія силы, которыя служатъ основаніемъ всѣхъ другихъ измѣненій,—т. е., естественныя науки должны разрѣшиться въ механику.

Digitized by Google

Хотя это требованіе и есть, очевидно, послѣднее заключеніе изъ доказанной, количественной и качественной, неизмѣняемости вещества, однако въ настоящее время это есть только идеальное требованіе, отъ осуществленія котораго мы еще очень далеки. Только въ ограниченныхъ областяхъ науки уже удалось свести измѣненія, наблюдаемыя непосредственно, къ движеніямъ и движущимъ силамъ опредѣленнаго рода. Кромѣ астрономіи, здѣсь можно еще указать на чисто-механическія части физики, затѣмъ на акустику, оптику, ученіе объ электричествѣ; въ ученіи о теплотѣ и въ химіи уже ревностно трудятся надъ выработкою опредѣленныхъ понятій относительно формы движеній и положенія частицъ; въ физіологическихъ же наукахъ существуютъ еще только неопредѣленныя попытки въ этомъ смыслѣ.

Тѣмъ болѣе важно, что въ теченіи послѣдняго 25-ти лѣтія совершенъ въ этомъ направленіи великій шагъ впередъ, имѣющій общее значеніе. Если всѣ елементарныя силы суть силы движенія и, слѣдовательно, однородны, то и измѣряться всѣ онѣ должны одинаковою мѣрою,—именно мѣрою механическихъ силъ. И что это въ дѣйствительности такъ,—должно считать уже доказаннымъ. Выражающій это законъ извѣстенъ подъ названіемъ *закона сохраненія силы*.

Для ограниченнаго круга явленій природы законъ этотъ былъ высказанъ еще Ньютономъ; затѣмъ въ болѣе ясной и общей формѣ выразилъ его Бернулли, со времени котораго онъ былъ признанъ для большей части извѣстныхъ намъ чисто-механическихъ процесовъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ примѣненіе его было расширено Румфордомъ, Гомфри Дэви, Монгольфье. Но тотъ, кто впервые ясно и вполнѣ понялъ этотъ законъ и рѣшился высказать его абсолютную и всеобщую примѣняемость,—это былъ dr. Робертъ Майеръ изъ Гейльбронна. Тогда какъ dr. Майеръ былъ наведенъ на открытіе самой общей формы этого закона физіологическими вопросами,—одновременно, но независимо отъ него, къ тѣмъ же самымъ соображеніямъ пришелъ Джоль (Joule) въ Манчестерѣ, исходя отъ техническихъ вопросовъ касательно устройства машинъ. Джолю мы обязаны важными и трудными опытами и изслѣдованіями относительно той области, гдѣ примѣняемость закона о сохраненіи силы могла казаться наиболѣе сомнительною, и гдѣ въ нашихъ статическихъ знаніяхъ существовали значительнѣйшіе пробѣлы,—

Digitized by Google

именно, относительно произведенія работы теплотою и теплоты работою.

Чтобы ясно установить этотъ законъ, нужно было, въ противуположность найденному раньше Галилеемъ понятію о *напряженности силы*, выработать новое механическое понятіе о *количествѣ силы*, которое также можетъ быть названо *количествомъ работы* или *энергіей*.

Это общее понятіе количества силы было подготовлено отчасти въ теоретической механикѣ посредствомъ понятія о *количествѣ живой силы* движущейся массы, отчасти въ практической механикѣ посредствомъ понятія *движущей силы* (Triebkraft), необходимой для поддержанія хода машины. Техники нашли уже и мѣру, которою должна измѣряться всякая движущая сила; эта мѣра опредѣляется тою тяжестью, которую сила въ состояніи поднять въ секунду на единицу высоты. Извѣстно, что единица этого измѣренія—такъ называемая лошадиная сила—опредѣляется какъ сила, поднимающая въ 1 секунду 70 килограммовъ на высоту 1 метра.

Однородность всѣхъ силъ природы, выраженная въ законѣ сохраненія силы, выступаетъ всего яснѣе и въ самой общедоступной формѣ при разсмотрѣніи машинъ и ихъ движущихъ силъ. Всякая машина, приведенная въ движеніе, нуждается въ какой нибудь механической движущей силѣ. Гдѣ берется эта послѣдняя, и въ какой формѣ она является—это все равно, лишь бы только она была достаточно велика и дѣйствовала постоянно. Иногда мы употребляемъ паровую машину, иногда водяное колесо или турбину, иногда силу лошадей или быковъ, иногда вѣтряную мельницу, а когда не нужно много силы, то употребляемъ человѣческую руку, или привѣшенную гирю, или же наконецъ электромагнитную машину. На какомъ двигателѣ мы остановимъ нашъ выборъ—зависитъ только отъ количества требуемой силы и отъ случайныхъ обстоятельствъ. Въ водяной мельницѣ дѣйствуетъ тяжесть стекающей съ горъ воды; вода же эта производится метеорологическими процесами, которые и являются въ этомъ случаѣ источникомъ движущей силы. Въ вѣтряной мельницѣ крылья вращаются живою силою движущагося воздуха; и это движеніе происходитъ изъ метеорологическихъ процесовъ атмосферы. Въ паровой машинѣ поршень двигается упругостью разгоряченныхъ паровъ; эта сила имѣетъ своею причиной теплоту, производимую въ печи чрезъ сожи-

Digitized by Google

ганіе угля, т. е., чрезъ химическій процесъ, который здѣсь и есть источникъ движущей силы. Если работаетъ лошадь, или рука человѣка, то механическую силу непосредственно производятъ ихъ мускулы, возбуждаемые нервами. Но чтобы живое тѣло могло производить мускульную силу, оно должно питаться и дышать. Принимаемыя имъ питательныя вещества выдѣляются имъ снова послѣ того, какъ они обратились въ углекислоту и воду чрезъ соединеніе съ кислородомъ вдыхаемаго воздуха. Такимъ образомъ и здѣсь необходимъ химическій процесъ для продолжительнаго поддержанія мускульной силы. То же самое относится и къ электромагнитнымъ машинамъ нашихъ телеграфовъ.

Такимъ образомъ мы получаемъ механическую силу изъ самыхъ разнородныхъ процесовъ природы и въ самомъ разнородномъ видѣ, но—должны мы замѣтитъ—всегда лишь въ ограниченномъ количествѣ. Мы при этомъ всегда потребляемъ что нибудь, доставляемое намъ природою. Въ водяной мельницѣ мы потребляемъ извѣстное количество воды, въ паровой машинѣ—угля, въ электромагнитной машинѣ—цинка и сѣрной кислоты; работающая лошадь потребляетъ питательныя вещества: въ вѣтряной мельницѣ мы потребляемъ движеніе воздуха, задерживаемое ея крыльями.

Какъ самые разнообразные процесы природы производятъ одну и ту же механическую движущую силу, такъ и на оборотъ: одинъ и тотъ же механическій двигатель можетъ производить самыя разнообразныя дѣйствія.

Обратимъ вниманіе на физическія различія этихъ дѣйствій. Съ помощью одной механической силы мы можемъ поднимать тяжести, накачивать воду, сгущать газы, приводить въ движеніе поѣзды желѣзныхъ дорогъ, производить теплоту чрезъ треніе. Посредствомъ той же силы мы можемъ вращать электромагнитныя машины и производить этимъ электрическіе токи, а съ помощью этихъ послѣднихъ разлагать воду или другія химическія соединенія, раскалять проволоки, намагничивать желѣзо и т. д.

Такимъ образомъ мы можемъ, обладая достаточною механическою силою, возстановлять всѣ тѣ состоянія и условія, съ помощью которыхъ, какъ было показано выше, мы могли получить эту самую механическую силу.

Но какъ ограниченна механическая сила, получаемая изъ

Digitized by Google

опредѣленнаго естественнаго процеса, такъ же ограниченны и тѣ различныя дѣйствія, которыя мы можемъ производить чрезъ примѣненіе опредѣленной механической силы.

Всѣ эти факты были соединены въ одинъ великій законъ природы, имѣющій самое обширное значеніе. Всякое измѣненіе въ природѣ соотвѣтствуетъ извѣстному произведенію, или извѣстному потребленію механической силы. Если производится какая нибудь механическая сила, то она или проявляется какъ таковая, или же непосредственно превращается, произведя другія измѣненія, равнозначительныя по величинѣ. Главнѣйшія опредѣленія этой эквивалентности основываются на Джолевыхъ измѣреніяхъ механическаго эквивалента теплоты. Когда паровая машина начинаетъ двигаться вслѣдствіе приведеннаго тепла, то теплота исчезаетъ пропорціонально производимой работѣ; и притомъ то количество теплоты, которое можетъ нагрѣть опредѣленный вѣсъ воды на 1° Ц., въ состояніи поднять, превратившись въ работу, то же самое количество воды на высоту 425 метровъ. Когда же мы превращаемъ посредствомъ тренія работу въ теплоту, то мы опять должны для того, чтобы нагрѣть извѣстное количество воды на 1°, употребить такую механическую силу, какая можетъ быть произведена тѣмъ же самымъ количествомъ воды, падающимъ съ высоты 425 метровъ. Химическіе процесы производятъ теплоту въ опредѣленномъ отношеніи; этимъ и опредѣляется механическая сила эквивалентная такимъ химическимъ силамъ, такъ что можно измѣрять механически и энергію химическаго сродства. То же самое относится и къ другимъ формамъ силъ природы, о чемъ подробно распространяться здѣсь нѣтъ надобности.

Такимъ образомъ, дѣйствительно, изъ этихъ изслѣдованій получается тотъ результатъ, что всѣ силы природы могутъ быть измѣряемы по одному и тому же механическому мѣрилу, и что всѣ онѣ, относителъно производимой ими работы, эквивалентны чисто механическимъ силамъ. Этимъ былъ достигнутъ первый и важный успѣхъ въ рѣшеніи обширной теоретической задачи—свести къ движеніямъ всѣ явленія природы.

Въ предыдущихъ размышленіяхъ я старался уяснить преимущественно логическую силу закона сохраненія силы; фактическое же значеніе этого закона для общаго миросозерцанія выражается въ той великой связи и гармоніи, которыя онъ открываетъ между всѣми явленіями въ мірѣ, независимо отъ ихъ

Digitized by Google

разстоянія въ пространствѣ и времени. По этому закону, вселенная является снабженною запасомъ энергіи, который не можетъ быть ни увеличенъ, ни уменьшенъ всею пестрою смѣною естественныхъ процесовъ. Образъ проявленія этой энергіи постоянно измѣняется, но количество ея во вѣки неизмѣнно: она дѣйствуетъ въ пространствѣ, но не дѣлима, подобно веществу вмѣстѣ съ пространствомъ. Всякое измѣненіе въ мірѣ есть перемѣна въ формѣ проявленія этого запаса энергіи. Здѣсь часть его проявляется какъ живая сила движущихся массъ, тамъ—какъ правильное колебаніе, въ свѣтѣ и звукѣ, тамъ—какъ теплота, то есть, неправильное движеніе неизмѣримо-мелкихъ частицъ; энергія то является въ формѣ притяженія двухъ тяготѣющихъ другъ къ другу массъ, то какъ внутреннее напряженіе и давленіе упругихъ тѣлъ, то какъ химическое притяженіе, электрическое заряженіе, или магнитная полярность. Исчезнетъ она въ одной формѣ—навѣрно появится въ другой; а когда она появляется въ новой формѣ, мы должны быть увѣрены, что исчезла какая нибудь изъ другихъ ея формъ.

Законъ Карно механической теоріи теплоты, исправленный Клаузіусомъ, показываетъ, что въ общемъ эта постоянная смѣна въ формѣ проявленія энергіи идетъ въ одномъ опредѣленномъ направленіи, такъ какъ все большее и большее количество изъ великаго запаса міровой энергіи переходитъ въ форму теплоты.

Такимъ образомъ, мы можемъ умственно возвратиться къ тому первобытному состоянію вселенной, когда холодная масса міровыхъ тѣлъ была, по всей вѣроятности, разсѣяна въ пространствѣ въ видѣ хаотической пыли или тумана. Сгущаясь подъ вліяніемъ силы тяготѣнія, она должна была нагрѣться. Еще и теперь съ помощью спектральнаго анализа (—методъ, теоретическія основанія котораго выводятся сами изъ механической теоріи теплоты) мы узнаемъ остатки рѣдкой и разсѣянной матеріи въ туманныхъ пятнахъ, въ тучахъ метеоровъ и въ кометахъ. Процесъ сгущенія и развитіе теплоты продолжается и теперь, хотя въ ближайшей къ намъ части міроваго пространства онъ почти вездѣ уже окончился. Большая часть энергіи, принадлежащей нашей солнечной системѣ, заключается въ настоящее время въ солнечной теплотѣ. Но эта энергія не вѣчно сохраняется въ нашей системѣ: часть ея постоянно лучеиспускается въ видѣ свѣта и теплоты въ безконечныя міровыя пространства. При

Digitized by Google

этомъ лучеиспусканіи получаетъ свою долю и наша земля. Солнечная теплота, получаемая ею такимъ образомъ, производитъ на ея поверхности вѣтры и морскія теченія, заставляетъ водяные пары подниматься изъ тропическихъ морей и опускаться на горы и равнины, откуда эти пары въ видѣ источниковъ и рѣкъ снова возвращаются въ море. Только съ помощью солнечныхъ лучей могутъ растенія выдѣлять изъ углекислоты и воды вещества, служащія пищею животнымъ, такъ что и въ пестромъ разнообразіи органической жизни движущая сила получается только изъ вѣчнаго, великаго запаса вселенной.

Эта величественная картина связи всѣхъ естественныхъ процесовъ часто воспроизводилась въ послѣднее время; мнѣ достаточно только напомнить ея великія черты. Если нахожденіе общихъ законовъ составляетъ задачу естественныхъ наукъ, то здѣсь совершенъ ими величайшій шагъ впередъ.

Упомянутое мною примѣненіе закона сохраненія силы къ процесамъ животнаго и растительнаго міра приводитъ насъ къ другому направленію, въ которомъ познаніе закономѣрности природы также достигло въ послѣднее время значительныхъ успѣховъ. Въ самомъ дѣлѣ, названный законъ имѣетъ величайшее значеніе и въ основныхъ вопросахъ физіологіи; поэтому-то Робертъ Майеръ и я—мы оба были приведены именно со стороны физіологіи къ изслѣдованіямъ касательно сохраненія силы.

При изученіи явленій неорганической природы, уже давно не было никакого сомнѣнія касательно основнаго метода. Всѣмъ было ясно, что здѣсь нужно отыскивать неизмѣнные законы явленій, и уже достаточное число такихъ законовъ было дѣйствительно найдено.

Между тѣмъ, бо̀льшая сложность и запутанность жизненныхъ процесовъ, ихъ связь съ психическою дѣятельностію и несомнѣнная целесообразность въ устройствѣ организмовъ заставляли сомнѣваться въ строгой закономѣрности этихъ явленій; и дѣйствительно, физіологія постоянно должна была бороться съ вопросомъ: абсолютно ли закономѣрны всѣ жизненные процесы, или же здѣсь существуетъ болѣе или менѣе обширный кругъ, внутри котораго господствуетъ произволъ? Воззрѣніе Парацельза, Гельмонта и Шталя, что всѣ органическіе процесы управляются «жизненною душою» или «жизненною силою», свойства которой болѣе или менѣе подобны свойствамъ сознательной души человѣка,—это воззрѣніе, прикрытое болѣе или менѣе словами, еще

Digitized by Google

и теперь довольно распространено въ ученомъ мірѣ, особенно внѣ Германіи. Хотя вліяніе неорганическихъ естественныхъ силъ было признано и въ организмахъ, такъ какъ полагали, что жизненная душа управляетъ матеріею только посредствомъ физическихъ и химическихъ силъ самой матеріи, безъ помощи которыхъ она не въ состояніи ничего произвесть,—но при этомъ жизненной силѣ приписывалась способность связывать и разрѣшать по своему произволу дѣятельность этихъ физическихъ и химическихъ силъ. Гніеніе объяснялось дѣйствіемъ химическихъ силъ органической массы, которая не подчинялась болѣе жизненной силѣ. Впрочемъ, при всѣхъ различныхъ способахъ выраженія:—говорятъ ли объ «Археѣ», объ «anima inscia», или же, какъ въ послѣднее время, о «жизненной силѣ» и «цѣлебной силѣ природы»,—основнымъ аттрибутомъ этого гипотетическаго принципа виталистической теоріи остается способность создавать организмъ по извѣстному плану и цѣлесообразно примѣнять его къ внѣшнимъ условіямъ, такъ что названіе «душа» всего болѣе согласно съ свойствами этого упрявляющаго принципа.

Между тѣмъ, ясно, что такое воззрѣніе прямо противорѣчитъ закону сохраненія силы.

Если жизненная сила въ состояніи устранить на время дѣйствіе тяжести какого нибудь тѣла, то это тѣло можетъ быть безо всякой работы поднято на какую угодно высоту и затѣмъ, по возстановленіи дѣйствія тяжести, произвести своимъ паденіемъ извѣстную работу. Въ этомъ случаѣ работа была бы произведена изъ ничего. Если жизненная сила можетъ на время устранять химическое притяженіе углерода къ кислороду, то углекислоту можно разлагать, не употребляя никакой работы, а освобожденные углеродъ и кислородъ могутъ опять производить новую работу.

Но въ дѣйствительности мы не находимъ никакого указанія на то, чтобы живые организмы могли производить какое либо количество работы безъ соотвѣтствующаго потребленія. Относительно произведенія работы животныя совершенно подобны паровымъ машинамъ. И тѣ и другія могутъ только тогда двигаться и работать, когда получаютъ постоянно горючій матеріалъ (питательныя вещества) и воздухъ, содержащій кислородъ; и животныя, и машины возвращаютъ назадъ эти вещества въ перегорѣвшемъ состояніи, причемъ производятъ теплоту и работу. Сдѣланныя же до сихъ поръ изслѣдованія относительно количества

Digitized by Google

теплоты, производимой *покоющимся* животнымъ, нисколько не противорѣчатъ тому предположенію, что эта теплота въ точности эквивалентна работѣ химическихъ силъ, постоянно дѣйствующихъ въ животномъ организмѣ.

Для жизненныхъ процесовъ растеній достаточный источникъ силы заключается въ солнечныхъ лучахъ, необходимыхъ растенію для его развитія. Впрочемъ, какъ для растеній, такъ и для животныхъ, не произведены еще точныя количественныя изслѣдованія, которыя дали бы возможность фактически констатировать строгое соотвѣтствіе между производимыми и потребляемыми силами.

Но если законъ сохраненія силы примѣняется и къ живымъ существамъ, то отсюда слѣдуетъ, что физическія и химическія силы тѣхъ веществъ, изъ которыхъ состоятъ организмы, дѣйствуютъ въ нихъ постоянно безъ перерыва и безъ произвола, не нарушая ни на мгновеніе своей строгой закономѣрности.

Такимъ образомъ физіологія должна принимать въ расчетъ безусловную закономѣрность силъ природы и при изученіи жизненныхъ процесовъ; она должна серьезно заняться изслѣдованіемъ физическихъ и химическихъ процесовъ, происходящихъ внутри организмовъ. Это составляетъ страшно запутанную и обширную работу; но за нее принялось множество сильныхъ работниковъ, и мы имѣемъ право сказать, что награда за ихъ трудъ не заставила себя ждать: дѣйствительно, въ пониманіи жизненныхъ явленій наука сдѣлала въ послѣднія сорокъ лѣтъ болѣе успѣховъ, нежели въ предыдущія два тысячелѣтія.

Разъясненію основныхъ началъ науки о жизни (біологіи) описательное естествознаніе оказало неоцѣнимую услугу теоріею Дарвина—образованія органическихъ формъ, которая сдѣлала возможнымъ совершенно новое объясненіе органической цѣлесообразности.

Эта замѣчательная и съ развитіемъ науки все болѣе и болѣе раскрывавшаяся цѣлесообразность въ строеніи и отправленіяхъ живыхъ существъ была главною причиною, побудившею сравнить жизненные процесы съ дѣйствіями сознательнаго и разумнаго принципа. Мы знаемъ во всемъ окружающемъ насъ мірѣ только одинъ рядъ явленій, имѣющихъ подобный характеръ,—именно, дѣйствія и созданія разумнаго человѣка; и мы должны признать, что во множествѣ случаевъ цѣлесообразность органическаго міра на столько превосходитъ способности человѣческаго разума, что ей можно приписать скорѣе высшія, нежели низшія свойства.

Digitized by Google

До Дарвина извѣстны были только два объясненія органической цѣлесообразности, которыя оба предполагали вмѣшательство свободнаго разума въ ходъ естественныхъ процесовъ. Первое объясненіе, совпадающее съ виталистическою теоріею, предполагаетъ, что всѣ жизненные процесы управляются постоянно «жизненною душою»; другое же объясненіе прибѣгаетъ къ сверхъестественному разумному существу, творческій актъ котораго произвелъ въ отдѣльности каждый существующій видъ организмовъ. Послѣднее воззрѣніе хотя и принимаетъ болѣе рѣдкія нарушенія законной связи естественныхъ явленій, и позволяетъ относиться строго научнымъ образомъ къ тѣмъ процесамъ, которые наблюдаются въ живущихъ теперь органическихъ видахъ, но и оно не могло вполнѣ устранить всякое нарушеніе естественной закономѣрности и поэтому едва ли имѣетъ значительное преимущество сравнительно съ виталистическимъ воззрѣніемъ, которое, съ другой стороны, имѣетъ сильную поддержку въ естественномъ стремленіи человѣка искать за одинаковыми явленіями одинаковыхъ причинъ.

Теорія Дарвина заключаетъ въ себѣ существенно новую плодотворную идею. Она показываетъ, какъ цѣлесообразность въ строеніи организмовъ можетъ произойти безо всякаго вмѣшательства внѣшняго разума, единственно чрезъ необходимое дѣйствіе закона природы, именно закона наслѣдственности индивидуальныхъ особенностей,—закона давно извѣстнаго и признаннаго, но нуждавшагося въ болѣе опредѣленномъ формулированіи. Если оба родичи имѣютъ одинакія индивидульныя особенности, то тѣ же особенности имѣетъ и большинство ихъ потомства; причемъ обыкновенно многіе изъ потомковъ имѣютъ эти качества въ усиленной степени. Если именно эти послѣдніе будутъ употребляемы для размноженія, то можетъ быть достигнуто все большее и большее усиленіе данныхъ качествъ, которое затѣмъ передается по наслѣдству. Такъ дѣйствительно и поступаютъ скотоводы и садовники, когда желаютъ произвести новую породу или разновидность съ рѣзко уклоняющимися свойствами. На опыты искусственнаго подбора съ научной точки зрѣнія нужно смотрѣть какъ на экспериментальное подтвержденіе приведеннаго закона; а такіе опыты успѣшно производились и производятся въ огромномъ числѣ надъ видами изо всѣхъ классовъ органическаго міра и по отношенію къ самымъ различнымъ органамъ.

Установивъ такимъ образомъ всеобщее значеніе закона на-

Digitized by Google

слѣдственности, Дарвинъ долженъ былъ разсмотрѣть, какія послѣдствія имѣетъ этотъ законъ для животныхъ и растеній, живущихъ въ дикомъ состояніи. Какъ результатъ этого изслѣдованія, оказалось, что тѣ особи, которыя въ борьбѣ за существованіе отличаются какими либо выгодными свойствами, имѣютъ наиболѣе шансовъ произвести потомство и передать ему эти выгодныя свойства. Отъ этого зависитъ приспособленіе всякаго вида органическихъ существъ къ тѣмъ внѣшнимъ условіямъ, въ которыхъ живетъ этотъ видъ. Такое приспособленіе съ каждымъ поколѣніемъ становится все болѣе и болѣе совершеннымъ, пока наконецъ не выработается такой типъ, всякое отклоненіе отъ котораго уже невыгодно для организма. Тогда этотъ типъ дѣлается постояннымъ, пока не измѣнятся внѣшнія условія его существованія. Такого приблизительно неизмѣняемаго состоянія достигли, какъ кажется, живущія теперь существа; по крайней мѣрѣ, для историческихъ временъ постоянство почти всѣхъ видовъ есть фактъ доказанный.

Истинность или вѣроятность Дарвиновой теоріи составляетъ еще предметъ оживленнаго спора; но этотъ споръ касается собственно только границъ, которыя должно принять для измѣняемости видовъ. Что въ предѣлахъ вида могутъ происходить наслѣдственныя разновидности по описанному Дарвиномъ способу, и что даже многія формы, считавшіяся до сихъ поръ отдѣльными видами одного рода, произошли несомнѣнно отъ одной общей формы,—этого не могутъ отрицать и противники Дарвина. Но должны ли мы этимъ ограничиться, или же имѣемъ право производить всѣхъ млекопитающихъ отъ одного первичнаго сумчатаго животнаго, или, далѣе, всѣхъ позвоночныхъ отъ одной первичной рыбы (Amphioxus lanceolatus), или же, наконецъ, должны принять, что всѣ животныя и растенія вмѣстѣ произошли изъ слизистой протоплазмы какого нибудь протиста,—эти вопросы до сихъ поръ рѣшались болѣе личными склонностями ученыхъ, нежели фактами. Но уже все болѣе и болѣе открывается связующихъ членовъ между такими классами, связать которые казалось невозможнымъ; уже найдены въ правильныхъ геологическихъ слояхъ дѣйствительные переходы между самыми различными формами, и съ тѣхъ поръ, какъ вниманіе обращено въ эту сторону, несомнѣнно возрастаетъ число такихъ фактовъ, которые подтверждаютъ Дарвинову теорію и дѣлаютъ возможнымъ ея спеціальное примѣненіе къ отдѣльнымъ случаямъ.

Digitized by Google

При этомъ мы не должны забывать, какимъ яркимъ свѣтомъ великая мысль Дарвина освѣтила таинственныя до тѣхъ поръ понятія естественнаго родства, естественной системы и гомологіи органовъ. Удивительное повтореніе низшихъ животныхъ формъ въ эмбріональномъ развитіи высшихъ, замѣчательное совпаденіе палеонтологическаго развитія органическихъ формъ съ ихъ естественнымъ родствомъ, наконецъ, особенныя отношенія между органическими формами географически ограниченныхъ фаунъ и флоръ,—все это вполнѣ объясняется изъ теоріи Дарвина. Естественное родство являлось до тѣхъ поръ загадочнымъ и совершенно безпричиннымъ сходствомъ формъ,—теперь оно является дѣйствительнымъ, кровнымъ родствомъ. Естественная система хотя и навязывалась сама собою научному созерцанію, но собственно въ теоріи отрицалось всякое ея реальное значеніе, — теперь же она получила значеніе дѣйствительнаго родословнаго дерева организмовъ. Факты палеонтологическаго и эмбріологическаго развитія и географическаго распредѣленія являлись только загадочными странностями, пока полагали, что каждый органическій видъ произошелъ отдѣльно посредствомъ независимаго творческаго акта. Дарвинъ связалъ всѣ эти факты цѣпью единаго, великаго развитія. Факты сравнительной анатоміи и морфологіи растеній вызвали еще въ Гёте художественное предчувствіе связи, установленной Дарвиномъ ясно и опредѣленно.

Этимъ дается также возможность опредѣленной постановки вопроса при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ—важная выгода во всякомъ случаѣ, еслибы даже и оказалось, что теорія Дарвина не заключаетъ всей истины, и что рядомъ съ указанными имъ вліяніями при образованіи органическихъ формъ дѣйствуютъ еще и другія.

Дарвинова теорія относится исключительно къ тому преобразованію видовъ, которое происходитъ постепенно въ цѣломъ ряду поколѣній посредствомъ половаго размноженія. Но извѣстно, что и отдѣльная особь до извѣстной степени примѣняется, или, какъ обыкновенно говорятъ, привыкаетъ къ тѣмъ условіямъ, при которыхъ она живетъ, что, слѣдовательно, еще при жизни отдѣльной особи органическая цѣлесообразность можетъ достигнуть извѣстной, болѣе высокой, степени. И именно въ той области органической жизни, гдѣ цѣлесообразность достигаетъ высочайшей степени и возбуждаетъ наиболѣе удивленія,

Digitized by Google

именно въ области чувственныхъ воспріятій, новѣйшіе успѣхи физіологіи доказали, что это индивидуальное приспособленіе играетъ весьма значительную роль. Кто не удивлялся точности и вѣрности свѣдѣній о внѣшнемъ мірѣ, доставляемыхъ нашими чувствами, въ особенности зрѣніемъ. Эти свѣдѣнія составляютъ необходимое основаніе всякаго нашего намѣренія и дѣйствія; и только въ томъ случаѣ, если эти свѣдѣнія вѣрны, можемъ мы правильно дѣйствовать и надѣяться, что результатъ нашихъ поступковъ будетъ соотвѣтствовать намѣреніямъ. Результатъ же нашихъ дѣйствій служитъ, съ своей стороны, испытаніемъ достовѣрности нашихъ чувственныхъ воспріятій, и безконечное число разъ повторяемый опытъ доказываетъ намъ, что эта достовѣрность весьма велика; исключенія, такъ называемые обманы чувствъ, случаются очень рѣдко и зависятъ отъ совершенно особенныхъ условій.

Каждый разъ, какъ мы протягиваемъ руку, чтобы что нибудь взять, или подвигаемъ ногу, чтобы на что нибудь наступить,—мы должны имѣть заранѣе составленныя, вѣрныя представленія относительно положенія даннаго предмета, его формы, разстоянія и т. д., иначе мы промахнемся, или оступимся. Вѣрность и точность нашихъ чувственныхъ воспріятій должны, по крайней мѣрѣ, соотвѣтствовать той вѣрности и точности, которыхъ могутъ достигнуть наши дѣйствія при хорошемъ упражненіи; и достовѣрность нашихъ чувствъ въ практическомъ отношеніи постоянно испытывается и подтверждается безчисленными опытами, такъ что вѣра въ нее не есть слѣпая вѣра.

Если теперь это соотвѣтствіе между чувственными воспріятіями и ихъ объектами, составляющее основаніе всѣхъ нашихъ познаній, предуставлено органической творческой силой, то, дѣйствительно, цѣлесообразное дѣйствіе этой силы достигаетъ здѣсь высшей степени своего совершенства. Но именно здѣсь изслѣдованіе дѣйствительныхъ фактовъ самымъ безжалостнымъ образомъ разбило вѣру въ предопредѣленную гармонію внутренняго и внѣшняго міра.

Я уже не говорю о томъ неожиданномъ результатѣ офталмометрическихъ и оптическихъ изслѣдованій, по которому глазъ вовсе не есть болѣе совершенный оптическій инструментъ, нежели тѣ, которые дѣлаются человѣческими руками, а напротивъ, кромѣ неизбѣжныхъ ошибокъ всякаго діоптрическаго ин-

струмента, представляетъ еще такія, которыя не допускаются въ искусственномъ инструментѣ. Я уже не говорю также и о томъ, что ухо не передаетъ намъ внѣшніе тоны соотвѣтственно ихъ дѣйствительной силѣ, но разлагаетъ и измѣняетъ ихъ особеннымъ образомъ, и усиливаетъ или ослабляетъ въ весьма различной степени тоны различной высоты.

Эти уклоненія исчезаютъ въ сравненіи съ тѣми, которыя мы находимъ при изслѣдованіи качествъ ощущеній, дающихъ намъ свѣдѣнія о различныхъ свойствахъ внѣшнихъ предметовъ. Относительно этого мы можемъ прямо доказать, что не существуетъ никакого сходства между качествомъ извѣстнаго ощущенія и качествомъ внѣшняго дѣятеля, возбуждающаго и опредѣляющаго это ощущеніе.

Это въ сущности выражено уже Іоганномъ Мюллеромъ въ его законѣ о специфическихъ чувственныхъ энергіяхъ. По этому закону каждому чувствительному нерву соотвѣтствуетъ особый родъ ощущенія; каждый органъ чувствъ можетъ возбуждаться только однимъ извѣстнымъ образомъ, каковы бы ни были внѣшнія средства возбужденія; такъ въ зрительномъ нервѣ могутъ возникать только свѣтовыя ощущенія, въ слуховомъ— только звуковыя; вообще въ каждомъ чувствительномъ нервѣ— только такое ощущеніе, которое соотвѣтствуетъ его особенной специфической энергіи. Такимъ образомъ важнѣйшія различія въ качествахъ ощущеній, именно, между ощущеніями различныхъ органовъ чувствъ, зависятъ не отъ природы внѣшняго средства возбужденія, а единственно только отъ природы возбуждаемаго нервнаго аппарата.

Значеніе этого Мюллерова закона было еще расширено дальнѣйшими изслѣдованіями. Сдѣлалось весьма вѣроятнымъ, что даже ощущенія различнаго цвѣта и различной высоты тоновъ, т. е. качественныя различія свѣтовыхъ ощущеній между собою и звуковыхъ— между собою, зависятъ отъ возбужденія въ зрительномъ или слуховомъ нервѣ различныхъ системъ волоконъ, одаренныхъ различными специфическими энергіями. Безконечное объективное разнообразіе свѣтовыхъ колебаній сведено въ ощущеніи только къ тремъ основнымъ цвѣтамъ и ихъ смѣшеніямъ. Вслѣдствіе такой редукціи, значительныя объективныя различія могутъ быть не замѣтны въ ощущеніи. При этомъ оказалось, что физическія свѣтовыя отношенія нисколько не соотвѣтствуютъ субъективнымъ отношеніямъ цвѣтовъ. Изъ этихъ и по-

Digitized by Google

добныхъ фактовъ вытекаетъ весьма важное слѣдствіе, что наши ощущенія, по своему качеству, суть только *знаки* внѣшнихъ предметовъ, а не *изображенія* ихъ съ какой либо степенью сходства. *Изображеніе* должно въ какомъ нибудь отношеніи быть *однородно* съ своимъ предметомъ; такъ, на примѣръ, статуя имѣетъ одинакую форму тѣла съ изображаемымъ ею предметомъ, картина—одинакій цвѣтъ и одинакую перспективную проекцію. Для *знака* же достаточно того, чтобъ онъ появлялся каждый разъ, какъ наступаетъ обозначаемый имъ процесъ, безо всякаго другаго соотвѣтствія, кромѣ одновременности появленія. Только такого рода отношеніе существуетъ между нашими чувственными воспріятіями и ихъ объектами. Наши ощущенія суть знаки, которые мы научились читать, они суть данный намъ нашею организаціею языкъ, на которомъ внѣшній міръ говоритъ съ нами; но понимать этотъ языкъ, какъ и всякій другой, мы должны научиться посредствомъ упражненія и опыта.

И это относится не только къ качественнымъ различіямъ ощущеній, но и къ пространственнымъ различіямъ въ нашихъ воспріятіяхъ. Въ этомъ отношеніи важное значеніе получило новѣйшее ученіе о зрѣніи двумя глазами и открытіе стереоскопа. Ощущеніе обоихъ глазъ, безъ посредства психической дѣятельности, могло бы дать намъ только два, нѣсколько различныхъ плоскихъ изображеній внѣшняго міра съ двумя измѣреніями, такъ какъ они получаются на обѣихъ ретинахъ; вмѣсто того мы находимъ въ нашемъ созерцаніи пространственное, рельефное изображеніе окружающаго насъ міра съ тремя измѣреніями. Мы познаемъ чувственнымъ образомъ какъ разстояніе *отъ насъ* предметовъ (не слишкомъ далекихъ), такъ и ихъ перспективное отношеніе между собою, и сравниваемъ съ извѣстною степенью вѣрности дѣйствительныя величины двухъ неодинаково удаленныхъ предметовъ различной кажущейся величины.

Вполнѣ объяснить факты пространственнаго зрительнаго воспріятія можно, по моему мнѣнію, только принимая вмѣстѣ съ Лотце, что съ ощущеніями различно расположенныхъ нервныхъ волоконъ связаны извѣстныя различія, *мѣстные признаки*, пространственному значенію которыхъ мы *научаемся*. Возможность такого пространственнаго познанія была уже много разъ доказана.

Digitized by Google

Что опытъ имѣетъ большое значеніе въ ощущеніяхъ и сужденіяхъ зрѣнія и окончательно рѣшаетъ въ сомнительныхъ случаяхъ,—это допускается и тѣми физіологами, которые стараются сохранить какъ можно больше изъ врожденной гармоніи чувствъ съ внѣшнимъ міромъ. Весь споръ въ настоящее время вертится почти только около вопроса: на сколько сильно у новорожденныхъ вліяніе врожденныхъ стремленій, облегчающихъ упражненіе въ пониманіи чувственныхъ воспріятій. Признаніе такихъ стремленій не необходимо; напротивъ, оно скорѣе затрудняетъ, нежели облегчаетъ объясненіе явленій, наблюдаемыхъ у взрослыхъ.

Отсюда слѣдуетъ, что эта удивительная гармонія между нашими чувственными воспріятіями и ихъ объектами есть въ сущности, и за весьма сомнительными исключеніями, не что иное, какъ индивидуальное приспособленіе, продуктъ опыта, упражненія и памяти.

Здѣсь мы возвращаемся къ нашей исходной точкѣ. Мы видѣли въ началѣ, что цѣль нашей науки есть познаніе законовъ, то есть, познаніе того, какимъ образомъ за одинакими причинами и условіями постоянно и необходимо наступаютъ одинакія послѣдствія. Мы видѣли, что въ концѣ концовъ всѣ законы должны разрѣшиться въ законы движенія. Теперь въ заключеніи мы видимъ, что наши чувственныя воспріятія суть только знаки для измѣненій во внѣшнемъ мірѣ и представляютъ только ихъ порядокъ во времени. Но поэтому-то они и въ состояніи прямо представлять закономѣрность во временномъ порядкѣ естественныхъ явленій. Если въ природѣ при одинакихъ условіяхъ наступаетъ одинакое слѣдствіе, то и человѣкъ, наблюдающій при одинакихъ условіяхъ, получитъ одинакій рядъ впечатлѣній, правильно повторяющійся. Такимъ образомъ отправленія нашихъ чувственныхъ органовъ вполнѣ достаточны для научной задачи, а также и для практическихъ цѣлей дѣйствующаго человѣка, который долженъ опираться на познаніе законовъ природы, доставляемое наукою и ежедневнымъ опытомъ.

Заключая этимъ нашъ обзоръ, мы можемъ подвести удовлетворительные итоги. Наука о природѣ сильно подвинулась впередъ, и не только къ отдѣльнымъ цѣлямъ, но и въ общей великой связи; достигнутое уже ею ручается за дальнѣйшіе успѣхи. Сомнѣнія въ полной закономѣрности природы все болѣе

Digitized by Google

и болѣе исчезаютъ, открываются все болѣе и болѣе общіе и обширные законы. Что это направленіе науки разумно и здраво—ясно доказываютъ его великіе практическіе результаты; а здѣсь я позволю себѣ указать на мою спеціальную науку. Именно въ физіологіи научная работа особенно затруднялась сомнѣніями въ необходимой законности, то есть, разумности жизненныхъ явленій; и это вредное вліяніе естественно распространялось и на зависящую отъ физіологіи практическую науку—медицину. Обѣ онѣ достигли небывалыхъ прежде успѣховъ, съ тѣхъ поръ какъ серьезно и ревностно обратились къ естественно-научному методу, къ точному наблюденію явленій, къ опытамъ. Какъ бывшій врачъ, я могу засвидѣтельствовать это лично. Свое образованіе я получилъ въ тотъ періодъ развитія медицины, когда между ея мыслящими и добросовѣстными представителями господствовало полное отчаяніе. Что старыя, преимущественно теоретическія, методы медицины совершенно неудовлетворительны—не трудно было видѣть; но эмпирическіе факты, служившіе дѣйствительнымъ основаніемъ для этихъ теорій, были такъ неразрывно съ ними связаны, что и ихъ выбросили за бортъ. Примѣръ остальныхъ естественныхъ наукъ показывалъ, какимъ образомъ должна быть построена новая наука; но задача казалась громадною; для разрѣшенія ея было сдѣлано такъ мало и притомъ отчасти грубо и неловко. Нечего удивляться поэтому, что многіе честные и серьезно мыслящіе люди, неудовлетворенные, отвратились отъ медицины, или же предались преувеличенному эмпиризму.

Но правильная работа принесла плоды скорѣе, нежели ожидали. Введеніе механическихъ понятій въ ученіе о кровеобращеніи и дыханіи, лучшее пониманіе тепловыхъ явленій, подробнѣе разработанная физіологія нервовъ,—все это въ короткое время дало практическіе результаты величайшей важности; микроскопическое изслѣдованіе животныхъ тканей и сильное развитіе патологической анатоміи неотразимо вели отъ туманныхъ теорій къ дѣйствительности. Все это сдѣлало возможнымъ лучшее пониманіе механизма болѣзненныхъ процесовъ, нежели какое было доступно прежнимъ врачамъ. Изъ всѣхъ отраслей медицины вліяніе естественно-научной методы проявилось самымъ блестящимъ образомъ въ офталміатріи. Особенныя свойства глаза благопріятствуютъ примѣненію физическихъ методовъ изслѣдованія, какъ для функціональныхъ, такъ и для ана-

томическихъ поврежденій органа. Простыя физическія средства— очки, какъ сферическія, такъ цилиндрическія и призматическія. во многихъ случаяхъ достаточны для устраненія такихъ болѣзненныхъ состояній, которыя въ прежнее время дѣлали органъ на долго неспособнымъ къ его отправленіямъ; съ другой стороны, большое число болѣзненныхъ измѣненій, которыя прежде узнавались лишь тогда, когда они уже произвели неизлѣчимую слѣпоту, теперь открываются и устраняются въ самомъ началѣ. Офталміатрія, представляя наиболѣе удобства для примѣненія научнаго метода, привлекла къ себѣ многихъ замѣчательныхъ изслѣдователей и быстро развилась до своего современнаго состоянія, въ которомъ она служитъ для остальныхъ отраслей медицины такимъ же блестящимъ примѣромъ, какимъ долгое время служила астрономія для другихъ естественныхъ наукъ.

Digitized by Google

МЕКСИКА

и

ИМПЕРАТОРЪ МАКСИМИЛІАНЪ.

Романъ Герштекера *).

I.

20 мая 1864 года домъ, въ которомъ жилъ бывшій президентъ Мексики, генералъ Мирамонъ, былъ торжественно освѣщенъ, и слуги усердно заняты были различными приготовленіями для принятія ожидаемыхъ гостей. Въ игорной комнатѣ разставляли столы и зажигали свѣчи; въ залѣ рояль былъ нѣсколько отодвинутъ отъ стѣны; словомъ, все обличало, что на этотъ разъ собраніе будетъ особенно многолюдное, блестящее и не похожее на обыкновенныя вечеринки, на которыя за послѣднее время въ домѣ молодаго полководца и администратора собирался почти еженедѣльно обширный кругъ его друзей и единомышленниковъ.

Вообще, то было весьма оживленное и шумное время въ Мексикѣ. Весна 1864 года обѣщала, по видимому, прекратить наконецъ ужасы и кровопролитіе, войну и смуты, которыя такъ долго раздирали эту прекрасную страну.

Конечно, французскія войска стояли еще въ странѣ; всюду, въ горахъ и долинахъ, дымилась еще кровь, пролитая ихъ оружіемъ,—кровь людей, смѣло выступившихъ на борьбу съ чужеземцами, защищая отечество и домашній свой очагъ; но вѣдь въ Мексикѣ волненія и смуты были весьма обыкновенны, и всѣ къ этому привыкли. То, что происходило въ ней теперь, повторялось не разъ; но худшаго состоянія, какъ теперь, конечно, она не переживала. Въ настоящее время, подобно тому, какъ это было во время завоеванія страны испанцами, вторглось чужеземное войско и, пользуясь раздорами партій, употребляло одну изъ нихъ, чтобы съ ея

*) Съ нѣмецкаго.

Digitized by Google

помощью разбить и поработить другую. Конецъ этой борьбы не предвидѣлся; она могла длиться долго, и въ такомъ случаѣ необходимо должна была окончательно погубить Мексику.

Но вдругъ мелькнула надежда на спасеніе. Далеко за моремъ, въ другой части свѣта, императорскій сынъ согласился принять въ свои руки правленіе несчастной страны, и, какъ летѣла молва, волны океана несли его уже къ ея берегамъ.

Въ ожиданіи гостей, Мигуэль Мирамонъ, мало заботясь о приготовленіяхъ, совершаемыхъ въ его домѣ, стоялъ въ своемъ кабинетѣ и внимательно разсматривалъ лежащую передъ нимъ карту Мексики.

Мирамонъ былъ издавна главною опорою духовенства, а именно эта партія и принимала наиболѣе ревностное участіе въ призывѣ императора, возлагая при этомъ большія надежды на принца изъ австрійскаго дома. Но, въ настоящую минуту, Мирамонъ вовсе не думалъ объ интересахъ духовенства, хотя, быть можетъ, они и шли рука объ руку съ его собственными. Опираясь лѣвою рукою на столъ, правою онъ указывалъ на картѣ пунктъ, куда французы загнали его стараго врага и политическаго соперника, республиканца Хуареца. Онъ мысленно переносился туда и старался уяснить себѣ возможность рѣшительной побѣды. Но не сдѣлаетъ ли Хуарецъ новой попытки выступить оттуда? Такое предположеніе было немыслимо, — по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, когда по всей странѣ разсѣяны французскія войска, и со дня на день ожидалось, вмѣстѣ съ прибытіемъ императора, прибытіе военныхъ кораблей. Не наступила ли теперь минута, чтобъ отрѣзать врагу путь на сѣверъ и этимъ сдѣлать безопаснымъ наиболѣе опаснаго противника. «О, еслибъ Хуарецъ не стоялъ бы мнѣ долѣе поперекъ дороги!» промолвилъ Мирамонъ, и при этомъ тонкая, едва замѣтная улыбка пробѣжала по лицу молодаго человѣка; онъ всталъ и откинулъ назадъ свои черные густые волосы. Въ эту минуту онъ услышалъ легкіе шаги, обернулся и въ дверяхъ увидѣлъ свою прекрасную, молодую жену во всемъ блескѣ ослѣпительнаго бальнаго наряда.

— Развѣ ты не придешь туда, Мигуэль? сказала она тихимъ, но звучнымъ голосомъ.—Или, прибавила она озабоченно,—ужь не получилъ ли ты новыхъ дурныхъ извѣстій, что опять сидишь надъ своими картами.

— Нѣтъ, дитя мое, отвѣчалъ онъ, и взоръ его радостно и съ гордостью покоился на ней,—ничего такого, что могло бы насъ озаботить.

— Однако, возразила она,—кажется, намъ есть о чемъ позаботиться: всѣ съ восторгомъ привѣтствуютъ новую имперію.

— А развѣ ты не знаешь нашихъ милыхъ соотечественниковъ?.. Они радуются всему новому; къ тому же, теперь они надѣются еще и освобожденіе отъ французовъ, которые въ самомъ дѣлѣ начинаютъ поступать нѣсколько безсовѣстно.

— И это успокоиваетъ тебя?

Digitized by Google

— Навѣрное, если только государь пріѣдетъ.

— А ты еще сомнѣваешься въ этомъ?

— Милое дитя! сказалъ Мирамонъ, пожимая плечами,—на сколько мы знаемъ здѣсь о предложеніяхъ, сдѣланныхъ Наполеономъ Максимиліану, вслѣдствіе которыхъ эрцгерцогъ взялъ на себя расходы, необходимые при содержаніи французскаго гарнизона, надо, чтобъ онъ, для осуществленія этого, привезъ съ собою или необыкновеннаго министра финансовъ, или очень много денегъ. Но это мы увидимъ, а что будетъ послѣ,—кто знаетъ, quien sabe?.

— Онъ пріѣдетъ, въ этомъ ты можешь быть увѣренъ, сказала молодая женщина, сверкая глазами:—отказаться отъ императорской короны не такъ-то легко.

— Однако, конечно, легче, чѣмъ удержать ее.

— Это зависитъ отъ человѣка, который ее носитъ, отвѣчала она, и взоръ ея съ гордостію остановился на мужѣ.—Народу надоѣли эти кровавыя революціи; и если онъ возьмется за дѣло съ умомъ... Но это стыдъ и позоръ для Мексики призывать къ себѣ чужеземца. Развѣ у насъ у самихъ нѣтъ людей, достойныхъ стать во главѣ народа?...

Мирамонъ покачалъ головою.

— Что же было бы изъ этого? сказалъ онъ.—Послѣднія десятилѣтія доказали, что революціи слѣдовали одна за другою. Нѣтъ, я самъ подалъ голосъ въ пользу чужеземнаго государя. Нашъ самодержавный народъ долженъ потерпѣть, чтобы поумнѣть. Очень можетъ быть, что послѣ все устроится гораздо лучше, чѣмъ мы думаемъ.

— Самодержавный народъ!.. съ презрѣніемъ сказала молодая женщина, и брови ея сдвинулись.—Это мягкое тѣсто, изъ котораго ловкая рука можетъ вылѣпить что ей угодно.

— Слишкомъ много дрожжей въ немъ, дорогая моя!... засмѣялся Мирамонъ.—Но, мнѣ кажется, гости съѣзжаются. Оставь политику, Кверида,—теперь не время. Терпѣніе!.. Быть можетъ, наше время вернется, а до тѣхъ поръ сохранимъ въ глазахъ свѣта спокойное и довольное выраженіе лица, которое онъ привыкъ видѣть.

Мирамонъ не ошибся. Гости дѣйствительно съѣзжались, и вскорѣ высокія и просторныя комнаты наполнились толпой разряженныхъ дамъ и мужчинъ. Тутъ были статскіе и военные, французы и мексиканцы и даже духовенство. Вотъ, хромая и опираясь на палку, прошелъ черезъ залу военный небольшаго роста, худощавый, съ густою бородой, коротко обстриженными волосами, съ водянистыми, но пронзительными глазами, въ мундирѣ вышитомъ золотомъ. Это Леандро Марквецъ, извѣстный предводитель шайки и вѣрный товарищъ Мирамона по оружію, по крайней мѣрѣ, чистосердечный и вѣрный своей ненависти къ ихъ общему врагу—Хуарецу, ревностный сторонникъ клерикаловъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ извѣстный своею жестокостью.

Digitized by Google

Рядомъ съ хозяйкой дома стоялъ и велъ оживленный разговоръ человѣкъ съ умнымъ лицемъ, гордымъ взглядомъ, облаченный въ длинное, кружевомъ покрытое, платье: это былъ архіепископъ Мексики—Лабастида.

Далѣе, съ нѣсколькими французскими офицерами, стоялъ высокій, стройный мужчина, также въ богатомъ мундирѣ, съ орденомъ почетнаго легіона; по своей внѣшности, онъ вовсе не походилъ на мексиканца: тѣмъ не менѣе это былъ полковникъ Мигуэль Лопецъ, который уже не разъ отличался въ сраженіяхъ и былъ на необыкновенно дружеской ногѣ съ офицерами французскаго гарнизона.

Группы мгновенно разступились, когда слуга доложилъ о пріѣздѣ Базена—представителя французскаго императора и единственнаго въ то время властителя Мексики; онъ прошелъ среди гостей, слегка кивая головой и отыскивая глазами хозяйку дома.

Въ Мексикѣ Базена гораздо болѣе боялись, чѣмъ любили; въ немъ видѣли и ненавидѣли чужеземца, тѣмъ болѣе, что онъ присвоилъ себѣ гораздо болѣе власти, чѣмъ этого хотѣли. Однако онъ былъ еще нуженъ, ибо Хуарецъ былъ еще живъ и не изгнанъ окончательно изъ страны.

Въ этотъ вечеръ въ домѣ Мирамона собрались почти всѣ представители двухъ сильныхъ партій, которыя обѣ противодѣйствовали либераламъ и потому сообща призвали императора, хотя та и другая руководились совершенно различными интересами: это были члены партіи аристократовъ или, вѣрнѣе, консерваторы и духовенство.

Самъ Мирамонъ, по своему положенію, принадлежалъ конечно къ партіи консерваторовъ, но въ душѣ онъ былъ сторонникомъ духовенства,—въ душѣ? Быть можетъ, онъ думалъ этимъ вѣрнѣе соблюсти свои интересы, потому что слишкомъ хорошо зналъ свое отечество, чтобы не понять, что, для достиженія власти надъ нимъ, надо быть или сторонникомъ либераловъ, т. е., народа, или же другомъ духовенства. Но союзъ съ народомъ былъ противенъ его аристократической натурѣ, а потому онъ примкнулъ къ клерикаламъ.

Между тѣмъ залы наполнялись все болѣе и болѣе, и преимущественно лицами высшаго духовенства. Мирамонъ привѣтствовалъ каждаго изъ нихъ. Позднѣе всѣхъ явился храбрый мексиканскій полковникъ Менденъ, который также, хотя гораздо менѣе Мирамона и Марквеца, принадлежалъ къ партіи клерикаловъ, но вообще мало вмѣшивался въ политику. Темный цвѣтъ его лица говорилъ объ индійскомъ его происхожденіи; онъ былъ преимущественно храбрый воинъ, отъ души ненавидѣлъ партію либераловъ и искренно радовался пріѣзду императора.

Нѣсколько мексиканскихъ и французскихъ офицеровъ только-что собирались перейти въ сосѣднюю комнату, чтобы освѣжиться стоявшими тамъ напитками, какъ вдругъ увидали приближающагося къ нимъ архіепископа. Пригласить его съ собою было не совсѣмъ ловко, и потому они должны были отложить свое намѣреніе до болѣе удобной минуты.

Digitized by Google

Архіепископъ, между тѣмъ, увидавъ между ними полковника Лопеца, подошелъ къ группѣ и, поклонившись прочимъ офицерамъ, завязалъ съ нимъ разговоръ. Вдругъ все вниманіе Лопеца обратилось на вновь вошедшее лицо, появленіе котораго было весьма странно, но котораго онъ отлично зналъ. По видимому, это былъ простой мексиканецъ низшаго класа. Лицо его было па половину закрыто плащомъ, въ рукахъ онъ держалъ письмо и видимо искалъ кого-то. «Какимъ образомъ и для чего очутился онъ здѣсь? подумалъ Лопецъ;—не меня ли ищетъ онъ?»

Архіепископъ, отъ котораго не ускользнулъ разсѣянный взглядъ Лопеца, обернулся въ ту же сторону и былъ удивленъ не менѣе его, увидавъ въ гостиной простаго мексиканца. Но этотъ, казалось, уже нашелъ того, кого искалъ, а именно генерала Мирамона, и, вручивъ ему посланіе, тотчасъ, не дожидаясь отвѣта, удалился. Однако, проходя мимо Лопеца, онъ шепнулъ ему: «Государь», и исчезъ изъ глазъ удивленныхъ гостей.

Но теперь вниманіе всѣхъ обратилось на Мирамона, который, бросивъ бѣглый взглядъ на полученное письмо, поспѣшно выступилъ на середину залы; очевидно, онъ хотѣлъ что-то сказать, и всѣ столпились около него.

— Господа! сказалъ онъ, поднимая къ верху письмо,—я только-что получилъ извѣстіе, что его величество императоръ Максимиліанъ прибылъ въ Вера-Крузъ.

Хотя всѣ ожидали этого извѣстія, однако оно поразило всѣхъ, и все на время примолкло. Одинъ Базенъ, казалось, позабылъ о пріѣздѣ новаго монарха, поглощенный неудовольствіемъ, что первое увѣдомленіе получилъ не онъ, а мексиканецъ Мирамонъ. Онъ подошелъ вмѣстѣ съ архіепископомъ къ хозяину дома, чтобы собственными глазами взглянуть на письмо; но оно содержало только слѣдующія немногія слова: «Сейчасъ вступитъ въ рейдъ фрегатъ, на которомъ находится императоръ Максимиліанъ». Дамы, въ свою очередь, обступили Мирамона и, не довольствуясь простымъ извѣстіемъ, закидали его распросами. Но онъ зналъ, чѣмъ отвлечь ихъ вниманіе: музыка заиграла сперва національный гимнъ, а затѣмъ начались танцы, и молодежь, увлеченная ими, скоро позабыла о пріѣздѣ императора.

Быстрый пріѣздъ императора Максимиліана поразилъ жителей Вера-Круза еще болѣе, чѣмъ жителей столицы. Образованный класъ составляли здѣсь преимущественно иностранные купцы, которые менѣе остальныхъ вѣрили слуху, что австрійскій принцъ послѣдуетъ совѣту Наполеона. Особенно ревностно опровергали этотъ слухъ нѣмцы. Тѣмъ не менѣе, фактъ этотъ совершился, и фрегатъ, на которомъ находился Максимиліанъ, стоялъ въ виду города.

На палубѣ «Новары», рядомъ съ императрицею, стоялъ Максимиліанъ и смотрѣлъ, не отводя глазъ, на берегъ. Что-то похожее на презрительную улыбку блуждало по его лицу, и, обратившись къ женѣ, онъ сказалъ не безъ ироніи:

Digitized by Google

— Не правда ли, Карлотта, жители, какъ кажется, внѣ себя отъ радости, что мы наконецъ пріѣхали?

— Быть можетъ, они даже и не подозрѣваютъ нашего присутствія на кораблѣ, возразила императрица, съ трудомъ скрывая тяжелое впечатлѣніе.

— Да развѣ «Ѳемида» не извѣстила ихъ о нашемъ пріѣздѣ?... Но вотъ приближается шлюпка съ французскимъ флагомъ.

— Это адмиральская шлюпка, сказалъ капитанъ фрегата.—По видимому, насъ вовсе еще не ожидали.

— Кажется, что такъ. Жители Вера-Круза, вѣроятно, не успѣли приготовиться, или, чего добраго, не вспыхнула ли новая революція?.. Но, въ такомъ случаѣ, насъ привѣтствовали бы чѣмъ нибудь,—хотя бы пушечными ядрами.

Между тѣмъ адмиральская шлюпка приблизилась; изъ нея вышелъ контръ-адмиралъ Боссе со своимъ адъютантомъ. Войдя на палубу, онъ едва поклонился императорской четѣ и тотчасъ началъ грубо и рѣзко:

— Ваше величество бросили якорь на самомъ неблагопріятномъ мѣстѣ. Въ Вера-Крузѣ свирѣпствуетъ желтая лихорадка, воздухъ зараженъ, а оттуда тянетъ сюда. Вы могли бы понять, что французскій флотъ выберетъ лучшее и наиболѣе безопасное мѣсто для своей стоянки; тамъ же бросила якорь предшествовавшая вамъ «Ѳемида».

— Что же дѣлать? отвѣчалъ Максимиліанъ сухо.—Теперь поздно разсуждать объ этомъ; къ тому же мы и не намѣрены оставаться долго здѣсь. Все ли готово для нашего немедленнаго отъѣзда въ столицу?

— На сколько я знаю, не было никакихъ приготовленій, возразилъ французъ тѣмъ же дерзкимъ тономъ, не стѣсняясь даже присутствіемъ императрицы.—Мы и не подозрѣвали, что вы такъ скоро пріѣдете, и, на сколько мнѣ извѣстно, Базенъ не успѣлъ даже очистить дорогу отъ разбойничьихъ шаекъ Хуареца, съ которыми очень возможно, что вы повстрѣчаетесь.

— Все это показываетъ очень дружеское расположеніе къ намъ, и вы, адмиралъ, обладаете превосходнымъ талантомъ представлять вещи.

— Я нисколько не преувеличиваю, ваше величество. Здѣсь даже носятся слухи, что образовались цѣлыя шайки съ цѣлію похитить васъ съ вашею свитой. Хуарецъ въ состояніи сдѣлать это.

— Что же говоритъ Базенъ о такомъ положеніи дѣлъ?

— Что же онъ можетъ на это сказать?... Впрочемъ, если вы долго пробудете здѣсь, то вы навѣрное избѣжите этой опасности. Двѣ недѣли тому назадъ, на этомъ же мѣстѣ бросилъ якорь корабль, но не прошло двухъ сутокъ, какъ весь экипажъ и нѣсколько пасажировъ умерли.

— Благодаримъ за свѣдѣнія, адмиралъ, отвѣчалъ императоръ съ насмѣшкой.—Тѣмъ не менѣе, мы дождемся здѣсь властей и тогда порѣшимъ, что дѣлать... Съ этими словами онъ взялъ подъ руку императрицу и спустился въ каюту.

Digitized by Google

Однако къ вечеру жители Вера-Круза, очевидно, поняли неприличіе такой встрѣчи. Раздались привѣтственные выстрѣлы; всюду на всѣхъ корабляхъ развѣвались флаги; куполы церквей были залиты бенгальскимъ огнемъ, и весь городъ былъ великолѣпно освѣщенъ.

На слѣдующее утро, отслушавъ обѣдню на фрегатѣ, императоръ съ императрицею сѣли въ лодку и поѣхали въ Вера-Крузъ. Не останавливаясь въ городѣ, гдѣ свирѣпствовала тогда желтая лихорадка, но гдѣ, тѣмъ не менѣе, ихъ привѣтствовали довольно радушно, они проѣхали прямо на станцію желѣзной дороги и отправились въ Мексику.

Грустныя думы бродили въ головѣ Максимиліана. Онъ ожидалъ бо́льшаго и надѣялся на лучшій пріемъ. Быстрый проѣздъ чрезъ Вера-Крузъ казался ему бѣгствомъ. Неужели такая же встрѣча ожидала ихъ въ столицѣ? Итакъ, все, что ему говорили дома о настроеніи этого народа, для котораго онъ жертвовалъ всѣмъ, было только ложь и обманъ. Не сдѣлался ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, жертвою французской политики? Но если Наполеонъ расчитывалъ сдѣлать его орудіемъ своихъ властолюбивыхъ замысловъ,—онъ ошибался.

Но это печальное настроеніе скоро разсѣялось при видѣ безыскусственной радости, съ которою встрѣчали его туземцы на станціяхъ.

Наконецъ, 12 іюня, былъ назначенъ въѣздъ государя въ столицу. Все въ городѣ ликовало, въ окнахъ развѣвались разноцвѣтные платки и ковры; улица, по которой должна была проѣхать императорская чета, была уставлена цвѣтами и разукрашена знаменами и гирляндами; отовсюду раздавался веселый звонъ колоколовъ; народъ въ праздничной одеждѣ, въ своемъ живописномъ національномъ костюмѣ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ новаго государя, на котораго возлагалъ такъ много надеждъ.

Недалеко отъ Пенона, куда, въ ожиданіи императора, собрался лучшій цвѣтъ мексиканскаго общества, тянулся длинный рядъ экипажей, сопровождаемый безчисленнымъ множествомъ всадниковъ. Живописные національные наряды, шляпы съ широкими полями, военные мундиры, покрытые золотомъ, серебряныя шпоры, богатая сбруя лошадей, которыми мексиканцы особенно щеголяютъ, пышные разноцвѣтные наряды дамъ, радостныя лица, сверканья прекрасныхъ глазъ мексиканокъ, шумъ, хохотъ, говоръ—все это представляло дѣйствительно великолѣпную картину. Подлѣ одной изъ колясокъ, въ которой помѣщались двѣ дамы, одна пожилая, другая молодая, и двѣ дѣвочки, толпился цѣлый рой всадниковъ. Въ числѣ ихъ находился и мужъ пожилой дамы, сеньоръ донъ Ронейро. Напротивъ него, съ другой стороны коляски, стоялъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати двухъ: это былъ донъ Сильвестръ, сынъ бывшаго министра Алмеіа. Нѣжное благоговѣніе, съ которымъ онъ взиралъ на донну Инесу, дочь дона Ронейро, ясно говорило, что онъ охотно породнился бы съ ихъ семьей. Но донна Инеса, на сколько можно было замѣтить, обращалась съ нимъ довольно холодно; все ея

Digitized by Google

вниманіе было поглощено туалетами дамъ. Подлѣ сеньора Ронейро стоялъ его старый другъ Бастіани, пожилой человѣкъ съ сѣдыми усами. Онъ тоже когда-то былъ военнымъ и, разумѣется, быстро дослужился до генерала, но теперь находился въ отставкѣ и жилъ большею частью въ своемъ помѣстьи, недалеко отъ Куернавака.

— Однако любопытно знать, обратился Бастіани къ своему старому пріятелю Ронейро,—какой оборотъ примутъ дѣла, если императоръ исполнитъ все то, что обѣщаетъ въ своей прокламаціи, а вѣдь онъ обѣщаетъ все.

— Потому-то онъ ничего и не исполнитъ, сухо проговорилъ Ронейро.— Прочли вы ту часть, гдѣ говорится о религіозномъ чувствѣ?

— Конечно; но вѣдь онъ не могъ не упомянуть объ этомъ, если не хотѣлъ съ самаго начала возстановить противъ себя извѣстный классъ людей.

— Нѣтъ, это нѣсколько серьезнѣе, отвѣчалъ Ронейро, качая головой,— и меня очень удивитъ, если онъ не окружитъ себя преимущественно людьми клерикальной партіи:—нечего и ждать другаго отъ австрійскаго принца. Но духовенство требуетъ невозможнаго: оно добивается возвращенія конфискованныхъ церковныхъ имуществъ. Вѣдь бо́льшая часть недвижимыхъ имѣній, принадлежавшихъ прежде духовенству, продана и перепродана.

— Да вѣдь и вы купили монастырь св. Себастіана.

— Да, отвѣчалъ Ронейро, бросивъ при этомъ встревоженный взглядъ на жену:—покупка эта представляла большія выгоды. Но какъ же и сердились на меня!...

— Жена ваша была противъ?

— Изъ себя выходила, пріятель. Попы наговорили ей не мало объ адѣ. Если же и теперь еще императоръ поддастся имъ и сдѣлаетъ необдуманный шагъ, то дьяволъ окончательно возликуетъ, ибо тогда на его сторонѣ будутъ и женщины и попы. Во всякомъ случаѣ, я не завидую императору.

— Если онъ не уничтожитъ уставъ, по которому купленныя имѣнія остаются въ рукахъ покупателей, то немедленно вспыхнетъ возстаніе, потому что въ такомъ случаѣ духовенство не останется спокойнымъ.

— А если уничтожитъ, то этимъ оттолкнетъ отъ себя половину своихъ приверженцевъ, которые перейдутъ тогда на сторону либераловъ; право, я не желалъ бы быть на его мѣстѣ.

— Однакожь, есть люди, которые хотѣли бы замѣнить его, сказалъ Бастіани,—и которые, быть можетъ, не совсѣмъ еще потеряли надежду.

— Очень можетъ быть; но кто же именно?

— Лучше не называть ихъ по имени, отвѣчалъ осторожный мексиканецъ.—Впрочемъ, я бы хотѣлъ видѣть человѣка, которому бы удалось, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, возстановить въ этой странѣ миръ и спокойствіе.

Digitized by Google

— Что же можетъ помѣшать?

— Четыре препятствія, сказалъ Бастіани.—Первое и главное—церковный вопросъ; второе—внѣшній заемъ; третье—ненависть партій и общее возстаніе во всей странѣ, и наконецъ—французское войско, освободиться отъ котораго будетъ весьма трудно.

— Вы рисуете невеселую картину, и я боюсь, что во многомъ вы правы; но что дѣлать?—намъ остается ждать. Максимиліанъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, то преимущество, что самъ народъ выбралъ его въ императоры.

Бастіани недовѣрчиво улыбнулся и прибавилъ:

— Нашъ народъ?... Будто вы его не знаете? Сегодня онъ хочетъ одно, а завтра другое.

Но тутъ разговоръ ихъ былъ прерванъ криками: «Ѣдутъ, ѣдутъ!»—и все бросилось на встрѣчу императора. Радостные, восторженные крики привѣтствовали новаго государя; дамы закидали цвѣтами экипажъ, въ которомъ сидѣли императоръ и императрица и который медленно подвигался въ рядахъ; мужчины снимали шляпы, и громкое ура не переставало раздаваться и сопровождало императора до самаго дворца.

Поѣздъ проѣзжалъ мимо дома Мирамона. На балконѣ стоялъ Мирамонъ съ женою и дѣтьми, которыя также сыпали цвѣтами.

— Мексиканскій народъ не измѣняетъ себѣ, сказалъ Мирамонъ.—При моемъ въѣздѣ также не было недостатка въ цвѣтахъ, аллегоріяхъ, стихахъ, тріумфальныхъ аркахъ и тому подобныхъ выраженіяхъ восторга.

— И еслибы тебѣ пришлось опять въѣзжать, сказала молодая женщина,—народъ встрѣтилъ бы тебя съ такимъ же восторгомъ.

— Разумѣется. Но что же ты не бросила цвѣты?

— Въ самомъ дѣлѣ, я совсѣмъ позабыла. Ну, ничего. Однакожь, прибавила она послѣ короткаго молчанія,—не странно ли, что ты, бывшій президентъ республики, стоишь тутъ и смотришь на въѣздъ императора.

— И за это я долженъ быть очень благодаренъ моему отечеству, смѣясь отвѣчалъ Мирамонъ:—Итурбидъ и Гвереро не были такъ счастливы въ этомъ отношеніи.

— И ты называешь это счастьемъ?

— Что я еще живъ?—разумѣется. Но терпѣніе, мой другъ. Максимиліанъ въѣзжаетъ къ намъ въ недоброе время; достоинство императора обойдется ему не дешево. Много труда, заботъ, огорченій, если не что нибудь худшее, ожидаютъ его. Но если онъ найдетъ себѣ спокойствіе, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь, то будетъ вполнѣ заслуживать его; я едва ли заблуждаюсь, думая, что онъ, не смотря на все, работаетъ для другаго.

— Для кого же, Мигуэль? поспѣшно спросила жена.

— Кто знаетъ, дорогая! отвѣчалъ Мирамонъ, пожимая плечами.—Во всякомъ случаѣ, мы еще доживемъ до этого; наши нѣсколько непостоянные соотечественники не замедлятъ совершить новый переворотъ.

Digitized by Google

— Но если народъ въ самомъ дѣлѣ привыкнетъ къ нему? Вѣдь и народу надоѣли эти безпрерывныя возстанія.

— Тутъ народъ не при чемъ, моя милая. Но все это пока въ далекомъ будущемъ; не будемъ же туманить сегодняшняго дня пустыми заботами и опасеніями. Смотри, поѣздъ приближается къ собору, и намъ пора подумать о нашихъ туалетахъ, иначе мы опоздаемъ.

Молодая женщина взглянула на улицу и тихо промолвила:

— Нѣтъ, въ такомъ видѣ и такого единодушнаго восторга я еще не встрѣчала въ Мексикѣ.

— Это по тому, что сегодня нѣтъ въ Мексикѣ партій, кромѣ одной— императорской. Но попробуй Максимиліанъ черезъ полгода устроить такое же фамильное торжество,—и я боюсь, что уже и тогда окажется значительная разница. Подождемъ, что будетъ. Въ настоящую минуту Лабастида весь на сторонѣ новаго государя.

— А если онъ отступится отъ него.

— Pacientia! Видишь тамъ вдали эти темныя облака?... Быть можетъ, они предвѣщаютъ дождь и грозу, но, быть можетъ, пройдутъ и такъ. Все это мы увидимъ, а теперь подумаемъ о вечерѣ.

— Куда ты, Сильвестръ, окликнулъ возвращавшагося съ площади молодаго Алмеіа одинъ изъ его друзей.—Кончилась церемонія?

— Нѣтъ еще, Мориціо, отвѣчалъ Сильвестръ, останавливая своего коня.—Лабастида только-что встрѣтилъ ихъ въ соборѣ, а теперь служатъ тамъ молебенъ, что нѣсколько скучновато, и я ушелъ. Но ты гдѣ же былъ и почему пропустилъ въѣздъ?

— Characho! съ сердцемъ вскричалъ молодой человѣкъ.—Я проспалъ всю эту церемонію. Вчера мы сѣли играть и проиграли до утра.

— И ты опять проигралъ?

— Восемь тысячъ пезосовъ этому проклятому итальянцу, что пріѣхалъ съ Базеномъ! Или онъ играетъ съ невѣроятнымъ счастьемъ, или же плутуетъ; но бѣда ему, если я его поймаю въ плутовствѣ.

— Я бы на твоемъ мѣстѣ не подходилъ къ нему.

— Я долженъ отыграться.

— Берегись!... Но куда же ты теперь?

— Да такъ, поглазѣть. А ты?

— Домой, переодѣться для обѣда во дворцѣ. Вѣдь и ты приглашенъ?

— Вѣроятно. Но я нисколько не стремлюсь. По всей вѣроятности, тамъ не будутъ ни играть, ни курить.

— Ты неисправимъ.

— Я долженъ вернуть свои деньги, сказалъ молодой человѣкъ, принадлежавшій къ одной изъ лучшихъ фамилій Мексики, и, пришпоривъ свою лошадь, поѣхалъ дальше.

Digitized by Google

Послѣ обычныхъ праздниковъ, баловъ, иллюминацій, представленій, Максимиліанъ, чтобы не мѣшать окончательному устройству дворца въ Мексикѣ, выбралъ для своей резиденціи, а также мѣстомъ отдохновенія, старинный замокъ Монтецумы, Капультепекъ, находящійся на разстояніи получаса ѣзды отъ столицы. Но и здѣсь его не оставляли въ покоѣ. Различныя партіи ясно понимали необходимость пользоваться первымъ временемъ, чтобы склонить на свою сторону новаго государя. Самъ императоръ считалъ необходимымъ основательно ознакомиться съ желаніями и требованіями каждой отдѣльной партіи, чтобы получить вѣрное понятіе о настоящихъ потребностяхъ страны, а потомъ уже, имѣя въ виду единственно счастіе своихъ подданныхъ, рѣшиться на принятіе тѣхъ, или другихъ мѣръ.

Дѣятельнѣе и неутомимѣе всѣхъ, по обыкновенію, оказалась клерикальная партія.

Очень вѣроятно, что Максимиліанъ, вступая въ страну, имѣлъ намѣреніе избавить духовенство, ревностному усердію котораго онъ преимущественно былъ обязанъ избраніемъ, отъ притѣсненій, наложенныхъ на него Хуарецомъ, и возвратить ему отнятыя у него имущества. Но прежде, чѣмъ приступить къ осуществленію этого, онъ былъ на столько остороженъ, что пожелалъ сперва узнать общее мнѣніе, или, по меньшей мѣрѣ, мнѣніе людей, стоявшихъ во главѣ различныхъ партій; при этомъ онъ убѣдился, что постановленіе, изданное Хуарецомъ относительно церковныхъ имуществъ, такъ глубоко проникло во всѣ слои общества, что не могло быть уничтожено однимъ взмахомъ пера. Кромѣ того, всѣ церковныя зданія были частью проданы въ частныя руки, частью сломаны, или обращены въ жилые дома и склады.

Но, съ другой стороны, Максимиліанъ ясно сознавалъ затруднительное и опасное свое положеніе, въ которое сталъ бы, еслибы съ самаго начала вооружилъ противъ себя духовенство. Предводители различныхъ партій, съ которыми онъ говорилъ объ этомъ, сбивали его еще болѣе. Въ августѣ онъ предпринялъ небольшое путешествіе съ цѣлію объѣхать часть своего государства, и рѣшеніе церковнаго вопроса было отложено до его возвращенія. Во время его отсутствія, въ столицѣ всѣ оставались спокойны, и даже клерикальная партія, по видимому, терпѣливо ожидала его возвращенія. Между тѣмъ Максимиліанъ все болѣе и болѣе убѣждался, до какой степени уступка духовенству могла быть опасна, и вотъ почему, когда, по его возвращеніи, духовенство возобновило свои требованія, онъ долго уклонялся и медлилъ рѣшеніемъ.

Между тѣмъ онъ неутомимо работалъ въ своемъ совѣтѣ, издавалъ законы, постановленія и всѣми силами старался покорить сердца мексиканцевъ. Воскресенье онъ обыкновенно проводилъ въ Капультепекѣ, куда собирался небольшой кружокъ людей, съ которыми онъ обращался дружественно и непринужденно. Онъ любилъ свободное слово, даже если

Digitized by Google

оно не соотвѣтствовало его взглядамъ, и никогда не уклонялся отъ спора. Сегодня также собрались къ нему гости: новый министръ иностранныхъ дѣлъ донъ Жозе-Фернандо Рамирецъ, молодой полковникъ Лопецъ и архіепископъ Лабастида. Но этому послѣднему общество видимо не нравилось: онъ надѣялся поговорить наединѣ съ государемъ, чему положительною помѣхой явился Рамирецъ, когда-то ревностный партизанъ Хуареца. Вотъ почему послѣ обѣда архіепископъ поспѣшилъ уѣхать.

— Вы, кажется, не въ претензіи, Рамирецъ, что архіепископъ такъ быстро покинулъ насъ, съ улыбкою сказалъ Максимиліанъ.—Вотъ и полковникъ Лопецъ также просіялъ.

— Признаюсь, ваше величество, я предпочитаю удаленіе этого благочестиваго мужа, отвѣчалъ Рамирецъ;—а такъ какъ я навѣрное знаю, что и онъ не желаетъ мнѣ добра, то лучше не сходиться.

— Вы несправедливы къ нему, Рамирецъ.

— Не думаю, ваше величество.... Ненависть и любовь почти всегда взаимны.

— Вы этому вѣрите?

— Развѣ, ваше величество, не испытали этого? Если мы дѣйствительно отъ души кого любимъ, то можемъ навѣрное расчитывать на такое же чувство съ его стороны. Правда, мы нерѣдко увлекаемся блестящею внѣшностію.

— А какого вы мнѣнія о Мирамонѣ? перебилъ его Максимиліанъ, и оба, продолжая разговоръ, вышли на террасу.

— Почему, ваше величество, вздумали спросить именно о Мирамонѣ? сказалъ нѣсколько удивленный Рамирецъ, потому что и самъ онъ подумалъ о немъ въ это время.

— По тому, что вы говорили о блестящей внѣшности. Мирамонъ обладаетъ необыкновенно благороднымъ и открытымъ лицемъ. Не правда ли?

— Да, нерѣшительно отвѣчалъ Рамирецъ,—вы правы, ваше величество: не легко встрѣтить лицо, по видимому, болѣе откровенное, но....

— Но? спросилъ императоръ.

— Не знаю, что сказать, ваше величество, уклончиво отвѣчалъ Рамирецъ.

— Вы не довѣряете ему?

— Онъ вѣрный и ревностный приверженецъ духовенства, и оно твердо расчитываетъ на него.

— Но въ Мексикѣ партіи и мнѣнія, какъ я слышалъ, часто мѣняются.

— Да; но ваше величество недостаточно еще ознакомились съ нашею страной. Честолюбіе погубило у насъ не одну честную душу, а Мирамонъ, за исключеніемъ его жены, честолюбивѣйшій человѣкъ во всей Мексикѣ. Еслибы ваше величество хотѣли руководствоваться моимъ совѣтомъ, то на время удалили бы Мирамона изъ Мексики.

— Вы въ самомъ дѣлѣ считаете Мирамона опаснымъ человѣкомъ?

Digitized by Google

— Да, это единственное лицо, на которое можетъ твердо опереться клерикальная партія, какъ скоро она увидитъ, что ей нечего ждать отъ вашего величества. Я знаю навѣрное, что именно за послѣднее время Мирамонъ имѣлъ частыя совѣщанія съ Лабастидой; о чемъ они толковали—легко угадать.

— Что же мнѣ дѣлать съ нимъ?

— Назначьте его посланникомъ при одномъ изъ европейскихъ дворовъ. Онъ вездѣ съумѣетъ быть достойнымъ представителемъ Мексики и тамъ будетъ полезенъ ей, между тѣмъ какъ здѣсь онъ можетъ увеличить затрудненія.

— Мнѣ кажется, вы смотрите на вещи черезчуръ мрачно, Рамирецъ, весело замѣтилъ Максимиліанъ.—Во всякомъ случаѣ, Мирамонъ необыкновенно даровитый человѣкъ; когда онъ увидитъ, что все дѣлается для блага его отечества,—быть можетъ, онъ броситъ предвзятыя идеи и чистосердечно отдастся правому дѣлу.

— Можетъ быть, ваше величество; по тѣмъ не менѣе испытаніе тутъ не безопасно. Вотъ Марквеца я не боюсь; его можно подкупить орденомъ, почетнымъ мѣстомъ, деньгами наконецъ. Мирамонъ же занималъ уже разъ самый почетный постъ въ администраціи, жена его была когда-то первая въ странѣ—и оба никогда не забудутъ этого.

Слушая Рамирецa, Максимиліанъ задумчиво смотрѣлъ на заходящее солнце. Снѣгомъ покрытые вулканы были ярко освѣщены послѣдними его лучами; вдали растилался городъ съ его высокими куполами.

— Взгляните, Рамирецъ, что за очаровательная картина! промолвилъ Максимиліанъ.—Какъ прекрасна, какъ богато одарена эта страна, и только люди вносятъ въ нее постоянную дисгармонію!... Съ этими словами онъ подошелъ къ двери и позвалъ жену. Долго любовались они плѣнительнымъ зрѣлищемъ, послѣ чего, не желая долѣе продолжать политическаго разговора, Максимиліанъ дружески простился съ гостями и удалился.

Въ одной изъ пространнѣйшихъ комнатъ архіепископскаго дворца, гордый Лабастида, скрестивъ руки и закусивъ нижнюю губу, быстро шагалъ взадъ и впередъ, между тѣмъ какъ нѣсколько собравшихся сюда постороннихъ лицъ, казалось, совѣщались о чемъ-то весьма важномъ. У окна стояли и шепотомъ разговаривали двѣ духовныя особы; у стола, заваленнаго бумагами, сидѣлъ Мирамонъ и перелистывалъ какую-то брошюру; у другаго окна, въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ, въ креслахъ, покоился только-что вернувшійся изъ дворца, гдѣ онъ обѣдалъ, донъ Жуанъ Алмеіа.

— Такое положеніе дѣлъ не можетъ продлиться дольше, господа! рѣзкимъ голосомъ заговорилъ архіепископъ.—Мы показали безпримѣрное

Digitized by Google

терпѣніе и кротость. Но теперь вопросъ долженъ наконецъ рѣшиться, или авторитетъ церкви окончательно погибнетъ. Если онъ не хочетъ согласиться добровольно, въ такомъ случаѣ....

При этихъ словахъ онъ недовѣрчиво взглянулъ на Алмеіа. Но Мирамонъ, обращаясь къ нему, сказалъ совершенно спокойнымъ голосомъ:

— Мы ничего не можемъ сдѣлать. Непріятель на-сторожѣ и настоящее настроеніе въ Мексикѣ благопріятствуетъ менѣе всего нашимъ цѣлямъ. Какъ вы видите, дѣло ведется очень ловко, и тутъ не безъ Фернанда Рамиреца. Мое посольство за границу, какъ расказываетъ другъ Алмеіа, по видимому,—дѣло рѣшеное. Кромѣ того, главные и необходимѣйшіе друзья также въ настоящую минуту удалены: Мартинецъ въ Турціи, Салацаръ въ Юкатанѣ, Ескондоръ въ Бразиліи. Французы пока еще очень сильны; къ тому же, ежедневно ожидаютъ прибытія бельгійскихъ и нѣмецкихъ полковъ. При такихъ обстоятельствахъ, было бы безуміемъ прибѣгать къ силѣ: мы ничего этимъ не выиграемъ, но навѣрное проиграемъ все.

— Нельзя ли подѣйствовать на окружающихъ его людей? замѣтилъ патеръ Миранда:—мнѣ кажется, выборъ ихъ не совсѣмъ удаченъ.

— Про то знаетъ Богъ, съ горькой усмѣшкой сказалъ архіепископъ.— Вмѣсто того, чтобъ окружить себя людьми, которые способствовали его возведенію на престолъ, онъ ищетъ себѣ друзей въ лагерѣ нашихъ злѣйшихъ враговъ—либераловъ, и при этомъ думаетъ, что они его поддержатъ и спасутъ. Его министерство могло бы быть также министерствомъ Хуареца. Всѣ они—Роблесъ, Пеца, Фернандо Рамирецъ, Ескондеро—развѣ не принадлежатъ къ партіи либераловъ? Но противъ этого мы ничего не можемъ сдѣлать.

— Я не совсѣмъ раздѣляю это мнѣніе, сказалъ Миранда, улыбаясь.— Надо постараться приставить къ императору человѣка, который имѣлъ бы вліяніе на него съ религіозной стороны. Говоря это, монсиньоръ, я имѣю въ виду человѣка очень способнаго на это.

— Кого именно?

— Нѣмецкаго священника—отца Фишера.

— Я что-то припоминаю: онъ былъ, мнѣ кажется, замѣшанъ въ этой исторіи покражи бриліантовъ. И вы думаете, Миранда, что онъ будетъ намъ полезенъ? Впрочемъ... едва ли нужно будетъ прибѣгать къ этому. На дняхъ ожидаютъ папскаго нунція, и тогда, быть можетъ, все разрѣшится къ лучшему. Тѣмъ не менѣе, я какъ нибудь призову отца Фишера, чтобы ближе познакомиться съ нимъ: намъ безусловно необходимо не ошибаться въ нашихъ друзяхъ и по возможности ближе держаться другъ къ другу. На этомъ же основаніи я хочу просить и васъ, генералъ Мирамонъ, повременить отъѣздомъ,—по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока мы не узнаемъ, какой результатъ будетъ имѣть пріѣздъ нунція.

— Это невозможно, монсиньоръ, отвѣчалъ Мирамонъ.—На сколько я

Digitized by Google

замѣтилъ, государь смотритъ на меня недовѣрчиво; притомъ же я не предвижу быстраго оборота въ дѣлахъ церковныхъ. Кромѣ того, намъ положительно мѣшаютъ французы. Базенъ уже разъ доказалъ вамъ, что силою мы ничего не возьмемъ.

— Но французы должны будутъ, по договору, скоро оставить страну. Во всякомъ случаѣ, теперь Базенъ не главнокомандующій въ Мексикѣ.

— По договору—нѣтъ, но фактически—да, и притомъ безъ личной отвѣтственности, потому что онъ постоянно опирается на приказанія французскаго императора. Какъ бы то ни было, я очень радъ, что меня отсылаютъ; но вы можете быть совершенно покойны: я вернусь, когда наступитъ настоящая минута. Теперь, во всякомъ случаѣ, не время предпринимать что либо. Подождемъ. Если результатъ миссіи окажется благопріятнымъ для церкви, тогда я буду вамъ ненуженъ; въ противномъ же случаѣ—посмотримъ.... Но теперь я совершенно безполезенъ здѣсь и считаю лучшимъ уѣхать.

— Но когда же вы думаете ѣхать, сеньоръ Мирамонъ? спросилъ Алмеіа.—Развѣ вашъ отъѣздъ уже рѣшенъ?

— Какъ вы знаете, я не получалъ пока никакого приказанія.

— А еслибы произошло что нибудь важное въ это время?... спросилъ архіепископъ,—на примѣръ, что нибудь такое, что потребовало бы совѣта опытнаго полководца?

— Марквецъ, на сколько мнѣ извѣстно, остается здѣсь, и вы можете вполнѣ довѣриться ему; онъ хорошій воинъ и вѣрный сторонникъ церкви.

— Однакожь, я не желалъ бы быть поставленнымъ въ необходимость прибѣгнуть къ его помощи, сказалъ Лабастида.—Наше дѣло—дѣло любви и мира, и я надѣюсь, что все окончится полюбовнымъ соглашеніемъ. Однако, извините, господа; такъ какъ мы не знаемъ, сеньоръ Мирамонъ, на сколько продлится ваше присутствіе между нами, то я попрошу васъ послѣдовать за мною въ кабинетъ: я долженъ переговорить съ вами о многомъ весьма важномъ.

Старинный великолѣпный домъ, занимаемый теперь сеньоромъ Ронейро и его семействомъ, прилегалъ къ самому монастырю св. Себастіана и до декрета Хуареца принадлежалъ церкви. Но потомъ его купилъ, также какъ и часть монастыря, Ронейро, который убѣдился при этомъ случаѣ, что легче совладать съ совѣстью, чѣмъ съ женою. Сеньора Ронейро была очень недовольна покупкой, на которую смотрѣла почти какъ на святотатство. Побуждаемая своимъ духовникомъ, она слезами и просьбами возвратить церкви купленный монастырь и домъ—отравляла жизнь своему мужу. Тщетно онъ представлялъ ей, что онъ не въ состояніи потерять 80.000 піастровъ, употребленныхъ на покупку этого дома. Но въ денежномъ вопросѣ мексиканскія дамы ничего не понимаютъ. Были бы

Digitized by Google

деньги, а затѣмъ что имъ за дѣло, откуда онѣ достаются и куда идутъ. Но вдругъ непредвидѣнный случай перевернулъ все, и Ронейро вздохнулъ свободно.

Сегодня утромъ въ семействѣ Ронейро, на имя донны Инесы, было получено собственноручное письмо отъ императрицы, которая назначала донну Инесу Ронейро да Сильва своею статсдамою. Это неожиданное назначеніе обрадовало все семейство, и въ особенности мать донны Инесы, которая пришла въ такой восторгъ, что совсѣмъ позабыла о своемъ разговорѣ съ мужемъ. За полчаса передъ этимъ, она, по обыкновенію и со всѣми уловками женскаго краснорѣчія, уговаривала его стать на защиту церкви и предпочесть спасеніе своей души всѣмъ мірскимъ богатствамъ. Выслушанная проповѣдь была еще свѣжа въ памяти мужа, и поэтому теперь онъ ломалъ себѣ голову, чтобы найти средство воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и возстановить миръ и спокойствіе домашняго очага. Жена сама явилась къ нему на помощь.

— Скажи, Баутиста, не думаешь ли ты, что теперь Инесѣ необходимо возобновить свой туалетъ, а также имѣть бриліанты и экипажъ, чтобы ѣздить ко двору?

— Я думалъ именно объ этомъ, милая моя, и, взвѣсивъ все, рѣшилъ, что мы должны будемъ отказаться отъ этой чести. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ, я не въ состояніи заводить такую роскошь.

— Какъ отказаться? повторила жена, всплеснувъ руками отъ удивленія.—Что же случилось? Развѣ у тебя нѣтъ средствъ на это?

— Нѣтъ, рѣшительно отвѣчалъ супругъ.—Я рѣшился, для сохраненія мира и спокойствія между нами, уступить, наконецъ, твоимъ постояннымъ мольбамъ и требованіямъ; и въ такомъ случаѣ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, у меня останется едва на столько, чтобы прожить скромно. Итакъ, нечего думать объ этомъ, Доминга.

— О какихъ требованіяхъ говоришь ты?... Я тебя не понимаю.

— Какъ о какихъ требованіяхъ, Доминга? продолжалъ донъ Ронейро, качая головой.—Не могла же ты, въ самомъ дѣлѣ, такъ скоро позабыть о томъ, что до сихъ поръ служило постояннымъ и единственнымъ предметомъ нашихъ разговоровъ: о возвращеніи этого дома и другихъ земель церкви. Что же намъ останется? А между тѣмъ намъ все-таки необходимо имѣть порядочную квартиру и хотя изрѣдка принимать гостей. Итакъ, ты видишь, что мы принуждены отклонить эту честь,—входить въ долги я не могу, да и не намѣренъ.

— Но ты подумай, Баутиста, такой отказъ будетъ имѣть видъ непріязненной демонстраціи. Никто не повѣритъ, что у тебя нѣтъ средствъ. Нѣтъ, это невозможно.

— Тѣмъ не менѣе это должно быть. Не могу же я въ настоящую минуту, когда мнѣ приходится потерять такую значительную часть моего состоянія, входить въ новыя издержки. Ты сама будешь вправѣ упрекнуть меня потомъ.

Digitized by Google

— Но вопросъ о возвращеніи церковныхъ имуществъ, нерѣшительно замѣтила жена,—подлежитъ еще рѣшенію императора. Даже ожидаютъ нунція для этого, и нельзя же требовать, чтобы кто нибудь согласился отдать безъ всякаго вознагражденія все свое состояніе.

Сеньоръ Ронейро охотно бы разсмѣялся этой перемѣнѣ въ образѣ мыслей своей лучшей и нерѣдко сильнѣйшей половины. Но онъ счелъ за лучшее скрыть свою радость и только сказалъ, пожимая плечами:

— Но не говорила ли ты мнѣ еще сегодня, что я долженъ подать примѣръ и этимъ показать правительству, какія его обязанности въ отношеніи церкви?...

— Ты меня вовсе не понялъ... перебила его жена, которая въ настоящую минуту вовсе не желала слышать повторенія аргументовъ, приводимыхъ ею такъ часто вслѣдствіе частыхъ и долгихъ бесѣдъ съ духовникомъ.

— Хорошо, милый другъ; предположимъ теперь, что мы примемъ честь, оказанную нашей Инесѣ. Я накуплю новыхъ платьевъ, экипажей, бриллiантовъ, и вдругъ, представь себѣ, что вслѣдъ за этимъ изданъ будетъ декретъ, повелѣвающій возвратить церкви купленныя у нея земли и дома. Тогда я окончательно буду разоренъ и буду принужденъ удалиться въ какую нибудь глушь.

— Но кто же можетъ принудить тебя безвозмездно возвратить купленныя тобою имѣнія? Разумѣется, отдать ты ихъ долженъ будешь, потому что они принадлежатъ церкви; но только тогда, когда ты будешь въ состояніи сдѣлать это, не лишаясь возможности жить, какъ подобаетъ твоему званію.

Наиболѣе заинтересованное лицо, то есть, сама Инеса была тутъ же, но не обращала ни малѣйшаго вниманія на все, что говорилось между ея отцомъ и матерью; она знала напередъ, чѣмъ все кончится; тотъ же результатъ предугадывала сидѣвшая съ нею кузина, и поэтому обѣ дѣвушки усердно и горячо толковали о будущемъ туалетѣ новой статсдамы.

На другое утро сеньора Ронейро и дочь ея Инеса отправились въ Капультепекъ, чтобы лично поблагодарить императрицу за оказанный имъ почетъ. Въ тотъ день вечеромъ у дона Ронейро собрались гости, и на этотъ разъ ихъ было особенно много, потому что всѣ хотѣли поздравить Инесу. Она была сегодня въ полномъ блескѣ; прекрасное, нѣсколько гордое лицо ея сіяло радостью. Донъ Сильвестръ Алмеіа не отходилъ отъ нея, но сегодня такое неотвязчивое вниманіе показалось ей въ тягость, и она начала избѣгать его. Давно всѣ знали, что молодой Алмеіа былъ влюбленъ въ дочь дона Ронейро. Сама Инеса до сихъ поръ всегда была дружески расположена къ нему; но въ послѣднее время, съ появленіемъ въ домѣ отца французскихъ офицеровъ, она нѣсколько измѣни-

Digitized by Google

лась, что, разумѣется, не ускользнуло отъ ревнивой наблюдательности Сильвестра. Сегодня же она какъ-то особенно удалялась отъ него. Въ числѣ прочихъ гостей былъ французъ, молодой, красивый графъ Деврё, который видимо ухаживалъ за нею. Начались игры. Сильвестръ надѣялся занять обыкновенное свое мѣсто подлѣ Инесы, но она ускользнула отъ него и сѣла къ другому концу стола. Графъ Деврё поспѣшилъ занять мѣсто подлѣ нея, и бѣдный Сильвестръ могъ видѣть, какъ они, не переставая, болтали и смѣялись другъ съ другомъ. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и, бросивъ Инесѣ взглядъ полный упрека, вышелъ изъ залы.

Проходя галлерею, чтобъ идти въ комнату, гдѣ играли въ карты, онъ наткнулся на своего друга Мориціо Луцидо.

— Я не подозрѣвалъ, что ты здѣсь, сказалъ Сильвестръ.

— Я только-что пришелъ. Но что съ тобой?... Не случилось ли чего?

— Случилось ли что, я не знаю, мрачно отвѣчалъ Сильвестръ;—но что-то должно случиться,—это становится съ каждымъ днемъ яснѣе.

— Что же именно?

— А то, что намъ надоѣли эти проклятые французы, и давно бы пора прогнать ихъ.

— Caramba companero! засмѣялся Мориціо, подходя къ возвышенію, на которомъ стояли разныя вина.—Ревность дѣлаетъ изъ тебя патріота. Лучше не пей. Однакожь, еслибы не французы, то страной правилъ бы теперь индіецъ Хуарецъ. Согласись, что ужь лучше видѣть на престолѣ человѣка бѣлаго племени, потомка Карла V.

— Я знаю, что отъ Хуареца мы не можемъ ждать много хорошаго; но вотъ Порфиріо Діацъ.

— Кстати, слыхалъ ты, что на Оахаку, гдѣ держится пока Порфиріо Діацъ, рѣшено сдѣлать приступъ, и самъ Базенъ поведетъ дѣло?

— Чортъ съ нимъ, съ Базеномъ! Но къ чему это Діацъ, человѣкъ бѣлой расы, чистый креолъ, держится партіи краснокожаго индійца,—зачѣмъ не примкнетъ онъ къ императорской? Еслибы не было между нами, мексиканцами, раздоровъ, давно бы мы очистили страну отъ чужеземцевъ.

— Да; но это невозможно. Даже въ императорской партіи нѣтъ единодушія: клерикальная партія соперничаетъ съ консервативною, а министры-либералы, въ свою очередь, правятъ тою и другою. Вообще, примѣрный порядокъ!... Кто у насъ считаются наиболѣе ревностными приверженцами императора?—Мирамонъ и Марквецъ, изъ которыхъ первый самъ бы хотѣлъ сдѣлаться императоромъ, а другой президентомъ, чтобъ имѣть возможность вѣшать своихъ противниковъ и конфисковать ихъ имѣнія въ свою пользу.

— Мирамонъ уѣзжаетъ въ Европу.

— Знаю; но если императоръ вздумаетъ отсылать всѣхъ тѣхъ, кому онъ не особенно довѣряетъ, то свита его будетъ не многочисленна. Впрочемъ, Богъ съ ней, съ политикой. Что намъ за дѣло! Главное, будемъ ли мы играть: я видѣлъ, другъ, Сальфинто уже тамъ.

Digitized by Google

— Не довольно еще ты ему проигралъ?

— Да, но мало еще выигралъ. Жду удобнаго случая.

— Вотъ и музыка заиграла, сказалъ Сильвестръ, прислушиваясь.

— Что же, хочешь посмотрѣть, какъ твоя возлюбленная будетъ танцовать съ французскимъ графомъ?

Сильвестръ ничего не отвѣчалъ на это, но только стиснулъ зубы и налилъ себѣ стаканъ вина. «Полно, не пей!» сказалъ Луцидо; но тотъ не послушался и выпилъ еще второй стаканъ. Затѣмъ оба друга перешли въ залу. Увидавъ Инесу, Сильвестръ подошелъ къ ней, чтобы пригласить на первый танецъ.

— Мнѣ очень жаль, сеньоръ, отвѣчала она, лукаво улыбаясь,—но я думала, что вы уже уѣхали, и обѣщала другому.

— Ну, на слѣдующій.

— Вы развѣ не играете въ карты?

— Развѣ я вамъ такъ противенъ, Инеса?

— Противенъ?... нѣтъ. Почему вы это спросили?

— Ваше обращеніе со мною такъ холодно, такъ натянуто....

— Пустяки! разсмѣялась Инеса и взглянула на него съ прежнимъ ласковымъ выраженіемъ.—Онъ схватилъ и поцѣловалъ ея руку. Но это было только минутное успокоеніе. Подъ конецъ вечера, когда гости уже начали разъѣзжаться, онъ видѣлъ, какъ Деврё, прощаясь съ Инесой, долго цѣловалъ ея руку.

Между тѣмъ сеньоръ Ронейро, проводивъ гостей, по обычаю страны, до самой улицы, возвращался и имѣлъ намѣреніе зайти въ игорную комнату, гдѣ оставалось еще нѣсколько записныхъ игроковъ. На лѣстницѣ онъ встрѣтилъ слугу и услыхалъ отъ него, что сейчасъ пришелъ и прошелъ прямо въ кабинетъ какой-то совершенно незнакомый человѣкъ, который просилъ передать ему, что старый другъ желаетъ его видѣть и поговорить съ нимъ наединѣ.

Такое таинственное посѣщеніе среди ночи чрезвычайно удивило сеньора Ронейро. Изъ короткихъ отвѣтовъ слуги онъ понялъ, что незнакомецъ желаетъ сохранить свое инкогнито, но что онъ вообще имѣетъ видъ очень порядочнаго человѣка. Онъ поспѣшилъ отправиться въ кабинетъ. Проходя чрезъ галлерею, онъ увидѣлъ Мориціо, блѣднаго, отчаяннаго,—хотѣлъ съ нимъ заговорить, но тотъ не замѣтилъ его и какъ безумный побѣжалъ съ лѣстницы. «Неисправимъ! пробормоталъ онъ;—отцу его придется опять уплачивать его долги». Съ этими словами онъ вошелъ въ кабинетъ, гдѣ посрединѣ комнаты стоялъ незнакомецъ. Шляпа съ широкими полями закрывала верхнюю часть его лица; длинный мексиканскій плащъ былъ накинутъ по самые глаза; не было возможности узнать его.

— Съ кѣмъ имѣю честь.... проговорилъ Ронейро и затворилъ за собою дверь.

Digitized by Google

Тогда непрошеный гость сбросилъ съ себя плащъ и медленно снялъ шляпу. Свѣтъ лампы упалъ прямо на его лицо. Ронейро вскрикнулъ, болѣе испуганный, чѣмъ обрадованный.

— Пресвятая Богородица!... Порфиріо Діацъ! Compadre!

Между тѣмъ залы опустѣли; только въ игорной комнатѣ оставалось еще нѣсколько мужчинъ. Инеса сидѣла въ гостиной и ждала отца. Вдругъ она услыхала свое имя, произнесенное тихимъ голосомъ; обернулась и увидѣла Сильвестра.

— Сеньоръ Алмеіа?... Всѣ гости разъѣхались, а вы еще здѣсь.

— И васъ это удивляетъ? сказалъ молодой человѣкъ хриплымъ отъ волненія голосомъ.

— Разумѣется, отвѣчала Инеса, сознавая въ душѣ свою вину въ отношеніи человѣка, чувство котораго она до сихъ поръ поощряла, но тѣмъ не менѣе оскорбленная такимъ несвоевременнымъ появленіемъ.—Я не ожидала встрѣтить здѣсь кого нибудь.

— Я хотѣлъ васъ видѣть и поговорить съ вами наединѣ.

— Со мной?... Во всякомъ случаѣ, теперь не время. Приходите завтра, и мы переговоримъ.

— Не отсылайте меня, Инеса. Я въ отчаяніи, вскричалъ Сильвестръ;— я долго боролся съ самимъ собою. Но теперь я рѣшилъ: вы должны меня выслушать и дать мнѣ отчетъ.

— Дать вамъ отчетъ?... съ презрѣніемъ спросила молодая дѣвушка.—Какъ должна я понять эти слова, и что даетъ вамъ право говорить такъ?

— Не лукавьте, Инеса, вы очень хорошо знаете, что я хочу сказать и чего я требую отъ васъ; оскорбленіе, нанесенное мнѣ вами сегодня вечеромъ, не могло быть и не было безсознательнымъ.

— Я оскорбила васъ?... Чѣмъ же, сеньоръ? На сколько мнѣ помнится, я едва ли сказала вамъ сегодня двадцать словъ.

— Инеса! вскричалъ Сильвестръ внѣ себя,—развѣ вы забыли ваши обѣщанія?

— Не помню, чтобъ я что нибудь обѣщала вамъ; и не моя вина, если вы ошибочно поняли мое дружеское расположеніе. Впрочемъ, я думаю, что теперь не время продолжать дальнѣйшій разговоръ. Вы сами должны это понять....

— И это ваше послѣднее слово?... Но этого быть не можетъ. Вашъ отецъ не потерпитъ этого,—онъ, который всегда обращался со мною какъ съ сыномъ.

— Тѣмъ хуже съ вашей стороны, что вы до такой степени забываетесь и, возбужденные, какъ мнѣ кажется, виномъ, смѣете являться ко мнѣ въ такое время и требовать отъ меня отчета. Извините, я васъ оставляю, а если вамъ необходимо переговорить, то обратитесь къ отцу,— онъ въ своемъ кабинетѣ.

Digitized by Google

Съ этими словами молодая дѣвушка встала и, не удостоивъ его поклономъ, гордо вышла изъ гостиной.

Сильвестръ остался на мѣстѣ какъ громомъ пораженный. Отверженъ, осмѣянъ—и все изъ-за проклятаго француза! Что ему дѣлать? Но нѣтъ, онъ не оставитъ этого такъ. Какое право имѣла она дѣлать изъ него игрушку своего каприза?... Онъ вышелъ и, не помня себя отъ ревности, пошелъ въ кабинетъ ея отца.

Появленіе въ домѣ человѣка, который считался наиболѣе опаснымъ врагомъ настоящаго правленія, до того поразило сеньора Ронейро, что онъ на минуту потерялъ способность говорить.

— Да, Порфиріо Діацъ!... Впрочемъ, было бы осторожнѣе не произносить моего имени такъ громко, compadre: его, какъ я полагаю, не особенно пріятно слышать здѣсь въ столицѣ; кажется, оно и васъ не очень-то обрадовало.

— Но что привело васъ сюда? Или,—весело прибавилъ онъ, озаренный новою мыслью,—быть можетъ, вы пріѣхали присягнуть императору? Давай-то Богъ! Этимъ вы возстановите въ странѣ миръ и спокойствіе.

— Вздоръ, amigo, сказалъ Діацъ, и грустное выраженіе покрыло блѣдное и красивое лицо его.—Во первыхъ, говорите тише. Въ такомъ невѣроятномъ случаѣ, мнѣ было бы не зачѣмъ скрываться; я очень хорошо знаю, что меня встрѣтятъ здѣсь съ распростертыми объятіями. Нѣтъ, я республиканецъ и останусь таковымъ до самой смерти.

— Что же привело васъ сюда, въ среду вашихъ враговъ? Всѣ думаютъ, что вы въ Оахакѣ. Хуарецъ, какъ говорятъ, совершенно разбитъ, и всѣ его приверженцы оставили его.

— Это только слухи; я шесть дней уже здѣсь и слышалъ по этому поводу самые разнообразные толки. Иные утверждаютъ, будто Хуарецъ собралъ новое войско и въ очень скоромъ времени появится на югѣ.

— Пустяки! его дѣло потеряно безвозвратно, потому что всѣ его оставляютъ.

— Я и самъ начинаю думать то же, сказалъ Діацъ не безъ горечи,— по всему, что вижу въ вашемъ домѣ. Вы принимаете у себя французовъ,—вы, который считался наиболѣе ревностнымъ и ярымъ республиканцемъ. Итакъ, значитъ, вы совершенно перешли на сторону чужеземнаго императора? Но развѣ вы не знаете, что мексиканцы не потерпятъ его, какъ скоро имъ надоѣстъ власть французовъ и ихъ не будетъ здѣсь: не можетъ же Наполеонъ имѣть здѣсь свое постоянное войско. Правда, постоянныя и долгія смуты, кровавая борьба партій превратили наше бѣдное отечество въ какое-то поле сраженій; но это—распря семейная, которую мы должны сами покончить, а не давать чужеземцу

Digitized by Google

права играть въ ней роль судьи. Но оставимъ этотъ разговоръ Я надѣялся встрѣтить въ васъ вѣрнаго сторонника республики, но вижу, что ошибся: васъ ослѣпилъ блескъ императорской короны. И поэтому я долженъ для моихъ цѣлей обратиться къ другимъ.

— Для вашихъ цѣлей? вскричалъ Ронейро.—Вы хотите произвести возстаніе въ столицѣ, обагрить ее новыми потоками крови? О, Порфиріо, еслибы вы знали, что за человѣкъ новый императоръ!

Въ эту минуту дверь внезапно отворилась, и на порогѣ появился молодой Алмеіа. Діацъ хотѣлъ было закрыть лицо, но не успѣлъ. Сильвестръ его узналъ и назвалъ по имени. Однакожь, считая невозможнымъ говорить о своихъ дѣлахъ при третьемъ лицѣ, молодой человѣкъ тотчасъ же ушелъ. Не медля ни минуты, Діацъ накинулъ плащъ и хотѣлъ тоже удалиться. Ронейро уговаривалъ его переночевать.

— Чтобы проснуться плѣнникомъ французовъ?

— Да вѣдь это не кто иной, какъ Алмеіа—мой будущій зять.

— Въ самомъ дѣлѣ?... Но я и ему не довѣряю, такъ какъ здѣсь для меня не только вопросъ жизни,—я знаю, что отъ моей безопасности зависитъ спасенье отечества.

— Но мнѣ вы довѣряете?

— И вамъ не довѣряю болѣе. Вы потеряны для насъ!... Съ этими словами онъ оставилъ дона Ронейро и вышелъ изъ дому.

II.

Въ улицѣ de los Plateros помѣщалась небольшая, но весьма красивая парикмахерская и парюльня. Хозяинъ ея, донъ Педро Гаспардо, маленькій, но очень живой человѣкъ, былъ по происхожденію испанецъ, и притомъ очень умный и смѣтливый малый. Не смотря на презрѣніе, которое питалъ вообще къ людямъ смѣшанной крови, онъ не пренебрегалъ ихъ практикой и съ одинаковою любезностію бралъ и завивалъ головы краснокожихъ и сыновъ чисто кастильскаго племени. Впрочемъ, по обычаю своей страны, къ аристократамъ онъ ходилъ большею частью на домъ, вслѣдствіе чего имѣлъ доступъ въ очень многіе дома высшаго сословія. Въ окнахъ магазина красовались двѣ восковыя фигуры: барыня съ шиньономъ чудовищныхъ размѣровъ, но который тѣмъ не менѣе привлекалъ умильные взоры проходящихъ красавицъ, и старикъ въ парикѣ. Вокругъ помѣщались банки, флаконы, щетки, гребенки и безконечное число шиньоновъ разныхъ фасоновъ. Съ имперіей началась для дона Педро новая эра. До сихъ поръ съ нимъ соперничали и отбивали у него практику парикмахеры французы; но когда императрица назначила его придворнымъ парикмахеромъ, тогда почти весь городъ

Digitized by Google

перешелъ къ нему, и торговыя дѣла его значительно улучшились. Сегодня, повѣсивъ между двумя зеркалами портретъ ея величества, лаврами украшенный, онъ съ особенною любезностью принималъ своихъ обычныхъ посѣтителей. Вообще то было весьма оживленное и веселое время. Отовсюду приходили благопріятныя для имперіи вѣсти. Мексиканскія и французскія войска побѣждали республиканскую партію; глава ея, Хуарецъ, бѣжалъ на самый сѣверъ въ Кигуагуа; главные его полководцы перешли въ лагерь императора; изъ Европы прибыли корабли съ австрійскими и бельгійскими войсками, чему крайне обрадовались мексиканцы, надѣясь съ ихъ помощію прогнать ненавистныхъ имъ французовъ. Донъ Педро въ особенности ненавидѣлъ ихъ,—во первыхъ, какъ опасныхъ конкурентовъ, а во вторыхъ по тому, что досадовалъ на необходимость выписывать двѣ трети своего товара изъ Франціи.

Сегодня предметомъ общаго разговора въ столицѣ былъ дилижансъ, ограбленный на дорогѣ (въ два пріема) между Пуэблой и Мексикой. Такія происшествія были не въ рѣдкость. Донъ Педро, завивая голову одного изъ своихъ посѣтителей, расказывалъ ему то, что тотъ уже слышалъ. Въ это самое время въ магазинъ вошелъ метисъ; онъ былъ одѣтъ въ старый разорванный плащъ, изъ-подъ котораго виднѣлась грязная и очень поношенная одежда.

— Что вамъ угодно, сеньоръ? спросилъ донъ Педро, не особенно обрадованный такимъ появленіемъ.

— Выбриться! лаконически отвѣчалъ метисъ,—но живѣе! мнѣ некогда.

Донъ Юліо, такъ звали цирюльника, взглянулъ на дона Педро, но тотъ пожалъ только плечами. Движеніе это не ускользнуло отъ метиса; онъ вынулъ изъ кармана золотую монету, бросилъ ее на столъ.—«Размѣняйте!» сказалъ онъ, и началъ выбирать и откладывать въ сторону банки съ помадой, щетки, гребенки и т. п.

— Прикажете завязать? спросилъ удивленный донъ Юліо. Тотъ кивнулъ только головой и снова занялъ свое мѣсто, послѣ чего услужливый цирюльникъ приступилъ къ своему дѣлу безъ дальнѣйшихъ колебаній.

Въ то время, какъ его брили, въ комнату вошло еще нѣсколько *кабаллеросъ*, которые не замедлили вмѣшаться въ разговоръ объ ограбленномъ дилижансѣ. Оказалось, что одинъ изъ нихъ самъ присутствовалъ при этомъ въ качествѣ пасажира. Метисъ слушалъ всѣ эти разговоры съ насмѣшливой улыбкой, но не проронилъ ни слова, а затѣмъ, покончивъ свои дѣла, вышелъ изъ магазина, отвѣсивъ граціозный поклонъ всему обществу.

— Кто это такой? вскричалъ ограбленный мексиканецъ.—Этотъ плащъ мнѣ знакомъ: я видѣлъ его на плечахъ одного изъ ограбившихъ насъ разбойниковъ, но у того была борода.

— Santissima! онъ только-что сбрилъ ее; но вы можете, если поймаете его теперь, вернуть все, что онъ взялъ у васъ.

Digitized by Google

— Вернуть? нѣтъ, я только рискую, что онъ всадитъ мнѣ ножъ въ ребра, возразилъ храбрый мексиканецъ,—и поэтому не пойду. Но это онъ, безъ сомнѣнія. Однакоже, какая дерзость—являться среди бѣлаго дня въ публичное мѣсто!

— Вообще въ Мексикѣ становится не слишкомъ завидно жить, сказалъ другой.—Дороги до такой степени не безопасны, что нельзя выѣхать за городъ безъ револьвера. Доходитъ до того, что грабятъ не только около дворца въ Капультепекѣ, но и въ самомъ дворцѣ.

— То грабятъ не мексиканцы, а нѣмцы, которыхъ императоръ навезъ съ собою. Всѣ они расчитывали сдѣлаться здѣсь милліонерами, а теперь, какъ видятъ, что нельзя стянуть заразъ многаго, такъ начинаютъ съ кражи серебряныхъ ложекъ.

— Со временемъ будетъ еще лучше, вмѣшался третій,—когда наступитъ конецъ всей этой комедіи:—не можетъ же она продлиться вѣчно. Чортъ знаетъ, а хотѣлось бы и самому знать, почему это Наполеонъ такъ особенно интересуется нами и безкорыстно содержитъ здѣсь цѣлую армію, которая убиваетъ людей поодиночкѣ, чтобы возстановить счастье цѣлой націи. Но если онъ думаетъ этимъ путемъ завоевать страну, то очень заблуждается.

Затѣмъ мексиканцы вышли изъ магазина. Оставшись одинъ съ своимъ товарищемъ цирюльникомъ, донъ Педро далъ волю своему негодованію и отъ души выбранилъ неспокойныхъ и ничѣмъ недовольныхъ мексиканцевъ и, взглянувъ на портретъ императрицы, прибавилъ: «какъ вы полагаете, Юліо, не взяться ли и намъ за ружье въ защиту ея величества?»

Вопрошаемый Юліо былъ также испанецъ, но обладалъ болѣе юмористическимъ, чѣмъ воинственнымъ характеромъ, вслѣдствіе чего отвѣчалъ:

— Я вамъ всѣмъ пущу кровь. Впрочемъ, пока въ этомъ нѣтъ надобности; по видимому, все обстоитъ благополучно. Но я хотѣлъ спросить васъ насчетъ заказовъ въ Куернавака и Кверетаро: если мы ихъ исполнимъ, то въ магазинѣ останется крайне бѣдный запасъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вы сдѣлались придворнымъ парикмахеромъ, отъ покупателей нѣтъ отбоя.

Донъ Педро потеръ руки отъ удовольствія и объяснилъ своему компаньону, что онъ воспользовался полученнымъ отъ императрицы приказаніемъ выписать для нея розоваго мыла, чтобы безпошлинно вывести и для себя нѣсколько ящиковъ необходимаго товара.

Въ это время въ магазинъ вошелъ монахъ.—«Ave Maria!» пробормоталъ онъ, на что донъ Педро отвѣчалъ обычнымъ: «Purisima», но не обнаружилъ особенной радости при видѣ его.

— Что подѣлываете?

— Все то же, отвѣчалъ монахъ:—боремся съ грѣхомъ и просвѣ

Digitized by Google

Бога, чтобъ Онъ просвѣтилъ умъ ослѣпленнаго монарха и возвратилъ его на путь спасенія.

— Какъ такъ?.. съ удивленіемъ спросилъ донъ Педро.—Мнѣ кажется, нашъ императоръ—ревностный католикъ.

— Пока онъ еще не доказалъ этого, потому что отнятыя у церкви имѣнія все еще остаются въ рукахъ грабителей, и, какъ говорятъ, онъ имѣетъ даже намѣреніе утвердить это закономъ. Но я пришелъ сюда не для того, чтобы вести политическій разговоръ. Дома ли донна Корнелія? Она требовала моего духовнаго утѣшенія, и я радъ помочь ей. Она—благочестивая и добродѣтельная женщина.

— Жена, конечно, дома, сказалъ донъ Педро, нахмуривъ брови;— но, кажется, занята и едва ли у нея есть теперь время молиться, тѣмъ болѣе, что она уже была сегодня у обѣдни.

— Для Бога мы всегда должны имѣть время, донъ Педро. Я пойду отыщу вашу жену.

Донъ Педро посмотрѣлъ ему вслѣдъ, а когда тотъ окончательно скрылся, онъ сказалъ:

— Еслибъ я зналъ, гдѣ находится та страна, въ которой нѣтъ этихъ проклятыхъ пронырь, я бы переселился туда, даже еслибы цѣлое населеніе ея состояло изъ однихъ лысыхъ.

— Этому я охотно вѣрю, засмѣялся донъ Юліо:—вамъ пришлось бы снабдить всю страну париками, что было бы весьма выгодно. Но, въ такомъ случаѣ, отчего вы не ѣдете въ Турцію: тамъ нѣтъ поповъ, и у всѣхъ бритыя головы?

— Вы самый ограниченный человѣкъ въ мірѣ, донъ Юліо. Развѣ тамъ нѣтъ дервишей и не производятъ ли они тамъ то же самое, что у насъ наши попы? Я ненавижу Хуареца; но если что нибудь могло бы склонить меня на его сторону, такъ это его декретъ, которымъ онъ конфисковалъ имѣнія духовенства и запретилъ попамъ ходить по улицамъ въ полномъ облаченіи.

— Конечно, отецъ Цалога частенько приходитъ къ сеньорѣ, замѣтилъ Юліо.

Донъ Педро взглянулъ на него подозрительно, но ничего не отвѣчалъ, взялъ шляпу и ушелъ.

Приближались святки 1864 года. Въ Мексикѣ господствовало необыкновенное оживленіе. Всѣ партіи безъ исключенія находились въ какомъ-то напряженномъ состояніи. Имперія, по видимому, постепенно утверждалась; императорскія мексиканскія войска вмѣстѣ съ французскими значительно очистили сѣверъ отъ республиканцевъ; Базенъ собирался идти на югъ противъ Порфиріо Діаца; политическое состояніе страны

Digitized by Google

улучшалось съ каждымъ днемъ; нерѣшеннымъ оставался только церковный вопросъ. И вотъ теперь-то, послѣ долгихъ ожиданій, прибылъ нунцій, монсиньоръ Франциско Меліа, и церковный вопросъ долженъ былъ рѣшиться наконецъ. Пріѣздъ его обрадовалъ всѣхъ, а въ особенности партію клерикаловъ: они надѣялись, что Римъ рѣшитъ вопросъ въ ихъ пользу, между тѣмъ какъ консервативная партія и партія умѣренныхъ расчитывали на то обстоятельство, что нунцій, разсмотрѣвъ положеніе дѣлъ на мѣстѣ, пойметъ невозможность измѣнить совершившійся разъ фактъ, не производя общаго возстанія, и потому отступится. Какимъ образомъ все это устроится, объ этомъ мексиканцы не думали много и вполнѣ отдались пріятнымъ ожиданіямъ и шумному веселью.

На большой площади была такая давка, такая суматоха, какихъ давно уже не было въ столицѣ. Народъ двигался и колебался какъ волна. И развѣ не имѣлъ онъ достаточной къ тому причины? Развѣ новый правитель страны не оказался кроткимъ и ласковымъ, и развѣ новые, только-что изданные законы, имѣвшіе цѣлью утвердить и охранить миръ и благоденствіе въ странѣ, не пріятнѣе были народу, чѣмъ прежніе кровавые едикты? На большой дорогѣ,—чего нельзя, конечно, отрицать,—было еще довольно много разбойничьихъ шаекъ и всякаго сброда; но й противъ этого зла предполагалось принять строгія мѣры; что же касается до «революціонныхъ бандъ», какъ стали называть отряды приверженцевъ Хуареца, то съ ними французы довольно легко справлялись на сѣверѣ и надѣялись такъ же легко справиться и на югѣ. Затѣмъ страна, обрѣтя себѣ *единаго* властелина, вступала на путь обогащенія и процвѣтанія: предположено было устроить нѣсколько желѣзныхъ дорогъ, и на нѣкоторыя даны уже были концесіи; пошли въ ходъ земледѣліе, торговля и промышленность, а во вновь освобожденныхъ рудникахъ готовилась закипѣть работа. Если все это принесетъ свои плоды, то тогда какая страна въ мірѣ можетъ соперничать съ Мексикой?

На большомъ пространствѣ праздничной площади были разбиты рядами палатки, уставленныя всякими сластями, сушеными плодами, дѣтскими игрушками изъ воска, глины и папье-маше, а также изображеніями святыхъ, среди которыхъ виднѣлись столь любезные для мѣстныхъ уроженцевъ nacimientos; далѣе стояли цѣлыми купами елки и сосенки, разукрашенныя, какъ и у насъ во время святокъ, пучками древесныхъ иглъ и предназначенныя для украшенія комнатъ, въ которыхъ обыкновенно помѣщаются сцены изъ св. Писанія; тутъ были горки изъ разноцвѣтныхъ мховъ, между которыми красовался свѣтлосѣрый, называемый испанскою бородой. И тутъ же тѣснились, покрытые лохмотьями, индійскіе мальчишки, сбѣжавшіеся для того, чтобы продать по баснословно дешевой цѣнѣ разныя серебряныя бахромки, подвѣшиваемыя на елки, грубо выдѣланныя фигурки ангеловъ и разныхъ жи-

Digitized by Google

вотныхъ. Кругомъ на площади толпилось смѣшеніе различныхъ человѣческихъ племенъ, начиная отъ темно-коричневаго индійца до чистокровнаго потомка староиспанской расы, по большей части, отъ какого нибудь флибустьера, выброшеннаго случайно на берегъ. Взадъ и впередъ сновали французскіе, нѣмецкіе, бельгійскіе солдаты, и раздавался безконечный говоръ, въ которомъ слышались то французскіе, то словацкіе, то чешскіе, то нѣмецкіе, то англійскіе, то испанскіе, то индійскіе звуки, заглушая поочередно другъ друга. Женщины въ самыхъ легкихъ нарядахъ мелькали по площади между лавками; иныя стыдливо кокетничали съ иностранцами, а другія гордо и величественно проходили мимо ненавистныхъ враговъ, которые отважились вторгнуться, изъ-за моря, въ любимую ихъ отчизну. И надъ всею этою пестрою картиной покоилось голубое небо, съ высоты котораго яркое солнце посылало жаркіе лучи и заставляло европейцевъ забывать, что это рождественскія святки, происходящія на ихъ родинѣ среди снѣжныхъ мятелей, тогда какъ здѣсь вѣяла тихая теплая погода.

Между тѣмъ въ домѣ, гдѣ помѣщалось семейство Луцидо де-Вега, глава его, донъ Карлосъ Луцидо, быстрыми шагами ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету, а сынъ его Мориціо стоялъ у окна и барабанилъ по стеклу.

— Такъ продолжать нельзя, сказалъ старикъ, останавливаясь подлѣ сына.—Ты помнишь мое обѣщаніе не платить болѣе твоихъ игорныхъ долговъ: я его сдержу и не дамъ тебѣ ни копѣйки. Дѣлай, какъ знаешь.

— Но откуда я достану денегъ, чтобъ уплатить этому мошеннику итальянцу?

— Откуда хочешь. Отъ меня ты ихъ не получишь. Это мое послѣднее слово.

— Въ самомъ дѣлѣ, даже и въ такомъ случаѣ, если я дамъ тебѣ обѣщаніе?

— Побереги его. Ты двадцать разъ давалъ честное слово, и я болѣе не вѣрю тебѣ.

Мориціо стоялъ передъ отцемъ блѣдный, какъ смерть; онъ словно хотѣлъ что-то сказать еще, но, зная упрямый нравъ отца, онъ только махнулъ рукой и ушелъ

Тотчасъ послѣ его ухода, къ дону Карлосу пришло нѣсколько друзей. Всѣ они, какъ и старикъ Луцидо, принадлежали къ такъ называемой консервативной партіи. Партію эту составляли люди преимущественно богатые: негоціанты, фабриканты, золотопромышленники, агрономы. Соблюдая свои интересы, они не забывали и интересовъ народа. Большинство ихъ было противъ клерикаловъ; они ясно видѣли корыстолюбивыя и властолюбивыя цѣли духовенства, и потому твердо рѣшили, во что бы то ни стало, не уступать своихъ правъ на купленныя церковныя земли.

Digitized by Google

— Господа! сказалъ Луцидо, нѣсколько удивленный такимъ посѣщеніемъ.—Бастіани, Ронейро, Родригецъ, Цамакона, всѣ разомъ!.. Вѣроятно, случилось что нибудь важное.

— Ничего не случилось еще, Карлосъ, отвѣчалъ старый другъ его Ронейро;—но въ очень скоромъ времени произойдетъ событіе, которое должно или свергнуть императорскую власть, или утвердить ее. Поэтому не мѣшаетъ заранѣе обсудить дѣло и, если возможно, отклонить худшее.

— Ты говоришь о церковномъ вопросѣ? сказалъ Луцидо.—Чего же вы опасаетесь, господа?

— Духовенству, должно быть, приходится плохо, сказалъ Бастіани,—потому что оно опять пустило въ ходъ всѣ пружины и старается подѣйствовать на насъ посредствомъ нашихъ женъ и дочерей.

— Это такъ, подтвердилъ Родригецъ:—наши дамы хотятъ даже сообща подать государю просьбу, чтобъ онъ примирился со святымъ отцемъ, то есть, по-просту, чтобъ онъ согласился на все, что требуетъ этотъ пріѣзжій толстоголовый попъ.

— Но, господа, этого не можетъ быть, сказалъ Луцидо.—Еслибы даже государь и захотѣлъ это сдѣлать, то не можетъ. Значительная часть церковныхъ имѣній находится во владѣніи американцевъ, англичанъ, испанцевъ, французовъ,—и всѣ они вправѣ будутъ протестовать, если у нихъ отнимутъ то, что составляетъ теперь ихъ собственность.

Долго толковали пріятели и старались угадать, что предприметъ духовенство въ случаѣ отказа государя отмѣнить декретъ Хуареца и возвратить имъ ихъ владѣнія; такой исходъ дѣла былъ весьма вѣроятенъ. Они знали, что клерикальная партія не примирится съ такимъ рѣшеніемъ вопроса и всѣми силами будетъ стараться произвести новое возстаніе. Но въ чью пользу? Единственный возможный кандидатъ, Мирамонъ, былъ въ отсутствіи.

— Ужь не имѣютъ ли въ виду старика Санта-Анну? спросилъ Родригецъ;—тутъ нѣтъ ничего невозможнаго.

— Съ его стороны—нѣтъ, согласился Луцидо;—но сомнѣваюсь, чтобы мексиканцы пошли на это. Старый диктаторъ сыгралъ свою роль; онъ болѣе не нуженъ въ Мексикѣ, а одно духовенство, какъ бы оно ни старалось, не въ силахъ провести его.

— А Марквецъ?

— Этого никогда не изберутъ въ президенты, сказалъ Луцидо.—Скорѣе перейдутъ на сторону Хуареца. Даже Мехіа и Мендецъ не согласятся служить подъ его начальствомъ. Нѣтъ, Мирамонъ—единственный человѣкъ, съ которымъ они могли бы имѣть надежду на успѣхъ; и, по моему, императоръ очень хорошо сдѣлалъ, что послѣдовалъ умному совѣту удалить его. Но мнѣ кажется, что пока намъ нечего бояться.

— Да, это такъ!.. сказалъ Ронейро,—еслибы только найти средство успокоить нашихъ женщинъ. Эти проклятые попы грозятъ отказомъ

Digitized by Google

причастія всѣмъ тѣмъ, которые живутъ на землѣ, принадлежавшей прежде церкви; они объявляютъ еще, что не переступятъ порогъ такого дома, даже еслибъ ихъ призывали къ умирающему.

— Еслибъ я навѣрное это зналъ, то сейчасъ же купилъ бы себѣ старый монастырь и поселился бы въ немъ. Но это они говорятъ только. А вотъ если они исполнятъ первую угрозу, то дѣйствительно будетъ плохо: во первыхъ, сбѣжитъ вся прислуга.

— Вздоръ! Народъ вовсе не такъ любитъ поповъ, какъ это вообще думаютъ.

— А слыхали ли вы, господа, послѣднія извѣстія съ театра войны? спросилъ Луцидо.—Мацатланъ взятъ.

— А гдѣ находится теперь Хуарецъ?

— По слухамъ, на границѣ Соединенныхъ Штатовъ.

— Но шайки все еще бродятъ въ странѣ, замѣтилъ Ронейро,—и совершаютъ ужасныя вещи. Вотъ ихъ-то необходимо уничтожить.

— А Порфиріо Діацъ? спросилъ Родригецъ.—Здѣсь какъ-то пронесся слухъ, будто его видѣли въ столицѣ. Но вы должны объ этомъ знать, Ронейро...

— Да, слышалъ! спокойно отвѣчалъ тотъ.—Но, Богъ мой! мало ли о чемъ говорятъ и толкуютъ; одинъ слухъ погоняетъ другой, и чѣмъ невѣроятнѣе, тѣмъ болѣе вѣрятъ ему. Ну, зачѣмъ Діацу являться сюда?

— Для переговоровъ, сказалъ Луцидо:—вѣдь дѣло Хуареца проиграно безвозвратно.

— Нѣтъ, онъ не пойдетъ на это, сказалъ Ронейро.—Однако, господа, прощайте: мнѣ пора.

— Пойдемте всѣ вмѣстѣ. До свиданія, Луцидо! Завтра увидимся.

На южномъ концѣ столицы находится довольно грязный кварталъ; въ немъ живетъ рабочее сословіе и вообще бѣдный людъ. Большіе нумерованные дома раздѣлены на множество мелкихъ квартиръ. Было около полудня. Улицы, не смотря на праздничное время, были пусты. По одной изъ нихъ шелъ молодой кабаллеро и внимательно разсматривалъ нумера. Наконецъ, онъ остановился у одного дома и семь разъ сряду постучалъ пальцемъ въ ставню. Окно отворилось, и изъ него выглянуло темножелтое лицо съ черными усами и умными блестящими глазами.

— Геронимо! засмѣялся пришедшій,—вы никакъ спите?

— А, донъ Мориціо, это вы? Какъ поживаете?

— Объ этомъ я раскажу послѣ, когда войду въ комнату. Отворяйте скорѣе, мнѣ не хотѣлось бы стоять тутъ долѣе, чѣмъ это нужно.

Геронимо притворилъ на половину ставню, отворилъ дверь и впустилъ молодаго человѣка.

Digitized by Google

Мориціо вошелъ въ бѣдно убранную комнату, вся мебель которой состояла изъ кровати, комода и трехъ изломанныхъ стульевъ. Но на стѣнѣ висѣло нѣсколько женскихъ платьевъ—признакъ, что Геронимъ живетъ не одинъ. Тѣмъ не менѣе это былъ человѣкъ, по видимому, не любившій общества, потому что онъ тотчасъ же снова затворилъ дверь на задвижку.

— Что доставляетъ мнѣ честь вашего посѣщенія, сеньоръ? Какъ вы узнали, гдѣ я живу, и откуда узнали условный знакъ?

— Да вы сами же сказали мнѣ, Геронимо,—помните, когда мы шутя говорили о томъ предпріятіи, участвовать въ которомъ мнѣ что-то помѣшало.

— Да, да; вспомнилъ теперь. Вы меня надули тогда.

— Вы ходили одни?

— Я?... нѣтъ! отвѣчалъ метисъ; теперь я заработываю свой хлѣбъ лѣпкою разныхъ фигуръ. Но вотъ на праздникахъ я распродалъ все, что было заготовлено, и долженъ буду опять поѣхать въ Гвадалахару, чтобы приготовить новый запасъ.

Мориціо молчалъ, но глядѣлъ на него пристально и недовѣрчиво; презрительная улыбка блуждала на его губахъ.

— Итакъ, вы занимаетесь лѣпкою фигуръ, Геронимо? сказалъ онъ наконецъ.—Собственно говоря, это очень мирное занятіе въ такое воинственное время; но я надѣялся было приняться съ вами за другое ремесло, однако, какъ кажется, ошибся, и потому прощайте!

Съ этими словами онъ пошелъ къ двери. Геронимо колебался. Наконецъ онъ закричалъ ему:

— Куда же вы? Вамъ, должно быть, къ спѣху?

— Что такое? проговорилъ Мориціо, останавливаясь въ дверяхъ.

— Да ремесло-то... Но къ чему вся эта комедія? засмѣялся Геронимо.— Вы въ самомъ дѣлѣ пришли съ тѣмъ, чтобъ идти съ нами? Очень кстати.

— Но когда же?

— Мы отправляемся завтра вечеромъ,—ранѣе не зачѣмъ.

— Кто же наши соучастники?

— Все одни кабаллеросъ, съ достоинствомъ отвѣчалъ метисъ.

— Знаю я кого нибудь изъ нихъ?

— Очень можетъ быть, сказалъ Геронимо, пожимая плечами.—Надѣюсь, вы не потребуете отъ меня именъ.

Мориціо задумался. Но нельзя ли знать, по крайней мѣрѣ, въ какую сторону мы отправляемся и что имѣемъ въ виду?

— Все это раскажу вамъ по дорогѣ,—здѣсь не мѣсто; впрочемъ, если вы намъ не вѣрите, то оставайтесь.

— Вы ужасно рѣзки сегодня; но такъ и быть. Въ которомъ часу и гдѣ?

— Гдѣ?... съ минуту подумалъ метисъ.—Я буду васъ ожидать здѣсь на улицѣ. Но пріѣзжайте сюда ровно въ шесть часовъ.

— Навѣрное.

Digitized by Google

— Хорошо; но кто-то идетъ.

Въ эту минуту ставня пріотворилась, и въ окнѣ показалось красивое лицо молодой дѣвушки. Отвори скорѣй, Геронимо.

— Сейчасъ, дорогая! Что случилось?

— Случилось то, что я.... Но у тебя гости? сказала она, входя въ комнату.

Это была прелестная молодая дѣвушка,—настоящій типъ мексиканскихъ женщинъ средняго сословія. Она была одѣта въ короткую пеструю юбку; красивыя босыя ноги были обуты въ изящные башмачки; около таліи юбка подвязывалась тонкимъ поясомъ, изъ-за котораго выбивалась наружу часть бѣлоснѣжной рубашки, тогда какъ плеча и голову скрывалъ граціозно накинутый робоцо, не мѣшавшій однако видѣть молодое выразительное личико ярко-мѣднаго цвѣта съ парою черныхъ великолѣпныхъ глазъ.

— Вы меня не узнаете, сеньорита? сказалъ Мориціо.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, я совсѣмъ было не узнала васъ, сеньоръ Луцидо. Да кому же могло придти въ голову встрѣтить васъ здѣсь? Вѣрно, что нибудь недоброе привело васъ сюда.

— Не знаю, что вы называете недобрымъ, сеньорита; но я пришелъ сюда только для того, чтобы заказать Героним нѣсколько восковыхъ фигуръ.

— Въ такомъ случаѣ, все хорошо. Я такъ рада, когда Геронимо работаетъ, и никто въ цѣлой Мексикѣ не лѣпитъ этихъ фигуръ лучше его: онъ даетъ имъ жизнь.

При этихъ словахъ ужасная блѣдность покрыла лицо Геронимо. Онъ это чувствовалъ и поспѣшилъ прибавить:

— Полно, Мерцедесъ; ты такъ меня хвалишь, что сеньоръ, ожидая большаго, останется, въ концѣ концовъ, недоволенъ моей работой.

Пока онъ говорилъ, Мерцедесъ попеременно смотрѣла на него и на Мориціо. Въ обоихъ было что-то такое, что ей не нравилось. Она инстинктивно чувствовала, что оба говорятъ неправду.

— И ты исполнишь этотъ заказъ здѣсь, Геронимо? подозрительно спросила она послѣ короткаго молчанія.

— Это невозможно, сокровище мое! Весь матеріалъ мой находится въ Гвадалахарѣ, да кромѣ того тамъ удобнѣе работать. Во всякомъ случаѣ, я долженъ буду поѣхать завтра.

— Въ Гвадалахару?

— Разумѣется, душа моя; но я не останусь долго. Ты знаешь, какъ я работаю скоро и притомъ же оканчивать я буду здѣсь.

— Смотри же, не обмани.

— Прощайте, Мерцедесъ! сказалъ Мориціо, протянувъ ей руку. Съ этими словами онъ вышелъ изъ дома и пошелъ по направленію къ площади.

Digitized by Google

На слѣдующій день—былъ канунъ Рождества. Шумныя и веселыя толпы ходили по площади; вездѣ гремѣла военная музыка; въ народѣ уже ходили слухи о рѣшеніи государя не уступать требованіямъ духовенства,—и всѣ были въ восторгѣ. Въ шесть часовъ Мориціо явился на мѣсто свиданія. Геронимо былъ уже тутъ, а у дверей, закутанная въ свой робоцо, стояла печальная и задумчивая Мерцедесъ. Она долго слѣдила глазами за удалявшимися всадниками; когда тѣ скрылись, она глубоко вздохнула и пошла обратно въ домъ.

Въ этотъ же день у Базена былъ вечеръ. Такъ какъ Базенъ былъ въ то время еще холостымъ человѣкомъ, то общество состояло изъ однихъ мужщинъ, и преимущественно военныхъ. Съ духовенствомъ, какъ и вообще съ клерикальною партіей, Базенъ не ладилъ, и потому на этомъ вечерѣ оно блистало своимъ отсутствіемъ. Въ числѣ приглашенныхъ гостей находился также членъ бывшаго правительства, старикъ Веласкецъ де-Монъ. Базенъ чувствовалъ къ нему особенное расположеніе и принялъ его чрезвычайно любезно, тѣмъ болѣе, что въ это время онъ особенно старался сохранить дружескія отношенія съ мѣстною аристократіей. Причиною тому было постепенно увеличивающееся отдаленіе его отъ императора и его партіи. Максимиліанъ смотрѣлъ на французскія войска не иначе, какъ на вспомогательныя,—слѣдовательно, и начальникъ ихъ долженъ былъ быть подчиненъ императору. Гордый Базенъ не выносилъ этого,—онъ, который одно время смотрѣлъ на себя почти какъ на полнаго властелина страны и, разумѣется, не упускалъ случая дать почувствовать Максимиліану, что, не смотря на все, онъ все-таки зависитъ отъ него и не можетъ обойтись безъ французскаго войска.

— Какъ я радъ, что мнѣ удается еще разъ переговорить съ вами до моего отъѣзда въ Оахаку! сказалъ Базенъ старику Веласкецу, входя съ нимъ въ уединенный кабинетъ.—Я знаю, что вы желаете добра не только императору, но и странѣ, что́, къ сожалѣнію, могутъ сказать въ Мексикѣ только немногіе.

— Вы не особенно лестнаго мнѣнія о моихъ соотечественникахъ, замѣтилъ, улыбаясь, старикъ.

— Послѣ всего, что мнѣ пришлось видѣть до сихъ поръ, разумѣется, да. Ваша нація не только не постоянна, но еще крайне беззаботна и эгоистична. Конечно, бываютъ исключенія—блестящія исключенія, но исключенія только подтверждаютъ правило.

— Къ чему ведетъ это предисловіе, любезный генералъ? сказалъ Веласкецъ.

— Къ тому, что я, питая къ вамъ особенное довѣріе, хочу просить васъ, въ мое отсутствіе, серьезно поговорить съ императоромъ и ясно представить ему его положеніе.

— Его положеніе?

— Да; нечего обманывать себя. Различныя партіи только по видимому

Digitized by Google

успокоились; между ними возстановленъ не миръ, а только перемиріе, которое будетъ нарушено при первомъ случаѣ. Я не сомнѣваюсь въ желаніи императора улучшить состояніе народа, но онъ приступаетъ къ этому—словно имѣетъ дѣло съ однимъ изъ цивилизованныхъ народовъ Европы. Къ чему всѣ эти законы, постановленія, которыя такъ и остаются на бумагѣ? Онъ окружилъ себя людьми, бывшими сторонниками либеральной партіи, и слѣпо довѣряется имъ; а между тѣмъ на насъ смотритъ подозрительно, хотя явно и не высказываетъ этого,—тѣмъ не менѣе онъ внимаетъ всѣмъ неблагопріятнымъ для насъ слухамъ, вслѣдствіе чего подозрѣніе его постепенно ростетъ и способствуетъ только большему и большему разъединенію обѣихъ державъ.

Базенъ замолчалъ. Вдругъ Веласкецъ предложилъ ему неожиданный вопросъ:

— Но вы сами,—отвѣчайте мнѣ, какъ честный человѣкъ,—считаете ли намѣренія императора Наполеона въ отношеніи къ Максимиліану вполнѣ честными?

— Что вы хотите сказать этимъ? спросилъ смущенный Базенъ.

— Просто хочу знать, чьи интересы имѣетъ въ виду вашъ императоръ, поддерживая нашего: свои ли, или Максимиліана? Въ первомъ случаѣ, онъ, разумѣется, не замедлитъ отнять у него свою помощь, какъ скоро перестанутъ существовать причины, въ силу которыхъ онъ способствовалъ его возведенію на престолъ.

Наступило молчаніе. Наконецъ Базенъ сказалъ:

— Вѣрьте мнѣ, я вовсе не посвященъ въ политику моего двора; но до сихъ поръ не имѣю ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ искренности Наполеона во всемъ этомъ дѣлѣ. Вмѣшательство это стоило намъ такъ много крови и денегъ, что мы обязаны теперь не только въ глазахъ свѣта, но и передъ самими собою довершить начатое. Но вашъ императоръ долженъ облегчить намъ эту задачу. Надо надѣяться, что не далеко то время, когда онъ окончательно утвердится въ своемъ новомъ государствѣ и будетъ въ состояніи обойтись безъ нашихъ вспомогательныхъ войскъ. Но до тѣхъ поръ онъ долженъ вѣрить намъ, а не притѣснять насъ. Кромѣ того онъ самъ долженъ дѣйствовать; иначе изъ всего этого ничего не выйдетъ. Нельзя править Мексикою, сидя въ своемъ кабинетѣ и издавая законы, примѣнимые только въ мирное время; надо это дѣлать съ мечомъ въ рукахъ. Мексиканцы не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое свобода, или понимаютъ подъ этимъ словомъ лишь возможность безпрепятственно грабить, разбойничать и убивать. Знаете, кто былъ бы отличнымъ правителемъ этого народа? — генералъ Марквецъ, съ его волчьей совѣстью и таковыми же наклонностями. Тотъ, кто думаетъ править вашимъ народомъ мягко,—погибнетъ; и если Максимиліанъ не перемѣнится, то все дѣло окончится тѣмъ, что въ одно прекрасное утро все ему надоѣстъ и онъ уѣдетъ домой. Но не слыхали ли

Digitized by Google

вы чего нибудь положительнаго о его намѣреніяхъ относительно рѣшенія церковнаго вопроса?

— Ничего не слыхалъ; но онъ возмущенъ поведеніемъ нунція и, если не ошибаюсь, готовитъ ему сюрпризъ.

— Самое лучшее, что можетъ сдѣлать. Вѣчное ожиданіе не поведетъ къ добру. Всѣмъ угодить нельзя, да и нѣтъ надобности. Впрочемъ, довольно, мой другъ; на дняхъ я оставляю столицу и, можетъ быть, надолго, и потому выбралъ васъ моимъ повѣреннымъ, съ просьбою охранять наши интересы, а вмѣстѣ съ ними и интересы всей страны. Теперь же вернемтесь въ гостиную.

Первые дни праздника прошли въ столицѣ благополучно; партіи не волновались. Благопріятныя извѣстія, полученныя съ театра войны, по видимому, подтверждали, что сѣверъ наконецъ очищенъ отъ мятежныхъ шаекъ партіи Хуареца.

27 декабря Максимиліанъ собралъ въ Капультепекѣ небольшой совѣтъ изъ наиболѣе приближенныхъ къ нему людей. Въ немъ присутствовали императрица, министръ иностранныхъ дѣлъ—донъ Хозе Фернандо Рамирецъ, духовникъ императора—Франческо Рамирецъ, Веласкецъ де-Леонъ и министръ юстиціи—Ескудеро. Императоръ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и находился, по видимому, въ какомъ-то лихорадочномъ волненіи; императрица сидѣла блѣдная и растроенная; Веласкецъ де-Леонъ старался успокоить ее, между тѣмъ какъ оба министра вполголоса обсуждали содержаніе лежащей передъ ними бумаги.

— Это не можетъ продолжаться дольше, сказалъ императоръ. — Вы можете говорить, Веласкецъ, что папа уступитъ, наконецъ, нашимъ неотступнымъ просьбамъ, когда увидитъ, что, въ противномъ случаѣ, вызоветъ новое возстаніе во всей странѣ; но я вамъ говорю—онъ этого не сдѣлаетъ. Non possumus — вотъ все, чего мы добьемся отъ него. Пусть гибнетъ все, лишь бы не уступить ни одной изъ насильно захваченныхъ привиллегій—вотъ все, о чемъ заботится гордое духовенство. Если мы будемъ ждать его согласія, народъ будетъ вправѣ жаловаться на насъ. Нѣтъ, Ескудеро, намъ ничего болѣе не остается, какъ сдѣлать рѣшительный шагъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Не думаю, сказала императрица,—чтобы папа зналъ, какъ ведетъ себя здѣсь его посланный. По моему мнѣнію, лучше всего, не входя въ переговоры съ монсиньоромъ, отправить посольство въ Римъ. Мы тѣмъ болѣе вправѣ это сдѣлать, что нунцій самъ объявилъ, что не уполномоченъ вести переговоры, а только привезъ приказанія, которымъ мы должны повиноваться. Необходимо, не теряя времени, уяснить папѣ наше положеніе.

— Повѣрьте, ваше величество, святѣйшій отецъ въ точности знаетъ

Digitized by Google

положеніе нашихъ дѣлъ, какъ церковныхъ, такъ и мірскихъ, и поэтому я вполнѣ раздѣляю мнѣніе его величества, что, при такихъ обстоятельствахъ, рѣшительный шагъ необходимъ.

— А что скажетъ намъ епископъ? спросилъ императоръ.

Франческо Рамирецъ пожалъ плечами.

— Признаюсь, я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ министра, сказалъ онъ.—Отъ посольства въ Римъ я жду вообще мало успѣха—и тѣмъ менѣе, если цѣлью его будетъ только просьба, а не сообщеніе о совершившемся уже фактѣ. Образъ дѣйствій монсиньора Меліа вовсе не свидѣтельствуетъ о примирительномъ настроеніи римскаго двора. Тамъ, вѣроятно, ждали отъ Мексики рѣшительнаго шага въ пользу церкви, и чувствуютъ себя оскорбленными уже тѣмъ, что представились затрудненія и потребовались переговоры. Положительнаго отказа требованіямъ папы вовсе не ожидаютъ.

— А онъ требуетъ всего! вскричалъ императоръ.—Исключеніе всякой другой вѣры, полную независимость епископовъ отъ правительства, возстановленіе монастырей,—слѣдовательно, и возвращеніе церкви всѣхъ ея имуществъ; наконецъ, онъ требуетъ, чтобъ образованіе общественное и даже частное находилось подъ надзоромъ духовенства,—каково, кабаллеросъ!... «Non possumus», говорю и я. Дать согласіе на подобныя требованія,—значило бы возвратиться къ средневѣковымъ временамъ, къ общему ужасу всѣхъ просвѣщенныхъ націй. Нѣтъ, на этотъ разъ они ошибутся.

Совѣщаніе продолжалось долго. Императрицу устрашалъ гнѣвъ святаго отца, и она старалась склонить Максимиліана—послать депутацію въ Римъ, для объясненія положенія дѣлъ въ Мексикѣ; Веласкецъ совѣтовалъ избѣгать рѣзкости и смягчить отказъ уступкою въ мелочахъ; оба же Рамиреца и Ескудеро, напротивъ, считали рѣшительный отвѣтъ единственнымъ исходомъ.

— Намъ остается сказать «да», или «нѣтъ», и затѣмъ ждать послѣдствій, сказалъ министръ иностранныхъ дѣлъ.

— Рамирецъ правъ, подтвердилъ Ескудеро:—соглашеніе съ клерикалами невозможно, а между тѣмъ необходимо рѣшить вопросъ.

— Да, это такъ, мрачно сказалъ Максимиліанъ,—соглашеніе съ ними немыслимо. Мы исчерпали всякую возможность; встревоженная страна требуетъ рѣшенія и закона, который бы утвердилъ ея права. Пойдемте въ мой кабинетъ, Ескудеро; мнѣ кажется, настала минута приступить къ дѣлу. Если послѣ этого духовенство предастъ насъ проклятію, то народъ пойметъ, наконецъ, какъ дороги намъ были его интересы, если мы дерзнули противиться всемогущей церкви только для того, чтобы не впрячь его снова въ старинное и невыносимое долѣе ярмо.

Въ эту самую минуту доложили о приходѣ Ронейро, Цамаконы и Луцидо, которые, какъ они объявили, желали видѣть государя, чтобы передать ему отъ имени всей партіи просьбу касательно церковнаго вопроса.

Digitized by Google

*

— Что привело васъ сюда, сеньоры? спросилъ Максимиліанъ, когда они вошли; — должно быть, что нибудь особенно важное? Прошу васъ, говорите откровенно.

— Ваше величество, началъ Ронейро, нѣсколько смущенный присутствіемъ министровъ,—мы пришли сюда съ двумя просьбами. Первая и наиболѣе важная касается папскаго нунція.

— Что такое?... Недовольны вы имъ?

— Собственно говоря, прямыхъ сношеній мы съ нимъ не имѣли до сихъ поръ, но тѣмъ чувствительнѣе отзывается на насъ его косвенное вліяніе.

— Какимъ это образомъ?... Я не понимаю.

— Посредствомъ нашихъ женъ и дочерей. Духовенство прибѣгаетъ ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы подѣйствовать на своихъ духовныхъ дѣтей, и, какъ я слышалъ, вашему величеству хотятъ подать просьбу, подписанную всѣми мексиканскими женщинами, съ цѣлію склонить васъ на соглашеніе съ папою.

— А какое ваше желаніе при этомъ, господа?

— Не только мы, но и вообще всѣ люди, хорошо знакомые съ потребностями страны, считали бы неисправимымъ зломъ, еслибы правительство захотѣло теперь возвратить церкви проданныя и перепроданныя ея имѣнія.

— Но если этого не будетъ, папа отлучитъ насъ отъ церкви, сказалъ Максимиліанъ.

Ронейро съ испугомъ взглянулъ на императора; онъ боялся, что въ этихъ словахъ заключается окончательное рѣшеніе вопроса не въ ихъ пользу.

— Ваше величество, началъ онъ,—даже и въ такомъ невѣроятномъ случаѣ, чего же вамъ бояться среди вашего преданнаго народа?

— Лично обо мнѣ здѣсь и рѣчи быть не можетъ, возразилъ Максимиліанъ;—но что же будетъ со страною?

— Отлученіе это пройдетъ такъ же безвредно, какъ и въ тотъ разъ, когда архіепископъ Лабастида вздумалъ отлучить французскую армію и вслѣдъ затѣмъ, принужденный Базеномъ, всенародно благословилъ ее. Это окончательно погубило могущество церкви въ глазахъ народа. Попытка эта, вѣроятно, извѣстна въ Римѣ, и папа не рѣшится возобновить ее.

— Но на что рѣшитесь вы, то есть, вся ваша партія въ такомъ случаѣ? На чью сторону перейдете вы?

— Ваше величество! вскричалъ Луцидо,—мы будемъ стоять до послѣдней капли крови, до послѣдняго пезоса, за нашего любимаго монарха.

Максимиліанъ зналъ уже отчасти, въ какой степени правдивы бываютъ въ Мексикѣ такія увѣренія, но надѣялся, что и здѣсь найдутся благородные и честные люди, которые не отступятся отъ своего слова даже въ годину бѣдствій. Онъ ласково взглянулъ на депутатовъ и сказалъ:

Digitized by Google

— Успокойтесь, господа, и вѣрьте мнѣ, что, пока я буду имѣть честь стоять во главѣ вашего правленія, я ничего не сдѣлаю такого, что могло бы причинить малѣйшій вредъ странѣ. Я покинулъ родину и пріѣхалъ къ вамъ, чтобы дать вамъ миръ и благоустройство; не стану же я ихъ собственноручно нарушать. Бо̀льшаго сказать я не могу въ настоящую минуту; прибавлю только, что на дняхъ прекратится эта подавляющая неизвѣстность. Теперь перейдемте ко второй просьбѣ.

— Отъ души благодаримъ васъ, ваше величество, сказалъ Ронейро,— за утѣшительныя слова; будущность не пугаетъ насъ долѣе и, что̀ бы она ни принесла, она только упрочитъ связь между народомъ и монархомъ.

— Надо надѣяться, что это будетъ такъ. Но какая же ваша вторая просьба?

— Она относится къ постояннымъ грабежамъ, которые ежедневно повторяются на большой дорогѣ и принимаютъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры.

— Знаю и принялъ уже мѣры, чтобъ устранить это зло. Но я убѣжденъ, что подобныя нападенія случались бы значительно рѣже, еслибы публика сама нѣсколько поддерживала охранительную полицію. Еслибы эти шайки разбойниковъ встрѣчали энергичный отпоръ со стороны людей, на которыхъ они нападаютъ, то не отваживались бы на такія смѣлыя предпріятія. Мнѣ расказывали даже, будто переодѣтая женщина грабила дилижансы въ продолженіи цѣлой недѣли.

— Это правда! сказалъ Ронейро.—Но другіе разбойники вооружены и не задумываются убивать тѣхъ, кто вздумаетъ защищаться или нападать на нихъ. По-моему, существуетъ только одно средство прекратить эти разбои.

— Какое же? спросилъ Максимиліанъ.

— Смертная казнь, но тутъ же, на мѣстѣ. До сихъ поръ пойманныхъ разбойниковъ сажаютъ въ тюрьму, откуда они обыкновенно убѣгаютъ, не потерпѣвъ никакого наказанія. Разумѣется, такой порядокъ не можетъ остановить ихъ. Но если разъ повѣсятъ нѣсколько человѣкъ на ближайшемъ деревѣ, то остальные испугаются, и честнымъ людямъ будетъ возвращена возможность безопасно ѣздить, куда имъ нужно.

— Признаюсь вамъ откровенно, мнѣ бы не хотѣлось сразу прибѣгать къ такимъ ужаснымъ мѣрамъ. Я прикажу Базену разсылать усиленные патрули, а со временемъ учредимъ своихъ жандармовъ и издадимъ строгое постановленіе, чтобы препятствовать бѣгству заключенныхъ. Но пока есть возможность, надо стараться избѣгать кровопролитія и щадить человѣческую жизнь,—тѣмъ болѣе, что подобныя явленія не что иное, какъ необходимыя послѣдствія безпрестанныхъ возстаній и неурядицъ. Нельзя требовать, чтобы люди, отвыкшіе отъ работы, тотчасъ вернулись къ мирнымъ занятіямъ. Но будемъ надѣяться, что вскорѣ все измѣнится, и

Digitized by Google

что, не прибѣгая къ кровавымъ мѣрамъ, мы возстановимъ миръ и спокойствіе. Съ этими словами онъ поклонился и отпустилъ депутатовъ, которые удалились, довольные уже тѣмъ, что имъ нечего было долѣе трепетать за свою собственность.

Прошло нѣсколько дней, и въ Мексикѣ обѣ партіи оставались, по видимому, спокойны. Казалось, каждый зналъ, что что-то рѣшительное носится въ воздухѣ, и выжидалъ только удобнаго времени. Конечно, въ городѣ уже распространился слухъ, что государь не намѣренъ уступить несправедливымъ требованіямъ папы и готовится къ рѣшительному шагу; но, съ другой стороны, говорили также, будто мексиканское правительство хочетъ послать свое посольство къ папѣ, чтобъ отъ него самого получить приказаніе насчетъ дѣлъ церковныхъ, и въ такомъ случаѣ, разумѣется, нельзя уже будетъ думать о сопротивленіи.

Но вотъ въ первыхъ дняхъ новаго года, въ «Diario del Imperio», вмѣстѣ съ побѣдоносными извѣстіями съ сѣвера, появилось письмо императора къ министру юстиціи Ескудеро и однимъ взмахомъ разсѣкло узелъ, державшій до сихъ поръ развитіе и процвѣтаніе мексиканскаго государства словно въ оковахъ. Волненіе, произведенное имъ какъ въ клерикальной партіи, такъ и въ народѣ, было невыразимо. Этимъ былъ сдѣланъ первый самостоятельный и рѣшительный шагъ государя; имъ онъ доказалъ, что если, съ одной стороны, онъ вынужденъ пока оставаться въ зависимости отъ Франціи, то, съ другой, онъ не хочетъ быть на помочахъ у Рима.

Въ день напечатанія письма, рано утромъ, задолго еще до выхода въ свѣтъ нумера, монсиньоръ Меліа, съ газетою въ рукахъ, вошелъ въ кабинетъ друга своего, архіепископа Лабастиды; но новаго онъ ему не сообщилъ ничего, потому что та же газета уже лежала на столѣ архіепископа, а самъ онъ въ ужасномъ волненіи ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Увидавъ нунція, онъ остановился и съ свойственной ему холодной улыбкой спросилъ:

— Что же, монсиньоръ, какъ вамъ нравится указъ? Я только-что хотѣлъ послать за вами, чтобъ узнать ваше мнѣніе. Во всякомъ случаѣ, его величество отнимаетъ у насъ всякое сомнѣніе насчетъ своихъ намѣреній. Любопытно знать, какъ посмотритъ на эту выходку святѣйшій отецъ.

— Вы думаете, что это серьезно? вскричалъ нунцій.—Едва ли возможно, чтобъ австрійскій принцъ могъ такъ окончательно развязаться съ нашею церковью. «Широкая терпимость», т. е., свободное исповѣданіе протестантизма, подчиненіе духовенства обыкновенному суду—этого не можетъ и не должно быть въ Мексикѣ. Нѣтъ, это не что иное, какъ притѣсненіе, чтобы склонить насъ на прежнія его предложенія.

Digitized by Google

— Не заблуждайтесь, монсиньоръ, сказалъ Лабастида, качая головой.— Вы не знаете еще нашего государя. Не смотря на нерѣшительный характеръ, въ немъ есть извѣстная доля упрямства.

— Но кто же призвалъ его сюда? Не само ли духовенство возвело его на престолъ съ тѣмъ, чтобъ онъ истребилъ до послѣднихъ слѣдовъ дерзкое постановленіе вѣроломнаго индійца? Не думаетъ ли онъ, этотъ призрачный государь, что Римъ, который возвеличилъ его и избралъ его своимъ орудіемъ, лишенъ средствъ и могущества низвергнуть его? Такой ли признательности имѣли мы право ожидать отъ дома Габсбурговъ?

— Признательность—слово, которое плохо понимаютъ жители этихъ южныхъ странъ; а Максимиліанъ съ самаго начала объявилъ, что чувствуетъ себя совершеннымъ мексиканцемъ и, по видимому, дѣйствительно сдѣлался имъ скорѣе, чѣмъ мы ожидали.

— Но мы не потерпимъ этого! Какъ я полагаю, это письмо не болѣе какъ попытка, дерзкая попытка доказать церкви, что онъ—императоръ и стоитъ выше ея законовъ и предписаній, и если мы молча перенесемъ это, тогда, быть можетъ, онъ пойдетъ далѣе,—но только тогда...

— На сколько я знаю императора, это болѣе чѣмъ попытка, это—фактъ, и мы хорошо сдѣлаемъ, если не будемъ терять времени. Конечно, фактъ останется фактомъ; но тѣмъ необходимѣе приступить теперь къ дѣлу со всевозможною предусмотрительностію.

— Я васъ не понимаю.

— До сихъ поръ наша партія не имѣла никого въ кругу людей, наиболѣе приближенныхъ къ государю, на кого могла бы твердо положиться.

— А духовникъ его? спросилъ Меліа съ испытующимъ взглядомъ на Лабастиду.

Тотъ пожалъ плечами.

— Для этого требуется не только добрая воля, но и проницательность. Мнѣ какъ-то предлагали человѣка, но я тогда отказалъ, не считая это необходимымъ и даже нѣсколько опаснымъ, такъ какъ лично онъ мнѣ былъ неизвѣстенъ. Но теперь думаю послѣдовать совѣту отца Миранды.

— Кто же это?... Знаю я его?

— Едва ли. Онъ былъ сперва нѣмецкимъ пасторомъ, а потомъ уже перешелъ къ намъ. Говорятъ, онъ чрезвычайно образованный и ловкій человѣкъ; а такъ какъ мы вовсе не можемъ знать, какія послѣдствія повлечетъ за собой этотъ первый шагъ императора, то лучше быть готовымъ на все.

— Еслибы вы это сдѣлали ранѣе.

— Еще не поздно. Максимиліанъ считаетъ наше вліяніе болѣе ничтожнымъ, чѣмъ оно есть на дѣлѣ, и этимъ куетъ противъ самого себя оружіе, которое въ нашихъ рукахъ можетъ сдѣлаться для него опаснымъ: онъ дождется отдѣленія церкви отъ государства, и вслѣдствіе этого— полная независимость наша въ дѣлахъ церкви...

Digitized by Google

— Но если Хуарецъ возвратится, мы ничего не выиграемъ.

— Еще не потеряна надежда уговорить Максимиліана отсрочить обнародованіе положительнаго закона, а между тѣтъ французы работаютъ намъ подъ руку и, можетъ быть, захватятъ и самого Хуареца. Затѣмъ намъ нужно будетъ выбрать человѣка, который возьметъ на себя дѣло возрожденія Мексики, но получитъ власть не прежде, какъ дастъ намъ полное обезпеченіе. Но вотъ идетъ отецъ Миранда.

— Я васъ призналъ, обратился онъ къ вошедшему монаху,—чтобы распросить васъ о томъ священникѣ, о которомъ вы мнѣ говорили недавно и котораго можно бы было рекомендовать императору въ случаѣ, если онъ потребуетъ духовника. Имя его я знаю; но гдѣ онъ въ настоящее время?

— Здѣсь, въ столицѣ, монсиньоръ.

— Въ столицѣ?... спросилъ удивленный Лабастида.—Вы мнѣ говорили тогда, что онъ гдѣ-то на сѣверѣ.

— Совершенная правда. Но мы состоимъ съ нимъ въ перепискѣ, и я тогда же намекнулъ ему, разумѣется, ни къ чему не обязываясь, что, быть можетъ, онъ найдетъ здѣсь дѣятельность, соотвѣтствующую его способностямъ,—и онъ пріѣхалъ.

— У кого же онъ живетъ? спросилъ Лабастида, которому такая поспѣшность показалась нѣсколько подозрительною.

— Онъ живетъ въ городѣ у одного изъ своихъ земляковъ и былъ бы очень счастливъ, еслибы вы, монсиньоръ, позволили ему представиться.

— Хорошо, скажите ему, чтобъ онъ зашелъ завтра часовъ въ десять. И съ этими словами Лабастида благословилъ отца Миранду, который тотчасъ же неслышными шагами удалился, а духовные сановники возвратились къ прерванному разговору.

— Что же вы думаете дѣлать съ этимъ письмомъ? спросилъ архіепископъ Мексики.

— А какъ поступили бы вы на моемъ мѣстѣ? въ свою очередь спросилъ нунцій.

— Прежде, чѣмъ приступать къ рѣшительному шагу, я постарался бы обратить вниманіе императора на опасность, которой онъ подвергается, дѣйствуя въ такомъ духѣ.

Но нунцій считалъ такую мѣру оскорбленіемъ римскаго двора и рѣшилъ дѣйствовать энергичнѣе.

— Тѣмъ хуже для него, прибавилъ онъ,—если онъ будетъ упорствовать. Въ такомъ случаѣ онъ долженъ будетъ пенять на самого себя и можетъ быть низложенъ, потому что потеряетъ почву, т. е., опору Бога. Но вы, съ вашей стороны, должны употребить все свое вліяніе въ странѣ, чтобы противодѣйствовать такому не церковному постановленію. Буря противъ него должна начаться одновременно со всѣхъ сторонъ и продолжаться безпрерывно до тѣхъ поръ, пока мы не получимъ рѣшенія

Digitized by Google

Рима, и тогда мы, въ свою очередь, нанесемъ рѣшительный ударъ. Распространяйте въ народѣ памфлеты, напечатайте просьбу женщинъ,—словомъ, употребите всѣ ваши средства, и тогда увидимъ, что скажетъ правительство и захочетъ ли оно продолжать дальнѣйшія попытки въ такомъ родѣ? Но намъ нельзя терять ни минуты: ударъ долженъ слѣдовать за ударомъ. Согласны ли вы на все это?

— Разумѣется, если монсиньоръ думаетъ, что это будетъ полезно.

— Въ такомъ случаѣ, до свиданія! и нунцій поспѣшилъ возвратиться въ себѣ, чтобы немедленно же начать борьбу съ «свѣтскою властью императора».

Спустя нѣсколько дней послѣ напечатанія указа, императоръ ѣхалъ изъ Капультепека въ городъ, чтобы присутствовать въ совѣтѣ. Едва въѣхалъ онъ въ столицу, какъ народъ окружилъ его и привѣтствовалъ восторженными криками. El Emperador—el viva! раздавалось по всѣмъ улицамъ. Скоро толпа до того увеличилась, что карета не могла проѣхать, и государь былъ принужденъ выйти изъ нея и пройти пѣшкомъ до дворца. Не оставалось никакого сомнѣнія: Максимиліанъ приступомъ завоевалъ себѣ сердца народа.

Около этого же времени, т. е., въ первыхъ дняхъ 1865 года, генералъ Базенъ выѣхалъ изъ столицы, чтобы встать во главѣ войска, имѣвшаго назначеніе покорить Порфиріо Діаца и этимъ уничтожить послѣднюю опору Хуареца. Съ сѣвера не переставали приходить благопріятныя извѣстія; восточная часть Мексики была окончательно покорена, и только на западѣ старый Альварецъ, губернаторъ гористой провинціи Гверреро, сопротивлялся еще новому правительству. Свита Базена съ музыкой и барабаннымъ боемъ выступала изъ Мексики. Въ одной изъ улицъ на встрѣчу ей попались два всадника и должны были остановиться, чтобы дать ей пройти. Одинъ изъ нихъ былъ Сильвестръ, а другой старый пріятель его Мориціо.

— Caramba amigo! вскричалъ Сильвестръ, пораженный великолѣпною лошадью и богатою сбруей.—Гдѣ пріобрѣлъ ты такую прелестную лошадь? Она навѣрно стóитъ большихъ денегъ.

— Это ты, Сильвестръ,—откуда? Давно я тебя не видалъ. Но какъ ты похудѣлъ и поблѣднѣлъ! Ты былъ боленъ?

— Нѣтъ, только уѣзжалъ отсюда. Но объ этомъ послѣ. Скажи прежде, у кого купилъ воронаго?.. Одна сбруя и сѣдло стоютъ не меньше тысячи пезосовъ.

— У французскаго посланника; не правда ли, великолѣпное животное?

— Должно быть, ты при деньгахъ!.. сказалъ Сильвестръ, съ удивленіемъ смотря на друга.—Въ послѣдній разъ, какъ мы видѣлись, ты, кажется, значительно проигралъ?

— Да; но вѣдь счастье измѣнчиво. Съ тѣхъ поръ я много выигралъ.

— У итальянца?

Digitized by Google

— Нѣтъ, чортъ побери, его я никакъ не могу поймать. Но когда нибудь счастье измѣнитъ и ему.

— Едва ли тамъ, гдѣ оно идетъ рука объ руку съ ловкостью.

— Я знаю, онъ плутуетъ; но когда нибудь онъ мнѣ попадется, и тогда я ему отплачу за все. Но гдѣ ты пропадалъ?

— Я?... ѣздилъ въ Кверетаро.

— Что тебѣ тамъ дѣлать? Говорятъ, по дорогамъ нѣтъ проѣзда; недавно дилижансъ былъ ограбленъ подъ самой Мексикой.

— Слышалъ... Еслибы разъ повѣсили полдюжины этихъ негодяевъ, то перестали бы грабить. Но съ нашимъ императоромъ ничего не подѣлаешь. У него нѣтъ энергіи.

— Это вовсе не разбойники, но шайка республиканцевъ.

— Хороши республиканцы! Но скажи мнѣ, Мориціо, что ты скажешь о послѣднемъ указѣ государя? Духовенство озлоблено и до извѣстной степени оно имѣетъ право на это, потому что болѣе другихъ хлопотало о призваніи его.

— По дѣломъ имъ?.. Нельзя же было возвратить проданныя имѣнія. Я согласенъ, что попы во многихъ отношеніяхъ бываютъ полезны и я не хочу ссориться съ ними; но тѣмъ не менѣе я очень радъ, что это такъ случилось. Кстати, Сильвестръ, который теперь часъ?

— Одиннадцать.

— Такъ поздно!.. Прощай же, amigo, мнѣ некогда, и съ этими словами онъ пришпорилъ коня и ускокалъ.

Въ парикмахерской, донъ Педро, по случаю императорскаго указа, угощалъ шампанскимъ своего товарища дона Юліо. Донъ Педро былъ либералъ, но не въ мексиканскомъ смыслѣ этого слова, то есть, не республиканецъ, а по-своему. Онъ требовалъ для себя свободнаго устройства государства, свободы совѣсти и безпошлиннаго ввоза туалетныхъ принадлежностей; и такъ какъ теперь онъ достигъ желаемаго, то и угощалъ товарища. Въ это время въ магазинъ вошелъ индійскій мальчикъ и подалъ дону Педро записку, которую тотъ взялъ и прочелъ въ ней слѣдующія слова: «Приходите тотчасъ или не позже одиннадцати часовъ въ улицу Сенъ-Огустинъ, № 11-й, и спросите меня. Дѣло идетъ о весьма важномъ предметѣ. Отецъ Цалога».

Какъ ни удивило дона Педро такое посланіе отъ человѣка, приходившаго къ нему почти ежедневно, тѣмъ не мѣнѣе онъ отправился. Выходя изъ дома, онъ увидѣлъ на углу человѣка верхомъ, но не обратилъ на него вниманія. Донъ Педро едва успѣлъ удалиться, какъ Мориціо,— это былъ онъ,—тотчасъ подъѣхалъ къ дому, слѣзъ съ лошади, и не входя въ магазинъ, пошелъ по другой лѣстницѣ прямо въ верхнія комнаты.

Digitized by Google

гдѣ и имѣлъ продолжительный и, по видимому, весьма занимательный разговоръ съ женою дона Педро, донною Корнеліею. Затѣмъ онъ сошелъ внизъ, сѣлъ на лошадь и, подъѣхавъ къ дверямъ магазина, постучался. «Войдите», закричалъ ему донъ Юліо.—«Не могу: я на лошади,—дома ли донъ Педро»?—Узнавъ, что его нѣтъ, онъ вошелъ въ магазинъ, сдѣлалъ нѣсколько покупокъ и ушелъ. Вскорѣ послѣ него возвратился донъ Педро и былъ ужасно не въ духѣ.

— Знаете ли, донъ Юліо, зачѣмъ меня звали? Они хотятъ, чтобы мы, испанцы, подали императору адресъ, то есть, просьбу не трогать церковныхъ имуществъ и пощадить религіозное чувство жителей Мексики. Случалось ли вамъ слышать что нибудь подобное?

— Нѣтъ, рѣшительно отвѣчалъ донъ Юліо.

— Я не понимаю, почему отецъ Цалога не могъ сообщить мнѣ этого здѣсь: онъ, кажется, приходилъ сюда довольно часто. Но нѣтъ, призываетъ меня въ домъ епископа, гдѣ заставляютъ еще цѣлый часъ ждать въ передней.

— Это очень важно. Если я когда сдѣлаюсь важнымъ человѣкомъ, то также буду заставлять ждать всѣхъ.

— Вы оселъ, донъ Юліо, сказалъ донъ Педро и хотѣлъ налить себѣ еще стаканъ шампанскаго. Но бутылка оказалась пустою, и это обстоятельство, конечно, не улучшило настроенія его духа.

Разставшись съ Мориціо, Сильвестръ повернулъ свою лошадь и поѣхалъ въ противуположную сторону. Онъ ѣхалъ шагомъ, какъ человѣкъ, который не знаетъ, куда онъ ѣдетъ и за чѣмъ. Невольно однакожь свернулъ онъ въ улицу, гдѣ жилъ донъ Ронейро. У самаго дома обогнала его небольшая кавалькада, состоявшая изъ нѣсколькихъ французскихъ офицеровъ и нѣсколькихъ дамъ. При видѣ ея, сердце Сильвестра сильно забилось: онъ узналъ между ними Инесу. Она тоже замѣтила его и поклонилась, но холодно. Сильвестръ послѣ того вечера, какъ видѣлъ въ кабинетѣ Ронейро республиканца Порфиріо Діаца, приходилъ къ отцу Инесы съ цѣлью услышать отъ него самого разъясненіе поведенія молодой дѣвушки, но долженъ былъ убѣдиться, что старикъ самъ до сихъ поръ ничего не подозрѣвалъ и былъ очень удивленъ замѣчаніями юнаго ревнивца. Онъ обѣщалъ поговорить серьезно съ дочерью и просилъ его не терять надежды, что все уладится. Съ тѣхъ поръ молодой Алмеіа не разъ пытался напомнить ему обѣщаніе, но Ронейро всѣми силами не только уклонялся отъ этого разговора, но даже избѣгалъ по возможности встрѣчи съ нимъ. Наконецъ, чтобы положить предѣлъ такой мучительной неизвѣстности, Сильвестръ имѣлъ намѣреніе зайти сегодня, чтобы добиться окончательнаго рѣшенія отца, а также и

Digitized by Google

дочери. Но могъ ли онъ осуществить это намѣреніе теперь, когда весь домъ былъ полонъ гостей? Онъ уѣхалъ, но вскорѣ воротился.

— Сеньоръ Ронейро въ своемъ кабинетѣ, сказалъ мальчикъ, котораго Сильвестръ встрѣтилъ на лѣстницѣ.

— А гдѣ же дамы?

— Только-что уѣхали,—вѣроятно, къ сеньорѣ Цамакона.

Сильвестръ съ минуту постоялъ въ нерѣшимости, а потомъ пошелъ въ кабинетъ, гдѣ засталъ дона Ренейро за чтеніемъ «Diario del Imperio». Этотъ послѣдній принялъ молодаго Алмеіа дружески, но не безъ смущенія, предугадывая, вѣроятно, цѣль его посѣщенія.

— Ахъ, донъ Сильвестръ, очень радъ васъ видѣть, сколько времени вы у насъ не были!

— Я не знаю, на сколько мое посѣщеніе бываетъ вамъ пріятно, сеньоръ?..

— Что вы говорите?.. вѣдь вы знаете, что весь домъ къ вашимъ услугамъ; но какое безпокойное время: слышали вы, что генералъ Базенъ уѣхалъ сегодня въ Оахаку?

— Генералъ Базенъ дѣйствительно уѣхалъ, но французскихъ офицеровъ, какъ кажется, осталось еще много: полчаса тому назадъ вашъ домъ былъ наполненъ ими.

— Да, мои дамы сочинили прогулку; что же дѣлать, молодежь хочетъ веселиться. А теперь онѣ поѣхали къ сеньорѣ Цамакона—и знаете для чего?

— Нѣтъ, не знаю; онѣ давно уже лишили меня своего довѣрія.

— Политикой занимаются! засмѣялся Ронейро:—хотятъ подать императору просьбу.

— Вѣроятно, объ удаленіи французовъ изъ страны, сказалъ Сильвестръ не безъ ироніи.

— Въ этомъ былъ бы хоть какой нибудь смыслъ; но нѣтъ: просьба эта направлена противъ насъ или, вѣрнѣе, противъ письма императора къ Ескудеро, такъ сильно взволновавшаго духовенство. Вы, вѣроятно, уже слышали объ отъѣздѣ папскаго нунція?

— Да; но признаюсь, я въ послѣднее время мало думалъ о политикѣ: другія мысли тревожили меня, и если вы можете удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ!...

— Разумѣется, любезный другъ; но слышали вы о новѣйшихъ подвигахъ разбойниковъ? Почта, идущая въ Кверетаро, потерпѣла въ одинъ день три нападенія. Право, пора положить конецъ такому безчинству. Въ самомъ городѣ становится небезопасно. Представьте себѣ, вчера два мошенника напали на дона Альфонсо и хотѣли было уже посадить его въ карету, чтобы потомъ получить за него выкупъ; но, къ счастію, въ это время проходилъ французскій патруль, и они были принуждены оставить свою жертву.

Digitized by Google

— Позвольте предложить вамъ вопросъ, перебилъ его Сильвестръ, который вовсе не чувствовалъ въ себѣ настроенія терпѣливо выслушивать городскія новости.

— Съ большимъ удовольствіемъ!.. Но что съ вами?—вы такъ блѣдны. Не случилось ли чего нибудь непріятнаго въ вашемъ почтенномъ семействѣ?

— Нѣтъ, это касается только меня и дочери вашей, донны Инесы... Вы знаете, сеньоръ, въ какихъ отношеніяхъ мы находились другъ къ другу въ прошломъ году,—я возымѣлъ даже смѣлость смотрѣть на себя какъ на члена вашего семейства.

— И вы знаете, съ какою радостью мы васъ всегда принимали, донъ Сильвестръ!..

— Да; но теперь, кажется, время это прошло: Инеса избѣгаетъ меня, и не только избѣгаетъ, но явно предпочитаетъ мнѣ одного изъ тѣхъ чужеземцевъ, которые пришли въ наше отечество и проливали кровь нашихъ братьевъ.

— Я также, любезный донъ Сильвестръ, надѣялся, что семьи наши соединятся узами родства, и, какъ знаете, нисколько не препятствовалъ вамъ. Но не могу же я принудить мою дочь.

— Не ошибайтесь въ моихъ намѣреніяхъ, сеньоръ. Я вовсе не пришелъ сюда просить руки вашей дочери помимо ея желанія, но хотѣлъ узнать правду, чтобы прекратить дальнѣйшія сомнѣнія.

— Какую же правду?

— Просилъ ли уже ея руки тотъ французъ и получитъ ли онъ согласіе донны Инесы, если онъ это сдѣлаетъ? спросилъ Сильвестръ глухимъ и едва внятнымъ голосомъ.

— Вопросъ нѣсколько нескроменъ, отвѣчалъ Ронейро;—но васъ извиняетъ исключительное положеніе, въ которомъ мы находимся относительно другъ друга; въ концѣ концовъ оно и лучше, если вы будете знать всю правду.

— Итакъ, это совершилось? вскричалъ Сильвестръ.

— Не знаю, что вы подразумѣваете подъ этимъ словомъ, началъ Ронейро;—но я, считая васъ другомъ дома, раскажу вамъ, что происходитъ въ нашемъ семействѣ. Признаюсь откровенно, я всегда съ удовольствіемъ замѣчалъ ваше чувство къ моей дочери. Мы съ вами земляки и знаемъ, что можемъ ожидать другъ отъ друга, и поэтому лично мнѣ бракъ моей дочери съ вами былъ бы гораздо пріятнѣе. Мнѣ казалось, что и Инеса раздѣляетъ ваше чувство; но, какъ кажется, мы оба были въ заблужденіи. Инеса всегда была—и до сихъ поръ дружески расположена къ вамъ, но настоящая любовь....

— Пробуждается видомъ блестящаго мундира и громкимъ титуломъ, не правда ли?... Вѣдь вы это хотѣли сказать, сеньоръ?

— Я?... нѣтъ! вскричалъ донъ Ронейро.—Вы несправедливы ко мнѣ;

Digitized by Google

но вы уже знаете, какъ кажется, въ чемъ дѣло и по этому нечего долѣе распространяться. Откровенно говоря, я не особенно одобряю выборъ моей дочери, но жена моя находитъ въ немъ ея счастье, и спорить въ такомъ случаѣ съ женщинами нельзя.

— Итакъ, графъ Деврё сдѣлалъ уже предложеніе? спросилъ Сильвестръ.

— Да, вчера вечеромъ; и получилъ согласіе Инесы, и поэтому вы понимаете, любезный сеньоръ?...

— Все въ совершенствѣ, вскричалъ Сильвестръ внѣ себя и вскочилъ съ мѣста.—Во первыхъ, и главнымъ образомъ, вамъ желательно, чтобъ я прекратилъ свои посѣщенія, не правда ли?... Я вполнѣ понимаю затруднительное положеніе, въ которомъ вы находитесь, продолжалъ молодой человѣкъ почти съ презрѣніемъ.—По всему вашему положенію, вы принадлежите къ партіи консервативной, но по положенію вашей дочери отчасти и къ императорской. При этомъ дамы ваши принимаютъ сторону духовенства; союзъ же съ французскимъ графомъ возстановляетъ противъ нихъ и ту и другую партію, и притомъ не можетъ особенно понравиться при дворѣ. Въ довершеніе всего, тайныя сношенія съ Діацомъ съ одной стороны, а съ другой, можетъ быть, и съ самимъ Хуарецомъ. Надо отдать вамъ справедливость,—вы отличаетесь удивительной многосторонностію.

— Донъ Сильвестръ! гнѣвно вскричалъ Ронейро, возмущенный словами молодаго человѣка, но тотчасъ же присмирѣлъ, вспомнивъ его намекъ на посѣщеніе Діаца, — виноватъ ли я, если онъ безъ моего вѣдома и согласія пришелъ въ мой домъ?

— Прошу васъ, безъ объясненій. Прощайте сеньоръ! Передайте мой поклонъ вашимъ дамамъ. Съ этими словами Сильвестръ вышелъ изъ дому, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ дальше.

Въ мексиканскомъ дворцѣ у окна, рядомъ съ императрицею и окруженный своею свитою, стоялъ Максимиліанъ и смотрѣлъ на проходящихъ мимо него вновь прибывшихъ австрійскихъ волонтеровъ. Толпа, покрывавшая дворцовую площадь, глазѣла и радостными криками привѣтствовала торжественное шествіе блестящаго войска. Она видѣла въ немъ новую себѣ защиту противъ разбойничьихъ шаекъ республиканцевъ. Смуты надоѣли ей,—она жаждала спокойствія и мира.

Но въ сердцѣ Максимиліана видъ отечественнаго войска пробудилъ другія и болѣе святыя чувства. Онъ не могъ скрыть своего волненія: слезы выступили на глаза. Красивое и доброе его лицо сіяло счастіемъ и гордостію. Онъ обернулся къ Веласкецу и, схвативъ его руку, сказалъ:

Digitized by Google

— Съ этой минуты наступаетъ новое и счастливое для насъ время, дорогой Веласкецъ! Видите этихъ храбрыхъ и честныхъ воиновъ: это не простые наемники, готовые поработить за деньги свободный народъ и наложить на него оковы,—они пришли сюда не для того, чтобы притѣснять націю, но чтобы способствовать возстановленію мира и благоденствія въ ея прекрасной странѣ; за ними не скрывается честолюбивый и завоевательный духъ, приславшій сюда французовъ. Мои храбрые австрійцы будутъ сражаться здѣсь не для славы своей земли, но для Мексики, не заботясь о томъ, упомянетъ ли о нихъ исторія. Теперь, я надѣюсь, въ очень скоромъ времени мы достигнемъ возможности предложить Наполеону вызвать отсюда свое войско и предоставить намъ однимъ преобразованіе страны.

— Давай Богъ, ваше величество! отвѣчалъ старикъ Веласкецъ.—Я самъ думаю, что тогда мы легче справимся съ остальными затрудненіями. Въ настоящую минуту, за покореніемъ Діаца, намъ остается одно духовенство, которое, разумѣется, не позабудетъ привести въ движеніе всѣ свои рычаги.

— Не произошло ли уже чего нибудь новаго? спросилъ Максимиліанъ, взглянувъ на озабоченное лицо своего вѣрнаго совѣтчика.

— Ея величество сію минуту получила просьбу, подписанную нѣсколькими тысячами благороднѣйшихъ мексиканокъ, въ которой онѣ умоляютъ ваше величество отмѣнить письмо къ Ескудеро и примириться съ святѣйшимъ отцомъ.

— Посмотримъ, что такое.

Императрица передала мужу бумагу.

— Мексиканскими дамами, сказала она, улыбаясь,—какъ кажется, овладѣлъ страхъ попасть прямо во власть врага человѣчества. Онѣ думаютъ, что ихъ хотятъ лишить ихъ религіи, и просятъ пощады.

Максимиліанъ внимательно прочелъ бумагу.

— Все это, сказалъ онъ,—произведеніе священниковъ.

— Прикажете сообщить дамамъ какой нибудь отвѣтъ?

— Нѣтъ, сказалъ Максимиліанъ.—Онѣ прочтутъ отвѣтъ на свою просьбу въ издаваемыхъ законахъ. И безъ нихъ довольно заботъ съ мексиканцами.

— Но хорошо ли будетъ такъ круто разрывать съ духовенствомъ? сказалъ Веласкецъ.—Хотя я не думаю, чтобъ оно грозило намъ положительною опасностію, тѣмъ не менѣе оно можетъ увеличить затрудненія.

— Но здѣсь нѣтъ человѣка, на котораго эта партія могла бы опереться, сказалъ Максимиліанъ.—Ей недостаетъ внутренняго содержанія. Единственное лицо, котораго мы могли бы опасаться, находится въ Европѣ и тамъ совершенно безвредно.

— Есть еще человѣкъ въ Мексикѣ, ваше величество, замѣтилъ Рамирецъ,—единомышленникъ Мирамона и такъ же, какъ и онъ, совершенно

Digitized by Google

преданный клерикальной партіи. Я подозрѣваю даже, что онъ зависитъ отъ нея.

— Кто такой?

— Генералъ Марквецъ.

— Быть можетъ, вы и правы, Рамирецъ; но въ настоящее время Марквецъ храбро дерется на сѣверѣ противъ Хуареца и, по видимому, вовсе не желаетъ вмѣшиваться болѣе въ политику.

— Я получилъ вѣрныя свѣдѣнія, что генералъ Марквецъ не только поддерживаетъ дѣятельныя сношенія съ здѣшнимъ духовенствомъ, но имѣлъ даже свиданіе съ однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ предводителей Хуареца. Какіе бы ни были при этомъ его планы, вы знаете, ваше величество, что совѣсть его едва ли станетъ ему поперекъ дороги. Я считаю Марквеца способнымъ на все.

Максимиліанъ задумался.

— Вы мнѣ говорили на дняхъ, что онъ слегка раненъ; можетъ быть, перемѣна воздуха будетъ ему полезна, и поэтому лучшее, что мы можемъ сдѣлать, это послать его въ Европу на воды, чтобъ онъ скорѣе поправился.

— Этотъ отъѣздъ, конечно, усилитъ озлобленіе клерикальной партіи.... замѣтилъ Веласкецъ.

— Но вмѣстѣ съ тѣмъ отниметъ у нея опору.

— Тѣмъ ревностнѣе будетъ она работать втихомолку и посылать жгучія посланія въ Римъ.

— Конечно, все это будетъ, согласился Максимиліанъ,—но мы, въ свою очередь, должны противодѣйствовать имъ. Я не хочу разрыва съ папою; какія бы ни были мои личныя воззрѣнія по этому поводу, тѣмъ не менѣе считаю разрывъ несчастіемъ для страны. Вотъ почему я намѣренъ послать депутацію въ Римъ, и прошу васъ, мой добрый Веласкецъ, участвовать въ ней; епископъ Рамирецъ будетъ сопровождать васъ. Кого я назначу третьимъ, этого я еще не рѣшилъ. Вамъ обоимъ болѣе, чѣмъ другимъ, извѣстны наши исключительныя обстоятельства. Вы сами знаете, далѣе чего нельзя идти и какія уступки возможны. Дальнѣйшую инструкцію я предоставляю себѣ, но будьте увѣрены, вы поѣдете и явитесь туда съ достаточнымъ полномочіемъ.

— Какъ вы думаете, будетъ ли это посольство имѣть успѣхъ? спросила императрица, и взоръ ея боязливо остановился на Веласкецѣ.—Знаетъ Богъ, до какой степени меня мучитъ этотъ раздоръ со святымъ отцомъ.

— Признаюсь откровенно, я не надѣюсь на успѣхъ, такъ какъ одновременно съ нами, если не ранѣе, прибудутъ въ Римъ донесенія Лабастиды и Меліа, которыя, разумѣется, не будутъ говорить въ пользу примиренія.

— Что же тогда?

— Что тогда Карлота? сказалъ Максимиліанъ весело.—Ты знаешь, я

Digitized by Google

хорошій католикъ и умру въ моей вѣрѣ;—но я призванъ возстановить миръ и благоденствіе среди народа, погибающаго вслѣдствіе постоянныхъ возстаній и ненависти партій: не могу же я собственной рукою зажечь факелъ новыхъ раздоровъ.

— Но ссора съ Римомъ?...

— Она не можетъ принять для Мексики большихъ размѣровъ. Пій IX, когда наши друзья уяснятъ ему здѣшнее положеніе дѣлъ, вѣроятно, самъ пойметъ, далѣе чего мы не можемъ идти, и не будетъ требовать невозможнаго. Вообще я хочу начать дѣйствовать самостоятельнѣе, прибавилъ Максимиліанъ послѣ минутнаго молчанія:—мнѣ надоѣла моя зависимость отъ французовъ и духовенства. Необходимо организовать мексиканское войско. Народъ только тогда получитъ полную вѣру въ меня, когда увидитъ, что я не опираюсь болѣе на чужіе штыки. Разумѣется, будутъ недовольныя личности, но гдѣ же ихъ нѣтъ? Масса же народа будетъ на моей сторонѣ: въ этомъ я увѣренъ. А теперь, Веласкецъ, позаботьтесь о вашемъ отъѣздѣ: чѣмъ скорѣе уѣдете, тѣмъ лучше.

Съ этими словами, Максимиліанъ взялъ руку жены, и оба вышли изъ комнаты.

Digitized by Google

НОВЫЯ КНИГИ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. *Н. Дубровина.* Спб. 1871 г. Томъ I. Книга 1. Кавказъ XVI и 640.— Книга 2. Закавказье. 422.—Книга 3. Библіографическій указатель къ 1 и 2 книгамъ. 451.

Книга эта, если судить о ней по ея внѣшнему виду, носитъ всѣ признаки продолжительнаго и серьезнаго ученаго труда. Но, при болѣе внимательномъ знакомствѣ съ нею, доброе впечатлѣніе, производимое ея внѣшностью, пропадаетъ, уступая мѣсто удивленію и досадѣ. Дѣйствительно, нельзя не прійти въ изумленіе при видѣ безобразнѣйшей компиляціи, составленной безъ малѣйшаго пониманія дѣла и предъявляющей притязанія на ученость; нельзя удержаться отъ досады при встрѣчѣ съ однимъ изъ новыхъ произведеній канцелярскаго досужества, смѣло появляющихся на судъ публики, какъ-бы расчитывая на повальное невѣжество.

Конечно, строго обвинять г. Дубровина нельзя: всякій дѣлаетъ что можетъ. Но возможно ли не скорбѣть о томъ, что подобныя предпріятія поощряются? Зачѣмъ они не предоставляются своимъ средствамъ, а хлѣбъ, отрываемый отъ устъ полуголоднаго крестьянскаго мальчика, не употребляется другимъ, болѣе производительнымъ образомъ?

Подобно тому, какъ на поддѣльныхъ издѣліяхъ промышленности плохое внутреннее достоинство прикрывается заманчивой этикеткой,—работы, подобныя «Исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ», прежде всего гоняются за ученою обстановкою. Но что общаго между наукою и книгой, въ которой не на что указать, кромѣ граматическихъ ошибокъ, не прощаемыхъ гимназисту 3-го класса? Пристала ли ученость къ книгѣ,

Digitized by Google

въ которой свѣдѣнія, вырванныя изъ фельетона провинціальной газетки, выдаются за великое научное пріобрѣтеніе, а г. Дмитрій Кипіани считается высшимъ авторитетомъ по исторіи Александра Македонскаго (кн. 2, стр. 182)?

Чтобы блеснуть ученостью, «Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ» снабжена предисловіемъ, библіографическимъ указателемъ и многочисленными алфавитами. Предисловіе написано по рецепту, ведущемуся въ нашей военной литературѣ со временъ М. И. Богдановича. Текстъ компиляторовъ не пугаетъ: отмѣтить карандашомъ мѣста, назначаемыя къ перепечаткѣ, замѣтить мѣста, назначаемыя къ искаженію при помощи перифраза—дѣло не трудное. Но предисловіе!.. Тутъ приходится шевелить мозгами, и не будь рецепта г. Богдановича, не было бы многихъ предисловій. Стóитъ построить,—гласитъ рецептъ,—двѣ, три вѣтреныя мельницы и напасть на нихъ съ ожесточеніемъ. Мельницы, разумѣется, попадаютъ, но зато готово будетъ предисловіе. Въ своемъ предисловіи, г. Дубровинъ старается доказать: a) будто *администрація правительствъ* не знала на Кавказѣ *администраціи обществъ*; b) будто есть русская пословица: что городъ—то норовъ, что страна—то обычай; c) будто изъ многихъ статей и книгъ первой четверти настоящаго столѣтія можно вывести заключеніе, что было только два народа, съ которыми мы дрались, на примѣръ, на Кавказской линіи: горцы и черкесы; d) будто *войскамъ* необходимо знать (кн. 1. XIV), храбръ ли *его* противникъ, или трусъ; e) будто нельзя указать ни на одно сочиненіе, хотя не вполнѣ удовлетворяющее цѣли, но, по крайней мѣрѣ, нѣсколько знакомящее съ положеніемъ края (Кавказскаго).

И все это вѣтреныя мельницы! *Администрація правительствъ* всегда знала на Кавказѣ *администрацію обществъ*, и самъ г. Дубровинъ подтверждаетъ это, ссылаясь въ своей книгѣ на донесенія генерала Лазарева (кн. 2. 193) и его же описаніе Грузіи (кн. 2. 204), посвященныя описанію юридическаго и политическаго быта страны тотчасъ по занятіи ея русскими. Съ своей стороны, мы напомнимъ г. Дубровину, что еще во времена Ермолова существовали прекрасныя описанія Кабарды, части Чечни, всѣхъ татарскихъ ханствъ, нѣкоторыхъ лезгинскихъ обществъ, Осетіи, Имеретіи, Гуріи, Мингреліи и Малой Абхазіи, а для ханства Карабахскаго и Елисаветопольскаго округа было положено начало кадастровымъ описаніямъ, о чемъ никто въ то время и не помышлялъ въ Россіи. Труды эти неизвѣстны публикѣ, но изъ этого не слѣдовало бы выводить заключеніе, что о нихъ можетъ не знать и г. Дубровинъ. Г. Дубровину хорошо извѣстно, что и Броневскій и Дебу писали именно въ первой четверти настоящаго столѣтія; ему извѣстно и то, что они говорили не объ однихъ горцахъ съ черкесами и черкасами; г. Дубровину извѣстно также, что до полнаго усмиренія Кавказа, въ Высочайшихъ приказахъ постоянно печаталось: производится за отличіе противъ гор-

Digitized by Google

цевъ; неужели же это даетъ право предполагать, будто наше военное министерство знало всѣ племена Кавказа подъ этимъ названіемъ? Г. Дубровинъ знаетъ, что объясненіе плачевной кавказоведной сцены слѣдуетъ искать не тамъ, гдѣ онъ его ищетъ, держась методы г. Богдановича. При Ермоловѣ и до отъѣзда съ Кавказа Паскевича, военное министерство не вмѣшивалось во внутреннія распоряженія главнокомандующихъ Грузіею и ограничивалось одною передачею наставленій, исходившихъ отъ Высочайшей власти. Въ послѣдствіи времени этотъ порядокъ измѣнился; и военное министерство стало присылать на Кавказъ правителей областей изъ выслужившихся въ генералы рязскихъ плацъ-маіоровъ, о которыхъ туземцы говорили, что у нихъ «цота тави аклів» (немного не хватаетъ головы), или изъ оказавшихся негодными для службы въ Сибири генераловъ, которые, чтобъ отличиться на Кавказѣ, лезли середи лѣта въ непроходимые лѣса. Ермоловъ для каждой должности, большой и малой, самъ назначалъ людей; онъ искалъ ихъ повсюду, и для этого не гнушался бесѣдою съ унтеръ-офицерами и оберъ-офицерами; ласковымъ, почти товарищескимъ обращеніемъ съ ними, онъ заставлялъ ихъ раскрывать передъ нимъ свою душу, высказываться вполнѣ, и находилъ, что ему было нужно. Люди, гоняющіеся за вытяжкою и хватаньемъ подъ козырекъ, обвинили его за это въ исканіи популярности, но она пришла къ нему сама собою, какъ законная дань всѣми сознанной его геніальности. При немъ поручики (на примѣръ, Резанцовъ) получали назначенія, для которыхъ въ другое время потребовалась бы цѣлая коммисія подъ предсѣдательствомъ генерала. Послѣ него всѣмъ завладѣла, такъ называемая, военная кухня (или иначе: господа, состоящіе при милости на кухнѣ) и отъ нея не вполнѣ избавились и Воронцовъ и Муравьевъ. Мало ли чего не надѣлаетъ иной кухонный герой, облеченный властью?.. Увѣряя себя и другихъ, будто *войскамъ* необходимо знать, храбръ ли *его* противникъ или трусъ, г. Дубровинъ для красоты слога предлагаетъ требованіе, ни къ чему не ведущее. Войска должны во всякомъ положеніи исполнять свой долгъ; въ одномъ случаѣ они употребятъ бо́льшія усилія, въ другомъ меньшія, не заботясь о забираніи гадательныхъ свѣдѣній о достоинствѣ своихъ противниковъ. Къ тому же эти свѣдѣнія, даже о такомъ противникѣ, съ которымъ успѣли уже помѣряться, основаны бываютъ на личныхъ сужденіяхъ и потому чрезвычайно разнообразны. Наконецъ, неужели же г. Дубровинъ серьезно вѣритъ, будто недостатокъ удовлетворительнаго сочиненія по какому либо отдѣлу литературы можетъ служить оправданіемъ для новаго, принимающагося за восполненіе существующаго пробѣла?

Въ библіографическомъ указателѣ приведено 2.355 названій. О достоинствѣ его можно судить по слѣдующимъ образцамъ: 774. Новѣйшая всеобщая географія или подробнѣйшее описаніе всѣхъ пяти частей земнаго шара, какъ-то: Европы, Азіи, Африки, Америки и Австраліи. Спб.

Digitized by Google

1818 г. 4 ч.—775. Новѣйшая географія Россійской Имперіи и пр. М. 1813 г. 3 части.—776. Новѣйшее землеописаніе Россійской имперіи Зябловскаго. Спб. 1807 г. 2 части.—1748. Россійскаго унтеръ-офицера, нынѣ коллежскаго ассесора, Еѳремова, десятилѣтнія странствія и приключенія въ Бухаріи, Персіи и Индіи и возвращеніе черезъ Англію въ Россію. Спб. 1786 г.—1894. Странствованія надворнаго совѣтника Еѳремова въ Бухаріи, Хивѣ, Персіи и Индіи и возвращеніе оттуда черезъ Англію въ Россію. Спб. 1794 г.—1895. Странствованіе Филиппа Еѳремова въ Киргизской степи, Бухаріи, Хивѣ, Персіи, Тибетѣ и Индіи и возвращеніе черезъ Англію въ Россію. Казань 1811 г.—1950. Тифлисъ («Живописная рус. библіот.» 1857 г., т. II. № 23).—1951. Тифлисъ («Русск. Худ. Листокъ» 1857 г., № 27).—1952. Тифлисъ, 8 апрѣля 1850 г. («Кавказъ» 1859 г., № 33).—1953. Тифлисъ («Репертуаръ и Пантеонъ» 1852 № 4).—1954. Тифлисъ, 29 ноября («Кавказъ» № 94).—1955. Тифлисъ («Кавказъ» 1861 г. № 99).—1956. Тифлисъ, 3 сентября («Кавказъ» 1869 г. № 103).—1957. Тифлисъ, 13 февраля («Кавказъ» 1870 г. № 19).—Замѣчательно, что о древнихъ писателяхъ, писавшихъ о Кавказѣ, г. Дубровинъ знаетъ по г. Дмитрію Биніани, а о новѣйшихъ — по указаніямъ нашихъ журналовъ.

Отъ предисловія и указателя, составляющихъ самостоятельный трудъ г. Дубровина, переходимъ къ тексту, въ которомъ, по собственному сознанію автора, своего нѣтъ ничего. Такое утвержденіе, впрочемъ, невѣрно: граматическія ошибки и знаніе класическихъ языковъ несомнѣнно составляютъ авторскую собственность г. Дубровина.

Такъ, г. Дубровинъ силенъ въ греческомъ языкѣ и увѣряетъ (кн. 2.97), что «Господи помилуй» читается по-гречески *киріе-лейсонъ*. Желая щегольнуть знаніемъ латыни, онъ расказываетъ, что осетинки, посѣщая кладбище, передъ могилою каждаго роднаго ударяютъ (кого?) четыре раза въ лобъ, поютъ столько же разъ «ададай» и затѣмъ, дотрогиваясь до могилы, произносятъ: sit tibi terra levis! (кн. 1.350).

Г. Дубровинъ знаетъ и по-грузински. Онъ увѣряетъ, что по-грузински князь называется товадъ (к. 2.179), а народъ—*эристи* (2.179, примѣчаніе); что фраза: «калбатона муцели сжова» будто бы не представляетъ три исковерканныя грузинскія слова, а значитъ въ переводѣ на русскій: у барыни животъ заболѣлъ (2.122).

Запасшись такими знаніями въ класическихъ и восточныхъ языкахъ, г. Дубровинъ усаживается въ тѣни *стрельчатыхъ тополей* (кн. 1.5), надѣваетъ *на голову* чачкани (шишакъ съ сѣтной, покрывающей шею), рубаху плетеную изъ желѣзной проволоки, рукавицы, прямые палаши и дашна—короткая сабля, употребляемая вмѣсто кинжала (кн. 2.289), надергиваетъ концомъ *наколеннаго кинжала* (кн. 2.82) отовсюду, въ томъ числѣ и изъ хорошихъ книгъ, разныхъ ниточекъ, *ткетъ* (к. 1.55) изъ нихъ самую пеструю ткань, вставляя въ нее *для проформы* (кн. 1.341)

Digitized by Google

обственныя слова искажаемыхъ авторовъ *). *Слѣдствіемъ того было то* (кн. 2.95), что школьническихъ безобразій въ текстѣ не обобраться. Вотъ примѣры на удачу:

Кн. 1.62. «Значительная высота горныхъ хребтовъ, окружающихъ возвышенныя котловины, дѣлаютъ доступъ къ нѣкоторымъ обществамъ весьма затруднительнымъ».

Кн. 1.273. «Сотни барановъ и множество быковъ *рѣжатся* въ этотъ день богатыми на угощеніе многочисленныхъ гостей».

Кн. 1.288. «Плетневый круглой формы улій... оборачиваетъ свой улій вверхъ дномъ... улій съ медомъ идетъ въ продажу».

Кн. 1.339. «*Бездѣтность женщины*, или жена, просто надоѣвшая мужу, *можетъ быть отослана* послѣднимъ къ ея родителямъ».

Кн. 1.380. «Нѣкоторые нанимались работать, безъ платы, за кусокъ хлѣба, за дневное пропитаніе, или собирали черемшу, различныя ягоды, которыя вымѣнивали на муку».

К. 1.611. «Потерявъ рѣшительное дѣло, въ Дагестанѣ все усмирялось».

Кн. 2.96. «Священники отправляютъ только одну службу, такъ называемую *обѣдню*; вѣнчаютъ, хоронятъ и пріобщаютъ своихъ прихожанъ только одинъ разъ, передъ смертію».

Кн. 2.106. «Вскорѣ до Отара Речквіани дошла вѣсть, что Исламъ Дадишкеліани идетъ съ Беріантовымъ войскомъ. Тотъ, съ своими однофамильцами, охотно выступилъ на бой, и эта готовность вызвала было сначало похвалу, но, послѣ безчисленныхъ сраженій, былъ побѣжденъ и *немилосердо*, по существовавшему обыкновенію, *опустошили владѣнія всѣхъ Речквіановъ*».

Итакъ, вотъ до чего мы дожили,—о сынове россійстіи, дѣлая исполинскіе успѣхи въ просвѣщеніи! Рецензенту 1871 года приходится возвращаться за пятьдесятъ лѣтъ назадъ, къ 1821 году, и, вспоминая пріемы, къ сожалѣнію, не въ первый разъ, «Благонамѣреннаго», возиться съ граматическими ошибками и незнаніемъ правописанія. А въ довершеніе удовольствія, вѣдать, что безграмотность распространяется на казенныя денежки.

Въ благоустроенныхъ канцеляріяхъ усердіе чиновниковъ оцѣнивается между прочимъ количествомъ дѣлъ, рѣшенныхъ въ извѣстное время. Чтобы вполнѣ отличиться, г. Дубровину слѣдуетъ поскорѣе надписать надъ своимъ произведеніемъ: Дѣло объ Исторіи владычества и войнъ русскихъ на Кавказѣ. Въ трехъ томахъ, на листахъ. Начато производствомъ , окончено , сдано въ архивъ .—Пусть лучше существующій въ русской литературѣ пробѣлъ остается пробѣ-

*) Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняемъ мы себѣ многочисленныя таинственныя ковычки, встрѣчающіяся въ текстѣ «Исторіи владычества и войны русскихъ на Кавказѣ».

Digitized by Google

ломъ, нежели наполнять его канцелярскими произведеніями. Къ тому же положеніе наше вовсе не такое критическое, какимъ представляется оно г. Дубровину: у насъ есть такіе писатели о кавказскихъ войнахъ, каковы гг. Окольничій, баронъ Торнау. Быть можетъ, живъ еще сочинитель превосходнаго жизнеописанія генерала князя Мадатова. Они воскресятъ намъ, въ живыхъ и поучительныхъ расказахъ, подвиги славныхъ нашихъ соотечественниковъ, прославившихъ наше оружіе на Кавказѣ. Правда, бываетъ такая пора, когда золотая посредственность овладѣваетъ всѣмъ и царитъ нераздѣльно,—такая пора была и на Кавказѣ,—но царство мирмидоновъ не вѣчно и пугаться его не слѣдуетъ. И не такіе горшки о наши головы колачивались,—говоритъ себѣ въ утѣшеніе терпѣливый нашъ народъ. Такъ лучше ужь подождать, нежели снова увидѣть великихъ людей, измѣряемыхъ школярнымъ аршиномъ.

Ж.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Die Kunst im Zusammenhang der Culturentwickelung und die Ideale der Menscheit. Von Morriz Carrière, Vierter Bd. Renaissance und Reformation. Leipzig. 1871.

Culturgeschichte der neueren Zeit. Von Otto Henne-Am-Rhyn. Erster Bd. Das Zeitalter d. Reformation. Leipzig. 1870.

Въ числѣ новыхъ отраслей знанія, вызванныхъ къ жизни прогресивнымъ развитіемъ современной цивилизаціи, безспорно одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ исторія культуры, наука новая, но богатая задатками и могущая дать новый ходъ развитію родственныхъ съ нею наукъ: политической исторіи, еще почти повсемѣстно представляющей перечень военныхъ событій или дипломатическихъ сношеній, исторіи литературы, точно также остановившейся на накопленіи біографическихъ матеріаловъ или на разработкѣ мелочныхъ хронологическихъ или библіографическихъ данныхъ, исторіи искусства, мало по малу высвобождающейся отъ рутины, державшей ее лишь степенью повыше ученыхъ музейныхъ каталоговъ. Мысль подвергнуть одновременному изслѣдованію всѣ проявленія умственнаго развитія народа за извѣстную эпоху, вникнуть въ тѣ идеалы человѣчества, которые оно преслѣдовало во всѣхъ областяхъ наукъ и искусствъ, прослѣдить тѣ нити, которыя соединяютъ во имя общихъ цѣлей разнообразныя съ виду созданія человѣческаго ума,—мысль эта, постепенно вырабатывающаяся и зрѣющая, принадлежитъ

Digitized by Google

новѣйшему времени и служитъ одною изъ важныхъ заслугъ цивилизаціи. Научная разработка и изслѣдованіе различныхъ сторонъ народной жизни съ каждымъ годомъ даютъ все болѣе надежныхъ и прочныхъ основъ исторіи культуры, и отъ трудовъ, посвященныхъ общему изложенію процесса развитія того, или другаго народа, она имѣетъ уже возможность перейти къ изысканіямъ болѣе спеціальнымъ, имѣющимъ цѣлью изученіе одной какой либо стороны его развитія. Отъ примѣчательныхъ трудовъ, въ родѣ Кольбовой «Исторіи человѣческой культуры» (Culturgeschichte der Menscheit) и нѣкоторыхъ вызванныхъ ею подражаній, мы переходимъ къ монументальнымъ трудамъ въ родѣ знаменитаго сочиненія Каррьера, которое посвящено уже спеціально изученію искусствъ въ связи съ культурнымъ развитіемъ человѣчества, къ удивляющимъ эрудиціей изслѣдованіямъ въ томъ же духѣ о развитіи одного только театра, какова, на примѣръ, громадная «Исторія драмы» (Geschichte des Drama's) І. Клейна и мн. др. Въ то время, какъ западная наука можетъ уже выставить столь обширные и солидные труды въ этой области, наша отечественная наука знаетъ лишь не много робкихъ подражаній западнымъ образцамъ, зашедшимъ въ послѣднее время какъ будто случайно на Русь. За отсутствіемъ прочныхъ русскихъ работъ, нельзя не отнестись сочувственно къ появленію у насъ переводовъ двухъ замѣчательнѣйшихъ произведеній нѣмецкой исторіи культуры: книги Кольба, переводимой въ журналѣ г. Марка-Вовчка, и книги Каррьера, первый томъ коей, въ переводѣ г. Чаева, появился уже въ Москвѣ.

Пока русская читающая публика имѣетъ возможность ознакомиться въ изложеніи Каррьера съ характеромъ древней цивилизаціи, въ Германіи появляется новый, четвертый томъ указанной книги, переходящій уже къ новѣйшимъ временамъ и представляющій характеристики умственнаго развитія въ Европѣ по памятникамъ поэзіи, науки, живописи, архитектуры, музыки за время возрожденія (Renaissance) и реформаціи. Касаясь, по необходимости, романскихъ литературъ и той французской цивилизаціи, которую нынѣ любятъ топтать ногами нѣмецкіе либеральные писатели, Каррьеръ обнаруживаетъ рѣдкое безпристрастіе и, далекій отъ общаго ослѣпленія, доводящаго до излишествъ и натяжекъ даже людей науки, устанавливаетъ сразу въ своемъ предисловіи взглядъ на сравнительное значеніе романской и германской образованности. «Въ виду торжества германскаго елемента, мы не должны превозносить себя, но сохранять умѣренность и безпристрастность. Періодъ процвѣтанія итальянской и нѣмецкой живописи, драма испанская и англійская—составляютъ апогеи искусства; я старался представить каждый изъ этихъ періодовъ во всей его оригинальности; надѣюсь поступить такъ же и въ изложеніи эпохи возрожденія и реформаціи, равно какъ и въ очеркѣ французской національной литературы. Намъ не нужно заботиться теперь о сверженіи ея ига, какъ то было во времена Лессинга,—мы можемъ нынѣ оценить ея заслуги

Digitized by Google

и оцѣнить ея всемірно-историческое значеніе. Декартъ и Мольеръ станутъ здѣсь во главѣ; Паскалю, Корнелю, Расину должна быть воздана подобающая честь. Моя книга указываетъ, какъ Франція со временъ Генриха IV возвеличивалась; заключительный томъ доведетъ обзоръ этого возрастанія силъ ея до XVIII вѣка; но я тутъ же указываю на всѣ недостатки централизаціи, стремящейся все регулировать въ жизни. Подобно тому, какъ Германія возродилась изъ приниженнаго состоянія путемъ внутренняго собиранія силъ и неутомимой работы, и Франціи, какъ я надѣюсь, будетъ суждено воскреснуть послѣ ея паденія и ожить путемъ самопознанія и нравственнаго совершенствованія, развиваясь въ великой школѣ самоуправленія и общинной жизни. Снова настанетъ миръ; германцамъ и романскимъ племенамъ всегда будетъ чему учиться другъ у друга, и они вѣчно будутъ взаимно дополняться; общее изображеніе развитія европейской мысли въ прошедшіе вѣка, предпринятое мною, показываетъ, что то же взаимодѣйствіе неизбѣжно необходимо и для будущаго»...

Исходя отъ такой высокой точки зрѣнія, Каррьеръ изображаетъ оба интереснѣйшіе момента новѣйшей исторіи безъ всякой предвзятой идеи и строго опираясь въ выводахъ своихъ на факты. Онъ указываетъ на переходъ отъ средневѣковаго развитія къ возрожденію какъ на время пробужденія дѣятельности личностей, обособляющихъ и снимающихъ съ себя условный гнетъ церковныхъ или схоластическихъ преданій; онъ характеризуетъ переходный періодъ преобладаніемъ «индивидуализаціи»; онъ стремится прослѣдить это возрождающееся субъективное движеніе. Субъективность коренится у нѣкоторыхъ въ чувствѣ чести, у другихъ въ совѣсти. Честь становится основнымъ мотивомъ испанской драмы, а Шекспиръ, по выраженію Каррьера, становится пѣвцомъ совѣсти, долга. Въ драмѣ испанцевъ и англичанъ встаютъ лицомъ къ лицу католицизмъ и протестантизмъ; драма эта развивается не безъ вліянія классическихъ образцовъ, но на народныхъ началахъ и соотвѣтственно національному вкусу. Когда Франція достигаетъ, наконецъ, верховнаго значенія въ Европѣ, ея литература выводитъ новый элементъ раціонализма и ясности въ противуположность романтической фантастикѣ; трагедія вноситъ современность въ формы прошедшаго искусства, пріобрѣтаетъ черезъ это цѣльность и единство, а за нею слѣдуетъ комедія характеровъ, созданіе классическое въ полномъ смыслѣ слова. Въ то же время въ Англіи торжествуетъ свобода; Мильтонъ проводитъ результаты протестантскаго движенія въ міръ политики и въ поэтической формѣ высказываетъ міровоззрѣніе всей эпохи реформаціи. Въ самомъ стилѣ его слышится еще вѣяніе духа Renaissance и такимъ образомъ въ ею лицѣ соприкасаются оба пограничные между собою великіе періоды европейскаго развитія.

Вѣрный своему обѣщанію, авторъ дѣйствительно обрисовываетъ глав-

Digitized by Google

нѣйшіе моменты искусства, достигавшаго совершенства попеременно у различныхъ народовъ, выставляя ярко и рельефно всѣ оригинальныя особенности каждой поры. Съ особымъ тщаніемъ разработаны у него главы, посвященныя обозрѣнію развитія театра, отражающаго въ себѣ, какъ въ ясномъ зеркалѣ, всю великую борьбу современнаго человѣчества во имя свободы духа. Отъ мелкихъ и отрывочныхъ сценъ и импровизацій испанскихъ бродячихъ актеровъ, драма переходитъ, на нашихъ глазахъ, къ цвѣтущей поэзіи Кальдерона съ его трагедіями - апоѳеозами святыхъ и мучениковъ; изъ борьбы необузданности и изысканной чувствительности, изъ состязанія школы Марло и благоприличныхъ произведеній Лилли выходитъ во всеоружіи театръ Шекспира, — и эти два колосальные результата двухъ противуположныхъ направленій гордо выступаютъ въ бой за преобладаніе. Характеристики состоянія политики, философіи, живописи, зодчества, музыки дополняютъ собою мастерскую картину общаго движенія умовъ. Въ заключеніе представлены рядомъ три, или болѣе выдающіяся направленія философіи за описываемое время; въ Италіи мы видимъ ученіе Кампанеллы и Джордано Бруно, провозвѣстника Спинозы и Лейбница; затѣмъ переходимъ къ философической мистикѣ въ Германіи, достигающей апогея въ лицѣ Якова Бёма; наконецъ, обзоръ главнѣйшихъ философскихъ системъ приводитъ насъ къ картезіанской школѣ, которой, какъ мы видѣли, авторъ придаетъ высокое значеніе въ исторіи культуры.

Послѣ изящнаго слога, меткихъ, художественныхъ характеристикъ и глубокихъ взглядовъ, поражающихъ насъ въ трудѣ Каррьера, кажется слабымъ и блѣднымъ наброскомъ другое сочиненіе, посвященное изображенію той же самой эпохи,—исторія культуры новѣйшаго времени швейцарскаго писателя Генне-Амъ-Рина. Это одна изъ многихъ болѣе или менѣе удачныхъ компиляцій, въ родѣ переведенныхъ уже на русскій языкъ сочиненій Гонеггера, — компиляцій, отличающихся громаднымъ накопленіемъ фактовъ въ сжатомъ и точно сдавленномъ видѣ, препятствующемъ сосредоточенію мысли читателя. Подобныя книги сильно отзываются механическимъ способомъ составленія многаго множества нѣмецкихъ quasi - ученыхъ сочиненій; это — осадокъ нѣсколькихъ сотенъ библіографическихъ карточекъ, накопленныхъ трудолюбіемъ часто изъ рѣдкихъ и цѣнныхъ источниковъ; недостаетъ одного,—и то сущей малости,—живой искры, которая освѣтила бы яркимъ и доступнымъ каждому свѣтомъ груды собраннаго матеріала. Съ виду книга Амъ-Рина блистаетъ эрудиціей чуть ли не болѣе Каррьера: мы не только знакомимся въ бѣглыхъ чертахъ съ литературными или философскими произведеніями, но узнаемъ, на основаніи подлинныхъ актовъ, многія важныя подробности народной жизни встарину; намъ указываютъ, на примѣръ, что въ Германіи стали дѣлать сани только съ XV столѣтія, что въ городѣ Гёрлицѣ прежде другихъ стали ѣздить на саняхъ этихъ ночью,—

Digitized by Google

и все это подтверждается гёрлицкими статутами. Но въ этомъ лабиринтѣ біографическаго хлама, историческихъ розысканій о старинныхъ экипажахъ, династическихъ родословныхъ и т. д. трудно оріентироваться, и читатель чувствуетъ себя точно въ лавкѣ антикварія, заставленной вдоль и поперекъ, но безъ особеннаго толка, всевозможными, и важными и ничтожнѣйшими, остатками старины.

Leopold v. Ranke. Die deutschen Mächte und der Fürstenbund. Leipzig. 1871 г.

Послѣ блестящей и съ неизмѣннымъ мастерствомъ написанной біографіи Валленштейна, престарѣлый Ранке издалъ недавно новый трудъ, доказывающій, что ни энергія, ни страсть къ труду не утратили въ немъ силы, не смотря на многіе годы, пережитые имъ. Та же эрудиція и въ связи съ нею то же умѣнье обобщать историческія явленія, схватить съ тонкимъ чутьемъ ихъ внутренній смыслъ,—тѣ же мастерскія и часто полныя драматизма и жизни характеристики. На этотъ разъ предметомъ своего изслѣдованія Ранке беретъ сравнительно мало еще разработанный періодъ нѣмецкой исторіи отъ 1780 до 1790 года, и въ вышедшемъ нынѣ первомъ томѣ, которому придано указанное выше заглавіе, останавливается съ особымъ вниманіемъ на томъ движеніи нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей, которое въ исторіи носитъ названіе княжескаго союза (Fürstenbund) и которое можетъ считаться провозвѣстникомъ совершающагося нынѣ объединенія Германіи. Усиленіе власти императора Іосифа, постепенно становившееся ощутительнѣе германскимъ владѣтелямъ, стремленіе вѣнскаго кабинета все болѣе и болѣе съузить ихъ права и сгладить выдающіяся особенности положенія отдѣльныхъ государствъ побудили государей, одного за другимъ, примкнуть къ союзу, организованному знаменитымъ великимъ герцогомъ веймарскимъ Карломъ-Августомъ подъ эгидой прусскаго короля Фридриха-Вильгельма II. Это была со стороны Пруссіи, только-что выдвинутой побѣдами Фридриха Великаго въ рядъ первостепенныхъ державъ, серьезная попытка отбить у своей старой соперницы первенство надъ Германіей. Въ ту пору Пруссія была какъ-бы представительницей либеральнаго движенія, и подъ ея покровительствомъ совершалось мало по малу невѣданное до того сближеніе нѣмецкихъ мелкихъ государствъ, даже такихъ, которыя дотолѣ были разъединены между собою различіемъ вѣроисповѣданій; въ виду общаго всѣмъ врага — имперіализма, само собою начинало вырабатываться сознаніе общихъ же нѣмецкихъ національныхъ интересовъ; разумѣется, сознаніе это было еще въ зародышѣ, и планы Карла-Августа, дѣйствительно обширные и глубоко обдуманные, казались многимъ черезчуръ смѣлыми и почти несбыточными. Къ протесту и болѣе или менѣе энергическому отпору противъ Австріи многихъ побужда[illegible] мелкія

Digitized by Google

и экономическія причины, какъ, напримѣръ, желаніе отстоять за своимъ родомъ обладаніе католическими благотворительными учрежденіями (Stifter), или просто противодѣйствіе церковнымъ реформамъ Іосифа, возбужденное и поддерживаемое во второстепенныхъ государяхъ духовенствомъ. Изъ тѣхъ, или изъ другихъ причинъ, но союзъ князей сталъ наконецъ дѣйствительнымъ фактомъ въ 1785 году, и если не достигъ вполнѣ своей цѣли, то главнымъ образомъ по тому, что самая идея общности, единства дѣйствія была еще недостаточно ясна для самыхъ членовъ союза. Глава его имѣлъ въ виду широкія и практически важныя слѣдствія сближенія властителей; Карлъ-Августъ мечталъ объ учрежденіи постояннаго нѣмецкаго конгресса, на которомъ были бы вырабатываемы проекты законовъ, имѣвшіе затѣмъ поступить въ имперскій сеймъ; онъ думалъ о пересмотрѣ всѣхъ имперскихъ уставовъ (Reichsverfassung), надѣялся улучшить судопроизводство и добиться новыхъ уложеній. Въ этомъ ему помогалъ своими совѣтами Гете, одна изъ бумагъ своего по дѣламъ союза, писанная собственноручно, найдена была Ранке въ Веймарѣ. Со стороны другихъ участниковъ въ союзѣ князей выступали уже столь же замѣчательные дѣятели, какъ, напримѣръ, извѣстный впослѣдствіи Гарденбергъ, въ то время еще молодой дипломатъ. Такъ казалось начало этой оригинальной коалиціи государей; политическая недозрѣлость многихъ членовъ ея замедляла нѣсколько ея развитіе, хотя въ первые три года ея существованія нельзя не замѣтить повременныхъ успѣховъ, отражавшихся на расширеніи ея размѣровъ. Потрясающія событія французской революціи приковали вскорѣ всѣ умы къ совершенно противуположнымъ явленіямъ, и начинавшееся движеніе въ Германіи сошло передъ парижскимъ переворотомъ. Тѣмъ не менѣе оно заслуживаетъ вниманія, какъ поучительный примѣръ стремленія къ особому, почти федеративному единству, вызваннаго противодѣйствіемъ нивелированіе,— стремленія, имѣвшаго цѣлью согласить самобытность отдѣльныхъ частей союза съ общимъ благомъ,—словомъ, такого стремленія, которое въ современной намъ единой Германіи считается чуть не святотатствомъ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОБЗОРЪ МНѢНІЙ ЗЕМСКИХЪ СОБРАНІЙ ПО ВОПРОСУ О ПОДАТНОЙ РЕФОРМѢ.

Проектъ коммисіи, составленной при министерствѣ финансовъ для тѣхъ измѣненій въ податной системѣ, которыя требуются въ видѣ лучшаго обезпеченія поступленія доходовъ въ казну и облегченія податной части населенія, принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ полумѣръ; онъ, подобно всѣмъ полумѣрамъ, не касается сути дѣла, а только формы его: онъ какъ будто дѣйствительно стремится облегчить податную массу, въ самомъ же дѣлѣ нисколько не облегчаетъ ея, а оставляетъ тотъ же налогъ, только дробитъ его на два и тѣмъ вводитъ болѣе сложную систему взиманія. Еслибы этотъ проектъ въ настоящемъ его содержаніи получилъ законодательную санкцію, то, по нашему мнѣнію, произвелъ бы страшную путаницу въ установившемся уже финансовомъ пониманіи народа, и послѣдній не скоро уразумѣлъ бы *всю благодѣтельность* реформы; народъ, въ своей непосредственной простотѣ, все думалъ бы, что его заставляютъ платить два налога взамѣнъ прежняго одного. Проектъ имѣетъ въ виду рѣшить довольно трудную, почти невозможную проблему—облегчить податное населеніе, оставляя на немъ *только* одномъ всю тяжесть налоговъ. Это все равно, еслибы, кто встрѣтивъ человѣка, изнемогающаго подъ тяжестью почти невыносимой ноши, вздумалъ облегчить этого человѣка не предложеніемъ другому, совершенно свободному отъ всѣхъ тяжестей, взять на себя часть этой ноши и этимъ сколько нибудь сдѣлать сноснымъ положеніе бѣдняка, а тѣмъ, что разложилъ бы эту ношу на два мѣшка и опять навязалъ бы ее ему съ полной увѣренностью, что облегчилъ участь этого несчастнаго. Впрочемъ разборъ проекта финансовой коммисіи не состав-

Digitized by Google

ляетъ содержанія нашей статьи, и потому обратимся къ дѣлу. Нельзя не отнестись съ признательностью къ высшему правительству за его полное политическаго такта отношеніе къ вопросу о податной реформѣ. Оно не сочло возможнымъ рѣшить такой чрезвычайно серьезный вопросъ простымъ канцелярскимъ путемъ, а предпочло предложить свой проектъ на обсужденіе земскихъ собраній, и свое требованіе отъ нихъ заключеній по проекту формулировало въ трехъ вопросахъ: а) какія измѣненія по мѣстнымъ условіямъ крестьянскаго быта каждой губерніи представляется нужнымъ сдѣлать въ семъ проектѣ; б) какая часть общей суммы подушныхъ сборовъ (подушной подати, государственнаго земскаго и общественнаго сборовъ), взимаемыхъ въ губерніи можетъ быть переложена на земли и на дворы; в) какъ уравнительнѣе распредѣлить по уѣздамъ и волостямъ губерніи подворный налогъ и указать, какіе по мѣстнымъ условіямъ слѣдуетъ назначить оклады подворнаго налога и поземельной подати въ различныхъ мѣстностяхъ губерніи, такъ чтобы, въ общемъ итогѣ, сумма вносимыхъ нынѣ по губерніи общихъ сборовъ, подлежащихъ по проекту раскладкѣ по дворамъ и землѣ, не уменьшалась? Но правительство не ограничило земскія собранія въ обсужденіи своего проекта по этимъ только тремъ вопросамъ. Въ циркулярѣ министра финансовъ къ губернаторамъ отъ 9 сентября 1870 г. было разъяснено, что «ни одно изъ основныхъ началъ предлагаемаго проекта не предрѣшено правительствомъ». Такимъ образомъ земству предоставлена полная свобода въ обсужденіи проекта правительственной коммисіи.—Наша статья имѣетъ своею цѣлью очертить дѣятельность земства по отношенію его къ предлагаемому правительствомъ проекту, показать, на сколько оно воспользовалось предоставленнымъ ему просторомъ, отнеслось ли оно къ проекту съ точки зрѣнія сословныхъ, кастовыхъ, интересовъ, или съ точки зрѣнія дружнаго земскаго объединенія. Говоря послѣднее, мы, конечно, имѣемъ въ виду привиллегированные класы, ибо въ земскихъ собраніяхъ фактически все-таки преобладаютъ неподатные класы, даже по преимуществу класъ землевладѣльческій (дворянство), и потому то или другое отношеніе къ вопросу о податной реформѣ будетъ скорѣе тѣмъ или другимъ отношеніемъ именно привиллегированныхъ класовъ къ интересамъ цѣлаго земства. Высказываясь въ этомъ вопросѣ за рѣшеніе въ пользу только сословныхъ, давно отжившихъ интересовъ, или въ пользу общаго земскаго союза, привиллегированные класы нашего общества тѣмъ заявятъ, на сколько они способны подняться на степень высшихъ государственныхъ потребностей, на сколько они способны отрѣшиться отъ узкихъ, себялюбивыхъ выгодъ и слить свои интересы съ интересами цѣлаго земства. Обсужденіе земствомъ проекта правительственной коммисіи такъ или иначе послужитъ пробнымъ камнемъ политической зрѣлости этихъ класовъ. Мы всегда думали, что у насъ не существуетъ, подобно евро-

Digitized by Google

пейскому обществу, вражды классовъ или сословій *); если и существовало подобіе сословной розни, вражды, то эта рознь не вытекала изъ исторической необходимости, а являлась случайно, вслѣдствіе какихъ нибудь внѣшнихъ условій; съ исчезновеніемъ этихъ условій рознь прекращалась. Такъ мы видимъ и въ обсужденіи земствомъ правительственнаго проекта податной реформы. Всѣ почти земскія собранія, обсуждавшія этотъ проектъ, отвергли его какъ не удовлетворяющій своей цѣли—облегченію податной части населенія, вслѣдствіе именно его сословнаго характера, и признали необходимымъ для радикальнаго измѣненія податной системы къ лучшему привлечь къ податной обязанности *имущества и личныя силы всѣхъ сословій*. Такое положеніе легло въ основу всѣхъ почти земскихъ проектовъ и постановленій; они разнообразятся между собою только въ подробностяхъ, даже во взглядахъ на податную единицу: одни изъ нихъ кладутъ въ основу податной системы *доходъ* (новгородское, орловское, петербургское), другія—*недвижимыя имущества и личную подать* (московское), *третьи* (костромское) не только выработали свой собственный подробный проектъ, но даже заявили необходимость участія земства, хотя бы съ совѣщательнымъ голосомъ, въ коммисіи, въ которой будетъ вырабатываться окончательный проектъ податной реформы, мотивируя свое заявленіе невозможностью отдѣльному земству выработать окончательный проектъ. Нашлось однако и такое земство, голосъ котораго звучитъ какимъ-то диссонансомъ среди общаго стройнаго заявленія земствъ о *крайней необходимости ввести всесословную податную систему налоговъ*: это—вятское. Оно нашло вполнѣ примѣнимымъ къ Вятской губерніи проектъ коммисіи, составленной при министерствѣ финансовъ.

Проектъ податной реформы обсуждался въ слѣдующихъ чрезвычайныхъ земскихъ собраніяхъ: новгородскомъ, тамбовскомъ, орловскомъ, херсонскомъ, саратовскомъ, костромскомъ, петербургскомъ, рязанскомъ, вятскомъ, владимірскомъ и на дняхъ открытомъ московскомъ. Изъ нихъ новгородское, петербургское, херсонское, костромское и московское, черезъ посредство своихъ коммисій и управъ, выработали свои собственные подробные проекты податной системы, въ основу коихъ положили распространеніе податной обязанности на всѣ сословія имперіи. Эти проекты, помимо того интереса, коимъ они обладаютъ, какъ работы людей не кабинета, а людей, черпающихъ матеріалы для своего труда изъ непосредственной жизни, содержатъ въ себѣ поучительныя данныя для уясненія положенія крестьянскаго податнаго сословія, отно-

*) Недавно во французскомъ національномъ собраніи извѣстный финансистъ Жермень предложилъ ввести во Франціи подоходный налогъ; но Тьеръ, защищая капиталистовъ, т. е. буржуазію, отвѣчалъ, что онъ скорѣе откажется отъ республики, чѣмъ допуститъ введеніе этого налога.

Digitized by Google

шеніи его средствъ къ требуемой отъ него государствомъ суммѣ податей. Эти данныя, такъ краснорѣчиво выраженныя въ цифрахъ, раскрываютъ намъ до самой сути причину, почему крестьянское населеніе не въ силахъ, хотя сколько нибудь, выбиться изъ своего горькаго положенія. Мы остановимся нѣсколько дольше на дѣятельности тѣхъ земствъ, которыя не ограничивались только заявленіемъ желанія введенія всесословной податной повинности, но выработали сами проекты податной системы, дѣятельность же остальныхъ земствъ очертимъ кратко.

Начнемъ нашъ очеркъ съ новгородскаго земскаго собранія, такъ какъ оно въ текущемъ году, въ январѣ, первое было открыто для обсужденія проекта податной реформы. Новгородское земское собраніе поручило губернской управѣ обсудить министерскій проектъ и составить о немъ докладъ. Управа выполнила это порученіе чрезвычайно добросовѣстно: она составила докладъ, въ которымъ высказалась противъ министерскаго проекта. Послѣдній, перелагая часть подушной подати на дворъ, не имѣетъ въ виду препятствовать переселенію крестьянъ на свои собственныя земли, такъ какъ съ уменьшеніемъ числа дворовъ, вслѣдствіе выселенія, уменьшился бы подворный окладъ. Новгородская управа высказалась противъ такой искусственной поддержки выселенія. Управа выражаетъ сомнѣніе въ равномѣрности подворнаго налога, такъ какъ за единицу его принята не дѣйствительная рабочая сила, а какая-то фиктивная—дворъ Рабочая сила можетъ служить источникомъ какого бы то ни было дохода; дворъ же крестьянина не способенъ давать ни одной полушки въ крестьянскій карманъ,—онъ не больше какъ «прикрытіе», по выраженію петербургской губернской управы. Управа приводитъ примѣръ неравномѣрности подворнаго налога. Такъ, на примѣръ, говоритъ ея докладъ, если взять два селенія, изъ коихъ въ одномъ 20 дворовъ при 40 работникахъ, а въ другомъ 10 дворовъ при 50 работникахъ, то первое селеніе заплатитъ 100, второе 50, принимая окладъ по 5 р. со двора; слѣдовательно, работникъ перваго селенія долженъ будетъ нести на себѣ на 1 р. 50 к. больше податной тяжести, чѣмъ работникъ втораго. Не правда ли, какая равномѣрность! Поземельный налогъ, по мнѣнію губернской новгородской управы, тоже не приводитъ къ предполагаемой министерскимъ проектомъ цѣли—огражденію казны отъ уменьшенія дохода. Такъ какъ всѣ, по проекту, крестьянскія земли, лежащія внѣ черты надѣловъ, должны быть свободны отъ государственной подати, то надѣлы будутъ оставлены богатѣйшею частью крестьянскаго населенія; и вся тяжесть налоговъ падетъ на бѣдняковъ, что поведетъ къ увеличенію громадной суммы недоимокъ. Распредѣленіе поземельнаго налога, по проекту, земскимъ собраніемъ между волостями, волостями между селеніями, сельскимъ сходомъ между плательщиками можетъ создать много несправедливостей. Земское собраніе, на прим., можетъ при распредѣленіи налога, руководствоваться иными началами, чѣмъ волостное

Digitized by Google

собраніе, или сельскій сходъ, и вслѣдствіе разныхъ основъ, принятыхъ не изъ однихъ и тѣхъ же елементовъ составленными собраніями, родятся жалобы и недоразумѣнія. Въ заключеніе своего доклада, управа говоритъ слѣдующія слова, къ которымъ отнесется сочувственно каждый мало-мальски политически развитой человѣкъ: «Каждый житель государства, безъ различія сословій, долженъ платить извѣстную долю въ пользу государства». Основою податной правоспособности гражданина долженъ служить получаемый имъ *доходъ*. Для удобнаго примѣненія подоходной системы налога, управа предлагаетъ раздѣлить всѣхъ жителей на разряды съ неизмѣннымъ опредѣленіемъ дохода каждаго разряда. Губернское земское собраніе, по выслушаніи доклада, формулировало свое мнѣніе въ трехъ пунктахъ: 1) уничтоженіе подушной подати желательно въ виду ея неудобствъ для населенія; 2) замѣна подушной подати подворнымъ и поземельнымъ налогомъ въ томъ видѣ, въ какомъ она проектирована министерскою коммисіею, не устраняетъ неудобства подушной и нисколько не облегчаетъ населенія; 3) облегченіе населенія достижимо только при привлеченіи всѣхъ сословій къ посильной подати, взимаемой соразмѣрно доходу плательщиковъ.—Вотъ сущность дѣятельности новгородскаго земства. Оно было однимъ изъ первыхъ земствъ, которыя серьезно отнеслись къ предложенному имъ правительствомъ проекту. Это же земство первое офиціально провозгласило начало всесословной податной обязанности. Конечно, въ проектѣ губернской новгородской управы есть недостатки, и «Русская Лѣтопись» въ № 4 за текущій годъ не совсѣмъ не права, когда выражаетъ сомнѣніе, обладаемъ ли мы такими началами, которыми могли бы руководствоваться при опредѣленіи дохода. Но читатель пойметъ, что мы не имѣетъ ни мѣста, ни времени входить въ подробный разборъ проекта каждаго земскаго собранія, да и не такова цѣль этой статьи, и потому переходимъ къ дѣятельности петербургскаго земства.

Петербургское чрезвычайное земское собраніе было открыто 13 мая. Вечеромъ того же числа засѣданіе собранія было посвящено слушанію доклада губернской управы по поводу проекта податной реформы. Управа, въ отвѣтъ на первый поставленный министерствомъ вопросъ, говоритъ, что возможно только одно измѣненіе въ податной системѣ—это уничтоженіе въ ней сословности и призваніе всѣхъ гражданъ къ несенію податной тяжести. При введеніи общей воинской повинности, продолжаетъ докладъ, становится *аномалію дѣленіе русскаго народа на податныхъ и неподатныхъ*. Управа, переходя къ обсужденію министерскаго проекта относительно переложенія части подушной подати на дворъ, указываетъ на неравномѣрное отношеніе между числомъ дворовъ и числомъ рабочихъ силъ. При этомъ докладъ приводитъ очень интересную таблицу этого отношенія въ семи уѣздахъ, изъ которой видно, что среднимъ числомъ на каждый дворъ приходится 1.49 работника.

Digitized by Google

Что же касается до поземельнаго налога, то земли, по мнѣнію управы, обремененныя оброками и земскими повинностями, едва ли вынесутъ новый налогъ. Настоящіе оброки и повинности, лежащія на землѣ, составляютъ среднимъ числомъ 6.87% нормальной цѣнности всей земли Петербургской губерніи. Если же наложить на землю новую податную тяжесть, то вся сумма поземельнаго налога составитъ 8.78% цѣнности всей земли. Управа, въ своемъ докладѣ, пришла къ довольно печальному заключенію относительно цѣлесообразности министерскаго проекта,—лучше оставить подушныя подати такъ, какъ онѣ есть, чѣмъ вводить предлагаемыя проектомъ. Тѣ, по крайней мѣрѣ, имѣютъ за собою простоту, эти же, при своей сложности, не облегчаютъ ни на волосъ бремя тяжестей податной массы. Взамѣнъ податной системы министерскаго проекта, управа предложила губернскому земскому собранію свой проектъ податной реформы, основою котораго служило бы не имущество, а личный трудъ, такъ какъ всякій налогъ на недвижимыя имущества, на пр., землю, поведетъ только къ накопленію недоимокъ; при томъ доходность земель не всегда пропорціональна лежащему на ней налогу. Тутъ докладъ приводитъ въ примѣръ одну мызу, доходностью 500 р., нынѣшніе налоги—190 р. 41 к., а если переложить на нее часть подушной, то она будетъ нести налога въ 88% своего дохода. Кромѣ того, управа совершенно справедливо говоритъ, что многія необходимѣйшія чисто земскія потребности еще не удовлетворены, на пр. школы, больницы. По мнѣнію Гдовской управы, если удовлетворять самыя скромныя земскія потребности, *то крестьянамъ пришлось бы платить 104% съ доходности своихъ земель*. Относительно же капиталовъ управа думаетъ, что по недостаточности ихъ у насъ едва ли своевременно облагать это имущество прямымъ налогомъ, да и самый капиталъ, по своей подвижности, мало способенъ быть предметомъ налога. За невозможностью обложенія имуществъ, остается, по мнѣнію управы, одинъ только предметъ, способный вынести налогъ: это—*личный трудъ*. Всѣ граждане по проекту управы,—за исключеніемъ трехъ категорій: а) военныхъ строевыхъ чиновъ, б) безумныхъ, слѣпыхъ, глухихъ и увѣчныхъ и в) учащихся,—облагаются личною податью въ размѣрѣ своего заработка; лица же, живущія не своимъ трудомъ, а доходами съ своихъ имуществъ, облагаются на основаніи предполагаемаго заработка; при этомъ берется въ соображеніе возрастъ, положеніе въ обществѣ и степень ихъ образованія. Проектъ дѣлитъ такихъ лицъ на 7 категорій: 1) землевладѣльцы изъ временно-обязанныхъ крестьянъ предполагаются могущими заработать не болѣе 150 р.; 2) землевладѣльцы изъ крестьянъ прочихъ наименованій—не болѣе 200; 3) содержатели ремесленныхъ заведеній—отъ 150 до 400; 4) живущіе на квартирахъ, въ городахъ и не подходящіе подъ три первыя категоріи—отъ 150 до 400; 5) торговцы въ мѣстностяхъ 3, 4 и 5 классовъ—отъ 200 до 600; 6) торговцы на

Digitized by Google

мѣстностяхъ 1 и 2 классовъ—отъ 300 до 1.000; 7) домовладѣльцы, землевладѣльцы и капиталисты, не подходящіе подъ вышесказанныя категоріи,—отъ 400 до 5.000 р. Причисленіе лицъ къ одной изъ семи категорій зависитъ отъ усмотрѣнія комиссіи, составляющихъ податные списки; при этомъ должно наблюдать однако, чтобы лица моложе 25 лѣтъ причислялись къ категоріи заработковъ не выше 1.000 р., а лица моложе 35 лѣтъ не выше 2.500 р. Если ввести предлагаемую управой систему налоговъ, то податной окладъ каждаго лица среднимъ числомъ будетъ по расчету управы, 2 р. 40 к., средній же окладъ податныхъ сословій будетъ ниже ихъ нынѣшняго средняго оклада. Для взиманія подати проектъ управы предполагаетъ раздѣлить уѣзды на всесословныя волости; волостныя правленія такихъ волостей будутъ составлять податные списки. Мировой съѣздъ будетъ мѣстомъ обжалованія на неправильное внесеніе въ списки, подобно тому, какъ это дѣлается въ Англіи («О самоуправленіи» князя Васильчикова, т. 1). Окладной листъ, или платежная квитанція замѣняетъ нынѣшній паспортъ. Проектъ находитъ полезнымъ дозволеніе откупаться отъ податной обязанности внесеніемъ податной суммы за 10 лѣтъ впередъ. Вчитываясь въ проектъ петербургской губернской управы, мы удивлялись не стройности плана предполагаемаго ею къ постройкѣ финансоваго зданія,—нѣтъ, мы удивлялись полному невѣдѣнію элементарныхъ истинъ финансовой науки. Найдите намъ любую европейскую систему налоговъ, въ основѣ коей лежалъ бы одинъ только личный трудъ, тогда какъ личный трудъ по возможности освобождается отъ прямыхъ налоговъ; проектъ же на оборотъ привлекаетъ этотъ трудъ подъ ярмо налоговъ и заставляетъ его отвѣчать и за неумѣнье землевладѣльцевъ вести свое хозяйство и за недостатокъ предпріимчивости у нашихъ капиталистовъ. Капиталистъ, живущій процентами съ своего капитала, причисляется къ третьей категоріи заработковъ, потому что онъ не имѣетъ дома, а живетъ въ chambres garnies, труженникъ же, получающій своимъ трудомъ до 1.000р. и едва содержащій ими свое семейство, считается въ категоріи высшаго заработка и, слѣдовательно, долженъ будетъ вносить большую долю налога, чѣмъ первый. Потомъ, гдѣ и когда податная способность лица опредѣляется не вещественнымъ признакомъ, а предположеніемъ, что еслибы и когда бы. Но истинѣ, податная теорія петербургской губернской управы достойна удивленія. Наконецъ, почему управа находитъ полезнымъ дозволеніе откупаться отъ обязанностей гражданина—нести на себѣ, по мѣрѣ своихъ силъ, государственныя тяготы? Дозволеніе такого рода, можетъ быть, и полезно для богачей, но оно безнравственно по своей сущности. Мы уклоняемся однако отъ цѣли нашей статьи, и потому идемъ дальше въ изложеніи дѣятельности петербургскаго земскаго собранія. По выслушаніи собраніемъ доклада, открылись пренія по поводу его. Во время преній гласный Шмитъ заявилъ слѣдующій,

Digitized by Google

достойный полнаго вниманія, фактъ: *205.098 душъ крестьянъ, населяющихъ Петербургскую губернію, владѣютъ имуществомъ цѣнностью на 25.000.000 р. с., доходность коего составляетъ 1.500.000 р., платятъ же они государственныхъ и земскихъ сборовъ и такъ называемаго общественнаго сбора съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ 517.947 р., что составитъ 34% дохода; остальные жители губерніи, исключая Петербургъ, въ числѣ 142.092 душъ, владѣютъ имуществомъ на 67.437.000 р. с., доходъ коего достигаетъ до 4.000.000 р. с., и платятъ государственныхъ и другихъ повинностей 56.043 р., что составитъ 1.5%.* Наконецъ, жители Петербурга платятъ въ казну *3.6% своего дохода.* Фактъ этотъ слишкомъ ясно говоритъ самъ за себя и потому не нуждается ни въ какихъ коментаріяхъ. Пренія 13 мая закончились постановленіемъ земскаго собранія о невозможности обложенія цѣнности и доходности имуществъ Петербургской губерніи государственнымъ налогомъ. Пренія утренняго засѣданія земскаго собранія 14 мая открылись возраженіями гласнаго Шмита противъ предложеннаго управою налога на личный трудъ. Налогъ на личный трудъ представляетъ много затрудненій, особенно при опредѣленіи заработка лицъ, ничего не дѣлающихъ; наконецъ, онъ положительно несправедливъ относительно опредѣленія заработка по возрастамъ: почему лицо 35 лѣтъ причисляется въ заработку въ 2.500 р., а лицо 59 лѣтъ причисляется къ заработку въ 5.000 р. Между тѣмъ, человѣкъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ легче заработаетъ 5.000 р., чѣмъ старикъ 59 лѣтъ. Пренія этого засѣданія кончились тѣмъ, что собраніе отвергло предложенный проектомъ за податную единицу личный трудъ, а постановило предметомъ налога сдѣлать всѣ возможныя отрасли дохода. Слѣдовательно, петербургское земское собраніе пришло къ тому же, какъ и новгородское, т. е., оно приняло за податную единицу *доходъ*.

Въ теченіи мая мѣсяца, кромѣ петербургскаго губернскаго земскаго собранія, открывались земскія собранія въ Херсонѣ, Воронежѣ, Виткѣ, Рязани, Орлѣ, Костромѣ, Саратовѣ, въ которыхъ обсуждался податной проектъ. Сдѣлаемъ обзоръ дѣятельности этихъ собраній. Засѣданіе херсонскаго земскаго собранія, открытаго 15 мая, началось обсужденіемъ мнѣній губернской и шести уѣздныхъ управъ о министерскомъ проектѣ. Всѣ эти мнѣнія были сходны между собою въ основной мысли,—въ неудовлетворительности министерскаго податнаго проекта современнымъ требованіямъ, относительно податной обязанности. Въ частностяхъ же управы расходились. Между прочимъ, елисаветградская управа полагаетъ, что больше $^1/_4$ части подушныхъ сборовъ не можетъ быть переложено на землю. Тираспольская высказала довольно вѣрную мысль, что уравнительность податныхъ сборовъ можетъ быть достигнута, если раскладка ихъ будетъ поручена земскимъ представителямъ, какъ представителямъ мѣстныхъ интересовъ, и потому могущимъ основательно судить о томъ.

Digitized by Google

какой мѣстности удобнѣе вынести извѣстный налогъ. Губернская управа представила собранію довольно подробный докладъ, въ которомъ отвергла, какъ мы уже говорили, министерскій проектъ. Въ докладѣ управы мы находимъ любопытные выводы о положеніи рабочаго люда въ Россіи. При своихъ выводахъ управа руководствовалась статистическими таблицами Буняковскаго и Веселовскаго. Изъ нихъ видно, что податное рабочее населеніе платитъ государству $^1/_9$ своихъ доходовъ, и за тѣмъ на каждаго остается *около 28 р., изъ коихъ приходится уплачивать земскіе сборы, а бывшему помѣщичьему крестьянину еще оброки и выкупную сумму.* Спрашивается, что же остается на долю его жалкаго существованія? Въ виду такой вопіющей неправды, управа предлагаетъ обложить налогомъ всѣ сословія. По ея проекту, вмѣсто подушной подати устанавливаются четыре вида подоходнаго налога: 1) поземельный налогъ на всѣ сословія, 2) добавочный налогъ на дома въ городахъ и въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ они служатъ предметомъ найма, 3) налогъ на публичные фонды и акціи разныхъ обществъ, 4) налогъ на заработки всѣхъ лицъ въ государствѣ отъ 18 до 60 лѣтъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы заработокъ чернорабочаго облагался въ самомъ меньшемъ размѣрѣ. По министерскому вопросу: какую часть подушной подати наложить на земли, какую на дворъ, управа находитъ, что налогъ на землю не долженъ ни въ какомъ случаѣ превышать 10% чистаго дохода, между тѣмъ, какъ теперь, на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ въ управу казенною палатой, видно, что съ десятины берется 54 к. при доходѣ съ нея въ 1 р. 50 к. Если же переложить на землю подушную подать, то она поглотитъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, на примѣръ, въ Тираспольскомъ, $^1/_4$ ч. дохода! Относительно же подворнаго налога, надо замѣтить, что этотъ налогъ падетъ на трудъ, такъ какъ дворъ не служитъ источникомъ дохода. Но было бы въ высшей степени несправедливо заставить платить налоги однихъ только чернорабочихъ, и потому управа предлагаетъ обложить дворы всѣхъ сословій пропорціонально числу живущихъ въ нихъ душъ. Послѣ чтенія доклада, собраніе, по предложенію предсѣдателя, назначило коммисію изъ пяти человѣкъ, для разрѣшенія предложенныхъ министерствомъ финансовъ трехъ вопросовъ. Но, по сознанію самой коммисіи, ей почти не было дѣла, такъ какъ измѣнено управой и собраніемъ самое основаніе проекта.

Въ самый день открытія херсонскаго земскаго собранія,—въ сѣверо-восточномъ углу Россіи, въ далекой лѣсистой Вяткѣ, открылось чрезвычайное маленькое земское собраніе, состоящее всего изъ 16 гласныхъ, съ предсѣдателемъ, назначеннымъ для той же цѣли, какъ и херсонское, Высочайшею волею. При открытіи земскихъ собраній губернаторская рѣчь является обыкновенно не больше какъ офиціальною рѣчью, но рѣчь вятскаго губернатора, при открытіи земскаго собранія ввѣренной ему губерніи, имѣетъ какъ будто другой характеръ. Въ ней губернаторъ ста-

Digitized by Google

новится какъ-бы руководителемъ собранія, истолкователемъ министерскаго предложенія. Въ своей рѣчи, губернаторъ говоритъ: «Правительство желаетъ, чтобы въ проектированныхъ податною коммисіей поземельномъ и подворномъ налогахъ были сдѣланы земствомъ измѣненія, сообразно мѣстнымъ условіямъ крестьянскаго быта, не *касаясь сущности проекта*. Желательно было бы знать, откуда получено губернаторомъ свѣдѣніе, что земство не должно касаться сущности проекта? Если отъ министерства, то въ такомъ случаѣ, почему же другіе губернаторы, при открытіи земскихъ собраній своихъ губерній, не ограничиваютъ ихъ въ обсужденіи министерскаго проекта. Это *почему* объясняется, какъ намъ кажется, очень просто: правительство не имѣетъ въ виду получить отъ земствъ свѣдѣнія, касающіяся только частныхъ измѣненій въ проектѣ, а вообще желаетъ знать взглядъ общества на податную реформу. Мы глубоко убѣждены, что правительство измѣнитъ первоначальный министерскій проектъ, если онъ окажется непримѣнимымъ къ желаніямъ, выраженнымъ большинствомъ земскихъ собраній. Про вятскаго же губернатора можно повторить извѣстную французскую поговорку: il est plus royaliste que le roi lui même. Вятская губернская управа по первому министерскому вопросу сдѣлала очень ничтожныя измѣненія. «За основаніе обложенія рабочею податью (такъ называетъ вятская управа подворный налогъ) и поземельною она принимаетъ доходность отъ крестьянскихъ надѣловъ и заработковъ, а за вещественный признакъ такой доходности—количество десятинъ и число домовъ, считая за домъ не усадьбу, а вообще отдѣльное жилое строеніе, гдѣ живетъ семейство съ особымъ хозяйствомъ. Какъ управа, такъ и собраніе не выходитъ, подобно министерскому проекту, изъ сословной податной системы, и ихъ всѣ измѣненія вращаются въ очень ограниченномъ кругѣ, касаются все больше мелочей и канцелярскаго порядка; такъ на примѣръ, докладъ управы много говоритъ о порядкѣ составленія списка о числѣ дворовъ. Дѣятельность вятскаго губернскаго собранія составляетъ, какъ мы сказали, какое-то исключеніе въ средѣ дѣятельности прочихъ земствъ—ужь не отъ того ли, въ самомъ дѣлѣ, что губернаторъ сказалъ такую рѣчь.

Отъ мелочной дѣятельности вятскаго земства переходимъ къ серьезной и плодотворной дѣятельности костромскаго. Въ чрезвычайномъ собраніи 27 мая костромскаго земства, губернскою управой былъ представленъ докладъ, который отличался отъ докладовъ прочихъ губернскихъ управъ тѣмъ, что заключалъ въ себѣ: 1) разборъ податнаго проекта министерской коммисіи, 2) весьма интересныя статистическія данныя, на сколько тяжело существующія у насъ прямые налоги ложатся на крестьянское сословіе губерніи, и 3) проектъ самой управы.

Губернская управа отрицаетъ въ проектѣ то достоинство его, которое могло бы улучшить положеніе плательщиковъ, на томъ же основаніи, на какомъ отрицали его и прочія земства; она находитъ непримѣнимымъ на-

Digitized by Google

мѣну подушной подати подворнымъ и поземельнымъ налогомъ въ виду тѣхъ же неудобствъ, какія принимали въ соображеніе и прочія земства, именно въ виду того, что подворный налогъ падаетъ на лицо, какъ и подушная подать, такъ какъ дворъ не источникъ дохода, а скорѣе предметъ расхода, продать же его за недоимку нельзя безъ совершеннаго разоренія крестьянина; поземельная подать хотя и составляетъ, по мнѣнію управы, нѣкоторый прогресъ въ смыслѣ перехода подати отъ лица на имущество, способное давать доходъ, но, при настоящемъ отягощеніи земли различнаго рода повинностями и оброками, новый налогъ на крестьянскую землю совершенно немыслимъ; если даже и ввести его, то онъ падетъ во всякомъ случаѣ не на землю, а на трудъ, подобно подушной подати. При разборѣ правительственнаго проекта, управа приводитъ интересныя цифры отношенія платимыхъ податными сословіями налоговъ и оброковъ къ цѣнности и доходности ихъ имуществъ. Въ 1870 г. податныя сословія Костромской губерніи платили всѣхъ подушныхъ сборовъ и податей 1.368.237 р. 68¼ к.; если къ этой суммѣ причислить суммы выкупныхъ и оброчныхъ платежей съ удѣльныхъ, временно-обязанныхъ и бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, да еще прибавить мѣстные земскіе сборы, то получимъ сумму въ 3.962.775 р. 42½ к., которую выплачиваетъ государству Костромская губернія въ лицѣ своихъ 435.054 податныхъ душъ *). Если эту изрядную сумму разложимъ по душамъ, то увидимъ, что на душу государственнаго крестьянина падаетъ 6 р. 40 к., удѣльнаго 6 р. 52 к., бывшаго помѣщичьяго 10 р. 65 к. Въ дѣйствительности же подать раскладывается не просто по душамъ, а по душамъ работниковъ, и по тому, основываясь на вычисленіи управы, получимъ, что на душу государственнаго крестьянина падаетъ 11 р. 53 к., удѣльнаго 11 р. 76 к., бывшаго помѣщичьяго 19 р. 20 к. Среднимъ же на крестьянскій надѣлъ приходится: у государственныхъ крестьянъ 6 дес. 1.639 саж., у удѣльныхъ 4 дес. 1.248 саж., у помѣщичьихъ 4 дес. 2.127 саж.; всѣхъ же сборовъ съ крестьянъ падетъ на десятину ихъ надѣловъ: у государственныхъ крестьянъ 1 р. 7,56 к., у удѣльныхъ 1 р. 41,99 к., у бывшихъ помѣщичьихъ 2 р. 13,18 к. Вообще всѣ обязательные платежи берутъ у государственныхъ крестьянъ 25,65%, у удѣльныхъ 26,55%, у бывшихъ помѣщичьихъ 40,36% ихъ дохода. По окончаніи разбора министерскаго проекта, управа предложила собранію взамѣнъ нынѣшней податной системы установить общій государственный налогъ для лицъ всѣхъ сословій и званій; для опредѣленія же дохода плательщиковъ учредить оцѣночныя комиссіи съ возможно меньшимъ райономъ. Сумма подоходнаго налога, назначенная государствомъ, распредѣляется между уѣздами губернскимъ земскимъ собраніемъ; раз-

*) Все это взято нами изъ напечатаннаго доклада костромской губернской управы.

Digitized by Google

верстка же между отдѣльными плательщиками дѣлается уѣзднымъ собраніемъ. Для взиманія подоходнаго налога избираются самими плательщиками, живущими въ районѣ оцѣночной коммисіи, сборщики. Нельзя обойти молчаніемъ мнѣніе чухломской управы и мнѣніе члена нерехотской управы, присланныя въ костромскую губернскую управу. Первая находитъ непримѣнимымъ податной проектъ о замѣнѣ подушной подати подворнымъ и поземельнымъ налогомъ на томъ основаніи, что для Чухломскаго уѣзда не требуется никакихъ перемѣнъ, такъ какъ подушная подать вносится исправно безъ *особеннаго понужденія*. Членъ же нерехотской управы, г. Дмитріевъ, говоритъ, что хотя податное сословіе его уѣзда не по силамъ обременено налогами, и потому справедливость требуетъ, чтобы къ податной обязанности была привлечена нѣкоторая часть дворянскаго имущества, однако управа, по его мнѣнію, не смѣетъ посягать на права дворянскаго сословія безъ разрѣшенія дворянскаго собранія. Вѣроятно, почтенный членъ управы все еще живетъ преданьями старины «временъ очаковскихъ и покоренья Крыма». Видите ли, и справедливость требуетъ, да предъ дворянскою грамотою ничего не подѣлаешь; притомъ г. Дмитріевъ имѣетъ довольно смутное понятіе о порядкѣ изданія законовъ у насъ. Мнѣнія всѣхъ управъ россійской имперіи останутся не больше какъ мнѣніями, подобно простымъ личнымъ мнѣніямъ, если они не будутъ приняты въ соображеніе законодательнымъ учрежденіемъ при изданіи закона, по поводу коего они требовались, и потому о посягательствахъ на какія либо права не можетъ быть здѣсь и рѣчи. Собраніе, отдавъ полную справедливость серьезности и важности доклада управы, въ постановленіи своемъ пришло нѣсколько къ другимъ заключеніямъ. Признавъ совершенную неудобопримѣнимость выработаннаго податною коммисіею проекта и настоятельную необходимость привлеченія къ прямымъ налогамъ всѣхъ сословій земства, собраніе признало себя не компетентнымъ выработать съ мѣстной точки зрѣнія какую либо опредѣленную систему налога, примѣнимую для всѣхъ разнообразныхъ мѣстностей цѣлой Россіи, и только указало предметы, по мнѣнію собранія, подлежащіе привлеченію при всякомъ измѣненіи податнаго обложенія,—а именно: движимыя и недвижимыя имущества, капиталы и всякаго рода жалованье, плату и гонорарій за личный трудъ, къ какому бы сословію плательщикъ ни принадлежалъ, безъ всякаго исключенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду, что во всѣхъ реформахъ настоящаго царствованія правительство въ томъ или другомъ видѣ само вызывало земство на заявленія о мѣстныхъ нуждахъ и приспособленіяхъ,—собраніе нашло необходимымъ и своевременнымъ заявленіе мнѣній отдѣльныхъ земствъ по податному вопросу въ самой податной коммисіи, еслибы правительству угодно было поручить ей измѣненіе разсматриваемаго проекта, отвергнутаго почти единогласно всѣми земскими собраніями. На этомъ основаніи собраніе поста-

Digitized by Google

новило ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобы въ правительственное учрежденіе, которому поручено будетъ дальнѣйшее обсужденіе преобразованія податной системы, допущены были двое уполномоченныхъ отъ костромскаго земства, по выбору губернскаго собранія, съ совѣщательнымъ голосомъ, подобно тому, какъ это было въ редакціонной коммисіи по крестьянской реформѣ.

Сколько намъ извѣстно, покуда только костромское земство заявило это желаніе, но кто изъ насъ не пожелаетъ, чтобы такого рода заявленіе не осталось одинокимъ. Слава Богу, проходитъ уже то время, когда законы вырабатывались въ тайникахъ министерскихъ канцелярій и являлись на свѣтъ Божій совершенно неожиданно для тѣхъ, до кого они касались; потому-то у насъ часто встрѣчается незнакомое Европѣ явленіе—*мертвый законъ*. У насъ нѣкоторые законы обходятся народомъ, потому что они—не плодъ народной жизни, а пустоцвѣтъ бюрократической мысли. Теперь правительство само сознало потребность обращаться иногда къ мнѣнію общества. Но не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что правительству удобнѣе было бы выслушивать организованное общественное мнѣніе, чѣмъ разрозненное, какъ это дѣлается въ настоящее время при обращеніи его къ земствамъ отдѣльныхъ губерній или обществамъ. По тому-то едва ли возможно отрицать основательность заявленія костромскаго земства.

Въ послѣднихъ числахъ мая (отъ 28 по 1 іюня) тихая Рязань была занята шумными преніями чрезвычайнаго губернскаго земскаго собранія по поводу податной реформы. Два первыя вечернія засѣданія посвящены были только слушанію докладовъ губернской управы и особой земской коммисіи, назначенной собраніемъ еще въ прошломъ декабрѣ для обсужденія проекта податной реформы. Докладъ управы, найдя этотъ проектъ совершенно неудобнымъ для примѣненія въ Рязанской губерніи и не цѣлесообразнымъ относительно уничтоженія круговой поруки и измѣненія паспортной системы, пришелъ къ тому же выводу, къ какому пришли и прочія управы, т. е., улучшеніе податной системы достижимо только не тѣми полумѣрами, какія предлагаются министерскимъ проектомъ, а распространеніемъ податной обязанности «на всѣ имущественныя и личныя силы губерніи». Земская коммисія, взамѣнъ проекта министерской коммисіи, выработала свой собственный проектъ. Она предложила не сливать, а оставить въ отдѣльномъ видѣ государственный земскій сборъ и подать. Первому должны, по проекту земской коммисіи, подлежать предметы земскаго обложенія; второму же строенія и личный трудъ. Мѣрою обложенія строеній должны служить площадь строенія, а также и этажи. Проектъ предложилъ закрыть комитеты земскихъ сборовъ и передать всѣ ихъ дѣла въ земскія учрежденія. Въ слѣдующее засѣданіе собраніе отвергло обложеніе строеній, а приняло личный трудъ. Но тутъ случился курьезъ: нѣкоторые изъ гласныхъ требо-

Digitized by Google

вали объясненія, что такое личный трудъ. Пренія по поводу этого слова заняли много времени. Вообще, судя по корреспонденціи изъ Рязани, напечатанной въ № 161 «Современныхъ Извѣстій», и по отзывамъ другихъ газетъ, въ рязанскомъ земскомъ собраніи тратилось много времени непроизводительно на пустыя пренія. Въ числѣ гласныхъ, казалось, было не мало противниковъ проекта земской коммисіи, которые держались министерскаго проекта. Они старались, говоритъ корреспондентъ сейчасъ названной нами газеты, свести вопросъ на политическую почву; они высказывали, на примѣръ, такую мысль, что если привиллегированные класы и откроютъ правительству свои карманы, не столь тощіе, какъ крестьянскіе, то они не прочь имѣть контроль надъ государственнымъ бюджетомъ; желая свести простой финансовый вопросъ на такую почву, противники всесословнаго обложенія думали вызвать какою либо неосторожною выходкой собранія закрытіе его и такимъ образомъ поставить правительство въ необходимость рѣшить податной вопросъ безъ помощи земскихъ собраній, что этимъ господамъ и было нужно. Но ихъ интрига не удалась. Въ часъ ночи на первое іюня большинствомъ 23 противъ 17 собраніе заявило предъ правительствомъ, что земство Рязанской губерніи, по недостатку матеріаловъ, не можетъ составить проекта о податной реформѣ, но сознаетъ необходимость привлечь къ податной обязанности всѣ имущественныя и личныя силы губерніи въ формѣ поразряднаго налога, который могъ бы послужить основаніемъ общаго *государственнаго подоходнаго налога*. Такимъ образомъ рязанское земское собраніе не рѣшило ничего: не приняло проекты ни своей коммисіи, ни министерской, и само не дало никакого опредѣленнаго мнѣнія. На слѣдующій день, ни утромъ, ни вечеромъ, не явилось въ собраніе законнаго числа гласныхъ, и потому собраніе, по приглашенію предсѣдателя, было закрыто г. губернаторомъ.

Теперь перейдемъ къ краткому обзору дѣятельности прочихъ земскихъ собраній, бывшихъ въ концѣ мая и началѣ іюня. Орловское чрезвычайное губернское земское собраніе, открытое 27 мая, выслушавъ докладъ губернской управы и заявленія 12 уѣздныхъ, изъ коихъ только двѣ, дмитровская и брянская, стояли на сторонѣ министерскаго проекта, пришло къ заключенію, что проектъ, предлагая замѣну подушной подати подворною и поземельною, не облегчаетъ податные класы, указывая при этомъ на слишкомъ тяжкое обремененіе земли всякаго рода поборами и усматривая въ подворномъ налогѣ возвращеніе къ первобытнымъ не совершенно податнымъ единицамъ. Собраніе нашло единственное средство къ облегченію податныхъ сословій: это—распространеніе налога на всѣ силы въ государствѣ, заключающіяся во всякаго рода имуществахъ, трудѣ, предпріятіяхъ. Равномѣрность такого налога возможна, по мнѣнію орловскаго земскаго собранія, лишь въ томъ случаѣ, если раскладка его будетъ поручена земству. Саратовское земское собраніе, открытое 28

Digitized by Google

мая, также отвергло министерскій проектъ и постановило замѣнить подушную подать двоякимъ налогомъ: 1) налогомъ съ личнаго труда, 2) съ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ всѣхъ сословій. Какъ орловское, такъ и саратовское земства поставили только вопросъ о необходимости всѣмъ лицамъ въ государствѣ нести его тяготы, но не выработали никакого проекта. Мы поговоримъ о дѣятельности этихъ собраній подробнѣе, когда будемъ имѣть о ней болѣе полныя свѣдѣнія. Упомянемъ о тамбовскомъ и ярославскомъ земствахъ. Первое почти единогласно, кромѣ двухъ, признало справедливымъ привлечь къ податной тяжести всѣ сословія, но работы назначенной этимъ земствомъ коммисіи еще не кончены и отсрочены до очереднаго собранія. Податная коммисія втораго предложила переложить собственно подушную подать на дворы, какимъ бы сословіямъ они ни принадлежали, а государственный земскій сборъ во 1-хъ на земли всѣхъ сословій во 2-хъ на акціи, фонды и промышленные капиталы. При этомъ оно постановило ходатайствовать у правительства, чтобы земскій государственный сборъ расходовался на дѣйствительно земскія потребности.

Нѣсколько дней тому назадъ (15 іюня) открыто чрезвычайное московское губернское собраніе для обсужденія податной реформы. Но такъ какъ засѣданія его еще не кончены и потому матеріалы для оцѣнки его дѣятельности еще не готовы, то мы, отлагая обзоръ дѣятельности московскаго земскаго собранія до слѣдующей книги «Бесѣды», предлагаемъ теперь нашимъ читателямъ извлеченіе изъ доклада земской податной коммисіи собранію московскаго земства. Коммисія исходною точкою своихъ изслѣдованій по податной реформѣ поставила *привлечь къ податному обложенію всѣ предметы, способные нести налогъ безъ различія сословій, и этой мѣрой положить конецъ раздѣленію русскихъ гражданъ на податныхъ и неподатныхъ*. Въ разрѣшеніе такимъ путемъ вопроса о податной реформѣ, коммисія ничего не видитъ противузаконнаго, выходящаго изъ предѣловъ компетентности земскихъ собраній. Коммисія наконецъ желаетъ думать, что ея предположеніе солидарно съ видами самого правительства. При этомъ она дѣлаетъ краткій историческій очеркъ нашего податнаго законодательства. Въ 1851 г., говоритъ она, при установленіи поземельнаго сбора на губернскія земскія повинности, имъ были обложены всѣ земли, кому бы то ни было принадлежащія. При сложеніи подушной подати съ мѣщанъ, она была обращена не на одни мѣщанскіе дома, а вообще на всѣ городскія недвижимыя имущества. Въ прошломъ году Высочайшее повелѣніе перелагало ¼ государственнаго земскаго подушнаго сбора не на одни только крестьянскіе надѣлы, а на всѣ земли. По мнѣнію земской коммисіи, министерскій проектъ какъ будто бы удаляется отъ видовъ правитель-

Digitized by Google

ства, оставляя за вводимой имъ податной системой старый сословный характеръ. Земство, говоритъ докладъ коммисіи, ничего не рѣшаетъ, не отмѣняетъ и не вводитъ: оно только заявляетъ свое убѣжденіе; если оно ошибается или предлагаетъ не нужное, или не своевременное, то мнѣніе его безвредно; если же ходатайство его совпадаетъ съ видами правительства, то оно можетъ быть не безполезно и для послѣдняго. Во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ исходъ этого ходатайства, оно пройдетъ не безъ пользы и для самого земства. Состоянія, нынѣ исключительно обремененныя налогами, узнаютъ, по крайней мѣрѣ, что не въ сопротивленіи привиллегированныхъ класовъ заключается причина отсрочки болѣе справедливаго распредѣленія податей и сборовъ». Цѣль податной реформы, по мнѣнію земской коммисіи, это—подоходный налогъ. Но перейти къ нему прямо для еще не совсѣмъ развитаго въ политическомъ отношеніи общества—немыслимо. Докладъ при этомъ указываетъ на примѣръ европейскихъ государствъ, въ которыхъ вводился этотъ налогъ постепенно, на примѣръ, въ Пруссіи, гдѣ прежде была установлена класная подать (1820 г.), и уже въ 1857 г. введенъ для высшихъ класовъ класифицированный подоходный налогъ. Какъ переходную ступень къ этому налогу, коммисія предлагаетъ нынѣшнюю подушную подать, государственный земскій сборъ и общественный сборъ съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ *) переложить: 1) на земли, 2) на строенія и 3) на лицъ, которыхъ раздѣлить на десять разрядовъ, сообразно доходности ихъ труда. Земли должны быть обложены въ размѣрѣ не больше 10 к. съ десятины, строенія въ размѣрѣ 15 к. съ сажени занимаемаго ими пространства. Поразрядная подать взимается въ различныхъ размѣрахъ: лица перваго раздяда платятъ рубль, лица послѣдняго—1.200 р. По расчету коммисіи изъ суммы общей государственной подати половина ея, 33.250.000 р., должна быть переложена на лица, двѣ трети другой половины, 22.166.000 руб.,—на земли, а остальная треть, около 11.083.000 р.,—на строенія. Кромѣ того, земская коммисія предлагаетъ собранію, въ виду, не терпящаго отлагательства, облегченія отъ податной тягости страшно обремененнаго ею крестьянскаго сословія—установить скидку не меньше какъ въ 50% съ вносимой имъ подушной подати. Даже при поверхностномъ обзорѣ доклада коммисіи московскаго земства нельзя не замѣтить дѣловаго характера ея проекта,—такого характера, какимъ не отличаются проекты прочихъ земствъ. Въ немъ видны слѣды трудовъ лицъ, серьезно изучавшихъ предметъ своего изслѣдованія.

Мы воспользуемся случаемъ возвратиться къ нему еще разъ.

*) Послѣдній сборъ былъ установленъ на общественныя потребности крестьянскаго сословія. Въ настоящее время онъ поступаетъ въ государственное казначейство и расходуется не на потребности облагаемаго имъ сословія.

Digitized by Google

Въ заключеніе скажемъ, что уже изъ разсмотрѣнныхъ нами мнѣній земскихъ собраній выступаетъ общій голосъ земскихъ людей, громко возвѣщающій, что податная тягота, лежащая на крестьянствѣ,—невыносима; что она не можетъ болѣе оставаться въ прежнемъ видѣ; что надо облегчить бѣдную меньшую братію отъ значительной доли податей; что всесословная податная обязанность есть дѣло справедливости и даже болѣе—дѣло состраданія. Но если земство, предлагая всесословное податное обложеніе, соединяетъ съ этимъ непремѣнное условіе—облегченіе крестьянства и предохраненіе его отъ упадка имущественнаго, связаннаго и съ упадкомъ нравственнымъ, то само собою разумѣется, что дѣло справедливости, имѣющее въ виду общегосударственную и народную пользу, получитъ только тогда благопріятный исходъ и принесетъ ожидаемые земствомъ добрые плоды, когда облегченіе будетъ дѣйствительное, когда земство получитъ твердое обезпеченіе въ томъ, что добровольное всесословное подчиненіе податной повинности, единственно съ цѣлью настоятельнаго облегченія невыносимаго положенія крестьянъ, не будетъ сочтено за простой подвигъ великодушія, за который можно бы было при первомъ удобномъ случаѣ ухватиться, чтобы вновь податную тягость, и на этотъ разъ уже всесословную, поднять до той же опасной степени напряженности, противъ которой земство столь единодушно и патріотически поспѣшило высказаться за крестьянское сословіе.

Н. Лысцевъ.

РУССКАЯ СЕЛЬСКАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

II.

Къ великому удивленію, у насъ, даже среди людей земства, есть не мало такихъ, которые сразу не отвѣтятъ на вопросъ: хороша, или дурна мысль—поддержать сельскую техническую промышленность русскаго народа?

Самые лучшіе люди, которые могли бы послужить дѣлу, и тѣ отвѣчаютъ иносказательно: «Да, говорятъ,—поддержать ее необходимо, потому что это совершившійся фактъ». И только!..

Многіе даже всей душой идутъ на осуществленіе этой мысли,—мысли поддержать упадающую народную техническую дѣятельность, но по соображеніямъ далекимъ отъ важности и значенія этой задачи.

Digitized by Google

Въ понятіяхъ многихъ любящихъ русскій народъ, но мало знакомыхъ съ *дѣломъ* разбираемаго вопроса, къ сожалѣнію, имѣютъ мѣсто одни только теоретическія соображенія.

Одного, на примѣръ, поражаетъ эксплуатація фабрикантовъ и заводчиковъ надъ рабочимъ людомъ, который, т. е., фабричный работникъ, не смотря на усовершенствованные аппараты и машины, почти въ половину заработываетъ, чѣмъ сельскій работникъ-техникъ.

Другимъ же претитъ монополія фабричной дѣятельности,—имъ бы хотѣлось, чтобы вся Россія задымилась дымовыми трубами фабрикъ на общинномъ порядкѣ и пр. и пр.,—да всего не перечислишь.

Но думаю, что изъ этихъ соображеній и сердечныхъ пожеланій, для преуспѣянія сельской технической дѣятельности русскаго народа ничего не выростетъ.

По тому, говорю, что все это уподобляется врачу, который призванъ къ опасно больному, и вмѣсто изученія болѣзни и скорой подачи помощи, охаетъ и плачетъ съ родными и знакомыми, между тѣмъ какъ больной безпомощно умираетъ.

Потомъ еще прибавлю, что многіе говорятъ: «надо дѣлать, надо дѣлать». По моему, надо *дѣлать*, отбросивши слово *надо*.

Но всѣ самыя разумныя соображенія многіе съ соболѣзнованіемъ отвѣчаютъ тѣмъ, что у насъ-де негдѣ взять людей... Точно русская земля клиномъ стала, или населена идіотами. Дайти кличъ!.. Мы разрозненно живемъ. Въ одиночку жалѣемъ—въ одиночку желаемъ. Соединивъ же вмѣстѣ свои сожалѣнія и свои пожеланія относительно поднятаго вопроса: «о поддержкѣ и развитіи русской народной технической промышленности»—право, наружу выйдетъ предъ большинствомъ *жаль*—жальче жалости, и пожеланія помочь народному горю въ этомъ случаѣ пойдутъ быстро къ исполненію.

Толку мало въ томъ, если я, прибѣжавъ на пожаръ, стану описывать его самыми мрачными красками, пересыпая свои изображеніями учеными фразами,—лучше ведро въ руки... пользы больше будетъ. Въ виду же поднятаго вопроса, въ виду важности и громадности задачи, приспѣла пора, говорю, всѣмъ благомыслящимъ людямъ и притомъ любящимъ русскій народъ—сплотиться въ тѣсное общество для этой цѣли и совокупными силами знаній и даже капитала помочь способному русскому народу въ трудную пору его экономической жизни.

Надо энергично и съ разумною поспѣшностію приняться за врачеваніе не по днямъ, а по часамъ умирающаго гиганта: нашей *народной технической промышленности*, пока не наступила его агонія. Объ умѣ и способностяхъ нашего народа и говорить нечего,—это богатая, но не воздѣланная почва, которая только ждетъ сѣятеля, но онъ не является.

Неудивительно послѣ этого, если она заростаетъ негоднымъ бурьяномъ, сѣмена котораго заносятся на нее западнымъ вѣтромъ, а ни что такъ не истощаетъ почвы, какъ сорныя травы.

Digitized by Google

Невесело будетъ даже добросовѣстному пахарю работать надъ истощенною почвой.

Покамѣсть не наступила эта пора для нашей народной технической дѣятельности, помочь горю есть еще время.

Для это только намъ, даже неизвѣстнымъ другъ другу, но заинтересованнымъ поднятымъ вопросомъ стóитъ соединиться въ одно цѣлое, т. е., общество. Вѣдь существуютъ же общества этнографическія, археологическія и пр. Отчего же не можетъ существовать общество *для изученія и поддержки кустарной промышленности русскаго народа*?

И по моему, оно должно существовать отдѣльно отъ другихъ обществъ, соприкосновенныхъ (относительно поднятаго вопроса) только по цѣли,— на томъ основаніи, что громадность задачи требуетъ не дробленнаго, но самостоятельнаго труда.

Полумѣры тутъ неумѣстны: онѣ, напротивъ,—тормозъ всего дѣла, потому что будетъ только казаться, что что-что дѣлается, а въ итогѣ выйдетъ ничего, или очень мало.

Все высказанное считаю безъ преувеличенія совершенно справедливымъ. Изъ первой статьи моей *) видно, какъ русскій народъ чутьемъ понимаетъ, что на одномъ хлѣбопашествѣ далеко не уѣдешь.

Онъ самобытно разрѣшаетъ трудную задачу своей жизни. Стóитъ только хотя поверхностно познакомится съ исторіей трудовой жизни этого могучаго народа, чтобы вполнѣ убѣдиться въ его силѣ.

Вѣка прошли, все двинулось впередъ. Изъ ничтожества на глазахъ образуется нѣмецкая имперія, сильная не столько физически, сколько распространеніемъ цивилизаціи среди народа и развитіемъ экономическаго быта его. А нашъ гигантъ по существу, точно закованный въ чарующія цѣпи, все только борется съ удушающими его экономическими обстоятельствами и не можетъ разорвать цѣпей.

Да какъ же тутъ-то не помочь?

Не имѣя возможности отвѣчать вполнѣ на сложный вопросъ: какъ же помочь горю, буду преслѣдовать взятый мною вопросъ о значеніи и важности изученія нашей сельской народной технической промышленности, и на основаніи фактовъ постараюсь доказать, какую бы услугу могло оказать этой отрасли народной промышленности участіе знающихъ людей. Прежде всего, очевидно, требуется изучить кустарную промышленность по имѣющимся источникамъ, потомъ, на основаніи этого изученія, направить дѣятельность на слабыя стороны того или другаго производства.

Въ доказательство этого простаго пріема и могущей произойти отъ этого пользы, привожу слѣдующіе примѣры.

Слободка Ольшанка, Курской губерніи, Новооскольскаго уѣзда, образовалась въ 1600 году, какъ видно изъ церковныхъ документовъ, изъ бѣглыхъ людей и выходцевъ изъ Малороссіи и Литвы.

*) «Бесѣда» № 5.

Digitized by Google

Мѣстность, окруженная лѣсами и плодородною почвой, при благопріятномъ климатѣ, дала полную возможность, кромѣ хлѣбопашества, развиться винокуренному производству, которое въ то время не было обременено акцизомъ, почему и развилось въ Ольшанкѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Прибавивъ къ этому еще обиліе пастбищъ, барду, остающуюся отъ винокуренія,—неудивительно будетъ, что и скотоводство играло здѣсь не послѣднюю роль. А это само собой повлекло къ развитію кожевеннаго и сапожнаго производствъ, такъ что безъ руководящей спеціальной идеи, въ силу только однихъ скученныхъ мѣстныхъ условій, развился промыселъ, основанный какъ на прямомъ, такъ и побочныхъ продуктахъ.

Но наступилъ 1733 годъ, Ольшанка прирѣзана была къ Курской губерніи, слѣдовательно, отошла отъ украинскихъ губерній, которымъ только однимъ было предоставлено право безъакцизнаго винокуренія. Вслѣдствіе этого, понятно, что въ Ольшанкѣ стало падать винокуреніе и бондарское ремесло: народу надо было избрать что нибудь новое—наивыгоднѣйшее.

За образцами и учителями новаго производства ходить къ чужимъ людямъ было не зачѣмъ, потому что въ самой Ольшанкѣ нѣсколько семействъ занимались сапожнымъ мастерствомъ. Дешевизна товара, близость къ русскимъ деревнямъ, гдѣ ни о какомъ ремеслѣ и понятія не имѣли, были главною причиною того, что ольшанскіе сапожники получали громадные барыши отъ своего ремесла. Такимъ образомъ по мѣрѣ паденія винокуреннаго производства, стало развиваться сапожное мастерство; такъ что въ настоящее время все населеніе Ольшанки—это сапожники и кожевники. Однимъ словомъ, изъ 2.000 мужскаго населенія и 2.013 женскаго, 3.579 душъ—сапожники и кожевники.

Въ лѣтнее время, очевидно, самое рабочее для крестьянина, Ольшанка представляетъ рѣшительную противуположность съ русскими селами: тогда какъ въ послѣднихъ въ жильѣ можно видѣть только стараго, да малаго, въ Ольшанкѣ вездѣ увидишь молодыхъ рабочихъ людей, а въ домахъ цѣлыя артели съ стройными пѣснями, работающія сапоги, которыхъ и вырабатываютъ болѣе 150 тысячъ паръ въ годъ, не считая еще идущаго въ продажу полувала кожами, количество которыхъ часто превышаетъ 700. Вотъ данныя *), изъ которыхъ ясно видно, на сколько распространенъ и усвоенъ этотъ промыселъ среди ольшанскаго населенія.

Я нарочно выбралъ этотъ примѣръ, чтобы наглядно, посредствомъ простыхъ ариѳметическихъ выкладокъ, доказать, какую бы громадную ользу принесло артельное начало и участіе техниковъ по кожевенному роизводству, а ученыхъ мастеровъ по сапожному мастерству. Кожевенное и сапожное производства въ Ольшанкѣ, какъ это видно изъ выше-

*) Т. Н. В. Э. О. 1860 г. Т. I, стр. 179.

Digitized by Google

сказаннаго, начали принимать обширные размѣры съ 1773 года, и съ этого времени, не смотря на множество усовершенствованій какъ въ кожевенномъ производствѣ, такъ равно и въ сапожномъ ремеслѣ, не двинуло ольшанскихъ майстеровъ по пути усовершенствованій ни на шагъ впередъ. Даже сапожныя колодки, ужасныя по своей величинѣ и неуклюжести, упорно сохраняютъ и до сихъ поръ свою форму, то есть, въ теченіи 98 лѣтъ. А отъ этого, какъ увидитъ самъ читатель, происходитъ громадная потеря какъ въ матеріалѣ, такъ и во времени.

Мужскіе сапоги шьются всѣ на одну колодку, которая по подошвѣ имѣетъ отъ $7^1/_2$ до 8 вершковъ длины. Принявъ эту мѣрку для вычисленія роста, выходитъ, что сапоги накругъ шьются для людей саженнаго роста.... А много ли ихъ найдется? Самыя точныя изслѣдованія величины ногъ негровъ, которые, какъ извѣстно, славятся величиной своей ноги, произведенныя Бурмейстеромъ, не достигаютъ такихъ числовыхъ данныхъ, по которымъ шьются сапоги въ Ольшанкѣ.

Съ большою вѣроятностію можно положить, что для всѣхъ вообще мужскихъ сапоговъ колодку по подошвѣ возможно было бы ольшанскимъ майстерамъ смѣло уменьшить хотя на одинъ вершокъ. Тогда, при приготовленіи 150 т. паръ сапоговъ, получилось бы въ экономіи 21.425 подошвъ, а при кройкѣ передовъ—50 кожъ, что составило бы 250 паръ полныхъ сапоговъ и 21.770 паръ подошвъ.

На шитье 125 паръ ольшанскіе сапожники употребляютъ для дратвы 2 мотка нитокъ, цѣнностію въ 60 коп. сер., 5 фунтовъ смолы цѣнностію въ 20 коп. сер., всего, значитъ, на дратву, кромѣ труда ея приготовленія, на 125 паръ сапоговъ—80 коп. сер., а на 150 т. паръ 960 руб. сер. Замѣнивъ дратву деревянными гвоздями, которые на эту пропорцію сапоговъ даже въ Москвѣ за 320 руб. возможно купить, опять получили бы 640 руб. чистой пользы, да еще 120 пудъ нитокъ ежегодно поступало бы въ обращеніе для болѣе пригоднаго употребленія.

Далѣе. Громадныя массы волоса и шерсти пропадаютъ безслѣдно, потому что ни одинъ человѣкъ не знаетъ войлочнаго производства; такъ что матеріалъ готовый, при удобствѣ мѣстныхъ условій, не приноситъ никакой пользы *). Не говоря уже о цѣлыхъ горахъ коженныхъ обрѣзковъ, изъ которыхъ, при посредствѣ самыхъ простыхъ манипуляцій, по-

*) При этомъ невольно вспоминаешь о Петрѣ Великомъ, заботливость котораго, относительно развитія ремеслъ среди народа, доходила до крайнихъ предѣловъ. Такъ на примѣръ въ описаніи города Шуи соч. Вл. Борисова, стр. 60, находимъ слѣдующее: въ 1722 году изъ канцеляріи воеводскаго правленія былъ присланъ указъ императора въ шуйскую ратушу, въ которомъ говорилось слѣдующее: «заводчики накопляющуюся на кожевенныхъ заводахъ шерсть не бросали, а копили бы и дѣлали изъ нея войлоки».

Digitized by Google

лучается превосходный матеріалъ для приготовленія портретныхъ рамъ, пресъ-папье и проч.

Все какъ было въ 1773 году, все такъ и осталось безъ измѣненія и по сіе время; а какую бы несомнѣнную услугу могло въ этомъ случаѣ принести знаніе? Но никому нѣтъ заботы, и рутина царитъ среди ольшанскихъ майстеровъ чуть не столѣтіе!

Другой не менѣе интересный примѣръ, который также наглядно какъ и первый можетъ доказать, какую бы громадную услугу могли оказать общества, поддерживающія и развивающія кустарную промышленность русскаго народа, есть слѣдующій: всѣмъ извѣстно, что въ печати не разъ былъ поднятъ вопросъ, который даже разсматривался въ высшихъ правительственныхъ сферахъ,—вопросъ «о пьянствѣ русскаго народа». Много придумывалось мѣръ, какъ помочь горю, но, какъ видно изъ практики, пренія не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

Изъ массы различныхъ мнѣній о прекращеніи этого зла среди народа, по моему, мнѣніе о развитіи чаепитія было одно изъ самыхъ раціональныхъ, потому что чай, напитокъ совершенно подходящій для нашего крестьянина по климатическимъ условіямъ страны и, какъ наркотинъ, достаточно возбуждающій нервы. Но бѣда въ томъ, гласило большинство, что эта мѣра неосуществима для большей половины населенія, на томъ простомъ соображеніи, что обзаведеніе для употребленія чаю слишкомъ дорого для мужика.

Доводъ, съ которымъ согласится всякій. Но стоитъ только заглянуть въ первый томъ 1861 года Трудовъ Импер. Вольн. Эк. Общ., чтобы не мало удивиться, прочитавъ на стр. 43, слѣдующее: «О существованіи въ Перемышлѣ фабрикаціи глиняныхъ издѣлій», пишетъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ Г. В. Смирновъ, «узналъ я случайно, увидавъ въ одномъ домѣ самоваръ глиняный, небольшой, простенькій, но притомъ дешевый и вполнѣ удовлетворяющій своей цѣли нагрѣванія воды. Фабрикація глиняныхъ издѣлій производится на заводѣ здѣшняго гражданина Гидича, находящемся внѣ города. Кромѣ самоваровъ различныхъ формъ и величинъ, продающихся отъ 15—20 коп. сер., на томъ же, хотя и не большомъ, заводѣ производится выработка простой чайной посуды, столовой и т. п. Заведеніе это устроено, какъ говорятъ, въ очень недавнее время и приноситъ жителямъ города и селеній очевидную пользу своими простыми и народными издѣліями.»

Сколько у насъ близъ городовъ и селъ разбросано гончарныхъ производителей, а я убѣжденъ, что никто и не вѣдаетъ о возможности приготовить такую необходимую вещь, какъ самоваръ, и изъ такого дешеваго матеріала, какъ глина..

Да откуда же въ самомъ дѣлѣ имъ про это и узнать?

Другое дѣло, опять повторяю, еслибы у насъ было общество, хотя съ небольшимъ капиталомъ, ревнующее о кустарной промышленности рус-

Digitized by Google

скаго народа, оно бы давно уже выписало сотни этихъ самоваровъ и безвозмездно разослало бы въ видѣ образца въ центры развитія народной гончарной промышленности, чѣмъ, безъ сомнѣнія, принесло бы не малую пользу какъ производителямъ, такъ равно и потребителямъ.

Все гончарное производство въ Россіи, какъ по своему странному распространенію, такъ и отсутствію самыхъ простыхъ элементарныхъ знаній въ средѣ работающихъ гончарный товаръ, столь необходимый для каждаго крестьянина, могло бы послужить богатой ареной для дѣятельности общества, радѣющаго къ кустарной промышленности. Посмотрите, хоть для примѣра, что дѣлается въ Павловскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи *). Это производство существуетъ съ давняго времени въ селѣ Пузевѣ и отчасти въ Ерышевкѣ. Сѣросиная маслянистая глина **) лежитъ по всему берега Дона, но никто ничего изъ нея не дѣлаетъ. Пузево лежитъ на лѣвомъ берегу Осереды, а Ерышевка на Битюгѣ, и на весь уѣздъ выдѣлываютъ горшки, корчажки, жаровни, крышки, кувшины, кубышки, бальсанки, ендовы и дѣтскіе свистки и погремушки. Вощики и развозятъ этотъ товаръ по всему уѣзду. Между тѣмъ крестьяне, живущіе у самаго сыраго матеріала, совершенно ничѣмъ не занимаются цѣлую зиму, такъ что, по выраженію того же кореспондента ***), «конецъ зимы крестьянинъ нашъ проводитъ больше въ ожиданіяхъ и продположеніяхъ, нежели въ какихъ нибудь опредѣленныхъ настоящихъ занятіяхъ... Зима не ушла, а лѣто не пришло—и дѣлать нечего»...

Но что дѣлать?.. Заботниковъ о русскомъ народѣ много, да дѣятелей мало... Будемъ ждать лучшихъ временъ!..

М. Боголюбцевъ.

---

*) Т. И. В. Э. О. 1861. Т. IV, стр. 146.

**) И притомъ отличнаго качества, какъ положительно извѣстно лично мнѣ.

***) Тамъ же. стр. 147.

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

3-го іюня.

Борьба консервативнаго начала съ либерализмомъ; повсемѣстныя гоненія на демагоговъ. — Близость орлеанской реставраціи. — Торжество легитимизма на всей линіи.—Будущій священный союзъ.—Програма его, набрасываемая берлинской офиціозной брошюрой.—Необходимость искорененія *вредныхъ началъ*.—Архиконсерватизмъ.—Славянскій вопросъ и будущность поляковъ.—Брошюра Томнера и львовскій отвѣтъ на нее.—Необходимость устройства судьбы Польши.—Границы 1772 года.—Поворотъ въ нашемъ общественномъ мнѣніи.—Недовѣріе къ Россіи, проповѣдываемое изъ Бѣлграда. — Папрусизмъ и пансербизмъ.—Галицкіе споры о литературномъ языкѣ.

Парижскія событія продолжаютъ составлять средоточіе современной политической жизни. Что́ бы ни зачиналось вновь, какой бы оборотъ ни принимали движенія, уже идущія полнымъ ходомъ, все это тѣмъ или другимъ связано съ судьбой задавленнаго парижскаго возстанія. Европа представляется въ настоящее время ареной борьбы двухъ разъяренно-враждебныхъ другъ другу началъ, которыя повсемѣстно оспариваютъ другъ у друга первенство,—начала, называемаго, ради приличія, консервативнымъ, и либерализма. Вѣковѣчная борьба эта въ настоящую минуту сильнѣе, чѣмъ когда либо; симптомы ея острѣе, и глубоко врѣзываются въ организмы народовъ наносимыя ею раны. Германскія войска водворили господство крѣпкой и грубой силы и сломили своевольный духъ французскаго народа, но они только прочистили путь для своихъ послѣдователей и указали своимъ примѣромъ, что энергіею и вѣрностью истинно нѣмецкому девизу: «Man kann, was man will», можно одолѣть буйный духъ вольнодумства. Теперь начинается періодъ подражательный, періодъ отголосковъ минувшей войны со всѣми ея ужасами, но безъ облегчавшихъ ее причинъ. Вмѣсто сколько нибудь открытаго и хотя съ виду равномѣрнаго положенія сторонъ, увлекаемыхъ до излишествъ самимъ свойствомъ войны, Европа стала свидѣтельницей борьбы чудовищно-

Digitized by Google

неровной,—такой борьбы, въ которой одна сторона разгромлена, задавлена, забита, а другая, упиваясь торжествомъ, съ звѣрскимъ хладнокровіемъ истребляетъ систематически всѣ силы порабощеннаго врага. Парижскія экзекуціи массами не обличаютъ ничего иного, кромѣ желанія реакціонеровъ перебить все, что осталось въ живыхъ послѣ долгаго междоусобія въ рядахъ крайнихъ либераловъ; самое стеченіе въ Парижъ комунистовъ всѣхъ странъ и народовъ, присоединившихся къ той партіи, которая добивается городскаго самоуправленія и децентрализаціи, явилось какъ-бы желаннымъ подспорьемъ плану Тьера. Въ парижскомъ движеніи приняли участіе и представители международной ассоціаціи. Эта ассоціація, какъ извѣстно, возникла изъ желанія слить въ одно интересы всѣхъ рабочихъ, принадлежащихъ къ различнымъ національностямъ западной Европы, въ виду давно установившагося и постоянно возростающаго соединенія интересовъ капиталистовъ. Такое сліяніе интересовъ рабочихъ класовъ на Западѣ во враждѣ къ капиталу и въ цѣляхъ своихъ весьма естественно: ибо строй быта всѣхъ западныхъ народовъ пораженъ болѣзнію упорной борьбы капитала съ трудомъ. Во всѣхъ западныхъ государствахъ собственностью и капиталомъ дѣйствительно задавленъ безземельный рабочій людъ. Очень понятно, что общность интересовъ и борьба за существованіе, соединяя западныхъ рабочихъ противъ капитала и собственности, не смотря на различіе національностей, къ которымъ они принадлежатъ, привела ихъ представителей къ космополитическимъ утопіямъ и къ отрицанію собственности. Понятно также, что и принудительный характеръ, которымъ отмѣчены вѣроисповѣданія какъ католиковъ, такъ и протестантовъ, въ первомъ случаѣ клерикальный, а во второмъ государственный, вызвалъ въ ратоборцахъ за угнетенный класъ народа противленіе вѣрѣ и привелъ многихъ изъ нихъ къ чистому безбожію. Въ минуту страстныхъ битвъ, кто въ силахъ удержаться отъ крайностей, а битвы между голоднымъ рабочимъ и богатымъ капиталистомъ-собственникомъ на Западѣ совершаются безпрерывно. Рабочіе Германіи, Испаніи, Бельгіи, Англіи и т. д., солидарные интересами съ французскимъ рабочимъ, не могли остаться равнодушными къ борьбѣ послѣдняго. Также представители децентрализаціоннаго движенія въ Парижѣ, возникшаго изъ самой исторіи Франціи, опираясь на рабочій класъ, не могли оттолкнуть пришедшихъ къ нимъ на помощь представителей международной ассоціаціи, и въ борьбѣ противъ версальцевъ смѣшались съ ними.

Много разъ, слишкомъ много разъ, мы видѣли въ исторіи, какъ города разрушаются до основанія, но при разрушеніи Парижа мы становимся очевидцами одного важнѣйшаго обстоятельства, которое въ лѣтописяхъ міра случилось только однажды—въ Вавилонѣ, и теперь повторилось въ Парижѣ, это—смѣшеніе языковъ. Мы не говоримъ о внѣшнемъ смѣшеніи нарѣчій; не оно важно, ибо хотя на гибель Парижа сошлись люди со всѣхъ странъ свѣта, то все же въ столицѣ Франціи иноземцы

Digitized by Google

говорили по-французски, и говорили, по крайней мѣрѣ, на столько хорошо, чтобы быть вполнѣ понятными для французовъ. Мы говоримъ о внутреннемъ смѣшеніи языковъ, основанномъ на смѣшеніи понятій. Люди давали другъ другу кость вмѣсто хлѣба, змѣю вмѣсто рыбы, республику вмѣсто монархіи, монархію вмѣсто республики, призракъ вмѣсто дѣйствительности, форму вмѣсто содержанія, доктрину вмѣсто жизни,—и перестали понимать другъ друга. Зло явилось тѣмъ хуже, тѣмъ неисправимѣе, что *всѣ были искренни*, искренни до самоубійства.

Бываютъ тяжелыя времена, когда все общество изолжется. Жить въ такой средѣ крайне мучительно, но еще возможно, ибо правда еще не тронута. Она только обходится всѣми. Всякій, говоря съ другимъ, думаетъ про себя: я тебя знаю, вѣдь ты лжешь, да и ты знаешь, что я тебѣ правды не открою. Это самое доказываетъ, что оба правду знаютъ, но только скрываютъ ее. Тутъ еще не потеряна надежда, что минуетъ общее недоразумѣніе, заставляющее людей хитрить и истину прятать. Но когда неправдой стало то, что всѣми до сихъ поръ признавалось за непреложную истину, когда сама истина сдѣлалась ложью, когда нельзя сказать правду: люди лгутъ,—тогда нѣтъ спасенія, и всѣ поневолѣ должны видѣть другъ въ другѣ изверговъ, уродовъ, измѣнниковъ, ибо никому не можетъ прійти въ голову, чтобы въ самомъ дѣлѣ истина испортилась.

Имперіалисты боятся имперіи, напередъ зная, что она завтра же непремѣнно приведетъ къ реснубликѣ, и на этомъ основаніи считаютъ измѣнникомъ того, кто, соглашаясь съ ними, имъ говоритъ объ имперіи; республиканцы отворачиваются отъ республики, сквозь нея прозрѣвая диктатора-императора.

Правы и тѣ и другіе. Въ такихъ странахъ, какъ Франція, республика неминуемо ведетъ къ имперіи, а имперія къ республикѣ, потому что во Франціи и республика и монархія суть только формы безъ содержанія: и то и другое Парижъ навязываетъ цѣлой странѣ, какъ навязываетъ онъ ей платье, моду, не справляясь о томъ, пристала ли къ ней та или другая мода, готова ли страна къ пониманью того или другаго вида общежитія и государственнаго устройства. Парижъ готовъ, Парижъ понялъ,—этого и довольно.

Но что же онъ понялъ?—Опять одну форму. Содержанія онъ не разглядѣлъ вовсе, даже не удостоилъ взглянуть на него, ибо не знаетъ онъ ни умственнаго уровня французской націи, ни нравственнаго ея развитія, что собственно и составляетъ основное содержаніе всякаго государственнаго зданія.

Какая разница въ пріемахъ и пониманіи у различныхъ народовъ: подъ конецъ своего существованія, Парижъ задумалъ устроить въ себѣ комуну, ту самую общину, которая издревле существовала во всѣхъ городахъ и селахъ русскихъ, общинную власть, общинный судъ, общинное богат-

Digitized by Google

ство и землевладѣнье,—однимъ словомъ, *круговую поруку*. Какъ? круговую поруку между людьми, подозрѣвающими другъ друга въ измѣнничествѣ?... Какой же тутъ смыслъ?!

Народное согласіе создаетъ общину, но община не создаетъ народнаго согласія, а только переполнитъ чашу злобы и разрушитъ Вавилонъ, разрушитъ Парижъ, разрушитъ и Лондонъ, если Лондонъ, подобно имъ, повѣритъ въ форму, въ истукана, и забудетъ, что божественная сила не во внѣшней обстановкѣ общиннаго, или какого бы то ни было устройства, а въ единствѣ народнаго міровоззрѣнія. Когда оно установится, тогда комуна сама явится какъ необходимое внѣшнее выраженіе существующаго внутренняго согласія, но не на оборотъ.

Такимъ образомъ, благодаря общественной лжѣ и насилію исключительно личныхъ теорій и расчетовъ, Жюлю Фавру, въ его циркулярѣ, и версальскому правительству представилась возможность смѣшать децентрализаторовъ съ крайними комунистами, напугать общественное мнѣніе Франціи и Европы и не только избавить свою страну отъ первыхъ, но и оказать услугу другимъ западнымъ державамъ, перестрѣлявъ поодиночкѣ и иностранныхъ агитаторовъ. Военная диктатура въ Парижѣ, представленная людямъ, которые такъ мало выказывали энергіи и стратегическихъ способностей въ борьбѣ съ прусаками и такъ много послѣдовательности и стойкости въ экзекуціяхъ надъ ихъ собственными соотечественниками,—сковываетъ послѣднія силы недовольныхъ. Ссылки тысячами въ Кайену, на галеры, въ форты додѣлаютъ тотъ процесъ очищенія атмосферы, который начатъ былъ казнями. Тѣмъ временемъ французское правительство, движимое словно таинственнымъ сродствомъ цѣлей, спѣшитъ разоблачить враждебному еще вчера прусскому кабинету подробности о соприкосновенности нѣмецкихъ либераловъ, Карла Маркса, Якоби и ихъ друзей съ парижскимъ возстаніемъ, и Жюль Фавръ, въ порывѣ рвенія, сообщаетъ въ Берлинъ свѣдѣнія о сношеніяхъ этихъ лицъ съ парижскими комунистами, заимствованныя изъ перехваченной переписки. Участіе международной ассоціаціи въ организаціи возстанія снова даетъ поводъ къ мѣрамъ противъ этого общества. Врагъ отысканъ повсюду, вездѣ намѣченъ, выслѣженъ,—и начинается уже не преслѣдованіе, а просто травля либераловъ. Отъ ближайшихъ государствъ потребована выдача бѣглецовъ, но до этого требованія Испанія сама предлагаетъ свои услуги по этой части, за нею тянется Италія, изъ Бельгіи изгоняютъ Виктора Гюго за одно незначительное письмо, которому придана чуть не государственная важность, допускаютъ толпѣ уличнаго сброда безнаказанно оскорблять Гюго и умышленно заминаютъ слѣдствіе; французскіе агенты преслѣдуютъ Феликса Піа даже въ Швейцаріи. О томъ, какими дѣйствіями противъ крайнихъ отвѣтитъ Пруссія на любезное сообщеніе Жюля Фавра, говорить нечего. Словомъ, одна только Англія осталась вѣрна своему дѣдовскому праву убѣжища и, не опасаясь революціоннаго движенія у

Digitized by Google

себя, одна рѣшается, устами парламентскихъ ораторовъ и статьями своей прессы, протестовать противъ безчеловѣчной, неслыханной въ исторіи со временъ Варѳоломеевской ночи, бойни людей въ Парижѣ и грозить вмѣшательствомъ.

Не церемонясь съ агитаторами, вырывая съ корнемъ зло, французское правительство не церемонится долѣе и съ той формой правленія, которою оно, популярности ради, прикрывалось по сю пору. Послѣ строго обдуманнаго и послѣдовательно выполненнаго удаленія республиканцевъ изъ всѣхъ наиболѣе важныхъ административныхъ мѣстъ, послѣ торжества военщины, въ виду дымящихся кровью развалинъ Парижа, Тьеръ во всеуслышаніе объявляетъ въ версальскомъ національномъ собраніи, что возстановленіе монархіи въ будущемъ не представляется болѣе невозможностью, что впрочемъ о сохраненіи республики нужно *пока* позаботиться, а національное собраніе вслѣдъ за тѣмъ отмѣняетъ законъ, изгнавшій домъ Бурбоновъ на вѣки изъ Франціи, и признаетъ выборы принцевъ Омальскаго и Жуанвильскаго въ депутаты законными. Передъ измученнымъ народомъ, еще недавно высказавшимся за республику, вѣютъ уже вдали знакомыя *бѣлыя лиліи* блаженной бурбонской памяти, за которыми слѣдомъ потянутся снова и клерикализмъ и римскіе происки и реакція. Возстановленіе старой династіи является лишь вопросомъ времени; государственные идеалы отжившей поры будутъ снова насильно навязаны Франціи при общемъ одобреніи охранительныхъ державъ Запада. Но все насильно навязанное,—свобода ли, или деспотизмъ,—недолговѣчно, и новѣйшая реставрація можетъ оказаться такимъ же неудачнымъ экспериментомъ, какимъ оказалась и великодушно разыгранная первая.

Вообще позднѣйшему историку, могущему смотрѣть хладнокровнѣе и всестороннѣе на событія, переживаемыя нами, доставятъ любопытные метаріалы для исторической параллели двѣ сродныя поры усиленнаго втѣсненія консервативныхъ началъ въ народныя массы,—такъ называемая эпоха конгресовъ и періодъ, нынѣ начинающійся. Сходство побудительныхъ причинъ, условія, въ какія поставлены главнѣйшіе двигатели охранительнаго направленія, поразительны. Только измѣнившіяся обстоятельства, вопросы, выдвинувшіеся впередъ на смѣну старыхъ, даютъ новый ходъ движенію, направляя его въ иные, еще болѣе опасные пути. Какъ тогда, такъ и теперь дѣло идетъ о торжествѣ консервативнаго порядка и всеобщаго мира надъ возмущенными народными страстями; какъ тогда, такъ и теперь, нѣтъ недостатка въ писателяхъ, подкрѣпляющихъ своими измышленіями и доводами причудливѣйшіе планы государственныхъ людей.... И зданіе (для полнѣйшей вѣрности параллели), снова возводимое съ примѣрнымъ усердіемъ, окажется, вѣроятно, такъ же непрочнымъ, какъ непрочнымъ оказался механизмъ приснопамятнаго священнаго союза.

Въ числѣ мелкихъ памфлетовъ, имѣющихъ цѣлью распространять въ

Digitized by Google

массахъ идею о необходимости крестоваго похода во имя консерватизма, особенно выдается берлинская брошюра Ruszland und Deutschland, о которой намъ пришлось уже упоминать въ нашихъ обозрѣніяхъ и которая по происхожденію своему (какъ слышно) имѣетъ нѣкоторыя отношенія къ германскому канцлеру. Брошюру эту, получающую въ настоящее время особое значеніе, сочли нынѣ долгомъ перевести на плохой русскій языкъ въ Берлинѣ же, и такимъ образомъ перенести пропаганду въ болѣе обширныя сферы русскихъ политиковъ. Въ виду этого маневра, стòитъ нѣсколько пристальнѣе вглядѣться въ значеніе и цѣль этого упорно всюду втирающагося памфлета. Представить въ общей картинѣ взаимность интересовъ, связывающихъ Россію съ Германіей, и доказать спасительное значеніе русско-нѣмецкаго сближенія для блага Европы,— вотъ что представляется на первый взглядъ цѣлью автора; но, когда вчитываемся прилежнѣе, изъ нѣсколькихъ разсѣянныхъ по всей брошюрѣ намековъ оказывается прямое желаніе неизвѣстнаго политика воспользоваться этимъ сближеніемъ для подѣла Европы и рѣшенія ряда существенныхъ политическихъ вопросовъ соглашеніемъ двухъ кабинетовъ. Послушаемъ, что говоритъ брошюра о смыслѣ сближенія нашего съ Германіей, и о той роли, которую Россія играетъ въ ряду великихъ державъ. Тутъ-то обнаруживается, какое змѣиное шипѣніе прикрываетъ собою легкая, фразистая внѣшность слога брошюры. То, на чемъ въ былое время основывали свою репутацію Магницкіе, Руничи, Фотій,—яростное преслѣдованіе всего, что только не имѣетъ реакціоннаго характера,—то недалекое прошлое, въ которое вѣрится съ трудомъ,—ставится идеаломъ и неизмѣнной цѣлью русской политики. Если ненависть къ Россіи существуетъ на Западѣ, говоритъ авторъ брошюры, то она мотивирована лишь чисто консервативнымъ характеромъ всей политики Россіи. Но въ этомъ дѣлѣ естественнымъ союзникомъ ея является Германія; оба государства «сближены между собою общимъ интересомъ—поддерживать консервативный елементъ въ Европѣ». Въ настоящую минуту это сближеніе было болѣе чѣмъ когда либо необходимо въ виду «безпокойныхъ елементовъ», которые появляются въ различныхъ пунктахъ Европы и которые соединенными усиліями обѣихъ державъ предстоитъ окончательно раздавить. Указавъ такимъ образомъ Россіи, не страдающей никакими внутренними потрясеніями, достойную роль аллебардиста на часахъ у несовершеннолѣтней Европы, отгоняющаго отъ нея всякія внутри ея живущія и чуждыя Россіи скверны (вѣдь, на охранительномъ языкѣ, понятіе о безпокойныхъ елемантахъ чрезвычайно растяжимо и можетъ легко простираться на самыя невинныя стороны народной жизни), авторъ прибавляетъ: «Мы убѣждены, что правительства русское и германское и впредь пойдутъ рука въ руку, и такъ какъ безпокойные елементы въ Европѣ хотя и не совсѣмъ уничтожены, но на долгое время низвержены, то можно ожидать водворенія долголѣтняго мира.... Подобно тому, какъ

Германія въ 1870 году, послѣ сотни сраженій, уничтожила остатки революціи, державшей Европу въ продолженіи 80 лѣтъ въ постоянномъ страхѣ, и Россія, признавая эту услугу, не препятствовала ей,—такъ и теперь можно ожидать отъ этихъ *двухъ архиконсервативныхъ державъ* водворенія порядка и мирнаго процвѣтанія всей Европы, уничтоженія всѣхъ вредныхъ началъ, всѣхъ привиллегій и монополій, порожденныхъ егоизмомъ и безстыдствомъ, и замѣну ихъ дѣйствительными международными правами».

Россіи предлагаютъ беречь Европу отъ потрясеній, самой Россіи чуждыхъ, слѣдовательно, изъ чистой любви къ искусству, какъ встарь, въ пору перваго священнаго союза, она оберегала ее и по собственнымъ соображеніямъ и по наущеніямъ Австріи. Бѣдная страна, которую то одно, то другое сосѣднее государство прочитъ попеременно въ роль полицейскаго драбанта! Парижское возстаніе, по его подавленіи, не могло, конечно, не вызвать обычной реакціи въ консервативныхъ сферахъ, но на этотъ разъ реакція выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ возможнаго. Рѣшиться въ завѣдомо офиціозной брошюрѣ бросить перчатку странѣ, которой общество во все время французской войны не скрывало своихъ симпатій къ несчастному французскому народу, считать страну эту своей единомышленницей въ дѣлѣ повсемѣстнаго подавленія либерализма и заявлять это съ примѣрнымъ хладнокровіемъ и непринужденностью, изрѣдка уступающими мѣсто дружескимъ увѣщаніямъ русскому народу, забыть всѣ жалобы и законныя подозрѣнія противъ нѣмцевъ: все это—неслыханная дерзость. Но всѣ эти фразы, все это помаваніе консервативнымъ знаменемъ, развѣвающимся надъ архиконсервативнѣйшими державами, разумѣется, дѣлается не безъ задней мысли. Вредныя начала сами по себѣ—очень вредны, и отчего не прикрыть ими своихъ тайныхъ замысловъ, которые безъ этого облегчающаго обстоятельства выступали бы во всей отталкивающей наготѣ грубо-властолюбивыхъ посягательствъ? Подавить вредныя начала легче всего, овладѣвъ центрами, испускающими во всѣ стороны ядовитые лучи свои; поработивъ ихъ себѣ, можно такимъ образомъ достигнуть разомъ двухъ результатовъ: охранить Европу отъ опасности, постоянно ей грозящей, и округлить свои владѣнія сообразно политическимъ, военнымъ и торговымъ интересамъ своей страны. Не разъ уже указывали мы на то, что центрами революціоннаго движенія, угрожающими европейскому спокойствію, принято у прусскихъ блюстителей порядка считать нынѣ Чехію и Польшу,—поэтому первымъ шагомъ къ истребленію «вредныхъ началъ» должно быть присоединеніе обѣихъ земель къ единоспасающему организму прусско-германской имперіи; присоединеніе Чехіи ведетъ за собой разчлененіе Цислейтаніи,—стало быть, начатое дѣло должно быть докончено. Но послѣ Чеховъ, вредныхъ началъ не обрѣтается болѣе, и ими прикрыться нѣтъ уже возможности, зато призывается на помощь принципъ національности,

Digitized by Google

и общее германское отечество преклоняетъ отечески слухъ къ мольбамъ заброшенныхъ нѣмцевъ въ Штиріи и австрійскихъ эрцгерцогствахъ; затѣмъ, наконецъ, выступаютъ стратегическія и торговыя соображенія: безъ ключа къ Адріатическому морю нѣтъ истиннаго величія Германіи. И вотъ, цѣпью разнообразныхъ соображеній и неизбѣжныхъ причинъ, германская политика требуетъ, за сокрушеніемъ чехо-польскаго революціоннаго гнѣзда, и остальной Цислейтаніи вплодь до адріатическаго моря.

Но какъ же успокоить дружественную и столь же архиконсервативнѣйшую державу относительно своихъ плановъ, слишкомъ уже разросшихся? Средство самое легкое: стóитъ указать ей на Востокъ, поманить ее Чернымъ моремъ, но строго ограничить предѣлъ, отмежевываемый дозволяемымъ ей замысламъ: до сихъ поръ, и ни шагу дальше!—Посмотрите на дружескіе намеки берлинской брошюры. Она указываетъ на возможность распаденія оттоманской имперіи, но тотчасъ же спѣшитъ оговориться, что въ такомъ случаѣ господство Россіи укрѣпилось бы въ Малой Азіи и части Европейской Турціи, что, конечно, «не дало бы Россіи бóльшаго политическаго значенія въ Европѣ, чѣмъ то, которое она занимаетъ теперь». Авторъ допускаетъ для Россіи возможность полнаго завладѣнія Чернымъ моремъ, но въ то же время даетъ за нее категорическое обѣщаніе: «Россія, говоритъ онъ, не прикоснется къ Дунаю». На какомъ основаніи? Не на томъ ли, что Дунай, по старой нѣмецкой присказкѣ,—*нѣмецкая* рѣка?

Итакъ Россіи предоставляется Черное море и сколько угодно приращеній на Востокѣ, налагается запретъ на Дунай, можетъ быть, дастся и *часть* Европейской Турціи (кто же возьметъ остальныя части?), Цислейтанія и Польша въ рукахъ Германіи, — вредныхъ началъ болѣе нѣтъ, безпокойные елементы сданы въ крѣпкія руки,—словомъ, обезпечено водвореніе долговѣчнаго мира, предрекаемое брошюрой. Забыты, правда, народы, которыхъ дипломатъ искусникъ, какъ шашки, передвигалъ по своей програмѣ съ мѣста на мѣсто. Но вѣдь дѣло идетъ о славянахъ; а для славянъ, какъ мы уже говорили, не стоитъ и тратить крови,—ихъ можно устроить на любой образецъ соглашеніемъ охранительныхъ державъ. Въ самомъ дѣлѣ, о славянахъ и славянскомъ вопросѣ не говорено было ни слова въ продолженіе всей брошюры. Только въ концѣ, словно въ постскриптѣ, авторъ вспоминаетъ о нихъ и увѣряетъ, что онъ преднамѣренно опустилъ всѣ разсужденія о славянскомъ вопросѣ. Онъ недоумѣваетъ, возможны ли столкновенія между Россіей и Германіей изъ-за этого вопроса, но и на этотъ случай у него готово утѣшеніе, выраженное въ слѣдующемъ золотомъ изреченіи: «Хотя и нельзя отрицать возможности столкновеній въ этомъ дѣлѣ, но тѣмъ не менѣе *оно можетъ быть улажено комбинаціями, удовлетворяющими обѣ стороны*»..... Какими комбинаціями, какимъ новымъ передвиженіемъ шашекъ желаетъ нашъ политикъ удовлетворить Россію,—не ска-

Digitized by Google

зано; но, быть можетъ, найдена будетъ горсть славянъ, присоединеніемъ которой къ Россіи будетъ насыщено ея властолюбіе!... Какъ будто этого добивается Россія, какъ будто пугало панславизма состоитъ въ алчномъ и ненасытномъ поползновеніи возсоединять съ Россіею славянъ до безконечности, увеличивая размѣры государства и стремясь тѣмъ къ его ослабленію. Никакими *комбинаціями*, которыя могутъ измышлять авторы офиціозныхъ брошюръ, не удовлетворить истиннымъ русскимъ требованіямъ. Предать славянъ во власть и въ милость германизаціи не значитъ ли утратить вѣрнаго союзника и нажить себѣ съ годами несокрушимаго врага? Въ виду этого, никакія комбинаціи не помогутъ. Или не хотятъ ли, быть можетъ, намъ указать, какъ на достойное возмездіе, снова на Востокъ и посовѣтовать искать утѣшенія и новыхъ силъ въ сокрушеніи какихъ нибудь несчастныхъ сартовъ, хивинцевъ, или туркменовъ?.. Когда долго собиравшійся съ силой врагъ наконецъ смѣло поднимаетъ голову и не считаетъ болѣе необходимымъ скрывать свои замыслы, естественно думать, что тѣ, которымъ прежде всего угрожаютъ они лишеніемъ свободы и національности, напрягутъ послѣднія усилія для отраженія натиска. Но не у всѣхъ славянъ мы увидимъ приготовленія къ борьбѣ. Въ то время, какъ чехи являются передовыми бойцами во имя національности, пріучившими нѣкогда своимъ примѣромъ остальное славянство высоко цѣнить этотъ принципъ и пріобрѣвшими въ безпрерывной борьбѣ опытность и тактъ, поистинѣ изумительные,—у другаго народа, столь же непосредственно угрожаемаго германскими поползновеніями, у поляковъ, не видимъ и слѣда серьезнаго собиранія силъ. Раздробленные на нѣсколько враждующихъ партій, они еще недавно ожидали своего возрожденія отъ той самой страны, которая теперь готовитъ имъ гибель. Въ Австріи они въ продолженіи послѣднихъ лѣтъ, въ виду отчаяннаго сопротивленія славянъ политикѣ дуализма, предававшаго ихъ совершенно въ руки нѣмцевъ, шли объ руку съ этими нѣмцами, безконечно лавируя между встрѣтившимися препятствіями, преслѣдуя одни лишь утилитарныя цѣли и не боясь, раздраживъ окончательно славянъ, очутиться вполнѣ изолированными. Въ настоящую минуту они, начиная признавать уже въ принципѣ пользу сближенія съ Россіей, продолжаютъ держаться утопическихъ плановъ, настаивая на возстановленіи границъ 1772 года, заявляя свои права на восточную часть Галиціи и сталкиваясь съ чехами по вопросу объ австрійской Силезіи.

Въ настоящую минуту не только умѣстно, но жизненно необходимо повести серьезную рѣчь съ обѣихъ сторонъ о польскомъ вопросѣ. Взаимное благо настоятельно того требуетъ. Пора наконецъ полякамъ убѣдиться, что настаивать на возстановленіи границъ 1772 года—значитъ: рѣшительно дѣлать соглашеніе невозможнымъ, что требовать себѣ областей не только чисто русскихъ и, стало быть, всѣми сторонами быта своего связанныхъ съ Россіей, но и неизмѣнно настроенныхъ враждебно къ

Digitized by Google

польскому началу, было бы безуміемъ. Пора понять, что не о тѣхъ или другихъ границахъ идетъ теперь рѣчь, а о превращеніи ихъ самихъ въ нѣмцевъ, о превращеніи ихъ въ матеріалъ для созданія антиславянской твердыни. Неужели отысканіе историческихъ давно минувшихъ, этнографическихъ и вѣроисповѣдныхъ граней можетъ ожесточать поляковъ противъ русскаго государства, когда рядомъ другое государство систематически стираетъ славянскія народныя границы? Допустивъ даже, что оба сближенія могутъ, съ польской точки зрѣнія, считаться зломъ; не благоразумно ли изъ двухъ золъ выбирать легчайшее?

Чехи, естественные посредники между нами и поляками, не разъ уже остерегали ихъ отъ упорнаго требованія уступокъ несбыточныхъ. Это доказывалъ Тоннеръ, о брошюрѣ котораго мы въ свое время уже говорили; это же недавно категорически заявили «Народные Листы» въ статьѣ озаглавленной *Слово къ полякамъ*. Сличая по историческимъ событіямъ направленіе русской и нѣмецкой политики, авторъ названной статьи доказываетъ, что жизненный интересъ Германіи требуетъ воспрепятствовать воскресенію Польши изъ мертвыхъ, и что никогда не найдется ни одного правительста въ Германіи, которое *осмѣлилось бы* желать этого. «Напротивъ того, говоритъ авторъ, имѣетъ ли Россія такой же интересъ уничтожить поляковъ какъ народъ? Четыреста лѣтъ тянется несчастный польско-русскій споръ, а когда же Россія въ теченіи этого спора выставляла своею програмой истребленіе польскаго елемента въ его природныхъ границахъ?» Настоящее время еще болѣе подтверждаетъ справедливость этого соображенія чешскаго публициста; Россія дѣйствительно не имѣетъ никакого интереса уничтожить поляковъ какъ народъ. Поляки занимаютъ промежуточное мѣсто между Германіей и Россіей, а безъ нейтральнаго промежутка между обѣими державами не проченъ и не дологъ будетъ миръ между ними. Германія ясно понимаетъ это значеніе Польши и потому-то и не скрываетъ замысловъ завладѣть этой важною для нея твердыней. Не ожидаютъ ли въ самомъ дѣлѣ отъ насъ, что мы собственными руками отдадимъ сильному государству то, что можетъ составить нашу собственную опору?

«Подите же, польскіе братья, къ Россіи», продолжаетъ чешскій авторъ, «испытайте народъ русскій: ни въ немъ, ни въ какой либо изъ его политическихъ партій вы не найдете того враждебнаго зложелательства противъ васъ, которое вы имъ приписываете. Никто не желаетъ истребленія поляковъ, но всѣ сходятся въ томъ, что съ народомъ польскимъ въ его естественныхъ границахъ слѣдуетъ поступить по справедливости, что самобытность царства польскаго должна быть рано или поздно обновлена». Въ томъ же смыслѣ говоритъ Тоннеръ въ своей брошюрѣ, совѣтуя устранить главное препятствіе къ сближенію: «Что сказалъ бы свѣтъ и въ особенности сами поляки, говоритъ онъ, еслибы мы сами, не обращая вниманія на дѣйствительность, начертали на нашемъ зна-

Digitized by Google

мени, что ни о чемъ не хотимъ знать, кромѣ возстановленія стараго чешскаго королевства въ томъ видѣ, въ какомъ оно было при Болеславѣ II, или Отокарѣ II, или по крайней мѣрѣ при Людовикѣ, еслибъ мы заявляли притязанія на всю Силезію и обѣ Лужицы? А такія требованія по истинѣ ни чуть не шли бы далѣе требованій польскихъ о возстановленіи Польши въ границахъ 1772 года». Но требуя уступчивости со стороны слабѣйшаго, указывая ему, что этимъ только путемъ онъ можетъ возвратить себѣ утраченное, Тоннеръ обращается и къ сильнѣйшей сторонѣ, разъясняя, что благоразуміе предписываетъ ей не преувеличивать значенія своей силы и не надѣяться слишкомъ легкомысленно на нее, но заблаговременно обезпечить себя отъ грозящей опасности. «Какой примѣръ подаетъ Россіи лукавая Пруссія, дѣйствующая относительно южно-нѣмецкихъ государствъ съ величайшей осторожностью, соглашаясь на значительнѣйшія уступки изъ-за одного желанія упрочить свой союзъ съ ними!»

Слова увѣщанія, раздающіяся со стороны чеховъ, встрѣчаютъ отзвукъ въ благоразумнѣйшихъ и дѣльнѣйшихъ представителяхъ польской печати. Правда, что рутина терроризируетъ еще въ значительной степени эту печать, и органъ, рѣшающійся прямо проповѣдывать необходимость сближенія, подвергается порицанію въ отсутствіи патріотизма; находятся люди, которые стараются всѣми средствами вредить подобнымъ изданіямъ. Такъ было съ газетой «Dziennik Lwowski», помѣстившей у себя прекрасную статью Гилярія Третера: «Поляки и славянство». Эта статья побудила лицъ, давшихъ залогъ на эту газету, потребовать его обратно и тѣмъ прекратить ея существованіе. Но самое появленіе подобной статьи служитъ краснорѣчивымъ фактомъ извѣстной зрѣлости мысли о примиреніи, съ которымъ въ принципѣ согласно большинство печати, лишь съ различными и разнообразными оговорками. Третеръ повторяетъ приведенные нами доводы, выражаетъ желаніе, чтобы въ печатной русско-польской полемикѣ серьезность и толковость преобладали надъ мечтаніями и измышленіями, и заявляетъ, что поляки должны считать своимъ долгомъ поддержаніе попытки Тоннера и другихъ чеховъ. Пробуждая въ своемъ народѣ славянское, національное, служеніе и руководясь болѣе разумомъ, чѣмъ страстью, поляки исполнятъ, по его словамъ, къ несчастію доселѣ невыполненное призваніе свое. Такъ сходятся и гармонически вторятъ другъ другу голоса изъ двухъ главнѣйшихъ центровъ славянства; они напоминаютъ польскому народу, что у него нѣтъ иного выбора—либо быть братомъ русскому народу, либо сдѣлаться рабомъ нѣмцевъ. «Русскаго вы можете сдѣлать своимъ другомъ, говорятъ полякамъ «Народные листы»,—даже своимъ лучшимъ братомъ, но нѣмецъ во всю жизнь будетъ неизмѣннымъ вашимъ врагомъ».

Совѣты и доводы въ такомъ дѣлѣ не могутъ быть обращены лишь къ одной сторонѣ; по выраженію Тоннера, и сильнѣйшій не долженъ

Digitized by Google

черезмѣрно полагаться на свою мощь. У насъ существуетъ не малое число политиковъ—оптимистовъ, которые смотрятъ въ розовомъ свѣтѣ на мнимое единство интересовъ Россіи и Германіи, которые не затруднятся даже заподозрить противуположное воззрѣніе въ реакціонномъ духѣ, враждебномъ всякому развитію; постоянно внѣдряющееся во всѣ стороны русской жизни нѣмецкое вліяніе застилаетъ многимъ глаза и ведетъ многихъ политиковъ за собой, какъ послушное, прирученное домашнее существо. Не говоримъ уже о тѣхъ лицахъ, которыя по собственному умственному складу глубоко сочувствуютъ подвигамъ, подобнымъ походу противъ вредныхъ началъ, проповѣдываемому берлинской брошюрой. Всѣмъ этимъ воззрѣніямъ, какъ бы распространены они ни были, давно уже время уступить первенство здравому и практическому взгляду на положеніе дѣлъ. Нечего болѣе обманывать себя и убаюкивать возникающія сомнѣнія увѣренностью въ искренности дружбы Германіи и въ ея великодушіи. Опасность передъ нами, и нельзя уже долѣе закрывать на нее глаза; еще время не потеряно, еще всѣ способы не исчерпаны.... Въ сознаніи всѣхъ шевельнулась догадка, что предстоитъ неизбѣжный кризисъ, въ виду котораго старыя теоріи становятся несостоятельными. Даже тѣ лица, которыхъ еще недавно можно было считать сторонниками наиболѣе рѣзкихъ мѣропріятій по польскому дѣлу, зорко всматриваясь въ настоящее положеніе дѣлъ въ Европѣ, ощутительно отворачиваются отъ прежнихъ взглядовъ и хотѣли бы затянуть иную пѣсню, еслибы разладъ со старымъ ихъ исповѣданіемъ не былъ слишкомъ уже соблазнителенъ. Въ этомъ смутномъ состояніи умовъ, высказывать прямо свои честныя убѣжденія есть долгъ каждаго; къ чему же медлить съ заявленіемъ необходимости поворота и неизбѣжности той мѣры, которую сами обстоятельства настоятельно вызываютъ?

Въ послѣднее время въ средѣ самого славянства послышались голоса, стремящіеся возстановить общественное мнѣніе противъ Россіи и ея пагубной политики. Главный тонъ въ этомъ дѣлѣ даютъ сербскія офиціозныя газеты, подстрекаемыя къ тому бѣлградскимъ регентствомъ, идущимъ слѣпо за мадьярской указкой. Снова выступаютъ на сцену старыя бредни о панславизмѣ всеподавляющемъ, всеуничтожающемъ; заявляется опасеніе давленія Россіи и выражается желаніе, чтобы славянскимъ племенамъ было предоставлено самимъ устроить свою судьбу; при этомъ дѣлается тонкій намекъ на объединительную миссію Сербіи.... Тысячу разъ правъ былъ извѣстный Сундетичъ, чье яркое изображеніе хаоса, господствующаго въ славянскомъ политическомъ мірѣ, уже знакомо читателямъ «Бесѣды»; онъ указывалъ на различныя перекрестныя вліянія, враждебныя другъ другу; онъ говорилъ, что въ то время, какъ русскіе патріоты мечтаютъ спасти все славянство православіемъ и панрусизмомъ, сербы желали бы весь свѣтъ посербить; политики другихъ національностей хлопочутъ въ подобномъ же смыслѣ для своего народа, и въ этой погонѣ за преобладаніемъ уходитъ благопріятное время и тратятся

Digitized by Google

здоровыя силы. То же повторяется и теперь. Насъ упрекаютъ въ панрусизмѣ, который въ дѣйствительности гнѣздится развѣ въ сотнѣ другой квасныхъ патріототъ, жадныхъ до прозелитизма всякаго рода, и то врядъ ли, да въ какой нибудь парѣ убогихъ періодическихъ изданій,—но взамѣнъ того предлагаютъ не равноправность, а пансербизмъ; какъ будто идеальное состояніе заключается въ порабощеніи подъ какое либо ярмо! Иные любятъ выгораживать изъ своихъ діатрибъ русскій народъ, но и эти люди грубо ошибаются, потому что, отталкивая его своею подозрительностью, они никогда не пріобрѣтутъ его сочувствія и поддержки. Симпатіи международныя складываются не разомъ, а наростаютъ и развиваются съ годами, и потому въ рѣшительную минуту славянство могло бы остаться вполнѣ изолированнымъ.

Недостатокъ единства воззрѣній проникаетъ даже въ сферы, отъ которыхъ его всего менѣе можно бы было ожидать; такъ въ послѣднее время снова поднятъ съ ожесточеніемъ злосчастный вопросъ о литературномъ языкѣ русскихъ въ восточной Галиціи. Снова, благодаря статьѣ священника Качалы, заявляется необходимость особаго южнорусскаго литературнаго языка, и упомянутый писатель не находитъ словъ для униженія великорусской литературы, съ которой не стóитъ сближаться; онъ даже отрицаетъ существованіе сколько нибудь развитой литературы у великорусовъ, что, конечно, дѣлаетъ большую честь его обширнымъ свѣдѣніямъ. Ожесточеніе нападковъ г. Качалы на втѣсняющуюся въ Галицкую Русь московитскую письменность совершенно излишне. Къ счастью, никогда еще наша литература не грѣшила этимъ принудительнымъ направленіемъ; никто не приневоливаетъ галичанъ примкнуть къ идущему уже ходко развитію ея. Но не мѣшало бы взглянуть положительнѣе на вопросъ. Стоя за самобытность, автономію и федеративную связь славянъ, мы въ принципѣ не можемъ не допустить свободы каждаго изъ племенъ жить такъ, какъ ему хочется; свобода эта не устраняетъ и область національной письменности. Но въ самомъ славянствѣ не далеки примѣры неудовлетворительности итоговъ литературнаго обособленія въ тѣхъ вѣтвяхъ его, которыя тѣсно сближены между собою. Стóитъ вспомнить разладъ между чешской и словацкой литературой, между литературнымъ языкомъ западныхъ и восточныхъ словаковъ. Пусть наши галицкіе соплеменники разработываютъ свою литературу и теряютъ время на созданіе своего литературнаго языка, пока рядомъ съ ними ростетъ и крѣпнетъ доступная всѣмъ имъ и сравнительно весьма развитая уже литература. Сторонясь отъ общаго движенія, они забываютъ высшія цѣли литературы и подчиняютъ свою культуру мелкимъ, приходскимъ стремленіямъ. Дождемся ли результатовъ этой медленной и неблагодарной работы, а пока искренно пожалѣемъ, что такая безтактность можетъ вносить разнозвучіе въ отношенія племенъ, столь нуждающихся въ настоящую минуту въ тѣснѣйшемъ и дружественнѣйшемъ взаимномъ сближеніи.

Digitized by Google

ПОПРАВКИ. Въ 5-й книгѣ «Бесѣды», въ статьѣ А. Градовскаго, вкрались значительныя типографскія ошибки, не досмотрѣнныя корректоромъ. Редакція проситъ исправить ихъ. Стран. 54, стр. 19, св.: *призваннымъ*—слѣдуетъ «не призваннымъ». Стран. 57: *Молебранша*—слѣд. Малебранша. Стран. 69, стр. 16, сн.: *Россіи*—слѣд. Рима. Стран. 72, стр. 2, сн.: *государствъ*—слѣд. государства. Стран. 73: *Der geuhlossene Handelestaat*—слѣд. Der geschlossene Handelsstaat. Тамъ же: *Ruhtslehre*—слѣд. Rechtslehre. Стран. 78, стр. 3 и 4, св.: *собственнаго слова, еслибъ оно говорило*—слѣд. собственнаго сына, еслибъ онъ говорилъ. Стран. 83, стр. 2, св.: *собую*—вмѣсто собою. Стран. 84, стр. 8 св. *Тамозій*—вм. Томазій. Та же стран. *cantral*—вм. contrat: *Вальнея*—вм. Вольнея. Стран. 88, стр. 1, св.: *революція*—слѣд. реформація. Стран. 90, стр. 4, сн.: *шеборскихъ*—вм. хеварскихъ. Стран. 91, стр. 9, сн.: *одинакого*—вм. одинокаго. Стран. 93: *Bedeie ondu deutsche*—слѣд. Reden an die deutsche. Тамъ же, стр. 2, сн.: *Горденбергу*—вм. Гарденбергу. Стран. 97, стр. 5, сн.: *Бозедовъ*—вм. Базедовъ.

Редакторъ-издатель С. А. Юрьевъ

Digitized by Google

ГАЗЕТА
„ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“,

пріостановленная по распоряженію начальства, завѣдывающаго дѣлами печати, 11-го минувшаго января, на 6-ть мѣсяцевъ, возобновится 11-го числа наступающаго іюля мѣсяца.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА безъ доставки: на полгода 3 р. 50 к., на 3 м. 1 р. 75 к., на мѣс. 62½ к.; съ пересылкой по почтѣ и *доставкой* на домъ: на полгода 4 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р. 25 к., на мѣсяцъ 75 к., считая на упаковку газеты въ полгода 30 к. и ¼ года 15 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи, а также во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ открыта подписка на періодическія изданія.

Желающимъ дѣлается разсрочка въ платежѣ, но только при выпискѣ изъ самой редакціи.

Такъ какъ главнѣйшіе вопросы внутренней жизни Россіи разрабатываются въ «Дѣятельности» систематически и въ связи, то новымъ подписчикамъ, буде пожелаютъ, вышлются первые семь нумеровъ текущаго года. Во всякомъ же случаѣ, для упрощенія разсчетовъ, не исключая и почтовыхъ, время съ 11-го по 31-е іюля будетъ сочтено за цѣлый мѣсяцъ.

ПРОДАЕТСЯ

въ Москвѣ, у книгопродавцевъ: Готье, Соловьева и Глазунова книга,

ГОЛОСЪ ИЗЪ ЗЕМСТВА,

соч. А. Кошелева.

Содержаніе: I. О земскихъ собраніяхъ. II. Что такое русское дворянство, и чѣмъ оно быть должно. III. О дворянствѣ и землевладѣльцахъ. IV. О нынѣшнемъ положеніи крестьянъ и о мѣрахъ къ улучшенію новаго быта. V. О городахъ и горожанахъ. VI. О приходскихъ попечительствахъ. VII. О сельскихъ школахъ. VIII. О мѣрахъ къ сокращенію пьянства въ народѣ.

ЦѢНА 1 РУБ. 50 КОП.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ редакцію „Бесѣды“, ничего не прилагая за пересылку.

Digitized by Google

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

И. Г. СОЛОВЬЕВА.

Москва, Страстной бульваръ, домъ Алексѣева.

Первая цѣна означена безъ пересылки, вторая—съ пересылкой.

Исторія Императорской Академіи Наукъ. П. Пекарскаго. Т. I. Спб. 1870. Ц. 3 р.—3 р. 50 к.

Сочиненія Державина. Изд. И. А. Н., съ объяснит. примѣч. Я. Грота. Т. VI. Спб. 1871. Ц. 2 р. 50 к.—3 р.

Политика, исторія и администрація. А. Градовскаго. Спб. 1871. Ц. 2 р. 50 к.—3 р.

Расказы о русской старинѣ. С. Шубинскаго. Спб. 1871. Ц. 1 р. 25 к.—1 р. 50 к.

Полабскіе славяне. А. Павинскаго. Спб. 1871 Ц. 1 р. 50 к.—1 р. 75 к.

Объ основныхъ моментахъ наслѣдованія. В. Никольскаго. М. 1871. Ц. 1 р. 75 к.—2 р.

Осада Парижа 1870—1871. Фр. Сарсе. Перев. съ 5-го франц. изд. Спб. 1871. Ц. 1 р. 75 к.—2 р.

Путешествіе къ центру земли. Ж. Верна, съ 60 рисунками. Пер. М. Вовчка. Спб. 1871. Ц. 2 р. 50 к.—3 р.

Жизнь заключенныхъ. В. Никитина. Спб. 1871. Ц. 1 р. 50 к.—1 р. 75 к.

Государственные преступники Англіи. Историческій очеркъ Лондонской Башни. Соч. В. Диксона. Т. II. Спб. 1871. Ц. 2 р. 50 к.—2 р. 75 к.

Война 1870 года. В. Рюстова. Перев. съ нѣмец. Кн. I, вып. I—II. Спб. 1871. Ц. 1 р.—1 р. 25 к.

По полямъ битвъ и лазаретамъ въ 1870 г. И. Пильца. Спб. 1871. Ц. 1 р. 25 к.—1 р. 50 к.

Замогильныя записки Пиквикскаго клуба. Романъ. Ч. Диккенса. 2 т. Спб. 1871. Ц. 3 р. 50 к.—4 р.

Еврейская библіотека. Т. I. Спб. 1871. Ц. 2 р. 50 к.—3 р.

Основы химіи. Д. Менделѣева. 2 ч. Спб. 1871. Ц. 6 р.—7 р.

Разслѣдованіе о цѣлебности вліянія, называемаго животно-магнетическимъ. В. Михайлова. Вып. I. М. 1871. Ц. 1 руб. 75 к.—2 р.

Родовспомогательное искусство. Д-ра I. Шнета. Спб. 1871. Ц. 1 р. 60 к.—2 р.

Толкованіе на паремія изъ книги Бытія. Свящ. В. Нечаева. М. 1871. Ц. 1 р.—1 р. 25 к.

Digitized by Google

Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время. Соч. автора исторіи отечественной войны 1812 г. Т. V и VI. Спб. 1871 г. Ц. 5 руб.—5 руб. 50 коп.

Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской. Е. Голубинскаго. М. 1871 г. Ц. 3 р.—3 р. 30 коп.

Изъ исторіи славянскаго благотворительнаго комитета въ Москвѣ. Первое пятилѣтіе. Н. Попова. М. 1871 г. Ц. 50 к.—70 к.

Исторія нидерландской революціи. Соч. Мотлея. Перев. съ англ. Т. III. Спб. 1871 г. Ц. 2 р, 50 к.—2 р. 80 к.

Ежегодникъ министерства финансовъ. Вып. II на 1870 г. Спб. 1871 г. Ц. 2 р. 25 к.—2 р. 50 к.

Финансовое управленіе и финансы Пруссіи. А. Заблоцкаго-Десятовскаго. Т. I и II. Спб. 1871 г. Ц. 5 р.—5 р. 50 к.

Финансовый кредитъ. Э. Вредена. Ч. I. Спб. 1871 г. Ц. 1 р. 50 к.—1 р. 70 к.

Исторія русскаго права. М. М. Михайлова. 36 лекцій. Спб. 1871 г. Ц. 2 р.—2 р. 25 к.

Мошенничество по русскому праву. Изслѣд. Ив. Фойницкаго. Спб. 1871 г. Ц. 2 р. 50 к.—2 р. 80 к.

Историческій очеркъ конкурснаго процесса. Соч. К. Малышева. Спб. 1871 г. Ц. 2 р. 50 к.—2 р. 80 к.

Молодые преступники. А. Богдановскаго. Спб. 1871 г. Ц. 2 р.—2 р. 25 к.

Нашъ другъ. Сост. Бар. Н. Корфъ. Спб. 1871 г. Ц. 45 к.—65 к.

Воспитаніе сына. Педагогическія письма къ молодой матери. Соч. Бёме. Перев. съ нѣмец. Спб. 1871 г. Ц. 30 к.—50 к.

Цыгане. Романъ въ 3 ч. Соч. В. Клюшникова. Спб. 1871 г. Ц. 1 р.—1 р. 20 к.

Свѣтловъ (шагъ за шагомъ). Романъ Омулевскаго въ 3 ч. Спб. 1871 г. Ц. 2 р.—2 р. 50 к.

Послѣдніе дни Помпеи. Современная земская комедія Н. Климова. Спб. 1871 г. Ц. 1 р.—1 р. 20 к.

Тайны инквизиціи. Романъ Ферреаля. М. 1871 г. Ц. 2 р.—2 р. 30 к.

Повѣсть и деревенскіе разсказы. Б. Ауэрбаха. Т. I. Спб. 1871 г. Ц. 1 р. 25 к.—1 р. 50 к.

Санъ-Феличе. Романъ А. Дюма. 2 т. Спб. 1871 г. Ц. 3 р. 50 к.—4 р.

Ольдтоунскіе старожилы. Романъ Бичеръ Стоу. Спб. 1871 г. Ц. 1 р. 50 к.—1 р. 75 к.

Адская жизнь. Романъ Габоріо. Спб. 1871 г. Ц. 2 р.—2 р. 25 к.

Чтенія въ Московскомъ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія. Кн. 13. М. 1871. Ц. 1 р.—1 р. 25 к.

Digitized by Google

Руководство къ изученію садоводства и огородничества. Э. Рего. 4-е изд. Спб. 1871. Ц. 2 р. 50 к.— 3 р.

Древоводство. А. Крылова. М. 1871. Ц. 75 к.—1 р.

Кустовое садоводство. А. Крылова. М. 1871. Ц. 50 к.—75 к.

Спутникъ заводчика. Сост. Контоевскій. М. 1871. Ц. 1 р. 50 к.— 1 р. 75 к.

ПРОГРАММА

ЕЖЕДНЕВНАГО ИЗДАНІЯ ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ

„НОВОСТИ“

Газета для всѣхъ.

Газета „НОВОСТИ“ будетъ выходить по слѣдующей программѣ:

1) **Правительственныя извѣстія**. Сюда войдутъ какъ общія постановленія и распоряженія, такъ равно и мѣстныя, имѣющія исключительный интересъ для столичнаго населенія. 2) **Дневникъ**. Здѣсь будутъ помѣщаться краткія свѣдѣнія и замѣтки о всѣхъ современныхъ фактахъ и явленіяхъ, исполненныхъ общественнаго интереса. 3) **Городскія новости**. Въ этотъ отдѣлъ войдутъ самыя разнообразныя свѣдѣнія изъ столичной общественной жизни, какъ-то: а) свѣдѣнія о всѣхъ публичныхъ собраніяхъ, театрахъ, канцертахъ, балахъ, увеселеніяхъ, устраиваемыхъ клубами, и разныхъ иныхъ общественныхъ развлеченіяхъ; б) свѣдѣнія о всѣхъ новостяхъ по столичной торговлѣ; в) краткія свѣдѣнія о болѣе замѣчательныхъ новостяхъ по литературѣ; г) свѣдѣнія о всѣхъ особенныхъ случаяхъ и произшествіяхъ въ столицѣ; д) краткія извѣстія о всѣхъ, сколько нибудь замѣчательныхъ, разбирательствахъ, какъ въ мировыхъ, такъ и общихъ судебныхъ мѣстахъ столицы, безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній; е) свѣдѣнія о бракосочетавшихся и умершихъ и т. д. 4) **Разсказы**. Подъ этою рубрикою изрѣдка будутъ помѣщаться небольшіе разсказы, построенные на явленіяхъ общественной жизни. 5) **Политическія новости**. Въ этотъ отдѣлъ войдутъ.: ДЕПЕШИ, а также извлеченія изъ иностранныхъ газетъ о важнѣйшихъ современныхъ политическихъ событіяхъ. 6) **Справочный указатель**. Здѣсь, съ возможною полнотою, будутъ сосредоточены спровочныя извѣстія, одинаково необходимыя для жителей всѣхъ слоевъ общества, а именно: а) курсъ на главнѣйшія процентныя бумаги, правительственныя и

Digitized by Google

частныя; б) точныя свѣдѣнія о времени прихода желѣзно-дорожныхъ поѣздовъ и пароходовъ; в) свѣдѣнія о пріемѣ въ клиникахъ и лечебницахъ; г) репертуаръ театральныхъ зрѣлищъ и иныхъ увеселеній; д) свѣдѣнія о публичныхъ библіотекахъ, музеяхъ, художественныхъ собраніяхъ и иныхъ ученыхъ коллекціяхъ; е) ежедневный церковный календарь и вообще свѣдѣнія о храмовыхъ и церковныхъ праздникахъ; ж) свѣдѣнія метеорологическія; з) извѣстія о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ; и) свѣдѣнія о прибывшихъ и выбывшихъ и т. д. **7) Объявленія и рекламы.**

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки.		Съ достав. и пересылкою во всѣ города:	
На годъ	5 р.	На годъ	6 р. 50 к.
На 8 мѣсяцевъ (съ 1 мая по 1 января)	3 р. 75 к.	На 8 мѣсяцевъ (съ 1 мая по 1 января)	5 р.
На 6 мѣсяцевъ	3 р.	На 6 мѣсяцевъ	3 р. 60 к.
На три мѣсяца	1 р. 75 к.	На 3 мѣсяца	2 р. 25 к.
На одинъ мѣсяцъ	65 к.	На 1 мѣсяцъ	80 к.

Цѣна отдѣльному нумеру 3 к.

Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи „НОВОСТЕЙ“, *на Милліонной улицѣ, въ домѣ* № 7 (подлѣ Мраморнаго дворца), во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, а также въ библіотекѣ Петрова (на Васильев. Остр., на углу Большаго проспекта и 2-й линіи, д. № 17).

Редакторъ-издатель **Ю. ШРЕЙЕРЪ.**

Digitized by Google

Стран.

X.— ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Борьба консервативнаго начала съ либерализмомъ; повсемѣстныя гоненія на демагоговъ.—Близость орлеанской реставраціи.—Торжество легитимизма на всей линіи.—Будущій священный союзъ.—Програма его, набрасываемая берлинской офиціозной брошюрой.—Необходимость искорененія *вредныхъ началъ*.—Архиконсерватизмъ.—Славянскій вопросъ и будущность поляковъ.—Брошюра Тоннера и львовскій отвѣтъ на нее.—Необходимость устройства судьбы Польши.—Границы 1772 года.—Поворотъ въ нашемъ общественномъ мнѣніи.—Недовѣріе къ Россіи, проповѣдываемое изъ Бѣлграда.—Панрусизмъ и пансербизмъ.—Галицкіе споры о литературномъ языкѣ. . . 84

ПОПРАВКИ. ОБЪЯВЛЕНІЯ. Книжная торговля И. Г. Соловьева.

Объявленія для помѣщенія въ ближайшей книжкѣ «Бесѣды» принимаются по слѣдующей цѣнѣ: за страницу—10 руб., за ½ страницы—5 руб., за ¼ страницы—3 руб. Помѣщающіе свои объявленія послѣдовательно въ нѣсколькихъ книжкахъ пользуются уступкою 15%; равно и гг. книгопродавцамъ, обращающимся прямо въ контору редакціи, дѣлается уступка 25%. Кромѣ конторы редакціи объявленія принимаются у Н. А. Мейера (Солянка, домъ Бабурина).

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

«Бесѣда» издается съ 1871 года, въ Москвѣ, безъ предварительной цензуры, по слѣдующей программѣ:

1. **Изящная словесность.** Русскія произведенія въ стихахъ и прозѣ, переводы и изложенія сочиненій иностранныхъ писателей.

2. **Науки и искусства.** Статьи о разныхъ предметахъ наукъ и искусствъ.

3. **Жизнь русскаго народа:** а) Движеніе русскаго законодательства б) Судъ, земство, городское и крестьянское управленіе. в) По возможности всестороннее изученіе русской народной жизни. г) Статьи по всѣмъ вопросамъ, отъ которыхъ зависитъ умственное, нравственное и общественное развитіе Россіи и ея экономическое благосостояніе. д) Статьи по всѣмъ отдѣламъ русской исторіи.

4. **Славянскіе народы.** Исторія славянскихъ народовъ, ихъ бытъ, ихъ дѣятельность умственная, общественная, политическая, и вопросы, возбуждаемые современнымъ ихъ положеніемъ.

5. **Иноплеменные народы.** Ихъ историческое развитіе, современное состояніе ихъ умственной, религіозной, общественной, политической жизни, и вопросы, занимающіе ихъ въ настоящее время.

6. **Критика** замѣчательныхъ произведеній русской словесности и иностранныхъ сочиненій, имѣющихъ какое-либо значеніе для Россіи или въ общей исторіи просвѣщенія.

7. **Политическій отдѣлъ.** Обозрѣніе политическихъ событій и статьи по вопросамъ, сюда относящимся.

8. **Обозрѣніе** замѣчательныхъ явленій въ наукахъ, искусствахъ, религіозной, государственной, общественной, торговой, промышленной и вообще экономической жизни, какъ въ Россіи и славянскихъ земляхъ, такъ и у иноплеменныхъ народовъ.

9. **Смѣсь.** Статьи разнаго рода, извѣстія по части словесности, наукъ, искусствъ, торговли, сельскаго хозяйства и проч.

10. **Библіографія.**

„Бесѣда" выходитъ каждый мѣсяцъ книжками отъ восьмнадцати до тридцати печатныхъ листовъ, въ первой половинѣ мѣсяца.

Подписная цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ двѣнадцати книжекъ, въ Москвѣ безъ доставки 15 руб., съ доставкою на домъ и во всѣ мѣста Имперіи 16 руб. 50 коп; за полгода, или за 6 книжекъ, безъ доставки, 7 руб. 50 коп., съ доставкой и пересылкой 9 руб.— Заграничные подписчики приплачиваютъ къ 15 руб.: для Австріи и Германіи—3 руб., для Франціи—5 руб., для Англіи и Турціи—6 руб.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи (1-я **Мѣщанская,** домъ Козлова), въ главной конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ **И. Г. Соловьева** (Страстной бульваръ) и въ книжныхъ магазинахъ: **А. И. Глазунова** (Кузнецкій мостъ), **М. О. Вольфа** (Кузнецкій мостъ), **М. М. Черенина** (уголъ Рождественки и Софійки). **Въ С.-Петербургѣ:** въ главной конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. Базунова** (Невскій проспектъ) и въ книжномъ магазинѣ **Я. А. Исакова** (Гостиный дворъ).

Иногородные подписчики обращаются исключительно въ редакцію журнала, надписывая свои требованія такъ: въ редакцію журнала «Бесѣда», Москва, на углу Садовой и 4-й Мѣщанской, домъ Пятницкой.

Лица, желающія получать журналъ съ пересылкою за границу, обращаются или прямо въ контору редакціи, или къ Я. А. Исакову въ С.-Петербургѣ, и И. Г. Соловьеву, въ Москвѣ. Можно получать журналъ также чрезъ заграничныхъ книгопродавцевъ: Герольда въ Вѣнѣ, Ашера въ Лондонѣ и Берлинѣ и Штейгера въ Нью-Йоркѣ.

О перемѣнѣ адреса редакція проситъ сообщать заблаговременно, съ обозначеніемъ послѣдне-полученной книжки и прежняго мѣста полученія.

Digitized by Google

Редакторъ-издатель **С. А. Юрьевъ.**

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

JUL 5 — 1955

Digitized by Google

Digitized by Google